НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А.М.ГОРЬКОГО

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

Серия основана в 1931 году
И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙНОМ И С. А. МАКАШИНЫМ

ТОМ СТО ПЕРВЫЙ
В ДВУХ КНИГАХ

ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2 · 0 · МОСКВА · 0 · 0

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО

НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

КНИГА ВТОРАЯ

Ответственные редакторы

К.П.БОГАЕВСКАЯ, О.Е.МАЙОРОВА, Л.М.РОЗЕНБЛЮМ

ИМЛИ РАН, «НАСЛЕДИЕ»
2 · 0 · МОСКВА · 0 · 0

Рецензенты

Л.Д.ГРОМОВА-ОПУЛЬСКАЯ, В.А.ТУНИМАНОВ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 98-04-16274

ГОД ИЗДАНИЯ СЕМИДЕСЯТЫЙ

ISBN 5-9208-0051-8

ПУБЛИЦИСТИКА ЛЕСКОВА

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО АРХИВА
СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ИЗ ГЛУХОЙ ПОРЫ

ПЕРЕПИСКА ДМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА ЖУРАВСКОГО И ДВА ПИСЬМА ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА НАРЫШКИНА. 1843 — 1847

Предисловие, публикация и комментарии Н.И. Озеровой

Публикуемая рукопись представляет собой снабженную обширным комментарием Лескова переписку известного статистика Дмитрия Петровича Журавского (1810–1856), с которым будущий писатель познакомился в молодые годы в Киеве. В "Автобиографической заметке" Лесков упоминал имя Журавского среди тех, кто оказал на него серьезное влияние (XI, 17). Сын писателя называл Журавского одним из тех "добрых людей", о которых его отец «хранил благоговейную память, считал их своими наставниками, зародившими в нем духовные интересы, жажду знания, обратившими его "к солнцу", к свету»[1].

В конце 1860-х — начале 1870-х годов Лесков создал яркие портреты исторических деятелей в очерках "Популярные русские люди", "Загадочный человек" и др. В один ряд с этими произведениями можно поставить и очерк "Из глухой поры"

Лесков всегда отстаивал мысль о том, что русское общество нуждается прежде всего в практических деятелях. Журавский представлялся Лескову именно таким человеком. Писатель бережно хранил его письма и не раз предлагал их различным журналам. Уже во вступлении он буквально по пунктам перечислил то, что привлекало его в Журавском: благородный характер, энтузиазм, способность противостоять судьбе.

Знакомя читателя с этими письмами, Лесков снабдил их обширным комментарием, часто по-своему расставляя акценты, а в некоторых случаях даже редактируя текст. Правка писателя продиктована стремлением придать Журавскому черты праведника: Лесков вычеркивал фрагменты, которые могли дискредитировать героя. В итоге повествование ведется как бы в два голоса, и фигура Журавского приобретает некоторую двойственность: это и реальное лицо, и созданный Лесковым герой.

В комментариях на первый план выходит тема "странной судьбы" честного и деятельного человека, который печется об общественном благе и трагическим образом оказывается не нужен обществу. Эта тема объединяет очерк с хрониками "Соборяне" и "Захудалый род", где она является одной из важнейших. Прежде всего Лесков стремился показать взаимное непонимание Журавского, который хотел преобразовать быт крестьян, и владельца имений, где Журавский служил управляющим,— графа Л.А.Нарышкина[2].

Первая часть очерка — это письма Журавского из имения Нарышкина, вторая — письма Журавского из Киева. Адресат всех писем — Н.В.Веригин[3], управляющий тамбовскими имениями Нарышкиных. Ответные письма не сохранились.

История создания очерка до сих пор не привлекала внимания специалистов, хотя представляет немалый интерес.

Работая над ним, Лесков использовал бумаги Д.П.Журавского, сохраненные Н.В.Веригиным, который в середине 1840-х годов принял от Журавского управление имениями Л.А.Нарышкина. Время передачи этих бумаг устанавливается по письму Лескова к И.С.Аксакову от 23 декабря 1875 г., где сообщалось, что документы получены в то время, когда был основан журнал "Беседа", т.е. в конце 1870 или в начале 1871 г. (см. X, 371). Об этом же свидетельствует и указание в рукописи, что прошло четырнадцать лет после смерти Д.П.Журавского, т.е. с 1856 года.

Лесков получил в свое распоряжение письма Журавского к Веригину, его переписку с Л.А.Нарышкиным и с графом Л.А.Перовским[4], заметки Журавского и составленную им в 1840-е годы записку "О крепостных людях и средствах устроить их положение на лучших началах", о которой Лесков упоминал также в хронике "Захудалый род" (см. V, 162). В архиве Лескова среди сохранившихся бумаг Журавского эта записка, к сожалению, не обнаружена[5].

Согласно летописи жизни Лескова, составленной С.П.Шестериковым[6], рукопись очерка "Из глухой поры. Переписка Дмитрия Петровича Журавского и два письма Льва Александровича Нарышкина (1843–1847)" была передана писателем С.А.Юрьеву, издававшему тогда журнал "Беседа", в первых числах марта 1871 г.

Выехав 9 марта из Петербурга в Москву, Лесков вез с собою рукопись "Божедомов" для "Русского вестника" М.Н.Каткова и очерк о Журавском для журнала "Беседа". Однако очерк не появился ни в "Беседе", ни в других изданиях.

Лесков подробно рассказывал о работе над ним И.С.Аксакову в письме от 23 декабря 1875 г.: «Журавского мне было не дивно обрисовать,— я его тоже знал, и он едва ли не первое живое лицо, которое во дни юности моей в Киеве заставлял меня понимать, что добродетель существует не в одних отвлечениях. Статью Юрия Федоровича о Журавском я отлично знаю[7] и пользовался ею для составления очерка о Журавском при основании журнала, который направляли Юрьев и Майков[8]. Мне в то время были присланы Веригиным письма Журавского к Веригину, к Нарышкину и к Перовскому — письма, в высшей степени интересные для определения характера времени и выражения освободительных идей покойного Дмитрия Петровича. Тут же находятся спокойные, но меткие аттестации, положенные Журавским Нарышкину и Перовскому. Все это я собрал, переписал и, приведя в начале статьи слова Ю.Ф.Самарина о значении Журавского, послал мою статью в "Беседу" Юрьева. Мне казалось, что этой "Беседе" очень бы хорошо договорить по вновь открывшимся материалам то, что было не договорено Ю<рием> Ф<едоровичем> вскоре после смерти Журавского <...> Однако Майков или кто-то другой <...> посоветовали не заниматься такими мелочами, как Журавский — борец-де только за права человека в России, в самую глухую пору, и Юрьев рассудил за лучшее сначала отложить, а потом совсем потерять мою статью... Дивными путями Писемский как-то проник, где ее надо было искать, и прислал ее мне уже гораздо после прекращения кошелевской или юрьевской "Беседы". Потом эти письма ездили к П.И.Бартеневу[9], и его они тоже не заняли: никакого эффекта нет. Жертвовал я их и Семевскому[10],— тому велики очень (их будет листа на 3). Теперь просит их у меня Шубинский[11], который заводит старину с портретами, но где же взять портрет Д.П.Журавского? У меня нет его портрета. Нет ли у Юрия Федоровича? Какое бы доброе дело он сделал, если бы, имея таковой, ссудил им на время: а то земля русская дала бедняку Журавскому три аршина, а русская литература не хочет дать трех листов для того, чтобы сберечь самые задушевные слова превосходнейшего из людей» (X, 371–372)[12].

Сведения, содержащиеся в этом письме, позволяют датировать публикуемый очерк концом 1870 или началом 1871 г., когда начала выходить "Беседа" С.А.Юрьева[13].

Чтобы прокомментировать отношение писателя к Журавскому, следует обратиться к биографии ученого.

Дмитрий Петрович Журавский родился в 1810 г. в Могилевской губернии. Он рано потерял родителей. Воспитывался в Первом Кадетском корпусе. По выходе из

корпуса в чине подпоручика артиллерии он оставался на военной службе. Во время польского восстания находился в действующей армии и отличился при взятии Варшавы. По окончании войны перешел на гражданскую службу и принимал участие в составлении свода военных постановлений под руководством М.М.Сперанского. Имел чин титулярного советника и был награжден орденом Св. Станислава[14].

За подписью Журавского в "Энциклопедическом лексиконе" А.А.Плюшара было напечатано более 20 статей, посвященных географии зарубежных стран, военному делу, российским государственным учреждениям. Самой значительной среди них была статья "Дворянство"

Удачно складывавшаяся карьера оборвалась со смертью Сперанского в 1839 г. По неясным причинам Журавский перешел в Министерство государственных имуществ и поселился в Каменец-Подольске, а оттуда переехал в Одессу. Здесь он познакомился с Л.А.Нарышкиным, который пригласил Журавского путешествовать за границу — в Париж и Вену, а потом доставил ему место в штате канцелярии Главного директора комиссии финансов и казначейства Царства Польского. Два года прожил Журавский в Варшаве (1841 и 1842), занимаясь финансовыми вопросами.

А в 1844 г. Л.А.Нарышкин предложил ему управлять его Балашовским имением в Саратовской губернии, в котором было более 6 тысяч крестьян. Журавский взялся за улучшение их быта. В 1845 г. он оставил обязанности управляющего, снял в аренду под Киевом небольшой хутор и в этом уединении написал свое первое серьезное исследование "Об источниках и употреблении статистических сведений" (Киев, 1846). Журавский издал его за свой счет и был огорчен тем, что книга не стала практическим руководством для изменения общей системы российской статистики.

Вскоре после выхода в свет этого сочинения Журавский был назначен чиновником для особых поручений при киевском губернаторе И.И.Фундуклее[15], а в 1847 г. был выбран членом Русского географического общества. С этого времени, не оставляя службы при киевском губернаторе (с небольшим перерывом в начале 50-х годов), он стал постоянным секретарем статистического отделения Комиссии для описания губерний Киевского учебного округа при Киевском университете.

В 50-е годы Журавский создал основной свой труд — "Статистическое описание Киевской губернии"[16], состоящий из четырех частей и включающий обозрение населенных мест, путей сообщения, сельского хозяйства, поземельной собственности, промышленности, торговли, местного управления и правительственных учреждений.

Ю.Ф.Самарин, знавший Журавского с 1850 г., был поражен тем, какую тот проделал колоссальную работу. В воспоминаниях о Журавском Самарин писал: "Когда я с ним познакомился, Журавский, по поручению губернатора, занимался составлением подробной статистики Киевской губернии, и, кажется, на другой же день после первой нашей встречи, он сообщил мне в рукописи три первые, уже вполне оконченные части, то есть бóльшую половину своего сочинения. Мне принесли три фолианта, и признаюсь, хотя я многого ожидал от автора книги об источниках статистики, но этот новый труд его далеко превзошел все мои ожидания. Прежде всего меня поразил самый труд своею громадностью. На каждой странице видна была работа каменотеса, кладчика и архитектора. Тяжесть, от которой отступилась бы целая комиссия, он поднимал один на своих плечах"[17].

Тяжелая работа подорвала здоровье Журавского; весной 1852 г. он вынужден был оставить службу и осенью этого же года уехал в Крым. В 1854 г. Журавский вернулся в Киев. В последние годы жизни он продолжал выполнять обязанности ученого секретаря статистической комиссии при университете святого Владимира.

Журавский был выдающимся ученым и много сделал для того, чтобы российская статистика обрела статус научной дисциплины. Но не только этим он привлек внимание Лескова. Журавский был убежденным противником крепостного права, в котором видел источник нравственной деградации общества. Ю.Ф.Самарин вспоминал такие слова Журавского: "У нас одни привыкли располагать чужим бесплатным трудом, а другие привыкли трудиться для чужой корысти"[18].

Не обладая ни влиятельным положением, ни значительными денежными средствами, он действовал как частный человек весьма активно. Один из его душеприказчиков, Г.П.Галаган[19], писал Ю.А.Самарину: "Отказывая себе во многом из того, что считается в нашем кругу почти необходимым, живя как нельзя более скромно, с женою, во всем разделявшею его образ мыслей и его убеждения, он, что мог, откла-

дывал из своих скудных доходов и употреблял на выкуп дворовых людей. Таким образом, при свойственном ему постоянстве в усилиях, ему удалось выкупить более десяти семейств. В последнее время жизни он задумал и написал проект учреждения общества для той же цели, но, разумеется, в более широких размерах, и завещал по смерти своей жены весь накопленный им капитал и все небольшое состояние его положить на основание этого общества, а если оно не состоится, то употребить на выкуп дворовых людей обыкновенным порядком"[20].

По свидетельству Ю.Ф.Самарина, за год до смерти Журавский подготовил "Проект учреждения общества для выкупа дворовых людей, не приписанных к имениям", но организовать такое общество ему не удалось. Согласно специальному письму Журавского, определенный капитал после его смерти и смерти жены был отдан в распоряжение душеприказчиков с тем, чтобы продолжать выкуп дворовых[21]. Как вспоминал Г.П.Галаган, когда Журавский умер, "за гробом его шло несколько бедных людей в слезах. По расспросам оказалось, что это были выкупленные им дворовые"[22].

Независимая позиция Журавского, его благородство и доброта в сочетании с неординарным характером и образом жизни заинтересовали Лескова. В поведении Журавского писатель видел привлекавшее его скромное подвижничество. Судьба Журавского была примером того, что может сделать при твердости характера и убеждений отдельный человек для пользы общества даже в "глухую пору" Возможно, фигура Журавского интересовала Лескова еще и потому, что характер ученого, его манера поведения и даже внешность находились в странном противоречии с душевной добротой и чуткостью. Вот как писал о Журавском Ю.Ф.Самарин: «Личность Журавского не имела ничего привлекательного. Блуждающий взгляд, сжатые губы, желчный цвет лица и впалые щеки, упорная молчаливость и какая-то холодная принужденность в обращении, все это с первого раза обрисовало перед вами образ человека, ближе знакомого с горечью жизни, чем с ее радостями и, по-видимому, навсегда заключившегося в самом себе. При ближайшем знакомстве вы открывали под этою неприветливою наружностью высокую добросовестность, ничем не подкупную правдивость, редкое бескорыстие и теплое участие ко всем страждущим; но все его душевные качества были в нем глубоко затаены; по недоверчивости, сдерживавшей их обнаружение, можно было угадать, что в ту пору жизни, когда окончательно определяется внутренняя природа человека, судьба отказала Журавскому в сочувственной среде <...> Он не имел дара снискивать к себе расположение других иначе как своими трудами; улыбнуться в пору, смолчать или похвалить, где нужно, он был решительно не способен, не сумел бы, если бы даже и захотел себя к этому принудить; строгий к себе, он строго судил и других. Ему недоставало того снисходительного добродушия, которое так неисчерпаемо находчиво на извинения всякого рода, так мастерски сливает полутенями резкие противоположности добра и зла — этого свойства, разлитого у нас повсеместно и составляющего нравственную основу нашего общежития. Понятно, что при этом существенном недостатке, самые лучшие его свойства должны были часто обращаться ему во вред. Вообще, он не был рожден для успехов, ни в обществе, ни на службе, и, чувствуя это хорошо, говаривал мне не раз: "Я был бы совершенно доволен, если бы на меня смотрели как на рабочую силу и ценили бы меня в меру моего труда. На это, кажется, я имел бы право, а большего не прошу и не приму. Но я знаю, как это трудно; знаю, что гораздо труднее добиться справедливости, чем милости"»[23]. Внешнюю непрезентабельность и кажущуюся заурядность Журавского подчеркивал часто и Лесков. В "Захудалом роде" о его внешности писатель отзывался так: "Хворый Журавский, со своими длинными золотушными волосами и перевязанным черною косынкою ухом..." (V, 163).

В повести "Смех и горе" Орест Ватажков, от лица которого ведется повествование, рассказывал об одном случае из своей жизни: «...вспомнилось мне, что я художник, и взялся сделать вытравкой портрет Дмитрия Петровича Журавского — человека, как известно, всю жизнь положившего на то, чтобы облегчить тяжелую долю крестьян и собиравшего гроши своего заработка на их выкуп... Как хотите, характер первой величины,— как не передать его потомству? Сделал доску и понес ее в редакцию одного иллюстрированного издания. "Дарю, мол, вам ее — печатайте".

Благодарят: говорят, что им этого не надо: это-де *не интересно*.

— Помилуйте,— убеждаю их,— ведь это человек большой воли, человек дела, а не фарсов, и притом человек, делавший благое дело в сороковых годах, когда почти не было никаких средств ничего путного делать.

— А его,— спрашивают,— повесили или не повесили?

— Нет, не повесили.

— А он из тюрьмы не убежал?

— Он и в тюрьме-то вовсе не был: он действовал законно.

— Ну, так уж это,— отвечают,— даже и совсем не интересно» (III, 558).

Именно в то время, когда писались эти строки (конец 1870 — начало 1871 г.), Лесков пытался отдать в печать очерк "Из глухой поры"

Хотя особенно часто Лесков обращался к судьбе и личности Журавского в конце 1860-х и начале 1870-х годов, вспоминал его писатель и позже ("Загон", 1881; "Фигура", 1889). В зависимости от общего замысла Лесков мог назвать Журавского "скромным губернским чиновником, занимавшимся статистикой", подчеркивая его смирение ("Русские общественные заметки", 1869), и "известным русским аболиционистом", напоминая о значительности его начинаний ("Фигура"). Но при этом неизменно Журавский упоминался как человек, способный совершать добрые поступки, идущие вразрез с рутинным течением жизни.

Наиболее развернутую характеристику Журавского Лесков дал в "Русских общественных заметках" (1869): «Дмитрий Петрович Журавский, живший до восшествия над курною Русью предрассветной зари 19 февраля, не мог сносить крепостного состояния (внушавшего столь высокие чувства у нас Марку Вовчку, а на другом материке Бичер Стоу); Журавский <...> держался преступной мысли во что бы то ни стало освободить крепостных людей, выкупив их из-под охраняемого законом помещичьего права. Статистик Журавский высчитал, что это возможно не Бог весть в какой продолжительный срок, если все люди, говорящие о добре, действительно проникнутся добром и станут копить на выкуп крестьян те лепты, которые каждый за удовлетворением насущных своих потребностей тратит из своего заработка на пустяки и вздоры. Расчет был с одной стороны верный. И действительно, задайся идеею Журавского все, кто воздыхал над "Крещеною собственностью" Искандера или "Катрею" Шевченки, расчет этот мог бы быть и оправдан. Но осуществителей этих идей явилось гораздо меньше, чем мог предполагать инициатор этого дела. За аккуратнейшую экономию в пользу освобождения крестьян взялся сам покойный Журавский да... жена его. Воодушевленные своею высокою задачей, они жили без скаредства, но соблюдая каждый грош, который можно было соблюсти, и, когда Дмитрий Петрович скончался в 1856 году, он оставил капитал, завещанный им на выкуп двадцати человек, наиболее несчастных и наиболее достойных крепостных людей. Разумеется, пойди по следам Журавского многие — явилось бы нечто, столь внушительное, что его нельзя было бы спрятать; но других подражателей деятельности Журавского не откликнулось, а теперь они уже и не нужны»[24].

Как цельная натура, личность внутренне благородная, хотя внешне и непривлекательная, Журавский появляется на страницах хроники "Захудалый род". Главная героиня, княгиня Варвара Николаевна Протозанова, советуется с ним, кого взять в наставники своим сыновьям. Здесь Журавский предстает как человек, действующий по христианским законам и по законам чести. При этом Журавский меньше всего склонен к внешним эффектам и не ждет никакой помощи извне.

Достаточно точно причину интереса Лескова к Журавскому указал Р.И.Сементковский во вступительной статье к Полному собранию сочинений Лескова: «Общение с ним было ему особенно дорого не только потому, что тот постоянно мечтал об улучшении участи крестьян, к страданиям которых Лесков так близко присмотрелся в дни своего детства, но и потому еще, что Журавский по образу мыслей близко подошел к идеалам, носившимся уже тогда в голове Лескова. Журавский не особенно жаловал людей "слишком возвышенных", т.е. таких, которые, "имея высокие идеалы, ничего не уступают условиям времени и необходимости" ("Захудалый род"). Он думал, что надо считаться с условиями, не задаваться слишком широкими планами, чтобы не компрометировать дела, которому служишь. Большой идеалист по существу, Журавский старался быть практиком, и это его настроение, по-видимому, особенно пришлось по душе Лескову»[25].

* *

Очерк печатается по автографу, хранящемуся в *РГАЛИ* в фонде Лескова (Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 111).

Рукопись представляет собой тетрадь объемом в 76 листов. На обложке тетради рукой неустановленного лица написано: "Переписка Дмитрия Петровича *Журавского* и два письма Льва Александровича *Нарышкина*, касающиеся личности Журавского. 1843—1847 годы.— Сообщено Ник.Сем.Лесковым (Стебницким)" На первой странице — другое, окончательное заглавие очерка, вписанное рукой Лескова.

Очерк состоит из писем, снабженных вступлением и комментариями Лескова, которые печатаются под строкой. Пояснения Лескова, сделанные непосредственно в тексте публикуемых писем, набраны курсивом. Письма Журавского скопированы неизвестной рукой. Весь текст Лескова, включая эпиграф и редактуру писем,— автограф писателя.

Вместе с тетрадью хранится отдельный небольшой (несколько меньше тетрадного) лист плотной желтоватой бумаги с обрезанными краями (л. 77), на котором рукой Лескова написана заключительная часть комментария к письмам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 123.

[2] Лев Александрович *Нарышкин* (1785—1846) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Военного совета.

[3] Николай Викторович *Веригин* (1796—1872) — в то время, к которому относится переписка, управлял обширными имениями Э.Д. и Л.А.Нарышкиных в Тамбовской губернии. В 1892—1893 гг. в журнале "Русская старина" были напечатаны его автобиографические "Записки" (*PC.* 1892. № 10. С. 45—80; № 11. С. 294—314; 1893. № 2. С. 405—447; № 3. С. 579—615; № 4. С. 107—146; № 7. С. 150—174).

[4] Лев Алексеевич *Перовский*, граф (1792—1856) — сторонник ликвидации крепостного права, с 1841 г. министр внутренних дел, с 1852 г. министр уделов.

[5] В разных источниках "записка" названа по-разному (см.: V, 162; *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 429; *Птуха М.В.* Дмитрий Петрович Журавский. 1810—1856. Жизнь, труды, статистическая деятельность. М., 1951. С. 26). Видимо, именно эта "записка" упоминалась в статье газеты "Киевлянин" "О стипендиатах Журавского": "Одним из результатов его занятий по крестьянскому вопросу было представленное им рассуждение по конкурсному вызову, сделанному в 1842 г. со стороны Ученого комитета государственных имуществ" (Киевлянин. 1869. 26 апр.).

"Записка" находилась одно время у Лескова. В хронике "Захудалый род" он писал: "Журавский, посвятивший крестьянскому вопросу всю свою жизнь и все средства, никогда в лучших своих мечтах не дерзал проектировать так, как это сделалось <...> Великодушный человек этот соглашался еще оставить крестьянина помещичьим работником, но только не рабом.

По крайней мере так писано в заготовленной Журавским правительству выписке, которая ныне вместе с другими бумагами покойного хранится у того, кто пишет эти строки. Журавский не мечтал об освобождении крестьян иначе как с долговременною подготовительною полосою, доколе крестьянин и его помещик выправятся умственно и нравственно" (V, 162). В отдельном издании "Захудалого рода" (1875) этот фрагмент сопровождался авторским примечанием: "Все это значится в бумагах покойного Журавского, подаренных мне И.П.Веригиным и ныне составляющих мою собственность. Со временем по ним может быть составлен полный живого интереса очерк личности Журавского и его благороднейших забот о крепостных людях" (*Лесков Н.С.* Захудалый род. СПб., 1875. С. 276; кто такой И.П.Веригин, установить не удалось, возможно, в издание 1875 г. вкралась ошибка и на самом деле имелся в виду Н.В.Веригин).

[6] Приношу глубокую благодарность К.П.Богаевской за разрешение ознакомиться с этой неопубликованной работой С.П.Шестерикова.

[7] Имеются в виду воспоминания Ю.Ф.Самарина о Журавском, помещенные в журнале "Русская беседа" в 1857 г. (Кн. 6. Раздел VI. С. 1—16).

[8] Речь идет о "Беседе". Аполлон Александрович *Майков* (1826—1902), филолог, публицист, двоюродный брат поэта.

[9] Т.е. были предложены в "Русский архив", издававшийся П.И.Бартеневым (1829—1912).

[10] Т.е. издателю "Русской старины" М.И.Семевскому (1837—1892).

[11] Сергей Николаевич *Шубинский* (1834—1913), в то время редактор ежемесячного исторического сборника "Древняя и Новая Россия" (1875—1881).

[12] К судьбе очерка Лесков возвращался и в других письмах к Аксакову (см. X, 374—375).

[13] Однако Лесков уже раньше обращался к памяти Журавского. В 1869 г. в "Русских общественных заметках" он поставил рядом два имени: статистика Дмитрия Петровича Журавского

и петербургского священника Александра Васильевича Гумилевского, основавшего приют и школу для детей и богадельню для стариков (*Бвед.* 1869. 21 сент.).

[14] Богатый биографический материал о Журавском собран в указанной выше монографии М.В.Птухи (см. примеч. 5).

[15] Иван Иванович *Фундуклей* (1804–1880) — киевский губернатор в 1839–1852 гг., основатель первой в России женской гимназии (Фундуклеевское женское училище). И.И.Фундуклей принимал непосредственное участие в составлении двух томов "Обозрения Киева и Киевской губернии по отношению к древностям" (Киев, 1847), а также в сочинении "Обозрения могил, валов и городов Киевской губернии" (Киев, 1848).

[16] Другие труды Д.П.Журавского: "План статистического описания губерний Киевского учебного округа: Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской" (1851), "О кредитных сделках в Киевской губернии" (1856).

[17] Русская беседа. 1857. Кн. 6. Раздел VI. С. 8–9.

[18] Там же. С. 10.

[19] Григорий Павлович *Галаган* (1819–1888) — земский и общественный деятель, с 1848 по 1851 г. предводитель дворянства Борзненского уезда Черниговской губернии, с 1851 по 1854 г. — совестный судья той же губернии. Другим душеприказчиком Журавского был Василий Васильевич *Тарновский* (1810–1866) — помещик Черниговской губернии, владелец имения Каченовка. О нем Лесков упоминал в заметке "Забыта ли Тарасова могила" (см. XI, 32) и называл "старым Каченовским паном" В Каченовке в разное время бывали Шевченко, Глинка, Гоголь, Марко Вовчок и многие другие писатели, художники, музыканты. В.В.Тарновский окончил Московский университет. Был автором очерка "Юридический быт Малороссии" (Юридические записки. 1842. Т. 2. С. 30–48). Его имя упоминает в своих показаниях по делу о Кирилло-Мефодиевском обществе Н.И.Костомаров (см. Кирило-Мефодіівське товариство. Київ, 1990. Т. 1. С. 276 и 499). И Тарновский, и Галаган были близки к Кирилло-Мефодиевскому обществу (1846–1847). См.: *Зайончковский* П.А. Кирилло-Мефодиевское общество. М., 1959.

[20] Русская беседа. 1857. Кн. 6. Раздел VI. С. 15.

[21] До отмены крепостного права капитал не был употреблен, а позже процентные бумаги на сумму 10250 рублей были переданы в распоряжение управления Киевского учебного округа на содержание в ремесленных училищах детей крестьян Киевской, Подольской и Волынской губерний, преимущественно из безземельных. См. об этом: По поводу стипендий Д.П.Журавского // Киевлянин. 1869. 26 апр.; *Птуха М.В.* Указ. соч. С. 35.

[22] Русская беседа. 1857. Кн.6. Раздел VI. С. 16.

[23] Там же. С. 7–8.

[24] *Бвед.* 1869. 21 сент.

[25] *ПСС.* Т. 1. С. 16–17.

ИЗ ГЛУХОЙ ПОРЫ

Переписка Дмитрия Петровича Журавского и два письма Льва Александровича Нарышкина (1843–1847)

Справедливости гораздо труднее добиться,
чем милости.

Журавский

Дмитрий Петрович Журавский, скончавшийся в Киеве в 1856 году, известен русской публике, во-первых, по двум его сочинениям: 1. "Об источниках и употреблении статистических сведений" и 2. "Статистика Киевской губернии", а во-вторых, по его заботам об улучшении быта крепостных людей в то время, когда у нас об этом наименее заботились. Первое из упомянутых сочинений Журавского, вышедши в свет в 1846 году, сразу дало автору очень почетное имя в ряду талантливых, добросовестных и смелых тружеников науки в России. Труд этот, непозабываемый учеными людьми и поныне, конечно, еще долгое время будет предметом внимания людей, посвящающих себя изучению той отрасли науки, которой он касается. Литература русская в свое время выразила довольно обстоятельные суждения об этом труде, но не открыла в нем одного: не открыла его настоящего характера, не открыла *духа*. Говоря это, мы

опираемся на свидетельство самого покойного Журавского, который в одном из ниже помещаемых его писем сетует, что журналисты смотрят на его сочинение как на произведение *научное*, тогда как самое главное в нем есть его *политическое* содержание. В самом деле, труд этот, интересный в научном отношении, имеет такие касательства к вопросам политического свойства, что и в настоящее время, когда положение литературы относительно гораздо свободнее, нельзя достойно надивиться, что сочинение Журавского в сороковых годах не было отмечено общим вниманием со стороны чистоты и смелости его суждений.

Возвращаться к пересмотру этого достопочтенного и очень смелого для своего времени труда не наше дело, да, может быть, теперь это было бы уже и несвоевременно, но частная жизнь автора этой книги, никогда никем не раскрытая в такой подробности, с какою раскрывают ее собственноручные письма Дмитрия Петровича Журавского, имеет несомненный и большой интерес для русских людей самых разнообразных общественных положений.

Некрологи, напечатанные о Д.П.Журавском тотчас после его кончины, чрезвычайно кратки и вовсе не касаются той поры его жизни, к которой относятся предлагаемые письма, т.е. не касаются самой глухой поры — *сороковых годов*.

Наилучшая статья о Журавском принадлежит перу Ю.Самарина, который по приглашению "Русской беседы" напечатал во II томе этого журнала за 1857 год свои воспоминания о Журавском, но в этих воспоминаниях почтенный автор говорит, что он "мало знал об этой достопримечательной личности"[1] и даже полагал, что, "кроме жены Журавского, едва ли кто-нибудь находился с ним в постоянных и близких сношениях"[2].

Но вот прошло четырнадцать лет, и откликается человек, который пользовался не только расположением, но и дружбою Журавского, и он-то позволяет нам заглянуть в сокровенная этой закрытой души.

Для тех, кто не знал или позабыл покойника, напоминаем вкратце его историю.

Дмитрий Петрович Журавский, уроженец Могилевской губернии, воспитывался в Первом кадетском корпусе, служил по военной и по гражданской службе, по которой, конечно, мог бы составить себе очень выгодную карьеру, потому что, будучи приглашен М.М.Сперанским к сотрудничеству по составлению свода законов, он приобрел себе полное внимание и благорасположение и был удерживаем Сперанским на службе, но по неодолимой нелюбви к тогдашней казенной службе ушел с нее, как только окончилось составление законов. Потом он редижировал[1*] отдел энциклопедического словаря у Плюшара, который не расчелся с Журавским за эту работу. Тогда покойный редактор "Библиот<еки> для чтения" Сенковский (Барон Брамбеус) предложил Журавскому принять от него журнал и продолжать его издание при содействии Смирдина, но Журавский, долго об этом думав, отказался от выгодного предложения Сенковского. Поводом к этому отказу были наши искони жестокие литературные нравы. Н.В.Веригин свидетельствует, что причиною отвращения покойного Журавского от занятий литературою были "ссоры журналистов между собою, их корыстность, злобность и площадная брань и нелюбовь литераторов между собою" Таким образом, не устоявшись ни в военной, ни в гражданской службе и страшась посвятить себя прямо литературной деятельности, Журавский попал с этих трех дорог на четвертую, по которой тоже ушел недалеко. Он управлял населенными имениями Льва Александровича Нарышкина в Саратовской губернии. Предлагаемая переписка Журавского вся шла с

[1*] От rediger (*франц.*) — составлять, излагать письменно (*примеч. ред.*)

его другом Николаем Викторовичем Веригиным, управлявшим имениями Нарышкина в Тамбовской губернии. Переписка эта обнимает собою старину очень не старую, именно 1844—1847 годы, которые у нас небезосновательно принято называть "*глухими годами*", годами недавними, но темными, из которых мы в иных отношениях знаем гораздо меньше, чем "из времен Очакова и покоренья Крыма"[3]. Переписка Журавского начинается в принадлежавшем усопшему Льву Александровичу Нарышкину селе Завьялове, а оканчивается письмами из Киева, за девять лет до смерти автора. В этой переписке с полнотою, ясностью и отчетливостью выражаются: 1. личный характер покойного Дмитрия Петровича Журавского, не избежавшего, несмотря на всю его большую доброту, чистосердечие и скромность, порицаний, на которые обыкновенно столь щедры все люди, достойные сугубых порицаний; 2. его замыслы, планы и предложения насчет облегчения быта крепостных людей и перевода их постепенно из крепостной зависимости на волю, что имеет огромный интерес для характеристики горсти благородных людей "глухой поры", хлопотавших "о праве бесправных" и слывших за то "опасными мечтателями"; 3. невозможность примирения тогдашних требований помещиков с какими бы то ни было попытками улучшения крестьянского быта и собственные взгляды крестьян на освобождение их посредством добровольных соглашений с помещиками и выкупа при содействии казны; 4. из второй половины писем (писанных Журавским из Киева) раскрывается картина тягостных нуждательств этого талантливого и добросовестного труженика и странная судьба, в силу которой высокопоставленные лица в России не достигают успеха помочь работе честных деятелей даже тогда, когда, по-видимому, желают считать такую работу полезною и нужною; 5. письма Журавского выясняют в его судьбе судьбу многих литературных людей, имевших девизом "отойди от зла и сотвори благо" Д.П.Журавский при жизни его от многих и весьма многих был почитаем человеком странным, неуживчивым и даже несносным и во всяком случае очень тяжелым. Этому нимало не противоречат приведенные выше воспоминания Ю.Ф.Самарина, который между прочим писал: "Мы все ценили его как-то равнодушно и холодно. По крайней мере во мне воспоминание о Журавском неразлучно с тайным упреком совести" (Р<усская> беседа. 1857 г. Т. II. Биография Журавского, стр.2). Другие относились к покойному даже не так, как Ю.Ф.Самарин. Самые благородные поступки покойного труженика часто получали недостойнейшие истолкования, уклончивость его от сближения с людьми непрямыми и неискренними и чуждательство их ему вменяемо было в хитрость, которой у него не было, его совершенное пренебрежение к злословию и клеветам нередко принималось за несостоятельность опровергнуть их, тогда как равнодушие к клеветам и злословию у Журавского истекало из чистейшего источника — из сознания своей правоты и из великого безграничного его снисхождения к достойной сожаления склонности человеческой навязывать ближнему самые низменные страсти и побуждения собственной натуры. В предлагаемых письмах есть блистательный образчик подобной системы действий со стороны некоторых людей, откидывавших на Журавского собственную тень. Это единственное письмо, в котором Журавский оправдывается, но и то оправдывается не по собственному побуждению, а по просьбе Нарышкина.

Письма Журавского, впрочем, нимало не опровергают сложившихся у многих людей убеждений насчет "странности" покойного писателя, но зато проливают свет во святая святых честной души его, не искавшей ни оправданий от клевет, ни признания заслуг его, за которые он хотел только скромного хлеба, необходимого для продолжения работы. Честные труженики русской литературы, доля которых всегда была тяжка и сурова, конечно, увидят в заду-

шевных воздыханиях Журавского много каждому из них знакомых скорбей и, может быть, в сем образе страдания черпнут живой струи, властной хотя на несколько часов облегчить болезни унижения и беспомощности, составлявшие доселе удел русского писателя, работающего на пользу родины по велению своего разума, совести и чести, а не под диктовку вершащих по-своему и времена и деяния. И, наконец, 6. два письма покойного Льва Александровича Нарышкина, помещаемые здесь в своем месте между письмами Д.П.Журавского, которые они восполняют и уясняют, покажут образец некоторых затруднений, не дозволявших покойному Журавскому избавиться от не разлучавшейся с ним при жизни славы "неуживчивого человека", они покажут и многое другое, что не лишено многостороннего интереса.

Все письма Д.П.Журавского печатаются с его собственноручных подлинников. Из двух же писем Льва Александровича Нарышкина, одно (к Веригину) печатается с подлинника, подписанного его собственною рукою, а другое (к Берхгольцу) с копии, заверенной покойным Журавским, сделавшим на этой копии довольно большую собственноручную подпись, приведенную в тексте от слова до слова.

Первое письмо, которое мы ставим, помечено 28 декабря 1843 года, и в нем покойный Дмитрий Петрович уже дает чувствовать, что отношения его к Льву Александровичу Нарышкину были тяжки; вот это письмо:

№ 1

Милостивый государь Николай Викторович, по сю пору не имею никаких известий из Петербурга,— отмалчиваются, не знаю, с какой целью; а между тем ничто так меня не занимает, как развязка; жду ее нетерпеливо, чтобы решиться на что-нибудь, а на что, право, еще сам не знаю. Верно только то, что дальнейшее пребывание в здешней нездоровой пустыне невыносимо и невозможно. Желал бы расстаться с Львом Александровичем Нарышкиным дружески и мирно; так, чтобы он не считал себя обиженным и разоренным от моего удаления; но что-то не верится. Думаю, как скоро он убедится в решительности моего намерения, тотчас охладеет, переменит взгляд на мое управление и усмотрит в нем пропасть недостатков, в чем я и спорить не буду. Не находите странной мою склонность к переменам занятий, потому что по сю пору я в состоянии тяжкого больного, которого нельзя осуждать за частую перемену положений: всячески худо. Рукопись прошу держать сколько угодно, теперь сознаю, что предмет этот, богатый содержанием, не разработан мною вполне, а только обрисован[1*]. Многое можно еще сказать, но признаюсь, не чувствую теперь охоты заниматься посторонними вещами, едва достает время на дела по имению. Однако же прежде выезда желал бы кое-что оставить на память и предполагаю при первом свободном времени заняться тремя предметами: переложением оброчных окладов с душ на земли, определением права собственности крестьян и выпуском дворовых на волю за добрую службу. В свое время я сообщу Вам все мои предположения. Позвольте просить Вас, когда получите из Петербурга какие известия, до меня касающиеся, сообщить мне их, и взаимно я тотчас уведомлю Вас о содержании ожидаемых мною писем. Желая Вам приятных праздников и исполнения самых заветных желаний

[1*] Здесь, как мы увидим, речь идет о проекте улучшения быта крестьян, что покойный Журавский в то время надеялся приложить к делу в имениях Л.А.Нарышкина, вверенных его управлению. Проект этот, как и многие другие свои мысли, Журавский имел обыкновение сообщать на предварительное заключение Н.В.Веригину.

Ваших в будущем году, с истинным уважением и искренней преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Д. Журавский.

№ 2

С. Завьялово. 24 марта 1844 года.

Милостивый государь Николай Викторович. Письмо Ваше от 17 марта много порадовало меня своею откровенностью и дружеским расположением. Я совершенно разделяю Ваше мнение насчет последней перемены в управлении имениями Льва Александровича; мне не следовало давать такой огласки этому делу; она может только отдалить от владельца людей с чувством собственного достоинства. Я поставлен в весьма неприятное положение поручением владельца — принимать управление от Ключникова и проч<их> и обнаружить упущения бывшего управления. Все это стараюсь делать как можно тише, без излишней официальности, как доверенный человек от владельца. Весьма сожалею, что Семен Данилович[4], вероятно, для собственной очистки отнесся ко мне из Земечены[5] на обратном пути формальной бумагой, что он признает нужным, чтобы я обязал Иванова[6] подпиской о невыезде из г. Моршанска впредь до окончания поверки здешнего имения. Для собственной очистки перед владельцем и чтобы после не сложили всего на меня, я должен был отнестись об этом к моршанскому городничему. Все это, признаюсь, мне очень наскучило, не предвидя никакой пользы в преследовании Иванова. По моему убеждению, он вовсе невинен в приписываемых ему злоупотреблениях; он действовал как умел и не должен подвергаться законной ответственности за невольные ошибки в хозяйственных своих соображениях. Вообще, все здешние хлеба очень плохи и добротою и обделкою. Для улучшения их качества я купил в казачьих станицах слишком 200 четв<ертей> весьма порядочной семенной пшеницы, которую посею на лучших землях, это будут семенники имения для обновления зерна; для лучшей обделки хлебов предполагаю устроить по всем экономиям соразмерные с распашкой овины и машины,— и много есть разных предположений об устройстве имения. На днях я изложу их в записках для владельца и прошу у Вас позволить отправить их наперед к Вам для практической оценки. С нетерпением буду ожидать приезда Вашего в здешние стороны и случая познакомиться лично с человеком, которого привык уважать с давних пор[7]. Прошу верить в искреннюю мою преданность, с которой имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Д. Журавский

№ 3

С. Завьялово. 1 мая 1844 года.

Милостивый государь Николай Викторович, не имею никакого положительного сведения, что делается в Ваших сторонах, но думаю, что Вы уже приняли главное управление тамбовскими имениями Льва Александровича, и в таком случае позволяю себе утруждать Вас покорнейшею просьбою сделать распоряжение по официальным бумагам, при сем прилагаемым, и еще, когда будете в Моршанске, употребите влияние Ваше к скорейшему окончанию описи каменных лавок купца Шубина, за неплатеж денег по съему земли, о чем послано все дело к тамошнему городничему в начале прошлого месяца. За ним до 20.000 недоимок. Серебряков тоже не платит; с него следует с лишком 35.000 рублей; на днях начинаю против него иск, чего я желал бы избежать,

потому что слышал о нем хорошие отзывы. Совет Ваш, вероятно, побудил бы его рассчитаться добросовестно, вместо того, чтобы марать себя процессом. Я весь погружен в тяжкий труд устройства имения. Главные основания, на которых предполагаю упрочить будущее его благосостояние, я изложил в записке, представленной мною на утверждение Льву Александровичу. Пользуясь благосклонным обещанием Вашим не оставлять меня добрым советом, я посылаю к Вам копию с этой записки, которую прошу покорно прочитать на досуге и сообщить Ваше мнение о моих предположениях прямо Его Прев<осходительст>ву, а также и мне. Мои намерения чисты, и цель я предположил себе высокую; вместе с тем, я противник постепенных мер и полагаю, что усиленным трудом и меткими распоряжениями можно сделать в один год то же, что постепенностью достигнуть можно в 10 лет. Останется затем упрочивать это огромное здание, которому старался более всего дать прочный фундамент. По прочтении записки покорнейше прошу ее возвратить; есть еще и другие, но по недостатку времени и грамотных людей не могу теперь сообщить их Вам. В это лето все имение должно обстроиться хозяйственными принадлежностями. Предстоит делать 6 новых риг, 6 магазинов, 8 молотильных, 9 веяльных и 9 шашковальных машин, нужные для них приводы, 15 овинов и много исправлений. Все это предполагаю устроить мастеровыми здешнего имения при пособии плотников из имений тамбовских, о чем, вероятно, генерал уже писал в тамошнее управление, и если Вы вступили в заведование им, то сделайте одолжение, сообщите предварительные сведения, сколько таких мастеров (из лучших) может быть отделено в саратовские имения на летние постройки. Они могут отрабатывать, как и здешние мастеровые, старые, безнадежные к взысканию недоимки. В посылаемых бумагах Вы найдете отношение об удовлетворении землемера Лодыги за расхищенное у него в Земечине имущество. Зная, что всякая несправедливость находит в Вас исправителя, позволяю себе надеяться, что Вы не оставите без внимания его претензий и моей покорнейшей просьбы. Свидетельствую глубочайшее уважение и истинную преданность, имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Д.Журавский[1*].

№ 4

С. Завьялово. 3 июня 1844 г.

Милостивый государь Николай Викторович, я имею удовольствие получить два письма Ваши: одно от 22 мая, официальное, на которое замедлил ответом по отсутствию моему из имения, а другое от 7 июня с приложением брульона замечаний Ваших на мои предложения. Начинаю с письма. Действительно, я просил Льва Александровича несколько тому месяцев пособить мне в обстройке имения высылкою из Конебеева оброчных недоплательщиков на отработку, ибо мне известно, что многие из них промышляют на стороне, но отрывать людей от барщины я никогда не имел в мыслях. Впрочем, со времени этого требования, на исполнение которого в свое время я и не рассчитывал, я увидел возможность обойтись собственными средствами и поэтому не обеспокою Вас высылкою плотников; а вперед с каждой несколько важной надобнос-

---

1* На этом письме поперек строки следовала нижеследующая надпись рукою Н.В.Веригина: "И будь Дмитрий Петрович с бойким характером и сильной деятельностью, для которой он слаб здоровьем, тогда это *единственный человек* для управления самыми огромными имениями. Впрочем, и таков, каков он есть, достоин управлять сотнями тысяч". Такая аттестация практического деятеля очень интересна для поверки ею отзывов людей, старавшихся представлять хлопоты Журавского об улучшении быта крестьян "фантазерством"

ти не премину сноситься, согласно с желанием Вашим, прежде частною с Вами перепискою, и начинаю с того, в Земецкой волости есть несколько должностных, принадлежащих по ревизии к здешнему имению; недавно было послано в тамошнюю контору сообщение о высылке их сюда, но теперь представляю это Вашему благоусмотрению: если можно, прикажите выслать, а если нет, так оставить. Вы рассказали мне преудивительную историю об Иванове, он играет в ней роль совершенно согласную со своим характером, но позвольте сообщить Вам замечание, что хотя Вы и слывете человеком с крутым нравом (извините за прямое слово), но участие, которое Вы приняли в положении человека такого разбора, каков Иванов, обнаруживает мягкосердечие, которое и вовлекло Вас в неприятность: от таких зловредных тарантулов надобно держаться подальше. Надеюсь, что теперь Вы успокоились и забыли даже существование этого человека, а чтобы не напоминать о нем далее, позвольте обратиться к полемической переписке о хозяйстве. Повторяю, что я очень признателен Вам за откровенный критический разбор моих предложений, принимаю замечания Ваши с особенным удовольствием и вменяю себе в долг соблюдать в моих пояснениях прямодушие и искренность, приличные характеру нашему. Затем к делу. В записке "О хозяйственном устройстве имения", которую составил в один присест, я упомянул только о главнейших предметах, не объясняя средств исполнения во всех подробностях, которые были бы утомительными для Льва Алекс<андровича>, но Вам надобно знать некоторые из них для полного обсуждения дела. Более всего Вы восстаете против огромного наделения крестьян господскою и мирскою землею и полагаете эту пропорцию превышающею их силу. Но я рассчитывал ее по *силам имения,* между тем как Вы берете в соображение одни лишь *силы крестьян,* силы, конечно, весьма незначительные; это две вещи разные. В пример приведу Вам одно из моих распоряжений. Из сведений за прежние годы я увидел, что почти каждый год оставались совершенно впусте и без дохода по несколько тысяч десятин, а значительное их число могло приносить только самый низкий доход; лишняя земля, которой у Вас не бывает, без сомнения сила, и весьма значительная, ибо дает мне способ содержать без всякой тягости для имения лишних 60 плугов при 500 волах, которые от начала весны и до первых снегов, за исключением времени жатвы, пашут и будут пахать непрерывно; к каждому плугу приставляется один тягловый безлошадный и по одному или по две малолеток. Надеюсь, что это — сила великая, равняющаяся по работе лишним 500 тяглам на трехдневной барщине. Этими плугами пахали и господские и мирские поля; поднимали целины для переселенцев в новых экономиях, надеюсь при их пособии успеть поднять по осени и все будущие яровые поля к 1845 году. При этом сильном пособии каждый тягловый крестьянин действительно обрабатывает собственными силами никак не более 1 3/4 десятины казенной меры. Верность сего расчета оправдывается тем, что и господские, и мирские, и крестьянские яровые поля обсеяны не позже соседних, и многие хлеба на них, т.е. ранние, весьма хорошие, лучше многих окрестных имений, позднейшие же посевы пострадали, как и везде, от засухи, но и они в последнее время весьма поправились. Есть еще и разные другие меньшей важности вспомогательные средства, представляемые большим имением и которыми надобно уметь пользоваться, между прочим — поощрение крестьян к доброй работе справедливым соблюдением дней (*я не брал у них и не возьму ни одного лишнего дня, ни даже с зачетом*), то лыком на лапти, то тем или другим, ибо Вам известно, что дух в крестьянах есть тоже немаловажная сила, которую надо уметь направлять в пользу владельца. Все это относится к настоящему времени, но впредь я имею в виду и другие, запасные средства. Укажу на два: переселение в это имение людей из других имений и пособие искусства. Гораздо легче передвигать людей, нежели

земли. Разделение господских полей в пропорции 3-х десятин на наличное число тягл останется неизменным, между тем как тягла будут постепенно прибывать или естественно, или приселением; на прибылых будет только отводиться душевая и мирская земля, а барщину останутся исправлять на господских полях нынешнего размера. Итак, когда население экономии возвысит от 100 до 150 тягл, то каждому придется отработать по 2 дес<ятины>. С этой целью я оставил на прежних местах излишние избы выселенных крестьян; в них будут помещаться прибылые тягла или переведенные из тамб<овского> имения — насчет сих последних я должен сказать Вам, что нисколько не затрудняюсь их безлошадностью и убожеством; *давайте мне таких сколько угодно, лишь бы были здоровы; устрою всех и дам средство расселиться.*— Теперь я обзавелся настоящими хозяевами до 70 новых тягл, образованными из земецких и конебеевских людей, бывших до этого времени совершенных бедняков, без всякого имущества: получив собственные избы, лошадей, коров, овец, всякой сбруи, они теперь в раю, и местные начальники надивиться не могут их нравственному перерождению; из лентяев и бестягловых они сделались отменно усердными и трудолюбивыми людьми, отведав несчастие и бездомье, они дорожат теперь и умеют оценить благо собственности; и я убежден, что при надзоре будут отличными хозяевами. Разумеется, что всё их обзаведение дано им в долг, но с первого же года они уплатят значительную его часть от мирской своей десятины, которой половина, собственно, и назначена мною для очищения крестьян от долгов и недоимок, после чего будут отрабатывать на общие потребности не более 1/2 дес<ятины> в пояс. В нынешнем году нельзя и думать о переселениях схода из тамб<овских> имений, но если Вы согласны очистить их от нищих и безлошадных, то прошу сообщить заблаговременно подробные сведения о них и их семействах и об имуществе, какое есть. Согласно с этими сведениями, можно и здесь принять заблаговременные меры по их обзаведению. Еще я говорил, что пособие искусства значительно может облегчить труд крестьян на господской работе; действительно так,— здешние земледельческие орудия, кроме большого плуга, никуда не годятся; я делаю много опытов улучшенных орудий, употребляемых в некоторых окрестных имениях, и удостоверился, что саксонский плужок и железная борона — чрезвычайно хороши для здешней почвы, особенно плужок, которым русские крестьяне одного соседнего имения исключительно обрабатывают свои и господские земли и с большим успехом; не говоря уже о немцах-колонистах, которые в петровском уезде вспахивают этим плужком по целой сороковой десятке в день; что хорошо — не должно откладывать; в будущем году введу во все имение и плужок, и железную борону. Уже заказано у колонистов 25 таких плужков и заготовляется в наших местах нужный материал на 500 штук и на столько же борон. Всю зиму проработаем над ними, а весною выступим с ними в поле. Разделение душевой земли на 9-ти десятинные участки Вы тоже не одобряете, кажется, более по трудности исполнения. Для опыта я ввел их нынешнею весною только в трех экономиях: Завьяловской, Понятовской и Холинской — и нахожу такой порядок выгодным и удобным для крестьян. По моему совету, они согласились между собой пахать эти участки подряд, однако полосою, так что пары остались тоже в одной полосе, и они травили их своим скотом так же удобно, как и прежде, а теперь поднялись, и пашня вышла прекрасная. Таким образом соединены выгоды особенно с удобствами общего разделения душевой земли на три поля. О потравах и проездах через поля нечего заботиться: они возможны при всяком разделении полей; а глаз настоящего хозяина земли еще лучше охранит их от всякого вреда. Проезды между участками назначены везде кругом них. Я совершенно согласен с Вами, что еще удобнее было бы соединить усадьбы крестьян с самыми участками: тогда каждый крестьянин

был бы настоящим помещиком; еще с весны я составил план такого поселения на 80 тягл; но удержался исполнением от препятствий климата,— впредь до ближайшего с ним знакомства. Действительно, можно со справедливостью предполагать, что одинокие дворы, устроенные при своих участках, должны подвергаться зимою множеству неудобств в краю, где метели нередко заносят доверху целые скирды и стога отдельно стоящие. Но это еще впереди[1*]. Насчет поголовщины я разного с Вами мнения. Дело ясное: если владельцу нужна в такое-то время усиленная полевая работа, точно в то же самое время и по тем же причинам и каждый крестьянин столько же нуждается во времени, как и владелец, и если бы они были сильнее нас, то никто не согласился бы идти на барщину в неурочное время, но еще потребовал для себя самого пособия от господских дней. Присовокупив к тому, что употребление крестьян на некоторые работы поголовно без разорения их требует такого искусства и умения, которыми владеют весьма немногие, а примеру, раз поданному управляющим, уверенным в себе, следуют и все другие управляющие, которые не сумеют управиться с поголовщиной, и доведут крестьян до разорения. Поэтому я бы желал сохранить неизменным, несмотря ни на какие обстоятельства, разделение барщины на три дня с предоставлением крестьянам праздников; польза для них очевидная, а управляющему предстоит предвидеть трудные обстоятельства и запасаться вовремя вспомогательными средствами. Вообще я имею другой взгляд на отношение крестьян к их владельцам. Вы жалуетесь на их невежество, на ленивство, беспечность, нерадение к работе и равнодушное презрение к труду своего же брата. Все это, к сожалению, справедливо, и я на веку наблюдал все сословия; но позвольте Вас спросить, много ли Вы встречали в своей жизни людей из нашего образованного класса, пользующихся всеми преимуществами, таких людей, которые исполняли бы свой долг честно, бескорыстно, с усердием и уважали бы труд ближнего? — Эти люди, по моему опыту, весьма редкое исключение; масса же вся состоит из эгоистов, которых одна цель — собственная выгода. За что же мы будем теперь осуждать за недостаток столь трудных добродетелей огромное сословие наиболее обиженных правами, лишенное не только нравственных средств улучшения, не только удобств жизни, но часто даже и самого необходимого в их грубом быте. *Поистине я нахожу их еще слишком честными, слишком добрыми, когда подумаю об их положении.* Возьмем их, каковы они есть, и если имеем желание делать добро, найдем здесь обширнейшее поприще, какое только можно найти. С этой стороны надобно смотреть и на мое предположение ввести в большем размере *сельское воспитание.* Это совсем не то, что Вы думаете, судя по заметке. Когда короче познакомимся, Вы, может быть, удостоверитесь, что мне несвойственны идеи слабые и несбыточные, а что каждое предположение, признанное мною удобоисполнительным, обдумано глубоко и имеет твердое основание. Далее я нахожу, что Вы не верите, чтобы оброчные крестьяне употреблялись здесь при прежнем управляющем на господские работы бесплатно. Не угодно ли Вам приказать подать себе из Глав<ного> Управ<ления> тамб<овских> имений отношение к Иванову Главной Конторы Его Превос<ходительства> 12 декабря 1841 г. № 614. Из этого документа, которым Иванов обеспечил себя в делаемых распашках, Вы увидите, что каждый завьяловский крестьянин сверх денежного оброка по 120 р<ублей> обязывался еще скосить и убрать по 2 десят<ины> травы, сжать и убрать по 1/2 десят<ине> хлебов, на самом же деле, они отрабатывали гораздо более под предлогом худой работы, и, чтобы

[1*] Эти мысли об устройстве крестьян при так называемых "удворных" полях, а не дальних или "отъезжих" и впоследствии не были забываемы многими друзьями крестьянского дела, но, к сожалению, часто оказывались неудобоприменимыми.

узнать об этой слишком гласной несправедливости, я не имел никакой надобности прибегать к пособию конторских писарей, привыкши все дознавать сам собою. Переложите на деньги все эти повинности оброчных и увидите, во что обходились деланные распашки, которые сами по себе, продолжаю утверждать, приносят только временную выгоду при известных довольно редких условиях, и то на счет настоящих польз имения. Гораздо выгоднее на целинах и свежих землях закладывать новые поселения на трехдневной барщине при вспомогательных средствах: кроме прямой выгоды владельцу была бы тогда и та польза, что крестьяне тоже разделили бы ее с ним и легко могли бы разжиться. Совершенно согласен с Вами, что частые перемены управляющих, а с ними и систем управления — большое неудобство, и часто гораздо лучше было бы, если бы сам владелец управлял своим имением, но как это зло неизбежно, то незачем и роптать на него, тем более, что оно существует не в одних частных имениях, но и в каждом государстве. Каждый новый министр, как иной управитель, приносит с собою новую систему и первою обязанностью считает действовать иначе, чем его предшественник. Выбор управляющих для владельца, как говорят про женитьбу, есть настоящая лотерея, и, к счастью еще для помещиков, что союз между ними легко может быть расторгнут, если выбор неудачен. Скажу еще слово о выкупном капитале; возражение Ваше я предвидел, и оно совершенно справедливо; но для пояснения дела должен сообщить Вам, что я намерен, по устройстве этой части, предложить Льву Александровичу особое средство к ограждению неприкосновенности этого капитала, именно представить его опеке правительства особым актом, подобно майоратским, увольненным в обязанные и т.п.[1*]

Опека над капиталом дело обкатанное и ни в каком случае не может быть обременительно для имения, а между тем ограждало бы будущность крестьян, согласно с видами правительства. Кажется, теперь пояснил все главнейшие пункты. Остается сказать, что без этих пояснений, действительно, проект, рассмотренный Вами, мог казаться неполным и недостаточно обдуманным, но, повторяю, он написан весьма поспешно, среди множества дел и заключает в себе только очерк моих видов. Доселе они оправдываются успехом; смею надеяться довести все свои предположения ко благополучному окончанию при напряженном труде. Тогда наступит пора занятий подробностями устройства имений,— вещь тоже нелегкая. Позвольте, наконец, еще раз поблагодарить Вас за прямое, неуклончивое изложение Ваших мнений, которые, во всяком случае, я умею оценить и надеюсь извлечь из них много пользы. Не знаю, когда буду иметь удовольствие видеться с Вами, но во всяком случае прошу твердо верить в неизменное уважение и истинную преданность, с которыми имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Д.Журавский.

N.B. Сделайте одолжение, сообщите мне Ваше предположение об экономическом годе с 1-го июля. Кажется — это удобнейший в хозяйственном отношении срок, но я желал бы знать Ваше мнение, а потом ввести этот порядок в здешнее имение.

[1*] Журавский предлагал, чтобы правительство оградило крестьянские сбережения (на выкуп) каким-либо законодательством, что дало бы крестьянам определенные гарантии и права.

Не имея оснований ожидать, чтобы положение крестьян было улучшено таким порядком, как это сделано манифестом 19 февраля, Д.П.Журавский хлопотал о том, чтобы предоставить крестьянам возможность выкупиться с землею посредством сбережений, с тем, конечно, чтобы эти сбережения во всё время накопления их находились вне всякой зависимости от помещиков.

№ 5

13 октября 1844 г.

Милостивый государь Николай Викторович!

В деле о перезалоге имения Вы поступили очень благоразумно, ограничившись показанием прежде известных кред<итных> уст<ройств>. Я хотел сделать иначе, т.е. воспользоваться этим случаем, чтобы привести в определительный вид залоги соответственно с нынешним состоянием имения, в котором число селений удвоилось со времени прежних залогов, желал предложить такие замены, чтобы все бывшие в залоге души с землями соединить в целые селения в одной части имения, а все свободные души и земли — в другой, и на каждую часть взять особое свидетельство. Для этого я предпринял ужасную работу исчисления душ и десятин и разравнения их по залогам и освобождения от оного, трудился долго и составил довольно основательный проект, которым обеспечивалась бы будущность имения в кредитном отношении. Но теперь вижу, что работа моя напрасная. Лев Александрович советует *не обнаруживать переселений,* сделанных без дозволения, а взять свидетельство согласно с прежним состоянием имения. Теперь все переделываю, понял, что главною в этом целью должно быть скорейшее получение ссуды. Впрочем, я не вводил в счет душ, переселенных сюда из тамбовских имений, а только определял внутренние их передвижки. Я хотел было послать к Вам вина для пробы продажи, но боюсь не навредить дорогой от холодов.

№ 6

10 января 1845 года. С. Завьялово.

Милостивый государь Николай Викторович!

В один день я получил письмо Ваше 2-го января и другое, давно ожидаемое от Льв<а> Алекс<андровича>. Начну с последнего. Выходит почти так, как Вы полагали: в конце третьего листа генерал включил несколько строчек насчет моего предложения жить в Воронеже, упоминая вскользь, что оно крайне неудобно, но если уже крайняя необходимость, то уступил бы моему желанию переменить место пребывания, предлагая для того Балашов, Аткарск, даже Саратов или другое место, только бы не вне пределов губернии, вероятно, для того, чтобы я не выходил из-под влияния местного начальства. Столь уклончивый ответ нимало меня не удовлетворяет; я ожидал решительной развязки после настоятельного предложения моего уволить меня от его службы по важным для меня неудобствам, из которых главные и гласные — нездоровый климат и расстройство собственных сил, а тайные — неблагонадежность отношений моих ко Льву Алекс<андровичу>, ибо я убежден, что рано или поздно мы расстались бы с ним с неудовольствиями. Теперь же самая пора расстаться: я не подал еще никакого повода жаловаться на себя, напротив, был по возможности полезен имению, и многие помянут меня добром. Все это ведет к тому, что намерение мое оставить управление тверже, чем когда-либо, и я решился привести его в исполнение не откладывая далее. Сегодня же пишу об этом ко Льву Алек<сандровичу>, прошу его назначить мне преемника и уволить меня весною после посевов[1*]. Признаюсь, менее всего я думал об искренно обяза-

[1*] Быстрота этого отказа достаточно выражает характер Журавского, в котором было много щекотливости и большой недостаток цепкости, отсутствие которой так обще многим благороднейшим из русских людей. Журавский был человек без состояния и отпрашивался в полнейшую бесприютность по первому мнимому невниманию Нарышкина к его представлениям, тогда как Нарышкин очень его уважал и дорожил его мнениями.

тельном предложении Вашем отказаться в мою пользу от управления тамбовским имением. Я не знаю, как и благодарить за этот дружеский знак участия ко мне; но между людьми, так скоро сблизившимися и понявшими друг друга, как мы с Вами, фразы — вещь излишняя; Вы оцените мои чувства по Вашим собственным. Сильная для меня приманка в этом предложении — соседство Ваше, которым имею более причин дорожить, чем Вы моим, и если бы другие обстоятельства соответствовали этой капитальной выгоде, то я воспользовался бы Вашим предложением, разумеется, постаравшися напред согласить и материальные выгоды Ваши с моими. Но, к сожалению, судьба, кажется, влечет меня в другую сторону. Есть что-то фатальное в связи с Л<ьвом> Алек<сандровичем>, и ничего теперь так не желаю, как расстаться с ним без неудовольствия[1*]. Чувствительной разницы в климате здешних мест и земецких, я думаю, нет, а на удвоенный труд, столь тяжкий при добросовестности, не достало бы теперь физических сил. Вот почему я не могу принять теперь Вашего доброго, бескорыстного пожертвования личными выгодами в мою пользу, пожертвования, которого все достоинство умею оценить и буду его всегда помнить с признательностью. Теперь представляется вопрос — что ж мне предпринять? Решить его в лучшую сторону могу только при Вашем посредстве и участии, в которых, надеюсь, не откажете. Вот мои предположения. Сколько я сам заметил и слышал, мне кажется, что Эммануил Дмитриевич (Нарышкин)[8] такой человек, которому можно ввериться, по летам в нем должно быть менее эгоизма, чем во многих других богачах, по образованности и благородству характера можно бы ожидать, что он умеет или в состоянии оценить заслугу; одним словом, я желал бы потрудиться для него и вот на каком основании. Кажется, у него в Московской губернии два имения и в Тульской одно; в них, если не ошибаюсь, до 6000 душ; общего управления над ними нет, но оно могло бы принести большую пользу по устройству тамошних дел и самых имений. Порассудите, не выгодно ли ему будет учредить главное управление московско-тульских имений и поручить эту должность мне, с такою же доверенностью, какую имею от Льва Александр<овича>[2*]. О содержании и условиях не может быть еще и речи с моей стороны; предоставляю ему сделать об этом предложение соответственно с пользою, какую может ожидать от меня. С своей стороны ограничусь только желанием, чтобы резиденция представляла возможно более удобств для жизни. Признаюсь, я никогда на собственном хозяйстве не жил так неудобно, так неприятно, как здесь, в Завьялове, и я думаю, что вельможа, который вверяет нам важнейшие свои интересы, не должен затрудняться в мелочах, обеспечивающих потребности наши, и оказывать гостеприимство, достойное его[3*]. Вы меня очень много обяжете, если возьмете на себя посредничество в этом деле; обдумайте его и сообщите Ваше мнение, вместе со всеми Вам известными подробностями о московских и тульских вотчинах, насчет их положения (в каких уездах), числе душ, долгах, статьях дохода и поме-

---

1* Журавский познакомился с генерал-адъютантом Л.А.Нарышкиным за границею; потом сталкивался с ним по служебным делам в Одессе, где Нарышкин, высоко уважая знания и честность Журавского, пригласил его управлять саратовскими имениями его превосходительства, состоящими из 6000 душ и до ста тысяч десятин земли, при самых широких для Дмитрия Петровича полномочиях.

2* Доверенность эта была почти безграничная, что и давало Журавскому право надеяться на возможность введения в нарышкинских саратовских имениях первых опытов рационального улучшения в быте крестьян. Очевидно, эту же, а не иную задачу преследовал он, помышляя о службе Эммануилу Дмитр<иевичу> Нарышкину.

3* В этих жалобах на неудобство помещения в селе Завьялове есть небольшая натяжка: Дмитрию Петровичу и его супруге особенно тяжело было жить в Завьялове потому, что они здесь потеряли единственного своего ребенка, который и погребен на завьяловском сельском кладбище.

щениях; я не знаю, которое из этих имений под Москвою, о котором вы рассказывали, что оно не дает дохода, но поддерживается как дача с огромным парком: нельзя ли там поместиться, разумеется, без всякого стеснения хозяина, как и везде. Я предвижу со стороны Эммануила Дмитр<иевича> два затруднения. Так как он хорош со Львом Александр<овичем> то, быть может, не пожелает перенять от него человека, навлекшего неудовольствие его за оставление места, но я намерен употребить все средства отклонить неудовольствие Льва Александр<овича> и для того предложу ему заниматься его делами и по увольнении, в общих видах; т.е. составлять ему предположения и начертания о дальнейших улучшениях, давать мнения и советы, когда спросит, исправлять ему разные поручения в Москве и т.п., все это безвозмездно; таким образом неудовольствие, быть может, устранится[1*]. Другое затруднение может быть в положении дел Эммануила Дмитр<иевича>, требующем, если не ошибаюсь, большой экономии в расходах. Но новую издержку на учреждение Главн<ого> Упр<авления> можно покрыть отчасти сокращением содержания местных управлений. В Петербурге я сделал по поручению Л<ьва> Алекс<андровича> сравнительную записку о жаловании должностных в имениях всех Нарышкиных; из нее видно, что управляющие тульскими и московскими вотчинами все вместе получают 5400 р<ублей> асс<игнациями>, но при главном упр<авлении> этот расход может быть сокращен наполовину и более. К тому ж можно предположить, что при новом порядке управления доходы возвысятся. Обсудите все эти предположения и решите, возможны ли они или нет. На всякий случай я имею в виду и другое средство устраниться; это — взять около 100 душ в аренду на долгий срок, о чем я уже и писал в Киевскую губернию, чтобы приискивали там именьице в таком роде, как мне нужно. Последнее было бы приятнее всякой службы, потому что предоставляет хотя бы тень независимого состояния, но, чтобы пользоваться им бестревожно и с выгодой, много надобно условий, и особенно — капиталец на первый год, а в этом-то и погрешаю, ибо плоды весьма тяжких трудов, от которых вкушали многие, не составят при увольнении отсюда и 10 т<ысяч> ассигнац<иями>[2*]. Я пишу к Вам о собственных делах моих с родственною непринужденностью, и если Вы соскучитесь ею, то пеняйте сами на себя, ибо, не знаю как, с одного свидания Вы успели внушить к себе такое доверие, какое другие не приобретают годами короткого знакомства; потому-то я и говорю с Вами обо всем с полною откровенностью, без околичностей, и в этом прошу взаимности. Теперь Вы мне предлагали там<бовские> имения; позвольте же и мне предложить саратов<ские> имения, чему, без сомнения, Лев Алек<сандрович> был бы рад как нельзя больше, и я ожидаю только Вашего одного слова, чтобы действовать в этом смысле. К этому царству, при известных обстоятельствах, могло бы присоединиться и другое, о котором говорено было при последнем свидании. Обширность управления не может устрашать Вашу сильную волю и огромную опытность при бы-

---

1* Это собственно и должно бы быть настоящим делом Журавского — превосходный теоретик и честнейший человек, он был довольно плохой практик в хозяйстве и по нездоровью своему бывал часто жертвою обманов и не мог следить за имениями, раскинутыми более чем на сто верст. Он заводил механические заведения, строил орудия, учреждал аптеки и больницы, на что, конечно, потребовались большие затраты, не давшие почти никаких результатов. Усовершенствованные орудия его постройки так и погнили под сараями.

2* От коронной службы Журавский не собрал себе ровно ничего, но потом, работая для Плюшара по составлению всем известного многотомного энциклопедического словаря, покойный имел на счету за Плюшаром до 6 т<ысяч> р<ублей> ас<сигнациями>, на которые смотрел как на фонд, но которых никогда не получил. У Нарышкина же он брал 6 т<ысяч> ассигнац<иями> жалованья и разной провизии на 500 р<ублей>. Жил он всегда очень расчетливо и экономно.

стром взгляде и действии; легко будет подобрать надежных местных исполнителей, и при единообразном суде, порядке и по данной всем программе улучшений вся эта машина в 30 т<ысяч> человеческих сил пойдет как нельзя лучше. Недостает только некоторых политических прав, чтобы составить в целом краю, что называется, une puissance[1*] из такого положения. Буду ожидать с большим нетерпением ответа, которым прошу покорно не замедлить. Верьте истинной преданности и глубокому уважению моему.

Д.Журавский[2*].

№ 7

Копия с письма Льва Александровича Нарышкина к г. Берхгольцу[3*].

"Долго я не верил глазам своим, прочитавши от Дмитрия Петровича Журавского донесение, что посланным от меня в Рудню берейтору и ветеринару не сдали купленного мною у Вас конного завода, принадлежащего тетушке Марии Антоновне, под тем предлогом, что от нее не получено на это разрешения. Эта выходка с Вашей стороны есть верх дерзкой самонадеянности. А чтобы доказать Вам, что я имею полное право считать таковым Ваш поступок, я привожу здесь все обстоятельства относительно покупки мною завода. По приезде Вашем в С.Петербург в начале прошлого года Вы старались выказать мне необыкновенную Вашу услужливость во многих случаях, в предложении Вашем и в поспешной готовности принять имение мое в Ваше управление. Я говорю *в поспешной готовности* потому, что Вы заставляли вместе с Вами спешить даже природу, стараясь убедить меня, что в Балашевском и Кузнецком уездах оканчиваются уже посевы к 25 марта и что потому дальнейшая с моей стороны медленность в передаче Вам управления будет причиною величайших для меня потерь. В это самое время Вы предложили мне купить и завод, принадлежащий тетушке, за ту самую цену, которую она за него заплатила, говоря, что он ей вовсе не нужен и что Вы постараетесь даже для улучшения его определить ко мне англичанина, управляющего заводами князей Гагариных, имения коих находились в Вашем управлении. Свидетелями этого разговора были: Коврайский[4*] и Вевель. По возвращении их в С.-Петербург я потребую от них письменного об этом удостоверения. Согласившись на покупку завода, я спросил у Вас: стоит ли он той цены, которая за него заплачена, и, получивши утвердительный ответ, ударил, как водится, по рукам. На другой день Вы сказали мне, что о продаже завода написали Марии Антоновне, и чрез несколько времени объявили, что получили от нее согласие, присовокупив при том, что Вы и не могли ожидать другого ответа, потому что тетушка не только в подобных ничтожных случаях, но и в гораздо важнейших доверяет единственно Вашему распоряжению, не принимая никаких посторонних советов и внушений. Таковы были отзывы Ваши всем, с кем Вы имели случай объясняться насчет неог-

---

[1*] возможность, способность (*франц.*). Здесь: возможность выхода (*примеч. ред.*)

[2*] На письме этом сделана рукою Веригина следующая надпись: "Отвечал: Эмман<уил> Дмитр<иевич> из всех Нарышкиных самый благородный человек во всех отношениях. У Льва Ал<ександровича> вознаграждение — лесть самолюбию его поверенных, Эмм<ануил> Дм<итриевич> не имеет этого корыстного свойства".

[3*] Федор Петрович Берхгольц управлял саратовским имением Марьи Антоновны Нарышкиной, матери Эммануила Дмитриевича Нарышкина, к которому тяготел Журавский, отбиваясь от дел со Львом Александр<овичем> Нарышкиным.— Приводимое письмо подписано собственною рукою Л.А.Нарышкина.

[4*] Семен Данилович Коврайский, бывший домашний секретарь генерал-адъютанта Л.А.Нарышкина. Живое лицо, проживающее теперь в Петербурге.

раниченного к Вам доверия Марии Антоновны. С этого времени я считал завод своим, говорил при Вас многим о покупке оного, получил от Вас список всем наличным лошадям, и во время пребывания нашего в Гамбурге, вместе с тетушкою, когда заходила речь о заводе, то дело шло уже о моей собственности, и Вы с своей стороны, делая замечания о предлагаемом мною переводе и устройстве оного, рекомендовали мне особенно некоторых лошадей. Из разговоров моих с тетушкою по этому предмету также видно было, что покупка мною завода ей была известна. Нужно ли Вам приводить другие доказательства, что я имел право считать завод моею собственностью, полагаясь на честное Ваше слово, и для перевода оного в Завьялово делать необходимые приготовления. Если этого для Вас мало, то спрашиваю: почему Вы, встречаясь вместе со мною у тетушки по нескольку раз в день в продолжение 2 месяцев, не потребовали от нее акта на утверждение сделанной Вами продажи, если считали дело это не конченным или опасались каких-либо недоразумений? Вы этого не сделали, следовательно, или считали это ненужным, или уклонялись от этого по особенным Вашим расчетам в будущем. Но при этом случае я замечаю Вам маленькую оплошность. Вы позабыли, что сын Ваш знал о продаже мне завода, и потому, когда Журавский был в Рудне, то он, показывая ему завод как принадлежащий мне, показал в книгах и цену, что он заплачен; кроме этого и родственник Вашего сына (кажется, дядя), бывший в Рудне вместе с Журавским и узнавши тут же от Павла Федоровича,[9] что завод продан мне, предлагал за него 3 000 рублей сверх заплаченной суммы, а Журавскому за куртаж лучшую лошадь на выбор[1*]. *Заметьте, что Дмитрий Петрович человек честный, благородный и не солжет даже в шутку!* Как прикажете после всего объяснить уклонение Ваше от сдачи мне завода? Извините меня, я не могу скрыть моего мнения и считаю, что Вы, удерживая в своих руках завод, находите в этом личные свои выгоды, а не выгоды Вашей доверительницы. А как я всю жизнь мою привык иметь дело с людьми, которые дорожат честным своим словом, то с этой минуты прерываю с Вами всякие сношения, и если затем Вы решитесь сказать мне, что получили согласие тетушки на уступку мне завода, то я его от Вас не принимаю. Но с тем вместе требую, чтобы Вы заплатили мне за все издержки, какие употреблены мною при распоряжении к переводу завода.— Сверх того, знайте, милостивый государь, что я не позволю Вам шутить со мною, а на первый случай ограничиваюсь, дав Вам почувствовать, что Вы ошиблись в Ваших расчетах, которые теперь очень для меня ясны. Источником всех Ваших услуг было желание захватить в свои руки управление моими имениями. Вы этого не достигли и тотчас переменили образ Ваших действий; но в этом последнем случае Вы были слишком себялюбивы и, позабыв дружеские и родственные наши отношения с тетушкою, решились судить о других по собственным своим чувствам.— Этим я хочу привести Вам на память неприличный Ваш разговор с крестьянином Эммануила Дмитриевича, перед которым Вы во время проезда из Одессы хвалились своею тонкостью и уловками. До сих пор я этому не верил, ценя высоко имя благородного человека и зная, что оно состоит не в одном названии, которого часто добиваются многие, а в благородстве поступков" Подписано собственноручно: Лев Нарышкин. 24 февраля 1845 года. С.Петербург[2*]. Очень мне неприятно, что и я должен ввязаться в эту пустую переписку. Лев Александрович просит меня *отделать Берхгольца* получше за то, что в ответ на это письмо к Коврайскому он отпира-

---

[1*] Вот этой-то обиды и не стерпел Журавский, но вступился за нее, как увидим далее, только в интересах Нарышкина, да и то после жалел об этом.

[2*] На копии сделана следующая, тоже собственноручная, надпись Журавского: «Ну как не сказать: "А Васька слушает да ест!"».

ется от куртажа. Прилагаю и копию с моего послания — оно пойдет через Петербург. Кроме того требую от Берхгольца возврата издержек на посылку берейтора и проч. до 1660 ру<блей> ас<сигнациями> для приема завода, который он не выдает. Если денег не отдаст, то буду преследовать его судом, а между тем Л<ев> Алек<сандрович> намерен удержать эту сумму из долга своего Марии Антоновне, с которою желает рассчитаться, для чего и просит высылки денег и свидетельства на земли. Я советую Льву Алекс<андрович>у постараться всеми силами устранить Берхгольца от всякого участия в делах Нарышкиных; превредное животное; при случае он может наделать много худого.

Д.Журавский[1*].

№ 8

Милостивый государь Федор Петрович!

Прошлым летом, бывши в Рудне, я осматривал по поручению его превосходительства Льва Александровича конный завод, проданный Вами его превосходительству от имени и с разрешения доверительницы Вашей. В то время было там много гостей и между ними один из родственников Ваших, имени которого не полюбопытствовал тогда узнать. Зашла речь о продаже завода, и этот родственник в присутствии сына Вашего и еще кого-то сделал предложение купить у его превосходительства завод с надбавкою 3000 рубл<ей> ассигнациями сверх заключенной за него цены, а мне — лучшую лошадь по выбору за посредничество. Я отвечал, что его превосходительство не затем купил завод, чтобы перепродавать его с выгодою, и что это и на мысль никому прийти не может. Предложение же мне куртажа я оставил без всякого внимания, заметив, что эти вещи в Вашем кругу слишком обыкновенные, разговорные, точно так же, как в известном классе населения Польши, в котором не скажут трех слов, не упомянув о куртаже или барыше[2*]. Припоминаю все это по тому поводу, что Вам заблагорассудилось в письме к Семену Даниловичу (Коврайскому) отрицать справедливость этого известия и удивляться, что я мог принять подобное предложение равнодушно. Признаюсь, меня нисколько не изумляет отрицание Ваше: сказать лишний раз ложь ничего не стоит человеку с гибкою совестью, уважающему личные свои выгоды более чести. Но чье слово, мое или Ваше, заслуживает более вероятия,— это решит, и, смею сказать, не в Вашу пользу, репутация, приобретенная каждым из нас, а между тем буду требовать настоятельно, чтобы тот родственник, который теперь в Петербурге, непременно подтвердил Семену Даниловичу слова свои: если он, как Вы заверяете, благородный человек, то никак не может отпираться. Вопрос же, почему я перенес равнодушно предложение куртажа, разрешается очень просто следующим объяснением. Видавшись с Вашим родственником всего один только раз, я не мог подать ему повода делать мне какие бы то ни было предложения; он говорил о заводе не от себя, и мне тогда же ясно было, что в виду у него было купить завод под своим именем для Вас самих, в чем удостоверяет меня и отзыв Ваш в письме к Семену Даниловичу, что состояние его не позволило бы такой издержки; стало быть, предложение о куртаже сделано, собственно, не родственником Вашим, а Вами через его посредство. Теперь Вы поймете, милостивый государь, что я, оценяя по справедливости достоинства Ваши, не мог обидеться подобным предложением, *от Вас* происходящим, счи-

---

[1*] При сем находится в приложении следующая копия с письма Журавского к Берхгольцу, которого он имел поручение "отделать".

[2*] Дм<итрий> Петр<ович> намекает на еврейское происхождение г. Берхгольца.

тая для себя унизительным одну мысль, чтобы Вы или кто-нибудь из Ваших в состоянии были оскорбить меня. Впрочем, Вы должны знать, что и для Вас есть границы, которые переступить неудобно, ибо есть и поучительные средства особенного свойства, которые очень скоро вразумляют людей, недоступных голосу чести и благородства.— В приятной надежде, что этим и закончатся вперед всякие сношения между нами, имею честь Вам кланяться.

№ 9

4 марта 1845. С. Завьялово.

Милостивый государь Николай Викторович!

В начале прошлого месяца я получил от С<емена> Дан<иловича> (Коврайского) известие, весьма неопределенное, что Лев Алекс<андрович> согласен исполнить мое желание насчет устройства моего в Тальном[10]; ожидая по этому предмету окончательного решения, я желал сообщить Вам полные сведения, и вот почему два последние письма Ваши поныне остались без ответа. Мое намерение предложить свои услуги Эммануилу Дмитр<иевичу> было только предположение, о несбыточности которого я и сам догадывался, но во всяком случае остаюсь Вам весьма благодарным за откровенное изложение мнения Вашего, которым и заключается речь об этом. На днях только я получил от Сем<ена> Данил<овича> другое письмо, которое, однако ж, как и первое, ничего не поясняет. О предложении мне в управление киевского имения, к особенному удовольствию моему, и в помине нет: кажется, Брендель[11] на этом месте совершенно удовлетворителен для генерала, а насчет посессии[1*] требуют от него местных сведений. Я прошу маленький выселок в 100 душ в Пеховском лесу, Л<ев> Ал<ександрович> вступил теперь в переговоры с военным поселением о продаже в казну всего этого леса, а деревеньку эту намерен тоже продать, но в частные руки, и едва ли не для того, чтобы не дать ее мне в содержание. Остается затем вакантною одна посессия, которую последний содержатель ее почти 10-летней тяжбой с генералом вконец разорил; быть может, ее-то мне и предложат *для поправления*. Вообще я предположил себе в этом деле быть крайне осторожным: веря доброте Л<ьва> Ал<ександровича>, я еще более верю слабостям и эгоизму людей. Берхгольц не дает завода, купленного генералом по его же предложению; Лев Александр<ович> бесится и хочет написать к нему такое письмо, какого он никогда и ни от кого не получал; обещает для курьёза с него копию, а я сообщу ее Вам. Берхгольц теперь говорит, что за этот завод он охотно дал бы годовой свой оклад жалованья по Рудненскому управлению, а кроме того и сумму, за которую уступил завод Льву Ал<ександрови>чу: это все объясняет. Теперь берейтора требуют в Петербург, и я пользуюсь этим случаем переслать Вам любопытный документ, с которого, если угодно, прикажите снять копию для себя, но без гласности, ибо эти цифры, хотя и весьма красноречивые, но не пользуются у нас известностью. Вам как любителю своего отечества интересно будет видеть, куда деваются деньги, вымучиваемые у мужика почти с боя, и какая пропорция между разными источниками доходов и расходов. Всмотревшись внимательно в эти табели, невольно призадумаешься о будущем. К празднику прошу Вас возвратить мне их; предполагаю выехать к 1 мая. Теперь я в таком вихре дел и забот, что едва имею время написать эти строки; к Льву Ал<ександрови>чу не писал более месяца; собираем рекрут и подати, не оставляя начатых уже приготовительных распоряжений по полевым работам, постройкам и т.п., и среди всего этого пишу подробный

1* От posesssio (*лат.*) — арендное владение землей (*примеч. ред.*)

отчет с указаниями для дальнейшего управления,— указания, конечно, не относящиеся к Вам, в случае, если бы Вы приняли в управление сарат<овские> имения, потому что Ваша опытность и проницательность суть указатели, далеко превосходящие всякие предположения на бумаге, но я делаю их для очистки совести, по привычке или наклонности к благоустройству. Свидетельствую истинное и глубокое уважение и преданность, имею честь быть и проч.

Д.Журавский.

№ 10

4 апреля 1845 г. С. Завьялово.

Милостивый государь Николай Викторович!

Я собирался писать к Вам, когда получил письмо ваше 26 м<арта> с приложениями. Мне почти совестно читать лестные Ваши отзывы о моем рассуждении, и если бы я знал, что найду таких ценителей, то, конечно, приложил бы к этому важному предмету все старание, какого оно заслуживает[1*]. К несчастью, я имел тогда в виду весьма скромную цель — изведать все ничтожество человека в высоком сане, который понимал эти вещи столько же, как и стол, на котором теперь пишу. Чтобы иметь возможность нарисовать художнически печальную картину быта, страдания и потребностей русского мужика — надобно прежде всего душевный покой, бестревожный ум. Кажется, что мне не суждено ни того ни другого, и надобно будет, скрепя сердце, нести до конца тяжелые оковы бедности, называемые *зависимостью.* Я понадеялся было на Льва Алек<сандрови>ча; но недавно полученное письмо уничтожило всякие надежды. Я просил посессии в 100 душ в пожизненное владение, чтобы я мог спокойно делать в ней постройки и улучшения на свой счет; а главное, просил устроить так, чтобы мне не зависеть от Тальненского управления. Сначала обещал все устроить по моему желанию, а между тем генерал потребовал от Бренделя местных сведений и мнения, как бы меня устроить. Брендель, который между прочим титулуется теперь "уполномоченным по киевск<им> имениям", имеет причины не желать моего соседства, и он очень искусно вызвался сдать просимую посессию на 3 года за 1300 руб<лей> сереб<ром> — цена непомерная, если знать, что за три года Лев Ал<ександрови>ч отдавал эту же самую посессию на 12 лет человеку, который не имел еще случая оказать ему услуги, за 300 руб<лей> сереб<ром>. Вот теперь мне и предложил взять Софьевку за эту цену — т.е. 1300 руб<лей> сереб<ром>, и то не в пожизненное владение, а на срок от 3 до 10 лет. Я отвечал, что эта цена слишком высока для честного посессора, который дорожит своими обязательствами и не желает разорения вверенных ему людей, благодарил генерала за предпочтения и просил, не стесняясь более мною в своих видах, приказать сдать эту посессию кому угодно. Признаюсь, хотя я и не ожидал многого от Л<ьва> Ал<ександрови>ча, но никак не полагал, чтобы он захотел заключать со мною выгодную для себя аферу под наружностью благодеяния. Одно его извиняет, что во всем этом смешном деле он смотрит глазами Бренделя и думал его головою; собственно от его души не было ни малейшего участия, вопреки многочисленным и самым заманчивым уверениям в дружбе, расположении и готовности устроить мою будущность, и чтобы я о ней не заботился, и проч. Но оставим это и поговорим

[1*] Дело идет об обработанном Журавским и до сих пор остающемся в безвестности "Исследовании о нынешнем (т.е. прежнем) состоянии и средствах улучшения быта крепостных крестьян". Записка эта, сочинявшаяся не для печати, имеет свой исторический интерес, и к сохранению ее в безгласности нынче нет никаких оснований.

о последнем предложении Вам принять, хотя бы временно, в свое управление саратовские имения. Признаюсь, я очень желал бы поставить под Ваше покровительство мои попытки к улучшению имения. Все они предприняты с благою целью, хотя, конечно, в исполнении найдется немало ошибок; то-то и беда, что исполнителей нет. Сделайте одолжение, поспешите уведомить о Ваших намерениях. Посевы и распоряжения по летним постройкам я еще успею сделать, а приготовляемый отчет <для> введения в течение здешних дел <сделать> весьма легко. Помощника моего нельзя оставлять здесь одного, хотя при беспрерывном руководстве на месте он и может принести некоторую пользу, соединяя в себе честность с деятельностью. Оставляя имение, сожалею, что не мог в прошлый год столько заняться устройством собственно крестьян, сколько заслуживают. Сначала, как и следовало, все усилия мои были направлены на хозяйство, чтобы поднять его и снабдить имение необходимыми принадлежностями. На этот год я предполагал много улучшений для крестьян и уже сделал Льву Ал<ександрови>чу официальное представление о двух облегчениях. *Первое* — уменьшить оброчный оклад со 120 р<ублей> до 25 руб<лей> сереб<ром> с тягла. Я просматривал окладные списки за Ваше время, тогда оклады составляли от 30 до 40 р<ублей> с<еребром> с души при 10-десятинной пропорции земли. Иванов же, отрезав у оброчных крестьян по 5 1/2 дес<ятин> с тягла, в облегчение их возвысил и оклады на 25 или 30 руб<лей> на тягло. *Второе* — сложить недоимку до 28 т<ысяч> р<ублей> ас<сигнациями> за хлеб, розданный в голодные годы; они уже оплатили по сю пору по 1 р<ублю> 30 коп<еек> ас<сигнациями> за пуд муки, который ныне сами продают по 25 и 30 коп<еек>,— более требовать *грешно*. Еще установил для съема земель крестьянских уменьшенные цены, на которые они должны иметь полное право. Я сам отправляюсь в начале мая в Киев, на постоянное там пребывание, и намерен употребить весь мой капиталец до 6000 р<ублей> ассигнациями на покупку под городом усадьбы или земли и заниматься преимущественно хозяйством, а в дополнение к доходу временно заняться чем-нибудь по казенной службе (хотя с крайним отвращением)[1*]. Впрочем, обстоятельства укажут. С глубочайшим уважением и преданностию имею честь и проч.

Д.Журавский.

№ 11

Подлинное письмо Льва Александровича Нарышкина к Николаю Викторовичу Веригину:

С.П.б. 4 апреля 1845 г.

Милостивый государь Николай Викторович!

Я так уже привык к мысли, что Вы примете в управление саратовские мои имения, что заранее готовлю Вам дело, которое столько затруднило Дмитрия Петровича. Еще в начале прошлого лета по распоряжению моему сообщено было ему вместе с Вами о намерении перезаложить оба мои имения. Вы с своей стороны давным-давно все уже сделали, и на днях, по обещанию Вашему, мы ожидаем свидетельства для получения надбавочных уже денег, а оттуда

[1*] Д.П.Журавский всегда тяготился казенною службою и уклонялся от нее: в более молодых годах (в чине подпоручика артиллерии) он был приглашен М.М.Сперанским к сотрудничеству при составлении Свода законов и работал ревностно, за что и был награжден чином титулярного советника и орденом св. Станислава, но, как окончилась эта работа, Сперанский, долго уговаривая Журавского остаться на службе, не смог склонить его к этому.

не добьемся и первого акта. Вчера еще получил я письмо, что Саратовская Гражданская Палата встретила какие-то новые затруднения в выдаче свидетельства по случаю запутанности в переселении. Разумеется, что я твердо верю в усердие Дм<итрия> Петровича, но вместе с тем не сомневаюсь также, что причиною медленности и неудач есть недостаток в его опытности. Как бы то ни было, но дело это надобно покончить, и как наивозможно скорее; ибо от этого зависит исполнение всех моих предположений.— Перед новым годом у нас было денег очень много; но много было и расходов, а именно: послано в Одессу Марии Антоновне 250 т<ысяч> и выкуплено[1*] душ[2*] саратовских имений, и потому-то касса моя поистощилась. После вчерашнего письма г. Журавского я полагаю, что дальнейшие хлопоты или домогательства о выправке свидетельства на саратовские имения в таком виде, как они теперь находятся, будут уже бесполезны; и потому я решился выкупить это имение все и потом вновь заложить оное не в Банк, но в Опек<унский> Совет. Как только получу из Тамбова свидетельство, тотчас возьму надбавочные деньги и немедленно выкуплю.— Уведомив тогда же об этом Вас, я буду просить употребить все меры для сделания нового залога. Само собою разумеется, что Вы дело это *свертите* в месяц[3*], т.е. возьмете новое свидетельство на имения в таком виде, как они есть, и вышлете его ко мне. Но при этом случае я очень желал бы, чтобы во всех селениях показано было не более 6 десят<ин> на душу и чтобы затем на остальную землю взять особое свидетельство.— *Я знаю, что для исполнения этого потребуется довольно времени: ибо необходимо нужно, чтобы землемер сделал новые нарезки и планы. Но мне кажется, что и этого можно добиться и скоро и без особенных хлопот.* Вот как я думаю: как только Вы получите уведомление о выкупе и доверенность на управление, то немедленно следует сделать на планах новые нарезки, а между тем *всеми действительными средствами* хлопотать о немедленном командировании землемера, подготовляя между тем *домашними землемерами* новые планы, как нам нужно. *Землемер, конечно, согласится не делать проверок или нарезок в натуре* и примет те планы, которые будут дома составлены, и представит их для утверждения, перечертив по-своему[4*]. Если же я ошибаюсь и этого нельзя сделать будет так легко и скоро, как я думаю, то, разумеется, нужно будет ограничиться залогом пока некоторых незапутанных селений, наделенных лишнею пропорциею земли, а потом уже переделавши все, как сказано, взять свидетельство на остальные души с 6-десятинною пропорциею. Если Вы действительно найдете, что на все это потребуется слишком много времени, например, полгода, то я решился бы подождать, если бы Вы могли на это время перехватить у Плотицына[5*] тысяч 50 серебром, заплативши ему умеренные проценты. Я ему выдам от себя акт или предоставлю Вам сделать формальный заем. Для обеспечения я готов дать и заклад, но это может помешать свободной выправке свидетельства. Если же, наконец, нельзя вскорости будет сделать ни того, ни другого, ни достать денег,

---

[1*] Пропуск в рукописи (*примеч. ред.*)

[2*] Число выкупленных душ не проставлено.— Это здесь идет речь о тех расходах денег, "вымучиваемых у мужика", о которых Журавский посылал документ, удивлявший его статьями затрат.

[3*] Мы видели, что Журавский стеснялся представлять имения к залогу, имея в виду разницу, происшедшую в действительном населении их.

[4*] Д.П.Журавский, разумеется, уже совсем был бы неудобен к тому, чтобы "свертеть" такое дело в порядке, рекомендованном свиты Его Императорского Величества генерал-адъютантом Львом Ал<ександровичем> Нарышкиным, и потому можно ли упрекать Дмитрия Петровича, что он уходил, *опасаясь неприятностей?*

[5*] Скопца Максима Плотицына, наполнившего недавно скандальные хроники славою своих связей с лицами весьма видных положений и несмотря на все это не перевершившего приговора судов, учрежденных на незыблемых основаниях ныне царствующим Государем[12].

в таком случае надобно будет решиться вновь заложить саратовские имения, не делая нового надела землями. Ожидаю на все это с первою почтою Вашего мнения и, если можно, то и предварительного приступа к делу. Так или сяк окончить надобно, ибо при дальнейшей медленности я могу встретить большие затруднения. Сделайте одолжение, почтеннейший Николай Викторович, разрешите все наши недоумения и неумение, от одного Вас ожидаю я скорого, основательного и точного окончания дела.— С душевным почтением и совершенною преданностью имею честь быть, милостивый государь, Ваш покорный слуга Лев Нарышкин.

После этого письма Льва Александровича Нарышкина, желавшего, как видим, залога его имений по планам, составленным "домашними средствами", без поверки казенным землемером, который на то, "конечно, согласится" под воздействием "действительных средств", положение Журавского в нарышкинских имениях стало для последнего невыносимо, и 2-го мая 1845 года Журавский писал следующее:

№ 12

С. Завьялово. 2 мая 1845 г.

Милостивый государь Николай Викторович!

Нетерпение мое выехать так велико, что я решаюсь обеспокоить Вас покорнейшею просьбою уведомить через посланного, могу ли я надеяться на удовольствие передать Вам имение во временное или всегдашнее управление, как того желает Лев Александрович. С месяц назад я послал к Вам длинное письмо с разными известиями и приложениями и со дня на день ожидал уведомления о Ваших намерениях насчет здешнего управления. Для меня очень важно теперь время, ибо каждый потерянный день отдаляет устройство в новом положении. Я не оставляю мысли сделаться колонистом; думаю, это — лучшее положение. Худо зависеть от знатных, еще хуже иметь у себя в зависимости незнатных — эту дворовую челядь; теперь не желаю ни того, ни другого. Со Львом Александровичем, кажется, расстанусь мирно, если только не заблагорассудится ему приписать мне в вину худое состояние озимей, о которых посылаю ему на днях обстоятельное уведомление. Перед Святою я отправил ему отчет о моем управлении; копия с него остается здесь при делах. Желал бы, чтобы труды мои заслужили одобрение Ваше. Генерал просил меня предложить крестьянам выкупаться на волю до 1000 душ разом, почем могут дать. Два только селения дали такой отзыв: пусть владелец получит за выкуп их от казны по 500 р<ублей> асс<игнациями> за душу с 10 десят<ин> земли, а они потом станут уплачивать казне по срокам. Другие все отказываются по безденежью — Лев Александрович согласен на уменьшение оброка и сложение недоимок за хлеб, но ожидает отзыва моего о выкупе на волю, чтобы дать формальное разрешение. Повторяя покорнейшую мою просьбу поставить меня в известность насчет времени передачи имения, с глубочайшим почтением и истинною преданностью имею честь быть и проч.

Д. Журавский.

Этим письмом прекращается переписка из с. Завьялова и начинаются письма из Киева[13].

№ 13

15 июля 1845 г. Киев

Милостивый государь Николай Викторович!

Вот уже с месяц как я приехал в Киев весьма благополучно и так захлопотался устройством себя, что поневоле лишил себя удовольствия побеседовать с Вами. Сообразно с моей целью я уже приискал и купил в 4 верстах от города хутор совершенно в моем вкусе — 20 десятин, покрытых превосходным дубовым лесом, с приятным местоположением. Цена ему 3 т<ысячи> руб<лей> сер<ебром> с рассрочкой платежа. Статьи дохода будут — садоводство и огородничество, которых продукты всегда в высокой цене; можно еще устроить кирпичный завод; наконец — дрова и сено. Все это вместе, с приложением труда, искусства и оборотливости, может со временем обеспечить все потребности, но пока не обзаведусь и не выплачу долга, необходимо мне послужить. И в этом дебют мой довольно удачен: обещают занятие, сообразное с моими обстоятельствами, т.е. не препятствующее частному моему хозяйству на хуторе. Теперь я весь занят приготовлениями к постройке на хуторе маленького домика, в котором желал бы перезимовать. При малых моих средствах это дело труднее всяких больших преобразований и устройств при соразмерных силах. Главное затруднение испытываю в рабочих людях. Здешние городские хохлы работают как безрукие, и то не иначе как тогда, когда не на что им более пить. Вообще в простом народе заметна здесь глубокая порча, происходящая от множества причин. *Только и можно что-нибудь сделать с русскими людьми*[1*], которых здесь довольно на оброке, но все они завербованы в артели подрядчиков разных работ. Не найдете ли Вы возможным отпустить ко мне по билету, с платежом оброка, какую-либо семью из завьяловских дворовых, именно я желал бы иметь Евдокима Щербакова с женою, бывшего, кажется, учеником у бондаря? Если это статочное дело, то я бы покорнейше просил Вас приказать купить ему на мой счет лошадь и отправить сюда по возможности, адресуя их на мое имя, *в Киев, в Куреневку-на-Сверцу, на хутор Зубатова*, где я живу, пока устраиваюсь у себя. Излишне упоминать, что ни в каком случае я не желаю, чтобы это одолжение компрометировало Вас в чем-либо перед доверителем — кстати, о нем. Я долго колебался, отвечать ли ему, т.е. Л.А.Нарышкину, на последнее письмо его, в котором так ясно дает знать, что все труды мои он ставит ни во что; но для собственного покоя предпочитаю прекратить всякие с ним сношения и забыть о его существовании: никогда, впрочем, не доводилось мне видеть в таком безобразии эгоизма, соединенного с неспособностью ума. Для наблюдения психологов это бесценный субъект. Приятные уверения во всегдашней дружбе и уважении Коврайского окончились с немилостью ко мне его патрона, и как последние мои к нему письма из Завьялова остались без ответа, то я не считаю нужным возобновлять этой переписки, дорожа только связями, основанными на взаимном уважении, без посторонних видов. Душевно желая вам всего лучшего в мире, с глубоким уважением и искреннею преданностию имею честь и проч.

Дм. Журавский.

Этим оканчивается переписка Журавского, касающаяся его забот и попечений об улучшении быта крестьян в саратовских имениях генерал-адъютанта

[1*] Это свидетельство Дмитрия Петровича должно иметь особое значение для украинских хохломанов, считавших некогда покойного Журавского "своим" и недругом великорусского племени. Дмитр<ия> Петровича не минул и такой поклеп, которым некоторые досужие люди, вероятно, рассчитывали оказать ему известную любезность и даже похвалу.

Л.А.Нарышкина, характер и правила которого тоже очень рельефно вырисовываются в последнем из приведенных здесь писем. Записка Журавского о положении крестьян, хотя хронологически и относится ко времени этих писем, но будет напечатана отдельно от них как документ вполне самостоятельного значения. А остальные письма Журавского, которые за сим поступают, будут помещены в следующей книжке. Они содержат в себе историю киевских неудач, злоключений и невыдержек Журавского, быстрыми шагами шедшего к истощению сил, надежд и упований и не истощавшегося только одним — силой терпенья.

№ 14[14]

2 октября 1845. Киев.

Совершенно согласен с припискою Вашею в письме 7 августа, что пошлые формы эпистолярные — излишние между нами, и потому прошу отбросить их и почтить меня тем же обращением, какое имели с П.А.Габбе[1*]: быть его преемником в Вашей дружбе и расположении — много уменьшило бы запас мизантропии, накопившейся от весьма редкой встречи с людьми, достойными полного уважения и сочувствия.— Я замедлил ответом на письмо 7 августа по множеству забот о постройке себе домика на купленном хуторе. Сухая теплая осень благоприятствует работам, и в половине этого месяца надеюсь водвориться в одной половине дома, а отделку другой половины и хозяйственные строения оставлю до следующего года по недостатку грошей, ибо на деле всегда выходит издержек вдвое более, чем на бумаге. Впрочем, нельзя сказать, чтобы материалы были здесь дороги, кроме кирпича, который продается по 35 р<ублей> ас<сигнациями> за тысячу. Устроил помещение в самой роще, в виде хозяйственной усадьбы, с сомкнутым двором, и желал бы оставаться там безвыходно, но средства не позволят еще долго. Здешние хутора на речке Сырце (идет в Днепр) составляют особый мир, населенный большею частью пансионерами, с разными изъянами, добытыми на войне и на службе[2*]; есть и промышленники, которые нехудо ведут свои дела; напр<имер>, сосед мой купец Серебрянников выделывает в огромном заведении до 70 т. кож; у многих на той же речке мельницы; землею же вовсе не занимаются. Иные хуторяне извлекают до́ход от гулянья; напр<имер>, некто Лукашевич имеет недалеко деревню в 200 душ, из которых половина всегда на работе в садах и оранжереях его хутора, где берут за вход по 15 к<опеек> сер<ебром> с человека, публика бывает часто 500 и иногда до 1000 в день; сочтите, что это приносит дохода, вместе с буфетом, заказными обедами и т.п.[3*]. Наконец, последний, самый низменный разряд, к которому и я имею честь принадлежать, занимается об-

---

[1*] Николай Викторович Веригин, к которому писал все печатаемые нынче письма Журавский, был очень дружен с Габбе и вместе с ним и Пущиным пострадал по известной истории лейб-гвардии Литовского полка с Цесаревичем Константином Павловичем.— Зная большую и испытанную дружбу Веригина с Габбе, Журавский ее и разумеет, говоря об удовольствии "быть ее преемником"[15].

[2*] Военными и гражданскими чиновниками, которых в Киев манули прекрасная украинская природа и дешевизна жизненных продуктов. Люди эти немало содействовали расширению городских пределов Киева. Они оседливались по окрестностям и заводили хутора, из которых многие уже взошли в городскую черту. Среди такого-то "изъянистого" народа поселился было на реке Сырце и Журавский, как и следовало ожидать, и здесь долго ужиться в мире с собою не мог.

[3*] Здесь Журавский говорит об известной под Киевом даче *Кинь-грусть*, устроенной богатым владельцем для своей *грустившей* молодой жены. Д.П. ошибается, полагая, что эта дача приносила большие доходы: она всегда давала убытки и с прекращением крепостного права даже перешла в еврейские руки, подобно множеству других барских затей в Юго-западном крае. По старой памяти ее еще считают собственностью Кушелева-Безбородко[16].

работкой земли, т.е. огородами и садами: хорошие цены в городе на всякий продукт могут приносить доход, впрочем, всегда зависимый от урожая. Недостаток в хороших работниках — большое здесь неудобство, и, если бы я это предвидел, то купил бы несколько семейств в Ваших местах. Много Вам благодарен за обещание прислать человека; это будет истинное одолжение. Очень меня заинтересовал вопрос Ваш о доходности здешних имений и намерение купить под Киевом деревеньку. Если это для того, чтобы со временем поселиться в ней, то соседство Ваше было бы для меня счастьем, и много хорошего могли бы мы написать и приобресть влияние в русском мыслящем мире. Сказать ли мое мнение? Вы составили себе богатый запас практического знания; Вам Бог дал верный и острый взгляд на вещи; истинные отечественные пользы Вам вполне известны. Заведовая чужими имениями, устраивая даже собственное имение по своим мыслям, Вы не принесете современникам той пользы, какую могли бы им принести, ибо труды Ваши и мнения и знания для большей части останутся безгласными и потерянными, между тем как теперь именно наше дворянство и даже правительство более всего нуждаются в наставлении и указаниях людей, подобных Вам, и, без сомнения, ни военная, ни гражданская служба, ни литература в обыкновенном ее значении, ни спекуляция и ничто другое не может дать такого обширного и глубокого влияния, как правдивое, бескорыстное дельное слово благонамеренных людей. Я смотрю с этой точки на издание хозяйственного журнала; но считаю этого недостаточным для распространения доброго учения о пользах нашего земства. Нужно собрать и свести в одно стройное целое все наши мнения о важнейших государственных предметах и обработать их фундаментально, так чтобы вышло большое сочинение, достойный след нашего бытия,— проводник наших чувств и мыслей в головы и сердца правителей и владельцев.— Но что я один могу сделать при моих обстоятельствах, при неровности духа? Признаюсь откровенно, что теперь в таком предприятии одно Ваше сотрудничество и личное участие в деле могло бы привести его к концу; в Вас — много есть, чего во мне недостает для просвещения других, а не доверяя себе, никогда не отважусь на такой подвиг (в большом виде и постоянно) — один. Климат точно здесь очень хорош: лучшее тому доказательство, что здоровье жены в короткое время много поправилось, и хуторская жизнь идет ей впрок. Определение мое на службу замедлилось сначала отсутствием Бибикова[1*], потом проездом Государя, а более, думаю, общим пренебрежением *к просителю* — роль нестерпимо тяжелая, да делать нечего. Я разделяю Ваши мысли насчет служебных мест: точно, *они вообще не согласуются с правилами честного человека;* но есть одно место, как нарочно для меня созданное, которое я занимал уже три раза и надеюсь получить и в четвертый; это *по особым поручениям* при генерал-губернаторе, с одними письменными обязанностями; и то выговариваю себе заниматься у себя дома и чтобы не посылали в командировки. Этим путем доходило до правительства много моих мыслей, с которых жатву пожинали всегда другие, но это для меня уже дело привычное. Дали бы только хотя 1000 р<ублей> сер<ебром> жалованья, я и удовольствуюсь. На этих днях должно решиться мое определение. Рекомендует меня прежняя служба и некоторые бумаги, представленные в удостоверение моей грамотности. Эти рекомендации лучше писем вельможи, мало уважаемого и привыкшего считать их дешевым средством к расплате с людьми,

---

[1*] Дмитрия Гавриловича Бибикова, бывшего киевского военного, подольского и волынского генерал-губернатора, введшего инвентарные положения в Юго-западном крае и тем впервые обуздавшего произвол и жестокосердие помещиков. По солидарности стремлений Д.Г.Бибикова и Журавского последний, кажется, должен бы быть чистейшею и дорогою находкою для обуздателя вотчинного произвола, но на деле вышло не то: Журавский толкался в двери и не достучался[17].

его обязавшими своими трудами. Остается мне просить извинения за длинное письмо, которое, вероятно, не успеете прочесть в один раз; но мне так приятно было побеседовать с Вами, что невольно увлекся за границы терпения читателя. Желая Вам от души всего лучшего, остаюсь всегда Вам преданным.

Д.Журавский.

NB: Свидетельствую Вам почтение и добрую память от жены.

№ 15

23 января 1846 г. Киев.

Два месяца назад, именно 20 ноября, я имел удовольствие писать к Вам, многоуважаемый Николай Викторович; а от Вас три месяца не имею никакого известия. Объясняю себе Ваше молчание множеством работ по продаже огромных масс хлеба в эту пору и надеюсь, что порадуете меня несколькими строками, когда будет Вам посвободнее. Между прочим я уведомлял Вас в последнем письме о неудаче моей по определению к Бибикову, о расстройстве моих планов насчет хутора и делал предположения о приобретении его Вам. Не знаю, в какую сторону Вы приняли последние — и я в особенности желал бы, чтобы Вы успокоили меня на этот счет, но если признали бы их неуместными, то, надеюсь, объясните это мне с откровенностью, равною моей. Но ни в каком случае не смею подумать, чтобы это обстоятельство могло набросить тень на Вашу дружбу и расположение ко мне, тем более, что в сущности я имел в виду отблагодарить Вас за то и другое со временем в лице наследников Ваших. Как бы то ни было, надобно считать теперь эти виды приятною фантазиею, не сбывшеюся, как тысяча других, и сообразно с этим я уже устроился — хутор взял окончательно и заключил уже контракт, в аренду на 9 лет, с платою в первые три года по 60 р<ублей> сер<ебром>, а в остальные по 100 р<ублей> сер<ебром>, следовательно имею впереди довольно времени собрать требуемую за эту землю сумму. Между тем я сошелся с здешним губернатором Ив<аном> Ив<ановичем> Фундуклеем и нашел в нем человека, кажется, доброго. На первый случай он составил мне из разных источников 3 т<ысячи> р<ублей> ас<сигнациями> годового содержания, из которых уже пользуюсь третьею частью, а остальною — в скором времени. Обязанности мои писать статьи для неофициальной части здешних губернских ведомостей и обработывать разные предметы, относящиеся к археологии и статистике здешнего края,— предметы, до которых сам Ив<ан> Ив<анович> большой охотник. Занятия мне по вкусу, не требуют частых поездок в город и занимают немного времени, так что остается еще его довольно на хозяйство и на другие письменные занятия. Из последних у меня теперь готовится к печати,— если только цензура не наложит своих когтей,— сочинение под названием: *Об источниках и употреблении статистических сведений.* Критический взгляд на этот предмет дает повод высказать много истин полезных, хотя и не совсем приятных для тех, до кого они касаются. В продолжение этой работы не раз я думал, как бы много она выиграла, если бы сопровождалася беседами с Вами, ибо, повторяю, никто не ценит выше меня Ваш ясный, глубоко практический взгляд на вещи. Я намерен просить Ив<ана> Ив<анови>ча, чтобы он приказал отпечатать это сочинение в городской типографии в кредит мне, с возвратом издержек из выручки, потому, что сам решительно не могу и опасаюсь,— оборвавшись уже не раз на изданиях,— рискнуть на это 200 или 300 р<ублей> сер<ебром> Всего отпечатается 600 экз<емпляров>. Позвольте узнать, будут ли в Ваших сторонах охотники на такое сочинение. Кстати, вспоминаю теперь, что в одном из Ваших писем Вы предлагаете напечатать мою записку о крестьянах. Это невозможно, ибо цензура никогда не пропустит мнений, там выраженных, или ис-

казит их немилосердно[1*]; и, полагаю, по этой самой причине Ученый комитет Госуд<аря> Им<ператора> не печатает по сю пору моих записок, как предлагал и объявлял сначала.— Извините, что пишу так много о себе; я предпочитал бы — писать о Вас самих, но Вы не даете темы, и я остаюсь в неизвестности о том, что Вы делаете, что думаете, что предполагаете,— предметы в высшей степени для меня интересные! Вот теперь у нас издают книгу “Сельское чтение” для образования крестьянина. Составляется она хорошо и умными людьми, только для окончательной пользы остается узнать, *как она читается и толкуется* теми, для которых предназначена, и не предпочитают ли ей сказок о Бове Королевиче и т.п. Этот интересный вопрос Вам, как опытному наблюдателю, легко привести в ясность, и Вы много меня одолжили бы сообщением наблюдений Ваших. [Теперь в Киеве контракты, народа наехало множество, имения продаются едва ли не все, какие есть в губернии.— Я ищу, но без успеха, купить небольшую семью душ из 2 или 3-х и приискать садовника, в котором весьма нуждаюсь, пока сам не привык к садоводству][2*]. От Л<ьва> Ал<ександрови>ча на мое письмо не получил никакого ответа. Бог с ним! Желаю Вам от себя и от жены исполнения задушевных желаний Ваших в нынешнем году, остаюсь искренно преданный Вам

Д.Журавский.

№ 16

26 февраля 1846. Киев.

Доказательством тому, что Ваше молчание не поселило во мне ни малейшего сомнения, служит, во-первых, полное мое доверие в Ваш характер и образ мыслей, а, во-вторых, письмо мое от 25 января, отправленное прежде получения Вашего ответа (18 января). Только, признаюсь, я посовестился, что, при множестве занятий Ваших, я обременил еще Вас собственным делом. Грустные мысли возбудило во мне последнее письмо Ваше. Отчего судьба так устраивает дела, что где имеешь право получить возмездие за труд тяжкий и добросовестный, там ничего не дают, а скорее самого введут в убыток; а где не имеешь никакого права, ничего не заслужил,— там предлагают благо — да взять нельзя. Встретился в жизни с человеком, с которым рад бы всю жизнь провести вместе,— одного обстоятельства тянут на восток, другого — на запад. Вся жизнь наша сплетена из таких противоречий, ясно обнаруживающих вмешательство какой-то враждебной силы в дела наши. Буду отвечать на Ваше дружеское предложение приютить меня в деревне Вашей с полною откровенностью. Вы — один из числа весьма редких людей, от которых можно человеку благородному принять добро не краснея, с спокойным, благородным сердцем, и я благословил бы судьбу, если бы она допустила меня устроиться так, как Вы предполагаете, тем более, что и в этом положении я нашел бы средства быть Вам полезным. Но, к сожалению, к глубокому сожалению моему, в настоящее время нет возможности решиться на такую перемену. Главное то, что я уже *здесь устроился* надолго, как Вы видели из последнего письма моего. От меня настоятельно требовали окончания дела о хуторе или покупкою, или наймом.

[1*] Записка эта находится ныне у Н.С.Лескова. Она содержит в себе около 25 писаных (приблизительно около четырех печатных) листов и озаглавлена так: “Исследование о нынешнем состоянии и средствах по улучшению быта крепостных людей”. Правда, что она, не будучи предназначена для печати, написана очень искренно и откровенно, но тем не менее теперь, кажется, не встретится никаких препятствий к ее напечатанию. Там, между прочим, есть и замечательные мысли Журавского о воспитании крестьянских детей.

[2*] Вычеркнуто Лесковым (*примеч. ред.*)

Я решился на последнее и заключил на 9 лет формальный контракт. Потом я употребил значительный для моего состояния капитал на постройку дома с хозяйственными принадлежностями, на расчистку леса, на закладку сада, огородов и т.п. Бросить все это невозможно, а охотников купить и принять контракт здесь не найдется. Другая, не менее важная причина — это разница в климате, о которой Вы можете судить из того, что 30 ноября мы еще пересаживали здесь кусты малины; зима началась с первых чисел декабря и кончилась 10 февраля; раза два-три было до 15 гр<адусов> холода, остальное зимнее время весьма сносное. Теперь у нас тепло; снег давно пропал; Днепр уже выливается из берегов; на днях опять принимаемся за земляную работу. Добрый климат для всех благо, а для людей слабых здоровьем — необходимость; поэтому-то мы очень дорожим этим удобством. Из этого Вы видите невозможность воспользоваться добрым предложением Вашим; но отказываясь от него, позвольте сказать Вам, что оно дало мне понятие об отрадном чувстве, мне неизвестном доселе,— о бескорыстном, искреннем участии человека, заслуживающего во всех отношениях полной преданности и уважения[1*]. Я не избалован людьми... напротив; и тем живее я чувствую, что Вы для меня делаете и желаете сделать. И как мне отблагодарить за эти хлопоты о доставлении мне занятий в Киеве, за это дружеское предложение приютить меня в деревне Вашей, за участие и дружбу, столь для меня драгоценные? Уверения в взаимности, благодарение, фразы — тут излишние. Люди, испытавшие жизнь и людей, под конец мало чему верят, но верование никогда не исчезает совершенно; всегда остаются в душе заветные исключения, в числе которых, не сомневаюсь, Вы поместите и мои к вам чувства и готовность служить всеми средствами, настоящими и будущими. В последнем письме я сообщил Вам мои занятия и виды по части *заработка.* В дополнение скажу, что открыл здесь одного афериста, который, между прочим, занимается также и печатанием за свой счет чужих рукописей, с разделом выручки пополам, по вычете издержек. Думаю, что на таком основании отдам ему печатать и мою рукопись *об источниках и употреблении статистических сведений,* почти уже готовую.— Кроме того, занимаюсь для него же, в видах чисто коммерческих, переводом кое-чего из сочинений *Сю,* которые, он думает, *пойдут в ход.* Последнее занятие мне не очень нравится, потому что оно почти механическое, и притом несносно подчинять свои мысли чужим мыслям. Лет десять назад я напечатал в Петербурге два или три перевода и никакой не получил пользы. На контрактах я виделся с Бренделем и узнал от него о генерале Нарышкине. Действительно, на него нельзя теперь полагаться. Между прочим, Брендель сказывал, что на дом в Петерб<урге> подписан генералом акт о займе им у Марьи Ант<оновны> 600 т<ысяч>, с платою по 6% и с обязательством возвратить эту сумму по востребованию, и что этот акт передан на имя Эмман<уила> Дмитр<иевича>, о чем и сообщаю на всякий случай. Берхгольц за сделанные ему неприятности получил от генерала в подарок часы и драгоценный перстень! Из чего же я с ним воевал за Льва Александровича?.. Жена Вам кланяется и вполне разделяет мою признательность за дружеское приглашение в Тамб<овскую> губер<нию>. И желала бы, да еще не оправилась от Завьялова. Прощайте.

Преданный Вам Д. Журавский.

[1*] Здесь можно остановить на минуту внимание читателя, напомнив, что Н.В.Веригин при неудовольствии Журавского с Нарышкиным изъявил готовность отказаться для Журавского от управления тамбовскими имениями Л.А.Нарышкина, а теперь предлагает ему, *бесприютному,* свой кров, хлеб и соль, т.е. все, что только может предложить дружба редкая и достойная почтения во все веки.

№ 17

22 апреля 1846. Киев.

Последнее письмо мое к Вам было 27 февраля, вскоре после которого получен Ваш повторительный ответ от 16 февраля на предшествовавшие предположения. Теперь они кончились, и результат тот, что я остаюсь на западе, Вы на востоке, но несмотря на то облегчили искренним своим участием трудное время первого устройства на новом месте. Время это миновалось большею частью, и теперь труды мои имеют определенную цель и план. Вот уже два месяца, как начались наши хуторские работы: достраиваемся, расчищаем землю от пней и кустарников, пашем и копаем, сеем: арбузы, дыни, цветную капусту, огурцы, картофель и т.п., пересаживаем ягодные кусты, заводим цветы; зимой еще устроили парники, и теперь уже продается с них салата и редиса *на 5 р<ублей> сер<ебром> — первый доход;* а огурцы уже в цвету, и цена им до рубля серебром за десяток. Главный доход на этот год должен быть от арбузов и дынь, если родятся. Среди всех этих забот, которых большую часть принимает на себя жена,— охота пуще неволи,— продолжаю письменные занятия. Статистическое свое сочинение кончил и скоро напечатаю; подписку на него объявлять заранее не желаю, а прошу обратить на него внимание любителей правого слова, когда получите от меня первый экземпляр; цена же будет, думаю, 1 1/2 р<убля> сер<ебром> с пересылкой. Теперь занимаюсь статистикой Киева; хочу составить ее согласно с моим взглядом на статистику как науку, но встречаю большие затруднения в недостаточности и неверности источников сведений. Имею в виду к зиме заняться некоторыми сочинениями более важными, но это будет зависеть от того, как оценят и придется ли по вкусу моя первая книга. Весьма я далек от авторского самолюбия, и признаюсь, я вовсе не уверен по сю пору, есть ли в голове моей что-нибудь более или лучше, чем у других, и что может быть им полезно. Весьма возможно, что мысли, которые мне кажутся новыми, великими, общеполезными,— совсем не таковы в глазах других мыслителей; потому-то желаю строгого разбора, если удостоят, и когда решат по справедливости — *не гож* — не буду более писать, а займусь прилежнее земледелием; в противном случае надо будет высказать все, что Бог вложил на ум и сердце. Недавно мне попался в моих бумагах брульон проекта о выпуске крестьян на волю,— проект, составленный в Завьялове и потом забытый. *Моя мысль была предложить генералу, чтобы он ввел в свои имения Высочайше утвержденный, неизменный и обязательный для наследников порядок выпуска крестьян и дворовых на волю, по прослужению без важных вин известного числа лет, положим, как в военной службе — 20 лет рабочих, считая с года женитьбы крестьянина.* Этим средством вечное крепостное состояние обратилось бы во временно-обязанное, большая часть детей оставались бы за помещиком, который выиграл бы усердием службы крестьянина, а крестьянину открылась бы будущность: от 40 лет он будет еще иметь вольных детей. Не желаете ли заняться этим предметом и выполнить его до возможной степени хоть через Эмман<уила> Дмитр<иевича>, может быть, и другие помещики найдут в этом свою пользу. Когда займетесь, то я всегда готов обработать и развить эту мысль до практического ее применения, а Вы переработаете и наложите на нее печать возможности (sic). Свидетельствую вместе с женою искреннее к Вам уважение и желание всего лучшего.

Ваш Д.Журавский.

№ 18

30 июня 1846. Киев.

[Благодарю Вас за откровенное объяснение насчет моей просьбы об отпуске Ахимова на волю, и будьте уверены, что я совершенно постигаю и разделяю чувство справедливости, не позволяющее Вам согласиться на это. Только меня огорчило, что человек, которого считал доселе лучше других, оказывается по своей должности неблагонадежным и по настоящему и за прошлое время. Касательно упущений, какие могут открываться по денежным счетам Ахимова за время моего управления, считаю нелишним уведомить Вас, что при отъезде из Завьялова я приказал сделать аккуратные выписки из денежных книг по всем статьям, касающимся моих личных расчетов с конторою; эти выборки, написанные рукою Ахимова, и теперь у меня целы и могут служить для сличения, если бы оказались какие-либо статьи, впоследствии вдвойне на меня прописанные, как делается с отсутствующими. Но довольно об этом дрязге...][1*] Из письма Вашего от 27 мая вижу, что весь июнь Вы проведете в разъездах; добрая моя звезда не приведет ли Вас когда-нибудь в мою сторону, в Киев, что было бы приятнейшею эпохою в моем хуторском быту. Первый год моего хозяйства весьма неудачен. Холода в апреле и мае уничтожили много огородных посевов и рассадок; многое, например арбузы и дыни, подсевали до трех раз, а все пошла в рост малая только часть. Между тем все это стоило издержек и большого труда, а в приходе, по-видимому, окажется только *опытность*. Не лучше в хозяйственном смысле идут и письменные занятия, литературное поле — часть столько же неблагодарная, как и пашня. С нового году поручили мне огромную работу, весьма трудную для того, кто привык работать по крайней своей силе и разумению,— *Статистику Киевской губернии*. Ценят мой труд, дорожат им, расхваливают — *на словах; но никак не могут понять, что труд требует соразмерного вознаграждения;* и здесь, как и везде, справедлива пословица: что "сытый голодного не понимает" По условию, я должен был получать содержание с начала года, а мне его назначили с половины — чистый мой убыток в 1500 р<ублей> асс<игнациями>. Не видя здесь до сих пор никакого внимания к моим нуждам, подумываю устроиться иначе, но в здешней губернии, и именно — заняться опять главным управлением частных имений, удержав за собою хутор и заведение как пристанище. Много есть неприятного и в этом звании, но по крайней мере оно сможет обеспечить со временем честным образом состояние бедного человека, а служба никогда. Вся трудность — и трудность наибольшая — сойтись с владельцем — порядочным и благородным человеком, который умел бы понять и оценить труд такого же порядочного и благородного человека. Из здешних *польских помещиков* весьма сомнительно найти такого, но есть здесь много и русских помещиков, которые не живут сами в имениях и могут нуждаться в надежных управляющих, напр<имер> Воронцовы, Орловы, Багратион, Давыдовы, Лопухины, Бобринские, Раевские, наследники Абрамовича, Трощинский; у всех этих фамилий есть значительные имения в здешней губернии; но я никого из них не знаю; вероятно, они живут в Петербурге, а там рекомендателей не имею. Из польских фамилий самыми большими имениями владеют: Браницкие (4 брата по 28 т<ысяч> д<есятин> каждый), Потоцкие, Радзивиллы, Понятовские, Олизары, Сабаньские, Дзялынские и т.д. Прошу Вас, если случится узнать, что из числа поименованных есть хорошие люди, нуждающиеся в услугах по имениям, сообщите мне и окажите тогда содействие. Книжку мою я получил наконец из цензуры, с которою немало было хлопот; иные места отстоял, другие изменил, третьи исключил

[1*] Вычеркнуто Лесковым (*примеч. ред.*)

вовсе[1*]. Теперь решился печатать на свой счет, т.е. бумагу взять на кредит; плату в типографию тоже рассрочить на выручку. Теперь уже печатается и скоро будет готова. Поэтому если не предвидите для себя затруднения или неудобства, то много обяжете, если теперь же приступите к открытию подписки на эту книгу, которой титул *"Об источниках и употреблении статистических сведений"*, а цена с пересылкой 1 1/2 руб<ля> сереб<ром>. По получении от Вас адресов подписавшихся тотчас будут высланы и книги. Душевно преданный

Д.Журавский.

№ 19

14 августа 1846. Киев.

Давно не имел удовольствия получать от Вас известий. Недель шесть тому я писал к Вам, и между прочим о том, что книжка моя "Об источниках и употреблении статистических сведений" отдана уже в печать. Теперь она вышла в свет, и первый экземпляр спешу отправить к Вам как к достойному ценителю благонамеренного труда[2*]. Это сочинение, в котором обширный предмет позволил коснуться многих важных вопросов, можно считать введением к нескольким другим сочинениям, которые имею в голове; не знаю, выйдут ли они из нее когда-либо. Жаль, что мы не вместе; много хорошего могли бы сказать современникам на пользу ближайшего поколения. Но и то правда, *делать* доброе гораздо выше и полезнее, нежели *говорить* доброе слово. Первое относится к Вам; последнее — может быть, ко мне, если и другие то же скажут. Книгу мою начинают уже требовать петербургские книгопродавцы, но как эта книга — серьезная, то главный сбыт ее может быть успешным при пособии рекомендателей с весом, как Вы, и потому, согласно с обещанием Вашим, стану ожидать требований из Вашей стороны; причем прошу покорно уведомить, можно ли будет доставить все требуемое количество экземпляров к Вам для сокращения значительных расходов на пересылку. Положение мое и намерение все то же. На днях ожидают сюда графа Киселева[20]; едет, говорят, в свои имения; просился бы к нему в главноуправляющие, если бы было кому слово замолвить. О Льве Александро<виче> я ничего не знаю.— Прочитавши книжку, прошу Вас сообщить заметки на мысли и факты, на которые обратите внимание,— впрочем, если будет досуг. Теперь такое хозяйственное время, что не до книг. Жена Вам кланяется, а я свидетельствую вновь искреннее мое уважение и преданность.

Ваш Д.Журавский.

[1*] Книгу Д.П.Журавского "Об источниках и употреблении статистических сведений" цензуровал профессор университета св. Владимира Александр Алексеевич Федотов-Чеховский[18], которого отнюдь нельзя было считать цензором несносным и придирчивым; но понятно, что в сороковых годах, когда цензор Елагин[19] даже цензуровал письменные транспаранты, все мало-мальски живое казалось и страшным, и опасным.

[2*] Книга эта вышла в свет в мае месяце 1846 года. Печатана она в типографии И.Вальнера, уже в настоящее время в Киеве не существующей. Книга состоит из двух отделов и имеет 210 страниц.

№ 20

1-го октября 1846. Киев.

На днях получил письмо Ваше от 26 августа: тем приятнее оно мне было, что давно уже не имел от Вас известий. То, что Вы пишете о беспорядках, найденных при сдаче завьяловских степей, не удивляет меня. Очень помню сноровки, какими старались обманывать и меня и не допустить с самого начала привести в известность все участки; составление их планов, разбивка в натуре и устройство особой отчетности по расходу земель казались мне надежными средствами иметь во всегдашней известности каждый клочок земли при ежегодной поверке их в натуре после сдач; много я трудился над этим, но, видно, самое действительное средство заключается в непосредственном надзоре лица, управляющего на месте, и, конечно, менее всего можно полагаться на честность сдатчиков. Впрочем, думаю, что как ни велика порча нравов и плутовство в этом классе людей, только что отделившихся от крестьян, но все не в такой высокой степени, какой достигли наши образованные классы, преимущественно служащие: невольно жалеешь, что не имеешь над ними той карательной власти, какую нам дают владельцы над Самсоновыми, Тимофеями. Это убеждение заставляет меня желать всеми силами души независимости от людей, освобождения от этой бессменной барщины, на какую осужден бедняк. Но вижу, что эта цель если и доступная, то очень еще далекая. И что всего хуже — воспитание и образованный быт вкореняет в нас много потребностей искусственных, которые увеличивают зависимость от людей и делают труднее самостоятельное положение. Представляю Вам из любопытства результат первого опыта хуторского хозяйства, на котором основываю план будущей независимости. В продолжение года *Приход*: от продажи продуктов 150 р<ублей> ас<сигнациями>, собрано сена на 130 р<ублей>, дров на 100, всего 380 р<ублей> ас<сигнациями>. *Расход*: на орудия, семена, кусты 240 р<ублей> ас<сигнациями>, на рабочих издержано 210 р<ублей>, всего 660 р<ублей>, чистого убытка на 280 р<ублей> ас<сигнациями>. Несмотря на то я считаю этот результат не совсем худым, взяв в соображение худой год для огородов и значительные временные издержки на заведение и на трудную разработку земли, состоящую из сплетения корней. Поэтому располагаю продолжать хуторствовать и на следующий год, тем более, что приживаюсь к месту и имею занятие в городе, т.е. статистику Киевской губернии, которую (т.е. статистику) обрабатываю по собственным понятиям, и полагаю, выйдет нечто удовлетворительное. Говорят, что *нет плода без труда*; это несправедливо: есть, и по большей части плод без труда и есть *труд без плода*. Последняя моя доля; вот и теперь после тяжкой, упорной работы более года повезут мою статистику в Питер, представят министру и выше как “плод неутомимых изысканий и труда” известного лица, которому дадут, что пожелает, а я — чернорабочий — должен буду считать счастьем, если моя спина будет служить ступенью к возвышению другого. Таков порядок везде и во всем и такова доля человека, который не умеет сам пахать землю, а поседел над пером и бумагой — плод *дворянского* воспитания. Теперь, вероятно, Вы уже прочитали мою книжку, и жду с нетерпением откровенного отзыва о ней. Благодарю Вас за обещание заняться зимою сбором подписчиков и за дружеское предложение выслать деньги за 100 экз<емпляров>, если имею надобность. Позвольте не церемониться и сказать, что если не будет затруднения, то Вы этим много меня одолжите, ибо вскорости предстоит расплачиваться с типографией и за бумагу по изданию книги, а наличными — очень небогат. Экземпляры же я вышлю к Вам по оказии и постараюсь вскорости, но во всяком случае не позже первого пути. Мне часто приходится благодарить Вас, между тем по сю пору я не имел еще счас-

тия быть Вам полезным в чем-нибудь. Доставьте мне это истинное удовольствие, а между тем примите еще раз искреннюю признательность за Вашу заботливость о доставлении мне управления по здешним имениям через петербургских корреспондентов Ваших.— Это было бы лучшее в теперешнем моем положении, ибо не предвижу на долгое согласие и лад с людьми, с которыми имею теперь дело. Я взял бы управление и не в одной здешней губернии, но также и не в степных местах Черниговской и Полтавской, лишь бы владелец был хороший человек и место *обитаемое,* от чего зависеть будет и продолжение управления. Знаю, что это последнее обстоятельство заставит Вас пожать плечами, но что делать? признаюсь в этой слабости; внешность и все окружающее меня имеет сильнейшее влияние на мой дух и на все умственные пружины,— такая натура! Теперь Вам будет посвободнее, и я надеюсь на удовольствие пользоваться беседою Вашей чаще летней. Жена Вам кланяется и желает вместе со мною всего лучшего. Преданный Вам Д.Журавский. [И здесь были засухи в то же время, как и у Вас, но сеялись поздно, в сентябре, при влажной теплой погоде, отчего и всходы надежны.— Почему не употребите Ваше влияние в том крае, чтобы обеспечить Товариществом против неурожая? Сосед мой Пав<ел> Дм<итриевич> Зубатов — тот самый, о котором Вы пишете, человек очень хороший и наш наставник в садоводстве. Он Вас помнит и с удовольствием говорил о Вас. Еще я знал в Варшаве другого товарища Вашего, Ник<олая> Андр<еевича> Лахтина. Теперь он тамошний помещик, с майоратом][1*].

№ 21

30 ноября 1846. Киев.

На днях я получил из Москвы уведомление, что партия экземпляров моей книги, отправленная через здешнюю почтовую контору, не дошла к книгопродавцу, к которому была адресована. Это обстоятельство заставило меня подумать: дошел ли до Вас первый экземпляр этой книги, посланный еще 16 августа и о получении которого по сю пору не имею уведомления. Если найдете свободную минуту, выведите меня из сомнения и между прочим уведомите — оставлять ли мне 100 экз<емпляров> моей книги для подписчиков, которых Вы надеялись собрать чрез Ваше посредство? Журналисты, кажется, не поняли значения этого сочинения, приняв его *за ученое,* между тем как оно *политическое в ученой форме.*— Не имея почти ни с кем корреспонденции, не знаю суждения публики. Интересно мне было бы знать Ваше мнение. Здешняя, киевская публика вовсе ничего не читает[2*]. Теперь продолжаю заказную свою статистику; кроме досад и препятствий по работе пока еще ничего не вижу. О русском хлебе теперь много пишут в иностранных журналах, и недавно один английский фермер, ездивший по России с хозяйственною целью, решил дело так: что русская почва, при работе барщиной, при недостатке в средствах сообщения никак не в состоянии завалить английские рынки дешевым хлебом в подрыв тамошним земледельцам. Для северной полосы — справедливо, но для южной — ложно. Фермер полагал, что вся русская почва точно такая, как в С.Петербургской, Псковской, Смоленской губерниях.— И вот на каких известиях основываются суждения иностранцев о важнейших вопросах. Прошу со-

---

[1*] Вычеркнуто Лесковым (*примеч. ред.*)

[2*] Замечательно, что этот прославивший Дмитрия Петровича Журавского труд до сих пор остается почти безвестным публике в Киеве, где, по справедливому замечанию почтенного автора, “ничего не читают”

общить, где теперь Л<ев> Александр<ович> и ведет ли теперь свою переписку. Располагаю, но еще не решился обратиться к нему с предложением доставить мне несколько подписчиков на мою книгу в его кругу.— Хотя и неприятно, но нечего делать: по серьёзности предмета сбыт несколько затруднителен, а платить за издание нужно[1*]. Вряд ли буду вперед печатать за свой счет. Прощайте, будьте здоровы. Жена Вам кланяется.

Душевно преданный Вам Д. Журавский.

№ 22

28 марта 1847. Киев.

В январе я получил первое письмо Ваше в нынешнем году, и через несколько дней после этого явился ко мне Брендель с предложением, не угодно ли мне заняться делами Ольги Станиславовны[21] по Тальновскому имению, т.е. тяжебными и всякими спорными делами. С своей стороны я предложил такие условия: иметь уполномочие от владелицы, а не от Бренделя, оставаться мне в Киеве, где производятся важнейшие дела, и получать за труд 1000 руб<лей> сер<ебром> ежегодно; тогда был бы не нужен особый поверенный в Тальном, сберeглись бы расходы на проезд по делам и разные налоги. С этим Брендель отправился в Петербург на переговоры, и я ожидал его возвращения, чтобы уведомить Вас о последствиях. Теперь меня извещают, что на все мои условия владелица не согласна, желая иметь *поверенного* (которым я никогда не был намерен и именоваться) в распоряжении имения, и чтобы было одно ответственное лицо; наконец, что в мае она сама будет в Тальное и устроит все. Желаю доброго успеха и не намерен более вмешиваться в эти дрязги. Между тем я получил письмо Ваше от 5 марта с 150 руб<лями> сер<ебром>; за присылку благодарю душевно, но не могу не попенять Вам за опасение Ваше, чтобы я не наказал Вас холодностью за замедление. Денежные и всякие интересные дела не могут иметь никаким образом влияния на дружеские отношения наши, основанные на взаимном уважении и оценке добрых качеств. В готовности Вашей к услугам я не сомневался ни на минуту, так же как и Вы не сомневаетесь в моей, хотя и не употребили ее еще в дело: прошу попробовать при случае. Ваша посылка пришла очень кстати: из нее я окончательно расплатился по изданию книги и выручил первый небольшой барыш за труд. Книги 100 экз<емпляров> посылаю на днях через контору транспортов к г. Рязакову для доставки к Вам. Весьма удивляюсь, что Лев Александр<ович> не оставил по завещанию доброй памяти тому, кто так долго и полезно для него трудился, т.е. Вам; это оттого, что Вы были от него далеко; ближних он не забыл.— Не знаю, в какие Вы вступили отношения к гр<афине> Шуваловой, но полагаю, что если не встретится особых затруднений, Вы сделаете доброе дело для 24 т<ысяч> душ ее подданных, продолжая заниматься их устройством; особенно Завьялово,— пропадет, если его покинете. С своей стороны не предвижу возможности заняться когда-либо опять управлением имений; для этого нужно столько условий, что вряд ли они могут встретиться где-нибудь. К тому ж и настоящее мое положение хотя не представляет в будущем никаких выгод, но оно чрезвычайно спокойное и обеспечивает в настоящем. Результат всех отзывов о моей книге и мнение о ней в Петербурге, кажется, указывает мне на новый род занятий или, если хотите, ремесло авторское, которое, может быть,

---

[1*] Книга эта еще и до сих пор встречается в продаже, и из ста экземпляров ее, посланных Журавским Веригину, более 20 экземпляров остаются на руках у сего последнего. По распоряжению Н.В.Веригина эти 20 экземпляров будут переданы А.Ф.Базунову для продажи их с употреблением денег, за них вырученных, в пользу бедных студентов Технологического института.

принесет пользу другим и обеспечит со временем и меня.— Взгляд мой на вещи соответствует настоящим потребностям умов, тем более, что он — добросовестный. Продолжая обрабатывать мою “Статистику Киев<ской> губ<ернии>”, вместе с тем подготовил материалы для другого сочинения о *народном воспитании*, в которое войдет, между прочим, изображение нынешнего состояния и потребностей класса помещиков. Если встретите в Ваших сторонах какого-нибудь толкового помещика, попросите написать по этому предмету записку с такою откровенностью, как будто бы он разговаривал с близкими своими друзьями. Что у каждого из них на душе — не доходит через депутатские собрания ни до правительства, ни до публики, а благоразумная гласность, какую можно дать их чувствам в дельном сочинении, может быть для всех полезна. Прощайте, будьте здоровы и беседуйте со мною почаще. Жена Вам кланяется; сегодня мы пересадили с нею 20 штук яблонь, груш, вишен и слив.

Всегда Ваш Д.Журавский.

№ 23

3 июля. Киев. 1847 г.

Полагаю, что теперь Вы уже проводили из русских имений Шуваловых, и надеюсь, что они успели оценить Вас как следует, чего я особенно ожидаю от Софии Львовны[22], понимая тонкий ее ум и добрую душу, проявлявшиеся у ней в детстве, когда я знал ее в Одессе. Опишите мне подробно свидание Ваше и какой вышел результат. Имею некоторые причины думать, что близкие сношения с Ольгой Станиславовной по управлению ее имением не принесли бы мне и ей обоюдное удовольствие и не могли бы быть прочными; потому я и не располагаю делать ей предложения. Если бы я и взялся еще когда-либо за управление имением, то не иначе как у человека, которого я мог бы искренно уважать за доброту, ум и характер; но как таковых нынче не найдешь и с фонарем Диогена, то вероятнее всего, что уже не вступлю более на это поприще, высоко уважаемое мною по добру, какое можно на нем сделать. Впрочем, я знаю одного человека, с которым желал бы сойтись когда-либо; но в здешних обширных своих имениях он не имеет надобности ни в чьих услугах, вверив все одному, весьма почтенному лицу, Ягницкому,— я говорю о кн<язе> Воронцове, отце. Я совершенно согласен с Вами, что авторство у нас не может обеспечить и вознаградить труд. Ближайшее доказательство тому у меня на глазах, это 300 экз<емпляров> моей книги, оставшихся не раскупленными, и если бы Вы не помогли, взявши 100 экземпляров, то я остался бы в убытке. Странная судьба этой книги; однако как будто сбывается то, чего я ожидал и имел в виду осуществление моих предположений. Иначе стоит ли писать! Месяца с два возвратился из Петербурга наш генер<ал>-губер<натор>; мне сообщено, что там к нему приезжал Литке, председатель Географ<ического> общ<ества>[1*], и вместе они читали мою книгу, рассуждали о ней и желают, чтобы я принял участие в трудах общества. По моему взгляду на статистику, эта часть должна быть устроена совсем на других основаниях, нежели как было доныне, и меня спросили — как? а я подал записку о приведении в исполнение моих предположений. На этом пока дело остановилось; может быть, пойдет в ход, и тогда мне открываются очень обширный горизонт и огромные труды, пока не устрою и не поставлю свою идею на ноги, чтобы сама могла идти; тогда только примусь, таким же порядком, за другую, “о народном воспитании”, и употреблю все силы, чтобы и ее осуществить в некоторой степени. Замыслы великие;

[1*] Адмирал Федор Петрович Литке, известный ученый и воспитатель великого князя Константина Николаевича[23].

но в них нет ни гордости, ни честолюбия, нет также особенной филантропии и самоотвержения в пользу человечества. Повинуюсь только влечению своего ума и силе обстоятельств и нисколько не разгневаюсь, если из всего этого брожения идей не выйдет ничего, что, впрочем, и всего вероятнее. Во всяком случае я останусь в том же положении, как и теперь, на хуторе, где мне спокойно и который, благодаря участию в хозяйстве жены, начинает приносить некоторый доход скотоводством. Держим теперь 6 коров, и каждая дает до 70 к<опеек> асс<игнациями> в день дохода, предполагаю усилить эту статью. [Лето у нас довольно холодное и сухое; однако хлеба хороши, но травы худые. От заграничного спроса в Одессу пшеницы, а в Ригу ржи цены здесь очень возвысились. На киевском базаре недавно продавали пуд ржаной муки по 1 р<ублю> 70 к<опеек> асс<игнациями>, пуд проса 2 р<убля> 70 к<опеек> асс<игнациями> и т.д.][1*] Благодарю Вас за замечания о нашем поместном дворянстве: они совершенно согласны с тем, что я сам видел, и если доведется написать *о народном воспитании,* то не поцеремонюсь выставить все их нравственные немощи; я нарочно выбрал такую широкую раму, чтобы поместить в ней сколько возможно более полезных истин. Жаль, очень мне жаль, что Вы не сосед мой; любопытны были бы беседы наши и полезны для ума моего, довольно апатического по своей натуре.

Преданный Вам Д.Журавский.

№ 24

30 сентября 1847. Киев.

Очень я изумился при известии, что Шуваловы так мало поняли свои собственные выгоды, так неразборчивы в людях, что не сумели удержать Вас полным и безграничным доверием, без всякого посредничества, какого Вы вправе ожидать и требовать от всякого, кому делаете честь заниматься его делами. Легко предвидеть, в какое состояние скоро придут эти 12 т<ысяч> душ, только что поднятых Вашими долгими трудами, после безрассудства и расточительности старых владельцев, дедов и отцов нынешних. Точно они не в состоянии понять и оценить этих трудов; едва по силе им рассорить в жизни несколько миллионов, выжатых из целого поколения подвластных им крестьян. И то еще сказать, что редко кто из них сумеет истратить эти миллионы с умом и в полное свое удовольствие, если не для других. Кажется, однако, что Эммануил Дмитр<иевич> Нарышкин не совсем таков и что от него более, чем от кого другого, можно ожидать справедливой оценки ваших трудов; но Вам предстоит огромное дело — устройство тульского имения; не пренебрегайте при этом личных предосторожностей против неудовольствия бутных крестьян вследствие перелома барщиною их старых привычек. Сообщите мне об успехах Ваших тамошних преобразований. Я сижу по-прежнему в своем хуторе, хозяйничаю и работаю письменно. Как хозяин спешу доложить, что баштан мой дал много хороших арбузов и дынь; последние до 15 фунт<ов> весом, но продажа их запрещена по случаю приближения холеры, которой, однако, еще нет, потому и дохода никакого. [Другой продукт, картофель, дал средний урожай, семь, шесть; теперь занимаюсь его уборкой; предвидится сбора его до 80 четвер<тей>.][2*] Одно скотоводство по сю пору идет удачно и доставляет от 20 до 30 руб<лей> сереб<ром> в месяц. Последствие проданной мною книги развертывается и обещает кое-что дельное в будущем. Без малейшего домогательства с моей стороны русское Географическое общество выбрало меня в свои

1* Вычеркнуто Лесковым (*примеч. ред.*)

2* Вычеркнуто Лесковым (*примеч. ред.*)

члены — сотрудником и прислало на это звание диплом. Недели две назад был здесь председатель этого общества вел<икий> кн<язь> Константин Николаевич и помощник его, вице-адмирал Литке. Последнему я представлен лично по его желанию ген<ерал>-губ<ернатором> Бибиковым. Я сообщил мои мысли об устройстве статистики г.Литке и передал ему разные проекты для обсуждения в обществе. Предлагаю для выполнения этих предположений учредить при генер<ал>-губернаторе Главный Статистический Комитет и себе предоставляю звание редактора, т.е. действователя. Теперь дело в ходу, а в следующем месяце должно порешиться; но я никак не уверен, что оно придет легко; много вероятностей, что и вовсе не состоится. Но ни в коем случае настаивать и хлопотать не намерен. Притом еще не было речи, как меня устроить материально. Если не захотят сделать, что предлагаю, то я не возьму на себя таких огромных трудов, не будучи в состоянии жертвовать на пользу общую своим временем и работой. Будьте здоровы. Ваш Д.Журавский.— Сделайте одолжение, пришлите мне при случае всю внутреннюю счетность имений, управляемых Вами по формам, Вами введенным. Предвижу, что будет по статистике речь об этом важном предмете, и я желал бы иметь разные образцы сельской бухгалтерии.

Этим и заканчивается переписка Д.П.Журавского с его другом,— переписка, представляющая нам в живых чертах очерк жизни одного из немногих общественных деятелей сороковых годов,— глухой поры*, богатой лишь типами различных* карьеристов. *Сколь ни кротки и смиренны эти письма Журавского, они дают о людях того времени, занятых общественными вопросами, понятия гораздо более полные и разносторонние, чем попытки наших беллетристов выудить из омута сороковых годов тип человека, не насыщавшегося о хлебе едином, а желавшего послужить человечеству не ради карьеры и богатства. Для всех справедливых людей, конечно, будет очень дорого, если современная критика обратит на письма Журавского внимание, которого они, кажется, вполне заслуживают, и скажет по поводу их слово о человеке сороковых годов. Материал, нами к тому предлагаемый, не безделье, и в достоинстве его сомневаться нельзя: ничто не сочинено и ничто не раскрашено в духе тех или других последних веяний и направлений, разгара которых чуткий и, так сказать, до мимозности нежный Дм<итрий> Петр<ович> Журавский не дождался, и не дождался, может быть, если не к своему счастию, то к своему спокойствию. "Дыхание бури", которое снесли мы и сносим до сего дня, было бы нелегко для него.*

Прибавлять к этому нечего: разве можно только напомнить, что Дм<итрий> Петр<ович> Журавский, скончавшийся несколько ранее своей слабой и больной супруги, и при помышлениях о смерти оставался верен своей задаче при жизни: облегчению участи крепостных людей, которые, по его выражению, при всей своей деморализации "еще слишком хороши, если сравнить их с другими классами". Журавский завещал все, что после него осталось, на выкуп нескольких наиболее несчастных крепостных господских людей, т.е. умер как жил и для кого жил.

У нас есть биографии Елизаветы Фрей[24] *и других иностранцев и иностранок, известных своею филантропическою деятельностью, но Дмитрия Петровича Журавского, достойного всего нашего внимания и почтения, мы до сих пор умели забывать даже в тех случаях, где необходимость набирать имена достойных памяти русских людей заставляла упоминать о самых дюжинных лицах из ряда карьеристов. Так ли это будет, когда возрастут и обучатся дети тех, за кого Журавский всю жизнь свою слил в один цельный подвиг не мечтательного, а истинного служения младшему брату?*

Н.С.Лесков (Стебницкий).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русская беседа. 1857. Кн. 6. Раздел VI. С. 1.

[2] Там же.

[3] Цитата из комедии А.С.Грибоедова “Горе от ума” (действ. 2, явл. 5).

[4] Речь идет о Семене Даниловиче Коврайском. Он упоминается в публикуемой переписке. См. примеч. Лескова к письму 7.

[5] Земечина — село в Земецкой волости, где жил Веригин.

[6] Вероятно, имеется в виду инженер-капитан Евгений Андреевич Иванов, который управлял саратовскими имениями Л.А.Нарышкина до Журавского. См. о нем в “Записках” Н.В.Веригина (*PC.* 1893. № 4. С. 144).

[7] Когда Журавский лично познакомился с Веригиным,— неизвестно. Об одной встрече он пишет в письме № 6.

[8] Эммануил Дмитриевич *Нарышкин* (1813—1902) — двоюродный брат Л.А.Нарышкина, известен благотворительной деятельностью, основатель Екатерининского учительского института в Тамбове. См. о Нарышкиных в “Записках” Н.В.Веригина: *PC.* 1897. № 4. С. 141.

[9] Павел Федорович *Берхгольц* — сын Федора Петровича Берхгольца. См. выше примеч. Лескова (п. 7).

[10] В Тальное Журавский, видимо, хотел переехать или взять там земельное арендное владение.

[11] Брендель управлял киевскими имениями Л.А.Нарышкина.

[12] Имеется в виду моршанский купец-миллионер Максим Кузьмич Плотицын, арестованный в 1869 г. как глава секты скопцов. В его доме были арестованы и девять женщин, членов секты. В особой потаенной кладовой при обыске нашли много золотых и серебряных монет, там же было обнаружено около 10 млн. рублей билетами коммерческого банка. Относительно этих денег газеты писали, что это капитал общий, “*организованный*, которым скопцы связывали не раз и связывают руки правительству...” (Московские ведомости. 1869. 31 янв.). См. также: *Кутепов* К. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882. С. 265. О плотицынском деле упоминает П.И.Мельников (А.Печерский) в очерке “Белые голуби” // *PB.* 1869. № 3. С. 311.

[13] Эта строчка была вписана Лесковым позже.

[14] Это письмо начинает собой вторую часть очерка, которая, согласно зачеркнутой надписи, первоначально была озаглавлена Лесковым так: “Д.П.Журавский (Окончание). Письма из Киева”.

[15] Петр Андреевич *Габбе* (1796 — умер после 1841) и Николай Николаевич *Пущин* 2-й вместе с Н.В.Веригиным служили в 20-х годах в лейб-гвардии Литовском полку. История, о которой напоминает Лесков, относится к 1823 г. Во время подготовки к батальонным учениям капитан Н.Н.Пущин и штабс-капитан Габбе вступили в спор с полковником П.Е.Варпаховским, несправедливо требовавшим телесного наказания для одного из солдат. П.Е.Варпаховский пожаловался на Пущина цесаревичу Константину Павловичу, шефу полка. Вызванный к великому князю для объяснения Пущин был резок в выражениях и не проявил раскаянья. Через некоторое время Пущин был арестован. На учениях, последовавших вскоре, Константин Павлович назвал и офицеров, и солдат полка бунтовщиками, что вызвало негодование офицеров, а сама история приобрела широкую огласку. При обыске на квартире Пущина были обнаружены письма к нему Веригина, в которых обсуждалась фигура цесаревича. Пущин был предан военному суду. Габбе и Веригин тоже были арестованы как состоявшие “в оскорбительной для начальства переписке” с Пущиным. Всех троих разжаловали в рядовые. Впоследствии (уже в конце 1823 г.) им были возвращены их чины. Военная карьера Веригина на этом закончилась, и в марте 1826 г. он вышел в отставку, при этом с него взяли подписку о невъезде в три столицы: Санкт-Петербург, Москву и Варшаву. По рекомендации Габбе в 1828 г. Веригин стал управляющим имениями Л.А.Нарышкина. См. об этом подробнее: *Веригин* Н.В. Записки. *PC.* 1893. № 2. С. 406–447; № 3. С. 579–615; История лейб-гвардии Литовского полка. Составил А.Маркграфский. Варшава, 1887. С. 173–176.

[16] Так называлась не только дача, но и сама местность в Подольском районе Киева, на Приорке. Согласно преданию, названа так Екатериной II, которая в 1787 г., посетив Киев, останавливалась в этой местности. В XIX в. Кинь-грусть была частным дачным владением, а с конца века принадлежала известному издателю С.В.Кульженко, отсюда бытующее сейчас второе название этой местности — Дача Кульженко.

[17] Дмитрий Гаврилович *Бибиков* (1792–1870) — с 1837 по 1852 г. был киевским генерал-губернатором.

[18] Александр Алексеевич *Федотов-Чеховский* (1806–1892) — украинский юрист, специалист по римскому и гражданскому праву. В 1836–1861 гг. был профессором римского и гражданского права Киевского университета. С 1839 по 1851 г. был цензором Киевского цензурного комитета.

[19] Николай Васильевич *Елагин* (1817–1891) — духовный писатель, автор книги “Искандер — Герцен” (Берлин, 1859), цензор С.-Петербургского цензурного комитета с 1848 г. Цензуровал “Русское слово”, “Биржевые ведомости”. Обширная библиография дана в “Словарном указателе по книговедению” А.В.Мезьер (М. 1934. Т. 3. С. 294–295). Транспарант, в данном

случае, лист с линейками для строк для подкладки при письме. Об упомянутом случае с Елагиным каких-либо сведений не обнаружено.

[20] Речь идет, вероятно, о графе Павле Дмитриевиче *Киселеве* (1788—1872), министре государственных имуществ, члене секретного комитета по крестьянскому делу, стороннике освобождения крестьян с землей.

[21] Ольга Станиславовна *Нарышкина* (1802—1861) — жена Льва Александровича Нарышкина.

[22] Софья Львовна, дочь Л.А.Нарышкина.

[23] Федор Петрович *Литке* (1797—1882) — путешественник, президент императорской Академии наук.

[24] Елизавета *Фрэй* (1789—1854) — английская филантропка, посвятившая жизнь улучшению состояния тюрем и облегчению участи осужденных. Организовала школы для детей преступников и для самих преступников.

О ШЕПОТНИКАХ И ПЕЧАТНИКАХ

Предисловие, публикация и примечания
А.М.Ранчина[1*]

Статья "О шепотниках и печатниках" (первоначальное название: "О клевете и ее разоблачениях") относится к тем публицистическим произведениям Лескова, в которых предельно открыто выражены взгляды писателя. Она представляет собой своеобразное самооправдание автора романа "Некуда", попытку заставить современников пересмотреть его литературную и общественную репутацию, предложив собственное истолкование знаменитого романа.

Обстоятельства, побудившие Лескова к созданию этой статьи, таковы. 9 мая 1882 г. скончался митрополит Московский и Коломенский Макарий (Михаил Петрович Булгаков, 1816—1882), автор "Истории русской церкви" (СПб., 1857—1883. Т. 1—12), "Православно-догматического богословия" (СПб., 1849—1853. Т. 1—5) и многих других богословских и исторических сочинений. Лесков, высоко ценивший его труды, его деятельность по реформированию церковных учреждений и его нравственные качества[1], анонимно напечатал в "Новом времени" некролог митрополита Макария[2], где упоминал об истории его пожертвования в 1866 г. (еще в бытность харьковским архиепископом) 120 тысяч рублей на епархиальные и министерские учебные заведения, точнее — о слухах, будто деньги, пожертвованные Макарием, оказались фальшивыми (в 1866 г. шел судебный процесс о подделке денег видными представителями харьковского духовенства). На самом деле сумма, переданная Макарием в государственное кредитное казначейство, состояла из его литературных гонораров[3].

Впервые об этой клевете на митрополита Макария Лесков упоминал двумя годами ранее, хотя и не столь открыто, в рецензии на книгу "Макарий, высокопреосвященный митрополит московский: Биографический очерк" (СПб., 1879): "Для людей <...> озабоченных не тем, чтобы лучше служить, а чтобы ловчее выслуживаться, в<ысоко>преосв<ященный> Макарий никогда и нигде не приходил по обычаю. Напротив, всем таковым он казался начальником тяжелым, и весьма многим известно, что стараниями таких людей в духовенстве на его высокопреосвященство были распускаемы весьма недостойные клеветы, из коих одна, сколько нам помнится, даже нашла себе приютное место в заграничной печати. Биографу довольно непростительно этого не знать. И сейчас бессильная злоба низких людей не устает работать в том же недостойном направлении, что и понятно: такое умное и характерное лицо, как митрополит Макарий, не может всем одинаково нравиться... Если бы это было иначе, то это была бы очень жалкая похвала для митрополита Макария, которого отнюдь нельзя мерить масштабом заурядной личности, одинаково приятной и добрым, и худым людям"[4].

В отличие от завуалированного намека на "харьковскую клевету" в процитированной рецензии 1880 г., прямое упоминание о порочащем митрополита Макария слухе в 1882 г. вызвало резкую реакцию в прессе, отмечавшей неуместность подобных сведений в некрологе. Таким образом, писатель, стремившийся изобличить клеветников, сам был обвинен в оскорблении памяти Макария. "Уж не Лесков ли? Похоже на то, ибо рядом с прекрасными строками есть непозволительная грязь",—

[1*] При подготовке настоящей публикации использован фактический материал, собранный А.Н.Лесковым (см. ниже, примеч. 8 к предисловию.— *Ред.*)

писал “Гражданин” В.П.Мещерского[5]. Затем против Лескова выступила газета А.А.Краевского “Голос” Автор заметки “Журнальный Яго” утверждал, что любой человек, с уважением относящийся к московскому владыке, не стал бы печатно распространять давнюю клевету. Автор некролога, подводил итог “Голос”, действовал по старинному французскому “рецепту”: “Клевещите, клевещите, всегда что-нибудь да останется”[6].

Эти отклики не могли не задеть Лескова. Особенно должна была уязвить писателя реплика “Гражданина”, в которой он прямо обвинялся в клевете на покойного митрополита, причем некролог приписывался Лескову как литератору безнравственному, с плохой репутацией.

В ответ на обвинения “Гражданина” и “Голоса” Лесков напечатал 16 июня в “Новом времени” письмо (и подписал его полным именем) «Клевета “Нового времени” на усопшего митрополита Макария», сопровожденное редакционной заметкой. Редакция газеты сообщала, что слухи о причастности Макария к подделке ассигнаций были обнародованы в письме из Петербурга, присланном в “Колокол” А.И.Герцена. Лесков в своем “письме”, желая объяснить мотивы, заставившие напомнить о давней клевете, подчеркивал, что слухи о “харьковском деле” в свое время получили широкое распространение. Изобличение этих сплетен было бы невозможно, писал Лесков, без открытого упоминания о клевете[7].

По мнению А.Н.Лескова, заметка “О шепотниках и печатниках” также предназначалась для газеты “Новое время”[8] и должна была поставить точку в полемике вокруг некролога Макария и сплетен о “харьковском деле”, “однако Суворин, д<олжно> б<ыть>, поостерегся напечатать ее, чтобы не раздувать начавшего потухать полемического пламени”[9]. Работу над заметкой А.Н.Лесков относил к промежутку между 16 и 24 июня 1882 г.; К.П.Богаевская датировала время ее создания несколько иначе — 30 июня 1882 г. (см.: XI, 820). Судя по тону заметки, она, несомненно, была написана “по живым следам” полемики о “харьковской клевете” и некрологе Макария, т. е. во 2-й половине июня 1882 г. Однако утверждение А.Н.Лескова, что она предназначалась для “Нового времени”, нуждается в дополнительной аргументации.

История с некрологом митрополита Макария дала Лескову повод напомнить о романе “Некуда” В заметке “О шепотниках и печатниках” он уподобил сплетни о митрополите Макарии клевете, преследовавшей самого автора “Некуда” на протяжении десятилетий, т. е. слухам, что этот роман — донос на участников революционного движения, написанный по заказу III отделения. Сопоставление своей писательской судьбы с судьбой церковного иерарха — не просто полемический прием, за ним стоит авторская самооценка: Лескову близка была роль жизненного учителя и наставника[10].

В 1880-е годы писатель предпринял ряд попыток своеобразной реабилитации романа: «В “Некуда” есть пророчества — *все* целиком исполнившиеся. Какого еще оправдания? Вина моя вся в том, что описал слишком близко действительность да вывел на сцену Сальясихин кружок “углекислых фей” Не оправдываю себя в этом, да ведь мне тогда было двадцать шестой год, и я был захвачен этим водоворотом и рубил сплеча, ни о чем не думая кроме того, чтобы показать ничтожное пустомыслие, которое развело всю нынешнюю гадость. Сеяли ветер и пожинаем бурю. Порою я себе прощаю этот памфлет, — иначе я тогда не умел бы сделать картины» — писал он И.С.Аксакову 9 декабря 1881 г. (XI, 256). О судьбе “Некуда” Лесков размышлял в письмах к С.Н.Шубинскому от 23 апреля 1883 г., к П.К.Щебальскому от 16 октября 1884 г., к А.С.Суворину от 22 апреля 1888 г., а также в открытом письме в редакцию “Газеты Гатцука” (1883) и в “Авторском признании”, открытом письме к П.К.Щебальскому (1884),— принципиальном выступлении, где повторены многие мысли из заметки “О шепотниках и печатниках” (см.: XI, 278, 294, 384—385, 222—223, 229—231), а также в статье “Загробный свидетель за женщин” (1886)[11]. В беседах с друзьями Лесков, упоминая “Некуда”, делился новыми замыслами: “Я хочу показать, где русские передовые люди поднялись и где они сели”[12]. Статья “О шепотниках и печатниках” представляется нам наиболее серьезной попыткой Лескова добиться общественной “реабилитации”

Автор “Некуда” подвергался нападениям и справа, и слева: если радикально-демократическая критика называла его “подлецом”, “мракобесом” и “ретроградом”, то

сотрудник консервативного "Гражданина" в заметке о некрологе Макария напомнил о безнравственности писателя, вероятно подразумевая его репутацию как автора "Некуда"[13]. Поэтому и сам Лесков в статье "О шепотниках и печатниках" сражался как с "левыми", так и с "правыми" противниками одним и тем же оружием: нежелание "Голоса" или "Гражданина" гласно опровергнуть клевету на митрополита Макария и также гласно высказать обвинения автору "Некуда" уподоблено нежеланию (фактически же — невозможности) радикальной и либеральной прессы "вслух" назвать Лескова платным доносчиком полиции; заявление редактора "Гражданина" кн. В.П.Мещерского о том, что митрополит Макарий "церкви нелюбезен", сопоставляется с опубликованной в "Колоколе" А.И.Герцена недостоверной информацией о Макарии.

"Правой" и "левой" тенденциозности Лесков противопоставил объективность "Некуда": "Там не было ни лжи, ни тенденциозных выдумок, а просто *фотографический отпечаток* того, что происходило" Вместе с тем, роману придавался глубокий идеологический смысл: "картина развития борьбы социалистических идей с идеями старого порядка"; "я <...> показывал живым типом, что социалистические мысли имеют в себе нечто доброе и могут быть приручены к порядку, желательному для возможно большего блага возможно большего числа людей"

Таким образом, статья "О шепотниках и печатниках" может рассматриваться не только как самооправдание, но и самоутверждение Лескова, отстаивавшего свою независимую позицию и общественную репутацию.

Заметка Лескова "О шепотниках и печатниках" публикуется по автографу (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 67). Частично она напечатана сыном писателя: см.: *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 252—254. В *РГАЛИ* хранится машинописная копия заметки с предисловием и примечаниями А.Н.Лескова (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 835).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лесков неоднократно писал о Макарии и его сочинениях, отмечая ученость и нравственные достоинства митрополита. См.: очерки "Новый вклад в церковно-историческую науку" // *Бвед.* 1870. 24 февр.; "Мелочи архиерейской жизни", гл. VII ("краса нашей церковной учености", "трудолюбивый митрополит Литовский" — VI, 447); "Церковные интриганы" (*ИВ*. 1882. № 5). В рецензии на книгу "Макарий, высокопреосвященный митрополит московский: Биографический очерк" (СПб., 1878) Лесков упомянул о клевете на митрополита "людей известного сорта", для которых Макарий казался "начальником тяжелым" (*ИВ*. 1880. № 2. С. 432). В письме к С.Н.Шубинскому от февраля-марта 1883 г. Лесков сообщал: "Сегодня получил от брата покойного м<итрополита> Макария XII том его "Истории" с подписью "на память о покойном авторе", который, оказывается, некако меня знал и отличал" (*Фаресов*. С. 160; ср.: *ОР РНБ*. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 117—118).

[2] Усопший митрополит Макарий // *НВ*. 1882. 11 июня.

[3] О пожертвованиях Макария см. подробнее: *Титов Ф.И.* Макарий (Булгаков), митрополит московский и коломенский: Историко-биографический очерк. Т. II. Тамбовский и харьковский периоды жизни и деятельности митрополита Макария (1857—1868). Киев, 1903. С. 359—362.

[4] *ИВ*. 1880. № 2. С. 432.

[5] Маленький совет "Новому времени" // Гражданин. 1882. 13 июня. С. 7 (эта анонимная заметка помещена в рубрике "Наша печать").

[6] «Нам доставлена следующая заметка под названием "Журнальный Яго"...» // Голос. 1882. 16 июня.

[7] *НВ*. 1882. 16 июня.

[8] Готовя эту статью к публикации, сын писателя подробно воссоздал предварявшую ее полемику. При работе над настоящей публикацией мы опирались на сведения, собранные А.Н.Лесковым (см.: *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 835).

[9] Там же. Л. 9.

[10] О тяготении Лескова к роли учителя, наставника, человека, наделенного правом судьи, претендующего на откровенность окружающих, см.: *Фаресов*. С. 123, 231; *Ясинский И.* Роман моей жизни. М.—Л., 1926. С. 194—202. Ср. характеристику писем Лескова: *Майорова О.Е.* Литературная традиция в творчестве писателя: На материале произведений Н.С.Лескова. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Рукопись. МГУ, 1985. С. 228—229.

[11] *ИВ*. 1886. № 12. С. 277.

[12] *Шляпкин* И.А. К биографии Н.С.Лескова // *PC*. 1895. № 12. С. 209. Об этом замысле см. также в наст. томе (книга 1-я) статью Н.Н.Старыгиной "Творчество Лескова 1880—90-х гг. Неосуществленные замыслы".

[13] Показательно сообщение Лескова в письме И.С.Аксакову от 25 ноября 1881 г. о министре народного просвещения консерваторе Д.А.Толстом, вычеркнувшем Лескова — своего подчиненного — из списка представленных к награде; такое решение министра Лесков объяснял своей репутацией автора "Некуда" (см.: XI, 254—255).

О ШЕПОТНИКАХ И ПЕЧАТНИКАХ

В некоторых газетах продолжается шильничество по поводу слов, сказанных мною в печати о клевете, которую распускали в 1866 году об усопшем митрополите Макарии.

Я понимаю, конечно, что здесь главною целию служит не негодование за то, что мы обнаружили старую, гнусную клевету, которую повторяли, может быть, те же самые, кто ныне прикидывается негодующим. Дело в том, чтобы задеть меня, который может быть неприятен друзьям дурных порядков в духовенстве, а главное — задеть газету "Новое время", успех которой для многих неприятен.

Все, что уместно было сказать в объяснение причин: на каких основаниях ходячую харьковскую клевету казалось уместным предать постыжению, — уже сказано. Клевета была слишком низка, чтобы обижать того, против кого ее направляли, но упомянуть о ней как о характерной черте наших нравов, думается, будто стоило, и я остаюсь такого мнения и теперь. Кто бы что ни говорил, но нет тяжче клеветы, которая "ходит потихом, а говорит пошептом" Она язвит душу и портит человеку жизнь, а между тем на нее нет справы и с нею нет никакого средства разделаться. Человек не знает, что ему приписывается действие самое гнусное и удаляющее его от благорасположения и доверия людей и между тем ничего не может сделать для того, чтобы это сбросить и сказать: "Я чист, — вы на меня клевещете"

Я, может быть, излишне чуток к этого рода несносной гадости — к "клевете пошептом", которая, однако, как всякая худая слава, "не в мешочке лежит, а по дорожке бежит", но это, вероятно, потому, что мне слишком памятны ужасные следствия невинных упражнений в этом роде над лучшим моим другом и надо мною самим. Жертвою такой клеветы погиб прекрасный, чистой и возвышеннейшей души юноша Артур Бенни, которого двадцать лет тому назад в Петербурге ославили "шпионом"[1]. Живущий ныне Павел Степанович Усов[2], конечно, помнит, как оклеветанный Бенни томительно бился, чтобы возводимая на него вина была названа гласно, но это было невозможно... Двадцать лет кряду такое же гнусное оклеветание нес я, и оно мне испортило немногое, — *только одну жизнь*... Кто в литературном мире не знал и, может быть, не повторял этого, и я ряды лет лишен был даже возможности работать... И все это по поводу одного романа "Некуда"[3], где просто срисована картина развития борьбы социалистических идей с идеями старого порядка. Там не было ни лжи, ни тенденциозных выдумок, а просто *фотографический отпечаток* того, что происходило. В романе даже самое симпатическое лицо есть *социалист* (Райнер, которого я писал с Арт<ура> Бенни). Ныне князь Бисмарк говорит, что с социалистами кое в чем надо считаться[4], а я тогда показывал живым типом, что социалистические мысли имеют в себе нечто доброе и могут быть приручены к порядку, желательному для возможно большего блага возможно большего числа людей. — В литературном мире, однако, было сложено, что роман этот "писан по заказу III отделения, которое заплатило мне за него большие деньги"[5].

Это испортило мне все мое положение в литературе, а так как у меня, кроме литературы, никаких других занятий не было, то это мне *испортило жизнь на целые двадцать лет.*

Сбросить гнусную клевету не было никакой возможности, потому что об этом *только говорили*, а не печатали... В печати ограничивались намеками, вроде намеков кн<язя> Мещерского[6] об усопшем м<итрополите> Макарии, — будто он "церкви не любезен"[7]... Обо мне печатали вроде того, что "это, пожалуй, хорошо, но *пахнет доносом*"

Напрасно я ждал и напрасно жду, чтобы кто-нибудь имел благородство и великодушие *напечатать* то, что говорилось обо мне по поводу "Некуда" и так и остается на мне клеветою неразъясненною и несмытою. А я бы считал это большим благодеянием, потому что на открытое обвинение мне было бы отрадно и легко рассказать историю печатания этого романа, пока живы свидетели его появления. Но один из них, Н.Н.Воскобойников[8], уже сошел в могилу, а другой, — П.Д.Боборыкин[9], хранит упорное молчание о том, как этот роман задумывался и писался и какие он мне принес суммы...[10]

Такое дело, как оправдание человека, которого напрасно оклеветали и *губили*, — стоит, как видно, выше нравственных принципов и потребностей Петра Дмитриевича, которому я *верил*, которым был склонён к писанию "Некуда", который проводил его через цензурные затруднения, *не имевшие* себе *равных* и *подобных*. Роман марали и вычеркивали не один цензор (Дероберти[11]), но *три* цензора друг за другом[12], и, наконец, окончательно *сокращал* его Михаил Николаевич Турунов[13], ныне престарелый сенатор, стоявший тогда во главе цензурного учреждения в Петербурге.

Это лицо, к преклонным летам и доброму прошлому которого я желаю относиться с полным доверием, конечно, не станет отрицать, что "Некуда" не только не пользовался никакою поддержкою и покровительством властей, но он даже подвергался *сугубой строгости*. Единственный и, к сожалению, *неполный* экземпляр, собранный мною из корректурных листов[14], может свидетельствовать, что роман "Некуда" выходил из рук четырех цензуровавших его чиновников *совершенно искалеченным*... Там вымарывались не места, а целые главы и притом часто самые важные...

П.К.Щебальский[15] писал в "Русском вестнике", что к роману "Некуда" непременно "обратится добросовестный историк, который захочет увидеть загадочную эпоху"[16]. Может быть, роман и доживет до такой лестной доли, но если бы он не был ободран цензурою до скелета, могло бы быть и нечто более лучшее: в него могла всмотреться молодежь шестидесятых годов и государственные люди тогдашнего времени, когда еще горсть хорошей муки было достаточно бросить в квашню, чтобы все не пошло самоквасом... Но мне не было никаких средств, чтобы восстановить истину против клеветы, которая сделалась неодолимою именно потому, что она "шла пошептом" Ряды лет шло такое омрачение, что моих слов даже не понимали. Так, напр<имер>, когда я поставил на сцену драму "Расточитель", где произвол робеет *только перед* одним, — перед "новым судом" — всем казалось, что я порицаю новый суд[17]...

Не разделял этого удивительного взгляда один "Русский вестник", где содержание пиесы было представлено просто и справедливо[18]...

Вот что может делать клевета над человеком, когда ее нельзя разоблачить, и вот почему я твердо уверен, что ни один умный человек разоблачением не обидится, ибо он знает нечто без сравнения более тяжкое, — это сама клевета пошептом, которая, по прекрасному сравнению поэта, "подобна змее, проползающей всюду и достигающей сердца, как бы оно ни было твердо и мужественно"[19].

Совсем другое дело — клевета явная — появляющаяся открыто с наглым видом в печати. Она никогда не вредна в той степени, как клевета в молве, ибо первую можно уничтожить, а вторую — никак, *пока ее не выведешь* наружу. Что такое М.Н.Каткову или А.С.Суворину попреки их денежною зависимостью от того или другого?[20] Этот вздор расшибается сам собою или опровергается одним словом. Или если сам кн. Мещерский, которого я непременно хочу ставить выше шепотников, потому что он клевещет открыто, написал в газете Цитовича[21], что я потаенный нигилист, и он узнал это, прочитав мою служебную записку о религиозном преподавании в школах[22], — то какая мне от этого беда? Я знаю, что этому ни один умный человек не поверит, а если бы я мог думать иначе, то я бы только напечатал в другой газете, что записка, давшая князю повод оклеветать меня в нигилизме, читана в казенном учреждении, где председательствовал А.И.Георгиевский[23], и напечатана по распоряжению графа Дмитрия Андреевича Толстого[24], — и вот вся клевета пала! Но не то, я говорю, было со мною, когда гнусная клевета двадцать лет кряду преследовала меня *только в молве*, — тогда она только двадцать лет отравляла мне жизнь и... затрудняла мне каждый кусок трудового хлеба... Только!

Высокое лицо усопшего, по поводу которого теперь взмыливают пену на вопросе о приличии разоблачений, конечно, стояло иначе, но яд клеветы и его не оставлял неуязвимым. Напротив, он поднимался при каждом случае, и когда в "Гражданине" было недавно напечатано, что владыка Макарий будто бы "церкви не любезен", а в "Новом времени" по этому поводу появилась коротенькая, мне же приписанная заметка о высоком уважении, которым пользовался высокопреосвященный, — я имел большую неприятность с лицом, которое мне прямо поставило "харьковскую историю"[25]. Это не несколько лет или месяцев, а всего несколько дней назад, и я был весь взволнован негодованием по случаю проклятой живучести этой мерзкой клеветы, о которой я лично тоже знал по Киеву и по Воронежу. Я увидал, что это не умерло, а еще ходит и служит иллюстрациею к навету о нелюбезности... "Вот-де что знаем...". А тут внезапное известие о смерти этого человека, моя любовь к которому была известна всем моим знакомым в духовенстве. Мне довелось писать о нем скорбные строки, пользуясь своими и чужими сведениями. Но это был очень малый час и во мне толпилось все, что я знал и что думал о лице усопшего, который мне представлялся олицетворением лучшего человека, какого имеет наше время. Я думал: говорить о нем *все или не все*? Я числил, что сами клеветники владыки первые же ринутся, чтобы указать неуместность в том, что они считали уместным распространять втихомолку, и перебирал: следует ли этого бояться или не следует? Я рассуждал так: что они могут сделать? Могут вспенить маленький газетный скандальчик, который будет выходкою против меня и, главное, против "Нового времени", *но подлая клевета, которая живет в молве, этим раз навсегда будет обнаружена и навсегда убита.*

Я это написал, — а Суворин не вычеркнул. Это была его воля и его дело. Я в этом не каюсь и чувствую полную радость, что упомянутая гнусная клевета на превосходнейшего русского иерарха теперь *убита*. Иначе по всему, что бы ни говорилось о нем высокого в меру его совершенных достоинств, эта гадость все-таки еще подползала бы, как змея, и, может быть, со временем переползла бы из "Колокола" или "Czasa"[26] в произведение, которому станут верить. Ведь в "Колоколе" же в то время печаталось многое такое, чему нельзя не верить и чего историк не откинет...

Теперь такой ошибки случиться не может, — а это, по-моему, имеет значение.

Для полноты дела я оставлю в благонадежных руках след, по которому может быть указан и оценен и первоисточник этой клеветы, дошедшей в "Ко-

локол" из Харькова в письме, составленном в Петербурге[27]. Я кое-что об этом знаю и мог знать, потому что, прибыв в Петербург, я жил в семье достопочтенного киевского профессора (впоследствии председателя Харьковского банка) Ивана Васильевича Вернадского[28] (поныне здравствующего) и близко знал несчастного Андрея Ив<ановича> Ничипоренко[29], погибшего жертвою своих сношений с издателем "Колокола". Я знаю нечто о том, через кого какие вести шли из Харькова, и в свое время это, вероятно, будет выяснено и украсит чью-нибудь юркую репутацию[30].

Желая мутить и пенить данный случай, негде в маленькой газете напечатали, будто статьею "Нового времени" оскорблено петербургское духовенство[31].

Считаю и имею полное основание считать это совершенным вздором. У меня, конечно, есть связи с духовенством, в котором у меня немало друзей, но, быть может, есть и враги; но я слыхал от всех только одно, что статья "Нового времени" о митрополите Макарии *всем нравилась* и читатели из духовенства даже недоумевают: из-за чего и кому могла придти в голову охота выводить целую историю по поводу слуха, верно указанного и твердо отброшенного навсегда в область недостойных измышлений, которыми человеческая злоба наделяет людей высокого значения.

Если же возможны в миру или в духовенстве такие лица, которые без притворства недовольны упоминанием и считают это "неловкостию", то я надеюсь, что теперь им дело представится иначе и они убедятся, что упомянуть следовало о том, о чем ходила большая молва, именно для того, чтобы не оставить ее жить втихомолку далее, а неловкостью этого нельзя считать, потому что это было *единственным средством* лишить негодяев возможности повторять клеветы, сочиненные их негодяйством.

Что же касается до того: есть ли это *единственное средство* — я позволю себе сослаться хоть на князя Мещерского: он, наверное, тоже знает силу и значение молвы, которая иногда может разрушать даже самые счастливые положения. Правда должна быть восстановлена всевозможными мерами, и все эти меры позволительны и хороши, если они никого невинного не губят, а оклеветанную правоту восстановляют во всей ее чистоте.

Это только и было сделано в той строке о митрополите Макарии, которая дала повод воспылать гневом на нас за то, что мы сделали невозможным дальнейшее продолжение многолетней клеветы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об Артуре Бенни см. в наст. томе статью Вильяма Эджертона «Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. (О реальной основе "Некуда" и "Загадочного человека")».

[2] Павел Степанович *Усов* (1828—1888) — журналист. В 1860—1864 гг. редактор газеты "Северная пчела". Лесков сотрудничал в газете в 1862—1863 гг.

[3] О восприятии романа "Некуда" современниками и о его роли в формировании репутации Лескова см.: *Аннинский* Л. Лесковское ожерелье. Изд. 2-е, доп. М., 1986. С. 11—68.

[4] Ср., например, такие высказывания германского канцлера Отто фон Бисмарка: "наиболее целесообразный путь" — это "реализовать законные социалистические требования, которые могут быть осуществлены в рамках современного государственного и общественного строя" (письмо министру торговли гр. Интерплитцу) // *Бернацкий М.В.* Теоретики государственного социализма в Германии и социально-политические воззрения князя Бисмарка. СПб., 1911. С. 350. См. также: не следует смешивать "честные стремления к улучшению участи рабочих, присущие нам всем, и то, что мы теперь, к нашему сожалению, и с болью вынуждены понимать под социал-демократией, правительству необходимо учесть законные требования социал-демократов: <...>если бы от социал-демократов поступило какое-нибудь позитивное предложение, как разумным образом следует устроить будущее, чтобы улучшить судьбу рабочих, то я — по меньшей мере — не отказался бы от благожелательного рассмотрения дела и сам не отказался бы от идеи государственной помощи <...>" (Речь в рейхстаге 9 октября 1878 г. // Там же. С. 378); "...социалистичны многие мероприятия, которые мы осуществили, и осуществили к великому благу страны, и к несколько большей доле социализма государству у нас вообще придется привыкнуть. Мы должны идти с реформами

навстречу потребностям в области социализма <...>" (Речь в рейхстаге 12 июня 1882 г. // Там же. С. 426—427).

Бисмарк подчеркивал в социалистическом учении его христианскую основу, идеи милосердия и помощи слабым и обездоленным. Принимая "благотворительное" начало в социализме (которое Бисмарк называл "практическим христианством"), германский канцлер стремился реализовать принципы милосердия и благотворительности в собственной социально-экономической политике "государственного социализма" (ряд законопроектов Бисмарка был в целом поддержан социалистами Бебелем и Либкнехтом // Там же. С. 417).

"Социалистический элемент", замечал Бисмарк, есть "дальнейшее развитие христианской идеи" (Речь в рейхстаге 8 марта 1881 г.). "Главная причина успехов, которые имели вожаки настоящей социал-демократии, с ее еще ни разу ясно не обрисованными целями будущего, по моему мнению, заключалась в том, что государство недостаточно занимается социализмом; образуется пустота в том месте, где последний должен проявляться, — ее заполняют другие — агитаторы, оттесняющие государство на второй план" (Там же. С. 432—433).

Лескову принадлежит статья "Увеселение и польза от социалистов. (Предварения мысли кн. Бисмарка)" // Новости и Биржевая газета. 1884. 25 ноября.

[5] В изложении истории с общественным осуждением романа "Некуда", будто бы написанного по заказу III Отделения, Лесков не вполне точен. Публичное обвинение подобного рода никто не высказал. Однако появлялись совершенно прозрачные намеки на заказной характер романа. Ср. статью В.А.Зайцева "Перлы и адаманты русской журналистики", в которой "Некуда" уподоблялся вымышленным немецким полицейским газетам и журналам, печатающим на своих страницах фотографии преступников (см: Русское слово. 1864. № 6. С. 48), и статью Д.И.Писарева "Прогулка по садам российской словесности" (Там же. 1865. № 3), в которой столь же недвусмысленно роман Лескова характеризовался как доносительский. Впрочем, не только радикальная критика обвиняла Лескова если не в доносительстве, то по крайней мере, в написании романа-пасквиля. В заметке "Советы редакторам и литераторам", появившейся в журнале, который редактировал А.А.Григорьев, Лескову-Стебницкому рекомендовали "оставить писание романов, наводящих уныние и сон, заняться изучением брантмейстерского (так! — *А.Р.*) искусства <...>" (Оса. 1864. № 18. С. 111). Здесь скрывался, вероятно, намек на Леопольда Васильевича *Брандта* (1813—1884), беллетриста, стяжавшего известность в качестве автора пасквильного романа "Жизнь, как она есть. Записки неизвестного" (СПб., 1843. Ч. 1—3).

[6] Владимир Петрович *Мещерский* (1845—1914) — журналист и беллетрист, с 1872 г. издатель консервативной газеты "Гражданин".

[7] Такое высказывание Мещерского обнаружить не удалось.

[8] Николай Николаевич *Воскобойников* (1836—1882) — публицист и критик; в 1863—1864 гг. постоянный сотрудник, в 1865 г. — соиздатель журнала "Библиотека для чтения", где первоначально печатался роман "Некуда". См. о нем ниже в сообщении А.Д.Романенко "Общественные связи Лескова в 1880—90-х годах".

[9] Петр Дмитриевич *Боборыкин* (1836—1921), прозаик, публицист, в 1863—1865 гг. редактировал "Библиотеку для чтения".

[10] Боборыкин из-за финансовых затруднений, связанных с изданием "Библиотеки для чтения", не смог полностью расплатиться за роман "Некуда". В письме председателю Литературного фонда Е.П.Ковалевскому от 20 мая 1867 г. Лесков сообщал: «"Библиотека для чтения" закрылась, оставшись мне должна 4950 рублей», и упоминал о просроченном векселе, выданном Боборыкиным (X, 265—266).

[11] Адольф Адольфович *Деροберти* — цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета.

[12] Согласно авторской надписи на экземпляре романа "Некуда", подаренном П.К.Щебальскому 18 апреля 1871 г., роман вслед за Деροберти цензуровали и сокращали Ф.Ф.Веселаго и председатель цензурного комитета М.Н.Турунов; кроме того, роман был прочитан и в III Отделении (см.: X, 168—169).

[13] Михаил Николаевич *Турунов* (1813—1890) — в 1864—1865 гг. председатель Санкт-Петербургского цензурного комитета.

[14] Этот экземпляр упоминается и в заметке «О романе "Некуда"»: "У меня одного есть экземпляр, сплетенный из корректур, по которому я хотел восстановить пропуски хотя в этом втором издании, но издатель мой, поляк Маврикий Вольф, упросил меня не делать этого, ибо во вставках были сцены, обидные для поляков и для красных, перед которыми он чувствует вечный трепет" (X, 169). Экземпляр не разыскан; по-видимому, он утрачен.

[15] Петр Карлович *Щебальский* (1810—1886) — историк, критик и публицист консервативной ориентации; хороший знакомый и постоянный корреспондент Лескова в 1870-е годы.

[16] Вероятно, речь идет о статье "Наш умственный пролетариат" (*РВ*. 1871. № 8). Ср. упоминание в письме Щебальскому от 7 октября 1871 г. об отзыве адресата о "Некуда", содержавшемся в этой статье (см.: X, 335).

[17] Пьеса "Расточитель" была поставлена в Петербурге в Александринском театре 1 ноября 1867 г., а в Москве в Малом театре — 14 декабря 1868 г. Лесков, вероятно, имеет в виду рецензию П.А.Гайдебурова (подп.: Гдб.) на пьесу (Тенденциозная драма // Дело. 1868. № 2. С. 119—128).

[18] В "Русском вестнике" отклик на эти постановки не обнаружен. Возможно, Лесков имеет в виду отзыв в другом периодическом издании М.Н.Каткова — "Современной летописи", первоначально являвшейся общественно-политическим отделом "Русского вестника", а с 1861 г. ставшей приложением к журналу. В "Современной летописи" за подписью "П" была напечатана положительная рецензия на пьесу Лескова: "Театральная хроника. Расточитель, драма г. М.Стебницкого" (1869. 5 янв. С. 13).

[19] Источник цитаты не обнаружен.

[20] Михаил Никифорович *Катков* (1817 или 1818—1887) как издатель журнала "Русский вестник" и газеты "Московские ведомости", а также Алексей Сергеевич *Суворин* (1834—1912) как издатель газеты "Новое время", журнала "Исторический вестник" и владелец типографии всегда были в глазах Лескова образцом дальновидного и разумного поведения в издательских делах, несмотря на сложные отношения писателя с обоими (см. статью Лескова "На смерть М.Н.Каткова"; 1887—XI, 159—163; о взаимоотношениях с Сувориным см.: *Майорова О.Е.* К истории пожизненного диалога. Из переписки Н.С.Лескова с А.С.Сувориным // Новое литературное обозрение. 1993. № 4; см. также в наст. томе публикацию О.Е.Майоровой «Лесков в суворинском "Новом времени" (1876—1880)».

[21] Газета "Берег" выходила под редакцией профессора гражданского права Петра Павловича *Цитовича* (1844—1912) в 1880 г. Лесков имел в виду, по-видимому, статью (без подписи) "О законоучительстве в народных школах" (Берег. 1880. 16 апр.) о проекте, согласно которому выпускникам учительских семинарий предоставлялось право преподавания Закона Божия в сельских школах; ранее такое право принадлежало лишь церковнослужителям. Инициатором нововведения был, однако, не Лесков, им было псковское земство: "В настоящее время весь этот материал приведен в систему в подробном докладе г. Лескова и <...> вопрос близок к разрешению в смысле представления псковского земства", — писал автор статьи в "Береге". В этой статье и особенно в первом из "Писем о жгучих вопросах", подписанных "В.К.М." (Берег. 1880. 7 мая), утверждалось, что реформа будет на руку нигилистам, получающим возможность распространять свои идеи среди учеников. Прямого обвинения в адрес писателя, однако, высказано не было. Автором "Писем о жгучих вопросах", по-видимому, был Мещерский, среди криптонимов которого были: "В.М.", "В.М.К.", "К.В.М.", "Консерватор К.В.М."

[22] Доклад Лескова в Ученом комитете Министерства народного просвещения 13, 20, 27 ноября и 4 декабря 1879 г., изданный по распоряжению министра тиражом в 200 экземпляров в 1880 г. под заглавием: Выписка из журнала Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения 4 дек. (1879 г. № 387). О преподавании Закона Божия в народных школах.

[23] Александр Иванович *Георгиевский* (1830—1911) — критик; редактор "Журнала Министерства народного просвещения"; сподвижник министра гр. Д.А.Толстого в утверждении и распространении классического образования, председатель Ученого комитета Министерства народного просвещения. Автор нескольких учебных уставов: университетского, гимназического и реальных училищ.

[24] Дмитрий Андреевич *Толстой*, граф (1823—1889) — министр народного просвещения (1866—1880), сторонник классического образования, консерватор. По ходатайству М.Н.Каткова в 1874 г. определил Лескова членом Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения.

[25] О каком лице идет речь, установить не удалось.

[26] Польский журнал консервативно-католического направления (1848—1934).

[27] См.: Колокол. 1866. Лист 216. 15 марта. С. 1771.

[28] Иван Васильевич *Вернадский* (1821—1884) — экономист, публицист. В ежедневном журнале Вернадского "Указатель экономический" (1857—1861) печатались статьи Лескова. Лесков жил в доме Вернадского в конце января — феврале 1861 г. О сотрудничестве Лескова с Вернадским см. подробнее в наст. томе статью В.А.Громова «Лесков — сотрудник артельного журнала "Век"».

[29] Андрей Иванович *Ничипоренко* (1837—1863) — член тайного революционного общества "Земля и воля". В 1862 г. был в Лондоне у Герцена и получил от него ряд поручений. После ареста, привлеченный по делу "о сношениях с лондонскими пропагандистами" ("делу 32-х"), дал подробные показания, от которых впоследствии отказался. Умер под следствием. Прототип Пархоменко в романе "Некуда"; под своим именем в карикатурной форме выведен Лесковым в очерке "Загадочный человек" См. в наст. т. статью Вильяма Эджертона "Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов".

[30] По предположению сына писателя (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 835. Л. 17—18), здесь речь идет о давнем знакомом Лескова прозаике и историческом романисте Григории Петровиче *Данилевском* (1829—1890). О дурной репутации Данилевского Лесков говорил, не называя его имени, в одной из бесед, записанных А.И.Фаресовым: см. *Фаресов А.И.* Мой ответ. Из литературной полемики. СПб., 1902. С. 1—2. Данилевский действительно, по-видимому, был корреспондентом Герцена (см.: *Свиясов Е.В.* Данилевский Григорий Петрович//Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М. 1992. Т. 2. С. 81), однако предположение А.Н.Лескова нуждается в дополнительных доказательствах.

[31] Статья не обнаружена.

БРАКОРАЗВОДНОЕ ЗАБВЕНИЕ

(Причины разводов брачных по законам греко-российской церкви)

Предисловие, публикация и примечания А. М. Ранчина

Публикуемая статья Лескова была подготовлена для № 12 журнала "Исторический вестник" за 1885 г.[1], однако не вышла в свет из-за цензурного запрета.

Жестким правилам развода Лесков еще в конце 1870-х годов посвятил несколько глав "Мелочей архиерейской жизни" (1878—1880) и очерк "Русское тайнобрачие" (1878). В 1880-х годах писателя по-прежнему занимал вопрос о канонических основаниях церковного брака и развода. Для Лескова эта тема была неотделима от его сложного отношения к православию.

Отдаление писателя от официальной церкви имело внутренние причины, хотя и совершалось в значительной мере под влиянием Л.Н.Толстого. Одной из особенностей толстовского учения было отрицание половой любви и религиозных основ брака. Лескову, судя по его рассказу «По поводу "Крейцеровой сонаты"» (написан в 1890 г., посмертно опубликован в 1899[2]), по поздним письмам (см., например, письмо М.О.Меньшикову от 11 июня 1893 г.[3]) и по воспоминаниям современников[4], было чуждо толстовское неприятие половой любви. Но с мыслью автора "Послесловия" к "Крейцеровой сонате" и "Соединения и перевода четырех Евангелий", что церковный брак не имеет никаких оснований в Писании, Лесков был солидарен и даже работал в 1891 г. над "Заметкой о браке" (оставшейся незаконченной), представляющей апологию этой толстовской идеи[5].

И высказывания Толстого, отрицающие половую любовь и брак, и соответствующие свидетельства об отношении Лескова к толстовским суждениям относятся к самому концу 1880-х — началу 1890-х годов. Однако проблема религиозного оправдания и освящения брака была актуальной для Лескова и прежде.

В 1880-х годах Лесков писал о религиозно-нравственных основаниях брачного соединения в практике старообрядских беспоповских толков, вынужденных отказаться от совершения таинства венчания и заменивших его "благословенным союзом"; в беспоповстве писатель видел русскую версию протестантизма (см. статьи "Благословенный брак"[6] и "О рижских прелестницах и о благословенных браках"[7]), что вызвало критический отклик церковной прессы[8].

В статьях о "благословенном браке", как и в "Бракоразводном забвении", лесковский взгляд на церковный брак выражен не вполне открыто. Причиной могла быть не только боязнь цензорского запрета, но и любовь писателя к "прикровенному" слову. Внешне автор "Бракоразводного забвения" остается в пределах православной традиции. Он как будто лишь проводит мысль о неполноте действующих правил и ссылается на старые, "пришедшие в забвение" церковные законы, предусматривавшие гораздо больше поводов для совершения бракоразводной процедуры. Но эта апелляция к прошлому исполнена едкой иронии. И старые бракоразводные правила обнаруживают, в глазах Лескова, свою противоречивость и жестокость.

Критически оценивается Лесковым не только бракоразводная практика церкви, саркастически обрисованы и священнослужители — безымянный дьякон-доноситель или "добрый" орловский архиерей Смарагд, отвечающий на вопрос, как поступить с психически больной женщиной: "Бить надо!" Задеваются в статье и светские власти. Смысл последней, шестой главки "Бракоразводного забвения" — не только (и не столько) в обосновании права на развод супругов, один из которых подвергся административной ссылке; само право властей ссылать без суда за один только "непочти-

тельный" образ мыслей не могло не возмутить любого либерально настроенного читателя Лескова.

Публикуемая статья содержит и любопытные переклички с художественными произведениями писателя. В одном из фрагментов выразилась потаенная сторона лесковского восприятия женщины, соединяющей в себе начало светлое, кротко-любящее с подавленным темным, иррациональным. Характерна история об "одержимой" попадье, жене священника Н. из Орловской губернии, послушной и любящей жене, одолеваемой внезапными "приступами сладострастия" (эта же — или похожая — история была в 1880 г. рассказана писателем в очерке "Русские демономаны"[9]).

Изображению темных, "демонических", неподвластных рассудку начал женского эроса посвящены произведения Лескова разных периодов: повести "Леди Макбет Мценского уезда" (1863)[10], рассказ «По поводу "Крейцеровой сонаты"» (1890). О внимании к изломам и даже "патологии" женской страсти свидетельствуют и письма Лескова к С.Н.Шубинскому от 26 декабря 1885 г. и к А.С.Суворину от 28 декабря того же года, посвященные суворинскому рассказу "Трагедия из-за пустяков" (см.: XI, 305—308), и судебный очерк "Дело госпожи Каировой"[11], где изложена история женщины, брошенной любовником и покушавшейся на жизнь его жены.

Интерес Лескова-художника к "странностям" и "аномалиям" любовных отношений, его склонность к откровенным эротическим сценам (см., например, цикл "Легендарные характеры") создали ему репутацию "скабрезного" писателя: в 1888 г. С.Н.Шубинский отказал Лескову в публикации произведений из этого цикла и подготовил к печати открытое письмо в газету "Новости", в котором объяснил свой отказ изобилием непристойных деталей: «...в нем (в цикле "Легендарные характеры".— *А.Р.*) подробно и рельефно (на мой взгляд) описываются "любострастные" похождения разных древних отшельников и женщин. Такого рода описания я находил неудобными для многих читателей журнала»[12]. О склонности Лескова к "клубничке" писал В.П.Буренин в своей рецензии на "Легендарные характеры"[13]. М.О.Меньшиков увидел в рассказе «По поводу "Крейцеровой сонаты"» оправдание адюльтера[14]. Страх Лескова перед "безднами" женского эроса и его жадный интерес к этим проблемам запечатлены в воспоминаниях Л.Я.Гуревич и А.Л.Волынского[15].

27 ноября 1885 г. цензор Юферов[16] составил докладную записку, в которой предлагал передать статью "Бракоразводное забвение" на рассмотрение духовной цензуры: «В только что представленной книжке "Исторического вестника" за № 12м обращает на себя внимание в цензурном отношении статья Лескова "Бракоразводное забвение". В этой статье проводится мысль, что существующая у нас в православии практика, признающая только два повода к разводу (стр. 511, глава II), не основательна, и если порыться в Кормчей книге, в некоторых соборных постановлениях, у Иустиниана, у Леона Царя и в градском законе[17] — то поводов этих найдется гораздо более, но что в настоящее время поводы эти только преданы забвению, но не мешают вызвать их снова к жизни для благополучия великого множества несчастных супругов. Статья эта переполнена сальными подробностями; в особенности неприличен и скабрезен рассказ в главе V (стр. 519—521) о жене одного священника, страдавшей периодической нимфоманией; рассказ этот не имеет прямого отношения к коренной идее автора о бракоразводном забвении. Несомненно, что статья эта раздражит духовное начальство и произведет еще худший эффект, чем та статья, за которую пострадал автор (о священнике, обмочившемся у престола при совершении литургии[18]). Независимо сего, мне кажется, что по существу своему статья эта не могла быть напечатана без разрешения духовной цензуры (ст<атья> 37 Ценз<урного> уст<ава>), так как она основана на толковании отчасти евангельского учения и в особенности постановлений вселенских соборов, учителей церкви, Кормчей книги и пр., то есть всего того, что следует понимать под словами "и тому подобное" в ст<атье> 37 Цензурного устава. Вследствие сего я полагаю, что книгу следует арестовать и послать ее в духовную цензуру для рассмотрения статьи Лескова, а духовная цензура ее запретит всенепременно»[19].

На следующий день на основании этого доклада председательствовавший в Комитете цензор В.М.Ведров в первую очередь обратился к Старшему инспектору типографий в С.-Петербурге с просьбой «принять безотлагательно зависящие меры к невыпуску в свет экземпляров № 12 журнала "Исторический вестник", впредь до

получения от Комитета особого в том уведомления» (Л. 98; исходящий номер отношения — 1956).

Одновременно статья Лескова была направлена в С.-Петербургский комитет духовной цензуры вместе с сопроводительной запиской того же В.М.Ведрова:

«В духовную цензуру
28 ноября <18>85 г.
№ 1957

С.-Петербургский цензурный комитет, находя в статье Лескова "Бракоразводное забвение", помещенной в бесцензурном журнале "Исторический вестник" за декабрь, которую поэтому и задержал к выпуску в свет, содержание, требующее разрешения духовной цензуры (<статья> 37 Ценз<урного> устава), покорнейше просит в наискорейшем времени доставить ему сведения: была ли эта статья на рассмотрении духовной цензуры и может ли она быть допущена в бесцензурном издании без соблазна читателей, а только как содействующая к разрешению научного и важного в практике вопроса. Со своей стороны, Комитет находит не идущим к сущности статьи и неприличным рассказ на стр. 519—521 о жене священника» (Л. 95).

Отношением под исходящим номером 1958 Петербургский цензурный комитет уведомил о случае со статьей Лескова Главное управление по делам печати: «27го сего ноября представлен в С.-Петербургский Цензурный комитет № 12, декабрь 1885, бесцензурного журнала "Исторический вестник". Цензор, рассматривающий номер, доложил Комитету, что в нем статья Н.С.Лескова "Бракоразводное забвение. (Причины разводов брачных по законам греко-российской церкви)" (стр. 509—524) обращает на себя особенное внимание, во-1-х, как осуждение существующей у нас в православии практики, признающей только три повода к разводу, между тем как их гораздо более; во-2-х, по тем неприличным подробностям (глава V, стр. 519—521), которые не имеют даже прямого отношения к основной идее автора. Комитет, находя основательными доводы цензора о характере статьи, положил задержать декабрьскую книжку "Исторического вестника", послать, на основании 37-й статьи цензурного устава, в духовную цензуру и ожидать ее решения, так как вся статья основана на евангельском учении и вселенских соборах» (Л. 96—97).

На записке рукой одного из чиновников Главного управления по делам печати сделана приписка: "Мне кажется, можно было бы поступить гораздо проще: потребовать от редактора исключения статьи, и только в случае его отказа послать статью в Комитет духовной цензуры"[20].

Духовная цензура лесковскую статью не одобрила. 29 ноября 1885 г. архимандрит Тихон, член Комитета для цензуры духовных книг, сделал следующее заключение, в тот же день поступившее в светскую цензуру: «С.-Петербургский Комитет духовной цензуры, возвращая при сем книгу журнала "Исторический вестник" за декабрь, присланную при отношении от 28 ноября за № 1957, имеет честь уведомить, что помещенная в ней статья под заглавием "Бракоразводное забвение" не была на рассмотрении духовной цензуры и не может быть одобрена к выпуску в свет как содержащая в себе неправильное толкование автором законов греко-российской церкви относительно случаев расторжения браков и оскорбительные для нравственного чувства читающего по приведенному в ней неприличному рассказу о жене священника» (Л. 99).

В тот же день последовало распоряжение Комитета, подписанное Ведровым, об исключении статьи "Бракоразводное забвение" из журнала:

«Г-ну Старшему инспектору типографий в С.-Петербурге.

В дополнение к отношению от 28 ноября за № 1956 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что Комитет духовной цензуры не признал возможным выпустить в свет статью г. Лескова под заглавием "Бракоразводное забвение", помещенную в декабрьской книжке бесцензурного журнала "Исторический вестник", отпечатанной в типографии Суворина.

Вследствие сего имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение об исключении означенной статьи из всех отпечатанных экземпляров (4500) журнала и о сдаче затем книжки типографии для исправления и представления в Комитет в исправленном виде на общем основании.

При сем присовокупляю, что редактору г. Шубинскому разрешено не перепечатывать обертку для исправления оглавления, а прибавить оговорку, что статья Лескова заменена другою» (Л. 30).

30 ноября Комитет уведомлял Старшего инспектора типографий о том, что «декабрьская книжка журнала "Исторический вестник" представлена в Комитет, в исправленном виде, 30 сего ноября, с приложенною к ней припечаткою, что статья Лескова "Бракоразводное забвение" не могла быть помещена. Не встречая препятствий к выпуску книжки журнала в таком виде, я имею честь, — писал В.М.Ведров инспектору, — сообщить о сем Вашему превосходительству для объявления типографии Суворина, присовокупляя, что исключенные экземпляры статьи должны быть охраняемы и приняты меры к тому, чтобы они не проникли в публику, так равно и такие экземпляры журнала, в коих статья не исключена» (Л. 103).

Вслед за тем В.М.Ведров писал Е.М.Феоктистову:

"В дополнение к представлению моему от 28-го ноября за № 1958 имею честь донести Вашему превосходительству, что редактор журнала "Исторический вестник" Шубинский не согласился исключить из декабрьской книжки сего издания статью Лескова "Бракоразводное забвение" уже по одному тому, что указание на журнальную статью вошло в "Указатель личных имен", упоминаемых в "Вестнике" за 1885 год (стран<ицы> 11, 37, 56), приложенный к этой же книжке журнала.

Между тем Комитет духовной цензуры 29-го ноября за № 1463 уведомляет, что означенная статья Лескова не может быть одобрена к выпуску в свет, как заключающая в себе неправильное толкование автором законов греко-российской церкви относительно случаев расторжения браков и оскорбительная для нравственного чувства читающего по приведенному в ней неприличному рассказу о жене священника.

Ввиду изложенного, мною сделано распоряжение об исключении статьи Лескова из книжки журнала, но в то же время, имея в виду необходимость для редакции скорого выпуска номера, а также крайней затруднительности перепечатки помянутого выше указателя и обертки, на которой помещено оглавление статей, я разрешил г. Шубинскому оставить как обертку, так и указатель в настоящем виде, но прибавить (припечатать) оговорку, что статья г. Лескова заменена другою статьею" (Л. 103).

На донесении приписка (видимо, Е.М.Феоктистова): "Попросить доставить несколько экземпляров статьи Лескова"

В этот же день, 30 ноября, управляющий типографией А.С.Суворина А.Неупокоев сообщил в Комитет об исполнении требований цензурного ведомства (Л. 102).

2 декабря 1882 г. старший инспектор типографий Н.Никитин препроводил в цензурный комитет протокол исполняющего должность инспектора типографий 4-го участка статского советника П.Козьмина, в котором тот сообщал, что прибыл в «типографию г. Суворина для наложения ареста на помещенную в декабрьской книжке журнала "Исторический вестник" статью Лескова под названием "Бракоразводное забвение", где и нашел таковую вырезанною уже из книжки журнала; за сим означенная статья, в количестве 4500 экземпляров, была в присутствии моем связана в четыре пачки, опечатана мною казенною печатью и сдана на хранение управляющему типографиею, под расписку на сем же протоколе» (Л. 104)[21].

Сохранилось несколько оттисков статьи Лескова. Два из них хранятся в *РГАЛИ* — в фонде Лескова (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 769; на полях имеются карандашные пояснения А.Н.Лескова, а также на л. 2 запись С.Н.Шубинского — "запрещенная статья") и в фонде "Товарищества издательского и печатного дела" А.Ф.Маркса (Ф. 335. Оп. 1. Ед. хр. 208; на верхнем поле первой страницы — помета Лескова: "Эта статья не напечатана. Она запрещена 29 ноября 1885 года цензурою светскою и духовною").

См. также письмо Шубинского к Лескову от 15 декабря 1885 г., где рассказана история запрещения статьи (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 323).

Местонахождение автографа неизвестно.

Машинописные копии (советского времени) ряда процитированных документов цензурного ведомства хранятся в *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 340). В 1931 г. статья готовилась А.Н.Лесковым к публикации в сборнике "Звенья". В *РГАЛИ* хранится машинописная копия статьи с послесловием и примечаниями А.Н.Лескова (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 842). Разыскания сына писателя использованы в настоящей публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об обстоятельствах, связанных с подготовкой этой статьи к печати, говорится в письме Лескова С.Н. Шубинскому от конца ноября 1885 г. (См.: *Фаресов.* С. 172—173; подробнее о датировке письма см.: Н.С.Лесков. Рукописное наследие. Каталог. Сост. В.Н.Сажин. Л., 1991. С. 26).

[2] Нива. 1899. № 30. С. 557—564.

[3] *ОР ИРЛИ,* 22574. CLVIII 6 61. Л. 13—13 об.; фрагменты этого и еще одного (от 20 июня 1893 г.) письма к М.О.Меньшикову цитируются в статье: *Туниманов В.А.* Лесков и Л.Толстой // Лесков и русская литература. М., 1989. С. 185.

[4] *Варнеке Б.В.* Две встречи с Н.С.Лесковым // В мире Лескова. М., 1983. С. 339, 341; *Л.Г. <Гуревич Л.Я.>* Из дневника журналиста // Северный вестник. 1895. № 4. С. 67—68.

Некоторые исследователи находят также следы влияния толстовской позиции в легенде Лескова "Невинный Пруденций" (1891). Так, Хью Маклейн предполагает, что Лесков развивал здесь мысль о приемлемости брака для "обыкновенных", "заурядных" людей и о воздержании от половой любви и брачных отношений — для "избранных" (*McLean, Hugh.* Nikolaj Leskov: The Man and His Art. Cambridge (Mass.) L., 1977. P. 590—591). Джеймс Макл относит Лескова к проповедникам полного полового воздержания. (*Muckle, James.* Nikolaj Leskov and the "Spirit of Protestantism" Birmingham. 1978. P. 131). Не оспаривая этой трактовки легенды, обратим, однако, внимание на до сих пор не замеченную пародийность "Невинного Пруденция": система персонажей (особенно пара Пруденций — Мелита), стилистика и образность ("любовная лодка", остров — приют любви), сюжетные ходы (испытание любви) восходят к сентименталистской и отчасти романтической повести. Но смысловое наполнение этой "схемы" у Лескова оказывается диаметрально противоположным: любовь — слабее чувства голода; "верный" влюбленный находит счастье с другой женщиной и т. д. Искать в этом лесковском произведении однозначную "идею" представляется рискованным: скорее, эта легенда может рассматриваться как свидетельство тому, что моноидейность чужда была Лескову.

[5] См. "Приложение" к наст. публикации.

[6] *ИВ.* 1885. № 6. С. 499—515.

[7] *ИВ.* 1885. № 10. С. 228—232.

[8] См. отклик на лесковские статьи: *Нильский Ив.* К вопросу о бессвященнословных браках беспоповцев. (Критические заметки на статью г. Лескова "Благословенный брак") // Христианское чтение. 1886. Ч. 1/2. С. 249—265. И.Нильский напоминал, что ранее в книге "С людьми древлего благочестия" (1865) Лесков не сближал старообрядцев-беспоповцев с протестантами и характеризовал их отношение к браку как откровенный "разврат".

[9] *Лесков Н.С.* Русская рознь. Очерки и рассказы (1880 и 1881). СПб., 1881. С. 228—232; первоначально: *НВ.* 1880. 1 июня.

[10] Не случайно имя героини соединяет в себе светлое ("Екатерина" — "всегда чистая", *греч.*) и темное начала ("Измайлова" — "измаильтянами" на Руси, в соответствии с библейской и общехристианской традицией, называли восточные кочевые народы, приходившие с набегами на Русь, исповедовавшие нехристианскую, обыкновенно — языческую веру, позже — магометанство).

[11] Судебная хроника. Дело г-жи Каировой // *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 845.

[12] *ОР РНБ.* Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 40. Ср.: Н.С.Лесков. Рукописное наследие. Каталог. С. 54—55.

[13] *Буренин В.П.* Критические заметки // *НВ.* 1892. 20 марта.

[14] *Меньшиков М.О.* Прикрытый грех // Меньшиков М.О. Критические очерки. СПб., 1902. Т. 2. С. 197.

В связи с темой "Лесков и эротика в русской литературе рубежа XIX—XX вв." стоит заметить, что Лесков, может быть, не был чужд представления о первоначальной двуполости, андрогинности человека, получившего широкое распространение несколько позднее, после его смерти. «Человек "вначале" был сотворен так, что в одном лице совмещал "мужа и жену", т. е. был и мужчина, и женщина. С тех пор, к<а>к произошло разделение, бывает, что в тело мужчины попадает женский характер, и наоборот<...>» (из письма А.С.Суворину от 29 ноября 1888 г. // *Revue.* P. 461).

[15] См. *Волынский А.Л.* <Флексер Х.Л.> Н.С.Лесков. Критический очерк. СПб., 1898. С. 69—70; *Л.Г. <Гуревич Л.Я.>* Ук. соч. С. 67—68.

[16] В документе подпись неразборчива. Фамилия восстанавливается на основании других документов.

[17] Речь идет о средневековых законодательных актах, легших в основу Кормчей книги — см. ниже прим. 9 к тексту статьи "Бракоразводное забвение"

[18] О какой статье Лескова идет речь, установить не удалось.

[19] *РГИА.* Ф. 777. Оп. 3. 1879 г. Ед. хр. 66. Л. 93—94. Далее при цитировании этой единицы хранения листы указываются в тексте.

[20] Возможно, запись сделана начальником Главного управления по делам печати Е.М.Феоктистовым.

[21] Здесь же — расписка управляющего типографией Суворина А.Неупокоева, обязующегося хранить опечатанными экземпляры статьи Лескова, вырезанные из журнала.

БРАКОРАЗВОДНОЕ ЗАБВЕНИЕ

(Причины разводов брачных по законам греко-российской церкви)

Достоит озарить светом существующее, но покрывшееся от невежества и нерадения тьмою забвения.

П.Любопытный[1]

Жены убивают мужей, мужья жен. С такого рода фактами мы освоились.

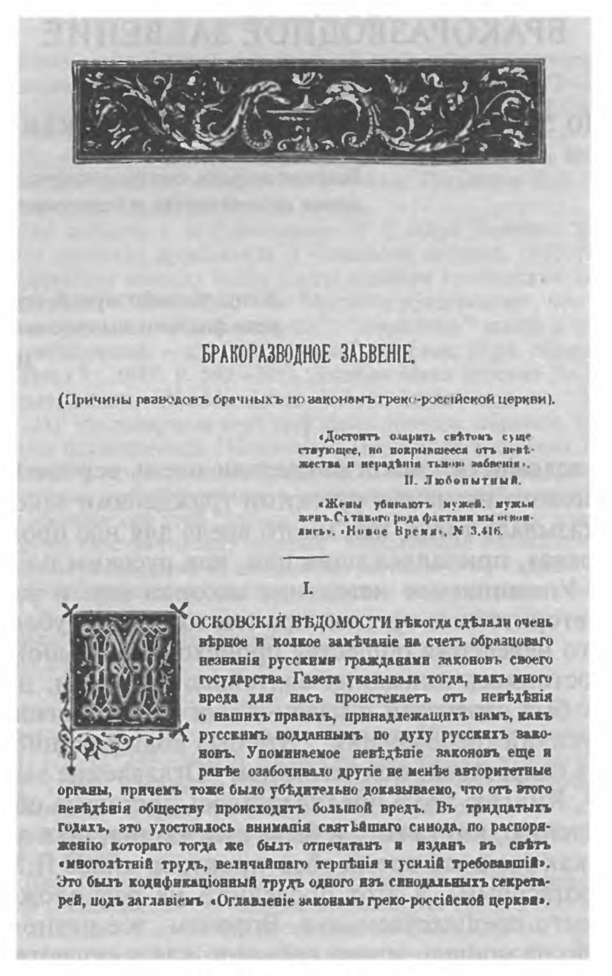
"Новое время" № 3416[2]

I

"Московские ведомости" некогда сделали очень верное и колкое замечание насчет образцового незнания русскими гражданами законов своего государства. Газета указывала тогда, как много вреда для нас проистекает от неведения о наших правах, принадлежащих нам, как русским подданным, по духу русских законов. Упоминаемое неведение законов еще и ранее озабочивало другие не менее авторитетные органы, причем тоже было убедительно доказываемо, что от этого неведения обществу происходит большой вред. В тридцатых годах это удостоилось внимания святейшего Синода, по распоряжению которого тогда же был отпечатан и издан в свет "многолетний труд, величайшего терпения и усилий требовавший". Это был кодификационный труд одного из синодальных секретарей, под заглавием "Оглавление законам греко-российской церкви"[3]. Книгою этою предполагалось доставить обществу большую услугу, но, к сожалению, книга хотя и была отпечатана, но в продажу не поступила, потому что как раз в это время обер-прокурор князь П.Мещерский[4] сменился графом Протасовым[5], а этот последний не расположен был одобрять распоряжений своего предшественника. Впрочем, все равно — книга не служила бы долго, ибо не прошло много времени, как в существе законоположений, указанных в оглавлении, последовали изменения, через которые сведения книги потеряли свое драгоценное значение. Так весь этот кодификационный труд синодального деятеля, "требовавший величайшего терпения", пришел в совершенное забвение. Труд этот даже не упоминается кодификаторами однородных сборников, появившихся в позднейшее время, хотя новым сборникам не достает той полноты, какая сообщает большой жизненный интерес и полезное применение сведениям сборника, напечатанного в 1827 году по распоряжению святейшего Синода. Об этом не выпущенном графом Протасовым кодификационном труде стоит вспомянуть, и это может быть не только интересно, но и полезно, так как сведения новых книжек совсем не упоминают о законах, коими пользовались люди, жившие в прошедшее, но не очень отдаленное от нас время. Ими, может быть, и ныне еще не вполне утрачена возможность пользоваться.

Я не коснусь разных правил, упоминаемых в названном мною кодификационном труде, "требовавшем великого терпения" и пришедшем в совершенное забвение, но упомяну только о законах брачных, или, точнее сказать, о бракоразводных законах, к которым в нашем современном обществе издавна возбужден большой и напряженный интерес.

Сделаем попытку напомянуть это чисто в историческом интересе, дабы "озарить в забвение пришедшее", но не без надежды, что, быть может, в этом найдется нечто достойное внимания и для обстоятельств современной жизни.

БРАКОРАЗВОДНОЕ ЗАБВЕНІЕ.

(Причины разводовъ брачныхъ по законамъ греко-россійской церкви).

«Достоитъ озарить свѣтомъ существующее, но покрывшееся отъ невѣжества и нерадѣнія тьмою забвенія».
П. Любопытный.

«Жены убиваютъ мужей, мужья женъ. Съ такого рода фактами мы освоились». «Новое Время», № 3,416.

I.

Московскія Вѣдомости нѣкогда сдѣлали очень вѣрное и колкое замѣчаніе на счетъ образцоваго незнанія русскими гражданами законовъ своего государства. Газета указывала тогда, какъ много вреда для насъ проистекаетъ отъ невѣдѣнія о нашихъ правахъ, принадлежащихъ намъ, какъ русскимъ подданнымъ по духу русскихъ законовъ. Упоминаемое невѣдѣніе законовъ еще и ранѣе озабочивало другіе не менѣе авторитетные органы, причемъ тоже было убѣдительно доказываемо, что отъ этого невѣдѣнія обществу происходитъ большой вредъ. Въ тридцатыхъ годахъ, это удостоилось вниманія святѣйшаго синода, по распоряженію котораго тогда же былъ отпечатанъ и изданъ въ свѣтъ «многолѣтній трудъ, величайшаго терпѣнія и усилій требовавшій». Это былъ кодификаціонный трудъ одного изъ синодальныхъ секретарей, подъ заглавіемъ «Оглавленіе законамъ греко-россійской церкви».

БРАКОРАЗВОДНОЕ ЗАБВЕНИЕ

Гранки статьи, вырезанной из "Исторического вестника" по требованию цензуры. 1885

Российский Государственный архив литературы и искусства, Москва

По некоторым приметам, кажется, можно думать, что последняя цель теперь не совсем безнадежна, так как в настоящее время у нас дается место соборным суждениям, и очень недавно святейший Синод постановил решение, основанное на древних церковных правилах, о которых нам давно уже читать не приходилось. Упоминаемое решение последовало об удалившемся в Яссы петербургском единоверческом священнике Иване Тимофеевиче Верховском[6]. Решение это пропечатано в "Церковно-общественном вестнике", 21 августа 1885 года, в № 67, и представляет в существе своем следующее. Священник Верховский, "без воли своего епископа оставивший свой приход и вступивший в общение с отлученным церковью раскольническим обществом, подвергнут извержению из священного сана, с предварением, что, если он не придет в послушание церкви с раскаянием в своих заблуждениях, а дерзнет каклибо укорять постигший его суд, то подвергнется конечному отсечению от церкви как зараженный и непотребный ее член" ("Ц<ерковно>-о<бщественный> в<естник>", № 67). Приведенное решение постановлено на основании

58 правила апостолов (отлучение), 10 правила Карфагенского собора (анафема), 39 прав<ила> апост<ольского> и 57 прав<ила> Лаодикийск<ого> собора, 15 прав<ила> апост<ольских> правил 1-го Вс<еленского> собора (извержение) и 10 прав<ила> апост<ольских правил> и 2 прав<ила> Антиохийск<ого> собора (отлучение от церковного общения).

Все эти правила, положенные в основание синодального решения о Верховском, согласны с указаниями узаконений, какие находим в задержанном графом Протасовым "Оглавлении законов греко-российской церкви", напечатанном в Петербурге в 1827 году по распоряжению святейшего Синода.

Извлечем из этих пришедших в забвение правил то, что в них содержится касательно развода брачного.

II

В нынешнее время брачный развод у православных в России, кроме "политической смерти" одного из супругов, допускается только по трем причинам: а) по совершенной неспособности одного из супругов к брачной жизни до рождения ребенка, б) по безвестному отсутствию супруга в течение пяти лет и в) по доказанной неверности ложа. Наичаще практикуется развод по последней из этих трех причин, потому что устроить и доказать неверность удобнее, чем доказать все другое. При посредстве института так названных Щедриным "достоверных лжесвидетелей"[7], это теперь исполняется даже по довольно сходной цене.

Брак по причине прелюбодеяния расторгается духовным судом на основании слов "св. евангелиста Матвея, гл. 5, ст. 9", которое место, по любопытному толкованию графа Льва Н.Толстого, будто бы привменяется неправильно[1*]. Приводятся отеческие и соборные правила, упоминаемые также в той пришедшей в забвение книге, которая была в 1827 году издана при Синоде для руководства в делах духовного ведомства.

Современное общество в своих разговорах и писатели в своих сочинениях, касаясь бракоразводных вопросов, обыкновенно высказывают, что трех упомянутых причин для расторжения несчастливых и неудобоносимых браков очень мало. И в самом деле, практика обнаруживает много других очень серьезных случаев в жизни, при которых брачное сожитие становится не только безнравственно, но даже вполне невозможно, а между тем случаи эти не подходят ни к одной из трех причин, по которым теперь допускается развод и потом новое брачное соединение с новым супругом.

По замеченному "Московскими ведомостями" образцовому неведению русского общества о законах, его касающихся, все страждущие от неудобопереносимых несчастных браков обыкновенно приписывают свое безнадежное горе "суровому безучастию церкви" Им кажется, будто церковь одна *своими* правилами теснее всего сдавила и стиснула этот вопрос и не хочет оказать никакого снисхождения человеческим нуждам даже в таких случаях, когда жизнь брачная для несчастных супругов становится терзательною и часто угрожает преступлениями.

[1*] Граф Л.Н.Толстой полагает, что слова "кроме греха прелюбодеяния" стоят будто не в том смысле,— как будто в случае прелюбодеяния одного из супругов Христос одобрял или разрешал развод. Напротив, эти слова, по толкованию гр. Толстого, выражают то, что супруг, расторгший свой брак, "кроме греха прелюбодеяния", который совершает сам, подводит еще и другого к безнравственной жизни. По взгляду Толстого на христианскую мораль, супругу христианского духа правильнее простить согрешившего против верности супруга и возвратить его к порядочности, а не оставить его на сугубое прелюбодеяние, идучи на то же и самому[8]. (Примеч. Лескова.— *Ред.*).

Отсюда происходят многие совершенно напрасные раздражения против церкви и слышатся нарекания, совсем не отвечающие настоящему положению дела.

Законодательство церкви "греко-российской", конечно, старо, и в нем не предусмотрены все те случайности, какие создала или только выдвинула на свет осложнившаяся жизнь последующих лет, но все-таки церковь гораздо внимательнее к нуждам человеческим, чем это кажется. Во всяком разе, церковь не должна нести пеней за то, что нынешняя бракоразводная практика допускает *только три* повода к разводу. Церковь в кодексе своих законов, известных отцам нашим и памятных о сю пору простонародию, — предусмотрела и разрешила гораздо более бракоразводных причин, которые сейчас и перечислим.

III

В главе седьмой на десять "Оглавления законов греко-российской церкви", изданного 1827 года, в отделе "О разводе брачном", на стр. 82 читаем следующее[9]:

"1) Браки по причине *прелюбодеяния* расторгать (основания) св. евангелиста Матфея, гл. 5, стр. 9; Кормчая к<нига>, 1 ч<асть>, Новокесарийск<ого> собора, 8, св. Василия прав<ило> 9.

2) Пресвитеров, поставляемых в *епископы*, разводить с женами их по обоюдному согласию. Кормч<ая> кн<ига>, 1 ч., 6-го Всел<енского> соб<ора> прав<ила> 12 и 18.

3) Брак мужа, *обличенного в злом умысле* на жизнь жены своей, расторгать — и обратно. Кормчая к<нига> 2 ч., Закона судного, гран<ь> 11, пункт 7; новых заповед<ей> Иустина, гран<ь> 13, гл. 4; Леона царя, зачаток 2, п<равило> 9.

4) Брак мужа с женою, обличенного в *злом умысле по первым двум пунктам*, расторгать. Кормч<ая>, 2 часть, нов<ых> зап<оведей> Иустина, гран<ь> 13, гл. 4; Леона царя, зачат<ок> 2, п<равило> 9.

5) Брак мужа, *страждущего прокаженным недугом*, расторгать. Кормч<ая>, 2 ч.; Закона судного, гл. 32.

6) Жену, *мыющуюся в бане* с чужим мужем или *ночующую в чужом доме* украдкою от мужа и доказанную в прелюбодеянии, разводить с законным мужем. Кормч<ая>, 2 ч.; нов<ых> запов<едей> Иустина, гр<ань> 13, гл<ава> 4; закон<а> град<ского>, гр<ань> 11, п<равило> 9.

7) Жену, *оклеветанную мужем* перед судом, *а не доказанную* в прелюбодеянии, разводить с ним, буде она пожелает и просить о том будет. Кормч<ая>, 2 ч.; нов<ых> зап<оведей> Иустина, гр<ань> 13, гл. 4; закона град<ского>; гр<ань> 11, п<равило> 14.

8) Мужа, *сводящего жену свою* на прелюбодеяние, разводить с женою. Кормч<ая>, 2 ч.; закон<а> град<ского> гр<ань> 11, п<равило> 14.

9) Мужа, *не познавшего* жены своей через три года по совершении с нею брака, разводить с тою женою. Кормч<ая>, 2 ч.; Иуст<ина>; гр<ань> 13, гл<ава> 4; Леона царя 2, п<равило> 9; закон<а> град<ского>, гр<ань> 11, п<равило> 2.

10) Мужа, *пребывающего в прелюбодеянии* и за многократным увещанием, разводить с женою. Кормч<ая>, 2 ч.; зак<она> град<ского>, гр<ань> 11, п<равило> 16.

11) Брак девицы, вышедшей самовольно в замужество, *без воли родителей*, будучи еще под властию их, расторгать и имение возвращать в дом родителей. Кормч<ая>, 2 ч., гл. 50"

Итого, вместо нынешних *трех* поводов к расторжению браков, при жизни супругов, в книжке, изданной синодом в 1827 году, находим не три, а одиннад-

цать поводов, из коих семь, прежде действовавших на признаваемых церковью основаниях, нынче "пришли в забвение" А между тем и причины, и основания, по коим церковь признавала все приведенные поводы к разводу, уцелели и остались. К таковым случайностям, например, подходит злоумышление одного из супругов на другого, страдание заразительными накожными (проказными) болезнями, мытье в бане со иным мужем или неночевание дома украдкой от другого супруга, оклеветание верной жены в неверности и склонение мужьями жен своих к связи с посторонними лицами. Все это встречается в жизни современной, без сомнения, не в меньшем изобилии, как было встарь. Случай злоумышления недавно еще был предметом разбирательства в петербургском военном суде и возмутил собою общественную совесть, признавшую его несомненным, хотя и недоказанным по причинам бессилия формального судопроизводства без присяжных[10]. Заразные болезни кожи, не уступающие проказе, за которую они встарь принимались, существуют и поныне, угрожая произвести больное потомство и делая разделение ложа с зараженным отвратительным и вредным. (Такой случай имел место в супружестве одного недавно умершего известного фельетониста, который буквально весь сгнил заживо. Положение его молодой жены было ужасно, но случай этот не был признан достаточным поводом к разводу[11]). "Жены, мыющиеся в бане с иными", не переводятся. Одна книга, недавно составленная известным русским медиком и дозволенная только для медиков, но довольно доступная, впрочем, и для иных любознательных читателей, сообщает, так сказать, *гуртовые* факты в этом роде[12]. Где автор, между прочим, описывает любопытнейшие тайны нашей банной культуры, там перед его фактическим рассказом меркнут картины парижского разврата, описанные Мартино[13], и слабы покажутся самые раздражительные представления о развращении нравов прошлого времени, но наш автор говорит преимущественно лишь о петербургских банных обычаях, не касаясь наибольшего их развития, известного лишь в Москве... Неночевание дома тоже не вышло из практики как в высших слоях общества, так и в низших. Оклеветание жен тоже практикуется, и случаи, когда муж обвиняет жену, но доказать ее неверность не может, беспрестанны. Все они, больше или меньше, идут под эту категорию "оклеветания", в чем Кормчая, Иустин и закон градский видят основание расторгать браки, но теперь оправдавшаяся или неуличенная жена тем одним и довольствуется, что ее не уличили. И, наконец, склонение жен к посторонним связям тоже не вышло из употребления в жизни: такие случаи более или менее известны всякому, если не по его личным наблюдениям, то по описаниям многих авторов, почерпавших свои наблюдения из жизни известной им общественной среды. Поводы к такому "склонению" зависят от различных целей, которых хотят искательные мужья, направляющие склонности своих жен ко благоугождению прихотям того, кому нравятся их жены. Большею частию это делается для приобретения тех или иных выгод в имущественном или карьерном роде, но в одном из романов г. Авсеенка нам приводилось читать, что такого рода занятие даже способно иногда доставлять некоторым мужьям особое странное удовольствие[14]. И церковь эту гадкую склонность некоторых мужей давно предусмотрела и давала женщине, оскорбленной таким развратником, средство расторгнуть связующие ее с ним узы.

Вообще церковь "греко-российская" смотрела на условия брачного сожительства гораздо внимательнее, чем думают о ней люди, не сведущие в церковном законодательстве, и трактовала многое шире и смелее, чем принято трактовать ныне. Так, например, церковь не требовала свидетелей, которые бы клялись Богом, что они "видели акт", который никто не старается производить при сторонних свидетелях, а церковь заключала о поступке от наведения,

и она наверно не погрешала и не ошибалась, считая “жену, мыющуюся со иным мужем”, за несомненную нарушительницу верности. Пусть никакие свидетели не видали, как они мылись, но, однако, этого бесстыжего факта было довольно, чтобы признать тут “скромность попранною и верность фактически нарушенною” Вообще старая практика церкви в отношении бракоразводного вопроса была шире, жизненнее и удовлетворяла более, чем нынешняя, сведенная лишь к трем пунктам с институтом “свидетелей акта” А потому нарекание общества на церковную тесноту в бракоразводных делах — несправедливо.

IV

Новейшие писатели о разводе очень верно выражают общественные нужды и тесноты в бракоразводном деле, сведенном к трем определенным пунктам, из коих один, наичаще трактуемый, служит только при содействии заведомо неправых доказательств. Не без оснований писатели усиливаются доказать и необходимость сделать разводы у нас более легкими, для чего нужно допустить гораздо большее число поводов к разводам и более упрощенный порядок в производстве бракоразводных дел, но все усилия достичь чего-нибудь до сих пор не привели ни к какому практическому улучшению в желательном духе. Все они оставались только рассуждениями, не привлекавшими к себе никакого внимания со стороны лиц и учреждений, ведающих у нас дела о расторжении браков. Можно думать, что в таком же положении это будет оставаться и далее до тех пор, пока дела бракоразводные останутся в заведовании учреждений, ныне их разбирающих. Сколь бы ни велико было число супружеских несчастий и какими бедами они ни оканчивались бы, духовное ведомство, без сомнения, не отступит от своих взглядов и правил и отнюдь не окажет обществу тех льгот, которых общество желает и имеет достаточные причины желать, ввиду беспрестанно обнаруживаемых тяжких бедствий семейного несогласия, разрешающихся преступлениями ужасными по их жестокому характеру. И надо беспристрастно сознаться, что духовное начальство *не может* поступать иначе, так как оно действует на основании своих церковных правил, которые составляют для него кодекс полный и завершенный. По этой причине жалобы и сетования на невнимательность к нуждам общества с этой стороны неосновательны, а усилия склонить духовное начальство к иным взглядам и отношениям совершенно напрасны. Никакие гуманитарные или юридические философемы не могут оказать никакого влияния на характер отношений к этим делам со стороны духовных учреждений, действующих на основании точных церковных правил. Пусть духовные лица были бы даже смущены и тронуты теми бедствиями, которые происходят в обществе, страждущем от тесноты нынешнего положения, они *как духовные* не могут расширить эти тесноты шире того, что установлено правилами церковными. Вот почему все усилия достичь чего-нибудь льготного в этом роде по уважениям гуманитарного свойства оставались и впредь должны будут оставаться безуспешными. Но может статься, совсем иные практические результаты явились бы в том случае, если бы истцы развода, не задаваясь философемами, стали обращаться к правилам “греко-российской церкви”, которые есть в церковных “законах” и которые практиковались, но теперь “пришли в забвение” Тут, может быть, оказалась бы возможность ожидать какой-нибудь реставрации, а положение бракоразводных дел по правилам, “пришедшим в забвение”, все-таки много легче нынешнего. Опыты в этом роде, нам думается, были бы всего своевременнее *теперь*, когда церковное правительство обнаруживает очевидную наклонность возвратить подобающее значение отеческим и соборным правилам, которыми церковь руководилась прежде.

По крайней мере, случай осуждения священника Верховского и поставленная ему угроза анафемою на основании правил соборов VI Вселенского, Карфагенского, Антиохийского и Лаодикийского[15], кажется, позволяют думать, что старые правила, которыми руководилась церковь в прочих делах, могут быть неосужденно приводимы в основании просьб и решений. Это будет, как староверы говорили покойному государю Александру Николаевичу, "новшество, отдающее стариною", к которой ныне, по-видимому, многие весьма склонны. Это мы опять вправе думать, между прочим, по тому же примеру, ибо до осуждения Верховского к поступкам такого же рода такие отношения давно не имели места. Такого применения не было, например, к чудовскому иеромонаху Пафнутию[16], который только несколько ранее удалился к белокриницким староверам точно так же, как и отец Верховский, и о нем даже упоминается в синодальном решении, последовавшем о сем последнем. Такой серьезный поворот к старине в одного рода делах, которые подведомы суду духовному, не внушает ли надежд, что теперь возможно ожидать сходных поворотов и в других церковных делах. Поворот же к старине в делах бракоразводных был бы тем более кстати, что это вполне отвечало бы народным понятиям о церковных законах, у народа еще не "пришедших в забвение"

Наши простолюдины до сих пор не верят, что есть только три причины для разводов, а считают и такие, о которых мы упомянули в выписке из правил, "пришедших в забвение" Так, например, простолюдин говорит: "Мне развод должны дать, потому моя жена *дома не ночует*". Он в этом *уверен*, конечно, потому, что он что-то такое слышал и помнит. Подмосковные крестьяне часто говорят: "Нашим мужикам только детей жалко, а то нам всем сейчас разводы должны дать, потому что наши бабы по зимам в Москве с иными в *бани ходят*" Бабы, в свою очередь, повсеместно приходят к священникам и дельцам, прося "развод развести" с мужем, потому что "он лишатый" или "пранцоватый" (т. е. зараженный "французскою болезнию"), и священники не всегда успешно вразумляют таких жен, что "с лишатым развода нет" Они не верят, что можно "иметь закон" с человеком, к которому страшно прикоснуться. Равным образом простолюдины, мужчины и женщины, непоколебимо уверены, что имеют право на развод, если другой супруг имел на них "умысел", а солдатки и другие замужние женщины, живущие в терпимых учреждениях с ведома своих мужей, часто возмущаются против права своих супругов собирать с них дань и отказывают им в покорности, говоря: "Ты меня сюда *по согласу свел*, мне должны за это развод дать" Разумеется, эти жены по нынешним правилам не правы, но они, очевидно, основывают свои надежды на старых правилах, дошедших до них по преданию. Насчет же того, что иерей, если захочет пойти в монахи, то может развестись с женою, уверены все, и Ф.М.Достоевский даже описал одну такую сцену в "Гражданине", а когда я ему заметил, что это теперь *невозможно*, то он очень на меня рассердился и написал мне колкий ответ, впрочем, нимало не изменивший дела[17].

Одних этих заблуждений, которые мог слышать каждый и которые сидят в головах простолюдинов и несведущих людей чрезвычайно крепко, может быть, вполне достаточно, чтобы не опасаться, будто воззвание к жизни правил, "пришедших в забвение", может повредить нравы народа как *новшества*. Напротив, в народе это выразится только как утверждение его в той самой простой старине, про которую он знает по преданиям, основанным на бывших фактах, и считает ее до сих пор ненарушимою, так как она основана на правилах греко-российской церкви.

В этом направлении, кажется, и настало время искать какого-нибудь облегчения в столь важном и чувствительном вопросе, как вопрос о браках, и только в одном этом направлении пока еще можно ожидать хоть что-нибудь практическое для вопиющих нужд несчастливых супругов.

V

Если строкам моим суждено обратить внимание интересующихся брачным вопросом в ту сторону, где, мне кажется, есть нечто такое, к чему можно попробовать приложить старание, то я буду этим безмерно счастлив и, испросив извинение моей несведущности в вопросах юридического свойства, дозволю себе поставить на вид господ казуистов один, кажется, никем не замеченный казус в законодательстве о разводах.

Сумасшествие одного из супругов, как бы оно ни было продолжительно и ужасно, по нашим нынешним законам не освобождает другого супруга от обетов брачных. Это может казаться, и в самом деле многим кажется, за несправедливое, за страшное и ужасное, но в этом случае и то церковное законодательство, к которому теперь можно с завистью обращать взоры, тоже не было милостивее. Старое законодательство, снисходившее к прокаженности, по причине которой разделение ложа становится противно, не снисходило к сумасшествию, в котором супружеские отношения совсем невозможны. Вслед за пунктом, гласящим: “Брак мужа, страждущего прокаженным недугом, расторгать” (Кормч<ая> 2 ч., зак<она> судн<ого>, гл. 32), читаем: “Брак мужа с женою по причине *сумасшествия* ее не расторгать” (Кормч<ая>, ч. 2; Тимофея арх. Александрийского пр<авило> 15; Леона царя зач<аток> 2, п<равило> 9). Для простого ума, способного судить о вещах по сравнению их значения, кажется удивительно, как можно прокаженность, отождествляемую в русском представлении с лишаятостью, или с шелудивостью[1*], ставить не только наравне, но даже ниже сумасшествия, в котором человек теряет дар разума и нисходит до бешенства или до бессмыслия, но, как бы это ни казалось кому непонятно и возмутительно, а факт остается тот, что брак с сумасшедшим *не* расторгается. На это ни жаловаться, ни просить негде! Однако тут может случиться, и действительно один раз случилось, замечательное qui-pro-quo[2*]. Случай, о котором я хочу рассказать, имел место в одном селе Орловской губернии и Орловского же уезда. В селе С. у священника Н. была жена, молодая, видная женщина с красно-рыжими волосами, — очень добрая, скромная и хорошая хозяйка, — словом, хорошая русская женщина из тех, с которою, по словам Некрасова:

Никто не придет зубоскалить, —
В беде не сробеет, спасет,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет[19].

Но был (как говорили) “ангел сатанин послан в плоть ей, дабы не возносилась” (2 Коринф<янам> 12, 7). Ежегодно, летом “на молоду”, по весеннем равноденствии, молодая “матушка” *сходила с ума*, и престранно: она внезапно исчезала, как молодой Рюдольстат, описываемый Жорж Занд в “Консуэло”[20], и пропадала надолго, — иногда на месяц. В течение этого времени она “бегала”, — ее иногда видали то здесь, то там, по полям и перелескам. Иногда она забегала в Малоархангельск, — иногда в Кромы (ближайшие города к селу С-ну). Обыкновенно она показывалась неожиданно при приближении прохожих или проезжих мужчин, звала и манила их к себе нагло и бесстыдно, без всякого разбора... Можно было тотчас видеть, что это *больная*, но, разумеется,

---

[1*] Граф Лев Николаевич Толстой в своем изложении евангельской повести везде вместо “прокаженый” пишет “*шелудивый*” (примеч. Лескова. — *Ред.*)[18].

[2*] Путаница, недоразумение (*лат.*).

находилось на всяком месте немало негодяев, которые этим не стеснялись и по-своему пользовались несчастным состоянием безумной... Так проводила она "свою пору", Бог весть где греясь и чем питаясь, и потом, отстрадав свой стих, появлялась домой так же, как оный Рюдольстат из своего богемского подземелья, т. е. неизвестно откуда. Она приходила тихая, безмолвная, оборванная, иногда совсем нагая и избитая; томилась десять-пятнадцать дней в темненьком чулане, не принимая никакой пищи, кроме хлебного сухаря с водою, а потом начинала ласкать в темноте приходивших к ней детей и мало-помалу сама приходила в себя и опять бралась за хозяйственное дело, всегда, впрочем, сохраняя вид грустный, испуганный и унылый. Особенно мужчин — кого бы то ни было, — она боялась и стыдилась, и потому не ходила даже в церковь, а только ночами "страшно" молилась, ударяя головою о порог двери. Несчастная, очевидно, припоминала что-то из того, что с нею было в минувшем припадке сумасшествия, и это ее мучило и увеличивало ее нелюдимость, а это, в свою очередь, опять, может быть, усиливало дальнейшие припадки, которые шли из года в год. И так шло целый ряд лет. Соболезнованием помещика С-ва[21], к больной приглашали лучшего в свое время врача в Орле Вас. Ив. Лоренца (впоследствии главного врача петербургской больницы Всех Скорбящих)[22], но пользы не было. Лоренц "матушке" не помог, и она опять сходила с ума и бегала, пока "ангел сатанин" отступал от нее, и она возвращалась домой страдать и мучиться в другом, может быть, еще более терзательном роде... Случай простой, но ужасный во всяком положении, — а тем более в положении священника, которого, как мужа "зазорныя жены", надо было запретить от священнодействия и низвести на причетническую должность (6 Вселенск<ий> соб<ор>, пр<авило> 26; <послание> св. Василия Вел<икого> к Амфилохию, пр<авило> 27).

Так как *случаи* эти происходили ежегодно и у всех на глазах, то утаиться им от ведома власти духовной было трудно, но, однако, край наш тогда был еще глух и дубровен, а народ мягкосерд и беспечен, и горе отца Н. долго таилось, или, лучше сказать, *тряслось* в своем месте, не выходя из так называемой своей "округи" И дворянам, и мужикам было жалко, потому что отец Н. поп был на редкость не лихой, не тяжебщик и благочестивый. Жаль всем было, что он совсем погибнет без всякой вины через жену, которая тоже мучится без всякой вины, словно за чей-то чужой грех. Так и не доносили никому все время, и архиерей Евлампий[23], долго правивший Орловскою епархиею, ничего о таком событии не знал, но как настал на место Евлампия архиепископ Смарагд[24], то некий дьячок, начитанный в книгах, где много писано о клировых законах, сообразил, что отец Н. по причине позорящего его бедствия подлежит запрещению от священства и зачислению на причетническую должность. Дьячок же исходатайствовал себе у "мира" поручную запись, чтобы ему быть священником, и донес на отца Н-я. Архиерей допросил благочинного. Тот "доследовал" и, в свою очередь, "донес в правде". Архиепископ Смарагд был крут и "жестоконравен", но не зол: он умел вникать в суть дела и, выслушав донесение благочинного, задумался: что тут предлежит брать во внимание: сумасшествие или прелюбодейство? — грех ли карать, и<ли> несчастие миловать? Изымается ли одно другим и уничтожает ли друг друга? Вызвал он к себе и самого благочинного, расспросил его, и не стал его много укорять за потворство и недонесение, а только кратко сказал:

— Бить надо.

Благочинный пояснил, что бегствующую хоть и совсем убить, то ей в то время все равно, потому что она сама в себе невластна.

— Ну, так надо ее запереть с бессмысленными, — решил владыка.

Благочинный откланялся. Он уже не посмел еще раз представить владыке, что эту несчастную неудобно было "запереть" с сумасшедшими, так как она одиннадцать месяцев в году спокойна и здорова и только раз в год, на молоду, после весеннего равноденствия, "люте беснуется" Ее взяли поместили в богоугодное заведение приказа общественного призрения, но здесь не видели причины ее держать и возвратили мужу. Значит, *сумасшедшею ее не признали.* Опять, сжалившись над нею, ее привезли домой и тщательно стерегли приближение ее припадков. Обыкновенно ее запирали на это время в темный чулан, но она раз ушла через потолок, а другой раз чуть не задушилась, завязнув в маленьком окошечке, через которое хотела выскочить. Под страхом потерять место, муж учинил за нею сильный присмотр на все роковое время, и она все-таки опять уходила и делала все то же самое, что и прежде. Предел ее страданиям настал, когда мать сырая земля приняла ее в свои недра.

Случай этот, весьма известный в свое время в Орловской епархии, имеет важную посылку: "позорное поведение" жены священника, находящейся в разуме, по церковным правилам влечет за собою для мужа потерю священства, но если такое же поведение находится в связи с припадочностью временного психического расстройства, то, стало быть, прелюбодеяние тут уже не вменяется. Так ли это или нет? Судя по примеру, сейчас мною приведенному, кажется, надлежит думать, что орловское епархиальное начальство смотрело так. Но если это так, то не представляется ли возможным, что при нынешних взглядах на психические страдания — до психопатии включительно — случаи доказанного нарушения верности ложа могут быть иногда извиняемы таким особенным психическим состоянием неверного супруга, и потому тогда, стало быть, неверность не может быть вменяема в вину? Я не вижу, почему это не должно быть так и почему это было бы несправедливо? Но тогда, при доказанной неверности, не может ли быть оспариваема претензия обиженного неверностию, на развод по 9 главе Евангелия от Матфея?.. Если один из супругов изобличен в прелюбодеянии, но он психопат, то брак с ним, на основании известных правил, обязывающих жить с сумасшедшим, должен оставаться в своей силе, так как по церковным правилам с сумасшедшими ни в каком случае расторжения брака не допускается?..

Такие qui-pro-quo вполне возможны и, кажется, вполне достойны того, чтобы их предвидеть и не дать повода к новой профанации наших отслуживших и видимо несостоятельных брачных законов.

Оглашенный в "Новом времени" пример елецкого педагога из чехов г. Малины, который женился от живой жены на дочери директора Шрамека и потом, исчезнув за границу, томил свою вторую жену, подавая о себе сведения, чтобы лишить ее права на развод по безвестному отсутствию[25], — должен быть убедителен, что законы наши дают слишком много простора для того, чтобы их профанировали и над ними издевались люди хитрые и бессовестные.

VI

И еще одно немаловажное и также совершенно позабытое обстоятельство. Церковные законы гласят, что "развод брачный бывает *двоякий*, т. е. *временный* и *всегдашний*" (Кормчая к<нига>, 1 ч.; Карф<агенский> соб<ор> в толковании на пр<авило> 71). Мы в настоящее время знаем только об одном разводе *всегдашнем*, а *временный* совсем позабыли. Между тем основания для "временного" развода в правилах церковных, как видим, есть, а из современной русской жизни не исчезли и поводы, по каковым такой развод имел свое место. В изданной же святейшим Синодом книге, которую мы цитируем ("Оглавление законов греко-российской церкви" СПб., 1827), на 58 стр. читаем: "Оставшимся после *временной* или вечной ссылки дозволять по просьбам вступать в

другие браки, не предоставляя в том святейшему Синоду" (указ 1720 г., авг. 16, 1753 г., марта 29, 1767 г. июля 9, 1806 г. февраля 28). Ссылки и ныне бывают как временные, так и всегдашние, и притом одни из них производятся по приговорам судов, а другие по усмотрению начальства. Но, независимо от разности в мотивах этих ссылок, сущность и последствия той и другой для остающегося несосланным супруга одинаковы: супруги разлучены, т. е. брак их временно расторгнут. Но в правах их является большая и очень существенная разница, которую трудно считать справедливою. В то время, как супруг, лишенный другого супруга по суду, может вступить на месте своего жительства в новое супружество, — супруг, разлученный с своим супругом по высылке, состоявшейся без судебного приговора, — не имеет права вступить в новый брак. Не есть ли это своего рода недосмотр, который, быть может, самому правительству желательно будет исправить, ибо это важно как в интересах справедливости, так и в интересах благочестия, для подъема которого собираются соборы. Правила церковные, которые указаны в "Оглавлении", по-видимому, не делали никакой разницы для супругов, сосланных по той или по другой форме.

В пользу супругов, оставшихся в разлучении с супругами, подпавшими ссылке по усмотрению несудебных властей, кажется, должен бы особенно послужить тот пункт церковных правил, по которому "брак мужа с женою, обличенною в злом умысле, *по первым двум пунктам* расторгается" (Кормч<ая> кн<ига> 2, Иустина гран<ь> 13, гл. 4. Леона царя зач<аток> 2, п. 9). Ссылка же по усмотрению несудебных властей, навсегда или на время, преимущественно практикуется именно против лиц, которых образ мыслей или поведение представляются неудовлетворительными по отношению к "первым двум пунктам" Следовательно, ссылка, сделанная по этой причине, представляет для остающегося на месте супруга особенную тяжесть, ибо, если остающийся супруг имеет взгляды и убеждения, несогласные с поступками супруга ссылаемого (а это доказывается случающимися доносами одного супруга на другого), то остающийся имеет гораздо больше причин желать расторжения брака, чем тот, чей супруг пошел в ссылку за преступления уголовного характера. Думается так потому, что политическая неблагонадежность, известная начальству с такою убедительностью, что начальство признало это за несомненное, — влечет последствия вполне нежелательные для другого супруга, который имеет совсем иные убеждения и может быть полон благоговения к тому, что супруг, отсылаемый в ссылку, совсем не уважал и не считал за великое. Почитатель естественно может желать дорожить своею личною незаподозренностью, и ради одного этого он должен порвать узы, связующие его с непочитателем. И еще того более здесь выступает дело величайшей важности, — именно воспитание детей, которое почитатель и непочитатель не могут вести в одном и том же духе. Тут с обеих сторон неминуемо непримиримое несогласие: почитатель должен быть в постоянном страхе, что непочитатель отравит понятия детей и так же приведет их в подозрительное положение, угрожающее ссылкою. Как же возможно жить в таком положении, где брак неминуемо должен привести воспитываемых детей к политической гибели?.. Между тем, хорошо известно, что ссыльные, удаляемые без суда за неодобряемые начальством политические убеждения или за их "вредный дух", — не всегда изменяют убеждения, бывшие причиною их ссылки, а напротив, они нередко даже крепнут в своих убеждениях и научаются быть скрытнее. Как тут мириться с таким положением, где есть постоянный страх и опасность, что дети пойдут, и их тоже может ожидать ссылка без судебного решения? Не понятен ли и не доступен ли будет каждому справедливому человеку весь ужас такого положения, и не представится ли после того за нечто нелогическое, что закон, допускающий развод по причине ссылки, решенной судом, не допускает того же самого в случаях ссылки, признанной необходимою несудебными властями?

Может быть, не ошибаются те, которые предполагают, что тут есть какая-то недосмотренность и недоговоренность, имеющая, конечно, очень вредное влияние в семейной жизни и отнюдь не благоприятствующая ныне подъемлемым заботам о подъеме веры и благочестия.

Соборы, оживляющие ныне церковную жизнь, как говорится о них, собираются именно ради этих нужд, т. е. ради нужд "веры и благочестия" Из того, что до сей поры известно о деятельности отбытых соборов в Киеве и в Казани, — все касалось пока еще одной стороны соборной задачи — именно подъема "веры", но, конечно, вера скоро будет утверждена и наступит время заботам насадить в русских и благочестие, а в вопросах общественного благочестия, без сомнения, имеет великое значение брак и воспитание детей.

Суд соборов, разумеется, может быть без сравнения шире и свободнее, чем суд консисторий, которые теперь разбирают все вопросы брачные, и в этой свободе может лежать залог благополучия для великого множества несчастных супругов, — это ныне и ожидается людьми, желающими видеть на своей земле возможно более счастия и благополучия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Павел Онуфриевич *Любопытный* (Онуфриев, 1772—1848) — старообрядческий (беспоповского поморского согласия) духовный писатель; полемизировал со старообрядцами федосеевского согласия, проповедовавшими полное отрицание брака (см.: *С<убботи>н Н.* Замечательный опыт раскольнической библиографии // Каталог, или Библиотека староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного в Санкт-Петербурге 1829 года. М., 1861. С. 4 — оттиск из журн. "Библиографические записки").

Процитированная Лесковым фраза не найдена. Сходные по смыслу фрагменты есть в "Предисловии" П.Любопытного к книге: Каталог, или Библиотека староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного. М., 1863. С. 2—3 (оттиск из "Чтений в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете").

[2] Цитата из "Маленькой хроники" Петербуржца (псевдоним В.С.Лялина) (*НВ.* 1885. 1 сент.).

[3] Эту книгу нам разыскать не удалось.

[4] Петр Сергеевич *Мещерский* (1777—1856) — обер-прокурор Синода (1817—1833); сенатор.

[5] Граф Николай Александрович *Протасов* (1798—1855) вступил в должность обер-прокурора Синода в 1836 г. Оба они упоминаются в очерках Лескова, вошедших в 6-й, запрещенный цензурой том "Собрания сочинений" (СПб., 1889),— "Борьба за преобладание" (1882) и "Синодальный философ" (1883).

[6] Иван Тимофеевич *Верховский*, будучи священником единоверческой церкви в Петербурге, обвинял церковь и высшее духовенство в гонении раскольников; печатался в "Церковно-общественном вестнике" и "Гражданине" После неоднократных внушений со стороны официальной церкви бежал в один из центров раскола, Белую Криницу, за что Синод лишил его сана и исключил из списков церковного клира.

[7] Лесков подразумевает гл. X из "Дневника провинциала в Петербурге" (см.: *Салтыков-Щедрин.* Т. 10. С. 507—510). Это же выражение цитируется в составленной Лесковым записке "Еврей в России", вышедшей отдельным изданием в 1884 г. (см.: *Лесков Н.С.* Собр. соч. в 6 т. М., 1993. Т. 3. С. 241).

[8] Речь идет о толстовском "Соединении и переводе четырех Евангелий" См. комментарий Толстого к Евангелию от Матфея (5: 31—32: "Я же говорю вам: Кто если разойдется с женою своею, пусть даст ей отпускную. Я же говорю вам, кто если разойдется с женою, тот кроме того, что это распутство, — вводит ее в блуд" (*Толстой.* Т. 27. С. 223). Слова синодального перевода: "кроме вины прелюбодеяния", замечает Толстой, "мне представляются неправильно переведенными. Подробность этого условия, при котором можно отпускать жену, противоречит всему складу учения.

Или слова эти должны быть пропущены, или запятая должна быть выпущена, и вводное предложение это должно быть отнесено не к сказуемому "разойдется", а к сказуемому "блудить" (смысл их тогда таков: муж, бросая жену, кроме того, что это само по себе есть распутство, виноват еще тем, что он ее бросил, и тем заставляет блудить ее и того, кто с ней сойдется" (Там же. С. 225). Ср. текст синодального перевода: "А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует" (*Матфей*, 5: 32).

[9] Здесь и далее Лесков упоминает следующие тексты, относящиеся к сфере церковного права: 1) Кормчая книга — переведенный с греческого сборник правил церкви и касающихся ее

государственных постановлений; 2) Каноны Ново- (или Нео-) кесарийского поместного собора 315 г.; 3) Правила св. *Василия Великого* (329—379) — богослова, одного из отцов церкви, извлеченные из его посланий к епископам Амфилохию, Диодору, Григорию пресвитеру и др.; 4) Каноны 6-го Вселенского собора (Константинопольского Третьего) 680 г.; 5) Закон судный — "Закон судный людям" — раздел Кормчей книги, составленный из различных источников византийского права, преимущественно из эклоги Льва Исаврянина; 6) Законы Леона царя — сборник государственных постановлений, составленных во время правления византийских императоров Льва Исаврянина и Константина Копронима (изд. в 790 г.); 7) Закон градский — сборник византийских законов по гражданским и церковным делам ("Прохирон"), был переведен в XI в. на славянский язык под названием "Градского закона", а в печатной Кормчей книге составил гл. 48; 8) Правила Тимофея, архиепископа Александрийского в 380—385 гг. См.: Кормчая Книга: С оригинала Патриарха Иосифа. М., 1912; 9) Новые заповеди Иустина — законы византийского императора Юстиниана (Иустиниана).

[10] Сведений об упомянутом процессе не обнаружено.

[11] Согласно примечанию А.Н.Лескова на полях оттиска публикуемой статьи (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 769. Л. 4 об. С. 514 оттиска), речь идет о беллетристе и фельетонисте Льве Константиновиче *Панютине* (псевд. — Нил Адмирари, 1831—1882). См. также письма Лескова к А.П.Милюкову от 9(22) и 12(24) июня 1875 г., где в тех же выражениях рассказано о заболевании известного фельетониста (X, 401, 407).

[12] Вероятно, имеется в виду книга: *Аристов А.П.* Меры к ограничению распространения сифилиса в городах, а также больших центрах скопления неженатых мужчин и незамужних женщин. СПб., 1883.

[13] *Мартино, Луи* — парижский медик, автор книг "Бленнорея у женщин. Клинические лекции" Пер. с фр. Н.Сульменева. СПб., 1886 (Оттиск из ж. "Международная медицина" 1886. №№ 3—4, 5, 7—8, 12); "Онанизм, сафизм и содомия у женщин. Лекции, читанные в госпитале Lourcine и собранные М. Laland'ом". Пер. с фр. изд. Н.-Новгород, 1884. Лесков подразумевает книгу: "Тайная проституция и меры против нее" Пер. с фр. под ред. доктора Н.А.Маева. СПб., 1886 (обл. — 1885).

[14] Возможно, Лесков имел в виду историю персонажей (Коко Луховицкого и его жены Полины) двух романов Василия Григорьевича *Авсеенко* (1842—1913) "Скрежет зубовный" (1878) и "Злой дух" (1881—1883): Коко рад сближению своей жены с известным в свете Волынским ("Достигнуть, чтобы в свете говорили: Волынский ухаживает за Полиною Луховицкою — тоже представлялось ему очень лестным. Потому он вполне одобрял особенное внимание, оказываемое Полиною этому частому гостю" — *Авсеенко В.Г.* Сочинения. СПб., 1905. Т. I. С. 296; ср.: с. 403—405, 431—432); "припадки супружеской нежности" сохраняются у героя Авсеенко и после того, как его жена становится сожительницей состоятельного Пахтаева (Там же. Т. IV. С. 40—45, 127, 309 и др.). Однако Лесков не вполне точен: "сводничество" героя Авсеенко объясняется не "странным удовольствием" от измен жены, а вполне меркантильными соображениями.

[15] Перечисляются поместные церковные соборы: Карфагенский (419 г.), Антиохийский (341 г.), Лаодикийский (конец IV в.).

[16] Пафнутий — иеромонах Чудова монастыря в московском Кремле, удалился к старообрядцам и поселился в старообрядческом Мануиловском монастыре; в 1885 г. священник Верховский (упомянутый Лесковым выше) также поселился в Мануиловском монастыре, где встретил Пафнутия. См.: "О бегстве за границу к раскольникам священника Николаевской единоверческой С.-Петербургской церкви И.Верховского" // *ЦОВ*. 1885. 21 авг. С. 6.

[17] Лесков не вполне точно излагает суть своей полемики с Достоевским и обстоятельства, с которыми она связана. В "Гражданине" (1873. 16 апр.) появился рассказ М.А.Недолина "Дьячок. Рассказ в приятельском кругу" В газете "Русский мир" (1873. 23 апр.) Лесков под псевдонимом "Свящ. П.Касторский" поместил заметку "Холостые понятия о женатом монахе", в которой в довольно резкой форме упрекнул автора рассказа, а также и Достоевского как редактора "Гражданина" в незнании церковных законов, запрещающих уходить в монастырь от живой жены. В "Дневнике писателя" за 1873 год в заметке "Ряженый" Достоевский согласился, что по церковным правилам описанный Недолиным уход дьячка от жены в монастырь невозможен; вместе с тем он заметил, что в действительности такие истории могут происходить, а также отстаивал право писателя на вымысел. (См.: "Гражданин". 1873. 30 апр.; ср.: *Достоевский*. Т. 21. С. 81—87. Подробнее об этой полемике см. в комментарии Г.Я.Галаган.— Там же. С. 430—433).

[18] Речь идет о "Кратком изложении Евангелия" (См.: *Толстой*. Т. 27. С. 869). В переводе Толстого: "коростовый", а не "шелудивый"

[19] Неточная цитата из первой части поэмы Н.А.Некрасова "Мороз, Красный Нос" (1864).

[20] Рюдольстат (Рудольштат) — персонаж романов Жорж Санд "Консуэло" (1842—1843) и "Графиня Рудольштат" (1843—1844), романтический, загадочный герой, подверженный душевным расстройствам, меланхолии, потере памяти, периодически оставлявший родных и скитавшийся. Рудольштат скрывался от своей жены, сомневаясь в ее любви и желая охранять ее счастье; боясь принести зло близким, считая себя проклятым судьбою, покинул родину после того,

как невольно стал причиной смерти родственника. Лесков иронически уподобляет одержимую попадью таинственному герою Жорж Санд.

[21] По предположению А.Н.Лескова, речь идет о Михаиле Андреевиче Страхове, муже тетки писателя Натальи Петровны Страховой.

[22] Василий Иванович *Лоренц* (1805—1888), врач, действительный статский советник.

[23] *Евлампий* (в миру Петр Пятницкий) — епископ Орловский (1840—1844), затем Вологодский (1844—1852).

[24] *Смарагд* (в миру Александр Крижановский; ум. 1863) — архиепископ Орловский (1844—1858), затем Рязанский и Зарайский. Сатирически изображен Лесковым в очерках "Мелочи архиерейской жизни".

[25] Лесков ссылается на собственные статьи, посвященные Владимиру Малине. См.: "Неуловимый многоженец. Из истории брачных затруднений" // *НВ*. 1880. 23, 27 и 30 ноября. (См. об этом очерке Лескова ниже в предисловии В.О.Пантина к статье "Чертова помощь"); "Поправки и объяснения к статьям о Малине" // *НВ*. 1880. 7 дек. Иван Федорович *Шрамек* (1818—1884) — преподаватель греческого и латинского языков, с 1872 г. директор Пятой С.-Петербургской гимназии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ ЛЕСКОВА ПО БРАЧНОМУ ВОПРОСУ

ЧЕРТОВА ПОМОЩЬ

Предисловие, публикация и примечания
В.О. Пантина

В № 1250 "Нового времени" от 22 августа 1879 г. была помещена статья "Чертова помощь" за подписью "Н." Посвящена она брачному вопросу, интерес к которому Лесков испытывал с конца 70-х годов. Одним из важных аргументов в пользу его авторства являются почти буквальные совпадения — сходные словесные формулировки, одни и те же конкретные примеры,— обнаруживающиеся при сопоставлении атрибутируемой статьи и известного очерка Лескова "Неуловимый многоженец. Из истории брачных затруднений", вскоре напечатанного в той же газете[1].

Приведу параллельные места:

Чертова помощь	*Неуловимый многоженец*
Многотомительный брачный вопрос, говорят, решен тем, что ему не будет никакого решения.	В № 1691 № "Нового времени" (11 ноября) сказано, что "решение бракоразводного вопроса, по-видимому, не состоится в нынешнем году..."
...развод, практикуемый у нас преимущественно только по одному из трех законных пунктов, — именно, по доказанной неверности одного из супругов <...> дело <...> без которого нам по нашим порядкам невозможно обойтись.	Кроме "адюльтера" у нас признается еще три причины к разводу <...> "Адюльтер", или доказанная неверность, практикуется чаще других доводов именно потому, что повод этот легче доказать.
...вполне достоверно, что на такие услуги (то есть свидетельствовавшие о "факте прелюбодеяния". — *В.П.*) теперь идут уже не одни мужчины, а также и женщины.	В последнее время известны случаи, где поручителями за факт неверности являются даже дамы.
...нельзя обойтись без обмана <...> Обман в данном случае есть единственное средство <...> рассказанные ухищрения — изобретения людей с эстетикою <...>	...обходиться без фальши уже невозможно <...> особенно же стоят внимания новые ухищрения в этом искусстве.
"Специалисты" адвокаты и т. н. "герольдмейстеры" <...> руководят "спектаклем прелюбодеяния" <...> Два приятеля <...> входят, видят "представление" и потом свидетельствуют о нем под присягою.	Дело разыгрывается совсем без потрясений, шутя и весело, как домашний спектакль <...> разбалтывают, что "видели факт" Весь этот спектакль оформливается, представляется духовным властям.

Перекликается "Чертова помощь" и со статьей "Бракоразводное забвение. (Причины разводов брачных по законам греко-российской церкви)"

Важным свидетельством в пользу предложенной атрибуции выступает само название статьи. Среди незавершенных набросков Лескова сохранился маленький отрывок, озаглавленный "Чертова помощь. Быль"[2]. Писатель, как известно, часто пользовался одним и тем же названием для нескольких, иногда не связанных между собою произведений. Такова, например, история заглавий "Чертовы куклы", "Заячий ремиз", "Дикая фантазия"

Следует учесть также мотив "чертовой куклы", который отчетливо звучит во вступлении к статье: "Черт <...> играет нами в куклы" Этот мотив отсылает к роману "Чертовы куклы", а также к семи одноименным отрывкам[3]. "Чертовой куклой" называет себя кроме того, рассказчик в "Колыванском муже" (VIII, 411).

В финале "Чертовой помощи" упоминается "анафема" как средство, к которому, по опасениям автора, может прибегнуть церковь вместо того, чтобы "поосвободить узы" брака. Спустя полгода в "Новом времени" появилась большая статья Лескова "Анафема. Первое воскресенье Великого поста"[4].

Характерно также внимание автора к особенностям брачных затруднений в "прибалтийских провинциях" Здесь напрашивается ряд параллелей с упомянутым уже рассказом "Колыванский муж"

Обращают на себя внимание также следующие характерные для Лескова неологизмы: "многотомительный", "блудодействующая земля", "обуздательно", "сникнуть с глаз" Любопытно, что "пастыреводителей" (т.е. архиепископов) Лесков с явной иронией называет здесь "праведниками", что перекликается с "Мелочами архиерейской жизни" (1879).

Что касается подписи "Н.", то Лесков, как известно, ею пользовался[5].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *НВ*. 1880. 23, 27 и 30 ноября.

[2] *ИРЛИ*. Ф. 612. Ед. хр. 101.

[3] См. об этом: *Столярова И.В., Шелаева А.А.* К творческой истории романа Н.С.Лескова "Чертовы куклы" // *РЛ*. 1971. № 3. С. 102—113.

[4] *НВ*. 1880. 8 марта.

[5] Дополнительные аргументы в пользу предложенной атрибуции связаны с неизвестным ранее фактом регулярного сотрудничества Лескова в "Новом времени" на рубеже 1870—80-х годов (см. далее в наст. томе публикацию О.Е.Майоровой «Лесков в суворинском "Новом времени" (1876—1880)».

Многотомительный брачный вопрос, говорят, решен тем, что ему не будет никакого решения: все ожидания облегчительных реформ признаны совершенно и навсегда невозможными. Мы не доискиваемся, какие именно мнения положены в основание для отстранения реформы брачных вопросов. Мы знаем, что в специальной духовной литературе, на которую опираются те, кому надлежит ведать теологическую сторону брачного вопроса, всякие основания могут быть найдены, даже в изобилии и излишке. Разбирать эту сторону не наше дело; мы предоставляем каждому думать об этом как угодно. Наше внимание в эту минуту обращено на светскую сторону дела, которою заведует не кто иной, как отец всякого греха — *черт*. Нас интересует, что делает этот враг семейного благополучия: оробеет ли теперь он и спасует, или не оробеет и не спасует, а будет продолжать играть нами в куклы?

Чтобы отгадывать будущее, надо хорошо привести на память то, что было и что есть. Мы этим и займемся. Это будет нескучно, а напредки пригодится.

В нашей газете очень недавно было приведено множество ухищрений, измышленных русскими людьми для того, чтобы обходить правила нерушимости нерасторжимого брака. Все они свидетельствуют о давно замеченной русской способности примениться ко всякому положению и из-под всякого замка найти себе необходимую лазейку; но в напечатанном рассказе бракоразводный анекдот далеко не исчерпан[1]. Ему, по-видимому, нет конца и предела, а впе-

реди его, очевидно, ожидает большая будущность, тем более курьезная, чем тяжелее будет бремя неудобоносимое. Жизнь его сбрасывает и всегда сбросит, — если не с пособлением святых, то с помощью грешников, с так называемою "чертовой помощью" Вопрос в том, во что нам обойдется эта чертова помощь?

Было сказано, что развод, практикуемый у нас преимущественно только по одному из трех законных пунктов[2], — именно по доказанной неверности одного из супругов, служит чрезвычайно деморализующим началом. Дело это, без которого нам по нашим порядкам невозможно обойтись, устраивается всегда при посредстве свидетелей, которым удается видеть *факт прелюбодеяния*, что без постройки и подготовки не бывает. Во всех этих делах всегда говорится и под *присягою* утверждается, что любопытное зрелище прелюбодеяния свидетелям представляется *случайно*, и никто никакими уликами не может их уличить, что это было иначе. Но как всякий из собственной жизни знает, что случайно этакие зрелища показываются очень редко, то никто из мало-мальски основательных людей не сомневается, что "факт прелюбодеяния", наблюдаемый и удостоверяемый под присягою двумя "достоверными свидетелями"[3], всегда есть не что иное, как *представление*, устраиваемое по уговору, за известное вознаграждение и для известной цели. Не смеют знать этого одни духовные власти, которые обязаны верить кругло обделанному делу. Им ничего иного не остается, и слава Богу, что не остается. Но тем не менее обман широко практикуется на всей Руси, которая благодаря этому представляется землею какого-то особенно неряшливого и бесстыдного блудодейства при публике. Но остановить этих дел нет никакой возможности, потому что, к счастию бедного человечества, закон о расторжении браков по причине нарушения супружеской верности основан на слове неотменяемом. Стало быть, об обмане остается знать и скакать под дудку обманщиков, если нет средств ни обличить их обман, ни вывесть их из положения, в котором нельзя обойтись без обмана.

Итак, обман в данном случае есть единственное средство, без которого мы, конечно, не обойдемся и в будущем.

Но говорят, что средство это "обуздательно", потому что дорого, и по тому же самому оно доступно только людям богатым, которые могут нанять "достоверных свидетелей" и понести другие сопряженные с делом довольно тяжелые расходы. Так, доводилось нам слышать, судят некие наши пастыреводители, очевидно, питающие полное презрение к мамоне и потому равнодушные к развращению людей зажиточных. Но зато они уверены, что сохранят благочестие низких классов и вообще бедную братию, для которой расходы разводных обманов представляют "обуздательное" значение. Только едва ли и это верно: черт, кажется, и здесь перехитрил праведников. Несомненно, что дела о разводах по указанному пункту действительно обходятся дорого, — и именно, как не раз было вычислено: в размере от трех до десяти тысяч, но это так обходится только богатым белоручкам, которые не понимают дела и обращаются к посредству "специалистов" адвокатов и так называемых "герольдмейстеров", то есть подрядчиков, поставляющих "достоверных свидетелей" и вообще руководящих "спектаклем прелюбодеяния" Но, что богачи покупают деньгами, того люди меньшего достатка достигают иначе.

Самый простейший способ засвидетельствования факта прелюбодеяния у небогатых людей образованного класса представляет приязнь и дружество. Человек, нуждающийся в разводе, берет *неизвестную* женщину (известная будет подлежать церковному наказанию за грех) и совершает с нею "факт прелюбодеяния" при двух своих приятелях, которые на этот случай входят, видят "представление" и потом свидетельствуют о нем под присягою, полагая тем основание решению дела в пользу приятеля. Это нынче способ самый распро-

страненный и притом самый благонадежный и верный, потому что тут не участвуют проходимцы, нанятые герольдмейстером и всегда вымогающие новые дополнительные приплаты и иногда угрожающие шантажом. От таких приятельских услуг не отказываются иногда лица весьма уважаемые и даже уважения достойные. Им жаль приятеля, страдающего в несчастливом браке, и они берут грех на душу и пускают мученика на волю.

Но что может показаться невероятным, однако вполне достоверно, что на такие услуги дружбы теперь идут уже не одни мужчины, а также и женщины: есть дела о расторжении браков по неверности, где факт прелюбодеяния удостоверяется показаниями женщин и даже девиц благородного круга. Как лица, равноправные с мужчинами в свидетельском удостоверении, они не устраняются от свидетельствования, что видели факт прелюбодеяния, и они пользуются этим правом, преимущественно в тех случаях, когда расторжения брака домогается *женщина*, решившаяся взять вину на себя. Как женщине все-таки несколько легче разыграть нужную для дела "пантомиму любви" при свидетельницах женщинах, чем при свидетелях мужчинах, то это так и делается, причем в женской работе всегда замечается некоторая особенность, выражающаяся в более тонкой обдуманности плана, а также в чистоте и деликатности деталей. Наем у женщин если и практикуется, то чрезвычайно редко: обыкновенно они усердствуют не из корысти, а по доброхотству, почему женщина чаще всего уличается в "факте" при участии ее же приятельниц или родственниц мужа, который ими об этом извещается и заводит иск о разводе. Но, кроме того, у женщин процедура эта иногда ведется и гораздо замысловатее, чем у бесцеремонных насчет предъявления своего "факта" мужчин. В то время как у мужчин "факт прелюбодеяния", по крайней мере хоть в известной доле случаев, действительно имеет сущность того, за что он принимается свидетелем, у женщин, по некоторому преизбытку эстетического чувства и стыдливости, в этом крайнем случае "факта" фактически не бывает, а он заменяется фикцией, "пантомимой", представлением. Дело более или менее искусно разыгрывается, иногда при посредстве "неизвестного мужчины" из самых добрых знакомых или же родственников (что просто ужасно), а иногда, говорят, во всем этом вовсе *не участвует* никакой мужчина (что гораздо легче). Свидетельницы обыкновенно видят только то, что необходимо требуется по закону. Но и это далеко еще не все: рассказанные ухищрения — изобретения людей с эстетикою, людей высшего слоя общества, где есть чем ворохнуть, чтобы измыслить то и другое. Гораздо проще и малосложнее, но зато несравненно сильнее это практикуется в слоях низших, о которых неправильно думают, будто бы там разводы по причине неверности неизвестны. Известны они и там, хотя у простолюдинов они устраиваются реже, но зато самым, так сказать, радикальным и грубым "простонародным средством" Простая женщина, которой брак стал нестерпим и которая порешила с мужем окончить их взаимную муку, не подкупает свидетелей и не находит даровых друзей, готовых подсмотреть, как она или ее муж станут производить "факт". У простолюдинов не практикуется такая услуга, всего вероятнее потому, что простые люди боятся суда и ответственности более, чем люди культурные, которые знают, как неуловимо их участие в подобном случае. И потому в низших слоях общества разводы чаще бывают *по вине женщин*, а не мужчин. Чтобы доказать неверность мужчины, нужны расходы, во всяком случае, для совершенно бедных людей непосильные, так как при этом нужно нанять "неизвестную женщину" и свидетелей (ибо неопытные простолюдины по приязни не идут в свидетели), а женщина *сама* может неопровержимо доказать свою неверность и обыкновенно прибегает для этого к следующему варварскому, но неопровержимому средству: она уходит от мужа и поступает "девицею" в дом терпимости, где по влечению вкуса или еще чаще

совсем против этого влечения предается публичному разврату. Муж спустя некоторое время об этом осведомляется и подает жалобу. Об уликах он нимало не заботится, потому что при этом простонародном средстве все улики налицо. Виноватую жену вызывает к себе по поручению консистории священник и "усовещевает" ее, но она обыкновенно "после всех увещаний остается непреклонною и не подает никакой надежды к исправлению" Дело сверкает яснее солнца, и брак расторгается, на сей раз по причинам действительно существующим и достоверным. Муж после этого женится или не женится на другой, а принесшая себя в жертву жена предается "церковному покаянию по усмотрению духовного начальства" и иногда возвращается к прежнему, трудовому, образу жизни, оставленному ею единственно для того, чтобы развязаться с постылым мужем, а иногда идет по наклонной плоскости, то есть остается при насильственно принятом ею несчастном ремесле публичной блудницы.

Но есть вещи еще казуснее: иногда и самое нахождение женщины в доме терпимости и подчинение ее правилам здешнего общежительства отнюдь не служит верным ручательством, что брачная верность ею фактически нарушена; и законник здесь опять запутывается в сетях женского коварства. Пишущий эти строки знал здесь в Петербурге молодую, очень умную, твердого характера, красивую женщину, жену отставного боцмана из Кронштадта, которая нашла из такого каторжного положения чертовски хитрый выход. Условясь с отъявленным пьяницею и негодяем мужем, чтобы он просил развода с нею и заплатив ему за это сто рублей, она ушла из дома, где служила ключницею, и сникла с глаз у всех ее знавших. Целый год о ней не было ни слуху, ни духу, пока она вдруг вновь появилась свободною от всех мужниных притязаний с бракоразводным свидетельством, но обреченная на безбрачие. Где же она была во все это время, что делала и какие явила доказательства своей неверности, что было для всех ее знавших удивительно, потому что это была женщина очень строгих правил и стояла превыше всяких соблазнов. Да она опять же была *ключницею*, только не в честном доме, а в доме, гости которого не признаются в своем знакомстве... И она подвергалась в течение целого года всем правилам этого учреждения, в котором, как требовали ее виды, она числилась такою же, как все другие. Но она устроила так, что только *жила и числилась*, а вышла оттуда такою же чистою, какою вошла туда; и пребывала там до самого увещания священника, аттестовавшего ее "закосневшею в пороке и не подающею никаких надежд на исправление"

Как только такое донесение было послано, она тотчас же *исправилась*, то есть выписалась из "барышень" и ушла, отряхнув прах от ног своих. Для того чтобы не подвергаться фактически тому единственному условию, которое делает нужными все прочие условия жизни позорного дома, она там не только бесплатно служила госпоже этого дома ключницею, но еще платила ей за свое содержание из тех небольших сбережений, которые успела себе составить от своей прежней службы.

И эта женщина, от природы своей правдивая и честная, говорила, что мысль таким образом избавиться от мужа не сама пришла ей в голову, а присоветована в одну горестнейшую минуту ее жизни *старушкою нянею* господских детей. И эта старушка, по словам рассказчицы, была не какая-нибудь забубенная голова, а "добрейшая женщина", которая раз ночью, видя ее неутешные слезы, навела ее на эту мысль и "призналась, что она много лет назад *сама то же самое сделала*"

Еще ли это не чертово дело!

Но есть дела еще мудренее: это когда черт помогает не только разойтись, но и сойтись. В такой его услуге нуждаются разведенные супруги, обреченные

на безбрачие, и услуга эта им оказывается разнообразно, но всегда с чисто чертовскою хитростию.

Приведем один из анекдотов в этом роде.

Некто, быв чрезвычайно несчастлив с своею женою, которая не любила сего злополучного мужа, а любила другого человека, пришел к необходимости искать развода. Жена на это была согласна и даже очень рада, но не хотела принять вину на себя, потому что имела желание выйти замуж за своего любовника; а муж тоже не желал стать виноватым, так как, будучи обракован женою, он пользовался любовью молодой девушки, на которой очень рад был бы жениться. Поэтому дело о разводе у этих супругов ни в короб не лезло, ни из короба не шло; и четыре человека мучились, пока не подвернулся пятый, если только это был человек, а не самый изобретательный черт. Где он встретился с несчастным мужем и взял ли он с него за науку кровавую расписку на душу или пачку денег, но только дал он совет весьма дельный, но самый чертовский, требовавший самой бесстыдной жертвы от "чистой отроковицы"

Как увидите ниже, хитрое дело никак не могло быть без того, чтобы отроковица не понимала, на что она пустилась, и я думаю, что самое нелюдимое сердце, способное равнодушествовать к подневольному соблазну, подаваемому мужчинами и возрастными женщинами, должно содрогнуться при том, в какую идольскую жертву принесла себя юная девушка.

Но продолжаю историю.

После некоторого времени, при некотором свидании несчастливого мужа с женою, он неожиданно подался в своем упорстве и проговорился, что он сам не свободен в своем сердце, которым владеет названная им молодая девица, имеющая будто бы столь эксцентрический характер и взгляд на вещи, что не согласна себя "афишировать" и жить в его доме, пока он не разведется, хотя бы и с обречением его на безбрачие. "А потому, — говорит, — я согласен принять вину на себя: приезжайте ко мне тогда-то, с кем вы хотите, квартира будет отворена, и вы проходите свободно в такую-то известную вам комнату и сами лично с кем хотите другим будьте свидетелями и подавайте на меня жалобу. Но только чтобы дело было обоюдовыгодно как для меня, так и для вас, то вы должны мне сделать одно ничего для вас не значащее одолжение: для соучастия в этом я не приглашу никакой посторонней женщины, а совершу мою вину с тою же девушкою, которую я люблю и для которой на все это решаюсь. Этим — вы понимаете — я, не имея надежды когда-либо на ней жениться, хочу ее закрепить себе общим нашим соучастием в процессе, который вы против нас поведете."

Жена отвечает: "Что же, я очень рада", — и, вероятно, в самом деле была очень рада убелить себя снега более и попачкать другую.

Как было условлено, так и сделано, с соблюдением всех мелочей до последних деталей: виновники были застигнуты как следует, врасплох, и описаны в самом недвусмысленном положении. *Она* беспощадною рукою оскорбленной жены была проименована полным именем и с обозначением лет ее едва начавшейся юности.

Дело началось; свидетели крепко поддерживали обвинение; обвиняемые не отпирались; жена требовала развода и, получив его, немедленно вышла замуж за своего любовника; а разведенный муж остался обреченным на безбрачие и вдобавок с не ожиданною им обидою: отроковица, несмотря на то, что была "афиширована", не захотела подавать повода к продолжению общественного соблазна. Она подверглась за свой грех церковному покаянию по усмотрению духовного начальства, но оставалась в родительском или родственном доме, словом, там же, где жила до скандального происшествия, и в дом к афишировавшему ее господину не приходила. Между тем, спустя некоторое время

пошел слух, что обиженная его предательством девушка под влиянием стыда и отчаяния, а также весьма понятного негодования родных решилась выйти замуж за другого, невзыскательного человека, который не ставит ее ошибки в фальшь и покрывает ее вину венцом, от камени честна[4].

Все это, конечно, бывает при изобилии добрых людей, какими изобилует наша страна, и потому это никого не удивляло; но кругом обсчитавшийся в своих расчетах хитрец не вынес чужого счастья и подал самую неожиданную жалобу, что обвинение его в прелюбодеянии было неосновательно, ибо хотя он тогда и сознавался в этом, но он сам был вовлечен в это сознание *ошибкою*. Ошибка же, как он объяснил и *доказал*, заключалась в том, что он действительно был *до известной степени* близок с девицею такою-то, и они дозволяли себе некоторые нежности, за которыми и были застигнуты, но он тогда был под некоторым влиянием вина и отуманивавшей его страсти к этой девушке и не знал, до каких пределов увлечения простиралось его и ее страстное забвение. Под влиянием перепуга он принял все на него возведенное его женою за свершившийся факт, меж тем как ныне от такого-то пользующего эту девицу доктора случайно осведомился, что девица эта до сих пор продолжает быть девицею, сохранившею во всей неприкосновенности свое физическое девство. А потому он, прилагая свидетельство упомянутого врача, просит дело переследовать, удостоверясь в основательности его просьбы освидетельствованием невинной соучастницы его увлечения, которое дало повод к расторжению его брака и обречению его на безбрачие. И проситель выиграл дело, а выиграв его, женился на той самой девушке.

Эта игра русской природы так страшна, что от нее, вероятно, и сам черт готов будет со временем отказаться. И действительно, забавляясь таким мудреным образом посреди своих кукол на культурных пружинах, он гораздо проще направляет дело в простой среде.

Читатели, конечно, еще не позабыли недавнего газетного известия о сорокалетнем троебрачном вдовце, который просил у местного архиерея разрешение вступить в четвертый брак ("Новое время", 5-го августа 1879 г., № 1233)[5], но, получив отказ, обрекающий на безбрачие, *нанял* себе за 15 тысяч рублей молодую наложницу, с которою совершил весьма нетрудное при денежных условиях пожизненное обязательство. Мы нимало не сомневаемся, что это вполне статочно, потому что это факт не первый и, конечно, не последний. Таким образом, на нашей блудодействующей земле созидается новый вид брака, который будет идти о бок с браком законным и, разумеется, будет терпеться обществом, которое знает, что людям нет другого выхода и потому прощает им всевозможные суррогаты брака.

Что же может сделать здесь церковь? Одни говорят: поосвободить узы, а другие настаивают, что надо затянуть ремень еще потуже и даже грянуть анафемою.

О первом мнении говорить не стоит, потому что оно уже отвергнуто, а второе восторжествовало: ремень затянут, и, может быть, не всеми брошена мысль об анафеме.

Но не опасно ли это?

Да, по крайней мере, это небезопасно.

В наших прибалтийских провинциях и частию в Финляндии среди обращенных в православие эстов, латышей и чухон замечается следующее странное явление. Пока люди эти были в протестантстве, они обыкли в случае вдовства крестьянина обращаться за исканием новой невесты преимущественно в родственную семью его первой, умершей, жены. Это обычай общий многих протестантских народов и обычай, надо сознаться, довольно умный и основательный. Он построен на самой простой и самой похвальной заботе вдовца о пер-

вобрачных детях, которым тетка в качестве мачехи все-таки роднее совершенно чужой женщины. Так это и теперь стоит во всех местах нашей прибалтийской окраины и Финляндии, и православие этой мысли из головы у них не выбило. Каждый латыш, эст и финн знает, что в случае потери жены, прямой путь за второю женою ему лежит в дом родителей покойной, — разумеется, если там есть девушка. Путь этот он знает твердо и идет по нем всегда с успехом, *если* только он не присоединился из лютеранства к православию. Если же это случилось, то новая "русская вера" является для него неодолимым препятствием, которое разрушает все его расчеты. Узнает он об этом по своей необразованности всего чаще сюрпризом, когда захотел жениться, и с этого случая начинает клясть и "русскую веру", и людей, склонивших его к переходу в эту веру. Напрасно некоторые стараются объяснить постоянно усиливающееся отложение новообращенных от православия и возврат их в протестанство недостатками епископских забот или ревности православного духовенства. Всего более мешает латышам и эстам оставаться в православии вот этот роковой вопрос — брачный. И он будет мешать до тех пор, пока соседи лютеранского закона владеют несравненно большею свободою образовать семью по побуждениям сердца, сходно с обычаем одноплеменного христианского народа; а это будет всегда. Говорят, будто из 196000 православных латышей на самом деле едва ли половина остается православными; а все остальные или опять придерживаются протестантства, или совсем охладели к религии и живут *без* всякой веры, ибо им *этак удобнее.*

Что отлучать тех, которые сами себя добровольно отлучают!

Говорят, как бы там ни было, а все-таки у нас этого нельзя устроить иначе.

Пусть так, но что бы кто ни говорил, оно само устраивается иначе, потому что нельзя, чтобы живому и сердечному народу с самою важною потребностью образовать законный семейный союз изныть в туге, какой не знают другие люди. Но зачем он, бедный, должен развращаться, удивляя мир своею чудовищною в этом роде изобретательностью.

Некоторые, более мягкие, добавляют: этого нельзя *пока* — потому, что наш мужик *пока* еще очень глуп. А вот латыш и чухна, верно, умнее.

Мне рассказывал достопочтенный пастор обширного якобштатского прихода г. Лундберг, что во всю его продолжительную пасторскую службу в его приходе было только два случая развода, и то один разведенный муж вскоре после объявления ему развода пришел к нему со своею бывшею женою и говорит:

— Господин пастор! Я опять хочу жениться на этой шельме.

Такого русского мужика, я думаю, не найти, а между тем даже вот этакий латышский умник может своим людям не только рассказать, но и доказать, что "в его вере жить лучше". Кому это желательно и нужно? Впрочем, кому нужно, тот пусть и радуется.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет, вероятно, о следующих анонимных и неозаглавленных заметках, напечатанных в "Новом времени": <О барыне — любительнице сильных ощущений> (№ 1217. 20 июля); "В городе Шуе разыгралась недавно..." (№ 1233. 5 авг.); "Ввиду поднятого в печати вопроса о бракоразводном деле..." (№ 1239. 11 авг.).

[2] См. об этом выше статью "Бракоразводное забвение", где Лесков привел более точные данные, касающиеся положения о разводах, и примечания к ней.

[3] Об этом выражении см. выше примеч. 7 к статье "Бракоразводное забвение".

[4] *Увенчать венцом от камени честна* (т. е. венцом из драгоценных камней) — выражение восходит к Псалтири (Псалом 20) и используется в православном венчальном чине: "Положил еси на главах их венцы от каменей честных, живота просиша у Тебе, и дал еси им"

[5] Речь идет об упомянутой выше (см. примеч. 1) заметке "В городе Шуе разыгралась недавно..."

ЗАМЕТКА О БРАКЕ

Предисловие и публикация А.М.Ранчина

В 1891 г. Лесков написал "Заметку о браке" — отклик на фельетон Суворина из цикла "Маленькие письма"[1] и на книгу профессора Казанской духовной академии А.Гусева «О браке и безбрачии. Против "Крейцеровой сонаты" и "Послесловия" к ней гр. Л.Толстого» (Казань, 1891), в которых оспаривалась толстовская проповедь безбрачия и подвергались сомнению его попытки подкрепить свои воззрения авторитетом Нового Завета. Писатель здесь выступил в поддержку Толстого (лесковское истолкование евангельских событий в этой заметке сходно с предложенным Толстым в его переводе Евангелий — ср. размышления о браке в Кане Галилейской[2]). Возможно, это объяснялось негативным отношением Лескова к существовавшим тогда законам о браке, крайне ограничивавшим право на развод, и к освящавшему нерушимость брака церковному таинству (в это время он не признавал святость таинств вообще). Лесков нашел союзника в Толстом, хотя и не разделял его отрицание половой любви. Кроме того, заметка Лескова была, вероятно, и попыткой заступиться за писателя, сочинения которого (как и произведения самого Лескова) стали предметом критики с ортодоксальных церковных позиций.

Аргументы Лескова против положения об установлении брака Христом повторены в рассказе "Зимний день. (Пейзаж и жанр)" (1894), где они вложены в уста героини, последовательницы Толстого (см.: IX, 417).

"Заметка о браке" не была завершена. До нас дошли два ее варианта (ниже публикуются оба), а также общий план. К автографу приложена машинописная копия обоих вариантов. Рукопись хранится в *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 88).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *НВ*. 1891. 5 февр.

[2] См. *Толстой*. Т. 24. С. 84 (ср.: Там же. С. 226). Подробнее о диалоге Лескова и Толстого см. в наст. томе вступительную статью С.А.Розановой к переписке Лескова с членами семьи Толстого.

<1>

Заметка эта написана по поводу "Маленького письма" г. Суворина ("Нов<ое> вр<емя>". № 5366, февраля 5, 1891 г.). В этом письме г. Суворин ведет речь о "Послесловии" к "Крейцеровой сонате" Л.Н.Толстого и сознается, что "Послесловие" испортило удовольствие, которое он получил от "Крейцеровой сонаты" Послесловие ему не нравится, и это было причиною, что теперь на г. Суворина "веет холодом" от самой "Сонаты"

Значит, г. Суворин понимал "Сонату" не так, как ее понимает автор. От этого падает обвинение в том, что "Послесловие" не нужно и что оно "написано напрасно" Оно *не напрасно* написано, потому что оно выясняет взгляд и мнение автора и устраняет множество произвольных выводов и догадок: следовательно, оно *нужно*; а утверждение, что оно написано напрасно — является неосновательным.

Далее г. Суворин говорит, что доказывать христианское происхождение брака не нужно и "бесполезно" Но это тоже неосновательно, ибо уж если пошло дело на спор, то это надо доказывать, так как все доводы профессора Гусева против "Крейцеровой сонаты" не убедили людей, что Христос устанавлял брак или заботился о его признании в обществе последователей его учения.

Доказательства Гусева, на которых успокаивается критическая пытливость г. Суворина, слабы и несостоятельны.

Вот в чем, между прочим, их очевидные недостатки, которых не заметил г. Суворин.

1. Одним из доказательств, что брак установил Христос, пр<офессор> Гусев почитает то, что Христос "благословил детей" И с этим соглашается и г. Суворин. Но они могли бы обойтись совсем без этого, указав просто, что Христос любил и благословлял *людей*, а все люди есть чьи-нибудь дети, т. е. "плоды брака" Г Гусев долго учился разным наукам, после которых, может быть, трудно видеть то, что очевидно, и понимать то, что просто, но г. Суворин, кажется, мог бы понять, что все люди суть "дети" других людей и что в этом смысле малютки не стоят ни в каких особых отношениях к Богу.

2. Христос был на брачном пире. Для гг. Гусева и Суворина это тоже доказательство, что Христос стоял за брак, а для других этого доказательства мало, так как Христос был и у фарисея, но он не одобрял фарисейство, он был и у мытаря, но это не служит за доказательство, что он одобрял мытные сборы. Он нашел у себя ласковое слово и для блудницы. И со всеми этими лицами он говорил, — и с фарисеем, и с мытарем, и с блудн<ицей>.

Так как нынче очень многие заняты тем, что опровергают научными доводами известные взгляды Л.Н.Толстого, и общество питает живой интерес к этой борьбе мнений, то следовало бы, может быть, указать на те незаконченности и неясности, которыми страдают иные из опровержений, направленных по преимуществу против "Крейцеровой сонаты" Я приведу здесь кое-что из того, что некоторым основательным людям представляется опровергнутым слабо, неискусно и недоказательно. Может быть, лица, делавшие опровержения, обратят на это внимание и подкрепят свои опровержения лучшими доказательствами или выскажут их яснее.

<2>

Из всех ученых, опровергавших мнения Толстого, выраженные в "Крейцеровой сонате" и "Послесловии" к ней, самым большим весом и значением пользуются, кажется, мнения профессора дух<овной> академии Гусева, который написал против Толстого целую книгу и, по словам А.С.Суворина ("Нов<ое> вр<емя>" 5 февр. № 5366), "неопровержимо доказал", что брак получил утверждение от Христа" Но если судить о силе доказательств проф. Гусева, соображая их и обследывая по источникам, как следует в научном приеме, то доказательства эти отнюдь не представляются еще неопровержимыми, и, чтобы им получить силу и значения неопровержимости, пр<офессор> Гусев должен их кое-чем пояснить и подкрепить.

Укажу на то, что в доказательствах пр<офессора> Гусева очень многим кажется слабым и неясным.

1. Чтобы доказать, что Христос стоял за утверждение брака, пр<офессор> Гусев приводит, что Христос был на браке в Канне и претворил там воду в вино.

Такое событие действительно описывается в Евангелиях, но во всем описании его нет никакого упоминания о том, чтобы Христос выразил при том случае какое-нибудь суждение о браке. Не сказано даже, видел ли он новобрачных и как к ним отнесся, а сказано только, что по просьбе своей матери помог хозяевам пира в их затруднениях при недостатке вина для гостей. По понятиям многих людей, вникавших в оценку ученых доводов пр<офессора> Гусева, приведенное им событие вовсе не представляет доказательства, что Христос стоял за брак. Он был на брачном пире, — это правда, но он также несомненно

бывал в гостях и у мытарей, и у фарисеев, где встречался и с неверными, и с блудницами, но он не стоял за фарисейское учение, ни за мытарство и высоко ставил веру и чистоту жизни.

По сравнению с этим, людям кажется, что этим доказательством г. Гусев Толстого еще не опроверг, и даже обнаружил в себе самом недостаточно прямое отношение к вопросу, так как ничего не указал на отношения Христа к новобрачным, и стал упоминать только о том, что случилось при угощении вином.

2. Второе доказательство за брак г. Гусев выставляет в том, что Христос благословлял детей, которые есть плод брачного союза мужчины с женщиною. Но Христос любил и благословлял и взрослых людей, которые все были чьи-нибудь дети, и потому благословление малолетних не представляет ничего особенного в вопросе о браке.

3. Г. Гусев указывает, что некоторые апостолы были женаты, и это верно, но у г. Гусева нет доказательств, что апостолы вступили в брак не ранее того, как они сделались последователями Христова учения, после того, как известно, они оставили домашние заботы и устремились на дело проповеди.

4. Г. Гусев видит также нужное ему доказательство в том, что Христос исцелил тещу апостола Петра, но люди думают, что Х<ристос> исцелил ее просто как больную, которой он мог подать облегчение, но не потому особенно, что она была “теща” Тещи даже не всегда и не у всех почитаются за лиц, особенно благоприятствующих супружескому счастию. И Толстой нигде не говорит, чтобы не стоило быть услужливым и милосердным к женщине, если она чья-то теща, или жена, или свекровь.

5. Говорят: нехорошо смотреть на женщину с “вожделением”, но это не касается “жены”, так как она для своего мужа не “женщина”, а жена. Но при этом, однако, остается положение, когда мужчина смотрел на эту же женщину в то время, когда она еще не была его женою, и тогда, когда он ее еще только выбирал себе в жены, не была ли она для него постороннею женщиною? Это не разъяснено.

6. Девушку, которая не пожелала вступить в брак, а предпочла оставаться одинокою, осмеивают и порицают, выставляя ее поведение за новшество, а Толстого называют “сатаною”, который смущает чистые и глубокие натуры. Это высказывает газета “Гражданин”, но “Гражданин” по своему обыкновению не знает, что говорит и куда попадает...

ОШИБКИ И ПОГРЕШНОСТИ В СУЖДЕНИЯХ О гр. Л. ТОЛСТОМ

(Несколько простых замечаний против двух философов)

Предисловие, публикация и комментарии
А. В. Лужановского и В. Н. Абросимовой

В Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве хранится черновая рукопись статьи Лескова о Л.Н.Толстом, которую можно считать практически завершенной. Окончательное ее название — "Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л.Толстом. (Несколько простых замечаний против двух философов)"[1]. Работа над рукописью велась в нескольких направлениях: стилистическая правка, сокращения, стремление сохранить пропорции между публицистическим и "беллетристическим" материалом (сокращались, в частности, диалоги, иллюстрирующие отзывы крестьян о Толстом).

Желание написать эту статью у Лескова возникло, видимо, в начале марта 1886 г. В письме к А.С.Суворину 3 марта он сообщал, что в ночь с 28 февраля на 1 марта он до пяти часов "читал полученные из Москвы новые тетрадки Льва Толстого" (они содержали произведения Толстого "Исповедь" и "В чем моя вера?" — *А.Л.* и *В.А.*), а в postskriptum'е добавил: "А замечаете ли Вы, что Лев Толстой и в нынешнем своем настроении *оживляет* литературу. Он шевелит совесть, будит мысль, переустанавливает точки зрения на лица и репутации... Сколько бы дела и интереса для независимой критики, чтобы все это разобрать и оценить! Отчего же этим не занимаются? Ведь это живо, любопытно и полезно!" (XI, 310—311). Поводом же к созданию статьи послужили суждения П. Д.Боборыкина и Д.Н.Цертелева об учении Толстого.

А.Н.Лесков, готовя рукопись к публикации в 1935 г., через 49 лет после написания статьи, датировал ее мартом 1886 г.[2] Однако время работы можно уточнить. Статья мыслилась как реакция на газетное выступление П. Д.Боборыкина и на публичную лекцию Д.Н.Цертелева. Статья Боборыкина "Зачем и как жить?" печаталась в "Новостях и Биржевой газете" 26 февраля и 12 марта. Поводом для нее послужила только что вышедшая книга маркиза О'Квича "Немножко философии. Софизмы и парадоксы по поводу религиозно-философских произведений графа Л.Н.Толстого" (СПб., 1886)[3]. В "Новостях" и раньше встречались материалы, подписанные этим псевдонимом. Тем, кто не узнал в "маркизе О'Квиче" издателя и редактора газеты О.К.Нотовича, открыл глаза фельетон В.П.Буренина "Книга Равви Иозеля"[4].

"С тех пор, как философская мысль приняла научную форму, — писал Нотович, — человечество не перестает задумываться над вопросом: *в чем заключается цель жизни?*"[5]. В ходе размышлений автор обращался и к идеям Л.Н.Толстого: "Кто читал философские произведения графа Л.Толстого, начиная с его знаменитой исповеди, переведенной ныне на все европейские языки, тот знает, что главным и единственным стимулом всех его суждений послужило чисто субъективное ощущение — чувство страха перед смертью"[6].

Не вступая в открытую полемику с этим утверждением, Боборыкин поставил вопрос иначе: "...на какой почве выросло то, что принято считать кризисом в душевной жизни русского писателя?"; "почему из всех своих современников и соотечественников гр. Толстой в простом крестьянине-начетчике Сютаеве нашел себе товарища,

сотрудника, единомышленника? Их сразу объединила общность главной *цели* существования на земле. Они сошлись всего скорее на нравственных предписаниях общежития, на проповеди полного отречения от всего, что мирская мудрость считает добром и что для обоих приятелей-вероучителей — хищничество и ложь. Один — грамотный крестьянин, читавший священное писание; другой — барин, читавший множество всяких книг, и научных, и духовных, и литературных, и метафизических. Но склад головы у них родственный. *Они не могут научно мыслить*, т. е. признавать законы природы и истории обязательными и вырабатывать идеалы в пределах живой действительности. Они должны отвергать все, что не вяжется с их нравственной позицией. Так они и поступают"

Вывод Боборыкина звучал так: «Вопрос: зачем и как жить — остался и после религиозно-нравственных сочинений гр. Толстого открытым. Решать его так, как он его решает, — удобно; но каждая такая попытка, как бы она ни была симпатична, не избегнет опасности — сделаться, в свою очередь, предметом новых вопросов. Не только отдельные лица, но целые поколения возьмут эту доктрину, подвергнут ее обсуждению, увидят в ней преобладание субъективных настроений, вместо того миропонимания, которое питается всем существующим, отвечает на все запросы сердца и ума, находится в полном соответствии с результатами труда всего человечества.

Как "признак времени", как аккорд душевного процесса в самом учителе, все книги и статьи, проявившие собою его кризис, — в высшей степени колоритны, тем более, что натура автора такая типическая для русского человека: не барина, не писателя, не начетчика только, а, вообще, русского конца XIX века с его даровитостью, умом, неустанным исканием правды и атавизмом душевных свойств, которые перерождаются лишь столетиями»[7].

Именно это умозаключение Боборыкина задело Лескова за живое и побудило взяться за перо. В тот же вечер, 12 марта 1886 г., Лесков был в Педагогическом музее Соляного городка на лекции Д.Н.Цертелева "О пессимизме в области мысли и литературы", где также было упомянуто имя Толстого, что и подтолкнуло его к созданию полемически острой статьи.

Как сообщалось в анонимном отчете об этой лекции, князь Д.Н.Цертелев, говоря о Толстом, доказывал «его прикосновенность к пессимизму <...> ссылаясь на известную "Исповедь" и констатируя тот факт, что влияние-де Шопенгауэра на Л.Н.Толстого торжественно признано самим нашим беллетристом. О таком отношении к этому вопросу можно только пожалеть, потому что это такая тема, которая несомненно требовала более самостоятельного разбора, так сказать, по существу дела»[8]. Такое истолкование религиозно-философских сочинений Толстого не могло не вызвать у Лескова желания ответить Цертелеву. Тем более что некоторый резонанс выступление Цертелева уже получило[9].

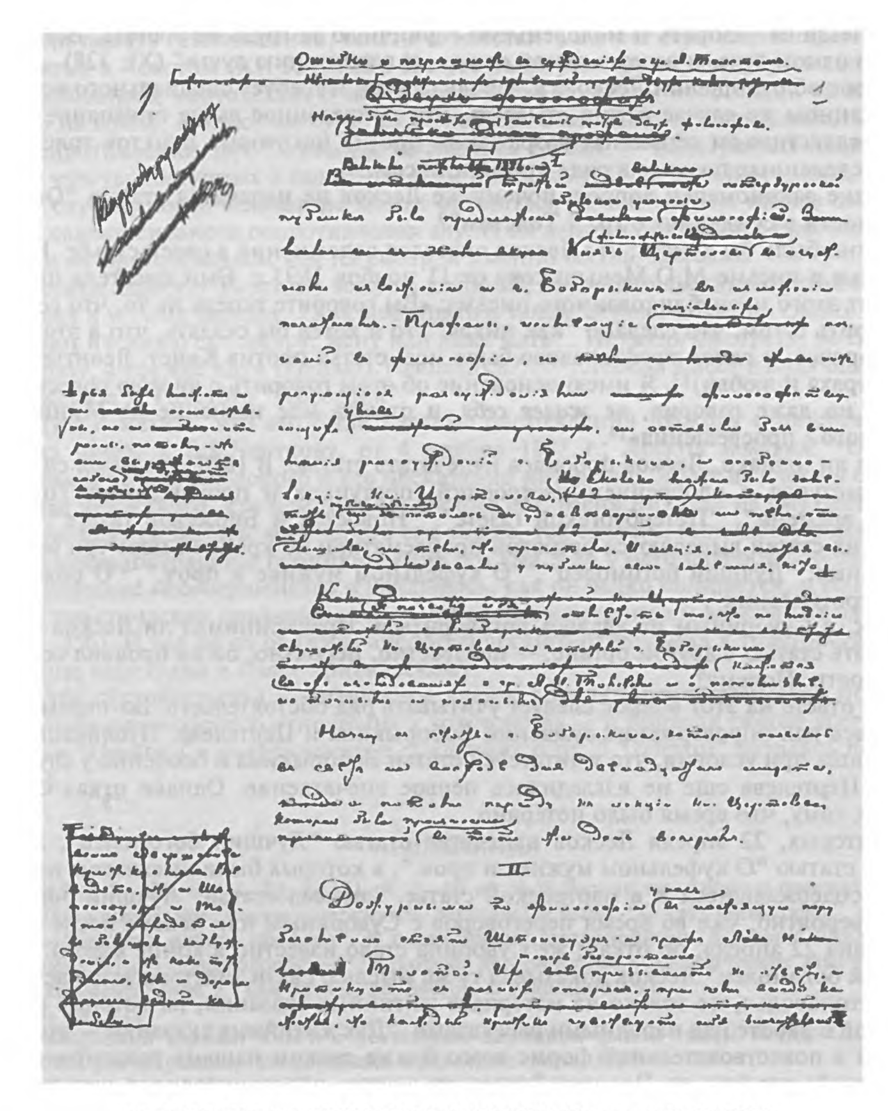
Лесков приступил к статье, вероятно, не ранее 16 марта, так как в тексте Лескова есть ссылка на отчет об этой лекции, напечатанный в "Новом времени" 15 марта 1886 г.

Обратим внимание еще на одну деталь. По словам А.Н.Лескова, «в том же номере "Нов<ого> вр<емени>", вплотную перед отчетом об этой лекции, помещена бесподписная справочная заметка Лескова — "Куда девался "Колосс Родосский"?", в которой автором ее обронена мимоходом не ахти сколь уважительная фраза: "Это пессимизм, которого даже не обрисовал князь Цертелев"»[10].

Статью "Ошибки и погрешности..." Лесков предложил Суворину. Как обратил внимание сын писателя, в левом верхнем углу чернового автографа «имеется "нововременская" редакционная помета (густо зачеркнутая) о посылке корректуры ее на исправление Лескову. Ненапечатанной осталась она всего вернее, как говорил Лесков, — "по робости", или "страха ради Лампадоносцева", со стороны хозяина газеты»[11].

Судя по письму к Суворину, Лесков узнал об отказе, видимо, в конце марта 1886 г. (см. XI, 311—312)[12]. «Я не в претензии <...> — писал Лесков, — но на "тетрадки" указывать можно, и на них люди указывают (например, Скабичевский). Другое дело — "неудобно" Тут все сказано» (XI, 311).

Публикуемая статья "Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л.Толстом" свидетельствует о том, что Лесков искренне поддерживал толстовское учение. Во всяком случае она содержит только одно место, полемически заостренное против Толс-

ОШИБКИ И ПОГРЕШНОСТИ В СУЖДЕНИЯХ О гр. Л. ТОЛСТОМ

Несколько простых замечаний против двух философов. Зачеркнуто название: "О двух философах"

Зачеркнуты подзаголовки:
"Несколько исторических и практических замечаний против двух комментаторов"
и "Заметки одного профана"

Первая страница чернового автографа. 1886

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

того и обусловленное своеобразным отношением Лескова к народу. "Я не народник, — пишет Лесков, — в том смысле, чтобы мне все даже плохое русское нравилось более хорошего, но чужеземного. Я не думаю тоже, что наученным русским людям следует снова идти в науку к неученым..." Лесков не разделял мнения Толстого о том, что народ не нуждается в образовании и нравственном воспитании. В письме к В.Г.Черткову от 28 января 1887 г. он замечал: "Дитя (народ — дитя, и злое дитя) надо учить многим полезным понятиям: кормилицу за грудь не кусать и пальца не жечь, а

потом гнезда не разорять и молоденькую горничную за грудь не трогать. Все это разное, да в одном духе, и ведет к одной цели — к воспитанию души" (XI, 328).

Вопрос об отношении Лескова к народу сложен и требует специального исследования, в данном же случае важно отметить, что приведенное выше признание Лескова было предвестником серьезных возражений против некоторых пунктов толстовского учения, сделанных позднее в ряде статей и писем.

Вполне закономерен вопрос: почему же Лесков не напечатал статью "Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л.Толстом"?

Можно было бы думать, что Лесков опасался осложнений в своей судьбе. Намек на это сделан в письме М.О.Меньшикову от 11 ноября 1893 г. Сын писателя цитировал фрагмент этого неопубликованного письма: «Вы говорите теперь не то, что есть. Если уж говорить о том, что сделано "как никак", то я хотел бы сказать, что в этом роде и самое горячее, и *самое трудное* слово было мое: статья против Конст. Леонтьева (о религии страха и любви)[13]. Я имею основание об этом говорить с чистою совестью: я не молчал, но даже говорил, *не жалея себя*, и отсюда мое изгнание из Министерства н<ародного> просвещения»[14].

Вряд ли, однако, Лесков побоялся напечатать статью. В 1880-е годы он систематически выступал с одобрением настроений, поступков и произведений Толстого в "Новом времени", "Петербургской газете", "Новостях и Биржевой газете" Причем среди этих статей выделяются остротой проблематики по крайней мере три весьма существенные: "Лучший богомолец", "О куфельном мужике и проч.", "О рожне. Увет сынам противления"

Итак, с Сувориным не удалось договориться. Предпринимал ли Лесков попытки напечатать статью в другом органе, — неизвестно. Вероятно, он не проявил особой настойчивости. Почему?

При ответе на этот вопрос следует учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, статья готовилась как опровержение суждений Боборыкина и Цертелева. Публикация имела смысл лишь при условии, что у читателей статьи Боборыкина и особенно у слушателей лекции Цертелева еще не изгладилось первое впечатление. Однако отказ Суворина привел к тому, что время было потеряно.

Во-вторых, 22 апреля Лесков напечатал статью "Лучший богомолец", а 4 и 14 июня — статью "О куфельном мужике и проч.", в которых были высказаны некоторые мысли, содержавшиеся и в мартовской статье. Замысел статьи "Лучший богомолец" созрел, вероятно, уже во время переговоров с Сувориным или вскоре после них (она напечатана 22 апреля; об отказе же Суворина стало известно в конце марта). В статье "Лучший богомолец" Лесков доказывал ту же мысль о связи толстовства с настроениями простонародья, но только на материале житийных сказаний, на которые опирался и Толстой в работе над народными рассказами. "Дух житийных сказаний — это тот дух, который в повествовательной форме всего ближе знаком нашему религиозному простолюдину"; рассказ из Пролога "отвечает вкусам простонародного читателя", как проложные, так и толстовские рассказы убеждают, что "люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбезною"· "направление" это не графом Толстым изобретено и, конечно, с ним не окончится", — таковы некоторые основные тезисы "Лучшего богомольца" Нетрудно заметить, что они перекликаются с содержанием оставшейся неопубликованной статьи. Что же касается статьи "О куфельном мужике и проч.", то она связана с мартовской не только идейно, но и некоторыми фразами, оборотами речи.

В-третьих, уже в первой половине 1886 г. новые толстовские произведения и идеи начали обсуждаться в периодической печати. Известность их возросла. Мартовская же статья Лескова содержала подробное изложение толстовского учения, причем это была, в основном, статья апологетического характера.

В-четвертых, к середине 1886 г. относятся первые критические выступления Лескова в адрес толстовства. В июне 1886 г. он полемизировал со взглядами Толстого на женское образование. 14 июня 1886 г. в письме к редактору "Исторического вестника" Лесков сообщал, что подготовил статью о Пирогове и что эта "статья в высшей степени интересная в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах и противлении злу, которые коверкает юродственно Толстой" (XI, 317). В письме С.Н.Шубинскому от 17 июня 1886 г. мысли Толстого названы "учительными бреднями" (XI, 319). 29 сентября того же года Лесков сообщает Суворину о

намерении писать “Наблюдения, опыты и заметки”, а 8 октября уточняет, что начнет их со статьи о Толстом (XI, 322, 323). Но это была уже другая по духу статья, нежели неопубликованная мартовская. В ней Лесков заявил о своем несогласии со взглядами Толстого на войну, армию, науку, а также подверг сомнению непогрешимость его учения о непротивлении злу. “Я говорю *со стороны сердца,* — подчеркивал Лесков, — со стороны чувств, доступных и понятных всем и каждому. Судя с этой стороны, я думаю, что есть случаи, когда человек не может оставаться человеком, не оказав самого быстрого и самого сильного сопротивления злу. И он должен оказать это противление, не чистясь и не приготовляясь, как на смотр, а именно *такой, как есть* <...>”[15]. В той же статье Лесков адресует Толстому вопрос, который, по свидетельству современников, не раз задавал в устных беседах: “Как поступать в таком случае, когда на глазах человека подвергают насилию его сестру, жену или даже мать?.. Неужели смотреть, не сопротивляться сразу, а прежде идти поливать головешки?..”[16]. Лесков имеет в виду один из мотивов рассказа Л.Толстого “Крестник”

Следует отметить, что это были частные расхождения Лескова с толстовством. В одном из писем к В.Г.Черткову, от 4 ноября 1887 г., Лесков заметил: “О Л<ьве> Н<иколаеви>че мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума. Где у него слабости, — там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях, — что всегда изменчиво и зависит от случайностей” (XI, 356). И все же от первого, апологетического отношения к толстовству Лесков постепенно переходил к более критическому.

Все эти обстоятельства — упущенное время, возникновение замыслов новых статей, эволюция лесковского отношения к толстовству — и привели скорее всего к тому, что статья “Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л.Толстом” осталась неопубликованной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 71. Л. 1—10 об. А.Н.Лесков так писал о поисках названия статьи: «Первоначальное, потом зачеркнутое, заглавие ее было: “О двух философах”, с подзаголовком — “Заметки одного профана”. К позднейшему, сохраненному, заглавию имелся (также потом зачеркнутый) подзаголовок — “Несколько исторических и практических замечаний против двух комментаторов”» (Там же. Ед. хр. 844. Л. 2. Машинопись).

[2] Там же. Л. 1.

[3] Французский вариант книги с усеченным заглавием вышел годом позже. См.: Marquis O'Kvitch. Un peu de philosophie. Sophismes α *paradoxes. Paris, 1887.*

[4] Буренин писал: «Идеи гр. Толстого — плод великой души, жаждущей истины, и великого ума, страстно отыскивающего и ясно высказывающего эту истину <...> Пристегивание нотовического вздора к глубоким, выстраданным мыслям гр. Толстого — это не более как жалкий обман читателей, пошлый еврейский журнальный гешефт. Напрасно г. Нотович старался в “Новостях” обставить этот обман-гешефт мнимым переводом своих вздорных рассуждений с английского и замаскированием своего имени глупым псевдонимом маркиза: еврейские пейсы и уши выглядывают в каждой главе его книги и ясно свидетельствуют о том, что ограниченность г. Нотовича равняется лишь его литературной бездарности...» (*НВ.* 1886. 21 марта).

[5] Маркиз О'Квич <*Нотович О.К.*>. Немножко философии. Софизмы и парадоксы по поводу религиозно-философских произведений графа Л.Н.Толстого. СПб., 1886. С. 9.

[6] Там же. С. 122.

[7] Новости и Биржевая газета. 1886. 12 марта.

[8] Философская беседа в Соляном городке // *НВ.* 1886. 15 марта.

[9] Беллетрист <*Боборыкин П.Д.*>. В Соляном городке // Новости и Биржевая газета. 1886. 14 марта.

[10] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 1. Машинопись.

[11] Там же. Л. 2. Лампадоносцев — К.П. Победоносцев.

[12] В собрании сочинений Лескова это недатированное письмо отнесено к марту 1886 г. Однако его датировку можно уточнить: Лесков ссылался в письме на некролог П. К.Щебальского, напечатанный в “С.-Петербургских ведомостях” 23 марта 1886 г.

[13] Речь идет о статье Лескова, написанной в соавторстве с Ф.А.Терновским, “Граф Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви)” (См. о ней

подробнее в настоящем томе вступительную статью С.А.Розановой к переписке Лескова с членами семьи Толстого).

[14] *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 12—13. Увольнение Лескова из Министерства последовало 9 февраля (фактическое — несколько раньше), а упоминавшаяся выше статья о Толстом и Достоевском против Леонтьева появилась 1 и 3 апреля 1883 г.

[15] О рожне. Увет сынам противления // *НВ*. 1886. 4 ноября. Перепечатано: *Лесков о литературе и искусстве*. С. 128—141.

[16] Там же.

ОШИБКИ И ПОГРЕШНОСТИ В СУЖДЕНИЯХ О гр. Л.ТОЛСТОМ

(Несколько простых замечаний против двух философов)

<I>

Великим постом 1886 года высокой петербургской публике было предложено довольно обильное угощение философией. Князь Цертелев философствовал в изустном изложении и г. Боборыкин — в изложении печатном. Профаны, не имеющие специальных познаний в философии, но интересующиеся рассуждениями философствующих умов, не оставили без внимания рассуждений г. Боборыкина и особенно — лекции кн. Цертелева. Сколько можно было заметить, публика, однако, не осталась удовлетворена ни тем, что она слышала, ни тем, что прочитала. И лекция, и статья вызвали у публики свои замечания, которые, быть может, и не основательны, но интересны, потому что они выражают собою, что думают в обществе. Я позволю себе отметить то, что, по мнению слушателей кн. Цертелева и читателей г. Боборыкина, кажется не точным и не ясным в их исследованиях о гр. Л.Н.Толстом и о пессимизме.

Начну с статьи г. Боборыкина, которая появилась в свет на восходе дня двенадцатого марта[1], потом перейду к лекции кн. Цертелева, которая была произнесена в тот же день вечером.

II

Дежурными по философии у нас в настоящую пору бессменно стоят Шопенгауэр[2] и граф Лев Николаевич Толстой. Их теперь беспрестанно призывают к ответу и критикуют с разных сторон, причем всегда кажется, что каждый критик чувствует себя значительно сведущее и дальнозорче критикуемых. Это, впрочем, явление довольно обыкновенное, но оно представляется особенно резким и неудобным, когда разбирают или комментируют такие произведения, которые публике неизвестны или не вполне известны, что, например, вполне приложимо к последним сочинениям графа Толстого, обращающимся в виде "тетрадок", списываемых друг у друга почитателями взглядов этого писателя. Такую критику лет двадцать пять тому назад производил киевский профессор Фаворов над сочинениями Ренана и принес ею не пользу, а большой вред тем положениям, которые хотел защищать, но не защитил[3].

Комментаторы и критики мнений, или "учений" графа Л.Н.Толстого, изложенных в "тетрадках" его почитателей, кажется, делают то же самое и очень может быть, что придут к тому же самому результату. По необходимости они говорят о стремлениях графа "прикровенно", неясно и бездоказательно и делают выводы, которые кажутся неверными и, может быть, таковы <по> сути и на самом деле.

III

Г-н Боборыкин, если я до сих пор сумел верно понять его, очень мало знаком или даже совсем не знаком с религиозным созерцанием русского народа, а в этом одном созерцании всего более и всего понятнее выражается весь дух русского народа. Кто не знаком с тем, как занят исканием религиозной истины русский простолюдин, и кто сам не перепробовал уверовать в то, во что он верит и что отвергает, тот едва ли может понять состояние его души, когда она окрыляется до порывов ввысь или ниспадает до ада. В этом (как и во многом другом) между г. Боборыкиным и графом Л.Толстым безмерная разница.

Изучение религиозного духа русского народа графом Толстым бесподобно и несравненно. Граф Толстой более, чем кто-либо из всех доселе живших, обстоятельно знаком с тем, во что и как верит истинно русский простолюдин, ищущий живого общения с Творцом. А между тем г-ну Боборыкину представилась надобность изъяснить в нынешней деятельности графа Льва Н.Толстого как раз такую черту, которую никак нельзя изъяснять, не зная, так сказать, русского *религиозного вкуса.*

IV

Г-н Боборыкин видит в нынешнем настроении графа Толстого *атавизм.*

Что такое “атавизм?” Под этим словом разумеют закон наследственности телесного образования и душевных качеств, по которому внук более походит на деда или на прадеда, чем на отца.

Какой “атавизм” усматривает в графе Толстом г. Боборыкин?

Он видит в нем “типического русского человека, — не барина, не писателя, не начетчика только, а вообще русского конца XIX века с его даровитостию, умом, неустанным исканием правды и *атавизмом* душевных свойств, которые перерождаются лишь столетиями”[4].

Если я не особенно слабо понимаю, то тут мысль автора или непонятно выражена, или она, может быть, не совсем ясна и самому автору.

“Атавизм душевных свойств, которые перерождаются столетиями” — едва ли представляет выражение, отвечающее сущности понятия атавизма. В том все и дело, что “атавизм” не те свойства, которые *“перерождаются”*, а наоборот, — это старые, прадедовские черты, которые в своем старинном свойстве неожиданно *прокидываются* в одном из потомков, живущих среди поколения, усвоившего уже иные качества и иные понятия.

Что же такое представляет собою граф Л.Н.Толстой в смысле такого атавизма? Чем в нем особенно прокидываются такие душевные свойства, каких будто уже не представлял век наших отцов, но которые ярки были во времена наших дедов и прадедов?

Думается, что в нынешних стремлениях графа Толстого ничего такого нет, и это можно попытаться доказать.

V

В нынешних стремлениях графа Л.Н.Толстого самую главную заботу составляет горячее желание как можно вернее понять христианское учение по точнейшему его смыслу и как можно действеннее воплотить эти понятия в жизнь. Все остальное для него, судя по нынешним его писаниям, — аксессуары, которые или ничего не стоят, или же могут иметь только лишь придаточное, так сказать, служебное значение для главной заботы — уяснить смысл жизни и исправить себя по точному разуму этого смысла.

В каком же из прошлых русских поколений наших дедов, прадедов или пращуров такое свойство, прокинувшееся нынче будто бы “атавизмом”, было в свое время свойством всеобщим и потом оставлено всеми, а теперь вновь прокинулось в одном графе Толстом?

Такого настроения никогда не было в такой мере, чтобы оно было *всеобщим*, а в известном числе замечательных русских людей оно *никогда* не иссякало и непрерывно идет от первых лет принесения христианства в Россию даже до сего дня.

VI

С самого принесения христианского учения в Россию, в периоде киевском и новгородском, были люди, несогласные с тем толкованием этого учения, которое пользовалось авторитетом церкви. Эти люди понимали учение иначе, чем оно изъяснялось официальными его излагателями, они спорили с авторитетными учителями, не соглашались с ними и за это часто страдали и нередко совсем погибали. Но такое разномыслие собственно никогда совершенно не прекращалось. Несогласные и спорщики были во все времена, и это увлекало людей умных, по своему времени образованных и хорошо поставленных в обществе. Доказательством сему служит существование в России до сих пор многих известных и неизвестных сект, где люди изъясняют св. Писание по-своему. Христианский практицизм, или пиетизм подвига к устройству благочестивой и благоприятной для всех жизни на земле, составляет у них *главное*, — и пиетизм этот (который удобно противопоставляется *пиетизму чувства!*) — все идет непрерывно и если видоизменяется, то видоизменяется как поток, который пробивает себе русло сообразно условиям то шире, то уже. Как религиозный мыслитель граф Л<ев> Н<иколаевич> имеет в его нынешнем настроении непрерывный ряд предшественников, и он в ряду их только умнее и талантливее других и искреннее договаривает свои мысли до последнего слова, но “атавизма” тут нет.

“Тетрадки” в духе нынешних “тетрадок” графа Толстого встречались всегда, и всегда они одним приходились по вкусу, или “по мыслям”, а других раздражали и сердили, как происходит и нынче, но здесь, быть может, не окажется излишним сказать нечто о *вкусе*.

VII

Русское простонародное религиозное чувство толкуют разно, смотря по тому, как кто его понимает, но, кажется, всем этим разнотолкам можно представить нечто бесспорное, — это именно *вкус*, или родственное настроение русских благочестивых натур. Вкус — вещь важная и непритворная.

У русских есть много святых, которые, по учению, “все у Бога равны”, но в народе, однако, святые пользуются далеко не равным почетом. И миссии их на небе тоже разные: одни охраняют, другие помогают и *только двое руководствуют*. Первые представляются как бы лицами, поставленными высшею властью управлять и начальствовать (напр., св. Николай), и потому их боятся и им угождают, и им молятся, а вторые — это *свои люди*, которых просить не о чем, а надо им следовать, и потому о последних двух сладко задумываются и очень горячо их любят. Два эти святые мужа есть Алексей — человек Божий и Филарет Милостивый. Им мало “молебствуют”, но к ним лежит *вкус* — родственное тяготение русского благочестия, и по этому вкусу сердца влекутся в подражание им.

Сколько бы вы ни переслушали историй, как человек “обратился от ветреной жизни к любви божией”, вы всегда непременно замечаете, что тут поуча-

ствовали Алексей — человек Божий и Филарет Милостивый. Смотря по натуре — у кого к *какой силе* вкус сильнее. Могучий дух, способный возвыситься до служения добру, в семейной обстановке "филаретствует", не расставаясь с семьею, а если человек на себя не надеется, он "алексейничает", т. е. сторонится от живых обязанностей и "бежит вослед человека Божия"

Павел Иванович Мельников шутя говаривал:

— "Алексей — человек Божий и Филарет Милостивый — это самые последние *чудотворцы* в России: все другие уже устали и новых чудес не творят, а Филарет Милостивый да Алексей — человек Божий не престают: то здесь, то там кого-нибудь отхватывают"

— «Алексеева и Филаретова область на Руси ширше Николиной, — говорил знаменитый начетчик и "певец" петербургской единоверческой церкви Ефим Савельев. Пусть Николе все староверы, и церковные, и католики кланяются, а Алексею Божию с Филаретом все и таковые из доброй породы подражать льстятся, кои ни церкви и никаких святых знать не хотят».

Так Алексей — человек Божий и Филарет с их кротостию, нестяжательностью и терпением — всем любы, всем по сердцу и по мыслям, и потому они до сих пор "чудеса творят"

Ограничивались ли чудеса в их роде одною средою малообразованного или вовсе необразованного простонародья, или же такого рода чудеса бывали и между образованными людьми?

Без сомнения, бывали здесь и там, и ряд этот, если начать с Улияны-боярыни[5], то без всякой натяжки можно без перерыва довести до сего дня.

VIII

Пишущий эти строки, полагаясь на свою память, надеется не ошибиться, что одним из последних наказанных плетьми или кнутом в Твери был образованный помещик той же губернии по фамилии Остолопов[6]. История его в свое время была замечена литературою. Он был человек очень доброй души, сострадал несчастию, которое видел в мире, и возмущался против зла, происходящего от человеческого себялюбия, и в результате этого вышло то, что он... сошелся с Филаретом Милостивым, а потом с Алексеем — человеком Божиим — и *"захотел пострадать"*. Это желание тверского дворянина и исполнилось: когда он стал все раздавать, как Филарет, ему стали мешать в этом, и он ушел из дома, где никто не разделял и не одобрял его стремлений, и пошел странствовать и проводить свои мнения. А как он при этом скрывал свое имя и звание, то его заарестовали, наказали, как бродягу, плетьми и сослали в Сибирь, где он и пробыл довольно долгое время и все был очень доволен своим положением и раздавал людям какие-то "китрадки" Все эти "китрадки" призывали людей к пиетизму подвигов и очень нравились... В Москве одно время можно было видеть таковые "китрадки" с пятнами, которые свидетельствовали о падавших на них слезах читателя.

Событие с тверским дворянином занимало собою общество в год издания "*Русской речи*" г-жи Евгении Тур в Москве, и в этом же журнале оно было довольно подробно рассказано. Г. Боборыкин, вероятно, пропустил это или не счел за достойное внимания. Он сочинял тогда "В путь-дорогу"[7], но довольно удивительно, что он и теперь, отмечая ежедневно "о чем говорят"[8], по-видимому ничего не знает о сыне известного художника Г.[9], о котором действительно много говорят как о человеке той же веры, что и Толстой, и того же, как он, духа и настроения. Г. непосредственно предшествовал гр. Л.Толстому и тоже писал большие письма, из которых почитатели Г. делали "китрадки" и, читая их, очень растрогивались, плакали и говорили, что с этой только поры

им "открывается свет" и "непонятное до сих пор становится понятным" и "руководствует"

Если г. Боборыкин в самом деле внимателен к тому, "о чем говорят", то он не мог об этом не слышать, ибо эта история очень известная и любопытная не менее истории высеченного плетьми тверского помещика. И г. Боборыкин получил бы в этом событии полезное указание для "атавизма" Но, надо думать, что наш образованный писатель держится только высшего круга и потому до него доходят только светские пустяки, а то, что горячим варом варит в живых и чутких кружках религиозного "всенародства", до г-на Боборыкина совсем не доходит, а если случайно дойдет, то представляется ему чем-то случайным, отрывочным, как бы придаточным — атавизмом.

IX

Известный в литературе полковник генерального штаба Серг<ей> Ив<анович> Турбин, проведя значительное время в разъездах по Сибири, видел очень много ссыльных и встречал между ними несколько очень чистых, нравственных людей, которые отличались особенностью своего религиозного взгляда[10]. Вся вина этих людей, по свидетельству Турбина, состояла в том, что они "филаретничали" да "алексейничали" То есть почувствовав, как они сказывали, "неисцельную язву любви к людям", не могли видеть горя и страдания, которых так много в мире. Они сначала все раздали, или старались раздать, а когда им помешали домашние, они "пошли" — "совлеклись всего и *пошли пострадать*"

Между ними, по уверению Турбина, были люди, "речь которых обличала образованность и хорошее происхождение". Все они были "хорошо грамотны" и "раздавали какие-то китрадки"

Турбин был не охотник до религиозного чтения, но, по его словам, в "китрадках" всегда "сидели Филарет с Алексеем"

Такие типы давали нам пятидесятые и шестидесятые года нашего столетия, и день их еще не увидал вечера. Перерыва, нужного для "атавизма", *еще нет*. А кто они, все эти личности, непрерывно поддерживающие такое преемство, — чаще всего остается неизвестно. Знают их немногие, наблюдавшие их в их "филаретовском" периоде, а затем во втором, "алексеевском" периоде, они исчезают как "беззаконные кометы в ряду расчисленных светил"[11]. Так потерялась для многих из вида великосветская девушка, княжна Д.К.[12], раздавшая все состояние и потом мывшая полы во Пскове, так не усматривают теперь пошедшего той же дорогой Г.

Всех их влечет "охота пострадать", находящаяся в самом резком противоречии с пессимизмом Шопенгауэра, поучающего не гнаться за счастьем, но *избегать страдания*.

X

Некто, человек, которому я верю, как самому себе, сообщил мне следующее. Случилось ему очень недавно читать предисловие к евангельскому изложению графа Льва Н<иколаеви>ча при одном умном старике-сектанте. Старик слушал все с большим вниманием, но порою как бы недоумевал и тревожился. Читавший думал, что слушателя коробят некоторые резкие слова графа. Но когда были прочитаны заключительные слова: "Если они не отрекутся от лжи, им остается одно: гнать меня, на что я и готовлюсь с радостию и со страхом за свою слабость", — тогда старик-слушатель мгновенно просиял и с чувством долгожданного удовлетворения произнес:

— Теперь я его всего враз понял!

— Что такое вы поняли?

— Понял, какая на нем печать.

— А именно?

— *Пострадать хощет!*

— А для чего?

— Духом горит, — дух побуждает. Как же иначе. "Аще хощешь совершен быти", иначе нельзя: должен принять *венец.*

Старик вздохнул и тихо прошептал:

— Помогай Бог. "Аще Бог прославится о нем и Бог прославит его в себе" Каравай в печи испечется.

Так чувствует *гр. Толстого* сектант-*рационалист.*

XI

В захолустной книжной лавчонке, на рынке, где продается всякое древлепечатное старье и где всегда "снемлятся" два-три охотника "потолковать от Писаний", недавно в сумерках перед запором лавок случайно сбились четверо едва друг друга знающих людей. По обыкновению они заговорили искренно и свободно о том, что их занимает, и между прочим о "графских китрадках" Это были уже не рационалисты, а обрядовики из староверов, но суждение их об авторе "китрадок" близко шло к предыдущему.

— Муж достигательный, — говорили, — хорошо достигает.

— Да ведь теперь ему стоять уж и невозможно.

— Почему же?

— А как можно стоять, когда таковые, как человек Божий да Филарет-милостивец под плещи хватили. Эти повлекут к совершенству.

— *Пострадать остается, и быть совершенну.*

Умно это или глупо — я ни за что не стою, но я верно и истинно передаю, как этого человека простой народ понимает и определяет.

XII

Я не народник в том смысле, чтобы мне все даже плохое русское нравилось более хорошего, но чужеземного. Я не думаю тоже, что наученным русским людям следует снова идти в науку к неученым, но тем не менее я думаю, что следует прислушиваться к голосу народному и брать мнения народные в соображения. А мнения горячих к вере и начитанных простолюдинов о графе Л.Н.Толстом или о его нынешнем настроении именно таковы, как я имел честь сейчас здесь высказать. Эти люди, конечно, не так учены, как г. Боборыкин, и они меньше его видели, но они судят о том, что говорит "граф Лев", может быть, вернее г. Боборыкина. Притом же мотивы их суждений просты, но оригинальны более, чем "атавизм", являющийся тем словом, которое годно, дабы "путать смысл смертного"

Люди такого настроения, какое ныне обнаруживает граф Толстой, у нас никогда не переводились, и народ наш знает их цель и смысл, их цену и значение. Граф Лев Толстой только заметнее прочих по своему уму, искренности и таланту, по особенно видному положению, которое он имеет в целом образованном мире как превосходный писатель.

XIII

После "атавизма", о котором писал г. Боборыкин, нужно сказать о пессимизме, который нашел в графе князь Цертелев.

Что такое *пессимизм?*

После определений пессимизма, сделанных людьми известной учености, профану нечего измышлять своего ответа на этот вопрос, а достаточно привести одно из давно готовых определений, наиболее краткое и удобопонятное.

Пессимизм — это учение или мнение, что в мире нет ничего хорошего или что все хорошее призрачно, а действительно одно дурное. Пессимисты, или люди, держащиеся этого учения, видят все с дурной стороны и утверждают, что на свете все идет не к лучшему, а к худшему. Понятия пессимизма противупоставляются понятиям оптимизма, или наклонности видеть все в хорошем свете и думать, что все в мире идет к лучшему.

Подходят ли к такому определению те писания графа Л.Толстого, где в наибольшей полноте выражается его будто бы пессимистическое мировоззрение? Князь Цертелев в своей публичной лекции находил, что оно будто подходит, но кн. Цертелев не доказал такого сходства, а, напротив, поселил во многих недоверие к основательности его положений и выводов[13]. Причисление графа Л.Толстого к пессимистам многим показалось фальшивым, неосновательным и неверным. И такого мнения держатся до сих пор люди, которые знают все, что из написанного графом Толстым обращается в обществе.

XIV

Граф Л.Н.Толстой *нигде* в своих сочинениях не говорит, что жизнь на земле непременно должна быть исполнена горя и несчастия для живущих. Напротив, он много раз говорит и постоянно дает чувствовать, что жизнь полна горя и бедствий от того, что между людьми существует *разъединение* и другие неустройства, которые мешают довольству и спокойствию многих. Но жизнь на земле, однако, может даровать живущим все необходимые простые и истинные блага, если только живущие станут жить по-христиански, т. е. не суетно, и не себялюбиво, и не жестоко, как они живут до сей поры. И вот то будет настоящая христианская жизнь, сходная, в представлении графа, с тем, что ожидается многими по пророчеству: “лев ляжет с ягненком и мечи перекуют на сохи” Лучшая, простая, мирная жизнь, способная удовлетворить настоящим потребностям живущих, не только не безнадежна (как думают буддисты), но она, напротив, даже вполне возможна, и она будет достигнута после того, как живущие оставят свои себялюбивые стремления и обратятся к простой, трудовой и умеренной жизни с подчинением воли своей евангельскому учению. Тогда не будет многих скорбей, мешающих благополучию человеческой жизни при существующих нынче взглядах, и останутся только естественные печали — болезни и смерть. По мнению графа Толстого, это не только может быть, но это и должно быть, и непременно будет у тех, кто захочет подчинить себя евангелию и жить по этому превосходному учению, единственному, которое постигает “смысл жизни”

XV

Такой взгляд и такая истекающая из него уверенность в возможность видеть “царство Божие на земле живых” схожа ли с безрадостным взглядом буддистов, для которых вера в лучшую жизнь на земле не существует и, чтобы избавиться от бедствий, есть одно средство — “перейти в небытие”, т. е. умереть? Нам, людям, не получившим философского образования, кажется, что это совсем не одно и то же, а даже и не близко одно к другому. Граф Л.Толстой не наводит буддистского уныния и не отнимает самых отрадных надежд, что “лев полежит с ягненком” и будут счастливые люди, которые “увидят славу Божию на земле живых”; напротив, взгляд и стремления графа Л<ьва> Н<иколаевича> именно сходятся с тем, что, по мнению кн. Цертелева, всего *опти-*

мистичнее; именно они сходятся со многими местами ветхозаветной Библии и противоречат суждениям о "мире, положенном во зле", но кн. Цертелев не увидал этого и не отметил.

Из лиц, возражавших кн. Цертелеву[14], никто не попросил почтенного лектора объяснить: к оптимизму или к пессимизму следует отнести ужасный вопль: "Кто избавит меня от бремени сего грешного тела?" Вопияние это, конечно, выражает отчаяние увидеть добрую жизнь на земле, не разлучившись с телом. И это давно и вполне основательно почитается за "христианский пессимизм", которому противуполагается "христианский оптимизм", при котором веруют, что люди в своих нынешних телах могут быть добры, нравственны и разумны и что таковы именно будут люди той счастливой поры, которую ожидают как "царство Божие на земле живых".

То есть эти оптимисты, эти люди, полные бодрого и радостного духа, есть именно те *благовестники*, к числу которых, по нашему простому понятию, без всякого сомнения следует отнести графа Л.Толстого.

Он *оптимист*, и оптимист с верой и с упованием, что пострадавший на Голгофе жил между людьми недаром.

XVI

К немалому удивлению слушателей публичной лекции 12 марта князь Цертелев совсем не упомянул о приведенных сейчас местах, тоже входящих в состав библейского кодекса, а он указывал только на книгу Экклесиаста, между строками которой, как давно известно, сквозят нити эпикуреизма, учения, совсем не имеющего ничего такого, что бы полезно было сближать с современным пессимизмом и особенно с нынешним настроением графа Л.Н.Толстого. Это было странно и непонятно. Затем кн. Цертелев упомянул также о внимании русских к пессимистическим взглядам и учениям. Аудитории очень желательно было знать мнение изучавшего вопрос лектора: прививаются ли по его наблюдениям пессимистические взгляды к нашим образованным людям и в среде народной? Лектор не ответил на это любопытство, а оно было законно. В обществе есть мнение, что пессимизм, как он выражается у Шопенгауэра, отнюдь не так страшен, как его представляют, и вовсе не разрушителен, а к тому же он у нас до сих пор не прививается. У нас есть люди отчаянные и наскучившие жизнью, но таких людей, которые жили бы по Шопенгауэру, не требуя от жизни счастья, а ограничиваясь одним избеганием несчастий или бедствий, до сих пор не заметно. Напротив, погоня за так называемым счастьем и удовольствиями так велика, что удержать ее нет никакой возможности, и потому надо думать, что наше общество в нынешнем его настроении как нельзя более далеко от того, чтобы оно могло подпасть влиянию положительных идей шопенгауэровского пессимизма.

Лектор указал на "свет", который "во тьме светит", но ничего не сказал о самой "тьме", которая тоже, кажется, есть своего рода средство от пессимизма, требующего таких проникновений, к каким наше общество теперь не обнаруживает никакой наклонности, и потому оно, кажется, совсем обезопасило себя от опасности последовать в жизни пессимистическим взглядам Шопенгауэра.

Ненасытимая жажда удовольствий и погоня за призраком счастья ручаются, что мы не успокаиваемся на убеждении, что счастье недостижимо, а верим в его возможность даже там, где оно совсем невозможно.

Такое настроение явно противуположно пессимизму, и потому простые наблюдательные люди уверены, что у нас пессимизма нет.

Любопытно было бы проследить и то, есть ли пессимизм в тех простонародных русских сектах, где его указывали люди сомнительного философского образования.

XVII

Пишущий эти строки позволил себе заметить то, чего не коснулся ни кн. Цертелев, ни рецензент, сделавший ему 14 марта довольно резонные замечания в "Новом времени"[15]. Пессимизм в русском народе не имеет корней и русским умам не нравится. Это так, но у нас есть мнение, будто одна из наших простонародных сект "пропитана пессимизмом", — это *"нетовщина"*[16]. Лектор этого не коснулся, но вопрос этот очень любопытен, и, когда говорят о русском пессимизме, нельзя умолчать о "нетовцах" По моему мнению, зачисление "нетовцев" в пессимисты есть такая же ошибка, как зачисление в пессимисты графа Л.Н.Толстого. Нетовцы находят, что теперь, "в седьмой день творения", на земле такие понятия и такие порядки, при которых невозможно ожидать ничего доброго, но за седьмым днем творения, в котором "Господь почивает", наступит "восьмой день", когда "Господь восстанет" и "просветит умы и очистит сердца, и не будет ни себялюбия, ни страха, а все любовь и добро, и сам *от века наказанный* будет прощен, и *на земле будет* мир и покой по воле Божией".

Разве это пессимизм? Или разве это более безуповательно и безрадостно, чем видеть мир навсегда "положенным во зле", а освобождение от зла считать возможным только при "избавлении от сего грешного телеси"? Нетовцы уверены, что придет *на земле* "время благоприятное и година прохлады", когда на земле все будет прекрасно. И это желаемое и с непоколебимым упованием ожидаемое ими "благоприятное время", по их понятиям, будет пригодно отнюдь не для созерцательных наслаждений в покое бездействия, а напротив, оно принесет с собою такие настроения и порядки, при которых все будут трудиться, и не будет "ни праздности, ни отяготения", и явится жизнь, исполненная отрадной силы и бодрости духа, и земля станет настоящим жилищем "чад Божиих"

Пусть это верование не заслуживает одобрения, но оно выражает дух, совершенно чуждый пессимизму, и это так именно и есть. Нетовцы оклеветаны в пессимизме, и пессимизма среди русского простонародья так же напрасно разыскивать, как и в образованном русском обществе.

И те, и другие крайне далеки от способности увлечься философским пессимизмом; образованные люди — по одержимости суетою, а простонародье — по силе и свежести своей детской веры.

XVIII

Так, по крайней мере, кажется нам, простым людям, мало понимающим в философии, но обладающим некоторою привычною наблюдательностию и знанием своего народа. Специально образованные философы могли бы, без сомнения, нам многое объяснить и поправить нас, в чем мы ошибаемся. Многие этого и ждали от лекции к<н>. Цертелева, но его объяснения устранились от всякого касательства к жизни, и оттого, может быть, лекция вышла очень незанимательна и, к сожалению, никого не удовлетворила.

Николай Лесков

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья П. Д.Боборыкина “Зачем и как жить?” была напечатана в №№ 56 и 70 “Новостей и Биржевой газеты” от 26 февраля и 12 марта 1886 г.

[2] В марте 1886 г. в нескольких номерах в “Новом времени” печатались “Афоризмы и максимы в руководстве к житейской мудрости” Артура Шопенгауэра в переводе с немецкого Черниговца (псевдоним Ф.В.Вишневского).

[3] Назарий Антонович *Фаворов* (1820—?) — протоиерей, доктор богословских наук, профессор богословия Киевского университета. С “Публичными чтениями о вере в Иисуса Христа как истинного Сына Божия, воплотившегося для спасения человека. Против рационализма” выступил в Киевском университете св. Владимира в октябре-ноябре 1864 г. Э. Ренану посвящено пятое чтение. См.: Труды Киевской духовной академии. 1865. № 4. С. 479—505.

[4] Уже А.Н.Лесков в неопубликованной статье об “Ошибках и погрешностях... обратил внимание, что П.Д.Боборыкин не выделял слово “атавизм” курсивом (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 844. Л. 1).

[5] Улияна-боярыня — Улиана *Лазаревская* (ум. в 1604 г.), о жизни которой рассказано в древнерусской “Повести о Юлиании Лазаревской”, написанной ее сыном Каллистратом Осорьиным в начале XVII в.

[6] Память подвела в данном случае Лескова. Описанная им история произошла с бывшим подпоручиком А., родители которого имели имения в Серпуховском и Мценском уездах. Он вел страннническую жизнь, посещая монастыри и святые места. В Твери в 1835 г. был задержан, судим, бит плетьми, а затем сослан в Сибирь на поселение. Его история первоначально была передана в “Юридическом вестнике” (*Серебряный Я.* Дело о ссыльном страннике // Юридический вестник. 1860—1861. № 11. С. 30—34). Журнал “Русская речь и Московский вестник” (где сотрудничал Лесков) напечатал ее сокращенный вариант в № 68 от 24 августа 1861 г. (С. 249—250).

Имя помещика, поручика Дмитрия Лавровича Остолопова упоминается в другой заметке, опубликованной в “Русской речи и Московском вестнике” № 74, от 14 сентября того же 1861 г. Этот помещик добивался от угличского суда строгого наказания его крестьян. Лесков запомнил его фамилию и связал ее с другой историей (С. 341 — 343).

[7] Роман Боборыкина “В путь-дорогу” печатался в “Библиотеке для чтения” в 1862—1863 гг.

[8] Имеются в виду фельетоны Боборыкина, помещавшиеся в отделе “О чем говорят” в “Новостях и Биржевой газете” анонимно или за подписью “Беллетрист”

[9] Сын художника Н.Н.Ге — Н.Н.Ге-младший. См. о нем в наст. томе переписку Лескова с Т. Л.Толстой, а также очерк писателя “Памятные встречи. Соляной столп” (наст. томе, книга первая).

[10] В 1863—1865 гг. в “С.-Петербургских ведомостях” печатались путевые очерки Сергея Ивановича *Турбина* (1821—1884) о Сибири. Лесков был с ним хорошо знаком. В 1872 г. рецензировал эти очерки, вышедшие позднее отдельным изданием: *Турбин С.* и *Старожил.* Страна изгнания и исчезнувшие люди. Сибирские очерки. СПб., 1872 (Старожил — псевдоним М.О.*Знаменского*; 1833—1892).

[11] Неточная цитата из стихотворения Пушкина “Портрет” (“С своей пылающей душой...”).

[12] Речь идет о княжне Марии Михайловне *Дондуковой-Корсаковой.* С ней Лесков, по-видимому, встречался в начале 1870-х годов. В рукописном отделе *ИРЛИ* хранится ее письмо к Лескову от 31 марта 1874 г. Из его содержания следует, что Дондукова-Корсакова должна была встретиться с Лесковым на другой день, 1 апреля. На письме Лесков сделал такую надпись: «Дондукова-Корсакова Мария Михайловна. Ирвингианка и “диаконисса”, княжна. Все имение отдала в пользу бедных» (*Ежегодник.* С. 96). Подробнее см. ее некролог: *СПбвед.* 1909. 20 сент.

[13] Неубедительность рассуждений Д.Н.Цертелева подчеркнул и анонимный рецензент “Нового времени” (см.: Философская беседа в Соляном городке // *НВ.* 1886. 15 марта).

[14] “В качестве оппонентов выступили проф. Незеленов и гг. Вейнберг и Карцев (был еще один оппонент из членов педагогического совета, кажется, преподаватель одной из здешних гимназий, фамилии которого мы, к сожалению, не знаем).

Возражения оппонентов касались только одной части чтения, а именно отражения пессимизма в произведениях нашей беллетристики, оставляя в стороне самую суть доктрины пессимизма <...> Вопрос о пессимизме Л.Толстого ввиду позднего времени был только слегка затронут” (Там же).

[15] Лесков ошибся: заметка была напечатана 15 марта (см. примеч. 13). Вывод анонимного рецензента звучал так: «Нам кажется, почтенный лектор как будто заблуждается, констатируя широкое распространение пессимистического учения в нашем обществе.

Пессимизм пессимизму рознь. Преобладающий у нас в обществе пессимизм совсем особого рода, как с пессимизмом немецкой философии, с одной стороны, так и с пессимизмом Гоголя и Достоевского — с другой.

Формулировать этот, говоря языком П. Д.Боборыкина, ***вульгарный пессимизм***, который в большом ходу у нас на Руси, следует не стремлением или жаждой ***небытия***, такая тенденция буддистов

всех времен и народов вовсе не свойственна русскому характеру, а русской поговоркой: жизнь копейка, а судьба — индейка.

Пожалуй, и старик Ерошка (в "Казаках" Л.Н.Толстого) пессимист, но только это пессимист не по рецепту немецкой философии и едва ли его можно признать за последователя Шопенгауэра и Гартмана».

[16] Возникновение секты относится к XVII в. Основатели ее считали: "Нет ныне в мире ни православного священства, ни таинства, ни благодати, нет средств к спасению, ибо антихрист истребил все таинства" (*Булгаков С.В.* Настольная книга для священно-церковнослужителя. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. В 2-х частях. М., 1993. Ч. II. С. 1640—1641).

ЧТО ЧИТАТЬ ПОДРОСТКАМ?

Вступительная статья, публикация и комментарии
Л.Г Чудновой

Статья "Что читать подросткам?" была написана в 1892 г. для "Петербургской газеты" и осталась неопубликованной. Датируется она по содержанию и на основании письма Лескова к издателю газеты С.Н.Худекову, в котором писатель сообщал: «Я послал вам вчера заметку о детских журналах "Что читать подросткам" <...>»[1]. Письмо датировано 3 февраля 1891 г. Но, сопоставляя его с текстом самой статьи, где сказано: «В нынешнем, 1892 году стал выходить <...> новый журнал "Мир Божий"»,— нельзя не видеть, что 1891-й год в письме поставлен ошибочно. Оно было отослано, очевидно, 3 февраля 1892 г., а небольшая по объему статья написана непосредственно перед отправкой в редакцию. В тексте статьи говорится о вышедших в свет январском и февральском номерах "Мира Божьего", и, если цензурное разрешение на выпуск февральского номера было дано 4 января 1892 г., книжка журнала могла прийти к читателям в конце этого месяца.

Лесков выступил в этой статье с резкой критикой детской периодики начала 1890-х годов. Его обращение к проблемам литературы для детей не было случайным эпизодом. Известно, что писатель сам создал ряд художественных произведений этого рода: в 1872 г. вышел роман Виктора Гюго "Труженики моря", "приспособленный для детей М.Стебницким", в журналах для детей и семейного чтения "Задушевное слово", "Игрушечка", "Нива" были напечатаны его детские рассказы: "Неразменный рубль", "Коза", "Дурачок" и другие.

Взгляды Лескова на детскую литературу неоднократно высказывались им в статьях и рецензиях разных лет. Будучи членом Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1874—1883 гг., он специально занимался рецензированием книг и периодических изданий для детей.

Лесков никогда не рассматривал детскую книгу как развлекательное, легкое чтение. Анализируя такие книги, предназначенные для самых различных возрастов, он подходил к оценке их достоинств с теми же мерками, которые применялись им к литературе в целом. Это прежде всего тесная связь с жизнью, с ее серьезными запросами, верное ее воспроизведение в истинно художественных формах или в ясном, простом изложении, если речь шла о передаче научных, религиозных, реально-бытовых знаний. Так, в 1874 г. в докладе на заседании комитета Министерства народного просвещения о книгах писательницы А.А.Благово "Рождественские праздники. Подарок для детей", "История двух братьев" и других он сосредоточил внимание на "несообразностях" их содержания. Он усматривал здесь "все характеристические особенности женских институтских упражнений в сочинительстве" и отвергал пользу этих книг[2].

Такова же позиция Лескова и при рассмотрении им книги С.В.Энгельгардт (псевдоним — "Ольга Н.") "Коробейник", А.Н.Острогорского "У рабочих людей", И.В.Маляревского "Василий Чабан" и многих других[3]. "Нестаточность фабулы", вопиющее неправдоподобие в придуманных "Ольгой Н." ситуациях из народной жизни, по мнению рецензента, может обнаружить даже ребенок-читатель: «...крестьянский мальчик, читая это, непременно почувствует, что "тут что-то неправда"»[4]. Лесков легко обнажил и наивные представления А.Н.Острогорского о крестьянском быте, в чем писателю помогал его собственный житейский опыт. Ему претила фальшивая книга о народе, условиях его существования, даже если такая книга написана

известным беллетристом Д.В.Григоровичем. Приговор рецензента в подобных случаях почти всегда бескомпромиссно отрицателен. «Имея в виду, что повесть "Василий Чабан" учителя Маляревского построена на вымысле, который не имеет ни в своем основании, ни в развитии никакой вероятности <...> я не нахожу никакой пользы проводить эту книгу в училищные библиотеки»,— так завершает он свои рассуждения о содержании указанного произведения[5].

В огромном потоке разнохарактерных книг, с которым Лескову пришлось иметь дело в Ученом комитете Министерства народного просвещения, он выделял и с живым участием поддерживал наиболее удачные в изображении тех или иных жизненных коллизий. В угоду содержательности он иногда готов даже идти на уступки: отмечая слабость художественного исполнения, он в целом одобрял книгу, ценя прежде всего знание автором жизни. С этой точки зрения его симпатии вызвали рассказы Н.П.Поливанова, которые, по его словам, "имеют ту довольно редкую особенность, что при достаточном интересе в их замысле они держатся весьма близкого крестьянским детям быта и заставляют читателей переживать с героями простые, но очень статочные случайности сельского обихода, а в конце имеют в виде морали очень хорошие, трезвомысленные и добрые выводы"[6].

Однако для Лескова важна была и мера даровитости автора, а также его умения приноровить повествование к детскому восприятию и сделать его занимательным и доступным для ребенка. Находя и отмечая любые крупицы таланта, он судил об этом даре с высоких позиций большого художника. Так, причину "замечательного успеха" книги "Чтение для детей пастора Тода" он усматривал в "...необыкновенной ясности и простоте, с которою автор беседует с детьми о самых важных вопросах духовной природы и законов христианской религии <...>"[7]. В других же случаях ему приходилось говорить о неоправданной растянутости повествования, невыразительности языка и иных недостатках, низводящих произведение на уровень посредственной поделки.

Небезынтересно, что рассказ А.С.Суворина "Никон" (который должен был войти в один из сборников для детей) Лесков высоко оценил и как правдивое, и как художественное произведение: "...рассказ исторически верен, изложение его кратко, сильно, образно и в своем роде мастерское"[8].

Обращаясь к публикуемой статье "Что читать подросткам?", нельзя не заметить, что она написана с тех же позиций, которые изложены нами выше. В детских периодических изданиях 1890-х годов, "жалостное убожество" которых для него очевидно, писатель критиковал прежде всего бессодержательность, беспредметность, а иногда и явный вред предлагаемого чтения. Особую тревогу у него вызывало то явление, которое он определил как "карамель сентиментализма" Говоря с нескрываемым сарказмом о "рыцарях", "дамах с перчаткой", "собачках", он вскрывал ту фальшь, за которой можно видеть лишь стремление увести маленького читателя в мир сентиментально-романтических представлений. Острая неудовлетворенность Лескова состоянием детской периодики основана на убеждении, что издания этого рода находятся в руках случайных людей, далеких от понимания важности воспитательных задач литературы для детей и не имеющих определенных педагогических целей. Об этом он пишет прямо и резко: "...их руководители и вдохновители, по-видимому, еще сами себе не уяснили, что надо воспитывать и что искоренять, и они не знают даже, что хорошо и что нехорошо действует на образование чувства и представлений, а печатают в своих изданиях зря всякий материал"[9]. Причем писатель полагает, что это явление не временное, что "детские журналы были всегда руководимы лицами, к этому делу неспособными"[10].

Однако для некоторых журналов Лесков делал исключения. В качестве образцов он указывал прежде всего на журналы "Рассвет" (1859—1862) и "Семья и школа" (1871—1888)[11]. Оба журнала, несомненно, относятся к лучшим детским изданиям второй половины XIX в.[12] Один из них, возникший на волне общественного подъема 60-х годов, ставил задачу умственного и нравственного раскрепощения русской женщины, приобщения ее к общественным проблемам, "...указывая тот путь, по которому она должна пойти, чтобы сделаться гражданкою и приготовить себя к высокому долгу — быть воспитательницею нового возрождающегося поколения"[13].

Эта серьезнейшая цель была достигнута журналом. В нем принимали участие Д.И.Писарев, Марко Вовчок, Н.К. Михайловский, В.Я.Стоюнин, В.И.Водовозов и

другие известные писатели, публицисты, педагоги. Журнал знакомил с современными общественными событиями и историческими фактами, с явлениями природы и бытом народов России, с поэзией, беллетристикой, искусством, с проблемами женского образования на родине и за рубежом. Авторы пропагандировали высокие гуманистические идеалы, так как под воспитанием здесь подразумевалось "искусство развивать человеческое существо, сообразно его частному предназначению и общей выгоде всех людей"[14].

Говоря о журнале "Семья и школа", Лесков, конечно, имел в виду прежде всего его выпуски, содержавшие детское чтение, они выходили под названием: "Семейное чтение. Иллюстрированный отдел для детей". Высокая оценка его Лесковым заслужена: богатство содержания, насыщенность его разнообразным чтением несомненны. Увлекательный мир вставал перед читателем-ребенком не только в рассказах, повестях, взятых из реального быта, но и в жизнеописаниях, в рассказах о путешествиях, в объяснениях простейших понятий из области физики, химии, математики, живой природы. Особенно интересно были написаны самим редактором Ю. И.Симашко беллетризованные познавательные очерки о птицах, насекомых, животных, а для тех, кто еще не умел читать, помещались рисунки с текстами, как правило комического характера и вытекающими из них простыми ненавязчивыми поучениями. Затем следовал отдел "Занятия": игры, опыты, рукоделие и прочий материал для физического и умственного развития.

Начиная с обращения к детям самого редактора в первом номере журнала (1871) и кончая изложением самых сложных вопросов, общение с детьми неизменно осуществлялось в простых и занимательных формах и в уважительном тоне, который сумели выдержать Ю. И.Симашко и его даровитые сотрудники[15].

От этих изданий 1860—1870-х годов Лесков перекидывал мостик к журналу "Мир Божий", в котором он отмечал ту же основательность педагогического подхода[16]. Критическое чутье не обмануло писателя. Руководимый известным педагогом и детским писателем В.П.Острогорским, этот журнал вскоре стал одним из самых лучших среди изданий для детей и юношества 1890-х годов. Январский и февральский его номера, о которых вел речь Лесков, были заполнены произведениями талантливых беллетристов, ученых-популяризаторов, педагогов. Здесь были напечатаны замечательный рассказ Д.Н.Мамина-Сибиряка "Зимовье на Студеной", повесть Элизы Ожешко "Непонятая", рассказ профессора А.Н.Бекетова "Доктор Фроман", исторические и биографические очерки: "Сократ и его время" В.Д.Сиповского, "Памяти Гончарова" В.П.Острогорского, "В поисках за истиной. Очерк по истории астрономии" Н.А.Рубакина и др. Тщательным подбором книг для рецензирования отличался и отдел "Библиография"[17]. В отделах "Смесь" и "Разные разности" были опубликованы заметки из многих областей науки и общественной жизни.

И в этом издании, как и в журналах "Рассвет", "Семья и школа", для Лескова был важен тот гуманистический пафос, без которого он не мыслил настоящей литературы вообще и детской в частности. В 1882 г., рецензируя роман Дж. Гринвуда "Маленький оборвыш" (в переделке А.Н.Анненской), он писал, что хорошая детская книга "должна не только занять внимание читателя, но и дать какое-нибудь доброе направление его мыслям. Ребенку, переживающему вместе с воришкою его приключения,— нужен идеал. Исправления без идеала, без идеи невозможны"[18].

Сходные мысли изложены и в публикуемой статье; те же идеалы внушал Лесков читателям и в своих детских рассказах "Коза", "Маланья — голова баранья", "Пугало" и др.

По целому ряду намеков на конкретные материалы журналов можно судить, что критическое острие статьи было направлено прежде всего в адрес журнала "Игрушечка" и других изданий "для семейного чтения". Известно, что писатель в течение многих лет сотрудничал в "Игрушечке" и помогал ее издателям[19]. Однако в 1890-е годы он неоднократно высказывал свое неудовольствие направлением и содержанием этого издания. Так, в ответ на просьбу А.Н.Толиверовой напечатать его портрет под рубрикой "Друг детей", он писал: «У вас в журнале сказано, что вы будете пособлять воспитывать детей так, чтобы они умели достигать "как можно более счастья". Но этакое воспитание, по моему понятию, очень предосудительно и гадко, и я ни в коем случае не желаю быть в числе "друзей" тех детей, которых педагоги ваших из-

даний будут воспитывать в выраженном ими вредном и противообщественном духе»[20].

Об устойчивости взглядов Лескова на такие издания свидетельствует и его переписка с другими лицами. «Я еще перелистывал "Ниву" и все искал там добрых семян для засеменения молодых душ и не нашел их: все старая, затхлая ложь, давно доказавшая свою бессильность <...> топят семейное чтение в потоках старых помой <...>» — писал он С.Н.Шубинскому 15 декабря 1894 г., добавляя, что "Игрушечка" еще хуже "Нивы" (XI, 601—602). В следующем письме критика звучала еще резче: «Вы должны бы помнить, кажется, "Рассвет" Кремпина... Вспомните-ка и посравните его с "Нивою" или "Игрушечкою" и всем сему подобным дерьмом». В этих же письмах Лесков высказывал мысль о необходимости "умной и сносной критики изданий этого типа"[21].

Публикуемая статья осталась, однако, ненапечатанной по воле самого автора. В письме Худекову о высылке статьи он заметил: «Она вполне основательная и справедливая, но может много спорочить, а мне это будет против сердца. Прошу вас, не печатайте ее <...> Это все "инвалиды"»[22].

Статья "Что читать подросткам?" публикуется по сохранившейся в *РГАЛИ* среди писем Лескова к Худекову рукописи с подписью "Н.Л."[23].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 25.

[2] *РГИА.* Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 26. Л. 32—36.

[3] Речь идет о следующих книгах: Ольга Н. <*Энгельгардт С.В.*> Коробейник. М., 1874; *Острогорский А.Н.* Наша библиотека. У рабочих людей. СПб., 1876; *Маляревский И.* Василий Чабан. Повесть для детей старшего возраста. СПб., 1874.

[4] *РГИА.* Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 17.

[5] Там же. Ед. хр. 26. Л. 301.

[6] Там же. Ед. хр. 162. Л. 111. Цитируется рецензия Лескова на книгу: *Поливанов Н.П.* Рассказы ученикам начальных народных училищ. М., 1880.

[7] *РГИА.* Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 28. Л. 796—798. Лесков неверно передает фамилию автора. Имеется в виду книга Джона *Тодда* (1800—?), американского пастора, "Чтения для детей", вышедшая первым выпуском в Соединенных Штатах в 1834 г. Издавалась большими тиражами в Европе. В России впервые вышла в 1863 г. Лесков рецензировал ее 4-е издание (СПб., 1875).

[8] *РГИА.* Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 45. Л. 525.

[9] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 23.

[10] Там же. Л. 24.

[11] "Рассвет" — "журнал наук, искусств и литературы для взрослых девиц" — издавался в 1859—1862 гг. Валерианом Александровичем *Кремпиным* (ум. 1889). Педагогический журнал "Семья и школа" выходил в двух самостоятельных по назначению книгах: "Семейное чтение. Иллюстрированный отдел для детей", предназначенный для детского возраста; "Родителям и воспитателям", с указаниями и советами по воспитанию, образованию, методике преподавания отдельных дисциплин. В течение 1871—1878 гг. журнал редактировал Юлиан Иванович *Симашко* (1821—1893), известный ученый-зоолог и педагог, до сих пор еще неоцененный как детский писатель.

[12] По неизвестным причинам Лесков не назвал журнал "Детское чтение" (СПб., 1869—1893, с 1894 по 1906 гг. издавался в Москве) — для дошкольного и младшего школьного возраста, который в период руководства педагогами А.Н.Острогорским и В.П.Острогорским переживал подъем и имел успех у читателей.

[13] От редакции // Рассвет. 1859. Т. 1. С. II.

[14] Рассвет. 1861. Т. 12. С. 333.

[15] В журнале постоянно сотрудничали известные детские писательницы А.Н.Анненская, Е.И.Бларамберг, Е.Н.Водовозова, педагоги Н.Ф.Бунаков, К.Д.Краевич и др.

[16] "Мир Божий. Ежемесячный литературный и научно-популярный журнал для юношества" (1892—1906). Издатель — Александра Аркадьевна *Давыдова* (1848—1902). Редактор (до 1902 г.) — Виктор Петрович *Острогорский* (1840—1902), журналист, педагог, историк литературы, детский писатель. С ним Лесков был знаком, вероятно, с начала 1860-х годов. Острогорский, готовя первые номера "Мира Божьего", в 1891 г. обращался с просьбой прислать материалы к ряду известных писателей. Такого обращения к Лескову не сохранилось, хотя возможно, что оно было. Подробнее об этом издании см.: *Мыльцына И.В.* "Мир Божий" — журнал для юношества (первый год деятельности) // Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX века. М., 1973. С. 155—183.

[17] Во втором номере журнала в отделе "Библиография" были помещены рецензии на серию "Дешевая библиотека", издававшуюся А.С.Сувориным (где упоминается и имя Лескова), а также на "Потревоженные тени" С.Н.Терпигорева-Атавы.

[18] *РГИА*. Ф. 734. Оп. 3. Ед. хр. 162. Л. 77.

[19] "Игрушечка" — иллюстрированный журнал для детей, издавался в Петербурге в 1880—1912 гг. До 1887 г. издатель-редактор журнала — Татьяна Петровна *Пассек* (1810—1889), затем — Александра Николаевна *Толиверова* (1842—1918).

[20] Стожары. Пг., 1923. Кн. 3. С. 63.

[21] Там же. С. 602.

[22] *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 179. Л. 25.

[23] Там же. Л. 23—24.

ЧТО ЧИТАТЬ ПОДРОСТКАМ?

Журналов для детей у нас издается довольно, а родители и воспитатели, имеющие хорошее понятие о том, какие мысли и правила надо прививать детям и что в них надо воспитывать, а что искоренять,— постоянно жалуются, что у нас нет ни одного детского издания, которое можно бы предложить детям соответствующего возраста с уверенностью, что оно внушит им хорошие советы и даже благородные примеры и образцы, не припустив туда же в виде подливки значительной примеси более или менее неразборчивого и вредного вздора. И, к сожалению, должно сказать, что родительские жалобы на жалостное убожество детской литературы совершенно основательны. Пересматривая эти журналы, чувствуешь, что их руководители и вдохновители, по-видимому, еще сами себе не уяснили, что надо воспитывать и что искоренять, и они не знают даже, что хорошо и что нехорошо действует на образование чувства и представлений, а печатают в своих изданиях зря всякий материал — часто даже вовсе не подходящий и детскому возрасту вовсе не интересный и не нужный. То там встречаешь какую-то скуку о раскопках в Трое, сделанных на деньги Бог весть как нажитые от продовольствия русских солдат[1]; то вдруг нападаешь на переложение в прозу старой песни о том, как "ехал казак за Дунай", и рядом с этим разный карамель сентиментализма вместо здорового чувства, или отчеты об искусстве в его не служебном, не идейном, а в "самодовлеющем значении" И в виде иллюстраций к этому "афинейскому плетению"[2] вот и "рыцарь", вот "собачка",— у ней "хвостик" и "лапка"; вот "дама с перчаткой"; вот "девочка" и у нее "ручки и ножки".— Для чего это нужно здесь? "Ах, это так красиво... Ах, этот рыцарь... Ах, дама, что за зубы... И как она красиво надевает перчатку... А эта девочка... у нее ручки и ножки..."[3] Словом, вот все, что вы добьетесь в ответ... все это лепет, внушающий жалость и сострадание к тем, кто составляет эти несчастные "детские журналы". А для того, чтобы заронить в душу ребенка здоровую и благоразумную идею — такую идею, которая была бы умна и проста и в то же время доступна естественному, а не искусственному пониманию — в этих журналах нет ничего, или даже если случайно и попадет что-либо полезное,— то это сейчас же сразу заглушается массою нелепостей, совсем несоответственных никаким заботам о воспитании в детях правдивости, простоты, чистосердечия, искренности и других качеств истинного "добротолюбия" С этой самой существенной и самой главной, самой основной точки зрения, наши детские журналы всегда оставляли желать очень многого, и, если только не считать давно прикончившиеся журналы "Рассвет" Кремпина и "Семью и школу" Ю. Симашко, то можно сказать, что все издания для подростков были руководимы лицами, к этому делу неспособными,— такими лицами, которые и сами еще не знали, что такое в детях надо воспитывать и что в них надо искоренять, чтобы из них вышли простые, добрые и полезные люди. В нынешнем 1892 году стал выходить еще новый журнал "Мир Божий" Он издается "юношеству" и его вышло всего только еще две книги.

Хвалить его рано, но состав первых книжек сразу же обнаруживает в редакции ясное и определенное понимание воспитательных задач. Журнал этот, если он будет идти как начал, может утешить тех, кто еще вспоминает угасший "Рассвет" Кремпина и ждет чтения в этом роде. У нас нет места и досуга, чтобы писать разбор вышедших двух книжек "Мира Божьего", но мы приветствуем появление этого издания и думаем, что веденное так, как начато, оно восполняет очень сильно ощутительную пустоту в литературе для юношества.

Н. Л.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о статье А.К. Европеус "Эллада и ее исследователь Генрих Шлиман" (Игрушечка. 1891. № 3—5), в которой излагалась биография Шлимана и история его обогащения. В записной книжке Лескова, хранящейся в *РГАЛИ*, дан более развернутый отзыв об этой статье: «Шлиман и р<едакция> детск<ого> журнала "Игрушечка", № 4 — читаем: "Шлиман обогатился от поставок на русскую армию во время Крымской войны и стал миллионером", т. е. ограбил солдат. Детский журнал хвалит, что он употребил деньги на раскопки в Трое! Все ли средства хороши, и все ли знания полезны?..» (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л. 21).

[2] "Афинейское плетение" — каламбур, вероятно, придуманный самим Лесковым, образованный от слов "ахинея" (вздор, чепуха, бессмыслица) с приданием этому слову народно-просторечной огласовки, и "плетения" от глагола "плести" — врать, нести околесицу, пустословить.

[3] Негодование Лескова адресовано журналу "Игрушечка" Его первый номер за 1892 г. открывался этюдом К.Ф.Гуна "Рыцарь", в № 12 за предыдущий год редакция дала иллюстрацию с изображением собаки (см. также № 6 за 1891 г.). Сентиментальные рисунки с изображением девочек-куколок, "дам" встречаются почти в каждом номере, но в данном случае, очевидно, имеется в виду № 3 журнала за 1890 г., открывавшийся рисунком: "девочка", "ручки и ножки" — так можно было его описать.

О СЕЧЕНИИ РОЗГАМИ РОДИТЕЛЕЙ

Предисловие и комментарии С.А.Рейсера
Публикация Т.А.Алексеевой

Вопрос о грамотности был одним из острейших для русской общественной мысли начиная с 1860-х годов. На эту тему велась самая оживленная полемика в газетах, журналах и в специально изданных книгах. В ней приняли участие В.И.Водовозов, В.И.Даль, Н.А.Корф, Л.Н.Модзалевский, Н.И.Пирогов, Л.Н.Толстой, К. Д.Ушинский и целый ряд других видных педагогов, писателей и публицистов[1]. С введением земств (1864 г.) эта проблема приобрела еще большую остроту, когда некоторые губернские и уездные земства захотели ввести у себя обязательное начальное обучение (необязательное — земство имело право вводить и раньше). При этом возник юридический вопрос о праве принудительного начального образования. В Министерство народного просвещения стали обращаться за разъяснениями некоторые земства. Определенным откликом на эти запросы были две анонимные статьи, напечатанные в "Журнале Министерства народного просвещения", в №№ 11 и 12 за 1874 г.— автором обеих был член совета министра, высокопоставленный педагог А.С.Воронов ("О введении обязательного обучения в С.-Петербурге" и "О введении обязательного обучения по ходатайствам некоторых земских собраний").

Тогда же по распоряжению министра народного просвещения гр. Д.А.Толстого всем директорам и инспекторам народных училищ была разослана анкета из 34 вопросов. Ответы (в сокращенном виде) были напечатаны в издании: "Министерство народного просвещения. Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России. Том 1. Сборник мнений гг. директоров и инспекторов народных училищ. Составлен под редакцией членов Особого отдела Ученого комитета К. К. Сент-Илера и князя Кантакузина — графа Сперанского". СПб., 1880, 508 с. (т. 2-й в свет не вышел).

Откликаясь на растущие требования времени, департамент Министерства подготовил и издал (в качестве служебной) записку: "О введении обязательного обучения по ходатайствам некоторых земских собраний" — она восходит к названной выше статье Воронова.

По распоряжению Д.А.Толстого эта записка была передана для рассмотрения в Ученый комитет Министерства. 25 и 26 ноября 1874 г. состоялось совместное заседание его Основного и Особого отделов: членом второго из них состоял Лесков.

Протокол заседания был позднее опубликован в названном выше издании (С. VII—XX). В нем изложен проект выработанных в Министерстве правил о введении обязательного начального обучения сельского населения России. Отмечалось, что такая система должна быть принята в качестве общегосударственного закона, но тут же была сделана оговорка, что "в настоящее время может быть сделана лишь <...> попытка введения обязательного обучения там, где существуют благоприятные для этого условия" (С. XX). В сущности, эта очень уклончивая фраза сводила на нет внешне благонамеренную затею, необходимый отклик на требования эпохи. При этом в проекте были предусмотрены репрессивные меры на случай пропуска уроков по неуважительным причинам, т. е. когда родители не захотят или не смогут посылать своих детей в школы — сначала выговор, а потом денежный штраф, который может "при повторении вины" (С. XIX) увеличиваться и взыскивался бы через волостные или полицейские управления. Именно эти репрессивные меры и заставили Лескова выступить против проекта.

Протокол заседания был представлен "на благоусмотрение его сиятельства г. министра народного просвещения" (С. XX), и практически на том дело и кончилось[2].

Для какого издания предназначалась эта (незаконченная?) заметка Лескова, неизвестно. Она написана не раньше конца января 1895 г., т. е. незадолго до смерти (21 февраля). Возможно, что перед нами последнее произведение писателя.

Статья печатается по автографу, хранящемуся в *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 94).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Назовем здесь несколько наиболее значительных изданий: *Окольский А.* Об отношении государства к народному образованию. СПб., 1872; *Миропольский С.* Школа и государство. Обязательность обучения в России (Исторический эдюд). СПб., 1876; *Лавлей Э.* Народное образование. Народные школы: их современное положение и относящееся к ним законодательство во всех государствах. Перевод с франц. СПб., 1873. Отметим, кроме того, статью Н.А.Корфа "Об обязательности обучения в России" (*ВЕ.* 1874. № 1). Некоторые итоги были подведены в более поздней статье прогрессивного педагога В.П.Вахтерова "Всеобщее начальное обучение" (*РМ.* 1894. № 7).

[2] Подлинный протокол (№ 474) хранится в *РГИА* (Ф. 734. Оп. 3. № 25. Л. 1495—1517). На заседании присутствовали: председатель А.И.Георгиевский и члены обоих отделов Ученого комитета (в нисходящем порядке чинов): А.Д.Галахов, А.И.Ходнев, Н.И.Савинов, А.Н.Майков, В.Х.Лемониус, Т.А.Маевский, М.М.Молчанов, В.Г.Василевский, К.К.Сент-Илер, И.И.Беллярминов, Н.Н.Страхов, В.Г.Авсеенко, Н.С.Лесков и правитель дел П.И.Савваитов. В протоколе нет подписей Майкова, Молчанова и Лескова — вероятно, это случайность.

О СЕЧЕНИИ РОЗГАМИ РОДИТЕЛЕЙ

Самое первое дело к просвещению народа есть грамотность. Теперь введено обязательное обучение грамоте всех крестьянских детей[1]. Этому радуются и это в самом деле хорошо, т. е. полезно для тех, кого научат грамоте. Но вопрос этот за несколько лет перед сим бился в двери через Ученый комитет Министерства народного просвещения, который по этому вопросу имел соединенные заседания обоих отделов, и в них почти все голоса были *за* введение обязательного обучения[2]. Против же этого были только два члена, из коих один был я, и это мне осталось в памяти[3]. Приготовляясь подать свой голос в этом деле я обдумывал его с разных сторон и находил удивительным и даже *ужасным*: какие способы настояний будут употреблять над родителями, чтобы они посылали в школы своих детей? Их будут "наказывать денежными штрафами". Но какие штрафы можно взыскивать с людей, которые *не имеют во что одеть* своих детей! Они не могут одеть и обуть ребят и, конечно, не могут и штраф отдать... "Ну тогда их *выпорют*![4]" — отвечали мне, и я знал, что это так и будет, и заговорил об этом в Комитете и подал один свой голос против обязательного обучения детей, пока не отменена мера телесного наказания их родителей. Я сказал, что мужику быть выпоронным за такое дело покажется ужасно унизительным и обидным, и он в горе и отчаянии нивесть что может умыслить над собою и над ребенком. Покойный Иван Сергеевич Аксаков, узнав о моем "поведении", написал большое письмо мне, "во укрепление" меня, и другое письмо министру Дм<итрию> Андр<еевичу> Толстому с просьбою "обратить внимание на мои доводы и отклонить сечение родителей, до которого при поголовной нищете в деревнях дойдет непременно"[5]. Дм. А.Толстой читал журнал и до того еще говорил со мною и согласился с моим мнением. Так вопрос об обязательном обучении тогда не прошел почти всецело *по моей вине*, несмотря на то, что я в принципе и тогда и всегда был *за* обязательное обучение, но меня ужасало: как мужика будут сечь за то, что он не может справить сыну обуви и одежи, и что потом этот мужик наделает в обиде и ожесточении над собою и над парнишкой, за которого его отстегали по голому телу. Теперь это прошло

и без всякой оговорки, чтобы не секли отцов, если они не справятся одеть детей в школу. Дело так и идет, а меж тем теперь об этом заговорили казанские врачи и тамошний профессор судебной медицины г. Гвоздев[6]: все находят, что сечь людей очень нездорово, да и опасно, т.к. многие нынче страдают болезнью сердца, и иной с виду, пожалуй, очень здоровый человек, того и гляди может умереть под розгами. Это может случиться даже не от жестокости наказания, а от нравственного потрясения и влияния "позора", который испытывают взрослые люди, когда их обнажают и секут прутьями по таким частям тела, которых из скромности никто друг перед другом не обнажает. Профессора Гвоздева поддержал профессор Капустин, и все общество казанских врачей "единогласно признало желательность отмены наказания розгами с медицинской точки зрения" ("Бирж<евые> вед<омости>" 27 янв. 1895). А я привожу к этому на справку, что и другое ведомство, имевшее у себя во главе такого несентиментального человека, как Дм. А.Толстой, столько неудобства видело в сечении мужиков, что даже за этим отстранялось исполнение такой желанной меры, как обязательное обучение крестьян.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лесков неточен: закона об обязательном начальном обучении сельского населения в царской России не было.

[2] Большинство высказалось за введение обязательного обучения, но с рядом оговорок и при условии применения репрессивных мер по отношению к родителям, препятствующим занятиям детей в школе.

[3] В протоколе заседания голосование (по правилам, открытое) не отражено, и установить, кто именно был против, трудно. В письме Лескова к И.С.Аксакову от 27 ноября 1874 г. идет речь о какой-то статье, написанной Лесковым "в поддержку освобождения России от новой повинности". Далее Лесков писал о том, что "25 и 26 числа проект обязательно будет провален, несмотря на большинство (18 прот<ив> 3), которое стояло за эту новую повинность. Три противника были: я, Майков и Страхов..." (X, 366). Возможно, что в письме идет речь об этом проекте и "повинностью" Лесков называет обязательную посылку крестьянских детей в школы. Вероятно, 21 год спустя он забыл, что против голосовали трое, а не двое; на заседании присутствовали не 18, а лишь 15 человек.

[4] В протоколе заседания прения, и в частности, вопрос о телесных наказаниях родителей, никак не отражены. В нем есть лишь фраза о том, что в выработанном ранее проекте есть указание на круговую поруку сельских обществ в случае неуплаты штрафа. "На деле такого рода узаконения породили бы большое неудовольствие в крестьянах и повели бы в большинстве случаев к наказанию розгами неисправных родителей по приговорам сельских судов" ("Министерство народного просвещения. Материалы по вопросу о введении обязательного обучения в России...". С. XVII). Ученый комитет отверг эту меру, но приводимые Лесковым слова свидетельствуют, что эта мысль все же была не чужда кому-то из членов Комитета. В названной выше книге о телесных наказаниях родителей, да и то в отрицательном смысле, упоминается лишь в ответах директоров народных училищ Архангельской и Уфимской губерний (С. 365 и 376).

[5] Очевидно, речь идет о завершении письма И.С.Аксакова к Лескову от 28 ноября 1874 г., в котором он, судя по тону, отвечает на письмо Лескова: "Я от души рад, что нелепый проект обязательного обучения провалился, и удивляюсь, как мог он собрать столько голосов в свою пользу. Не рекомендует же он ваших сочленов в Ученом комитете!" (*ИВ*. 1916. № 3. С. 788). Письмо Лескова к Аксакову на эту тему неизвестно. Неизвестно и письмо Аксакова к министру народного просвещения Д.А.Толстому.

[6] Лесков имеет в виду заметку "Казанские врачи о розгах" (*Бвед*. 1895. 27 янв.), в которой приведен отчет о заседании Казанского общества врачей и, в частности, о выступлениях профессоров И.М.Гвоздева и М.Я.Капустина: "Общество единогласно признало желательность отмены наказания розгами с медицинской точки зрения"

ЛЕСКОВ В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ

Разыскания

ЗАТЕРЯННЫЕ СТАТЬИ ЛЕСКОВА

Статья Вильяма Эджертона (США)

Немаловажным препятствием дальнейшему развитию лесковедения является отсутствие библиографии, стоящей на высоте современных требований. Главное затруднение объясняется тем, что с самого начала своей писательской карьеры Лесков не придавал особого значения множеству своих бесподписных газетных статей. Когда первый его библиограф, П.В.Быков, показал писателю свою картотеку его трудов, Лесков удивился большому числу отмеченных там статей, о которых он давно забыл. На вопрос Быкова, почему он отдает едва ли не половину времени таким пустякам, Лесков ответил: "От житейской мудрости... Попишу с недельку в одной и другой газете — смотришь, квартира и оплачена. Еще недельку займешься мелочами — оплачен и стол. А удвоишь старание — успеешь и в запасный капитал отложить кое-что..."[1]

Однако значение публицистики Лескова нельзя умалять. Конечно, некоторые из этих статеек малоценны, но, вообще говоря, они отражают пожизненную заботу Лескова об общественном значении писательского труда. «Я люблю литературу как средство, которое дает мне возможность высказывать все то, что я считаю за истину и за благо,— говорил он к концу жизни В.Протопопову.— Если я не могу этого сделать, я литературы уже не ценю: смотреть на нее как на искусство — не моя точка зрения... Я совершенно не понимаю принципа "искусство для искусства"; нет, искусство должно приносить пользу,— тогда только оно и имеет определенный смысл»[2]. Когда Лескова осуждали за то, что он отдал рождественский рассказ в "Петербургскую газету" — «"серый" листок, который читает 300 т<ысяч> лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок»,— он оправдывался в письме к Л.Н.Толстому: «Как никак, а это читали бойко, и по складам, и в дворницких, и в трактирах, и по дрянным местам, и может быть, кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум. А меня "чистоплюи" укоряли,— "для чего в такое место иду" (будто роняю себя)»[3].

Как уже сказано, первая попытка составить библиографию произведений Лескова сделана П.В.Быковым. Она напечатана в 1888 г. тиражом лишь в 100 экземпляров в связи с подготовкой первого собрания сочинений Лескова[4]. Здесь приводились 359 заглавий. В 1890 г. в 10-м томе собрания сочинений Лескова вышло в свет второе, значительно дополненное издание библиографии Быкова, содержавшее 605 заглавий[5].

Затем библиографию сочинений Лескова подготовил в 1915 г. Л.А.Чижиков, но эта работа изобилует ошибками и не заслуживает обсуждения. Хочется лишь предостеречь читателя от обращения к ней[6].

Самый значительный вклад в лесковскую библиографию после Быкова сделан С.П.Шестериковым, завоевавшим своей статьей "К библиографии сочинений Н.С.Лескова" репутацию одного из крупнейших лесковистов нашего времени[7]. Библиография эта содержит 70 заглавий, не включенных Быковым, а также регистрирует около 30 неопубликованных рукописей Лескова. Трагическая гибель С.П.Шестерикова в начале Великой Отечественной войны лишила литературоведческий мир выдающегося и все еще недооцененного специалиста по Лескову. Он оставил две неопубликованные рукописи, которые представляют собой памятники его эрудиции: комментированное собрание всех известных к тому времени писем Лескова и "Труды и дни Н.С.Лескова" — летопись жизни и творчества писателя, которая остается до сих пор непревзойденным научным источником сведений о великом мастере русского слова. В этой работе приводится более ста новонайденных статей Лескова, а также сотни статей и заметок других авторов, в которых обсуждаются или упоминаются Лесков и его литературное творчество.

Вторым немаловажным источником библиографических сведений о Лескове является неопубликованная работа П.П.Кудрявцева "Из моих лесковиан", написанная до 1934 г. и хранящаяся в Российском государственном архиве литературы и искусства[8]. Кроме 13 печатных статей, главным образом появившихся в "Петербургской газете" и атрибутированных Кудрявцевым Лескову, в этой рукописи содержится много полезных сведений о Лескове биографического и библиографического характера.

В биографии Лескова, написанной его сыном Андреем Николаевичем, приводится немало ссылок на лесковские сочинения, не упомянутые ни в каких других напечатанных работах[9].

За последние годы также выявлено немало анонимных статей писателя. Так, И.В.Столярова обнаружила в "Русском мире" за 1871—1874 гг. не меньше девяти, а в "Биржевых ведомостях" за 1869—1871 гг. не меньше 80 статей Лескова[10]. Впрочем, по-видимому, она тогда не знала, что 46 из указанных ею статей "Биржевых ведомостей" уже выявлены С.П.Шестериковым в вышеупомянутой рукописи "Труды и дни Н.С.Лескова" Однако статья И.В.Столяровой ценна тщательностью аргументации, тогда как рано погибший Шестериков не успел обосновать свои атрибуции[11].

И.П.Видуэцкая в статье "Лесков о Герцене"[12] привела убедительные доказательства лесковского авторства пяти передовых статей в "Северной пчеле" за 1862 г., но, по-видимому, ей не было известно, что С.П.Шестериков еще в 1930-х годах атрибутировал Лескову четыре из указанных ею статей, равно как и больше 70 других бесподписных передовых статей, напечатанных в "Северной пчеле" за 1862—1863 гг.

Важный вклад в науку о Лескове (как и в изучение биографии Т.Г.Шевченко) сделан в 1963 г. П.С.Рейфманом, доказавшим, что интересную статью "Нечто в роде комментарий к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г.Шевченке", появившуюся в "Русском Инвалиде" в 1861 (№ 268, 2 дек.), написал Лесков (Труды по русской и славянской филологии. Т. VI. Уч. записки Тартуского гос. университета. Вып. 139. 1963. С. 351—355).

Самую обстоятельную библиографию трудов Лескова составила швейцарский исследователь Инэс Мюллер де Морог (Inès Muller de Morogues): "L'œuvre journalistique et littéraire de N.S.Leskov. Bibliographie" Berne, Frankfurt am Main, New York: Peter Lang, 1984, 168 c.). В этой работе приводится 738 заглавий. Учитываются все находки И.В.Столяровой в "Биржевых ведо-

Лесковъ
1я проба пера.
Съ этого начата литер. работа
(1860 г.)

ОЧЕРКИ ВИНОКУРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕНОСТИ.

(ПЕНЗЕНСКАЯ ГУБЕРНІЯ).

Урожай у насъ — божья милость, неурожай — такъ, видно Богу угодно. Цѣны на хлѣбъ высоки — стало-быть, такія купцы даютъ; цѣны низки—тоже купцы даютъ.
Н. Щедринъ

Винокуреніе, важное само-по-себѣ, какъ отрасль промышлености, въ Россіи имѣетъ еще большую важность, если смотрѣть на него съ точки зрѣнія нашихъ земледѣльческихъ интересовъ. Тенгоборскій.

Съ нѣкотораго времени мы начинаемъ сознавать, что въ дѣлѣ народнаго благосостоянія мы шли по пути заблужденія, на которомъ прежнее самодовольство заставляло насъ встрѣчать громкимъ противорѣчіемъ всякую новую мысль, всякій новый пріемъ къ измѣненію или развитію какого-либо экономическаго начала. Мы стали чувствовать дыханіе новой атмосферы: освѣжающій воздухъ пробуждаетъ насъ отъ долгой томительной дремоты; и теперь только, раскрывъ глаза, мы замѣчаемъ, какъ тѣсны, какъ жалки рамки нашего экономическаго быта. Теперь только мы видимъ во всей наготѣ свое прежнее упрямство и сопротивленіе всякому движенію, посягавшему на отживающія формы нашего народнаго хозяйства. Замолкли убаюкивавшіе насъ панегирики, и дѣйствительность, возвышая свой голосъ, обнажаетъ жалкое состояніе нашей торговли, промышлености и сельскаго хозяйства. Съ скорбнымъ чувствомъ мы лишаемъ себя въ правдивомъ сознаніи громкихъ титлъ Креза и обладателя неисчерпаемаго источника, питающаго Европу. Мы пришли къ сознанію своей слабости, и это сознаніе составляетъ наше благо: оно залогъ нашего лучшаго будущаго. Мы становимся уже на тотъ путь, по которому опередившіе насъ народы смѣло идутъ къ своей цѣ-

ОЧЕРКИ ВИНОКУРЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Оттиски из журнала “Отечественные записки”

1861

С автографом Лескова: “*Лесков.* 1-я проба пера. С этого начата литер<атурная> работа (1860 г.)”

мостях” и “Вечерней газете”, но, по-видимому, Инэс Мюллер осталась неизвестной статья Столяровой «Н.С.Лесков в “Русском мире” (1871—1875)». Не отражены в ее книге и неопубликованные работы С.П.Шестерикова “Труды и дни Н.С.Лескова” и П.П.Кудрявцева “Из моих лесковиан” Хочется надеяться, что Инэс Мюллер в ближайшем будущем составит второе, дополненное издание своей прекрасной библиографии, использовав в ней как вышеупомянутые работы, так и новые материалы, публикуемые в настоящем томе.

Итак, со времени выхода в свет переработанной библиографии П.В.Быкова (1890) Лескову атрибутировано свыше 400 новых произведений, так что общее число заглавий в библиографии писателя теперь превышает тысячу. Едва ли можно сомневаться, что немало анонимных и псевдонимных, а также подписанных статей Лескова все еще остаются необнаруженными.

Так, несколько лет назад в Российской государственной библиотеке мне пришлось прочитать в “Церковно-общественном вестнике” (1876. 24 ноября. С.3) статью “Два слова о редстокистах”, по-видимому, остававшуюся не-

замеченной до тех пор библиографами Лескова, несмотря на то, что она подписана "Н.Лесков"[13]. Другим примером является статья "В защиту суда присяжных", опубликованная в "Газете А.Гатцука" (1882. 26 февр.). Это перепечатка статьи "Оправдание виноватого", впервые опубликованной в "Новом времени" (1883. 19 февр.). Хотя в "Газете А.Гатцука" этой статье предпослано заявление: «В "Нов<ом> времени" помещен следующий рассказ нашего талантливого писателя Н.С.Лескова», но эта перепечатка, кажется, ускользала до сих пор от внимания всех библиографов.

К статьям "Указателя экономического", приведенным в лесковской библиографии П.В.Быкова, Андрей Николаевич Лесков добавил несколько коротких заметок, закончив список весьма неопределенным "и т. д."[14]. Это "и т. д." вызывает необходимость дальнейшего исследования, особенно ввиду того, что Лесков, очевидно, являлся киевским корреспондентом "Указателя экономического" с № 181 от 18 июня 1860 г.[15]

В № 194 "Указателя экономического" от 18/29 сентября 1860 г. Андрей Николаевич обратил внимание на бесподписную заметочку в отделе "Слухи и вести", явно написанную Лесковым. В ней говорится о курсе публичных лекций "О явлениях животной жизни", прочитанном в Киеве проф. А.П.Вальтером. Однако А.Н.Лесков не упомянул о двух следующих заметках того же отдела, которые, очевидно, также написаны Лесковым. В одной из них сообщается: "Говорят, что дело о постройке в Киеве общественной бани над александровским спуском (с левой стороны), проектированное г. Б...м, совершенно расстроилось <...> Непонятна такая непредприимчивость в городе, где постоянно слышатся жалобы на недостаток дел, приносящих верные выгоды производителям" За месяц до того, в отделе "Слухи и вести" (13/25 авг. С. 566) появилась за подписью "Н.Л." заметка о необходимости строительства новых бань в Киеве, притом указывалось на то, что во всем городе имеются, в сущности, только две бани, принадлежащие Бугаевой и Бубнову. В этой связи стоит отметить, что пять лет спустя, в 1865 г., жена Михаила Николаевича Бубнова, Екатерина Степановна, рожденная Савицкая, уехала в Петербург вместе с Лесковым, увезя с собой старшего своего сына, семилетнего мальчика Николая и оставив остальных троих детей, Михаила, Бориса и Веру, в Киеве у их отца.

Другая не упомянутая Андреем Николаевичем заметка в № 194 "Указателя экономического", которая тоже могла принадлежать Лескову, касается закрытия кабинета чтения Тешнера в Киеве *"по неимению читателей"*. Вот как разъяснил автор этот замысловатый оборот: "...г. Тешнер получал книги и газеты в компании с другим лицом, которое имело право пользоваться новостями литературы до сдачи их в кабинет и пользовалось этим правом весьма снисходительно, так, что посетители кабинета Тешнера читали новости тогда, когда для прочей публики они составляли уже забытый интерес"

В отделе "Слухи и вести" № 197 "Указателя экономического" (1860. 8/20 окт.) есть еще одна пропущенная А.Н.Лесковым заметка, которая скорее всего принадлежит его отцу. Она касается статьи, опубликованной писателем в журнале А.П.Вальтера "Современная медицина" (1860. № 29). В ней автор обращал внимание "на отвратительное состояние отхожих мест при новом здании присутственных мест г. Киева, стоящих, по словам той же газеты, правительству больших денег и отстроенных в очень недавнее время" «Нам пишут,— говорится в "Указателе экономическом",— что места, обратившие на себя внимание "Современной медицины", и теперь находятся в том же отвратительном состоянии, в каком описала их эта газета в №, вышедшем 28-го июля».

Еще три заметки, очевидно, написанные Лесковым, но не упомянутые Андреем Николаевичем, были помещены в № 204 "Указателя экономического" от 26 ноября/3 декабря 1860 г. Одна из них сообщает о распоряжениях киевского книгопродавца В.Г.Барщевского, предоставлявшего возможность посетителям его кабинета из числа бедноты брать для чтения книги на дом без залога. Это известие уже было предметом сообщения Лескова в № 193 (10/22 сент.). В том же № 204 появляются и заметки об устройстве в Киеве общества бесплатного приготовления для поступления в университет и об активном участии духовенства Подольской епархии в распространении школ грамотности.

В своей библиографической статье 1925 г. Шестериков оговорил, что не имел возможности насквозь просмотреть "Петербургскую газету" и разыскать там заметки, ускользнувшие от внимания Быкова. Кроме 150 с лишним статей "Петербургской газеты", зарегистрированных Быковым, и 10 статей того же издания, атрибутированных Лескову П.П.Кудрявцевым[16], упомяну еще две анонимные заметки, которые, мне кажется, могли быть написаны Лесковым. Быков и А.Н.Лесков приводят всего 10 напечатанных Лесковым в "Петербургской газете" за 1884—1887 гг. заметок, которые касаются жестокого убийства еврейской девочки Сарры Беккер. Однако как Быков, так и Андрей Николаевич упустили статью "Все о Сарре Беккер", появившуюся в "Петербургской газете" 11 января 1886 (№ 10). В ней сообщается о касавшемся этого убийства докладе, прочитанном на собрании Общества русских врачей в Петербурге доктором И.М.Сорокиным, профессором судебной медицины и токсикологии в Военно-медицинской академии. Атрибуция этой заметки Лескову основана на том, что писатель проявлял исключительный интерес к этому делу, посвятив ему еще 10 заметок в "Петербургской газете" Кроме того, Лесков был близко знаком со знаменитым врачом С.П.Боткиным, который председательствовал на лекции Сорокина и, видимо, мог допустить Лескова на собрание врачей.

Авторство второй статьи установить труднее, хотя имеется веское основание считать ее лесковской. В статье "Плохие шутки", напечатанной в "Петербургской газете" 4 января 1891 г., с явной иронией сообщается о "чуде", слухи о котором ходили по Петербургу в декабре 1890 г. и нашли отражение в разных изданиях, в том числе в газетах "Гражданин", "Петербургский листок", "Новости и Биржевая газета" и "День"[17].

В основе рассказов об этом "чуде" — получивший распространение во многих странах фольклорный мотив, который просуществовал в разных формах вплоть до наших дней. О нем, как мне помнится, я слышал лет сорок тому назад на юге Соединенных Штатов Америки. В "Петербургской газете" о чудесном случае рассказывалось так: незнакомая дама приезжает к священнику Сергиевского прихода и просит его немедленно съездить причастить умирающего сына. Священник садится вместе с дамой в ее экипаж. Но когда они приезжают к ее дому и поднимаются по лестнице, дама вдруг исчезает. Озадаченный священник все-таки звонит у двери. Отворившему ее вполне здоровому молодому человеку священник объясняет, зачем он приехал. Удивленный хозяин отвечает, что тут явно какая-то ошибка, так как он живет один. Все же он приглашает священника войти, и тот замечает на стене портрет той самой дамы, которая только что привезла его сюда. Узнав об этом, встревоженный молодой человек восклицает, что это его матушка, умершая уже лет 20 тому назад. Он настойчиво просит священника исповедать и причастить его. На следующий день молодой человек внезапно умирает от сердечного удара.

Автор заметки в "Петербургской газете" сообщает, что он лично исследовал "чудо" в Сергиевском соборе и узнал от самого протоиерея, что во всем рассказанном нет ни тени истины.

Не говоря уже о мистической теме и ироническом стиле этой заметки, характерных для Лескова, другим аргументом в пользу его авторства является полемика с "Гражданином", с которым уже давно полемизировал Лесков. Кроме того, центральную роль в рассказе о "чуде" играл Сергиевский собор, который находился совсем недалеко от квартиры писателя на Фурштадтской улице и был хорошо известен ему. Однако, хотя авторство Лескова мне кажется здесь весьма правдоподобным, без дальнейшего документального подтверждения едва ли следует окончательно приписывать ему эту заметку.

Очень возможно, что еще немало произведений Лескова выявится при тщательном изучении таких периодических изданий, как "Петербургская газета", "Церковно-общественный вестник", "Русский рабочий" (который Лесков редактировал летом 1879 г.), "Православное обозрение" и "Игрушечка".

Теперь обратимся к одному источнику, хранящемуся в Пушкинском доме, который позволяет нам окончательно доказать лесковское авторство целого ряда статей и заметок, появившихся в одной из московских газет в начале 1860-х гг.

Переехав из Киева в Петербург в январе 1861 г.[18], Лесков продолжал уже начатое в предыдущем году сотрудничество в "Указателе экономическом", а кроме того стал сотрудником "Отечественных записок" и петербургским корреспондентом недавно основанной газеты умеренно либерального направления "Русская речь", которую издавала в Москве графиня Елизавета Васильевна Салиас. После нескольких месяцев, проведенных в Петербурге, Лесков переехал в Москву.

Новый этап его жизни в "Хронологической канве жизни и деятельности Н.С.Лескова", составленной К.П.Богаевской, определяется так: "Июнь... Июль (?). Переезд в Москву" и "Декабрь. Переезд Л. в Петербург" (XI, 804). За этими словами скрывается один из самых загадочных периодов биографии Лескова. Немаловажным источником сведений об этом периоде, очевидно, известном Андрею Николаевичу и упомянутом им в "Жизни Николая Лескова", являются письма А.С.Суворина к М.Ф.Де-Пуле, которые хранятся в Пушкинском Доме в Петербурге[19]. В этих письмах молодой Суворин, недавно переехавший в Москву из Воронежа, описывает своему воронежскому приятелю жизнь литераторов, которых графиня Салиас привлекла в редакцию газеты "Русская речь"

В первом письме, датированном 6 июля 1861 г., Суворин сообщает, в частности, что в этой газете Лесков "будет вести внутреннее обозрение"[20]. На основании этого письма можно внести маленькую поправку в "Хронологическую канву": бесспорно, что Лесков приехал в Москву еще до конца июня. Примечательно, что с № 56 "Русской речи" от 13 июля мы можем обнаружить во "Внутреннем обозрении" некоторые признаки лесковской тематики. Это, например, заимствованная из "Указателя экономического" заметка о всегда озадачивавшем Лескова запрещении курить на улицах русских городов.

В том же письме Суворин упоминает о статье Лескова "О замечательном, но неблаготворном направлении некоторых современных писателей", которая должна была появиться в № 57 "Русской речи" Однако через неделю Суворин сообщает, что № 57 "задержан цензором" из-за статьи Лескова, якобы позволившего себе "площадные ругательства", хотя "там и тени руга-

тельства не было" Е.М.Феоктистов[21], вместе с которым Салиас издавала газету, по этому случаю "написал дерзкое письмо к цензору" Далее Суворин рассказывает: «Из внутреннего обозрения, которое писал также Лесков, половина уничтожена, и Петров, цензор "Рус<ской> р<ечи>", увидав вчера Феоктистова, воскликнул: "Что у Вас за сотрудники — это ужас,— критикуют распоряжения правительства!"»[22].

Вспоминая спустя девять лет в "С.-Петербургских ведомостях" о времени работы в "Русской речи", Суворин отмечал: "...г. Лесков пылал либерализмом и посвящал меня в тайны петербургской журналистики", я "слушал г. Лескова как оракула"[23].

К концу лета, по все еще не совсем выясненным причинам, отношения Лескова с кругом графини Салиас испортились. 21 сентября Суворин пишет Де-Пуле: "Лесков, кажется, оставляет нас", а 27 октября сообщает, что графиня "приглашает для внутреннего обозрения <С.С.> Громеку", очевидно, взамен оставляющего редакцию "Русской речи" Лескова. Вскоре Суворин делится в письме: "...почти с октября вся редакторская часть лежала на мне". Что до Лескова, то Суворин говорит: "Теперь пишу и внутр<еннее> обозрение (с 96 № и в 97 № будет мое). Лесков уехал — оказался негодяем страшным, и мы его выжили"[24].

Причина такого крутого поворота взглядов Суворина на недавнего "оракула" остается все еще не совсем ясной, но, по-видимому, относится к какому-то скандалу семейного характера, связанному с неожиданным появлением в доме графини Салиас жены Лескова, с которой писатель тогда фактически уже расстался.

Итак, письма Суворина к Де-Пуле точно определяют время сотрудничества Лескова в отделе "Внутреннего обозрения" газеты "Русская речь" Крайние даты этого сотрудничества представляют собой 13 июля (№ 56) и 30 ноября (№ 96) 1861 г.; возможно, статьи этого отдела лишь частично написаны Лесковым.

Между двумя крайними датами в свет вышло 19 номеров "Русской речи", где "Внутреннее обозрение" составлялось, бесспорно, при участии Лескова:

№ 58. 20 июля. С. 88—91;
№ 60. 27 июля. С. 122—126;
№ 62. 3 августа. С. 155—159;
№ 64. 10 августа. С. 184—189;
№ 66. 17 августа. С. 216—219;
№ 68. 24 августа. С. 248—251;
№ 70. 31 августа. С. 278—280;
№ 72. 7 сентября. С. 308—312;
№ 74. 14 сентября. С. 340—346;
№ 76. 21 сентября. С. 374—377;
№ 78. 28 сентября. С. 404—410;
№ 80. 5 октября. С. 439—440;
№ 82. 12 октября. С. 467—473;
№ 84. 19 октября. С. 502—505;
№ 86. 26 октября. С. 534—540;
№ 88. 2 ноября. С. 564—568;
№ 90. 9 ноября. С. 595—601;
№ 92. 16 ноября. С. 634—637;
№ 94. 23 ноября. С. 662—665, 668—669.

Сотрудничество Лескова в "Русской речи" явно не ограничивалось отделом "Внутреннее обозрение" Так, в № 58 от 20 июля, на с. 95—96 напечата-

на заметка о жизни в русских владениях в Америке, подписанная "Ред." Она основана на статье доктора З.Говорливого в майской книжке "Журнала Министерства внутренних дел" за 1861 г., которая может принадлежать перу Лескова. В пользу этого предположения говорят характерные для Лескова 1860-х годов упоминания о журнале "Современная медицина", а также о ничтожном жаловании русских врачей.

В № 66 от 17 августа (с. 213—214) есть бесподписная библиографическая заметка, которая также носит признаки авторства Лескова. Первая из рецензируемых здесь книг — "Будущность земледельческих государств. Извлечение из писем Либиха", в которой говорится о "земледельческом грабеже", происходящем от недостаточного удобрения почвы,— тематически связана с заметкой, появившейся к концу 1860 г. в "Указателе экономическом" В ней говорится, в частности: "Преемники Викеса, вводящие в Россию способ химического удобрения, намереваются распространить свой способ и в западных губерниях, и с тою целью назначили представителем своего дела в Киевской, Волынской и Подольской губерниях Н.С.Лескова"[25]. Другая рецензируемая книга — "Избранные места из св. Евангелистов. Духовно-нравственное чтение для народа, составленное А.Невским" — еще теснее связана с тематикой первых публикаций Лескова. В отзыве об этой книге затрагивается как излюбленная Лесковым тема чтения для народа, так и вопрос о дороговизне нового издания Евангелия на русском языке, которому писатель посвятил свою первую напечатанную статью.

Возможно, что перу Лескова принадлежит и ряд других анонимных или псевдонимных статей "Русской речи" Например, трудно отделаться от впечатления, что опубликованная в № 72 от 7 сентября статья "Ремесленное заведение в Москве" за подписью "Михаил Цветков" написана Лесковым, хотя нет в пользу этой версии никаких твердых доказательств. Склоняют к такому предположению начальные слова: "Живя нынешним летом в Москве, мне удалось быть в Ремесленном Заведении Воспитательного Дома, благодаря моему знакомству с одним из господ надзирателей за воспитанниками этого заведения, П.Д.Д." Тема статьи — реальное образование — соответствует живому интересу Лескова к практическим вопросам — как поднимать экономический и культурный уровень страны. Кроме того, во внутреннем обозрении № 92 от 16 ноября Лесков касается той же темы и того же училища в заметке "Преобразование ремесленного учебного заведения в Москве" Однако все это едва ли позволяет нам окончательно атрибутировать эту статью Лескову.

Вернемся теперь к тем 19 номерам "Русской речи", в которых "Внутреннее обозрение" составлено Лесковым. Как они характеризуют мировоззрение молодого Лескова? Вообще говоря, эти заметки согласуются с его статьями из "Современной медицины", "Указателя экономического" и "Отечественных записок", печатавшимися одновременно с "Внутренним обозрением" на страницах "Русской речи" Крестьянский вопрос, народное образование и воскресные школы, медицина и народное здоровье, практические вопросы народного хозяйства, литература, религия, польский вопрос — такие темы постоянно затрагиваются как в подписанных статьях Лескова, так и в заметках "Внутреннего обозрения"

Для всех этих публикаций характерно то же отношение к общественным вопросам, что и в предыдущих статьях Лескова. Слышится здесь тот же голос демократически настроенного практика — голос человека, приветствующего освобождение крестьян и новую эпоху правительственных и общественных реформ, но, как и Герцен, отдающего себе отчет в том, что реформы могут успешно осуществиться лишь в том случае, если их будет поддержи-

вать и защищать бдительная, смелая и ответственная публицистика. "Внутреннее обозрение" Лескова было как бы домашним, подцензурным дополнением к той свободной общественной и политической критике, что появлялась на страницах лондонского "Колокола"[26]. Лесков, так же как и Герцен, стремится освещать все темные углы русской жизни беспощадным светом гласности. Он критикует как деспотическое поведение провинциальной администрации, так и апатию публики. Он разоблачает коррупцию и злоупотребления повсюду — в Главном обществе русских железных дорог (1861. № 76. С. 374—375), в Русском обществе пароходства и торговли (№ 88. С. 568), у членов добровольного черниговского общества, собиравшего деньги для женской гимназии (№ 96. С. 702), среди землевладельцев, не хотевших принять новые реформы (№ 74. С. 340—344; № 86. С. 540). Он нападает на проявления антисемитизма в Минске и Чернигове (№ 90. С. 601; № 94. С. 669), высмеивает лицемерную "сортировку людей при входе в церковь" по их общественному положению (№ 58. С. 90—91).

Считая "государственность", унаследованную от окостенелого николаевского режима, одной из главных причин отсталости русского общества, Лесков приветствует все проявления неправительственной экономической инициативы, как, например, учреждение первого в России частного кредитного общества (№ 82. С. 471; № 84. С. 504). Нельзя не отметить, что в хозяйственных вопросах Лесков был решительным сторонником всякого рода частной инициативы, хотя он также проявлял живой интерес к кооперативным предприятиям и учреждениям, устроенным Робертом Оуэном в Англии и Америке. По мнению Лескова, главными врагами здорового развития продуктивных сил России были невежество народа, бюрократическое рутинерство и своеволие.

Разоблачая деспотизм, злоупотребления и отсталость, где бы он их ни находил, Лесков знакомил читателя с лицами и событиями, заслуживавшими подражания. Так, он рассказывает об учреждении публичной библиотеки по инициативе государственных крестьян в Олонецкой губернии (№ 64. С. 187), о заслугах "Воронежских губернских ведомостей" и сибирской газеты "Амур", занимающихся "изображением местных безобразий" (№ 68. С. 248—249), об открытии библиотеки ремесленников в Варшаве (№ 88. С. 568), об учреждении офицерами артиллерийской батареи бесплатной школы для мальчиков (№ 86. С. 537).

В своих заметках о литературе Лесков приветствует создание нового педагогического журнала Л.Н.Толстого (№ 64. С. 188), скорбит о потере в лице Н.А.Добролюбова "одного из благороднейших и талантливейших представителей" русской литературы (№ 94. С. 669), троекратно пишет о недавно умершем украинском поэте Т.Г.Шевченко (№ 64. С. 188; № 74. С. 346; № 86. С. 540) и приводит сообщение о публичной лекции киевского профессора А.И.Селина "О Шекспире и об игре г. Ольриджа" в пользу нуждающихся киевских студентов, на которой присутствовал сам великий американский негритянский актер Айра Ольридж (№ 82. С. 473; № 86. С. 537).

В уже приведенном выше письме Суворина к Де-Пуле от 29 ноября сразу после сообщения о том, что "Лесков уехал", появляются загадочные слова: "Впрочем, до нового года, вероятно, от него не отделаешься" В действительности, мы имеем полное основание предполагать, что отношения Лескова с "Русской речью" окончательно порвались с появлением последнего "Внутреннего обозрения", содержавшего его заметки (№ 96 "Русской речи" от 30 ноября). Уже 2 декабря в № 268 петербургской газеты "Русский инвалид" печатается статья Лескова "Нечто в роде комментарий к сказаниям г. Аскоченского о Т.Г.Шевченке" 4 декабря Лесков присутствовал в Петер-

бурге на собрании политико-экономического комитета Императорского русского географического общества[27]. К тому же периоду, по-видимому, относится работа и над другой статьей для "Русского инвалида" — "О литераторах белой кости", хотя она была опубликована лишь 20 января 1862 г., в № 15.

Этой страстной полемической статьей, направленной против М.Н.Каткова за нападки "Русского вестника" на петербургскую периодическую печать, Лесков как бы отряс московский прах от ног своих. Теперь в его писательской карьере начинается новый этап. С 1 января 1862 г. он поступает в редакцию недавно преобразованной газеты "Северная пчела" Как указано в неопубликованной рукописи С.П.Шестерикова "Труды и дни Н.С.Лескова", передовые статьи нового сотрудника появляются в верхних столбцах "Северной пчелы" с начала 1862 г. и печатаются вплоть до конца августа — кануна отъезда Лескова за границу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Быков* П.В. Силуэты далекого прошлого. М.–Л., 1930. С. 163.

2 В.П<ротопопов>. Первые шаги: У Н.С.Лескова // *ПГ.* 1894. 27 ноября.

3 Письмо от 4 января 1891 г. // *Толстой. Переписка.* С. 227.

4 См.: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 366—367.

5 *Быков.* С. I—XXV.

6 *Чижиков* Л. Н.С.Лесков (М.Стебницкий) (К библиографии его сочинений) // Известия Одесского библиографического общества. Т. 1. Одесса, 1915. С. 12—16. Эта библиография подвергалась осуждению ряда исследователей, в том числе Л.П.Гроссмана в его кн. "Н.С.Лесков. Жизнь — Творчество — Поэтика" (М., 1945. С. 317), С. П.Шестерикова (см.: Изв. Отд. рус. яз. и словесности. Т. XXX, 1926, С. 268—310), С.А.Рейсера (Die Leskov-Forschuhg in den letzten Jahren. "Zeitschrift für slavische Philologie", Т. VI, № 3/4. 1930. С. 496—513).

7 *Шестериков* С.П. К библиографии сочинений Н.С.Лескова // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. Т. XXX. 1926. С. 268—310.

8 *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 825.

9 *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 89—90; 115—116; 129—133; 141—142; 159; 171; 193; 247; Т. 2. С. 60; 185—186; 229; 310; 330; 339—340; 457—458; 475—476.

10 *Столярова И.В.* Н.С.Лесков в "Русском мире" (1871—1875) // Ученые записки Омского гос. пед. инст. им. А.М.Горького. Вып. 17. 1962. С. 97—122; Н.С.Лесков в "Биржевых ведомостях" и "Вечерней газете" (1869—1871 гг.) // Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 295. Серия филологических наук. Вып. 58. 1960. С. 87—119.

11 И.В.Столярова правильно отмечает, что в "Указателе основной литературы о Лескове" Б.Я.Бухштаба (Л., 1948), в отличие от предыдущих справочников, Лескову атрибутирован давно известный цикл анонимных статей "Герои отечественной войны по гр. Л.Н.Толстому", напечатанный в "Биржевых ведомостях" за 1869 г. Однако следует указать на то, что уже в 1931 г. Б.М.Эйхенбаум приписывал эту находку А.Н.Лескову (см.: *Лесков Н.С.* Избранные сочинения. Редакция текста и комментарий Б.Эйхенбаума. М.–Л., 1931. С. 746).

12 См. сб. "Проблемы изучения Герцена" М., 1963. С. 300—320.

13 Статья в настоящее время опубликована: "Христианство на Руси еще не проповедано... . Затерянные статьи Николая Лескова / Публикация О.Е.Майоровой // Лит. газета. 1993. 21 июля. С. 5.

14 *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 191.

15 См. об этом в наст. томе воспоминания и письма Н.М.Бубнова (публикуются ниже, в разделе "Материалы к биографии"). См. также: *Бахарева Н.Д.* Николай Семенович Лесков (мемуары внучки Н.С.Лескова, писательницы Натальи Дмитриевны Бахаревой; неопубликованная рукопись, написанная в Буэнос-Айресе в 1953 г. и хранящаяся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры им. Бахметьева при Колумбийском университете в Нью-Йорке).

16 См. также в наст. томе статью Т.А.Алексеевой «Лесков в "Петербургской газете" (1879—1895)».

17 *Тар-ов.* Мысли и факты // Гражданин. 1890. 16 дек.; Таинственный факт // Петербургский листок. 1890. 17 дек.; *Скаврр...* <Сергей Александрович Сафонов>. В поисках за чудом // Новости и Биржевая газета, 1-е издание, 1890. 22 дек.; Хроника // День. 1890. 24 дек. См. об этом: *William B. Edgerton.* A Ghostly Urban Legend in Petersburg: Was N. S. Leskov Involved? — В сб.: "The Supernatural in Russian and Baltic Literature" Columbus, Ohio, Slavica Publishers, 1989. P. 145—150.

[18] Об отъезде Лескова из Киева см. далее, в разделе "Материалы к биографии" публикацию Л.И.Левандовского "О жизни Лескова в Киеве в 1860—1861 годах. По документам Центрального государственного исторического архива Украины".

[19] Письма А.С.Суворина к М.Ф.Де-Пуле опубликованы М.Л.Семановой в "Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год". Л., 1981. С. 113—187.

[20] Для будущих дополнений к ценному Словарю Масанова цитируем и следующие слова Суворина из письма к Де-Пуле от 6 июля 1861 г. Говоря о № 54 "Русской речи", появившемся того же 6 июля, Суворин заявляет: «Нечто о лавочках журнала "Современника" — моя статья, я подписал ее псевдонимом». Псевдоним этот — "Ал. Сухарев", явно отражающий влияние гр. Салиас, которая в "Русской речи" пользовалась псевдонимом "В.Сухарев"

[21] Евгений Михайлович *Феоктистов* (1828—1898) — редактор "Русской речи", впоследствии начальник Главного управления по делам печати, высмеян Лесковым в романе "Некуда" под фамилией "Сахаров"

[22] Письмо от 13 июля 1861 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1879 год. С. 133.

[23] Недельные очерки и картинки // *СПбвед.* 1870. 11 янв. Перепеч. в кн.: *Суворин А.С.* (Незнакомец). Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок. Т. 1. СПб., 1875.

[24] Письмо от 29 ноября 1861 г. // Ежегодник Рукописного отдела... С. 160.

[25] Указатель экономический. 1860. 10/22 дек. С. 874.

[26] Интересно, что в статье «Русские люди, стоящие "не у дел"», напечатанной в № 52 "Русской речи", Лесков дословно цитировал высказывания Герцена в статье "Роберт Оуен", опубликованной в 6-м выпуске "Полярной звезды", который вышел в свет около 15 марта 1861 г. (Разумеется, Лесков не ссылался на источник). См.: Русская речь. 1861. 28 июня. С. 787 и *Герцен.* Т. 11. С. 242.

[27] Передовая статья "Северной пчелы". 1862. 13 янв.

ЛЕСКОВ — СОТРУДНИК АРТЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА “ВЕК”

Статья В.А.Громова

1

В картотеке сына и биографа Лескова сохранилась важная запись: «”Век” Любопытный перечень сотрудников»[1]. Один из сотрудников “Века” — К.К.Арсеньев — 27 января 1862 г. отметил в своем дневнике, что редакцию этого нового еженедельного журнала в духе “Современника” составляла созданная на артельных началах по инициативе Г.З.Елисеева литературная ассоциация[2]. Вероятно, от самого Елисеева исходила информация, появившаяся в февральской книжке “Современника” (вышла в свет 16 марта): «Газета “Век” совершенно преобразовалась. Сама она объясняет эту перемену пока в следующих словах:

«С 5—6 № “Века” переменены шрифт, формат и бумага,— и вообще все издание этого журнала основано на новых началах, о чем в непродолжительном времени будет объявлено особо.

В преобразованном вновь “Веке” принимают постоянное участие следующие лица:

Аристов Н.Я., Арсеньев К.К., Афанасьев (Чужбинский) А.С., Бибиков П.А., Боклевский П.М., Головачев А.Ф., Горбунов И.Ф., Думшин Г.Д., Европеус А.И., Елисеев (Грыцько) Г.З., Курочкин В.С., Курочкин Н.С., Лесков Н.С., Максимов С.В., Микешин М.О., Муллов П.А., Ничипоренко А.И., Помяловский Н.Г., Потехин А.А., Потехин Н.А., Тиханович В.Г., Серно-Соловьевич Н.А., Степанов Н.А., Стопановский М.М., Унковский А.М., Успенский Н.В., Шелгунов Н.В., Щапов А.П., Энгельгардт А.Н.

Мы имеем полное убеждение в том, что писатели, сделавшиеся постоянными сотрудниками нового “Века”, одушевлены самою живою заботою о газете, преобразованной при их содействии.

Два первые нумера нового “Века” дают нам право ожидать, что он будет полезнейшим из наших дешевых изданий»[3].

Перечень сотрудников артельного “Века” в самом деле весьма любопытен, особенно потому, что очень непривычно видеть рядом с Елисеевым, братьями Курочкиными, Серно-Соловьевичем, Шелгуновым и другими радикалами фамилию их будущего антагониста, тем более — под программой издания, на которое позднее было заведено «Дело особенной канцелярии министра народного просвещения. По отношению министра внутренних дел о некоторых статьях, замеченных коллежским секретарем Богушевичем в журнале “Век” и газете “Русский инвалид”». 30 апреля 1862 г. министр внутренних дел направил замечания Ю.М.Богушевича, чиновника особых поручений по делам книгопечатания, министру народного просвещения и просил его обратить внимание на тенденцию преобразованного “Века”: если в этом

журнале "встречается и немного таких выражений и отдельных мыслей, которые бы на основании существующих цензурных правил подлежали безусловному запрещению, то, с другой стороны, его общее отрицательное направление и совокупность помещенных статей <...> требуют особенной внимательности цензуры" В записке самого Ю.М.Богушевича говорилось, что сверх рассмотренных им статей Серно-Соловьевича и еще некоторых авторов, «многие другие, хотя отдельно взятые, не представляют ничего особенно резкого, но в общем составе журнала и они служат к проведению и развитию некоторых неодобрительных идей, выше указанных. "Век" обставлен значительным кружком сотрудников, отчасти отделившихся от "Современника", которого отрицательное (демократическое) и возбуждающее направление перенесено ими и в новый орган, с тою притом разницею, что в последнем направление это осязательнее опирается на реальную основу — на наш простой народ, чрез это и получает более устойчивости и влиятельной силы. Потому "Век" должен быть рекомендован особенно строгому вниманию гг. цензоров»[4].

Артельный журнал "Век" стремился осуществить программное требование "Современника" или, как напишет позднее Лесков, "людей той фракции, которая по преимуществу присвоила себе наименование *народной партии*", а равно и якобы "исключительное право на изъяснение народного мировоззрения"[5]. А.Ф.Писемский сообщал Тургеневу 20 февраля (4 марта) 1862 г.: «Партия "Современника" в полном торжестве — чтобы большими устами изрыгать ругательства, она вошла теперь в стачку с *вшивой "Искрой"*, и этого мало: отрыгнула от себя еще несколько юных отпрысков, которые купили лопнувший "Век" Вейнберга,— и все это громогласно и во всеуслышание грозит уничтожать авторитеты <...>»[6]. Эту партию Лесков позднее называл нигилистической, противопоставляя "Современнику" и "Искре" издания умеренные по направлению[7], в которых сам преимущественно печатался.

Участие в артельном журнале "Век" представляет собою, таким образом, исключительный факт в литературной деятельности Лескова начала 1860-х годов. Поэтому недостаточно просто упоминать этот журнал среди прочих печатных органов, в которых сотрудничал писатель, как принято это делать в работах о Лескове. Тем более нет оснований утверждать, что, работая в еженедельнике, Лесков вступил в контакты с его бывшими издателями: А.В.Дружининым и П.И.Вейнбергом[8]. Известно лишь недатированное письмо последнего к Лескову, относящееся, очевидно, к другому времени[9].

Имени Лескова нет среди сотрудников старого "Века", не обнаружено там и его статей. Однако наличие того и другого не изменило бы сложившихся представлений о Лескове 1860-х годов, поскольку программа этого издания, составленная П.И.Вейнбергом, К.Д.Кавелиным, В.П.Безобразовым и А.В.Дружининым, преследовала цель лишь предоставить широкой аудитории доступное по цене чтение, которое объясняло бы "все в беспристрастном и спокойном духе, приняв за основание и исходную точку всяких рассуждений одни лишь общие, непреложные требования образованности, выработанные веками и одинаковые у всех христианских народов"[10]. Эта либерально-просветительская программа была близка умеренным устремлениям большинства газет и журналов, в которых начал свою публицистическую деятельность Лесков.

Позднее, в статье "Специалисты по женской части", писатель вспоминал: «Служение женскому вопросу началось воздвижением всеобщей ругани против "Века" за его "безобразный поступок" в отношении Е.Э. Толмачевой, выступившей с публичным чтением "Египетских ночей" Пушкина». Эта ругань, по словам Лескова, "навела трепет на весь класс, перед которым

братья Курочкины секли г. Вейнберга, и страшно повредила новому журналу. Чести и правоты Вейнберга в этом деле не поддержал никто", в том числе и сам Лесков, который отнюдь не считал тогда женский вопрос надуманным, пустым и бестолковым, созданным к тому же будто бы одним человеком — М.Л.Михайловым, открывшим его лишь "в своей голове" Полемизировать с этим и другими "специалистами по женской части" стало возможно, как утверждал Лесков, только после "Взбаламученного моря" и "Некуда", а до появления этих романов "не смел повернуться ни один язык" в защиту Вейнберга и в осуждение Михайлова[11]. Да и сам Лесков вскоре после появления статьи последнего, направленной против "безобразного поступка" редактора "Века", сочувственно ссылался на высказывания Михайлова в статье, имевшей отнюдь не ироническое название "Русские женщины и эмансипация"[12].

ГУДОК
Титульный лист. 1862. № 14

Именно такого рода совпадения и создавали предпосылки для вовлечения Лескова в новое издание, существенно отличавшееся от тех, в которых он продолжал тогда печататься. Сотрудничать в преобразованном журнале "Век" значило прежде всего находиться в силовом поле "Современника"

"Трудный рост" Лескова заключался в том, что сложное взаимодействие перешло в яростное и длительное противоборство, а затем — в новое сближение с теми, кого он под конец своих дней называл людьми "лучших умов и понятий" (XI, 477). Лесков с благодарностью позднее вспоминал о своем молодом времени, которое дало ему испытать счастливое "соприкосновение с превосходными людьми освободительной поры" (XI, 509). Первая из этих оценок непосредственно относилась к двум его бывшим сотоварищам по артельному "Веку" — Елисееву и Шелгунову, умершим в 1891 г.: "...теперь — на закате моей, немного оставшейся мне жизни,— говорил Лесков,— я радуюсь, что некоторые из них меня жалуют и не гнушаются мною. И сам я чувствую, что с ними у меня более общего, чем с консерваторами, с которыми я очень много съел соли, пока меня не стошнило от нее..."[13].

По справедливому замечанию одного из современников Лескова, он «в последние годы своей карьеры настолько явно примыкал своими симпатиями к этой самой, отрицавшей его, стороне и настолько безупречно выдерживал ее исповедное "направление", что стал желанным гостем прогрессивных изданий <...>»[14]. Тут гораздо точнее было бы сказать, имея в виду сотрудничество в артельном "Веке", "вновь стал", ибо, как отметил сам Лесков в

1891 г., он “блуждал и воротился” (XI, 509), или, по словам того же мемуариста, “остался тем, чем был всегда, именно, человеком добрых намерений, симпатичных общих взглядов, не особенно твердо и систематично обоснованных, но вполне искренних, и убежденным, что называется, прогрессистом”[15].

Свое “уединенное положение” в литературе Лесков объяснял тем, что он “не нигилист и не аутократ, не абсолютист” (XI, 425) и, подобно Л.Н.Толстому, вообще чужд всяких партий, узких направлений и отвлеченных доктрин. «Кто Л<ев> Н<иколаевич>? — полемически спрашивал он в письме к Суворину от 3 марта 1887 г.— А вот разберите: он желает свободы труда, свободы слова, свободы совести, не сочувствует теории наказания, не сочувствует церковным путам, находит, что “люди — дерьмо” разного достоинства, и на высших ступенях кольми паче... К кому же он ближе,— неужели к тем, которые противуполагаются “либералам”?» (XI, 332).

Это высказывание Лескова о Толстом предвосхищало известные суждения Горького о Лескове и представляло собою по существу весьма близкую к истине автохарактеристику.

2

Лесков “уже первыми своими работами завоевал себе известность. О его очерках много говорили в тогдашних передовых и либеральных кружках, в которых его радушно принимали”[16]. Начинающий публицист сразу “заявил себя идейным писателем: <...> исполняя разнообразные работы, он вращался в самых передовых и либеральных кругах, и никто не подозревал в нем будущего гонителя движения, приверженцем которого он в то время являлся”[17].

Эти свидетельства, содержащиеся в анонимных некрологах Лескова, подтверждаются и другими мемуаристами. Как вспоминал один из участников артельного “Века”, Лесков в то время вообще был близок к левым изданиям[18].

Не случайно его обличительные статьи в “Современной медицине” были восприняты ретроградами и печатно аттестованы братом В.И.Аскоченского, издателя “Домашней беседы”, как «пустозвонная трескотня одних слов и грубых поговорок, приличная только уродливой “Искре” и другим летучим листкам современной журналистики»[19].

К подобным изданиям Лесков питал в то время “полное уважение как к струне, звучащей в аккорде общественной прессы” Об этом он писал в “Последнем слове г. д-ру Аскоченскому” Само название статьи, не пропущенной цензурой в “Современной медицине”, подчеркивало стремление автора решительно отмежеваться от любых защитников застоя: «Мы, г. А.Аскоченский, как можете видеть, не боимся ни открытого суда, ни “уродливой “Искры”, которая так и не по вкусу вашей фамилии; мы <...> “Искру” не считаем “пустозвонным органом”»[20].

В некрологе Евгении Тур (Е.В.Салиас де Турнемир) бывший сотрудник “Русской речи” Суворин писал, что для неё было неприемлемо “какое-то беспредельно-радикальное, не останавливавшееся даже перед коммунизмом и всякими переворотами” направление “Современника”[21]. С другой стороны, ее издание противостояло реакционерам. В письмах к Суворину она просила рассказать, как был принят в Воронежской губернии манифест об освобождении крестьян: “И тут еще упомяните, что встречается не пьянствами, как говорили обскуранты, а молебствием. Да, великое дело совершает царь-человек, царь-освободитель <...> Дай Боже, чтобы все совершилось мирно к великой нашей радости” Е.Тур вполне разделяла стремление офи-

циальных властей добиваться того, "чтобы, по их выражению, не возбуждать сословие на сословие"[22].

Именно в этом печатном органе, о котором Лесков писал в 1888 г. Суворину, что "Сальяс и вообще наш тогдашний моск<овский> кружок были плохою школою для молодого, не бездарного и не глупого, но маловоспитанного и не приготовленного к литературе человека, каков был я, попавший в литературу случайно и нехотя" (XI, 401),— Лесков и начал полемику с теми изданиями, где, по его словам, "стало обнаруживаться какое-то странное, всеотрицающее направление с замечательным преобладанием памфлетного характера"[23].

Одновременно Лесков шел к сближению с будущим паевым журналом, пропагандируя общественную самодеятельность, артельный труд, разного рода ассоциации. Преодолеть нищету разночинцев можно было, по мнению Лескова, лишь приобщением к кооперативной ассоциации рочдельского общества[24], о вдохновителе которой он и через двадцать лет писал: Роберт Оуэн "имеет место в истории как превосходный гуманист и добросовестный применитель на практике чисто социалистических (не революционных) теорий в Нью-Ленарке <...> редко кто из нас — молодежи сороковых годов, не вдохновлялся до упоения" практическими делами и учением этого человека, "получая о нем контрабандные известия, преимущественно по изданиям А.И.Герцена <...>"[25].

Недаром в 1870 г. Суворин вспоминал: десятью годами ранее "г. Лесков пылал либерализмом и посвящал меня в тайны петербургской журналистики. Он предлагал мне даже изучать вместе с ним Фурье и Прудона по маленькой переводной политико-экономической книжечке Гильдебрандта, явившейся летом 1861 г. на русском языке, если не ошибаюсь, под редакцией В.П.Безобразова"[26].

Эта книжка, изданная в начале апреля 1861 г., содержала историческое обозрение политико-экономических систем от Адама Смита, Рикардо, Фурье, Прудона и других до Фридриха Энгельса и "разбора сочинения Энгельса о положении рабочего класса в Англии, взятого в основание его коммунистического учения" В книге отмечалось: "Самое большое приобретение современной цивилизации состоит именно в том, что она возбудила сочувствие образованных классов к судьбе миллионов людей, которые до сих пор служили в истории человечества бессознательным орудием привилегированных классов. Самое большое торжество цивилизации есть именно то, что наконец и эти миллионы людей почувствовали себя самостоятельными членами человеческого общества"[27].

Статьи Лескова начала 1860-х годов "О рабочем классе", "О найме рабочих людей", "О переселенных крестьянах", "Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России", "Торговая кабала", "Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе" и многие другие нередко уже в самих заглавиях выражали демократические устремления автора.

Общий пафос ранней публицистики Лескова был обусловлен отнюдь не только тем, что он прочитал "в русском переводе тоненькую книжку Бруно Гильдебрандта о социалистах", как писал еще в 1864 г. "Знакомый г. Стебницкого", т. е. тот же Суворин в статье «Пропущенные главы из романа "Некуда"»[28]. "Мне,— вспоминал позднее Лесков о своем долитературном времени и начале писательства,— не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту. Я изучил его на месте. Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе, потому что учился не в школе, а на барках у Шкотта"[29].

Когда начались все более нараставшие и обострявшиеся недоразумения при столкновении выученного с действительностью, молодой публицист безраздельно отдавал предпочтение чистым выводам из жизни, противопоставляя их любой теории, сколь бы увлекательной и заманчивой она ни казалась при первом знакомстве с нею: "...политическая теория резавшего головы Марата и социальное учение Прудона не свойственны русскому народу!"[30] — заявил он вскоре после прекращения артельного "Века", а через несколько лет пояснил: "Мы, конечно <...> держимся экономических начал и ни фурьеровскому, ни луиблановскому социализму служить не будем"[31].

Ни одна из концепций народного счастья пореформенного периода полностью не удовлетворяла Лескова до тех пор, пока не появилось объявления об издании журнала "Ясная Поляна", о котором писатель дал подробный отчет в одной из статей. Взгляд Лескова на коренную проблему русской жизни совпал с убеждениями Толстого: "По нашему мнению, граф Толстой очень удачно привел слова Песталоцци, думавшего, что "*для народа самое лучшее только как раз в пору*".— Это же самое нам доводилось слышать от многих истинных друзей народа и, между прочим, от покойного Т.Г.Шевченко. Что именно из напечатанных по-русски книг "самое лучшее" — перечислять довольно долго и едва ли нужно, ибо мы позволяем себе думать, что *теперь* для безграмотного и малограмотного русского народа, только обучающегося разуметь книжные писания, "самое лучшее" — то, что может вести людей к сознанию своих обязанностей в отношении к самому себе и к своему ближнему, освобождая их в то же время от вековых пут, наложенных невежеством и предрассудками"[32].

Главную задачу публицистики и всякого печатного слова он видел в том, чтобы "группировкою разносторонних мнений выработать возможно лучшее понятие о том, чем и как литература может служить народу, оставив ему полную свободу разумно действовать развязанными руками и петь какие угодно песни"[33]. Лесков считал, что крестьянская реформа дала возможность любому человеку, истинно желающему блага России, практически служить своему народу. "Уважая человеческую свободу во всех ее проявлениях, мы не имеем никакой мысли увлекать народ в ту или другую сторону,— писал Лесков.— Мы убеждены, что истинный либерализм должен способствовать всестороннему народному развитию тем путем, которым народ наиболее склонен идти. Такой путь всегда верен и пренебрегать им, по личным отношениям, стыдно; это значит под видом народных интересов гоняться за собственными симпатиями. Есть люди, уверенные, что русский народ по преимуществу материалист. Мы сожалеем о людях с таким убеждением, но не упрекаем их: они не виноваты в недостатке способности смотреть на вещи без предвзятых понятий. Нам напротив кажется, что русский народ любит жить в сфере чудесного, и живет в области идей, ищет разрешения духовных задач, поставленных его внутренним миром. Он постоянно стремится к богопознанию и уяснению себе истин господствующего вероучения. История земной жизни Христа и святых, чтимых церковью, составляет самое любимое чтение русского народа; все другие книги пока еще мало интересуют его. Народники (так Лесков называл в 1860 гг. революционных демократов.— *В.Г.*), знающие все, кроме своего незнания, могут проверить это в воскресных школах и в книжных лавках, где продаются книги духовного содержания. Отсюда мы приходим к заключению, что нужно содействовать народному развитию, давая ему возможность удовлетворять своим чистым наклонностям и помогать ему сделаться христианином, ибо он этого хочет и это ему полезно"[34].

По словам Лескова из письма к Л.Н.Толстому от 4 января 1893 г., он “с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры” (XI, 519), и это предопределило одну из центральных тем его творчества, которая отнюдь не способствовала лучшему взаимопониманию с революционными демократами.

Так постепенно проявлялись основные предпосылки не только для сближения с литературной ассоциацией, но и для неизбежного расхождения с ней. Сотрудник артельного “Века” в духе “Современника”, писатель становился в то же время одним из самых упорных антагонистов того и другого журнала, где он воочию увидел многих “собратий по занятиям и противников по направлениям”[35]. Лесков считал, что ни Герцену, ни Чернышевскому революции на Руси не произвесть: “В России мы не видим элементов для революции, это можно сказать утвердительно”[36].

Расхождение в главном политическом вопросе не могло не обострить разногласий и по другим проблемам, касавшимся толкования народной жизни, ее внутреннего смысла и коренных основ. Однако разгоревшаяся тогда острая полемика Лескова с революционными демократами в “Северной пчеле” не исключала еще временной консолидации с последователями “Современника” на страницах журнала “Век”

3

Вступлению Лескова в литературную ассоциацию предшествовало и способствовало его сближение с А.И.Ничипоренко, который вместе с Н.А.Серно-Соловьевичем сыграл важную роль в реорганизации журнала “Век” «В Петербурге,— вспоминал через несколько лет Лесков,— в самые первые дни моего литераторства, я был приючен почтенным профессором И.В.Вер<над>ским. Одновременно со мною жил у него репетитор его сына чиновник Ничи<поре>нко, человек очень молодой, суетный, легкий и “удобоносительный”. Все свои дни этот юноша посвящал разноске из дома в дом по Петербургу “Колокола”, за что и получил от близко знавших его людей кличку “*Андрея Удобоносительного*”. В тогдашние годы, разумеется, кому бывало ни принеси прочесть “Колокол”, все были рады, и у “Удобоносительного Андрея”, через эту разноску герценовской газеты, завелось такое огромное знакомство, что, подпав впоследствии суду Сената, Нич<ипор>енко имел возможность перепутать чуть не весь Петербург, не забыв ни министерских департаментов, ни самого Сената»[37].

Это свидетельство, сделанное в очерке “Искандер и ходящие о нем толки” (написанном в 1867 г. как дополнение к циклу “писем” “Русское общество в Париже”), Лесков повторил в “Загадочном человеке” Его особенно озадачили слова, якобы сказанные о нем Ничипоренко на следствии: “Я познакомился с литератором Лесковым, который своим образом мыслей имел вредное влияние на мои понятия” На самом деле такого заявления нет в показаниях, о которых Лесков знал понаслышке. “По этому поводу,— писал далее он,— я тщательно припоминал себе все мельчайшие подробности моих сношений с Ничипоренко, с которым мы в одно время жили вместе у профессора И.В.Вернадского, но ничего не мог припомнить, чем бы я его мог совратить с доброго пути? Разве тем, что мы с проф. Вернадским иногда позволяли себе слегка воздерживать его от увлечений революциею да *предсказывали* ему его печальную судьбу, которая с ним, на его несчастие, вся и исполнилась?” (III, 343). Вряд ли Лескова и Ничипоренко и тогда можно было назвать единомышленниками, но их приятельство носило вместе с тем отнюдь не формальный характер и закономерно привело к сотрудничеству в артельном издании.

Последующие суждения Лескова "об этом жалком и в то же время роковом человеке" (III, 294), при всей их тенденциозности, подтверждают то, о чем он писал в совершенно ином тоне, например, в статье "Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко" (1861): "Утром 27 февраля я с другим моим земляком и знакомым покойника, А.И.Н<ичипорен>ко, отправились в Академию. Дверь Шевченко была заперта и запечатана; мы догадались и пошли в академическую церковь" (X, 10). В "Письме из Петербурга" о заседании комитета грамотности 17 апреля 1861 г. Лесков сообщал: "...г. Дымчевич заметил, что, по его мнению, комитету не следует заниматься критикою учебных книг и методов обучения, предоставляя это выбору самого народа и преподавателей. Это мнение жарко поддерживали: Верещагин, Ничипоренко и Бражников; оппозицию им составляли В.Я.Фукс, П.И.Небольсин и И.В.Вернадский"[38]. Из этой информации видно, что уже тогда начали проявляться разногласия между Вернадским и Ничипоренко, с мнением которого в данном случае был, очевидно, вполне согласен и автор "Письма из Петербурга"

В откликах на "Загадочного человека" называлось даже вещественное доказательство бывшей приязни Лескова к Ничипоренко — их совместная фотография, на которой они были сняты "сидящими рядом и чуть ли не обнимающими друг друга. Известно, что вдвоем на карточках снимаются люди близкие друг к другу. Карточка, на которой Ничипоренко и г. Лесков изображены вкупе, была снята не для частного альбома: она продавалась не только в магазинах Петербурга, но и Москвы <...> Из этого обстоятельства мы можем сделать прямое заключение, что г. Лесков как бы публично признавал в те годы свою близость с Ничипоренко"[39].

На основании этого же факта в другой статье о "Загадочном человеке" делался вывод: «Таким образом, два друга, на изумление Петербурга, висели долго, вероятно до того момента, когда Ничипоренко был арестован и посажен в крепость. Естественно, что г. Лесков должен был переживать скверные минуты за дружбу свою с Ничипоренко и за годы "заблуждения" Да, у г. Лескова также были эти годы заблуждения, эти годы бесшабашного либерализма, горячей веры в лучшее социальное устройство»[40], без чего, конечно, оказалось бы невозможным его сотрудничество в артельном журнале.

О репутации Ничипоренко свидетельствует письмо С.С.Громеки к Каткову от 27 июля 1861 г., представляющее тем больший интерес, что оно относится ко времени, когда только начиналось сближение Лескова с Ничипоренко — одним из самых радикальных участников будущей литературной ассоциации: "Податель сего А.И.Ничипоренко — молодой человек во всех отношениях достойный уважения, занимающийся в некоторых маленьких журналах иностранною политикой, очень желает познакомиться с Вами, глубокоуважаемый М<ихаил> Н<икифорович>, и посоветоваться насчет одного предприятия, заслуживающего серьезного обсуждения. Несмотря на относительную молодость его лет, г. Ничипоренко, сколько я мог убедиться, заслуживает полного доверия к его характеру и рассудительности. Как юноша, он сгорает жаждою деятельности, но хочет посвятить ее общему делу, насчет которого и намерен испросить у Вас совета. Поручаю его Вашему теплому и искреннему сердцу, готовому отозваться на всякое чистое и бескорыстное стремление <...> Г.Ничипоренко все подбивает меня издавать газету и уверяет, что она окупится во всяком случае. Предложение очень соблазнительно. У меня всего состояния 4 тысячи рублей. Ничипоренко предлагает 3. Я уже подал прошение, но, признаюсь, все еще не решаюсь. Время в высшей степени неблагоприятное. Во всяком случае хотелось бы знать Ваше откровен-

ное мнение, которое, вероятно, Вы не откажетесь сообщить, при свидании, г. Ничипоренко.

С ним вместе явится к Вам англичанин Артур Дени (Бенни.— *В.Г.*), имеющий к Вам рекомендательное письмо. Этот англичанин удивит Вас знанием русского языка, которому он выучился сам собой в Лондоне"[41]. Лесков с полным основанием отнес в "Загадочном человеке" к политическим друзьям Бенни Н.С.Курочкина и С.С.Громеку.

Громека, получивший широкую известность своими статьями о полиции, верил в гласность как в единственное лекарство от язв и зол. 11 декабря 1859 г. он писал Герцену из Одессы, что власти отказали ему "в просьбе издавать политическую газету и даже хотели взять назад позволение на издание коммерческой газеты Общества пароходства и торговли"[42]. Лесков сблизился с Громекой еще в Киеве, затем встречался в Одессе и поддерживал знакомство в Петербурге, где, несомненно, слышал его разговоры с Ничипоренко об издании газеты, о том, что все они рекруты той службы, полководцем которой считали Герцена.

В письме к Герцену от 20 мая 1861 г. Громека изложил с наибольшей определенностью те причины, которые побуждали его искать компаньонов для организации совместного издания: «Уроженец Малороссии, я мало интересовался общинным вопросом и крепко стоял за личность, хотя чувствовал, что на Вашей стороне сила правды. Но в течение последнего года я пережил перелом и отошел от "Русского вестника", хотя очень любил Каткова как человека. Не мог я пристать к "Современнику", потому что не нахожу ничего симпатического в нем и даже,— признаюсь откровенно,— он меня отталкивает своим безотрадным неверием в людей, своим отсутствием любви и эгоизмом. Я поселился в "Отеч<ественных> записках" как на плоскости, ничем не занятой и пустынной. Впрочем, и тут я, по всей вероятности, временный гость, потому что никогда не простирал претензий на звание писателя и нисколько к нему не приготовлен. Всю жизнь я был человеком дела и схватился за слово только тогда, когда казалось возможным высказать его. Теперь и эта возможность исчезла»[43].

В письме к М.Н.Каткову от 27 февраля (год не обозначен) Громека сообщал: "Многие из приятелей моих, принимающих во мне участие, предлагают мне капитал с тем, чтобы я основал газету внутренних известий, которые бы вызвали к жизни наши провинции и живые вопросы внутренних преобразований"[44]. Одним из таких приятелей, вероятно, был и Ничипоренко.

Понятно, что не только Громека, но и Лесков тогда еще не знали об истинных целях своего нового знакомого. По свидетельству В.И.Кельсиева, автор "Загадочного человека" даже и не замечал "того, что от него была утаена цель поездки Бенни и Ничипоренко <...> что эту цель от него скрывали"[45]. Тем более неопределенный характер имело в глазах Громеки стремление Ничипоренко привлечь его к совместному изданию газеты, которая, как и все другие легальные предприятия члена общества "Земля и воля", была бы подчинена, так или иначе, задачам революционной пропаганды, о чем довольно откровенно было сказано им в показаниях от 25 октября 1862 г. в связи с выдвинутым против него обвинением в том, что он состоял агентом лондонских пропагандистов против русского правительства и содействовал их предприятиям. Эти показания позволяют подвергнуть сомнению бытующее в научной литературе мнение о том, что Лесков ввел Ничипоренко в редакцию "Века", а не наоборот.

«Я,— свидетельствовал Ничипоренко,— сгоряча кинулся на новые знакомства. Естественно, что люди литературного круга привлекали все мое внимание. Обстоятельства благоприятствовали завязать знакомства. В это

время пригласил меня г. Вернадский заниматься с его сыном и поселиться у него. Предложение вполне согласовалось с моим желанием. Почти непосредственно за этим я начал принимать и участие в издаваемом им журнале. Судьба здесь свела с Лесковым, приехавшим тогда из Киева и остановившимся у г. Вернадского. Тут же я познакомился с родственниками г. Вернадского и секретарем его г. Чернышевым. При посредстве Лескова я познакомился с братьями Курочкиными, а также и с маркизом Траверсе. При его же содействии я познакомился с г. Громекой; таким образом, бывая там и там, я познакомился с главными сотрудниками журналов "Отечественные записки" и "Искра", а также с Мельниковым и Писаревским, которые бывали иногда у Курочкиных. Н.Курочкин, Альбертини, Громека, Гаевский — брали иногда у меня те обрывки "Колокола", которые доходили до меня через посредство Владимирова и Ашмарина. Все это происходило в начале 1861 года. В это же время я отправил два письма по просьбе В.П.Гаевского к Владимирову для передачи Кельсиеву. До лета 1861 г. я не получал никакого известия от Кельсиева. В этом году летом приехал из Лондона Бенни с письмом ко мне от Кельсиева, в котором он просил принять Бенни как его товарища и хорошего знакомого и познакомить его с кругом литераторов, в котором я бывал. В Петербурге я познакомил его с Громекой. В это время приехал в Петербург из путешествия С.В.Максимов, я с ним познакомился у Н.Курочкина <...> В Москве бывал с Бенни у г. Каткова. А при посредстве Лескова, который был тогда сотрудником журнала "Русская речь", познакомился я, а также и Бенни с графиней Сальяс. В Орловской губернии был я с Бенни у Якушкиных в имении. С одним из Якушкиных я и Бенни были знакомы через Курочкина Николая, с которым он вместе жил. В Орловской же губернии Бенни меня познакомил с И.С.Тургеневым, которого он знал по Парижу. Остальное время лета и начало осени Бенни провел у Лескова в Москве, а я дома в Полтавской губернии»[46].

Имя Лескова фигурирует и в показаниях маркиза де Траверсе, которые обнажают корни расхождения писателя со Щаповым, игравшим в артельном "Веке" очень активную роль. Щапов, как вспоминал позднее Лесков, «желал видеть в расколе "политико-демократический смысл", будто бы только прикрытый религиозным покрывалом», в то время как Лесков "*нигде и никогда* не смотрел на раскол как на явление свойства политического" (XI, 36) и всячески "старался снять с несчастных староверов вредный и глупый поклеп на них в революционерстве" (VII, 196). Сведения о тех политических надеждах, которые возлагали революционные демократы на движение раскольников в России, Лесков, согласно показаниям Траверсе, получал чуть ли не из первых рук: «Припоминаю еще то, что по приезде из Лондона я, передав деньги Ничипоренко, высказывал мысль, переданную мне Кельсиевым, о восстании со временем раскольников в России в доме Туманской, большой приятельницы Лескова. Должен прибавить, что Лесков меня знает также довольно хорошо; знает, что я говорил обо всем, что слышал и от кого слышал. Я убежден, что Лесков, узнав отчет о мысли Кельсиева, следил также за делом и может, я полагаю, поручиться за меня <...> Я о деле раскольников ничего не знаю. Все это слышал, знал Лесков через мадам Туманскую. Сознаюсь еще в том, что когда Бакунин написал мне письмо, кажется, через Тургенева, и когда он говорил опять о жене своей, ни слова о деле, но кончил словами: "Огонь святая стихия! сожгите письмо", то я тотчас же поехал к мадам Туманской и сообщил о моем страхе, она говорила об этом Лескову, но был ли это действительный намек на пожары, которые опустошали Петербург, я не смею даже думать, хотя Лесков, говоря со мною, сказал, что <1 *нрзб.*> вздумали демократы вести революцию по образу английской. Страш-

ОРКЕСТР РУССКОЙ ПЕЧАТИ
Литография А.Траншеля с рисунка П.Бореля
"Заноза" 1864. № 9

ная мысль эта, признаюсь, пугала меня угрозой, но Лесков следил за всем, и было ли это делом преступной политической деятельности, или нет, выговорить даже не позволяю себе»[47].

Лесков не привлекался к дознаниям по делу о лицах, обвиненных в сношениях с лондонскими пропагандистами, но приведенные отрывки из показаний позволяют судить о широком круге его знакомств с людьми не только умеренных, но и радикальных воззрений. Свидетельство Ничипоренко важно еще и в том отношении, что оно содержит имена почти третьей части ассоциации литераторов, иные из которых (в их числе сам Ничипоренко, Елисеев, Лесков) сотрудничали ранее в "Иллюстрации", а потом демонстративно вышли из нее, как только от заведования редакцией отказался Н.С.Курочкин, заявивший в своем объяснении, что писатели обыкновенно участвуют в тех изданиях, убеждению которых они сочувствуют.

С другой стороны, такие журналы, как артельный "Век", могли и хотели иметь дело лишь с теми сотрудниками и авторами, чьи воззрения не противоречили характеру и целям издания. Это ясно видно из посланного в 1862 г. ответа Елисеева Ф.Д.Нефедову, не состоявшему в артели: «На письмо Ваше от 8 марта имею честь уведомить Вас, что новая редакция "Века" не входит ни в какие обязательства старой редакции по денежным расчетам с сотрудниками. Поэтому не угодно ли Вам будет обратиться с Вашим требованием по этому предмету к Петру Иса<ев>ичу Вейнбергу лично?

Что касается до изъявляемого Вами желания участвовать своими трудами в журнале, то *новая редакция* очень благодарна Вам за Ваше сочувствие к новому изданию и с удовольствием поместит Ваши корреспонденции на своих страницах, *если они будут подходить к характеру и направлению нового "Века"*.

Первое письмо "С обоих берегов Уводи" признано к напечатанию неудобным»[48] (курсив мой.— *В.Г.*).

Избирательный подход к привлечению участников артельного издания, как вспоминал Арсеньев, сразу проявили двое из основателей ассоциации — Ничипоренко и Серно-Соловьевич: «У Дудышкина и Альбертини я встречал А.И.Ничипоренко, молодого человека, близкого в то время ко многим литературным кругам. При одной из таких встреч он рассказал мне, что проектируется ассоциация писателей для издания газеты или журнала на новых, "артельных" началах и предложил познакомить меня с главным ее устроителем, Григорием Захарьевичем Елисеевым, известным сотрудником "Современника". Ассоциацию предполагалось образовать из представителей разных прогрессивных течений, и участие мое в "Отечественных записках" не могло поэтому помешать вступлению моему в ее состав»[49].

Не возникло препятствий для вступления в эту ассоциацию и у Лескова, принадлежность которого к "прогрессивным течениям" тогда не вызывала сомнений.

Процесс организации артельного журнала, внутренние противоречия, вызванные неоднородностью вошедших в ассоциацию сил, позиция и роль Лескова в дифференциации "постепеновцев" и "нетерпеливцев" становятся яснее благодаря дневнику Арсеньева.

4

Автор дневника, будучи шестью годами моложе Лескова, ранее его начал печататься в "Указателе экономическом" и других либеральных изданиях. При всем индивидуальном своеобразии каждого, им пришлось вращаться в одних и тех же редакционных кружках и нередко придерживаться общего направления, что придает несомненный интерес даже тем дневниковым записям Арсеньева, в которых имя Лескова не упоминается.

Важно иметь в виду и определенное сходство общественной ориентации обоих. Об этом свидетельствует написанная Арсеньевым менее чем за год до смерти Лескова "Автобиография. 1861—1894", где он пытался восстановить важнейшие события своей жизни и сформулировать суть своих воззрений: "Когда я сделался адвокатом, мне было 29 лет. Мои взгляды и убеждения были к тому времени вполне определенны по крайней мере настолько, насколько может быть речь об определенности мнений у человека, склонного к золотой середине, не расположенного к крайностям <...> Не будучи поклонником Чернышевского, я защищал его против Герье; не отрицая искусства и решительно восставая против Писарева, я желал, чтобы искусство участвовало, по возможности, в борьбе новизны с стариною, становясь на сторону первой; любя и высоко ценя классические языки, я отрицал безусловную их необходимость для высшего образования; сознавая (или лучше сказать, чувствуя, потому что экономич<еских> сведений у меня было слишком мало) неудовлетворительность современного социального строя, я не был социалистом; понимая неизбежность, при известных условиях, насильственного переворота, я не был революционером хотя бы только в теории. Мой либерализм имел отчасти характер того, что тогда называли постепеновщиной; несмотря на признаки реакции, к 1866 г. уже весьма ясные, я верил в торжество реформ, до тех пор совершившихся"[50].

Неудивительно, что Арсеньев называет "Современник" журналом, в котором он «едва ли и мог бы, едва ли и захотел бы участвовать (О "Р<усском> слове" и говорить нечего)»[51]. Столь же естественным для себя он считает и то, что в 1862 г. «поступил было в ассоциацию, основанную для продолжения издания "Века", и поместил в преобразованном таким образом

"Веке" (под редакцией Г.З. Елисеева) одну статью в защиту эмансипации евреев (против "Дня"); но и "Век" скоро прекратился, а я еще раньше, вместе с Энгельгардтом, Н.А.Серно-Соловьевичем и др., вышел из ассоциации, вследствие деспотических замашек Елисеева»[52].

Все это проливает дополнительный свет и на мотивы сближения Лескова с артельным изданием.

Достоверность дневниковых записей Арсеньева подтверждается приведенными выше показаниями Ничипоренко. 15 марта 1861 г. состоялось знакомство Арсеньева с Громекой, о котором 15 июня того же года автор дневника записал, что он «заводит с 1-го ноября еженедельную дешевую газету "Воскресная газета", в которой предлагает мне быть постоянным сотрудником по части политического обозрения с получением кроме платы по листам 10% в год с чистого дохода. Я согласился по крайней мере попробовать. Он ужасный болтун, несколько самоуверен, отчасти хвастлив, но в сущности умный и симпатичный человек. Рассказывал он нам чрезвычайно много интересного»[53]. Вскоре Арсеньев познакомился с Ничипоренко и записал о нем 28 октября 1861 г.: "Ничипоренко, тот самый, с которым Громека думал издавать газету"[54].

20 ноября 1861 г. Арсеньев присутствовал "при выносе тела Н.А.Добролюбова, лучшего из наших литературных критиков, и проводил гроб его, который несли на руках до угла Разъезжей и Кабинетской. Стечение народа было очень большое. Говорил с Ничипоренкой, Громекой, Спасовичем и Шакеевым, видел Тиблена, Думшина, Утина, Панаева, Некрасова, Альбертини, Бестужева, Дудышкина, Пыпина"[55]. 25 ноября "был у Громеки, у которого были еще Альбертини, Ничипоренко, англичанин Бенни и ненадолго Феоктистов, с которым я вовсе не говорил"[56]. Со многими из этих лиц к тому времени также имел прямые или косвенные контакты и Лесков.

Начало 1862 г. ознаменовано для Арсеньева знакомством с Елисеевым, Серно-Соловьевичем и другими участниками созданного вскоре товарищества для издания обновленного "Века" 6 января у него «был с Громекой чрезвычайно горячий спор о "Современнике", "Русском слове" и многом другом»[57]. 27 января в субботу «вечером с $8^1/_4$ был у Альбертини, где были еще Громека и Ничипоренко. Последний увез меня к Елисееву (Грыцько), где происходило собрание литераторов, образующих ассоциацию для издания нового еженедельного журнала в духе "Современника" По предложению Ничипоренко и Серно-Соловьевича я согласился вступить в эту ассоциацию. Слишком долго было бы объяснять здесь причины, побудившие меня к этому: конечно, я решился на это не без колебаний. Вся ассоциация будет состоять из 30 человек; вчера присутствовало 14 человек, считая в том числе меня; кроме того был Антонович, не поступающий в ассоциацию. Были: Европеус, В.и Н.Курочкины, Елисеев, Пиотровский, Серно-Соловьевич Н. (с которым я познакомился), Помяловский, Муллов, Боклевский (художник), Ничипоренко, Думшин, Энгельгардт и Шелгунов. Всего больше понравился мне Елисеев. Сегодня обсуждали устав ассоциации и выбирали редактора. Окончательный выбор еще не последовал, потому что не было налицо всех членов ассоциации. Не знаю только, как мне удастся совместить мои отношения к ассоциации с отношениями к "Отеч<ественным> запискам" Ушел оттуда около $11^1/_2$»[58]. Через день "был у Громеки, у которого были еще Ничипоренко, Альбертини, Бестужев и Щербатский. Громеко и Альбертини гораздо менее, нежели я ожидал, не одобряют мое поступление в ассоциацию. Впрочем, это может быть только по-видимому"[59].

30 января "вечером с $7^1/_4$ до $10^3/_4$ был у Елисеева, в собрании ассоциации, где присутствовали еще Помяловский, Энгельгардт, Серно-Соловьевич,

Ничипоренко, Шелгунов, Бибиков, Аристов и Вейнберг. Сегодня основания, принятые в субботу, подверглись существенному изменению: денежный взнос (до 12 тыс. р.) предоставлено сделать желающим (к числу которых я, разумеется, не принадлежу), взнос статьями вовсе не уничтожен и затем на членов ассоциации не возлагается никаких обязательных отношений, так что за каждую принятую статью они немедленно будут получать вознаграждение (дележ чистой прибыли остается на прежнем основании, с отделением только 10% на капитал тех, которые внесли его в ассоциацию). Я говорил всего больше с Елисеевым, Серно-Соловьевичем и Шелгуновым"[60]. На следующий день Арсеньев пошел «к Дудышкину, где пробыл с $7^{1}/_{4}$ до $8^{1}/_{4}$; там был также и Альбертини, едущий на будущей неделе за границу на казенный счет с поручением осмотреть учебные заведения в Англии. Почти решено уже, что я во время его отсутствия буду писать политическое обозрение для "Отеч<ественных> записок" Дудышкин очевидно не одобряет мое предположение вступить в ассоциацию (я забыл сказать, что при выборе ассоциациею 3-х членов в комиссию, которая будет разбирать споры между редактором и сотрудниками, я получил 6 голосов, т. е. меньше только Серно-Соловьевича (9), Ничипоренко (8) и Энгельгардта (7). Кажется, в мою пользу агитировал Ничипоренко»[61].

В записи от 12 февраля содержится особо примечательное и важное свидетельство: «Написал письмо Ничипоренко, в котором отказываюсь от участия в ассоциации по следующим главным причинам: 1) мои отношения к "Отеч<ественным> запискам"; 2) incompatibilite d'humeur[1] с большинством членов ассоциации и мои литературные anticèdents <1 *нрзб.*> сотрудничество в "Р<усском> вестнике" и 3) ругательный тон, которого по всей вероятности будет держаться новая газета»[62].

Неизвестно, испытывал ли подобного же рода колебания и сомнения Лесков, но они весьма характерны для тех членов ассоциации, которые, вступая в нее, сохраняли за собой право продолжать писать и для других изданий подчас прямо противоположного или же просто весьма неопределенного направления. Арсеньев, однако, 27 февраля вновь "был у Елисеева, отдал ему статью"[63] для артельного журнала, а 10 марта записал: "Вечером с $7^{3}/_{4}$ до 11 ч. был у Елисеева, у которого происходило собрание ассоциации, в присутствии, кроме нас двух, еще семи членов: Серно-Соловьевича, Думшина, Шелгунова, Энгельгардта, Бибикова, Потехина и Европеуса. Обсуждали большею частью вопросы хозяйственные, для меня не особенно интересные" 11 марта читал полученные им в тот же день даром три номера преобразованного "Века", в последнем из которых была напечатана его статья против И.С.Аксакова[64]. 19 марта вновь читал "Век"[65].

О сложном взаимодействии и противоборстве разных тенденций в ассоциации свидетельствуют следующие записи, в одной из которых дважды упоминается Лесков в связи с его особой и вполне самостоятельной позицией во внутриредакционных делах артельного журнала. 23 марта: «Вечером с $6^{1}/_{2}$ до $7^{3}/_{4}$ был у меня Н.А.Серно-Соловьевич, предложил мне, от имени многих членов ассоциации, редакцию "Века", от которой я, разумеется, отказался по многим причинам, из них главная и уже сама по себе весьма достаточная та, что я не чувствую к тому ни *способности*, ни желания»[66]. 27 марта: "Вечером с 8 до $10^{1}/_{2}$ был в литературном клубе, где происходило собрание ассоциации, для обсуждения условий, на которых Елисеев соглашается остаться редактором. Главное из них — уничтожение комиссии для разбора споров между сотрудниками и редактором (из-за чего и возникло

1* Несходство характеров (*франц.*).

столкновение между Энгельгардтом и Елисеевым), и *бессменность* редактора в продолжение четырех лет! Присутствовало 18 человек: Серно-Соловьевич, Энгельгардт, Шелгунов, Муллов, Помяловский, Бибиков, Думшин, Ничипоренко, В. и Н.Курочкины, Лесков, Стопановский, Щапов, Европеус, Афанасьев-Чужбинский, Аристов, Н.Потехин и я. После довольно долгих прений было признано большинством 10 голосов против 8 (закрытою баллотировкою), что предложение Елисеева нарушает артельное начало, на котором была основана ассоциация (я был в большинстве). Но затем при открытой баллотировке 12 человек согласились с предложением Елисеева, из них только два (Лесков и Помяловский) с оговоркой, что они делают это только для пользы журнала. Затем остальным шести — Европеусу, Думшину, Соловьевичу, Энгельгардту, Шелгунову и мне — оставалось только выйти из ассоциации. Оставаться в ней после того, как она самим же большинством признана нарушенною, значило бы, особенно для не пайщиков, как я, оставаться исключительно из-за материальных выгод, т. е. из-за большего вознаграждения, которое, по мнению В.Курочкина, составляло будто бы единственную цель артели. На это, разумеется, нельзя было согласиться. Вышедшие из клуба пили чай у Вольфа"[67]. На следующий день Арсеньев читал "Век"[68], а 29 марта около получаса был у Елисеева, получил деньги за статью. «Он выражал большое сожаление о том, что я вышел из ассоциации и с совершенно неожиданною любезностью просил меня быть сотрудником "Века", от чего я, конечно, не отказался»[69].

К.К.Арсеньев, А.Н.Энгельгардт, А.И.Европеус и Г.Д.Думшин оказались, конечно, совершенно случайно в одной компании с Н.А.Серно-Соловьевичем и Н.В.Шелгуновым, потому что все они пришли в товарищество из разных "прогрессивных течений" и, по свидетельству последнего, «вопрос заключался не в силах, а в единстве сил, а его-то и не было. Сплотить же силы и соединить в согласное целое было невозможно: одни шли в крайнее направление, составляли крайнюю левую и, не удовлетворяясь "Современником", хотели идти дальше (во главе левой стоял Николай Серно-Соловьевич), другие держались более практического и возможного (Елисеев), и крайние обвиняли их в том, что они хотят идти в хвосте "Современника"[70], тогда как сами левые мечтали и стремились сделать "Век" своим печатным органом, нужным им, как завуалированно сформулировал свою цель Серно-Соловьевич, "для того, чтобы во всякую минуту, когда в нем будет нужда, он был готов"»[71].

Неудивительно, что довольно скоро после преобразования "Века" в артели обнаружился раскол, свидетелем которого и оказался Лесков во время бурного собрания ассоциации в только что открытом тогда (под именем шахматного) литературном клубе. Писатель воочию увидел тех, кого он назвал вскоре в очерке "Из одного дорожного дневника. 10 сентября <1862 г.>. Гродно" ***нетерпеливцами.*** Через двадцать лет в воспоминаниях о П.И.Якушкине, который также присоединился к этой ассоциации, Лесков с полной искренностью скажет о занятой им позиции в тех условиях, когда не только в редакции артельного журнала, но и вообще в литературном мире "последовал великий раскол": "Я тогда остался с постепеновцами, умеренность которых мне казалась более надежною. За это я был порицаем много" (XI, 74).

Отзвуки нараставшего конфликта Лескова с революционными демократами отчетливо слышны в дневниковых записях литератора, не входившего в артель. Менее чем через месяц после описанного Арсеньевым бурного собрания ассоциации В.Ф.Одоевский засвидетельствовал 21 апреля 1862 г.: "В шахматном клубе, говорят, на меня напали — и Лесков заступился" 13 мая: «У меня Лесков — толковали о глупых прокламациях и о нелепости нашего

социализма. “Уж если будет резня,— сказал Лесков,— то надобно резаться за Александра Николаевича” “Северная пчела” начинает поход на социалистов»[72]. Назревали роковые для Лескова события, сделавшие его, в глазах современников, «пожарным публицистом “Северной пчелы”»[73].

За неделю до пожаров появилось следующее «Объявление от редакции “Век”»: «Находящиеся в Петербурге члены ассоциации, заведывающей “Веком”, нашли в настоящее время невозможным, по обстоятельствам совершенно непредвиденным, продолжать это издание в нынешнем году. От обсуждения всей ассоциацией, которая в полном составе своем соберется в Петербурге осенью, будет зависеть, прекратить это издание совершенно или продолжать его в 1863 г. Подписчики “Века” на нынешний год будут получать вместо “Века” вновь разрешенную газету “Современное слово”, имеющую явиться на 1-го июня»[74].

Ничьих подписей под объявлением не стояло. Но поскольку Лесков находился тогда в Петербурге, не исключено, что он участвовал в последнем заседании ассоциации или, во всяком случае, знал о принятом там решении собраться осенью вновь в полном составе[75].

Причины участия Лескова в артельном “Веке” отчасти раскрыты самим писателем в его объявлении, напечатанном в тот переходный для Лескова период, когда он еще не перестал считать себя человеком коммерческим и в то же время постепенно становился профессиональным литератором: «Русский человек, не лишенный некоторого образования научного и практически приспособленный к торговому делу, знающий близко жизнь и потребности разных мест России от Саратова до Житомира и от С.-Петербурга до Одессы и не замеченный в склонностях не полагать границы между хозяйским и своим добром, предлагает кому угодно из торговых обществ или частных лиц избавить его от голодной смерти, купив его труд за такое вознаграждение, какого он окажется достойным по оценке. Предлагающий свои услуги, зная слабый кредит писанных аттестаций, желает принять обязанности с условием: всякое его движение, клонящееся ко вреду хозяйских интересов, предать общественному суду, путем печатной гласности, и находит такое условие достаточною гарантиею за добросовестность своих действий. Те, кому нужен такой рабочий человек, благоволят открыть свои требования редакции “Экономического указателя”.— Соискателю работы 30 лет от роду и он — и телом, и умом здоров»[76].

Знание России и глубокое проникновение в жизнь народа делали Лескова желанным участником писательской артели, задумавшей издавать свой журнал. С некоторыми из членов литературной ассоциации Лесков встречался, а возможно, и познакомился еще в начале 1861 г. на заседаниях политико-экономического комитета. По сообщению “Современника”, он принимал участие в заседании 8 апреля 1861 г., где говорил “о том, что в России нечего бояться излишнего дробления земельных участков, и думать об устранении такого явления теперь — значит предупреждать отдаленное будущее, к которому наука может быть, сделает новые открытия <...>”[77]. Далее дословно цитировалась часть лесковского “Письма из Петербурга” об этом же заседании: «Серно-Соловьевич вступился за *общину*, которую один из прежде говоривших назвал “отжившею” и указывал на возможность выкупа посредством кредитных операций с земельными участками»[78].

Таким образом, еще за год до возникновения артельного “Века” начались не только непосредственные контакты Лескова с Ничипоренко и Серно-Соловьевичем, но и их совместные обсуждения проблем пореформенной России, занявших центральное место в программе обновленного “Века”

Особенно активным и целеустремленным стало участие писателя в заседаниях политико-экономического комитета зимой и весной 1862 г. В отчете за 22 февраля отмечалось, что Лесков "признает полезным для прочного устройства наших хозяйств иметь управляющих, ибо сами владельцы часто совсем незнакомы с земледелием и своим вмешательством приносят более вреда, чем пользы. Но чтобы в управляющих было усердие к своему делу и поддерживалось стремление к улучшениям вверенного им хозяйства, он предлагает дать им более средств к защите себя от притеснений со стороны гг. помещиков, а также дать и гг. помещикам возможность защищать себя от нареканий, не всегда справедливых, со стороны управляющих. Как на способ к такой обоюдной защите интересов управляющих и помещиков г. Лесков указывает на *гласность* и свободное печатание"[79].

На том же заседании обсуждался вопрос о создании ассоциации управляющих и об экзаменовке их при вольном экономическом обществе. По тому и другому поводу Лесков заявил, что "начало *артельное* и *экзамены* вместе немыслимы, что в артель могут поступать без всяких экзаменов по одному согласию артельщиков все лица, изъявившие желание быть в артели и отвечающие ее требованиям. Притом экзамены он признает не достигающими цели и потому мало полезными <...> разрешить какую-нибудь экономическую задачу и быть управляющим — вещи весьма различные. Какой-нибудь иностранец, например, хорошо расскажет многие хозяйственные теории и без труда решит многие задачи и приемы, но, незнакомый с русской природой, он на деле часто оказывается в управлении гораздо бесполезнее иного смышленого русского крестьянина. В одном имении г. Нарышкина управляет десятки лет простой мужик с таким успехом, каким немногие из образованных, даже русских управляющих могут похвалиться. Гг. Нарышкины не сменяют его ни на какого ученого управляющего из иностранцев или неиностранцев. В русском народе не редкость прекрасные специалисты без пышных дипломов учебных заведений. Надобно еще заметить, что и сами экзаменаторы, кто бы они ни были, профессора или непрофессора, не могут ответственно ручаться за экзаменованного ими управляющего, а артель всегда может отвечать за него круговою порукою, которая для нанимателя гораздо вернее аттестатов, потерявших у нас всякое значение" (с. 16).

В ответ на замечание о том, что закон дозволяет быть управляющим только лицам из дворян, Лесков сказал: "Пока было крепостное право, управляющие по закону действительно могли быть только из дворян <...> Прекращение такого закона, неоспоримо, было бы полезно для улучшения нашего хозяйства, привлекая из других сословий способнейших людей к управлению и возбуждая между ними соревнование, благотворное во всяком деле <...> На предложение г. председателя высказать мнение об отдаче земель в аренду крестьянам *г. Лесков* продолжал: Неоспоримо, ***коммунистическое*** начало слишком проникло в жизнь наших крестьян, но нельзя согласиться, чтобы отдача земли крестьянским общинам была удобна во всех местах; в многоземельных губерниях такая отдача невозможна, и общины арендовать не станут, а в малоземельных, может быть, она и выгодна" (с. 17). Когда же один из членов комитета заметил, что отдача земли крестьянам не поведет к рациональным улучшениям и потому самая отдача им земель не может быть признана способом рациональным для нашего хозяйства, Лесков ему возразил: "Рационально то, что ведет к цели, что уместно и сообразно с временем и обстоятельствами. Никакая хозяйственная система не может быть признана *рациональною* для всех мест, а потому нужно оставить опыту решить, что где рационально" (с. 18).

Столь же последовательную позицию Лесков отстаивал в обсуждении вопроса об управляющих, считая вполне достаточным при проверке их способности к делу "из числа, кажется, шестнадцати указанных в проекте предметов ограничиться знанием одного предмета или немногих, но знанием отчетливым, достаточно увериться даже не в знаниях, а в способностях лиц к управлению" (с. 16). Соглашаясь с другими членами в том, что "удобнее давать управляющему временное помещение и содержание на ферме, чем вспоможение деньгами", Лесков утверждал, что "всякое вспоможение, всякая поддержка управляющих, как мера паллиативная, не принесет им существенной пользы, пока сами управляющие не обеспечат сами себя своею самодеятельностью <...> Управители могут ассоциироваться в артели и в этой ассоциации найдут больше поддержки, чем во всех благотворительных о них попечениях комитета. Комитету, может быть, следует только помочь завязаться первому узлу такой артели и содействовать ее свободному и прочному развитию" (с. 19), но, конечно, "пока не составится артель даже не во 100, а в 50 членов, необходима поддержка из других источников" (с. 22).

Вернадский предложил создать нужное "и для ищущих мест, и для ищущих себе должностных лиц на места" нечто вроде справочно-посреднического бюро, но только "на совершенно свободном товарищеском начале. Мысль эта, идея об *артели* должна создаться и разработаться в среде самих управляющих, а не навязываться им стараниями постороннего Общества. Разумеется, для этого полезно было бы разработать эту мысль печатно в каком-нибудь журнале" (с. 24). Как инициатор создания ассоциации управляющих, Лесков «предложил свою готовность ходатайствовать у редакции журнала "Век" и выразил надежду, что редакция этого органа, особенно сочувствующая артельному началу, не откажется дать место всем мнениям, которые будут выражены сельскими управителями об артели, к составлению которой призывает их собственная польза» (с. 24—25).

Отчет об этом заседании политико-экономического комитета, на котором было отмечено, что "артельное начало или *корпорация* управляющих поставлены <...> в проект комиссии только в *перспективе* как ожидаемый и желательный результат учреждения бюро" (с. 26), появился 1 марта 1862 г. в "Северной пчеле" (№ 58). Здесь были резюмированы суждения всех участников и наиболее подробно освещено предложение Лескова о создании ассоциации управляющих и о ее взаимодействии с артелью журналистов (что дает основание ставить вопрос об авторстве Лескова): «Решили учредить при обществе справочное место для управителей, помогать тем из них, которые обратятся в это место за приисканием себе должности, и главное содействовать учреждению *артели* управителей, которая будет в силах и пристраивать своих членов, и *ручаться* за них, как ручается обыкновенно русская артель за каждого своего артельщика. Тут возник вопрос: как призвать к этой самодеятельности самих управителей? Нужно дело это обдумать и обудить гласно, посредством печати, а средств для особого издания с такою целью у комитета, сочувствующего тяжелому положению наемных управителей, нет. Чтобы не остановиться на одних словах, один из членов комитета предложил ходатайствовать у новой редакции журнала "Век" о дозволении русским управителям, желающим высказать свои соображения относительно предполагаемой артели, заявить свои мнения в "Веке", так как редакция этого издания, вероятно, не откажет дать место всем соображениям по настоящему делу и не найдет тягостным печатать имена лиц, ищущих мест, и требования землевладельцев и в то же время будет давать заинтересованным лицам сведения о судьбе затеянной *управительской артели*. Комитет благодарил своего члена за его предложение и поручил ему ходатайствовать у редакции "Века"

о принятии участия в этом деле. Что скажет на это ходатайство редакция, пока еще неизвестно, но, судя по многим соображениям, нельзя ожидать с ее стороны отказа в содействии наемникам, подвергающимся теперь разным неблагоприятным случайностям и могущим найти в артельном соединении много еще неизвестных теперь средств, надежную поруку и обеспечение про черный день» (с. 252).

Это предложение Лескова, прозвучавшее на заседании 22 февраля 1862 г., проясняет те практические цели, которые он намеревался осуществить, став незадолго до того членом литературной ассоциации. В то же время он, очевидно, не был уверен, что его планы полностью совпадают с намерениями всей издательской артели и особенно ее радикально настроенного ядра.

5

28 февраля в “Книжном вестнике” появилась библиографическая заметка «Обновленный “Век”», представляющая для нас особый интерес: «С удовольствием мы прочли 1—6 и 7—8 номера обновленного “Века” В нем приняли участие лучшие петербургские литераторы. Мы уважаем всякое литературное направление, если только оно честно, верно и точно определено; а этим отличаются 1—6 ном<ера>[80] “Века”.— Все журналы имеют одну цель: благо всего народа и каждого лица в отдельности; расходятся только в средствах. Каждая партия хочет доказать верность и непогрешимость своих тенденций; но, по долгу справедливости, нисколько не должно посягать на свободное изложение мнений противной стороны. Чем определительнее и разумнее выражаются эти мнения, тем борьба делается интереснее и серьезнее; тем скорее можно ожидать благотворных последствий. Выходя из этой точки зрения и вообще не высказывая, по духу нашего журнала, нашу симпатию к тому или другому направлению, мы не можем не указать на то заметное сходство в способе ведения журнала, которое выразилось между “Веком” и “Днем” “Век” сделался “Днем” Петербурга. Как “День” есть выражение направления одной из значительной партии Москвы, так и “Век” представляет собой орган одной из значительной партии Петербурга.

Полемика, возникшая в последнее время между петербургскими и московскими журналами, может значительно уяснить многие стороны наших общественных недугов и послужить к скорейшему сближению враждующих сторон. Эта мысль оправдывается поговоркой, если два умных человека спорят, то это значит, что они только не понимают друг друга»[81].

Не исключено, что эта заметка могла принадлежать Лескову, сотрудничавшему в “Книжном вестнике” с июля 1860 г. (к концу 1861 г. он вошел и в состав постоянных сотрудников издания, наряду с Бенни и Ничипоренко)[82]. Высказанные в заметке мысли и рассуждения встречаются и в других статьях писателя того же времени. Так, двумя неделями ранее в передовой статье “Северной пчелы” (1862. 16 февр.) уже было использовано присловье, заключающее сообщение о преобразованном “Веке”, причем в смысловом контексте очень близком к процитированному фрагменту, вплоть до целого ряда текстуальных совпадений: “Говорят, что если двое умных и честных людей в чем-нибудь между собою несогласны, так в этом несогласии самую важную роль играет то, что они неясно понимают друг друга. Обыкновенным результатом спора между такими людьми бывает соглашение их разномыслия таким образом, что каждый из них, соглашаясь с мнением своего противника, не чувствует потребности отречься от своего коренного убеждения <...> Очень недавно мы имели прекрасный случай поверить эти замеча-

ния в одном весьма интересном и весьма характерном споре <...> *о сословных правах русского дворянства* <...> Умным людям пришло время выговориться друг перед другом, и, выговорившись, они нашли возможность согласиться, подтвердить, таким образом, старое поверье, что умные люди всегда согласятся, если поймут друг друга"

Лесков писал в "Северной пчеле" и о том, что в литературе все хотят счастья русскому народу, и высказывал пожелание, чтобы эта "праведная мысль жила в сердце каждого русского журналиста и изгнала из него вражду за мнения, а лучше *будемте спорить о том, что не бесспорно*, и если мы люди честные (в чем мы не хотим сомневаться), то неправый согласится с правым, жертвуя личным самолюбием пользам русского общества"[83]. Лескову тогда еще казалось возможным сближение враждующих сторон.

Обновленный "Век" последовательно обосновывал мысль о том, что каждая законодательная мера до приложения ее к делу должна быть предварительно всесторонне обсуждена, иначе она придет в противоречие с внутренними началами жизни. В обозрениях "Северной пчелы" как раз в пору реорганизации "Века" Лесков начал обсуждение вопроса "о праве юридическом и народной жизни" (1862. 14 февр.), "о значении народных юридических обычаев" (1862. 16 февр.). А вскоре в артельном "Веке" (1862. 25 февр.) появилась статья "О значении обычая в законодательстве" (подписана "Николай Рубежный"; возможно, это псевдоним). Она не только развивала мысли, высказанные Лесковым и в политико-экономическом комитете, и в передовицах "Северной пчелы", но и служила прологом к известной статье Лескова "О переселенных крестьянах" (Век. 1862. 1 апр.).

В статье "О значении обычая в законодательстве" доказывалась заветная для Лескова мысль: "Благосостояние народа несомненно, когда он живет под законами, получившими основание в обычаях народной жизни, то есть когда писанное законодательство не чуждо самой жизни <...>" Если же "законы написаны только на бумаге, а не в убеждении народа и противоречат его обычаям, тогда в жизни народа всегда замечается двойственность отношений, с одной стороны, к букве закона, с другой, к народному понятию о форме общежития" Вот почему "оказываются нелепыми все *сочиненные* преобразования, когда они пишутся в кабинете, без внимания к живому голосу самого народа и к его коренным обычаям жизни" Истинный закон должен быть "воплощением идеи народа об условиях общежития.— Эту идею нетрудно уловить; она весьма пластически выражается в обычаях народной жизни", которые и должны служить источником законодательству, хотя и не безусловно: "Законодательство всегда должно иметь характер общности и не может подчиняться правилам слишком незначительного меньшинства"[84].

Статья "О переселенных крестьянах" подтверждала и конкретизировала эти мысли. Лесков здесь наглядно демонстрировал, каким путем разрешаются недоумения, возникающие в ходе применения высочайше утвержденных положений 1861 г. Автор не сомневался в том, что начатые преобразования так или иначе достигнут своей цели, но и не закрывал глаза на частые противоречия, в которые жизнь вступала с законодательством, разработанным без учета практического опыта и обычаев. В итоге Лесков делал вывод: "...некоторые вопросы несомненной важности ищут другого пути для их разрешения. Тысячи случаев, к которым вполне применима та или другая статья, составляют такие редкие исключения из общих правил, что разрешение их, на основании общего закона, представит полное противоречие духу законодательства. Между тем, мировые учреждения не могут отступить ни на шаг от буквы закона; а так как в этих случаях он чрезвычайно определителен, то мировой посредник, на основании статьи, разрешает вопрос оконча-

тельно, и он редко доходит до губернского присутствия, которое, при помощи прокурора, совершенно легально, с совершенно правильным толкованием закона, подводит под него известный случай и уж затем не встречает никаких сомнений. Одним словом, вопросу не дают хода, и он ищет другого пути, чтобы обнаружиться. Он чувствует всю свою основательность, с разрешением его сопряжены интересы, участь тысячи людей. И обязанность литературы заявить его: только этим путем может он преодолеть препятствия, обнаружиться и, очистившись от грязи ложных понятий, предстать перед правительством для окончательного и справедливого разрешения".

Один из этих жизненных вопросов и составил предмет статьи "О переселенных крестьянах" Практика такого переселения крепостных из одного имения в другое, которые нередко находились в разных губерниях, была обычным делом для помещиков. Однако возвращение в родные места после реформы 1861 г. оказывалось далеко не для всех осуществимым: "...как и понять свободу без права жить на родине, без права, которым пользовалась даже бóльшая часть крепостных?"[85].

Следующей работой Лескова для артельного "Века" было уже беллетристическое произведение.

Инициаторы писательской ассоциации с самого начала, вероятно, ожидали от таких ее участников, как И.Ф.Горбунов, С.В.Максимов, Н.Г.Помяловский, Н.В.Успенский, П.И.Якушкин и, конечно, Лесков живых и достоверных картин народной жизни. Паевое издание и замышлялось как "листок общежития, просвещения, деятельности русского общества и народа" В центре внимания этого нового печатного органа находилось "народное развитие"[86]. Эта цель, несомненно, была созвучна многому из того, что именно тогда писал Лесков про сельский и городской мир, про «общее русское желание жить миром и миром стоять за себя и за брата: "друг о друге, а Бог обо всех"»[87]. При этом писатель с гордостью и полемическим задором заявлял чуть не в каждой статье, что он изучал народ не по книгам и знает не по петербургским ванькам да по дворникам, отсюда категоричность его призыва: "Дайте окрепнуть мышцам народа, затекшим в долголетней крепостной зависимости, и он, став на ноги, сам пойдет туда, куда его поведет мирской толк"[88].

Эта мысль и была положена в основу беллетристического произведения, написанного Лесковым для артельного журнала "Век",— рассказа "Погасшее дело. (Из записок моего деда)" (1862. 25 марта; позднее переиздавался под названием "Засуха").

Можно предположить, что в артельном "Веке", не прекрати он своего существования в конце апреля 1862 г., оказался бы вполне уместным и рассказ "Язвительный (из гостомельских воспоминаний)", объединенный позднее с "Погасшим делом" общим заголовком: "За что у нас хаживали в каторгу. Два рассказа". Такое сближение опиралось на идейно-эстетическое единство и тематическую близость этих произведений, автор которых в открытом письме "От М.Стебницкого", появившемся в "Северной пчеле" (1862. 7 мая), по поводу нападок пристава Харламова на его очерки "Страстная суббота в тюрьме" сформулировал свою творческую позицию в следующих словах: "Мы рассказываем о вещах то, что нам в них представляется, не принимая на себя никакого обязательства отвечать за всякое слово, которое мы слышали и которое со слуха записываем, и передаем обществу посредством печати <...> что я записал в моих рассказах, то действительно было" Вполне понятно, что для журнала в духе "Современника" гораздо более подходил добросовестный и знающий *записчик* народной жизни, роль которого сознательно взял на себя Лесков с первых шагов в литературе, чем *выдумщик*.

6

Сотрудничество Лескова в артельном журнале приобретает особый интерес в свете истинных целей редактора и его ближайших товарищей по "Искре" и "Современнику" «Оба эти журнала,— писал Елисеев в "Автобиографии",— пользовались в то время громадным влиянием в публике. Оба они дружно шли к одной цели: "Современник" представлял род оптового магазина или лучше сказать фабрики, где заготовлялись и отпускались оптом товары; "Искра" была чем-то вроде мелочной при нем лавочки и продавала только товары враздробь»[89]. Такую же вспомогательную по отношению к "Современнику" роль он отводил и преобразованному "Веку" в полном согласии с главными деятелями печатного органа революционных демократов, которые всегда стремились не просто усилить, но и значительно расширить свое воздействие на читателей. Некрасов еще при самом начале издания "Современника" мечтал о дешевой газете, не раз возвращался к этой мысли и впоследствии, а в заметке «Новая газета "Век", с 1861 года» заявил, что "хорошая еженедельная газета, соединяющая в себе два одинаково важные качества для большинства — популярность изложения и дешевую цену, составляет в настоящее время ощутительную потребность"[90].

Это позволяло Елисееву использовать во внутренних обозрениях "Современника" наиболее интересные материалы из еженедельного "Века", который быстрее мог реагировать на текущие вопросы. Не вступивший в артель Антонович вспоминал, что они «вместе общими силами поддерживали "Век"»[91]. А когда еженедельник прекратил существование, Елисеев писал Ф.Д.Нефедову 8 июня 1862 г.: «"Век" кончился, но если хотите, чтобы Ваши корреспонденции помещались во "Внутреннем обозрении" "Современника", которому я хочу придать местный интерес, то пишите корреспонденции и посылайте на мое имя по прежнему адресу». 24 октября 1862 г. он сообщил тому же адресату: «С нового года возобновляется "Современник" в том же духе и в том же направлении, в каком был прежде; во-2-х, начинается новая газета "Очерки", в которой я принимаю самое близкое участие. Вы, если имеете желание, можете участвовать в том и другом»[92]. Такая же возможность предоставлялась, по всей вероятности, и сотрудникам "Века"

Привлекая Лескова в круг его участников, Елисеев, несомненно, знал, что в статье "О найме рабочих людей", появившейся более чем за полгода до статьи Шелгунова "Литературные рабочие" (в которой была обоснована необходимость артельного издания), Лесков писал: "Одна беда: не привыкли мы ничего делать миром, не знакомы нам великие успехи ассоциации<...>"[93]. Однако редактор "Века" не мог не учитывать и полемические по отношению к "Современнику" выступления Лескова. Тем не менее Елисеев понимал, что Лесков горячо возражал ему и особенно Чернышевскому отнюдь не с ретроградных позиций.

Вот почему в анонимном внутреннем обозрении апрельской книжки "Современника" за 1862 г. Елисеев, говоря о "верхних столбцах" "Северной пчелы", где регулярно печатался Лесков, отделил полемические статьи Лескова от выпадов в адрес Чернышевского других авторов той же газеты. По замечанию П.И.Мельникова, сделано было это размежевание "с целью поласкаться к людям той силы, которая не исчерпалась <...>"[94], т. е. к Лескову. В "Воспоминаниях о шестидесятых годах" представитель революционно настроенной молодежи того времени Н.Я.Николадзе подтвердил авторство Елисеева, который «писал, без указания, впрочем, фамилии Лескова и названия статьи, что крупный талант, упражняющийся в выходках "Северной пчелы", очевидно, не познает себя; но придет время, когда ему зазорно станет за нынешнюю свою деятельность. Только этой единственной фразой

"Современник" отозвался на все подвиги "Северной пчелы" Можно себе представить, как на нас действовала и как нам нравилась такая деликатность журнала»[95]. Ее должным образом оценил и сам Лесков, заявивший в ответ, что «со дня появления в "Современнике" "Полемических красот" журнал этот ни с кем из несолидарных с ним писателей не обходился с такою мягкостью и вниманием, какое выражено им автору" передовых статей "Северной пчелы" по русским вопросам»[96].

Такое отношение к Лескову объяснялось признанием его таланта и умения чувствовать и понимать народную жизнь. Вот почему, как бы обращаясь к Лескову, Елисеев писал: "Нам жаль сил литературы, которых так немного, которые так нужны в настоящее время для лучших дел и которые тратятся так бесплодно"[97].

Вполне понятно, что редактор преобразованного "Века", а тем более руководители "Современника" не питали никаких иллюзий относительно политических воззрений Лескова и возможности совпадения с ним в коренном вопросе о путях и способах достижения народного счастья. Но его упреки по их адресу в отрицании ради отрицания, в нежелании принимать участие в конкретных будничных делах на благо людей, в отсутствии положительной программы и многие другие были сняты им самим, как только он прочитал роман "Что делать?", в котором Чернышевский, по словам Лескова, "открыл себя, как никогда еще не открывал ни в одной статье", т. е. выразил, наконец, свои симпатии (X, 20). И оказалось, что его герои — это просто хорошие, добрые люди, а вовсе не "лохматые" всеотрицатели: "Такие люди очень нравятся мне, и я нахожу очень практичным делать в настоящее время то, что они делают в романе г. Чернышевского" (X, 21). Революционный пафос "Что делать?" Лесков или не увидел, или не захотел затрагивать в статье о романе и его авторе, находившемся тогда в крепости. Писатель сосредоточил внимание лишь на принципах устройства рабочей артели, общины, кооперативной ассоциации, которые сделали и его самого полноправным сотрудником преобразованного "Века"

Послесловием к этой отнюдь не первой и не последней попытке редакции "Современника" расширить сферу своего влияния, сделать журнал более гибким и оперативным, вовлечь в осуществление этой цели лучшие литературные силы и по возможности объединить их вокруг одной программы является письмо Елисеева к А.М.Унковскому от 19 мая 1862 г.: «"Век" кончил свое существование. Восстановить его в том виде и для тех целей, как Вы предполагаете, было бы очень хорошо. Но еще было бы лучше при этом, если бы для *действования* в нем можно было сосредоточить все однородные силы. Я говорил об этом с Н.А.Некрасовым. Он соглашается дать денег половину того, во что обойдется годовое издание,— другая половина будет принадлежать Вашей компании. Таким образом *материально* будут заинтересованы в успехе журнала и Петербург и Москва, а вместе с тем соединятся для действования к одной цели и моральные силы, однородные, того и другого города. Такое соединение сил моральных и материальных нужно для того, чтобы дать, наконец, генеральное сражение "Сыну отечества" и победить его во что бы то ни стало,— если привелось биться для этого два года. Только стянув к себе читающие массы, можно облегчить проведение полезных идей в обществе.

Ввиду этой цели необходимо издавать журнал 1) *еженедельный*, выпуская его в неделю даже три, по крайней мере два раза.

2) Издавать в Петербурге: 1, перевод журнала из Петербурга в Москву возбудит подозрения; 2, в Петербурге цензура всегда будет удобнее; 3, рабо-

чих сил для действующей части журнала всегда больше найдется в Петербурге, чем в Москве.

Пребывание участников журнала в разных пунктах, мне кажется, не только не повредит делу, но принесет ему известную <1 *нрзб.*> пользу.

Что касается до редактирования, то ради успеха дела редактор непременно должен быть *один*. Говорю это не в тех видах, чтобы быть редактором, потому что редакторство по жалованью, кроме нещадных трудов и хлопот, ничего принести не может. Напротив, мне кажется, было бы именно хорошо выбрать для редакторства человек трех или четырех, но с тем, чтобы они несли эту должность поочередно — каждый в течение года или полугода. Таким образом в журнале будет не только соблюдаться и единство воззрений во всей строгости, что невозможно при многоредакторстве,— и редакторство не будет превращаться некоторым образом в каторжную работу. Вот все, что можно пока сказать в видах сосредоточения возможно большего числа сил для действования к одной цели. Отпишите: согласны ли Вы будете с этим проектом или нет?

Об этом же пишет Некрасов Салтыкову.

Если будете не согласны, то журнал "Век" может быть передан Вашей компании для издания в Москве. Должно иметь тысячи три, которые могут быть уплачены с рассрочкой самой льготной. Перевод журнала в Москву, возможно <?>, легко дозволят. Нужно Вам только для дела подставное лицо, которое взялось бы быть, т. е. именоваться его редактором и издателем, не возбуждающее подозрений.

Если Вы, ***поговоря прежде всего*** с Вашей компанией, согласны будете на предлагаемый проект соединения сил, то подумайте о новом имени для журнала. ***Фирма*** ужасно вредит делу, а другое название выхлопотать будет, я думаю, не трудно»[98].

В письме из Иркутска от 29 июля 1862 г. Шелгунов спрашивал Н.А.Серно-Соловьевича: «Не ожил ли "Век"? Теперь бы, кажется, можно, деньги найдутся. Жаль, если "Век" угаснет». В конце письма слышен отзвук той бури, которая была вызвана статьей Лескова о пожарах: "...сердце болит, читая газетные известия — чего они там взваливают пожары на студентов!"[99].

Мосты для нового сближения Лескова с недавними сотоварищами по литературной ассоциации были сожжены, однако у писателя были все основания отклонять любые замечания о зависимости его воззрений от кружка "Северной пчелы" Он действительно пришел в литературу зрелым человеком, вооруженным не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Его коренные убеждения опирались на здравый смысл народа и не могли подчиниться самовластию "невежественных инстинктов слепой массы или маленьких демагогов, в которых лежат зародыши великих деспотов"[100].

В честности и благонамеренности "Современника" он не сомневался, но не мог согласиться с ним "в средствах, которыми, по его соображениям, может быть достигнуто общественное благосостояние", предоставляя времени разрешить этот исторический спор и ответить на вопрос о том, "на чьей стороне правда и святая истина"[101].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ИРЛИ*. Карточка № 568.

[2] *РГАЛИ*. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 22. Л. 13 об.

[3] *Совр.* 1862. № 2. Отд. II. С. 314.

[4] *РГИА*. Ф. 773. Оп. 1 (1862 г.). Ед. хр. 94. На этот документ ссылался П.С.Усов в статьях: "Цензурная реформа в 1862 году. Исторический очерк" (*ВЕ*. 1882. № 5. С. 165—166) и "Из моих воспоминаний" (*ИВ*. 1883. № 4. С. 71—72).

[5] *Лесков Н.С.* Церковные интриганы. Исторические картины // *ИВ*. 1882. № 5. С. 389—390.

[6] *ЛН*. Т. 73. Кн. 2. С. 172.

[7] <*Лесков Н. С.*> Специалисты по женской части // Литературная библиотека. 1867. Сентябрь. Кн. 2. С. 200—201.

[8] См.: *Гроссман Л.П.* Н.С.Лесков. Жизнь.— Творчество.— Поэтика. М., 1945. С. 55.

[9] См.: *Ежегодник*. С. 95.

[10] Северная пчела. 1860. 5 окт. (Объявления).

[11] Литературная библиотека. 1867. Сентябрь. Кн. 2. С. 197—199.

[12] Русская речь и Московский вестник. 1861. 1 июня. С. 655—658.

[13] *Фаресов*. С. 52.

[14] *Михневич* В.О. Писательская судьба. (По поводу смерти Н.С.Лескова) // Новости и Биржевая газета. 1895. 26 февр. (10 марта).

[15] Там же.

[16] Н.С.Лесков. Некролог // Там же. 1895. 22 февр. (6 марта).

[17] Н.С.Лесков. Некролог // Петербургский листок. 1895. 22 февр. (6 марта). Заключительная фраза почти дословно повторена А.М.Скабичевским в "Истории новейшей русской литературы" (7-е изд., испр. и доп. СПб., 1909. С. 335). Аналогичное свидетельство содержалось еще в одном неподписанном некрологе Лескова: «На литературное поприще он выступил в 1860 году и быстро приобрел известность. Тогда он вращался в самых передовых и либеральных кружках, которые он впоследствии изобразил в романе "Некуда"» (Живописное обозрение. 1895. № 9. С. 174).

[18] *Арсеньев К.К.* Из далеких воспоминаний // *ГМ*. 1913. № 1. С. 169.

[19] Доктор *А.Аскоченский*. Возражение "Современной медицине" // Современная медицина. 1861. 4 мая. С. 413.

[20] Статья опубликована Л.И.Левандовским: Не появившаяся в печати статья Н.С.Лескова // Вопросы русской литературы. Львов, 1982. Вып. 1(39). С. 82.

[21] *НВ*. 1892. 16 марта.

[22] *РГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3763. Л. 6 об.

[23] Пересветов В. <*Лесков Н.С.*> О замечательном, но неблаготворном направлении некоторых современных писателей // Русская речь и Московский вестник. 1861. 27 июля. С. 126.

[24] *Лесков Н.С.* Русские люди, состоящие "не у дел" // Там же. 29 июня. С. 787.

[25] *ИВ*. 1882. № 1. С. 234.

[26] *СПбвед*. 1870. 11 янв. (перепечатано: *Суворин А.С.* (Незнакомец). Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок. СПб., 1875. Кн. 2. С. 209).

[27] *Гильдебрандт Бруно*. Историческое обозрение политико-экономических систем. Пер. под ред. В.Безобразова. СПб., 1861. С. 107, 144.

[28] *СПбвед*. 1864. 11 сент.

[29] *Фаресов*. С. 20—21.

[30] Северная пчела. 1862. 24 июня.

[31] *Бвед*. 1869. 19 окт.

[32] <*Лесков Н.С.*> Внутреннее обозрение // Русская речь и Московский вестник 1861. 10 авг. С. 188. Подробнее об идеологических схождениях Лескова с Толстым см. в наст. т. вступительную статью С.А.Розановой к неизданной переписке Лескова с семьей Л.Н.Толстого.

[33] Русская речь и Московский вестник. 27 июля. С. 128.

[34] Северная пчела. 1862. 23 марта.

[35] Там же. 29 мая.

[36] Там же. 8 августа.

[37] <*Лесков Н.С.*> Повести, очерки и рассказы М.Стебницкого. СПб., 1867. Т. I. С. 518—519. Профессор политической экономии Иван Васильевич *Вернадский* (1821—1884) — основатель и редактор журнала "Указатель экономический, политический и промышленный журнал" О сложных отношениях Лескова с Андреем Ивановичем Ничипоренко см. также в наст. томе (книга первая) статью Вильяма Эджертона «Лесков, Артур Бенни и подпольное движение начала 1860-х годов. (О реальной основе "Некуда" и "Загадочного человека")».

[38] Русская речь и Московский вестник. 1861. 4 мая. С. 532.

[39] *СПбвед*. 1871. 31 июля.

[40] *ВЕ*. 1871. № 8. С. 900—901.

[41] *ОР РГБ*. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 138 об.— 139 об. (копия).

[42] Вольное слово. Женева. 1883. 15 марта. С. 6.
[43] Там же. С. 9.
[44] *ОР РГБ*. Ф. 120. Ед. хр. 21. Л. 136 (копия).
[45] *Кельсиев* В. Загадочный человек. Эпизод из комического времени на Руси, с письмом автора к И.С.Тургеневу, Лескова-Стебницкого // Заря. 1871. № 6. Отд. II. С. 19.
[46] *ГАРФ*. Ф. 112. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 59—59 об.
[47] Там же. Л. 213—213 об., 215.
[48] *ИРЛИ*. Ф. 208. Ед. хр. 43. Л. 7.
[49] *ГМ*. 1913. № 1. С. 166—167.
[50] *РГАЛИ*. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 11—11 об.
[51] Там же. Л. 10 об.
[52] Там же. Л. 4 об.
[53] Там же. Ед. хр. 20. Л. 200.
[54] Там же. Л. 227.
[55] Там же. Л. 231 об.
[56] Там же. Л. 232 об.
[57] Там же. Ед. хр. 22. Л. 8 об.
[58] Там же. Л. 13 об.
[59] Там же. Л. 14.
[60] Там же. Л. 14 об.
[61] Там же. Л. 11, 14 об.— 15.
[62] Там же. Л. 17 об.— 18.
[63] Там же. Л. 20 об.
[64] Там же. Л. 23.
[65] Там же. Л. 24 об.
[66] Там же. Л. 25 — 25 об.
[67] Там же. Л. 28 об.
[68] Там же.
[69] Там же.
[70] *Шелгунов Н.В. Шелгунова Л.П.Михайлов М.Л.* Воспоминания в 2-х тт. М., 1967. Т. 1. С. 170—171.
[71] Там же. С. 171. См.: *Козьмин Б.П.* Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961. С. 68—98. Статья «Артельный журнал "Век"» впервые была напечатана в 1930 г.
[72] *ЛН*. Т. 22—24. С. 147, 149.
[73] Современное слово. 1862. 7 окт. С. 413—414.
[74] Русский инвалид. 1862. 23 мая. С. 388.
[75] Примечательно, что уже после приостановки преобразованного "Века" он счел необходимым печатно заявить в "Северной пчеле" (1862. 5 мая) о своей солидарности с позицией этого издания: «Журнал "Век" в одном из последних нумеров коснулся очень важного вопроса об *обысках*. Допуская печальную необходимость обыскного процесса, редакция "*Века*" выразила несколько прекрасных мыслей об устранении от обысков всякого произвола, насилия и самовластия».
[76] Указатель экономический. 1860. № 203. Извещения (Цензурное разрешение 18 ноября 1860 г.).
[77] *Совр*. 1861. № 4. Отд. II. С. 513—514.
[78] Русская речь и Московский вестник. 1861. 16 апр. С. 490.
[79] Экономист. 1862. № 3. Отд. III. С. 14. Далее, цитируя этот отчет, указываем в тексте только страницы.
[80] Так как первые четыре номера этого журнала за 1862 г. вышли под редакцией Вейнберга, то № 5—6, с которого начался преобразованный "Век", для счета в переплете был обозначен в заголовке: № 1—6 (Век. 1862. 18 февр. С. 32).
[81] Книжный вестник. 1862. № 4. С. 102.
[82] См.: Книжный вестник. № 22. С. 366. Объявление "От редакции"
[83] Северная пчела. 1862. 20 мая.
[84] Век. 1862. № 7—8. С. 62.
[85] Там же. 1 апр. С. 184.
[86] *РГИА*. Ф. 772. Оп. 1 (часть II) 1861 год. Ед. хр. 5826 (Ходатайство о разрешении журнала "Век").
[87] Северная пчела. 1862. 27 мая.
[88] Там же. 24 июня.
[89] *ИРЛИ*. Ф. 266. Оп. 2. Ед. хр. 584. Л. 63 об.— 64.
[90] *Некрасов Н.А.* Собр. соч. и писем. М., 1950. Т. 9. С. 582.
[91] Шестидесятые годы. М.—Л., 1933. С. 209—210.
[92] *ИРЛИ*. Ф. 208. Ед. хр. 43. Л. 1, 3.

[93] *ОЗ.* 1861. № 3. Отд. "Критика". С. 53.

[94] *Мельников П.И.* Несколько слов г. автору внутреннего обозрения в "Современнике" // Северная пчела. 1862. 29 мая.

[95] Каторга и ссылка. 1927. № 5 (34). С. 37.

[96] Северная пчела. 1862. 29 мая.

[97] *Совр.* 1862. № 4. Отд. II. С. 305.

[98] *ОР РГБ.* Ф. 576. Карт. 2. Ед. хр. 10 (упомянутое письмо Некрасова к Салтыкову-Щедрину неизвестно).

[99] Былое. 1906. № 10. С. 94.

[100] Северная пчела. 1862. 20 мая.

[101] Там же. 1862. 29 мая.

ДВЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ СТАТЬИ ЛЕСКОВА ИЗ "МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ" (1871)

Предисловие и публикация В.А.Громова

В письме к Лескову от 20 декабря 1871 г. Н.Н.Воскобойников, в то время сотрудник М.Н.Каткова, сообщил: "Статья Ваша о выставке идет в завтрашнем N"[1]. Имелась в виду газета "Московские ведомости", где 21 декабря 1871 г. в № 279 действительно появилась статья под названием "Образцы русского искусства" с подзаголовком "Современные выставки в С.-Петербургской Академии художеств" за подписью М.Пр-въ, т.е. Меркул Праотцев — известный псевдоним Лескова[2].

В той же газете 6 февраля 1872 г. в № 33 была напечатана вторая статья — "Художественные новости", посвященная закрытию этих выставок и представлявшая собой род послесловия или дополнения к предшествующей. Она подписана другим известным криптонимом Лескова — Н.[3]

Писатель, по свидетельству его сына, "не пропускал обычно ни одной художественной выставки" и, даже будучи больным, за неделю до смерти, когда в залах Академии художеств открылась XXIII выставка картин передвижников, "посетил и эту"[4], оказавшуюся в его жизни последней.

Обнаруженная статья Лескова — отчет о первой художественной выставке передвижников, открывшейся в залах Академии художеств 29 ноября 1871 г. За три дня до публикации лесковской статьи Тургенев писал Я.П.Полонскому в ответ на его рассказ об этой выставке: "Что же касается до наступающего возникновения талантов в русском художестве — то это для меня праздник. Душа веселится... Наконец-то!"[5] Лесков разделял общее чувство радости от первой выставки передвижников и тем охотнее высказался о ней, что в его собственном творчестве начиналась тогда та принципиально новая фаза, о которой точно сказано в статье Горького: «После злого романа "На ножах" литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью,— он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников»[6]. Хороший знакомый Лескова С.Е.Кушелев, высоко ценивший "Соборян" и "Запечатленного Ангела", писал ему об этих произведениях 21 ноября 1873 г.: "Это потому мастерские вещи, что чем более в них всматриваешься (как в картины мастеров), тем более наслаждаешься ими..."[7] По словам сына и биографа писателя, в его творчестве постоянно "изобразительные искусства сочетались с литературной образностью, служа усилению последней"[8].

И действительно, мышление Лескова-художника органично включало в себя впечатления, почерпнутые им в смежных с литературой искусствах. "Во мне всегда была,— не знаю, счастливая или несчастная,— слабость увлекаться тем или другим родом искусства" (XI, 291),— признавался он М.И.Пыляеву. Это дало о себе знать уже в его ранних беллетристических опытах и стало в дальнейшем едва ли не обязательным элементом большинства лесковских вещей, иные из которых, как, например, "Запечатленный Ангел", возникли и сложились на весьма специфической — отчасти иконописной, отчасти искусствоведческой — первооснове[9].

В связи с публикуемыми статьями особый интерес представляет повесть Лескова "Островитяне" (1866). Ее можно охарактеризовать как развернутое беллетристическое высказывание писателя о русском и западноевропейском искусстве, о том, что есть общего в людях, именуемых словами: "художник, поэт, литератор, музыкант" (III, 70, 83), о том, как противостоять обстоятельствам, "исключающим у нас возможность по-

явления Рубенса, Тинторето, Тициана и Веласкеца, но зато производящим бездарнейших людей да учителей рисования или чиновников академии <...>" (III, 63).

Герой "Островитян", от лица которого ведется повествование, хорошо знает многих "людей, надышавшихся в юности воздухом василеостровской Академии художеств и воспринявших на себя ее предания" (III, 61). То обстоятельство, что "на смену их является новое поколение" (III, 62), радует повествователя, призывающего "учеников Брюллова" "сбросить свои демонические плащи, время которых, увы! невозвратно минуло" (III, 64): "Время громко говорит художникам: берите из своих преданий все, что не мешает вам быть гражданами, полными чувств гражданской доблести, но сожгите все остальное <...> и искренне подайте руку современной жизни" (III, 64). Цель искусства виделась автору "Островитян" в том, чтобы "помогать разуму проводить нужные гражданские идеи, а не рисовать нимф да яблочки" (III, 83): "Здание Академии художеств начинают исправлять и переделывать в год открытия другого здания (речь шла о судебной реформе.— *В.Г.*), в котором общество русское, недавно судимое при закрытых дверях, само в лице избранных людей своих станет судьею факта по совести и по убеждению внутреннему <...> встанет *общественное мнение*, встанет *правда народа*" (III, 63).

В статье "Образцы русского искусства" речь также шла о необходимости "вывести нынешний живописный жанр на степень верного художественного отражения типов, создаваемых условиями общественной жизни и государственным ростом страны". Лесков отмечал, что словесное искусство опередило в этом отношении изобразительное. Вместе с тем он оговаривался, что "живописцу не следует учиться у литератора, потому что каждое искусство имеет свои законы"

Живое взаимодействие искусства слова и живописных образов в творчестве самого Лескова раскрыто в одном из его рассказов начала 1870-х годов: "Павлин находился в состоянии сильнейшего возбуждения, но какого возбуждения? Какого-то странного и непонятного. Я хотел бы для более точного определения наблюдаемого мною тогда состояния этого человека воспользоваться библейским выражением и сказать, что он был восхищен из самого себя и поставлен на какую-то особую степень созерцания, открывающего ему взгляд во что-то сокровенное. Если помните, в Эрмитаже, недалеко от рубенсовской залы, есть небольшая картинка Страшного суда, писанная чрезвычайно отчетливо и мелко каким-то средневековым художником. Там есть эмблематическая фигура, которая помещена в середине картины, так что ей одновременно виден вверх Бог в его небесной славе, а вниз глубина преисподней с ее мрачным господином и отвратительнейшими чудовищами, которые терзают там грешников. Всякий раз, когда я становлюсь перед этой картиной и гляжу на описанную мною фигуру, мне непременно невольно припоминается Павлин: так, мне казалось, схоже было его душевное состояние с положением этого эмблематического лица" (V, 262).

В статье «О картине "Никита Пустосвят" (Письмо в редакцию)» Лесков высказал мнение об этой работе Перова "с точки зрения человека, несколько разумеющего историю раскола", расценив это полотно как "удивительный факт художественного проникновения" в то, что "чувствовалось и угадывалось людьми, которые истину любят более, чем свои предвзятые идеи" Писатель воспринимал произведение живописи глазами художника слова, умеющего читать на лицах людей их душевные движения: первой, кто рассмотрел, по его мнению, настоящую суть раскола, «была Софья, и в остром взгляде ее круглых глаз на картине, при виде безумного азарта Никиты, кажется надо видеть именно тот момент, когда она поняла, что тут никакие уступки не помогут, и сказала себе: "Этот слишком далеко метит!"». В трех фигурах, в Никите, в Софье и в умолкшем иноке, по словам Лескова, "читается вся драма" "Я гляжу на эту картину,— резюмировал он свое впечатление,— как на проникновение в самую задушевную суть исторического момента, который она изображает"[10].

В работах "программистов" внимание Лескова привлек образ Христа. Суждениями об этих картинах предвосхищается "искусствоведческое" вступление к рассказу "На краю света" (1875), где герой-повествователь размышляет о самых разных изображениях Спасителя и отдает предпочтение старым русским мастерам, национальному иконографическому искусству (см.: V, 451–455). Кроме того, статья "Образцы русского искусства" — едва ли не первое по времени печатное суждение Лескова о работах И.Е.Репина, Н.Н.Ге, В.Д.Поленова и прочих участников выставки 1871 г. Лесков соглашался с мнением публики и критиков, что лучшей из пяти картин, на-

писанных на программу "Воскрешение дочери Иаира", была картина Репина. Этим отзывом подтверждается отнюдь не формальный характер позднейшей надписи Лескова на библиографии своих сочинений: "Илье Ефимовичу Репину, превосходному художнику, искусные и благородные произведения которого приносили мне чистейшие и незабвенные радости"[11]. В то же время "лучшая сторона картины г. Репина" не помешала Лескову сказать и о том, что работа "имеет немало недостатков и между ними один весьма крупный: это совершенно непродуманное выражение лица Спасителя, не отвечающего <...> идеалу, приличествующему этому лицу"

Лескову гораздо более импонировало изображение Христа на ранее выставлявшихся картинах Ге "Тайная вечеря" и "Христос в Гефсиманском саду", упомянутых им здесь вовсе не случайно. Писатель высоко оценил и новую работу Ге: "...на этот раз художник избрал сюжет, по-видимому гораздо более сродный его манере и таланту, по преимуществу крайне реальному: новая его картина представляет Петра I, снимающего допрос с царевича Алексея Петровича <...> картина эта действительно прекрасна, и, изучая ее, решительно не знаешь, чему здесь отдать предпочтение: превосходной ли технике или полноте и силе выражения обоих лиц, особенно самого отца-императора" Это восторженное суждение уже предвещало сближение Лескова с Ге, их тесную дружбу и глубокое взаимопонимание, проявившееся, в частности, в отзывах писателя о картине "Что есть истина?", увиденной им на XVIII передвижной выставке в феврале 1890 г.: "Это,— радостно сообщил он тогда же в письме к сыну,— *первый* Христос, которого я понимаю. Так только и мог написать друг Толстого Ге"[12].

Вторая из публикуемых статей — "Художественные новости",— помимо дополнительных сведений о некоторых картинах, рассмотренных в "Образцах русского искусства", содержит информацию о мастерских мозаического отделения Академии художеств, где тогда шла "беспрерывная работа над набором мозаических икон для Исаакиевского собора с оригиналов, писанных известными русскими мастерами". Интерес к иконографии, зародившийся у Лескова еще в отрочестве, когда в Орле расписывали церковь Никития и он "ходил туда любоваться искусством местных художников" (VI, 448), значительно углубился в киевский период и приобрел вполне зрелый характер в Петербурге.

Среди художественных новостей Лесков особо выделил "маленькую лабораторию, где простой русский мастер, г. Гвоздев, тянет на лампе цветные мозаические смальты. Берет он порцию сплава попросту, *на глазомер,* и вытягивает мозаический материал изумительной чистоты колеров и правильности расположения" Писатель выразил под конец сожаление, что мозаические мастерские почти не посещаются публикой. Сам он был там, очевидно, завсегдатаем, как и в мастерских русских иконописцев, «о ловкой подражательности которых ходят целые легенды,— таковы, например, Андрей Занцев, Гурий Иванов, Хохлов и другие (одною из таких легенд я пользовался отчасти при сочинении "Запечатленного Ангела")»[13]. Теперь к этим именам должно быть прибавлено имя еще одного знакомого Лескова — русского мастера Гвоздева (более подробных сведений о нем обнаружить не удалось).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 4. Ед. хр. 18.

2 Ср. повесть "Детские годы. (Из воспоминаний Меркула Праотцева)" Лесковский криптоним М.П. зафиксирован сыном писателя (см.: *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 129).

3 Там же.

4 Там же. Т. 2. С. 483.

5 *Тургенев. Письма.* Т. 9. С. 195.

6 *Горький М.* Собр. соч. в 30-ти тт. М., 1953. Т. 24. С. 231.

7 Цит. по: *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 407.

8 Там же. Т. 2. С. 218.

9 См. об этом также: *Горелов А.А.* Н.С.Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 151–166.

10 Художественный журнал. 1882. № 11. С. 193–295.

11 Цит. по: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 222.

12 Там же. С. 24. См. также статью Лескова "Картина профессора Ге за границей" (Неделя. 1890. 4 ноября), а также сб.: В мире Лескова. М., 1983. С. 355–356.

13 *Лесков Н.* Расточители русского искусства. // Новости и Биржевая газета. Изд. 1-е. 1884. 4 ноября.

ОБРАЗЦЫ РУССКОГО ИСКУССТВА

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫСТАВКИ В С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Известно, что академическая выставка произведений русских художников в 1871 году не состоялась: она отнесена на март месяц 1872 года; но зато в залах Академии открылись две, даже, пожалуй, три выставки: 1) выставка картин программистов; 2) выставка картин ссудной кассы художников и 3) "первая художественная выставка Товарищества передвижных выставок 1871 года" На всех этих трех выставках немало произведений, о которых стоит дать беглый отчет.

На выставке программистов обращают на себя внимание пять больших картин, написанных на программу "Воскрешение дочери Иаира", и две "Каин и Авель" Пять картин первой программы представлены учениками Академии Репиным, Зеленским, Поленовым, Урлаубом и Макаровым, и все эти молодые художники удостоились за свои произведения первых золотых медалей и отправляются для усовершенствования за границу на счет Академии. Две картины, изображающие "Каина и Авеля", написаны гг. Кудрявцевым и Савицким, и за них присуждены вторые золотые медали[1]. Наилучшею из пяти картин первой программы, кажется, не напрасно называют картину г. Репина, в которой сильно поражает превосходный эффект отражения погребальных лампад на подушке мертвой, на ее лице, на белых лилиях, окружающих ее голову и вообще на всех драпировках и на всех предметах, которых этот свет достигает, по всем направлениям. Это, впрочем, лучшая сторона картины г. Репина, которая имеет немало недостатков и между ними один весьма крупный: это совершенно непродуманное выражение лица Спасителя, не отвечающего ни идеалу, приличествующему этому лицу, ни описаниям Лентула[2], которого было начали придерживаться наши художники и которого все-таки лучше придерживаться, чем своевольно придавать лицу Богочеловека черты, типически выражающие сухость и даже гордость. Второю после картины Репина можно, кажется, ставить (и так обыкновенно и ставят) картину г. Зеленского, у которого много приятного в технике. Но в тщательно писанной картине г. Зеленского есть бросающаяся в глаза историческая неверность: художник изобразил двенадцатилетнюю дочь Иаира вполне сложившеюся женщиной. Третий художник, исполнявший ту же программу, г. Поленов, строже держался истории, но увлекся в другую сторону и написал воскрешаемую отроковицу совсем ребенком. В его картине, однако, *превосходны* только что открывшиеся глазки воскресшего дитяти и выразительность второстепенных лиц. Четвертая по счету картина, г. Урлауба, менее всех сильна по производимому ею первому впечатлению и страдает растянутостью в расположении рисунка, но в ней есть четыре прекрасно исполненные лица и, что главнее всего, едва ли не г. Урлаубу принадлежит самое обдуманное и самое благородное выражение в лице входящего Спасителя. Прекрасно также у него страдающее лицо матери и немая скорбь фигуры лежащей ниц с чем-то вроде арфы. Пятая и последняя картина этой программы, картина г. Макарова, попала не на счастливое место: она не совсем удачно освещена и много через это теряет. О ней говорят мало или, по крайней мере, менее, чем о картинах гг. Репина и Зеленского, но картина г. Макарова в этом случае испытывает на себе судьбу хороших женщин, о которых, как известно, всегда мало говорят или даже, чаще всего, ничего не говорят. В картине г. Макарова так много прекрасного, что ее несправедливо ставить ниже какой бы то ни было из произведений настоящей программы: во-первых, в этой картине замечателен превосходный, смелый и умно рассчитан-

ный рисунок; во-вторых, живая и бойкая кисть, не оставляющая порою желать ничего лучшего. Дрожащие, готовые открыться веки и поднимающаяся левая рука отроковицы поистине превосходны и в техническом отношении и прелестны, как поэтический момент.

Программы второй золотой медали далеко не равных достоинств: большие преимущества принадлежат картине г. Кудрявцева, в которой художнику посчастливилось все, начиная с расположения фигур и самого сочинения до легкого выполнения далеких планов пейзажа. Прекрасный Авель Кудрявцева сидит на земле и глядит полными доверия глазами на гордого брата, у которого внутри кипит бурная злоба и в руке сжат увесистый булыжник. Картина г. Савицкого наименее удачна и по замыслу и по исполнению: его Каин уже убил брата и в ужасе жмется к скале; он рыж, дик, писан широкими мазками. Но и в этой картине, однако, очень хорош убитый Авель, положение фигуры и все контуры тела которого чрезвычайно натуральны. В рисунке же есть большие погрешности, особенно заметные в левой руке Каина, которая представляется как бы усохшею, но притом усохшею неравномерно, так как в ней недостает только нескольких мускулов.

В программной выставке еще обращает на себя внимание единственная гравюра единственного на сей раз представителя русского гравировального искусства, г. Пожалустина[3]; эта гравюра очень хорошо исполнена художником с известной картины Караччи "Несение Креста"[4].

В числе картинок, выставленных кассою, есть оригинальные вещицы и копии, но как о тех, так и о других нечего сказать ни особенно худого, ни особенно хорошего. В пейзажном роде очень недурны небольшие картинки Клевера[5], а между этюдами с голов — одна незаконченная женская головка простой русской женщины с необыкновенно честным, мягким и нежным выражением, и голова старообрядца, читающего старую книгу.

Богатства "первой художественной выставки Товарищества передвижных выставок" гораздо обширнее и замечательнее, что и не удивительно, так как здесь, вместе с петербургскими художниками, участвуют и известнейшие из московских живописцев[6]. Тут много картин во всех родах живописи: портретной, исторической, жанровой и пейзажной. В первом роде замечательны портреты драматурга А.Н.Островского и г. Степанова[7] работы г. Перова, портреты матери историка Костомарова и г. Шиффа работы Н.Н.Ге[8], и портреты пейзажистов Васильева и барона Клодта и скульптора Антокольского — все три работы г. Крамского[9]. Выставлены также не вполне еще оконченный портрет г. Литке[10], о котором в указателе сказано, что это тот самый портрет, который будет украшать залы нашей Академии наук. Портрет этот не из самых удачных портретов г. Крамского. Есть еще портрет И.С.Тургенева работы Ге, но этот уже совсем неудачен. По исторической живописи первое место должно быть отдано новой довольно большой картине Н.Н.Ге, автора программы "*Саул у Андорской волшебницы*" и картин "*Тайная вечеря*" и "*Христос в Гефсиманском саду*" Нынешняя картина г. Ге не дает тех поводов к пререканиям, какие давала его "*Тайная вечеря*" На этот раз художник избрал сюжет, по-видимому, гораздо более сродный его манере и таланту, по преимуществу крайне реальному: новая его картина представляет Петра I, снимающего допрос с царевича Алексея Петровича. Должно, остерегаясь всех увлечений, сказать, что картина эта действительно прекрасна, и, изучая ее, решительно не знаешь, чему здесь отдать предпочтение: превосходной ли технике или полноте и силе выражения обоих лиц, особенно самого отца-императора. Здесь реализм художника сказался самою выгодною своею стороной, и, кажется, г. Ге было бы не бесполезно сильнее заняться этими чисто историческими родами живописи. Г. Ге изображает императора человеком уже несколько отяжелевшим и со следами из-

лишеств на лице, но все-таки именно *человеком* и даже *отцом*[11]. Борьба чувств или, лучше сказать, множество чувств, выражаемых лицом императора, глубоко прочувствованы и верно переданы. В жанрах останавливает на себе внимание картинка г. Мясоедова[12], изображающая девочку, идущую "по ягоды", хотя зелень, окружающая фигуру, несколько декоративна и немножко страдает искусственною пестротой листвы растений, редко встречаемых в соседстве на одной почве. Гораздо проще, естественнее и лучше "*Рыболов*" г. Перова и его же оживленная охотничья группа из трех головок, в которой один из охотников, старший, что называется, "по-охотницки" лжет двум другим. В пейзажах много очень милых вещей, и особенно достойны внимания "*Вечер*" г. Шишкина, где поразительно хороши скользящие блики заходящего солнца; "*Летняя ночь*" г. Каменева[13], "*Ловля осетров*" г. Боголюбова[14], превосходный "*Вид деревни в Нормандии*" К.Ф.Гуна[15], замечательный и по прелести фигур и по строго верной перспективе, "*Грачи прилетели*" г. Саврасова — картинка, природу которой невозможно не чувствовать: от деревьев, на которых уселись грачи, веет сыростью, точно так же, как и от оттаявшего сельского храма[16], фронтон которого, однако, чрезвычайно ярок и не в меру выписан, сообразно планам картины; "*Дорога в лесу*" того же художника.

Из скульптурных вещей обращает на себя внимание статуя Каменского[17] "*По грибы*": она изображает маленькую девочку, выжимающую свое намоченное платье.

Вот и все о теперешних выставках, но и этого очень не мало для нашего малохудожественного времени. В коротенькой заметке, какова эта, не только мудрено, но даже почти невозможно дать отзывы более обстоятельные, и поневоле приходится ограничиваться словами, значение которых слишком обще и каждым читателем более или менее понимается по-своему, но наш настоящий отчет отнюдь и не претендует быть критикой,— это не более как простое письмо о художественных новостях.

К числу новостей, ожидаемых в будущем, может быть, нелишним будет сказать, что в академическом музее вынута из рамы большая и весьма известная картина, изображающая "*Испытание силы Киевлянина — Усмаря*" (Он пробует силу, останавливая быка за шкуру.) По слухам, гравер Пожалустин предпринимает воспроизведение этой прекрасной картины в гравюре. Судя по выставленной им гравюре с "*Несения Креста*" Караччи, можно питать уверенность, что эта новая работа не будет г. Пожалустину не по силам, в чем и нельзя ему не пожелать доброго успеха.

Затем представляется нелишним сказать слова два о наших жанристах, не насчет их искусства, а насчет *выбора сюжетов*, который и на сей раз опять является чрезвычайно бедным и однообразным, между тем как литература наша, при всем своем небогатстве, далеко оставляет живопись позади себя в разнообразии и непринужденной свежести жанровых этюдов и картин. Почему бы, кажется, господам живописцам не пораздвинуть своего кругозора посредством знакомства с произведениями литературных жанристов? Как хотите, все эти "грибы", "рыбки" и "копеечки",— все это чрезвычайно скудно и сильно уже надоело. Слова нет: живописцу не следует учиться у литератора, потому что каждое искусство имеет свои законы.

Может быть, в последнем отношении не мало погрешил такой даровитый художник, как Н.Н.Ге; но речь идет не о том, чтобы гг. живописцы учились у жанристов-литераторов, а о том, чтобы они не чуждались их работ как подспорья к тому, чтобы вывести нынешний живописный жанр на степень верного художественного отражения типов, создаваемых условиями общественной жизни и государственным ростом страны. Выбор в этом случае очень разносторонен. Честнейшие из молодых художников весьма основательно ропщут на

настроение в обществе. Вкус публики действительно очень не возвышен, и изображения нагих женщин находят гораздо более легкий сбыт, чем более серьезные вещи, но не самому ли искусству надо делать усилия, чтобы бороться с этим настроением? Почему же на выставках опять все рыболовы да охотники, да девочки с вытянутою за грошем рукой?

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

Академическая выставка картин, о которой был напечатан краткий отчет в № 279 "Московских ведомостей" прошлого года, отстояла свой термин. После многочисленнейших посещений, давших кассе художников изрядный сбор, она закрывается, и картины программистов, получивших большие золотые медали, уже перенесены в другие залы. По слухам, достоверность которых кажется надежной, из пяти художников, удостоенных первой золотой медали за картины, написанные на программу "*Воскрешение дочери Иаира*", только трое немедленно же воспользуются пособием для отправки за границу на счет Академии. В числе этих троих называют г. Репина, картина которого обращала на себя всеобщее внимание необыкновенно эффектным и в то же время сильным и верным освещением, г. Зеленского, картина которого замечательна по отличной технике и экспрессии Иаира, и г. Поленова, произведение которого не задерживало на себе особенного внимания ни художественных критиков, ни публики. Остальные два программиста гг. Макаров и Урлауб, по слухам, должны будут, прежде решения вопроса об отправлении их за границу, приготовить еще по одной картине. Из этих двух художников, г. Макаров есть автор картины "*Воскрешение дочери Иаира*", на которой воскресающая девушка поэтически изображена в самом моменте смены смерти возвращавшеюся жизнью.

В мастерских мозаического отделения Академии идет беспрерывная работа над набором мозаических икон для Исаакиевского собора с оригиналов, писанных известными русскими мастерами. Кроме одного художника, занятого изготовлением мозаической иконы для часовни на могиле князя Пожарского, вся мастерская трудится для Исаакиевского собора, и эта усиленная деятельность как нельзя более понятна, если принять в расчет, что многие вынутые из своих мест и принесенные из собора в мозаическую мастерскую оригиналы оказываются сильно пострадавшими от влияний температуры в храме, где при обыкновенной домашней теплоте внизу, выше сгущается нестерпимая жара и сухмень. Есть картины, которые уже пришли в такое состояние, что для сохранения их невозможна никакая помощь: полотно их истлело и рассыпается в порошок при самом легком прикосновении, а потому замена живописных оригиналов Исаакиевского собора мозаическими их воспроизведениями представляется положительно необходимою.

Что касается достоинства работ наших мозаических мастеров, то не входя в критику находящихся теперь в производстве образцов, должно сказать, что есть работы очень изрядные, но замечательно, что вообще подбор теней часто пользуется у художников гораздо большим вниманием, чем точность рисунка, отчего, разумеется, картины не выигрывают в мозаическом воспроизведении. Этой растерянности в контуре не избегают даже такие мастера, как г. Алексеев[18] и другие художники, приобретшие себе более или менее хорошую известность своими живописными работами. Впрочем, так как дело это у нас все-таки пока еще новое, то надо радоваться и тем, что есть.

Из ученических работ (которых на виду очень немного) можно указать на довольно хорошо исполненную голову Св. Себастьяна, в которой тщательно сохранен и контур оригинала. За ученическою галереей есть маленькая лабо-

ратория, где простой русский мастер, г. Гвоздев[19], тянет на лампе цветные мозаические смальты. Берет он пропорцию сплава попросту, *на глазомер*[20], и вытягивает мозаический материал изумительной чистоты колеров и правильности расположения.

Мозаические мастерские открыты для всех, но почти не посещаются публикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Репин, Зеленский, Поленов, Макаров и Урлауб получили 1-е золотые медали,— писал И.Н.Крамской 8 ноября 1871 г. Ф.А.Васильеву.— У всех вышло настолько хорошо, что Совет не мог никому из них отказать. Только Макарову и Урлаубу, как слабейшим, с условием посылки за границу на три года, а не на шесть, и не сейчас, а когда будут деньги. Савицкий и Кудрявцев получили тоже свое, Ковалевский тоже. Итак, все довольны, и Академия и воспитанники ликуют — ну и Бог с ними!" (*Крамской И.Н.* Письма, статьи в 2-х тт. М., 1965. Т. 1. С. 101). *М.М.Зеленский* (род. 1843) — исторический живописец. Василий Дмитриевич *Поленов* (1844–1927) — известный впоследствии художник-передвижник. Евгений Кириллович *Макаров* (1842–1884) — исторический живописец, портретист. Георгий (Иван) Федорович *Урлауб* (1844–1914) — исторический живописец, жанрист. Константин Аполлонович *Савицкий* (1844–1905) — живописец, жанрист; с 1872 г. участник передвижных выставок. М.А.*Кудрявцев* (1847–1872) — ученик Академии художеств.

[2] Лентул — римский сенатор, которому, по преданию, было прислано из Иерусалима одною римлянкой описание внешности Иисуса Христа.

[3] Речь идет об Иване Петровиче *Пожалостине* (1837–1909).

[4] Лодовико *Карраччи* (1555–1619) — итальянский живописец, гравер и скульптор.

[5] Юлий Юльевич *Клевер* (1850–1924) — пейзажист.

[6] "Выставка наша,— писал И.Н.Крамской Ф.А.Васильеву 8 ноября 1871 г.,— состоится через недели полторы или две. Из Москвы двадцать три картины да здесь около двадцати — вот и все, но Перов и Ге, а особенно Ге, одни суть выставка. Итак, вперед!" (Там же).

[7] Алексей Степанович *Степанов* — художник.

[8] Т.П.*Костомарова* (1798–1875) — мать историка Н.И.Костомарова. 9 августа 1871 г. в отчете в совет Академии художеств Н.Н.Ге назвал эту картину, писанную масляными красками с натуры, портретом "Т.П.Костомаровой для Н.И.Костомарова" (*Ге Н.Н.* Письма. Статьи. Критика. Воспоминания современников. М., 1978. С. 83). Мориц *Шифф* (1823–1896) — физиолог, знакомый Н.Н.Ге.

[9] Федор Александрович *Васильев* (1850–1873) — пейзажист. Барон Михаил Константинович *Клодт* (1832–1902) — пейзажист. Марк Матвеевич *Антокольский* (1843–1902) — скульптор.

[10] Федор Петрович *Литке* — президент Академии наук. См. выше примеч. 23 к очерку Лескова "Из глухой поры. Переписка Дмитрия Петровича Журавского..."

[11] Выставка, писал И.Н.Крамской Ф.А.Васильеву 6 декабря 1871 г., "имеет успех, по крайней мере Петербург говорит весь об этом. Это самая крупная городская новость, если верить газетам. Ге царит решительно. На всех его картина произвела ошеломляющее впечатление. Затем Перов и даже называют Вашего покорнейшего слугу" (*Крамской И.Н.* Письма. Статьи. Т. 1. С. 103).

[12] Григорий Григорьевич *Мясоедов* (1835–1911) — художник-передвижник. Учился в Орловской гимназии одновременно с Лесковым. Упомянут в анонимно напечатанной статье писателя "Смерть старого человека": "Товарищами Краевича по гимназии были <...> писатель Лесков и известный художник Мясоедов" (*ПГ.* 1892. 8 февр.).

[13] Лев Львович *Каменев* (1833–1886) — пейзажист.

[14] Алексей Петрович *Боголюбов* (1824–1896) — пейзажист, маринист. О его участии в первой выставке передвижников И.Н.Крамской писал Ф.А.Васильеву 8 ноября 1871 г.: «Боголюбов уже так совсем снизошел со своего величия и униженно при Перове упрашивал Ге слиться с тем обществом, которое, Вы знаете, он устраивал в Академии. Но в бессилии, наконец, говорит: "Ну, хорошо, так и быть, я пойду к вам. Примете?" Ге и Перов говорят: "Очень рады, представьте картины, мы будем баллотировать!" Каково! О ужас, о унижение. И грома и молнии за сим не последовало, и боги Олимпа не наказали дерзких титанов?» (*Крамской И.Н.* Письма, статьи. Т. 1. С. 100).

[15] Карл Федорович *Гун* (1830–1877) — живописец.

[16] О картине Алексея Кондратьевича *Саврасова* (1830–1897), взволновавшей Лескова, Крамской писал 6 декабря 1871 г. Ф.А.Васильеву: «Но, дорогой мой, как грустно, как грустно, если бы Вы знали, что нет пейзажиста у нас. Пейзаж Саврасова "Грачи прилетели" есть лучший, и он действительно прекрасный, хотя тут же и Боголюбов (приставший) и барон Клодт, и И.И.<Шишкин>. Но все это деревья, вода и даже воздух, а душа есть только в "Грачах" Груст-

но! Это именно особенно заметно на такой выставке, где резко выражается индивидуальность, где каждая картина должна выражать нечто живое и искреннее. Всех вещей сорок две, и все хорошие, но выделяющихся пять, шесть, и это, согласитесь, много, особенно принимая в соображение выставки академические» (Там же. С. 103).

[17] Федор Федорович *Каменский* (1838–1913) — скульптор.

[18] Василий Владимирович *Алексеев* (1823–1901) — медальер Монетного двора.

[19] Сведений о Гвоздеве не найдено.

[20] Этот оборот речи употреблен Лесковым в статье “Загробные комплименты” по поводу публикации писем И.Н.Крамского: “Возьмем из синодика Крамского для примера одно лицо, не то, чтобы очень большое, но не то, чтобы и совсем малое и незаметное — возьмем художника Антона Ледакова, которого где-то откопал мастер редактировать газеты В.В.Комаров: он прикинул Ледакова на глазомер и сейчас же признал его способным писать критические статьи” (*ПГ.* 1888. 27 марта).

ЛЕСКОВ В СУВОРИНСКОМ "НОВОМ ВРЕМЕНИ" (1876–1880)

Вступительная статья, публикация и комментарии О.Е.Майоровой

В сентябре 1884 г. Лесков отправил А.С.Суворину полное упреков письмо, подводившее горький итог сотрудничеству писателя в газете "Новое время" К своему давнему литературному противнику, а в последние годы — работодателю, издателю и лукавому приятелю, с которым тщетно поддерживалась непрочная дружба[1], Лесков обращался с просьбой о защите от "нововременцев", задевавших его по разным поводам и в разных статьях[2]: «...если бы я сказал что-либо неосновательное или нечестное,— зачем щадить меня, но гнаться за мною по пятам, на каждом шагу,— какая в этом надобность? Притом же я так недавно и так немало работал у Вас, и то, что я делал в "Новом времени", не было ни образцом глупости, ни образцом бездарности»[3]. Лесков, правда, признавал в том же письме, что колкие статьи и заметки "Нового времени" были ответом на его собственные довольно резкие эскапады в адрес газеты: "Вина моя вся в том, что есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...>. Тем, кого это досадует,— лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее <...>"[4].

Сотрудники "Нового времени" в 1880—1890-е годы действительно не раз задевали Лескова и явно считали его чужим. Лесков тоже не упускал случая вступить с ними в полемику. Редакцию в целом он сильно недолюбливал — сохранилось множество тому свидетельств в его переписке 1880–1890-х годов. Но до начала 1884 г. — в течение нескольких лет, предшествовавших процитированному письму,— положение Лескова в газете было, по-видимому, совсем иным.

Масштабы сотрудничества писателя в суворинском "Новом времени", как представляется, существенно недооценены: ряд источников, прежде всего его переписка с Сувориным, до сих пор не опубликованная полностью, позволяют предполагать, что Лесков выступал на страницах этой газеты гораздо чаще и начал сотрудничать гораздо раньше, чем принято считать.

Судя по библиографии П.В.Быкова, дополненной С.П.Шестериковым[5], статьи, очерки и рассказы Лескова стали появляться в "Новом времени" с 1879 г. В 1884 г. наступила пауза — за этот год не зафиксировано ни одной заметки писателя в суворинской газете. В дальнейшем Лесков возобновил сотрудничество, но, по его собственным словам,— как "лицо стороннее, обращающееся <...> с *случайною* статейкою"[6].

Надо, правда, заметить, что в 1880-е годы писатель обычно предлагал Суворину отнюдь не "*случайные* статейки", но произведения, носившие вполне программный характер (легенды, написанные по мотивам Пролога, статьи, посвященные Л.Н.Толстому), однако в самом деле Лесков тогда печатался в "Новом времени" лишь эпизодически, от случая к случаю. На какие же годы пришлось его систематическое участие в газете? Когда Лесков — как он сам напоминал Суворину в 1884 г. — "так недавно и так немало работал" в "Новом времени"?

Сын писателя считал, что уже в 1877–1878 гг. Лесков получил "предложение сотрудничать" в суворинской газете[7]. В 1877 г. в "Новом времени" действительно появилась обнаруженная Шестериковым небольшая заметка Лескова — "Письмо в ре-

дакцию",— оповещающая о выходе в свет второго, напечатанного сразу вслед за первым, издания его книги "Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи" (2 марта, № 362)[8]. Других аргументов, подтверждающих причастность Лескова к "Новому времени" уже в 1877 г., ни сын писателя, ни Шестериков не привели[9].

Однако в архивных материалах сохранились ценные свидетельства на этот счет. Процитирую полностью короткую деловую записку Лескова Суворину, до сих пор не опубликованную и, к сожалению, автором не датированную:

"Уважаемый Алексей Сергеевич!

Отработок за обязательную ссуду, которою Вы меня спасли от напасти, будет доставлен через 10 дней.— Теперь же не побывать ли мне по известному делу у Гаевского? Не откажите, пожалуйста, черкнуть мне: какой его адрес.— Простите за докуку.

Признательный Вам Н.Лесков"[10]

Трудно сказать, о каком "отработке за <...> ссуду" здесь идет речь. Понятно, однако, что Лесков намеревался вернуть Суворину долг не деньгами, но статьей, заметкой, очерком или рассказом. В таком случае, важно выяснить, когда была отправлена эта записка.

По адресу самого Лескова, указанному в конце письма, Л.П.Клочкова (автор научного описания хранящегося в Пушкинском Доме архива Лескова) справедливо предложила следующую датировку: "Не ранее 1875, октября 4 — не позднее 1877, мая 28"[11]. Однако по упоминанию "известного дела", связанного с Гаевским, эту дату можно уточнить.

С конца 1875 г. Лесков хлопотал о помощи заболевшему фельетонисту газеты "Голос" Л.К.Панютину, известному под псевдонимом Нил Адмирари. Лесков встретил его, уже тяжело больного, летом 1875 г. за границей[12], а в ноябре того же года в Петербурге одалживал у Суворина — или у кого-то другого при посредничестве Суворина — деньги для только что перенесшего операцию Панютина[13]. Скорее всего по этому "делу" Лесков и собирался "побывать" у В.П.Гаевского, в то время председателя Литературного фонда.

Сохранилось письмо Суворина к Гаевскому, отправленное, возможно, осенью 1875 г. вместе с лесковским сообщением о плохом состоянии Панютина после операции: «Из прилагаемого при сем письма Лескова Вы увидите, в чем дело, по которому я обращаюсь к Вам за содействием. Как бы ни были мелки литературные заслуги г. Панютина в глазах критики, но я полагаю, что совершенно отвергать их невозможно. Несомненно одно: его фельетоны в "Голосе" читались в течение нескольких лет и значительно содействовали успеху этой газеты <...> С г. Панютиным я едва знаком, встречаясь с ним раза два в жизни, и мною руководит не личное чувство, не участие приятеля или человека более или менее близкого, а участие литератора к литератору. (Очевидно, этим же чувством диктовались и хлопоты Лескова, ранее не поддерживавшего дружеских отношений с Панютиным.— *О.М.*) Я не знаю, помогал ли ему Литературный фонд, думаю, что помогал; но мне кажется, что при том бедственном положении, в котором г. Панютин находится, помощь эта может быть повторена или сделана постоянной, в виде ежемесячного пособия <...> Письмо г. Лескова прошу Вас возвратить мне по миновении в нем надобности»[14].

К сожалению, это письмо Суворина не датировано. Однако сохранилось продолжающее ту же тему письмо Гаевского к Лескову от 20 мая 1876 г.: "Исполняя желание Ваше, я просил сегодня А.А.Кр<аевского> о предоставлении Панютину переводов или другой посильной работы"[15]. Возможно, к этому времени, к 20 мая 1876 г., Лесков уже самостоятельно, без посредничества Суворина, связался с Гаевским и просил его воздействовать на издателя газеты "Голос", не проявлявшего заботы о заболевшем сотруднике. Значит, приведенная выше записка Лескова к Суворину с вопросом об адресе Гаевского скорее всего была отправлена до 20 мая 1876 г. — может быть, всего несколькими днями ранее.

Если наши хронологические подсчеты верны, то "отработок за обязательную ссуду" мог предназначаться только для "Нового времени" — в 1876 г. других изданий Суворин не выпускал[16].

Есть еще — как кажется, достаточно весомые — аргументы, подтверждающие предположение, что Лесков мог сотрудничать в "Новом времени" с 1876 г., т.е. с самого начала издания газеты под редакцией Суворина (первый номер обновленного — суворинского — "Нового времени" вышел в свет 29 февраля 1876 г., и с тех пор каждый високосный год 29 февраля — в Касьянов день — пышно отмечалась годовщина газеты).

А.С.СУВОРИН

Фотография. 1870-е гг.

Российский государственный архив литературы и искусства

До нас дошли черновые автографы двух небольших заметок Лескова, сохранившихся в архиве Суворина вперемежку с лесковскими письмами и, несомненно, относящихся к 1876 г. Это маленькие отклики-рецензии на статьи из журналов "Странник" и "Христианское чтение". Вот начало одной из этих заметок: «В двух первых книгах журнала "Странник" за январь и февраль месяц 1876 года напечатаны интересные материалы для биографии известного нашего гебраиста протоиерея Павского. Статья составлена по посмертным бумагам Павского, вверенным дочерью покойного Н.Г.Мальгиной свящ. Протопопову, который их и приготовил к печати. Мы находим в этой статье между прочим следующие полные исторического значения места <...>»[17]. Далее приводились извлеченные из рецензируемой статьи обширные цитаты и пересказывались драматичные обстоятельства жизни Г.П.Павского, связанные с гонениями, которым он подвергся за свободу религиозных суждений. Собственно, этот сюжет и был для Лескова "полон исторического значения" Причем, если имя Павского, законоучителя Александра II, переводчика Библии, преподавателя Петербургского университета, всегда было связано в сознании писателя с историей религиозного вольномыслия, то митрополит московский Филарет (В.М.Дроздов), тоже упомянутый в этой заметке, на рубеже 1870—1880-х годов служил для Лескова воплощением церковного консерватизма и объектом постоянных нападок. Неудивительно, что в этой маленькой рецензии писатель уделил особое внимание мрачной роли митрополита Филарета в судьбе Павского: "Впоследствии Герасим Петрович (Павский) в частных разговорах с близкими ему лицами объяснял образ действий митр. Филарета личным недоброжелательством его к нему. По словам Павского, митрополит желал будто бы лишить его сана и сослать в монастырь на вечное покаяние. Автор статьи с этим не желает соглашаться, хотя из его же слов ниже явствует, что Павский был весьма близок к лишению сана <...>"[18].

Судя по этой последней фразе, Лесков готов был развернуть полемику со священником Протопоповым, позиция которого в целом была чужда писателю. Так, не могло не вызвать настороженного отношения Лескова прозвучавшее в статье осуждение Павского за увлечение "западною протестантскою богословною литературою"[19]. Сам Лесков всегда — а в 1870-е годы особенно — испытывал интерес к протестантской теологии. И все же он ушел здесь от полемики. Рецензия не выходит за рамки

скромного библиографического сообщения. Писатель явно был стеснен какими-то жесткими жанровыми требованиями.

Любопытно, что у заметки нет названия и она не подписана, хотя, несомненно, завершена. Перед началом текста стоят три звездочки.

Точно так же оформлена и другая небольшая рецензия Лескова, сохранившаяся в архиве Суворина. Она представляет собой отклик на напечатанную в "Христианском чтении", в январском и февральском номерах за 1876 г., статью Н.П.Барсова "К истории мистицизма в России", посвященную "подробностям той борьбы, которая происходила в первой четверти настоящего столетия в русском обществе между партией мистиков и масонов, группировавшихся около простодушного министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына, с одной стороны, и защитниками церкви <...> с другой"[20].

Лесков, как известно, всегда с глубокой иронией писал о бывшем обер-прокуроре Синода А.Н.Голицыне. В этом отношении он полностью солидаризовался с Н.П.Барсовым: «Нет ничего удивительного в том, что "простодушный министр духовных дел" (здесь взяты в кавычки слова Барсова.— *О.М.*) был плохим богословом, а богословствовавшие у него под рукою "состоявшие при нем чиновники и знакомые ему дамы высшего круга" снабдили Россию большим количеством мистических бредней <...> Дамы стоят в известных случаях вне закона, а литераторствующие в угоду начальству чиновники всегда переусердствуют»[21]. Однако в целом статья Барсова явно не удовлетворила Лескова: «Что же эти владыки, "все единогласно" обнаружившие столько негодования <...> после падения "простодушного министра": до смены Голицына понимали ли вред покровительствуемой им мистической чепухи <...>? <...> Г-ну Барсову, кажется, хорошо было бы попробовать разъяснить это по тем материалам, которые ни одному историку, кроме его, не доступны. Надо же как-нибудь снять, если можно, тень сомнения, набрасываемую <...> на независимость убеждений наших иерархов»[22]. Видимо, автор "Мелочей архиерейской жизни" и в этом случае явно готов был продолжить полемику, однако он вновь ограничился небольшой заметкой.

Такие краткие отклики-рецензии на самые разные статьи из свежих периодических изданий ежедневно появлялись в "Новом времени" в разделе "Среди газет и журналов". Составлявшие эту рубрику заметки обычно оформлялись так же, как и обе лесковские: печатались анонимно, без названия и отделялись одна от другой тремя звездочками. Основную часть текста, как и у Лескова, занимали цитаты, сопровождавшиеся самыми разными комментариями. По всей видимости, обе заметки Лескова предназначались именно для этой рубрики.

В первые годы издания "Нового времени" ее составлял К.А.Скальковский[23], но вкладчиками, очевидно, были и другие сотрудники. Суворин, в те годы "просматривавший и редактировавший всю газету сам"[24], явно ценил этот раздел. Даже находясь вдали от Петербурга, в августе 1879 г. он писал А.П.Коломнину, своему ближайшему помощнику: «"Новое время" читаю ежедневно и нахожу, что самый интересный отдел — "Среди газет" <...>»[25].

Эта рубрика действительно была живой, насыщенной разнообразным материалом и хлесткими комментариями. Нередко на ее столбцах шла серьезная полемика с другими изданиями. Об ее успехе свидетельствуют, в частности, мемуары И.И.Ясинского, вспоминавшего о неосуществленном проекте издания, куда был приглашен Суворин, и утверждавшего, что там предполагался отдел "Среди газет и журналов": "...эта рубрика Суворину понравилась, и он заимствовал ее потом для своей газеты <...>"[26].

Обе сохранившиеся у Суворина заметки Лескова не попали на газетные столбцы. Собственно, потому автографы и дошли до нас, что Суворин не послал их в типографию. Трудно сказать, что его остановило. Но в любом случае эти две маленькие заметки вряд ли можно рассматривать как свидетельство несостоявшегося сотрудничества писателя в разделе "Среди газет и журналов" Скорее, наоборот.

Обращает на себя внимание напечатанный в этой рубрике в конце марта 1876 г. отклик на последнюю часть биографии Г.П.Павского (№ 3 журнала "Странник"): он читается как продолжение рукописной заметки Лескова. Правда, он значительно короче и выдержан в более осторожном тоне. Но о главных, больше всего занимавших Лескова обстоятельствах жизни Павского здесь сказано вполне определенно: «В

"Страннике" окончена биография известного нашего ученого, священника Г.П.Павского, много пострадавшего в свое время за подозрение в неправославии и желании сделать русский перевод Библии»[27].

Сдержанность напечатанной заметки могла объясняться в частности тем, что как раз тогда, в марте 1876 г., суворинское "Новое время" переживало первые цензурные затруднения, о которых Лесков хорошо знал. 26 марта 1876 г. он сообщал П.К.Щебальскому: «Теперь идет дело о "Нов<ом> времени" Суворина, который напечатал корреспонденцию из Новгорода о неудовлетворительных порядках тамошней гимназии»(X, 447)[28].

Скромные размеры большинства заметок этой рубрики не позволяют в каждом отдельном случае решать вопрос об авторстве. Однако если Лесков действительно сотрудничал в "Новом времени" с 1876 г., то он мог участвовать и в разделе "Среди газет и журналов" Сквозной просмотр суворинской газеты убедил нас, что скорее всего Лесков печатал в этом разделе небольшие заметки на те же темы, которым посвящал развернутые выступления в других постоянных рубриках. О преимущественной тематике этих выступлений позволяет судить его переписка с Сувориным.

Сохранилось множество лесковских писем, в основном, к сожалению, не датированных, с сообщениями о подготовленных для "Нового времени" статьях, очерках и заметках. Некоторые из этих произведений удалось разыскать на страницах газеты.

В короткой деловой записке с отсутствующей полной датой (помечены день и месяц — 26 ноября,— но год опущен) Лесков сообщал Суворину о своей очередной статье: «Посылаю Вам передовичку по вопросу, который 2 года тому назад возник "руку моею" у Вас, а нынче кем-то слабо и негласно затрагивается в "Петерб<ургской> газете" Это вопрос об одиноких священниках в селах, Толстому в лад, а Лампадоносцеву не в остуду"»[29] (имелись в виду бывший обер-прокурор Синода Д.А.Толстой и его преемник К.П.Победоносцев). Статья "об одиноких священниках" с характерным для Лескова несколько витиеватым названием "Мирское лекарство на монашеский недуг" была анонимно напечатана в "Новом времени" 2 декабря 1883 г. (что позволяет уточнить и дату процитированного письма — 26 ноября 1883 г.)[30]. Удалось также обнаружить и упомянутое Лесковым его предыдущее выступление на эту тему, появившееся, правда, не двумя годами ранее (как он писал Суворину), а еще в 1879 г. (17 сент.). Это была передовая статья "К вопросу о реформах в духовной юрисдикции", где обсуждалось положение овдовевших священников, которым запрещено было вступать во второй брак.

Более раннее письмо к Суворину позволило обнаружить еще одно неизвестное произведение Лескова. В конце 1879 г. в ответ на просьбу Суворина приготовить к печати полученный в редакции анонимный памфлет "Русский князь в Палестине" (его текст сохранился в архиве Лескова в РГАЛИ)[31] писатель полностью переработал этот памфлет (крайне низко им оцененный), превратив его в большой фельетон "Новые типы захудалой знати (Rêverénd père Anastase)" (1880. 16 и 20 янв.), посвященный аферам на религиозной почве. Хотя фельетон был напечатан под криптонимом "Н.", Лесков намекал на свое авторство названием, явно отсылавшим к хронике "Захудалый род".

В другом недатированном письме Лесков предлагал собственной статьей или очерком заменить традиционный воскресный фельетон Суворина: "Если поленитесь, то прилагаемый фельетон, кажется, может годиться и для воскресенья. Он о суевериях, и весел, т.е. смешон и современен"[32]. О каком произведении шла здесь речь, пока неясно. В конце письма Лесков упоминал об очередных своих планах: «Надо бы дать мне возможность написать 2—3 "письма к светской даме" о бебеизме». Судьба этого замысла нам тоже неизвестна, однако о "великосветском бебеизме" Лесков писал в "Новых типах захудалой знати": «Это нечто предательское, коварное и более, чем всякая сторонняя враждебность, угрожающее конечным разрушением и без того уже потрясенного или даже павшего "престижа"» (речь шла о дворянском престиже). Не исключено, что в "письмах к светской даме" Лесков тоже намеревался, как и в "Новых типах захудалой знати", коснуться религиозных "шатаний" высшего общества: на рубеже 1870—1880-х годов это была одна из центральных тем его публицистических выступлений.

И наконец, важно отметить, что ряд известных произведений Лескова 1870-х годов об острых проблемах церкви, знаменовавших для него "*кризис* <...> всего церковного христианства" (VI, 538), первоначально предназначался для "Нового времени" и только после отказа Суворина был напечатан в других изданиях (статья "Патриаршие повадки"[33] и некоторые из очерков, вошедших в "Мелочи архиерейской жизни").

Все эти материалы в совокупности — как архивные, так и печатные — позволяют предполагать, что проблемы религиозной и церковной жизни стояли в центре выступлений Лескова в "Новом времени" Предположение это кажется тем более вероятным, что именно из-за статей на эти темы, отпугивавших Суворина остротой полемики с официальной церковной политикой, и произошло резкое охлаждение отношений Лескова с редакцией.

В одном из недатированных писем Суворину под воздействием какого-то очередного разногласия Лесков высказывал уже давно, видимо, накопившиеся чувства: "Много говорить пришлось бы, доказывая, что Вы *совсем не правы*. Дорожить стоит *истиною*, а не ложью, а это духовенство не носитель истины <...> Вы доведете до того, что некому будет слова религиозного сказать, и первое же духовенство от этого откажется. Ошибаюсь не я, *а Вы*. Полемики же заводить не стоит. Не хороша статья,— возвратите, и конец"[34]. К сожалению, нам не удалось установить, о какой статье идет речь. Важно, однако, что как продолжение того же разговора читается другое письмо к Суворину, отправленное в марте или апреле 1880 г.: «Не будем говорить о том, в чем, очевидно, сговориться не можем. Ясно, что далее продолжать не удобно, ни для Вас, ни для меня <...> Денег месячных мне более не давайте (с апреля), а если что Вам понадобится — я сделаю, да и мне, если придет что-нибудь подходящее — я Вам занесу,— "с воли"»[35].

Значит — судя по этому письму — до апреля 1880 г. Лесков действительно "немало работал" у Суворина, если получал ежемесячную плату ("денег месячных мне более не давайте"), а не только гонорар. Известно, что на таких условиях у Суворина нередко сотрудничали ценимые им литераторы. Так, С.Н.Терпигорев (Атава), приятельствовавший, кстати, с Лесковым в 1880-е годы, получал в газете помимо гонорара "большое, по тому времени, жалованье"[36]. На условиях помесячной оплаты Лесков мог писать не только и не столько фельетоны и большие статьи, но прежде всего маленькие и анонимные заметки в разделы "Среди газет и журналов", "Хроника", "Внутренние известия", "Листок" и др.

По письмам к Суворину неясно, в каких хронологических рамках действовало такого рода соглашение. Возможно, оно длилось всего несколько месяцев, но не исключено, что охватывало годы и что начало сотрудничества должно быть датировано 1876 или 1877 г. Показательно, что не позднее зимы 1877—1878 гг., посылая Суворину рассказ "Ракушанский меламед", Лесков предлагал: "Его можно подписать новым псевдонимом, а можно и никак не подписывать"[37]. Значит, уже к началу 1878 г. на страницах "Нового времени" было напечатано не только обнаруженное С.П.Шестериковым "Письмо в редакцию" о "Великосветском расколе", но и другие произведения Лескова, подписанные "старыми" псевдонимами.

Статьи "Нового времени" по вопросам религиозной жизни, появившиеся с марта 1876 по апрель 1880 г., представляют собой систему согласованных выступлений, за которыми чувствуется направляющая рука одного сотрудника. Показательно, что с мая 1880 г., когда Лесков перестал получать ежемесячную плату, в газете стали публиковаться статьи и заметки, явно чуждые лесковской позиции (см. об этом далее): по-видимому, не он определял отныне отношение газеты к этим вопросам.

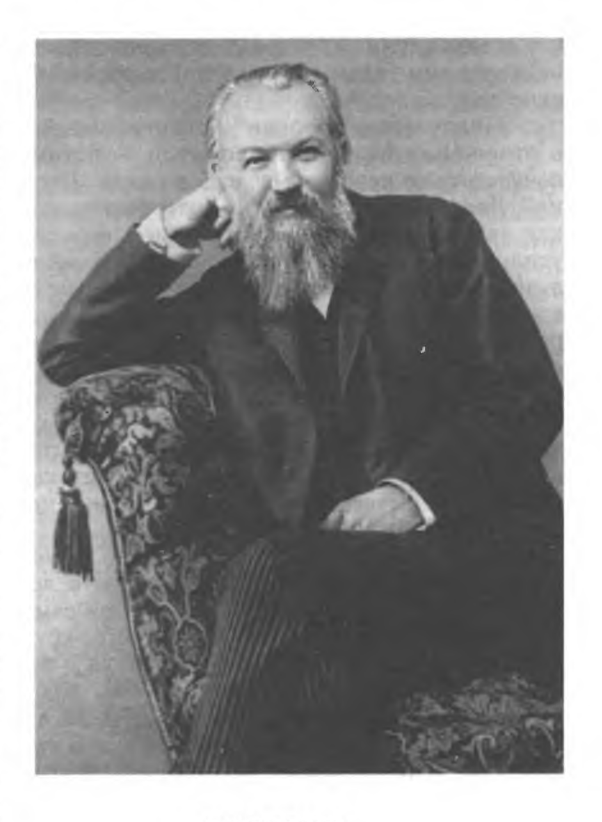
Однако, прежде чем обратиться к конкретным статьям "Нового времени", важно понять, на какой почве завязалось сотрудничество Лескова с Сувориным, что способствовало их сближению и можно ли говорить о какой-либо согласованности их позиций.

Постоянный читатель суворинской газеты, следивший за ней с первых месяцев ее издания, не без удивления мог заметить, что имя Лескова упоминалось здесь довольно часто и главным образом — в сочувственном ключе. Так, в № 96 (1876. 6 июня) в рубрике "Среди газет и журналов" сообщалось о напечатанной в "Право-

славном обозрении" разносной рецензии Лескова на журнал М.М.Дмитриева "Народный листок", при этом редакция полностью солидаризовалась с позицией писателя: "Г.Лесков смотрит на журнал с точки зрения языка и находит справедливо, что язык этот грубый, балагурский, ерницкий".

В № 268 (1876. 25 ноября) в том же разделе аннотировалась статья Лескова из "Церковно-общественного вестника" "Два слова о редстокистах"[38].

В № 357 (1877. 25 февр.) сообщалось о последней книжке "Православного обозрения", где особенно выделялось «окончание крайне любопытной и талантливо написанной статьи г. Лескова "Великосветский раскол"».

А.С.СУВОРИН

Фотография. 1890-е гг.

Российский государственный архив литературы и искусства

В № 717 (1878. 25 февр.) сочувственно цитировалась статья писателя из цикла "Чудеса и знамения": «В "Церковно-общественном вестнике" помещено весьма любопытное описание посещения г. Лесковым мистера Слэда. В заключение своего описания г. Лесков обращается к тем, которые сильно обеспокоены спиритизмом и стараются пришибить его разоблачением мистера Слэда <...>».

В № 317 (1877. 15 янв.) значительная часть раздела "Среди газет и журналов" была отведена под развернутый отзыв о статье Лескова "Подпольные пророки. (Современное явление)", появившейся в "Церковно-общественном вестнике" Эта заметка "Нового времени" представляет для нас особый интерес, поскольку позволяет судить о некоторых мотивах сближения Лескова с Сувориным. Приведем ее почти полностью:

«Мы не раз говорили о том, что у нас в обществе нередко можно встретить мнение о том, что значительную часть нынешнего патриотического возбуждения следует приписать "раздуванию" Многим кажется еще, что народная масса была бы совершенно безучастна к происходящим событиям и, если бы этого дела не раздували газеты, оно так само собой бы и потухло.

Оспаривать это мнение с доказательством противного в руках довольно трудно. Как же показать народные желания и стремления? Вот почему в смысле такого доказательства имеет большое значение небольшая книжка, напечатанная в тайной раскольничьей типографии под заглавием "Предсказание о пленении Царя-града турками и паки о хотящем быти взятии русскими, ему же есть предзнаменованием настоящая война".

Г.Лесков, который получил эту брошюру, излагает подробно в "Церковно-общественном вестнике" ее содержание, из которого мы заимствуем <...>» — и далее шли обширные выдержки из лесковской статьи.

Речь здесь шла о "патриотическом возбуждении", вызванном панславистским движением и ожиданием войны. Успех суворинской газеты в первые годы издания, как известно, в немалой мере определялся ее выступлениями в защиту славян и в пользу военного вмешательства России в события на Балканах[39]. В 1890-е годы, когда за газетой уже прочно закрепилась репутация консервативного издания, хоро-

шо осведомленному журналисту приходилось напоминать современникам, что всего несколькими годами ранее "Новое время" "было впереди общества, отстаивая сербское дело <...>"[40].

"Подпольные пророки" Лескова полностью отвечали позиции "Нового времени" в отношении балканских событий — потому статья столь обширно цитировалась и сочувственно пересказывалась в газете. Вполне в духе суворинского "Нового времени" Лесков утверждал, что "патриотическое возбуждение" "живет в самом народе как явление самостоятельное и имеющее серьезное значение": «...нельзя не оценить усилия этих простых людей, из самой темной массы, с большим для себя риском возгласивших во всеуслышание: "не требе усомневатися!"»[41]. Как и многие его современники, писатель видел в этом движении источник общенационального оздоровления: "...если бы не живое возбуждение лучших человеческих чувств участием к судьбе единоверных нам славян на Востоке, то трудно даже представить, до чего бы мы доспели с овладевшею целым обществом истомою <...>"[42].

Примечательно, что и позднее, в 1880 г., когда связанные с Балканами иллюзии у большей части русского общества уже рассеялись, Лесков на страницах "Нового времени" писал в том же духе, что и несколькими годами ранее: "...Русь связана в цельный единоверный народ, имеющий не только племенную, но и религиозную связь с большинством славян <...>"[43].

Эти настроения писателя не могли не укрепить симпатии к нему Суворина, явственно выразившейся в отзывах газеты о лесковских статьях. Правда, значительная часть этих отзывов могла принадлежать самому Лескову: практика авторецензирования была для него обычна. Кроме того, крайне трудно судить, как далеко простиралась согласованность взглядов издателя и писателя, поскольку в поддержку славян в 1870-е годы выступали представители разных течений общественной мысли — и часть радикальной интеллигенции, и либеральные журналы, и панславистски настроенные круги. Важно, однако, что в восприятии Лескова взаимопонимание в славянском вопросе могло перекрывать другие расхождения,— поскольку служило, в его глазах, почвой для консолидации общества.

Самое, может быть, существенное, что позицию Суворина середины 1870-х годов — в период, непосредственно предшествовавший Русско-турецкой войне,— Лесков рассматривал как поворотный момент в эволюции издателя "Нового времени", как знак его отказа от диктата либеральной идеологии и обретения собственных убеждений. С поразительной прямотой, хотя и не называя имен, писатель выразил эту мысль в одном из своих программных выступлений 1870-х годов — в статье "Дикие фантазии. Современные заметки" (1877).

Прослеживая здесь смену идеологических стереотипов, господствовавших в общественном сознании в пореформенную эпоху, Лесков подводил итоги пройденному за последние 10—15 лет пути — итоги, конечно, совсем не беспристрастные, но тем более автобиографически значимые.

1860-е и начало 1870-х годов он характеризовал как пагубную для литературы эпоху, когда «ложь ради направления явилась как "ложь во спасение"»: "Это перепортило и литературу, и литераторов <...> Направленские ложь и пристрастие сделались для них светом очей и, к сожалению, скоро сделались для очень многих мерилом доблести писателя <...>. Так, вместо служения насущным потребностям страны, явилось служение идолам направления <...>"[44]. Однако с началом событий на Балканах русская журналистика преобразилась: "...чем все это могло кончиться в нашей литературе, если бы ангел войны не возмутил стоячей воды мелевшего озера <...> Перед войной произошел резкий поворот <...> и <...> он совершенно неожиданно захватил таких людей, от которых всего менее ожидалось перемены в этом направлении <...> Направление это хорошо тем, что, помимо своего полезного служебного значения патриотическим целям, оно дало средство многим литературным органам круто и сразу покончить с своим тягостным прошлым; старые счеты если не сведены, то похоронены, и каждый из органов, волею-неволею, находясь в новом, более правильном течении, может теперь управить свою ладью в открытое море и не путаться в тесных заводях направлений"[45].

Говоря об этом знаменательном "повороте", Лесков в первую очередь имел в виду Суворина, знаменитого Незнакомца, автора хлестких фельетонов в либеральных "С.-Петербургских ведомостях", в значительной мере формировавшего общест-

венное мнение 1860-х — начала 1870-х годов. От него действительно "всего менее ожидалось" это "обращение" в "патриотизм", уже и тогда не лишенный националистической окраски. Однако "поворот" этот, видимо, был подготовлен задолго до начала балканских событий и задолго до того, как "Новое время" попало в руки Суворина.

Не случайно его сближение с Лесковым, точнее их возвращение друг к другу после многолетней вражды, которой предшествовали приятельство и сотрудничество в газете "Русская речь" (1861), наметилось еще в самом начале 1870-х годов. Внешне возобновление отношений выглядело неожиданным, поскольку Лесков и Суворин принадлежали тогда к разным "партиям": Лесков-Стебницкий — к "катковской" (кстати, он поддерживал в своих статьях инспирированную М.Н.Катковым реформу гимназического образования, служившую излюбленной мишенью Незнакомцу), а Суворин — к кругу либерально настроенных сотрудников "Вестника Европы" и "С.-Петербургских ведомостей"

Однако уже в мае 1873 г. Б.М.Маркевич, агент Каткова в Петербурге, сообщал в Москву: «Суворин забегает к Лескову — я сам его там встречал — предлагает "свести с Михаилом Матвеевичем". Мне поэтому очень больно было узнать, что Вы признали неудобным напечатать рассказ Лескова, находящийся ныне у Вас»[46].

Предлагал ли Суворин в самом деле "свести" Лескова с М.М.Стасюлевичем, стоявшим во главе "Вестника Европы",— сказать трудно. Но о том, что приятельские отношения Незнакомца с автором "Некуда" реанимировались еще в начале 1870-х годов, сохранились и другие свидетельства. Г.П.Данилевский писал Суворину 25 октября 1873 г.: "Из слов Лескова, встреченного мною у Милюкова, вижу, многоуважаемый Алексей Сергеевич, что Вы начинаете вспоминать Ваших знакомых,— он говорил, что Вы были у него. Очень рад за Вас. Пора Вам подумать о Ваших силах, о Вашем успокоении — елико это возможно — и о продолжении Ваших занятий, которые одни способны уврачевать в будущем Вашу страдающую душу". Примечательно, что Данилевский, сам колебавшийся в то время между консерваторами и либералами, воспринимал возобновление приятельства Лескова с Сувориным как умудрение обоих — освобождение от узких "направленских" предпочтений. Через несколько месяцев, в январе 1874 г., Данилевский с обидой вновь писал Суворину: "Вы делаетесь решительно недоступны, уважаемый Алексей Сергеевич, и меня окончательно забываете. Завидую Лескову <...> Вы у него, по его словам, опять были"[47].

Итак, в начале 1870-х годов встречи недавних противников стали нередкими и не составляли тайны в литературных кругах. Почва для сотрудничества, возможно, уже тогда была нащупана. Не случайно в январе 1875 г., когда Суворин лишился постоянного заработка после перехода "С.-Петербургских ведомостей" в руки консервативной "партии" (с которой у Лескова тогда, кстати, обострились противоречия[48]), автор "Некуда" и "На ножах" вызвался помочь Незнакомцу: "Устроились ли Вы? — а если нет, то желаете ли попробовать устроиться? <...> Мне кажется, что те новости, которые я могу передать Вам на обсуждение, достойны всего Вашего внимания как отца семейства и как литератора <...> мы непременно будем одни и можем пощупать дело, имеющее немалое значение в нынешних литературных обстоятельствах"[49].

Конечно, этот альянс должен был изумить современников, не знавших закулисной стороны литературной жизни, но хорошо помнивших, что в том же 1875 г., выпуская в свет сборник своих фельетонов, Суворин включил в него статью, впервые напечатанную в "С.-Петербургских ведомостях" в 1870 г., где с обычной для тех лет иронией писал о Лескове: «Я жил в то время (в 1861 г. — *О.М.*) в Москве, на даче, в Сокольниках, у известной нашей писательницы г-жи Евгении Тур, которая <...> издавала "Русскую речь" вместе с Е.М.Феоктистовым. Между сотрудниками были я, только что приехавший из провинции и робко вкушавший сладость литературного бытия, и г. Лесков, впоследствии преобразовавшийся в г. Стебницкого даже не по правилам, изложенным у Овидия <...> Г.Лесков пылал либерализмом и посвящал меня в тайны петербургской журналистики <...> Я был в то время ужасно робок и скромен и слушал г. Лескова как оракула»[50]. Здесь, конечно, немало автоиронии, но главный удар приходился все-таки по Лескову: Суворин нарисовал карикатурный портрет писателя, "оракула" либерализма, слишком быстро и, как он ясно намекал,

под воздействием сугубо внешних обстоятельств превратившегося в одиозного автора антинигилистических романов.

Впрочем, грань между дружбой и враждой всегда была зыбкой в их отношениях. К тому же разногласия у них возникали всегда — даже в период самого тесного сотрудничества. Сложно в деталях реконструировать идеологическую основу этого сотрудничества — тем более сложно, что "Новое время" на рубеже 1870–1880-х годов лишь "определяло свое лицо"[51]. Тем не менее импульсы к сближению были достаточно мощными, если сломили многолетнюю инерцию острой полемики Лескова с Сувориным.

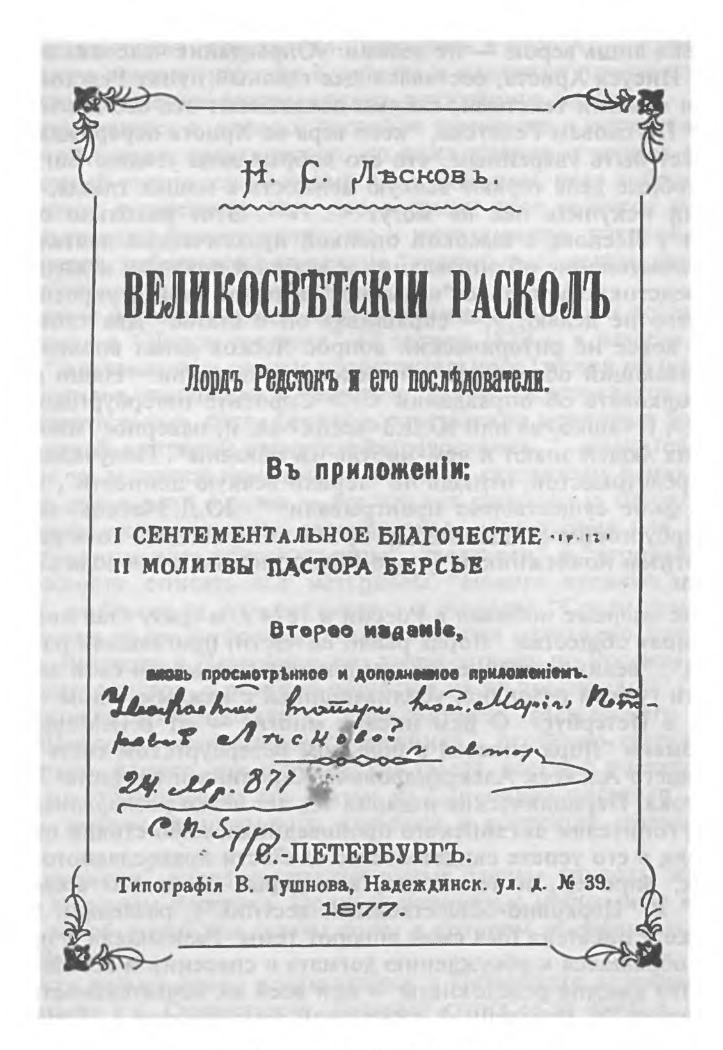
В одном из неопубликованных и, к сожалению, недатированных писем к Суворину Лесков сообщал о нескольких подготовленных для "Нового времени" статьях: «Прилагая две заметочки, просил бы одну (первую) непременно напечатать, так как, помимо некоторого интереса, она освежает в памяти то, к чему мы намерены обратиться с будущей недели. Это должен быть в своем роде "брандер", которого надо пустить вперед, чтобы он... Впрочем, Вы как опытный журналист без многих слов меня поймете. Статья для 1-го № готова и будет доставлена в субботу. Величина около 600 строк. Название "Малое стадо" ("из великосветских хроник")»[52].

Примечательны и энтузиастический тон Лескова, предлагающего Суворину одну заметку за другой, и название обещанной статьи. Нам не удалось ее разыскать на страницах газеты, хотя статья могла быть напечатан под другим заглавием. Однако из контекста лесковской публицистики тех лет ее тему можно реконструировать. Речь шла скорее всего об одном из тех "малых стад" (*Лука*, 12:32), к которым писатель проявлял настойчивый интерес в конце 1870-х годов.

Пожалуй, самый полный перечень «сектантских кружков Петербурга — "малых стад", совсем отбившихся от общего великого стада и блуждающих <...> на наших же родных пажитях»,— Лесков дал в очерках "Чудеса и знамения", где назвал несколько "еретических приютов <...> столицы", привлекавших общее внимание в зиму 1877–1878 гг.: последователи лорда Гренвиля Редстока (1831–1913), основателя секты протестантского толка, которому Лесков посвятил книгу "Великосветский раскол" (1876); русская лютеранская община, во главе которой стоял пастор Адольф Мазинг, "проповедующий на русском языке в Мариенкирхе, что на Петерб<ургской> стороне у Сытного рынка"; молельня гернгутеров на Почтамтской улице; "апостольская община", т.е. ирвингиане (или ирвингиты); и, наконец, штундисты, «собирающиеся на Песках и толкующие св. Писание по "соответствиям", почерпнутым из книги Иоания Голятовского "Ключ разумения"»[53]. Глубоко переживавший "кризис церковного христианства", Лесков регулярно посещал эти "еретические приюты" и много о них писал. Однако предложенная Суворину статья была посвящена или редстокистам, или лютеранской общине, или ирвингитам — эти три кружка в основном состояли из представителей высшего общества. Только с этими кружками и могли быть связаны "великосветские хроники"

О каждом из них регулярно появлялись сообщения в "Новом времени", причем особенно настойчивое внимание газета проявляла к лорду Редстоку, имя которого упоминалось часто и по разным поводам. Так, в феврале 1879 г. в связи с ошибкой С.П.Боткина, диагностировавшего чуму у петербургского дворника Наума Прокофьева и вызвавшего тем самым общее смятение в Петербурге (вскоре, правда, выяснилось, что дворник страдает сифилисом), "Новое время" поместило в разделе "Листок" следующую заметку: «Мы не ошиблись, сказавши вчера, что болезнь знаменитого теперь человека, Наума Прокофьева, возбудит в обществе большое внимание: она даже вызывает и энергические меры, из коих самая смелая и оригинальная принадлежит кружку наших так называемых "великосветских раскольников"». Далее сообщалось, что редстокисты намерены вызвать в Петербург своего вероучителя, "который все может поправить": «В поправке они разумеют, конечно, не физическое оздоровление, а то, что все, кому придется умереть от чумы, прежде отправления на тот свет, будут "оправдываться верою"»[54].

В этой маленькой заметке обращает на себя внимание несколько деталей: последователи Редстока названы "великосветскими раскольниками" (тем самым сделана явная отсылка к книге Лескова, уже дважды к тому времени переизданной); мы

Н. С. Лѣсковъ.

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАСКОЛЪ

Лордъ Редстокъ и его послѣдователи.

Въ приложеніи:

I СЕНТЕМЕНТАЛЬНОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

II МОЛИТВЫ ПАСТОРА БЕРСЬЕ

Второе изданіе,

вновь просмотрѣнное и дополненное приложеніемъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Тушнова, Надеждинск. ул. д. № 39.

1877.

ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ РАСКОЛ

Лорд Редсток и его последователи

Второе дополненное издание книги. Спб., 1877

В приложении статьи: "Сентиментальное благочестие" и "Молитвы пастора Берсье"

С дарственной надписью: "Уважаемой матери моей, Марии Петровне Лесковой. Автор 24 "м<а>р<та> 877 С.П<етер>бург"

Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева, Орел

сталкиваемся здесь с обычной для писателя игрой словами ("прежде *отправления* на тот свет, будут *оправдываться*"); инцидент с дворником Наумом Прокофьевым хорошо запомнился Лескову и был упомянут им в рассказе "Несмертельный Голован" (VI, 362). Но, пожалуй, важнее всего, что автор нововременской заметки обращается к вопросу об "оправдании верою", стоявшему в центре всех выступлений Лескова о лорде Редстоке, и решает этот вопрос в характерном для Лескова ключе.

И в частной переписке с последователями Редстока (с А.И. и М.Г.Пейкер, Ю.Д.Засецкой, В.А.Пашковым и другими)[55], и в многочисленных статьях и заметках, и в книге "Великосветский раскол" Лесков писал о протестантском догмате оп-

равдания человека лишь верою — не делами: «Оправдание человека верою в искупительную смерть Иисуса Христа, составляющее главный пункт Редстокова учения, он доказывает теми самыми текстами, какими доказывают это все протестантские проповедники <...> По словам Редстока, “кого вера во Христа перерождает в нового человека, тот может быть уверенным, что его добрые дела угодны Богу” <...> С этой минуты наши добрые дела теряют всякую ценность в наших глазах, потому что мы поняли, что они искупить нас не могут <...>»[56]. Этот довольно ортодоксальный вывод уживался у Лескова с высокой оценкой практической деятельности редстокистов: «...многоглаголание об оправдании и любви и докучно, и жалко <...> но действительно ли редстокисты только “вздыхают” и тешат свой неукротимый проповедный зуд, а ничего не делают?»,— спрашивал он в статье “Два слова о редстокистах”[57]. На этот вовсе не риторический вопрос Лесков давал вполне определенный ответ, обнаруживающий обоюдоострый смысл его позиции: “Наши редстокисты не любят только толковать об оправдании <...> Спросите петербургских бедняков: не знают ли они В.А.П<ашко>ва или Ю.Д.З<асецк>ой, и, наверное, многие из них скажут, что они этих людей знают и чем-нибудь им обязаны” Получалось, что “добрые дела”, в глазах редстокистов, отнюдь не “теряли всякую ценность”, и православные пастыри на их фоне существенно проигрывали: “...Ю.Д.З<асецк>ая обращалась к некоторым петербургским священникам, прося их приходить хоть раз в неделю пояснять бесприютным ночлежникам Слово Божие; но наши господа священники *сего не восхотели...*”[58].

Лорд Редсток впервые побывал в России в 1874 г. и сразу стал популярной фигурой в высших слоях общества: “Лорда рвали на части, приглашали на беседы, упивались его речами”, “великосветские салоны широко открывали свои двери”[59]. Все это вызвало в печати гулкий резонанс, усиливавшийся с каждым годом — с каждым наездом Редстока в Петербург. О нем писали многие — от В.П.Мещерского, автора памфлетного романа “Лорд-апостол в большом петербургском свете”, до Л.Н.Толстого, превратившего Алексея Александровича Каренина и графиню Лидию в последователей Редстока. Периодические издания тех лет четко распадались на два лагеря: либо тяготели к гонителям английского проповедника, либо стояли на позициях терпимости и видели в его успехе свидетельство слабости православного духовенства.

Лесков, как, впрочем, и те газеты, в которых он в это время сотрудничал (“Новое время” и “Церковно-общественный вестник”), разделяли эту последнюю позицию. Однако у писателя был свой поворот темы. Размышляя о проповеди Редстока, он всегда обращался к обсуждению догмата о спасении и всегда как бы невольно показывал, что именно редстокисты — при всей их мечтательности и “сентиментальном благочестии”[60], утонченной и смешной филантропии — ближе к православному идеалу, чем русское духовенство. “Бездельная вера” (так учение Редстока названо в цитированной выше статье из раздела “Листок”) — как ни парадоксально — побуждала ее адептов к подвижничеству, и на этой почве открывалась перспектива подлинного единения верующих. Предельно четко Лесков выразил эту мысль в своей известной статье “Религиозные новаторы. Редсток и Вальденштрем”: “...*бывшие* крепостные, еще так недавно пугавшие господами своих детей, теперь нетерпеливо ждут на лето в деревню своих *бывших владельцев*”, «им нравится петь и молиться вместе с своими господами, которых заезжий чудак научил *этим путем* “идти в народ”»[61].

Теми же идеями пронизана анонимная, напечатанная в 1880 г. (в разделе “Наброски и мелочи”) статья “Нового времени”, сообщающая о прекращении проповеди редстокистов в Петербурге по настоянию испуганных домохозяев, “которые не захотели дозволить продолжение больших сборищ детей и подростков”: “Выбитые домовладельцами из своей домашней колеи, они устремились в окрестности столицы,— в Колпино и другие места, где есть много рабочего, мастерового народа. Это, конечно, значительно хлопотнее, но кипучая энергия, одушевляющая проповедниц, все преодолевает”. Далее следовали традиционные для Лескова язвительные замечания о редстокистской концепции спасения, которые завершались столь же обычным для писателя признанием действенности их проповеди: «Всякий день в вокзале николаевской железн<ой> дороги можно видеть несколько этих “черных дам”, предпринимающих их спасительные “пилиринажи”, с целью убедить русских рабочих в коварно сокрытой от них истине, что они “спасены” и для усвоения этого спасения

им ничего более не нужно, как только "уверовать в это" <...> Кроме рабочих колпинских они также спасают рабочих Кумберга и наметили произвести спасение густого мастерового населения сестрорецкого оружейного завода <...> Все это кому смешно, кому не смешно, а, однако, достойно внимания и интересно. Как, в самом деле,— в наше не только практическое, но даже жадное и алчное время возникает такой бескорыстный религиозный порыв <...> Этак они, чего доброго, до того обеспокоят все русское духовенство, что оно в самом деле решится учредить по всем церквам не только одно богослужение, но и *учительность*, которой так давно и так вотще жаждет народ, отбегающий во всякие "учительные" секты, где есть "вумственное разумление"»[62].

В том же ключе написана и еще одна анонимная заметка о последователях Редстока, напечатанная в "Новом времени" 12 апреля 1879 г. в разделе "Листок" Ирония по поводу "жиденького и совсем несостоятельного учения об оправдании одною верою", насмешливое отношение к наивным "делам" редстокистов (речь шла об издании "бессодержательных, хотя, конечно, совершенно невинных брошюрок") сочетались здесь с едкой критикой ревнителей православия: "...спасительны те дела, которые *делаются*, и делаются немедленно вслед за сказанным о них словом. Иначе, как речи о вере, так и речи о делах,— все это vox clamantis in deserto[1*]"[63]. Обращает на себя внимание, между прочим, своеобразная, характерная для Лескова лексика этой заметки: "религиозные одномысленцы", "делатели" и "веровальщики".

Нет возможности описать все материалы "Нового времени" о редстокистах. Многие из них, особенно те, что появлялись в разделах "Среди газет и журналов" и "Хроника", носили чисто информативный характер: регулярно печатались сообщения о приездах Редстока в Петербург, его путешествиях по России, об издательской деятельности редстокистов, о реакции общества на их проповедь[64]. При этом "Новое время" постоянно полемизировало с "Гражданином" Мещерского и поддерживало выступления "Церковно-общественного вестника", особенно статьи И.С.Беллюстина. Примечательно, однако, что суворинская газета, всегда с пиететом упоминавшая Достоевского, не отозвалась на его статьи из "Дневника писателя" о Редстоке (это обстоятельство требует специального изучения в контексте отношений Лескова с Достоевским).

В "Новом времени" находили отклик самые разные эпизоды журнальной борьбы, связанные с именем Редстока. Приведу полностью небольшую заметку, дающую представление об обычном для газеты тоне, в котором обсуждалась реакция печати на проповедь Редстока:

«Говорят, что весьма плохо издававшаяся в Петербурге духовная газета "Современность" перешла к г. Старческому, который купил ее за 8.000 р. Старая редакция этой газеты отличалась направлением неопределенным, но жестким. В последнее время она особенно металась на г. Пашкова и других так называемых "непризнанных великосветских проповедников" (в кавычки взята цитата из "Великосветского раскола" Лескова.— *О.М.*), которых "Современность" чувствовала особое призвание объявить людьми, способными причинять вред. И так как почтенной редакции перед смертью удалось кого-то в этом уверить, то за недостатком у нее других литературных заслуг, пусть это одно и пойдет ей "на помин души"»[65].

Столь пристальное внимание "Нового времени" к Редстоку пришлось как раз на те годы, когда интерес Лескова к английскому проповеднику достиг апогея, несмотря на то, что "Великосветский раскол" и ряд самых известных статей писателя на эту тему уже были напечатаны. Зимой 1877—1878 гг. Лесков, по его собственному свидетельству, "прослушал <...> полный курс науки лорда <...>"[66]. Тогда же он стал постоянным посетителем вечеров М.Г. и А.И.Пейкер[67], завязал с ними регулярную переписку, познакомился с В.А.Пашковым. О сближении взглядов не могло быть, конечно, и речи. Лесков еще оставался тогда человеком традиционного православия, соблюдавшим обряды и церковные праздники. В 1870-е годы он, по справедливому замечанию исследователя, "располагал свою жизнь по дням церковного года, ходил в церковь, считался с требованиями церковного устава о постах, говел, охотно сотрудничал в духовных журналах и газетах <...> водил знакомство с представителями

1* Глас вопиющего в пустыне (*лат.*)

черного и белого духовенства <...>"[68]. Неудивительно, что Лесков критиковал редстокистов с православных позиций: оспаривал их понимание догмата о спасении, возмущался вольным толкованием Писания, высмеивал их своеобразный душевный утопизм.

Его переписка с Ю.Д.Засецкой, А.И. и М.Г.Пейкер хранит следы нескончаемых споров: "У Вас так хорошо выходит то, что Вы говорите,— писала Лескову М.Г.Пейкер в конце ноября 1878 г.,— что я слушаю и забываю, что я с Вами не совсем согласна. Когда вы уйдете, я начинаю чувствовать, что между нами есть мостик и что этот мостик временно исчезает, покуда я вас слушаю <...> То, что Вы говорили за завтраком, очень хорошо,— но слишком популярно, чтобы быть вполне истинно. Истина не популярна"[69].

По-видимому, Лесков испытывал потребность в этих спорах: любил, как он признавался, заглядывать за чужой "вероисповедный порог"[70]. Мистический опыт редстокистов, их апокалиптические предчувствия в какой-то мере отвечали тому комплексу тревожных настроений, которыми жил тогда сам Лесков. И хотя позднее, в 1880-е годы, его отношение к последователям лорда Редстока стало куда более жестким[71], интерес писателя к протестантизму[72] — как к его "ортодоксально-лютеранскому направлению", так и к "новопротестантскому обществу"[73] — сохранялся и питался прежде всего стремлением противостоять апатии православия.

Между прочим, в "Новом времени" в 1870-е годы регулярно появлялись статьи и заметки, посвященные судьбе протестантизма в России, положению баптистов, переводам на русский язык сочинений протестантских теологов и проповедников. Газета всегда подчеркивала преимущества православия как вероучения, но констатировала беспомощность официальных церковных институтов и, напротив, энергию и дееспособность протестантов: «Несомненно, что и православие носит в себе еще более широкую (сравнительно с протестантизмом.— *О.М.*) возможность послужить связующим элементом между людьми, быть "живою" верою, но для этого нужно нечто большее того, что дают современные представители церкви»[74].

Пока мы не располагаем материалом для атрибуции большинства из этих статей, однако некоторые из них привлекают к себе особое внимание, во-первых, узнаваемыми язвительными интонациями и устойчивыми лесковскими формулами; во-вторых, обращением к тем историческим примерам и именам, которые мы не раз встречали у Лескова; наконец, общей позицией автора, совпадающей с лесковской.

Так, в разделе "Листок" 27 февраля 1879 г. (№ 1077) появилось сообщение о происшедшем в Пятигорске конфликте между православным епископом и лютеранами, причем информация была почерпнута из газеты, которую Лесков внимательно читал в 1870-е годы, будучи сам ее постоянным сотрудником. Процитируем эту небольшую заметку полностью:

«"Церковно-обществен<ный> вестник" рассказывает следующий, по нашему мнению, едва ли особенно остроумный и находчивый случай духовного скалозубия, если можно так выразиться.

Евангелическо-лютеранский совет в Пятигорске обратился к преосвященному Герману[75] с просьбою: принять участие в сборке пожертвований для постройки евангелическо-лютеранской церкви в Пятигорске. Просьба совета была самая почтительная,— он просит "благосклонного участия в добром деле" Епископ передал отношение в православное братство св. Андрея, которое нашло неуместным принимать участие в сборке пожертвований на построение евангелическо-лютеранской церкви. Это, конечно, дело братства, которое, однако, могло бы и ограничиться выражением своего нежелания участвовать в сборе; но ему показалось этого мало: братство сочло нужным прочесть лютеранам нотацию в том духе, что они "преимущественно удалились от истины православия" Местный епископ, к которому лютеране отнеслись также с своею, может быть несколько неуместно, но во всяком случае нимало не оскорбительною просьбою, начертал на докладе совета православного братства следующую резолюцию: "Предложить им дар из наших духовных сокровищ,— из религиозных книг, которые могли бы доставить им правильное понятие о православной церкви, рассеять существующие в лютеранском мире предубеждения против нее и способствовать тому, чтобы оно прониклось желанием сблизиться с нею, войти под сень ее вместо того, чтобы воздвигать свой алтарь против ее святого алтаря и ставить кафедру для проповеди Евангелия, по духу Лютера, который есть омраченный страс-

тями человек"... Ответ господина епископа, как видим, совсем не отвечает просьбе, и притом имеет то большое неудобство, что не примиряет, а разражает исповедную рознь, без всякой нужды и без всякого повода. К тому же лютеранам едва ли не напрасно ставить на вид их неведение о греко-российской церкви, так как они учат церковную историю по превосходному руководству Гассе, которое хотя и переведено на русский язык в Казани, но напечатано только отчасти и то со значительными "приспособлениями", не возвышающими его исторической полноты сведений о православной церкви. Кто читал Гассе, тому мы едва ли можем предложить что-либо особенно внушительное "из наших сокровищ" И наконец, подобное вышучивание лютеран чрезвычайно не уместно и не *безопасно*. Преосвященному Герману, вероятно, не известны два очень интересные случая из архиерейской практики. Первый заключался в том, что некоторый архиерей послал пастору в подарок экземпляр книги "Камень веры", но пастор не остался у него в долгу и через два дня прислал "для его библиотеки" редкий экземпляр книги *"Молот на разбиение камня"*. Второй же нам еще более нравится: пастор просил епископа сделать какой-то сбор на какие-то надобности лютеранского прихода. Епископ, выслушав просьбу и отведя пастора в сторону, сказал ему потихоньку: "Душою бы рад помочь вам, но боюсь, чтобы от этого не вышло более разговоров, чем пользы... А вот *лично от меня* — не откажите принять, что могу сделать для бедных вашего прихода" И он дал ему сколько мог денег, а не укоризн и советов. По совести говоря, нам этот последний случай кажется во всех отношениях достойнее описанного пятигорского православного резонерства».

На "Церковную историю" профессора из Бонна Фр.Р.Гассе (Friedr. Rud. Hasse), переведенную на русский язык и напечатанную в Казани в двух томах (1869—1870), Лесков ссылался в "Легенде о совестном Даниле" (1888)[76], а также в статье "Сентиментальное благочестие"[77]. Это совпадение можно было бы рассматривать как случайное, если бы далее не излагался "интересный случай из архиерейской практики", который Лесков подробно пересказывал и в "Чудесах и знамениях"; писатель хорошо знал трактат "Молот на разбитие камня веры", часто упоминал это сочинение и имел собственные о нем соображения. В 1883 г. он советовал Ф.И.Терновскому написать работу о «стиле и духе, вероятности происхождения этого сочинения по его филологическим признакам <...> По поводу "Молота" <...> можно сказать много крайне любопытного и еще никем не развернутого. Есть ли у Вас хороший экземпляр этой рукописи? У меня есть превосходно писанный четким и красивым полууставом» (XI, 280).

Более убедительными доказательствами принадлежности Лескову этой заметки мы пока не располагаем. Однако, возможно, она была написана тем же пером, что и другая анонимная статья "Нового времени" — "В интересе русских протестантов" (1880. 7 апр.), выдержанная в том же, критичном по отношению к господствующей церкви, духе и пронизанная глубоким сочувствием к протестантской проповеднической традиции. Статья посвящена сочинениям пастора Эжена Берсье (Eugène Bersier, 1831—1889), французского проповедника, издания которого, как писал автор этой статьи, "не только в Париже, но и у нас, в Петербурге, покупаются нарасхват"

Имя пастора Берсье часто встречается в произведениях и письмах Лескова. Молитвы Берсье, переведенные с французского, видимо, Ю.Д.Засецкой, писатель напечатал в приложении к своей книге "Великосветский раскол", объяснив это тем, что "некоторые из великосветских петербургских дам, находя неудовлетворительными для себя молитвы, помещенные в православном Молитвослове, молятся по немецким и французским протестантским молитвенникам. Преимущественно же у них большим уважением пользуются молитвы сочинения пастора Берсье <...>"[78]. Однако вряд ли Лесков включил бы эти тексты в свою книжку, если бы в самом деле не ценил их. Примечательно, что в статье "Заказная литература. (Несколько замечаний по поводу образцовой народной книжки)" (1881), называя "лучших толкователей Св. писания, древних и новых", он поместил имя Берсье в соседстве с Иоанном Златоустом, Феофилактом (вероятно, имелся в виду Феофилакт Болгарский, византийский писатель XI в., автор толкового Евангелия), и Фредериком Фарраром[79]. Год спустя, в статье "Борьба ефиопов с ангелом. (Случай из явлений русской демономании)" писатель вновь упомянул Берсье в самом высоком контексте, размышляя о судьбах "христианской идеи, получающей теперь в протестантском мире такую пло-

дотворную разработку при усилиях отменной чистоты и отменных дарований людей, вроде Фаррара, Навиля, Берсье и других..."[80].

Мало того, что в статье "В интересе русских протестантов" Эжену Берсье дана столь же высокая оценка ("большой природный ум", "превосходный проповедник", отличающийся "глубокою эрудициею и анализом"), он охарактеризован здесь и как замечательный художник: его "превосходные беседы-характеристики" благодаря "наблюдательности, тонкости, нежности и теплоте" "действуют неотразимо", причем среди его лучших произведений названа "беседа" "Придворный проповедник" Именно об этой "беседе" Лесков писал позднее в заметке "Об Иродовой темнице", поставив "Придворного проповедника" в один ряд с "Иродиадой" Флобера (см.: XI, 243).

По-лесковски выглядят в этой статье и выпады в адрес духовной цензуры, которую "Беседы" Берсье не выносят "без утраты многих лучших мест" Знаменательны и уже знакомые нам упоминания о пасторе Адольфе Мазинге, "проповедующем по-русски" в "особой кирхе на Петербургской стороне" И наконец, представляется чрезвычайно важным финальное замечание анонимного автора: "Особое издание Библии на русском языке для евреев разрешено, неужто же назидательная христианская книга для русских протестантов не будет разрешена?.. Интересно и вполне желательно, чтобы из этого не вышел анекдот, который потом пойдет порхать по целой христианской Европе, аттестуя везде <...> самое наше христианство, чтобы на него можно было с удобством указывать, как оно предпочитает удовлетворение духовных потребностей евреев потребностям христиан"

Этот пассаж представляет особый интерес для атрибуции текста, поскольку получил развитие в другой статье "Нового времени", по-видимому, принадлежащей Лескову. Речь идет о статье "Два вопроса" (1881. 5 ноября), подписанной криптонимом L. и состоящей из двух самостоятельных частей, каждая из которых была отдельно озаглавлена. Первая часть — "Победа над христианством. (Торжественные признания раввина)" — служила своего рода продолжением статьи "В интересе русских протестантов", точнее — развитием ее финальной мысли. Речь здесь шла о "победе" иудаизма над христианством: цитируя "похвальбы главного еврейского раввина в Венгрии", сотрудник "Нового времени" писал: "Раввин находит, что христианство будто уже пасует, и это позволяет ему считать чувства, питаемые нами ко Христу, ни во что. Раввин убежден, что просвещение покроет христианство ледяною корою безверия <...> Но и раввин едва ли знает работу христианской мысли и слишком рано поднимает над крестом свое ветхозаветное знамя" Религиозной апатии и "мертвенному застою", царящему в "церковном христианстве", автор "Нового времени" противопоставлял истинную работу "христианской мысли" — сочинения Фаррара, Берсье, Навиля, "занимающих первое место в христианской науке и ведущих за собою ряды таких христиан, о каких г. раввин, вероятно, не имеет и понятия. Ряды эти если и не очень велики, то и не очень малы, и во всяком случае в них стоят люди высоко образованные".

Есть серьезные основания предполагать, что статья "Два вопроса" была написана Лесковым.

Дело в том, что в авторстве второй ее части — "Безбожные школы в России" — сомневаться не приходится[81]. Она посвящена вопросу о разрешении светским учителям преподавать Закон Божий. Известно, что Лесков был автором доклада "О преподавании Закона Божия в народной школе", прочитанного им на заседаниях Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения в ноябре-декабре 1879 г. и выпущенного затем отдельной брошюрой (тиражом всего 200 экз.) типографией Суворина. В статье "Безбожные школы в России" подробно пересказывался лесковский доклад — правда, имя писателя не называлось. Излагалась здесь и полемика, завязавшаяся вокруг этого доклада в печати и в официальных инстанциях. Дело тормозилось Синодом, точнее Победоносцевым, решительно отвергавшим инициативу Министерства просвещения допустить светских учителей к преподаванию Закона Божия: "В марте месяце 1880 г. Министерство народного просвещения послало эти предположения на заключение святейшего Синода, и от него до сих пор, в течение года и восьми месяцев, не имеет ни отказа, ни приказа. На этом дело и стало <...>"[82].

Сама по себе осведомленность автора статьи в официальном продвижении дела и в его обсуждении в стенах Министерства просвещения выдает в нем человека, близкого к министерству, каковым и был Лесков, в то время член Особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг для народного чтения. К.П.Победоносцев, которого эта статья задевала, прямо указывал на лесковское авторство: “Статья эта, исполненная ядовитых стрел на меня, писана Лесковым, который и в М<инистерст>ве нар<одного> просв<ещения> двигатель вопроса о светских законоучителях”[83].

Если Победоносцев был прав и “Безбожные школы...” в самом деле принадлежали Лескову (что кажется очень вероятным, поскольку статья органично включается в контекст выступлений Лескова на эту тему), то скорее всего и первая часть “Двух вопросов” — “Победа над христианством” — была написана тем же сотрудником (напомню, что подпись под обеими частями статьи была общая). Стоит отметить также, что источником фактических сведений для этой статьи послужили материалы выходившего за границей журнала “Евангелический вестник”, за которым Лесков, судя по его известным статьям, прежде всего по “Чудесам и знамениям”, пристально следил.

В таком случае заслуживают внимания еще две заметки “Нового времени” о возрастающем влиянии протестантских идей на общественное и религиозное сознание — “Хроника” (1879. 27 сент.) и “По поводу издания временных правил о введении метрических записей для баптистов” (1879. 2 окт.). Они также подготовлены по материалам “Евангелического вестника” и связаны не только друг с другом, но и с известной статьей Лескова “Ангельский трон” (1879. 12 окт.); где подводился итог последним выступлениям газеты о протестантизме. Соотносится с этими публикациями и большая, на весь “подвал” разворота статья “Об односторонности. Два мнения о причинах современных нестроений” (1880. 28 февр. и 5 марта). “В России в настоящую пору,— писал автор этой статьи,— идет колоссальное по численности и по значению отложение народных масс от господствующей церкви и переход к рациональному толку, который называется штундизмом” Религиозное возбуждение русского общества анализировалось здесь в связи с “самым жгучим вопросом нашего времени” — “вопросом социального устройства”, массовое отпадение от православия осмыслялось в контексте идеологических споров эпохи. Все это придавало статье исключительную полемическую остроту. Знаменательно, что почти вся ее вторая часть представляет собой сочувственный анализ сочинений Берсье — его критики социализма.

Мы не располагаем пока весомыми аргументами в пользу атрибуции Лескову многих из перечисленных статей: их еще предстоит осмыслить в контексте споров 1870-х годов о протестантизме в России и лишь затем окончательно решать вопрос об их авторстве. Если учесть, однако, повышенный интерес Лескова к протестантской теологии в те годы, на эти статьи стоит обратить внимание.

В апреле-мае 1880 г. в “Новом времени” впервые за годы издания суворинской газеты стали появляться статьи по религиозным вопросам, прежде всего заметки о редстокистах, явно противоречившие предыдущим выступлениям “Нового времени” Так, 5 апреля 1880 г. в разделе “Среди газет и журналов” был напечатан полемический отклик на материалы “Церковно-общественного вестника” о последователях Редстока. В финале был сформулирован приговор редстокистам, прозвучавший явным диссонансом в контексте предыдущих статей на эту тему: “...черствое учение ее (секты.— *О.М.*) идет вразрез с христианским милосердием и терпимостью и, по-видимому, представляет забаву людей, которым нечего делать. Сколько добра могли бы натворить пашковцы, если бы <...> навещали бедных, больных и проч., как учил Христос <...>”. Напомню, что ранее в суворинской газете всегда с сочувствием (хотя и не без налёта иронии) писали о широкой благотворительности редстокистов. С этого времени явно изменились не только существо, но и стилистика статей. Однако эта перемена коснулась главным образом небольших заметок, входивших в “сборные” разделы газеты. Крупные статьи в прежнем духе появлялись еще и в начале 1880-х годов. Вероятно, с апреля 1880 г. Лесков действительно перестал сотрудничать в “Новом времени” на условиях помесячной оплаты (что предполагало и систематическое участие в “сборных” разделах), но отдавал Суворину большие статьи,

А.С.СУВОРИН

Фотография. 1890-е гг.

Российский государственный архив литературы и искусства

очерки и рассказы. И все же 1880-й год, видимо, был рубежным: писатель реже стал печататься в "Новом времени", и дистанция с годами неуклонно росла.

В конце 1870-х годов в "Новом времени" регулярно печатались материалы по бракоразводному вопросу, всегда волновавшему Лескова — автора целого ряда известных произведений на эту тему. Как и во многих статьях писателя (см. "Сводные браки в России", "О сводных браках и других немощах", "Русское тайнобрачие", "Унизительный торг", "Благословенный брак", "Неуловимый многоженец"), в "Новом времени" — по преимуществу в разделе "Среди газет и журналов" — обсуждался семейный быт раскольников (1876. 13 мая; 1880. 16 янв.), высмеивалась консисторская казуистика (1878. 23 февр., 16 ноября), сообщалось о проекте изъятия бракоразводной процедуры "из консисторского судопроизводства" и передачи его "в ведение суда светского" (1879. 26 сент.; 1880. 5 янв. — разд. "Среди газет и журналов"; 1877. 14 апр., 9 июня — разд. "Административные новости"), рассказывалось о "тягостных последствиях запрещения второго брака для белого духовенства" (1876. 31 мая, 19 апр.; см. выше о статье Лескова "К вопросу о реформах в духовной юрисдикции"; ср. также слова автора "Мелочей архиерейской жизни": "самый больной вопрос вдовствующих клириков" — VI, 531). Наиболее заметные выступления газеты на эти темы — статьи "О бракоразводном вопросе" (1879. 10 авг. — разд. "Ежедневное обозрение"), "Брачный процесс" (1879. 21 апр. — передовая) и фельетон "Чертова помощь" (1879. 22 авг.) — заслуживают дальнейшего внимательного изучения как материалы, принадлежность которых Лескову кажется наиболее вероятной[84]. Представляет особый интерес заметка из раздела "Среди газет и журналов" (1880. 12 янв.), посвященная церковным основаниям бракоразводной практики (заметка написана по материалам "Церковно-общественного вестника") и предваряющая (отчасти повторяющая) более позднюю статью Лескова "Бракоразводное забвение" (см. эту статью выше в наст. томе).

Кроме того, "Новое время" постоянно оповещало своих читателей о проходившем через разные инстанции обсуждении вопроса о разрешении светским учителям преподавать Закон Божий (см. выше о статье "Безбожные школы в России"). Уже упоминалось, что Лесков в пору его службы в Министерстве народного просвещения составил обширный доклад, в котором, между прочим, были учтены и факты, освещавшиеся суворинской газетой, причем оценка этих фактов и в докладе Лескова, и в "Новом времени" полностью — иногда текстуально — совпадает. В 1877 г. газета сообщала о проходившем в Петербурге съезде законоучителей (1877. 18 и 20 февр. — Городская хроника), а затем в нескольких номерах высмеивала — как и в докладе Лескова — статьи редактора "Гражданина" князя В.П.Мещерского, осудившего ходатайство съезда о разрешении светским лицам преподавать Закон Божий: «Он просит <...> "глубоко задуматься" над тем, что постановление съезда встретило "сочув-

ствие лжелиберальных газет и осуждение князя", который всегда "отстаивал духовные интересы св. церкви и ее преданий" <...> Князь Мещерский работает, кажется, над тем, чтоб создать свою непогрешимость в делах церкви и ее преданий. Маленький папа из департамента, говорящий <...> нелепым языком старой бурсы, с употреблением "сей", "дерзаю", "благоговею", и рядом с этим, в забывчивости о своей роли — журнальная пена и всевозможные инсинуации на высший свет <...> на журналистику, на народных учителей, на священников»[85]. На страницах газеты полемика с Мещерским носила куда более вольный характер, чем в официальном докладе Лескова, причем полемика эта тянулась долго. Спустя два года сотрудник "Нового времени" напоминал о цитированной выше заметке: «Читатели, может быть, помнят, что когда вопрос о допущении к преподаванию Закона Божия лиц, не посвященных в духовный сан, был разрешен в утвердительном смысле педагогическим съездом, собиравшимся в Петербурге <...> то пресловутый изобретатель "точки" к внутренним нашим реформам (речь идет о требовании Мещерского поставить "точку" в проведении реформ.— *О.М.*) разразился столько узкою в сущности, столь же неприличною по форме филиппикою...»[86]. Подобная осведомленность о давних выступлениях газеты вполне естественна, если эту тему освещал один и тот же сотрудник. Надо сказать, что этот сотрудник хорошо ориентировался в ходе работы Лескова над докладом: "...обширный труд возложен на известного писателя Н.С.Лескова <...> Мы слышали, что этот большой труд почти окончен. Автор летом видел много школ, где давно практикуется преподавание Закона Божия светскими преподавателями и пользовался советами одного из преосвященнейших наших епископов <...>"[87]. В этой связи требуют дальнейшего изучения развернутые выступления "Нового времени" на ту же тему: "Вопрос о преподавании Закона Божия" (1879. 7 апр.), "Ежедневное обозрение" (1879. 19 дек.), "Хроника" (1880. 12 янв.). Стоит обратить попутно внимание, что значительная часть статьи Лескова "Мирское лекарство на монашеский недуг" (1880. 20 марта; см. о ней выше) тоже была посвящена вопросу о светских законоучителях.

В конце 1877 г. журнал "Православное обозрение" обещал своим читателям напечатать в следующем году "беллетристические очерки религиозного брожения в нашем обществе Н.С.Лескова"[88], Этот замысел не был осуществлен, хотя писатель расстался с ним, вероятно, не сразу. В 1879 г. он жаловался М.Г.Пейкер: "...я всеми мерами отбиваюсь от хроники религиозного движения" (X, 457). Зерно замысла сложилось уже к началу издания суворинской газеты. Показательно, что в конце 1875 г. в финале статьи "О сводных браках и о других немощах" Лесков писал: "...как-нибудь вскоре расскажу несколько анекдотов, которые могут успокоить тех, кто думает, что для нашего спасения нам не остается никакого иного средства, как требовать вмешательства правительства <...> Я расскажу кое-что о тех немногих, недавних русских проповедниках, которых недавно же очень слушали и теперь слушают, и о многих других, которых никогда не слушали"[89].

Статьи Лескова в "Новом времени" рубежа 1870—1880-х годов представляют собой богатый материал для реконструкции этого неосуществленного замысла, сыгравшего, однако, в творческой биографии Лескова важную роль: став на страницах "Нового времени" летописцем "религиозного брожения в <...> обществе", писатель пережил глубокое разочарование в "церковном христианстве" Неудивительно, что вскоре он оказался сторонником Льва Толстого.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О взаимоотношениях Лескова и Суворина см. подробнее: *Жизнь Лескова*. Т. 1. С. 368—371; *Майорова О.Е.* К истории пожизненного диалога. Из переписки Н.С.Лескова с А.С.Сувориным // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 78—84.

[2] Так, 21 февраля 1884 г. (№ 2867) появился резкий отзыв о вышедшей в свет в 1884 г. книге Лескова "Еврей в России. Несколько замечаний по еврейскому вопросу" (см. об этом: *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 227). Позднее, 6 июня, в № 3000 вновь была напечатана задевавшая Лескова заметка (см. также примеч. 4).

[3] Из литературного наследия Н.С.Лескова. Публикация J.-Cl. Marcadé // *Revue*. P. 438.

[4] Там же. P. 438. 23 августа 1884 г. в № 232 Лесков поместил в “Новостях и Биржевой газете” направленную против “Нового времени” статью “Пустозвон Питча о Тургеневе” На следующий день, 24 августа, в № 3049 в суворинской газете появился резкий ответ Лескову.

[5] См.: *Шестериков С.П.* К библиографии сочинений Н.С.Лескова // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. 1926. Т. XXX.

[6] *Revue.* P. 438.

[7] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 94.

[8] Как писал Лесков в этой заметке, его книга вызвала неподдельный интерес у широкого читателя, однако циркулировали слухи (как намекал писатель — небезосновательные), что в официальных кругах (имелась в виду цензура) “Великосветский раскол” был воспринят как сочинение не вполне благонадежное: «С распродажею вышедшего на этих днях издания книги “Великосветский раскол” в некоторых кружках распространился слух, будто новое издание этой книги *в первоначальном ее виде* невозможно по так называемым “независящим обстоятельствам”, и вслед за тем до меня стали доходить сведения о странной спекуляции довольно редкими уже теперь экземплярами первого (московского) издания» (*Лесков Николай.* Великосветский раскол. (Письмо в редакцию) // *НВ.* 1877. 2 марта). Писатель здесь же опровергал эти слухи, сообщая о полученном 21 февраля цензурном разрешении переиздать книгу без изменений.

[9] В не опубликованную до сих пор “Летопись жизни Н.С.Лескова”, составленную Шестериковым, включены — правда, без развернутых обоснований атрибуции — некоторые неучтенные Быковым статьи писателя из “Нового времени” за 1879 и 1880-е годы. Приношу глубокую благодарность К.П.Богаевской, любезно предоставившей мне возможность ознакомиться с разысканиями Шестерикова. Более ранние “нововременские” статьи, которые могли принадлежать Лескову, здесь не зафиксированы.

[10] *ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 340.

[11] *Ежегодник.* С. 73.

[12] См. его письма из-за границы к А.П.Милюкову от 9(21) июня 1875 (X, 401) и от 12(24) июня 1875 г. (X, 407).

[13] 7 ноября 1875 г. Лесков переслал Суворину денежную расписку жены Панютина: “Она очень Вам благодарна и сама заедет к Вам, как только ее муж придет в лучшее состояние. Можете вообразить себе, что с этим человеком творится? — операция <...> длилась $2^1/_2$ часа и больной вынес ее даже не крикнув <...> он снова остался жить, или терзаться,— не знаю, как назвать это. Очень рад, что Вам удалось облегчить сей день бедной женщины” (*ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 21).

[14] *ОР РНБ.* Ф. 171. Ед. хр. 274. Л. 11—11 об.

[15] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 4. Ед. хр. 19. Л. 2.

[16] Не исключено, что Лесков предлагал тогда Суворину рассказ “Ракушанский меламед” (или какой-то его первоначальный вариант). Дело в том, что известно еще одно, видимо, более позднее, письмо Лескова к Суворину, связанное с возвращением долга,— возможно, того же долга: “Пора мне с Вами рассчитаться за Вашу любезную ссуду, и я к этому приспособился. Теперь за Вами дело,— принять мою расплату. Имея в виду *Ваши* контр-жидовские статьи, я написал для Вас рассказ в этом роде <...>” (*Revue.* P. 426). Если действительно Лесков предлагал в этом письме рассказ “Ракушанский меламед”, то оно было отправлено не позднее зимы 1877—1878 г., так как рассказ был напечатан в мартовской книжке “Русского вестника” за 1878 г.

[17] *ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 232—233. См.: *Ежегодник.* С. 6. Точное название рецензируемой статьи С.Протопопова: “Протоиерей Герасим Петрович Павский. (Материалы для его биографии)” (Странник. 1876. № 1—3).

[18] *ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 239.

[19] Странник. 1876. № 2. С. 128.

[20] *Барсов Н.* К истории мистицизма в России // Христианское чтение. 1876. № 1—2. С. 128.

[21] *ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 230—231.

[22] Цитируемый фрагмент заметки опубликован; см.: *Revue.* P. 425.

[23] См. об этом письмо К.А.Скальковского к Суворину (*РГАЛИ.* Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 3921. Л. 15 об.), а также заметку, подписанную инициалами Д.М.: Сорокалетие газеты “Новое время” (1876—1916) // *ИВ.* 1916. № 4. С. 174.

[24] *Де-Воллан Г.А.* Очерки прошлого // *ГМ.* 1914. № 8. С. 158.

[25] *РГАЛИ.* Ф. 459. Оп. 2. Ед. хр. 246. Л. 16—16 об.

[26] *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.-Л., 1926. С. 119.

[27] Среди газет и журналов // *НВ.* 1876. 27 марта.

[28] 24 марта газете была воспрещена розничная продажа (см.: Сорокалетие газеты “Новое время” (1876—1916) // *ИВ.* 1916. № 4. С. 180).

[29] *ИРЛИ.* Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 62.

[30] Ранее письмо предположительно датировалось 1884 г. (см.: *Ежегодник.* С. 75. № 823). Статья “Мирское лекарство на монашеский недуг” опубликована нами в журнале “Новая Европа” (1994. № 3).

[31] Ответ Лескова на эту просьбу Суворина см.: Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 90–91.

[32] *ИРЛИ*. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 30.

[33] В бумагах Суворина сохранился автограф первоначального варианта статьи "Патриаршие повадки", значительно отличающийся от напечатанного текста (*ЦОВ*. 1877. 12 июня). В рукописи есть подзаголовок «Письмо в редакцию "Нового времени"» (*ИРЛИ*. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 234–235).

[34] *Revue*. Р. 430.

[35] Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 92. Обоснование датировки см.: Там же. С. 93.

[36] *Ясинский И.И.* Сергей Атава. Из алфавита воспоминаний // Журнал журналов. 1915. № 33. С. 12.

[37] *Revue*. Р. 426.О датировке этого письма см. выше примеч. 16.

[38] Эта статья до сих пор не включена в библиографии произведений Лескова, хотя она была напечатана за его полной подписью (см.: *ЦОВ*. 1876. 24 ноября). Текст статьи републикован относительно недавно (см.: Литературная газета. 1993. 21 июля. С. 5. Публикация О.Е.Майоровой). См. также в наст. томе статью Вильяма Эджертона "Затерянные статьи Лескова"

[39] См. об этом: *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 148.

[40] *Де-Воллан Г.А.* Очерки прошлого. С. 156.

[41] *Лесков Н.С.* Подпольные пророки. (Современное явление) // *ЦОВ*. 1877. 12 янв. С. 2, 3–4.

[42] *Лесков Н.С.* Великосветский раскол. Лорд Редсток и его последователи. СПб., 1877. С. 104–105.

[43] <*Лесков Н.С.*> Новые типы захудалой знати // *НВ*. 1880. 16 янв.

[44] *Лесков Н.С.* Дикие фантазии. Современные заметки // *ПО*. 1877. № 11. С. 501.

[45] Там же. С. 502.

[46] Письмо Б.М.Маркевича к М.Н.Каткову от 15 мая 1873 г. // *ОР РГБ*. Ф. 120. Карт. 8. Ед. хр. 3. Л. 43. Речь шла о рассказе "Очарованный странник". Последняя фраза из приведенного фрагмента процитирована А.А.Гореловым (см.: *Горелов А.А.* Н.С.Лесков и народная культура. Л., 1988. С. 185).

[47] *РГАЛИ*. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 1154.

[48] См. об этом: *Горелов А.А.* Н.С.Лесков и народная культура. С. 184–187.

[49] Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 88. Предположения о сути этого "дела" см.: Там же, примеч. 2.

[50] *Суворин А.С.* По поводу "Отцов и детей". (Из моих воспоминаний) // Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок Незнакомца (А.Суворина). СПб., 1875. Кн. 2. С. 208–209.

[51] *Чернуха В.Г.* Правительственная политика. С. 146.

[52] *ИРЛИ*. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 31.

[53] *Лесков Н.С.* Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // *ЦОВ*. 1878. 5 марта. С. 5.

[54] Листок // *НВ*. 1879. 16 февр.

[55] Письма Юлии Денисовны *Засецкой* (ум. 1882; рожд. Давыдова, дочь поэта Д.В.Давыдова) к Лескову, а также его переписка с Александрой Ивановной и Марией Григорьевной Пейкер частично опубликованы в книге А.Н.Лескова. Переписка Лескова с Василием Александровичем Пашковым (лидером русских редстокистов) найдена и опубликована Вильямом Эджертоном (см.: *Edgerton, William B.* Leskov, Paškov, the Štundists, and a Newly Discovered Letter // Orbis Scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschiżewskij zum 70. Geburtstag. Munich, 1966). Часть переписки с Пашковым до сих пор не опубликована (хранится в РГАЛИ).

[56] *Лесков Н.С.* Великосветский раскол... С. 144–145.

[57] *ЦОВ*. 1876. 24 ноября (см. выше примеч. 38).

[58] Там же.

[59] *Автономова Л.И.* Воспоминания о жизни и деятельности протоиерея И.В.Васильева // *ИВ*. 1916. № 11. С. 304. См. также: *Достоевский* XXII, 366.

[60] Название одной из первых статей Лескова о редстокистах (*ПО*. 1876. № 3).

[61] *НВ*. 1879. 29 мая. В связи с успехом проповеди Редстока православное духовенство критиковал и священник И.С.Беллюстин, в те же годы также сотрудничавший в "Новом времени" Однако перечисленные статьи принадлежать Беллюстину не могли. Об этом свидетельствует его письмо к Лескову: «По поводу того, что Вы пишете, скажу теперь немногое. Моя мысль — не путаться в диалектических тонкостях "об вере оправдывающей" и тому подобных отвлеченных предметах, а просто без всяких хитроумных разглагольствований (ни к чему кроме смут в убеждениях не ведущих) идти путем, указанным Евангелием. О чем толковать, когда идеал перед глазами» (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 4. Ед. хр. 12. Л. 4–4 об.).

[62] *НВ*. 1880. 9 апр. Попытки проповедовать в густонаселенных фабричных пригородах Петербурга и позднее — уже вне связи с редстокистами — служили темой выступлений "Нового

времени" (см.: например, заметку "Что желает слушать простолюдин" // *НВ*. 1882. 27 янв.; подробнее о ее возможной принадлежности Лескову см. в наст. томе сообщение А.Д.Романенко "Общественные связи Лескова 1880–1890-х годов"). Однако обсуждаемая заметка о редстокистах позволяет высказать предположение, что именно последователи Редстока побудили Лескова посетить рабочие окраины Петербурга, а также "сестрорецкий оружейный завод", с которым связано возникновение замысла "Левши" (в этом контексте важно упомянуть, что издававшийся редстокистами журнал, в котором сотрудничал и Лесков, назывался "Русский рабочий").

63 Листок // *НВ*. 1879. 12 апр.

64 Кроме названных, см. также: Среди газет и журналов // *НВ*. 1876. 23 марта, 22 мая; Городская хроника // Там же. 1876. 2 дек.; Внутренние известия // Там же. 1877, 10 июля; Хроника // Там же. 1879. 1 окт.; 1880. 16 марта.

65 Листок // *НВ*. 1879. 5 февр.

66 *Лесков Н.С.* Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // *ЦОВ*. 1878. 5 марта. С. 5.

67 См.: *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 58.

68 *Кудрявцев П.П.* Из моих лесковиан // *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 825. Л. 68.

69 Там же. Ед. хр. 276. Л. 3.

70 Там же.

71 Подробнее о продолжении диалога Лескова с редстокистами см.: *Edgerton, William B.* Leskov, Paškov, the Štundists, and a Newly Discovered Letter (см. примеч. 55).

72 См. об этом обстоятельное исследование: *Muckle, James*. Nikolai Leskov and the "Spirit of Protestantism", Birmingham. 1978.

73 *Лесков Н.С.* Чудеса и знамения... С. 3.

74 По поводу издания временных правил о введении метрических записей для баптистов // *НВ*. 1879. 2 окт.

75 Речь идет о епископе Кавказском Германе (Александр Космич Осецкий; 1828–1895).

76 См.: *Соч*. Т. 10. С. 90.

77 *ПО*. 1876. № 3. С. 540.

78 *Лесков Н.С.* Великосветский раскол... С. 3. (пагинация 2-я).

79 *ИВ*. 1881. № 10. С. 385.

80 Там же. 1882. № 3. С. 702.

81 Текст статьи "Безбожные школы в России" и обоснование атрибуции см.: *Майорова О.Е.* "...Жаль наших православных..." (О затерянной статье Н.С.Лескова "Безбожные школы в России")" // Путь. 1994. № 5. С. 183–193.

82 Там же. С. 191.

83 Письмо К.П.Победоносцева архиепископу Харьковскому Арсению от 27 декабря 1881 г. // *ОР РГБ*. Ф. 230. Карт. 9804. Ед. хр. 4. Л. 35.

84 См. выше подготовленную В.О.Пантиным публикацию фельетона "Чертова помощь"

85 Среди газет и журналов // *НВ*. 1877. 22 февр.

86 Среди газет и журналов // Там же. 1879. 14 сент. См. также далее перепечатанную из "Петербургской газеты" статью "Въезд князя Мещерского в Петроград на семнадцати подводах".

87 Там же.

88 Объявление об издании "Православного обозрения" на 1878 г. // *НВ*. 1877. 9 дек.

89 Гражданин. 1875. № 9.

ТОРГОВЛЯ В ПЕТЕРБУРГЕ КНИГАМИ ДУХОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Постом у нас усиливается спрос на книги религиозного содержания. В некоторых странах католических и протестантских на удовлетворение этому спросу обращено большое внимание, у нас же наоборот — очень недостаточное. Например, в таком большом городе, как Петербург, книги специально духовного содержания продаются только в синодальной лавке, помещающейся в низке, под зданием Синода, да в другой лавочке того же учреждения, помещающейся в доме духовного ведомства на Литейной. Кроме этих двух казенных лавок, книгами духовного содержания торговали Кораблев и Сиряков на Садовой, но оба эти торговца умерли, и магазины их до сих пор стоят запечатанными[1]. Есть еще магазин духовно-нравственных книг по Гороховой, но содержатель его г. Блиссмер — немец, и отбор духовных книг у него не совсем отве-

чает вкусу русского читателя[2]. Встарь это было не совсем так, и когда этот магазин держал Меер, а потом, когда издавал русские книги вначале сам Блиссмер,— дело шло иначе. Но известно, что старые запасы русских книг "мееровского издания" у Блиссмера давно уже вышли, а нынешняя литературная новь его магазина *не им издается*. Новые русские книги этого магазина стряпаются великосветскими ревнителями, стремящимися переправить религиозные заблуждения нашего народа во вкусе нового великосветского вероучения,— бессодержательного и чуждого евангельской цельности. Отсюда понятно, что люди, которые в силах отличить эту религиозную вытяжку от цельности Евангелия, чувствуют в ней нечто отталкивающее. Итак, одного из частных магазинов уже нет, а другой может удовлетворять потребностям только весьма немногих нововеров. Для удобства же всех прочих остаются *только две* синодальные лавки, из коих одна помещается в низке под Синодом,— в месте отдаленном, малолюдном и мало прохожем. Туда надо идти *нарочно*, и притом эту лавку (так же, как лавку сенатскую) надо знать, как найти, и, отыскав ее с значительною натугою, спускаться по ступеням в ее подземные склепы не без неприятности. Самою удобною *для публики* остается лавка в доме духовного ведомства по Литейной. Конечно, это не особенно много, но оказывается, что и этого много, ибо, говорят, синодальная лавка на Литейной, *самая удобная для публики* лавка, будет закрыта, и притом даже в очень непродолжительном времени. Если это верно, то что тому за причина? Одни об этом говорят одно,— другие другое, но в общем все это сводится к маловыгодности этой лавки, которая торгует будто бы только тысяч на восемь в год, и что Синоду выгоднее будет ее закрыть и сдать это помещение внаем. Неужели Синод руководствуется только домовладельческими соображениями? Не верится. Что же касается действительно поразительной малости годового оборота синодальной лавки, то этот ларчик просто открывается. Синодальная лавка на Литейной *запирается* круглый год в восемь часов вечера, а по субботам и "предпразднествам" еще ранее, а в воскресные и праздничные дни вовсе не открывается. Следовательно, *она закрыта для народа как нарочно, именно во все то время, когда простой человек свободен от работы и может пожелать зайти купить себе религиозную книжку*. В "Московских ведомостях" как-то писали недавно, будто у нас в Петербурге теперь сильно озабочены созданием целой серии новых назидательных книг для народа. Разъяснения этому делу до сих пор еще не слышно; но пока новое-то созидать,— не худо бы подумать о том, чтобы людям было доступнее старое, хотя и давно изданное, но до сих пор еще вполне пригодное.

Заметка напечатана в разделе "Хроника" 18 февраля 1879 г. Атрибутируется по связи с известной статьей Лескова "Религиозное врачебноведение и адвокатура" (1880. 9 февр.), где писатель ссылался на публикуемую заметку: "Нет года, как мы говорили в нашей газете, что из двух синодальных книжных лавок в Петербурге одна на Литейной закрылась", а также по связи с другой известной статьей Лескова "Литературный разновес для народа" (*НВ*. 1881. 30 сент.), которая явилась непосредственным продолжаемой публикуемой заметки. О возможной принадлежности Лескову статей на эту тему в "Петербургской газете" см. далее публикацию Т.А.Алексеевой.

[1] Николай Петрович *Кораблев* (1814 или 1815 — 1877) и Михаил Никитич *Сиряков* (1824 или 1825 — 1878) держали магазин духовных книг на Б.Садовой, д. 12 (см. *Михневич Вл.* Петербург весь на ладони. СПб., 1874. С. 529). С 1845 г. они совместно вели издательские и торговые дела: "...фирма Кораблева и Сирякова сделалась известна всему русскому православному обществу. Начавши свое дело с самыми ничтожными средствами <...> они выпустили в свет свыше 50-ти изданий, значительно обогативших нашу духовную литературу" (*А.Д.Б.* <Бочагов А.Д.> Представители духовной литературы в книгопродавческом мире // Посредник печатного дела. 1892. № 3. С. 17).

[2] И.Г.*Блиссмер* (1804–1880) издавал книги и брошюры, подготовленные последователями Редстока (см.: XI, 132–133). Возможно, Лескову принадлежит некрологическая заметка о нем,

напечатанная в "Новом времени" в разделе "Хроника": "Это был человек больших христианских убеждений, чистой совести и превосходного сердца" С тех пор, как Блиссмер "страстно предался религии", "распространение Священного писания сделалось главною заботою его жизни. Он снял от Меера магазин духовно-нравственных книг на Гороховой и до смерти вел эту малоприбыльную торговлю с удивительным терпением, аккуратностью и с такою честностию, что даже чисто деловые отношения с ним всегда приносили большое удовольствие" (*НВ*. 1880. 9 марта). Несовпадение в оценке деятельности редстокистов по распространению Писания в процитированном некрологе и в публикуемой заметке (см. далее) отражает характерные для Лескова колебания в отношении последователей лорда Редстока (см. об этом подробнее во вступительной статье).

<ЛИСТОК>

Ни для кого не тайна, что на Гагаринской набережной, в Петербурге, в доме некоторого "богатого человека"[1] собираются два раза в неделю религиозные люди, любящие послушать Св. писание и помолиться "своими словами" По четвергам вечером здесь собирается христианская интеллигенция большого света, а по воскресеньям, в предобеденные часы — смесь,— господа и простолюдины. Собрания эти никому не вредны, и такими, вероятно, понимает их администрация и полиция столицы. По крайней мере, полиция никогда не нарушала и теперь не нарушает мирной тишины богомыслия этих религиозных одномысленцев, и они свободно ничтоже сумняшеся толкуют себе, про свой расход, Писание и молятся о спасении грешников, которые еще не усвоили спасения посредством *оправдания верою*, а не делами усовершенствованной христианством совести. Жиденькое и совсем несостоятельное учение об оправдании одною верою и составляет всю ересь этих отщепенцев. Ересь, кажется, столь не опасная, что ее очень можно снести и не заносить на нее никому жалобы. Но, сколько нам известно, между нашими специалистами боговедения были и такие, которые не гнушались ударить по этому случаю маленький набатик, но неуспешно: колокола не загудели, и свобода "молиться своими словами" и блуждать в мистических туманах по Библии остается неотъемлемым уделом охотников до этих занятий поныне. Но вот у великосветских "святых" является новый противник и притом с оригинальным и для наших мест и дней,— и смелым приемом.

Вот в чем дело.

Богочтители Гагаринской набережной, помолясь и поблаговествовав о спасении верою, в изобилии раздают своими щедрыми руками не малоценный хлеб вещественный, а самый лучший духовный хлеб, вкисший на их легких дрожжах и выпеченный на вольном духе. Они раздают брошюрки, которыми и так, и иначе силятся доказать, что все спасение человека в вере, в одной только вере, без всяких усилий самовоспитания ума и сердца. Эти почти бессодержательные, хотя, конечно, совершенно невинные брошюрки, разносятся простонародными богочтителями повсюду и, признаться, на наш взгляд, вреда не делают. Простолюдину что ни почитать "от божества",— все хорошо,— ему даже иногда чем непонятнее, тем интереснее. Это такой фокус в русской набожности, которого чужому человеку не понять. Но вот "делатели", враждующие с "веровальщиками", взялись за новое оружие: они задумали воевать с распространителями брошюр их же оружием: вот уже два раза как люди выходят из дома на набережную, их тут же, поблизости, встречают "делатели" с религиозным<и> же брошюрками и листками, по виду совершенно похожими на те, которые дают верователи, но совсем иного, более реального направления. Вот один из них, которым были во множестве снабжены богомольцы в минувшее воскресенье, 8-го апреля. Под виньеткою, изображающею Христа, между прочим, читаем: "Если кто благодетельствует нам, то мы без сомнения стара-

емся быть благодарны,— это наш долг. Чем же должна выражаться благодарность к избавившему нас от вечного мучения? Любовию к ближним нашим. "Заповедь новую даю вам, сказал Господь, да любите друг друга" "Еще кто речет: люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть" Итак, поспешим утешить скорбящих, одеть раздетых, накормить голодающих. Не будем ожидать, пока они придут к нам, но поспешим сами отыскать их: отрем слезы плачущих, и нас утешит Господь. Единственная верная надежда спасения — это *добрые дела*" Резон; но прибавим от себя: спасительны те дела, которые *делаются,* и делаются немедленно, вслед за сказанным о них словом. Иначе, как речи о вере, так и речи о делах,— все это vox clamantis in deserto. По прекрасному выражению Блекки, не подлежит сомнению, что "религия должна быть *практикуема*, что вера имеет значение только при условии *добрых дел,* но надо показать слушателям, *что могут значить в понедельник* все фразы, прозвучавшие в воскресенье"[2]. Вот этого-то и нет.

Интересно, однако, что противодействие великосветской проповеди об оправдании верою, говорят, руководимо какою-то женщиною, энергически ополчившеюся против друзей отлучившегося Редстока.

Статья напечатана в разделе "Листок" без названия 12 апреля 1879 г. Основания атрибуции — см. выше, во вступительной статье.

[1] Речь идет о В.А.Пашкове (см. о нем подробнее во вступительной статье).

[2] Джон Стюарт *Блекки* (1809—1895), профессор греческой словесности в Эдинбургском университете, автор популярных в России книг "Четыре фазиса нравственности: Сократ, Аристотель, христианство и утилитаризм" (М., 1878; см. рец.: *ОЗ.* 1878. № 11) и "О самовоспитании умственном, физическом и нравственном" (СПб., 1879; обе книги неоднократно переиздавались). Лесков неточно цитирует первую из них, где обсуждался догмат о спасении (см. с. 179).

НОВЫЕ ТИПЫ ЗАХУДАЛОЙ ЗНАТИ
RÉVÉREND PÈRE ANASTASE[1*]

I

Среди однообразных и лишенных всякой занимательности фигур, какими изобилует общество, очень интересно встречать оригинальных и находчивых людей, которые выслеживают для себя новые и необыкновенные пути житейского благоустройства.

Героев такого рода борьбы теперь более всего дает наша "захудалая знать", которой жить надо и жить нечем. L'abîme appelle l'abîme[2*]. Отчаянное положение, вызывающее и отчаянные усилия, заставляет их проходить самые мучительные стадии, чтобы взять что-нибудь в непривычной борьбе за существование.

Но прежде чем говорить о нашем герое, мы должны бросить хоть самый беглый взгляд на историю, которую вообще проходила и проходит в наше время русская захудалая знать.

Захудание русской знати, кто бы что ни говорил,— есть явление, находящееся в прямой и непосредственной связи с освобождением крестьян. Захудалые бывали и прежде, но те совсем не похожи на нынешних. Те были в самом захудании сановитее и крепче. Нынешние нимало за себя не постояли и с "де-

[1*] Преподобный отец Анастас (*франц.*)

[2*] Бездна призывает бездну (*франц.*)[1]

вятнадцатого февраля"[2] сразу в галоп пустились на все руки: они метнулись и торговать, и маклачить, и факторовать. Наиболее бойкие и притом родовитые пошли в службу к бывшим шинкарям и откупщикам, давали напрокат свое имя, наконец, просто-напросто служили "на вестях" репортерами у различных коммерсантов, которым для тех или иных, конечно, не особенно возвышенных целей было нужно знать секреты высшего начальства. Одно время,— именно время железнодорожной горячки, это репортерство было азартною службою нашей захудалой знати, и кто только тут ни попользовался известными ее представителями; чьи достославные имена ни потрепались по жидовским и "хамским" передним? Обмелевшие правнуки славных прадедов вели здесь даже борьбу и наперерыв выживали один другого, стараясь отличиться юркостью и умением выхватить весть прямо из первых уст, и чем выше, чем представительнее был тот, которого они предавали, тем это считалось достославнее. Но их не долго хорошо ценили на репортерском поприще: сметливый купец скоро заметил, что они "говорят много пустого": разночинец оказался гораздо их смышленее, и он их выжил. Всегда и везде им кто-нибудь мешал, особенно разночинец, который, кстати, в это время пришлифовал в себе благородные манеры и беззастенчиво пошел бить на то, чтобы выбросить родовую захудаль за борт и стать ее заместителем... Борьба эта еще по сю пору не кончена, но чем она кончится, предсказать нетрудно: разночинец одолеет. Это так намечается и иначе не может быть. Разночинец повсюду удобнее, потому что он деловитее. Мы говорим это без желчи и без радости, потому что вовсе не видим и причины, чему тут радоваться в этой замене, но считаем бесполезным и сокрушаться о том, "что в высшем суждено совете"[3]. Теперь,— а может быть, и всегда — выше всяких метаний и усилий пересоздать строй дел по-своему надо считать благоразумное беспристрастие и терпеливую внимательность к фактам, совершающимся по направлению, указанному силою бесповоротною. Нам остается только наблюдать, только смотреть и слушать, как бьется за свое существование эта кореева рать, у которой под ногами трясется и опускается почва. Мы не можем не интересоваться тем: где мы встречаем ныне этих ратоборцев и где еще имеем вероятность их встретить? Но сугубый интерес для современника они имеют на тех поприщах, где они являются с двоякою целию: поддержать себя под предлогом поддержки вековых устоев всякого рода. В этом отношении у них есть несколько настроений, из коих одно, можно сказать, составляет в своем роде *последнее средство*. За него берется тот, кому все пути заказаны и кто ни к чему не может пристроиться,— это религия,— спасение России верою. Наш герой из этой кучки, с которой тоже надо кратко познакомиться, прежде чем дойти до единоличного анекдота.

II

Тяготение захудалых к захвату религиозных дел в свои руки было дважды предсказано: раз при начале крестьянской реформы и потом при появлении в свет поэмы графа А.К.Толстого "Иоанн Дамаскин"[4], которая производила особую "сенсацию" в "свете" и подала многим мысль о новом поприще. Чуткие души, из тех, которых бабушки не умели ворожить с успехом, многозначительно повторяли:

О, отпусти меня, калиф.
Дозволь дышать и петь на воле.

Их услыхали и не задержали: они были свободны идти "дышать и петь" Но как же, куда и какими путями они шествовали? Путь их не был простой путь народный, каким идет русский простолюдин, чувствующий искреннее призвание "удалиться от мира" или даже ищущий в этом удалении покоя от житей-

ских забот о хлебе насущном. Нет; они долго колесили, хромая на все колена, пока не примирились с тем, что самый короткий путь есть самый прямой. Но зато самая эта околесица представляет картину времени и нравов.

С Востока печатаются корреспонденции, а в известных городских кружках идет молва о похождениях одного из таких, как их нынче называют, “православных аббатиков”[5]. Это человек очень типический и интересный потому, что в нем обобщается множество черт и свойств его “ближних, искренних и совоспитанных ему” Мы имеем некоторую возможность сгруппировать о нем нечто более раннее, чем похождения его на Востоке: и нам это кажется достойным внимания очеркнуть. Как рос, зрел и укреплялся духом и запасался отвагою этот смущающий ныне св<ятую> землю аскет, комик и интриган русского великосветского круга.

Герой нашего рассказа — потомок древнего русского рода. Той самой фамилии, какую он носит, известны князья, но он *не князь*[6]. Княжеская отрасль этой некогда громкой фамилии недавно угасла в лице последнего ее представителя. Но как мы в большинстве народ во всех геральдических вопросах до того несведущий, что не умеем отличить ни одного герба и не в состоянии вывести обстоятельно ничьей родословной, то молодой герой нашего рассказа получил у нас княжеский титул “не по грамоте” Его звали “князь”, он на это откликался и тем достаточно закрепил за собою не принадлежащий ему титул. Мы не видим необходимости разрушать это и будем продолжать называть его “князем”. Дело не в том, как этот авантюрист называется, а в том, что он устроил и как до этого воспитался.

Прежде всего — насколько здесь участвует семья и школа.

Князь был сын подрукавного аристократа, имевшего некоторые, довольно слабоватые, связи по собственному родству и несколько более значительные по жене. Она принадлежала к одному из родов, пришедших в захудалость, но имела некоторые причины рассчитывать на некоторое содействие людей в силе. При этом она имела огромную претенциозность и более заботилась о некоторых мелочах положения, чем о карьере мужа. Но возможно и то, что он был уже чересчур плох, и на вид выдвинуть его было невозможно. Ему дали должность председательствовать в некотором второстепенном учреждении, и на этом его позабыли. В существе, он, конечно, не стоил и этого, и был настолько благоразумен, что не роптал. От должности своей он мог жить хорошо и к тому же имел где-то небольшое именьице, которым, разумеется, не занимался, по дворянской рутине, предпочитающей хозяйство неверной и беспокойной служебной карьере. Точно так же было небольшое именьице и у жены, но ее претенциозность еще менее допускала мысль о том, чтобы *прилечь* к земле, и как деды говорили: “приукрепить и приумножить” Приумножение ее занимало, но совсем иным путем и иными средствами. Она бредила аристократизмом, считала своего мужа человеком ничтожным, а себя униженною и оскорбленною неровным браком, который удалил ее от света и сделал какою-то жалкою губернскою чиновницей. Жизнь в семье была мучительная — полная претензий, желчи и капризов. Муж, каков бы он ни был, не нашел ничего лучшего, как утешаться от своего домашнего ада в особом маленьком парадизе, какой он мог себе устроить при небольших своих средствах и не особенно большой умелости. Мать утешалась иначе: с этой стороны она была чиста как кристалл; каприз давно истравил в ней всякий след темперамента, да к тому же при ее высоком о себе мнении, глаз ее не мог ни на ком остановиться,— все было ниже самомалейшего ее внимания. У нее возобладали надо всем материнские инстинкты и попечительность о сыне, что и принесло этому бедному молодому человеку большой и непоправимый вред.

На этом месте можно бы кстати сказать о характеристике избытка и недостатка родительской любви в свете, но, чтобы не задерживать историю, скажем кратко и глухо, что там труднее, чем где-нибудь, разобрать, любят дитя для него или для самих себя.

Наша дама предалась сыну со всею страстностью женщины, беспредметно раздраженной, и употребила все силы и старания испортить его как можно полнее и глубже. Конечно, она это делала без всякого злого намерения. Его вырастили,— выходили и воспитали в презрении к настоящей его обстановке и в благородных преданиях той среды, от которой они были удалены несправедливостью рока. Тверже всех уроков он знал, что его место в высшем кругу и что он по всем правам должен туда возвратиться и вознаградить себя там всеми высшими удовольствиями за все претерпенные унижения и беспорядки. Что их место *там* — "в свете" — в этом мать нашего "князя" не сомневалась, и она могла верить в это тем сильнее и искреннее, чем собственные ее представления о "свете" были шатче и несостоятельнее. А они именно были таковы и нимало не отвечали современной действительности. Рожденная и выросшая в богатом, хотя и не в своем, но однако в близком родственном доме, в крепостное время, когда в женских апартаментах подобных домов и знать не знали о том, где добываются деньги, она и вообразить не могла, что возможны такие положения, при которых грубые мужики "в овощенных лавочках в долг не дают". А эти положения уже существовали, и они были во всех отношениях хуже того, каким тяготилась мать нашего будущего князя. Муж ее, был ли он умнее или не умнее ее, это знал, а она не знала, не верила этому и не могла поверить; она только "ажитировалась и револьтировалась" и все билась "в свет", в столицу. Это продолжалось до тех пор, пока она сшибла все с панталыка и переехала в Петербург. Муж ее был "причислен" к одному ведомству, где он ничего не делал и получал более очень многих делающих, но однако для жизни благородного семейства этого получения все-таки было недостаточно. С этих пор начинается падение семейных нравов по известному шаблону, выработанному и утвержденному обычаями современной захудалой знати.

Сначала пошло побирательство в жалобном, но благородном тоне; они беднились с грацией, в чем несчастная мать семейства, быстро понявшая положение, оказала много такта. Впрочем, как выше сказано, приемы были стереотипные и уже значительно изношенные другими дамами из знати, предупредившими эту в школе захудания[1*]. Она вязала пуховые платки, которые будто бы отличались большими достоинствами, и продавала их будто бы по очень хорошей цене куда-то за границу, где ничего подобного не видали. Разумеется, все это было вздор: платки она действительно вязала, но очень обыкновенные, которые не выдерживали никакого сравнения с оренбургскими, и даже здешними гостиннодворскими изделиями этого рода; притом же работа эта шла у нее не скоро и не успешно, а что она навязывала, то шло на базары, учрежденные с благотворительными целями. О сбыте этого фабриката заботились друзья, которые всегда находятся у таких "demes des notres"[2*]. Возня с захудалыми им приносит особое, сословное удовольствие, в котором есть что-то напоминающее роль французских аристократов времен "демократического террора"

1* Первая из великосветских дам практиковала это после своего разорения П.Н.В., некогда гремевшая в Европе и удивлявшая Орел и Пензу, где были обширные имения ее и ее мужа, впоследствии бившего молотом камни на американских мостовых и вообще прошедшего все возможные и невозможные стадии человеческого унижения. Что она изобрела четверть века назад — далее того изобретательность женской линии захудалой знати не движется (*примеч. Лескова*).

2* дамы из наших (*франц.*)

Как те, быв несчастливы, делились с другими,— еще более несчастными "des nôtres", так делятся и эти, воображая себя также кем-то стесненными и преследуемыми. Русская дележка, конечно, без сравнения экономнее, и притом она шла не иначе как на чужой счет,— из сборов с доброхотных дателей,— но все-таки посредством ее они продолжали что-то "консервировать" Это было в начале глупой полосы, когда всякая захудалость в России взялась за "сибирный" прием ссыльных проходимцев, которые выдают себя на местах ссылки за политических страдальцев. Всякая изнывающая немощь изнывала не потому, что она немощь, не потому, что она ничего не умеет и ни к чему не способна, а потому, что ее "раздавило 19-е февраля" Тут собственно, "кипя и замышляя, гордость, нищенство и злоба" выдумала глупую, но коварную мысль "консервативных реставраций" Уверяли, что все благороднейшие реформы нынешнего царствования несвоевременны, что надо "точку"[7], "оглядку" и, наконец, просто "три шага назад" и восстановление. Те, кто принял и чтил эти реформы живым и благодарным сердцем, были объявлены *опасными*, которых надо противопоставить безопасным. Явился спрос на благонадежный элемент, а предложение уже было готово. Надо было только найти, с чего начать,— и пока те, кои повальяжнее, искали своих путей,— захудалые со своей стороны нащупали у друзей новых порядков слабое место и наметили себе, чем тех опорочить, а себя поднять и поставить на точку вида.

Некоторые из друзей новых порядков были неосторожны в выражениях и, между прочим, обнаруживали религиозные сомнения. Этим надо было воспользоваться и воспользовались не путем церковной проповеди или религиозной полемики, а прямо посредством отражения сомневающейся философии живыми образцами твердой веры. Захудалая знать, которой люди в силе давали подачки, но не уступали видных положений, сама почувствовала себя в силе: перед нею открывалось обширное и прекрасное поприще веры, на котором с нею никто не мог соперничать.

Она взяла себе привилегию на охранение веры и благочестия и наделала тут весьма замечательной чепухи, в которой консерватизм не только перепутался, но даже слился с разрушением.

III

Новым ратаям веры благоприятствовало все. С одной стороны, им помогали вопли о "таянии", а с другой, им в руку играли сами их недруги, в рядах которых в это время появился особый ассортимент, удачно названный С.М.Соловьевым политическими "мистиками" Это люди, которые, по определению покойного историка, "не обладают предметом, но которыми предмет обладает" ("Историч<еский> вестник", январь 1880 г., стр. 103)[8]. Эти "мистики", которыми возобладал их предмет, вызвали к деятельности своего рода "буддистов", которые "от неуменья справиться с прогрессом" видели спасение в том, чтобы "возвратиться", и началось "буддирование" — под видом консерваторов явились ханжливые Спиридоны-повороты, желавшие все двинуть на попятный двор.

Этих политических веровальщиков и "спасителей верою",— сразу явилось немало, и все они выдавали себя за благонадежнейших "консерваторов", и *все лгали.* Да, именно лгали, лгали всем, начиная с самого первого, т.е. *с веры.* Они не только отнюдь не "*консервировали*", не охраняли народную веру, которою Русь связана в цельный *единоверный* народ, имеющий не только племенную, но и религиозную связь с большинством славян, но они именно и начали с того, что стали подтачивать эту веру посредством толкований в особом духе. Они продолжают это "охранительство" и до сих пор, всячески стараясь показать

"нелепость грубого православия" И, таким образом, мы имеем право открыто сказать, что они не были теми, за что себя выдавали,— не были охранителями православной веры народа, а были ее разрушителями, но этого словно никто не понимал, и они преуспевали. Их хроники сохраняют драгоценные воспоминания об одном удивительном моменте, когда к ним, совершенно как к святым страстотерпцам родины, слетел вестник с кругов, провещав: "Priez pour nous!"[1*] Им стали давать вклады "на молитвы", а они пошли сугубо усердствовать и искать средств отличиться — всякий изобретал что-нибудь такое, чтобы показать: как он прост и короток с Богом. В этом соревновательном ханжестве мужчины не уступали женщинам, а из молодых ранние всех превосходили. Загоняла их сюда несостоятельность против требования аттестатов зрелости, без которых нынче некуда деться, а преимущества их заключались в том, что, насмотревшись на старших, они ясно видели, что старики еще слишком разборчивы и пути их идут слишком в обход. Молодые взялись эксплуатировать религию с простотою изумительной и с наглостью, вполне отвечавшею этой простоте. В обществе появился забавный и курьезный тип *мистика-кокодеса.* Причесанные и прилизанные, в особенно длинноватых сюртуках и в безукоризненно чистом белье, молодые люди этого типа появлялись в одном из набожных великосветских домов, который по всей справедливости прозван "главною школою великосветского ханжества" Здесь они слушали "несмысленные" толкования на Св. писание или сами читали "две статьи галиматьи"

Шустрые от природы кокодесы скоро усваивали всю здешнюю нехитрую науку; вызнавали тайны кружка; избирали себе, к кому и с которой стороны присосаться. Все это шло совершенно как в иных монастырях: подслуживанье, заискиванье, лукавое укрывательство от трудовой жизни и даже, наконец, форма и иерархия: черные старцы и старицы из павших и новициат из кокодесов. Последние должны были изобрести себе художественную форму, которая бы не делала их чудаками, и они это устроили. Их внешний вид характерен не менее, чем много раз описанный вид "мистика, которым владеет предмет" Как тот был коренаст, волосаст, ходил с вывеской грубияна и неряхи, так и этому нужна была своя видовая внешность, и она явилась. Это тонкая, долгая, волокнистая особь с распадающимся зачесом англо-французского кокодеса и с глазами молочного щенка. Он ходит всегда с книжечкой Нового Завета в кармане, всегда с именем Христа на устах и со способностью молиться в каждую минуту и на каждом месте. Для него нет науки, нет искусств, нет гражданских задач; он притворно безучастен ко всем удовольствиям суетного мира,— у него "везде и во всем Христос", ради которого им даже не взят и аттестат зрелости. Как "мистик", ютясь к науке, смущал настоящего ученого человека, так этот буддист своим благочестием смущает людей, серьезно чтущих святость религиозного чувства. Кроме того, между молодым "мистиком", обладаемым предметом, и молодым кокодесом-мистиком есть одна общая черта: большой степени наглость и беззастенчивость. Это должно было повести к плутовству и привело к нему: из мистиков вышли грабители, из буддистов — проходимцы. В роли первых осталось то преимущество, что их рукомесло требует, по крайней мере, некоторого ума и отваги, а эти могут практиковать свое дело без малейшего страха.

Из мистиков-кокодесов описанного сорта как самое смелое и характерное лицо представляет наш князь, который не ограничился утомительным скитаньем по скучным салонам благочестивых домов Петербурга, а показал себя и свой культ в двух частях света.

1* "Молитесь за нас!" (*франц.*)

IV

Пока родители этого молодца “беднились” на благородный манер, князинька обучался в одной из классических гимназий, а дома наблюдал всю кружковую партию, в которой происходила азартная религиозная игра. Не много надо было ума, чтобы понять весь здешний антураж. Он смахивал на что-то английское,— именно всего более напоминал известный роман Уитти “Плуты и дураки”[9]. Молодой человек видел, как сюда “под знаменем Христа” проходят большие и малые лентяи, плуты и плутишки, у которых нечисто намечено спереди или неопрятно сзади. Вчера еще человек, поднимая в сотый раз неудачную интригу, говорил: “començons pur Jupiter”[1*] — сегодня он строит постные рожи и ежится на корточках, уткнув лицо в сидельную подушку pour la plus grande gloire de Dieu[2*]. Он знал, что начало такого действия бывает всегда при житейских неудачах, и всего более при повреждении карьеры, и, когда такое несчастие постигло его самого, он не пришел в отчаяние,— не стал “смотреть в воду”, а провел мысленно очами по известным ему религиозным артистам и сказал себе: et moi aussi, je suis peintre[3*].

Его карьера пострадала рано оттого, что ему не дался классицизм. Дурно воспитанные юноши, “неимущие обетования”, в этих случаях обращаются иногда к петле, но он как только снял синий форменный мундирчик, сейчас же надел удлиненный черный редингот, расчесался кокодесом, загримировал перед зеркалом благочестивую рожицу, прочел “три статьи галиматьи” и явился “слушать и молиться”

Он был сразу замечен и отличен. Страстный к прозелитизму кружок готов был marquer ce jour avec la pierre blanche[4*], но, к несчастию князиньки, он был слишком набожен, слишком хорошо молился, и это сразу испугало некоторых молельщиков из поедающих хлебы предложения. Его благочестие было истолковано par argument qui s’adresse à la bours[5*], и его стали *поправлять*, а тем ронять его, “импонировать” его большие личные дарования. Он, однако, не огорчился таким неудачным началом и не искал состязания. Это огорчало его мать, которая никак не предвидела такой неприятности, и она во многом винила сына, находя, что он показал слишком много éloquence sublime[6*], но он не винил никого. Он находил, что вся здешняя игра не стоит свеч. Практика дела была уже захвачена, а остальным предлагалась только теория восторгов. Он был не из тех, кого можно держать в этом положении, и par argument qui s’adresse à la bours позволил себя удалить из отечества для того, чтобы видеть настоящих христиан в Англии.

В существе это ему было всего необходимее, потому что он был практичнее всех борцов святого кружка и предвидел невдалеке ужасную неприятность попасть в солдаты по новому закону[11]. Он не хотел этого по многим причинам и, между прочим, потому, что воинское ремесло, с оружием в руках, противоречило его христианскому настроению. Это был argument qui s’adresse à la bourse, и он его вывез за пределы сурового отечества. Он добыл денег и уехал.

Он побывал в разных местах, и побывал, вероятно, с толком и соображениями. Его видели то в Лондоне, то в Париже, то в Гавре, где жил, а может быть, и теперь живет какой-то coiffeur m-r Duché[7*], человек, имеющий “боль-

---

1* начнем с Юпитера (*франц.*)
2* к величайшей славе Божией (*франц.*)
3* и я тоже художник (*франц.*)[10]
4* отметить этот день белым камнем, т.е. — как радостное событие (*франц.*)
5* аргумент, адресованный кошельку (*франц.*)
6* высокое красноречие (*франц.*)
7* парикмахер месье Дюше (*франц.*)

шую репутацию” не по своей специальности. Он был спирит и превосходно постигал Бога в смысле суммы накопляющегося добра, кроме того, он целил прикосновением. Сблизясь с этой гаврской знаменитостью, наш князь сбился с прежней дороги, и отсюда начинается длинная и очень темная полоса его таинственных шныряний с очевидною целию выбрать, где религиозная почва родит больше каштанов.

Медиумизм — занятие не безвыгодное и притом довольно веселое, особенно для молодого человека, не потерявшего некоторые шансы. У князя оказались огромные медиумические способности, которые и были засвидетельствованы самим Duché. Они вместе целили, возлагая руки, и дела их шли прекрасно, как вдруг случился неожиданный оборот (который объяснится в другом месте сказания), и князь, внезапно покинув Гавр, явился в rue de Sèvres[1*] в Париже[12].

Было бы напрасною попыткою проникнуть: что он нашел у отцов иезуитов и что нашли в нем они, но только он тут повертелся недолго и предпринял *далекое путешествие.* Призвание влекло его к святыням христианского Востока. Он сделал крюк и проездом появился в Петербурге, где самые близкие его родные не могли понять его религиозного фасона; но в общем им были недовольны. Он все напутал, и никто не мог разобрать: коего он духа? Притом в нем была какая-то непокорность. Мать, которая возлагала на него большие надежды, старалась его “реставрировать” в религиозных кружках, где его, по ее мнению, могли хорошо устроить, но он отвечал по-французски:

— Вы хотите учить рыбу плавать,— и с этим наглым ответом быстро куда-то отъехал. Его отношения с семьею были кончены, но он действительно уже умел плавать.

Это было в 1875 году о весне, и в том же году этот смелый пловец появился в Палестине под довольно заманчивым заглавием и притом *ряженый.* Святое место заволновалось.

Отсюда начинается его шествие уже не в унижении, а в славе просвещенного русского ратая веры, отбежавшего на чужбину, чтобы спасти впавшую в повальное нечестие родину.

V

Князь вступил во св. град в длинном полотняном хитоне, с длинною тростью в руках, опоясанный о чреслах веревкою и в широкополой пилигримской шляпе, под которою у него была выбритая макушка. Таков был его убор, приведший в удивление многих и заставивший сразу заговорить о нем *весь* город.

Чтобы понять, как такое, по-видимому, незначительно обстоятельство может сразу заинтересовать большой и разноплеменный город,— надо знать подобные восточные города, где люди томятся скукою и где потому все мало-мальски необыкновенное — составляет событие.

Где и по чьему совету он устроил этот маскарад — неизвестно. Вероятно, он припас свой убор за границею,— быть может, в костюмерной лавке в Париже, а надел его на пароходе, в виду берега св. земли. Но все это было сделано не с плохим расчетом — эффект, им произведенный, отвечал его целям. Ему надо было сразу обратить на себя внимание, и он сразу же этого достиг: его сразу же начали сопровождать, и, где только показывался этот ряженый, там сейчас же собиралась толпа благочестивых зевак. Он нравился: длинный, тонкий, в суровом полотне, опоясанный веревкою, с тонзурой и тростью, он привлекал к себе видом святости и нежности своей фигуры, в которой аскетизм

1* Севрская улица (*франц.*)

точно обнимался с какою-то шаловливостью. Обучаясь плавать у Дюше в Гавре или у отцов rue des Sèvres, он выработал себе притягательное выражение глаз: они сделались томны, затаянно-страстны и искрились. Это всегда производит сильное впечатление на прихотливое воображение даже таких целомудренных иноков, которым самые ангелы снятся не иначе, как в виде архиерейских певчих, и певчие наяву представляются ангелами. Женщины любят тонкий рисунок. Благочестие и набожность князя были тоже грациозны и превыше всяких похвал, когда он молился,— он был "божествен",— и когда он кушал,— его тоже нельзя было считать совершенно земным: его пищу составляли исключительно кондитерские пирожки и чай. Так сладко и нежно никто другой не постился. Тонкие наблюдательницы и верные оценщицы всего этого,— инокини сразу заговорили о замечательной святости князя и стали наводить о ней справки,— о его прошлом. Это необходимо для хронографа и для жития. Сведения были скудны и даже ничтожны, если бы сам князь порою не проговаривался. Из этого кое-что узнали и присочинили к этому целый сказ в чисто русском вкусе. Благочестие князя началось еще в утробном периоде его жизни, он грудным младенцем уже не сосал молока не только по средам и пятницам, но и по понедельникам... Об образованности его никто не справлялся, так как это при святости не требуется и не имеет никакого значения, но о том, что в обителях имеет особенное значение, узнали, т.е. узнали, что у него в Петербурге отменное родство — все князья и графы, которые с посланниками в карты играют...[13]

В обителях в этом знают толк и ценят это высоко, а потому значение ряженого паломника поднялось до того, что, стеснив других, для него отвели наилучшее "княженецкое" помещение, и как день прибытия его совпадал с днем его тезоименитства, то угостили его парадом, которого не удостоивался ни один из обыкновенных людей.

В навечерие этого дня все русское иночество отправилось к главной святыне города править собором всенощное бдение. Все паломничество поспешило слить свои молитвы с молитвами князя, и торжество удалось превосходно: иночество святолепно служило, усердное христианство молилось, а тронутый князь в холщевом хитоне, опоясанный веревкою, так трогательно и продолжительно плакал, как будто его глаза были не только на мокром, но даже на невысыхающем месте.

Слезы всякого мужчины производят сильное впечатление на нежное сердце женщин — особенно покаянные слезы молодого мужчины, все разорвавшего с миром и препоясанного веревкою. И женщины святого места: дамы и инокини были одинаково растроганы; они сами о нем плакали и просили с ним Бога милосердия простить и помиловать интересного грешника. Особенное, но как впоследствии оказалось не верно понятое князем внимание к его трогательной судьбе, обнаружила одна молодая дама, которую здесь звали "кровь с молоком", хотя собственно молоко в ней было очень непропорционально смешано с кровью: и кровь сильно преобладала в ее горячем темпераменте и играла ее сердцем и воображением.

Со всенощной князя сопровождала уже целая толпа, в которой более всего было женщин: князь видел их сочувствие и их слезы и сам плакал. Словом, успех его был баснословный и рос не по дням, а по часам. На другой день опять новые моления, новые слезы и новая слава, хотя энтузиазм уже менее и простонароднее: дамы приутомились, но слава князя росла и разнообразилась. Меж тем как инокини славили его постничество в грудном возрасте, дамы заговорили о нем как о спирите и медиуме в высшем значении этого понятия,— другие прямее и проще как о предсказателе, пророке и чудотворце. Особенно интересовались чудотворством и "искали знамения" Но знамения им пока еще не давалось, хотя князь не отрицал в себе ничего: ни прав на княженецкий

титул, ни медиумизма, дара пророчества. Он без застенчивости называл очень много самых известных особ в Петербурге, которых не могли вылечить ни Боткин, ни Эйхвальд[14], а, между тем, они исцелены посредством одного возложения княженецких рук. Все только охали: во святом месте давно, давно ничего такого не было.

Князь еще устраивался в отведенном ему наилучшем помещении, и чудотворного здесь было только то, что сюда к нему слетал дух его умершего отца. Иногда он здесь просто жил, и они "сообщались", но, к крайнему сожалению иноков и инокинь, дух всегда писал по-французски. Иночеству не нравилось, как это русские князья, а между тем все друг с другом по-французски даже из-за гроба. А потом, собственно говоря, этого казалось и мало: кого же теперь долго займешь такою безделицею, как прилет и писание усопшего. В наше время такие вещи слишком обыкновенны, и нам надобны знамения поудивительнее, и кто взялся чудотворить, так уж чудотворь. "Назвался груздем,— полезай в кузов". Князь начал возлагать руки и исцелять. Первый его опыт в этом роде был сделан над упомянутою выше дамою, из крови без молока. Она питала неодолимое отвращение к мужу, который состоял из молока без крови и вдобавок створожился. Князь получил сообщение от отца, что тут нет ничьей вины, все зло происходит от вредных токов некоего духа, напускавшего на бедную женщину враждебные чувства к мужу. Князь знал, как надо от этих бед пользовать. Наложение рук нигде так не действительно, как в этих случаях, когда на даму бывают напущены томительные токи. Он предложил их "очистить", родные образовались и приняли предложение.

Больной даме было все равно, лишь бы отвязаться. Она согласилась, и князь положил на нее свои сухие, длинные, бескровные руки. Но, увы, это были совсем не такие руки, какие требовались больной темпераментом: обдержащий ее дух не только не уступал, но токи его еще отяготели. Дама усугубила свое отвращение к мужу и даже значительную часть этого перенесла на приставленного к ней целителя и обратилась к самому грубому, но действительному в подобных случаях средству, к "разводу с церемонией" Это ее сразу же заняло, рассеяло ее печальные мысли и возвратило ей ее полудетскую резвость, с которою она в числе иных интересных вещей отписала в свое прежнее место, что заезжий князь, пользовавший ее возложением рук, совсем и не князь, а просто Иван Александрович Хлестаков из Петербурга.

Святое место еще раз должно было перенесть страшное смущение, чтобы скрыть, в какой оно попалось просак. Но возможно ли утаить такое событие. Это трудно, даже в мире, где грешный ум занят одним, другим и третьим, а в обители, где от долгой сосредоточенности является прозорливость, это совсем невозможно.

Кто легко верит, тот способен легко и разуверяться. Это старая истина, с которой теперь горьким опытом пришлось убедиться нашему князю. Роль его как чудотворца была невыносимо трудна. После того, как он позволил о себе наговорить слишком много чудесного, от него по всяк час ожидали чудес в таких размерах, которые, очевидно, превышали его силы, и при первой же неудаче над дамой с темпераментом сейчас заподозрили его во лжи и обмане. Правда, дух его покойного шутоватого отца, видя, что дела пошли немножко не ладно, приходил и много писал об этом по-французски "в разъяснение" Но это что за невидаль! Грубоватый народ грубовато говорил:

— Ты нам это мо-мо-то не разводи, а подавай настоящее дело.

Aura popularis[1*] изменило, и князинька сразу не узнал всей своей обстановки: духовные и миряне, еще столь недавно устроявшие для него торжественное моление, совсем к нему охладели и даже не скрывали своего к нему недоверия.

1* Веяние популярности (*лат.*)

Три долгие месяца бедный чудотворец нес такую неприятную жизнь. Но он был терпелив: он расхаживал в своем хитоне и, пользуясь хорошим помещением, которое было отведено ему сгоряча, на первых порах все молился,— непрестанно молился, так молился, что и поговорить с ним было некогда. Наступила холодная пора; он сменил холщовый хитон черной суконной сутаной, но молитвенный жар его все не остывал. Казалось, что это уже остается хроническим. Иноки были в затруднении: как им освободиться от такого набожного человека и постника, к которому, однако, не лежало их сердце. Пускали в ход даже мораль и критику,— стали величать "княгинею" какую-то молодую черницу, князь не испугался и этого. Он сам был живописец и стал срисовывать тех, кто его раскрашивал. Для этого нужна была студия, и он, поослабив немножко набожность, явился с необременительными талантами нынешнего светского человека у дипломатического представителя,— человека очень расчетливого и осторожного. Тут он был совсем иным: носил "головку набекрень" и распустил гусли самогуды.

В нем сказались некоторые отцовские таланты: он отличался гримом, подпевал, подплясывал, изображая отцов, матерей и сестер. Все амплуа ему давались одинаково, как мужские, так и женские: так разнообразны его дарования. Тут же он расчелся со своими недавними молитвенниками и сообщил, что живет здесь поневоле, потому что его maman на склоне лет получила гибельный припадок королевы-матери Гамлета,— сбросила недоношенные башмаки, в которых шла за гробом мужа, и вступила в новый брак. Это его оскорбило; он ей что-то сказал, а она исполнилась на него неосновательного гнева и теперь мстит ему самым безбожным манером, т.е. не хочет высылать ему ни копейки денег. Он думал, что будто у дипломатов есть что-то на случай, если кто-нибудь (особенно из людей родовитых), странствуя, захудает, но дипломат ему откровенно сознался, что это самый вредный предрассудок, которому не только не следует доверяться, но даже должно предостеречь от него всех и каждого.

При этом была очень вероподобно рассказана история затруднений, какие наши заграничные представители выдерживают от компатриотов, и было очевидно, что тут нельзя ждать никакой повадки. По разговорам дипломата выходило, что все его товарищи — люди очень крепкого характера, и он, конечно, не уступит им в том же. Это огорчило князя, и он стал сердиться на нашу "странную дипломатию", но головы не потерял, а опять обратился поусерднее к религии. Головка его стала клониться к некоему лицу римско-католической иерархии, перед которым он заговорил о *единении церквей* как о деле крайне желанном и притом, вероятно, возможном, если за него взяться умеючи. Он мог бы это сделать очень ловкими и практическими приемами, в подробностях, впрочем, известными только ему и тому, кому он об этом расписывал, помавая вправо и влево своею головкой. Католическая церковная полиция осторожна, а церковная политика чутка и немногоречива, и князь, кажется, безуспешно посвятил монсиньора в свои тайны... Тот сделал ему только одно одолжение: выслушал его насчет m-r Duché из Гавра и насчет пригодности спиритизма к тому, чтобы объединить все религии... В каких бы это ни было сообщено выражениях,— что мог отвечать на такой вздор ученый и умный сановник католической церкви? Он сказал ему: "это интересно", и тем его утешил.

Спиритизм-таки почему-то гвоздем засел в эту несчастную голову, но духам его более не верили; воздержанию и молитвам не ревновали; дипломатия его обратилась во вредный предрассудок, и дела его были затруднительны до самой крайней степени. Прожекты его не удавались, но не все,— не все, кроме одного, который, впрочем, не им был задуман, и долго составлял для взбудораженных князем благочестивых христиан чрезвычайно интригующую тайну и загадку.

VI

В октябре 1875 г. князь исчез.— Он отплыл от малоазиатского берега так, что это было неожиданностью для всех, и чуть только разнеслась эта весть среди русских, сейчас же взволновались умы, и праздные люди начали гадать и выкладывать: куда, зачем и — самое главное — на какие средства предпринял путешествие этот совсем захудавший здесь религиозный авантюрист? Собрали справки и сделали свод обстоятельств,— очень интересный и близкий к делу, но — как увидим ниже,— погрешавший своею прямолинейностию. Узнали, что "князинька" перед отъездом усиленно толкнулся к грекам, и решили, что он обошел греков в пустом сапоге. Определяли даже цифру — на какую он там *починился*; наконец, сосчитали даже обеспечение, которое мог отыскать обманутый эллин. Обеспечение было малоценное: его составляли опять "три статьи галиматьи",— это были брошюры спиритского содержания, написанные князинькою, по его собственному уверению, "без малейшего участия его рассудка" Много ли на этом выручишь?

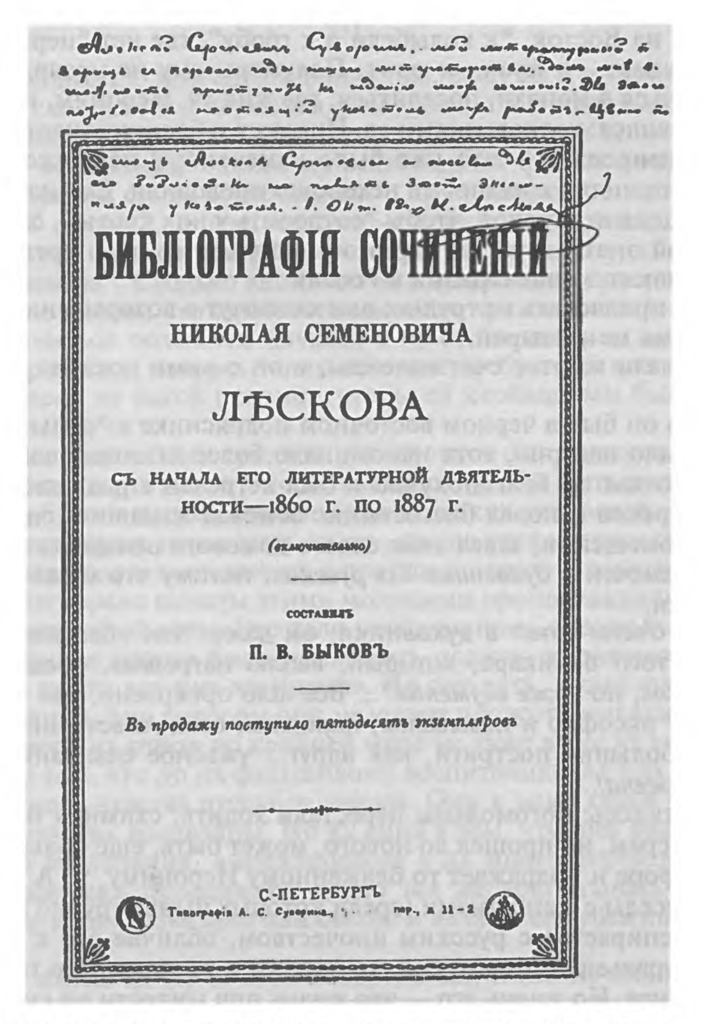
Но все это измышляло и соображало русское простодушие, между тем, как дело было сделано гораздо умнее. Князинька поехал совсем не туда, не с тем и не для того. Он очутился не в Париже и не в Гавре, а в Петербурге и замелькал в так называемых здешних светских домах, доступ в которые теперь по причине водворившейся там хронической скуки легок кому угодно. Под какими он тут швырял заглавиями — это зависело от порога, на который он ступал. Одно, что он хранил неизменно — это "знание света", не то *знание*, что мы разумеем, например, в романах графа Л.Н.Толстого, а нынешнее *знание* людей скучающих и знающих свет исключительно со стороны его *бебеизма*. Это нечто предательское, коварное и более, чем всякая сторонняя враждебность, угрожающее конечным разрушением и без того уже потрясенного или даже павшего "престижа". Князинька нигде не был короток, но *везде* побывал настолько, чтобы широко расширить свои сказания и из всей суммы "великосветского бебеизма", открывшегося перед ним en masse[1*], выудить то, что ему казалось на потребу. Но как голова его от природы узка и неизобретательна, то он и сам тоже впал в бебеизм, который в этом 1876 году в русской столице чуть было не выкинул весьма невероятной истории, если бы ее не остановил монах.

В одно прекрасное утро этот князинька, в своей длинной сутане, является в Александро-Невскую лавру к одному из тамошних духовных цензоров, известному в исторической литературе, архимандриту, и просит надписать одобрение на предназначенной для публичного чтения рукописи, которая уже прошла одну высокую инстанцию и имела помету официального лица, не находившего препятствия к публичному произнесению ее в Соляном городке. Архимандрит посмотрел на лектора, который ему показался "развихляем",— заглянул в его рукопись и остолбенел... Это были публичные лекции о спиритизме в положительном смысле как о серьезной, опытной науке, имеющей непосредственное соотношение с религиею вообще и особенно с христианским откровением, которое оно признано изъяснить и дополнить... Результат этого свидания угадать не трудно: чтение, дозволенное *условно*, "если нет препятствий со стороны духовной цензуры",— было запрещено *безусловно*.

Князь пробовал припугнуть архимандрита мнением и иерусалимского патриарха Валерга, и гаврского парикмахера Дюше, но ученый монах стоял на своем и был непреклонен: чтение о значении спиритизма в религии не было дозволено.

Описанные истории указали князю его большие ошибки в его религиозных искательствах: он увидал, что не только спиритизм и спасение верою[15], но и

1* целиком (*франц.*)

БИБЛІОГРАФІЯ СОЧИНЕНІЙ

НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА

ЛѢСКОВА

СЪ НАЧАЛА ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ—1860 Г. ПО 1887 Г.

(включительно)

СОСТАВИЛЪ

П. В. БЫКОВЪ

Въ продажу поступило пятьдесятъ экземпляровъ

С-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія А. С. Суворина, [illegible] пер., д. 11–2

БИБЛИОГРАФИЯ СОЧИНЕНИЙ НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА ЛЕСКОВА С НАЧАЛА ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Составил П.В.Быков. Спб., тип. А.С.Суворина. 1887–1888

Экземпляр с дарственной надписью: "Алексей Сергеевич Суворин,— мой литературный товарищ с первого года нашего литераторства,— дал мне возможность приступить к изданию моих сочинений. Для этого потребовался настоящий указатель моих работ. Ценю помощь Алексея Сергеевича и посылаю для его библиотеки на память этот экземпляр указателя — 1 Окт. 88 г. *Н.Лесков*"

Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева, Орел

самое католичество у нас не более, как религиозная теория, между тем как есть путь очень практической деятельности, это — само законное православие, у которого есть признанное право и интересы. А интересы эти многоразличны и многосторонни, и все они много страдают и терпят от недостатка светски образованного элемента в клире.

Князь внял этому и совершил новое, хотя, может быть, еще не последнее обращение: он является в новом кружке людей; приносит раскаяние в своих долгих религиозных заблуждениях; исповедуется у священника, у которого раз при исповеди было что-то чудесное (о чем много говорили в бомонде), кается, плачет и сознается, что ему после всего с ним бывшего хотелось бы одного:

вдаль отсюда, на Восток, "к колыбели и к гробу", где нет "церковного канцеляризма", где веет... и проч., и проч. Полумеры ему не нравились: он прямо желал постричься в монахи, поселиться, где жил св. Иероним, и прославиться, как он прославился: толкованиями св. Писания и благочестивою полемикою[16]. С кем полемизировать — это уже было намечено: у него уже были счеты с теми, кои его приняли хорошо, но нехорошо проводили. Ему надо было только чем-нибудь одолжить греков, чтобы "сотворить у них кровы", сделаться духовником русской знати и тогда, через эту могущественную среду, действовать против церковного канцеляризма в России.

Греков же приласкать не трудно: они хлопочут о возвращении им имуществ их бессарабских монастырей.

Князю подали на этот счет надежды, и он с ними покатил снова в Палестину.

На сей раз он был в черном восточном подряснике с "вольным обшлагом" у руки, что было недурно, хотя напоминало более длинный пальмерстон, чем подрясник. Доехал он благополучно и был встречен с радушием, только не у русских, а у греков и повел благостыню: основал домашнее служение в отведенном ему помещении, завел даже своего домового схимника и всеми единогласно был намечен в *духовники для русских*, потому что может исповедывать по-французски.

Он и сам очень хотел в духовники; он даже "так обещался", напоминая этим обетом того поликара, который, вволю нагрешив, обещался быть "не только монахом, но *даже игуменом*" Все шло прекрасно; уже он носил "благословенный" рясофор и назывался, положим, отец Анастасий. Были уже назначены его большие постриги, как вдруг... ужасное слышание: *князя-инока отыскала его жена!..*

Все засмутилось: богомольцы перестали ходить, схимник бежал в горы, и был большой срам, но прошел до нового, может быть, еще большего: князь остается в рясофоре и подражает то блаженному Иерониму, то А.Н.Муравьеву[17]. Он то ведет беседы с женщинами (среди которых нынче трудно встретить Марцеллу), то препирается с русским иночеством, обличая его с "непобедимою дерзостию Муравьева", только без его знаний и врожденного церковно-полицейского таланта. Но жизнь его — это жизнь при милости на кухне, и дотащит ли он ее там, или домыкает где в ином превращении — нам все равно: везде это будет жизнь парии, открытого всякому унижению. Разом в трех газетах, из коих одна есть орган св. Синода[18], читаем корреспонденции, в которых идут глумления над кем-то чрезвычайно на него похожим (в одной даже и с названием), и думаем:

— Куда еще, бедняк, куда поведет тебя теперь твоя победная голова и шаткие ноги?

Куда ему в самом деле, когда его сгонят и из монастырской кухни?

Ни знаний, ни талантов, ни навыка к труду, и "последнее средство" — религия уже испробовано, выцежено и больше не действует...

Один исход: еще раз покаяться и снова уверовать, что православие есть вера ошибочная, а истинная вера содержится вся на одной из петербургских набережных... Там неразборчивы и дешевым гостям рады: там и его примут, но ведь это опять значит "при милости на кухне"

И вот его карьера!.. Мы можем больше не интересоваться им лично, хотя нам и жаль его; но еще жальче других, которые идут тем же фальшивым путем, унижающим как их самих, так и религию, избираемую ими как средство войти в фавор и в ласку к кормильцам, вместо того, чтобы исполнить заповедь и самому "накормить голодного"

К ним и обратим наши последние строки.

VII

Было бы придиркою и несправедливостью, если бы кто-нибудь стал выводить из наших слов, что мы осуждаем религиозность в молодых людях. Ничто столь не почтенно, как религиозное настроение, но и для него есть и должна быть мера. По выражению одного из религиозных философов, сам Бог есть "мера всего и притом самая совершенная". Христианский апостол просит "не ревновать паче разума", а наш северно-русский подвижник Нил Сорский (Майков) советует: "если юноша борзо стремится на небо — взять его за ноги и *стащить* на землю" Столько авторитетов мы приводим для того, чтобы подкрепить простую мысль, что юношество должно прежде всего знать свою родную землю и учиться полезным наукам, а не отлынивать от всего под видом прилежания к религии, которая таких жертв не требует и в них не нуждается.

Религия совсем не такой предмет, чтобы ей необходимы были по преимуществу лентяи и неучи.

С этой точки зрения мы осуждаем религиозное фанатизирование юношей, которым надо много учиться и много трудиться, чтобы быть полезными сынами страны и добрыми исполнителями евангельских заповедей. Еще более мы осуждаем и имеем право негодовать на тех, кто из этих недоростков и недоучек делает проповедников и посылает их к простому народу с толкованиями, которые не могут быть зрело поняты этими молодыми проповедниками и совсем не отвечают духу народной веры. Это дело необдуманное, и если бы к посланным или к посылающим можно было приложить полную вменяемость, то мы затруднились бы найти для них извинение. Но оно есть, и оно заключается в их малом образовании, при котором они не умеют провести никаких сравнений и не знают, что вера их отцов по крайней мере не хуже веры их соседей. Другое их извинение в том, что по их фальшивому воспитанию для них безмолвна вся область набожного чувства русского народа. Они к нему глухи и слепы, и это не их вина — они так воспитаны. Но их вина в том, что они видят нынче последствие этого воспитания, выражающееся в их многосторонней неумелости во всем, и... все-таки продолжают точно так же воспитывать своих детей... Даже хуже: они в них развивают ханжество и делают его убежищем от науки и от труда.

Природа и жизнь мстят за свои оскорбления, и кто не видит следов этого отмщения? Оно несомненно, и последствия его будут ужасны, если захудевшая знать не встряхнет свои распущенные крылья и не выйдет на иную, настоящую дорогу, на которой может сослужить настоящую службу Богу, людям и себе.

Как опоенный чарами сказочный странник, чтобы увидать свет, был должен "*удариться об землю*", так и они должны сделать то же самое.

Скажем яснее.

Что такое русское знатное захудалое семейство? То ли же это самое положение, как положение семьи бедного чиновника, ученого, литератора, семьи ремесленника или проторговавшегося купца?

Совсем нет; средства и положение семьи из захудалой знати совсем иные. Захудалость по светским понятиям начинается там, где подобное состояние у других выражает еще степень спокойного довольства и даже благополучия. Эта разница не изменяется по отношению к людям, имеющим образование не менее, а иногда и гораздо более совершенное, чем то, каким блестят наши светские люди. И между тем, что у одних покрывает все нужды и дает довольство, то у других создает бедность, влекущую их со всем нисходящим потомством в бездну всевозможных унижений. Злейший враг их — они сами. Люди светского круга, выведенные, например, в последнем очерке г. Гончарова, откровенно сознаются, что их озабочивает не нужное, а напротив, *ненужное. Довольство всем нужным им не приносит счастия*[19]. Ненужное для них, таким образом, такая же потребность, как и нужное, и оттого выходят у них в жизни

двойные требования и двойная забота. Это и в самом деле так, а если это так, то область этой ненужности безгранична, а потому и потребности ею неудовлетворимы. Отсюда это вечно бедственное состояние, обнаруживающееся тогда, когда еще, собственно, все необходимое могло бы быть удовлетворено и жизнь могла бы идти без лишений. Средства, с какими наше былое мелкопоместное дворянство последних лет крепостного права жило и воспитывало детей, в большинстве случаев были далеко ниже тех, какими еще и теперь обладает в большинстве случаев наша захудалая знать; а между тем то мелкопоместное дворянство жило, если не роскошествуя, то и не бедствуя до нужды вопиющей. Оно наблюдало пристойность, и, если бы его приподнять из гробов, оно удивилось бы тем многоразличным проискам унижающего свойства, которые мы только слегка наметили, перечисляя: за что бралась и берется современная захудалая знать. Но, может быть, в своей скромной доле оно за то гнило в невежестве? Ничуть не бывало: к чести мелкого дворянства оно давало отечеству если не самых видных, то большинство самых способных деятелей, замечательных по уму, по образованию и по талантам. Оно недаром было названо "бьющеюся жилою России"[20],— оно заслужило это название. За небольшим исключением лучшие представители русской мысли в науке и литературе вышли оттуда, из этих бедных домиков с соломенными кровлями. И весь секрет силы, с которою эти люди вели свое скромное, но неунизительное житье, заключался в их крепкой привязанности к своей земле, к своему полевому клину и к своему пепелищу. Там жила скромность и умеренность, которые придавали цену всякому довольству. Счастье было проще, и потому оно было ближе и возможнее.

А в этой сравнительно здоровой и крепкой атмосфере вырастало молодое поколение, которое не могло не быть знакомо с народом: эти "барчуки" знали крестьянскую семью и ее быт сквозь, до грунта; они знали хорошие и худые качества этих людей и не идеализировали их для того, чтобы потом, рассердясь, бросать их как что-то презренное. Они любили народ, и из них мы видим многих благороднейших деятелей крестьянской реформы; они любили родную природу, и ими прочувствованы и списаны картины, которые встречаем у Гоголя, Тургенева, Писемского, Гончарова и друг<их>. Все это люди из небогатого дворянства. Там умели находить поэзию и счастье в небольших радостях скромного быта. Это мы видим из множества художественных лиц этого круга. Там читали, там думали, там любили и знали русскую литературу, как ее нынче не любят и не знают.

Захудалая знать сейчас не в худшем, а гораздо в лучшем положении, чем то, в каком было упомянутое "малодушное" дворянство, сослужившее большую службу родине. Захудалые семейства в большинстве все еще имеют поземельные участки, гораздо крупнейшие, чем были у мелкопоместных, но они с них "абсентеируют" и предпочитают являться *последними* в городах, тогда как, держась земли, могли бы быть *первыми* в деревне. Почему же они этого не хотят? потому что у них мало хорошего вкуса, мало благородной гордости, мало любви к родине и нет понятий о серьезных требованиях века... Иначе, вместо последнего, пришлось бы предположить, что у них нет даже любви к собственным детям, которым они не внушают необходимого уважения к серьезной науке. И вот в силу всего этого им там *нечего делать*,— они тянутся в столицу, чтобы урвать себе местечко среди тех, чье захудание еще не обнаружилось. Они просят, беднятся, унижаются до факторства, до репортерства при крещеных и некрещеных коммерсантах и в конце концов — являются всем, чем угодно, кроме того, чем бы они должны быть — т.е. хозяевами своих позабытых вотчин и действительными проводниками здравых понятий в народе. Вот их настоящий путь, и вот где только и может оформиться и стать на виду и в почете новый тип знати, хотя и захудалой, но не потерявшей достоинства и значения в общей экономии живых сил государства. Но этого-то пути они, к

сожалению, и не видят, его-то они, к сожалению, и обегают, скитаясь по всем ветрам сами и оставляя народ обманам мироедов, кулаков, жидов и тех изметков культуры, которые посягают не только на народное достояние, но и на его чувства и смысл... И вот, когда все это расстроено — когда люди обижены и озлоблены, когда между ними посеяна смута,— тогда начинается врачевство верою, которое, к сожалению, всегда имеет свойства какой-то религиозной забавы — фребелевского сада в религиозном тоне. Все это, разумеется, не приносит и доли той пользы, какую принес бы живой пример трудолюбивой *хозяйственной* жизни, всегда располагающей простолюдина к доверию, к уважению и даже к прочной любви к трудолюбивому образованному человеку. И когда этого нет, мы не можем не жалеть: зачем этого нет; зачем эти люди губят себя, губят других и в конце концов профанируют веру, которая должна осветить каждый шаг жизни человека, а не забить ему натороки схоластическими тонкостями, без которых очень можно быть добрым христианином.

Еще раз повторяем: мы отнюдь не против чьего-либо прилежания к религии, но мы жалеем, что она у нас по несчастной моде делается для многих средством к отыгрыванию ролей в жизненной пьесе. Это не приведет ни к чему серьезному ни религию, ни религиантов; их мечтательные успехи не могут иметь никакого значения для народа, а для их собственных детей будут иметь значение нравственного отчуждения. Скоро они увидят себя чужими между своих, а в их век это будет гораздо чувствительнее, чем было в льготный век их отцов. Тогда они поздно поймут настоящую мудрость св. Нила, который велел борзо лезущего в небо юношу брать за ноги и стаскивать на землю. Ее надо знать, а то она за невнимание к ней очень накажет.

Н.

Фельетон написан на основе "письма в редакцию" "Русский князь в Палестине", полученного газетой "Новое время" (текст "письма" сохранился в архиве Лескова // *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 385; подписан псевдонимом *Шерами*, который нам раскрыть не удалось). В конце декабря 1879 г. Лесков сообщал Суворину: "...в таком виде, как письмо написано,— его печатать нельзя <...> сделать отсюда *вытяжку* и написать *все по-иному* <...> это будет интересно, а в настоящем виде — *невозможно*" (Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 90). Сопоставление публикуемого фельетона с положенным в его основу текстом убеждает, что Лесков действительно "написал *все по-иному*" и что "Новые типы захудалой знати" можно рассматривать как самостоятельное произведение писателя.

Фельетон напечатан в "Новом времени" 16 и 20 января 1880 г.

[1] *Псалтирь*, 41: 8.

[2] Т.е. с 19 февраля 1861 г. — дня отмены крепостного права.

[3] Неточная цитата из "Евгения Онегина" (Письмо Татьяны к Онегину).

[4] Поэму А.К.Толстого "Иоанн Дамаскин" Лесков знал наизусть и часто цитировал. Однако в хронологии он здесь неточен: поэма была напечатана до крестьянской реформы, в 1859 г. См. подробнее в наст. томе, книге первой, примеч. 183 к хронике "Божедомы. Повесть лет временных".

[5] За несколько дней до появления фельетона Лескова, в "Новом времени" в разделе "Среди газет и журналов" появилось следующее сообщение: «По словам иерусалимского корреспондента "Церковного вестника", вообще сообщающего из Святого града массу пикантных известий, насчет оригинальности мы, русские, едва ли уступим кому бы то ни было на свете. Теперь, например, живут в Иерусалиме два "князя" русских,— один 26-летний юноша, другой <...> уже 115-летний старик» (1880. 7 янв.). Далее цитировалась статья "Церковного вестника" с рассказом о похождениях обоих. Героем лесковского очерка стал молодой "князь", ходивший, как сообщал "Церковный вестник", в костюме рясофорного монаха и проповедовавший "особую христианскую веру" (см.: *Камзолов*. Последние известия из Иерусалима. (Письмо в редакцию) // Церковный вестник. 1880. 5 янв. Часть неофициальная. С. 9—11; 13 января эта статья была перепечатана также в "Церковно-общественном вестнике").

[6] Из "письма в редакцию" "Русский князь в Палестине" выясняется фамилия лесковского героя — Николай Чернышев.

[7] Намек на знаменитую фразу кн. В.П.Мещерского, требовавшего поставить "точку" в проведении реформ. О полемике Лескова с Мещерским см. вступительную статью.

8 Лесков цитирует фразу С.М.*Соловьева* (1820–1879) по статье В.И.Герье "Сергей Михайлович Соловьев" (*ИВ*. 1880. № 1), посвященной памяти известного историка.

9 Роман был опубликован в 1870 г.

10 Легендарное восклицание Корреджи, восхищенного картиной другого художника.

11 Речь идет о законе о всеобщей воинской повинности (принят в 1874 г.).

12 На этой улице располагалась конгрегация иезуитов.

13 Реминисценция из "Ревизора" Н.В.Гоголя.

14 Сергей Петрович *Боткин* (1832–1889), известный врач, основатель крупнейшей школы русских клиницистов. Эдуард Эдуардович *Эйхвальд* (1838–1889), профессор Медико-хирургической академии в Петербурге.

15 Намек на проповедь Редстока (см. об этом подробнее во вступительной статье.)

16 Имеется в виду, вероятно, Блаженный Иероним Стридонский, известный своим полемическим даром.

17 Андрей Николаевич *Муравьев* (1806–1874) — духовный писатель, знакомый Лескова, часто с иронией упоминавшийся в его произведениях как защитник ортодоксальных религиозных взглядов (см. очерк "Синодальные персоны".)

18 Имеется в виду "Церковный вестник"; две другие газеты — "Новое время" и "Церковно-общественный вестник" (см. выше примеч. 5).

19 Очерк И.А.Гончарова "Литературный вечер", опубликованный в журнале "Русская речь" (1880. № 1).

20 Лесков часто цитировал эти слова, приписывавшиеся А.И.Герцену (см. в наст. томе, книге первой, примеч. 130 к хронике "Божедомы. Повесть лет временных").

В ИНТЕРЕСЕ РУССКИХ ПРОТЕСТАНТОВ

Все самые образованные наши соотечественники, как духовные, так и светские, которым довелось сделать в Париже личное знакомство с пастором Берсье, описывают этого превосходного проповедника самым лучшим образом[1]. Он при большом природном уме "отлично воспитан и образован", и его наблюдательность, тонкость, нежность и теплота, в соединении с глубокою эрудициею и анализом, "действует неотразимо" "Церковно-общественный вестник", сообщая это, говорит: "Желательно, чтобы *у нас* было побольше таких пастырей"[2].

Конечно, отчего бы не желательно? Для начала не худо бы даже хотя бы *одного* такого, но только не вреден ли для подобных нежных душ наш суровый север? О сочинениях Берсье пишут, что "шесть томов, по 20 листов каждый, выдержали уже шесть изданий и не только в Париже, но и у нас, в Петербурге, покупаются нарасхват" Кроме двух бесед (о которых мы недавно говорили[3]) переведены и отпечатаны еще: 1) "Соль земли", 2) "Действительна ли молитва" и 3) печатается: "Есть ли жизнь за гробом"; переводятся: 4) "Государство и церковь", 5) "Обетованная земля", 6) "Видение Илии" и 7) "Придворный проповедник" Зная некоторые из этих превосходных бесед-характеристик, ярко блещущих всеми достоинствами таланта Берсье, мы чрезвычайно любопытны прочесть их в таком русском переводе, который бы верно передал подлинник. Но мы не уверены, что это сбудется. "Переводчик, пишут, намерен издать *целый том* бесед Берсье, выбранных из всех шести томов" Это и хорошо, и нехорошо, или, лучше сказать, это не совсем удобно, потому что маленькие брошюры, продающиеся по гривеннику, проникают в массу публики несравненно легче, чем "целый том", цена которого будет, конечно, много дороже. Но нам несомненно известно, что это делается не по воле и не по охоте: переводчик *вынужден* это сделать совсем против своего желания, ибо отдельные беседы Берсье могут быть напечатаны только с разрешения духовной цензуры, которой они не выносят без утраты многих лучших мест оригинала. К большому тому могут быть применимы другие правила: двадцатилистная переводная книга может идти без цензуры, но и тут еще не ясно: применимо ли это правило к такой книге, как беседы Берсье, которые имеют предметом религиозное состояние человека? Для русских *православного* исповедания, чистоту

веры которых оберегает православная духовная цензура, книжка Берсье, конечно, была бы непозволительна, но у нас есть немало русских протестантов, людей, не знающих никакого другого языка, кроме русского. Этих природных русских протестантов так немало, что для них есть особая кирха (на Петербургской стороне) и особый пастор (г. Мазинг), *проповедующий по-русски*[4]. Что же: имеют ли эти русские протестанты право получить перевод бесед их исповедания пастора Берсье *для себя*? Возможно ли такое издание хотя специально для протестантов?[5] Этот вопрос очень интересный и достойный внимания. Его непременно надо обдумать и разрешить, потому что он назрел органически и от него не отобьешься. Особое издание Библии на русском языке *для евреев* разрешено, неужто же назидательная христианская книга *для русских протестантов* не будет разрешена?.. Интересно и вполне желательно, чтобы из этого не вышел анекдот, который потом пойдет порхать по целой христианской Европе, аттестуя везде не только нашу веротерпимость, но даже самое наше христианство, чтобы на него можно было с удобством указывать, как оно предпочитает удовлетворение духовных потребностей евреев потребностям христиан.

Статья напечатана 7 апреля 1880 г.
Об основаниях атрибуции см. выше — во вступительной статье.

[1] Об Эжене Берсье и отношении к нему Лескова см. вступительную статью.

[2] Лесков цитирует анонимную заметку, напечатанную под названием "Библиографическое известие" и посвященную изданию двух "бесед" Берсье, переведенных А.Забелиным: "Евангельский образец отношения Иисуса Христа к политико-общественным делам" и "Беседа о богатом и Лазаре" (*ЦОВ*. 1880. 19 марта. С. 4). Все закавыченные далее слова, а также сведения о вышедших и готовящихся изданиях Берсье (см. далее) взяты Лесковым из этой статьи.

[3] Имеется в виду статья "Об односторонности. Два мнения о причинах современных нестроений. Профессор Цитович и пастор Берсье" (*НВ*. 28 февр. и 5 марта; о ее возможной принадлежности Лескову см. подробнее вступительную статью), где анализировались две "беседы" Берсье, указанные в предыдущем примеч.

[4] Имеется в виду пастор Адольф Мазинг (см. о нем во вступительной статье).

[5] Впоследствии "Беседы" Берсье многократно издавались на русском языке. См: *Берсье Э.* Избранные беседы. СПб., 1881; СПб., 1899; *Берсье Э.* Беседы. Т. 1–5. СПб., 1885–1902; СПб., 1890–1915.

ЛЕСКОВ В “ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЕ” (1879–1895)

Вступительная статья Т.А.Алексеевой
Публикация Т.А.Алексеевой и С.Г.Микушкиной
Комментарии Т.А.Алексеевой

Лесков, называвший “Петербургскую газету” «“серым” листком» (XI, 472), поместил в ней такое количество статей и мелких заметок, что их перечень в библиографии П.В.Быкова превосходит по объему список произведений Лескова, появившихся на страницах любого другого издания.

От основавшего ее в 1867 г. И.А.Арсеньева “Петербургская газета” в 1871 г. перешла к С.Н.Худекову, отставному военному, публицисту, историку балета, видимо, и привлекшему Лескова к сотрудничеству. Худекову удалось значительно поднять тираж издания. Газета перешла в его руки, по свидетельству С.С.Окрейца, “кажется, всего при тысяче подписчиков”[1], а во 2-й половине 1880-х годов ее тираж составлял уже 300 000 экз. Он также расширил круг обсуждаемых проблем, добившись в 1871 г. разрешения вести политический отдел. Газета подвергалась цензурным репрессиям и в 1873 и 1877 гг. была временно приостановлена[2].

По свидетельству А.Р.Кугеля, сотрудничавшего в “Петербургской газете” в течение 17 лет, Худеков стремился превратить ее в «русское “Фигаро”»: «Литературные силы, работавшие в то время (речь шла о 1880-х гг.— *Т.А.*) в “Петербургской газете”, были действительно значительные. Кроме неизменного Н.А.Лейкина <...> работал Н.С.Лесков, С.Н.Терпигорев-Атава, А.А.Дьяков-Житель, С.Г.Фруг. Это были <...> литературные украшения газеты <...> были по-своему также весьма даровитые, но насквозь уличные журналисты, как А.А.Соколов, бывший редактор “Петербургского листка” <...> И.А.Баталин, А.А.Плещеев»[3]. В 1885–1886 гг. в “Петербургской газете” помещал рассказы А.П.Чехов. В разные годы здесь сотрудничали также В.Г.Авсеенко, Д.Д.Минаев, И.И.Ясинский.

Структуру газеты, сохранявшуюся на протяжении 1880-х годов, А.Р.Кугель характеризовал достаточно точно: «“Петербургская газета” распадалась на две части: в одной печатались в литературном отношении хорошие статьи,— в другой подбирался материал хроники по вкусу невзыскательного уличного читателя»[4].

При очевидном успехе газеты и росте тиража репутация ее в интеллигентных кругах была весьма сомнительной. По воспоминаниям А.Н.Лескова, газету называли “петербургской сплетницей”, и он не раз “обиженно доказывал отцу несовместимость с его талантом и именем” сотрудничества в этом издании[5]. Показателен довольно курьезный, может быть, и не вполне достоверный факт, донесенный до нас мемуаристом: И.Ф.Горбунов, разговорившись с сыном Худекова, но не узнав его, пытался убедить последнего бросить работу в “Петербургской газете”: “Что вам за охота, мелка очень эта литература... Бросьте вы эту газету... посерьезней бы что-нибудь”[6]. Н.К.Михайловский в начале 1890-х годов в разговоре с С.С.Окрейцем, бывшим сотрудником “Петербургской газеты”, отзывался о ней как об издании, не имеющем ничего общего с литературой: “Это просто гешефт, не более”[7]. Успех газеты воспринимался как свидетельство все усиливающегося подчинения журналистики чисто коммерческим интересам: «Мизантропия, цинизм, нигилизм, жесткость в суждениях о людях, презрение ко всем (и в том числе, быть может, скрытое презрение к себе) — это было <...> у огромного большинства литераторов и журналистов, рабо-

тавших в “Новом времени” и “Петербургской газете” — двух грешницах, одной пофигуристей и понарядней, другой попроще. Те же черты были и в Терпигореве. То же в Буренине. таковы же были Баталин, А.А.Соколов и многие другие. Как будто люди озлобились за собственное падение. Как будто они, чувствуя его, всячески гнали от себя мысль, что существуют <...> люди, у которых есть общественно-политическая цель, или идеал служения”[8]. Однако именно характерная для массового издания установка на максимальное расширение аудитории, включение в нее городских низов и привлекала Лескова к “Петербургской газете” Сам он отзывался о ней как о “плохой, лакейской газете, но очень распространенной”[9]. Мотивы своего сотрудничества в этом издании Лесков объяснял популярностью газеты в среде городских простолюдинов: ее “читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок” (XI, 472).

Участию Лескова в “Петербургской газете” способствовало и отношение к нему сотрудников. Выступая под псевдонимом “Оса”, И.А.Баталин в статье “Ежедневная беседа” (1880. 9 марта) назвал его “богословом XIX века, знающим чин православия тверже всякого протодиакона” О том, насколько сотрудничество Лескова сказывалось на популярности газеты, можно судить и по его собственному признанию: «...Худеков говорит, что “простые читатели” меня “одобряют”» (XI, 321). Иногда в “Петербургской газете” Лесков помещал статьи, от которых отказались другие издания. Например очерк “Сошествие во Ад” (*ПГ.* 1894. 16 апр.) поначалу предлагался “Русской мысли” (XI, 365), а затем “Новому времени” (XI, 375).

Хронологические рамки работы Лескова в “Петербургской газете” предположительно устанавливаются по библиографии Быкова, где начало сотрудничества датируется 1879 г. Внимательное изучение газеты за предыдущие годы не дает оснований для пересмотра этой датировки. Сохранившиеся письма Лескова к Худекову относятся к 1880—1890-м годам, что может служить косвенным аргументом в пользу установленных Быковым хронологических границ: 1879—1888 гг.

Однако воспоминания А.Н.Лескова, выявившего еще ряд статей, помещенных его отцом в “Петербургской газете”, позволяют утверждать, что писатель сотрудничал в газете до начала февраля 1895 г. (последняя подписанная им статья — “Добавки праздничных историй. III. Сретение” — напечатана 2 февраля 1895 г.).

В библиографии Быкова зафиксирована 151 статья Лескова в “Петербургской газете” Еще 20 статей обнаружены А.Н.Лесковым[10], 10 статей — П.П.Кудрявцевым[11]. Но кроме того писателю, по нашему предположению, может принадлежать еще примерно 80 не выявленных ранее статей, напечатанных в “Петербургской газете” в период с 1879 по 1895 г. Три из них подписаны “Николай Лесков” С этих, бесспорно, лесковских статей мы начнем обзор.

Первая из них появилась 22 октября 1883 г. в № 290 газеты под названием “Старых баб философия...” Любопытно, что более поздняя статья Лескова под тем же заглавием, напечатанная в “Петербургской газете” анонимно (1886. 9 марта), была включена еще в библиографию Быкова. Обе статьи посвящены одной и той же проблеме — значению примет для понимания жизни простонародья. В ранней статье, ускользнувшей до сих пор от внимания исследователей (ее полное название: “Старых баб философия, или разъяснение необыкновенных приключений в природе и жизни человеческой”), ставился под сомнение идеал “доброго старого времени” По мнению автора, старинные приметы, особенно популярные в среде простонародья, отражают реальную картину его нравов и обычаев не только в настоящем, но и в прошлом — в начальный период их бытования, помогают составить верное представление о народных предпочтениях и вкусах. Приводимые же Лесковым примеры свидетельствуют о том, что “темнота ума и злоба сердец” так же преобладали в простонародной среде в “доброе время”, “яко же и во дни Ноевы”[12]. Сходный взгляд Лесков высказывал и на народные пословицы в ранней статье 1861 г. “О наемной зависимости”: “Если верить, что пословицы есть выражение народной мудрости, то нельзя по крайней мере распространять этого верования на все пословицы, живущие в народе. Есть между ними много таких, которые свидетельствуют о качествах совершенно противоположных мудрости и, конечно, относятся ко временам дикости нравов, стремления к порабощению и бесправию”[13].

Статья “Старых баб философия...” вписывается в круг лесковских выступлений, направленных против идеализации как исторического прошлого, так и народной

среды. Этот характерный для Лескова мотив звучит и в его ранней публицистике («Русские люди, состоящие "не у дел"», 1861; "Русское общество в Париже", 1863), и в выступлениях 1880-х годов — например, в статье "Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства" (1882) и в статье "Геральдический туман" (напечатанной так же, как и "Старых баб философия...", в 1886 г.), где говорилось: «Само простонародье, почитаемое нынче за вернейший коэффициент народности в России, говорит: "народ *ломлив*" <...> Любит поклоны, любит чваниться, ищет лучших мест на сборищах и пирах, любит потеснить слабого и показать над ним свое могущество. Словом, в этом отношении русский человек, кажется, таков же, как и большинство людей на свете<...>» (XI, 131).

В заключительной части статьи "Старых баб философия..." "суеверия" противопоставляются "свету, который открывают уму человека христианская религия и наука" В итоге сборник примет, поначалу увлеченно описываемый автором как уникальная библиографическая редкость, охарактеризован как "книга пустая и даже вредная"

Более поздняя статья под тем же названием имеет подзаголовок "о приметах" Смысловой акцент здесь смещен. На примере тех же примет автор рассуждает теперь уже о причинах мифологизации исторического прошлого, которые он видит в неточности и неполноте сохранившихся свидетельств о прошлом, а также в предвзятости апологетов "доброй старины"

Сборник примет под названием "Старых баб философия... был включен в "Новый полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще сонника до сего времени на российском языке не бывало" (СПб., 1818). Об этом соннике Лесков писал в первой из упомянутых статей, и о нем же, по-видимому, шла речь в одном из недатированных писем Лескова к Худекову: "Прилагаю Вам <...> фельетон, какой сумел составить по редкой и много чтимой народом книге.— Речь моя, конечно, направлена к простейшим людям, читающим Вашу газету"[14].

Еще одна подписанная, но до сих пор остававшаяся не выявленной статья Лескова — рождественский очерк "В обновке и обноске" (1891. 25 дек.), представляющий исключительный интерес. Это не первый рождественский очерк, помещенный Лесковым в "Петербургской газете". В 1890 г. в этом же издании был напечатан его рассказ "Под Рождество обидели", высоко оцененный Л.Н.Толстым, просившим Лескова прислать несколько номеров газеты с этим рассказом[15]. Очерк "В обновке и обноске", помещенный в рождественском номере следующего, 1891 г., во многом написан в том же ключе, что и рассказ "Под Рождество обидели" и весь цикл "Святочные рассказы". Лесков, как известно, не считал "элемент чудесного" необходимым в рождественском рассказе: "причудливое и загадочное имеет свои основания не в сверхъестественном или сверхчувственном, а истекает из свойств русского духа и тех общественных веяний, в которых <...> заключается значительная доля странного и удивительного"[16]. Рождественские очерки, напечатанные в "Петербургской газете", совсем лишены не только "элемента чудесного", но и "общественных веяний" В их основе лежит реальное, чисто бытовое происшествие, которому автор дает нравоучительное толкование, подчеркнуто обращенное к "городскому простолюдину"

Третья из незамеченных ранее подписанных статей Лескова принадлежит к известному циклу "Добавки праздничных историй". Две статьи из этого цикла были обнаружены А.Н.Лесковым (1894. 25 дек. и 1895. 2 февр.). Статья же в № 5 (1895. 6 янв.) — "Добавки праздничных историй. II. Крещение" — до сих пор не была нигде зафиксирована. Цикл "Добавки праздничных историй", посвященный апокрифам о церковных праздниках (Рождестве, Крещении, Сретении) и их отражению в иконописи, завершает одну из наиболее устойчивых тем лесковской публицистики — статьи о русской иконописи; Лесков, как известно, писал их на протяжении двух десятилетий, отдавая предпочтение именно апокрифическим мотивам (ср. "Благоразумный разбойник", "Христос-младенец и благоразумный разбойник", "Сошествие во Ад").

Уже эти три подписанные Лесковым статьи свидетельствуют о том, что объем его участия в "Петербургской газете" остается недооцененным.

Несомненно принадлежащей Лескову является и статья "Новогодние грачи и ласточки" (1885. 8 ноября) — о появившихся в продаже новогодних календарях, из которых «авантажнее пером и крупнее корпусом "глазастый" календарь г-жи Толиверовой". Он уже заслужил себе кличку: "То ли верный календарь..." — "Иную похвалу нельзя ему сказать». Лесковское авторство подтверждается письмом Лескова к Худекову: «Не откажите в милосердии литературной вдовице, питающей литературных сирот от календаря своего. Это разумеется — реклама, но не заключающая в себе никаких неосторожных похвал,— обобщенная и сглаженная пристойною шуткою.— Дело идет о "Календаре" г-жи Якоби (Толиверова тож)»[17]. Статья несколько шире "рекламы", в частности в ней говорится о необходимости печатать обстоятельные рецензии на календари. О том, что лесковский интерес к календарям действительно не исчерпывался поддержкой А.Н.Толиверовой, свидетельствует его известная статья "Календарь графа Толстого", появившаяся в 1887 г. в "Русском богатстве" (№ 2), статья "О пьесе и о народном календаре графа Л.Н.Толстого" (*ПГ.* 1887. 16 янв.). Календари интересовали Лескова как доступное всем слоям общества и популярное в народе чтение.

По воспоминаниям А.Н.Лескова, «бесхитростная издательница детского журнала "Игрушечка"» А.Н.Пешкова-Толиверова не раз пыталась вовлечь его отца в разнообразные хлопоты по устройству своих и чужих дел[18]. Отвечая на ее просьбы отказом и гневными отповедями в письмах, Лесков, тем не менее, не раз помогал А.Н.Толиверовой в "рекламе" ее произведений на страницах "Петербургской газеты", о чем свидетельствуют еще две неизвестные ранее заметки: «"Скоромный и постный стол...", изд. Тюфяева» (1885. 19 марта) и "Календарные обновы" (1886. 16 дек.). Обе заметки также выходят за пределы простой "рекламы", поскольку в них рецензия на издания А.Н.Толиверовой исподволь перерастает в характеристику самой издательницы, во многом совпадающую с лесковскими оценками, сохранившимися в его письмах и воспоминаниях мемуаристов[19]. Так, например, в библиографической заметке "Скоромный и постный стол, с приложением домоводства и домоустройства в связи с гигиеною" уже в первой, наиболее благожелательной ее части возникает образ составительницы книги — деятельной и хлопотливой: «...г-жа Тюфяева в этой своей книжке вполне олицетворяет собою ту досужую хозяйку "благопомощницу", которая всюду поспевает, все видит, все знает, все умеет устроить и всем помогать тщится». Однако тут же прорывается и недовольство ее непрактичностью и непоследовательностью: «Жалеем лишь об одном и одно почитаем за непрактичное, что особа, дарящая публику столь хорошими практическими изданиями, не держится какого-нибудь одного псевдонима, а все является под новыми. Едва внимание публики усвоит имя "Якоби", является "Толиверова", только что попривыкнут к звуку "Толиверова", является "Сальникова-Толиверова", или "Воротилина-Тюфяева-Толиверова". Этак непременно можно сбить покупателя с толку так, что он и вспомнить не может, кого ему надо <...> Давно бы кажется пора все эти дроби свести к одному знаменателю». Отзвук раздражения деятельностью издательницы, которую Лесков именовал "Ваше высокобестолковство"[20], слышен и во внешне благожелательной библиографической заметке "Календарные обновы" (1886. 16 дек.). А.Н.Толиверова дала своей "хозяйственной книжке" точно такое же название, какое имел сборник философских изречений, составленный графом М.М.Корфом,— "На каждый день" Чтобы смягчить невыгодные для самой Толиверовой последствия этого шага, Лескову пришлось посвятить две трети заметки разъяснениям: «Корфовский каждедненник издан для тех, "иже не имут зде пребывающаго града, а грядущего взыскуют", а каждедненник г-жи Толиверовой издан для тех, кои "появ жену, пекутся о мирских, како угодити жене", т.е. стараются в своем домашнем быту толково, обстоятельно и удобно. Всяк своего пусть и ищет, что кому "на каждый день" нужнее». Скрытую язвительность определений, даваемых обоим "каждедненникам", усиливает и то обстоятельство, что М.М.Корф, последователь Редстока, неизменно высмеивался Лесковым за стремление "афишировать религию"[21],— как в статьях, хронологически предшествующих заметке "Календарные обновы", так и в более поздних произведениях, вплоть до 1890-х годов (ср. "Зимний день" — IX, 405).

Все три заметки, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей, посвоему интересны не только как пример разносторонности лесковских выступлений

в "Петербургской газете", но и как еще один штрих к истории отношений Лескова с "немилосердной Александрой Николаевной"[22].

Как любое массовое издание, претендующее на успех во всех слоях общества, в том числе в среде городского простонародья, "Петербургская газета" уделяла много внимания проблемам народного образования, медицины, условиям жизни простолюдина, борьбе с пьянством. Особенно интенсивно статьи о пьянстве печатались в 1881 г., когда министром внутренних дел был назначен Н.П.Игнатьев, по инициативе которого созывался Совет сведущих людей, обсуждавших, в частности, и меры борьбы с пьянством. Среди многочисленных выступлений "Петербургской газеты" на эту тему привлекают внимание некоторые статьи, пересекающиеся с известными заметками Лескова о пьянстве. Вера в возможность народного просвещения неизменно сочетается в них со значительной долей скепсиса в отношении общепринятых мер борьбы с пьянством и мыслью о том, что сами условия жизни подталкивают простолюдина к пьянству. Так, например, уже в ранней статье Лескова (1860) "Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе" просветительское убеждение в том, что "воскресные школы, народные театры, клубы, лектории и примеры воздержанности — <...> источники отрезвления рабочего класса"[23], соседствует с мыслью о бесполезности всех охранительных и запретительных мер против пьянства.

Позиция Лескова в вопросе о пьянстве в целом осталась такой же и в 1880-е годы, о чем свидетельствуют, например, известные статьи "Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства" (1882) и "Литературный разновес для народа" (1881), имеющие очевидные тематические пересечения с анонимной статьей "О народном полировании" (*ПГ.* 1881. 27 авг.). В "Вечернем звоне..." изобличается поверхностность общепринятых способов борьбы с пьянством, предназначенных "уничтожать симптомы болезни, а не самую болезнь" Непонимание того, что "пьянство и многие другие виды бесчинства в народе нашем не суть самостоятельные явления, а они — только проявления другой общей и более глубокой болезни", подчас придает действиям властей почти комический характер. Лесков рассказывает о развешиваемых по Петербургу зимой 1882 г. огромных картонах «с наклеенными на них листами "поучения св. Иоанна Златоуста о сквернословии"», разумеется, сочиненными не Иоанном Златоустом и не имевшими никакого успеха. В более ранней статье "Литературный разновес для народа" (*НВ.* 1881. 30 сент.) Лесков уже писал о подобном способе народного "просвещения": на остановках конки развешивались "картоны" с наклеенными страницами "изрезанных нравственных брошюр, брошюр против пьянства и курения табаку" Тогда "мысль занять таким чтением ожидающих пассажиров" признавалась им "не только недурной", но даже и "полезной" Чтобы "довести эту маленькую частную меру отрезвления до какого-нибудь более практического результата", нужно было только "сделать так, чтобы моральные брошюры, о которых напоминают развешенные папки, тут же и продавались желающим" Годом позже, в "Вечернем звоне..." дается более скептическая оценка развешиванию нравоучительных "картонов": "Подобные вещи имеют своего рода значение <...> в странах, где народ уже освоен с духом учения христианского, но у нас <...> на этот счет совсем темно"

Ту же поверхностность и непонимание глубинных причин пьянства, о которых идет речь в "Вечернем звоне...", автор статьи "О народном полировании" усматривает и в деятельности специальной комиссии при Министерстве внутренних дел. Комиссия «нашла, что этот народ надо поучить посредством издания <...> целой противупьянственной хрестоматии... Проект этот сообщался Синоду, который тоже оказался не против издания <...> В Министерстве народного просвещения перечли Стоглав, Кормчую, Номоканон, указали на массу пастырских посланий и народного сложения повестей о пьянстве, известных с тех пор, как только известна русская письменность, и... все это читалось, списывалось, в песнях пелось и в сказах сказывалось и, однако <...> суровая действительность к исходу девятнадцатого века опять малюет перед нами ту же самую суровую картину, которая ужасала белозерского Кирилла, т.е. "люди ся пропивают, а души гибнут"» По существу, здесь в более развернутой форме высказана та же мысль, что и в известной статье Лескова «О "Сельском вестнике"» (*НВ.* 1881. 24 сент.), где говорилось: «Пьянство всегда было велико и лучшим тому доказательством служит наша церковная литература, которая со времен Луки Жидяты (1069) все пишет "обличения пьянства"».

Не исключено, что Лесков, еще бывший в 1881 г. членом Особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народа, мог иметь некоторое отношение к изучению в Министерстве народного просвещения “проекта противупьянственной хрестоматии” и к заключению министерства, “что тратить народные деньги на противупьянственную хрестоматию будет напрасно”,— “гораздо уместнее хорошие, *мелкие* и доступные по цене книжечки”. Во всяком случае, автор статьи “О народном полировании” придает большое значение изданию и распространению “мелких книжечек” для народного чтения, так же, как в статьях “Литературный разновес для народа” и “Вечерний звон...”, где наилучшим путем к искоренению пьянства признается “поскорее обучить его (народ.— *Т.А.*) грамоте и научить вере христианской, которая дает свой плод — христианскую жизнь”[24].

Во всех трех статьях речь неизбежно заходит о политике церкви в отношении пьянства. В “Вечернем звоне...” Лесков, попутно обличая поклонников “доброго старого времени”, как пример “энергических забот” церкви об улучшении нравов приводит указ XVIII в. “из алексопольского духовного правления”: «“*велеть церковным сторожам <...> по захождении солнца бить в колокол, в знак того, чтобы по пробитии трех раз никто из жителей по улицам не шатался*” <...> Далее этого, кажется, уже едва ли можно желать, чтобы простиралась материнская заботливость церкви о нравственности ее чад, но, как видим, вся ее энергия, чтобы удержать наших предков от разгула, свойственного широте некультивированной натуры, оказалась безуспешною». В статье “О народном полировании”, отметив поддержку Синодом нелепой “противупьянственной хрестоматии”, автор ведет речь о том, насколько церковный консерватизм препятствует делу народного просвещения. Например, “*мелкие* и доступные по цене книжечки” не доходят до народа, потому что “их нельзя продавать в церквах, как это принято в церквах протестантских” (а «ходебщики копеечной книжки не распространяют, т.к. с нею “не стоит возиться”»). В статье “Литературный разновес для народа”, появившейся в печати месяцем позже, правда, говорилось: “Верные люди за верное рассказывают, что <...> будет разрешена продажа книг при всех церквах, что, несомненно, хорошо и что давно пора бы сделать” Пока же распространением религиозных книг для народа, особенно по праздничным и выходным дням, занимаются лишь протестанты, да “дедушка Иов Герасимов”[25], “а православные чиновники, заведующие малоподвижными складами синодальных изданий, во все праздничные дни *не служат*; им нельзя торговать, потому что они в это время, верно, *молятся...*”[26].

Другие причины, усугубляющие пьянство и перечисленные в статье “О народном полировании”, также связаны с “церковной практикой”: “обычай продавать водку у самых церквей” (что “приносит храмам доход”) и — “преизбыток праздничных дней, которых у нас без сравнения больше, чем у всех других христиан” О преизбытке праздничных дней Лесков писал еще в ранней статье “О рабочем классе” (1860). В “Литературном разновесе...” также упоминаются “праздничные дни, которых у нас, может быть, чересчур довольно”

Статья “О народном полировании” завершается недвусмысленными инвективами в адрес церкви: “Три важные вопроса остаются неразъясненными: <...>склонна ли церковь 1) помогать общим заботам об уменьшении загула, для чего надо не множить числа разгульных дней, 2) изменить обычай “народного полирования” посредством уничтожения пьяных выставок при христианских праздниках, и 3) помочь в передаче в руки народа тех добрых книжечек, которых издано много, да передать не через кого?”

Наряду с этой статьей в том же номере “Петербургской газеты” помещена и небольшая заметка в рубрике “Из жизни”, которая также может принадлежать Лескову (в этой рубрике писатель регулярно помещал статьи, как правило — без названия). Автор заметки на частном примере показывает непрактичность общепринятых методов борьбы с пьянством, никогда не берущих в расчет реальных потребностей и условий жизни, и потому — не достигающих цели: на дверях синодальной книжной лавки помещен анатомический рисунок, изображающий грудную и брюшную полость у пьющего и трезвого человека. «Правда, что рисунок сделан грубо <...> но это неважно для нашего неприхотливого народа, который еще ничего не знает ни о своих легких, ни о печени, а думает, что у него просто “*нутро*”, а в том *нутре* лежит “что следовает”». Однако синодальная лавка помещена “как нарочно в месте непро-

хожем" и "торгует как раз в те часы, когда все простолюдины заняты работою" (*ПГ*, 1881. 27 авг.). В этом небольшом выступлении намечена тема, которая через месяц будет подробно и обстоятельно развернута в "Новом времени", в статье "Литературный разновес для народа". В ней тот же факт — неудобное время работы синодальной лавки — осмысляется уже по-новому, как убедительное свидетельство равнодушия церкви к потребностям народа: «...синодальная лавка открыта только от 10 ч. утра до 5 ч. дня, т. е. именно в те часы, когда простолюдины заняты делом <...> и по улицам не ходят. Рано утром и вечером, когда рабочие люди спешат на работы или тянутся "ко дворам" — синодальная лавка закрыта; равномерно она закрыта и во все праздники, когда рабочий народ свободен и когда ему может быть особенно бы полезно подать под руку и книжку о вине, и "о матерном слове", неистово оглашающем наши улицы "во все двунадесятые и переходящие" <...> нельзя ли лавочным сидельцам св. Синода хоть по очереди проникаться духом слова Божия, которое говорит, что "суббота создана для человека, а не человек для субботы"?». Кроме текстуальных совпадений со статьей в "Новом времени", в пользу лесковского авторства косвенно может говорить и то обстоятельство, что заметка подписана криптонимом — "Л.", которым часто пользовался Лесков.

Сопоставление лесковской статьи в "Новом времени" с хронологически близкими к ней выступлениями в "Петербургской газете" позволяет проследить, как одни и те же примеры и цитаты кочуют из статьи в статью, обретая в новом контексте дополнительные смысловые оттенки. В "Литературном разновесе..." Лесков упоминает «нынешнего епископа пензенского Григория, который с благородным и весьма понятным волнением говорил недавно пензенскому духовенству о том, что у нас сами гасильники пьянства помогают ему разгораться! — "сами священники по местам шинкуют"». Спустя две недели это же выступление пензенского епископа становится отправной точкой и основным аргументом в раскрытии темы другой, неизвестной ранее статьи "Благочестие и распойство" (*ПГ*. 1881. 13 окт.), где вновь поднимается вопрос об участии церкви, "на виду всего христианства", в открытии распивочных мест: "где не дает кабаку место село, там он умещается на церковной земельке, и общине его оттуда ничем не выжить".

О возможном лесковском авторстве статьи "Благочестие и распойство" позволяет говорить и обширный полемический выпад против протоиерея Е.А.Попова. Ярый оппонент Лескова Е.А.Попов упоминается в "Мелочах архиерейской жизни" (VI, 465), а также в заметке "Из мелочей архиерейской жизни": «Этот негодующий Евгений Попов, очевидно, "мнит службу совершити Богу", а может быть, и еще кому-нибудь другому» (X, 244). Лесковские выпады против Попова, как правило, затрагивали и редактора "Церковного вестника" А.И.Предтеченского. При этом неизменно подчеркивалось его единодушие с Поповым. "Оба эти просвещенные духовные писателя" (X, 244) обличаются как в статье "Из мелочей архиерейской жизни", так и в заметке «Последнее слово о "Мелочах"» (X, 521). В статье "Благочестие и распойство" рассуждение о сибирских купцах, делавших себе состояния на винокурении, заканчивается следующим выпадом в адрес Е.А.Попова: «Вместо пустых книжонок, которыми он себе создал смешную репутацию, ему бы стать против таких господ как нелицемерному слуге алтаря с огнеустым словом <...> Если бы литературный друг о<тца> Попова, академический профессор г. Предтеченский разделил наше мнение и согласился его поддержать в редактируемом им "Церковном вестнике", то о<тец> Попов его, наверно, бы послушался, и <...> может быть, заговорил бы о живом деле, которое имеет значение для народного благоденствия».

Лесковские статьи о пьянстве представляют лишь один из аспектов обширной, проходящей через все его творчество темы — религиозного состояния народа, в котором духовная и умственная "темнота", задавленность, отсутствие духа свободы и уважения к личности сочетается со стихийными, истовыми религиозными исканиями, подчас обретающими трагикомический характер.

На страницах "Петербургской газеты" этот мотив, в частности, представлен статьей "Отсрочка светопреставления" (1881. 22 сент.), принадлежность которой Лескову кажется очень вероятной. Статья, посвященная "пророчествам" петербургского мастерового Ивана Исаева о конце света, имеет множество фактических и текстуальных совпадений с очерком Лескова "Обнищеванцы", появившемся несколькими месяцами ранее, а также прямо отсылает к тексту очерка, напоминая читателям, что

Иван Исаев «как герой целой народной эпопеи, "обнищеванства", описан в "Руси" Н.С.Лесковым». Автор статьи, как и в "Обнищеванцах", указывает на свое личное знакомство с "пророком" и его "трактациями" Им упоминаются те же события из жизни героя, что и в очерке; совпадает и характеристика четырех "книг", поданных Иваном Исаевым митрополиту Исидору и начальнику III отделения Н.В.Мезенцеву. В текст статьи введено множество цитат из "Обнищеванцев", которые в свою очередь позаимствованы из "списаний" самого Ивана Исаева. В очерке он характеризуется как "совершенный бессребренник, восторженный мечтатель и отчасти даже страстотерпец <...> во всяком случае личность очень интересная и чисто народная"[27]. В статье о его учении говорится, что оно "такое оригинальное, какое может прийти в голову только русскому чудаку". Но, как нередко бывает у Лескова при использовании одного и того же сюжета в разных текстах, несколько смещаются смысловые акценты. В очерке развивалось противопоставление "религиозной мечтательности народа" и внерелигиозности образованных слоев, которые, "приближаясь к чистым мечтам этого детства, умеют только оскорбить его и унизить себя"[28], тогда как учение Ивана Исаева «согрето страстным благочестием и "трясущимся" чувством за Россию»[29]. В статье же, посвященной последним "списаниям" Ивана Исаева, возникает новая антитеза: увлеченность идеей близкого конца света противопоставляется благочестию людей, знающих, что "не наше есть разумети времена и лета"

Лесков, как известно, постоянно возвращался к критике "церковных администраторов", "стремящихся поставить всестороннюю жизнь государственного организма в зависимость от церковных взглядов"[30]. Одним из деятельных сторонников охранительной роли церкви и, следовательно, постоянным объектом полемических выпадов со стороны Лескова в начале 1880-х годов был историк раскола, профессор Московской духовной академии Н.И.Субботин, входивший в окружение К.П.Победоносцева. Анонимная заметка "Из жизни", помещенная в "Петербургской газете (1881. 29 окт.), органично вписывается в общую систему лесковских выпадов против Субботина. Заметка вызвана слухами о том, что он занят "заготовлением пьес" из жизни старообрядцев для народных театров.

Большинство лесковских статей, задевающих Субботина, было напечатано в конце 1881 — первой половине 1882 г. Именно в этот период его выступления все чаще упоминаются в переписке Субботина с Победоносцевым. После появления рецензии Лескова на субботинскую брошюру "О сущности и значении раскола в России" (*ИВ*. 1881. № 12), Победоносцев наставлял Субботина: "Вы пишете, что он делает вам вызов и спрашиваете, принимать ли этот вызов? <...> Не напасешься ответов на всякую лживую брань <...> Благоразумнее продолжать свое дело, не обращая внимания на лай, и избегать тщательно всякой полемики <...> Лесков и меня обливает ядом в своих фельетонах — пускай их ругаются"[31]. Однако месяц спустя точка зрения Победоносцева на необходимость публичного ответа Лескову начинает меняться. В начале января 1882 г. он сообщал Субботину: «Лесков продолжает свои наезды. Сегодня в 1-й книжке "Исторического вестника" тоже какая-то его статья о расколе, где, вероятно, и вы задеты»[32], а 28 января уже прямо писал: "Одобряю ваше намерение написать статью в опровержение безумных выходок Лескова"[33]. Речь идет об ответе на анонимную статью Лескова "Кто написал? Вопрос из Москвы" (*НВ*. 1882. 20 янв.). Об авторстве Лескова сообщал сам Субботин в письме к Победоносцеву от 26 января 1882 г.[34] В ней, в частности, поднимался вопрос об ангажированности Субботина: "...писало ли это лицо брошюру по собственному почину и убеждению, или же сочинитель ее исполнял только данное ему поручение?". В своем ответе, указав, что его главным обличителем является «некто Н.Л., очевидно большой охотник заигрывать "с людьми древлего благочестия"»[35], Субботин следующим образом отводил обвинение: "Да будет же ведомо любопытному фельетонисту <...> что брошюра составлена мною, нижеподписавшимся, и именно *по поручению* г. обер-прокурора святейшего Синода <...> никакого насилия моим убеждениям при этом не было и не могло быть"[36]. Вскоре, 15 мая 1882 г., Субботин сообщал Победоносцеву: «Любопытно, что до сих пор он отмалчивается по поводу моего ответа ему в "Московских ведомостях"»[37].

В письмах Субботина сохранились и свидетельства того, насколько его уязвляли лесковские выпады. Так, после появления статьи писателя "Иродова работа" (*ИВ*. 1882. № 4) он сетовал: «Лесков не унимается. В новой нелепой статье "против рас-

кола", говоря о деятельности кн<язя> Суворова в отношении к раскольникам Остзейского края, несколько раз упоминает обо мне и моем, как он выражается, заказном сочинении,— и совсем не кстати, совсем неверно»[38].

Заметка "Петербургской газеты" хронологически предшествует статьям, помещенным в "Историческом вестнике", но во многом совпадает с ними в оценке деятельности Субботина. Одним из основных обвинений, выдвигавшихся Лесковым против Субботина, было, как известно, указание на его ангажированность. Он постоянно характеризуется как "заказной писатель"[39], "внушенный писатель"[40], а его брошюры — как "произведения внушенные <...> тенденциозные", направленные против "дела религиозной свободы"[41] и т. п. В заметке "Из жизни" речь также идет о "заказном" характере произведений Субботина, который пытается "приспособить народные театры к служебным целям не искусству, а другим задачам", упоминается "субботинская тенденциозность" Сочинения Субботина, таким образом, представляли для Лескова интерес как отражение политики высшей церковной иерархии. В статье "Кто написал?" об этом говорилось прямо: "На этой брошюре значится, что она напечатана по распоряжению г. обер-прокурора св<ятейшего> Синода <...> стало быть, изложенные в ней воззрения и рассуждения одобряются <...> высшею церковною властию". О "заказной книге московского профессора Субботина, изданной по распоряжению синодального обер-прокурора", Лесков упоминал также и в статье "Бродяги духовного чина" (Новости. 1882. 26 мая).

Столь же последовательно в лесковских статьях подчеркивалось несоответствие нравственных воззрений Субботина не только духу христианства, но и требованиям простой справедливости. Этот мотив звучит в заметке "Макарий, высокопреосвященнейший митрополит Московский" (*ИВ*. 1880. № 2), в рецензии на брошюру "О сущности и значении раскола..."[42]. Ему же посвящена значительная часть заметки "Из жизни".

За месяц до ее появления "Новое время" сообщило об освобождении из казематов Суздальского монастыря трех старообрядческих епископов, которые провели в заключении 25 лет (1881. 12 сент.). Ссылаясь на это событие, автор заметки характеризует полемические приемы Субботина как глубоко безнравственные: "не признаваемые правительством" раскольники не могут себя защищать, поэтому обличать их — значит "наваливать бревном на лежачего"

В освобождении старообрядческих архиереев решающую роль сыграло вмешательство министра внутренних дел Н.П.Игнатьева, который под напором "прошений" со стороны раскольников ходатайствовал о заключенных епископах перед Александром III. Об участии Игнатьева в деле архиереев свидетельствуют и его письма к К.П.Победоносцеву, которого Игнатьев просил о поддержке: "На меня напор со всех сторон по старообрядческим делам, а надо выбирать из нескольких зол меньшее <...> и лучше избавить от тюрьмы престарелых старцев, чем делать другого рода уступки"[43]. Согласившись на освобождение архиереев, Победоносцев позднее отметил в письме к Субботину: "К сожалению, ведется безумное кокетничанье с расколом <...> Оттого-то гг. Лесковы и К°-получили такую смелость"[44].

О роли Н.П.Игнатьева в деле старообрядческих епископов сообщила газета "Русь" (1881. 19 сент.), и, возможно, именно этими событиями вызвана высокая оценка Игнатьева как государственного деятеля в заметке "Из жизни": он "не станет искать <...> советов и содействий людей, желающих всякое место обратить в пономарню",— писал автор этой статьи.

Освобождению старообрядческих архиереев, а также участи некоторых других заключенных в монастырях за "вину религиозного своемыслия, которое не всякий согласится считать виною", посвящена еще одна не учтенная ранее заметка "О монастырских заточенниках" (*ПГ*. 1881. 24 сент.). В ней также упоминается о том, "сколько сильных попыток было сделано <...> чтобы расторгнуть узы упомянутых старцев, и как все это постоянно не удавалось, пока за них не вступился граф Н.П.Игнатьев"

По воспоминаниям А.Н.Лескова, его отец особенно "любил помещать" в "Петербургской газете" полемические, "злободневные" заметки[45]. На многие события, вызывавшие газетную полемику, он откликался именно со страниц "Петербургской газеты" Так, в ноябре 1886 г., когда профессор Медико-хирургической академии С.П.Коломнин покончил с собой из-за неудачного исхода сделанной им операции, почти все петербургские газеты спорили о мотивах и обстоятельствах его поступка.

Основная полемика развернулась между “Новым временем”, видевшим в самоосуждении Коломнина нравственную силу, и “Новостями”, упрекавшими его в “слабости” Автор статьи “Испорченное впечатление” (*ПГ.* 1886. 19 ноября) включился в полемику с совершенно неожиданной стороны, одновременно выступив как против “Новостей”, так и против “Нового времени”: обе газеты повторяли слово, в корне искажающее нравственную суть происшедшего, как бы она ни интерпретировалась,— т.е. слово “гордость”.

На употребление слова “гордость” в неподходящем контексте Лесков обращал внимание в еще более ранней заметке 1880 г. “Макарий, высокопреосвященнейший митрополит Московский” Он писал о брошюре Н.И.Субботина: «Биограф <...> заключает свое сказание тем, что “московская епархия может *гордиться*” таким иерархом <...> Составителю биографии, вероятно, не известно, что церкви христианской не приличествует ничем и никем *гордиться*... Церковь может *радоваться,* может *дорожить* в<ысоко>преосв<ященнейшим> Макарием <...> но она никогда не должна и не может гордиться»[46]. В статье “Испорченное впечатление” есть и текстуальные совпадения с заметкой о “Макарии...” Отмечая по поводу слова “гордиться” “случайность употребления несоответственных слов” в брошюре Субботина, Лесков добавлял, что “соответствие слов предмету имеет несомненное значение”[47]. В “Испорченном впечатлении” этот же упрек бросается “нашим большим писателям”, у которых слова “так часто сыпятся и скачут, какое куда попало”: “...как бы полезно было, если бы хоть самые крупные писатели наших руководящих органов не погнушались немножечко останавливаться над значением слов, употребляемых ими без понятия об их соответствии” Один из пассажей статьи “Испорченное впечатление” можно воспринять и как отсылку к заметке о Макарии: «Есть даже такие молодцы, которые думают, что может быть “гордость церкви” или “гордость христианина”».

На неуместное употребление слова “гордость” Лесков так же остро реагировал и позднее, например, в письме к И.Е.Репину от 22 января 1889 г., где речь шла о стихотворении К.М.Фофанова “Л.Н.Т<олстому>”: «Стихотворение это прекрасно, но в нем есть одно ужасное слово, которое совсем не идет к тону и противно тому настроению, которого должна держаться муза поэта-христианина, в истинном, а не приходском смысле этого слова. Это слово “горжусь” <...> Это несоответственное слово употребляют попы, газетчики, славянофилы и патриоты-националисты, но оно не должно исходить из уст поэта-человеколюбца» (XI, 413).

Интерес Лескова к личности С.П.Коломнина и газетной полемике вокруг его гибели подтверждается и двумя известными его заметками, также затрагивающими эту тему и включенными в библиографию Быкова,— «Метафизик из “Новостей”» (*ПГ.* 1886. 19 ноября) и “Круглый ноль метафизику” (*ПГ.* 1886. 22 ноября).

В это же время, в ноябре 1886 г., в печати усиленно обсуждались слухи о переходе Владимира Соловьева в католичество, вызванные его интересом к личности епископа И.-Г.Штроссмайера. Их передавала газета “Русское дело”, харьковский журнал “Благовест” и др. Разгоралась полемика, в ходе которой в “Петербургской газете” появилась статья “Владимир Соловьев в своем согласии” (1886. 28 ноября), возможно, представляющая собой редкий пример публицистического выступления Лескова против В.С.Соловьева. В 1890-х годах, когда Соловьев вошел в близкое окружение писателя, Лесков отмечал в качестве главного и, по существу, единственного серьезного источника их разногласий, его “церковенство”[48]. Взгляд на Соловьева как на “православиста” и развивается в статье “Петербургской газеты” Своей односторонностью статья скорее контрастирует с большинством известных высказываний Лескова о Соловьеве (XI, 473, 478, 479, 483)[49], но и дополняет их, так как относится к периоду, предшествующему сближению Соловьева с писателем.

В марте 1887 г. в “Петербургской газете” появилось несколько статей, в разной степени затрагивающих личность Иоанна Кронштадтского. Одна из них — “О происшествии с кронштадтским священником” (1887. 25 марта) — известна и указана в библиографии Быкова. Неизвестная ранее заметка “Прекращение кронштадтского дела” (1887. 25 марта) является ее непосредственным продолжением. Первая из двух статей, как известно, посвящена инциденту с Иоанном Кронштадтским, на которого бросился с побоями крестьянин М.И.Теканов. Слухи о происшествии тут же были подхвачены газетами, сообщавшими о “покушении на жизнь о. Иоанна” (Новости. 1887. 18 марта), о “преступнике-фанатике”, “принадлежавшем к секте Пашкова”

(*НВ.* 1887. 18 марта). Поводом для второй статьи послужил отказ Иоанна Кронштадтского от судебного разбирательства под давлением "полученной им массы телеграмм и писем от разных лиц с просьбою прекратить дело" (Новости. 1887. 24 марта). В противовес разноголосице газетных мнений и слухов Лесков истолковывает случай с Текановым как напоминание "мало знающим о простом народе <...> об осторожности, необходимой в присутствии экстатиков, на которых всегда ужасно действует теснота, спертый воздух <...> и необыкновенное чтение... Надо это знать и уметь щадить их тяжелое болезненное состояние"[50]. Лесков заботился о том, чтобы это событие получило общественный резонанс и не было искажено, о чем свидетельствует и его письмо к Худекову по поводу первой статьи: "Хорошо бы <...> поместить прилагаемую статейку завтра. Того же требовало бы и возбуждение, которое ходит в народе по поводу кронштадтского дела,— которое в существе своем совершенно просто и невинно, а только жалостно"[51]. Статьи, таким образом, несколько отличаются по характеру от большинства лесковских выпадов в адрес Иоанна Кронштадтского, как правило, затрагивающих его склонность использовать веру как источник доходов (XI, 374, 476; см. также заметку "Протопоп Иван Сергиев (Кронштадтский) в трех редакциях" — IX, 604—605). Однако этот мотив присутствует в двух других заметках, которые есть основания связать с именем Лескова: "Беседы отца Иоанна" (*ПГ.* 1887. 25 марта) и "О книжках о<тца>Сергиева" (*ПГ.* 1887. 27 марта).

Обе статьи имеют ряд текстуальных совпадений, позволяющих предположить, что они написаны одним и тем же автором. Наибольший интерес представляет вторая заметка — "О книжках о<тца> Сергиева", построенная на противопоставлении деятельности Толстого и кронштадтского протоиерея. Толстой "*ничего не берет* за свое авторское право с издателей его народных рассказов" Судить же о "коммерческих расчетах" Иоанна Кронштадтского и издателя его "Бесед" А.П.Руденко автор заметки предлагает на основании "непомерной дороговизны" издания, почти недоступного простому читателю. Толстой свой отказ от авторских прав "сделал известным", тогда как "коммерческие основания" деятельности протоиерея никому неизвестны и неподотчетны. Прямого обвинения в адрес Иоанна Кронштадтского не высказано, но логика его противопоставления Толстому подводит к вполне однозначному ответу на вопрос, чья именно позиция, по мнению автора заметки, более "совместна с христианскими целями" О принадлежности статьи Лескову говорят и очевидные текстуальные совпадения с известными выступлениями Лескова о Толстом. Так, в статью введено и закавычено выражение "общее народное достояние", отсылающее читателей и к статье самого Лескова "Общее литературное достояние" (*ПГ.* 1887. 7 марта), и к заявлению редакции книжного склада "Посредник" (Русские ведомости. 1887. 7 марта), где говорилось: «Все, изданные "Посредником" произведения Льва Николаевича Толстого, на основании желания самого автора, составляют общее достояние». С текстом этого заявления Лесков, очевидно, был знаком еще до его появления в печати, поскольку 5 марта в "Петербургской газете" была напечатана его статья «По поводу драмы "Власть тьмы"». В ней, в частности, отмечалось: «...нас интересовал вопрос о гонораре за пьесу <...> С этим вопросом, как и с некоторыми другими <...> мы обратились к представителю фирмы "Посредник" В.Г.Черткову <...> "Она вместе со всеми произведениями, изданными "Посредником",— пишет нам В.Г.Чертков,— составляет общее достояние и не подлежит никаким условиям литературной собственности"». На следующий день после публикации заявления "Посредника", 8 марта 1887 г. Лесков писал В.Г.Черткову: "Чрезвычайно рад я, что Вы выяснили вопрос о праве собственности рассказов Л<ьва> Н<иколаевича>. Это было необходимо и сделано это прекрасно. Теперь надо, чтобы на этом дело не стало <...> Пример Толстого должен родить новое движение в душе писателя" (XI, 335).

Отказу Толстого от авторских прав посвящены также известные статьи Лескова «Авторский гонорар за "Власть тьмы"» (*ПГ.* 1887. 26 февр.) и "Еруcланов конь спотыкается" (*ПГ.* 1887. 10 марта). Упоминания о "Посреднике" и "некоторых <...> писателях", последовавших примеру Толстого, текстуально близки к заключительной части статьи "Еруcланов конь спотыкается"

В 1880-е годы на страницах "Петербургской газеты" значительное внимание уделялось Л.Н.Толстому — художнику и мыслителю. При этом газета не выражала

сколько-нибудь определенного взгляда на его деятельность, в отличие от ряда других изданий, например, "Новостей", последовательно выступавших против Толстого с середины 1886 г. (см. статьи А.М.Скабичевского от 17 апр., 26 июня, 3 июля, 18 и 25 сент., 2 окт.), или "Русского богатства", полемизировавшего с "Новостями" На страницах "Петербургской газеты" рассуждения о "силе и правде в передаче душевных ощущений у Толстого"[52] перемежались с ироническими заметками, так или иначе вышучивающими толстовские начинания. Например, по поводу толстовского "общества трезвости", делившегося на разряды (одни его члены обязались "не пить и не угощать", другие — "не пить, но угощать" и т.п.[53]). И.А.Баталин ("Руслан") писал в статье "Отклики дня": "Вероятно, явятся новые группы, которые обяжутся не пить только натощак, не пить стаканами, а рюмками, не пить в кредит, не пить до зеленого змия или просто пить сколько угодно, но только не попадать в участок". Ироническая характеристика "общества трезвости" звучит и в заметке "Из записной книжки праздношатающегося" (*ПГ.* 1888. 22 янв.).

Участие "Петербургской газеты" в полемике вокруг 12-го тома Собрания сочинений Толстого не выразилось ни одним сколько-нибудь серьезным выступлением. Статьи Лескова, написанные в ходе этой полемики, помещались им не в "безликом органе" Худекова[54], а поначалу в "Новостях" ("Лучший богомолец", «Откуда заимствован сюжет пьесы графа Л.Н.Толстого "Первый винокур"», "О куфельном мужике и проч."). Затем после серии статей А.М.Скабичевского, когда основным объектом полемических выпадов Лескова стали "Новости", статью "О рожне" писатель отдал в "Новое время" (1886. 4 ноября). И лишь когда потребовалось выступить против "Нового времени", Лесков напечатал в "Петербургской газете" статью "Сюрприз сынам противления" (1886. 1 дек.). В лесковских же заметках, помещенных в "Петербургской газете" осенью 1886 г., встречаются лишь отголоски полемики вокруг Толстого, например, в статье «Метафизик из "Новостей"», где обыгрывается название книги издателя "Новостей" О.К.Нотовича "Немножко философии. Софизмы и парадоксы по поводу религиозно-философских произведений графа Л.Н.Толстого": «"Новости", где много философов, захотели разъяснить дело <...> редакция это печатает, вероятно в предположении, что тут есть "немножко философии"» (*ПГ.* 1886. 19 ноября).

В дальнейшем, в первой половине 1887 г., Лесков именно как сотрудник "Петербургской газеты" принял участие в критических спорах, разгоревшихся вокруг драмы Толстого "Власть тьмы" и его отказа от авторских прав на издания "Посредника" Видимо, отсутствие у газеты последовательной позиции в отношении Толстого создавало возможность выступать со страниц этого издания с самыми разными статьями. Почти все лесковские заметки, посвященные драме "Власть тьмы", указаны в библиографии Быкова. Их перечень может быть дополнен лишь заметкой «Как распродана была новая драма Л.Н.Толстого "Власть тьмы"» (*ПГ.* 1887. 24 февр.), представляющей собой продолжение статьи "О драме Л.Ник.Толстого и о ее варианте" (*ПГ.* 1887. 8 февр.). В "Петербургской газете" были помещены и две большие статьи "Новая драма гр. Л.Н.Толстого" (*ПГ.* 1887. 6 янв.) и "Еще о новой драме Льва Толстого" (1887. 7 янв.). Выраженное в них восхищение талантом Толстого и драмой, известной автору пока лишь "со слов Суворина" — т.е. из его статьи "По поводу драмы Л.Н.Толстого" (*НВ.* 1887. 5 янв.),— скорее характеризует реакцию газеты на всеобщий интерес к драме. Принадлежность их Лескову весьма сомнительна еще и потому, что его впечатление от "Власти тьмы" было далеко неоднозначным (см. статьи "О драме Л.Ник.Толстого и ее варианте", "Критическое бессилие" — *ПГ.* 1887. 1 марта).

Из напечатанных в "Петербургской газете" статей о Толстом с именем Лескова может быть связана заметка "Сплетни о Толстом" (1891. 9 февр.), поскольку она образует единый тематический цикл со статьями "О хождении Штанделя по Ясной Поляне" (XI, 195–199) и "Курская трель о Толстом" (XI, 245–246). Корреспонденция "День у Л.Н.Толстого" (Курский листок. 1891. 3 янв.), опровергнутая Лесковым в статье "Курская трель о Толстом", была снова перепечатана газетой "День" (1891. 8 февр.), что и вызвало появление анонимной заметки "Сплетни о Толстом" Ее автор прямо говорит о статье "Курская трель о Толстом" как о собственной.

Особый интерес представляет статья "Въезд князя Мещерского в Петроград на семнадцати подводах" (*ПГ.* 1887. 14 янв.). Она входит сразу в два обширных полеми-

ческих контекста, связанных с именами Толстого и В.П.Мещерского. Из лесковских выступлений против Мещерского в "Петербургской газете" известны заметки "Литературные делишки князя Мещерского" (1881. 15 апр.) и «Об осквернении "Гражданина"» (1882. 2 окт.). Последняя из них во многом пересекается с оценкой Мещерского, высказанной Лесковым в письме к И.С.Аксакову в марте 1875 г.: "Это просто какой-то литературный Агасфер: тому сказано: "иди", а этому "пиши", и он пишет, пишет, и за что не возьмется, все опошлит" (X, 393). В заметке «Об осквернении "Гражданина"» Мещерский также назван "литературным Агасфером", "в науках не зашедшимся", "недоумком консерватизма". О "пошлости" Мещерского, упомянутой в письме к Аксакову, речь идет и в статье "Въезд князя Мещерского в Петроград..." В ней, в частности, приводится эпизод, когда предок В.П.Мещерского — князь Ефим Мещерский и "его оригинальная свита" отказываются платить за прогон 17 подвод: «"прогон барин не плотит,— прогон казенный" Это встарь, как и ныне, было удобнее». Здесь, вероятно, подразумеваются те качества Мещерского, о которых Лесков писал в более ранней заметке "Литературные делишки князя Мещерского": неизменно "однообразие приемов, которые прекрасно служат князю Мещерскому для сбыта его плохих литературных изделий на специальные средства разных ведомств" Стоит отметить, что в лесковских выпадах имя Мещерского почти постоянно сопровождается словами "совоспитанные ему" (IX, 313), "соумышленные князя"[55], "единомысленные ему"[56]. В статье же "Въезд князя Мещерского в Петроград..." слова о "приличных ему" являются лейтмотивом.

Среди статей о литературе, помещенных в "Петербургской газете" во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов, выделяется несколько выступлений, посвященных проблеме посмертной публикации писательских писем. Статья "Небывалая строгость" (1886. 3 дек.) представляет собой отклик на письмо вдовы И.С.Аксакова (*НВ*. 1886. 1 дек.), сообщавшей о решении издавать его письма по своему выбору. Заявление А.Ф.Аксаковой интерпретируется как своеволие, нарушающее ясный и общепринятый порядок: рукописи покойного принадлежат наследникам, но его письма — собственность адресатов. Поскольку требование Аксаковой, по мнению автора заметки, не основано ни на каких конкретных законах, то ничего и нельзя "сделать с таким, который даже прямо в противность ее согласию, все-таки напечатает письмо, ему принадлежащее". Меньше чем через месяц одно из писем Аксакова действительно цитируется Лесковым "в противность <...> согласию" вдовы в статье "О художном муже Никите и совоспитанных ему": «В переписке, которую я вел с покойным И.С.Аксаковым, у меня сохранилось одно письмо, где Аксаков писал мне: "заповедь даю Вам отмечать всякую оригинальную и высоконравственную черту наших простонародных нравов"» (*НВ*. 1886. 25 дек.). Извлечение из письма Аксакова приводится также в статье "Иезуит Гагарин в деле Пушкина" (*ИВ*. 1886. № 8), за три месяца до заявления А.Ф.Аксаковой. Заметка "Значение гончаровского поступка" (*ПГ*. 1891. 18 дек.) продолжает и углубляет тему, начатую статьей "Замогильная почта Гончарова" (XI, 214–215). Текстуальные совпадения в этих двух выступлениях очень значительны.

Взаимоотношениям писателей и литературному быту посвящена статья "Литературная рознь" (*ПГ*. 1885. 12 дек.). Звучащий в ней мотив "партийной нетерпимости", когда "несколько образовавшихся кружков взаимно проклинают друг друга", особенно характерен для ранних статей Лескова. На 1860-е годы как на период разжигания "литературной розни", так и не изжитой в литературной среде, прямо указывается в статье: "В этой жалкой розни, в этом неумении работать сообща, соединиться честно и прямо, в этой вечной потребности взаимного заподазривания и самооплеванья — наша горькая участь, особое свойство русского писателя... Начало этой розни можно искать в шестидесятых годах, она слагалась годами" Обращает на себя внимание и цитата из "Грозы" А.Н.Островского, использованная Лесковым в нескольких известных статьях: "Жестокие, сударь, нравы в нашем городе! Очень жестокие!" В частности, она приводится в статьях "Замогильная почта Гончарова" и "Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства".

Ряд статей может быть атрибутирован Лескову на том основании, что они являются непосредственным продолжением его известных выступлений. Так, статья "Пастыри и наемники" (*ПГ*. 1879. 19 сент.), зафиксированная Быковым, является непосредственным продолжением статьи "Доктора и шарлатаны" (*ПГ*. 1879. 7 сент.)

К отмеченной Быковым статье “Эрмитажный павлин” (1886. 17 окт.) есть дополнение — заметка «Еще о “Павлине”» (1886. 5 дек.), служащая примером того, насколько широк был диапазон лесковских выступлений в “Петербургской газете”: сообщения о “Павлине” относятся к числу мелких заметок, передающих незначительное, но любопытное происшествие (см., например, заметку “Роды у гиппопотама” (*ПГ*. 1887. 4 апр.).

Некоторые из анонимных выступлений “Петербургской газеты” содержат отсылки к лесковским текстам, как, например, упомянутая статья “Отсрочка светопреставления”. Очевидно, что Лесков использовал страницы “Петербургской газеты” и для прямой “рекламы” своих произведений, как например, в заметке из раздела “Библиография” (1889. 26 марта), в которой помещена подробная информация о первых трех томах Собрания сочинений Лескова: “Издание стоит своей цены, тем более что собрать все написанное Лесковым за тридцать лет его литературной деятельности было очень трудно и обходилось очень дорого”

В 1892 г. на страницах “Петербургской газеты” появился целый цикл статей В.В.Протопопова “Вегетарианство и вегетарианцы” Первая статья этого цикла носила подзаголовок “У Н.С.Лескова” (13 сент.) и представляла собой изложение беседы с Лесковым о том, как он пришел к вегетарианству. Несколько ранее в газете была напечатана анонимная заметка “Пища безубойных” (1892. 3 марта) о потребности в вегетарианских столовых и ресторанах, где, в частности, сообщалось о готовящемся издании переведенной с английского “очень хорошей” “Поваренной книжки для безубойной пищи”. А.Н.Лесков вспоминал, что “в 1892 г. у Лескова родится желание выпустить вегетарианскую поваренную книжку <...> Анонсы и заметки, связанные с изданием вегетарианской поваренной книги, вызывают вихрь нападок, глумлений и обвинений со стороны многих газет”[57]. Возможно, “Пища безубойных” — это одна из таких заметок, давших повод для газетных нападок на Лескова.

Сотрудничество Лескова в “Петербургской газете” было наиболее активным в 1885, 1886, 1887 гг. Однако его интенсивность заметно снизилась к концу 1880-х годов. С середины 1889 г. по декабрь 1890 г. — первый большой перерыв в его работе для газеты. Сохранился ответ Лескова С.Н.Шубинскому, при посредничестве которого Худеков обратился к Лескову с просьбой о возобновлении сотрудничества: “Я получил Ваше письмо с предложением С.Н.Худекова. Искренно его благодарю за память, честь и внимание <...> Я с удовольствием написал бы рождественский рассказ для его газеты как издания, имеющего большое распространение в тех слоях общества, где легче верят искреннему слову и горячее его принимают; но я болен...”[58]. Отчасти перерыв в сотрудничестве может быть объяснен болезнью Лескова и его поглощенностью Собранием сочинений (последнее перед тем лесковское выступление в “Петербургской газете” — анонс первых трех томов Собрания сочинений; 1889. 26 марта). Однако пауза в сотрудничестве могла быть косвенно связана и с общей эволюцией газеты на рубеже 1880–1890-х годов.

По свидетельству А.Р.Кугеля, сам Худеков очень мало занимался газетой, препоручая ее редакторам (в разные годы — П.Монтеверде, А.Гермониусу и др.): “лето и весну он большею частью жил у себя в деревне в Рязанской губернии, где устроил образцовое хозяйство”[59]. Для “Петербургской газеты” Худеков «писал мало. Слепо веруя в то, что <...> ничего нет более прекрасного, чем традиция “Фигаро”, он пописывал маленькие статейки в 30–50 строк, подражая главным редакторам парижской газеты. Писал он бойко и размашисто»[60]. Он изучал историю балета, о которой написал книгу, одно время устраивал у себя литературно-артистические субботы, был гласным Петербургской городской думы, входил в ряд комиссий, в том числе по народному театру,— словом, “Петербургская газета” была лишь одним из способов удовлетворения “неудержимо влекшего его честолюбия”[61]. Сохранившиеся письма Лескова к Худекову обнаруживают полное отсутствие глубоких личных контактов между ними. Письма носят сугубо деловой характер, хотя Лесков привносил в них момент литературной игры, создавая образ “смиренного сотрудника” перед лицом всевластного издателя, что, вероятно, свидетельствует о скрытой иронии по отношению к Худекову: “Не откажите в милосердии литературной вдовице...”, “прошу Вас не отказать в местечке для прилагаемого заявления...”, “хорошо бы <...> поместить прилагаемую статейку”, «не откажите пособить бедной девочке, не имеющей приюта и живущей по сиротству своему у меня “при милости на кухне”»[62].

К концу 1880-х годов интересы Худекова, стремящегося занять пост петербургского городского головы, были все меньше связаны с газетой. На рубеже 1880–1890-х годов она фактически переходит в руки его сына — Н.С.Худекова, выпускника училища правоведения (вторым редактором был назначен П.Ф.Левдик). С переходом газеты к Н.С.Худекову связано значительное понижение ее уровня: "Если у С.Н.Худекова — вспоминает А.Кугель,— были все-таки кое-какие старые связи и счеты с литературой и театром <...> то у молодого Худекова окончательно не было никакого литературного родства и воспоминания <...> В глубине души он несколько даже презирал литературу <...> газета приобрела нестерпимо желтый оттенок <...> Часть статейная все укорачивалась да укорачивалась"[63]. К первой половине 1890-х годов относится и начало активного сотрудничества в "Петербургской газете" В.В.Протопопова, "первого русского интервьюера", привившего газете "этот род искажения чужих слов, мыслей и мнений",— так воспринимал интервью не только А.Р.Кугель, но и А.С.Суворин[64].

Как преобладающую черту Н.С.Худекова в качестве редактора сотрудники "Петербургской газеты" отмечали его превосходные коммерческие способности, использование им любых возможностей для увеличения розничных тиражей: «Когда стало известно, что дни Александра III сочтены <...> он командировал репортера Готберга в Ливадию, причем было установлено, что едва Александр III испустит дух, как Яша Готберг даст срочную телеграмму: — "Пришлите денег" <...> редакционные занятия уже заканчивались, когда была получена телеграмма "Пришлите денег" А через полчаса все улицы Петербурга были наводнены заранее напечатанным "экстренным прибавлением" "Петербургской газеты" под заглавием — "Плачь, Россия!" Еще во дворцах не знали о смерти Александра III, как Россия уже плакала, а цесаревич Худеков собирал гривенники»[65]. О дне покушения на П.А.Столыпина на Аптекарском острове, в результате которого погибли десятки людей, Н.С.Худеков сказал: "Почаще бы такие дни", поскольку было раскуплено огромное количество розничных номеров "Петербургской газеты"[66]. Многих современников Н.С.Худекова возмущало его отношение к газетному делу как к "коммерции", а не как к "литературе".

Несмотря на фактическое редакторство Худекова-младшего, все письма Лескова 1890-х годов по поводу его участия в "Петербургской газете" обращены к С.Н.Худекову. Сохранилось лишь одно письмо Лескова к Н.С.Худекову[67]. По-видимому, писатель избегал общения с Н.С.Худековым и текущие вопросы по-прежнему решал с его отцом.

На 1891–1892 гг. приходится период нового оживления лесковского сотрудничества в "Петербургской газете", когда появились уже упомянутые статьи о Л.Н.Толстом, И.А.Гончарове, о вегетарианстве, рождественский очерк "В обновке и обноске" и др. В начале 1892 г. на страницах "Петербургской газеты" печаталась серия лесковских заметок, направленных против И.И.Ясинского. Об истории взаимоотношений Лескова с Ясинским, а также об их полемике сохранился рассказ А.Н.Лескова: в 1892 г. в журнале "Труд" «начинается роман Ясинского "По горячим следам" <...> как бы идя по его пятам, в чем бы и где бы он ни промахнулся, на него одна за другой сыплются бесподписные "поправки" Лескова в "Петербургской газете" <...>: 18 марта в № 76 — "Цицерон с языка слетел"; 4 апреля в № 93 — "Négligé с отвагой"; 12 апреля в № 99 — "Опять Цицерон"»[68]. Взбешенный Ясинский напечатал в "Петербургской газете" (1892. 16 апр.) ответное письмо автору этих анонимных заметок под названием "Зазвонное клепало" Ясинский так же, как и Лесков, не называет прямо имени своего оппонента, но содержание и характер выпадов обнаруживают истинного адресата письма. Задетый тоном Лескова, пряча личную неприязнь за мнимой беспристрастностью, Ясинский писал: "Пора бы бросить <...> эту мелкую и ненужную, бесполезную злость, все это лицемерное воздыхание из-за пропущенной запятой, пора бросить писать смесью елея с клубничным квасом, да перестать быть <...> досадительным калкуном". Язык автора этих заметок, по мнению Ясинского,— "не язык, а жаргон, и притом безграмотный, почерпнутый из ветхих полусгнивших книг, грудами валяющихся на толкучке" В заключительном пассаже Ясинский обыгрывал двойственность тона лесковских заметок: «Может быть, в авторе "Цицеронов" я напрасно подозреваю писателя, способного на великое, но, вследствие прирожденной мелочности сердца, делающего только малое? Может быть, насмешник мой есть и впрямь простой пономарь?». Лесков, по свидетельству его сына, обиделся

на "Петербургскую газету" и "на два года порвал отношения с газетой"[69]. Однако уже через четыре месяца в "Петербургской газете" появилась статья В.В.Протопопова "У Н.С.Лескова. Вегетарианство и вегетарианцы" (1892. 13 сент.), на которую Лесков откликнулся письмом в газету (1892. 27 сент.), прервав свое затянувшееся молчание.

А в январе 1893 г. "Петербургская газета" обращалась к Лескову с просьбой ответить на анкету[70]. В своих ответах Лесков не столько говорил "от себя", сколько стремился создать некий образ, который сам по себе был бы поучительным. Так, на вопрос "главная черта моего характера" Лесков отвечал "удобопреклонность ко злу", на вопрос "мой главный недостаток" — "несовершенство ума и бедность знаний", на вопрос "мое главное достоинство" — "сожалею тех, кто видит в себе достоинства" и т.п. По-своему характерен и ответ на вопрос "кем я хотел бы быть" — "начальником колонии малолетних преступников". Своим любимым композитором Лесков назвал Руже де Лиля, автора "Марсельезы" Возможно, из-за этого анкета не была опубликована. Как полагает А.Лесков, «судя по тому, что в № 23-м помещены ответы четырех лиц, а в № 9 только трех, можно предполагать, что ответы Лескова должны были появиться в номере 9-м, но, получив их в весьма "неблагонамеренной" и цензурно неприемлемой редакции, с признанием любимым композитором автора революционной "Марсельезы" (Руже де Лиль), владелец газеты, "майор" Худеков, "обомлел" и не дерзнул тиснуть их на столбцах своего безликого "органа"»[71].

Однако к 1894 г. сотрудничество Лескова в "Петербургской газете" постепенно возобновилось. Анонимных "злободневных заметок", которые Лесков, по выражению его сына, "любил помещать" в газете, в этот период появилось очень немного; но регулярно печатались теперь большие, с полной подписью Лескова статьи: "Сошествие во Ад" и упомянутый цикл статей "Добавки праздничных историй"

В первой статье цикла "Добавки праздничных историй" Лесков писал: "Если будет возможно, мы в течение наступающего года приведем здесь что касается таким образом ко всем 12-ти годовым праздникам" (так в оригинале.— *Т.А.*; *ПГ.* 1894. 25 дек.). Но статья, посвященная Сретению (2 февраля), стала его последним выступлением в газете.

В какой-то мере об отношении редакции к Лескову свидетельствует отклик газеты на его смерть. Ширина траурной рамки некролога была такой же, как у великого князя Алексея Михайловича, умершего двумя днями ранее. За некрологом следовала статья "Последние минуты Лескова" и запись беседы Лескова с В.В.Протопоповым, которую "Петербургская газета" не успела напечатать при жизни писателя. Беседа была посвящена "первым шагам на литературном поприще" Лесков вспоминал о событиях, предшествовавших его литературной деятельности, о памятной катастрофе с "Некуда", а также о своих попытках бросить литературу — всегда безуспешных: «Нет-нет, да и захочется что-нибудь "высказать". Ну, и напишешь...»[72].

Итак, в результате изучения "Петербургской газеты" представляется возможным атрибутировать Лескову ряд охарактеризованных выше статей. Далее приводим их перечень под римской цифрой I. Статьи, помеченные звездочкой, указаны также в неопубликованной работе С.П.Шестерикова "Летопись жизни Н.С.Лескова" (приносим благодарность К.П.Богаевской, ознакомившей нас с этой работой после того, как настоящая статья была завершена). Кроме того, представляется целесообразным привлечь внимание исследователей к статьям, в случае с которыми авторство Лескова еще не может быть доказанным, но кажется вероятным; их дальнейшее изучение на предмет уточнения атрибуции может оказаться плодотворным. Даем их перечень под цифрой II[1*].

I. *1879 год:* "Доктора и шарлатаны" (№ 175. 7 сент.; подп.: Друг); *1881 год*: "О народном полировании" (№ 201. 27 авг.; б/п); "Из жизни" (№ 201. 27 авг.; подп.: Л.); "Отсрочка светопреставления" (№ 223. 22 сент.; б/п); "О монастырских заточенниках" (№ 225. 24 сент.; б/п); "Благочестие и распойство" (№ 241. 13 окт.; б/п); "Из жизни" (№ 255. 29 окт.; б/п); *1882 год:* "Из жизни. Иерусалимский эликсир"*

[1*] См. также выше в работе Вильяма Эджертона "Затерянные статьи Лескова" предложения по атрибуции двух заметок, напечатанных в "Петербургской газете" и неучтенных в предлагаемом списке (*Ред.*)

(№ 105. 6 мая; б/п); *1883 год:* "Старых баб философия" (№ 290. 22 окт.; подп.: Н.Лесков); *1885 год:* «Библиография. "Скоромный и постный стол", изд. Тюфяевой» (№ 76. 19 марта; б/п); "Новогодние грачи и ласточки" (№ 307. 8 ноября; б/п); "Литературная рознь" (№ 341. 12 дек.; б/п); *1886 год:* "Испорченное впечатление" (№ 318. 19 ноября; б/п); "Владимир Соловьев в своем согласии" (№ 327. 28 ноября; б/п); "Небывалая строгость" (№ 332. 3 дек.; б/п); «Еще о "Павлине"» (№ 334. 5 дек.; б/п); "Календарные обновы" (№ 345. 16 дек.; б/п); *1887 год:* "Въезд князя Мещерского в Петроград на семнадцати подводах" (№ 13. 14 янв.; б/п);* «Как распродана была новая драма Л.Н.Толстого "Власть тьмы"» (№ 53. 24 февр.; б/п); "Прекращение кронштадтского дела" (№ 82. 25 марта; б/п); "Беседы отца Иоанна" (№ 82. 25 марта; б/п); "О книжках о<тца> Сергиева" (№ 84. 27 марта; б/п); «По адресу фирмы "Посредник"»* (№ 95. 9 апр.; б/п); *1889 год:* "Библиография (о первых трех томах собрания сочинений Лескова)"* (№ 83. 26 марта; б/п); "С каких пор начались супружеские разлады и разножитие"* (№ 165. 19 июня; б/п); *1891 год:* "Сплетни о Толстом"* (№ 39. 9 февр. б/п); "Сборник в пользу голодающих"* (№ 280. 12 окт.; б/п); "Об отъезде Л.Н.Толстого"* (№ 346. 17 дек.; б/п); "Значение гончаровского поступка"* (№ 347. 18 дек.; б/п); "В обновке и обноске"* (№ 354. 25 дек.; подп.: Николай Лесков); *1892 год:* "Пища безубойных" (№ 61. 3 марта; б/п); *«"Жертвенные издания"» (№ 91. 2 апр.; б/п); "Письмо в редакцию"* (№ 266. 27 сент.; подп.: Н.С.Лесков); *1895 год:* "Добавки праздничных историй. Крещение"* (№ 5. 6 янв.; подп.: Николай Лесков).

II. *1879 год:* "Дело о сожжении колдуньи" (№ 202. 16 окт.; б/п); *1880 год:* "Праздники столичных ремесленников" (№ 27. 7 февр.; б/п); *1881 год:* "Дурной дух в помещении духовной цензуры" (№ 53. 4 марта; б/п); "К сведению церковных приютов" (№ 72. 26 марта; б/п); "Из жизни" (№ 74. 28 марта; б/п); "Из жизни" (№ 113. 15 мая; б/п); "Разрешение брачных вопросов" (№ 119. 22 мая; б/п); "Из жизни. Пушкинские платки" (№ 203. 29 авг.; б/п); "Из жизни. О нравственных книжках" (№ 211. 8 сент.; б/п); "К вопросу о мерах против пьянства" (№ 244. 16 окт.; подп.: Любитель старины); "Излюбленные дни самоубийств" (№ 257. 31 окт.; б/п); *1882 год:* "Памятка о Жуковском" (№ 251. 24 окт.; б/п); "Резкий отзыв" (№ 294. 12 дек.; б/п); *1884 год:* "Тяжел ли понедельник" (№ 29. 30 янв.; б/п); "Современная задача монастырей" (№ 218. 10 авг.; б/п); *1885 год:* "Праздник Вознесения Господня" (№ 118. 2 мая; б/п); "Комиссионеры древностей" (№ 119. 3 мая; б/п); "Трактирная жизнь сто лет назад" (№ 317. 18 ноября; б/п); *1886 год:* «Библиография. "Жизнь Спасителя мира", сост. по Евангелию Ф.Ф.Пуцыкович» (№ 59. 2 марта; б/п); "Литературная порядочность" (№ 304. 5 ноября; б/п); "Все врут календари" (№ 329. 30 ноября; б/п); "Гр. Лев Толстой и Болеслав Маркевич" (№ 344. 15 дек.; б/п); «"Слепца" позабыли» (№ 345. 16 дек.; б/п); "Сила еврейского кагала" (№ 347. 18 дек.; б/п); "И лгут, и ползут, и бесятся" (№ 350. 21 дек.; б/п); "Пещное действо" (№ 353. 24 дек.; б/п); *1887 год:* "Крещенское водоосвящение" (№ 4. 5 янв.; б/п), "Беседа Л.Н.Толстого" (№ 67. 10 марта; б/п); "Чтение акафиста" (№ 79. 22 марта; б/п); «Старинное "действо" в Вербное воскресенье» (№ 86. 29 марта; б/п); "Празднование Пасхи в старину" (№ 94. 8 апр.; б/п); "Два слова о книгоношах" (№ 217. 10 авг.; б/п); "Еврейские синагоги" (№ 232. 25 авг.; б/п); «О "кошерном" мясе» (№ 243. 5 сент.; б/п); «Еврейский праздник "Кущей"» (№ 260. 22 сент.; б/п); "Что за Розенберг?" (№ 295. 27 окт.; б/п); *1888 год:* "Новое произведение графа Л.Толстого" (№ 12. 13 янв.; б/п); "Общество трезвости графа Л.Толстого" (№ 16. 17 янв.; б/п); "У буддистов" (№ 21. 22 янв.; б/п); "Газета-болтушка" (№ 60. 1 марта; б/п); "Еврейская пасха" (№ 79. 21 марта; б/п); "Приходские тайны" (№ 89. 31 марта; б/п); "Забытый праздник" (№ 158. 10 июня; б/п); "О народных библиотеках" (№ 228. 20 авг.; б/п); *1892 год:* "Обхождение с поэтами" (№ 42. 12 февр.; б/п); *1894 год:* "Евреи в Петербурге (новый год у евреев)" (№ 13. 14 янв.; б/п); «Еврейский праздник "Пурим"» (№ 68. 11 марта; б/п); «"Неделанье" в праздник Благовещенья» (№ 82. 25 марта; б/п);"Пасхальники" (№ 96. 8 апр.; б/п), "Еврейский Новый год" (№ 257. 19 сент.; б/п).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Окрейц С.С.* Из литературных воспоминаний // *ИВ.* 1907. № 5. С. 403.
[2] Русская периодическая печать. 1702–1894 гг. М., 1959. С. 499.

[3] *Кугель А.Р.* Литературные воспоминания (1882–96 гг.). Пг.— М., 1923. С. 61.
[4] Там же. С. 70.
[5] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 96.
[6] *Плещеев А.А.* Из прошлого // Библиотека "Театра и искусства". 1906. Кн. 8. С. 5.
[7] *Окрейц С.С.* Литературные встречи и знакомства // *ИВ.* 1916. № 7. С. 46.
[8] *Кугель А.Р.* Ук. соч. С. 67.
[9] *Маковицкий Д.П.* Яснополянские записки // *ЛН.* Т. 90. Кн. 1. С. 185.
[10] Статьи, обнаруженные А.Н.Лесковым в "Петербургской газете", указаны им в подстрочных примечаниях в книге "Жизнь Николая Лескова" (см.: *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 116, 145, 400. Т. 2. С. 10, 229, 249, 310, 330, 458, 459). Заметка "Литературные делишки кн. Мещерского" (*ПГ.* 1881. 15 апр.) не названа, но в комментариях А.А.Горелова есть указание, что она зафиксирована в картотеке А.Н.Лескова (*ИРЛИ.* Ф. 612. Ед. хр. 383. Л. 2414; см.: Там же. Т. 2. С. 505). Заметка "Касьяновых лет дама" (*ПГ.* 1892. 1 марта), как отметила опубликовавшая ее Р.М.Алексина (Орловская правда. 1990. 10 марта), также была известна А.Н.Лескову, в архиве которого хранилась ее машинописная копия.
[11] По предположению П.П.Кудрявцева, Лескову могут принадлежать статьи в рубрике "Изо дня в день" (*ПГ.* 1881. 9, 13, 16, 17, 18 янв.), а также "Беглый бывший священник Верховский за границею" (*ПГ.* 1885. 11 окт.), "Старинное действо в Вербное воскресенье" (*ПГ.* 1887. 30 марта), "Празднование Пасхи в старину" (*ПГ.* 1887. 8 апр.), "Радуница" (*ПГ.* 1887. 14 апр.), "Троицкая суббота" (*ПГ.* 1887. 23 мая) — см. работу Кудрявцева "Из моих лесковиан" // *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 825. См. об этом также в наст. томе статью Вильяма Эджертона "Затерянные статьи Лескова".
[12] *ПГ.* 1883. 2 окт.
[13] Цит. по: *Лесков Н.* Честное слово. М., 1988. С. 42.
[14] *РГАЛИ.* Ф. 1657. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 9.
[15] Письмо Лескова к Худекову от 21 января 1891 г. // Там же. Л. 21. Об отношении Лескова к этому рассказу см. далее сообщение Т.Н.Архангельской "Поздний Лесков в восприятии Толстого".
[16] *Лесков Н.С.* Святочные рассказы. СПб.— М., 1886.
[17] Письмо Лескова к Худекову от 7 ноября 1885 г. // *РГАЛИ.* Ф. 1657. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 10.
[18] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 194.
[19] Там же. С. 389–390; *Фаресов.* С. 123.
[20] Там же. С. 389.
[21] *Лесков Н.С.* Литературный разновес для народа // *НВ.* 1881. 30 сент.
[22] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 389.
[23] Цит. по: *Лесков Н.* Честное слово. С. 33.
[24] *Лесков Н.С.* Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства // *ИВ.* 1882. № 6. С. 599–600.
[25] Петербургский букинист Иов Герасимов упоминается Лесковым в очерке "Русские демономаны": "...известный многим библиофилам старейший книгопродавец Петербурга Иов Герасимов, доныне здравствующий и торгующий на новом рынке" (*Лесков Н.С.* Русская рознь. СПб., 1881. С. 272). О нем говорится также в статье "Литературный разновес для народа" (*НВ.* 1881. 30 сент.) и в заметке "Из жизни" (*ПГ.* 1884. 17 февр.). Подробнее см.: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 230, 536 (комментарии В.А.Туниманова и Н.Л.Сухачева).
[26] *Лесков Н.С.* Литературный разновес для народа // *НВ.* 1881. 30 сент.
[27] *Лесков Н.С.* Русская рознь. СПб., 1881. С. 298.
[28] Там же. С. 389.
[29] Там же. С. 385.
[30] *Лесков Н.С.* Церковные интриганы // *ИВ.* 1882. № 5. С. 389. См. также в наст. томе заметку "Хроника. Торговля в Петербурге книгами духовного содержания" в составе публикации О.Е.Майоровой «Лесков в суворинском "Новом времени"».
[31] Переписка Н.И.Субботина и К.П.Победоносцева // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1915. Кн. 1. С. 224. Письмо от 14 декабря 1881 г.
[32] Там же. С. 228. Письмо от 1 января 1882 г. К.П.Победоносцев имел в виду заметку Лескова «За старообрядцев. Листок, приложение к 169 № газеты "Минута"» // *ИВ.* 1882. № 1.
[33] Там же. С. 241. Письмо от 28 января 1882 г.
[34] Там же. С. 240.
[35] *Субботин Н.И.* На вопрос "Кто написал?" Ответ "Новому времени" // Московские ведомости. 1882. 19, 20 и 21 апр. Цит. по отд. изданию: М., 1882. С. 7.
[36] Там же. С. 14.
[37] Переписка Н.И.Субботина и К.П.Победоносцева. С. 272.
[38] Там же. С. 264. Письмо от 4 апреля 1882 г.
[39] *Лесков Н.С.* Иродова работа // *ИВ.* 1882. № 4. С. 198.

[40] <*Лесков Н.С.*> Рец. на кн. "О сущности и значении раскола в России. Н.С." СПб., 1881 // *ИВ.* 1881. № 12. С. 841.
[41] Там же. С. 840.
[42] Там же.
[43] К.П.Победоносцев и его корреспонденты. М.—Пг., 1923. Т. 1 (полутом 1). С. 89—90.
[44] Переписка Н.И.Субботина и К.П.Победоносцева. С. 266. Письмо от 6 апреля 1882 г.
[45] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 460.
[46] *Лесков Н.С.* Макарий, высокопреосвященнейший митрополит Московский // *ИВ.* 1880. № 2. С. 434.
[47] Там же.
[48] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 450.
[49] Там же. С. 144—145, 450.
[50] *Лесков Н.С.* О происшествии с кронштадтским священником // *ПГ.* 1887. 25 марта.
[51] Письмо от 18 марта 1887 г. // *РГАЛИ.* Ф. 1657. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 15.
[52] Еще о новой драме Л.Н.Толстого // *ПГ.* 1887. 7 янв.
[53] Об этом рассказывается в статье "Общество трезвости графа Л.Толстого" // *ПГ.* 1888. 17 янв.
[54] *Лесков А.Н.* Лесковские газетные анкеты // *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 99а. Л. 4.
[55] *Лесков Н.С.* О книжной премудрости. (В защиту прописной морали) // *Лесков о литературе и искусстве.* С. 41.
[56] Из жизни // *ПГ.* 1881. 29 окт.
[57] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 422—423.
[58] *РГАЛИ.* Ф. 1657. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 19.
[59] *Кугель А.Р.* Ук. соч. С. 73.
[60] Там же.
[61] Там же. С. 72.
[62] *РГАЛИ.* Ф. 1657. Оп. 3. Ед. хр. 180. Л. 10, 11, 15, 16.
[63] *Кугель А.Р.* Ук. соч. С. 148—149.
[64] Там же. С. 70.
[65] Там же. С. 150.
[66] *Окрейц С.С.* Литературные встречи... С. 47.
[67] Письмо Лескова к Н.С.Худекову от 1 дек. 1894 г. // *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 179.
[68] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 459.
[69] Там же. С. 460.
[70] Сохранился автограф ответов Лескова на эту анкету // *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 99а.
[71] *Лесков А.Н.* Лесковские газетные анкеты. Л. 4.
[72] *ПГ.* 1895. 22 февр. Интервью частично цитируется в книге "*Жизнь Лескова*" (Т. 2. С. 439) и в сб. "Русские писатели о литературе". Л., 1939. Т. 2. С. 298.

ОТСРОЧКА СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ

С большим удовольствием сообщаем самое новое, самое верное и притом же самое радостное известие: светопреставление, назначенное в ноябре месяце 1883 г., отсрочено на 1884 год, а может быть, даже и долее. Все это утешительное дело зависит от первейшего специалиста по вопросу о кончине мира, русского пророка Ивана Исаева, который, как герой целой народной эпопеи, "обнищеванства", описан в "Руси" Н.С.Лесковым[1]. Пророчествовав не один раз о днях "кончины мира" и всегда неудачно, Иван Исаич перенес в свою жизнь много неприятностей в виде насмешек, злословия и даже трепок. Страдал он от "пуговичных мальчишек", страдал и от тех легковерных, которых он старался спасти, "приуготовив ко встрече светопреставления освобождением от имущества" Много раз до тла "обнищевал" своих лучших друзей ради встречи Господней и сам с женою "совлекались всего имения"[2], но не мог продолжать этого до бесконечности: в нем наконец изверились и его пророческая слава обратилась ему в поношение. Но за то, находясь в состоянии унижения, Исаич взялся за оригинальное издательство,— такое оригинальное, какое может прийти в голову только русскому чудаку. Он начал выводить четким полууставцем "книги" о кончине мира и о Божием приходе для того, чтобы начальство этого не просмотрело и не упустило сделать зависящие распоряжения ко встрече, как то: созвать соборы, отпечатать Исаичевы книги и дать ему воз-

можность иметь духовный турнир с митрополитами, и еще лише с "профессурами", до которых Исаичу очень любопытно добраться. Однако издание книг (четыре тома) Исаич поднес покойному генералу Мезенцеву[3] и митрополиту Исидору[4]. В этих книгах петербургский пророк убеждал его высокопреосвященство выпускать ежегодно в свет по одному тому пророчества Исаева, дабы весь мир, сначала русские, а потом все иностранцы, почтили Ивана Исаича доверием и приготовились к светопреставлению. Там же доказано, что этот день находится в непосредственной и тесной зависимости от оглашения митрополитом этих книг: "если оне по одной в год будут отпечатаны, то светопреставление случится в 1884 году, а если книги не будут выпущены, то это время может еще отсрочиться". До сих пор из книг, поданных Исаичем митрополиту, ни одна еще не выпущена, и, без сомнения, никогда не будут выпущены, потому что книги эти представляют собою не что иное, как бред больного воображения, и потому не имеют и не могут иметь ни для кого никакого значения и интереса, а между тем на сих днях Исаич выпустил еще один том, объемистее первых, "о свидетелях прихода", где находятся обширные доказательства, что пророчествующие о светопреставлении в 1881 году ошибаются. Этому невозможно быть до выпуска и публичного рассмотрения книги Исаича, что будет не ранее 1884 года. Мы видели новый препочтенных размеров том Исаича, и так как это сочинение находится в единственном числе и потому не может иметь быстрого распространения, то мы очень рады послужить трубою для нашего пророка, которому мы вполне верим, что в нынешнем 1881 году светопреставления еще не будет. А как книги Исаича, вероятно, *никогда* не будут отпечатаны, то мы идем еще дальше, и думаем, что насчет светопреставления и после 1884 года опять все будет по-прежнему, т.е. никому ничего не будет известно. Дай Бог только, чтобы за три года люди настолько поумнели, чтобы больше думали о том, что надо делать для своего и общественного блага и помнили, что "не наше есть разумети времена и лета"[5]. Это и умнее, да и *благочестивее.*

Статья опубликована 22 сентября 1881 г.

[1] Истории религиозных исканий Ивана Исаева, петербургского мастерового, вышедшего из крестьян, посвящен очерк Лескова "Обнищеванцы", появившийся в газете "Русь" в феврале-марте 1881 г.

[2] Закавыченные выражения представляют собой цитаты из "Обнищеванцев", которые, в свою очередь, являются цитатами из "списаний" самого Ивана Исаева. Ср., например: "Вокруг пророкова обиталища было много мелких пуговичных фабрик, на которых работали дети <...> ему от пуговичных мальчишек и на улицу нельзя было показаться" (*Лесков Н.С.* Русская рознь. СПб., 1881. С. 365).

[3] Николай Владимирович *Мезенцов* (1827–1878), генерал-адъютант, с 1876 г. — шеф жандармов, начальник III отделения. 4 августа 1878 г. убит С.М.Степняком-Кравчинским на Михайловской площади в Петербурге.

[4] Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский *Исидор* (Иаков Сергеевич *Никольский*, 1799–1892). О приеме, оказанном Ивану Исаеву в Александро-Невской лавре, Лесков писал в "Обнищеванцах": "Тут доступ был труднее, чем в III отделение<...>" Уже перешедший в православие «добродушнейший Исаич на монастырский взгляд показался *злым раскольником*<...> "шваркнул свои какие-то книги и побежал с дерзостию". Если так составлялись сказания о всех приходивших "слова ради беседного", то неудивительно, что страстотерпный Аввакум по оным сказаниям представляется "зверем"» (Русская рознь. С. 383).

После выхода "Мелочей архиерейской жизни" Лесков писал М.Г.Пейкер в 1879 г., что митрополит Исидор на "Мелочи..." "уже жаловался" (X, 456). Годом позже в "Историческом вестнике" была напечатана статья Лескова "Митрополит Исидор в его литературных интересах" (1880. № 6. С. 396–402), впоследствии вошедшая в "Мелочи архиерейской жизни", гл. XVI (VI, 528–538).

[5] Неточная цитата из Деяний апостолов: "несть ваше разумети времена и лета" (1: 7).

ИЗ ЖИЗНИ

Приезжие из Москвы рассказывают, будто там в купечестве ходят слухи, что заготовлением пьес для новых театров, которыми будут заведывать думские комиссии, занят профессор московской духовной академии Н.Субботин, сочинивший в свою жизнь много сцен из жизни раскольничьих попов и архиереев[1]. Кое-что в этом роде, конечно, могло бы быть сценично, хотя, впрочем, все вкупе в последнем № "Страны" справедливо отнесено к разряду "сплетен", и притом самых беззастенчивых[2], ибо не признаваемые правительством раскольничьи архиереи[3], живучи под сурдинкою, ни от каких "сплетен", а в том числе и от профессорских "сплетен", оправдываться не могут. На безответные головы раскольничьих попов и архиереев можно валить все, что хочешь, и о них печатают, что только печатная бумага терпит (а она терпелива). Но это все касается *нравственной* стороны известного автора, который, конечно, имеет право эксплоатировать свои дарования, как ему хочется, но совсем другой интерес представляет самый смысл приспособления этой литературы для сцены. Если московские слухи основательны, то они, конечно, указывают на желание приспособить народные театры к *служебным* целям не искусству, а другим задачам, которым некогда служили "мистерии", и чего-чего не сослужили. Осмеивать раскольников, выводя легко поддающиеся вышучиванию темные стороны их малообразованного быта — нетрудно, и, может быть, это удалось бы даже такому мастеру, как проф. Субботин, но не следует забывать, что слабо или сильно, но во всяком случае живет еще и искусство, которое всегда чутко относится к правде и всегда гнушается такой служебности, в интересах которой "наваливают бревном на лежачего" Истинное искусство непременно скажется в направлении, противуположном субботинской тенденциозности, и на его стороне будут все симпатии добра и правды, перед коими в конце концов пасует жестокосердая тенденция... Примеров этих так много, что их нет нужды перечислять, и мы уверены, что они не должны быть неизвестны проектаторам будущего репертуара будущих народных театров. Им не может быть "все равно", что при первом известии об их полезном деле уже пошли в обществе такие невероятные слухи, которые нам хочется считать преувеличениями, вполне несбыточными и возникшими, вероятно, как говорится "с напуга" Что выйдет из дела о народных театрах, мы еще судить не можем, но московский "напуг" все-таки считаем вполне неосновательным. Для суждения о будущем репертуаре народных театров надо брать в соображение не то, готов или не готов состряпать проф. Субботин или кн. Мещерский и другие единомысленные им, в них же нам несть ни оскудения, ни лишения[4], но то: *по чьей мысли* начинается это дело и *кто* его ведет, и вероятно, не позволит первому встречному изуродовать своего начинания. Мысль о народных театрах, как известно, принадлежит нынешнему министру внутренних дел, графу Николаю Павловичу Игнатьеву[5], который *знает*, для чего могут служить театры, и не станет искать для этого советов и содействий людей, желающих всякое место обратить в пономарню. А потому все эти страхи считаем ложными и желаем, чтобы они не пугали добрых людей, которым невесть с чего стало казаться, будто их уже со всех сторон собираются "принаваливать" Бог милостивее всех схоластов и ханжей и содержит в своей руке сердца людей более теплых, для которых обида каждому — староверу или нововеру — одинаково противна.

Статья опубликована 29 октября 1881 г.

[1] Николай Иванович *Субботин* (1830–1905), выпускник и преподаватель Московской духовной академии, профессор истории и обличения раскола. Об отношении Лескова к позиции Субботина по вопросу о расколе см. во вступительной статье к настоящей публикации.

[2] В этом номере газеты "Страна" (1881. 27 окт.) была напечатана передовая статья, посвященная брошюре Н.И.Субботина "О сущности и значении раскола в России", с рецензией на

которую выступал и Лесков (*ИВ*. 1881. № 12). Субботин был назван в ней "московским профессором", издавна пишущим в «"Московских ведомостях" статьи о старообрядцах, со включением всевозможных сплетней (так в газете.— *Т.А.*) о частной жизни старообрядческих архиереев и мирян <...> О простом пастухе он бы не решился писать того, что сообщал о старообрядческих архипастырях, в той уверенности, что они суду жаловаться не станут». В статье, как и в выступлениях самого Лескова, подчеркивалась ангажированность позиции Субботина: «Брошюра эта имеет право на внимание не по силе приведенных в ней доводов, но потому что на ней есть надпись: "Напечатано *по распоряжению г. обер-прокурора святейшего Синода*"».

[3] О судьбе *не признаваемых правительством раскольничьих архиереев* сообщило "Новое время" (1881. 12 сент.): из казематов Суздальского Спасо-Ефимьевского монастыря после 25-летнего заключения были освобождены старообрядческие епископы Конон, Аркадий и Геннадий. По сведениям "Нового времени", "духовное начальство не желало их освободить иначе, как при согласии их сложить с себя архиерейское звание"

Этому событию, а также участи некоторых других заключенных в монастырях за "вину религиозного своемыслия, которое не всякий согласится считать виною", посвящена не зафиксированная ранее заметка Лескова "О монастырских заточенниках" (*ПГ*. 1881. 24 сент.).

[4] Неточная цитата из Псалтири: "несть лишения боящимся Его" (33: 10).

[5] Николай Павлович *Игнатьев* (1832–1908), дипломат, государственный деятель. В 1881 г. был назначен министром внутренних дел, в 1882 г. заменен гр. Д.А.Толстым.

Первые народные театры появились в России еще в 1870-х годах (в 1870 г. — в Одессе, в 1872 г. — в Москве), но просуществовали они не долго. В 1880 г. бывший директор Московского общедоступного театра А.Ф.Федотов подавал Московской городской думе записку о необходимости создания новых народных театров.

"СТАРЫХ БАБ ФИЛОСОФИЯ, ИЛИ ИЗЪЯСНЕНИЕ НЕОБЫКНОВЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ В ПРИРОДЕ И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ"

Ново лишь то,
что хорошо позабыто

"Сонники", изданием которых нынче занимаются только одни книжные спекулянты Никольской улицы в Москве[1], встарь имели совсем иную судьбу и иное значение. Их тогда издавали тщательно, в несравненно большей против нынешнего полноте и присовокупляли к ним различные приметы и наблюдения. Занимательные для своего времени книги эти имели своими потребителями не одну ту серенькую публику, в которой расходятся нынешние сокращенные "соннички", а ими тогда дорожили как справочными книгами боярыни и боярышни, и даже мужчины очень солидных положений. Полный и подробный русский сонник в наше время почитается уже большою редкостью и в обыкновенной продаже нигде не встречается. Если же его можно иногда при случае найти у книжных античников, то он стоит теперь очень дорого, и то отыскать его весьма трудно. Самая любопытная книга в этом роде у нас была издана в Петербурге в 1818 году, и она продавалась "против Гостиного двора зеркальной линии под №№ 18, 23 и 26 у Ивана Заикина по три рубля" (цена для того времени очень высокая. Нынче цена его доходит до 25 рублей за экземпляр). Книга эта значилась под таким заглавием: "Новый полный и подробный сонник, означающий пространное истолкование и объяснение каждого сна, и какого еще сонника до сего времени на российском языке не бывало,— *с приобщением старых баб философии"*. "Старых баб философия" составляет в конце книги особое приложение, имеющее особенное заглавие и картинку, на которой изображены две старушки с надписью над их головами "Кузминишна" и "Поликарповна", а третье лицо — мужчина "Терентьич" Этот только слушает старушек да крестится. Под картиною вразумляющая подпись в стихах:

Покинь ты выкладки пустыя, звездочет,
У сих старушек всяк скорее толк найдет.

Под "звездочетом" надо разуметь людей *ученых*, суждения которых представлялись в то время (1818 год) менее достойными доверия, чем наблюдения и заметки старушек Кузминишны и Поликарповны, к мудрости которых в наше время снова как бы оживляется доверие. А потому владея редкою книгою, "какой еще не бывало", мы вознамерились предложить на общее внимание несколько наиболее существенных правил их "Старых баб философии" Надеемся, что нам за это многие скажут сердечное "спасибо", и приступаем к делу.

Восстав от сна, башмаки надо надевать сначала на правую ногу. Это хороший знак, но если женщина, идучи на рынок, обует сперва левую ногу, то она купит все дорого и щи у нее в тот день будут не хороши.

Ежели какой муж пожелает узнать: кем его жена беременна — мальчиком или девушкою, то пускай положит жене своей сонной под изголовье соли, но так, чтобы она сего не приметила. И первое имя, которое она проснувшись произнесет, означает пол, каким она беременна. Если мужское, то беременна мальчиком; в противном случае девушкою.

Что женщина беременна мальчиком, сие признается из того, когда она с удовольствием ест дичь, охотно слушает о военных делах и сидя протягивает правую ногу дальше левой.

А когда беременна девушкою, то с удовольствием слушает музыку, смотрит танцы и протягивает левую ногу дальше правой.

Если у беременной женщины спросить: кем она беременна, и она от того вопроса покраснеет, то, значит, она беременна девочкою.

Если юноша и девица вступят в брак, будучи оба совершенно целомудренными, то рожденное ими первое дитя будет тупо и сонливо.

Если воды быстро разольются, то иностранные народы взбунтуются.

Если человек увидит волка, прежде чем волк его увидал, то этому человеку волка не надо бояться.

Кто хочет, чтобы у его детей были кудрявые волосы, тот должен тотчас по рождении ребенка вымыть ему голову виноградным вином. Через то волосы закудрявятся.

Галки если перед домом скачут до обеда,— это хорошо, а после обеда,— то худо.

Если горох в горшке по снятии его с огня кипит, то значит в этом доме нет никакого волшебства.

Если прилучится кому утром натощах найти деньги, то не подымай их, если не случится лучинки или щепки, а то хорошего не ожидай.

Домовой всего больше боится котла с кипятком, с огня снятого.

Прогонять домового лучшее средство — сжечь в конюшне чертополох.

Дети, чтобы не были трусливы, то надо им, как только родятся, сейчас же дать в руки шпагу и подержать.

Новорожденное дитя нельзя класть на левый бок, а то левша будет.

Если отец детей мало любит, то надо взять от них мочежину и, помешав ее с водою, давать мужу своему девять зорь умываться.

Если заяц на дороге встретится, то очень худо: но дабы худого не было, надо на том месте три раза перекувырнуться.

Если где колокол сам зазвонит или треснет — там поп умрет.

Если кто золою балуется или пальцем по ней пишет,— тот непременно обмочит свою постель.

Если у кого очень зубы болят, то они болеть перестанут, если он бросит в огонь обглоданную им кость и притом скажет: "Это в честь святого Лаврентия" После того уже зубы никогда не заболят.

Кошку если кто хочет к дому своему приветить и удержать, чтобы она никогда не ушла, тот, схватя ее за уши, таскай больно три раза по всей горнице и потом хвост ее потри о горячую печку. Она никогда не убежит.

Кто льна в субботу не снимает с прялки, у той нитки гнилы будут.

Лошади когда ржут, то их должно слушать с удовольствием: они хорошую весть приносят.

Если проездом увидишь прядущую женщину,— возвращайся назад. Добра не будет.

Птиц иностранных не надо привозить,— за ними придут иностранные народы.

Петух если раньше полуночи запоет, то он видит дъявола и хочет его прогнать. А перед несчастьем в доме он запоет по-куриному. (Есть сказ, что петух будто может даже *снести яйцо*. Тогда его надо живого ощипать неспешною рукою и щипавши все допрашивать: кто его научил яйцо снесть? Если такого скандалиста начать усердно пытать, то он непременно скажет свое признание и притом человеческим голосом. Тогда его взять и "по правилам казнить" при других петухах. Случаи таковые бывали и один из них, помнится, описан в любопытной книге Манжана).

Петуху, до кур ленивому и необходительному с ними, надо только помазать гребень коровьим маслом, то он тогда будет с курами храбр и неутомим и начнет стараться.

Пьянства отвыкнуть нет лучшего средства, как съесть натощах кислое яблоко и запить стаканом холодной воды.

Рыбных голов не должно давать есть беременной женщине, а то у младенца рот будет высок и востер.

Собачек ежели кто желает иметь маленьких, то намочи хлеба в воде, которою утром руки мыл, и корми щенка десять дней. Он навсегда так щенком и останется.

Если соль на столе просыпешь, то ссора будет, а чтобы ссоры не вышло, в отвращение того вели сейчас же себя кому-нибудь выбранить или, еще лучше,— по лбу щелчком ударить или треснуть. Ссоры после сего не будет.

Стул, на котором сидел, не оставляй на том же месте, идучи спать, а переверни его и поставь иначе. В противном случае будет ночью душить домовой.

Если хочешь иметь телят жирных, то отстригни у них шерсти от правого уха и пусти на ветер. Разжиреют и станут рослы.

Фартук ежели у девицы или у замужней развяжется, то значит, что замужней изменил ее муж, а девице неверен любовник.

Юбка если развяжется у женщины или у девушки, то как той, так и другой, значит, будет в тот день свидание с полюбовниками.

Ежели отец хочет, чтобы сын, который ему родится, никогда вина не пил, то прежде нежели ему в первый раз дадут пососать груди, надо ему положить в рот печеного яблока, и он во всю свою жизнь ничего хмельного пить не станет.

Если хочешь, чтобы из яиц высиделись цыплята петушки или курочки, то каждое из них перед положением под наседку подержи над головою острым концом кверху. Если хочешь достать петушков, то надо яйца подержать над мужиком или над мальчиком, а если хочешь курочек,— то над бабою или девкою. Так и будет.

Из того, что мы здесь выписали, всякому нетрудно, конечно, будет составить себе понятие о достоинстве и всех прочих советов и указаний, заключающихся в упоминаемой нами книге "Старых баб философия" Без всякого сомнения, все это одни пустые нелепости, которые, однако, еще в очень недавнее сравнительно время многими темными людьми почитались за полезные практические советы.

В простонародье эти вздоры пользовались большим доверием и уважением, и значили гораздо более, чем те советы, какие могли подавать люди ученые, руководящиеся настоящими опытами, из которых сделаны те или другие несомненные научные выводы. Наоборот,— достоверные результаты науки многими невежественно осмеивались под названием "пустых выкладок звездочетов", а прямой "толк" указывали "всякому у сих старушек", преданиями которых от поколения к поколению передавались пустые бредни, подобные сейчас нами приведенным. Охотникам искать ума и толку в "старых книгах", которые кажутся им исполненными неизвестной будто бы ныне мудрости,— указание это может быть небесполезно, дабы они знали, что и среди старых книг, к чте-

нию которых они стремятся, не уважая новые, есть не мало книг весьма пустых и даже вредных. Вредны они в том отношении, что содержат суеверия, которые для малопросвещенного ума становятся выше веры и сильно способствуют укоренению тупости и предрассудков. "Таскать за уши кошку по горнице" для того, чтобы она полюбила дом, где с нею так гадко обращаются, конечно, есть очевидная глупость, но набить яблоком рот новорожденному ребенку даже чрезвычайно опасно. Между тем все это делалось и даже иногда еще и теперь делается, и именно по этой книге, которая, может быть, потому и так редка, и так драгоценна, что ею дорожат за те глупости, которых кроме нее немного где еще встретишь.

Наблюдения "старых баб" полезны лишь в том отношении, что приводят нам на память картину нравов того *доброго старого времени,* когда будто все было лучше нынешнего,— все "было строго и честно" Философия старых баб, сделавшая свои выводы над тем, что значит, если у девиц и у замужних женщин развязываются фартуки или юбки, удостоверяет, что и в то, будто бы благополучное, время — и замужние женщины и девицы имели "полюбовников", и что как мужья, так и любовники их тоже имели слабость изменять своим женам и полюбовницам. Словом,— видим, что и тогда "бысть все яко же и во дни Ноевы"[2].

Кто ищет достигать лучшей, более рассудительной и честной жизни, тот с несравненно большим успехом может находить исправление себе не возвратом к тем временам, которые имели и темноту ума и злобу сердец, а стремлением к свету, который открывают уму человека христианская религия и наука.

Н.Лесков

Статья опубликована 22 октября 1883 г.

[1] В рассказе "Владычный суд" Лесков упоминает "московский магазин Кольчугина на Никольской", где обычно можно было достать какое-нибудь "давно разошедшееся <...> издание, которое составляет библиографическую редкость" (VI, 142). Самому Лескову, по свидетельству его сына, «случалось <...> искать редкие книги "у ворот Троице-Сергиевской лавры", а в побывки свои в Москве обращался он за ними и в "магазин Кольчугина на Никольской" и "в гнездившиеся" там же лавчонки» (*Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 230).

[2] *Матфей,* 24: 37.

ИСПОРЧЕННОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

В известной поэме Гейне медведь Атта Троль горько сожалеет о людях, что "даже танцы их не могут до серьезности возвысить"[1]. Мы видели на сих днях худшее: иных людей даже *смерть* собрата не возвышает до серьезности. Из-за кончины покойного профессора Коломнина[2] между здешними газетами возникли пререкания, совсем не отвечающие трагической серьезности потрясающего случая. Смерть ученого и почтенного человека, который не снес того, что он допустил непоправимую ошибку, стоившую жизни другому человеку, есть событие, исполненное большой серьезности и глубочайшего трагизма. Действительно ли Коломнин сделал ошибку, или ему только казалось, что он ее сделал, но это ему стало так тяжело, что он не мог снести,— он не мог продолжать жить,— мгновенная смерть ему показалась легче, чем долгая жизнь с сознанием, что он был причиною погибели другого человека, доверившего свою жизнь его знанию и искусству. Это просто, это ясно, понятно, и, кто бы что ни говорил, это внушает глубочайшее сострадание к Коломнину, который был так серьезен и так чувствителен к несчастью, которого он почитал себя виновником. Без всякого сомнения, человек более легкого взгляда на свой долг не поступил бы так, как поступил покойный Коломнин. Более легкий человек мог помучиться, но остался бы жить и, вероятно, стал бы излагать свои извинения и

оправдания. Но кажется, что случай смерти Коломнина так бы и следовало представить, т.е. что Коломнин убил себя от того, что *не снес бедствия других, в котором видел свою вину.* И будь это *так* просто и верно представлено, не было бы тогда повода к спорам и разным колкостям из-за смерти этого серьезного человека. Он *не снес* положения. С известной точки зрения это действительно может быть истолковано как "слабость", но эта точка зрения отнюдь не единственная, с которой можно смотреть на дело. Самое общее воззрение на подобные дела таково, что мелкий человек так бы не сделал, и воззрение это *верно*; а оно вызывает сострадание и не допускает благородный ум осуждать решимость усопшего покончить с своей жизнью.

Газеты мастерски испортили все впечатление. С первого известия о Коломнине в первой заговорившей о нем газете запестрило слово "гордость"[3]. "Мы его знали: *он был горд*",— писала эта газета и в одном номере три раза нашла нужным повторить об этой "гордости" Так это ей показалось хорошо и уместно. В другой газете, на следующий день, появилась надутая статья одного профессора, который пишет претензионно, но плоховато. Он еще сильнее зарядился "гордостью" и выстрелил громко. Профессор написал, что он тоже знал Коломнина и что Коломнин "*был горд*" Но этого мало: профессор добавил, что "*гордым*, пожалуй, и *подобает быть ученому*"[4].

Грустное впечатление, разумеется, было испорчено. Самочинная смерть гордеца, хотя бы он был и ученый — есть более урок, чем скорбь. Смерть гордого человека может поражать, она может пугать, может быть поучительною, но она совсем отнимает самое лучшее, мягкое и теплое чувство — чувство сожаления и сострадания, которые всякое человеколюбивое сердце готово дать человеку, оборвавшему свою жизнь не из побуждения гордости, а из побуждений несносной муки, происходящей от сознания горя, причиненного другим людям.

Многие были сильно удивлены и еще сильнее смущены неуместными напоминаниями "о гордости" несчастного Коломнина. Многие сразу почувствовали всю грубую неуместность этого бестактного указания, и люди старались уверять себя и других, что это совсем несправедливо.

"Покойник не был горд..." "Что за необходимость быть гордым..." "Разве хорошо быть гордым..." "О гордом не льются слезы и не летят к небу молитвы..."

Молившиеся у гроба Коломнина с усилием гнали прочь от себя это проклятое напоминание о "гордости" усопшего собрата и сетовали и плакали о нем гораздо проще, как о человеке, который *не снес* горя других, происшедшего при его несчастном участии.

Многие понимали, что лучше считать Коломнина *слабым* в этом сострадательном роде, чем таким пружинистым, каким представляли его те, которым хотелось, чтобы он убил себя *по гордости.* И надо желать, чтобы эти многие остались на высоте этого мягкого человеческого, а не горделивого демонского представления о побуждениях Коломнина самовольно покончить с своей жизнью. Пусть он будет не герой чертовского самообладания и не резонер, каким его желали бы видеть иные, но пусть он останется в памяти людей как добросовестный человек с таким сердцем, с которым нельзя жить, почитая себя виновником чужого несчастия.

Если это слабость, то пусть она и будет слабость.

Люди ему не[1*] простили, а Бог может простить.

[1*] В тексте опечатка: пропущено "не" (*Ред.*)

До смерти же человека *гордого* мало дела людям кроткого и благородного духа. "Погиб гордец, надменья полн", как говорил старый поэт[5], и "одним гордецом стало меньше", как говорит народное присловие. Но если погиб человек от того, что он был ***не в силах снесть*** душевной муки за других... О, это совсем иное! Нам всем есть дело до печальной судьбы такого человека, и его *слабость* в глазах наших несравненно почетнее и оправдательнее, чем гордыня, которою так напрасно и так неуместно изукрасили Коломнина знавшие его знаменитые писатели больших газет.

Пусть лучше покойный Коломнин останется в памяти людской со впечатлением слабости человеческого сердца, чем с объяснением поступка его "гордостью", которой притом еще будто бы "и быть подобает" Если обстоятельства раскроют, что покойный Коломнин напрасно возвел на себя обвинение в смерти Шуляковской[6], то это еще более усилит сожаление о его самосуде, но "гордость" Ах, зачем те, которые так охотно ставят это слово, ни на минуту не призадумаются над тем, чье преобладающее качество составляет эта милая им *гордость* и какое впечатление производит на всех людей кроткого и благородного духа напоминание о "человеке *гордом*!" Как беспрестанно жалко, что слова у наших больших писателей так часто сыпятся и скачут, какое куда попало!.. С гордостью они пристают к кому попало, не разбирая, кстати или некстати. Есть даже такие молодцы, которые думают, что может быть "гордость церкви" или "гордость христианства", а один хват года три тому назад нашел в Москве "гордость Бога на земле".

Кстати говоря: как бы полезно было, если бы хоть самые крупные писатели наших руководящих органов не погнушались немножечко останавливаться над значением слов, употребляемых ими без понятия об их соответствии... Особенно это кстати было бы, кажется, господам писателям из профессоров[7].

Статья опубликована 19 ноября 1886 г.

[1] Поэма Г.Гейне "Атта Тролль", которую Лесков любил упоминать, цитируется в переводе Д.В.Аверкиева. В тексте поэмы эти строки звучат следующим образом: "Даже танцы вас не в силах // До серьезного возвысить!" (*Гейне Г.* Полн. собр. соч. /Ред. Ф.Н.Берга. СПб., 1863. Т. 1. С. 327).

[2] Сергей Петрович *Коломнин* (1842—1886), профессор Медико-хирургической академии, ученик Н.И.Пирогова. Вследствие неудачного исхода сделанной им операции 11 ноября 1886 г. застрелился. С.П.Коломнин приходился братом Александру Петровичу *Коломнину* (1848—1900), юрисконсульту "Нового времени", зятю А.С.Суворина.

[3] Речь идет о суворинском "Новом времени", поместившем 12 ноября некролог С.П.Коломнина, в котором говорилось: "Он был горд не только своей безупречной репутацией <...> он был горд и человеческим чувством, которое таилось в его груди <...> Мы знали его лично" На фоне большинства газетных откликов о Коломнине, проникнутых сочувствием и уважением, выделяются выступления "Новостей" и "Гражданина". В.П.Мещерский осуждал Коломнина за "малодушие" и нежелание "нести свой крест". "Новости и Биржевая газета" поместили письмо Ф.Д.Селецкого "Две смерти" (1886. 14 ноября), видевшего причину смерти пациентки в "халатности якобы светил науки". Выступление "Новостей" вызвало всеобщее возмущение и ряд опровержений (Русское дело. 1886. 23 ноября; *НВ*, 1886. 16 ноября). "Новости и Биржевая газета" ответила на критику заметкой "По поводу письма Селецкого-Шуляковского" (1886. 17 ноября), сообщив, что письмо написано мужем покойной пациентки С.П.Коломнина — штаб-ротмистром Шуляковским, но поместил он его за подписью своего друга Ф.Д.Селецкого. В целом "Новости" возражали против трактовки самоубийства "как героического подвига": "Не следуйте подобному примеру, не надо самоубийств и жестоких приговоров — вот к чему взывает эта преждевременная могила" (1886. 18 ноября).

[4] Лесков подразумевает статью Василия Ивановича *Модестова* (1839—1907), профессора римской словесности, публициста, постоянно сотрудничавшего в "Историческом вестнике", "Новостях", "Нови" В конце 1860-х годов В.И.Модестов был сослуживцем С.П.Коломнина по Киевскому университету. В статье "По поводу смерти С.П.Коломнина" (Новости. 1886. 13 ноября), которую Лесков цитирует не точно, В.И.Модестов писал: "Знаю, что он был горд, как, пожалуй, и подобает быть избранной натуре в наше время"

"Классический Модестов", как называл его Лесков, не раз становился объектом полемических выпадов со стороны писателя (XI, 271; 569). В письме к А.С.Суворину от 26 марта 1888 г.

Лесков отозвался о нем как о "литературном хаме" (XI, 375; см. также: *Жизнь Лескова* Т. 2. С. 430). Об их личном знакомстве свидетельствуют сохранившиеся письма В.И.Модестова к Лескову (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 264).

[5] Источник цитаты не найден.

[6] Елизавета Александровна *Шуляковская* (1864–1886) — приехавшая из провинции молодая женщина, которую оперировал С.П.Коломнин. Она была замужем за штаб-ротмистром Шуляковским, служившим в пограничной страже в Люблинской губернии; имела на своем попечении младшую сестру-калеку. Умерла через три часа после операции.

[7] Вероятно, выпад по адресу В.И.Модестова (см. примеч. 4).

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ В СВОЕМ СОГЛАСИИ

В газетах появилось шокирующее известие, будто сын покойного московского историка Сергея Михайловича Соловьева, Владимир Соловьев (брат беспрестанного романиста из "Нивы")[1] сделался "помощником и сотрудником хорватского римско-католического епископа Штроссмайера"[2]. Весть эту впервые подало "Русское дело", и, надо признаться, весть вышла более любопытна, нежели ясна[3]. Что именно значит сотрудник? В какой мере всякий сотрудник заодно убежден и заодно думает с тем, кому сотрудничает и с кем вместе о чем-нибудь старается. У журналов и у газет, равно как и у политических и разных общественных деятелей бывает много таких сотрудников, которые находят возможность трудиться вместе с известным лицом по одному или по нескольким данным вопросам, но вообще во всем без исключения они не сходятся. И такое положение бывает иногда довольно сносно; но "помощник епископа" — это уж другое дело. Тут нужна полная солидарность веры, исповедания и религиозных стремлений. Епископ Штроссмайер — римский католик, а г. Соловьев не только "крещен в православие" (как говорят о нем газеты), но он известен как *православист*, он изъяснял православие, хотя с оригеновским оттенком во взгляде на вечность загробных наказаний[4], и мирил православие с наукою так, что последней не здоровилось от этих опытов примирения. Он одобрял Достоевского за его верования и называл его "вождем русского народа"[5], а Достоевский приклонял все к стопам "старцев" и православных иерархов. Что же такое случилось с Соловьевым? Он переубедился и изменил что ли православию, или он нашел еще новую возможность слить воедино свое оригеновское православие и своеобразный католицизм Штроссмайера[6]? И потом, что такое значит "помощник епископа"? Такого чина, сколько нам известно, кажется, нет в римско-католической иерархии. Помощники епископа у нас суть епархиальные "викарии" (которые и сами тоже находятся в сане епископском), но ведь г. Соловьев не викарий и даже не "хорепископ", так как это старинное звание "сельских епископов" уничтожено и не существует более. И потом, г. Соловьев еще очень недавно был православным и потому невозможно думать, чтобы он так быстро прошел в католичестве все ступени до "хорепископства" Слухи, однако, говорят, будто это так, но мы этому не верим, и самые эти слухи нам кажутся измышлением людей, не понимающих дела. Другие наши газеты ничего от себя для разъяснения перехода Владимира Соловьева пока не прибавляют; да и вряд ли они сумеют сами собою в этом толково разобраться. Они только удивляются, как у них "в глазах овин сгорел", и тем немало других удивляют. "Владимир Соловьев — помощник и сотрудник Штроссмайера!" — восклицают газеты. Ну да, это так (если это так). Но что же тут особенно удивительного? Разве это не тот самый Владимир Соловьев, который давно ревнивее всего искал не духа веры, а "логики" в церковных соотношениях? И разве не он более всего находил этой логики *в папстве*?

По-нашему, это был он, тот самый, кому ныне удивляются в больших газетах, и он туда именно, куда шел — туда и пришел, и ничего в себе не изменил, а шел и дошел все тем же "логическим путем" Он теперь у своего места и *в своем согласии*. От себя мы бы хотели сказать, что мы этому не удивляемся и этим не поражены; но когда факт совершился, тогда уже нечего поднимать вверх руку и выкрикивать: "готовы"! Но укажем на других, которых тонкое прозорливство теперь стоит двойного внимания: напомним то, что мы уже один раз отмечали,— напомним о негодующем отзыве о Соловьеве в известном письме графа Льва Ник. Толстого... Граф Толстой верно чуял, куда могут повести Соловьева его логические нагромождения[7]. Это богослов, о котором позволительно думать, что он неизбежный папист по самой организации своего ума[8].

Статья опубликован 28 ноября 1886 г.

[1] Речь идет о Всеволоде Сергеевиче *Соловьеве* (1849—1903), старшем сыне историка С.М.Соловьева. В 1876 г. в "Ниве" была напечатана его первая историческая повесть "Княжна Острожская", затем — "Юный император" (1877), "Царь Девица" (1878), "Касимовская невеста" (1879), "Сергей Горбатов" (1881), "Вольтерьянец" (1882), "Старый дом" (1883), "Изгнанник" (1885).

[2] В 1883 г. Владимир Соловьев поместил в "Руси" свое сочинение "Великий спор и христианская политика". На эту статью обратил внимание Иосиф-Георг *Штроссмайер* (1815—1905), епископ босненский и сремский. В декабре 1885 г. В.С.Соловьев получил от него письмо, между ними завязалась переписка, а в сентябре 1886 г. Соловьев посетил Штроссмайера в Дьяковаре и провел там 18 дней. По возвращении в Загреб Соловьев исповедывался и причастился у настоятеля православной церкви о.Амвросия, и привез с собой в Россию свидетельство об этой исповеди. Тем не менее, в России упорно циркулировали слухи о принятии Соловьевым католичества (см. подробнее: *Соловьев С.М.* Жизнь и творческая эволюция Вл. Соловьева. Брюссель, 1977).

[3] 23 ноября 1886 г. газета "Русское дело" перепечатала из сербской духовной газеты "Истина" заметку "Новый помощник епископа Штроссмайера", в которой сообщалось, что В.С.Соловьев стал "проповедником унии и работником на пользу укрепления власти римского папы" В ней также говорилось, что Соловьев напечатал в загребской газете "Katolički List" статью под заглавием "Православна ли Восточная Церковь?" Содержание статьи в заметке не передавалось, поэтому редакция "Русского дела" воздерживалась от комментариев, выразив при этом "жгучую боль стыда и негодования" "Новое время" 30 ноября поместило "Письмо в редакцию" Соловьева, вызванное аналогичным выступлением против него в харьковском журнале "Благовест" (№ 21, статья "В.Соловьев, ратующий против православия в заграничной печати"). Соловьев опровергал газетные слухи, назвав их "бесцеремонным ябедничеством": "...остаюсь <...> членом православной церкви не только формально, но и действительно", "никогда и никого не убеждал переходить из восточной церкви в западную". В статье "Православна ли Восточная Церковь?", по словам Соловьева, "тезис о правоверии и православии нашей церкви защищается <...> *против римско-католического богослова францисканца Марковича*" (*НВ*. 1886. 30 ноября). Письма Соловьева к епископу Штроссмайеру, его статью "Православна ли Восточная Церковь?", а также «Письмо в "Церковный вестник"» (1886. № 9), где Соловьев продолжал объяснять свою позицию, см. в кн.: *Соловьев В.С.* О христианском единстве. М., 1994.

[4] *Ориген* из Александрии (около 185—254) — раннехристианский богослов и философ, представитель ранней патристики. Соединяя платонизм с христианским учением, отклонялся от ортодоксального церковного предания, что привело к осуждению его на Константинопольском вселенском соборе (553 г.) как еретика. По воспоминаниям И.А.Шляпкина, Лесков "увлекался Оригеном и проектировал даже перевод его на русский мною и Н.М.Бубновым" (*PC*. 1895. № 12. С. 208). В письме к И.С.Аксакову от 23 декабря 1874 г. Лесков рекомендовал ему магистерское сочинение священника Гр. Малеванского "Догматическая система Оригена"

[5] "Духовным вождем русского народа" Соловьев назвал Достоевского в речи, произнесенной на его похоронах (см. <Слово, сказанное на могиле Ф.М.Достоевского> // *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М., 1991 С. 227). Эти слова Соловьева Лесков приводил также в статье "О куфельном мужике и проч." (XI, 155).

[6] Говоря о "своеобразном католицизме" Штроссмайера, Лесков, вероятно, имел в виду его борьбу на Ватиканском соборе против провозглашения догмата о непогрешимости папы римского. Затем Штроссмайер подчинился решению собора; в 1881 г. организовал славянское паломничество в Рим, добился введения литургии на сербском языке.

[7] Возможно, имеется в виду письмо Л.Н.Толстого к М.А.Энгельгардту, написанное между 20 декабря 1882 г. и 20 января 1883 г. Прочитав в 1882 г. в "Руси" статью В.С.Соловьева "О церкви и расколе", М.А.Энгельгардт подготовил свои возражения, в которых высказался против

ортодоксального христианства, и послал их издателю "Руси" Аксаков отказался их напечатать, переслав Соловьеву. Одновременно Энгельгардт передал свою статью Л.Н.Толстому, написавшему ему в ответ: "Аксаков и ему подобные <...> живут во лжи, и им для того <...> чтобы человек мог жить во лжи и зле и служить им, он должен был уже прежде закрыть глаза на истину и продолжать делать любимое им зло. А ширмы эти одни и те же у всех: историческое воззрение, объективный взгляд, забота о других и устранение вопроса о своем отношении к добру и истине. Это делает Аксаков, это делает Соловьев" (*Толстой.* Т. 63. С. 112–113).

[8] Личность Владимира Соловьева всегда интересовала Лескова, часто упоминавшего его в письмах и беседах, то противопоставлявшего его Толстому, то, наоборот, сближавшего их имена (*Жизнь Лескова* Т. 2. С. 144–145, 440, 558). В дальнейшем, в начале 1890-х годов Соловьев вошел в близкое окружение Лескова, часто встречался с ним, привлек его к участию в "Вестнике Европы" (XI, 479, 511). В письме к М.О.Меньшикову от 15 февраля 1894 г. писатель так охарактеризовал Соловьева: "Это душа возвышенная и благородная: он может пойти в темницу и на смерть; он не оболжет врага и не пойдет на сделку с совестью, *но* он *невероятно детствен* <...>. Вторая злая вещь есть его церковенство, на котором он и расходится со Львом Николаевичем и где я его тоже покидаю <...> но <...> он человек высокой честности и всякий его поступок имеет себе оправдание" (*Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 450). Соловьев присутствовал на погребении Лескова (*Лейкин Н.А.* Дневник // В мире Лескова. М., 1983. С. 361) и посвятил его памяти статью "Н.С.Лесков" (Неделя. 1895. 26 февр.).

НЕБЫВАЛАЯ СТРОГОСТЬ

Вдова покойного Ивана Сергеевича Аксакова, Анна Федоровна Аксакова, обратилась в "Новое время" с предваряющим письмом, в котором извещает, что после того, как окончится печатание сочинений ее покойного супруга, она издаст *по своему выбору* письма Ивана Сергеевича к разным лицам. Для того, чтобы издать эти письма, г-жа Аксакова просит всех находившихся в письменных соотношениях с Аксаковым "переслать эти письма по адресу" Затем г-жа Аксакова предваряет публику, что "выбор писем, которые могут быть обнародованы и которые до времени должны остаться в рукописи, она *предоставляет себе*" А еще далее она говорит, что она с тем именно об этом и "оповещает, *дабы предупредить появление в печати таких писем, на обнародование которых она* (г-жа Аксакова) *не может дать согласия*"[1].

Такого заявления со стороны родственников усопших общественных деятелей, кажется, еще никогда не бывало. Право наследников на всякие рукописи покойного несомненно, но *письма*, посланные известным лицом при жизни его другому постороннему лицу, разве тоже составляют собственность наследников писавшего? Думается, что полученное письмо составляет собственность получившего это письмо адресата?.. До сих пор, по крайней мере, это везде бывало и, вероятно, и вперед навсегда останется так. Письма умерших не отбираются у тех, кто их получил, и этим получателям не вменяется в вину, если они, при той или другой надобности, говорят, что у них есть письма такого-то лица, в которых писано то-то и то-то. Все, чего на месте родственников можно требовать,— это, чтобы близкий им покойник не был кем-то оболган, т.е. чтобы ему ложно не причли того, чего он не писал. И потому-то от оглашающего письма умершего лица редакции могут и даже должны требовать предъявления подлинных писем. Но со стороны родственников предварять людей о предоставлении выбора *себе* и говорить о том, что на обнародование писем, им неприятных, не будет дано согласия, это нечто совсем новое и, можно думать, едва ли основательное. Ведь вопрос о том: какие же *практические* меры наследники властны будут поставить для ограждения своих такого рода странных претензий? Недоумеваем! Что такое в самом деле можно будет предпринять для того, чтобы никто из множества лиц, имеющих письма И.С.Аксакова, не увлекся и не дерзнул напечатать которое-либо из них без спроса у Анны Федоровны Аксаковой? Или что сделать с таким, который даже прямо в противность ее согласию, все-таки напечатает письмо, ему *принадлежащее*? Литера-

турным обычаям всех стран оглашение писем умершего писателя не будет противно, а по суду за это, кажется, нет никакого ответа. А писем И.С.Аксакова *очень много* и некоторые из них (как мы за верное знаем) уже *проданы в подлинниках* и находятся в таких руках, что их уже назад не получишь.

Статья опубликована 3 декабря 1886 г.

[1] Письмо Анны Федоровны *Аксаковой* (1829–1889), вдовы И.С.Аксакова, дочери Ф.И.Тютчева, о намерении приступить к изданию переписки ее мужа появилось в "Новом времени" 1 декабря 1886 г. "Выбор писем,— сообщала она,— которые могут быть обнародованы и которые должны оставаться, хотя до известного времени, в рукописи, равно и порядок издания их, я предоставляю себе. Об этом считаю нужным оповестить через вашу газету <...> дабы предупредить появление в печати таких писем, на обнародование которых я не могу дать согласия" В обсуждавшееся издание, вскоре начавшее выходить под названием "И.С.Аксаков в его письмах" (М., 1888. Т. 1–2; М., 1892. Т. 3; СПб., 1896. Т. 4), вошла лишь небольшая часть его обширной переписки. В частности, письма к Лескову остались за его пределами.

ВЪЕЗД КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО В ПЕТРОГРАД НА СЕМНАДЦАТИ ПОДВОДАХ

При том внимании, которое нынче обращает на себя усиленная деятельность князя Владимира Мещерского[1], для многих, вероятно, не будет излишнею маленькая историческая справка о роде названного беззастенчивого современного деятеля. Из этой справки, почерпаемой в изданных старинных решениях петровского Синода[2], мы можем видеть, что незнание меры и склонность к скандалезной помпе была как будто в роду княжеской линии Мещерских. Так, первый въехавший в Питер князь Мещерский с того именно и начал, что удивил весь тогдашний Петербург своею смешною, скандалезною помпою.

«Князь Евфим Мещерский был "раскольщик" и жил, имея при себе двух "женок" — одну Анку, а другую Палажку». Он был пустосвят и охотник "сказывать чудеса", а вдобавок еще имел любовь к "письменничеству" и списал целую особую "книгу о чудесех", а другие "учили ту ложную книгу читать и с нея пустошные сказы списывать" Этим он развел такую литературу "о чудесех" и такую проповедь раскольщицтва, что энергическое правительство того времени, считавшее своим долгом вести народ к просвещению и потреблять в нем ханжество и пустосвятство, распорядилось сего чудозрителя изъять[3]. Князя Евфима Мещерского велено было немедленно взять и доставить в Петербург "вместе с женками Анною да Палажкою, да с книгою о чудесех" Но прежде чем поднять и вывезти князя с женками Анною, да с Палажкою, последовало новое дополнительное приказание "сверх помянутых везти с Мещерским всех, кто приличен будет по делу о чудесех" Стали снаряжать вместе женок-кликуш и князя Мещерского. Но когда начали собирать всех "приличных ему", то набрали их столько, что "насажали колодников на семнадцать подвод", и за провоз их из казны заплачено денег сорок пять рублей, десять алтын и одну деньгу" Так князь Мещерский въехал в Петербург с большою и оригинальною свитою, и на казенный счет, а женки-кликуши, и с ним на семнадцати подводах ехавшие, "гласно выкликали", а деньги, которые за провоз их заплатили, после хотели "с них донять", но они не дали,— "где донять, не сказались".— Дескать: "прогон барин не плотит,— прогон казенный"[4].

Это встарь, как и ныне, было удобнее...

Недавно в газете "Новое время" князя Владимира Мещерского сильно опорочили и даже прямо назвали его не только "человеком пошлым", но даже более того,— "человеком, не знающим меры в пошлости"[5]. "Новое время" держало себя с князем строго, хотя, быть может, и справедливо[6]. Но виноват

ли князь Владимир Мещерский в том, чем попрекает его "Новое время"? "Новое время" ведь, по мнению многих серьезных людей,— газета талантливая и страстная, но "*несерьезная*" У нее бывают семь пятниц на неделе и водятся и другие грешки за нею. Серьезного и хорошо продуманного, уж если искать, то надо искать в "Новостях", где сам редактор и его сотрудники — все люди, у которых есть немножко философии[7]. За то они и проводят совсем иной взгляд на пошлое и на прошлое. Там г. Петр Боборыкин как раз только недавно говорил "об атавизме" Это ему понадобилось и оказывалось пригодным для изъяснения читателям "Новостей", откуда взялось современное несообразное настроение графа Льва Ник<олаевича> Толстого. Г. Боборыкин нашел, что виновник этого явления есть *атавизм*, т.е. наследственность[8].

Если атавизм действует так сильно, как Боборыкин и Нотович сказывают, то не следует ли современной русской критике быть снисходительнее к тому, чем щеголяет и чем свое время прославляет князь Владимир Мещерский? Снисхождение не излишне к человеку, который имел такого присноблаженного предка, справка о коем достата и здесь нарочито для общего сведения предложена? А что родовая наследственность значит будто бы очень много, то это и сам князь Владимир Мещерский знает и настойчиво утверждает и даже доказывает в своей знаменитой пьесе, глаголемой "Миллион"[9]. Эту пьесу писал правнук князя Ефима, и дух женок Анки и Палажки опочил на нем.

Князь Владимир Мещерский не виноват в том, что ему, как Чуриле, "быть так Господь повелел"[10]. А вот в чем дело, что не мал, видно, род пошел и от тех, которые "приличны ему" и с Ефимом Мещерским на семнадцати подводах "прилично" в Питер въехали. Сколько их поныне здесь сидят и "кликают"!

Статья опубликована 14 января 1887 г.

[1] Публикуемая заметка появилась в "Петербургской газете" в период скандала, разразившегося в Александринском театре. М.Г.Савина отказалась играть в новой пьесе В.П.Мещерского "Миллион", за что, по ходившим в то время слухам, дирекция театра лишила ее бенефиса. В свой бенефис Савина предполагала поставить драму Л.Н.Толстого "Власть тьмы", тогда еще не разрешенную к печати. Этому скандалу посвящена заметка А.С.Суворина "Князь Мещерский и г-жа Савина" (*НВ*. 1887. 13 янв., подп.: А.С.-н), а также статья В.О.Михневича в "Новостях" (1887. 10 янв., подп.: Клм. Кнд.), где сообщалось, что М.Г.Савина будто бы уходит из театра.

Конфликт Мещерского с Савиной, отразившись на страницах и других петербургских газет, вызвал широкий резонанс: так, 26 января Савиной был поднесен сочувственный адрес, подписанный, в частности, Я.П.Полонским, В.В.Стасовым, А.Ф.Кони, В.Д.Спасовичем, И.Н.Крамским, И.Е.Репиным (Новости и Биржевая газета. 1887. 30 янв.).

[2] Автор заметки далее цитирует книгу "Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода" Т. 1. СПб., 1868.

[3] В "Доношении Тайной канцелярии о присланных при сем доношении в Синод раскольниках: князе Ефиме Мещерском, женках: Алене и Пелагее и др.", сообщалось, что Мещерский и «все вышеозначенные лица допрошены были, кроме Тайной канцелярии, в Приказе церковных дел и в Преображенском приказе <...> В доме у Мещерского взяты были дароносица, образ, книга о чудесах от того образа, "за его Ефимовою рукою" <...> Отвечая на обвинения и улики, Мещерский показывал, что "богомолье у себя в доме имел" <...> что у него собирались больные, которые бесновались, кружились и валялись по полу, и что он бил их четками, и водой кропил, и говорил: "изыди нечистый душе" <...> Образ Богородицы находился у него в доме лет с сорок и от него бывали чудеса, которые показаны в книге; эта книга "сложения его, Мещерского", и написанное в ней "все — истина"» ("Описание документов и дел..." Стлб. 439–441).

[4] В архиве св. Синода сохранилось «письмо Андрея Ушакова к Златоустовскому архимандриту Антонию <...> о том, чтобы деньги 45 рублей 10 алтын и 1 деньгу, употребленные Приказом церковных дел на перевоз из Москвы в С.-Петербург на 17-ти подводах колодников "по делу женок кликуш, и князя Мещерского и других, по тому делу приличествующих", доправлены были с тех из колодников, кои могут заплатить» ("Описание документов и дел..." Стлб. 67). О дальнейшей судьбе Ефима Мещерского известно, что "по определению св. Синода, 2-го декабря 1721 года, князь Мещерский послан был в Соловецкий монастырь <...> В 1730 году Мещерский, по челобитью жены его княгини Авдотьи, поданному Государыне Анне Иоанновне <...> был освобожден от заточения и отдан под тройственный надзор: синодский, своих родных и окрестных соседей" ("Описание документов и дел..." Стлб. 449).

[5] Речь идет об анонимной заметке в рубрике "Театр и музыка" (*НВ*. 1887. 6 янв.), посвященной конфликту Мещерского и Савиной. Лесков имеет в виду следующее место из статьи: "Штрафа оказалось будто бы мало для преступления против князя Мещерского, для преступления против дрянной пьесы, фальшивой с начала до конца и имеющей разве тот смысл, что на сцене являются дураки и пошляки якобы из большого света, да и это достоинство уменьшается тем, что эти дураки и пошляки написаны пошляком же, без чувства меры и правды"

[6] О *пошлости* Мещерского писал и сам Лесков в письме к И.С.Аксакову от конца марта 1875 г. (см.: X, 393).

[7] Обыгрывается название книги издателя "Новостей" Осипа Константиновича *Нотовича* (1849—1914), вышедшей в 1886 г. под псевдонимом О'Квич: "Немножко философии. Софизмы и парадоксы по поводу религиозно-философских произведений графа Л.Н.Толстого". В том же 1886 г. книги О.К.Нотовича "Немножко философии..." и "Еще немножко философии" были переведены на немецкий и французский языки. О реакции Лескова на эту книгу см. подробнее выше, в предисловии А.В.Лужановского и В.Н.Абросимовой к статье писателя "Ошибки и погрешности в суждениях о гр. Л.Толстом. (Несколько простых замечаний против двух философов)".

Сотрудники "Новостей" — это прежде всего А.М.Скабичевский, названный Лесковым "ослом в шорах" (*Жизнь Лескова*. Т. 1. С. 182), П.Д.Боборыкин, отношения с которым осложнились еще в период публикации "Некуда" (*Жизнь Лескова* Т. 1. С. 253, 273), и, возможно, В.И.Модестов (см. выше примеч. 4 к ст. "Испорченное впечатление").

[8] Имеются в виду по крайней мере два выступления П.Д.Боборыкина: фельетон "Зачем и как жить?" (Новости и Биржевая газета. 1886. 26 февр., 12 марта; см. об этом выше в предисловии к статье Лескова "Ошибки и погрешности...", в этой статье обсуждается и "обвинение"в *атавизме*), а также фельетон "Люди нашего круга" (Там же. 1886. 24 дек.). Боборыкин связывал взгляды Толстого с его сословной ограниченностью: «Люди его круга, праздно и сладко живущие господа и барыни, среди которых он и провел всю свою жизнь, на фоне крестьянского пейзажа <...> послужили отправной точкой всех его иеремиад <...> Людям своего "круга" обязан он скачками и сюрпризами своего нравственного развития» (Новости и Биржевая газета. 1886. 24 дек.) Лесков, вероятно, обратил внимание на слова Боборыкина о людях толстовского "круга" как о тех, кто "наследственно доведен до неисправимого тунеядства" На статью "Люди нашего круга" откликнулся в "Критических очерках" и неизменный оппонент Боборыкина В.П.Буренин (*НВ*. 1887. 9 янв.).

Выпад против "Новостей" в публикуемой заметке является отголоском полемики, развернувшейся в 1886 г. вокруг 12-го тома Собрания сочинений Толстого, в которой принял участие и сам Лесков.

[9] "Миллион" — пьеса Мещерского из великосветского быта (см. примеч 1).

[10] "Быть так Чуриле сам Господь повелел" — цитата из "Былины о красном Чуриле Опленковиче" Эти же слова поставлены эпиграфом к статье Лескова "Литератор-красавец" (X, 41).

ПРЕКРАЩЕНИЕ КРОНШТАДТСКОГО ДЕЛА

Из Кронштадта вчера сообщено "Новому времени", что свящ<енник> Сергиев взял третьего дня назад свое заявление о побоях, причиненных ему крестьянином Текановым[1]. Священник убедился, что Теканов бросился на него, находясь в "экстазе", т.е. в таком болезненном возбуждении, когда человек не владеет своим рассудком и, следовательно, ничем не повинен в том, что он в таком состоянии наделает. Это очень желанное известие,— оно, без сомнения, успокоит совесть многих добрых и справедливых людей, которым чрезвычайно неприятно и обидно казалось, что у нас нашлись охотники бить и драть столь очевидно хворого человека, как Теканов; потом нашлись еще игривые писаки, которые усердно расписали с шутливою раскраскою, как несчастного больного били и как у него "борода поредела"[2]. Но это еще был не конец: его же избитого и с выдранною бородою потащили бы и к суду и к ответственности, в тюрьму и, пожалуй, на каторгу, так как дело идет об оскорблении священника при совершении им священного обряда. По совести говоря, это было бы ужасно!..

И вот тут-то бы уж пошло столько разговоров, что и толку бы в них не добраться, и конца бы им не дождаться: а все-таки если бы Теканова засудили, то было бы совершено дело самое угнетающее и тяжелое для всех людей с здравым умом и с доброю совестию... А потому кронштадтский священник очень

хорошо сделал, что он отказался от дальнейшего преследования судом больного Теканова. Это хорошо во всех отношениях. Случай же с Текановым должен послужить мало знающим о простом народе городским священникам напоминанием о том, о чем хорошо знают самые обыкновенные священники сельские, т.е. об осторожности, необходимой в присутствии экстатиков, на которых всегда ужасно действует теснота, спертый воздух, дым смолистых курений и необыкновенное чтение... Надо это знать и уметь щадить их тяжелое болезненное состояние, а не доводить больных людей до той степени раздраженности, когда они приходят в экстаз, то есть совсем теряют самообладание и потом, не придя в себя, попадают на ухарские кулачья невежественных самоуправцев или становятся предметом спора: судить их или не судить?.. Претенденту неприятно бы было такое дело проиграть, но еще более дурно было бы его выиграть... Хорошо, что хоть этого не будет...

Статья опубликована 25 марта 1887 г.

[1] Первое известие о "кронштадтском деле" появилось в "Новом времени" 18 марта 1887 г. Газета сообщала тогда, что несколькими днями ранее, 15 марта, "преступник-фанатик", "принадлежащий к секте Пашкова", пытался избить *Иоанна Кронштадтского* (Ивана Ильича *Сергиева*; 1829—1908), протоиерея Андреевского собора в Кронштадте, служившего объектом постоянной критики Лескова на рубеже 1880—1890-х годов. Перед нападением на о. Иоанна "фанатик" "начал читать молитвы, употребляемые сектою пашковцев". 20 марта в газете появилось более развернутое сообщение: Матвей Иванович Теканов, главный артельщик на кронштадтском пивоваренном заводе, присутствовал на молебне; "после молебна о. Сергиев остался в комнате сделавшего нападение по его желанию для беседы. С первых слов беседы богомолец обратил на себя внимание <...> своим неистовым воплем <...> по увещанию отца Иоанна оставил рыдание свое и, став перед образом Богоматери на колена <...> начал произносить вслух какую-то молитву раскольничьего содержания. Будучи и в этом остановлен <...> вскочил на ноги и обхватил обеими руками кольцом вокруг туловища о. Иоанна, стал давить его с такою силою, что последний <...> едва мог вскрикнуть".

[2] Речь идет, видимо, о статье в "Новостях" "Покушение на жизнь о. Иоанна Сергиева" В ней сообщалось, что, как только Теканов, отпущенный по просьбе домовладельца, "вышел на улицу, его узнали и указали на него собравшейся у дома Быкова толпе, которая бросилась на него и сбила его с ног. У него вырвали бороду и ему нанесли тяжкие удары" (1887. 18 марта).

О КНИЖКАХ О<ТЦА> СЕРГИЕВА

Мы получили от одного сведущего в издательстве лица следующую заметку, которую и помещаем в уважение ее деловитости.

В "Петербургской газете" 25-го марта напечатан краткий отчет о беседах о. Сергиева[1], которые издал А.П.Руденко, и продает эту книжечку в 43 странички по 25 коп. и даже дороже. Что цена эта чрезвычайно дорога, об этом нет спора, равно бесспорно и то, что такую книжку полезно бы продавать так же дешево, как продаются книжки Л.Н.Толстого, т.е. по 3 коп. за штуку, и даже по пятачку за пару. Все это, повторяем, совершенно бесспорно, но не надо забывать, что ведь Л.Н.Толстой *ничего не берет* за свое авторское право с издателей его народных рассказов[2] и что его примеру в этом следуют и некоторые другие писатели, издаваемые фирмою "Посредник"[3]; да и сама фирма эта никаких коммерческих прибылей от своего издательства не ищет, а работает по одному сочувствию просветительным нуждам народа. О том же, в каком положении находится издательство А.П.Руденко, который печатает выпусками и дорого продает книжки сочинения о. Сергиева,— никому кроме самих этих двух лиц неизвестно. А потому теперь и нельзя судить: мог ли бы г. Руденко понизить цену своих изданий до той общедоступной цены, по какой доставляет народу книжечки фирма "Посредник"? Претендовать на г. Руденко за дороговизну невозможно, по крайней мере до тех пор, пока неизвестно, на каких условиях им приобретено от автора право собственности на это издание и не составляет ли оно "*общее народное достояние*"[4], так же как народные книжечки

Л.Н.Толстого. Если же оказалось бы, что г. Руденко издательского права в личную себе собственность не приобрел от автора и что автор так же, как и Л.Толстой предоставляет свои душеполезные беседы на *общую пользу народа*, то тогда нет никакого дела до того, что г. Руденко берет такую непомерную цену за изданные им брошюры. Стоит только о. Сергиеву поступить как Л.Н.Толстой, т.е. сделать известным, что он считает несовместным с христианскими целями удерживать за собою права литературной собственности на христианскую книгу, а предоставляет право издательства бесед всякому так же, как такое право предоставлено Толстым, нет никакого сомнения, что сверх меры дорогое и притом плохое издание г. Руденко сейчас же падет в цене, ибо непременно явится несколько издателей, которые станут издавать эти "беседы" лучше и дешевле. И вот только тогда действительно можно будет надеяться, что книжечки о. Сергиева станут обращаться в народе по такой же общедоступной, дешевой цене, как продаются книжечки Толстого. А до тех пор осторожнее будет воздержаться от всяких укоризн за безмерно высокую цену брошюрок, изданных г. Руденко, который, очевидно, делает свое дело на коммерческих основаниях, и расчет его никому постороннему неизвестен. При коммерческих же расчетах никакой издатель не может продавать своих изданий так дешево, как продаются книжки Толстого.

В самом деле — не бесполезно было бы, если бы это дело могло разъясниться.

Статья опубликована 27 марта 1887 г.

[1] Речь идет об изданной А.П.Руденко в 1887 г. брошюре "Беседы о<тца> Иоанна" (Иоанна Кронштадтского — см. примеч. 1 к предыдущей статье). Упомянутый Лесковым "краткий отчет" об этой брошюре — возможно, еще одна, неизвестная ранее заметка писателя, напечатанная под названием "Беседы отца Иоанна" (*ПГ.* 1887. 25 марта).

[2] В 1885 г. Толстой передал С.А.Толстой авторские права на свои произведения, написанные после 1881 г. Однако сочинения, появившиеся в "Посреднике", могли переиздаваться безвозмездно. Отказу Толстого от авторских прав на произведения для народа посвящено еще несколько статей Лескова, также напечатанных в "Петербургской газете" и зафиксированных в библиографии Быкова: "Торговая игра на имя гр. Толстого" (1885. 24 сент.), "Общее литературное достояние" (1887. 7 марта), "Ерусланов конь спотыкается" (1887. 10 марта), «Авторский гонорар за "Власть тьмы"» (1887. 26 февр.). Публикуемая заметка органично вписывается в круг этих статей.

[3] Лесков, вероятно, имел в виду свое собственное участие в изданиях "Посредника"

[4] *"Общее народное достояние"* — автоцитата, несколько измененное название статьи Лескова о Толстом "Общее литературное достояние", напечатанной в "Петербургской газете" тремя неделями ранее (1887. 7 марта) и зафиксированной в библиографии Быкова. Кроме того, выражение "общее народное достояние", очевидно, восходит к составленному В.Г.Чертковым заявлению редакции книжного склада "Посредник" (см. об этом во вступительной статье).

СПЛЕТНИ О ТОЛСТОМ

Достойно заметить, что те самые издания, которые будто бы особенно стоят за Толстого, никогда не считают за неуместное распространять о нем самые пустые и вздорные слухи, если эти слухи направлены к тому, чтобы так или иначе "играть на понижение толстовского престижа" Недавно (24 янв.) мы указали, что "Нов<ое> время" воспроизвело "курскую трель о Толстом"[1], где заключается множество лжи о семье Льва Николаевича и его домашнем житье, довольно хорошо известном издателю "Нов<ого> врем<ени>" (Смотр. его недавнюю заметку о Толстом, где есть упоминание о семейном счастии графа)[2]. Мы напечатали у себя (24 января) заметочку, в которой знакомым с делом лицом было указано на ложь "курской трели", дошедшей до того, что даже члены семейства Л.Н.Толстого называются именами, им не принадлежащими. С тех пор (с 24 января по 8 февраля) прошло *шестнадцать дней,* и через шестнадцать дней "курская трель" опять вся повторена в газетке "День", и без

малейшей оговорки, что достоверность всего этого курского сказания о Толстом опровергнута, что у графа нет ни дочери Любови, ни дочери Надежды, что у него нет никакой своей домашней академии и что в числе его друзей не было и нет никакого г-на Гайдукова[3], что он совсем не пьет "густого кофе", а пьет самый простой отвар житных зерен и т.п. Опровержение, сделанное у нас на видном месте газеты, не скрылось от общественного внимания, а напротив, оно было очень замечено и вызвало соответственное впечатление, но вот прошло полмесяца, и опять чье-то досужество и доброхотство вытаскивает опровергнутое, ложное известие наружу и печатает его без малейшей оговорки насчет его доказанной лживости... Как будто они ничего и не слыхали, и не знали... Или как будто они рассудили на такой манер, что — "так ли де это, или не так, а все-таки отчего крупного человека не процыганить? Что нам за дело, что это соврано, а потом опровергнуто! А мы опровержению не верим, а верим тому, что у Льва Ник<олаевича> Толстого есть дочери Любовь и Надежда, что у него в доме живут "его ученики", что у него "чай сервируется *заманчиво*", что он сам "пьет густой кофе" и "замечательные сливки" и что при нем непременно есть человек по прозванию "Гайдуков", а за столом у графа "*не стесняются в выражениях*", что может "поразить непривычного наблюдателя" А "чешется" же граф Лев Николаевич "пятернею"

Как хотите, а разглашение таких вестей о человеке, которого одни очень любят, а другие очень не любят, но которым *все* более или менее интересуются,— конечно есть не что иное, как сплетничество, и если есть издания, которые продолжают множить такие сплетни даже после того, когда важность и неосновательность происхождения сих известий указаны,— то это должно быть поставлено в большую вину изданию, которое позволяет себе такие выходки против личности и семейной неприкосновенности соотечественника, всеми признаваемого за "величайшего писателя в мире"[4].

Статья опубликована 9 февраля 1891 г.

[1] 24 января 1891 г. в "Петербургской газете" была помещена статья Лескова "Курская трель о Толстом" (см.: XI, 245–246), вызванная перепечаткой в "Новом времени" (23 янв.) и некоторых других петербургских газетах корреспонденции "День у Л.Н.Толстого" (Курский листок. 1891. 3 янв., подп.: Ир.). Появление публикуемой статьи объяснялось тем, что, несмотря на лесковское опровержение, заметка "Курского листка" вновь была перепечатана газетой "День" (1891. 8 февр.).

"Новое время" в номерах от 24, 25, 27 и 28 января поместило большую статью самого Толстого "О вине и табаке" (из февральской книжки лондонского журнала "Contemporary Review"), 29 января — сочувственный отзыв В.С.Лялина ("Петербуржца") на эту статью в рубрике "Маленькая хроника"; 31 января в газете появилась анонимная статья «"Плоды просвещения" на немецкой сцене», где дана была чрезвычайно высокая оценка Толстого: "Гений победил все предубеждения". Таким образом, "Новое время" пользовалось репутацией издания, которое "будто бы особенно стоит за Толстого".

Статью "Курская трель о Толстом" "Новое время" обошло молчанием, но после публикуемой здесь заметки в суворинской газете появилась статья "Несколько слов о посетителях Ясной Поляны" (11 февр.; подп. Е.), написанная дамой, бывшей, по ее словам, "близко знакомой с графом Львом Николаевичем и его семьею". В статье содержатся разоблачения корреспонденции "Курского листка": «...всякий желающий получить несколько рублей или обратить на себя внимание <...> печатает что попало о нашем знаменитом писателе, вдаваясь в подробности неверные и неправдоподобные <...> В этом отношении статья в "Курском листке" превзошла всякую меру своею пошлостью». При этом опровергались те же факты и критиковались те же выражения, которые уже были отмечены Лесковым ("чешется пятернею", "не стесняется в выражениях", "дочери Любовь и Надежда"), но без какой-либо ссылки на Лескова.

[2] Речь идет об отзыве Суворина на авторское "Послесловие" к "Крейцеровой сонате": «Я чувствовал,— писал Суворин,— всю ту правду, которую Позднышев говорит о воспитании, о женщинах, о браке <...> Но <...> я отметал все крайние выводы Позднышева <...> Л.Н.Толстой ни в каком отношении не похож на Позднышева <...> Л.Н., став на место Позднышева, разрушил <...> существующую связь между художественным созданием и читателем, т.е. ослабил значение и силу самой "Крейцеровой сонаты"». Особое внимание Лескова привлекло следующее рассуждение Суворина: «Автор "Крейцеровой сонаты" — счастливейший человек не потому только, что владеет огромным дарованием "сжигать сердца людей", не потому только, что высо-

ко стоит среди мировых писателей, но и потому, что семейная жизнь его одна из счастливейших» (*Суворин А.С.* Маленькие письма. LVI // *НВ*. 1891. 5 февр.).

[3] Имеется в виду Павел Иванович *Бирюков* (1860–1931), названный Гайдуковым и в фельетоне Е.Штанделя "В Ясной Поляне" (Русский курьер. 1886. 4 сент.), критике которого посвящена статья Лескова "О хождении Штанделя по Ясной Поляне" (XI, 195–199). Эта же ошибка повторена автором заметки "День у Л.Н.Толстого"

[4] Величайшим писателем в мире Толстого называл сам Лесков в статье "О куфельном мужике и проч." (XI, 135).

В ОБНОВКЕ И ОБНОСКЕ

По сравнительным выводам торговцев, *вся торговля* к празднику нынешнего года шла будто значительно слабее торговли этих же самых дней в минувшие годы. Это считают за горе. Особенно тише торговали "подарочными вещами" всякого рода, не исключая детских книг и носильных вещей. Даже рыночные продавцы готового платья и "костюмов", которые заготовляются для людей самого скромного достатка, "не имеющих двух одежд"[1], говорят будто недоторговали очень много против прошлых лет. По-видимому, произошло то, что многие из "имеющих одну одежду" не освежили своего убора обычного к празднику обновою, а "остались в стареньком" и вместо "обновки носят обноски" Чему это надо приписывать? На это довольно трудно отвечать утвердительно. Торговцы нарекают главным образом на "лотерею", на которую будто бы "кинулись все служащие", и туда будто бы затратили свои свободные деньги; но это очень мало вероятно: на лотерею, без сомнения, пошли только такие рубли, которыми человек находил возможным "рыскануть" Рубля, необходимо нужного на уплату за угол, за хлеб или на обувь, разумеется, никто не променял на лотерейный билет. Это пустяки. Но всего влиятельнее на воздержанность покупателей могли подействовать "письма с родины", в которых родители, "посылая свое благословение навеки нерушимо", неотступно стонут и молют своих живущих в столицах детей о присылках, "дабы в старости своей не околеть с голоду" Этот унылый и угнетающий тон в родственных письмах, получаемых петербургскою прислугою и рабочими, стал повторяться очень часто и, надо отдать честь "детям" из простонародья, что они отлично своих сельских "отцов" не покидают. В почтовых отделениях, говорят, будто бы замечают, что число мелких денежных отправлений в деревни к нынешнему празднику было значительно больше обыкновенного. Вот что может иметь значение!.. И если это действительно так, то едва ли не за самое верное можно будет считать, что не донесенные купцам в нынешнем году деньги на обновы пошли на гораздо лучшее употребление, а они "отняты у себя" и "отосланы ко дворам", где их ждут сидя в нужде и в голоде те, которым Бог велел пособить.

Такое горе совсем не горе!

"Родителям" посылают не только взрослые дети, но даже маленькие мальчики и девчонки. Это отрадно видеть! Так значит крепка и жизненна оказывается связь простонародных "детей" с их "отцами" Это не везде так, и к вящему сожалению. Это именно чаще всего бывает совсем не так в тех слоях общества, где знаний в людях побольше, а забот о своих стариках у них гораздо поменьше, а порой и совсем нет. Вот где худо; а у тех, которые "у себя отняли и отцам послали", на душах должно быть легко и хорошо, и ты, друг, одетый в праздничную обновку, если повстречаешь собрата своего, который остался в обноске потому, что он "у себя отнял" да послал тем, которые скуднее его, то ты... не выскакивай на него со своею обновкою, не вертись перед ним и хорошим нарядом не хвастайся — потому что ведь "*красивое перед людьми не таковое в очах Божиих*"[2].

Если ты сам не хочешь ничего "у себя отнять" и ты любишь сладко есть и сумел пестро и красно изукраситься — то это твое дело, ты по крайней мере

хоть не смущай и не искушай того, кто остался в обносочке, а сделал свое дело по-божьему. Поверь, что он в своих обносках встречает Христово Рождество не хуже, чем ты, а именно так, *как следует*. Поразмысли над этим,— приведи себе на ум то, что гласит нам всем слово Божие, и тебе видно станет, что люди, пожалевшие других и оставшиеся сами в обносках — нарядились именно так, *как Бог велел*, и обноски их перед очами всевидящего Отца — не сравнить, куда самой твоей нарядной обновы красивее!

А каково дело перед Богом — таковым его должен понимать и хороший человек.

Николай Лесков

Статья опубликована 25 декабря 1891 г. (в рождественском номере газеты). В статье отражены события голодного 1891 года.

[1] Вероятно, отсылка к тексту Евангелия: "Не берите с собою <...> ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха" (*Матфей*, 10: 10).

[2] Возможно, Лесков перефразирует слова Евангелия: "Что высоко у людей, то мерзость перед Богом" (*Лука*, 16: 15).

ЗНАЧЕНИЕ ГОНЧАРОВСКОГО ПОСТУПКА

Почему-то очень многим хочется всячески умалить значение того, что больной и слишком обремененный большою долготою дней старик, из деликатности к людям, с которыми он переписывался,— сложил все их письма в отдельные конверты и *запечатал* их,— и сам своею дрожащею рукою подписал и приказал возвратить тем, от кого письма были получены. Даже люди снисходительные находят, что "это лишнее", что "этого совсем не надо делать" и что — "довольно того, чтобы просто уничтожать письма" А как мы уже раз об этом заговорили, то надо на это и ответить: письмо, уничтоженное не в присутствии лица писавшего, совсем не то, что письмо возвращенное. Уничтоженное всегда оставляет место для сомнения, что оно как-нибудь избежало от уничтожения, а от этого сомнения непременно родится опасение, что письмо когда-нибудь и где-нибудь выплывает на печатную страницу. От этого наступает очень понятное беспокойство, для возникновения которого нет повода, когда письмо получено назад. Другого, настоящего средства для того, чтобы человек был уверен, что его письмо не пойдет болтаться по чужим рукам, кажется, и нет, как только *возвратить* письмо. При жизни это делать не нужно и неудобно, но "помышляя о часе смертном" — ничего нет лучше, как позаботиться успокоить людей, бывших с нами в сношениях за то, что письма их никто посторонний читать не будет. А для этого вполне соответствует тот способ, к которому обратился усопший Гончаров, т.е. возвратить письма тем, кто их написал: а "уничтожить" можно только письма покойников, что,— говорят, Иваном Александровичем тоже будто так было и сделано.

Те насмешливые люди, которые подтрунивают над "гончаровской щепетильностью", довольно худо делают, что они не помнят, к каким неприятным последствиям иногда вели за собою письма сторонних людей, оставшихся после иных покойников, имевших при жизни значительное положение в обществе!.. Такие письма иногда бывают не только причиною распрей и семейных драм, но даже и более неожиданных и сложных компликаций, могущих иметь роковое значение для многих. Женщины в этом деле понимают толк, и они недаром всегда обнаруживают страстную заботу об обратном получении своих billet-doux. "Некоторые" мужчины, значит, в этом вопросе понимают меньше, чем самая заурядная дама.

Статья опубликована 18 декабря 1891 г.

[1] Публикуемая заметка представляет собой непосредственное продолжение известной статьи Лескова "Замогильная почта Гончарова" (XI, 214–215; о принадлежности статьи "Замогильная почта Гончарова" Лескову см. также: XI, 654–655).

ДОБАВКИ ПРАЗДНИЧНЫХ ИСТОРИЙ[1*]

В пасхальном номере "Пет<ербургской> газеты" за истекающий 1894 год была помещена составленная мною заметка о том: что именно изображают настоящие русские иконописцы на "полной" иконе "Воскресения с сошествием во Ад"[1]. Составить ту заметку мне пришлось по поводу недоумений, выраженных французами, которые, в бытность свою у нас, накупили здесь русских икон старинного типа и не могли разобрать: что там "*насочинено*"?[2] Французы, встретив изображения для них непонятные, думали, что это все "фантазии" русских иконописцев, а так как это несправедливо, то я старался показать, что наши иконописцы старинного типа или, как их называют с греческого,— "изографы", вовсе не допускают в своем мастерстве *никаких фантазий*, но имеют для всякого изображения образец, или "подлинник", с которого и "переводят рисунок" В этих подлинниках есть изображения, которые немы и непонятны или, как говорят, "безгласны" для тех, кто не имеет соответственной начитанности в святоотеческих и других старых церковных книгах, не употребляемых уже в нынешней церковной практике. На иконе "Праздники" встречаются изображения некоторых лиц и положений, которые представляются лишними для тех, кто имеет представление о праздниках только по тексту Нового Завета; но это происходит не оттого, что "изографы" фантазируют и сочиняют; а оттого, что их прототипы, с которых они "переводят" рисунки икон, составлены людьми, имевшими о праздничных событиях представления более пространные и разносторонние, которые дошли до них путем *преданий,* сохранившихся через отеческие писания или церковные песнопения. Нынешние изографы в Москве, Мстерах и Палехове все пишут таким образом, и они поступают так потому, что знают, что "это верно", ибо "так взято с подлинника"; но почему это *так* введено в подлинник? — этого они уже не знают и объяснить не могут. А потому иностранцы, которым эти мастера не умели ничего объяснить, конечно, ошибаются на их счет, принимая их за "фантазеров", каковыми они никогда еще не были: мастера "не ответствуют, яко же рыбы безгласныя", просто по своему невежеству.

Заметка моя о "Сошествии во Ад", сверх ожидания, заинтересовала и многих русских. На этот счет есть сведения у редакции издания и у меня лично; и многие писали мне, что они желают знать: что такое представляют собою *дополнительные изображения* по их "старине", откуда это взято?

По возможности, попробуем ответить на это.

I. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

В иконах, переведенных с большого подлинника, Рождество пишется иногда очень пространно: с "вертепом", и с "бабою", с кувшинами и тазами, и со многим другим, о чем в евангельском описании нет никакого упоминания; но на все это, однако, есть "источник"[3], и он не выдуман нашими, рус-

[1*] Из цикла статей "Добавки праздничных историй" ранее не выявленной является лишь статья от 6 января 1895 г. Статьи от 25 декабря 1894 г. и 2 февраля 1895 г. обнаружены А.Н.Лесковым. Чтобы не нарушать единства цикла, все три статьи публикуются вместе (*Ред.*).

скими мастерами, а объявился нам со струями, принесшими в Россию христианские обряды и веру.

Разницы или, точнее сказать, *добавки* рождественской истории заключаются в следующем: сказание о том, что Иосиф "не восхоте обличити" Деву Марию, дополнено разъяснением, что "сомнение" касалось только того, что Иосиф "сначала не разумел тайны Божией". А узнал он об этом потому, что "некий от книжник именем Аннин, уже по ангельскому Иосифу явлению, пришед в дом их и увидев девицу непраздну, объяви о сем архиереям и всему собору"[4]. Тогда Иосифа и св. Деву взяли и повели к архиереям, и архиереи начали их упрекать, стыдить и допрашивать, и принудили их *пить воду обличения,* или воду клятвенную (4, Моис<ей> 7)[5]. И они пили воду,— св. Дева "со слезами", и вода их ни в чем не изобличала, и их "отпустили с миром".— Вот для чего изображены и тазы, и кувшины, и св. Дева с белым платом в руке у лица. А взято все это из книги "Маргарит", из "Слова о Пресвятой Богородице"[6].

"Посем изыде повеление от Кесаря Августа написать всю вселенную, то есть исчислить народы"[7]. Иосиф, как известно, отправляется со св. Девою в Вифлеем, и тут они пристали "в пещере", к которой подходила нива Соломии, "сродницы пресвятой Девы", Иосиф искал "витальницы", но не нашел, и они остались в пещере. Перед вечером Богоматерь стала чувствовать свое время, и Иосиф пошел в Вифлеем "к Соломии старице, чтобы призвать ее на послужение" (Георгий Кедрин)[8]. А св. Дева осталась одна в пещере и "в полунощи, 25 декабря, моляся Богу, роди Бога воплощенного еще же без обычныя помощи и службы бабины" (ст. Григорий Нисский)[9].

"Сама роди, сама и вспелена. В мирских женах ина рождает, а ина вспеленает, а зде не так: сама беструдна мати, и сама неучима баба: не попусти никому касатися Рождества пречистаго".— Когда пришла "баба Соломия", все уже было кончено (ст. Афанасий "Слово на Рождество" и св. Киприан Карфагенский)[10]. Но как Соломия была опытна в делах рождения, то она не поверила, что роженица сама могла все так управить, и стала досматриваться "тщашеся увидети: аще истина есть, но абие казнь за дерзнутие прия: рука бо ей болезнью возжеся, и усше", но она приложила ее к Младенцу и "рука абие изцеле" Тогда Соломия-баба уверовала, и оне, вместе со св. Девою, "поклонися Ему яко Богу и Создателю своему" (св. Зинон и Иосиф песнописец)[11].

Настоящее время Рождества "извествуется" "в недельный день по субботе,— в тот день, когда манна сошла с неба, и когда крещение было во Иордане, и когда И<исус> Х<ристос> воскрес и Духа Святаго на ученики излия. Это так же точно, как и то, что И<исус> Х<ристос> в пятницу был зачат по благовещанию ангела и в пятницу пострадал" (6-й Вс<еленский> собор)[12].

В заключение событий этого дня приходят в пещеру "волхвы" или "цари": "первый, Мелхиор, стар и сед волосами: той принесе злато; второй, Гаспар, млад, лицом червлен (т.е. румян) — той принесе ливан, и третий, Валтассар, смугл лицом и *весьма брадат*: сей смирну принесе" (Св. Ириней)[13].

Этим описанием наружности трех волхвов все добавки и кончаются, но это последнее описание особенно драгоценно для того, чтобы лица, интересующиеся старинною русскою иконописью могли легко и наглядно убедиться, что наши иконописцы отнюдь не фантазеры, и хотя они дают большую разносторонность своим изображениям, но они *никогда не изображают событий по-своему, как на ум придет.* В этом отношении они даже точнее и осторожнее новых живописцев, и вот, например, тому явное доказательство: новые "свободные художники", изображая "поклонение волхвов", всегда изображают *трех старцев,* вероятно, потому, что если-де они волхвы, то уж непременно они должны быть старики и белобородые... Да это и красивее. И вот они на всей своей свободе от всяких знаний исторических пишут *трех стариков,* на

что они не имеют ровно никакого основания, кроме своей фантазии и... своего невежества. А у изографов, где хотите посмотрите, волхвы "ознаменованы" по подлиннику: Мелхиор стар и сѐд, Гаспар — молод и румян, а Валтассар — смугл и "весьма брадат".

И как не оборачивайте, а выходит на поверку дела, что изографы-то, с их малопонятными "апокрифами в искусстве", более, чем все другие искусники, держатся очень любопытных преданий, которые в своем роде драгоценны, и, во всяком случае, пренебрегать ими, кажется, не для чего...

Если в Академии художеств серьезно думают основывать иконописные классы, то при этой новизне надо бы, думается, кому-нибудь хоть немножко познакомиться со стариною, в которой по этой части есть много достойного внимания[14].

Если будет возможно, мы в течение наступающего года приведем здесь что касается таким образом ко всем двенадцати годовым праздникам.

Николай Лесков

Статья опубликована 25 декабря 1894 г.

[1] Очерк Лескова "Сошествие во Ад" (*ПГ.* 1894. 16 апр.) представляет собой переложение апокрифа, послужившего сюжетом иконы "Воскресение с сошествием" Рассказ двух воскресших из мертвых сыновей праведного Симеона о сошествии Спасителя во Ад восходит к апокрифическому "евангелию Никодима" На русский язык 2-я часть евангелия Никодима ("Сошествие Иисуса Христа во Ад") была переведена и напечатана в приложении к "Православному обозрению" (1860, январь и март).

[2] Как рассказывал Лесков в очерке "Сошествие во Ад", об иконе "Воскресение с сошествием" «летом 1893 г. писали друзья наши французы, обсуждая изображение со стороны "фантазии художника", однако "бывшие в ту пору в Париже писатели наши не нашлись это поправить" (*ПГ.* 1894. 16 апр.). Об "ответе" самого Лескова французам см. далее в наст. томе примеч. 1 к письму Лескова к Т.Л.Толстой.

[3] Лесков, вероятно, подразумевал различные иконописные подлинники (ср., например, "Сводный иконописный подлинник XVIII в." М., 1874. С. 223–224, "Иконописный подлинник новгородской редакции по софийскому списку конца XVIII в." М., 1873. С. 56–57). В "Иконописном подлиннике" С.К.Зорянко, хранящемся в архиве Лескова (*РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 346), отсутствуют параллели с публикуемыми статьями.

Для самого Лескова при работе над этим циклом статей одним из основных источников, очевидно, послужили "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского": в них представлен полный свод апокрифических преданий, использованных в "Добавках праздничных историй" Лесков ссылался в "Добавках...", кроме того, на святоотеческие источники, но его ссылки полностью повторяют ссылки, содержащиеся в Четиях-Минеях Дмитрия Ростовского.

[4] Рассказ об обличении Девы Марии книжником ("Ианнин", "Ианн", "Иоанн") восходит к апокрифическому первоевангелию Иакова. Его перевод под названием "Слово на Рождество Господа нашего Иисуса Христа. Сказание святого апостола Иакова, брата Господня по плоти" включен в "Великие Минеи-Четии" митрополита Макария (8 сент.), в "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (25 дек.). Первоевангелие Иакова отразилось также в церковных канонах Андрея Критского и Иоанна Дамаскина на Зачатие св. Анны и Рождество Богородицы, во множестве слов, поучений и посланий, в том числе приписываемых отцам церкви. На русский язык первоевангелие Иакова переведено и напечатано в приложении к "Православному обозрению" (1860, январь и март) и в кн.: *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях". СПб., 1890.

[5] Здесь Лесков ссылается на четвертую книгу Моисея "Числа", где описан этот обряд (он ошибочно указал 7-ю главу вместо 5-й). Возможно, в поле зрения писателя была и специальная работа об этом обряде, содержащая следующие подробности: священник с "клятвами проклятия" и церемониями давал подозреваемой жене пить "горькую воду", которая была смесью чистой воды с пеплом. Если жена оказывалась виновной, то чрево ее увеличивалось; если же нет — то питье ей не вредило. Впоследствии обряд подвергся перетолкованию и "талмудисты <...> стали утверждать, что действию этой воды обличения должны были подвергаться одинаково жены и мужья" (*Сахаров В.* Апокрифические и легендарные сказания о пресвятой деве Марии // Христианское чтение. 1888. № 7. С. 69).

[6] "Маргарит" — сборник "Слов" Иоанна Златоуста. В число оригинальных бесед и поучений, добавляемых к сборнику в русских переводах, входило "Слово на Рождество Пречистой Богородицы нашей...", включающее рассказ об обличении Девы Марии. О самом сборнике Лес-

ков писал А.С.Суворину 26 марта 1888 г.: «"Маргарит" — книга "беседная",— ее хорошо грабителю-купцу в пост читать. В библиотеке литератора она ни на что не нужна <...> на что Вам "беседность", во многом узкая и всегда очень скучная и не полезная?» (XI, 374).

[7] *Лука*, 2: 1.

[8] *Кедрин Георгий*. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до половины XV столетия. Ч. 1. История Нового Завета. М., 1802.

[9] Цитата из "Сказания о Рождестве Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа", включенного в "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (25 дек.) (далее стр. указывается по изданию: Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 4. М., 1903. С. 684). Там же дается ссылка на слова *Григория Нисского* (ум. в 394), епископа г. Ниссы в Каппадокии, одного из отцов Церкви, брата св. Василия Великого.

[10] Цитата из "Слова на Рождество" *Афанасия Великого*, архиепископа Александрийского (ум. в 373), приводится в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" (25 дек.), как и "Слово" *Киприана*, епископа Карфагенского (ум. в 258) ("Жития святых...". Кн. 4. С. 685).

[11] Рассказ о бабе Соломии восходит к первоевангелию Иакова; включен в "Великие Минеи-Четии" митрополита Макария, в "Слово на Рождество Пресвятыя славныя Владычицы нашея Богородицы..." и в "Слово на Рождество святыя Богородицы..." Епифания (8 сент.), а также в иконописные подлинники (см. "Сводный иконописный подлинник..." С. 224; "Иконописный подлинник новгородской редакции..." С. 57).

В "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" (25 дек.) рассказ о бабе Соломии сопровождается ссылками на поучения Зинона, епископа Веронского (ум. в 380), и "творца канонов" преп. Иосифа Песнописца (ум. в 883) ("Жития святых...". Кн. 4. С. 686).

[12] Шестой Вселенский собор был созван в Константинополе в 680 г., в царствование Константина Погоната, против ереси монофелитов. Ссылка на 6-й Вселенский собор так же, как и приводимая Лесковым цитата, содержится в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых...". Кн. 4. С. 688).

[13] Ссылка на слова *Иринея*, епископа Лионского (ум. в 222),— из "Сказания о поклонении волхвов", помещенного в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых..." Кн. 4. С. 688). Та же цитата без упоминания Иринея сохранилась в "Сводном иконописном подлиннике..." (С. 223).

[14] О необходимости организовать иконописные классы Лесков писал еще в 1873 г. в статье "О русской иконописи": "...чем ходить окольным путем, лучше всего идти прямо к цели и обратиться к самой Академии художеств и Московской художественной школе, которые без всякого затруднения могли бы открыть у себя иконописные отделения" Академия художеств "не только может, но, кажется, и *должна* бы явиться, по зову общества, на помощь религиозной потребности народа" (X, 183, 187).

ДОБАВКИ ПРАЗДНИЧНЫХ ИСТОРИЙ

II.КРЕЩЕНИЕ

Крещенская история дополняется преданиями против канонического рассказа в следующем: Иисус Христос по возвращении своем из Египта, где он скрывался от Ирода, живет в Назарете, "таяще перед человеки Божества Своего силу и премудрость до тридесяти лет" Таится он потому, что "запрещалось в Ветхом завете всякому до тридесять лет сан учительский или священнический содержать. *Того ради* и Христос до толиких лет не начинаша своего проповедания"[1]. Когда же Христу исполнилось 30 лет, тогда "бысть глагол Божий к Иоанну пророку", чтобы он шел в пустыню крестить. Глагол этот, "якоже сам креститель сказует: той (т.е. "глагол") рече мне: над него же узриши Дух сходящ и пребывающ на нем, той есть крестяй Духом святым"[2]. К Иоанну пошло креститься множество людей, и все крестились, стоя в воде и там "исповедуя грехи своя". Крещаемые выходили из воды только после того, когда кончалась их исповедь. Пришел креститься и Иисус Христос, которому не в чем было каяться, ибо грехов у Него не было, но Он "прииде ко святому Иоанну да той свидетельствует Духа Святаго сходящаго и глас отеческий услышавше" При крещении простых людей у Иоанна все время было так, что человек входил в воду и — стоя погрузясь по пояс или "по чресла" — приносил раскаянье в своих грехах. Вода тут была нужна не только, чтобы *омыть*, но также и *унести*

прочь прежние грехи. Будучи погружен в воду, человек высказывал свои греховные дела так, чтобы им не было и возврата на землю; а чтобы мимо текущая вода реки в то же самое время, как уста отрыгнули их,— сейчас же омывала совесть и уносила с собою все, что было омыто. Поэтому крещение некоторых людей, приходивших с сильно омраченною и встревоженною совестью, бывало более или менее продолжительно (см. ст. Иоан<н> Злат<оуст> в слове "о Крещении"). Иоанн Креститель "коегождо человека крещающегося *держаща в воде, доколе все грехи исповедует*, и (только) тогда оставляющи его исходити из воды" Сын же Божий по крещении своем *"взыде от воды немедля в воде"*[3]. То есть крещение Его было очень кратко, ибо крестителю не было причины, для чего держать Его в воде: не в чем Ему было исповедываться, а "не имея греха, Он не закосне в воде". Здесь есть большая важность, в которой есть что заметить, но чего обыкновенно не замечают: ни "Духа в виде голубине", ни "глагола" еще нет, но Иоанн уже убеждается, что имеет дело с человеком такой чистоты, что его исповедывать нечего. «И сего ради являет Евангелие: яко "*изыде абие из воды*"»[4]. Вот почему на иконах древнего письма Христос так и изображается едва вошедшим в воду и стоящим в реке мелко и близко к берегу. Погружение фигуры Христа по пояс или "до чресл" встречается очень редко и то в произведениях новейших мастеров. Кто видел знаменитую картину Иванова "Явление Христа народу", тому, вероятно, не трудно будет привести себе на память фигуру еврея, который дрожит в воде и приготовляется из нее выйти. Это, без сомнения, один из тех многосторонних грешников, "их же Креститель держащи в воде, доколе все грехи исповедует" Покойный Иванов много перечитал о том, что касалось изображаемого им события, и не манкировал такими апокрифами, которые могли выяснить бытовую сторону его художественной программы или задачи.

Исхождение Духа св. в виде голубя изображается в ниспадающих лучах света, которые иногда окрашиваются огненным тоном, как бы молниеносным. И это тоже верно преданию, в котором передается, что "исходящу же Господу от Иордана отверзошася небеса, *свету молниеобразну свыше воссиявшу,* и Дух Святый сниде в виде голубине"[5].

Раньше многие недоумевали и теперь недоумевают: почему Дух св. или третие лицо, третья ипостась Божества, показал себя Крестителю и всем находившимся при нем людям "в виде голубине"! Предание объясняет и это: "Дух святый сниде в виде голубине, яко же во дни Ноевы голубица возвести умаление потопных вод". Так же или "сице голубино подобие назнаменова престатие потопа греховнаго"[6].

Вот объяснение "голубя", спускающегося в световых лучах с неба.

Николай Лесков

Статья опубликована 6 января 1895 г.

[1] "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (6 янв.) ("Жития святых... Кн. 5. М., 1905. С. 208.— см. примеч. 9 к предыдущей статье).

[2] *Иоанн*, 1: 33.

[3] Возможно, Лесков имеет в виду "Поучение на Крещение Господа нашего Иисуса Христа от Евангелия", приписываемое Иоанну Златоусту: "Каждого от крещающихся погружает креститель до выя, сдержаще его, дондеже вся грехи своя исповесть, и тогда оставляя и, схождаше от воды. Христос же, не имея греха, не закосне в воде" ("Великие Минеи-Четии" митрополита Макария, 6 янв.). Приводимые Лесковым цитаты есть и в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" (6 янв.), где они сопровождаются ссылкой на следующее рассуждение Иоанна Златоуста: "возраст тридцатилетнего <...> удобопреклонен ко всякому греху. Ибо возраст юношеский подвержен огню плотских страстей, при тридцатилетнем же возрасте <...> человек подчиняется златолюбию, тщеславию, ярости, гневу и всяким грехам" ("Жития святых..." Кн. 5. С. 210).

[4] *Матфей*, 3: 16.

[5] "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (6 янв. "Жития святых... Кн. 5. С. 210).

6 "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (6 янв. Там же). В "Поучении на крещение Господа нашего..." (см. примеч. 3) говорится: "Сеи бо голубицы образ бяше она голубица, яже Ноеви о потоплении разрешение благовестивши: яко бо тогда потопление бяше водами, тако ныне потопление другое от грехов" ("Великие Минеи-Четии" митрополита Макария, 6 янв.).

ДОБАВКИ ПРАЗДНИЧНЫХ ИСТОРИЙ

III. СРЕТЕНИЕ

К краткому евангелическому сказанию о принесении младенца Иисуса во храм и о встрече его здесь старцем Симеоном и пророчицею Анною апокрифические записи древних преданий прибавляют довольно много. В разных записях, составленных по сведениям, заимствованным у разных лиц, а более всего у св. Григория Нисского, Кирилла Александрийского и Андрея Критского, а также в книге "Новое небо"[1], читаем: "По рождестве Господа Бога нашего, четыредесяти днем прошедшим, и времени очищения законнаго исполнившемуся" св. Дева с Иосифом, "нося четыредесятодневнаго младенца прииде исполнити закон с законодавцем: прииде очиститеся, аще и не требоваша очищения"[2]. После этого обильно и пространно излагаются тогдашние богословские рассуждения о девстве матери, которую "пройде Христос Бог, яко луча солнечная кристал проходит, не сокрушая кристала, но паче его просвещая"[3]. При послеродовом очищении своем в храме еврейские женщины должны были принести жертву, и эти жертвы были различны по свой ценности, что зависело от достатков родильницы. Достаточные родильницы приносили годового ягненка, а бедные две горлицы или пару голубков. "Мария принесе жертву не яко богатая, но яко убогая" И это не потому, что она была бедна и не в состоянии была принесть ягненка, а потому, что она "*нищету любя, а гордыни богатых удаляяся*"[4]. Предание не упускает из памяти, что об эту пору Дева Мария была при достаточных средствах, так как всего за сорок дней перед этим у нее в Вифлееме были с поклоном "волхвы" и принесли ей дары, состоявшие из золота и других драгоценных вещей. Предание знает подробности, что с этими дарами сделано. "От злата, царьми принесенного, Мария *не много взя, и то нищим и убогим раздаде*, (и только) мало нечто удержавше на путь в Египет"[5].

Купив двух голубков и «святого своего младенца на руках держаще, преклони святые свои колени пред Господом, вещающи: "Се, о Превечный Отче, есть Сын твой: се первенец мой, а твой первейший. Прийми Твоего от меня сына, его же Тебе приношу, да того плотию и кровию, от меня приятою, искупишь род человеческий"»[6].

Это возношение Богу Дева Мария делала, "стоя пред дверьми храма, на месте нечистых жен, не возвышаясь своею чистотою и не гнушаясь нечистыми и грешными"[7]. Это значит, что она себя не отделяла от обыкновенных рожениц, которые пришли в один с нею день за молитвою, а стала с ними вровнях. Но пророк Захария, как человек прозорливый, провидел, что ей не место стоять здесь в одном ряду с обыкновенными родильницами, и "постави ю не на месте жен, но на месте девиц, где женам, имеющим мужа, стоять не подобало"[8]. Это была такая необычайность, которую тотчас же заметили книжники и фарисеи, и сейчас же затеяли из-за этого спор с Захариею. "Пророк им противуста, извествующи, яко та Мария и по рождестве есть дева"[9], но слово это показалось невразумительно и невероятно, и несогласие продолжалось, но доказательства стали скоро собираться одно к другому.

Тут же вошел в храм Симеон, "древний старец", и увидел "свет Божий", окружающий Пресвятую, и познав духом, яко той есть Мессия, и "со страхом пад поклонися" Потом далее все излагается как в Евангелии. Симеон берет

младенца на руки и произносит известные слова: "Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко!". Затем говорит Анна пророчица, и она "много вещала о младенце" Но свидетельство Симеона было особенно сильно, потому что Златоуст и Георгий Кедрин[10] замечают, что этот св. Симеон не был какой-нибудь обыкновенный "древний старец" из каких-нибудь простых и незнатных людей, а "он был один из семидесяти толковников", которые перевели Ветхий Завет с еврейского языка на греческий, и с ним во время этого перевода был чудесный случай, который открыл ему то, что было от всех прочих сокрыто. Происшествие это передается так: «Егда Симеон, переводящи св. Исаи словеса: "Се дева во чреве зачнет и родит сына" — усумнився, не поверив сему, то явися ему ангел и рек: веруй написанному сему: сам узриши: не имаши бо видети смерти, прежде даже не узриши имущаго родитися от чистыя девы Христа Господня»[11]. Вот тут св. Симеон как увидел свет, то обо всем этом и припомнил, и повел восторженное слово, а услышавшие это книжники и фарисеи, "распыхающеся сердцами своими", стали гневаться и на Симеона, и на Анну, и на пророка Захарию, и, собравшись, все побежали сейчас к царю Ироду жаловаться и "рассказали царю все содеянное во храме" И вот когда вышло такое столкновение, в это-то время "св. Дева с младенцем, в сопровождении Иосифа, и отправились с поспешением в Египет удаляяся"[12].

Ни в одном из четырех канонических Евангелий нет никакого упоминания об этом апокрифическом и, очень может быть, недостоверном, но любопытном и характерном столкновении в храме между книжниками и фарисеями, с одной стороны, и свидетелями, стоявшими за божественность младенца, с другой. О бегстве в Египет в Евангелиях сообщается как о событии, которое следует почти непосредственно после поклонения волхвов, а причиною тому указывается сновидение Иосифа, которому ангел велел взять Марию и отроча и бежать в Египет. В апокрифических же рассказах побег приурочивается именно к неприятному столкновению при "сретении во храме", после чего фарисеи довели обо всем до царя, "искавшего души младенца", и опасность, разумеется, сразу стала ужасною: кого Ирод искал, на того ему и указали, что он тут, в его власти. По преданиям, побег был ускорен именно этим острым обстоятельством, о коем записчик предания и объясняет, что "надо было удаляться с поспешением, ибо Господь учит нас *давать место гневу*, сие есть *бежать* от человеческия ярости"[13].

К этому присоединялась еще и другая нужда: надо было "освятить Египет и упразднить идолы"[14]. Вот почему на "полных иконах" "сретение" изображается при многоличном составе людей, и затем следуют изображения еще более сложные и интересные, для которых программы изложены в книге "Новое небо", которая составлена известным борцом за православие архимандритом и ректором Киевской дух<овной> академии о. Иоаникием Голятовским[1*].

Эта очень любопытная и редко ныне встречаемая книга Иоаникия Голятовского много сообщает о том, как Иосиф и св. Дева с младенцем путешествовали в Египет. Народ, особенно южнорусский простой народ, чрезвычайно любил это повествование, и оно с разными изменениями хранится в памяти народной.

Во-первых, тут есть рассказ о встрече с разбойниками[16],— что детям и простолюдинам кажется чрезвычайно интересно: "Шествующим им (то есть Марии и Иосифу) к Египту негде в пустых местах приближася к ним разбойники, и один из разбойников, "увидя отроча прекрасное, рек: Аще бы Бог прия на себя тело человеческое, не был бы краснейший паче сего отрочати".—

[1*] См. "Словарь писателей духовн<ого> чина" митрополита Евгения Болховитинова, т. I стр. 228–232 (*примеч. Лескова*)[15]

“То изрек, воспретив прочим разбойникам да не приближатся. Тогда пречистая Дева рекла к разбойнику: Виждь убо яко отроча воздаст тебе воздаянием благостным, понеже сохранив его” Это и был тот самый разбойник, которого в иконописи и в некоторых песнопениях именуют “благоразумным” Напр<имер>, “Разбойника благоразумного в рай” и т.д.[17].

Его писали и на особых иконах с тем же отитлением “Благоразумный разбойник” В изысканиях г. Дубасова о погибшей тамбовской старине видно, что там почему-то было очень много икон этого “благоразумного разбойника”[18]. Пишут его и теперь и кроме звания “Бл<агоразумный> разбойник” знаменуют ему и имя “Рах” или “Ст. Рах”, то есть “святый Рах разбойник”, а по невежеству “знаменщиков” случается, что сбивают “во одно” и читают “Благоразумный Страх-разбойник” Ему в шайке Тришки-разбойника (см. “Исторический вестник”) молились о силе и смелости, да и теперь, пожалуй, где-нибудь молятся[19]. “Деяния” же его сказуются такие, что после того, как он показал свое первое благоразумие, он опять еще продолжал разбойничать тридцать три года, пока Христос совершил все свое служение на земле, и тогда “Рах” попался римским властям и был присужден к смертной казни через повешение на кресте. Его казнили вместе с Христом, и тут, вися с правой руки у Спасителя, он, по свидетельству св. Луки (гл. 23, ст. 40—43) во второй раз повел себя “благоразумно” в том отношении, что стал заступаться за Христа, и получил от Него утешение: “Днесь будешь со мной в раю”.— “Тако (говорит “Новое небо”) исполнися пророчество Божия Матери” И эта встреча с разбойником тоже изображается на иконах.

А как ни один из трех других евангелистов, т.е. ни Матфей, ни Марк, ни Иоанн об этом втором “благоразумии” Раха не упоминают, а Матфей и Марк даже говорят, что “*оба* распятые с ним поносили его” (Мф. 27, Марк 15), то Раха называют также “правый разбойник по Луке” или “лукин разбойник”[1*].

Затем, расставшись с благоразумным разбойником, путники прибыли в Египет и являются “близ града Ермополя”, где, рассказывают, было очень большое дерево, “нарицаемое Перса”, в котором “жили бесы”, а египетские люди поклонялись этому дереву, боясь живущих в нем бесов. Когда же случилось, что пресв<ятая> Дева с младенцем приблизились к этому дереву, то бесы почувствовали, что их время прошло, и они задрожали, а от этого и “древо сотрясеся и дух темный устрашися бежаще” А тогда древо, освободившись от бесов, “преклони верх свой даже до земли и сотвори сень многолиственным ветвием своим, еже бы отпочить святейшим странником. И бысть то древо тако стояще всегда” Оттого же, что путники отдохнули под этим деревом, оно “прия целебную силу, ибо *всякие* болезни листвием своим исцеляющи”[21]. Польза, им приносимая людям, была безмерна, но всеисцеляющее древо простояло только “до времени Юлиана Отступника”, которого обвиняли в уничтожении разных христианских памятников, в числе коих, как ныне основательно доказано, перечисляли много и таких, которых в действительности совсем никогда не было.

В том же “Новом небе” и у Георг<ия> Кедрина есть сказание еще об одном чуде, которое совершилось в деревушке, называвшейся “Сирен”, тут же, “близ Ермополя” Когда путники вошли в эту деревню, то вдруг “упали все идолы”, и потом оказалось, что то же самое произошло и повсеместно во всем Египте[22]. Это же упоминается и в акафисте, который читается в церквах: “идоли бо,

---

1* “*Правый* разбойник” в известной картине покойного профессора Ге писан им по синоптикам Матфею и Марку, а не по Луке, что не мешало бы знать литературным критикам, писавшим об этой картине без понятия о том, что она должна изображать (*примеч. Лескова*)[20].

Спасе наш, нетерпяще твоея крепости, падоша"[23].— «Во всем Египте всякие идолы "падали и сокрушались"».

Иконописцы пишут идолов золотых и серебряных, а также и "синих и красных" (по подлиннику "лазорь и багор"). И все это о падении идолов дошло до "царя жрецов" Птоломея, который все хотел знать о вере, и обратил внимание на то, откуда у египтян завелся "обычай изображать деву, почивающую на одре, а близ ея младенца в яслях"? Птоломей расспрашивал у жрецов египетских: "что это за изображение", а те ему отвечали: "Это тайна — древнейшим отцам нашим от пророка возвещенная, и ждем того события тайн"[24]. Наконец они и дождались этого "события": идолы их сокрушились: но чудеса, предлежащие к изображению искусством изографов, еще не вполне кончены.

Когда путники пошли искать себе места далее Ермополя и пришли в деревню Натарея, между Илиополисом и Мемфисом, то св. Иосиф "ушел ради некоей потребы", а Марию с младенцем оставил под смоковичным деревом, и тогда это дерево тоже сейчас же склонило над ними свои ветви и сделало над ними "сень"; а самый ствол его "при корени раздвоился" и "сотвори расщелину, аки обиталище к пребыванию"[25].— "Место это (уверяет ученый архимандрит Голятовский) и доныне в великом почтении, не токмо от христиан, но и от сарацин, иже всегда устрояют светильник елея в расщелине древа горящи".— И вот почему иногда пишется: святое семейство "в дупле"

Все эти довольно многочисленные добавки различным путем дошедшего древнего предания изографское искусство старалось собрать и сохранить, и доныне его содержит и не отметает ничего, несмотря на "жестокую критику Феофана" (Прокоповича)[26] "и других", которых староверские "остромыслы" ядовито именуют "новыми богословами", которые "даже всех праздников вполне наизусть не знают"

Николай Лесков

Статья опубликована 2 февраля 1895 г.

[1] "Небо новое с новыми звездами сотворенное" — сборник апокрифических легенд о Богоматери, составленный архимандритом Иоанникием Голятовским (ум. в 1688), автором многочисленных богословских сочинений, в том числе и "Ключа разумения", не раз упоминавшегося Лесковым в письмах и публицистике. "Небо новое..." издавалось в 1665 и 1666 гг. во Львове, в 1699 г. в Могилеве. На русский язык сборник переводился в 1677 г. дьяконом Феофаном и в 1851 г. Александрою Плохово.

[2] "Сказание о сретении Господнем", помещенное в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" (2 февр.) ("Жития святых...". Кн. 6. М., 1905. С. 23).

[3] "Богословские рассуждения о девстве" так же, как и приводимая Лесковым цитата, содержатся в "Сказании о сретении Господнем" в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых...". Кн. 6. С. 23–24).

Этот образ встречается также в "Небе новом..." в главе "Чудеса пресвятой Богородицы под час рождества Христова" (чудо 4-е): "яко свет солнечный чрез шкло проходит, не нарушаючи шкла" ("Небо новое...". Могилев, 1699).

[4] "Сказание о сретении..." в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых...". Кн. 6. С. 24).

[5] Там же.

[6] Там же. С. 25..

[7] Там же. С. 24.

[8] Там же. С. 25.

[9] Весь эпизод столкновения Захарии с книжниками и фарисеями из-за Девы Марии так же, как и приводимые Лесковым цитаты, содержится в "Сказании о сретении..." в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" (Там же. С. 25).

[10] "Сей Богоприимец Симеон, сый Иудеянин, был един из тех седмидесяти толковников, которые Ветхий завет, на еврейском языке составленный, переложили на греческий при египетском царе Птоломее Филадельфе" (*Георгий Кедрин.* Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до половины XV столетия" Ч. 1. История Нового завета. М., 1802. С. 9). При этом Георгий Кедрин ссылается на творение Иоанна Златоуста "Толкование на книгу Бытия"

[11] Сходная цитата есть и в "Небе новом..." и у Георгия Кедрина.

[12] "Сказание о сретении... в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых...". Кн. 6. С. 28). Рассказ о бегстве в Египет после столкновения с фарисеями в храме присутствует и в "Сказании о бегстве Пречистыя Девы Богородицы с Богомладенцем в Египет", помещенном в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" 26 дек. (Там же. Кн. 4. С. 716, 719).

[13] Цитата из "Сказания о бегстве в Египет..." (Там же. С. 719). В "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" выделенные Лесковым слова приписываются Иоанну Златоусту.

[14] Там же. С. 720.

[15] Точное название: "Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви". Т. 1, 2. СПб., 1827 (издание 2-е, испр. и умноженное. 1-е издание вышло в 1811 г.). Очевидно, Лесков пользовался 2-м изданием, так как словарная статья о Иоанникии Голятовском помещена на указанных им стр. 228–232 во 2-м издании.

[16] "Небо новое...", гл. "Чудеса пресвятой Богородицы, отходящей в Египет" (чудо 5-е). Рассказ о встрече с разбойниками восходит к апокрифическому евангелию псевдоматфея и входит в "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" (26 дек.).

[17] Тропарь, читаемый на утрени после канона в Великую пятницу Страстной недели: "Разбойника благоразумнаго, во едином часе раеви сподобил еси, Господи: и мене древом крестным просвети и спаси мя".

[18] Этой иконе Лесков посвятил статьи "Христос-младенец и благоразумный разбойник" (Газета Гатцука. 1884. 12 мая) и "Благоразумный разбойник" (Художественный журнал. 1883. № 3).

[19] В "Историческом вестнике" на протяжении 1880-х годов печатались разыскания И.И.Дубасова о тамбовской старине, как например, статья "Тамбовский край в конце XVIII и начале XIX столетия" (*ИВ*. 1884. №№ 8, 9, 10). В статьях И.И.Дубасова отсутствуют указания на "шайку Тришки-разбойника", но они есть в статьях Лескова "Бродяги духовного чина" (Новости и Биржевая газета. 1882. 11, 20 и 26 мая) и "Благоразумный разбойник" (опубликовано: *Лесков о литературе и искусстве*).

[20] Речь идет о картине Н.Н.Ге "Распятие" (1894). См. о ней в наст. томе письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 3 июля 1894 г. По свидетельству Л.И.Веселитской, "Лесков был очень занят этой картиной, приобрел много снимков с нее и рассылал их всем своим знакомым" (*Веселитская*. С. 64). В письме к Веселитской от 6 апреля 1894 г. Лесков писал: "У меня был Протопопов (критик), которому я подарил фотографию картины Ге, и он через день прислал мне любопытное письмо <...> Протопопов принимает картину за верное изображение по Матвею (27, 14) и Марку (15, 32), у которых сказано, что оба разбойника поносили его, а не по Луке, который сам дела не видал и правдоподобием не стеснялся. Оба поносят, и он умирает, буквально оставленный всеми <...> Мне кажется, что это суждение верно" (Там же. С. 200). Комментируя это письмо, Веселитская добавляет: «Так думал и писал Протопопов, но сам Лесков не хотел отказываться от художественного образа "покаявшегося" разбойника и очень интересовался тем, которого именно разбойника изобразил Ге. Лев Николавич для своего Евангелия тоже взял версию Луки» (Там же. С. 65).

[21] Этот эпизод полностью приведен в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" в "Сказании о бегстве в Египет..." ("Жития святых..." Кн. 4. С. 721), а также в "Небе новом..." (чудо 7-е и 8-е). Все подробности о путешествии Богородицы с младенцем Иисусом в Египет и о пребывании их там заимствованы из апокрифических евангелий, преимущественно из "Евангелия детства Спасителя" и апокрифического сочинения "История рождения Марии и детства Спасителя".

[22] "Небо новое..." (чудо 4-е), а также — "Сказание о бегстве в Египет..." в "Четиях-Минеях св. Димитрия Ростовского" ("Жития святых..." Кн. 4. С. 721). Падение идолов — частый мотив в житийной литературе, заимствованный из известного апокрифического сказания Афродитиана (опубликовано: *Порфирьев И.Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890).

[23] Икос 6-й акафиста Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу.

[24] Этот эпизод, как и приводимые Лесковым цитаты, включен в "Четии-Минеи св. Димитрия Ростовского" в "Сказание о бегстве в Египет..." ("Жития святых...". Кн. 4. С. 722) и восходит к апокрифическому сказанию Афродитиана.

[25] Эпизод и приводимые Лесковым цитаты — в "Сказании о бегстве в Египет..." ("Жития святых...". Кн. 4. С. 722), а также включен в "Небо новое...", гл. "Чудеса пресвятой Богородицы, отходящей в Египет" (чудо 2-е).

[26] Феофан *Прокопович* (1681–1736) в "Слове в день св. Александра Невского", произнесенном в 1728 г., говорил: "Пастырь ли духовный еси? <...> испраздняй суеверие, отметай бабия басни" (цит. по кн.: *Морозов П.О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 217). В "Духовном регламенте" Феофана указывается на обязанность духовных комиссий "смотреть *истории святых*, не суть ли некия от них ложно вымышленныя, сказующия, чего не было, или и христианскому православному учению противныя, или бездельныя и смеху достойныя повести... Духовному правительству не подобает вымыслов таковых терпеть" (цит. по: *Морозов П.О.* Ук. соч. С. 232).

“ТЕЗКИ” И “ПИСАТЕЛЬСКАЯ КАБАЛА” — СТАТЬИ ИЗ ГАЗЕТЫ “РУССКАЯ ЖИЗНЬ”

Вступительная статья, публикация и комментарии
Л.Г.Чудновой

Литераторы, входившие в ближайшее окружение Лескова в начале 1890-х годов, говорили о нем как о человеке, “никогда не знавшем душевного или умственного успокоения”, вспоминали о его необычайно живом интересе к “злобе дня”, умении дать острые оценки событиям общественной жизни[1]. Таким он был не только в кругу друзей и знакомых, но и на литературном поприще.

Предлагаемые ниже статьи долгое время не привлекали внимания исследователей, хотя и были напечатаны в газете “Русская жизнь”, где Лесков довольно активно сотрудничал в 1893—1894 гг. За его подписью здесь регулярно появлялись статьи и заметки, обнаруженные в свое время С.П.Шестериковым, Б.М.Эйхенбаумом, А.Н.Лесковым[2]. У писателя установились дружеские отношения со многими сотрудниками газеты, (в частности, с А.М.Хирьяковым и А.И.Фаресовым), ее редактор А.А.Пороховщиков высоко ценил Лескова, который, в свою очередь, симпатизировал “Русской жизни”, ее общественной ориентации[3].

Критика правительственных кругов, экономического положения страны, бесправия низов, произвола власть имущих — все это импонировало Лескову, укрепляло в нем желание помочь оппозиционному органу печати. Об этом он писал А.И.Фаресову в ответ на его замечания в адрес “Русской жизни”: “Я всегда с твердой основательностью посоветую молодому человеку читать это издание, не дающее у себя места пошлости. Издания такого духа надо поддерживать и их не конфузить: их мало, и они делают хорошую службу”[4]. Есть основания полагать, что его поддержка выразилась в публикации не только уже известных статей.

Архив “Русской жизни” не сохранился, поэтому атрибуцию анонимных статей приходится обосновывать косвенными признаками.

Рассматривая бесподписную заметку “Тезки” (1894), нельзя не обратить внимания, что она появилась в разгар полемики, касавшейся самого Лескова. В мартовском номере “Исторического вестника” за 1894 г. появился рассказ начинающего писателя Н.Ф.Лескова “Умер натуральной смертью” Напечатав полную авторскую подпись литератора-новичка, редакция в известной мере вводила в заблуждение своих читателей, привыкших встречать в журнале имя его постоянного сотрудника — Н.С.Лескова. Именно как бестактность по отношению к известному писателю и был воспринят этот факт, сразу вызвавший газетные отклики. Так, “Неделя” указывала на недопустимость смешения “совершенно неизвестной в литературе личности” с писателем признанным, она обвиняла “Исторические вестник” в мистификации, отмечая, что такие явления не единичны[5].

Редактор “Исторического вестника” С.Н.Шубинский прислал в “Неделю” свои объяснения. Они не были напечатаны в еженедельнике, но послужили основой для второго выступления “Недели” по данному поводу (27 марта), в котором обильно цитировалось письмо Шубинского, однако категорически отвергались его оправдания.

Выступление “Недели” было поддержано “Русской жизнью”: помещенная здесь 29 марта заметка под рубрикой “Отголоски”, за подписью “Дужан”, принадлежала А.М.Хирьякову, который также горячо защищал имя Лескова и делал вывод, что “фальсификация проникает во все области жизни”[6].

В тот же день в “Новостях дня” появилась статья “Литературные тезки”, за подписью “XV” (псевдоним Б.И.Бентовина). В ней высказывалось отрицательное отношение к затеянной полемике: «Манера письма “известного” Н.С.Лескова настолько своеобразна, стиль его настолько колоритен, что тут без всяких даже подписей интеллигентный читатель может узнать».

30 марта эта газета поместила анонимную заметку “Еще о литературных тезках” в поддержку начинающего автора.

31 марта в “Новом времени” появилось “Письмо в редакцию” Шубинского, в котором цитировалась его переписка с Лесковым относительно публикации рассказов его “двойника” и подписи под ними. Указав, что писатель не протестовал против появления имени нового Лескова на страницах “Исторического вестника”, автор письма завершал его грубой репликой в адрес журналистов вышеназванных газет: “Ради чего же всполошились все эти литературные лицемеры и их прихвостни?”[7]

На это выступление “Нового времени” последовал быстрый ответ: 1 апреля в “Русской жизни” (рубрика “Отголоски”) в защиту Лескова выступил Ф.В.Трозинер (за подписью “Мечтатель”), 3 и 17 апреля “Неделя” вновь поддержала “Русскую жизнь”, подчеркивая, что литературные двойники во все времена имели что-нибудь “в отличку” друг от друга и только Шубинский мог допустить такую бестактность по отношению к уже известному имени (рубрика “Разные разности”).

Таким образом, полемика приобрела довольно широкий резонанс. В нее включились, кроме указанных изданий, “Русские ведомости”, “Волжский вестник” и другие газеты.

В этом контексте заметка “Тезки” выделяется прежде всего своим широким взглядом на факты. Язвительные выпады против Шубинского и Н.Ф.Лескова соседствуют с размышлениями об упадке нравов в литературной среде — таком упадке, при котором литераторы “поравнялись” с плутоватыми купцами, молодые писатели не имеют высоких помыслов и, подталкиваемые тщеславием, мелочными интересами, стремятся печататься под любой “вывеской”. Эти мысли вызывают в памяти точно такие же суждения Лескова, разбросанные в его статьях, письмах, беседах последнего периода творчества[8].

Однако возникает сомнение, мог ли Лесков, в течение многих лет сотрудничавший в “Историческом вестнике”, решиться на публичный выпад против Шубинского? Чтобы ответить на вопрос, обратимся к переписке Лескова. Еще в феврале 1893 г. он получил от Шубинского сообщение о поступившей в редакцию рукописи неизвестного автора с подписью “Николай Лесков”. Писатель выразил недоумение и предположил, что какой-то шутник решил “устроить какое-нибудь qui pro quo”[9]. Очерк нового автора “Две репины. (Страничка из путешествия по нашему Северу)” был напечатан в июньском номере “Исторического вестника” с подписью “Н.Ф.Л-ков”. Однако вскоре речь зашла и о его новом произведении — рассказе “Умер натуральной смертью” Шубинский вновь обратился к Лескову, выражая намерение подписать рассказ полной фамилией автора. Поставленный явно в двусмысленное положение, Лесков старается скрыть свое неудовольствие, иронизируя в ответном письме по поводу притязаний своего однофамильца: «Отчего бы ему не обратиться в “Новое слово”? Там его имя сейчас же получит известность, как уже получили известность Пыпин и др.»[10]. Из последующих строк письма вполне очевидно, что вся эта ситуация была ему неприятна, но Шубинский не понял или не захотел этого понять и выпустил двойника Лескова на всеобщее обозрение.

После появления одной из реплик “Недели” в адрес редактора “Исторического вестника” Лесков писал М.О.Меньшикову: “Усердно Вас благодарю, Михаил Осипович, что обороняете меня от озорства Шубинского. Сказанное сегодня очень хорошо и вполне довлеет злобе его...” Тут же Лесков объяснял, почему ему особенно неприятен поступок Шубинского: “...семинарист (имелся в виду Н.Ф.Лесков.— *Л.Ч.*), руководимый этим генералом интендантского ведомства (Шубинским.— *Л.Ч.*), может написать что-нибудь в духе, противном тому, что я почитаю за благо” (XI, 580)[11]. В этих условиях Лесков мог написать фельетон, касавшийся уже не только конкретной досадной истории, но и литературных нравов вообще. Естественно, что заметка могла появиться только анонимно.

Примечательно, что Шубинский, настойчиво доказывавший свою правоту, в итоге давал подпись молодого писателя именно в том духе, как рекомендовалось в “Тезках”:

"Н.Ф.Лесков-Карельский". Возможно, он знал или догадывался о том, кто был автором заметки "Тезки", и в целях примирения пошел на компромисс.

Вторая из обнаруженных нами в "Русской жизни" статей — "Писательская кабала" (1894; напечатана под псевдонимом "Наш Покой") — является откликом на выход в свет подорожавших книжек "Доступной библиотеки" И.И.Глазунова и затрагивает серьезные общественные проблемы, характер и интерпретация которых традиционны для творчества Лескова. Положение русского литератора, пути и средства создания народной книги, ее распространения, проблемы книгоиздательства занимали писателя постоянно. Рассматривая во многих своих работах эти вопросы, он решительно отвергал изделия "толкучего рынка", фальшивые подделки под простонародность и верноподданническую "заказную" писанину[12]. В статьях 1880-х годов "Еруcланов конь спотыкается" и "Граф Лев Толстой в заботах о народе" высказана его излюбленная мысль о том, что заботу о "духовной пище" для народа должны взять в свои руки настоящие, талантливые литераторы, чтобы при помощи истинно художественных книг "очистить вкус народа и облагородить его понятия"[13].

Но, говоря об этом, писатель был далек от прекраснодушных мечтаний. Он хорошо знал, что произведения "настоящих литераторов" закуплены воротилами книжного рынка и их дороговизна является барьером на пути к читателю. "Глазуновы или Вольфы печатают только для гостиных и будуаров",— подчеркивал Лесков и предлагал настоящему писателю снести свою "повесть" для народа не к Глазунову или Вольфу, а к издателям лубочной народной литературы, которые сделали бы дешевую книгу, "и пошла бы она в коробах офеней гулять по России, разнося светлую мысль, правдивую историю, добрые факты, хорошие подвиги"[14]. Вот почему Лесков поддержал фирму "Посредник" — она была в известной мере осуществлением его желаний.

Автор "Писательской кабалы" озабочен также тем, чтобы сокровища большой русской литературы стали достоянием читателя-бедняка. Именно мысль об этом читателе побуждает его к резкой оценке поступка Глазунова, к протесту против монополии крупных книгоиздателей, сосредоточивших в своих руках литературные права умерших и живых писателей. Это монопольное владение рассматривается им как важнейшая преграда, закрывающая малоимущим доступ к лучшим книгам. Особое зло, по его мнению, представляет закон о сохранении издателем прав литературной собственности в течение пятидесяти лет со дня смерти автора. Такой закон является по сути настоящим глумлением над интересами как отдельного читателя, так и всего общества, которое лишено возможности познакомиться с творческим наследием своих величайших художников слова. Отчетливым пониманием того, что национальные богатства оказались в руках "людей наживы" и остаются за семью печатями для широких слоев, продиктован пафос обличения в статье "Писательская кабала".

Волнует автора и тяжелое положение "братьев-писателей", эксплуатируемых книгопродавцами. Поэтому его внимание сосредоточивается на неприглядных фактах издательской деятельности — таких, как "затея" Глазунова с повышением цен на свою продукцию, рассказ о жульнической проделке редактора журнала "Родина" А.А.Каспари. В этой связи дано изложение диалога между "одним писателем" и издательницей детского журнала (возможно, А.Н.Толиверовой-Пешковой, близкой знакомой Лескова). Характеризуя дельцов книжного рынка, держащих в кабале литераторов, автор статьи не скупится и на резкие определения: "торгаши", "люди наживы и спекуляции", "невежественная бездарность", "спекулянты", "аферисты"

Если обратиться к многочисленным лесковским суждениям об издателях и их взаимоотношениях с писателями, то мы увидим явную перекличку с позицией автора атрибутируемой статьи: "...Вы, конечно, знаете существующие у нас разбойничьи отношения книгопродавца к автору <...>",— с горечью писал Лесков в 1874 г. И.С.Аксакову, объясняя причину своих материальных затруднений (X, 364). В письмах разных лет он вновь и вновь возвращался к этой теме, называя издателей "торгашами", "книжниками-кулаками", "пройдохами", "литературными маклаками" и т.п. Его саркастическое изречение "Издатель всегда... издатель" стало афоризмом, известным в литературных кругах[15]. Его голос в защиту обобранных, полунищих литераторов звучал громко и часто. В статьях "О юбилейном посилье", "О литераторских калеках и сиротах", "Больной и неимущий писатель" обнажались факты нищенского существования литературных поденщиков и их семей, зачастую лишенных куска хлеба. Сетуя на иго "всеподавляющего журнализма", на постоянную нужду, в одном из писем он вспоминал те же

некрасовские слова, что взяты эпиграфом к статье "Писательская кабала": "...что это за доля такая,— поистине какая-то роковая и неодолимая" (X, 439).

Мысль об антагонизме, враждебности интересов автора и издателя, о том, что писатели "эксплуатируются, закабаливаются, прижимаются" (как говорится в статье "Писательская кабала") всегда разделялась Лесковым.

Кроме того, он был одним из знатоков книжного дела в России — на его глазах были основаны известные издательские фирмы Петербурга, заключались литературные контракты. Он сам нередко участвовал в типографских работах и знал печатное производство, поэтому неоднократно высказывал свои суждения не только по содержанию, но и по оформлению книг. Таким предстает и автор "Писательской кабалы", размышляющий об издательских правах, хорошо осведомленный в деле подготовки различного типа книг и собраний сочинений.

Для решения вопроса об атрибуции статьи немаловажным является то обстоятельство, что "Русская жизнь" ранее уже выступала с оценкой "Доступной библиотеки" Глазунова, приветствуя инициативу издателя[16]. Если в газете появилась статья, противоречащая предыдущим выступлениям, то автор ее, в глазах редакции, был, по-видимому, лицом весьма авторитетным.

Однако, чтобы исключить возможность авторства со стороны других сотрудников газеты, необходимо обратить внимание на выступления П.В.Засодимского на страницах "Русской жизни". Будучи уже хорошо известным в литературных кругах, он тоже мог со знанием дела писать о книгоиздательских проблемах. Рассмотрим одну из примечательных статей Засодимского в этой газете.

9 и 16 февраля 1894 г. в "Русской жизни" появилась большая статья Засодимского "Своекорыстие под маской доброжелательности и справедливости" Наряду с другими вопросами, писатель рассматривал и те, что обсуждаются в "Писательской кабале": монополия издательского дела в России, узаконение издательских прав на пятидесятилетний срок, проблема удовлетворения читательского спроса. Как и автор атрибутируемой статьи, Засодимский категорически высказывался за уничтожение закона о пятидесятилетнем владении, за развитие свободной конкуренции на книжном рынке. Однако этим точки соприкосновения обеих статей ограничиваются. Как говорилось выше, автор "Писательской кабалы" ратовал за свободную конкуренцию и отмену кабальных законов ради читателя-бедняка, который не может "раскошелиться" на собрания сочинений и для которого даже "Доступная библиотека" Глазунова оказывается мнимодоступной. Он возмущен тем, что именно для таких читателей до самого последнего времени оставался под спудом талант Пушкина.

Засодимский, обращаясь к тому же факту раскрепощения пушкинского наследия в 1887 г., писал: "Пока сочинения А.Пушкина составляли монополию одной фирмы, до тех пор русское общество <...> не имело действительно полного, хорошего собрания сочинений Пушкина — такого, например, как издание Литературного фонда под редакцией г. П.О.Морозова". Несомненно, дорогостоящее литфондовское собрание сочинений упоминалось здесь без учета интересов читателя из народа. Озабоченный вопросами улучшения собраний сочинений с точки зрения их полноты и оформления, Засодимский, очевидно, не задумывался над тем, доступны ли такие издания малоимущему читателю.

Как отмечалось выше, Лесков связывал распространение серьезных книг в народе с их дешевизной. "Книги, предназначенные для простого народа,— подчеркивал он,— непременно должны быть очень дешевы"[17]. Высоко ценивший красоту книги, качество ее полиграфического оформления, Лесков настойчиво защищал доступность цен, если речь шла о простом читателе. "Издана пьеса <...> несколько серовато,— извещал он в одной из заметок о выходе в свет "Власти тьмы" Толстого,— но зато по обыкновению очень дешево. За сероватость издания читатель никогда не обижается, а дешевизна книги ему всегда приятна"[18].

Большое место в статье Засодимского занимают рассуждения о литературных правах. В отличие от автора "Писательской кабалы", Засодимский был сторонником отмены авторских прав: "Не об охране прав литературной собственности мы должны хлопотать <...> Пора, напротив, поднять речь об ограничении прав собственности на литературное произведение..." В этом вопросе Засодимский — явный оппонент Лескова, писавшего в 1887 г.: "Все авторы обыкновенно оберегают свое право собственности, и это понятно. Литература — работа, труд..."[19]. Только при справедливом вознагражде-

нии могут возникнуть условия для независимости писателя, для свободного творчества, о котором подспудно ведет речь и автор "Писательской кабалы".

И наконец, следует обратить внимание, что в "Писательской кабале" по-лесковски бьется пульс разговорно-просторечной интонации, создается эффект непосредственного общения с читателем.

Псевдоним "Наш Покой" не удалось обнаружить в каких-либо источниках. Поиски возможного автора, выступавшего под инициалами "Н.П.", не дали сколько-нибудь убедительных результатов[20]. Однако применительно к Лескову такой псевдоним находит следующее объяснение. У писателя было несколько известных псевдонимов, начинающихся с буквы "П": "Проезжий", "Пересветов", "Протозанов", "Псаломщик", "Николай Понукалов". Возможно, Лесков и в данном случае имел в виду один из этих псевдонимов, используя старославянские названия обеих букв.

* * *

Статья "Тезки" была напечатана в "Русской жизни" 23 марта 1894 г., "Писательская кабала" — 20 августа 1894 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Л.Г.*<*Гуревич Л.Я.*> Личные воспоминания о Н.С.Лескове: Из дневника журналиста // Северный вестник. 1895. № 4, отд. 2. С. 66–67. *Слово-Глаголь* <*Гусев С.И.*> Мое знакомство с Н.С.Лесковым // *ИВ.* 1909. № 9. С. 934–935. *Фаресов.* С. 63–65, 285–289, 231.

[2] *Шестериков С.П.* К библиографии сочинений Н.С.Лескова // Изв. отд. рус. яз. и словесности Академии наук СССР. Л., 1926. Т. XXX. С. 290–291; *Эйхенбаум Б.М.* Примечания // Лесков Н.С. Избр. соч. М.–Л., 1931. С. 761–763; *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 504. Сведения о "рассказах кстати" "Прикровенный ответ" и "Невыносимый благодетель" содержатся в бюллетене Гослитмузея: А.Н.Островский. Н.С.Лесков: Рукописи, переписка, документы. М., 1938. С. По сообщению К.П.Богаевской, в неопубликованной летописи жизни Лескова, составленной С.П.Шестериковым, учтена одна из помещенных ниже работ Лескова — заметка "Тезки" Однако, по нашему мнению, помимо учтенных публикаций, Лескову могут принадлежать в "Русской жизни" следующие статьи и заметки: "С жира или с голода дерутся? (Письмо в редакцию)", "К сооружению памятника Тургеневу в Орле", "Письмо в редакцию" от 10 октября 1893 г., "Письмо в редакцию" от 24 октября 1893 г., "О малых сих", "Подписка на народные читальни", "Нет книг для народа", "Куда запропали книги для народа", "Крестьянские рассказы С.Т.Семенова" и, предположительно, другие. За редким исключением, они были опубликованы без подписи. В двух номерах газеты (2 и 3 декабря 1892 г.) впервые были напечатаны главы незаконченной повести Лескова о походе Редеди на Хиву (впоследствии "Подвиг купца Кинарейкина").

[3] "Русская жизнь" — ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Выходила в Петербурге с 9 ноября 1890 г. по 19 января 1895 г. Издатель-редактор Александр Александрович *Пороховщиков* (1834–1917?), бывший думский деятель Москвы, публицист, автор многочисленных книг по самым различным вопросам. Наибольшую известность получила его книга "Самодержавие на святой Руси накануне XX века. Его расхищение, обезличение и восстановление" (СПб., 1895).

Позиция "Русской жизни" вызывала особое внимание к ней К.П.Победоносцева. Он писал Е.М.Феоктистову 11 января 1895 г.: «Время действовать — и для чего не прихлопнуть совсем мерзкую "Русскую жизнь" решением 4 министров!» (*ЛН.* Т. 22/24. С. 555). Через несколько дней газета была запрещена без объявления причин. Это событие осталось в памяти современников как акт грубого произвола (см., например: Русские ведомости. 1863–1913: Сб. ст. М., 1913. С. 35). О сотрудничестве Лескова в газете "Русская жизнь" см. также в наст. томе сообщение А.Д.Романенко "Общественные связи Лескова в 1880–1890-е годы".

[4] *Фаресов.* С. 206.

[5] Неделя. 1894. 20 марта. "Неделя" первая выступила в защиту Лескова, что, возможно, объяснялось дружескими отношениями писателя с М.О.Меньшиковым, одним из ведущих сотрудников газеты.

[6] Русская жизнь. 1894. 29 марта.

[7] Это письмо Шубинский перепечатал с добавлениями в "Историческом вестнике": *Шубинский С.* Маленькое объяснение // *ИВ.* 1894. № 5. С. 590–591.

[8] См., напр.: *Лесков Н.С.* Первенец богемы в России // *ИВ.* 1888. № 6. С. 563–564; *Фаресов.* С. 388–389; *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 252–253.

[9] *Фаресов.* С. 197–198.

[10] Там же. С. 198–199. Андрей Андреевич *Пыпин* — публицист, автор нескольких статей в "Еженедельном обозрении" в 1886–1887 гг., брошюр "Льняной вопрос в Псковской губернии"

(Псков, 1894), "Одна из задач русской интеллигенции" (Псков, 1887). В журнале "Новое слово" (1894. № 2. С. 405–414) появилась его статья "Современное земство" (в конце статьи, но не в оглавлении, стояла подпись "Андрей Пыпин"). Видимо, с учетом полемики вокруг "литературных тезок" в следующих номерах "Нового слова" его статьи печатались с обозначением "Андрей Пыпин", "Ан. Ан. Пыпин" (см., напр., №№ 10, 12 за 1894 г.), чтобы его не смешивали с А.Н.Пыпиным.

[11] На основании этого письма можно предположить, что автором заметок в "Неделе", направленных против Шубинского, был Меньшиков. В последнем выступлении газеты по этому поводу содержится следующее сообщение: "Н.С.Лесков передавал нам лично свое совершенное недоумение по поводу появления лже-Лескова" (Неделя. 1894. 17 апр.).

[12] См., напр., его статьи и рецензии: "Энергическая бестактность" (*ПО.* 1876. № 5. С. 128–149); "Заказная литература" (*ИВ.* 1881. № 10. С. 379–192), "Литературный разновес для народа" (*НВ.* 1881. 30 сент.).

[13] <*Лесков Н.С.*> Граф Лев Толстой в заботах о народе // *ПГ.* 1887. 23 марта; <*Лесков Н.С.*> Еруcланов конь спотыкается // *ПГ.* 1887. 10 марта.

[14] *ПГ.* 1887. 23 марта.

[15] *Величко В.Л.* Владимир Соловьев: Жизнь и творения. СПб., 1903. С. 165; *Блок Александр.* Собр. соч.: В 8 т. М.–Л., 1963. Т. 7. С. 433–434. Представляет чрезвычайный интерес то обстоятельство, что в "Русской жизни" годом ранее (1893. 17 дек.) была опубликована анонимная статья "По поводу письма Э.Золя о литературной конвенции", в которой во многом предваряется содержание статьи "Писательская кабала". Ее основу составляет точно такое же отношение к монополии в области книгоиздательства в России и 50-летнего срока прав наследников и издателей. И здесь видим обличение тех же Глазуновых, Вольфов, примеры стяжательского отношения книгоиздателей к изданию сочинений талантливейших русских прозаиков и поэтов. Мысль о том, что они закрывают доступ книг к широким слоям читателей, также волнует автора статьи. Здесь использованы те же примеры с раскрепощением сочинений А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова после окончания сроков монопольного владения их наследством. Автор горячо выступает против "права тормозить распространение" сочинений лучших русских литераторов. И хотя статья написана в более сдержанных тонах, чем публикуемая ниже (возможно, потому что она является ответом на письмо Э.Золя), возникает и в данном случае предположение об авторстве Лескова.

[16] *А.Б.* Рецензия на издание "Доступной библиотеки" № 22. "Постоялый двор" Рассказ И.С.Тургенева. Изд. И.Глазунова. СПб., 1893, в рубрике "Книжный листок" // Русская жизнь. 1893. 5 сент.

[17] Граф Лев Толстой в заботах о народе.

[18] <*Лесков Н.С.*> О драме Льва Ник. Толстого и о ее варианте // *ПГ.* 1887. 8 февр.

[19] Еруcланов конь спотыкается.

[20] Мы обратились в первую очередь к составу редакции "Русской жизни" В нее входили редактор-издатель А.А.Пороховщиков, секретарь Ф.Ф.Трозинер, заведующий отделом иностранной жизни А.С.Трачевский, а также М.Л.Песис, Н.К.Никифоров, С.С.Гусев, Н.А.Крылов, А.М.Хирьяков. Ни сочетание имен и фамилий перечисленных лиц, ни их известные псевдонимы не могли послужить непосредственной основой для псевдонима "Наш Покой" Если же иметь в виду тех, кто не входил в состав редакции, но активно сотрудничал в газете, то внимание привлекает Николай Петрович Ашешов, ставший позднее, в 1900-е годы, известным литературным критиком. Его фамилия не встречается на страницах "Русской жизни", однако из биографии, написанной им самим для словаря С.А.Венгерова, известна принадлежность ему целого ряда материалов в газете Пороховщикова (см.: *Венгеров С.А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1904. Т. 4. С. 366–370). Можно допустить, что, наряду с подписями "Н.А." и "Н.П.А.", указанными им самим, он подписывался и инициалами "Н.П.", а также псевдонимом "Наш Покой". Однако в данном случае его авторство представляется маловероятным. Во-первых, Ашешов не был тесно связан с повседневной литературной жизнью Петербурга. В 1890 г. его выслали из Москвы в провинцию за участие в студенческих беспорядках. Вернувшись вскоре, он закончил Московский университет, в 1891 г. стал работать в Москве, но в начале 1893 г., после предварительного трехмесячного тюремного заключения, он снова был выслан. Там, по его словам, Ашешов "принял на себя фактическое заведование редакцией "Самарской газеты" (Там же. С. 367). Загруженный делами своей газеты, он вряд ли мог внимательно следить за всеми событиями в книжном и журнальном мире Петербурга. В статье же "Писательская кабала" содержатся сведения о предстоящем суде над редактором журнала "Родина" Каспари, об его "проделке" с авторами, передается диалог писателя с издательницей детского журнала и т.п. Очевидно, автор статьи идет по горячим следам столичных событий. Во-вторых, изучение материалов "Русской жизни" показывает, что Ашешов после 1892 г. выступал на страницах "Русской жизни" эпизодически, причем не на литературные темы. Используя материал провинциальной жизни, он освещал экономические и общественно-бытовые вопросы.

ТЕЗКИ

Несколько лет тому назад бакалейщик Григорий Елисеев, который тогда был славен между погребщиками, протестовал против того, что другие погребщики и бакалейщики делают вред ему и публике: они брали где-нибудь "незначного" человека с фамилиею "Елисеев" (что очень нетрудно найти), записывали на его имя свой погреб и продавали оттуда какой попало товар "под заглавием" — "вина и фрукты Елисеева". Полиция не могла помочь настоящему Елисееву, потому что подставные Елисеевы "выставили права", но "промеждү себя" и в этой крайне невысокой среде погребщиков и бакалейщиков дело этих торговых тезок почиталось за дрянное дело, недостойное добропорядочной торговой фирмы.

Теперь нравы изменились, и тому, что делали в погребах, находятся подражатели в литературе: давненько стали толкаться в редакции люди с неважными литературными приносами, причем объявляли себе имена известных современных писателей. Об этом раз или два прошлым летом было упомянуто с удивлением и с негодованием в двух петербургских изданиях; но потом появилось еще одно новое издание, в котором не ожидали встретить известных имен, а оно между тем взяло да и выпустило: Д.Мордовцева и А.Пыпина! Однако это не были настоящие Д.Мордовцев и А.Пыпин, а это были отважные незнакомцы — их тезки!.. Публика была обманута...[1]

Тогда, видя, что такие проказы можно производить без всякой застенчивости, явились подражатели: новому изданию г. Баталина поревновал "Исторический вестник", редактируемый С.Н.Шубинским, где в последней книжке напечатан рассказ, подписанный "Н.Лесков"[2]. И это сделано без объяснения, что предложенный рассказ написал не настоящий Н.Лесков, а опять-таки тезка!.. "Неделя" в № 12 своего издания винит за это редакцию, а не автора, который, "очевидно, не имеет достаточного такта и приличия, чтобы не пользоваться совпадением своего имени с именем известным"[3]. Этот автор-тезка, впрочем, человек очень молодой, но известный по редакциям, так как он обошел уже много редакций, добиваясь, чтобы его пропечатали, и насилу сподобился этого только в "Историческом вестнике".

Но почему и не так? Почему не напечатать 2-го Лескова или 2-го Пыпина? А только почему же всем этим тезкам и печатающим их редакциям не пришло на память, как в подобных случаях поступают в полках, в канцеляриях или в театральных труппах, где часто появляются тезки? Пишут и говорят обыкновенно: Колпаков-седьмой, Григорьев-третий, Иванов-второй, или в литературе — Градовский-Гамма, Иванов-Классик, или в живописи — Дмитриев-Оренбургский или Дмитриев-Кавказский[4].

Все сумели быть находчивее и порядочнее того, что показали гг. издатели, прямо поравнявшиеся с погребщиками.

[1] Имеется в виду научно-литературный и политический журнал "Новое слово", основанный в начале 1894 г. в Петербурге И.А.Баталиным. В разгар полемики о литературных "двойниках" Баталин напечатал открытое письмо, в котором утверждал, что на страницах его журнала с воспоминаниями о Г.Е.Благосветлове и А.А.Краевском выступил "настоящий Мордовцев", т.е. историк Даниил Лукич *Мордовцев* (1830–1905), автор исторических монографий и романов, сотрудник "Отечественных записок", "Голоса", "Дела" и других изданий (См.: Русская жизнь. 1894. 29 марта; воспоминания Д.Л.Мордовцева о Г.Е.Благосветлове и А.А.Краевском были напечатаны в 1894 г. в "Новом слове", № 2, 3). Относительно А.А.Пыпина (см. о нем выше, примеч. 10 к вступительной статье), "двойника" известного ученого и публициста Александра Николаевича Пыпина, никаких объяснений не последовало. Иван Андреевич *Баталин* (1844–1918; псевдоним "Оса", "Руслан") — известный журналист, сотрудник "Петербургской газеты" и других ежедневных изданий, в 1880–1890 гг. издавал газету "Минута". Лесков хорошо его знал. Тот и другой бывали на литературных вечерах у А.П.Милюкова. О встречах с Лесковым Баталин оставил мемуары (*Руслан* <*Баталин И.А.*> Из воспоминаний о Н.С.Лескове // *ПГ.* 1895. 23 февр.). В письме к А.С.Суворину от 22

апреля 1888 г. Лесков упоминал его имя: «Но ведь я и Бенни были *"шпионы III Отделения"*... Это писали Курочкин и Василевский с Баталиным <...>» (XI, 384).

[2] Рассказ Николая Феофилактовича *Лескова* (ум. 1915), этнографа и беллетриста, "Умер натуральной смертью" появился в 1894 г. в мартовском номере "Исторического вестника" за подписью "Н.Ф.Лесков".

[3] "Нельзя не подивиться, что редакция журнала допускает подобную мистификацию (сам автор, очевидно, не имеет достаточного такта и приличия, чтобы не пользоваться совпадением своего ничтожного имени с именем известным)" (Неделя. 1894. 20 марта).

[4] *Градовский-Гамма* — Григорий Константинович *Градовский* (1842–1915), журналист, сотрудник газет "Русский мир", "С.-Петербургских ведомостей", "Порядок" Особой известностью пользовались в 1870-е годы его воскресные фельетоны в "Голосе". В 1876–1878 гг. издавал свою газету "Русское обозрение". В журналистике был известен и историк государственного права, публицист Александр Дмитриевич *Градовский* (1841–1889). *Иванов-Классик* — Алексей Федорович *Иванов* (1841–1894), поэт-юморист, сотрудник "Иллюстрированной газеты", "Искры", "Будильника", автор сборников "Песни Классика", "На рассвете" и др. Лесков был знаком с ним (см.: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 238, 242). Николай Дмитриевич *Дмитриев-Оренбургский* (Дмитриев) (1838 или 1837–1898) — живописец, рисовальщик, гравер, член Петербургской артели художников, возглавленной И.Н.Крамским; автор исторических и жанровых картин, иллюстратор произведений русских писателей, ряда петербургских периодических изданий ("Искра", "Север" и др.). Лев Евграфович *Дмитриев* (1849–1916) — художник-гравер, рисовальщик, живописец, с 1882 г. академик; большое внимание уделивший воспроизведению народных типов Кавказа и Закавказья. Подписывал свои работы "Дмитриев-Кавказский".

ПИСАТЕЛЬСКАЯ КАБАЛА

Братья-писатели! В вашей судьбе
Что-то лежит роковое...

Некрасов[1]

Маленькое событие наводит на пространные размышления. Г-н И.Глазунов начал издавать "Доступную библиотеку"[2]. Со своей точки зрения он, пожалуй, прав. Но понятие о дешевизне и доступности издания — понятие относительное и растяжимое, так что легко могут существовать и другие точки зрения. Г-ну Глазунову, владельцу одной из старейших книгопродавческих фирм, положим, ничего не стоит выложить гривенник за книжку, стоящую грош; а для ученика думского училища уж и грош составляет целый капитал. Поэтому таким капиталистам должно быть очень чувствительно, если за книжку, стоившую прежде 4 коп., им приходится теперь платить в два с половиной раза дороже. А г-н Глазунов как раз к этому-то именно и вынуждает бедняков своею "Доступною библиотекой"

В чем же именно заключается, по его мнению, эта "доступность"? Как обладатель прав на издание сочинений И.С.Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надоумился выпускать дешевыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из "Записок охотника" Изданные хотя и неопрятно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их "доступными": он печатает их так же неопрятно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом — рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей "доступности" назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней... Вместо прежних пяти и шести копеек "Живые мощи", "Муму" и "Бежин луг" стоят уже по 10 коп., вместо прежнего гривенника "Постоялый двор" стоит пятиалтынный... Итак, вот в чем "доступность" издания, по мнению г. Глазунова.

ЛЕСКОВ

С.-Петербург. Фотография Н.А.Чеснокова. 1888–1889

С дарственной надписью: "Любезному брату Алексею. Смиренный Ересиах Николай"

Российский государственный архив литературы и искусства

Событие это, конечно, маленькое, но не из маловажных: желая набрать по нескольку лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его еще 39 лет — до тех пор, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечет 50 лет со времени кончины писателя. Также тормозит он и сочинения Гончарова, и сочинения Жуковского... "Агасфер" — 30 коп.!" "Ундина" — 80 коп.! До сих пор нет отдельного издания "Наля и Дамаянти", "Рустема и Зораба", "Обломова", "Обрыва", извольте приобретать их вместе с полными собраниями сочинений Жуковского и Гончарова. И вся эта кабала будет продолжаться до тех пор, пока существует закон, закрепляющий авторское право на целых 50 лет в руках разных скупщиков литературных "прав"

Разве же это не отсутствие просвещенности, не кабала литературы — такое обращение с писателями и их сочинениями, с читателем и его потребностью в чтении? И неужели закон, долженствующий охранять общие интересы, может еще долго пребывать в той ошибке, в которую его когда-то ввела рука законодателя? Торгашей он несколько посократить может и может с успехом оградить наконец право писателей на их сочинения и читателей — на книги вооб-

ще. Переработка закона о литературной собственности могла бы сделать книгу общественным достоянием раньше окончания этого чудовищного срока, да и издателей заставила бы подтянуться, отняла бы у них возможность набивать мошну за писательской спиной и заставила бы их наконец поработать.

Стыдно, в самом деле, подумать, когда у нас Пушкин стал доступен и когда его прочитали наконец все — и стар, и мал, и бедняк, и богач: в 1887 году! А Лермонтов? — в 1890 году![3] Стихотворения Кольцова в издании г. Солдатенкова все стоили 20 коп., тогда как в немецком отличном переводе (в Universalbibliothek) цена им была гривенник[4]; и только когда они вышли из-под ига узаконенного пятидесятилетия, они стали появляться в дешевых изданиях. В такой же кабале находятся теперь сочинения Белинского, Сурикова и Левитова (у г. Солдатенкова), Писемского и Даля (у г. Вольфа)[5], Островского и С.Аксакова (у г. Мартынова[6]), Крылова (у г. Егорова[7])... да и мало ли еще кто кем закабален! Попробуйте приобрести какую-нибудь отдельную пьесу Островского или роман Писемского — не найдете: нет их — извольте раскошеливаться на полное собрание сочинений.

Действительно, что-то "роковое" тяготеет над судьбой нашей писательской братии. Писатели не только при жизни эксплуатируются, закабаливаются, прижимаются,— но и по смерти стараются выжать из них все, что возможно.

С автора требуют не только дешевого труда — готовы требовать с него и дарового, "ради идеи" Одного детского писателя одна издательница детского журнала просит написать что-нибудь для ее издания.

— С удовольствием. Сто рублей за лист.

— Ох, я думала, вы так дадите что-нибудь: ведь вы так любите детей!..

— Совершенно верно-с. Но прежде всего я люблю своих детей, а потом уже ваших читателей, с которых вы сами берете же подписную плату.

В скором времени предстоит интересное судбище. Один издатель (впрочем, это не секрет: это г. Каспари, издатель иллюстрированного журнала "Родина"[8]) изобрел новый вид издательства: напечатанное в его журнале произведение он облекает в новую обложку (это называется переменить рубашку) и продает его как отдельное издание, ничего не выплачивая за это автору и отговариваясь тем, что при напечатании в журнале было "по ошибке" оттиснуто много лишних экземпляров и ему надо-де их сбыть. Если следовать логике г. Каспари, то все наши журналы — и "Современник", и "Отечественные записки", и "Русский вестник", и "Вестник Европы" — могли бы "по ошибке" тискать по несколько тысяч "лишних" экземпляров тех нумеров, где помещались произведения наших корифеев, потом облекать эти романы в особые обложки, продавать их в свою пользу... При такой логике и Тургенев, и Гончаров, и Достоевский, и Боборыкин, и другие были бы навеки закабалены теми журналами, где они первоначально помещали свои произведения. Впрочем, суд, вероятно, выяснит г. Каспари, насколько верна его логика...

В том-то вся беда и заключается, что почти все издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции. Где у нас теперь Новиковы, Карамзины, Корши[9], Салтыковы[10]? Где люди, высоко несшие знамя литературы и журналистики, люди просвещенные, душу свою влагавшие в литературное дело? Нет теперь таких: все это либо невежественная бездарность, не могущая создать что-либо самобытное и служить духовному росту общества; либо — спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в нее с улицы. И те и другие губят писателя. А умрет он — начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают "доступные библиотеки"

Наш Покой

[1] Неточная цитата из стих. Некрасова “В больнице” (1855).

[2] Илья Иванович *Глазунов* (1856–1913) — с 1890 г. глава старейшей издательской и книготорговой фирмы Глазуновых (официально основана в 1782 г.), владевшей правами на издание сочинений многих русских классиков. Издание серии “Доступная библиотека” началось в 1884 г. с рассказа “Однодворец Овсянников” И.С.Тургенева. В том же году вышло еще четыре книги из “Записок охотника”, в следующем — десять. Затем активность этого издания падает (по одному рассказу в год). В 1893 г. Глазуновым издано пять книг этой серии, в том числе рассказы из “Записок охотника”, а также поэмы В.А.Жуковского и рассказ Ф.Д.Студитского “Школа в лесу”

Непосредственным импульсом к написанию статьи “Писательская кабала” послужило второе издание в этой серии рассказов “Живые мощи” и “Муму” (См.: Книговедение. 1894. № 1. С. 44; № 3. С. 135), поскольку в отличие от первых книг, стоивших 4–6 копеек, их цена была повышена до 10 копеек. Для атрибуции статьи примечателен тот факт, что здесь усматривается прямая аналогия с одной из первых заметок Лескова (о продаже Евангелия по завышенной цене книготорговцем С.И.Литовым в Киеве), написанной с тех же позиций. В заметке о Евангелии он писал: «Это удвоение цены особенно отражается на посещающих Киев богомольцах <...> которые так бедны, что нередко 20 к. составляет весь наличный капитал пешехода-богомольца. Переплатить лишний двугривенный для него — есть уж разорение, и он принужден отказаться в приобретении Евангелия, ***недоступного для него по цене***» (Указатель экономический... 1860. № 181. С. 436).

[3] Имеются в виду издания: *Пушкин А.С.* Сочинения, тт. I–VII. Под ред. и с объяснит. прим. П.О.Морозова. СПб., Об-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1887; *Лермонтов М.Ю.* Сочинения, т. I–VI. Первое полное издание под ред. П.А.Висковатова. М., 1889–1891.

[4] Козьма Терентьевич *Солдатенков* (1818–1901) — известный издатель. Среди выпущенных им книг — первое собрание сочинений В.Г.Белинского, сочинения Н.П.Огарева, А.И.Полежаева, А.И.Левитова, стихотворения А.В.Кольцова, Н.А.Некрасова, С.Я.Надсона, А.А.Фета и многих других русских писателей.

[5] Права на издание сочинений В.И.Даля и А.Ф.Писемского были приобретены Маврикием Осиповичем *Вольфом* (1826–1883), крупнейшим книготорговцем и издателем, хорошим знакомым Лескова. Вольф предпринял 2-е издание романа “Некуда” в 1867 г. Позднее Лесков был постоянным посетителем его книжного магазина в Гостином дворе (см.: *Либрович С.Ф.* На книжном посту. Пг.–М., 1916). Вольф намеревался выпустить также собрание сочинений Лескова. Подписанию контракта помешала смерть издателя (см. XI, 342). В 1882 г. Вольфом было основано издательство на паях “Товарищество М.О.Вольф”, которое и наследовало его права на сочинения русских авторов.

[6] Николай Гаврилович *Мартынов* (1843–1915) — крупный петербургский издатель и книгопродавец, выпустивший собрания сочинений С.Т.Аксакова, А.Н.Островского, Д.В.Григоровича, Л.А.Мея, И.И.Панаева и др.

[7] П.А.Егоров назван, видимо, потому, что незадолго до появления комментируемой статьи им был осуществлен выпуск крыловских басен: Крылов И.А. Полное издание с рис. П.С.Панова. СПб., 1891. По всей вероятности, монопольными правами на сочинения Крылова издатель не мог обладать в 1890-е годы.

[8] Альвин Андреевич *Каспари* (1836–1913) — издатель и книготорговец; в 1886 г. приобрел журнал “Родина”, в 1906 г. издавал журнал “Новь”, с 1910 г. — журнал “Всемирная новь”, выпускал серии “Библиотека романов”, “Дешевая библиотека русских классиков”, научно-популярные книги. “Родина” — журнал для “семейного чтения” с хорошими иллюстрациями и большим количеством приложений, в том числе и литературы для детей,— выходил в Петербурге в 1879–1883 гг. ежемесячно, с 7 августа 1883 г. по 1917 — еженедельно.

[9] Валентин Федорович *Корш* (1828–1883) — журналист, историк литературы, редактор “С.-Петербургских ведомостей” в 1863–1874 гг. Лесков с одобрением отзывался о личном бескорыстии “птенцов” П.Усова и В.Корша, т.е. журналистов 60-х годов, в противовес меркантильному поколению новых литераторов позднего времени.

[10] Очевидно, имеется в виду деятельность М.Е.Салтыкова-Щедрина как редактора “Отечественных записок”.

ДВЕ РЕДАКЦИИ “ОЧЕРКОВ В ПИСЬМАХ” ЛЕСКОВА “РУССКОЕ ОБЩЕСТВО В ПАРИЖЕ” (1863–1867)

Сообщение А.М.Ранчина

“Очерки в письмах” “Русское общество в Париже”, впервые напечатанные в №№ 5, 6 и 9 журнала “Библиотека для чтения” за 1863 г., были переизданы в книге “Повести, очерки и рассказы Стебницкого (Н.С.Лескова)” (СПб., 1867. Т. I. С. 293–524) и “Сборнике мелких беллетристических произведений” (СПб., 1873. Ч. I. С. 293–524). Различия журнальной и книжной редакций (текст в сборниках 1867 и 1873 гг. идентичен) очень существенны. Допустимо даже рассматривать их как произведения разных жанров: журнальная редакция выдержана в традиционном очерковом духе, книжная редакция тяготеет к публицистическим письмам, автор которых критически анализирует разнообразные явления российской общественной жизни 1860-х годов (в первую очередь деятельность радикалов), дает резкие характеристики литературным противникам и пытается объяснить читателям смысл романа “Некуда” (1865), принесшего автору скандальную известность “литератора-доносителя” М.Е.Салтыков-Щедрин, способствовавший своими отзывами о Лескове созданию такой репутации, заметил, что во второй редакции “Русского общества в Париже” ради изобличения “грехов” и “преступлений” нигилистов автор нарушил все каноны очеркового жанра, вводя в описания событий 1862–1863 гг. пространные фрагменты, относящиеся к 1866 и 1867 годам[1].

Изменения, внесенные писателем в первоначальный текст, можно разделить на сокращения, дополнения и “замены” (имеется в виду случай, когда одна фраза заменяется другой, криптоним “героя” — полным именем и т.д.).

Число сокращений во второй редакции невелико. Преимущественно они объясняются стремлением Лескова ослабить собственно очерковые жанровые признаки. Так, в книжной редакции снят эпиграф к первому письму: «Наши едут! наши едут! Деревенское восклицание»[2]. Эпиграф, видимо, показался Лескову неуместным в переработанном произведении, так как придавал ему слишком ограниченный смысл, превращая очерк в описание только жизни русских за границей (прежде всего в Париже). Цель Лескова во второй редакции “писем” была иной — дать анализ русского общества 1860-х годов. Картины парижской жизни русских, составлявшие ядро журнальной редакции, заняли в книжной периферийное место.

Во второй редакции ослаблен не только очерковый, но и эпистолярный характер “Русского общества в Париже”. Изъятие строк, адресованных издателю “Библиотеки для чтения” П.Д.Боборыкину, возможно, связано не только с необходимостью приспособить сочинение для нового, книжного издания, но и с ухудшением личных отношений Лескова и Боборыкина[3].

В редакции 1867 г. сравнительно с первопечатным текстом отсутствует ряд существенных фрагментов.

В журнальном тексте глава, посвященная славянам — чехам и полякам, живущим в Париже (отдельная глава под названием “Парижские чехи” появилась лишь в редакции 1867 г.),— завершалась так: “Как жалка и глупа эта старуха Европа в своих рассуж-

дениях о том, что мы такое? Если бы мы сами были в состоянии разрешить себе эту проблему, то надо бы крепко дивиться, что ее не решат западные мыслители. А чего бы, кажется: послушать, например, хоть... ну да хоть многосодержательные речи наших ораторов в географической или экономической говорильне, а потом барыню, что чехов удивила[4], а потом еще как

Весь народ
  Говорит,
Рождество,
  Говорит.
Ну так что ж?
  Ничего-с!
  Говорит[5].

Вот мы и все на виду" (№ 9. С. 34–35).

Изъятие этих строк во второй редакции может объясняться тем, что их содержание не вполне соответствовало основной идее текста 1867 г.: "беспочвенность" и приверженность крайностям (как радикального, революционного, так и ультраконсервативного толка) — вот "что мы такое", в глазах Лескова конца 1860-х годов. Кроме того, для Лескова в 1867 г. вовсе не "ораторы в географической или экономической говорильне" были типичными представителями русского образованного общества, а радикалы и псевдорадикалы, провозгласившие насилие средством достижения своих целей. Шутливо, юмористически описанные "болтливость" и "пустозвонство" сменились "пропагандой" и "агитацией", по мнению Лескова, часто столь же "пустозвонской", но по своим последствиям — очень серьезной.

И, наконец, еще одно соображение. Во второй редакции "Русского общества в Париже" отношение Лескова к европейским мнениям и настроениям стало более критичным, чем в 1863 г. (эволюция была связана, в первую очередь, с польским восстанием и политикой Наполеона III по отношению к России). Противопоставление "положительной" и рациональной Европы "беспочвенной" и "шатающейся" России теперь для автора писем было неуместным.

Значительно подробнее и, главное, совершенно иначе рассказывал Лесков в первой редакции очерков о двух русских горничных Саше и Лене: Саша «бросила свою барыню, уехала с одним русским и теперь живет в Петербурге, как гризета, честно, верно и бескорыстно, о браке не рассуждает и сделалась нигилисткой Латинского квартала в Петербурге. Она не любит своего сожителя и не благоденствует с ним, но признает необходимость faire l'amour[1*], так же, как те женщины, на которых она насмотрелась в Париже, когда они "делали свою любовь", не находя что делать, кроме этого занятия, и не имея надежды встретиться с действительною любовью.

Лена выходит замуж за француза-ресторатора, который, вероятно, откроет вместе с нею двусмысленный ресторан в Петербурге, в котором она его и бросит. Ее благодетельница барыня пристраивает на самых парижских основаниях, и Лена знает эти основания, рассуждает о них и... находит их весьма естественными.— Парижанка!» (№ 5. С. 30).

Изъятие этого фрагмента, рассказывающего о "послепарижской" судьбе знакомой Лескова и дающего возможность косвенно задеть нигилистов,— уникальный случай в этих очерках. Причиной такого решения было, скорее всего, намерение противопоставить русским парижским господам и госпожам, нередко пускающимся "во все тяжкие", их честных слуг и служанок. Такое противопоставление несколько ослаблялось воспроизведенным выше рассказом о Саше и Лене (замечу, что простой народ у Лескова также противопоставлен и нигилистам). Кроме того, в исключенном отрывке подспудно проводилась мысль о "развращающем" влиянии Парижа; автор же "Русского общества в Париже" утверждал совершенно иное: французская столица с ее "вольными нравами" и увеселениями — своеобразное испытание для гостя из России; она не развращает, а обнажает уже укоренившиеся пороки и пристрастия.

Вновь введенные фрагменты несоизмеримо более многочисленны и пространны, чем исключенные. Несколько условно их можно разделить на "идеологические" и "информативные". Превалируют первые.

[1*] ухаживать, волочиться, предаваться любви (*фр. устар.*)

Лесков во второй редакции очерков вовсе не ограничивался критикой нигилизма. Столь же резок писатель и в оценке “нигилизма справа” — ультраконсерватизма. Так, в редакции 1867 г. развернут эпизод с неким генералом К. (письмо третье), крепостником, лелеющим мечту казнить Искандера-Герцена, но одновременно — “нигилистом”, ненавидящим “шатание” и готовым истребить все “порядки” и учреждения[6]. В книжной редакции появились и язвительные выпады автора в адрес русского посольства в Париже и посла А.Ф.Будберга: глава “Посольство”[7] вместе с главой “Искандер” впервые включены в редакцию 1867 г.

Во второй редакции развернута и галерея нигилистов-радикалов: здесь появляются любвеобильные и сребролюбивые русские дамы-нигилистки, проживающие в Париже (ср.: Сб. С. 299–300 и *БдЧт.* № 5. С. 5), и еще одна русская нигилистничающая госпожа, послужившая прототипом Матрены Суханчиковой в тургеневском “Дыме”, написанном и напечатанном только в 1867 г. (традиционно прототипом Матрены Суханчиковой считается проживавшая в одно время с Лесковым в Париже Е.В.Салиас де Турнемир). Введен во вторую редакцию фрагмент об эмиссаре Герцена В.И.Кельсиеве, вернувшемся в Россию и разочаровавшемся в революционных идеях, а также фрагмент о другом эмиссаре “Искандера”, А.И.Бенни, ложно обвиненном радикалами в сотрудничестве с III Отделением и пораженном беспринципностью и аморализмом русских конспираторов. (В редакции 1863 г. упомянут парижский студент-медик, сын пастора, но даже не сказано, что он брат Артура Бенни).

Включение в текст 1867 г. обоих фрагментов, служивших сильным оружием Лескова в полемике с радикалами (ведь даже “свои”, честнейшие и принципиальные революционеры, отвернулись от доморощенных борцов за свободу!), легко объяснимо. В 1863 г. Кельсиев еще не вернулся в Россию, не написал “Исповеди”, а история ложного обвинения Бенни в сотрудничестве с III Отделением еще не получила широкого резонанса в обществе. Но появление в редакции 1867 г. эпизода о двух русских дамах-авантюристках, именующих себя герценистками, нельзя объяснить этими же причинами: “нигилистки” были известны Лескову еще в Париже в 1862–1863 гг. Таким образом, далеко не все парижские впечатления, зафиксированные в тексте второй редакции, попали на страницы журнального текста: наиболее резкие антинигилистические (косвенным образом, и антигерценовские) пассажи в первоначальной редакции “писем” отсутствуют.

В тексте второй редакции Лесков откликнулся на обвинения в свой адрес со стороны радикально-демократической прессы и ввел ряд саркастических выпадов против публицистов “Современника” и “Русского слова”, мечтающих о социальной справедливости и увлеченных химерой “осчастливливания всего человечества” (Сб. С. 327; ср.: *БдЧт.* № 5. с. 23). Появились упоминания об изданной за границей брошюре, в которой писания Стебницкого и Писемского объявлялись клеветой, препятствовавшей социальной революции в России (письмо третье). Лесков, вероятно, имел в виду брошюру Н.Я.Николадзе (напечатана под псевдонимом Никифор Г***) “Правительство и молодое поколение. (По поводу выстрела 4 апреля 1866 года)” (Женева, 1866), однако Лесков существенно исказил ее текст. Николадзе просто писал о клеветнических и пасквильных сочинениях Лескова и Писемского. Но автор “Русского общества...” хотел представить себя едва ли не главным борцом с нигилизмом, предотвратившим романом “Некуда” “социальную революцию”.

Стрелы и “шпильки” в адрес радикалов обнаруживаются даже на страницах, посвященных встречам Лескова со славянами,— чехами и поляками. В тексте второй редакции говорится о молодом чешском аристократе князе Каунице (возможно, об Албрехте Каунице, ум. 1897) и в этой связи упоминаются “проделки” российских нигилистов, одурачивших князя Голицына и княжну Долгорукую[8].

Еще одна “серия” фрагментов, включенных впервые в текст редакции 1867 г., посвящена “славянской взаимности”. В 1863 г. Лесков — горячий сторонник идеи славянского единства[9], хотя уже тогда он неоднократно упоминал о настроениях поляков, мечтающих освободиться от власти российского правительства и восстановить независимость. В 1867 г. лесковская критика польского “сепаратизма” и национального мессианства усилилась; форсировано и противопоставление “заносчивых” поляков “тихим” и “мирным” чехам; увеличилось и число поляков-персонажей. Здесь мы впервые встречаем портреты польской аристократки графини Залесской, живущей в парижской эмиграции, и студента, будущего “коменданта восставшей Варшавы” Ла-ра

(может быть, Лесков имел в виду студента, секретаря отдела финансов в повстанческом правительстве Р.Траугутта, Мавриция Лаубера, 1840–1899). Но, вероятно, самой существенной инновацией является рассказ Лескова о том, как в краковской гостинице он заплатил деньги польским "волонтерам" (думая, что это какой-то городской сбор) и получил от них бумагу с печатью "Ржонда народовего" (повстанческого правительства), удостоверяющую, что деньги пойдут на повстанческое дело. При этом писатель упоминал о сходной истории, происшедшей с литератором Н.В.Бергом[10].

Отсутствие этого эпизода в тексте 1863 г. можно объяснить тем, что Лесков, еще не расставшийся с идеями славянского единения, не хотел оскорбить поляков рассказом о фактическом вымогательстве средств на поддержку восстания. Однако возможно и другое объяснение. Как уже было установлено, Лескову не могла быть предъявлена бумага Ржонда в те дни, когда автор "Русского общества..." жил в Кракове в 1862 г.: в то время Ржонд еще не был создан[11]. Возможно, перед нами ошибка памяти (в 1867 г. Лесков мог не помнить точно, какая бумага была ему вручена осенью 1862). Однако нельзя полностью исключить и иную версию: в точности подобного случая вообще не было; автор очерков воспользовался рассказом Берга, чтобы сочинить ряд деталей для рассказа о своем пребывании в мятежной Польше[12].

Таковы случаи наиболее существенных отличий текста второй редакции "Русского общества в Париже" от первоначальной, журнальной. Однако, пожалуй, самые интересные разночтения относятся к третьему роду — это "замены" криптонима на имя, неопределенного обозначения героя (типа "один студент", "один военный") на криптоним, сокращенные имя и фамилию[13], одного слова, оборота, фразы, на другие слова и обороты. Эти замены всегда не случайны и могут многое сообщить об изменении взглядов и настроений писателя в промежуток с 1863 по 1867 г.

В предисловии к первому письму в редакции 1863 г. Лесков писал: "А насчет собственных имен, ручаюсь, что ни одного собственного имени в собственном смысле здесь не употреблено. Все имена изменены так, что если кто-нибудь и узнает себя в моем письме, то уж не найдет оснований ко начатию судебного процесса. А если кто вздумает сердиться, то пусть себе сердится, что ж до этого и вам, и мне. Без этого ведь не проживешь" (*БдЧт.* № 5. С. 2). В книжном тексте нет этих рассуждений. Изменилась авторская установка. Теперь Лесков рассчитывал на узнаваемость своих персонажей (см. Сб. С. 294).

Иногда их имена раскрывались, чтобы разоблачить, вывести на чистую воду аморального человека. Так, в очерках описан беспринципный пройдоха, студент Петербургского университета, связанный с революционно-демократическими организациями П.А.К-ч — очевидно, Павел Александрович Косач (род. 1839)[14]. Между тем, в первой редакции, где, кстати, о Косаче повествуется менее подробно, он "зашифрован" иным, не столь легко разгадываемым криптонимом: "П.А-ч" и "П.А." (ср.: *БдЧт.* № 5. С. 9; № 6. С. 29; и Сб. С. 305, 385).

Иногда прямое называние персонажа или замена трудно раскрываемых криптонимов более прозрачными связаны с чисто информативными целями: писатель стремился подчеркнуть достоверность очерков, документальный характер повествования. Так, в рассказе об "общественном суде" над Косачем упоминаются его участники и, в частности, офицер Лукошков (Сб. С. 385, 387); в журнальной редакции — просто "драгунский офицер" и "лейб-драгун" (*БдЧт.* № 6. С. 29–30). Кроме того, в первоначальной редакции сообщалось, что П.А. "прибил русского студента А-га, когда тот больной лежал" (*БдЧт.* № 6. С. 30–31); в книжном тексте приведена иная фамилия — "Сео-в" (Сб. С. 387). В изложении этого эпизода во второй редакции очерков впервые назван еще ряд имен (в частности русские священники Васильев и Прилежаев). В другом случае "студент С." заменен на "студент Се-ков" и даны инициалы "одного скучнейшего резонера, либерала и пустозвона", которых не было в редакции 1863 г. (ср.: *БдЧт.* № 6. С. 24 и Сб. С. 376).

В первой редакции не указана также фамилия "русинского" (в тексте 1867 г. — "русского"; о смысле этой правки см. ниже) священника, носившего в Париже партикулярное платье; в тексте второй редакции он назван — "отец Терлецкий" (ср.: *БдЧт.* № 6. С. 38 и Сб. С. 402).

Раскрыл писатель в издании 1867 г. и имена знакомых нигилистов, которым симпатизировал как искренним и чистым людям. Так, о бывшем казанском студенте, подвергшемся преследованиям за протест против расстрела крестьян в селе Бездна (апрель

1861 г.), Степане Шиловском (в тексте 1867 г. — Степан Шил-й; в журнальной редакции — Степан Ш-й) Лесков писал: "А между тем у него не было солидарности и с ярыми либералами. Он был просто прекрасный, чистый человек <...>" (Сб. С. 314–315; *БдЧт.* № 5. С. 14). Отсутствовали в первоначальном тексте и сведения о преследованиях Шиловского в Перми г. Ло-вым (вероятно, А.Г.Лашкаревым или Лошкаревым; 1823–1898, пермским генерал-губернатором) и сообщение о его отказе напечатать рассказ об истории своей ссылки в "Колоколе".

Другой "положительный" нигилист в очерках Лескова — участник Комитета русских офицеров в Польше, затем эмигрант, сотрудник Вольной русской типографии в Лондоне — Александр Сахновский. В журнальном тексте его фамилия скрыта за одним инициалом "С." (*БдЧт.* № 6. С. 26); в книжном приведена полностью (Сб. С. 378–379). В первоначальной редакции С. — почти комическая фигура, "просто молодой паренек", ставший заговорщиком и агитатором по необдуманности, из желания поиграть в "оппозицию": "Когда он раз договорился уж не помню до какой чепухи, то кто-то из русских преспокойно ему заметил, что он человек совершенно безвредный, ибо все, что он говорит, очень уж нелепо" (*БдЧт.* № 6. С. 26). В тексте 1867 г. комическая трактовка ослаблена; Сахновский — революционер, но не типичный "нигилист", "разрушитель", лишенный моральных принципов, а заблуждающийся, но честный человек. Именно чистота и честность Сахновского, как и Шиловского, ставят его вне круга "отрицателей" Описывая обоих этих персонажей, Лесков демонстрировал своим противникам-радикалам способность непредвзято изображать революционеров. Не случайно поэтому в редакции 1867 г. писатель почти полностью раскрыл фамилию Шиловского и привел фамилию Сахновского. (В этой редакции появился и пассаж о русских солдатах, преданных государю, которые донесли властям на Сахновского и его товарищей, распространявших среди "нижних чинов" экземпляры "Полярной звезды").

В ряде случаев не вполне очевидно, носит ли правка Лескова идеологический или только уточняющий характер. Так, в журнальном тексте служанка Матрена Ананьевна рассказывает об историях, происходивших с ней и ее госпожой в По; в книжной редакции вместо По названа Ницца (ср.: *БдЧт.* № 5. С. 26 и Сб. С. 333). Однако эта замена проведена непоследовательно: далее в тексте обеих редакций Лесков со слов этой же служанки рассказывал о девочке-прислуге, привезенной госпожой в По и подвергшейся многочисленным лишениям: "ее привезла одна Т-ая" (возможно, Анна Андреевна Трубецкая, ур. Гудович; 1819–1882, жена эмигранта-католика кн. Н.И.Трубецкого — ср.: *БдЧт.* № 6. С. 15; Сб. С. 363). Обстоятельства жизни русской девочки во Франции более детально изложены в тексте второй редакции; здесь же сделан выпад в адрес посольства, не помогающего русским за границей и не защищающего их интересы (Сб. С. 363–364). Возможно, замена "По" на "Ниццу" — простое уточнение, но благодаря ему кто-нибудь из читателей Лескова мог легче угадать, какая именно русская барыня вольно и весело проводила время на морском курорте, кормя из экономии слуг одними жареными каштанами. Иными словами, это уточнение изобличало русскую даму, упомянутую в очерках.

Другие случаи "замен" связаны с авторедактурой текста первой редакции, продиктованной по преимуществу идеологическими соображениями.

В журнальном тексте львовские украинцы-"русофилы", группировавшиеся вокруг редакции "Слова", названы "русинами" (*БдЧт.* № 9. С. 4); в редакции 1867 г. они столь же последовательно именуются "русскими". Дело в том, что в 1863 г. Лесков еще не разочаровался в идее славянского единства. Поэтому в первой редакции очерков западные украинцы для него — именно западные украинцы, а не русские. Польское восстание 1863 г., претензии поляков на западноукраинские земли (Галиция входила в состав Австро-Венгрии), а также противостояние Лескова позиции Н.Г.Чернышевского[15], видимо, побудили писателя — "в пику" оппонентам из разных лагерей — назвать русинов "русскими"

Столь же показательна во фразе "Славянину нигде нельзя так хорошо и дешево есть, как у madame Andre" (*БдЧт.* № 6. С. 23) замена слова "славянин" на "человек" (Сб. С. 374–375). После восстания 1863–1864 гг. и расхождения Лескова с бывшим парижским другом, чешским писателем Й.-В.Фричем, занявшим резко критическую позицию по отношению к России и поддержавшим стремление поляков к независимости, акцент на слове "славянин" оказался ненужным.

Наиболее красноречивые случаи идеологической правки связаны с выпадами против радикалов. Вот два примера.

В редакции 1863 г. Лесков защищал русское духовенство (и конкретно "парижскую поповку"), от нападок "псевдо-либералов" (*БдЧт.* № 5. С. 16); в тексте 1867 г. "псевдо-либералы" заменены на "красных дурачков". Другой случай. В редакции 1863 г., рассуждая о "беспочвенности" своих соотечественников, Лесков отмечал, что русские с невероятной легкостью меняют амплуа: сегодня они прогрессисты, завтра консерваторы, послезавтра "чиновники" (*БдЧт.* № 9. С. 30). В издании 1867 г. "чиновники" заменены "нигилистами" (Сб. С. 472). Так как Лесков понимал радикалистское всеотрицание широко и относил к нигилистам и преуспевающих чиновников, далеких от народной жизни и склонных к необдуманной ломке сложившегося уклада (ср. образ Грегуара Акатова в романе "На ножах" и т.д.), то слова "чиновник" и "нигилист" не были для него антонимами.

Ряд изменений в тексте второй редакции носил одновременно как стилистический, так и идеологический характер. В журнальном варианте подробно охарактеризована любовь славянской женщины: "любовь, которая заставляет меркнуть взор и покрывает краской стыда и любви бледные щеки женщины, когда ее муж зовет при ней ее ребенка своим сыном, или, наконец, той любви, которая слезою немощного покаяния выливается поздней ночью пред одинокой лампадой супружеской спальни и которой никто не видит, которую еще ставят в укор не только люди старые, отжившие, но и те новые люди, которые, во имя новой теории, требуют от женщины столько геройства, сколько нет в них самих. О, строгие ценители и судьи! разбив свой рубль на алтыны, вы выдумали теории, по которой (так! — *А.Р.*) нет раздела: все или ничего! Да где же вы, отдающие все? Где вам собрать хоть столько, сколько для вас отломит от своего сердца женщина, оставаясь перед глазами света тем, чем она была до роковой для нее встречи? Не соберете, господа, не соберете!" (*БдЧт.* № 6. С. 12). Во второй редакции в этом фрагменте снят налет сентиментальной риторики в рассуждениях о женской любви и добавлен неизменный выпад против "простоты" половых теорий "новых людей"

Наконец, встречаются и немногочисленные примеры чисто стилистической правки.

Приведенными примерами, конечно, не ограничиваются все разночтения двух редакций очерков "Русское общество в Париже", однако характер правки демонстрирует основные тенденции переработки Лесковым своего произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] "Повести, очерки и рассказы М.Стебницкого..." // *Салтыков-Щедрин.* Т. 9. С. 335–342.

[2] *БдЧт.* 1863. № 5. С. 1. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте. В скобках указываются номера журнала и страницы.

[3] См. письмо Лескова к Е.П.Ковалевскому от 20 мая 1867 г. (X, 265–266), *Боборыкин П.Д.* Воспоминания в 2-х т. М., 1965. Т. 1. С. 358–359; *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 375.

[4] Имеется в виду приведенный Лесковым выше рассказ о некоей русской даме, "лингвистке и вояжерке", неприятно удивившей чехов словами, что они счастливы, имея два родных языка — чешский и немецкий.

[5] Цитата из стихотворения И.П.Мятлева "Новый год" (1844). См. *Мятлев И.П.* Стихотворения. Сентенции и замечания госпожи Курдюковой. Л., 1969. С. 138.

[6] См.: Сборник мелких беллетристических произведений. СПб., 1873. Ч. I. С. 480–486. Далее ссылки на это издание приводятся прямо в тексте (книга сокращенно обозначается Сб.).

[7] В редакции 1863 г. нет и обещания сводить читателей "в камеру швейцара русского посольства" (Сб. С. 341; ср.: *БдЧт.* № 5. С. 30–31). Отсутствуют в тексте 1863 г. и инвективы против посольских чиновников и посла, не заботящихся о защите прав русских в Париже и не помогающих им в трудных случаях; нет в тексте первой редакции и иронического упоминания о г. Щербане, который ныне "нашим посольством нахвалиться не может" (Сб. С. 300, 307–308; имеется в виду корреспонденция Н.В.Щербаня «Пребывание Государя Императора в Париже. Корреспонденция "Голоса"» // Голос. 1867. 25 мая/6 июня).

[8] Имеется в виду князь Александр Сергеевич *Голицын*, по справке III Отделения (от 16 апреля 1866 г.), "уволенный из Училища правоведения по неокончании курса наук", "человек недалекого ума, но неблагонадежный и играющий роль нигилиста" (*ЛН.* Т. 71. С. 456; комментарий М.Л.Семановой); финансировал газету "Народная летопись", издававшуюся участником Знаменской коммуны литератором А.Ф.Головачевым, вступил в фиктивный брак с активной участницей женского движения

В.А.Зайцевой (сестрой критика В.А.Зайцева), благодаря чему она избавилась от деспотичного и консервативно настроенного отца и уехала за границу, где вышла замуж за доктора Якоби (см. об этом: *Жуковская Е.Н.* Из записок шестидесятницы. 1. Вне коммуны. 2. Гауптвахта // Звенья. М.–Л., 1932. Вып. 1. С. 346; *ЛН.* Т. 67. С. 730 — заметка Б.П.Козьмина).

По-видимому, эта история в шаржированной форме отражена в романе "На ножах" (брак князя Вахтерминского и Казимиры Швартновской).

О какой княжне Долгорукой идет речь в очерках Лескова, выяснить не удалось.

[9] *Edgerton, William B.* Leskov and Russian Slavic Bretheren // American Contrabutions to the Fourth International Congress of Slavists. S-Gravenhage, 1958.

[10] См. об этой истории: *Берг Н.В.* Краков и мои в нем похождения // *БдЧт.* 1864. № 3. С. 20–21.

[11] См. об этом комментарий А.А.Горелова в кн.: *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 458 (примеч. 53).

[12] Кратко перечислю другие дополнения второй редакции:

1) Часто цитируемый в работах о Лескове фрагмент, в котором он вспоминал о своей жизни среди народа, о юности на гостомельском выгоне и т.д. (Сб. С. 320–321). Ни подробного рассказа о себе, ни инвектив против "народничающих" Успенского (Николая?) и Е.И.Якушкина, против "антишекспировской" критики, ни упоминания о некоем "ученом химике", утверждающем, что "будущее принадлежит грязи" (вероятно, Н.Г.Чернышевский, противопоставлявший в романе "Что делать?" живую, целительную грязь народной жизни болезнетворной грязи высших сословий) в журнальном варианте очерков не было (см.: *БдЧт.* № 5. С. 18–19);

2) Наименование некоего чиновника (в журнальном тексте "статский чиновник" — *БдЧт.* № 5. С. 7; в книжной редакции — "почтамтский" — Сб. С. 303) "северным почтальоном" и упоминание, что впоследствии так стали называть совсем иных людей, ведомства не почтамтского (возможно, и эмиссаров Герцена, и чиновников III Отделения);

3) Протест против запрета в русских газетах критики Наполеона III и замечание, что в это же время французская печать "поносит дорогое русским имя нашего благородного Государя" (Сб. С. 298; ср.: *БдЧт.* № 5. С. 4). "Верноподданнические" рассуждения вообще не встречаются в тексте первой редакции;

4) Язвительный пассаж по поводу русских дворян, не заботящихся об изучении их детьми, живущими в Париже, русского языка (Сб. С. 302);

5) Более подробный, с "натуралистическими" деталями рассказ о бедствовавшем русском учителе, его жизни с француженкой и о помощи, оказанной ему русской поповкой (Сб. С. 309; ср.: *БдЧт.* № 5. С. 11);

6) Уточнение, что горничная Саша родилась в "Кромском уезде", то есть происходит из тех же мест, что и сам писатель (Сб. С. 336; ср.: *БдЧт.* № 5. С. 28).

[13] Основные криптонимы и инициалы раскрыты в комментарии автора этой статьи в издании: *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1993. Т. 2(2). С. 547–574.

[14] См. о нем подробнее: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 263, 298, (примеч. к статье Н.Е.Крутиковой "Письма М.А.Маркович (Марка Вовчка) (1859–1864)"); *Лобач-Жученко Б.Б.* Літопись життя і творчості Марка Вовчка. Вид. 2-е. Київ. 1983. С. 121; Листи до Марка Вовчка: В 2 т. Київ, 1979. Т. 1. С. 151.

[15] *Совр.* 1861. № 7. Ссылка на статью Н.Г.Чернышевского дана самим Лесковым во второй редакции очерков.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

НОВОЕ О ДЕТСКИХ И ЮНОШЕСКИХ ГОДАХ ЛЕСКОВА

По материалам орловских архивов

Сообщение Р.М.А л е к с и н о й

О РОДИТЕЛЯХ ЛЕСКОВА

В фондах Государственного архива Орловской области и в лесковском фонде Государственного музея И.С.Тургенева хранятся документы, проливающие дополнительный свет на биографию Лескова и его родителей.

В "Формулярном списке о службе Орловской палаты Уголовного суда бывшего дворянского заседателя коллежского асессора Семена Дмитриевича Лескова"[1] есть сведения о его служебных обязанностях со 2 июня 1811 г. по 24 января 1839 г. В "формуляре" за 31 августа 1827 г. зафиксировано: "Вовсе из ведомства Казенной палаты с должным аттестатом выбыл" Следующая запись: "В Орловскую палату Гражданского суда по прошению определен от короны заседателем" (датируется 18 июня 1832 г.).

Этот перерыв в деятельности отца писателя А.Н.Лесков объяснить не смог: "В 1827 году Семен Дмитриевич возвращается в Орел (из Ставрополя.— *Р.А.*) в невздорном чине и не без скромного достатка <...> В апреле 1830 года, на Красную горку, Семен Дмитриевич женится на бесприданнице Марье Петровне Алферьевой. Чем он занимался почти пять лет, живя здесь, формуляр его не говорит"[2].

Сам писатель несколько иначе рассказывал об этих событиях: «...отец мой при кавказских "винных операциях" не нажил ничего, кроме пяти тысяч ассигнациями, которые получил в награду при оставлении им этого места в 1830 году. В 1830 году с этими маленькими деньгами он приехал в Орел, встретил мою мать <...> женился на ней, получив за нею в "обещание" приданое тоже в пять тысяч рублей — тоже, разумеется, ассигнациями» (XI, 9).

Итак, у сына и внука Семена Дмитриевича не было единого мнения о времени его возвращения в Орел. Андрей Николаевич опирался на "формуляр", который не сообщает, однако, когда С.Д.Лесков действительно вернулся в свой город. Николай Семенович, использовавший свои "памяти", был ближе к истине.

Сведения о начале службы Семена Дмитриевича в орловской Гражданской палате в 1832 г. подтверждаются протокольными записями заседаний палаты. Под протоколами есть его первая аккуратная роспись, с характерным тогда росчерком-петлей в конце фамилии: "Заседатель Семен Лесков"[3]. Нам удалось обнаружить записи "Верющих писем", содержащих некоторые данные о жизни С.Д.Лескова 1827—1830-х годов. В книге сохранилась заверенная самим Семеном Дмитриевичем писарская копия его доверенности на имя тестя: "Милостивый государь батюшка Петр Сергеевич, имея надобность получить из Слободско-Украинского Приказа общественного призрения[4] находящиеся в оном по билету 7 августа 1828 года за № 1438 собственные мои государственными ассигнациями шесть тысяч девятьсот рублей денег с причитающимися на оные за четыре года процентами, но не имея к тому возможности по случаю нахождения моего на службе в Орловской палате Гражданского суда, за ходатайством покорнейше прошу Вас, милостивый государь батюшка, принять труд на себя оный в течение

3 дней письмо представить в Слободско-Украинский приказ общего призрения и просить о выдаче мне означенных денег <...> С истинным навсегда почтением честь имею быть, милостивый государь батюшка, послушный сын Ваш Семен Дмитриев Лесков коллежский асессор, июля 18 дня 1832 года. Сия доверенность принадлежит тестю моему, сенатскому регистратору Алферьеву <...> Колежский асессор Семен Дмитриев сын Лесков руку приложил, а подлинное, верющее, письмо взял к себе обратно того же числа"[5].

Таким образом, ровно через год после отставки из Казенной палаты Семен Дмитриевич положил капитал "под проценты" Происходило это не в Орле, где, по утверждению внука, он тогда жил, а в Харькове, губернском городе Слободско-Украинской губернии. Сын и внук передали нам прочно сохранившиеся в памяти родных сведения о ставропольских пяти тысячах. Но найденный документ свидетельствует, что в 1828 г. капитал Семена Дмитриевича достиг почти семи тысяч рублей. Становится ясно, что на какие-то средства он не только жил некоторое время сам, но и справил свадьбу и ездил хлопотать в Петербург о назначении на службу.

Мы вправе предположить, что с 1827 г. отец писателя жил на территории Слободско-Украинской губернии и находился на частной службе, поэтому сведений о ней нет в "формуляре". В 1830 г. он приехал в Орел, женился, после чего и начал хлопоты о государственной службе. В 1832 г. он получил назначение "от короны" быть заседателем в Гражданской судебной палате. Жена его тогда еще жила у сестры в сельце Горохове[6]. Там уже рос и сын — первенец Николай. Пришло время обзавестись собственным домом и хозяйством в губернском городе. Для этого и понадобился капитал.

17 августа 1832 г. Семен Дмитриевич приобрел "собственный деревянный дом, состоящий города Орла в 3 части I квартала под № 43, дошедший ему от титулярного советника Николая Питонди по купчей"[7]. Купчей крепости не сохранилось, но подробности о состоянии городской усадьбы мы можем восстановить по другим источникам. Из документов по продаже дома с аукциона в 1842 г. мы узнаем, что за домом был "плодовитый сад" и что дом был на каменном фундаменте. Из "Сведений об имуществе и домах, сгоревших в г. Орле 16 и 17 июня 1850 года"[8], видно, что дом был одноэтажный, а кухня размещалась в отдельной постройке, был погреб и амбар, конюшня и каретный сарай. Из "Таблицы подробного описания угодий"[9], составленной после пожара, имеем сведения о размере всей усадьбы. Она занимала 1008 саженей (под строениями и двором — 453, под садом — 555). В "Формуляре": "Коллежский асессор Семен Дмитриевич Лесков. Дворянский заседатель. Сорока девяти лет <...> Недвижимого имения родового не имеет. Благоприобретенное — в городе Орле деревянный дом, с местом, и при нем дворовых людей мужска пола три души и женска пола одна душа. За женой родового не имеет. Благоприобретенного — в городе Орле при доме мужа дворовых людей женска пола две души". За пользование землей Лесковы платили 10 рублей поземельного сбора[10].

В день оформления купчей на дом Семен Дмитриевич, как всегда, присутствовал на судебном заседании. В тот день в очередном протоколе палаты зафиксировано: "1832 года августа 17 дня, среда, Орловской палаты Гражданского суда господа присутствующие в присутствие прибыли: председатель — статский советник Фризев, заседатели от дворянства: поручик Кондауров, коллежский асессор Лесков, от купечества Шушпанов. Пополудни, в 9 часов"[11].

С этим домом, описанным в "Несмертельном Головане" (см. VI, 355), была связана жизнь Лескова с 1832 по 1842 г.

Служебные дела С.Д.Лескова складывались, по-видимому, благополучно. В его "Формуляре" сказано: "Во время последнего служения (в Уголовной Палате.— *Р.А.*) по назначению начальства произвел несколько следствий и два раза по Губернскому правлению исполнял должность советника, от двух до четырех месяцев" Однако вскоре он вышел в отставку: "Из Палаты сей выбыл 1839 января 24".

В "Автобиографической заметке" писатель припоминал, что причиной отставки отца было, якобы, его "столкновение" с губернатором А.В.Кочубеем, «в угоду которому при следующих выборах остался без места как "человек крутой"» (XI, 10). Но Кочубей еще в 1837 г. был сменен Н.В.Васильчиковым. Отставка, по-видимому, объяснялась другими обстоятельствами. Кстати, именно Васильчиков и ходатайствовал перед С.-Петербургом о повышении С.Д.Лескова в чине "за выслугу лет" При оформлении его старшего сына в Уголовную палату этих документов не могли найти, т.к.

их уничтожил большой пожар в Орле 1843 г. Но сохранилась не замеченная до сих пор публикация в "Орловских губернских ведомостях" за 1838 г. (№ 35, май). В "Официальной части" газеты, в разделе "Об удостоенных к награждению", сказано: "Орловское губернское правление <...> определило: ходатайствовать о награждении чинами: заседателя Уголовной палаты, коллежского асессора Семена Лескова <...>".

Вскоре отец писателя вышел в отставку. Лесков в одном из писем рассказывал, что отец "рассердился, забредил <...> полями и огородами, купил хутор" (X, 310).

В конце 1838 г. на каких-то договорных условиях С.Д.Лесков становится владельцем земли и крестьян в Кромском уезде Орловской губернии. Во всяком случае, в "Росписи Кромской округи села Добрыни Николаевской церкви", за Страстную, предпасхальную, неделю 1839 г. уже была сделана запись: "Того же сельца коллежского асессора Семена Дмитриева Лескова крестьяне" (8 дворов), "Слободки Паниной коллежского асессора Семена Дмитриева Лескова крестьяне" (два двора)[12]. Это был последний документ, в котором его именуют еще "коллежским асессором", в других обнаруженных нами документах он уже называется "надворным советником", так что в отставку он ушел "с повышением".

5 июля 1839 г. оформляется купчая крепость на вышеназванные имения. Купчая не сохранилась. Но есть записи долговых обязательств. В "Книге заемных писем" сохранился под № 28 текст расписки за Панин хутор: "Надворный советник Семен Дмитриев сын Лесков, занял я у генерал-лейтенанта и кавалера Александра Иванова сына Кривцова денег государственными ассигнациями четыре тысячи пятьсот рублей за указанные проценты сроком впредь на три месяца, то есть сего года, октября по вышенаписанное число <...> К сей записке надворный советник Семен Дмитриев сын Лесков руку приложил, а заемное письмо взял к себе того ж числа".

За Панин хутор Семен Дмитриевич рассчитывал отдать деньги, конечно, после реализации урожая. В тот же день составляется еще одно долговое обязательство, под № 47: "...надворный советник Семен Дмитриев сын Лесков, занял я у г-на генерал-лейтенанта и кавалера Александра Ивановича Кривцова денег государственными ассигнациями двадцать тысяч рублей за указанные проценты сроком впредь на три года, то есть будущего тысяча восемьсот сорок второго года, июля по восемнадцатое число, а в тех деньгах до одного срока заложил я, Лесков, ему, г. Кривцову, крепостное свое движимое и недвижимое имение, доставшееся мне по купчей крепости, писанной и совершенной в Орловской палате Гражданского суда в день текущего июля, от него ж, г. Кривцова, состоящее Кромского уезда в деревне Паниной, Александровка тож, и сельце Гостомле, Кривцове тож, всего сорок семь ревизских мужского пола душ, с их женами, вдовами, дочерьми, девками, со всем их крестьянским имуществом, с хлебом молоченым и немолоченым, со всем принадлежащим к сим душам, имеющейся землею пашенною и непашенною, с мукомольнею в деревне Паниной на речке Гостомке мельницею о двух поставах, с их сенными покосами и всеми угодьями, словом, что только мне по упомянутой купчей досталось <...> чтоб в продолжении трехгодичного срока капитальную сумму уплачивать мне ему, г. Кривцову, не все вообще, но и по частям, то есть по мере моей возможности, впрочем всякий раз не менее как по три тысячи рублей <...>

К сей записке надворный советник Семен Дмитриев сын Лесков руку приложил и закладную к себе взял того ж числа.

К сей записке коллежский секретарь Матвей Никитин сын Талановский по доверенности г. генерал-лейтенанта Александра Иванова сына Кривцова, совершенной в Каменце Подольской Гражданской палате июня 1838 года, руку приложил"[13].

В "Прибавлении" к "Орловским губернским ведомостям" № 36 за октябрь 1838 г., в разделе "Частные объявления" сообщалось: "Продается имение за сходную цену Орловского уезда в д[еревне] Труфанове, состоящее из 10 ревизских душ и 61 дес. земли с несколькими саженями, измеренной и положенной на план. В этом имении, дающем за продовольствием более 1000 руб. деньгами, находится господский дом, со всеми службами и хороший плодовитый сад <...>". Это сообщение, видимо, пришлось по душе и Лесковым и Страховым-Алферьевым, которые, мы предполагаем, решили выполнить свое обещание о приданом Марье Петровне. Имение покупается в основном на наличные деньги.

В "Книге" записей купчих крепостей и духовных завещаний 22 июля 1839 г. была зарегистрирована "купчая" на это имение[14]: "...майор Федор Андреев сын Алымов

ПАНИН ХУТОР

Орловская губерния. Кромской уезд
Здесь прошли детские годы Лескова

Фотография А.Д.Романенко. Лето 1978 года

продал я надворной советнице Марии Петровой дочери Лесковой в вечное и потомственное ее владение собственное мое движимое и недвижимое имущество <...> состоящее Орловской губернии и уезда при деревне Труфановой, в сельце Гавриловском[15], как то: написанных за означенными владельцами, а от тех земель перечисленных и записанных по нынешней 8 ревизии мужска пола крестьян девять душ, с их женами, детьми и рожденными от них после ревизии, обоего пола детьми и отданными из того числа в рекруты <1 нрзбр.> с ихним строением, скотом, прочим имуществом, с хлебом молоченым и немолоченым, в земле посеянным, да землей распаханной и нераспаханной, удобной и неудобной при означенном сельце Гавриловском, в чересполосном владении с разными владельцами состоящей, меры шестидесяти одной десятины с саженными казенной меры, с выгонною в том числе землею, с господским и с крестьянскими усадебными местами, огородными и коноплянниками и плодоносящим садом, с их всеми сенными покосами и со всеми угодьями, с господским домом, со всеми службами к оному принадлежащими, словом, что только мне по означенным крепостям досталось и что во владении моем состояло <...> а взял я, Алымов, с нее, г. Лесковой, денег государственными ассигнациями четыре тысячи рублей, с коей суммы указанные пошлины с прочими издержками платить ей, покупщице <...> К сей записке майор Федор Андреев сын Алымов руку приложил, а подлинную купчую крепость к себе взял того же числа. К сей записке надворная советница Марья, Петрова дочь, Лескова руку приложила". Их подписи "скрепил" друг Семена Дмитриевича — Тимонов[16].

Роспись на купчей — это первый из известных нам автографов матери писателя.

За покупку Мария Петровна заплатила (за гербовую бумагу, пошлины с крепостных и с акта и за объявление о совершенном акте) 200 р. 60 к. Поскольку покупные издержки всегда ложились на покупателя, Семен Дмитриевич, очевидно, обязан был заплатить за свое приобретение не менее 1200 рублей. Кроме этого, мужу и жене было необходимо оплатить ввод во владение.

Для того, чтобы ликвидировать в имении чересполосицу, Мария Петровна еще прикупила землю “в пустоше, прежде бывшей дороги, ведущей из деревни сей (Труфановой) в сельцо Послово” За эту землю она заплатила А.Г.Григорьевой-Булгаковой 500 рублей, да пошлин — 29 рублей. Свидетелем покупки был майор Алымов[17], которому она в итоге осталась должна тысячу рублей. Об этом сохранилась запись в “Книге заемных писем”[18].

Отец Марии Петровны брался за управление ее имением.

В архиве сохранился текст доверенности:

“Милостивый государь батюшка Петр Сергеевич, по купчим крепостям, в Орловской палате Гражданского суда сего года в 22 день июля совершенным, купила я имение Орловского уезда при деревне Труфановой, в сельце Гавриловском состоящее, у отставного майора Федора Алымова, девять ревизских мужска пола душ, с землею разного рода, да у губернской регистраторши Александры по мужу Григорьевой, а по отцу Булгаковой, при том же сельце, в смежности с алымовским, одной усадебной земли три десятины, во владение которым я еще не вступила.— Почему всепокорнейше Вас, милостивый государь батюшка, прошу вместо меня упомянутое имение принять в мое владение, а по принятии распорядиться им так точно, как бы сама я в том должна была действовать <...>

С истинным почтением и глубочайшею преданностию навсегда честь имею быть, милостивый государь батюшка, Марья Петрова Лескова, надворная советница, июля 27 дня 1839 года. Сия доверенность принадлежит родителю моему сенатскому регистратору Петру Сергеевичу Алферьеву.

1839 года 28 дня в Орловской палате Гражданского суда надворная советница Марья Лескова сие верющее письмо к свидетельству представя, объявила, что оное писано от нее на имя родителя ее сенатского регистратора Петра Сергеева сына Алферьева и что в окончании оного подписано собственною ее доверительницы Лесковой рукою, почему признав действительными оного и в книгу подлинников под № 112 записано. Подписали: заседатель дворянства и кавалер Петр Давыдов, секретарь Тимонов, коллежский регистратор Руднев. Подлинную доверенность от записки получила и расписалась надворная советница Марья, Петрова дочь, Лескова”[19].

Получив доверенность на управление имением, отец дал дочери еще пять тысяч рублей взаймы[20]. Из этих денег, конечно, выплачивался долг Алымову. Кроме того, были куплены еще крепостные крестьяне[21].

В итоге в 1839 г. Мария Петровна стала владелицей 15 душ крестьян мужского пола и более 64 десятин земли. Гавриловское располагалось в 18—20 верстах к северу от Орла, недалеко от реки Оки и почтового тракта Тула — Орел, в приходе села Цветынь. В имении был господский дом со строениями, т.е. хозяйственными постройками, огород, плодоносящий сад. Следовательно, имение было пригодно для постоянного пребывания семьи.

В кромских же деревеньках Семена Дмитриевича господских построек еще не было (о них нет сведений в закладной; книга Добрынской церкви это тоже подтверждает, в ее записях ни за селом Кривцовым, ни за Паниным хутором дворовых крестьян не значится). Там нужно было строиться заново. Но к концу 1839 г. у Лесковых долгу было более 24 тысяч рублей. Кроме того, этот год оказался неурожайным. Значит, осенью 1839 г. долг заплатить не могли. А весною 1840 г. крестьяне не захотели сеять яровые. Как рассказывал Лесков в повести “Юдоль”, по приметам крестьяне поняли, что урожая и на этот год не будет, и не хотели, чтобы “зерно в земле пропало”. Семену Дмитриевичу пришлось засевать и их пашни (IX, 220—221).

Действительно, 1840 год “ни одного колоса” в поле не дал[22]. Началось страшное народное испытание, к которому умный и сердечный отец писателя не мог остаться безучастным.

“Около 1840 года” умер отец Марии Петровны П.С.Алферьев[23]. Управлять имением жены пришлось самому Семену Дмитриевичу. Гавриловское, уже приспособленное для жизни, помогло сэкономить средства. Сдав дом в Орле в аренду[24], Лесковы переехали в Гавриловское.

Запись, сделанная рукой священника Гергиевской церкви села Цветынь (в то время “приписанного” к церкви села Послова) Ипполита Данкова в “Исповедальной ведомости” за 1839 год, утверждает, что к великому предпасхальному посту этого года

Лесковы уже были жителями деревни Труфановой, названной в "купчей" Гавриловской.

Обычно список прихожан к обязательной исповеди готовился в церкви после Рождества. В этом списке сначала было записано: "Дер. Труфановой помещик майор Алымов Федор Андреев — 34 лет" Запись, сделанная дьячком, зачеркнута, и рукой священника зафиксированы новые владельцы сельца:

"Помещик надворный советник Семен Дмитриев Лесков — 47 лет, жена его: Мария Петрова — 24 лет. Дети их: Николай — 9, Наталья — 4, Алексей — 3, Михаил — 1. Дворовые люди: Девица Анна Стефановна — 28, девица Анна Андреевна — 16, брат ее, Павел Андреев — 13, Николай Иванов — 13". Далее остается запись крепостных крестьян, купленных у Алымова: "Мавра Петрова — 50 (в предыдущих записях она именовалась Марьей Петровной), дети ее: Константин — 20, Петр — 19, Георгий — 8" И еще две семьи: "Димиан Осипов — 41, жена его Анна Семенова — 35. Дети их: Яков — 15, Мария — 13, Татьяна — 5, Леон — 1.

Доримидон Осипов — 36, жена его Феодосия Филиппова — 28. Дети их: Иван — 7, Евдокия — 4, Матрена — 1"[25].

С некоторыми из названных имен мы можем встретиться в повестях "Житие одной бабы" и "Юдоль".

Координаты "именьица родителей", но без названия села, Лесков указал в повести "Юдоль": «Во время страшного по своим ужасам "голодного (1840) года" я был ребенком, но, однако, я кое-что помню,— по крайней мере по отношению к той местности, где была деревенька моих родителей — в Орловском уезде Орловской же губернии <...> Разумеется, все эти нынешние *мои* воспоминания охватывают один небольшой район нашей ближайшей местности (Орловский, Мценский и Малоархангельский уезды) <...> Воспоминания мои будут не столько воспоминания об общей голодовке 1840 года, сколько частные заметки о том, что случалось голодною зимою этого года в нашей деревеньке и по соседству» (IX, 219—220). В 1840-м г. умер младший брат писателя, двухлетний Миша. В голодную зиму 1840—1841 гг. умерли и некоторые из крепостных Лесковых (жена и дети Доримедонта Осипова).

Сельцо Горохово, с обитателями которого Лесковы всегда тесно общались, действительно граничило с Малоархангельским уездом. Кроме того, в Малоархангельском уезде располагались имения родителей гимназических друзей будущего писателя: П.Н.Анциферова (много позднее он стал одним из героев очерка "Дворянский бунт в Добрынском уезде" — см. об этом в наст. т. (книга первая) мою статью "Орловские источники сюжетов Лескова. (По документам Государственного архива Орловской области)"), В.И.Якушкина и К.Д.Краевича. От них он тоже мог слышать рассказы о голоде.

Богатое имение родственников матери и ее небольшая деревушка (Гавриловское) находились в Орловском уезде, но Гавриловское было ближе к Мценскому уезду.

Итак, можно предположить, что зимы 1839—1840, 1840—1841 гг. семья Лесковых прожила в Гавриловском.

В голодный — 1840-й — год Семен Дмитриевич не только не мог вести строительных работ в Панине, но не мог заплатить даже проценты за долг. Пришлось расстаться с сельцом Кривцовым и Гавриловским.

К Страстной неделе, как всегда в Гергиевской церкви, был подготовлен список прихожан для учета их причастия. В него занесены были данные и о Лесковых и их крепостных людях, сделаны отметки об умерших. Но начались сложности по выплате долга генералу Кривцову, возникла опасность продажи городской усадьбы с аукциона. Пришлось расстаться с Гавриловским. В "Исповедальной ведомости" села Цветынь вместо зачеркнутых фамилий Лесковых появилась запись: "Помещик юнкер Николай Александров — 24 лет, жена его: Елена Климова..."

Где Лесковы встречали Пасху 1841 года? В орловском доме на 3-й Дворянской или уже в Панине? Мы не можем сказать. Во всяком случае, видимо, к лету 1841 г. они обосновались в Панине, у реки Гостомли. В статье "О происшествии с Кронштадтским священником" (*ПГ.* 1887. 20 марта) Лесков рассказал, что в первый его приезд из гимназии семья жила неподалеку от Послова, располагавшегося к северу от Орла, в Орловском уезде.

Точной даты переезда Лесковых в именьице Кромского уезда пока определить невозможно, т.к. "Исповедальные ведомости" Николаевской церкви в селе Порынь с 1840 по 1849 г. не сохранились.

Дворовые люди, с которыми Лесковы приехали в Гавриловское, и первая (упомянутая в "Исповедальной ведомости" Гергиевской церкви села Цветынь) семья крепостных, купленная у Алымова, вместе с помещиками уехали в Кромской уезд и поселились на Панином хуторе, что и подтверждают "Исповедальные списки" Николаевской церкви села Добрынь[26]. Позднее они стали героями повести "Житие одной бабы"

"Памяти" прожитых лет в Гавриловском и в Панинском хуторах позднее в произведениях Лескова иногда будут совмещаться, но неизменно более радостные будут связаны с "узенькой, но чистой речкой Гостомлей".

ПЕРВЫЙ АВТОГРАФ ЛЕСКОВА

Свидетельство о рождении и крещении Лескова частично опубликовано в книге его сына "Жизнь Лескова"[27]. Местонахождение оригинала нам неизвестно. В фонде "Орловской консистории" документ не сохранился. Публикуем с гимназической копии:

"СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу его императорского величества дано сие свидетельство из Орловской духовной консистории Орловской Уголовной палаты заседателю от дворянства коллежскому асессору Семену Дмитриеву сыну Лескову, по прошению его, о рождении и крещении сына его Николая, для представления оного свидетельства в учебное заседание, а потом в службу его императорского величества в том, что рождение и крещение его, Николая, в метрической Орловского уезда села Архангельском, что в Собакине, за 1831-й год Книге записанным значится так: у отставного коллежского асессора Семена Дмитриева сына Лескова сын Николай родился того тысяча восемьсот тридцать первого года, февраля четвертого, окрещен одиннадцатого числа, восприемник сельца Горохова помещик коллежский асессор и кавалер Михаил Андреев сын Страхов. Сие таинство совершал священник Алексей Львов с причтом своим.

Сентябрь 21 дня 1836-го года.

Подлинное подписал священник Варлаам Виноградов, скрепил сенатор Афанасий Ильинский, справил столоначальник Собеловский"[28].

Внизу документа еще не устоявшимся почерком написано: "Подлинное Свидетельство получил ученик Лесков". Это первый известный нам автограф писателя[29].

Обращает на себя внимание дата выдачи этого документа. Она совпадает с датой письма-завещания С.Д.Лескова старшему сыну[30], которое тоже, видимо, надо датировать сентябрем 1836 г. Конечно, не случайно Семен Дмитриевич одновременно оформил и свидетельство о рождении старшего сына, который в 5-летнем возрасте не мог идти учиться, и завещание жене, и напутствие этому же сыну. Естественно предположить, что он в 1836 г. был серьезно болен.

ЛЕСКОВ В ГИМНАЗИИ

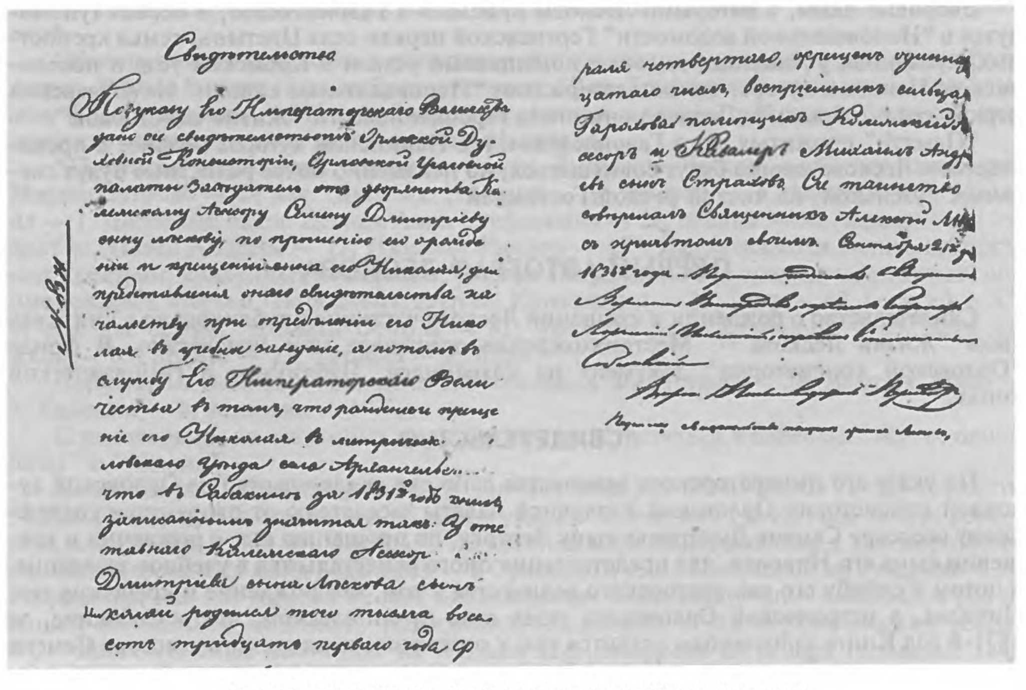
Старший сын Лесковых готовился поступить в гимназию в тяжелые для семьи годы. Сохранилось прошение Семена Дмитриевича:

"Его высокоблагородию
господину исправляющему должность
директора училищ Орловской губернии
надворного советника Семена Лескова

ПРОШЕНИЕ

Желаю поместить моего сына Николая в подведомовую Вашему высокоблагородию гимназию, покорнейше прошу определить в тот класс, в который он окажется достойным, сделать об этом распоряжение. Свидетельство о рождении и крещении, а равно и следующие в казну пятнадцать рублей ассигнациями <*1 нрзб*> представляю <...>

К сему прошению надворный советник Семен Лесков руку приложил"[31].

Свидетельство

По указу Его Императорского Величества дано сие свидетельство из Орловской Духовной Консистории, Орловской Уголовной палаты Заседателю от дворянства Коллежскому Асессору Семену Дмитриеву сыну Лескову, по прошению его о рождении и крещении сына его Николая, для представления оного свидетельства [illegible] при определении его Николая в учебное заведение, а потом в службу Его Императорского Величества в том, что рождение и крещение его Николая в метрической [illegible] Орловского уезда села Архангельского [illegible] за 1831й год книге записанным значится так: У отставного Коллежского Асессора Дмитрия Дмитриева сына Лескова сын Николай родился тысяча восемьсот тридцать первого года февраля четвертого, окрещен одиннадцатого числа, восприемник села Горохова помещик Коллежский асессор и Кавалер Михаил Андреев сын Страхов. Сие таинство совершал Священник Алексий [illegible] с причтом своим. Сентября 21 дня 1836го года.

[illegible]

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ ЛЕСКОВА

Выдано 21 сентября 1836 года

Рукопись. Внизу подпись Лескова: “Подлинное свидетельство получил ученик Лесков” (первый сохранившийся автограф Лескова)

Государственный архив Орловской области

В соответствии с сохранившейся “Ведомостью прихода и расхода суммы на содержание воспитанников” и “Штрафным журналом”[32] прошение можно датировать 20 августа 1841 г.

В “Ведомости прихода и расхода суммы на содержание воспитанников” есть запись: “№ 59. Лесков Николай. Звание: Дворянин. Время рождения: 1831. Время приема: 1841. 1-й класс — 1841, 2-й класс — 1842, 3-й класс — 1843. Выбыл: 31 августа 1846 года. Со свидетельством”.

Определив сына в гимназию, Семен Дмитриевич поместил его на наемную квартиру “к повивальной бабке за безводной рекой Перестанкою”[33], во второй части города. В той же части города, в 112-м квартале, на Нижней улице, под № 3, “у Плаутина колодца”, располагалась городская усадьба Н.П.Страховой-Константиновой, тетки будущего писателя, старшей сестры его матери. Но Натальи Петровны тогда в Орле не было. Полк ее мужа Л.И.Константинова квартировал в Туле. Его отставку подписали только 21 октября 1841 г., а 8 ноября в Туле у Константиновых родилась дочь — Мария[34]. Таким образом, они переехали в Орел не ранее середины ноября.

Сохранились “Журналы об успехах и поведении учеников гимназии”, где есть некоторые сведения об успеваемости Лескова: оценки по латыни — в основном четверки, по математике — тройки, по русскому языку — и тройки, и четверки, и пятерки, по географии, истории и немецкому языку — картина самая пестрая (есть и единицы, и пятерки). По некоторым предметам Лесков получал переэкзаменовки[35].

До 2-го класса учителем немецкого языка был В.А.Функендорф. О нем Лесков вспоминал в “Автобиографической заметке” Тот часто “приходил в пьяном бешенстве и то засыпал, склоня голову на стол, то вскакивал с линейкой в руках и бегал по классу, колотя нас, кого попало и по какому попало месту. Одному ученику, кажется

Яковлеву, он ребром линейки отсек ухо <...> и это никого не удивляло и не возмущало" (XI, 15).

В архиве мы обнаружили "Формулярный список Функендорфа, учителя Орловской гимназии, о службе и увольнении" В нем рассказывается о его службе и награждениях. Порицаний нет. "От роду 55 лет. Из иностранцев. Имеет в Орле деревянный дом. Поступил как учитель французского языка; потом стал преподавать немецкий. Младший учитель" Сохранились сведения и об однокласснике писателя Яковлеве: "из однодворцев", учился вместе с Лесковым в 1-м и 2-м классах, в 1843 г. выбыл из гимназии.

В Орловском архиве хранятся документы о результатах проверки обучения в гимназиях, подведомственных Харьковскому учебному округу. Проверка осуществлялась после ухода Лескова из гимназии инспектором казенных училищ статским советником Тюриным. "Внушения" директору и инспектору подписаны генералом от инфантерии, генерал-адъютантом князем Н.А.Долгоруковым. Он требовал прекратить телесные наказания учащихся, совершавшиеся без решения педагогического совета, запретить некоторым "нерадивым" учителям требовать от учащихся зубрежки учебников, не обращая внимания, "понимают ли они все то, что слово в слово заучено из книги" Причем указывалось, что директор и инспектор, "виновные в том, подвергнутся строжайшей ответственности". Документы отпечатаны типографским способом, без указания фамилий ответственных. Но обращает на себя внимание, что оба замечания имеют дату октябрь и ноябрь 1846 г., что в ноябре упоминаемого Лесковым директора Кроненберга в Орловской гимназии заменяют Н.П.Красовским, а в апреле следующего года "по домашним обстоятельствам" уходит в отставку инспектор П.А.Азбукин[36].

Таким образом, Алексею, брату писателя, поступившему в гимназию в 1847 г., учиться там было легче и интереснее.

В "Ведомостях..." сохранились пометы о "наказаниях" Какого рода были эти наказания, мы не знаем. Но недаром Лесков вспоминал позднее о письмах гимназистов к учителям с угрозой поджога.

Многое в жизни гимназии вызывало протест у будущего писателя и его одноклассников. "Ведомости..." рассказывают, что уроков математики учащиеся не любили и большинство их пропускало. Единицу по алгебре имел и будущий ученый-математик К.Д.Краевич. Аналогичное отношение вызывали уроки немецкого языка. Из гимназических учителей Лесков позднее вспоминал только Е.А.Остромысленского и В.В.Бернатовича.

Так или иначе, но с учением у Лескова явно не заладилось, и 13 сентября 1845 г. его отец подал в дирекцию Орловской гимназии следующее прошение: "Сына моего Николая Лескова, обучавшегося в 3-м классе Орловской гимназии, расположен я для продолжения наук перевесть в другое учебное заведение, а потому и прошу дирекцию Орловской гимназии выдать мне установленные для этого виды"[37].

Но в какое учебное заведение Семен Дмитриевич мог перевести сына и на какие средства он содержал бы его в другом городе? Не отдавать же было его в духовное училище? Во всяком случае в 1845/1846 гг. Лесков снова учился в 3-м классе. А на следующий 1846 г., когда ему исполнилось 15 лет, его уже можно было устроить в Уголовную палату.

3 июля 1846 г., в среду, состоялось совещание Педагогического совета по рассмотрению "Средне-экзаменационных выводов об учениках Орловской гимназии" за 1845/1846 академический год. В определении Совета о переводе учащихся в следующий класс имени ученика Лескова не значится, нет его и среди тех, кому назначена переэкзаменовка[38]. "Вывод", вероятно, был сделан еще в прошлом году. Но к делу приложена экзаменационная ведомость об успеваемости учащихся. В ней есть сведения и об успехах Лескова:

"Лесков Николай. Закон Божий — 4, Русский язык — 3, Латинский — 3, Немецкий — 3, Французский — 3, Алгебра — 1, Геометрия — 4, История — 3. Общая численность — 25. Среднее число — 3. Заключение — оставить"

Небезынтересно отметить, что у многих учащихся общая численность баллов составляла цифру 23, 24 и 25. И не только Лесков имел средний балл — 3. Но у этих одноклассников писателя в графе "заключение" стоит: "Перевести", поскольку их поведение оценено "четверкой", тогда как у Лескова стоит "3" С тройкой по поведению его снова оставили в 3-м классе. Нужно было уходить из гимназии.

ОРЕЛ. БОЛХОВСКАЯ УЛИЦА

Отркрытка. 1910-е годы

Государственный музей И.С.Тургенева, Орел

20 августа 1846 г. Семен Дмитриевич подал еще одно прошение в дирекцию гимназии:

"Расположившись по обстоятельствам моим, сына моего Николая, ученика 3-го класса оной гимназии, перевести в другое учебное заведение или определить на службу, я покорнейше прошу Дирекцию гимназии на увольнение означенного сына моего из ее ведомства сделать определение и снабдить его установленными по правилам видами, как то, свидетельством о его происхождении и аттестатом о его успехах в науках по последнему экзамену оказанных, равно и о поведении"[39].

Вспомним, что в "Ведомости прихода суммы на содержание воспитанников" есть дата выбытия Лескова из гимназии: "31 августа 1846 года. Со свидетельством"

Завершился период отрочества. Начались "жизненные университеты"

ГИМНАЗИЧЕСКИЕ ТОВАРИЩИ ЛЕСКОВА

В "Штрафном журнале" сохранились сведения о некоторых друзьях Лескова по гимназии, что дает возможность внести определенные уточнения в мемуарные свидетельства писателя.

"№ 71. Якушкин Виктор. Из дворян. Родился: 1829. В гимназию поступил: 1842. 2-й класс: 1842. 3-й класс: 1843. 4-й класс: 1844..." Как видим, в первом классе Лесков, вопреки его воспоминаниям (XI, 71), не мог сидеть с В.Якушкиным за одной партой. Вместе они учились во втором и третьем классах. Одновременно с Лесковым в гимназии учились три брата Виктора: "№ 36. Якушкин Семен. Из дворян. Родился: 1830. Время приема: 1842. 1 класс: 1842. 2 класс: 1843. 3-й класс: 1844..." "№ 113. Якушкин Николай. Из дворян. Родился: 1825. Время приема: 1838 <...> Выбыл: 1843...". "№ 161. Якушкин Петр. Из дворян. Год рождения: (сведений не дано). Время приема: 1838 <...> Вышел со свидетельством в 1842" Естественно предположить, что, учась с младшими братьями Павла Ивановича Якушкина, Лесков бывал в их доме. "Деревянный дом со

строениями помещицы Прасковьи Якушкиной" располагался в Орле по Нижне-Дворянской улице (ныне ул. М.Горького), в 23 квартале[40].

"№ 75. Анциферов Петр. Из дворян. Родился: 1828. Время приема: 1840. 1-й класс: 1840. 2-й класс: 1841. 3-й класс: 1842..." В авторском примечании к "Дворянскому бунту в Добрынском приходе" Лесков сообщал: "Он мой ровесник и мой товарищ с первого класса гимназии. Когда я поехал из Орла в Киев, Анциферов отправился в Ярославль, окончил курс в Демидовском лицее..."[41] Как видим, Анциферов был на три года старше Лескова, учились они одновременно, но с 4-го класса Анфицеров уехал учиться в Ярославль. Знакомы они могли быть и по соседству дома тетки писателя с домом Анциферова. С ним у Лескова сохранились "товарищеские отношения" навсегда. В "Памятной книжке" писателя есть его собственноручная запись петербургских адресов П.Н.Анциферова: "Канатная, № 7, кв. 2" — этот адрес зачеркнут. Записан новый: "Нев<ский> пр., близ Лавры, № 167, кв. 6"[42].

"№ 176. Тиньков Александр. Из дворян. Год рожденья: 1829. Время приема: 1838. 2-й класс: 1838. <...> 7-й класс: 1843. Выбыл 27 июня с аттестатом" Следовательно, будущий герой 12-й главы "Мелочей архиерейской жизни" был знаком Лескову с гимназических лет.

Почти ровесником Лескова был сын Ефимия Андреевича Остромысленского (1803—1887), духовного писателя, преподавателя закона Божия в Орловской гимназии, в 60-е годы кафедрального протоиерея Петропавловского собора, друга Семена Дмитриевича Лескова. "№ 25. Остромысленский Николай. Из духовенства. Год рожденья: 1832. Вступил: 1842. 1-й класс: 1842. 2-й класс: 1843. 3-й класс: 1844..." В третьем классе они учились одновременно. В Орле на ул. Салтыкова-Щедрина сохранился дом Е.А.Остромысленского в перестроенном виде. Лесков не мог не бывать в этом доме, располагавшемся во 2-м квартале под № 11. С отцом своего товарища по гимназии Лесков сохранил переписку до конца жизни Е.А.Остромысленского, дарил ему свои сочинения. В "Пугале" Лесков о нем вспоминал как о "хорошем друге <...> отца и друге всех нас, детей, которых он умел научить любить правду и милосердие" (VIII, 52)[43].

ПЕРВАЯ СЛУЖБА ЛЕСКОВА

Орел стал первым курсом "жизненной школы" Лескова.

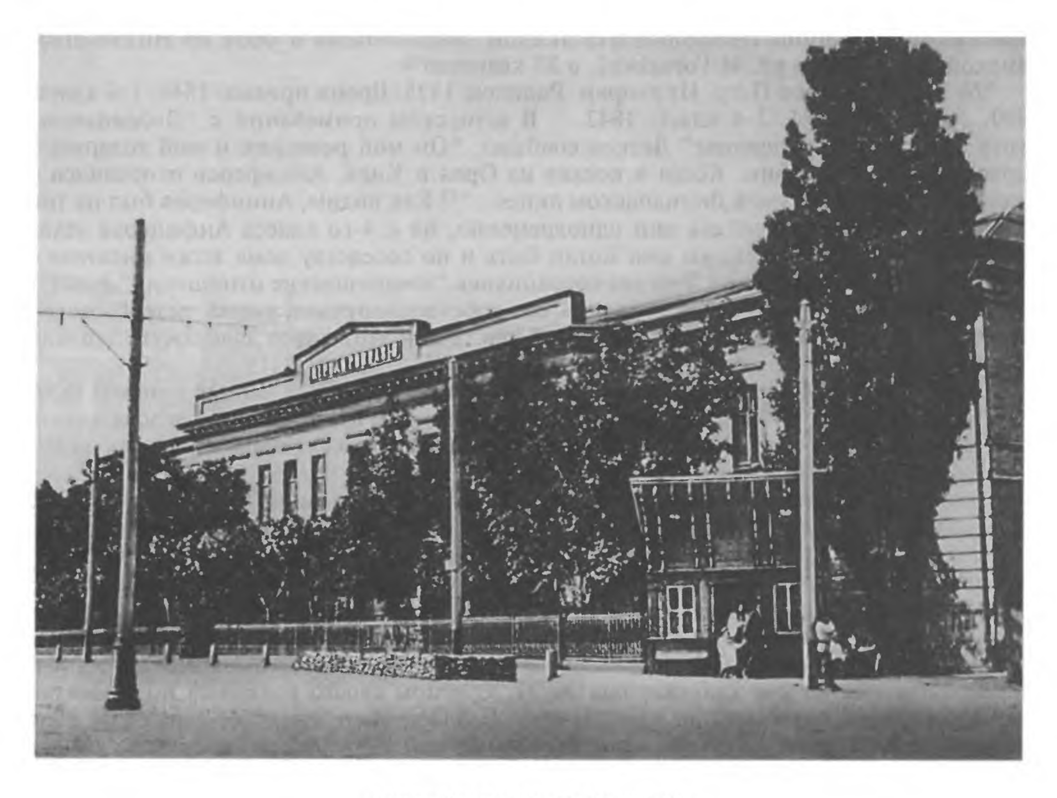
Сын писателя свидетельствовал, что осенью 1846 г. его отец поступил в Орловскую палату Уголовного суда: "Первоначальный искус в палате тянется с полгода". Лишь по истечении этого срока, когда Лескову исполнилось "полных шестнадцать лет", "становится возможным зачисление на государственную службу"[44].

В ответ на решение Палаты 23 мая 1847 г. о принятии Лескова в штат Губернское присутствие 30 мая приказывает: "...как из документов о присхождении усматривается, что отец его награжден чином коллежского асессора, когда же пожалован надворным советником не видно, а потому правление при такой несобразности в чинах удовлетворить требование палаты относительно определения Николая Лескова не может" В следующем прошении палата Уголовного суда снова обратилась в Губернское присутствие: "...зная, что отец его награжден чином надворного советника уже в отставке и озабачиваясь в настоящее время <...> представления им доказательства о пожаловании отца его чином надворного советника, сделать распоряжение об определении его в число канцелярских служителей на правах сына коллежского асессора <...>" (Материалы для биографии Лескова. Публикация Я.Горожанского // Орловские губернские ведомости. 1900. 15 и 16 марта).

Николая Лескова 30 июня 1847 г. зачисляют в палату Уголовного суда писарем 2-го разряда с жалованием 36 р. сер. в год.

В этот период жизни будущего писателя огромную роль сыграл Афанасий Васильевич Маркович, друг Гоголя и Шевченко, сосланный в Орел, когда Лесков уже вошел в штат Палаты.

В орловском архиве сохранилась "Переписка Киевской Палаты государственных имуществ с орловским губернатором"[45]. Она дает точные сведения о приезде Марковича в Орел. Документы утверждают, что Маркович "продолжил службу в Орле с 13 июня 1847 по 26 июня 1851 года" В "Ведомости" о молодых дворянах, находивших-

ОРЕЛ. ГУБЕРНСКАЯ ГИМНАЗИЯ,
в которой Лесков учился в 1841–1846 годах

Фотография. 1910-е годы

Государственный музей И.С.Тургенева, Орел

ся на службе в орловских губернских присутственных местах за 2-ю половину 1848 г., посланной "государю императору" и "г. министру внутренних дел", сообщается: "Коллежский секретарь Афанасий Маркович, 26 лет, по высочайшему повелению назначен на службу в Орловскую губернию, где и определен 13 июня 1847 года <...> прислан по высочайшему повелению из С.Петербурга"[46].

В присутственных местах губернии тогда служили и братья Якушкины. В Уголовной палате значится "писец 1 разряда Николай Иванов сын Якушкин, 23 лет, поступил в Орловскую палату Уголовного суда 21 июня 1846 года", "воспитывался в Орловской губернской гимназии"[47]. По Канцелярии губернатора записан "Александр Якушкин, 27 лет, действительный студент. В службу вступил 1 апреля 1847"[48].

Одновременно с Лесковым в Орловском Дворянском депутатском собрании служили его двоюродные братья Страховы: с марта 1849 г. — Андрей Михайлович, а с июня того же года — Иосиф Михайлович.

Молодежь часто встречалась в доме Михаила Саввича Мардовина, титулярного советника со старшинством, столоначальника Орловской Гражданской палаты. В его доме жила Мария Александровна Вилинская (будущая Марко Вовчок), племянница М.С.Мардовина, на которой в 1851 г. женился Маркович.

Эти люди составили круг общения молодого Лескова.

В год поступления его на службу из Канцелярии губернского прокурора в Губернское присутствие перешел Василий Логинович Иванов, скоро ставший помощником редактора "Орловских губернских ведомостей"[49]. Умный, обходительный, честный и деликатный человек, он сумел вызвать уважение и сердечное отношение к себе у "не-

терпячего" юноши. В фондах Государственного музея И.С.Тургенева хранятся письма Лескова к нему[50]. «Помню не только нашу последнюю встречу в Орле <...> но помню гораздо более раннюю пору — жизнь нашу близ Василия Великого у Хлебниковой; чернокудрого "Евгена" с его "штананами", корявого Лаврова, глистовидного Георгиевского в коричневом "франтове" с Ильинки, Жданова, с шишкой на скуле, и Вас, отменно чисто выбритого, в "пальто-греке" летом и в "хорьках" зимой. Помню Журавлева и Марковича»[51]. Лесков радовался тому, что и в старости они друг друга помнят, и спрашивал о судьбе "могикан приказничества". Через три месяца в письме к В.Л.Иванову он вспоминал только что умершего И.М.Сребницкого, чиновника Уголовной палаты, яркого человека, оказавшего на молодого Лескова значительное влияние. Лесков и другие земляки помогали ему материально. В письмах к В.Л.Иванову Лесков вспоминал и "Евгена", который "учил" старика-портного Жильберта.

Портной Жильберт имел дом на Болховской улице (Большая Дворянская). Он упомянут Лесковым в "Умершем сословии" (VI, 457). Евген Онучин учился с Лесковым в гимназии. Потом, видимо, они вместе служили в палате.

О Николае Жданове есть сведения в тех же документах "О молодых дворянах...": "Николай Жданов, 22 лет. В Орловскую палату Гражданского суда поступил 1845 года, октября 16 дня. Воспитывался в Орловской гимназии"[52].

В 1868 г. коллежский асессор Д.П.Георгиевский был товарищем председателя Уголовного суда, его непосредственным начальником, т.е. председателем Палаты, был коллежский советник Луциан Ильич Константинов, муж тетки писателя, а одним из заседателей суда — И.М.Сребницкий[53].

Судьба этих людей интересовала Лескова. И, наверное, они были из тех, чьи рассказы об Орле послужили материалом для произведений писателя.

Конечно, это далеко не полный перечень тех людей, с которыми Лесков мог быть близок в этот период, когда он впервые прочитал очерк "Хорь и Калиныч", а потом и другие произведения из "Записок охотника" Рядом были люди, интересовавшиеся литературой, а он — юноша, уже хорошо, однако, узнавший жизнь и людей родного края, "задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством" и тогда же осознал, что "народ просто надо знать" (XI, 12).

Итак, 30 июня 1847 г. Лесков "вступил в Орловскую палату Уголовного суда и был причислен Орловским Губернским правлением ко 2-му разряду"[54]. Поселился он тогда вместе с В.Л.Ивановым "у Василия Великого", в доме А.В.Хлебниковой[55]. Дом сгорел во время пожара 1843 г.

СЕМЬЯ ЛЕСКОВЫХ ПОСЛЕ СМЕРТИ ОТЦА

К этому периоду жизни писателя относится его прошение, сохранившееся в деле брата Алексея Семеновича Лескова:

"Его высокоблагородию
г. директору училищ Орловской губернии
коллежскому асессору Егору Егоровичу Бенит
служащего в Орловской уголовной палате
писца 2 разряда Николая Семеновича Лескова

ПРОШЕНИЕ

Родитель мой надворный советник Семен Дмитриев Лесков, имея желание поместить родного брата Алексея Лескова для обучения наукам в здешнюю губернскую гимназию, но по болезни не будучи в силах прибыть в г. Орел, поручил мне обратиться к Вам об этом с прошением, почему я, представляя при сем два свидетельства о рождении и крещении брата моего и медицинское обследование о его здоровье, покорнейше прошу Ваше высокоблагородие о помещении означенного брата моего Алексея Лескова в вверенную Вам гимназию сделать надлежащее распоряжение. Притом имею честь объяснить, что копии с Протокола о дворянстве сейчас находятся в рассмотрении Герольдии. К сему прошению писец 2-го разряда Николай Лесков руку приложил"[56].

Прошение написано целиком рукой писателя. Автограф не датирован. Но в тексте его указано, что документы о дворянстве еще не оформлены. Нам известно, что они были поданы "на рассмотрение" 10 февраля 1847 г. А "определение" состоялось 11 марта 1848 г.[57]. В тексте указывается, что Лесков — писец 2-го разряда. Он им стал 30 июня 1847 г. Таким образом, мы вправе датировать автограф концом июля-августом 1847 г., так как в эти месяцы обычно подавались заявления о приеме в гимназию и проходили вступительные экзамены.

В Орловском областном краеведческом музее, в научной библиотеке за номером 11371 хранится Книга настольной канцелярии Орловского дворянского депутатского собрания "Алфавитный указатель утвержденных правительствующим Сенатом дворянских родов, внесенных в Дворянскую Родословную книгу Орловской губернии", где на лл. 159—160 значится:

"Лесковы:

1. Семен Дмитриевич		Признание в дворянском достоинстве по заслугам 11 мар. 1848 г.	Указ Правительствующего Сената об утвержд<ении> в дворянстве 28 декабря 1848 года № 1566
2. р. 4 февраля 1831 г. Николай 3. 7 июля 1836 г. Наталия 4. 9 июня 1837 г. Алексей 5. 1 ноября 1841 г. Михаил 6. 1 августа 1844 г. Василий	Семеновы		

В дело "Ведомости о молодых дворянах, служащих в Орловских присутственных местах за 2-ю половину 1848 г." было включено и имя Лескова, получившего к тому времени документ о внесении его в дворянскую родословную книгу Орловской губернии и потому повышенного по службе. К "Ведомости" приложено "Уведомление", подписанное "исправляющим должность" председателя палаты Уголовного суда Д.Н.Клушиным:

"Его сиятельству господину военному губернатору г. Орла и орловскому гражданскому губернатору и кавалеру.

Составленную ведомость о молодых дворянах за вторую половину 1848 года палата Уголовного суда при сем честь имеет донести, что из числа показанных в этой ведомости писец 1-го разряда Лесков не был помещен прежде в предоставляемых ведомостях, за непредставлением им документов о дворянском происхождении"[58].

Так впервые имя Лескова было занесено в список молодых дворян. Они представлялись в самые высшие инстанции: "Писец 1-го разряда Николай Семенов сын Лесков, 17 лет, поступил в Орловскую палату Уголовного суда 30 июля 1847 <...> воспитывался в Орловской губернской гимназии. Находится налицо. Поведения хорошего. Способности хорошие"[59].

Аналогичная запись посылалась "Государю императору" и "г. Министру внутренних дел"

Такие же сведения за 1-ю половину 1849 г. были доставлены губернатору, а потом отправлены в Петербург.

В деле "О службе канцелярских служителей Орловской палаты Уголовного суда" подшит и "формулярный список" Лескова:

"Писец первого разряда Николай Семенов Лесков. Помощник столоначальника Орловской палаты Уголовного суда. Осьмнадцати лет. Православного вероисповедания. С жалованием 72 рубля. Из дворян" В графе: "Есть ли имение": "Родового нет. Благоприобретенное у родителей его в Кромском уезде. 11 душ. 55 десятин <...> Обучался в Орловской губернской гимназии. По прошению из третьего класса оной выбыл в 1846 году". "В службу вступил в Орловскую палату Уголовного суда с причислением по второму разряду 1847 года, июня 30. По представлению документов о дворянском происхождении переименован Орловским губернским правлением в писцы 1-го разряда. В 1848 году определен помощником столоначальника 28 июня" В графе "К продолжению статской службы": "Способен"; "Повышение чинов": "Достоин", "Холост"[60].

Последняя запись в "формуляре" почти совпадает по времени с датой смерти отца.

В деле гимназиста Алексея Лескова сохранилось прошение матери:

"В дирекцию Орловской губернской гимназии
надворной советницы Марии Лесковой

ПРОШЕНИЕ

Сына моего Алексея Лескова, ученика 4-го класса, обучавшегося в Орловской губернской гимназии, по обстоятельствам моим желаю я переместить в Киевскую 2-ю гимназию, почему покорнейше прошу оного директора о увольнении сына моего и о выдаче ему свидетельства об успехах, равно и всех документов его в оной дирекции имеющих<ся>, как-то копии с протокола о дворянстве и метрическое свидетельство.

Надворная советница Марья Лескова

Свидетельство об учении и документы: копию с протокола о дворянстве и метрическое свидетельство о рождении и крещении и свидетельство об оспе получил Алексей Лесков.

18<48>-го июля 15"[61]

При сопоставлении прошения о принятии Алексея Лескова в гимназию и прошения об увольнении из гимназии можно придти к заключению, что он был принят сразу в 4-й класс. Учился он успешно. Мать подчеркивала, что хочет перевести сына в киевскую гимназию. Значит, Алексей поехал в Киев к дяде Сергею Петровичу первым. А уже через год, взяв отпуск, туда же отправился будущий писатель.

Мария Петровна с двумя другими сыновьями и двумя дочерьми оставалась пока жить в Панине. В 1850 г. дочери Марии было всего полтора года. Следовательно, она родилась уже после смерти отца, т.е. не раньше сентября, но и не позже ноября 1848 г. В записях священника мы видим и имя нянюшки писателя — Анны Стефановны Каландиной (в семье Лесковых ее называли Анной Степановной). Ей, как и Марье Петровне, в 1850 г. было 37 лет. Андрей Николаевич в книге об отце состарил ее на год[62]. Надо внести еще одну поправку в воспоминания сына писателя: нянюшка умерла, не достигнув немного 99 лет, т.е. на несколько лет позднее, чем полагал А.Н.Лесков. Остальные дворовые не были коренными жителями Панина, так же, как и нянюшка. Их привезли из Гавриловского.

О составе жителей Панина хутора в 1851 г. рассказывают "Материалы по сбору сведений с мелкопоместных дворян Орловской губернии": "Надворная советница Мария Петрова Лескова, у ней 4 сына и 3 дочери, из них один сын взрослый; а остальные несовершеннолетние, 2 души и детям принадлежат 13 душ. Пребывает в деревне Паниной, с землей 58 десятин. <Живет> получаемым с имения доходом. Старший сын Николай состоит на службе в Киевской Казенной палате, второй сын Алексей обучается во 2-й Киевской гимназии; а остальные: Михаил и Василий и дочери воспитываются при матери"[63].

Церковные записи помогают нам точнее определить, когда братья и сестры писателя покинули Панинский очаг. В 1852 г. на Страстной неделе в Панине нет уже Миши. Следовательно, осенью 1851 г. он был определен на учение. В 1853 г. — нет Натальи и Василия.

В семье было традицией собираться в Панине в июле. Это был месяц смерти отца, посещения его могилы.

В церковных записях, относящихся к весне 1861 г., нет имени Маши. Судя по письмам иеромонаха Площанской Богородицкой пустыни Вонифатия (друг семьи Лесковых, бывший священник Добрынской церкви Василий Бунин — см. о нем подробнее в статье "Орловские источники сюжетов Лескова"), именно в это время Маша умерла[64]. Но вызывает сомнение место ее учебы и смерти, указанное в книге "Жизнь Николая Лескова" Она, вероятно, училась не в деревне Черемисовка, но в селе Рождественском, "Корытине тож", расположенном в 16-ти верстах от Денисова колодца, имения Н.П.Страховой-Константиновой, тетки писателя. Рождественское находилось в Ливенском уезде, на реке Любовше. Принадлежало оно капитану в отставке Череми-

синову. Его жена Екатерина Ивановна Черемисинова (рожд. Маркова) держала с 1850 г. пансион для девочек от 7 до 13 лет. Там, вероятно, и училась, и умерла Маша Лескова[65].

КОНЕЦ ПАНИНА

Мы знаем о приездах Николая Семеновича с женой и детьми в Панино в 1856 г. (XI, 801). Первенец писателя умер в один из таких приездов на Орловской земле[66].

Навещал Лесков родные места и в 1857 г., когда, исполняя служебные поручения, перевозил крестьян графа Нарышкина и Перовского в Поволжье[67].

Бывал Лесков в Панино и в 1860[68] и 1862 гг.[69]. Видимо, тогда Мария Петровна вызывала старшего сына для совета о продаже Панина, где она продолжала еще жить с дочерью Ольгой. 16 июля 1863 г. Василий Семенович сообщил брату Алексею Семеновичу о ликвидации панинского имущества и инвентаря[70].

Книга "купчих крепостей" за 1863 г. сохранилась[71]. Отсутствуют в ней только сведения за июнь. Видимо, купчая на продажу Панина была оформлена как раз в июне 1863 г.

В "Орловских губернских ведомостях" в 1865 г. появилась публикация "О данных" от Гражданского суда, где объявлялось, что из этой палаты выданы сведения, 1863 г. 13 июня: "...25 числа, на проданную надворною советницею Марьею Петровой и детьми ея губернским секретарем Николаем, прапорщиком Михаилом, коллежским асессором Алексеем, белицею Орловского Введенского девичьего монастыря Натальею, студентом Киевского университета св. Владимира Васильем и дочерью надворного советника девицею Ольгою Семеновыми Лесковыми, государственному крестьянину Никифору Варфоломееву Щиголеву за 1500 р. землею 13 $^1/_2$ дес. Кромского уезда, в сельце Панине, Александровка тож <...> 25 числа на проданную теми же лицами (гг. Лесковыми) государственным крестьянам Василию, Федору и Алексею Варфоломеевым Щиголевым, за 4500 руб. землею 40 $^1/_2$ десятины и водяную мукомольную мельницу, Кромского уезда, в сельце Панине, Александровке тож <...>"[72]. (По церковным ведомостям эти крестьяне писались как Щеголевы).

В июле 1863 г., отметив, как всегда, день смерти С.Д.Лескова, Мария Петровна с дочерью Ольгой и няней Анной Степановной (Стефановной) навсегда уехали в Киев. Вскоре, видимо, и Наталья-белица перешла в Киевский монастырь. В Панине, как было когда-то в 1839 г.[73], осталось два дома, в которых жили теперь "свободные обыватели" В 1864 и 1865 гг. живущими там по церковной книге значатся те же люди, что были при Марии Петровне. Сначала их называли "крепостными крестьянами", потом — "временно обязанными", затем — "свободными обывателями" Может быть, по договору о продаже земли они еще какое-то время имели право там жить. Потом на хуторе поселились две новые семьи: Варфоломеевы и Федоровы. Сопоставление фамилий жителей, записанных церковью за селом Кривцовым, позволяет сделать вывод, что хутор был продан жителям Кривцова из семьи Щиголевых. Хозяевами Панина стали двоюродные братья[74].

В "Адрес-календаре Орловской губернии" за 1864 г., в разделе: "Лица, объявившие купеческий капитал в г. Орле на вторую половину 1863 года" под № 77 значится: "Лескова Мария Петровна", с пометой "В городе не живет"[75].

Нам известны приезды Лескова в родные места в 1864[76] и в середине 1870-х годов[77]. Сведениями о последующих его приездах в Орел мы пока не располагаем. Но знаем, что Лескова всегда волновало все, что касалось жизни орловцев.

Когда в Орле встал вопрос об организации новой газеты, Лесков сразу же для ее поддержки согласился на безгонорарное печатание в ней своих произведений. Так, на ее страницах перепечатывались из столичных изданий очерки, непосредственно связанные с жизнью Орловского края: "Мелочи архиерейской жизни", "Случай из русской демономании", "Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе", "Леди Макбет Мценского уезда", "Тургеневский бережок"[78].

В областном архиве сохранилась переписка директора мужской гимназии А.В.Гриценкова с Министерством народного просвещения и с самим Лесковым по поводу пожертвования им золотой медали "для выдачи ее беднейшему из воспитанников Орловской гимназии, имеющих окончить курс в 1884 году"[79]. Свое письмо А.В.Гриценкову

Лесков опубликовал в "Орловском вестнике" 10 апреля 1883 г. Текст его был перепечатан и в наше время[80]. Мы не считаем нужным повторять публикации. Однако дополним: на последнем документе, датированном 9 ноября 1883 г., в котором из Министерства народного просвещения сообщалось о препровождении медали в гимназию, имеется резолюция Гриценкова: "По получении медали донести Департаменту оповещение, а медаль хранить в канцелярии под ответственность письмоводителя" Там же расписка письмоводителя: "Медаль на хранение принял. Письмоводитель А.Азбукин" и "Медаль получил кончивший курс гимназии М.М.Хорилевич"

В последующие годы связь Лескова с "малой родиной" выражалась в переписке с родственниками и друзьями, во встречах с ними, когда они приезжали в столицу и навещали его. Писатель посещал собрания орловского землячества в Петербурге[81]. Все это давало ему возможность быть в курсе жизни края, служило великолепным источником информации, которую он использовал как материал для произведений.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ОГЛМТ.* Ф. 2. Ед. хр. 678.

[2] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 54.

[3] *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 2823. Л. 354 об.— 369. (Дело очень пострадало от пожара).

[4] *Приказ Общественного призрения* — Комитет для призрения увечных воинов, возник в 1814 г., подчинялся губернаторам, оказывал помощь пенсиями, пособиями, ссудами, ведал инвалидными домами и т.д. К нему обращались с просьбами бывшие воины, от генерала до солдата, их вдовы, дети. Слободско-Украинская губерния с 1835 г. стала Харьковской губернией.

[5] *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 2841. Л. 123—123 об.

[6] Горохово ошибочно во всех публикациях называется селом. Однако официальные источники дают другие сведения: "Горохово (Подлесное), сельцо, при пруде, 47 верст от Орла, 40 дворов, 129 мужчин, 149 женщин". Приходом для жителей Горохова было "Архангельское (Собакино), село, при пруде, 49 верст от Орла, 37 дворов. Мужчин 109, женщин 112. Церковь православная" (Орловская губерния. Список населенных мест. По сведениям 1866 г. СПб., 1871. № 46).

До 1836 г. Горохово принадлежало М.А.Страхову, уездному предводителю дворянства, женатому на сестре матери писателя — Наталье Петровне (по второму мужу — Константиновой). В этом сельце родился Лесков и жил до полутора лет, затем учился вместе с двоюродными братьями у их домашних учителей. Позднее бывал там наездами. Тогда имение принадлежало его двоюродному брату — Иосифу Страхову, уездному предводителю дворянства (ум. 1889 г.).

С 1888 г. у Лескова имелся акварельный рисунок Шульца с изображением гороховского дома. С рисунка были сделаны фотографии. Одна из них, раскрашенная, с автографом писателя находится в лесковском фонде музея И.С.Тургенева в Орле. Описание дома имеется в рассказе "Зверь" и в романе "Обойденные". Дом не сохранился.

[7] *ГАОО.* Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 601. Л. 924—925.

[8] Там же. Ф. 593. Оп. 1. Ед. хр. 434.

[9] Там же. Ф. 672. Оп. 1. Ед. хр. 2889. Л. 6 об.

[10] Там же. Ф. 593. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 15 ("Ведомость поземельного сбора. 1836 год").

[11] Там же. Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 2824. Л. 427—445 об. (Протоколы заседаний Орловской гражданской палаты).

[12] Там же. Ф. 101. Оп. 3. Ед. хр. 103. 1839 год — Ед. хр. 1339. Л. 251, 244—245.

[13] Там же. Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 3042. Л. 6, 16—16 об.; Ед. хр. 307,. Л. 41—42. "№ 2312. Гостомля (Средняя), Кривцово, деревня, при речке Гостомке, 16 верст от Кром, 30 дворов. 149 мужчин, 158 женщин. № 2314 Александровка (Панино), при речке Гостомке, 17 верст от Кром, 5 верст от станового (т.е. Зиновьева), 3 двора, 14 мужчин, 12 женщин" (Орловская губерния. Список населенных мест).

[14] Там же. Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 3078. Л. 5—5 об.

[15] В купчей за 1839 г. сельцо называется Гавриловским при деревне Труфановой (ср.: Орловская губерния. Список населенных мест, № 328).

[16] Семен *Тимонов* — "орловский приятель" С.Д.Лескова (XI, 9). Сведения о нем есть в "Материалах о службе чиновников" за 1848 г.: "Асессор Семен Тимонов, становой пристав 1-го стана Кромского уезда". Он же "непременный заседатель" суда этого уезда (*ГАОО.* Ф. 580. Ст. 2. Т. 1. Ед. хр. 363).

[17] *ГАОО.* Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 3078. Л. 6—7. Село Послово в документе ошибочно названо сельцом.

[18] Там же. Ед. хр. 3042. Л. 18—18 об.

[19] Там же. Ед. хр. 3075. Л. 101—102 об.

[20] Там же. Ед. хр. 3042. Л. 19 об.

[21] В той же "Книге" записей купчих крепостей под № 262 зафиксировано: "Лета тысяча восемьсот тридцать девятого августа в девятый день штабс-ротмистрша Наталья, Петрова дочь, Константинова, а по первому мужу коллежская асессорша Страхова, продала я орловской помещице надворной советнице Марии, Петровой дочери, Лесковой собственных своих крепостных крестьян без земли <...> именно: Петра Миронова с женою Февроньею Васильевскою и дочерью девкою Аксиньею и вдову Аграфену Александрову с детьми ея, сыновьями Иваном и Борисом, написанных по нынешней 8 ревизии за первым мужем моим коллежским асессором Михаилом Андреевым сыном Страховым Орловского уезда в деревне Гороховой; а взяла я, Константинова, с нее, г-жи Лесковой, за оных моих крестьян государственными ассигнациями тысячу двести рублей <...> Должна она перечислить их к недвижимому своему имуществу, состоящему Орловского уезда при деревне Труфановой именьице Гавриловском..." (Там же. Ед. хр. 3078. Л. 31—31 об.). Купчая собственноручно подписана родными сестрами, Н.П.Страховой-Константиновой и М.П.Лесковой. Их подписи опять "скрепил" секретарь Тимонов. Пошлины обошлись Марье Петровне в 58 рублей.

Через две недели мать писателя в этой же "Книге" сделала еще одну запись. Как доверенное лицо продающей здесь выступает сам Семен Дмитриевич Лесков. Под № 274:"Титулярная советница Елизавета, Никанорова дочь, Иванова, продала я надворной советнице Марье, Петровой дочери, Лесковой, принадлежащих мне крестьян, без земли и без раздробления семейства, три души мужского пола. Именно: Кондрата Степанова с женою его Прасковьею, с их сыновьями Иваном 1-м и Иваном 2-м, холостыми, доставшихся мне по купчей крепости, писанной и совершенной в Орловской палате Гражданского суда в 21 день августа 1835 года от елецкой помещицы, полковницы Варвары, Петровой дочери, Тургеневой <...> а взяла я, Иванова, с нее, с Лесковой, за оных крестьян денег государственными ассигнациями тысячу двести рублей <...>" (Там же. Л. 46—47). Это торговое соглашение собственноручно подписали муж и жена Лесковы. Пошлины Марье Петровне обошлись в 58 рублей. Полковница В.П.Тургенева — мать И.С.Тургенева (речь идет о ее крестьянах из села Тербуны Елецкого уезда).

[22] О том, что 1839-й и особенно 1840-й гг. были неурожайными, рассказывала в письмах к И.С.Тургеневу его мать В.П.Тургенева. Приведем несколько строк из ее письма от 16—18 июня 1840 г.: "...голод, голод такой, какого нигде не было слышно в России, ты знаешь, и прошлый год был уж очень плох.— Но! — нынче ничего не родилось, т.е. ничего, ничего, ни одного колоса на поле. Еще, слава Богу, что у нас кой-как сберегли лошадей, вспахали. А на посев купили рожь — о ужас! — по 36 рубл. четверть <...> Гречихи градом много побило" В этом же письме сделана приписка рукой дяди писателя Н.Н.Тургенева: "Весьма в худом положении помещики. Многие полопаются, как мыльные пузыри" (*ОГЛМТ.* Подлинник — в *ОР РНБ.* Ф. 795. Ед. хр. 96).

[23] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 80. (В комментарии нет сведений о том, что, как прихожанин церкви села Собакина (Архангельского), П.С.Алферьев должен был быть похоронен на погосте этого села, а не в с. Добрыни). Скорее всего смерть деда писателя произошла весной 1840 г. (см. рассказ "Пугало".— VIII, 23).

[24] *ГАОО.* Ф. 4. Ед. хр. 601. Л. 927. (Здесь есть упоминание о неуплате арендных денег во 2-ю половину 1841 и 1-ю половину 1842 г. За год арендная плата составляла 60 рублей).

[25] Там же. Ф. 101. Ед. хр. 4585. Л. 83, 84, 96.

[26] Там же. Л. 110. Вышеназванный документ позволяет определить имена соседей Лесковых, т.к. в описи указаны владельцы сгоревших домов в кварталах 12, 15, 16, 17.

[27] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 117.

[28] *ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1702. Л. 4—4 об. (Документ плохой сохранности).

[29] Аналогичный автограф имеет и сохранившийся медицинский документ: "Свидетельство. Сим засвидетельствую, что сын надворного советника Семена Лескова Николай — имеет прививную предохранительную оспу и никакими другими болезнями не одержан. Сентября 7-го дня 1841 г." (*ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1702. Л. 5). Первые автографы Лескова на свидетельстве о рождении и свидетельстве о "прививной" оспе опубликованы в статье Р.М.Алексиной "Ранние автографы Н.С.Лескова" // Советская Россия. 1981, 17 февр.

[30] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 56—57.

[31] *ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1702. Л. 1—2. Документ дошел до нас в плохом состоянии, почти не читается.

[32] Там же. Ед. хр. 32. Л. 59 об.— 60.

[33] Лесков Н.С. Как я учился праздновать // Цит. по: *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 111.

[34] О месте расположения усадьбы Страховой-Константиновской см.: *ГАОО.* Ф. 593. Ед. хр. 604 ("Список владельцев усадебными местами города Орла", 1877). О времени рождения ее дочери см.: Там же. Ф. 68. Ед. хр. 17. Л. 17 ("О внесении в дворянскую родословную книгу Орловской губернии").

[35] Приведем сведения о пребывании Лескова в гимназии (месяцы обозначены римскими цифрами):

1. Из латинского языка за 1842/1843, 1843/1844, 1845/1846 годы. Учитель Дмитрий Григорьевич Венцевский.

		1842	1843							1844				1845				1846			
		XII	I	II	IV	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	II	X	XI	XII	I	II	IV	V
1.	Способности	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	3	3	4	4	3	3	3	3
2.	Прилежание	2	4	2	4	2	3	3	3	3	3	2	3	1	2	3	3	2	3	3	3
3.	Поведение	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
4.	Не был в кл.	2	2	2	6	3	-	-	2	1	3	2	-	4	-	1	2	-	6	2	3
5.	Наказание	3	-	3	-	4	5	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	2	3

2. Математика. За 1843, 1845/1846 годы. Учитель Василий Петрович Петров.

1843	1845			1846
XI	IX	X	XI	II
1.	3	3	3	3
2.	1	2	1	1
3.	5	5	5	5
4.	-	-	-	-
5.	-	-	-	-

Не посещал класс в декабре 1845, январе и марте 1846 г.

3. Чистописание. За 1842, 1844, 1845, 1845/1846 годы. Учитель Иван Антонович Волков.

1842			1844					1845						1846			
	I	III	III	IV	V	VIII	IX	I	III	IV	X	XI	XII	I	II	III	IV
1.	3	2	2	3	3	3	3	2	2	2	3	3	3	3	3	3	3
2.	3	2	2	3	3	3	3	2	2	2	3	1	3	3	2	3	-
3.	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	-
4.	5	2	2	1	3	1	2	5	2	2	-	1	-	3	2	3	-

4. Рисование. За 1844 год. Учитель Иван Антонович Волков.

	III	IV	V	VIII	IX
1.	3	3	3	3	3
2.	3	3	3	3	3
3.	5	5	5	5	5
4.	-	-	-	-	-

Август 1844 года переэкзаменовка.

5. Рисование и черчение. За 1842, 1842/1843, 1844. Учитель Иван Антонович Волков.

	1842		1843							1845				
	XI	XII	I	II	III	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V
1.	3	2	3	3	3	3	2	2	3	3	3	3	3	3
2.	3	2	3	3	3	3	2	2	3	3	3	3	3	3
3.	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
4.	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	2	-

6. Русский язык. За 1845/1846 и 1845. Учитель Владимир Иванович Цилли.

	1845				1846				
	III	X	XI	XII	I	II	III	IV	V
1.	3	3	4	3	4	4	3	4	3
2.	3	2	3	3	3	3	3	3	1
3.	4	3	4	4	4	4	5	5	5
4.	3	-	1	2	4	6	1	3	-

7. География. За 1845/184, год. Учитель Петр Андреевский.

	1845				1846		
	IX	X	XI	XII	I	III	IV
1.	4	4	4	4	4	4	3
2.	2	3	4	3	4	3	3
3.	4	4	5	4	4	5	4
4.	3	-	-	1	3	1	1

8. Исторические науки. За 1843/1844, 1844, 1845 годы. Учитель Василий Иванович Фортунатов.

	1843				1844						1845			
	IX	X	XI	XII	I	II	III	IV	V	XII	I	II	III	IV
1.	3	2	2	2	2	3	3	3	3	3	4	3	4	3
2.	3	2	2	2	2	2	3	3	2	3	4	3	4	3
3.	3	2	2	2	2	3	3	3	3	3	4	3	4	3
4.	-	-	-	-	1	-	-	-	2	-	1	3	1	-

9. Немецкий язык. За 1845/1846 академический год. Учитель Фердинанд Осипович Поганка.

	1845			1846		
	IX	X	XI	I	II	IV
1.	3	2	3	2	2	2
2.	2	2	2	1	2	1
3.	5	5	-	-	-	-
4.	3	-	-	-	-	-
5.	-	-	1	-	1	3

[36] Там же. Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 738; Ф. 78. Оп. 1. Ед. хр. 948. Л. 113, 114, 118; Ф. 64. Ед. хр. 33. (См. также "Орловские губернские ведомости" 1847. № 15. Май).

[37] *ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1702. Л. 2. Прошение написано рукой Семена Дмитриевича. Вверху, в левой стороне документа резолюция директора А.Я.Кроненберга: "Выдать документы, а копии оставить при деле". (Документ плохой сохранности.)

[38] Там же. Ед. хр. 33. Л. 36 об. — 37.

[39] Там же. Ед. хр. 1702. Л. 6. Резолюции директора на заявлении нет. Прошение не датировано, но на нем есть дата регистрации: "Получено 20 августа 1846 г." (Документ плохой сохранности.) Свидетельство за 3-й класс публиковалось А.Н.Лесковым не по подлиннику, который Лесков, возможно, и не стал брать из гимназии, так как на копии нет его расписки в получении оригинала. Сноска на источник — "Орловские губернские ведомости" (1900. 15 и 16 марта; публикация Я.Г.Горожанского) — в книге сына писателя дана без указания "часть неофициальная" (она издавалась в 1900 г. отдельно). По сравнению с документом в деле ученика Лескова в книге сына писателя имеется пропуск: "Из 1-го класса во 2-й класс в июле *1842 года, в 3-й класс в июле 1843 года"* (курсивом обозначены пропущенные слова; они отсутствуют и в публикации Я.Г.Горожанского). Оригинал свидетельства об обучении в гимназии Лесков не сохранил.

[40] *ГАОО.* Ф. 593. Ед. хр. 494. № 279; Ф. 593. Ед. хр. 618, квартал 23.

[41] *ИВ.* 1881. № 9. С. 373.

[42] *ОГЛМТ.* Ф. 2. Ед. хр. 674. Л. 1.

[43] Сохранившиеся в "Штрафном журнале" записи позволяют уточнить некоторые сведения об орловских гимназистах, собранные А.Н.Лесковым. Сын писателя утверждал, что А.И.Бабухин, впоследствии профессор-эмбриолог, был младше Лескова, однако "догнал и перегнал его в третьем классе" (*Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 115). Эти сведения ошибочны, о чем свидетельствует следующий документ: "№ 80, Бабухин Александр. Из обер-офицеров. Рожденья: 1827. 1-й класс: 1840. 2-й класс: 1841. 3-й класс: 1842. 3-й класс: 1843. 4-й класс: 1844..." Как видим, он был на три года старше писателя, пришел учиться в гимназию раньше его, учился хорошо, но, видимо, по болезни классы не посещал, поэтому в 3-м классе был дважды. Лесков его сначала "догнал", а потом действительно от него отстал в 1845/1846 учебном году. Среди "перегонявших" Лескова в гимназии сын писателя назвал и будущего художника Г.Г.Мясоедова. В орловском архиве сохранилось прошение его отца о приеме мальчика в гимназию. Оно датировано 1846 г. (*ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1, Ед. хр. 34, сообщила Л.В.Иванова). Следовательно, Мясоедов поступил в гимназию в тот год, когда Лесков покинул ее.

[44] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 127.

[45] *ГАОО.* Ф. 580. Стол 2. Ед. хр. 961. Л. 1—6.

[46] Там же. Ед. хр. 367. Л. 30 об. — 31 об.

[47] Там же. Л. 5 об., 6 об., 32 об. — 33.

[48] Там же. Ед. хр. 367. Л. 30 об. — 31.

[49] "Некролог" В.Л.Иванова // Орловские губернские ведомости. 1900. 13 дек. Портрет с дарственной надписью ему от Лескова хранится в *РГАЛИ* (Ф. 275. Ед. хр. 882).

[50] *ОГЛМТ.* Ф. 2. Ед. хр. 1350.

[51] Цитируемое письмо опубликовано: *ИВ.* 1916, № 3. С. 813. Частично — *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 135—136.

[52] *ГАОО.* Ф. 580. Стол 2. Ед. хр. 367. Л. 17 об.

[53] Памятная книжка Орловской губернии на 1868 год. Орел, 1867. С. 10.

[54] *ОГМТ.* Ф. 2. Ед. хр. 6721 (послужной аттестат Лескова).

[55] В "Списках владельцев усадебными местами г. Орла" имеются сведения, что до 1850 г. "места" №№ 14 и 15 в квартале № 47 принадлежали Авдотье Васильевне Хлебниковой.

[56] *ГАОО.* Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1700. Л. 6. (Теперь левая сторона документа почти не читается).

[57] *ОГМТ.* Ф. 2. Ед. хр. 678 ("О внесении Лесковых в Дворянскую родословную Орловской губернии").

[58] *ГАОО.* Ф. 580. Стол 2. Ед. хр. 367. Л. 4, 6—7.

[59] Там же. Л. 7 об. — 8, 33 об. — 34.

[60] Там же. Ф. 4. Ед. хр. 459. Л. 67 об. — 68. (Сообщено А.А.Гореловым.)

[61] Там же. Ф. 64. Оп. 1. Ед. хр. 1700. Л. 5. (Документ с правой стороны почти не читается). Место, где проставлена дата, прорвано. Но на документе есть регистрационная помета: "14 июля, 975", поэтому датируется по расписке Алексея Лескова в получении документов. Видимо, прошение написанное раньше, было передано не в предполагаемый срок. Возможно, самим Алексеем, после похорон отца.

[62] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 90—91. Могила няни сохранилась в 1-й части Байкова кладбища в Киеве. Она похоронена в одной ограде с Ольгой Семеновной Крохиной, сестрой писателя, и ее двумя дочерьми, Надеждой и Марией.

[63] *ГАОО.* Ф. 580. Стол 2. Ед. хр. 748. Л. 47 об.

[64] Картотека А.Н.Лескова, хранящаяся в *ИРЛИ*. Площанская пустынь находилась в Севском уезде Орловской губернии.

[65] *ГАОО*. Ф. 78. Ед. хр. 1154 ("Дело о разрешении Черемисиновой Екатерине Ивановне открыть женский пансион в своем доме селе Рождественском Ливенского уезда").

[66] В "Хронологической канве" К.П.Богаевской указано, что Лесков приезжал к матери в 1854—1855 гг. (XI, 801). Но в декабре 1854 г. родился сын Дмитрий, а между тем, в автобиографическом рассказе "Явление духа. Случай" (Кругозор. 1878. № 1, 3 янв.) сказано, что у героев рассказа было двое детей. Дочь Вера родилась у Лесковых в марте 1856 г. Вероятно, приезд Лескова к матери надо датировать серединой 1856 г. Воспоминания об этом же приезде в Панино отразились в очерке "Ум свое, а черт свое" (1863).

[67] См. "Продукт природы" (IX, 343—344). Память об этом приезде нашла отражение и в рассказе "Овцебык" (гл. 7). Встреча автора с Василием Петровичем, героем "Овцебыка", вполне могла быть отражением встречи Лескова и П.И.Якушкина в Панине (1, 74—80).

[68] *Жизнь Лескова*. Т. 1. С. 331—332.— В книге приведен текст расписки Василия Семеновича Лескова, написанной в Панине 29 мая 1860 г., в которой фигурирует и имя писателя. В строках "Из одного дорожного дневника" (Северная пчела. 1862. 15 дек.) упомянута сестра Маша, которая умерла в 1861 г., но в то время еще была жива. Следовательно, в этом очерке Лесков вспоминал приезд в Панино 1860 года. Об этом же приезде см. в "Несмертельном Головане": "Ожидали освобождения крестьян" (VI, 389).

[69] *Жизнь Лескова*. Т. 1. С. 20,.

[70] *ИРЛИ*. Картотека А.Н.Лескова.

[71] *ГАОО*. Ф. 6. Оп. 3. Ед. хр. 3585 и 3588.

[72] Орловские губернские ведомости. 1864. № 4. Январь.

[73] *ГАОО*. Ф. 101. Оп. 3. Ед. хр. 103, 105, 108. Книги Николаевской церкви села Добрыни Кромского уезда.

[74] Фамилию владельцев хутора Панина подтверждают документы 1912 г.: *ГАОО*. Ф. 563. Оп. 2. Ед. хр. 50.

[75] Памятная книжка Орловской губернии на 1864 год. Орел, 1864. С. 72.

[76] См. воспоминания автора: «...посетил родные места года через три после благословенного дня "освобождения", мне привелось посетить с одним из мировых посредников прекрасную сельскую больницу <...>» (IX, 269). В 1864 г. кандидатом в мировые посредники по размежеванию земель во 2-м участке Кромского уезда был И.М.Страхов, двоюродный брат писателя.

[77] "Памятная книжка Орловской губернии на 1870 год" свидетельствует, что И.М.Страхов был избран предводителем дворянства Орловского уезда. О посещении Орла и имения брата, с. Горохова, Лесков вспоминает в статье "Литературно-общественная заметка. (По поводу прекращения литературной деятельности И.С.Тургенева)": "Несколько лет тому назад <...> я гостил летом у моего двоюродного брата, орловского предводителя дворянства <...>" (*ЦОВ*. 1878. 3 марта. С. 3). Лесков мог быть в Орле в 1874 или 1875 гг., когда приезжал в Москву (см. Хронологическую канву — XI, 813—814).

[78] Орловский вестник. 1878. № 95; 1879. №№ 26 и 27; 1880, №№ 58—60, 63, 68, 69, 71; 1882, №№ 56, 62, 64, 203, 205, 207, 209, 211, 213.

[79] *ГАОО*. Ф. 64. Ед. хр. 223. Л. 34—34 об.

[80] Орловский комсомолец. 1957. 20 янв.

[81] См. статью Лескова "Достопамятные орловцы" (*ПГ*. 1888. 28 июня).

О ЖИЗНИ ЛЕСКОВА В КИЕВЕ В 1860—1861 годах

По документам Центрального государственного исторического архива Украины

Вступительная статья, публикация и комментарии
Л.И.Левандовского

Уже будучи известным писателем, Лесков как-то заметил: «Меня в литературе считают "орловцем", но в Орле я только родился и провел мои детские годы, а затем в 1849 году переехал в Киев» (VII, 134). Выбор восемнадцатилетнего юноши не случайно пал на Киев: там жил его дядя по матери С.П.Алферьев, профессор медицинского факультета Киевского университета. Туда, в рекрутское присутствие, и перевелся незадолго до того начавший служить в Орловской судебной палате юный Лесков.

Киев произвел на него неизгладимое впечатление. Но в октябре 1857 г. Лесков вышел в отставку и поступил на частную службу в недавно образованную в Пензенской губернии английскую торговую компанию. Службой в частной компании Лесков надеялся, как он писал позднее в рассказе "Железная воля", «достать себе "честные" средства для существования и независимости от прихоти начальства и неожиданностей, висящих над каждым служащим человеком по известному пункту, на основании которого он может быть уволен без объяснения» (VI, 8).

Однако ни значительных финансовых средств, ни независимости Лескову так и не удалось получить. Через два с половиной года дела компании пришли в упадок, и в мае 1860 г. он вернулся в Киев. Это решение было обусловлено, по-видимому, тем что там жили многие его родственники (не только С.П.Алферьев, но и тесть Василий Смирнов). В Киеве служил тогда и младший брат Алексей, здесь же жили два других брата — Михаил и Василий. К тому же в это время в Киев собиралась перебраться из Орла мать Лескова с его младшей сестрой Ольгой (переехали в 1863 г.)[1]. Вторая сестра — Наталия (в монашестве Геннадия) — избрала для жизни Ржищевский монастырь, недалеко от Киева.

Возвратившись в 1860 г. в Киев, Лесков, очевидно, рассчитывал окончательно поселиться в этом городе. С первых же дней он начал искать службу, но это оказалось делом нелегким. В течение четырех с половиной месяцев Лесков оставался без определенных занятий, что дало ему возможность посещать "приватные лекции" профессоров университета.

Лесков часто заходил в книжные магазины. В самом большом из них он столкнулся с фактом спекуляции книгами. Возмущенный, он написал небольшую статью, которая 21 июня 1860 г. появилась в "Санкт-Петербургских ведомостях" (№ 135).

Это было первое выступление Лескова в печати. Вскоре статья была перепечатана журналом "Книжный вестник" (№ 11-12. С. 105—107), где сообщалось, что редакция обратилась к владельцу магазина с предложением написать объяснение. Но киевский книгопродавец напечатал только возражение в тех же "С.-Петербургских ведомостях"

Вероятно, успех первого выступления окрылил Лескова. По предложению редактора открывшейся тогда в Киеве еженедельной газеты "Современная медицина" профессора анатомии Александра Петровича Вальтера (1817—1889) Лесков поместил 28 июля 1860 г. в № 29 большую статью-фельетон — "Заметка о зданиях" с критикой не-

радивых строителей. Следом появилось еще несколько его статей в "Современной медицине". Печатался он и в петербургском журнале "Указатель экономический"

Таким было начало литературной деятельности Лескова. Уже на склоне жизни он вспоминал: «Писательство началось случайно. В него увлекли Лескова сначала профессор Киевского университета, доктор Вальтер, убедивший Лескова написать фельетон для "Современной медицины", а решительное закабаление Лескова в литературу произвели <...> Громека и Дудышкин с А.А.Краевским. С тех пор всё и пишем» (XI, 19).

Но поступить на постоянную службу Лескову не удавалось. В письме от 5 августа 1860 г. в редакцию журнала "Указатель экономический" он рассказывал о тщетных поисках людьми работы в промышленных или торговых предприятиях. Очевидно, поэтому 15 сентября 1860 г. он вынужден был устроиться на службу за небольшую плату в канцелярию киевского генерал-губернатора И.И.Васильчикова.

До сих пор было неизвестно, почему Лесков уже через два с половиной месяца уволился и вскоре уехал из Киева. Этот вопрос остался нерешенным и для сына писателя: "нежданно-негаданно", "согласно прошению", Лесков был "по болезни уволен от службы"[2]. Публикуемые архивные документы свидетельствуют, что причиной увольнения явилась отнюдь не болезнь[3].

После устройства на службу в канцелярию генерал-губернатора Лесков через две недели, по совету С.П.Алферьева и знакомого чиновника А.И.Друкарта, добился места судебного следователя по криминальным делам. В первых числах октября ему поручили испытательное расследование дела о ночном ограблении полицией чиновника Кунцевича и дворянина Логашевского. Вместе с Лесковым расследование от корпуса жандармов вел штабс-капитан (в некоторых документах он назван поручиком) Крижицкий.

Крижицкий сразу же дал понять Лескову, что местные власти и жандармерия рассчитывают выгородить полицейских и не заинтересованы "в обширном распространении следствия"[4]. Но Лесков совершенно не намерен был покрывать грабителей. Не случайно он впоследствии писал о своих расхождениях с Крижицким "до необходимости жаловаться друг на друга". Да и гражданский губернатор Павел Иванович Гессе, которому Лесков по долгу службы докладывал о ходе расследования, видя добросовестность и принципиальность претендента на место следователя, сочувственно заметил, что боится, как бы Лескова самого "не запутали с этим делом"

С началом следствия о полицейском грабеже совпало появление в газете "Современная медицина" статьи Лескова "Несколько слов о полицейских врачах в России" (1860. 6 окт.), подписанной, как и некоторые другие его статьи, псевдонимом "Фрейшиц" Понятно, почему корпус жандармов обеспокоился тем, что расследование неприглядных действий полиции было поручено именно Лескову. Ведь он мог изобличить много других злоупотреблений полиции и сделать их предметом гласности. Необходимо было во что бы то ни стало отстранить Лескова от следствия. С этой целью 16 октября 1860 г. штабс-капитан Крижицкий, очевидно, не без ведома жандармского управления, подстроил свидание Лескова в публичном доме с одним из главных обвиняемых — полицейским приставом Подольской части Киева Крамалеем. Как видно из публикуемых документов, Крижицкий, ничего не объяснив Лескову, специально разыскал и привез к нему Крамалея. Цель, очевидно, была та, чтобы направить Крамалея к Лескову одного, а затем зайти самому. Но Лесков, как видно из его объяснительной записки генерал-губернатору от 17 ноября 1860 г., соскучившись долгим ожиданием неизвестно куда девавшегося Крижицкого, стал искать его и с помощью встретившегося слуги нашел в одной из комнат с Крамалеем. Лесков впоследствии утверждал, что виделся с Крамалеем лишь "3—5 минут, даже не присев с ним, и отказался от предложенного вина" Но и этого оказалось достаточно, чтобы обвинить Лескова во взяточничестве, т.е. в том, против чего он выступал тогда в статьях.

Между тем, 1 ноября 1860 г. в Киев пришел запрос министра внутренних дел С.С.Ланского о статье "Несколько слов о полицейских врачах в России", а 2 ноября Лескова отстранили от дальнейшего производства следствия. Министр дал указание киевскому генерал-губернатору о безотлагательном прекращении описанных в статье злоупотреблений, а если "вся статья заключает в себе лишь одну клевету, то как и подписавший оную Фрейшиц, так и редактор газеты должны подвергнуться законному за то взысканию" К запросу приложен № 39-й "Современной медицины" со статьей "Несколько слов о полицейских врачах в России"

С этого момента дело о статье тесно переплетается с подстроенным делом о мнимом взяточничестве Лескова.

Лесков, как видно из публикуемых документов, был потрясен обвинением в вымогательстве денег. Так как генерал-губернатора И.И.Васильчикова в этот момент в Киеве не было, Лесков послал частное письмо чиновнику особых поручений М.А.Андреевскому. В письме он опровергал возводимые на него обвинения. Но Андреевский, очевидно, испугавшись того, что Лесков может выступить в печати, о чем и говорилось в письме, не только не ответил, но передал письмо в жандармское управление.

Не находя нигде защиты, 17 ноября 1860 г. Лесков подал докладную записку возвратившемуся в Киев генерал-губернатору, в которой убедительно доказывал, что он "у г. Крамалея взятки не брал и не вымогал ее", резонно добавляя, что при желании он мог бы потребовать взятку у Крамалея наедине, а не в присутствии жандармского офицера. Кроме того, с его стороны "было бы неразумным бросаться на первую взятку", так как "место судебного следователя <...> предоставляло широкое поле для заглазных действий"

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АЛФЕРЬЕВ

Дядя Лескова

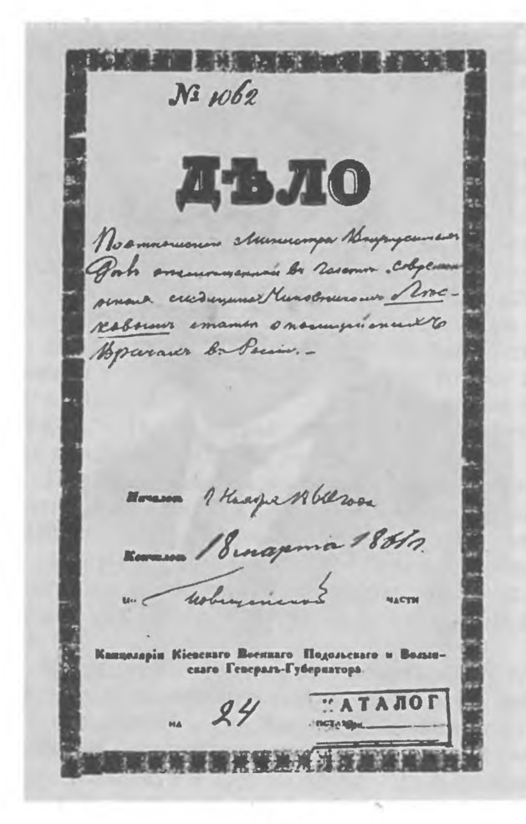
Фотография. 1873 год

Государственный литературный музей, Москва

18 ноября 1860 г., в тот же день, когда была получена докладная записка Лескова, генерал-губернатор отдал распоряжение о назначении жандармского подполковника Грибовского и чиновника особых поручений надворного советника Руккера для совместного производства секретного дознания о происшествии в публичном доме. Как видно из публикуемых документов, это разбирательство длилось ровно неделю. За это время Грибовский и Руккер подвергли секретному допросу в основном только Крамалея. Соответствующим образом настроенный Крижицким, он во время допроса стал давать ложные показания не только против Лескова, но (должно быть, для большего правдоподобия) и против самого Крижицкого. Это, по-видимому, обескуражило жандармских чиновников. Однако они решили пожертвовать одним жандармским офицером, чтобы вернее избавиться от Лескова. Грибовский и Руккер разработали совместное обвинение чиновника Лескова и штабс-капитана Крижицкого в вымогательстве денег у бывшего полицейского пристава Крамалея.

26 ноября 1860 г. Грибовский и Руккер представили генерал-губернатору фальшивый рапорт. Наиболее ощутимый удар наносился именно Лескову. Анализу его письма к Андреевскому отводилось значительное место. Грибовский и Руккер строили свои доказательства виновности Лескова на весьма шатких аргументах. Так, они утверждали, что во время свидания Лескова с Крамалеем последний "выпил воды стаканов шесть или семь, что и доказывает, что переговоры эти продолжались не менее часу" Примерно такой же неопределенностью отличаются и все другие обвинения, выдвигаемые против Лескова. Задетые намерением Лескова предать эту грязную историю гласности, Грибовский и Руккер в заключение даже выработали целый ряд рекомендаций для обуздания слишком строптивого чиновника и журналиста.

Генерал-губернатор безоговорочно принял их точку зрения, но передать дело в суд из-за отсутствия веских доказательств виновности Лескова не решился.

№ 1062

ДѢЛО

Начато 1 ноября 1860 года

Кончено 18 марта 1861 г.

Канцелярiи Кiевскаго Военнаго Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора

на 24

КАТАЛОГ

ДЕЛО

По отношению министра внутренних дел
о помещеной в газете “Современная медицина”
чиновником Лесковым статьи
о полицейских врачах в России

1 ноября 1860 года — 18 марта 1861 г.

Концелярии киевского военного,
подольского и волынского генерал-губернатора

Рукопись

Центральный государственный исторический
архив Украины, Киев

В своей объяснительной записке генерал-губернатору от 17 ноября 1860 г. Лесков в знак протеста против творимого беззакония решительно потребовал освободить его от государственной службы. Как видно из секретного донесения главному начальнику III Отделения В.А.Долгорукову от 29 ноября 1860 г., генерал-губернатор И.И.Васильчиков решил, что в данной ситуации лучше всего удовлетворить прошение Лескова.

Однако к этому времени не было еще закончено дело о статье “Несколько слов о полицейских врачах в России” Расследование по нему длилось в Киеве около пяти месяцев. Сначала между генерал-губернатором и гражданским губернатором завязалась переписка, из которой видно, что гражданский губернатор (по предписанию генерал-губернатора от 2 ноября 1860 г.) потребовал от редактора “Современной медицины” профессора А.П.Вальтера дать объяснение о публикации статьи и об ее авторе Фрейшице. В ответной записке гражданскому губернатору от 17 ноября 1860 г. Вальтер отказался раскрыть псевдоним, ссылаясь на то, что редакция публично объявила, что “не будет выдавать фамилии псевдонимов авторов, желающих оставаться неизвестными” Но в конце концов гражданский губернатор узнал через цензурный комитет, что автором статьи был Лесков. Он потребовал от Лескова и от Вальтера назвать имена виновников тех злоупотреблений, которые указаны в статье. Однако оба они ответили, что не могут назвать виновных лиц, так как не собирали юридических доказательств. В объяснительной записке гражданскому губернатору от 21 ноября 1860 г. Лесков говорил о том, что “особенная подробность взяток” была выведена им по аналогии.

Недовольный таким оборотом дела, генерал-губернатор 13 декабря 1860 г. приказал гражданскому губернатору потребовать от Лескова и Вальтера дополнительные объяснения по поводу статьи “Несколько слов о полицейских врачах в России”. Но Лесков уже, вероятно, занятый сборами в Петербург, дал ответ лишь 19 января 1861 г., в котором категорически заявил, что литературная статья, выражающая общественное мнение, не обязывает ее автора быть доносчиком. “Общий взгляд народа,— писал он,— и без юридических доказательств видит вещи в настоящем их свете” В этой объяснительной записке Лесков сделал акцент на том, что цель его статьи заключалась в намерении обратить внимание на неудовлетворительную обеспеченность врачей, которые на 190 рублей жалования в год не могут жить, и значит, на назревшую потребность в правительственной реформе.

Примерно так же отвечал в своем “рапорте”, поступившем в канцелярию губернатора 23 января 1861 г., и профессор Вальтер.

Таким образом, как ни старался генерал-губернатор привлечь Лескова к ответственности за статью “Несколько слов о полицейских врачах в России”, из этого, как и

из обвинения писателя во взяточничестве, ничего не вышло. 18 марта 1861 г. генерал-губернатор вынужден был донести министру внутренних дел о том, что "поскольку в упомянутой статье не указаны ни местность, ни виновные в злоупотреблениях лица, а более подробных доказательств не удалось узнать ни у Лескова, ни у Вальтера, без чего нельзя производить формальное следствие, то пришлось настоящий предмет оставить без дальнейших последствий"

Киевские власти прекратили дело еще и потому, что Лесков, подав свою последнюю объяснительную записку 19 января 1861 г., вскоре покинул Киев.

Публикуемые документы позволяют уточнить и дату его отъезда из Киева.

Сын писателя точной даты не указывал: Лесков приехал из Киева в Петербург "в конце декабря 1860 или начале января 1861 года"[5],— утверждал Андрей Николаевич. Разнобой в представлении о времени отъезда Лескова существует по сей день[6]. Однако архивные документы, и прежде всего последняя объяснительная записка Лескова, дают возможность сделать вывод, что он выехал из Киева только в конце января 1861 г.

Ниже публикуются отдельные документы, входящие в состав двух архивных дел из канцелярии киевского военного генерал-губернатора, которые непосредственно касаются Лескова,— "Дело о вымогательстве взятки чиновником Лесковым и поручиком корпуса жандармов Крижицким у бывшего пристава Крамалея" (началось 18-го и кончилось 29-го ноября 1860 г.— *ЦГИА* Украины. Ф. 422. Оп. 810. Ед. хр. 165) и «Дело по отношению министра внутренних дел о помещении в газете "Современная медицина" чиновником Лесковым статьи о полицейских врачах в России» (началось 1 ноября 1860 г., кончилось 18 марта 1861 г. — Там же. Оп. 37. Ед. хр. 1062). Документы расположены в хронологическом порядке.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О переезде Лесковых из Орловской губернии в Киев подробнее см. выше, в сообщении Р.М.Алексиной "Новое о детских и юношеских годах Лескова. (По материалам орловских архивов)".

[2] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 183.

[3] Сообщение об обнаруженных в *ЦГИА* Украины документах о пребывании Лескова в Киеве было сделано мною еще в 1963 г. (см.: *РЛ.* 1963. № 3. С. 104—109).

[4] Здесь и далее фрагменты публикуемых ниже архивных дел приводятся без отсылок.

[5] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 196.

[6] В справочнике "Вулиці Києва", появившемся в Киеве в 1979 г. (2-е изд.), говорится (с. 142), что Лесков жил в Киеве в 1849—1857 гг. В очерке "Київ" (Киев, 1968) из серии "История городов и сел Украинской ССР" (с. 123) сказано, что "на протяжении десяти лет (1849—1859) в Киеве жил известный русский писатель Н.С.Лесков". В том же очерке, вышедшем на русском языке в 1979 году (с. 111), время пребывания Лескова в Киеве уже увеличено на один год (т.е. с 1849 по 1860). Эти же годы указаны и на мемориальной доске, установленной в Киеве на доме № 20 по ул. Мало-Житомирской (в советское время — ул. Постышева), где жил Лесков, находясь на службе в рекрутском присутствии в 1849—1857 гг.

Даже если оставить в стороне тот факт, что в справочнике "Вулиці Києва" приведены только годы первого периода пребывания Лескова в Киеве (1849—1857), а в очерке "Київ" и на мемориальной доске не учтен выезд Лескова в Пензенскую губернию (1857—1860), то и тогда из указанных источников невозможно понять, до какого же года он жил в Киеве.

1. ЛЕСКОВ — М.А.АНДРЕЕВСКОМУ[1]

<6 ноября 1860 г.>

Милостивый государь, Марк Александрович[2].

Я знаю, что Вам известна история, бывшая поводом к распоряжению князя об устранении следователей по делу пристава Крамалея. Вам же, вероятно, будет принадлежать право объяснить эту историю князю по его возвращении в Киев, и потому я позволяю себе беспокоить Вас просьбою осложнить Ваш доклад его сиятельству одним моим заявлением.

Известная Вам история частью справедлива в том отношении, что я был с г. Крижицким в известном месте по побуждениям, которые не считаю нужным излагать и которых не хочу высказывать, хотя и имею возможность объ-

КИЕВ. МАЛОЖИТОМИРСКАЯ УЛИЦА

Дом (№ 20), где Лесков жил в 1849–1857 и 1860–1861 годах

Фотография Л.И.Левандовского. 1970-е годы

яснить их безупречность с нравственной стороны. Но утверждаю, что появление там Крамалея было для меня случайным сюрпризом, которого я не ожидал и о котором, вероятно, менее всего заботился, ибо имел множество случаев дозволить этому господину переступить мой порог и взять у него деньги с глазу на глаз, но однако не сделал этого.

При встрече с Крамалеем, крайне озадаченный его появлением там, где я вовсе не мог его ожидать, атакованный его внезапным потоком просьб, униженных клятв и возмутительным вымогательством целовать руки, я заботился только о побеге от него с уверением, что я желаю быть правомерным и что просьбы и лобызания его — дело совершенно лишнее.

Денег я у него не просил по совершенной неспособности у кого-нибудь просить их и не брал, потому что знаю неудобство принятия взяток при свидетелях. Со стороны г. Крижицкого никакой речи о деньгах я тоже не слыхал,

а действительно Крижицкий представлял мне Крамалея как своего старого знакомого, человека бедного, многосемейного, несчастного и благородного и просил меня не быть к нему излишне строгим.

Вообще я виделся с Крамалеем 3—5 минут, даже не присел с ним и отказался от предложенного им вина. Он это должен бы по совести сказать. Случаем встречи моей с Крамалеем я обязан несчастной мысли Крижицкого, который, вероятно, увлекся состраданием к этому благородному человеку и вздумал сближением меня с ним возбудить во мне симпатию к его несчастьям в таком месте, которого бы я не решился назвать. Других целей, объясняемых желанием деморализовать меня и ставить в необходимость плясать по желанной дудке, я ни с чьей стороны не хочу допустить; а направление мое в крамалеевском деле известно следившей за ним публике и доказывается самим производством.

Конечно, все это может казаться неправдою, как голос, раздающийся из среды, имеющей лестную привилегию подозреваться в склонности к взятке, но я и далек всякой мысли просить о безосновательном доверии. Все, что мне могли сделать дурного,— уже сделали. Ручательства за меня Алферьева, моего дяди, и Друкарта — человека, которого я чту за его личные достоинства,— попраны перед князем; а за оскорбление мною этих людей меня не вознаградит никакая земная власть. Службы я никакой более не хочу. Это была последняя уступка чужому убеждению. Суда никакого не боюсь, как человек ни в чем не виноватый. Но есть другой суд,— суд общественного мнения, перед которым я не хочу несть того обвинения, которое навлекается на меня чужой неосторожностью и, может быть, излишним мягкосердечием, а не преступными побуждениями.

И потому я прошу Вас, если Вы позволите себе быть доступным моей просьбе, испросить мне у его сиятельства разрешение принести мое оправдание обществу путем печатной гласности. Я укажу места и случаи, при которых я уклонялся от денег Крамалея, и докажу нелепость возводимого обвинения. Такое оправдание — моя потребность; а во всем остальном да будет со мною воля князя. Мне не казнь страшна, страшна его немилость.

Прошу позволить мне засвидетельствовать Вам мое почтение.

Николай Лесков

6 ноября 60 г.

2. ЛЕСКОВ — И.И.ВАСИЛЬЧИКОВУ[3]

<17 ноября 1860 г.>

Его сиятельству господину киевскому военному,
подольскому и волынскому генерал-губернатору,
князю Иллариону Илларионовичу Васильчикову

Чиновника канцелярии его сиятельства,
Николая Лескова

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Мне передана воля Вашего сиятельства иметь собственное мое объяснение по делу г. Крамалея, обвиняющего меня в вымогательстве у него взятки. Свято чтя Вашу волю, излагаю историю обвиняющего меня события, не делая лжи орудием моего оправдания:

1) Я у г. Крамалея взятки не брал и не вымогал ее. Не брал потому, что и шел на службу не с целью ненавистного мне самовознаграждения; но если и не верить моему направлению, если допустить во мне и лукавство, и склон-

ность ко лихоимству, то неестественно, чтобы я, исполняя дело, порученное мне в виде испытания, бросился на первую подачку, упуская из вида, что мне выгоднее обмануть мое начальство видимым беспристрастием в первом деле, на которое было обращено внимание целого города, а потом, обеспечив себя начальственным доверием, дать полную свободу моим лихоимственным стремлениям за глазами уверенного во мне начальства. Место судебного следователя, которого я просил у Вашего сиятельства, представляет широкое поле для таких заглазных действий, и, в видах корыстолюбия, я, конечно, не упустил бы этого из вида.

2) *Вымогать* у Крамалея денег мне не было никакой надобности, потому что он сам домогался случая дать их мне и, конечно, дал бы мне столько, сколько я захотел бы взять у него. Это известно многим лицам, имени которых я не называю, не желая вводить их в неприятные объяснения с Крамалеем, убедительные способности которого я успел изучить, давая ему очные ставки с полицейскими солдатами. Я могу напомнить г. Крамалею два случая: один, когда он, будучи еще приставом, просил меня в съезжем доме Подольской части переговорить с чиновником Кунцевичем, которого избили полицейские солдаты, и предложить ему мир за деньги, от чего я отказался и представил господину начальнику губернии о необходимости освободить служителей Подольской части от начальственного влияния г. Крамалея; и второй, что г. Крамалей один раз (спустя несколько дней после встречи моей с ним в публичном доме), догнав меня на площади между присутственными местами и Софийским собором, просил меня позволить ему видеться со мною в моей квартире и принять его благодарность, ручаясь "Восточной Божиею Матерью", что свидание наше останется вечною тайною. Если Восточная Божия Матерь для совести г. Крамалея есть Божественное лицо, именем которого ему неудобно злоупотреблять, то он не отречется, что я устранил всякую речь о благодарности (под которою разумел взятку), убедил его в отсутствии всякой надобности интимного свидания и успокоил насчет моей правомерной внимательности к интересам обеих сторон без всякого лицеприятия. Я уверен, что, призвав такую высокую поручительницу, как Богоматерь, г. Крамалей не поставит клѐветы рядом с ее именем, хотя и не смею определить границу чувству самосохранения полицейского чиновника, целовавшего в знак предательства мои руки.

3) Происшествие 16-го октября было обдумано, подготовлено и устроено без всякого моего участия. Мне только была оставлена пассивная роль, которую я выполнил к полному удовольствию тех, кому это было нужно. Не припомню хорошо, в этот или под этот день мы с жандармским офицером Крижицким получили донос о подозрительных вещах, проданных купцу Воронову на Подоле каким-то проезжим, который выпущен из города г. Крамалеем. В 3 часа п<ополу>дн<и> мы с Крижицким, выйдя из Старокиевской части, шли к Крещатику, он домой, а я в книжный магазин пробежать газеты. На Житомирской улице нас обогнал полковник Грибовский, который приглашал Крижицкого довезти его в своем экипаже, от чего Крижицкий отказался. Поровнявшись с мастерскою знакомого мне живописца Литвинова, я вздумал зайти к нему взглянуть на его работы. Крижицкий тоже зашел со мною и снял с себя у Литвинова фотографический портрет. Здесь же, у Литвинова, который оказался старым знакомым Крижицкого, мы закусили не без вина, которое произвело на меня свое обычное влияние; но не заставило меня забывать дела, которым я вообще очень торопился. Немного вздохнув у Литвинова, в сумерки, я пригласил Крижицкого отправиться на Подол к Воронову и сделать выемку указанных нам подозрительных вещей. Мы взяли извозчика и отправились. Едучи Андреевским спуском, жандармскому офицеру показа-

лось полезным узнать кое-что о лице, продавшем вещи, в известном публичном доме, где не редко случается почерпать сведения о кутящих и мотающих чужое добро людях. Я вполне разделял эту мысль, признавая ее основательною, и заехал, но, избегая встречи с посетителями этого дома, тотчас со входа повернул в небольшую комнату налево, а Крижицкий, попросив меня подождать его, вышел; я же не выходил оттуда до тех пор, пока лакей, на четвертое осведомление мое о Крижицком, ответил мне, что он в комнате хозяйки. Во время отсутствия Крижицкого я решительно не задавал себе иной цели его отлучки, как какую-нибудь встречу с лицом, от которого он желал узнать что-то относящееся к предмету наших исканий в том же самом или в соседнем доме; но когда узнал, что он у хозяйки, то, наскучив долгим ожиданием, надел мою шубу и через переднюю и еще какую-то маленькую комнату прошел по указанию лакея в довольно хорошо меблированный покой, где увидел перед собою Крижицкого в жандармском мундире и Крамалея в партикулярном сюртуке. Крижицкий не успел сказать при моем входе несколько слов, вроде того, что несчастный Крамалей искал случая со мной встретиться, как Крамалей бросился целовать мои руки, плакал, лепетал что-то несвязное о своей невинности, честности и бескорыстии и в то же время просил нас выпить вина. Все это было так неожиданно и до такой степени возмутительно для человека, не привыкшего к самоунижению, что я, остановив поток словоизлияний г. Крамалея и отказавшись наотрез от его вина, вырвал у него мои руки и, уже не разбирая путей отступления, толкнул ногой дверь в общую комнату и вышел туда, а через несколько минут и Крижицкий вышел вслед за мною, взял свою шинель, и мы уехали. В это время еще не было 8 часов, потому что когда Крижицкий довез меня до книжного магазина, то он еще был отперт.

Свидание мое с Крамалеем длилось никак не долее 5 минут, и в это время никакого разговора о деньгах не было, да и быть не могло, ибо я не мог ничего изменить в деле, где каждая бумага, кроме меня и Крижицкого, была подписана двумя депутатами и спрошенным лицом. Имея в виду, что и после встречи с Крамалеем я отклонил свидание с ним в моем доме, Ваше сиятельство изволите допустить, что я уклонялся именно от того, чего сам будто бы вымогал. Правда, что я легко мог бы свалить с себя всякую ответственность за происшествие 16 октября, рассказав о нем господину начальнику губернии, у которого я был на другой день, но верный принципу: не выгораживать себя за счет ближнего, я не сделал этого и на этой-то несостоятельности моей к защищению себя чужими промахами и увлечениями создалось и выросло нелепое обвинение меня в несвойственном мне поступке.

Уклончивость от приема Крамалея под поручительством Восточной Божией матери может служить доказательством, что не ожидание его денег не допускало меня до доклада об этом происшествии. Г.Крамалей искал случая сблизиться со мною через бывшего у меня писцом вольноотпущенного человека Семена Космачевского, который перед отъездом своим к барону Менгден искал содействия Крамалея в примирении его с покойным исправником Волковым и просил меня переговорить с Волковым, но я уклонился от этого, зная дружеские отношения Крамалея с домом Волковых. Вообще, по делу, которое я производил как умел, остались мне признательными не состоятельные люди, а два бедняка: писец канцелярии губернатора Кунцевич и квартальный надзиратель Слуцкий, которым дать мне было нечего.

Я вполне уверен, что люди, устроившие мне систематическую ловушку за несклонность мою к сторонничеству, вероятно, позаботились и об искусственной обстановке подготовленной ими сцены в таком месте, где обладателям полицейского произвола всегда можно найти людей всякого разбора, имею-

щих основание быть слугами видов каждого полицейского чиновника; я нимало не удивляюсь числу лжесвидетелей, которых может добыть несколько разоблаченная мною корпорация полицейских чиновников,— все это, вероятно, предусмотрено людьми, сделавшими юридические тонкости своею специальностью и поставившими своею задачею деморализовать человека, дерзавшего приподнять грязное покрывало неблаговидных, но благоприятных им начал. Но я прошу Ваше сиятельство остановиться над мыслью: вероподобно ли, чтобы я, как будто враждуя к самому себе, отвергал все представлявшиеся мне возможности взять у Крамалея взятку бесследно, у себя дома, где он, впрочем, знает только одну переднюю, ибо я не принимал его, и вдруг выбрал бы местом вымогательства публичный дом и свидетелем жандармского офицера, с которым во время всего производства следствия не сходился в мнениях до необходимости жаловаться друг на друга начальнику губернии? Есть ли какая-нибудь сообразность в вымогательстве взятки за послабление, за утайку чего-нибудь и в то время в оглашении каждого своего движения по делу; — а я именно так поступал. О всяком новом обстоятельстве, которое входило в дело, я тотчас же докладывал его превосходительству Павлу Ивановичу Гессе, доносил ему словесно и на бумаге о наших размолвках с г. Крижицким, и 17-го октября, на другой день происшествия в публичном доме, был у его превосходительства, представлял ему извет об указанных подозрительных вещах и оправдывался перед ним против переданного мне Крижицким неудовольствия его превосходительства за обширное распространение следствия. Начальник губернии при чиновнике Делинском успокоил меня, что он не выражал против меня никакого негодования, и сказал мне: "Я боюсь, чтобы Вас самих не запутали с этим делом" Эти слова как знак снисходительного внимания его превосходительства к моей неопытности в следственной практике я сохраню в моей памяти вместе с истинною за них признательностью.

Во время производства следствия я очень часто совещался о нем с управляющим судною частью у губернатора чиновником Делинским и всякий раз подробно излагал ему ход дела, мои соображения и пути, которые избираю для достижения моих целей, а в особенно затруднительных обстоятельствах спрашивал мнения чиновника особых поручений Вашего сиятельства, г. Друкарта, которому тоже должен был говорить, что обнаружено делом.

Ваше сиятельство! Если на минуту отрешиться от взгляда, обусловливаемого юридическими формами мышления, то от всего происшедшего со мной нельзя придти к иному выводу, как то, что или я положительно глуп, что противоречило бы сложившемуся обо мне понятию, или что я всячески искал случая обесславиться перед Вами,— начальником, у которого я искал места, и перед обществом, с которым собирался жить. А такое стремление тоже невозможно для человека, который видит перед собою еще целую жизнь, зависимую от собственного труда и доброго имени.

Во всем, что я изложил Вашему сиятельству, нет ни лжи, ни клеветы, ни притворства. С чувством полного благоговения пред трогающим меня благодушием Вашего сиятельства ручаюсь, что всякое сказанное мною здесь слово есть истиною, существа которой я не изменю ни перед чьим вопросом.

В заключение моего объяснения позволяю себе доложить Вашему сиятельству, что я не могу нести безвозмездного служения, а к должности судебного следователя признаю себя неспособным и потому, имея в виду другие занятия, нахожу необходимым просить у Вашего сиятельства распоряжения об освобождении меня от государственной службы.

Чиновник канцелярии Вашего сиятельства
губернский секретарь Лесков

<17> ноября 1860 г.[4]

3. ПОДПОЛКОВНИК ГРИБОВСКИЙ И НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК РУККЕР ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ И.И.ВАСИЛЬЧИКОВУ[5]

<26 ноября 1860 г.>

Секретно

Его сиятельству господину киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору, генерал-адъютанту и кавалеру князю Васильчикову

Корпуса жандармов подполковника Грибовского и чиновника особых поручений надворного советника Руккера

РАПОРТ

Согласно предписания Вашего сиятельства от 18-го сего ноября № 4643 мы удостоверились, в какой мере справедливы разнесшиеся слухи о вымогательстве чиновником Лесковым и корпуса жандармов штабс-капитаном Крижицким 2-м денег от бывшего частного пристава Крамалея, над которым они производили следствие.

По удостоверению этому оказалось следующее. 15 октября[6] вечером чиновник Лесков вместе с штабс-капитаном Крижицким приехали в непотребный дом, содержимый вдовою поручика Голиковою в доме мещанина Генюка по Андреевскому спуску; положительно не можем удостоверить, были ли они тогда в пьяном или трезвом виде, так как лица, видевшие их в этот вечер, показывают различно. В означенном непотребном доме распоряжается некто Яков Файнберг, выкрест из евреев, родом из Варшавы. Этот Файнберг именует себя буфетчиком непотребного дома, хотя, впрочем, такой должности в подобных заведениях по правилам, утвержденным г. министром внутренних дел, не полагается, и даже жительство мужчин в непотребных домах теми правилами запрещается. Когда Лесков и Крижицкий прибыли в непотребный дом, то первый из них остался в одной из комнат заведения, а Крижицкий немедленно потребовал от Файнберга партикулярное пальто и фуражку, надел то и другое и уехал на тех же биржевых дрожках, на которых приехали оба, не говоря куда; он отправился в дом, занимаемый Подольской частью, где квартировал еще в то время уволенный уже от должности частный пристав Крамалей. Прибыв в часть, Крижицкий спрашивал, дома ли Крамалей, но бывшие в части письмоводитель Гродзинский и квартальный надзиратель Крушинский объявили ему, что Крамалей находится в бане; когда же Крижицкий объявил, что ему необходимо с ним видеться по производимому делу, то Гродзинский и Крушинский поехали с ним в баню Бубнова и посредством прислуги бани и лакея самого Крамалея вызвали сего последнего во двор и объявили, что требует его Крижицкий, оставшийся между тем на улице; Крамалей немедленно оделся и вышел к Крижицкому на улицу, а Крушинский и Гродзинский отправились домой.

О том, что дальше происходило, можно было узнать от одного только Крамалея, так как других свидетелей не было. По словам Крамалея, Крижицкий говорил ему, что они условились с Лесковым кончить производимое над ним, Крамалеем, следствие в его пользу, если он даст им 600 руб. серебром, причем Крижицкий объявил, что Лесков ждет их в непотребном доме, и требовал, чтобы он, Крамалей, отравился немедленно туда, переодевшись, впрочем, прежде в партикулярное платье, так как он был в полицейском мундире. Повинуясь требованиям Крижицкого, Крамалей отправился с ним вместе домой в часть, переоделся там в партикулярное платье, и оба поехали в непотребный

дом, переменив по дороге возле контрактового дома извозчика, который вез их слишком медленно.

Вошедши в непотребный дом, Крижицкий немедленно возвратил Файнбергу его пальто и фуражку, а сам, одевшись по-прежнему в форменное жандармское платье, вызвал в так называемую гостиную Лескова и представил ему Крамалея как своего старого товарища по гимназии. В представлении этом не было никакой надобности, так как Лесков и Крамалей достаточно знали друг друга. После привычного приветствия Лесков и Крижицкий повторили уже оба то, что на улице говорил один Крижицкий, именно: что они решились помочь ему, Крамалею, в его деле, если он даст 600 руб<лей> серебром, причем Лесков говорил даже как будто в виде упрека: “Где это вы были до сих пор, что вас не было видно”, делая этим как бы намек, отчего он, Крамалей, не явился прежде для сделки. Крамалей отказывался от исполнения требования Лескова и Крижицкого относительно дачи денег, говоря им, что они не могут ему помочь, так как дело это известно уже гг. начальнику губернии и генерал-губернатору; оба они уговаривали Крамалея дать деньги и соглашались уже вместо 600 руб<лей> взять только 500, причем Крижицкий, взяв в руки подсвечник, водил им по гладкому столу и говорил Крамалею: “Смотри, как гладко идет подсвечник по столу, если дашь денег, то и твое дело так пойдет, если же денег не дашь, то оно пойдет вот как неровно”,— и при этом водил подсвечником по неровной спинке стула. Все эти увещания не подействовали, однако же, на Крамалея, и он денег не дал, и после переговоров, продолжавшихся не менее часу, они разошлись. Во время разговора Крамалея с Лесковым и Крижицким никаких свидетелей не было, а только Крамалей несколько раз требовал воды, которую подавал ему означенный буфетчик Файнберг, но когда он входил со стаканом в комнату, то разговор прекращался, так что о содержании этого разговора Файнбергу ничего не известно. Крамалей во время переговоров с Лесковым и Крижицким выпил воды стаканов шесть или семь, что и доказывает, что переговоры эти продолжались не менее часу.

Факт, что Крижицкий и Лесков были в непотребном доме, что туда был призван Крамалей и разговаривал с ними обоими наедине не менее часу — не подлежит никакому сомнению, и от этого не отрекаются ни Крижицкий, ни Лесков в письме своем к чиновнику особых поручений Андреевскому, при сем в подлиннике представляемом; Лесков говорит только, что виделся с Крамалеем не более 3—5 минут, но это опровергается тем, что Крамалей во время разговора с ним и Крижицким выпил шесть или семь стаканов воды. Остается только решить вопрос, для какой цели был призван Крамалей в непотребный дом и о чем он разговаривал там с Лесковым и Крижицким, но на этот вопрос не может быть дано положительного ответа, достаточного для обвинения или оправдания гг. Лескова и Крижицкого перед судом, так как при разговоре их с Крамалеем никаких свидетелей не было; формальным следствием может быть обнаружено только то, что Крижицкий, переодетый в партикулярное платье, ездил за Крамалеем сперва в часть, а потом в баню и затем привез его, также переодетого, в непотребный дом, где находился Лесков и где они все вместе разговаривали наедине, но от этого они и сами не отказываются; о предмете же разговора с Крамалеем могут дать объяснение только сами гг. Лесков и Крижицкий, но как нам поручено только секретное удостоверение о действиях их, то мы не решились спрашивать их во избежание неминуемой огласки.

Во всяком случае собранные нами изложенные выше сведения нисколько не говорят в пользу гг. Крижицкого и Лескова. Хотя последний в помянутом письме к Марку Александровичу Андреевскому говорил, “что он имеет воз-

можность доказать безупречность с нравственной стороны” посещения им непотребного дома, но едва ли можно назвать нравственно безупречным посещение подобного заведения кем бы то ни было, а тем более людьми женатыми, и приглашение ими туда для каких-то непонятных целей лица, над которым они производили следствие; далее г. Лесков пишет, что он желает оправдаться перед судом общественного мнения путем печатной гласности. Если в руках его действительно есть доказательства безупречности его действий, достаточные для оправдания его перед общественным мнением, то, по нашему мнению, ему следует поспешить представить их Вашему сиятельству, так как он считается на службе в Вашей канцелярии; помянутое же письмо его, наполненное только какими-то непонятными намеками и недоговорками, не может оправдать его в глазах самого невзыскательного судьи; если же Лесков желает путем печатной гласности довести об этой скандалезной истории до сведения тех, которые о ней не знают, то на удовлетворение этого его желания следует ему испросить разрешения цензуры в установленном порядке.

Обо всем выше изложенном имеем честь почтительнейше донести на благоусмотрение Вашего сиятельства во исполнение приведенного предписания,

Подполковник Грибовский
Надворный советник Руккер

№ 228
26 ноября 1860 года
г. Киев

4. И.И.ВАСИЛЬЧИКОВ — В.А.ДОЛГОРУКОМУ[7]

29 ноября <1860 г.>

Главному начальнику
III Отделения собственной Е<го> И<мператорского>
В<еличества> канц<елярии>
г. генерал-адъютанту князю Долгорукову

Из донесения, находящегося в Киевской губернии штаб-офицера корпуса жандармов подполковника Грибовского Вашему с<иятельст>ву известно, что в Киеве разнеслись слухи, будто корпуса жандармов штабс-капитан Крижицкий 2-й и чиновник канцелярии моей губ<ернский> секр<етарь> Лесков, на которых губернским начальством возложено было производство следствия о злоупотреблениях по службе бывшего частного пристава Киевской полиции Крамалея, отправились в дом, где живут публичные женщины, призвав туда Крамалея, требовали от него денег за направление дела по его оправданию.

Чтобы убедиться, в какой мере справедливы эти слухи, я поручал подполковнику Грибовскому и чиновнику особых при мне поручений надв<орному> сов<етнику> Руккеру произвести по этому вопросу секретное удостоверение.

Чиновниками этими дознано, что действительно штабс-капитан Крижицкий и чиновник Лесков 15 минувшего октября вечером приехали в непотребный дом, откуда Крижицкий, надевши партикулярное платье, отправился разыскивать Крамалея и, нашедши его в бане, привез в сказанный дом, и здесь Крижицкий и Лесков имели с ним объяснение, продолжавшееся около часу. Действительно ли они вымогали, как утверждает Крамалей, у него деньги, дознать не было возможности, так как разговор происходил наедине.

При таких обстоятельствах сего дела, имея в виду, что формальное следствие, если бы оно было назначено, могло бы только обнаружить, что Крижицкий и Лесков были в непотребном доме, призывали туда Крамалея и имели с ним объяснение, чего они и сами не отрицают, обнаружить же, действительно они требовали от Крамалея денег, от чего они оба отказываются, нет возможности по неимению свидетелей и принимая притом во внимание неудобство придавать этому делу гласность, так как оно касается офицера корпуса жандармов, я полагал бы настоящее дело окончить административным порядком, предложив штабс-капитану Крижицкому подать немедленно просьбу об увольнении его от службы, о чем и имею честь представить на благоусмотрение В<ашего> с<иятельст>ва, присовокупив, что вместе с сим губ<ернский> секр<етарь> Лесков уволен мною от службы по прошению.

5. ОТНОШЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КИЕВСКОМУ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ[8]

28 октября 1860 г.

Министерство внутренних дел
Департамент медицинский
Отделение 2 Стол 1
28 октября 1860 года
№ 975

1 ноября[9]
Господину киевскому военному, подольскому и волынскому генерал-губернатору

В фельетоне № 39 от 6 октября сего года издаваемой в Киеве газеты “Современная медицина” под заглавием “Несколько слов о полицейских врачах в России” с особенною подробностию описаны злоупотребления, допускаемые Врачебною управою, и взяточничество городовых и уездных врачей, с указанием на установленную плату с мясников, булочников, кондитеров и с определением даже числа сих последних в местности, о которой говорится. Если таковые, явно высказанные злоупотребления действительно существуют, то безотлагательное прекращение их и взыскание за оные с виновных составляют необходимое условие; если же вся статья заключает в себе лишь одну клевету, то как подписавший оную Фрейшиц, так и редактор газеты должны подвергнуться законному за то взысканию.

Вследствие сего, препровождая у сего означенный № 39-й газеты “Современная медицина”, я имею честь просить покорнейше Ваше сиятельство сделать зависящее с Вашей стороны распоряжение о строжайшем и формальном исследовании: действительно ли существуют описанные злоупотребления и о принятии законных мер к немедленному их прекращению, так и предании виновных законному взысканию; о последующем же почтить меня уведомлением.

Министр внутренних дел С.Ланской
Директор, гражданский генерал-штаб-доктор (подпись)

6. ДОНЕСЕНИЕ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ “СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА” ПРОФЕССОРА А.ВАЛЬТЕРА НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ[10]

<17 ноября 1860 г.>
18 ноября[1*]

Его превосходительству г. начальнику Киевской губернии

Редактора газеты “Современная медицина”
профессора А.Вальтера

В ответ на запрос Вашего превосходительства от 15 ноября 1860 г. за н<оме>р<ом> 7954 честь имею донести следующее:

1) Редакция “Современной медицины” объявила публично, что она не будет выдавать фамилий псевдонимов — авторов, желающих остаться неизвестными. Но по закону редакция обязана сообщить секретно фамилии авторов псевдонимов Цензурному комитету, который, вероятно, не преминет поступать в этом случае по закону и по требованию Вашего превосходительства.

2) Злоупотребления по делам медико-полицейским и медико-судебным со стороны большинства Врачебных управ суть дело столь известное медицинскому сословию в России и так часто доказаны, как не все истины медицинских наук. Сверх этого в последнее время и литература обличала эти темные и постыдные дела, как то: в 1859 году “Московские ведомости” рассказали случай продажи места инспектора управы, в 1860 г. в “Военно-медицинском журнале” известный историк русской медицины профессор Чистович[11], пользовавшийся архивами, объяснял всем известную продажность Врачебных управ, и “Современная медицина” перепечатала часть этих отзывов, в № 40 “Современной медицины” отпечатано письмо псевдонима Воронежецкого о взяточничестве еще служащего инспектора управы; редакция этой газеты хранит в своем портфеле еще другие статьи, обличительные по этому предмету. К этому я должен причислить личные отзывы: влиятельной особы министерства внутренних дел, бывших городовых врачей и проч. Все это вряд ли могло оставить у меня сомнение в том, что управы допускают безнаказанно такие злоупотребления, что у них, если не все, то многое продается. Содержание 260 р<ублей> серебром не может покрыть издержек врачей, из числа которых немалое число не имеет и часто не ищет медицинской практики, а живут хорошо и наживаются. Могло ли все это дозволить сомневаться в существовании злоупотреблений со стороны (но не всех) городовых врачей преимущественно в больших городах?

Личность г. Фрейшица небезызвестна в литературе газетной. По его обличительным статьям производились следствия, которые доказали основательность его показаний; его отношения были такие, что он мог хорошо знать грязные дела бессовестных взяточников-вымогателей в числе городовых врачей, наконец, всеобщее мнение действительно некогда оценивало доходы художника-взяточника в цифру, немного отстоящую от цифры, им показанной.

Цель, руководимая мною при напечатании этой статьи, была — сделать известною не столько цифру незаконных доходов (за них мы ответствовать не могли), как источники и причины их. Мы намереваемся собирать еще более таких данных для того, чтобы предложить меру — собрать с обыкновенных данников полицейских врачей подать для поправления их жалования. Мы не

[1*] Первая дата — день отправления письма, вторая — день, когда оно было получено. (*Ред.*)

хотели быть публичными обвинителями, мы хотели содействовать к искоренению стыда нашего сословия и полагаем, что это возможно даже (если это необходимо) с уменьшением (против нынешнего) расходов государства. Мы знали, что статья наша не заключает в себе ничего нового для человека, знакомого с бытом врачей в России. Цель наша была — собирать статистику злоупотреблений (что мы считаем нужным не для одних медицинских злоупотреблений), для того, чтобы, уяснив статистику, предлагать меры реформы.

Если статья г. Фрейшица преувеличена, то, вероятно, на нее последуют ответы и поправки, и все это послужит доброму делу, тем более, что г. Фрейшиц не назвал никакого города.

Редактор, профессор А.Вальтер

17 ноября 1860 г.

7. ЛЕСКОВ — П.И.ГЕССЕ[12]

<21 ноября 1860 г.>

Секретно

Его превосходительству
господину Киевскому гражданскому губернатору
АВТОРА СТАТЬИ “О ПОЛИЦЕЙСКИХ ВРАЧАХ В РОССИИ” Н.ЛЕСКОВА

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

Вследствие требования Вашего превосходительства, изъясненного в полученной мною секретной бумаге за № 161-м, имею честь доложить вам, что основания, которыми я руководился при составлении статьи о незаконном способе существования полицейских врачей в России, не принадлежат к числу явлений, составляющих факты юридические. Они — и вид наблюдательности, народного голоса и самых простых аналогичных выводов, не чуждых ни одному гражданину Российской империи.

Что же касается доказательств, которых вы изволите требовать от меня в подкрепление изложенных в моей статье злоупотреблений, то, если под словом “*доказательство*” я должен разуметь юридический факт,— так я не могу вам представить их уже по одному тому, что по силе действующих законов всякий, дающий взятку, подвергается такой же ответственности, какой и принявший ее. Следовательно, невозможно ожидать, чтобы лица, которым полицейские врачи допускают разные вредные послабления и за то делают с них поборы,— были настолько наивно великодушны и самоотверженны, что решились бы сознаться в законопротивном лиходательстве, жертвуя своими выгодами и своим спокойствием. Ожидать такой наивности от самих городовых врачей — значило бы допускать в них стремление к самоуничтожению; а других юридических путей к улике этих чиновников в систематическом взяточничестве я не знаю. Из всех мер, которые могли бы послужить к юридической улике полицейских врачей в поборах с базаров, трактиров, булочных, публичных женщин и проч. исчисленных мною статей их взяточничества, могло бы удаться отобрание голосов по этому вопросу посредством закрытой баллотировки, к которой можно допустить всех граждан, не исключая корпораций, с которых производятся самые поборы по медицинской части.

Если Ваше превосходительство найдет эту меру возможною, то я прошу дозволить мне присутствовать при постановке вопроса, подлежащего баллотированию, и при самом вотировании мнений.

Если же Вам угодно принять в соображение те материалы, которые по законам статистической науки служили мне данными к определению доходов

полицейских врачей, то я считаю себя обязанным доложить Вашему превосходительству, что они не могут быть для чиновника, производящего следствие, теми же данными, какими может принимать их литературный деятель, свободный от всяких форм и, вследствие своей неофициальности, доступный открытому слову народа.

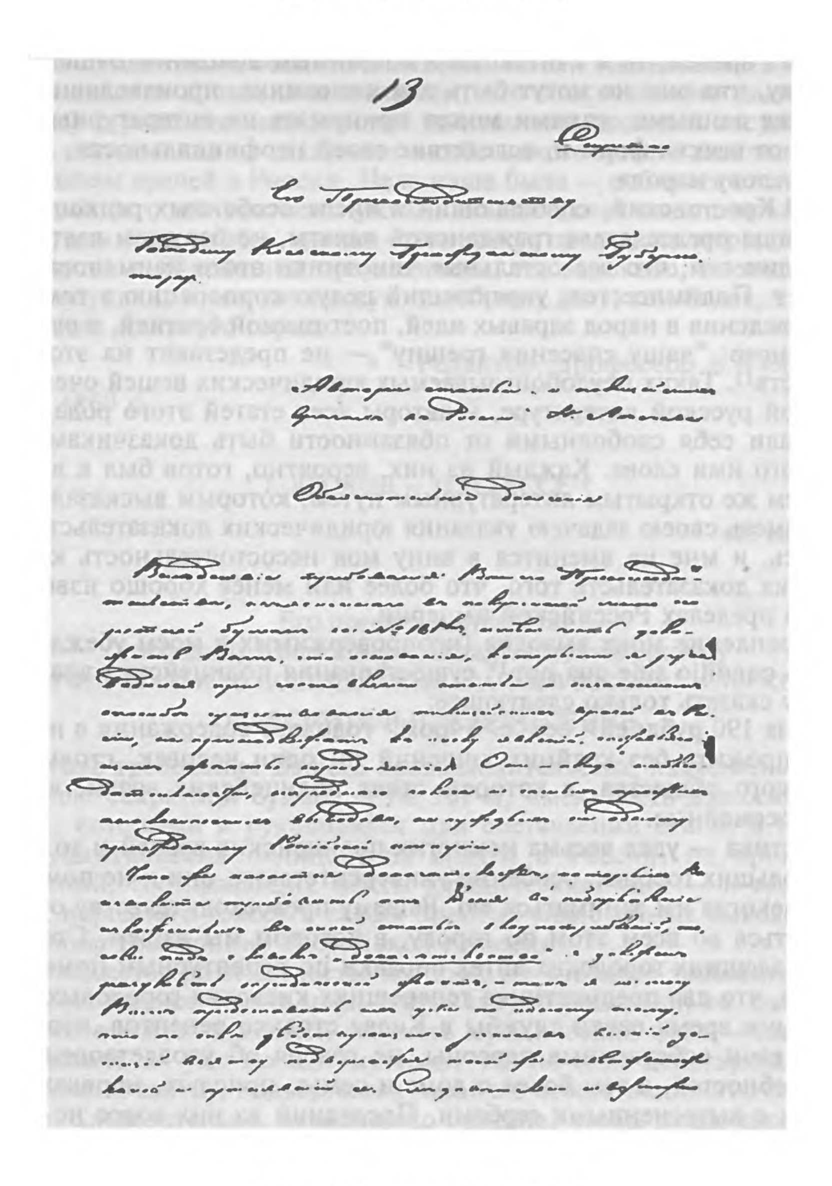
Ни г. В.Крестовский, сообщающий в числе особенных редкостей города N. о товарище председателя гражданской палаты, не берущем взятки, не докажет юридически, что все остальные чиновники этого наименования берут взятки; ни г. Полимпсестов, упрекающий целую корпорацию в том, что она, вместо проведения в народ здравых идей, поет пьяной братией, в руки взявши стакан пенного: “чашу спасения грешну”,— не представит на это судебных доказательств[13]. Таких неудобоназываемых юридических вещей очень много в современной русской литературе, и авторы всех статей этого рода, смею думать, считали себя свободными от обязанности быть доказчиками печатно высказанного ими слова. Каждый из них, вероятно, готов был к встрече оппозиции тем же открытым литературным путем, которым высказал свое мнение, а не иметь своею задачею указания юридических доказательств. А потому, надеюсь, и мне не вменится в вину моя несостоятельность к указанию юридических доказательств того, что более или менее хорошо известно всем живущим в пределах Российской империи.

В подкрепление моих выводов (неопровержимых в моем убеждении), что взятка есть conditio sine qua non[1*] существования полицейских врачей в России, я могу сказать только следующее:

1) Что на 190 рубл<ей> сер<е>б<ром> годового содержания в наше время не может прожить без крайних лишений ни один человек, стоящий в том кругу русского общества, в котором стоят полицейские врачи, люди всего чаще многосемейные.

2) Практика — удел весьма немногих полицейских врачей и то в захолустьях, а в больших городах, особенно университетских, они и не помышляют о ней, да и некогда им заниматься ею. Вашему превосходительству очень легко удостовериться во всем этом по городу, в котором мы живем. Стоит только собрать от здешних городских аптек справки по рецептурным номерациям, и Вы увидите, что два предместника теперешних киевских городовых врачей не выдали во все время своей службы в Киеве столько рецептов, что могли бы пропитать свои собственные персоны, не говоря об удовлетворении других своих потребностей, а тем более о доме и семье, прислуге, нарядах, лошадях и экипажах с вытесненными гербами. Последний из них вовсе не практиковал, *благоприобретенного* состояния не имел, родового не принес из Австрии, гомеопатией и симпатией не лечил, над наукою смеялся, литературных предприятий был чужд, рецепты называл “паспортами на тот свет”, ничем вещественным не торговал, а содержал восемь душ семейства, которое не только ни в чем не нуждалось, но относительно роскошествовало; держал в Киеве тройку лошадей; четыре человека мужской и три — женской прислуги; платил в заведения за учение сына и двух дочерей; нанимал гувернантку для других детей; жил открытее, без всякого сравнения, чем самые известные у нас практикою профессора медицинского факультета, и, несмотря на то, что нес расходы по хорошо известному мне бюджету — до 5000 руб<лей> сер<ебром> в год — не разорился, а незадолго до перевода его на другую должность купил в Киеве дом, которого, вероятно, не продаст дешево.— В глазах моих и во мнении большинства мыслящих жителей вверенного Вам губернского города, это факт, гласящий в пользу положений моей статьи в том смысле, что получае-

[1*] необходимое условие (*лат.*).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

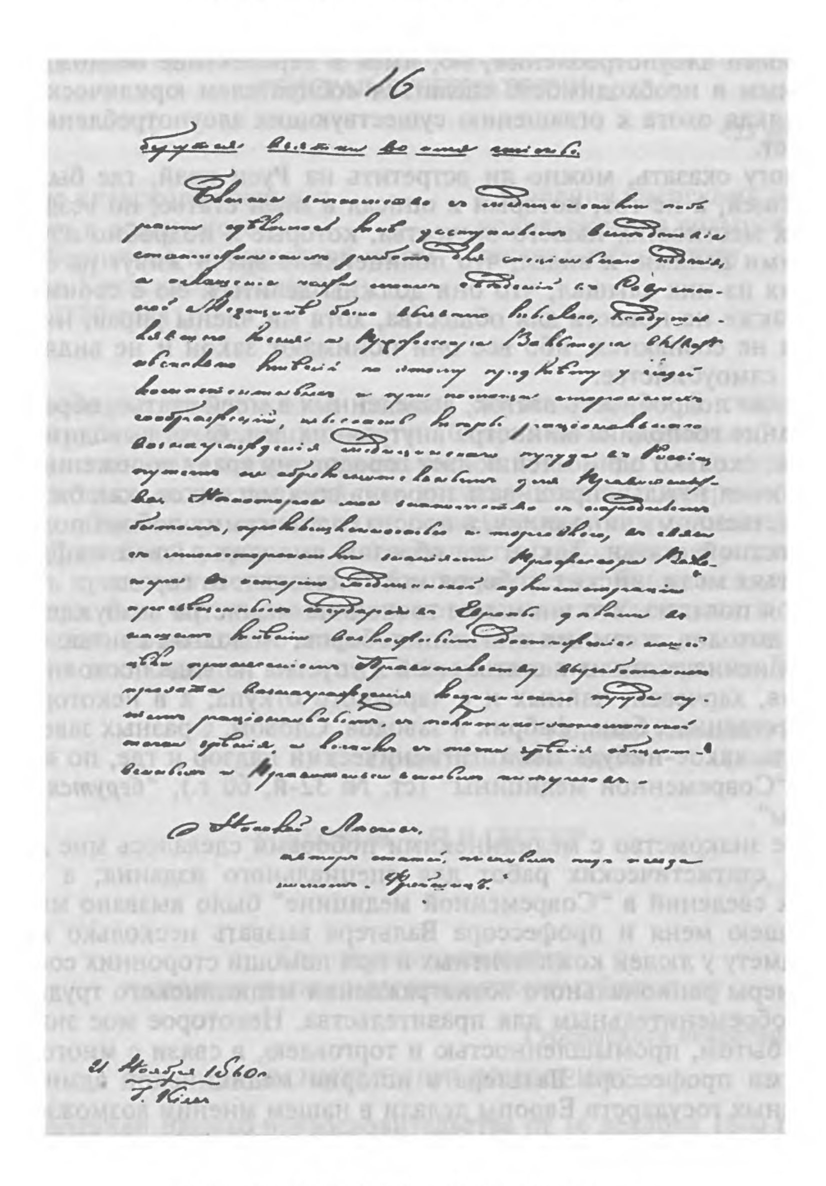
АВТОРА СТАТЬИ “О ПОЛИЦЕЙСКИХ ВРАЧАХ В РОССИИ” Н.ЛЕСКОВА ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГОСПОДИНУ КИЕВСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

Автограф. 21 ноября 1860 года

Центральный государственный исторический архив Украины, Киев

мое полицейским врачом жалование, 190 руб<лей> сер<ебром>, составляет по отношению к их тратам отрицательную величину и что недополучения свои господа полицейские врачи восполняют не врачевательством.

3) Что некоторые врачебные управы имеют непохвальный обычай не выдавать полицейским врачам жалования, а берут только расписки в выдаче его — это, я думаю, ни для кого не ново. Но кому это кажется невероятным, тот может разрешить свои сомнения, прочитав в 249-м номере “Северной

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ (окончание)

пчелы" "Быт уездных врачей" Автору этого очерка, может быть, легче собрать и указать материал к производству формального следствия, так как он говорит прямо о лицах, тогда как я говорил только о действиях. В пределах моего ограниченного понимания я не умею сознать лучшего повода к поверке, как открытое заявление г. Воронежецким в публичном органе, выходящем тысячами экземпляров, что в сегодняшнее, благополучное время живет и заправляет врачебною частью целой губернии инспектор врачебной управы Р., собирающий годовой оброк с подчиненных и вытребывающий чрез письмоводителя Ч. дополнительные взятки.

Портфель редакции "Современной медицины", сколько мне помнится, хранит не одну историю казусов медицинской взятки вообще и управской в особенности. Без сомнения, многие из них могли бы служить небесполезны-

ми указаниями злоупотреблений, но, имея в перспективе возможность быть поставленным в необходимость сделаться собирателем юридических доказательств, всякая охота к оглашению существующих злоупотреблений, вероятно, исчезнет.

Я не могу сказать, можно ли встретить на Руси край, где был бы иной порядок вещей, а не тот, который я описал в моей статье; но везде, в самых отдаленных местностях нашего отечества, которые я подробно изучал с статистическими целями, я видел, что полицейские врачи живут на счет взятки и от многих из них слышал, что они должны делиться ею с своим начальством. Это также не новость для общества, хотя ни члены управ, ни полицейские врачи не сознаются, ибо все они понимают закон и не видят нужды в некотором самоубийстве.

Особенная подробность взяток, выведенных в моей статье, обратившей на себя внимание господина министра внутренних дел, была выводима аналогически. Зная, сколько один мясник дает городовому врачу положенной годовой дани, я не имел нужды спрашивать порознь всех мясников, как бы то должно делать следственному чиновнику, а просто слагал сумму побора по числу данников известной статьи. Таким же образом выводил я свои цифры во всех других статьях медицинских поборов моего идеального города.

Но как я полагаю, что внимание господина министра возбуждено не суммою цифр доходов, а самими статьями поборов, то долгом считаю оговориться, что при исчислении их в статье моей я упустил из вида постоянный побор с трактиров, харчевен, чайных и с чарочного откупа; а в некоторых местах еще с общественных бань, фабрик и заводов. Словом, с разных заведений, где может иметь какое-нибудь место гигиенический надзор и где, по выражению редакции “Современной медицины” (ст. № 32-й, 60 г.), “*берутся взятки во имя гигиены*”

Близкое знакомство с медицинскими поборами сделалось мне доступным вследствие статистических работ для специального издания; а оглашение части моих сведений в “Современной медицине” было вызвано мыслью, воодушевлявшею меня и профессора Вальтера вызвать несколько мнений по этому предмету у людей компетентных и при помощи сторонних соображений изыскать меры рационального вознаграждения медицинского труда в России путем, не обременительным для правительства. Некоторое мое знакомство с народным бытом, промышленностью и торговлею, в связи с многосторонними знаниями профессора Вальтера в истории медицинской администрации просвещенных государств Европы делали в нашем мнении возможным достижение нашей цели принесением правительству выработанного проекта вознаграждения медицинского труда путем рациональным, с политико-экономической точки зрения и легким с точки зрения общественных и правительственных интересов.

Николай Лесков,
автор статей, писанных под псевдонимом “Фрейшиц”

21 ноября 1860 г.
г. Киев.

8. ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ[14]

<23 ноября 1860 г.>
24 ноября[1*]

Управление киевского военного
подольского и волынского
генерал-губернатора по секретной части
Начальника Киевской губернии
23 ноября 1860 года
№ 188

Господину киевскому военному,
подольскому и волынскому
генерал-губернатору

В исполнение предложения Вашего сиятельства от 2 сего ноября за № 1035 истребовав от редакции газеты "Современная медицина" профессора Вальтера и сочинителя статьи, помещенной в 39 номере той газеты под названием "Несколько слов о полицейских врачах в России", губернского секретаря Лескова объяснения относительно описываемых сим последним злоупотреблений Врачебной управы и взяточничества городовых и уездных врачей, имею честь представить таковые на благоусмотрение Вашего сиятельства, докладывая при том, что доказательств, которые могли бы служить основанием к производству формального следствия, по мнению моему, в означенных объяснениях не заключается, а потому я буду ожидать приказания Вашего сиятельства.

Генерал-лейтенант Гессе
Правитель канцелярии (подпись)[15]

9. ЛЕСКОВ — П.И.ГЕССЕ[16]

<19 января 1861 г.>
20 генваря[2*]

Его превосходительству
господину киевскому гражданскому губернатору

Губернского секретаря Н.Лескова

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

На требование Вашего превосходительства от 16 декабря 1860 г. № 8554-й имею честь доложить Вам, что я не могу называть решительно ни одного лица в подкрепление моей статьи "О полицейских врачах в России", ибо всякое наименование лиц повлекло бы за собою обязанность представлять юридические доказательства к улике их, а я никогда не приготовлял себя к этому делу и не имел ни надобности, ни времени запасаться такими аргументами. Я убежден, что за некоторым исключением корпорация полицейских врачей более или менее не свободна от упрека в неравнодушии к недозволенному самовознаграждению за службу; и в этом очень хорошо убеждено русское общество, мнение которого я выразил литературною статьею, не поставляющею меня в обязанность доносчика. Я не умею найти лучшего доказательства справедливости моих слов, как общественное сочувствие моей статье; а Ваше пре-

[1*] Первая дата — день отправления документа, вторая — день, когда он был получен. (*Ред.*)

[2*] Первая дата — день отправления документа, вторая — день, когда он был получен. (*Ред.*)

восходительство, вероятно, изволите допустить, что общий взгляд народа и без юридических доказательств видит вещи в настоящем их свете.— Моя совесть не позволит мне взводить именное обвинение на одну какую-нибудь личность, когда легион точно таких личностей остаются под мирною сенью безгласия. За что же должны страдать только те, которых судьба свела как-нибудь со мною и которые ничем не хуже многих, имени которых я не знаю? Я уже доложил Вашему превосходительству, что я не могу себе позволить быть причиною горя для этих людей, как по убеждению, что они не хуже и не грешнее других, так и потому, что юридических доказательств я собирать не умею и не могу; и потому, если есть какая-нибудь возможность освободить полицейских врачей от упрека, которым общество еще до меня клеймило их в литературных трудах Гоголя, Селиванова (теперешнего председателя Уголовной палаты)[17], Щедрина (г. Салтыкова, тепер<ешнего> губернатора), то, конечно, можно заподозрить правоту моих слов, но я не думаю, чтобы можно было таким же образом изменить мнение общества, которое выражено моими словами в известной Вам статье о полицейских врачах в России.

Что же касается до желания господина генерал-губернатора узнать о моих соображениях относительно реформы вознаграждения судебно-медицинского труда в России, то при всем желании исполнить волю его сиятельства я должен отказать себе в этом удовольствии, потому что сложный и многосторонний вопрос этот еще не отработан и многие положения его не уяснены для меня самого; но когда обстоятельства при посредстве прессы дозволят мне придти к ясным заключениям по трактуемому предмету, то я не лишу себя чести представить мои соображения князю Иллариону Илларионовичу Васильчикову.

Теперь же я могу сказать только то, что в основании реформы вознаграждения судебно-медицинского труда, по моему крайнему разумению, должна лежать действительная оплата этого труда самими его потребителями, т.е. обывателями того района, о гигиеническом благосостоянии которого заботится данный полицейский врач. Но эта, сколько понимаю, единственная, рациональная мера достаточной оплаты медико-полицейского труда не мыслима без предоставления обществу права самостоятельного избрания себе врача, отвечающего всем требованиям общественной гигиены и медицинской полиции.

Только при достаточном вознаграждении от общества за службу его гигиеническим интересам и при зависимости от общественного мнения городовые и уездные врачи русские будут нелицеприятно блюсти вверенное им общественное благо, ибо тогда они почувствуют над собою недремлющий, чуткий контроль общества, как известно, не погрешающего в своих заключениях без всяких юридических доказательств; — а у обществ тогда не будет врачей, которым не верят и с которыми лечиться не хотят или лечатся поневоле за недостатком другого медика.

Лучшим доказательством справедливости этого положения может служить то, что во многих уездных городах практика иногда находится в руках вольнопрактикующего врача, живущего за десятки верст от города при какой-нибудь сельской больнице; а официальный городовой врач остается без практики.

Я не сомневаюсь, что в замещении полицейских врачей всего возможнее и всего полезнее ввести выборное начало, предоставив обществу определить и собрать общественный гонорарий врача; а врачу при этом даровать права и преимущества государственной службы на общем положении.

19 генваря 1860 г.[18]
Киев

Губернский секретарь Лесков

10. РАПОРТ РЕДАКТОРА ГАЗЕТЫ “СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА” НАЧАЛЬНИКУ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ[19]

23 января <1861 г.>[20]

Его превосходительству
г. начальнику Киевской губернии

Редактора газеты “Современная медицина”
профессора А.Вальтера

РАПОРТ

Вследствие предписания Вашего превосходительства от 16 декабря 1860 г. за н<оме>р<ом> 8553 имею честь донести:

1. Выразив мысль, что злоупотребления губернской медико-полицейской и медико-судебной части лучше доказаны, нежели многие истины медицинской науки, я имел в виду, что есть истины в медицине, доказываемые лишь отзывами нескольких врачей, а злоупотребления по медицинской части доказывают голосом общественного мнения. Все зависит, следовательно, от того, какой вес придать общественному мнению и что считать выражением его. Мнение общества и гражданско-врачебной части высказано во многих статьях и сочинениях беллетристической и газетной литературы, отзывами в медицинских журналах, которые, собственно говоря, не отвергнуты, наконец — отзывом лучшего современного историка русской медицины профессора С.-Петербургской Мед<ико>-хир<ургической> академии Чистовича, который в исторической статье, отпечатанной в майской книжке “Военно-медицинского журнала”[1*], выразил, “что тайные поборы Врачебных управ *ни для кого и никогда не были тайною*” Наконец, неужели в этом выражается что-то неизвестное и самому правительству? Я уверен, что если б дозволили сделать воззвание в газетах, то независимые врачи отозвались бы в роде обвинителей гражданско-медицинской части.

2. Дело, по которому, вследствие отзыва г. Лескова, произведено следствие, произошло на Владимирском торге несколько лет тому назад.

3. Г. Лесков управлял имением, торговал съестными припасами и жил в кругу чиновников, соприкасавшихся к врачебным делам, и известен, что там поборы не скрываются.

4. Что касается проекта об улучшительной части, то я прошу позволения изучать это дело пока путем журналистики.

· Потребность разных городов и уездов различны, и основания, на которых зиждется нынешнее устройство медицинской части, наукою отчасти уже оставлены, наконец, облегчение казны возможно уже тем, чтобы эти места были без жалования, так как нынешнее жалованье ничтожно в сравнении с доходами, возможными с практики или иначе, по крайней мере, на западе России не покрывает и первых нужд.

Если же начальству того края, которому я принадлежу уже 18 лет, угодно располагать мною, может быть, для местных улучшений, то я считаю честью ему служить всем, чем располагаю.

Окончательно да позволено будет мне еще раз вкратце обрисовать положение редакции относительно статьи г. Лескова.

Лесков обвиняет большинство полицейских врачей в лихоимстве *по нужде*. Редакция протестует против общности приговора и выражает, что ни Лесков, ни кто другой не знает числа честных людей между полицейскими

[1*] 1860 г. (*примеч. А.П.Вальтера.— Ред.*)

врачами.— Лесков делает примерный расчет идеального города для показания пропорциональности доходов и народонаселения. Редакция протестует против чисел.— Лесков говорит, что полицейские врачи не практикуют.— Редакция протестует. Стало быть, что допускала редакция? Некоторые злоупотребления, вынуждаемые скудностью жалования. Кто сомневается в их неизбежности? Но такое положение редакции, выразившей только желание реформы, налагает ли на нее обязанность назвать те губернии, где есть злоупотребления, назвать лиц, случаи, чрез которые она знает неоспоримые *для нее*[1*] факты? Я думаю, что нет, и потому прошу покорнейше — меня избавить от необходимости доносить на кого-либо, ибо все эти злоупотребления вынуждены необходимостью, и указать на некоторые лица значит быть несправедливым к тем, которые не менее виноваты, а не называются. Если мне и хорошо известно выражение общественного мнения, так как я много путешествовал по России и по своему положению остался в сношениях с многими врачами, воспитавшимися в Киеве, но ни я, ни кто-либо в свете <не> в состоянии превращать показания общественного мнения в юридические. Разумное вникновение в отзывы общественного мнения научит всякого, верить ли этим отзывам или нет, но выслушать их необходимо, иначе много истины останется сокрытым хоть и пред правительством.

Что таков был взгляд и цензуры на статьи г. Лескова, что и она видела в них только попытку выразить общественное мнение — указать на злоупотребления, происходящие от малости жалования и на необходимость какой-нибудь реформы — это доказывается тем, что цензура не требовала от редакции никаких доказательств, и поэтому и редакция не требовала их от автора.

Вашему превосходительству угодно было меня спросить, относительно каких управ известны злоупотребления?

И на этот вопрос можно мне отвечать только голосом общественного мнения (без юридических доказательств) настолько, насколько он мне известен. Я слышал хорошее об управе Прибалтийских губерний, Таврической, Орловской и Тамбовской губернии, чем не доказывается противное относительно прочих.

Профессор Вальтер

11. П.И.ГЕССЕ – И.И.ВАСИЛЬЧИКОВУ[21]

<30 января 1861 г.>
31 января[2*]

Начальника Киевской губернии
30 генваря 1861 г.
№ 476

Милостивый государь князь Илларион Илларионович.

При рассмотрении дополнительных объяснений, доставленных мне редактором газеты "Современная медицина" профессором Вальтером и автором статьи "Несколько слов о полицейских врачах в России" губернским секретарем Лесковым, я не нахожу в них решительно никаких положительных данных, которые могли бы послужить основанием к обнаружению тех злоупотреблений со стороны полицейских врачей, на которые указывает поименованная статья.

[1*] но юридически оспоримые и юридически недоказательные (*примеч. А.П.Вальтера.— Ред.*)

[2*] Первая дата — день отправления документа, вторая — день его получения. (*Ред.*)

Объяснения эти, вместе с первоначальными отзывами профессора Вальтера и губернского секретаря Лескова, представляя на благоусмотрение Вашего сиятельства, имею честь испрашивать разрешения: следует ли затем предмет этот передать судебному следователю для производства формального исследования, которое при таких условиях, по мнению моему, не может принести удовлетворительных результатов, или же Вашему сиятельству угодно будет дать другое этому делу направление.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашего сиятельства покорнейший слуга

Павел Гессе

12. ДОНЕСЕНИЕ КИЕВСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ[22]

№ 2732
18 марта 1861 Г. министру в<нутренних> д<ел>

В<аше> в<ысокоблагородие>, обратив внимание на помещенную в издаваемой в Киеве газете “Современная медицина” статью под заглавием “Несколько слов о полицейских врачах в России”, в коей описаны злоупотребления Врачебных управ и взяточничество городовых и уездных врачей, отношением от 28 октября 1860 года за № 975 изволили требовать распоряжения моего о производстве по сему предмету формального следствия для подвержения законному взысканию или виновных в тех злоупотреблениях, если они будут открыты, или же автора означенной статьи и редактора газеты, в которой она напечатана, если описываемое в той статье есть одна клевета.

Как в помянутой статье не указана ни местность, в которой замечены автором описываемые им злоупотребления, ни виновные в том лица и вообще не изложено никаких положительных данных, необходимых для начатия формального следствия, то по получении означенного отношения В<ашего> в<ысокоблагородия> за № 975 я распорядился об истребовании от редактора газеты “Современная медицина” ординарного профессора императ<орского> университета св. Владимира Вальтера и автора статьи губ<ернского> секретаря Лескова доказательств оглашенных злоупотреблений.

Ныне начальник губернии представил мне отзывы гг. Вальтера и Лескова, в коих они отказываются от представления юридических доказательств тех злоупотреблений полицейских врачей, какие указаны в статье, обратившей на себя внимание В<ашего> в<ысокоблагородия>.

Профессор Вальтер, изъясняя положение редакции “Современной медицины” относительно статьи Лескова, между прочим пишет, что в имеющихся при той статье выносках редакция, выразив сомнение в верности расчетов доходов врачей идеального города и протестуя против общности приговора, допускала лишь некоторые злоупотребления полицейских врачей, вынуждаемых скудностью получаемого ими жалования; что в неизбежности этих злоупотреблений никто не сомневается; что они высказаны во многих обличительных статьях периодической литературы, а именно: в 1859 году в “Московских ведомостях” рассказан случай о продаже места инспектором Врачебной управы, в 1860 году в “Военно-медицинском журнале” профессор С.-Петербургской Медико-хирургической академии Чистович объяснял продажность врачебных управ и выразил, что таковые никогда и ни для кого не были тайною.

С своей стороны, губ<ернский> секр<етарь> Лесков изъясняет, что описанные им злоупотребления полицейских врачей известны ему из личных на-

блюдений и являвшихся в литературе обличительных статей Гоголя, Чистовича, Воронежецкого, Селиванова и Щедрина (Салтыкова), что никаких юридических доказательств этих злоупотреблений он в виду не имеет и поэтому не может указать ни на одно известное ему лицо, что в лихоимстве никто не сознается и что цель обнародования им этих злоупотреблений была та, чтобы путем литературным изыскать меры лучшего вознаграждения тех врачей по службе.

В заключение гг. Вальтер и Лесков, ссылаясь на общественное мнение, просят уволить их от обязанности доказывать юридически то, что никаких доказательств не требует, но тем не менее доказано быть не может.

Имея в виду, что в отзывах гг. Вальтера и Лескова не имеется также указаний, которые могли бы служить основанием к назначению формального следствия и что производство такового в Киеве или каком-либо другом месте вверенного мне края не могло бы повести к желаемым результатам, и, принимая в соображение, что в представлении положительных доказательств злоупотреблений, указанных в статье г. Лескова, он, а тем более Вальтер понуждаемы быть не могут, я полагал бы настоящий предмет оставить без дальнейших последствий, о чем и долгом счел сообщить на благоусмотрение В<ашего> в<ысокоблагородия> впоследствии означенного отношения № 975.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ЦГИА* Украины. Ф. 422. Оп. 810. Ед. хр. 165. Л. 6—7. Автограф Лескова.

[2] *М.А.Андреевский* — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе.

[3] Там же. Л. 1—5. Автограф Лескова. Число на документе не обозначено, но поскольку он подшит в деле первым (мы, как уже отмечено, расположили документы в хронологическом порядке), а дело начато 18 ноября 1860 г., есть основание предположить, что документ следует датировать 17 ноября.

[4] Далее к делу подшиты следующие документы:

1) 1860 г. ноября 18, № 4642.— Отношение (секретное) генерал-губернатора И.И.Васильчикова гражданскому губернатору П.И.Гессе о назначении надворного советника Руккера совместно с штаб-офицером корпуса жандармов подполковником Грибовским для секретного дознания о чиновнике Лескове и поручике Крижицком (черновик);

2) 1860 г. ноября 18, № 4643.— Предписание (секретное) генерал-губернатора чиновнику особых поручений надворному советнику Руккеру о назначении его вместе с подполковником Грибовским для секретного дознания о чиновнике Лескове и поручике Крижицком (черновик).

3) Отношение (секретное) начальника киевской губернии П.И.Гессе от 19 ноября 1860 г., № 156 генерал-губернатору И.И.Васильчикову об уведомлении штаб-офицера корпуса жандармов подполковника Грибовского о назначении чиновника особых поручений при генерал-губернаторе надворного советника Руккера для совместного производства секретного дознания о чиновнике Лескове и поручике Крижицком (оригинал).

[5] Там же. Л. 11—16.

[6] Ошибка: в действительности — 16 октября.

[7] Там же. Л. 17.

[8] Там же. Ф. 442. Оп. 37. Ед. хр. 1062.

[9] Здесь и далее вторая дата — дата получения документа.

[10] Там же. Л. 10—12.

[11] Яков Алексеевич *Чистович* (1820—1885), профессор (позднее — начальник) Медико-хирургической академии, помощник заведующего редакцией "Военно-медицинского журнала"

[12] Там же. Л. 13—16.

[13] Речь идет о статье И.У.Полимпсестова "Параллели" (Русское слово. 1860. № 6), где автор критиковал сельских учителей: "...ко всему высокому и изящному делаются они и глухи, и немы: чрево для них становится богом; чара зелена вина — чашею веселия,— и поют они пьяной братьей, взявши стакан пенного: чашу спасения приму, имя Господне призову" (с. 49). Далее в этом донесении упоминается статья Вороженецкого "Быт уездных врачей" (Северная пчела. 8 ноября), первоначально напечатанная в "Современной медицине" (1860. 13 окт.).

[14] Там же. Л. 4.

[15] За этим документом в том же архивном деле следует "Предписание генерал-губернатора гражданскому губернатору потребовать от профессора Вальтера и губернского секретаря Лескова

дополнительные объяснения по поводу статьи “Несколько слов о полицейских врачах в России” (1860 г. декабря 13, № 13086).

[16] Там же. Л. 20—21. Автограф Лескова.

[17] Речь идет о писателе Иване Васильевиче *Селиванове*, авторе “Провинциальных воспоминаний” (1857—1861), которого Лесков нередко упоминал в произведениях 1860-х годов в одном ряду с Н.В.Гоголем и М.Е.Салтыковым-Щедриным. Видимо, о нем Лесков писал в “Автобиографической заметке”: “По письмам к Шкотту Л<еско>ва узнал *Селиванов* и любил читать его письма” (XI, 17; см. подробнее: *Жизнь Лескова*. Т. 1. С. 49. Комментарий А.А.Горелова).

[18] Лесков ошибся в дате. Письмо относится к 1861 г.

[19] *ЦГИА* Украины. Ф. 442. Оп. 37. Ед. хр. 1062. Л. 17—19. Автограф А.П.Вальтера.

[20] Дата поступления документа. Дата написания не проставлена.

[21] Там же. Л. 6.

[22] Там же. Л. 22—24.

ЛЕСКОВ В 1860—1870-е ГОДЫ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н.М.БУБНОВА

Вступительная статья, публикация и комментарии
Вильяма Эджертона (США)

Найденные нами в библиотеке Словенской Академии наук воспоминания Н.М.Бубнова[1] содержат богатые сведения о жизни Лескова в 1860—1970-х годах, т.е. о том периоде его биографии, из которого, по словам А.Н.Лескова, "сбережено <...> всего меньше"[2].

Николай Михайлович Бубнов (1858—1943) — старший сын Екатерины Степановны Бубновой (рожд. Савицкой; род. 1838), с которой в 1865 г. Лесков вступил в гражданский брак. Вскоре она переехала из Киева в Петербург к Лескову и отдала старшего сына (кроме Николая, у нее в первом браке было еще трое детей — Михаил, Борис и Вера) сначала в немецкую школу, затем в Третью С.-Петербургскую гимназию. Н.М.Бубнов продолжил образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который закончил в 1881 г., получив золотую медаль за дипломное сочинение, а также и стипендию на три года для поездки за границу и работы над магистерской диссертацией.

Диссертация Бубнова была посвящена научной деятельности замечательного француза Герберта (с 999 по 1003 г. — папы римского Сильвестра II). В 1891 г. Бубнов блестяще ее защитил в С.-Петербургском университете и был удостоен одновременно и магистерской и докторской степеней. В том же году он был назначен профессором Киевского университета, а в 1905 г. — избран деканом историко-филологического факультета. С 1894 по 1902 г. он состоял гласным киевской городской думы, принимая участие в ее работе как председатель комиссии по введению электрического освещения в Киеве и как заведующий городской публичной библиотекой[3].

Уехав из Киева 28 ноября 1919 г., Бубнов поселился в столице Словении Любляне, где продолжал научную работу в качестве профессора Люблянского университета.

К концу жизни он написал обширные воспоминания, которые после его смерти были переданы пасынком Бубнова Виктором Владимировичем Колендо в библиотеку Словенской Академии наук.

Воспоминания Бубнова освещают семейную жизнь Лескова за 1860—1870-е годы. До сих пор наши представления о браке писателя с Е.С.Бубновой опирались в основном на книгу А.Н.Лескова. Воспоминания Бубнова, который был значительно старше Андрея Николаевича, содержат множество не известных ранее подробностей.

В первой главе — "Детство в Киеве" — автор описывает предков матери и отца, домашний быт своих зажиточных родителей на Подоле, а также появление Лескова с братом Алексеем в доме Бубновых.

Причина разрыва Екатерины Степановны с мужем объясняется Бубновым тем, что его родители "были люди разного кова", которым нелегко было ужиться. Семейные ссоры иногда кончались тем, что Екатерина Степановна убегала на несколько дней к родственникам в соседний дом. Несмотря на то, что его отец "любил веселую компанию, состоящую из певцов, актеров, любителей карточной игры и вина", и что "литература и умственные вопросы его занимали мало", он нарисован Бубновым как "чело-

ЕКАТЕРИНА СТЕПАНОВНА БУБНОВА

Вторая (гражданская) жена Лескова

С.-Петербург. Б.д. На обороте надпись рукой Лескова:
Брюнетка, глаза светло-голубые,
цвет лица белый нежный"

Государственный музей И.С.Тургенева, Орел

век доброго и мягкого характера" Это подтверждается и рассказом сына о "довольно оригинальной сцене" его отъезда в Петербург с матерью и Лесковым, когда их провожало "несколько человек родственников, в числе которых едва ли не находился мой отец".

Почти во всех работах о Лескове, в том числе и в монографии Андрея Николаевича, создается впечатление, будто Лесков и Е.С.Бубнова, отправляясь в 1865 г. из Киева в Петербург, взяли с собой всех четырех ее детей. Однако Бубнов сообщает, что трое младших детей присоединились к матери лишь осенью 1868 г., после смерти отца, когда Екатерина Степановна съездила в Киев, чтобы устроить семейные дела и привезти детей в Петербург. Здесь же мы узнаем, что родившийся 12 июля 1866 г. сын Лескова и Екатерины Степановны Андрей был отдан сначала в детский приют, где и прожил около двух лет. По-видимому, Андрей был официально усыновлен Лесковым и стал жить у родителей лишь с осени 1868 г. Почему Лесков и Е.С.Бубнова отдали своего сына в детский приют,— неизвестно. Возможно оттого, что законный муж Екатерины Степановны был еще жив.

Ценность воспоминаний Бубнова бесспорна, хотя в тексте встречается немало ошибок. Например, он пишет: "...из Киева мы выехали осенью 1866, когда мне был восьмой год". Из других же источников известно, что Лесков и Е.С.Бубнова поехали в Петербург не в 1866-м, а в 1865-м г., когда Николаю Бубнову действительно шел восьмой год, т.к. 21 января 1865 г. ему исполнилось семь лет. Эта ошибка привела его и к неверному вычислению даты рождения Андрея Лескова. Правильная дата не 1867, а 1866 г. Кроме того, Бубнов недоумевает, почему его мать не вышла замуж за Лескова после смерти своего мужа и его жены. Очевидно, Бубнов не знал или забыл, что жена Лескова Ольга Васильевна умерла только в 1909 г.

"Жизнь Николая Лескова" надолго останется важнейшим источником сведений о великом писателе, несмотря на небеспристрастное и порой даже враждебное отношение сына к отцу. Бубнов же в своих воспоминаниях говорит о Лескове не только без всякой враждебности, но и с явной симпатией, заявляя, например: Лесков "относился ко мне не хуже отца" и оценивая роман своей матери с писателем следующим образом: "Думаю, что для меня, для моего развития, он был во всяком случае большим плюсом"

Роман этот продолжался около двенадцати лет, до августа 1877 г., когда Лесков с 11-летним Андреем переехал на другую квартиру, оставив Екатерину Степановну с ее четырьмя детьми на Захарьевской улице. В отличие от Андрея Николаевича, Бубнов не пытается анализировать причины расхождения матери с Лесковым. Однако, по словам как Бубнова, так и А.Н.Лескова, инициативу в этом деле взяла на себя Екатерина Степановна. Как доказал американский ученый Хью Маклейн в своей превосходной биографии Лескова, у Николая Семеновича было столько типичной для художников эгоцентричности, сосредоточенности на себе, что он был неспособен к счастливому браку с равной ему женщиной[4]. Екатерина Степановна была красива, умна и самостоятельна. К 1877 г., когда дети у нее были почти взрослые и она была материально вполне обеспечена, одинокая, независимая жизнь казалась ей, вероятно, лучше жизни с человеком такого темпераментного и неуживчивого характера, как Лесков.

Расхождение не было полным разрывом. Екатерина Степановна продолжала некоторое время жить в Петербурге[5] и, как вспоминает Бубнов, вместе с детьми нередко навещала Лескова. Кроме того, они встречались в Киеве летом 1880 г., когда Лесков с 13-летним Андреем приезжали к родственникам. А.Н.Лесков рассказывает о своей поездке с отцом к Екатерине Степановне в старый дом Бубновых на Подоле на Андреевской улице[6]. Как изображается в этой сцене, все еще не забыта была та сильная любовь, которая вспыхнула лет за пятнадцать до того и заставила Екатерину Степановну покинуть мужа, дом и троих детей, чтобы поехать вместе с Лесковым в Петербург.

Но шли годы, Екатерина Степановна окончательно переехала в Киев, и, по словам Бубнова, "совсем охладела" к Лескову. Тем не менее, у писателя сохранились контакты с ее детьми. Николай Бубнов продолжал бывать у Лескова, пока не уехал из Петербурга в 1891 г. Вера к концу 1887 г. вышла замуж за капитана (позже генерала) Захара Андреевича Макшеева, который в то время служил преподавателем математики в Первом кадетском корпусе. Живя в Петербурге недалеко от Лескова, они с ним часто видались. К концу 1880-х годов, после переезда Екатерины Степановны с сыновьями Михаилом и Борисом в Киев, Борис заинтересовался литературой и начал с Лесковым оживленную переписку, которая продолжалась два года, с 1891 г. по 1893 г.[7] Лесков проявлял внимание к его начинаниям, критикуя его стихотворения, поощряя его переводы английской поэзии и помогая ему печататься в петербургских журналах.

В воспоминаниях Бубнова большинство упоминаний о Лескове сосредоточено в первых трех главах, охватывающих период по 1877 г. (это год окончания гимназии и расхождения Е.С.Бубновой с Лесковым). В четвертой главе единственное упоминание о Лескове связано с тем, что он присутствовал на торжественном акте С.-Петербургского университета 8 февраля 1882 г., когда Бубнов получил золотую медаль за свою дипломную работу.

Самой длинной из первых семи глав воспоминаний является пятая, занимающая 212 листов и посвященная трехлетней командировке Бубнова (с 1882 по 1885 г.) в Западную Европу. За исключением беглого упоминания о своих поездках вместе с Николаем Семеновичем к морю около Риги в годы студенчества, Бубнов не говорит о Лескове ни в этой главе, ни в седьмой, посвященной жизни и работе в Киеве в 1890-х годах.

В сентябре 1882 г. Бубнов поехал в Западную Европу не один, а с матерью и сестрой Верой. У Веры, только что окончившей один из петербургских институтов, был очень хороший голос, и ее пение вызывало положительные отзывы петербургских музыкальных критиков. Поэтому Екатерина Степановна решила повезти ее в Париж для уроков у известной немецкой певицы Матильды Маркези де Кастроне (1821—1913), основавшей собственную школу в Париже.

Проживя во Франции почти два года, Вера с матерью вернулись в Киев летом 1884 г. В переписке Лескова с Верой, хранящейся в Пушкинском Доме, находится ряд писем, из которых ясно, что он поддерживал с ней связь во все время ее пребывания в Париже[8]. Некоторые письма касаются попыток Лескова помочь ей познакомиться с Маркези. Об этом он просил музыкального критика М.М.Иванова[9].

Письмо Бубнова к Лескову от 22 мая 1884 г., отправленное из Мюнхена, свидетельствует о том, что и он поддерживал связь с писателем в течение своей трехлетней командировки в Западную Европу:

"Многоуважаемый Николай Семенович! Недавно получил я от Веры письмо, из которого узнал, что Вы собираетесь ехать в Мариенбад и что Вы затеряли мое письмо из Берлина и потому не могли ответить мне. Приветствую Вас с заграницей и жалею, что мне не придется встретиться с Вами. Если бы мне пришлось быть в Мюнхене двумя месяцами позже,— я думаю, Вы сделали бы мне удовольствие: навестили бы меня в Мюнхене и я пил бы каждый вечер с Вами пиво в королевской пивоварне (Hofbräuhaus) <...>" Дальше Бубнов подробно пишет о своей научно-исследовательской работе в Мюнхене и о своих экскурсиях по живописным окрестностям города[10].

По-видимому, Бубнов писал свои воспоминания преимущественно в 1936—1937 гг., когда ему было почти 80 лет. Дошедшая до нас рукопись — очевидно, черновик, в котором немало зачеркнутых строк, добавлений на полях, повторов. Безусловно, многое было бы устранено или переделано, если бы автор успел подготовить ее к печати. Мы публикуем только отрывки из воспоминаний, связанные с Лесковым. Все механические ошибки автора (несогласования, описки и т.п.) устранены без оговорок.

Автор выражает глубокую благодарность целому ряду люблянских ученых, которые ему помогали, в особенности академику Братко Крефту и библиотекарю Словенской Академии наук академику Приможу Рамовшу, а также покойному профессору русского языка и литературы Николаю Федоровичу Преображенскому и Виктору Владимировичу Колендо.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Впервые отрывки из этих воспоминаний были опубликованы в английском переводе в докторской диссертации автора этих строк: *Edgerton, William B.* Nikolai Leskov. The Intellectual Development of a Literary Nonconformist. Columbia University, 1954. Эти материалы использованы Хью Маклейном в 7-й главе ("Katerina Bubnova") его биографии Лескова (см.: *McLean, Hugh.* Nikolai Leskov. The Man and His Art. Cambridge. Massachusetts, and London, England, 1977. P. 139—143).

[2] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 302.

[3] О научной деятельности Н.М.Бубнова в Киеве см. далее примеч. 14 к сообщению Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник знакомства с жизнью Лескова в Петербурге (1880-е годы)"

[4] *McLean, Hugh.* Nikolai Leskov... P. 364.

[5] О времени и причинах окончательного возвращения Е.С.Бубновой в Киев см. далее сообщение Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник..."

[6] *Жизнь Лескова.* Т. 1. С. 300.

[7] В печати известны письма Лескова к Б.М.Бубнову (см. *Шестидесятые годы.* С. 359—380; а также XI-й том *СС*). В *РГАЛИ* хранятся два письма Б.М.Бубнова к Лескову (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 207).

[8] См. *Ежегодник.* С. 22—23.

[9] См. письмо Лескова к М.М.Иванову от 22 августа 1882 г. // *ИРЛИ.* Ф. 220. Ед. хр. 37.

[10] *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 208.

Н.М.БУБНОВ. ВОСПОМИНАНИЯ

I. ДЕТСТВО В КИЕВЕ

Я, Николай Бубнов, родился в Киеве в доме моих родителей на Подоле на углу Андреевской и Набережно-Крещатицкой в 1858 г. 21 января старого стиля, что в прошлом столетии, когда разница между стилями была двенадцать дней (а не тринадцать, как в двадцатом столетии) соответствовал 2 февраля нового стиля. Мой отец Михаил Николаевич происходил из старого киевского рода великорусского происхождения, но определить, сколько было в нем великорусской и малорусской крови было бы трудно, так как его предки жили в Малороссии с середины XVIII столетия. Его прадеды, а мои прапрадеды писались при Елизавете Петровне в середине XVIII столетия тульскими второй гильдии купцами, в Киеве бывали по делам и, по-видимому, имели в нем недвижимую собственность, но постоянным их местожительством был Крюковский посад на Днепре против Кременчуга. Это были братья Павел и Петр. У меня в руках были их паспорты, данные им для поездки по торговым делам в Речь Посполитую, т.е. Польшу, граница которой находилась тогда недалеко от Киева, а именно проходила через город Васильков, который в то время назывался форпостом. В нем и были визированы их паспорта. Свое звание тульских второй гильдии купцов они, по-видимому, уже при Екатерине Второй променяли на звание второй гильдии купцов “Киевского города Подола” Подолом и теперь еще называется нижняя приднепровская часть Киева. Один из них был при Екатерине II соляным головой города Подола, а именно Павел. Так как Киев долгое время принадлежал Польше, то город Подол управлялся по немецкому городскому праву, а именно Магдебургскому, которое из Германии проникло и в Польшу и продолжало на Подоле существовать и по возвращении Киева в русское государство <...> Это право лежит в основании городового положения 1783 Екатерины II, которое удержало и немецкую правовую терминологию, в роде “бургомистр” (Bürgermeister) т.е. городской голова, ратсгер (Rathsherr) т.е. член городского совета “рады” (от немецкого Rath — совет). Мой прадед Михаил Петрович был “ратсгером” Киевского города Подола, как это я читал на его могиле на кладбище, которое находится около Подола на холме, называвшемся в мое время Щекавикой. Тут нужно вспомнить легендарных братьев Кия, Щека и Хорива, из которых первый дал будто бы свое имя Киеву (вроде как Ромул Риму), а второй холму Щекавице, на котором находится (или находилось?) подольское кладбище. Этот германский средневековый устав был окончательно ликвидирован в сороковых годах XIX императором Николаем при моем деде Николае, сыне Михаила Петровича. Сыном Николая Михайловича был мой отец Михаил Николаевич.

У меня в руках в 90-х годах XIX века был маленький семейный архив, состоящий из купчих крепостей на недвижимости на Подоле, из паспортов и разных заметок о рождениях и смертях <...> Жалко, что все эти документы остались в моем сейфе в конце 1919 г., когда я в качестве эмигранта покинул Киев, чтобы добраться до Одессы. В феврале же 1920 г. я уже очутился в Нише, т.е. в Сербии, части бывшего нового государства сербов, хорватов и словенцев (СХС). Сейф находился в Киевском Обществе взаимного кредита и, конечно, был ограблен, а документы, вероятно, уничтожены.

В чем состояла торговля Бубновых до моего рождения, мне неизвестно. Был когда-то и кирпичный завод, но при моем отце все свелось к тому, что он имел на углу Андреевской и Набережно-Крещатицкой, т.е. на берегу Днепра, бани, стоявшие на Андреевской улице против бань Бугаева. Этими двумя банями и должен был довольствоваться разраставшийся Киев долгое время. Водопровода, который доставлял бы воду на высокие части Киева, в сторону которых он разрастался, еще

не было и в то время и не могло быть. Печерск и Старый город возвышаются над уровнем Днепра метров на 80.

За свою долгую жизнь в Киеве мои предки, бывшие великороссами по происхождению, перемешались с малороссами. Существовала семейная легенда о каком-то Афанасие Бубнове, бывшем будто бы солдатом при Петре Великом. В одной тульской писцовой книге конца XVII века я случайно нашел заметку о каком то "Бубне". О нем говорится, что его "изба захалогена" и что он сам "стал от податей". Было бы соблазнительно связать Афанасия Бубнова с нашим родом, так как в таком случае он имел бы пролетарское происхождение, что в наше время хороший политический и социальный козырь.

Как увидим, мать моя разошлась с моим отцом, когда мне было лет восемь, а потому я его помню мало. По-видимому, управление банями его занимало мало. Настоящей купеческой жилки в нем не было. Он любил веселую компанию, состоящую из певцов, актеров, любителей карточной игры и вина. Он возвращался домой часто поздно. Помню, что он иногда спал в своей комнате, когда уже все были в доме на ногах. Проходящие через его комнату не мешали ему. Он так храпел, что я боялся проходить через его спальню. Он был человек доброго и мягкого характера. С своими друзьями он часто играл и шутил. Литература и умственные вопросы его занимали мало.

Совсем другим человеком была моя мать Екатерина Степановна, происходившая из малорусского рода Савицких, которым принадлежало небольшое имение в Киевской губернии. Сельским хозяйством занимались, впрочем, только мои дяди Василий и Николай Степановичи. Михаил Степанович окончил гимназию и даже, если не ошибаюсь, заглянул и в университет. Служил он в городском управлении и, кажется, недурно, но еще лучше он играл на фортепьяно. Музыкальное образование коснулось его случайно и слегка, но прирожденный талант взял свое. Он играл танцы с таким воодушевлением, что слушать его игру и не танцевать было возможно только для неодушевленных предметов, вроде, например, стульев, столов и так далее. Хотя я и родился в Киеве, но впервые из уст интеллигентных людей я услышал малорусский язык в семье Савицких, так как мои дяди Василий и Николай иногда переходили в разговоре между собой на малорусский язык, на котором писал и Шевченко и который имеет немало общего с выработанной в Галиции "украинской мовой". Дядя Василий и до сих пор заставляет меня вспоминать о себе своим случайным разговором со мной. Узнав, что у меня болят зубы, он мне с иронией сказал: "Не говори глупостей, Коля! Ну, разве может кость болеть?" Это завидное здоровье моего дяди, которому во время этого разговора было лет пятьдесят, не помешало ему умереть у себя на хуторе за завтраком на глазах своего брата Николая от удара. Помимо трех братьев, у моей матери Екатерины Степановны было еще две сестры, из которых старшая (вероятно, лет на 15, если не больше) называлась тоже Екатериной, а младшая Верой. Старшая вышла замуж за очень богатого киевского купца Никиту Алексеевича Бубнова, который приходился моему отцу дядей, а младшая за доктора (медика) Рамона Амфилохиевича Сотничевского. Вера и моя мать были красивы и отличались прелестным натуральным цветом лица и чудными синими глазами. Едва ли это не было первое, преступное, конечно, проявление sexe-appeal'а, когда я, пятилетний или шестилетний ребенок, закапризничал и не хотел ехать с богатой елки в доме Никиты Алексеевича Бубнова домой на Подол, а требовал, чтобы меня с собой увезла тетя Вера, в то время молодая девица, на Печерск (высокая часть города, где стоит Печерская Лавра) в дом Савицких. Моему капризу уступили, и я ночевал в спальне тети Веры, которая была образец красивого малорусского типа. Утром я был награжден конфетами и отвезен домой.

Конечно, моя мама, ни две ее сестры не могли проходить чего-нибудь вроде гимназического курса по той простой причине, что никаких женских гимназий в

то время не существовало. Свое образование они получили отчасти дома, отчасти же в какой-то частной женской школе. Моя мама отличалась любознательностью по вопросам Закона Божия, истории и особенно литературы. Она в молодости много читала. У нее выработалось мировоззрение, проникнутое нравственным элементом, а твердость характера позволяла ей придерживаться принципов такого мировоззрения в своей жизни. Мировоззрение и принципы моего отца мне неизвестны, так как он, как увидим, рано умер, а я, как тоже увидим, уже с восьмилетнего приблизительно возраста очутился с мамой в Петербурге. Во всяком случае мои родители были люди разного кова, а потому немудрено, что они не всегда уживались. Дело доходило иногда до формальной ссоры, кончавшейся тем, что моя мама покидала наш дом и переселялась в соседний дом, принадлежавший каким-то нашим родственникам, и пребывала там несколько дней. Отец тяготился своим одиночеством и, может быть, сознавая свою вину, принимал все меры, чтобы вернуть жену и хозяйку в дом. Если это ему не удавалось лично, то были посылаемы к ней дети, которые либо одни, либо под проводительством одной из тетей проникали в соседнюю усадьбу, через калитку, соединявшую наш двор с соседним, пока наконец мама не возвращалась в свой дом.

Этот дом особняк, состоявший из семи комнат, высоких и светлых с паркетными полами, стоял на высоте тогдашних требований комфорта. Он был недурно меблирован, но, конечно, водопровода городского и электрического освещения тогда не было. Если не ошибаюсь, мы имели собственный водопровод, соединенный с водопроводом, доставлявшим воду из Днепра в бани. Не было не только электричества, но даже и керосиновых ламп. Мы освещались свечами. В зале, которая была довольно велика, висела большая люстра. В ней во время приемов и торжеств горело много свечей. Одной стороной дом выходил на Андреевскую улицу, другой в один из двух садов усадьбы, а третьей и четвертой во двор усадьбы. В этом дворе стоял против дома довольно большой флигель для гостей. Он выходил одной из своих сторон в другой сад. Остальные три большие постройки были заняты банями. Усадьба была велика и для наших детских игр и ристаний представляла большой плюс.

Я был старшим братом, за мною с перерывом менее двух лет следовали братья Михаил и Борис. Уже на моей памяти нас удалили как-то под благовидным предлогом из дома, предоставив нам показывать свою детскую подвижность на дворе. Когда же мы вернулись, то услышали детский плач. Мы удивились, но степенились, когда нам сказали, что мама нашла в кустах сада девочку, которая и была нашей сестрой, получившей в крещении имя Веры. Нам очень хотелось ее видеть, но это нам разрешили только через некоторое время. Наше первое свидание с сестрой чуть не кончилось катастрофой. Я не мог ее хорошенько рассмотреть на постели, которая была для меня слишком высока. Я потому скакнул, но с излишней энергией. Головой я ударился об стенку, отскочил на кровать, но, к счастью, не упал на сестру <...>

Особенно запомнилось мне появление в нашем доме одного гостя, которому суждено было играть большую роль в нашей жизни. Однажды, войдя вечером в нашу освещенную залу, я увидел там, кроме своих, еще двух, не известных мне до сих пор людей. Один из них стал мне потом известен как киевский врач Алексей Семенович Лесков, с которым мои родители могли быть старыми знакомыми, другой был человек приезжий, который был введен в наш дом первым. Он был брат первого, а именно начинающий в то время писатель Николай Семенович Лесков. И до сих пор носится в моей памяти, как на полотне фильма, его наружность, которую он имел в то время, и его фигура. У него были темные волосы, которые были причесаны с пробором. Бакенбарды и небольшая бородка окаймляли его живое, энергичное и приятное лицо. Оно было, как известно, характерным. Это был чистый великорусский тип. Сравнительно с своим братом Алексеем и

моим отцом он был среднего роста, плотный, но не толстый. Что привело его в наш дом, нетрудно догадаться. Он, очевидно, или видел где-нибудь мою мать или слышал о ее красоте. Она пленила его сердце. Немудрено, что и она, настроенная в то время (да и всю свою жизнь) идеалистически, не могла остаться равнодушной ко вниманию, которое ей оказывал этот приятный, темпераментный и выдающийся человек. Их знакомство имело последствием роман, о котором будет речь ниже. Этот роман вырвал меня из той мало в интеллигентном отношении интересной обстановки, в которой мне пришлось бы жить и развиваться. Думаю, что для меня, для моего развития он был во всяком случае большим плюсом. К этим воспоминаниям моего детства в Киеве я могу прибавить еще одно. У нас в доме была гувернантка немка из остзейских провинций, благодаря которой я и мои братья научились понимать немецкий язык и объясняться на нем. Эта гувернантка и передала мне то произношение немецкого языка, которое впоследствии во время моих путешествий по Германии немцы характеризовали как "eine liebliche Aussprache"[1*] и тотчас же высказывали предположение, что я, вероятно, родился в прибалтийских провинциях, в которых по их мнению, высказанному мне в 1884—1887 годах, лучше всего сохранилось это приятное, чуждое трудноустранимой в казенных немецких странах вульгарности произношение. В остзейских провинциях немцы были своего рода аристократией, где язык был защищен от вульгарной примеси. Уже в Киеве я научился читать и писать по-русски и по-немецки. Благодаря хорошей зрительной памяти я, как это увидел из писем, которые я писал немедленно по приезде в Петербург и которые впоследствии мне попались в руки, уже в возрасте 8 лет делал мало орфографических ошибок. Даже знаменитое "ѣ" (ять) не особенно меня затрудняло. Но в других отношениях моя память была гораздо слабее, чем у моего брата Михаила, который поражал меня тем, что, будучи неграмотным, легко по слуху декламировал басни Крылова и другие стихи <...>

Одним из последних моих киевских впечатлений была довольно оригинальная сцена. Она происходила у тогдашней конной почты, которая находилась на Подоле на берегу Днепра около Рождественской, если не ошибаюсь, церкви, где спуск на Подол соединяется с шоссе, идущим по берегу Днепра, а потом через мост в Чернигов и дальше на Москву. Я сидел с своей мамой в коляске, очевидно, купленной, потому что до самой Москвы мы меняли только лошадей. В переднем тоже закрытом отделении сидел Николай Семенович Лесков. Нас провожало несколько человек родственников, в числе которых едва ли не находился мой отец, а также и брат Лескова Алексей Семенович, киевский врач. Эта оригинальная обстановка в то время мне не казалось странной. Мать была со мною, а Лесков уже успел приобрести мои симпатии и относился ко мне не хуже отца. Мои два брата и сестра остались в Киеве при отце под наблюдением гувернантки. Киев меня в то время совсем не занимал. Меня занимала наша поездка и цель ее — Москва. Даты нашего отъезда я, разумеется, не замечал, так как хронологией в то время не интересовался, но если принять в соображение, что я окончил восемь классов третьей Петербургской гимназии в 1877 году, а перед тем был не менее 2 лет в Annenschule на Фурштадтской улице, то из Киева мы выехали осенью 1866, когда мне был восьмой год[1]. Железной дороги из Киева в Москву еще, конечно, не было. Единственной железнодорожной линией была дорога из Москвы в Петербург. Была, кажется, еще маленькая дорога из Петербурга в Царское село, а линия на Эйдкунен и Варшаву немного начинала строиться. Из Киева в Москву мы ехали, меняя лошадей, а иногда ожидая свежих, днем и только несколько суток.

Когда мы приближались к Москве, Лесков мне сказал: "Ну теперь, Коля, мы будем из Москвы в Петербург ехать по железной дороге и будем проезжать верст 40 в час" (в то время это была хорошая быстрота!). Это меня озадачило, так как я

1* Милое произношение (*нем.*)

думал, вся дорога будет покрыта железом, а ехать мы будем на лошадях. Я, хотя и был мал, но все-таки усумнился в том, чтобы по покрытой железом дороге лошади могли везти так скоро. Разъяснение этой загадки и было моим самым крупным воспоминанием из Москвы, где мы пробыли несколько дней и где мне доставляло большое удовольствие ходить по утрам в бакалейный магазин Генералова, находившийся недалеко от нас, для разных закупок. Через несколько дней вечером мы наконец поехали на "железную дорогу". Уже Николаевский вокзал сво<е>ю величиною и множеством людей, суетившихся в нем, оставил во мне сильное впечатление. Когда же мы наконец вышли на перрон, то вместо "железной дороги" я увидел пару рельсов, на которой стоял ряд маленьких домиков (вагонов), в один из которых мы вошли. Я приставал к Лескову, чтобы он мне объяснил, как это лошади могут тащить столько домиков (вагонов), да еще с той быстротою, о которой он мне говорил раньше. Так как до отъезда поезда оставалось еще достаточно времени, то он меня повел вперед и я увидел локомотив вместо лошадей. Лесков мне объяснил, что это машина, которая движется паром. Признаться, мне это показалось невероятно. Я видел пар в самоваре и над кипящей водой, но, чтобы этот пар мог двигать локомотив, а за ним еще несколько домиков вагонов, этому я не хотел верить. Но, когда поезд тронулся, я услышал вздохи локомотива и увидел пар, пролетавший мимо окна, то пришлось поверить. Лесков дал мне объяснение действия пара в закрытом помещении. Через короткое время все это мне уже казалось ясным и простым. Минут через 10 Лесков мне сказал, что мы уже проехали верст пять. Я был ошеломлен. Мы ехали из Москвы в Петербург сутки, и по дороге на станциях я видел товарные поезда, состоявшие из нескольких десятков вагонов. Тогда я проникся глубоким уважением перед силой пара, и первое мое письмо из Петербурга в Киев к братьям было все полно восхищения перед силой пара и перед железной дорогой. Это письмо я с величайшим интересом и прочитал по прибытии в Киев в 1891 в качестве профессора университета. Оно мне вместе с другими моими письмами было передано моей матерью, которая их бережно сохраняла. Я был большим любителем писать письма. Расставаясь с своею матерью, а потом, когда женился, и с женой, я писал им чуть ли не через день-два особенно во время моих путешествий. Эти письма были впоследствии приведены мною в хронологический порядок и переплетены. Их было несколько томов. Очень жалею, что мне не дана возможность читать их под конец моей жизни, так как они остались в России и, разумеется, пропали[2] <...>

II. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ. НЕМЕЦКАЯ ШКОЛА св. АННЫ (ANNENSCHULE)

По прибытии в Петербург я недолго жил с моей матерью и Н.С.Лесковым, которые, если не ошибаюсь, сначала жили в одной комнате в одном из переулков (Сивков переулок?) около Владимирской церкви, а потом на Фурштадтской улице в двух шагах от Анненской школы (Annenschule). Фурштадтская была во время мировой войны одна из больших улиц нашей бывшей столицы. Она сплошь была застроена большими многоэтажными домами. В 1867 году на ней попадались небольшие, иногда деревянные домики. Она оправдывала свое название, происходящее от немецкого слова Vorstadt, т.е. предместье. Домик, в котором жили моя мать и Лесков, была небольшая одноэтажная хибарка метров пяти, если не меньше, вышины. В ней были две комнаты и кухня, а также и удобства. Я в этом домике бывал только воскресным гостем, так как меня отдали в пансион в приготовительные классы Annenschule. Здание пансиона Annenschule стояло на Фурштадтской улице. Двор Annenschule выходил на Фурштадтскую и на Кирочную улицы. На Фурштадтской рядом с зданием приготовительных классов стояла церковь св.

Анны (протестантская), а во дворе и на Кирочной были еще три больших здания, два для мужской немецкой гимназии, а третье для женской школы. Во что все это обратилось в настоящее время, я не знаю. Я не испытывал никакой радости от отдачи меня в пансион Annenschule. Я очень любил домашнюю жизнь и свою мать. Первые дни мне было адски тоскливо, и товарищи находили меня иногда плачущим в передней, где я в таких случаях прятался за висевшие на вешалках пальто, и смеялись надо мною, отчего мне было не легче. Но время берет свое <...> Прирожденная близорукость положила, несомненно, свой отпечаток на моем характере и на моих умственных интересах. Я сравнительно мало интересовался внешним миром и более погружался в мир внутренний в его разных проявлениях. Религия, например, не была для меня только ряд обрядностей, обязательных в известные моменты жизненного пути. Я был проникнут ее содержанием и вдумывался с большой верой в него. Я не только долго молился утром и вечером, представляя себя в непосредственном общении с Богом, но и читал каждый вечер Евангелие сначала по-русски, а потом по-латыни и по-гречески и вдумывался в него. Никаких сомнений у меня почти вплоть до окончания гимназии не было. Конечно, не все близорукие религиозны и не все дальнозоркие относятся индифферентно к религии. Но несомнительно, что близорукость была одним из благоприятных условий для воздействия на меня сначала матери, женщины верующей, а потом и Лескова, который был человеком религиозным, хотя и не соглашался со всем, что является обязательной истиной по учению христианской церкви. В связи с моей близорукостью стояла, по всей вероятности, и моя любовь к книгам и учению, хотя, конечно, объясняется целым рядом привходящих причин, скрывавшихся в моей психике. Особенно же меня интересовали древние языки, предмет ненависти моих товарищей. Кто верит в переселение душ, тот не усумнился бы, что в меня переселилась душа какого-нибудь человека, давно отжившего античного мира. В приготовительных классах Annenschule древних языков, разумеется, не преподавали, а когда меня перевели в гимназические классы Annenschule, то я оказался в первом классе или, как он тогда назывался, "септиме" (седьмой класс; у нас счет классов шел в обратном порядке) реального, а не классического отделения. Но мой интерес к ним, особенно к латинскому языку, который я к тому же смешивал с латышским, не уменьшался. Я знал, что латыши маленький народ прибалтийского края бывшей России и удивлялся, почему этому языку придают такое значение. Однажды Лесков взял меня с собою покататься на санях. Мы поехали куда-то далеко на Васильевский остров, где Лесков вошел в "портерную", где продавали пиво, портер и другие напитки. Дело было вечером, когда было темно, и я вместо "портерной" прочел "портретная" и удивлялся, какая связь между портретами и такими учреждениями. Лесков выпил кружку пива, и мы отправились восвояси на тех же санях. Мороз был порядочный, и у меня начали коченеть ноги. Лесков стал их топтать своими ногами. Мне было сначала больно, но зато ноги через некоторое время пришли в нормальное состояние. Во время этой поездки я решился спросить Лескова, почему в гимназиях изучают "латышский" язык. Он мне разъяснил, что это не латышский, а латинский, на котором говорили древние римляне, что существовала когда-то громадная Римская империя, славившаяся не только своим могуществом, но и своею образованностью и писателями. Латинский язык, говорил он, есть один из звучнейших языков на свете. Он господствовал в Западной Европе много веков и после падения Римской империи и господствует еще и до сих пор в католической церкви. Иисус Христос, продолжал он, родился в Палестине, а Палестина входила в состав Римской империи. Древние отцы церкви и святые говорили по-гречески или по-латыни, или и на том и другом языке. Это разъяснение глубоко запало в мою душу и увеличило мой интерес к латинскому языку. Сам Лесков латинского языка не знал, а потому, чтобы познакомиться немного с ним, я обратился к репетитору моих младших братьев, приехавших, как

увидим, впоследствии тоже в Петербург, красивому юноше шведского происхождения с не менее красивой фамилией "Аспелин", и просил его сказать мне, как по-латыни будет "женщина, дочь, человек, восемь, хлеб" Узнав, что по-латыни эти слова звучат как femina, filia, homo, octo, panis, я почувствовал еще большее стремление к изучению этого языка.

Однако ждать пришлось еще долго, прежде чем это стремление могло быть удовлетворено.

В Петербург я с матерью и Н.С.Лесковым приехал, по-видимому, в конце лета 1866 года[3], когда мне было 8 с лишним лет. По крайней мере, я помню, что на Владимирской улице я видел торжественный въезд датской принцессы Дагмары, невесты престолонаследника Александра III, бывшей раньше невестой его старшего брата Николая, умершего незадолго перед тем. Тут была большая помпа. Кортеж двигался медленно, а впереди его двумя рядами шли скороходы в парадной форме. А известно, что Александр III женился на Дагмаре, или как она была переименована при переходе в православную веру Марии Федоровне, 9 ноября 1866 года[4]. Так как мы жили тогда недалеко от Владимирского собора и улицы, в Сивковом переулке, то мне приходилось идти с Фурштадтской, где находится Annenschule, домой из пансиона довольно далеко (километра 2,5—3). Особенно надо было быть внимательным при переходе через Невский проспект, где движение было большое. Один раз я чуть было не попал под сани извозчика. Хорошо, что я успел уже пересечь линию движения саней, отделался только ударом ноги лошади в спину, был отброшен в сторону и упал навзничь около тротуара. Никто на меня не наехал, и я быстро вскочил и через секунду уже был на тротуаре вне опасности. Один раз на улице я сделался предметом шутки какого-то пожилого немца, который меня, по-видимому, видел в Annenschule. Он меня спросил по-немецки "Откуда ты идешь?". Я ответил, что я иду из Annenschule, где я состою пансионером. "А куда ты идешь?" был другой вопрос, на который я разъяснил, что я иду в отпуск домой (это была суббота). На это он мне сказал, что я за шалости будто бы (я не был шалуном) лишен отпуска и должен идти за ним в Annenschule. Легко себе представить, какое тяжелое впечатление произвели на меня его слова, так как я лишался самого дорогого, что у меня тогда было, а именно возможности увидеть свою мать, не говоря уже о том, что рушилась надежда сытно и вкусно поесть и почитать разные детские книги, которые мне всегда приобретались. Но я повиновался и пошел за строгим немцем, который вдруг неожиданно улыбнулся и сказал, что он шутит и что я могу идти домой, а за то, что я его послушался, он повел меня в магазин и купил мне фруктовых пряников. Легко себе представить мою радость и веселые лица мамы и Лескова, когда они услышали о шутке этого немца.

Лето 1867 г. я проводил вместе с пансионом Annenschule на Лахте, находящейся на берегу Финского залива вблизи Петербурга по направлению к Финляндии. Время там шло быстро. Мы купались на чудном песчаном пляже, играли и дрались с мальчиками какого-то другого пансиона <...>

Как потом оказалось, я был потому оставлен на лето в пансионе вместе с теми, кому некуда было ехать, что в это время моя мама родила сына, нареченного в крещении Андреем[5]. Он был вскоре отдан в детский приют, а через некоторое время усыновлен Н.С.Лесковым. Когда я, по возвращении в Петербург с Лахты, приходил по субботам домой, чтобы проводить там воскресение, я не видел этого моего единоутробного брата, не было его с нами и летом 1868 года, когда я с мамой и Лесковым отправились в Ревель, где поселились в маленькой дачке в Ekaterinenthal'e. Это была моя первая поездка по морю, так как мы ехали на пароходе из Петербурга в Ревель по Финскому заливу. Покачивало, но, кажется, никто не страдал морской болезнью, кроме одной польки лет 35, которая, ссылаясь на то, что ей дурно, потребовала у капитана, чтобы он немедленно пристал к берегу, ко-

торого и видно не было. Пароход шел в Ригу и первой станцией должен был <быть> Ревель. Капитан, конечно, улыбнулся и ответил отказом. Тогда полька легла на спину на крышку, закрывавшую отверстие в люк, расставила ноги и руки, начала голосить, рвать и ругаться. Капитан приказал ее убрать в каюту. На другое утро мы увидели Ревель, который стоит на возвышении, и старинные церкви и башни, предоставляя из себя с моря очень красивое зрелище. В Katharinenthal'е у нас была казавшаяся мне очень уютной дачка. Мы жили в первом этаже. Веранда дачки возвышалась всего тремя-четырьмя ступенями над улицей, а напротив был хороший и большой парк <...>

В Катеринентале роскошный песочный пляж и его наклон такой незначительный, что нужно пройти большое пространство, пока глубина будет для купанья достаточной. Поэтому купанья находились на расстоянии от берега, но и там глубина была такая, что десятилетний мальчик мог без всякой опасности опускаться в воду и ходить. Под руководством Лескова я скоро научился хорошо плавать и нырять. Купанье доставляло мне неизъяснимое удовольствие, и я плавал довольно далеко <...>

Через некоторое время по возвращении в Петербург моя мать получила из Киева известие о смерти моего отца в Киеве. Причина его ранней смерти (ему было 35—36) осталась мне неизвестной. Дела потребовали возвращения моей матери в Киев, а я остался в Петербурге с Лесковым, к которому приходил из пансиона по субботам. Устроив дела и отдав бани и дом внаем, моя мама вернулась в Петербург и привезла с собой моих младших братьев Михаила и Бориса, а также и сестру Веру[6]. Так состоялось мое свидание с братьями и сестрой после почти двухлетней разлуки[7]. Курьезно, что я почему-то и теперь еще помню спокойный, несколько загадочный и любопытный взгляд моего брата Михаила. Помню я точно так же, что, когда моя мать поехала после смерти отца в Киев, то был куплен фаэтон, который был поставлен на платформу товарного вагона. В этот фаэтон села моя мать и должна была ехать по железной дороге через Псков до Острова (линия на Вильно), а оттуда на перекладных в Киев. Не думаю, чтобы это путешествие ей было приятно. Каким путем она возвращалась из Киева с тремя детьми в Петербург, мне неизвестно. Железнодорожного сообщения из Петербурга в Киев еще и в то время, кажется, не было.

Сколько времени моя мама жила в маленьком доме на Фурштадтской, не знаю, но во всяком случае эта примитивная квартира была вскоре заменена другой на той же Фурштадтской улице на углу Таврической улицы в доме, как помню, Матавкина[8]. Это чудная, здравая часть Петербурга, так как Таврическая улица составляет границу громадного и чудного Таврического сада.

Забегая вперед, можно было бы спросить, почему моя мама после смерти моего отца не вышла замуж за Лескова. Препятствием к этому было сначала то, что Лесков был женат. Его жена была душевно больна и содержалась в какой-то больнице в Петербурге. Не знаю, давала ли эта болезнь Лескову право на развод, но знаю, что шагов для развода предпринято не было[9]. Когда же его жена умерла, препятствием к браку было для моей матери, помимо некоторого охлаждения к Лескову, нежелание потерять свою независимость, а также и то, что мы, дети, подрастали, и являлся вопрос о том, каковы будут отношения Лескова к нам и наши к Лескову. Не помню, чтобы между нами и Лесковым были какие-нибудь трения, но таковые трения по вопросу о детях, по-видимому, происходили между Лесковым и мамой. Тут как бы шла борьба за нашу привязанность. Помню один инцидент, когда я был в третьем или четвертом классе гимназии. Я очень любил пальмы, особенно финиковые, но об этом никому ничего специально не говорил. И вдруг, когда я однажды пришел в субботу из пансиона домой, я нашел в зале большое растение в тяжелой деревянной полубочке. Оно возвышалось до потолка, но не было похоже на финиковую пальму с одним толстым стволом и громадными лис-

тьями, растущими наверху прямо из ствола. Тут было несколько стволов и на каждом много небольших листьев. Лесков объявил, что эту "пальму" он дарит мне. Я был очень доволен и всегда, когда приходил домой, любовался ею и поливал ее. Однажды я застал Лескова и мать споривших о чем-то. Прежде, чем я мог понять, в чем дело, Лесков меня спросил, люблю ли я его. "Если ты меня любишь, то срежь эту пальму",— был его ответ. Делать нечего. Я взял острый нож и начал срезывать зеленые стволы и через некоторое время вся пальма была срезана. Лесков и мать были свидетелями этого варварского зрелища. Срезанные стволы и полубочка с землею были выкинуты. Мне было очень тяжело, но, делать нечего, пришлось помириться. Очевидно, в корне этого инцидента лежал вопрос о наших отношениях к маме и Лескову. Последний, приказывая мне срезать пальму, хотел доказать моей маме, что моя любовь к нему не коренится в том, что он подарил мне пальму. Впоследствии, очевидно, из-за несходства характеров и боязни моей матери потерять свою вдовью свободу, отношения ее к Лескову сделались более холодными или вернее осторожными. Мы даже стали жить отдельно и, хотя Лесков и делал усилия, чтобы убедить мою мать жить вместе, она оставалась тверда в своем решении. Лесков уехал от нее, когда я был в седьмом классе, т.е. в учебный год 1875—1876, и когда мы жили на Захарьевской улице недалеко от Литейной в большой и хорошей кваритре[10]. Кабинет его опустел. Лескову было тяжело жить без хозяйки с сыном на положении холостого человека. Он очень страдал и иногда ошарашивал нас, являясь во время нашего обеда неожиданно по черной лестнице и через кухню. Проходя через столовую, он кланялся, но уходил в другие комнаты и там разговаривал с моей мамой. Из этих разговоров ничего не выходило. Все это не мешало моей маме и нам посещать Лескова на его холостой квартире. Что касается нас, детей, то наши отношения к Лескову не изменились, оставаясь хорошими, но моя мама чем дальше, тем больше отчуждалась от Лескова, и в конце концов, когда она переехала за время моего студенчества в Киев, она совсем к нему охладела. Кто был прав, кто виноват, судить было не нам. Моей маме жизнь без личной жизни была нелегка, но тем не менее никаких других увлечений и романов у нее не было. В моих воспоминаниях она осталась как добрая и примерная мать, совершенно отказавшаяся от личной жизни и посвятившая себя всецело воспитанию своих детей и постоянным заботам о них. Такою я ее застал и когда приехал в 1891 г. в Киев профессором университета св. Владимира. Я до женитьбы (т.е. до 1900 года) жил с ней и братьями Михаилом и Борисом в общей квартире. Сестра была уже замужем в Петербурге. Мама вела образцово хозяйство, думала только о нас и, вероятно, о своей неудавшейся личной жизни. Она избавляла нас от всех забот об элементарных хозяйственных и экономических сторонах жизни. При воспоминании о ней слезы благодарности навертываются у меня на глаза. Такие самоотверженные женщины, забывающие свою личную жизнь, явление нечастое. Да будет ей земля легка! Она умерла в Киеве в возрасте 62—64 лет, когда я уже был женат, жил потому отдельно и имел сына нескольких месяцев. Мой сын Владимир родился 2 января 1901 г., т.е. 15 января по новому стилю.

Но возвратимся назад к моим школьным годам в Annenschule. Осенью 1867 года я был переведен в гимназические классы Annenschule <...> Летом 1868 я перешел в следующий шестой класс "sexta". Далее я должен был бы учиться в пятом классе "quinta" <...> Но моя мама решила, вероятно, по совету Лескова, перевести меня в Третью петербургскую гимназию, где преподавание и особенно древних языков было поставлено очень хорошо <...>

III. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ. ТРЕТЬЯ ГИМНАЗИЯ

Итак, с августа месяца 1869 года я стал учеником Третьей С.-Петербургской гимназии, находившейся на Гагаринской улице у Пустого рынка <...>

Дома за это время ничего особенно выдающегося не произошло. Еще когда мы жили на углу Фурштадтской и Таврической и когда я еще был в Annenschule, у нас появился маленький сын Николая Семеновича Лескова, о котором я говорил уже раньше. Он нас очень забавлял, когда стал ходить и уже бегать. Помню, как он, радуясь своему умению ходить, обегал много раз весь круг наших комнат с незабываемым наивным выражением лица, поднятою кверху рукою и криками "А-и, а-и". Когда он вырос, то своим живым характером и, главное, своей уверенностью в себе, особенно в обращении с дамами, он совершенно отличался от всех нас, более наклонных к неуверенности в себе и часто даже к нерешительности. Это был мой первый объект для наблюдения, насколько люди могут отличаться друг от друга по характеру. И теперь я считаю, что самой таинственной и важной стороной в личности человека является не наружность, не цвет кожи, а именно его характер. Чем больше я, мои братья Михаил и Борис и сестра Вера росли, тем более и у нас наблюдалось различие в характерах, но оно никогда не доходило до той степени, какая обнаруживалась при сравнении нас с Андреем Лесковым, хотя он и был наш единоутробный брат. За время гимназического курса мы переменили две квартиры, причем когда мы жили на Захарьевской улице (второй или третий дом от Литейной), то произошли два важных для меня события. Не знаю почему, но Лесков должен был уехать от нас с своим сыном, а я с седьмого класса (1875—76 г.) перестал быть пансионером и жил дома, но отъезд Лескова не стоит ни в какой связи с моим переселением домой, так как квартира была большая и места было бы довольно для всех. Тут, очевидно, произошла какая-то перемена в отношениях между моей матерью и Лесковым.

За гимназические годы мы пережили три важные для России войны, а именно, франко-прусскую 1870—71 года, войну Сербии с Турцией с июня 1876 по февраль 1877 и войну России с Турцией 12 апр<еля> 1877 — 19 февр<аля> 1878 <...>

Во время франко-прусской войны 1870—71 годов мне было всего только 12 лет, но я и мои братья Михаил и Борис имели и тогда свои политические симпатии. Мы были под влиянием Н.С.Лескова на стороне французов и даже одержали победу над немцами в Ревеле, где мы проводили лето 1870 года. Мы не дождались там падения Седана, последовавшего 1 сентября 1870, но военные успехи немцев за август 1870 г. уже были такими значительными (осада Метца после сражения при Borny, Rezonville и Saint-Privat), что приводили нас в уныние, которое еще усиливалось от восторженного настроения окружавшего нас в Ревеле немецкого населения. Лето мы проводили и на этот раз, как и в 1868, в Ревеле и Екатеринентале. У нас была очень миленькая двухэтажная дачка. И вот однажды вечером мы увидели в саду соседней дачи иллюминацию, слышали немецкие политические песни и восклицания. Там как по-немецки мы понимали, то мы узнали, что немцы празднуют успехи своих соплеменников на французском фронте. Такие же иллюминации мы видели и в других местах как в Екатеринентале, так и в самом городе Ревеле. Власть ничего не имела против них, так как официально да и неофициально поражение французов рассматривали как отмщение за Крымскую войну, начатую по инициативе Франции против России. Известно, что Германия не начала бы войну с Францией, если бы император Александр II, настроенный против французов с их императором Наполеоном III, не гарантировал Бисмарку своего нейтралитета. На другой день я с братьями Михаилом и Борисом пошли по обыкновению купаться. Так как море у берега в Ревеле очень мелко, то купальня — разумеется деревянная, но с кабинами — находилась довольно далеко от берега. В нее нужно было идти по довольно длинным деревянным мосткам с перила-

ми с обеих сторон. На этих мостках нас встретила группа немецких мальчиков в очень торжествующем настроении. Их было человек пять, и были они приблизительно одного возраста с нами. Один из них нас апострофировал[1*] вопросом на немецком языке: "Читали ли Вы, как немцы разбивают французов" Этот вопрос нас задел за больное место. С неудовольствием я им ответил: "Читали, ну так что ж такое? Они разбивают французов". На это они воскликнули чуть ли не хором: "А русских разбили бы еще легче" Это переполнило меру нашей сдержанности, и мы, уже опытные в битвах с уличными мальчишками в Петербурге <...> тотчас же бросились в бой с ними. Хотя их и было больше, чем нас, но они после краткого сопротивления, боясь попасть через перила мостков в воду, хотя и мелкую, обратились в позорное бегство. Мы их не преследовали, а пошли в купальню и выкупались не только в воде, но и в сознании своей победы, которая так и осталась не отмеченной в анналах мировой истории <...>

Как уже сказано выше, я до седьмого класса был пансионер и домой приходил накануне воскресений и других праздников. И теперь еще моя память ясно хранит картину как тех квартир, в которых мы жили, так и разных сцен нашей обыденной жизни. Особенно мне запомнились картины наших обедов, вероятно, по так называемой "ассоциации по смежности", так как обеды были (особенно для пансионера) очень вкусны, а потому и то, что я видел при приеме пищи, удержалось яснее в памяти, чем что-нибудь другое. С одной стороны стола сидели мама и Николай Семенович Лесков, а по другим сторонам распределялись мы. Н.С. был то весел, то задумчив в зависимости от настроения и от хода своей литературной работы. Он ведь жил исключительно на то, что он зарабатывал своим литературным трудом. Помнится, что он одно время получил какую-то слабооплачиваемую должность в Министерстве народного просвещения, кажется, что-то вроде члена учено-литературного комитета[11]. Плата зависела, по всей вероятности, от числа заседаний, а потому и не могла быть велика. Этой своей должностью он не особенно интересовался и вскоре ее оставил, тем более, что его взгляды по вопросам политическим и особенно религиозным не всегда соответствовали официальной программе правительства[12]. Только представители крайне левых партий в своих писаниях и нападках на него сделали из него крайнего консерватора. Разумеется, он был против модных в то время нигилистов и нигилисток с остриженными волосами, что в то время оскорбляло эстетические чувства большинства, и с очками на носу, даже если они имели и нормальное зрение. Он не идеализировал простого народа и не ожидал от него спасения в политических, социальных и экономических затруднениях и передрягах. Не одобрял он, по крайней мере, когда я его знал и стал способным ориентироваться в подобных вопросах, и знаменитого "хождения в народ" с пропагандой идей, века на два опережавших его отсталые и наивные взгляды. Он был человек верующий, но из его частных разговоров со мной по религиозным вопросам я видел, что он, признавая христианского Бога, не признавал многих из учреждений христианской церкви, возникших под влиянием целого ряда исторических условий и процессов во времена, когда живая связь с основателем христианства Христом уже давно была порвана, когда эти учреждения творили обыкновенные люди, утверждавшие и даже часто убежденные, что они действуют под наитием св. Духа, и когда эти люди во многом должны были приспособиться ко взглядам толпы, удержавшей много языческих взглядов. Он был за учение Христа и за первоначальную церковь. Нигилистам, народникам и социалистам он казался "черносотенцем", как впоследствии стали называть крайних консерваторов, а для правительственных кругов он слишком заворачивал влево. Он был монархист, но считал, что России нужны большие и последовательные (а не одновре-

---

[1*] Вероятно, от греч. apostrophē — обращение в сторону (риторический прием: воззвание, часто неожиданное, к одному из слушателей)

менные) реформы в государственном и социальном строе, а также и в администрации. Немудрено, что его умное и энергическое лицо часто было задумчивым во время наших обедов, на которые он являлся либо из тишины своего кабинета, либо из города, куда ездил для разговоров с издателями своих трудов, а также и за гонораром за свои произведения. За свою комнату, за пищу и за весь уход он, разумеется, платил моей матери, у которой были свои доходы с имущества в Киеве, более регулярные, <чем> гонорар. Только впоследствии, когда он приобрел большую известность, его материальное положение улучшилось и упрочилось.

Его задумчивость не мешала ему следить за нашей детской болтовней и даже принимать в ней участие. Когда кто-нибудь из нас, произнося какое-нибудь иностранное хитрое слово, оговаривался, он просветлевал, быстро вскакивал и бежал в свой кабинет, чтобы записать нашу смешную оговорку. Так возник целый ряд тех смешных слов, которые встречаются в его произведениях. По аналогии с нашими оговорками он и сам, подражая им, изобрел их немало. Их особенно много в его сказке "о косом Левше и стальной блохе", например, Аболон Полведерский (Аполлон Бельведерский), нимфозория (инфузория), керамиды (пирамиды), мелкоскоп (микроскоп), верияции (вариации), укушетка (кушетка), клеветон (фельетон), и т.д. Вместо "он кадил ему фимиам" Лесков пускает в ход "он кадил ему фимиазмы". Не знаю, слышал ли он где-нибудь или сам изобрел оговорку: "Знако лицомое, а где припомнил, не увижу" вместо: "Лицо знакомое" и т.д.[13] Когда я ночевал дома, я часто просил, чтобы мне устроили постель на диване в его кабинете, который выходил на Таврический сад. Он любил, чтобы я спал у него. Иногда, просыпаясь поздно ночью, я видел письменный стол, освещенный лампой и за ним характерную физиономию Лескова. Часто я слышал, как он тушил лампу и ложился спать в кровать, которая стояла у него в кабинете. Так я был свидетелем возникновения некоторых его произведений, в том числе и "Соборян"

Николай Семенович уехал от нас на отдельную квартиру, когда мы жили на Захарьевской улице в большой квартире. Это произошло, как сказано выше, когда я был в седьмом классе, т.е. в 1875—76 году[14]. Моя мама и мы бывали иногда у него, а он у нас. Настоящая причина его отъезда осталась нам, как я уже говорил, неизвестной, а нам и в голову не приходило спрашивать у мамы об этом. Дело в общем было ясно. Люди даже близкие далеко не во всем сходятся, а тут еще дети подрастали, часто строгие критики своих родителей. Но на такую критику мы не шли и к Лескову очень привыкли. Через некоторое время мы переехали с мамой в хорошую, но более скромную квартиру, кажется, в том же доме, но во дворе. Там провел я начальное время моего студенчества.

Вряд ли стоит говорить о том, что, будучи гимназистом, я и мои товарищи занимались не только учением и играми (в том числе играми в шашки и шахматы), но и знакомились с выдающимися произведениями русской и иностранной (в переводе) литературы, как прозаической, так и поэтической. Оригинальное впечатление производило на меня чтение сочинений Лескова, которые возникли на моих глазах.

Кто из гимназистов был более обеспечен, как, например, я, тот мог себе позволять и другие художественные развлечения, как посещение публичных лекций разных выдающихся ученых или, еще того охотнее, театров. Императорские театры стояли в то время на высоте. Их было четыре: Александринский на Невском проспекте был предназначен для драмы, Мариинский для русской оперы, стоявший с ним на одной площади (название ее забыл)[15] Большой театр для балетов и итальянской оперы и, наконец, Михайловский театр, где тоже давались драматические представления не только на русском, но и на немецком, а иногда и на французском языке, когда приезжали французские актеры. Особенно часто я посещал Мариинский и Большой театр. Теперь он превратился в зал консерватории.

Сначала, чуть ли не с четвертого или пятого класса, меня и моих братьев брали в эти театры Н.С.Лесков и мама <...>

IV. СТУДЕНЧЕСТВО

С осени 1877 года я был студентом Петербургского университета. Поступил я на историко-филологический факультет <...>

Но прежде чем оставить Петербург, в котором я пробыл шестнадцать лет (1866—1882)[16], я должен был присутствовать на торжественном акте Петербургского университета, который происходил 8 февраля, для того, чтобы в этой торжественной обстановке получить присужденную мне золотую медаль. Акт состоит в чтении одним из профессоров, по выбору, отчета о деятельности университета за истекший год. Отдельную главу в этом отчете составляет доклад о научных работах профессоров и студентов. Те из студентов, ученые работы которых удостоились наград золотыми или серебряными медалями, были поставлены в отдельное место перед первым рядом и кресел, предназначенных для почетных лиц, приглашенных или явившихся по собственному почину на акт <...> На акте в числе публики присутствовала и моя мать, которая очень радовалась и поздравляла меня. К ее поздравлениям присоединился и Николай Семенович Лесков с моими братьями. Моя мать специально для этого приехала из Киева, где ее задерживали дела. Вечером в нашей маленькой квартире, где я жил с братом Михаилом и моим приятелем еще из гимназии, студентом Военно-медицинской академии Азаревичем, собралось много народу. Тут были и моя мать и Лесков и еще несколько литературных деятелей <...>

У моей сестры Веры был хороший голос. На это обратили внимание уже в одном из петербургских институтов, который она только что окончила[17]. Музыкальные критики, к которым моя мать обращалась за советом и перед которыми Вера пела некоторые номера из своего незатейливого репертуара, находили, что из нее может выработаться хорошее колоратурное сопрано. Из многих учительниц пения мы остановились на знаменитой в то время Маркези, которая жила в Париже. Так как и мне для магистерской диссертации нужно было ехать в Париж, то было решено, что моя сестра с мамой и я с ними поедем в сентябре 1882 года в Париж.

Лето 1882 мы провели в Киеве на Подоле в одном из наших домиков. Я усиленно зубрил французский, который я понимал хорошо и до того, но разговаривать на котором мог лишь с некоторой натяжкой и неуверенностью.

V. РАБОТА НАД ДИССЕРТАЦИЕЙ В ПЕТЕРБУРГЕ ДО ПОЛУЧЕНИЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА (1885 февраль — 1891 май)

<...> Нужно было самому что-нибудь зарабатывать. Тут меня выручил мой гимназический и университетский товарищ, впоследствии профессор истории русской словесности в Петербургском университете Илья Александрович Шляпкин[18]. Если не ошибаюсь, я его догнал в третьем классе гимназии и мы с ним были большие друзья <...> По возвращении из-за границы я узнал, что он имеет очень хорошо оплачиваемые уроки в богатых аристократических домах и пользуется в них большим доверием. Мне посоветовали обратиться к нему. Я так и сделал. Не прошло и десяти дней, как я получил от него письмо, в котором он меня уведомлял, что нашел для меня урок. Для переговоров я должен был явиться к Григорию Александровичу Черткову, родственник<у> бывшего киевского генерал-губернатора Черткова и другого Черткова, Владимира Григорьевича, который составил себе имя в толстовском движении, как один из адептов Льва Николаевича Толсто-

го, и умер в 1936 г. в возрасте 82 лет. Григорий Александрович был обер-егермейстер двора его имп<ераторского> Велич<ества> государя Александра III <...> Он искал репетитора для своего сына Григория, или, как мы его звали, Гриши <...>

В доме Черткова я пробыл с весны 1885 г. до получения степени доктора, т.е. до мая 1891 года, всего шесть лет <...>

Живя у Чертковых, я много работал над своей диссертацией. Вечерами часто бывал у Лескова, который занимал квартиру на Сергиевской улице. У него я иногда видел его сына Андрея, который учился в кадетском корпусе, а потом в юнкерском училище и стал армейским офицером. Он устроился в Петербурге и женился на одной если не красивой, то зато очень симпатичной девице, которая вскоре получила в наследство большой четырехэтажный дом на Фурштадтской улице. У Лескова я проводил время приятно. Он был очень расположен ко мне, как и я к нему. Разговаривать с ним было интересно. Он не надувался своей известностью как писатель и даже редко касался своей литературной деятельности. На очереди были разные социальные, политические, религиозные темы, а также и новые факты и переживания нашей частной жизни. Мы засиживались иногда долго. Появлялся самовар, вино и закуска. У него я встречал многих из наших известных писателей. Но всего более я любил быть с ним наедине. Он тяготился одиночеством до такой степени, что иногда брал к себе маленькую, лет 3—4, дочь своей прислуги. Она спала в его спальной на диване, а иногда на его постели[19]. Мне он казался до моего переселения в Киев, о чем речь дальше, в 1891 г. довольно здоровым, а потому известие о его смерти в 1895 году, полученное нами в Киеве, было для нас печальной неожиданностью. С большим удовольствием я бывал у своей сестры Веры по вечерам, а особенно по воскресениям, когда я у нее обыкновенно обедал. Она была замужем за капитаном Захарьем Андреевичем Макшеевым, который в то время служил в Первом кадетском корпусе в качестве преподавателя математики и воспитателя. Там же, в этом корпусе, помещавшемся на Васильевском острове на берегу Невы между университетом и Академией художеств, находилась и квартира Макшеева <...>

Помимо Лескова и Макшеевых, я, живя у Черткова, часто посещал мою мать, когда она приезжала из Киева и нанимала себе и моим братьям квартиру в Петербурге <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бубнов ошибается — отъезд состоялся в 1865 г.

2 Об этих письмах см. далее сообщение Л.И.Левандовского “Письма Н.М.Бубнова как источник знакомства с жизнью Лескова в Петербурге (1880-е годы)”.

3 Как отмечено выше (см. вступительную статью и примеч. 1), Бубнов ошибся в дате: он приехал в Петербург в 1865 г.

4 Дата бракосочетания указана по новому стилю. По старому стилю оно состоялось 28 октября 1866 г.

5 Ошибка Бубнова: А.Н.Лесков родился 12 июня 1866 г.

6 Далее следовала вычеркнутая и незавершенная фраза: “Лесков приискал к ее возвращению маленький домик на Фурштадтской улице. Он был в двух шагах от Annenschule. Он был одноэтажный и состоял из двух-трех комнаток с кухней. Здесь-то в одну из суббот...”

7 Неточность — разлука была почти трехлетней.

8 Лесков с Е.С.Бубновой переехали в этот дом осенью 1866 г.

9 Жена Лескова, Ольга Васильевна, умерла лишь 9 апреля 1909 г.

10 Переезд Лескова и Е.С.Бубновой на Захарьевскую улицу, 3 (в советское время ул. Каляева), кв. № 19, состоялся в начале октября 1875 г.; уехал Лесков из квартиры только в начале августа 1877 г.

11 1 января 1874 г. Лесков был назначен членом Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа.

12 Бубнов не точен. После почти десятилетней службы 9 февраля 1883 г. Лесков был отчислен, по его словам, из-за «“несовместимости” <...> литературных занятий с службою». Подробнее см.:

Жизнь Лескова. Т. 2. С. 176—199; *McLean, Hugh*. Nikolai Leskov. The Man and His Art. P. 369—373. Когда Лесков вышел в отставку, Бубнов находился за границей, но он был в курсе событий и, судя по его письму к Лескову от 29 марта 1883 г., правильно оценил происшедшее (письмо процитировано ниже в сообщении Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник...").

[13] "*Веряции*" — ошибка Бубнова (у Лескова — "верояции"). "*Он кадил ему фимиазмы*" — неточная цитата из "Полунощников": "...фимиазмы слышу: это, значит, ночные фортепьящики с ящиками едут <...>" (IX, 161). "*Знако лицомое, а где припомнил, не увижу*" — неточная цитата из "Соборян" (см.: IV, 200). В 6-й главе 3-й части хроники Варнава Препотенский приводит несколько примеров того, что называется по-английски "спунеризмом", по фамилии Вильяма Арчибальда Спунера (William Archibald Spooner, 1844—1930), англиканского священника и декана Нью-Коледжа Оксфордского университета; он часто непроизвольно переставлял звуки при скороговорке. По словам И.А.Шляпкина, первый из этих спунеризмов Лесков заимствовал у критика Н.И.Соловьева (1831—1874): «Чудак был, и очень нервный. Встретил раз В.П.Клюшникова, да и говорит: "Мне ваше значе ликомое, не увидел, где припомню! Жена моя разных напупок покупила" и пр.» (см.: *Шляпкин И.А.* К биографии Н.С.Лескова // *PC*. 1895. № 12. С. 213—214).

[14] Неверно — переезд Лескова произошел в августе 1877 г.

[15] Мариинский и Большой театры стояли на Театральной площади.

[16] В действительности — семнадцать лет.

[17] Вера Бубнова закончила Мариинский институт.

[18] Илья Александрович *Шляпкин* (1858—1918) познакомился с Лесковым через Бубнова и нередко бывал у писателя. Автор воспоминаний о Лескове (см. примеч. 13).

[19] О воспитаннице Лескова Варваре Кукк (Варе Долиной) см. подробнее примеч. 10 к сообщению Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник..." и примеч. 6 к письму Лескова Т.Л.Толстой от 22 июля 1893 г.

ПИСЬМА Н.М.БУБНОВА КАК ИСТОЧНИК ЗНАКОМСТВА С ЖИЗНЬЮ ЛЕСКОВА В ПЕТЕРБУРГЕ (1880-е годы)

Сообщение Л.И.Левандовского

В Киеве, в Центральном Государственном историческом архиве Украины, нами обнаружено около 400 писем из семейной переписки Николая Михайловича Бубнова (см. о нем выше предисловие Вильяма Эджертона к публикации воспоминаний Н.М.Бубнова). Они охватывают период с 1865 по 1893 г. и адресованы в основном его матери Е.С.Бубновой (гражданской жене Лескова с 1865 г.), а также близким родственникам. Здесь же хранятся и некоторые его письма к Лескову[1].

Живя в Петербурге с 1865 по 1891 гг., Бубнов на протяжении двадцати пяти лет находился в непосредственной близости к писателю. Причем в течение первых двенадцати лет после переезда Е.С.Бубновой в Петербург все, в том числе и Николай Бубнов, жили в одной квартире с Лесковым. Но и тогда, когда в августе 1877 г. семья распалась, встречи Бубнова с писателем, оставшимся с одиннадцатилетним сыном Андреем, не прекращались.

В мае 1877 г. Е.С.Бубнова перед разрывом с Лесковым (а может быть, подготавливая разрыв) уехала в Киев и задержалась там на два месяца. С этого времени началась ее переписка со старшим сыном. После возвращения в Петербург (очевидно, в конце июня 1877 г.) она жила там с детьми еще два года. В этот период переписка естественно не велась. И только письмо Н.М.Бубнова от 12 июня 1879 г. свидетельствует, что его мать снова уехала в Киев и на этот раз уже навсегда. Вот отрывок из этого письма: "Милая мама! Льщу себя надеждой, что ты благополучно приехала в Киев со своими спутницами и что болезнь твоя прошла. Какое впечатление произвел на Веру Киев? Она ведь была еще совсем маленькой, когда была в нем последний раз <...>

Теперь мы обедаем у Николая Семеновича, где Паша[2] готовит очень вкусные обеды" (п. 2, 35).

Естественно, что Е.С.Бубнова после переезда в Киев продолжала интересоваться всем тем, что касалось оставшихся в Петербурге ее детей и Лескова с их общим сыном. Вполне понятно, что эту информацию ей мог предоставить Николай Бубнов, которому тогда шел уже двадцать первый год. Время от времени он сообщал матери разного рода сведения о себе, братьях, сестре Вере (она была отдана в Мариинский институт) и о Лескове.

Знакомясь с письмами Бубнова, нельзя не заметить двойственности его отношения к Лескову, что наводит на мысль, не считал ли Бубнов именно его виновником распада семьи. Прямых суждений в письмах об этом нет, потому, очевидно, что, как заявлял Бубнов в одном из них,— дети не могут быть судьями родителей. По разного рода намекам и отдельным эпизодам, приводимым в книге Андрея Лескова, можно заключить, что одна из причин распада семьи заключалась в крутом характере писателя. Но, думается, не только в этом.

В письме от 8 мая 1877 г. к только что уехавшей в Киев матери Бубнов,— наряду со многим, интересовался и тем, "удачно ли идут дела?" (п. 1, 30). Есть основания пред-

полагать, что Е.С.Бубнова, живя в Петербурге, занималась имущественными делами своих детей, и именно поэтому вынуждена была вскоре навсегда уехать в Киев[3].

Как свидетельствуют архивные документы, после смерти мужа Е.С.Бубновой (он скончался 29 июня 1870 г.) осталось недвижимое имущество, состоящее из банного и питейного заведений, а также жилого дома и флигеля, сдававшихся военным. Все это имущество перешло в наследство детям. Но поскольку в 1870 г. никто из них не был совершеннолетним (старшему Николаю исполнилось всего 12 лет), киевский Сиротский суд назначил опекуншей Е.С.Бубнову, а попечителем — брата писателя, киевского врача Алексея Семеновича Лескова. В 1877 г. встал вопрос о втором попечителе, и Екатерина Степановна, уезжая в Киев, повезла с собою прошение в киевский Сиротский суд старших сыновей Николая и Михаила об утверждении вторым попечителем Н.С.Лескова, "проживающего в Петербурге и состоящего здесь на службе членом Ученого комитета Министерства народного просвещения"[4]. Но этого прошения оказалось недостаточно, и в конце мая 1877 г. Лесков посылает в Киев личное подтверждение. Это заявление Лескова, как видно по почерку, было переписано кем-то посторонним — он лишь подписал его. Приведем этот документ полностью:

В киевский Сиротский суд

Губернского секретаря Николая Лескова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Купеческие сыновья Николай Бубнов 19 лет и Михаил Бубнов 18 лет обратились ко мне с просьбой, чтобы я для большего их удобства по жительству их в С.-Петербурге согласился быть вторым их сторонним попечителем, совместно с матерью их купчихою Екатериною Бубновой и братом моим, надворным советником Алексеем Лесковым.

Не имея ничего против этого желания и избрания Николая и Михаила Бубновых, я считаю долгом довести до сведения киевского Сиротского суда, что я готов принять на себя обязанности, к которым избирают меня названные молодые люди, и подчиниться всем законным требованиям и ответственности по этой должности.

Заявление это доверяю представить в Сиротский суд киевскому гласному купцу Михаилу Степановичу Савицкому[5].

Губернский секретарь Николай Семенович Лесков.

28 мая 1877 года.

Жительство имею:
СПб. Литейная часть,
4 участок по Захарьевской ул., дом № 3"[6].

Все это дает возможность понять, о каких делах шла речь в цитированном выше письме Бубнова от 8 мая 1877 г. В заключение он писал: "Впрочем, у нас все идет хорошо и единственное наше желание, чтобы дела поправились в Киеве и чтобы ты приехала к нам" (п. 1, 31).

Из писем Бубнова становится ясным, что, живя в Петербурге, Е.С.Бубнова вынуждена была отдать все недвижимое имущество в аренду дворянину Ю.С.Дробишевскому. Но арендатор не стал выполнять принятых по контракту обязательств и даже прекратил высылку денег за аренду. Все это и заставило Е.С.Бубнову в июне 1879 г. переехать в Киев, взять хозяйство в свои руки, опираясь почему-то на помощь того же Дробишевского. Это вызывало большую тревогу у сына. "Недавно я слышал от Николая Семеновича, получившего письмо от Алексея Семеновича,— писал Н.Бубнов 2 августа 1879 г.,— что ты хочешь сама хозяйничать, взяв в помощники Юлиана. Несмотря на все мое доверие к Алексею Семеновичу, я думаю, что он поторопился таким заключением. В мою голову не может уместиться план хозяйничать с человеком, из-за которого ты потеряла 2500 рублей и в распоряжениях которого не видно ничего, кроме отъявленного мошенничества" (п. 1, 64).

Таким образом, именно хозяйственные дела в Киеве, где были сосредоточены интересы семьи Бубновых, сыграли, на наш взгляд, немаловажную роль в окончательном распаде второй семьи Лескова[7].

Как видно из писем Бубнова, Лесков надеялся на то, что Екатерина Степановна все же возвратится в Петербург. Передавая матери содержание своих разговоров с Лесковым, Бубнов часто касался этого вопроса. 26 ноября 1881 г. он писал:

«Есть одна только статья, которая наводит на размышление. Эта статья — Николай Семенович. У него была (и теперь еще не совсем прошла) бессонница в продолжение десяти ночей, которая повела к сильному расстройству нервов, так что он только утром может остаться в комнате один. Чуть начинает темнеть (а эта благодать в пасмурные дни начинается в два часа), он видит то черные, то зеленые фигурки, которые приходят в его комнату, смотрят на него и садятся на стулья. Это наводит на него ужас, хотя он и понимает, что это галюцинация, и он бежит из своей квартиры к нам или зовет Дрону (Андрея.— *Л.Л.*) к себе в кабинет заниматься. Вчера он пришел к нам и стал высказывать мысли одна другой мрачнее. Говорил, что одиночество для <него> невыносимо, что то состояние, в котором он теперь находится, накапливалось с тех пор, как мы стали жить врозь: “разбросалась семья”, в последнем будто бы ты виновата. Если это состояние невыносимой тоски и скуки, от которой не спасает посещение знакомых семейных домов (“Придешь, а те соберутся вокруг семейной лампы, и вспомнишь, что дома ты опять один, и станет мне хуже”), ни разговоры о литературе и политике, <не пройдет>, то он не знает, что с ним будет,— на всякий случай он разрядил револьвер и разбросал пули. Единственным утешением для него служит мысль, что Вы с Верой приедете и будете проводить у него вечера: “Катерина Степановна любит читать, а я бы слушал и было бы отлично”. Он даже говорил о каком-то билете на железную дорогу, который он подарит тебе.

Есть, впрочем, еще другая утешительная мысль, но, к несчастью, исполнения ее долго ждать,— это проектируемое житье с вами в Париже. Гатцук предлагает Николаю Семеновичу 200 рублей в месяц авансом на полтора года с условием, чтобы он за это время написал роман. Для этого ему не нужно жить непременно в Петербурге. Службу он оставит: что тысяча рублей каких-нибудь, когда дело идет о сумасшествии!

Дрону переведет пансионером в Киевскую гимназию, а сам поедет в Париж и будет жить с вами. “Я буду для них очень полезен в Париже, который мне известен как пять пальцев, но ты, Коля, постращай их: скажи, что если они не приедут зимою в Петербург, то и я не поеду с ними в Париж”

Вообще на Николая Семеновича напала теперь какая-то мерехльондия. Не берусь сказать наверно, как скоро она пройдет, но мне кажется, что с прекращением бессонницы воротится его нормальное состояние. Теперь он, мне кажется, сам не знает, чего хочет. Хотя он высказывает мнение, что, если бы вы с Верой приехали, то это прекратилось бы, но, мне кажется, что это ложное мнение. Николай Семенович просто хандрит, и никто ему не может помочь, кроме него самого. Впрочем, может быть, мое мнение и неверно. Напиши ему, мама, письмо с объяснением причин, по которым ты не можешь приехать. Вчера он нам говорил, что, если бы его спросили, как он желает умереть, то он ответил бы, что при вас с Верой. Вообще он очень печален» (п. 1, 246—249).

Мысль о том, что у Лескова никакой физической болезни нет, а он просто скучает,— повторяется и в письме от 13 января 1882 г. Но особенно четко отношение Лескова к Е.С.Бубновой освещено в письме от 10 января 1889 г.: “Он много говорил о тебе и долго остановился на тех тяжелых обстоятельствах, в которых проходит в настоящее время твоя жизнь. Говоря об этом, он прослезился и стал искать средств к прекращению теперешнего положения вещей. Когда Вера с Захаром ушли к своему ребенку и мы остались втроем (третьим был Андрей.— *Л.Л.*), Николай Семенович сказал, что ты была единственная женщина, которую он любил, что он исполнил все обязанности, которые на него возлагались его положением, и что никто не может его укорить ни в чем. Тогда я счел заметить (так в тексте.— *Л.Л.*), что для нас такая потребность, как с твоей, так и с его стороны, оправдываться перед нами, как будто вы совершили какое-то ужасное преступление, совершенно непонятна, так как никому из нас никогда не приходило ни в голову, ни в сердце винить вас в чем-нибудь и что я лично даже благословляю прошедшее. Слова эти произвели на Николая Семеновича впечатление гораздо большее, чем я ожидал, и он стал всех нас хвалить” (п. 4, 172—173).

Но, очевидно, желая вызвать у матери сомнение в правдивости писем Лескова к ней, Н.Бубнов называл их романтическими, говорил, что в них много вымысла. Так, 20 сентября 1879 г. он писал матери: “Меня очень огорчает в твоих письмах постоянное напоминание о том, чтобы мы жили по-братски, не чуждались друг друга и т.д., как

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕСКОВ

Фотография. 1886 год

Государственный музей И.С.Тургенева, Орел

будто мы поссорились из-за чего-нибудь и ты убеждаешь нас помириться. Я догадываюсь, что это подозрение есть результат писем Николая Семеновича и Вериных, которые столь же скороспелы, сколько и субъективны <...> Письмам Николая Семеновича — ты, мама, и сама знаешь это из опыта — нельзя вполне доверять: его краски столь густы, что нужно разбавлять в достаточном количестве воды, чтобы картина получила естественную окраску" (п. 1, 70—71). И в другом письме от 18 сентября 1880 г.: "Ты просишь ответить немедленно на некоторые вопросы, родившиеся у тебя под впечатлением красноречивого, как видно, но не носящего на себе штемпеля действительности письма Николая Семеновича <...>" (п. 1, 140). И, наконец, в письме от 25 сентября 1880 г.: "Вчера получил одно твое письмо, а сегодня — другое и из обоих, к удовольствию своему, могу заключить, что ты более или менее успокоилась и отдохнула от романтических писем Николая Семеновича" (п. 1, 146).

Немало места в письмах Бубнова уделялось и отношениям между Лесковым и его сыном Андреем. Сам Андрей Николаевич объяснял неровность этих отношений характером отца. Бубнов в своих письмах тоже не раз говорил о "диком характере" Лескова. А об Андрее, которого Екатерина Степановна в детстве называла Дроной, Дронушкой (из "Войны и мира"), Бубнов впервые упомянул в письме от 1 июля 1874 г. к уехавшему с сыном в Киев Лескову. Он интересовался, "как поживает Дрона" В письме же от 29 мая 1881 г. он сообщал матери, что "Дрона" перешел в пятый класс. Затем через год, 27 мая 1882 г., он писал, что "Николай Семенович поживает ничего себе, Дрона окончил экзамены, но результат их еще не известен" (п. 2, 18). Но вот в письме, отправленном буквально через три дня (30 мая 1882 г.) сестре Вере в Киев, читаем: "Есть, впрочем, один знакомый тебе человек, которому живется еще скучнее. Это — Дрона. Теперь он что-то целые дни сидит в своей комнате. Николай Семенович на него кричит и бьет его. По крайней мере, когда я вчера пришел к ним за обедом, Дрона держал платок около одной щеки, которая была очень красной. Он не ел жаркого, которое уничтожалось вместе с стаканом вина и водою одним Николаем Семеновичем. Николай Семенович был очень мрачен <...> Из всех этих фактов можно вывести одно заключение, что Дрона или не перешел, или перешел с переэкзаменовками. Спрашивать Николая Семеновича — не получить никакого ответа. Раз он мне ответил, что не знает, окончились ли у Дроны экзамены. Когда вы уехали, Николай Семенович был в мрачном расположении духа и говорил, что видел тебя во сне. В таком расположении он пребывает и до сих пор и, конечно, Дронино учение не могло вывести его из этого состояния" (п. 2, 19—20).

Андрею посвящено и письмо Бубнова к Лескову от 29 апреля 1883 г. из Парижа, где в это время находилась и Е.С.Бубнова с дочерью Верой, бравшей уроки пения у Маркези[8]. Приведем его:

«Дорогой Николай Семенович!

Хотя я сам (кажется, нужно прибавить "к счастью") и не отец, но это нисколько мне не мешает отлично понимать всю тягость Вашего положения.

Мне помнится, что в прошлом году — а, может быть, и раньше — я высказал Вам однажды свои подозрения относительно Андрея. То, что я Вам говорил в форме подозрения, было для моего внутреннего чувства осязательным фактом и Ваши последние наблюдения показали, что я, к несчастью, не ошибся. Наклонность человеческого ума сводить факты, по-видимому разнородные, к одной причине часто была матерью больших ошибок, но, кажется, еще чаще вела к полезным открытиям, а потому я без боязни погрешить особенно сильно против истины утверждаю, что в основании всех недостатков Андрея лежит один главный, который Вы, конечно, преднамеренно поставили во главе их небольшого, но грустного каталога. Это более чем несомненно. Знание представляет мало интереса для того, кто для приобретения его должен употреблять гораздо больше времени и усилий, чем обыкновенный человек, для которого оно создано. О такой трудности усвоения знаний Андреем надо было предположить при тех данных, о которых Вы с отчаянием говорите, если бы некоторые факты не делали такие предположения излишними. Занимаясь иногда с Андреем немецким языком или чем-нибудь другим, я не раз замечал в нем отсутствие способности сосредоточиться на предмете или нежелание пользоваться этой способностью, что почти все равно. Эта-то неспособность или нежелание сосредотачиваться, следствие одной причины, является сама причиной другого следствия, именно плохих успехов Андрея, потому что я не думаю, чтобы их можно было приписать дурной памяти. У Андрея, мне кажется, память достаточно свежая, что не должно удивлять нас, хорошо знающих Борю. Как бы то ни было, Андрей, являясь в класс, несет свои знания за плечами — в ранце, а не на плечах — в голове и, понятно, должен хитрить, чтобы предупреждать неизбежные следствия такого положения дел. А хитрость вряд ли в состоянии ужиться с теплотою чувства. Не думаю, чтобы Андрей Вас не любил, но позволю себе припомнить, что в отличие от родительской детская любовь только в весьма редких случаях бывает единственным стимулом в отношениях детей к родителям. Если в настоящее время отношения Андрея к Вам и заставляют желать много лучшего, то это происходит оттого, что он видит в Вас в данный момент не отца, а человека, раскрывающего его ухищрения и ставящего его в неловкое положение. Как человек очень гордый, он не может этого переносить и потому в порыве чувства не прочь даже помстить. Так, по крайней мере, понимаю я неуместное употребление слов "запечатлеть печатью Святого Духа", которые он часто слышал из Ваших уст. Андрей находится теперь в таком возрасте, когда никто не в состоянии устоять против потребности подвергнуть все своей критике и, если его критика дает нежелательные результаты, то причина этому, мне кажется, лежит в отсутствии необходимой дозы идеализма, без которого критика жизни есть своего рода динамит разрушающий, но ничего не создающий. По крайней мере, такой идеализм нужен для создания такого мировоззрения, которое обязывало бы нас к чему-нибудь и не позволяло бы инертно плыть по течению обыденной жизни. Андрей же, к несчастью, давно не идеалист, и я в прошлом году не раз удивлялся его преждевременному пессимизму. Известно, что подобное пессимистическое настроение духа весьма часто бывает результатом нехорошей привычки, которую Вы за ним подметили, хотя, может быть, и другие причины не остались здесь без известной роли. Андреев пессимизм распространяется только на мир идей, в сфере же интересов материальных он очень большой оптимист, т.е. думает, что может существовать весело, что имеет на это право и что единственная помеха этому — необходимость учиться. В последнем обстоятельстве позволительно было бы видеть влияние гимназии, дух которой довольно близко подходит к духу <училища?> правоведения и лицея, потому что эти заведения имеют общую цель — приготовлять людей к службе, а кому неизвестно, что главная обязанность службы у нас есть мелькать. Под понятием "служба" у нас, скорее, разумеется известное количество времени, чем дела. Ученики быстро понимают свое назначение и, уносясь мыслию вперед, рассматривают гимназические классы как известное количество служебных этапов до достижения большой, настоящей и веселой дороги службы. Приобретаемые ими знания нисколько не реагируют на их душу, уже в достаточной степени смазанную трудно защищаемым маслом административных машин, и, становясь мало-помалу взрослыми телом, претензиями и смелостью суждений, они далеко не соответствуют своему возрасту ни количеством приобретенных знаний, ни дисциплиной ума. У Андрея это обстоятельство осложнилось еще тем, что, находясь дома часто в

среде людей взрослых и вдобавок высокоумственного ценза, он гораздо раньше, чем следует, усвоил себе самоуверенность критики, которая при отсутствии элементов, дающих на нее право, привела его к презрительному отношению к науке и совершенному отсутствию принципов. Уверенность в своей счастливой наружности, открывающей перед ним ряд перспектив, весьма отдаленных от школьной жизни, тоже сделала свое дело.

Извините, пожалуйста, дорогой Николай Семенович, что я вместо того, чтобы советовать и утешать, пустился в рассуждения. Это всего более подходит ко мне. Я слишком молод и неопытен, чтобы решаться советовать, и слишком уважаю Вас и Ваше горе, чтобы утешать. Мне, впрочем, кажется, что, пока отношение Андрея к гимназии окончательно разъяснится, следовало бы приступить к удалению физиологической причины, мешающей правильности его суждений.

Глубоко сочувствующий Вам Н.Бубнов» (п. 2, 58—59).

Сын Лескова, как уже говорилось, с одиннадцатилетнего возраста воспитывался без матери, и это не могло не наложить отпечаток на его характер. В то время, когда появилось это письмо, ему шел уже семнадцатый год. Пора взросления была для него, вероятно, очень трудной. 25 августа 1883 г. Бубнов писал Лескову из Франции: "Многоуважаемый Николай Семенович! Дня два тому назад мама получила письмо от Андрея, в котором Андрей извинялся в своем долгом молчании, признавал все мамины упреки по его адресу совершенно справедливыми и глубоко раскаивался, что огорчал своего отца и т.д. Вообще все письмо проникнуто искренним смирением, и надо надеяться, что последний урок не прошел для него даром. Перспектива попасть вольноопределяющимся в полк или в техническое училище, очевидно, была для него очень страшной, потому что он с большой радостью говорит о том последнем способе исправиться, который Вы даете ему. Что касается меня, я думаю, что план отдать Андрея в частное реальное училище есть действительно одна из лучших комбинаций, которую можно было придумать, а потому от души желаю успеха Андрею, Вам же спокойствия, которое помимо других обстоятельств было поколеблено неудачей Андрея" (п. 2, 80—81).

Письма Бубнова свидетельствуют о том, насколько неровными и сложными были отношения Лескова с сыном. В письме от 21 мая 1887 г. Бубнов радовал мать приятным известием: "Андрей уехал на съемки, а потом поедет в Аренсбург на месяц (т.е. к отцу.— *Л.Л.*). Экзамен он выдержал почти блистательно, так как имеет 9 и 8/10 в среднем, а гвардейский балл — ровно девять" (п. 4, 96). Но вот в письмах от 7 ноября и 28 декабря 1888 г. Бубнов уже рассказывал о "расхождении" между отцом и сыном, считая отца виновным в конфликте.

Однако 10 января 1889 г. он сообщал, что "в отношениях Андрея к отцу наступила перемена к лучшему". "Надолго ли, не знаю,— продолжал он.— Явившись к Вере (она в это время была уже замужем за Макшеевым.— *Л.Л.*) встречать Новый год, я встретил там Андрея. Оказалось, что накануне Нового года Андрей был у отца и был им принят. Что они там говорили, об этом я ничего тебе сообщить не могу. Во всяком случае Андрей получил разрешение ночевать у отца, который объявил ему, что будет ждать его до двух часов ночи. Сам же Николай Семенович остался дома вследствие бронхита. Встретив Новый год, мы с Андреем поехали вместе — я к себе, а он к отцу" (п. 4, 172).

"Андрея я вижу очень редко, но все же могу сказать, что в его отношениях к отцу не последовало перемены к худшему,— писал Бубнов матери 17 февраля 1889 г.,— по крайней мере, когда он приезжает в город, он ночует у отца. В тот знаменательный вечер, когда мы с Николаем Семеновичем ездили в прикащичий клуб, я застал Андрея у Николая Семеновича и в воздухе не чувствовалось приближения грозы" (п. 4, 179).

Но в письме от 12 января 1891 г., сообщая матери о состоявшемся 9 января бракосочетании Андрея с Ольгой Ивановной Лаунерт (впоследствии сын писателя вступил в другой брак), Бубнов писал, что отец был против этого брака и до последней минуты отказывался присутствовать на свадьбе.

Бубнов часто рассказывал матери о своих хороших отношениях с Лесковым, а также о приязни писателя к другим детям Е.С.Бубновой. 20 сентября 1879 г. он сообщал: «Мы с ним в самых лучших отношениях, и он охотно дает мне книги, за что я ему очень благодарен. И в настоящее время у меня его "Островитяне", "На ножах" и "Всеобщая история Вебера"» (п. 1, 71; в этот перечень Бубнов включил, а потом вычеркнул роман "Некуда"). "С Николаем Семеновичем у нас отношения самые великолепные",— повторял он в письме от 21 февраля 1880 г. (п. 1, 118). "Мы заходим к Николаю

Семеновичу почти каждый день,— писал он 26 июня 1881 г.,— пьем у него чай по заведенному у него обычаю после обеда[9]. Он вообще очень любезен: сегодня одолжил мне десять рублей, потому, что у нас истощились все деньги, о чем я тебе писал в прошлое воскресенье. На новую квартиру мы не думаем перебираться, потому что, оказывается, трудно найти порядочную квартиру за эту цену даже на Выборгской. Да тут и веселей: нет, нет да и сходишь к Николаю Семеновичу, а у него помимо его самого еще много народу бывает" (п. 1. 204—205).

"У Николая Семеновича мы бываем каждый день,— повторял Бубнов 10 августа 1881 г.,— беседуем с ним, иногда пьем вишневую настойку, которой он настоял 6 бутылей и которой он угощает нас, к сожалению, не так часто, как нам того хотелось бы: больно хороша — лучше всякого вина!.." (п. 1, 210).

В одном из писем (21 февраля 1880 г.) даже шла речь о том, чтобы поменьше беспокоить Лескова или, точнее, обращаться к нему только тогда, когда это действительно необходимо: "Надо же и честь знать: он и так много для нас сделал. К нему нужно обращаться, когда нужна для Бори и Миши протекция <...>" (п. 1, 117).

И все же в большей части писем Бубнова к матери основное место занимали сведения о самом Лескове, его образе жизни, о том, где, по каким адресам он снимал квартиры в Петербурге, чем и когда болел и т.д. В некоторых письмах только что окончивший университет Бубнов явно с целью "блеснуть" эрудицией перед матерью пускался в теоретические рассуждения о личности Лескова, особенностях его ума и т.п.: "Сильные волевые элементы согласуются у него с умом теоретическим. Поэтому у Николая Семеновича область практического ума наполнена тенями, между тем как область ума теоретического наполнена существенными воплощениями. Вот почему понятно, с одной стороны, почему он наделал столько промахов в практической жизни, с другой стороны, почему он в состоянии созидать художественные типы: последние суть детища теоретического ума. Искусство ведь — часть ума теоретического! Эти воплощенные существа второй половины ума Николая Семеновича прекрасны: они живы, их формы рельефные, их краски гуще, содержание их составляет истинное наслаждение, но соответствуют ли они действительности или — предложим вопрос поточнее — равны ли они действительности? Нет! Да и не должны быть равны. Быть равным действительности дело ума практического, теоретический выше ее. Первый только отражает в себе внешний мир, второй сам создает себе мир, да еще какой!.." (письмо от 21 июня 1881 г. — п. 1, 188).

"Николай Семенович стареет и нервничает,— сообщал Бубнов матери в Париж 29 мая 1885 г.,— причем, конечно, чаще всего никто, кроме его самого виноват не бывает. Он ужасно интересуется Вашим возвращением в Россию, от которого он почему-то ожидает какого-то необыкновенного для себя облегчения и счастья. Он какой-то психопат, и я замечаю, что это большое счастье, что в последнее время нам не пришлось жить с ним вместе: такой пример вреден для молодых развивающихся характеров" (п. 4, 97).

Сразу же после окончательного отъезда матери из Петербурга в Киев Бубнов периодически ставил ее в известность о состоянии здоровья Лескова. Так, 22 декабря 1879 г. он сообщал, что Лесков заболел: "...у него вывих ноги или, по определению Берга, ревматизм, потому что у него опухоль появилась на обеих ногах <...>" (п. 1, 95). 4 мая 1880 г.: "Николай Семенович теперь болен (жар)" (п. 1, 132). 2 июня 1887 г.: "Николай Семенович простудился и, конечно, уже думает, что у него воспаление легких" (п. 4, 103).

Но, очевидно, не желая расстраивать мать, Бубнов иногда старался снабдить свои сообщения "облегчающими" комментариями. В письме от 13 января 1882 г. читаем: «Я не эскулап и потому не могу быть ответственным за свое мнение о здоровье Николая Семеновича, но мне кажется, что он очень несправедливо предвидит свой близкий конец, потому что никакой физической болезни у него нет. Он просто скучает или, выражаясь специальнее, определеннее,— "хандрит"». И в конце письма: "Итак, повторяю, по моему мнению, у Николая Семеновича нет никакой болезни. Он просто хандрит. От хандры люди могут худеть, но не умирают <...>" (п. 2, 5).

В другом письме (без точной даты; помечено: "канун 1889 г.") Бубнов сообщал матери, что Николай Семенович как-то завел разговор о своем бронхите: "Проклятый бронхит, восклицал Николай Семенович, стоит раз его получить и потом от него никак не отделаться". На самом деле это, разумеется, не бронхит, а кашель, свойственный солидному уже возрасту Николая Семеновича, которому, если не ошибаюсь, идет уже

пятьдесят седьмой год. Тем не менее Николай Семенович не выходит, по крайней мере, не выходил назад тому три дня" (п. 4, 169).

Весьма подробно Бубнов информировал мать даже о том, кто и когда из домашней прислуги жил у Лескова. В этой связи обращают на себя внимание два письма Бубнова, в которых он говорит о горничной Кате (Кети) Кукк и ее дочери Варе Долиной[10]. 29 мая 1885 г. Бубнов писал матери:

"В домашней жизни он всецело опутан кознями Кети, которая была не дура, сумела оседлать тучную спину Николая Семеновича. Она же навязала ему Варю, свою незаконную дочь лет семи" И дальше продолжал в таком же тоне, не без едва скрываемой ненависти: «Эта девочка, научаемая матерью, умеет уже отлично подлизываться. Николай Семенович иногда спрашивается у нее, чтобы уходить. Та отпускает его, целуя и говоря: "Только, пожалуйста, недолго, дядя" При гостях, не стесняясь, входит и запускает свои лапы в сахарницу, берет один кусок: "Я для мамы, дядя" Это она повторяет несколько раз. Вообще противно смотреть на такое слабодушие и слушать его восторженные рассказы о том, как Варя раз написала в его кровать, когда он, любя, чтобы около него "что-нибудь дышало", положил ее к себе в ноги. Он переехал на новую квартиру в том же доме Rex-a-Armee № 4» (п. 4, 44).

А из письма от 21 мая 1887 г. можно заключить, что у Кати был "предмет внимания" — какой-то кавалергардский фельдфебель, одно время пользовавшийся "благорасположением Николая Семеновича" Но, как писал Бубнов, "она ни за что не хотела отдать свой паспорт управляющему", и это, несмотря на "вмешательство в дело предмета Кати", закончилось большим скандалом: Лесков, сообщал Бубнов, "вчера расстался с своей Катей". "Таким образом, Николаю Семеновичу пришлось еще один лишний раз в жизни убедиться в людском коварстве и быть обманутым в своей вере в людей" (п. 4, 96)[11]. Но Варя осталась у Лескова. Он впоследствии определил ее в гимназию и до самой смерти заботился о ней как о родной.

Когда Лесков в конце 1880-х годов принял решение изменить уже составленное завещание с тем, чтобы уравнять Варю в правах наследования с родной дочерью (от первой жены) и сыном, Бубнов с тревогой писал матери 22 января 1889 г.: "Мне Николай Семенович ничего не говорил о своем желании изменить завещание, Вера тоже ничего об этом точно не сообщала, так что я впервые узнаю о таком диком намерении. В пользу кого же? Уж не Вари ли? Мешаться в эту историю бесполезно, так как это значило бы только подлить масла в огонь" (п. 4, 174).

По письмам Бубнова можно проследить, куда выезжал Лесков из Петербурга, кто и когда бывал у него, можно узнать, что в середине 80-х годов "у него развилась страсть к часам и хронометрам" (письмо от 29 мая 1885 г.) и, наконец, что в начале 1889 г. он "сшил себе блузу и ходит a la Толстой. В результате — надеть сюртук для него уже большой вопрос" (письмо от 2 марта 1889 г.).

В письме от 21 июня 1881 г. Бубнов сообщал матери, что Лесков предлагал ему тему диссертации "О русском сватовстве в прошлом веке", но он отказался.

В письмах Бубнова мало говорится о Лескове-писателе. Однако 19 ноября 1881 г. Бубнов сообщал матери, что Лесков собирается работать над романом (вероятно, "Соколим перелетом"[12].— *Л.Л.*) и что А.Гатцук будет платить ему авансом по 300 рублей в месяц. Но в письме от 26 ноября 1881 г. речь шла уже о 260 рублях. О новой, еще не напечатанной тогда повести "Зенон Златокузнец" Бубнов упоминал 9 сентября 1888 г. А в письме, помеченном "канун 1889 года", он сообщал матери, что с Николаем Семеновичем случилась большая неприятность: «Повесть "Закон Златокузнец", над которой он провозился немало времени, запрещена. Другими словами, он потерял 1000 рублей» (п. 4, 169).

В письмах Бубнова, кроме Гатцука, упоминаются редактор "Исторического вестника" С.Н.Шубинский, автор и переводчик книг о философии и спиритизме А.Н.Аксаков, критик А.И.Фаресов, художница З.А.Ахочинская, актриса К.Пассек, пианистка Львова и др. С ними встречался у Лескова Бубнов. Но с конца 80-х годов,— как сообщал Бубнов матери 17 февраля 1889 г.,— "живет Николай Семенович очень уединенно. Иногда к нему являются какие-то мрачные молодые люди, последователи Толстого, но они не говорят, а только харкают и, оплевав кругом себя пол, уходят" (п. 4, 180).

Из всех находящихся в архиве писем Бубнова десять адресованы Лескову. Одним из первых является праздничное поздравление (без даты) на открытке с виньеткой и с цветами. Десятилетний гимназист Бубнов посылал свои очень примитивные стихи и начинал открытку с обращения "Лучший Николай Семенович!" (п. 1, 8). Письмо от

1 июля 1874 г. адресовано в Киев, куда в это время Лесков уехал с сыном погостить у брата. Оно начинается словами "Милый Николай Семенович!" и содержит в себе благодарность за то, что тот своими беседами "о серьезных и более возвышенных вещах" привил ему любовь к философии и "за предоставленную возможность читать серьезные книги" (п. 1, 22).

В письме от 19 июля 1875 г., посланном в Мариенбад, где писатель в то время лечился, Бубнов желает ему «крепить здоровье и создать еще что-нибудь вроде "Соборян"», «Я читал в письме, что Вы пишете "Соколий перелет", и думается, что это будет хорошая штука, потому что Вы чем больше пишете, тем лучше» (п. 1, 24).

Восемь писем (с 29 марта 1883 г. по 20 мая 1884 г.) присланы Бубновым Лескову из-за границы. Почти во всех них он делился впечатлениями, которые произвели на него европейские города, писал об университетах, о встречах с людьми, о своей работе над диссертацией.

Среди заграничных писем Бубнова выделяется уже приведенное выше письмо из Парижа от 29 апреля 1883 г., посвященное размышлениям о брате по матери — сыне Лескова — Андрее. Этому письму Бубнов, очевидно, придавал большое значение, так как с него даже снята (хотя и небрежно) копия, которая хранится между другими написанными позже письмами.

Небезынтересными, на наш взгляд, являются и два других письма из Парижа от 29 марта и 15 апреля 1883 г. В них Бубнов выражал сочувствие писателю в связи с увольнением его 9 февраля 1882 г. "без прошения" из Ученого комитета Министерства народного просвещения под предлогом "несовместимости" литературной деятельности с государственной службой[13]. "Впрочем, надо сказать,— заключал Бубнов письмо от 29 марта 1883 г.,— постигшая Вас опала имеет результаты чисто материальные, что, конечно, очень немаловажно. В нравственном же отношении это лишняя светлая страница в Вашей биографии" (п. 2, 51). Это письмо обращает на себя внимание еще и тем, что в нем выражено мировоззрение недавно окончившего Петербургский университет двадцатичетырехлетнего Бубнова. Его возмущали выступления против правительства "толп рабочих, горланивших на улицах Марсельезу" (п. 2, 51).

И, наконец, в последнем письме от 25 сентября 1891 г. уже из Киева в Петербург экстраординарный профессор Бубнов сообщал Лескову, что он устроился на жительство в Киеве в доме матери на Подоле, что прочитал в университете 11 сентября свою первую лекцию и что братья (Михаил и Борис) и мама произвели на него в общем хорошее впечатление. В конце он писал, что на днях все они вместе навестили Алексея Семеновича, о чем обещал детально рассказать уже в следующем письме (п. 4, 240). Но больше никаких писем Бубнова к Лескову в ЦГИА Украины не обнаружено[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письма разложены по годам и подшиты в четыре папки в следующем порядке: 1. Письма 1865—1881 гг. (№№ 1—106); 2. 1882—1883 гг. (№№ 107—163); 3. 1884 г. (№№ 164—256); 4. 1885—1893 гг. (№№ 257—383) // *ЦГИА* Украины. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 62 (1-я папка), 63 (2-я папка), 64 (3-я папка), 65 (4-я папка). Далее при цитировании писем в скобках указаны номера папок (перед ними стоит буква "П"), затем — номера архивных листов.

[2] Горничная Лескова.

[3] В воспоминаниях А.Н.Лескова она описана довольно сдержанно. Хочется, однако, обратить внимание, что в первоначальном варианте его книги отзыв о Е.С.Бубновой был несколько иным. Об этом 28 декабря 1967 г. Анна Ивановна Лескова (вдова Андрея Николаевича) писала автору настоящего сообщения: «Вспомнила я беседу Андрея Николаевича с Л.П.Гроссманом в Москве. Последнему были даны для прочтения главы из восстанавливаемой книги Андрея Николаевича. Леонид Петрович в восторге говорил между прочим: "Вы, Андрей Николаевич, написали образ вашей матушки такими нежными акварельными красками <...> Чудесный образ!" Такой отзыв насторожил Андрея Николаевича, и он переделал написанное другими красками, более жесткими <...>».

[4] *ЦГИА* Украины. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 51.

[5] Брат Е.С.Бубновой.

[6] Там же. Л. 44.

[7] Косвенное подтверждение этому, думается, заключено в следующем отрывке из письма Анны Ивановны Лесковой к автору настоящего сообщения от 9 ноября 1968 г. «Ваше предложение написать что-либо об Екатерине Степановне охотно выполнила бы, но у меня нет ничего ни в памяти, ни в архиве Андрея Николаевича, ничего, кроме того, что им написано в книге.

Андрей Николаевич жил с матерью до десяти лет, а затем — она в Киеве, он в Петербурге. Встречи краткие и редкие. У Андрея Николаевича остался в душе горький осадок оттого, что она оставила его, ребенка еще, зная тяжкий характер Николая Семеновича, с отцом. На вопрос его как-то, почему она отдала его отцу, ответила: "Думала, что тебе с ним будет лучше". Думаю, что это "лучше" относится к отношениям братьев и сестры Бубновых к Андрею Николаевичу как неродному. Они (Бубновы) были очень, как бы сказать, материалистичны, что ли, и не прощали матери расходов на Андрея Николаевича. Словом, ревниво оберегали материнское добро, из-за подарка Андрею Николаевичу бывали бури, особенно со стороны дочери и брата Михаила. На это намекал мне Андрей Николаевич.

В конце жизни Екатерина Степановна была как-то подавлена, пассивна, в полной подчиненности Бубновым».

[8] О Матильде Маркези см. выше в предисловии Вильяма Эджертона к воспоминаниям Н.М.Бубнова.

[9] Среди писем Бубнова сохранилось одно любопытное письмо (от 13 декабря 1872 г.) служанки Лескова Паши, адресованное уехавшей на некоторое время в Киев Е.С.Бубновой, в котором она жалуется на трудности с приготовлением обедов: "Николай Семенович редко бывает в хорошем расположении духа, сильно сердится, когда я прихожу спрашивать, что готовить на обед, иногда скажет, иногда просит выйти. Жаркое из говядины не позволяет делать, суп с кореньем и крупами тоже не позволяет. Кашу приказывает делать каждую субботу. Готовим два блюда, пирожное беру в булочной" (п. 1, 19—20).

[10] О Варе Долиной см.: *Алексина Р.* "Она — мне родная стала" // Литературная Россия. 1979. 5 мая. См. также далее примеч. 6 к письму Лескова к Т.Л.Толстой от 22 июля 1893 г. Екатерина Антоновна *Кукк* (1854—1935 или 1936) — горничная Лескова.

[11] Приведенные письма позволяют пересмотреть предложенную А.А.Шелаевой дату разрыва Лескова с Е.А.Кукк, а также уточнить обстоятельства ее ухода от писателя (ср.: *Шелаева А.А.* История воспитанницы Н.С.Лескова Вари Долиной по его письмам к ее матери Е.А.Кукк // *РЛ.* 1991. № 3. С. 104—105).

[12] О работе Лескова над этим романом см. в наст. т. (книга первая) статью Н.Н.Старыгиной "Творчество Лескова в 1880—1890-е годы. Неосуществленные замыслы"

[13] См. выше примеч. 12 к воспоминаниям Н.М.Бубнова.

[14] Нами сделана только первая попытка выборочного прочтения писем Бубнова. В *ЦГИА* Украины хранится также 65 фотографий Н.М.Бубнова, членов его семьи, родственников и знакомых. Среди этих фотографий есть лишь один портрет Лескова и только одно фото Е.С.Бубновой. Есть также фотографии душеприказчика Лескова З.А.Макшеева и брата Бубнова — М.М.Бубнова.

В заключение приведу некоторые сведения о деятельности Бубнова в Киеве, после его отъезда из Петербурга в 1891 г.

Продолжая исследования о Герберте как ученом (см. об этом выше предисловие Вильяма Эджертона к воспоминаниям Бубнова), Бубнов написал несколько трудов по истории науки в Европе: "Арифметическая самостоятельность европейской культуры. Культурно-исторический очерк" (Киев, 1908); "Происхождение и история наших цифр. Палеографическая попытка" (Киев, 1908); "Подлинное сочинение Герберта об абаке, или Система элементарной арифметики классической древности. Филологическое исследование в области истории математики" (Киев, 1911; работа посвящена "памяти известного писателя Николая Семеновича Лескова"); "Древний абак — колыбель современной арифметики", вып. 1 (Киев, 1912); "Абак и Боэций. Лотарингский научный подлог XI века" (Пг., 1915). Бубнов не только приводил в систему арифметические познания Герберта, но и пытался доказать, что цифры, употреблявшиеся Гербертом и его современниками, заимствованы не у арабов, а были известны еще классической древности. Любопытна и небольшая брошюра Бубнова, изданная в Киеве в 1913 г. на русском языке с параллельным текстом на французском — "Ученые права русского языка. В защиту равноправия русского языка на международных исторических конгрессах".

Последняя публикация Бубнова в России — брошюра "Сага о правой профессуре университета св. Владимира" (Киев, 1917). Эта брошюра явилась ответом на широкий резонанс, который получили неприглядные поступки одного из профессоров историко-филологического факультета Сташевского (инициалы в брошюре не указаны), "позволившего себе,— по словам Бубнова,— брать из московских архивов документы на дом, увезшего некоторые из них из Москвы и возвратившего их по требованию администрации архивов после обнаружения исчезновения одного из них" (с. 4). Этот факт обсуждался на страницах более двух десятков газет. Бубнова задело то, что некоторые газеты характеризовали Сташевского как представителя "правой профессуры" университета и в числе его защитников назвали декана Бубнова, относя последнего к людям "правых" убеждений. Бубнов доказывал, что Сташевского поддерживал лишь один довольно влиятельный профессор университета — Довнар-Запольский, которого, как писал Бубнов, молва называет "левым". Это стремление оградить всех "правых профессоров" в истории со Сташевским и выставить в качестве виновного только одного "принадлежащего к левым" Довнар-Запольского сводит на нет заявление автора брошюры о том, что сам он стоит в стороне от всякого рода партий.

ЛЕСКОВ И СЕМЬЯ ТОЛСТОГО

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Вступительная статья С.А.Розановой
Публикации и комментарии В.Н.Абросимовой, К.П.Богаевской
О.А.Голиненко, С.П.Шестерикова , Б.М.Шумовой

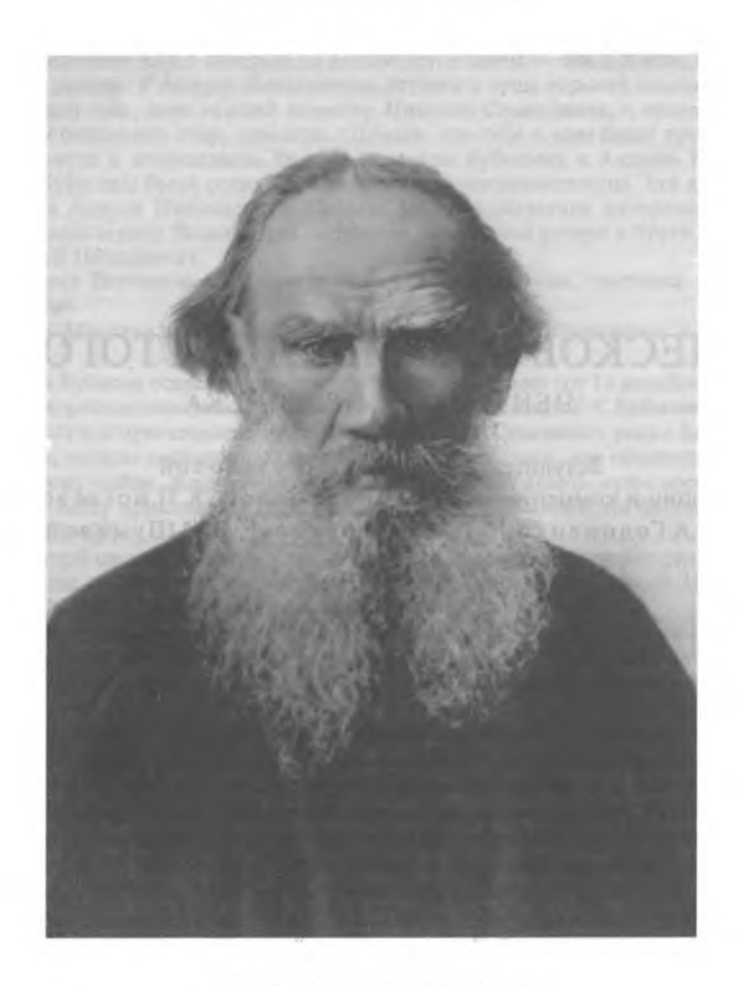
I. ЛЕСКОВ И ТОЛСТОЙ

Задолго до личного знакомства Толстой занял особое, очень значительное место в духовной жизни Лескова.

Перешагнув в апреле 1887 г. порог хамовнического дома, Лесков исполнил давнее "горячее желание" познакомиться с Толстым еще "в этом существовании" В конце 1884 г. он признался Суворину: "Я люблю и почитаю этого писателя и слежу за его делом страстно" (XI, 301). И действительно следил пристально и неустанно, не пропуская ничего из того, что публиковалось Толстым в журналах, газетах, распространялось в списках, гектографированных копиях, выходило отдельными изданиями в России и за рубежом. Столь же внимательно следил он за реакцией критики почти на каждое сочинение Толстого и откликался обстоятельными статьями, рецензиями, репликами.

Первое из этих выступлений Лескова — его "отчет" о выходе в свет пятого тома "Войны и мира" (соответствует главам I-XVII последнего тома в четырехтомных изданиях): «долгожданного, "самого военного", следовательно, и самого исторического тома» (статья "Герои Отечественной войны по графу Л.Н.Толстому"; 1869). Лесков предупреждал читателя, что не намерен разбирать роман как явление искусства и ограничивается общей оценкой произведения, отметив, что создано "прекрасное сочинение": "...на всяком шагу попадаются сцены, чарующие своею прелестью, художественною правдою и простотою", сцена же смерти князя Андрея "выше всяких похвал" (X, 98).

Свои суждения такого рода Лесков подтверждал фрагментами толстовского повествования. Его внимание сосредоточено на исторических и теоретических главах, ему особенно близких, но встретивших суровую отповедь со стороны критиков, участников и свидетелей "грозы 12-го года". Лесков полностью принимал толстовскую философию истории, подчеркивая правдивость изображения боевых эпизодов, действующих лиц, их роли в "войне" и "мире". "Россию действительно спасли не геройство полководцев, не планы мудрых правителей,— писал Лесков,— а та органическая сила, которая была тверда в фельдмаршале, в солдатах, во всем народе". Лесков соглашался с одним из принципиально важных толстовских положений, вызвавших протест историков, публицистов, да и самих "героев" о том, что "*событиями* управляют не главнокомандующие, не диспозиции, а нечто совершенно другое" (X, 103—104). Толстовская "мысль народная", о решающей роли "духа народа", "таинственных струй" в исходе войны была Лескову в высшей степени созвучна. Был он согласен и с толстовской трактовкой "героев Отечественной войны" — их характеров, поступков, побуждений и помыслов. По его мнению, успех автора объясняется тем, что он очертил "многие исторические лица не карандашом казенного историка, а свободною рукою правдивого и чуткого художника" (X, 137). Поэтому столь выразительны, полноценны образы геро-

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Фотография фирмы "Шерер, Набгольц и К°". Москва. 1896 год

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

ев, имевших реальные прототипы. "Войну и мир" Лесков назвал "лучшим историческим романом". И значительно позднее — в споре с Милюковым, отрицавшим вообще понятие "незримого *духа* народа",— Лесков сослался на "графа Льва Толстого", который о нем «говорит всех смелее <...> и всех лучше <...> в "Войне и мире"» (X, 425).

От завершающего тома "великой книги" Лесков получил ясное и сильное впечатление и писал о могучей духовной и нравственной силе Толстого, о его бескомпромиссности и абсолютной независимости от суда людского. В своих "Русских общественных заметках" (Биржевые ведомости. 1869, 1 сент., 14 дек.) он противопоставил Льва Толстого литераторам, подвластным критике и идущим на любые уступки: «...перед всеми нами в последний год вырос и возвысился до незнакомой нам доселе величины автор "Детства и отрочества", и он являет нам в своем последнем прославившем его сочинении, в "Войне и мире", не только громадный талант, ум и душу, но и (что в наш просвещенный век всего реже) большой, достойный почтения характер», который, несмотря на брань и ложные обвинения, "в следующей <...> книжке опять остается тем же, чем был и чем сам себя самому себе представляет, конечно, вернее всех направленских критиков и присяжных ценовщиков литературного базара. Это ход большого, поставленного на твердые ноги и крепко подкованного коня" (X, 90).

Естественно, что Лесков в последующие годы ждал от Толстого новых свершений. Весть о том, что в Ясной Поляне подготовлена рукопись для "Русского вестника", живо его заинтересовала: хотелось знать, правда ли это и сложатся ли деловые контакты с Катковым, с которым Лесков сам к тому времени порвал. За разъяснениями писатель обратился к И.С.Аксакову: "Менгден вчера говорила кн. Щербатовой, а та мне, будто гр. Л.Н. опять взял роман от Каткова? Чрезвычайно любопытно: неужто это взаправду так?" (X, 375).

Сообщение баронессы Е.И.Менгден, короткой знакомой Толстого, посещавшей Ясную Поляну, оказалось ложным. И вскоре Лесков смог прочитать в двух первых номерах катковского журнала за 1875 г. всю первую и начало второй части "Анны Карениной", понять, что графом Толстым создано произведение выдающееся. Аксакову 23 марта 1875 г. он об этом писал так: "Я считаю это произведение весьма высоким и просто как бы делающим эпоху в романе" (X, 389). Правда, при этом Лесков, не будучи знакомым еще со всем романом, нашел недостаток: «...так называемая "любовная интрига" как будто не развита...» (X, 389). Однако это "не более как пылинка на картине, исполненной невыразимой прелести изображения жизни современной, но не тенденциозной <...>" (X, 389). Лесков явно был захвачен романом, о чем свидетельствует радостное сообщение Аксакову: «"Русский вестник" с продолжением "Анны Карениной" только сейчас получил, и я сию же минуту приступаю к долгожданному наслаждению» (X, 394). Лесков не обманулся в своих ожиданиях: "третий кус" романа (т.е. вся вторая часть, начиная с XI главы) оказался, по словам писателя, "столь же хорош, как и первые два" (X, 395).

Лескову предстояло еще освоить обширное романное пространство, пронизанное "мыслью семейной" и запечатлевшее состояние России на крутом переломе истории. Но обо всем этом он умолчал, нигде не зафиксировав своего восприятия следующих "кусов" романа. Только из взволнованного (написанного в ночь на 7 марта 1877 г.) письма к Достоевскому уясняется взгляд Лескова на толстовскую философию жизни, на его положительные идеалы. Достоевский в февральском выпуске "Дневника писателя" за 1877 г. посвятил "Анне Карениной" статью "Злоба дня", где он обрисовал два типа помещиков: Стиву Облонского, который "сознательно хочет оставаться негодяем, потому что ему жирно и хорошо", и Константина Левина, который приходит к убеждению, что он "*должен* разделить <...> имение бедным и пойти работать на них"[1]. Прочитав статью Достоевского, Лесков послал ему сердечное и благодарное письмо: «Сказанное по поводу "негодяя Стивы" и "чистого сердцем Левина" так хорошо,— чисто, благородно, умно и прозорливо, что я не могу удержаться от потребности сказать Вам горячее спасибо и душевный привет. Дух Ваш прекрасен,— иначе он не разобрал бы этого *так*. Это анализ *умной души,* а не головы» (X, 449).

"Анна Каренина" появилась в ту пору, когда Лесков размышлял о природе романного жанра, которому и сам отдавал дань. Свою "точку зрения" он изложил в письме к Ф.И.Буслаеву от 1 июня 1877 г.: «Писатель <...> затевая ткань романа <...> должен быть еще и мыслитель, должен показать живые создания своей фантазии в отношении их к данному времени, среде и состоянию науки, искусства и весьма часто политики <...> у романа <...> написанного настоящим образом, по настоящим понятиям о произведении этого рода, не может быть отнято некоторое,— не скажу "поучительное", а толковое, разъясняющее смысл значение». Тут же Лесков отмечал, что для этого не нужна «та мерзость, которая называется "направлением", или "тенденциею"» и "роману нет нужды насильственно придавать *служебного* значения, но оно должно быть в нем как органическое качество его сущности" (X, 450—451). Шедевр толстовской прозы укрепил убеждение Лескова, что та концепция, которой он придерживается в своем творчестве, осуществима и справедлива.

В начале 1880-х годов в отношении Лескова к Толстому произошел поворот в сторону личного, творческого и духовного сближения. Религиозно-философские трактаты "Исповедь", "В чем моя вера?", народные рассказы открыли ему мыслителя, с которым у него оказалось поразительно много общего. И тот и другой отвергали современное общество за его аморальность, низменность интересов, своекорыстие, стяжательство, а главное — жестокость, равнодушие к страждущим и обремененным, "зверство" и "дикость" Оба они не признавали официальную церковь и догматическое богосло-

вие. Подобно "яснополянскому мудрецу", Лесков ратовал за "очеловечивание евангельского учения" (XI, 456), а редактора религиозного журнала "Русский рабочий" наставлял: "...издание надо вести <...> только в духе христианском, не вдаваясь ни в какую церковность <...>" (X, 463). Суворина он уверял: "У нас византиизм, а не христианство <...>" (XI, 287). Во многих его романах и повестях ставилась задача "расчистки навоза, накопившегося у дверей храма" (X, 456). Последние сочинения Льва Толстого убедили автора "Соборян", всю жизнь страдавшего от одиночества, чуждого и демократической интеллигенции и консервативным кругам, в том, что у него появился единомышленник, чьи идеалы и настроения ему в высшей степени сочувственны.

«Благодарю вас за все добро, Вами мне уясненное и открытое,— Вы мне подарили покой и уверенность в том, что "Избавитель наш жив и силен восстановить нас из худости здешнего бытия"» (XI, 496),— писал он Толстому в августе 1891 г. о том главном, что извлек из его учения. Лескова поразило и обрадовало, что в трактатах Толстого он обнаружил собственные мысли, постулаты веры, которые не были им систематизированы. Обо всем пережитом под влиянием Толстого он откровенно признался в письме от 4 января 1893 г.: «Вы знаете, какое Вы мне сделали добро: я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры и начал писать о религиозных людях <...> но я все путался и довольствовался тем, что "разгребаю сор у святилища" <...> я *сам* подходил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою я все боялся, что это ошибка, потому что хотя у меня светилось в сознании то же самое, что я узнал у Вас, но у меня все было в хаосе — смутно и неясно, и я на себя не полагался; а когда услыхал Ваши разъяснения, логичные и сильные,— я все понял, будто как "припомнив", и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал у Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами» (XI, 519).

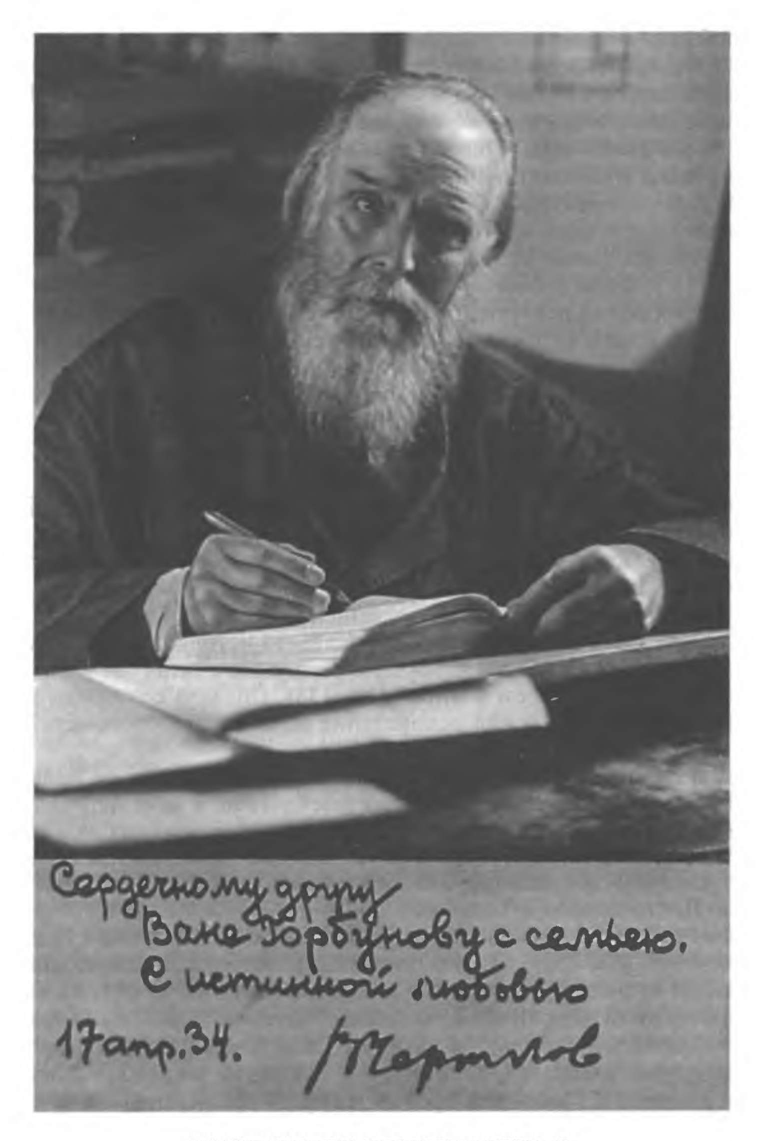
Лесков не раз подчеркивал влияние Толстого на его духовную биографию. Вместе с тем в переписке Лескова с другими корреспондентами обнаруживается независимость работы его собственной мысли, двигавшейся в том же направлении, но не завершившейся целостным учением. 12 ноября 1893 г. он писал Меньшикову: «Я именно "совпал" с Толстым, а не "вовлечен" им <...> Я ему не подражал, а я *раньше* его говорил то же самое, но только не речисто, не уверенно, робко и картаво. Почуяв его огромную силу, я бросил свою плошку и пошел за его фонарем. Я "совпал", а продолжать об этом *устал*»[2]. Суворину с явным вызовом он заявил: "...никогда не бываю его рабом <...>" (XI, 326).

Разумеется, трудно себе представить, чтобы художник громадного таланта, мощного интеллекта, сильного характера способен был стать "рабом", покорно внемлющим каждому слову Толстого. На самом деле он не бросил свою "плошку", и его "совпадение" с Толстым не было абсолютным, о чем свидетельствуют его многочисленные статьи, появившиеся в 1880-е годы. В этой лесковской толстовиане не найти ни апологии, ни полного согласия с Толстым.

От Толстого это обстоятельство не укрылось. Он говорил Фаресову о Лескове: "Его привязанность ко мне была трогательна и выражалась она во всем, что до меня касалось. Но когда говорят, что Лесков слепой мой последователь, то это неверно: он последователь, но не слепой <...> Он давно шел в том же направлении, в каком теперь и я иду. Мы встретились, и меня трогает его согласие со всеми моими взглядами"[3].

Лесков так объяснил смысл своей весьма активной публицистической деятельности, посвященной приобретавшему все более громкое имя религиозному мыслителю: "Именно по тому уважению, какое я питаю к графу Л.Н.Толстому как к великому писателю моей родины, я не в силах отрывать от него своего внимания и не могу не отмечать того, что в суждениях о нем отзывается крайнею несправедливостью и пристрастием. Особенно досадительным кажется, когда в толкованиях идей этого писателя — главное, или по крайней мере более значительное, как бы умышленно заслоняется идеями низшего порядка и меньшего значения" (XI, 135). Очевидно, что для Лескова главное — это "идеи" учителя, о них ведет он речь в своих статьях.

Лесковскую толстовиану 1880-х годов открыл полемический диалог с К.Н.Леонтьевым. Он касался одной из фундаментальных в учении Толстого идей. Леонтьев издал брошюру "Наши новые христиане", в которой уличал автора рассказа "Чем люди живы" в искажении христианства, в проповеди "розового и сентиментального христианства, религии любви" — т.е. ереси, ибо, по его мнению, "начало премудрости (т.е.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕРТКОВ

Фотография с дарственной надписью:
"Сердечному другу Ване Горбунову с семьею. С истинной любовью. 17 апр. 34. В.Чертков"

Москва. 1934 год

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

настоящей веры) есть *страх*, а любовь только *плод*"[4]. Лесков ответил статьей "Граф Л.Н.Толстой и Ф.М.Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви)" (Новости и Биржевая газета. 1883. 1, 4 апр.), где, ссылаясь на заповеди Нового Завета и на послания отцов церкви, опровергал Леонтьева и доказывал: мысль Толстого, что «люди живы "не заботой о себе, а любовью"»,— подлинно христианская. В данном случае Лесков совершил мужественный поступок, приняв сторону мыслителя, к которому власти относились подозрительно, и выступив против охранителя церковных устоев. Лесков понимал, на что идет, и статью эту всегда выделял среди других. "Такое отношение к делу (имеется в виду отповедь "пристрастным и несправедливым" суждениям о Толстом.— *С.Р.*) уже два раза побудило меня осмелиться выступить со своими замечаниями, которые я желал довести до ведома гг. критиков гр. Толстого. Я знал, что это не безопасно и что я могу за это потерпеть, но тем не менее я отважился. В первый раз я старался дать защитникам графа годное оружие для защиты Льва Николаевича от нападок на него со стороны г. Леонтьева. Я старался показать и показал, что Л.Н.Толстой согласен с Исааком Сириным, которым его упрекал г. Леонтьев, а что г. Леонтьев сочинений Исаака Сирина не знает. Это было сильное оружие для защиты графа <...>" (XI, 135). В ноябре 1893 г., спустя десятилетие, Лесков рассказал Меньшикову об этом эпизоде: «Если уж говорить о том, что сделано "как-никак", то я хотел бы сказать, что в этом роде и самое горячее и самое *трудное* слово было мое: статья против Константина Леонтьева (о религии страха и любви). Я имею основание об этом говорить с чистою и смелою совестью: я не молчал, но даже говорил, *не жалея себя,* и отсюда мое изгнание из Министерства народного просвещения»[5].

Когда в том или ином печатном органе предвзято истолковывали жизнепонимание Толстого, Лесков часто становился адвокатом того, кого считал "великим и даже величайшим современным писателем в мире" (XI, 135). Обладая солидным знанием богословской литературы, он разъяснял исповедание веры Толстого как истинно христианское.

Таков смысл очерка "О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о Л.Толстом" (Новости и Биржевая газета. 1886. 4 и 14 июня). Это был ответ Лескова на оживленные дебаты в прессе об одном из действующих лиц "Смерти Ивана Ильича" — кухонном мужике. Лесков в своем очерке, сплавленном из личных воспоминаний о Достоевском и суждений о шедевре толстовской прозы, снова обращается к сопоставлению Достоевского и Толстого.

Достоевский говорит в лесковском очерке: "...подите к вашему куфельному мужику, и он вас научит" (XI, 152), однако писатель, по словам Лескова, унес "тайну учительного значения куфельного мужика с собою в могилу <...>" (XI, 153). Толстой сделал куфельного мужика персонажем, который "*научает жить, памятуя смерть*" (XI, 155), подобно Платону Каратаеву, сапожнику из легенды "Чем люди живы", святым старцам из народных рассказов. "...Вопрос о кухонном мужике,— заключал Лесков свой очерк, обращаясь к "умным и просвещенным" критикам,— получил свое разрешение от графа Л.Н.Толстого, и разрешение это правильно и прекрасно <...> Ничему отвлеченному, ни в политическом, ни в теологическом роде, куфельный мужик людей высшего общественного круга не научает. Он научает их только тому, что человеку следует соблюсти в себе, стоя на всех ступенях развития, и что дает всякому умственному преуспеянию и питательную почву и плодоносящий рост" (XI, 155).

"Кухонный мужик" в этом очерке сродни целому ряду совестливых правдолюбцев Лескова. Близка Лескову и толстовская трактовка бюрократического круга, суетного, тщеславного, утратившего "человечное в человеке". Лесков солидарен с толстовской оценкой изображаемого — с тем, что «над всем этим бесчувственным сонмищем высоко возвышается и величаво стоит... "куфельный мужик" <...>» (XI, 145).

Несколькими месяцами ранее, в том же 1886 г. Лесков напечатал другую программную статью в защиту учения Толстого — "Лучший богомолец" (с примечательным подзаголовком «Краткая повесть по Прологу с предисловием и послесловием о "тенденциях" гр. Л.Толстого» — Новости и Биржевая газета. 1886. 22 апр.). Поводом для этого выступления послужило то обстоятельство, что народные рассказы Толстого оказались тенденциозно интерпретированными защитниками православия, обвинявшими писателя в незнании богословия. Лескову, как и в полемике с Леонтьевым, пришлось, опираясь на первоисточники, отстаивать религиозное учение Толстого: "...все последние

писания графа <...> основательно и доказательно убеждают, что граф Л.Н. *знает богословские науки*" (XI, 101). Лесков доказывал, кроме того, что Толстой черпал сюжеты для своих притч, легенд и рассказов из Пролога. Толстовская проповедь смиренной, кроткой, незлобивой жизни соответствует, по мысли Лескова, "духу" Пролога: «...рука устанет выписывать, сколько в Прологах есть повестей с этим "направлением", которое сходно с направлением народных рассказов гр. Льва Толстого, и напрасно вменяется ему во злое намерение показать, что люди собственными их силами в самой скромной доле могут устроить свою жизнь так, что она станет боголюбезною» (XI, 112).

Однако Лесков не только защищал Толстого от нападок, но и спорил с ним, вступая иногда в публичную полемику. В.Г.Черткову на этот счет он писал 4 ноября 1887 г.: "О Л<ьве> Н<иколаеви>че мне все дорого и все несказанно интересно. Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его",— но тут же добавил: "Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума" (XI, 356). Как выяснилось, не мог Лесков разделять весьма существенные положения толстовской религиозно-нравственной философии.

Провозглашенный Толстым принцип непротивления злу насилием вызвал резко отрицательную реакцию в печати: писателя обвиняли "в потворстве злу", опасному для общества. Лесков откликнулся на эти выпады в адрес Толстого статьей "О рожне. Увет сынам противления" (Новое время. 1886. 4 ноября), в которой высказал сложное отношение к этой проблеме. С одной стороны, он был уверен, что "у Толстого есть противление злу и даже есть программа, как вести сопротивление с надеждой дать добру верх над злом" Это программа нравственного совершенствования ("укрепить в добре, согреть любовью"), которая, однако, далеко не всегда действенна. Поэтому, с другой стороны, у Лескова нашлись доводы и возражения против толстовского положения о победе непротивления над злом: "...я думаю, что есть случаи, когда человек не может оставаться человеком, не оказав самого быстрого и самого сильного сопротивления злу. И он должен оказать это противление, не чистясь и не приготовляясь, а именно *такой, какой есть*<...>". Лесков сознавал, что он лишь коснулся этой жгучей социальной и моральной проблемы, и свое выступление закончил предложением: «Умным людям еще предлежит понять, что у Толстого "противление злу" *есть*, а затем им предлежит раскрыть и показать обществу, что в толстовском методе противления верно, а что в нем спорно, сомнительно и подлежит поправке»[6].

Не принимал Лесков и толстовского решения женского вопроса, его взгляда на отношения полов, брака и семьи. Задуманный им ответ писателю первоначально назывался "О женских способностях и о противлении злу", затем статья получила иное название — "Загробный свидетель за женщин. Наблюдения, опыты и заметки Н.И.Пирогова, изложенные в письме к баронессе Э.Ф.Раден" (Исторический вестник. 1886. № 11). Здесь ясно звучат противотолстовские настроения. Предваряя отправку рукописи редактору журнала С.Н.Шубинскому, Лесков аттестовал ее так: "Это статья в высшей степени интересная в историческом и философском смысле, имеющая живое отношение к вопросам о женщинах и о противлении злу, которые коверкает юродственно Толстой" (XI, 317). Утверждая свой взгляд на положение женщины в обществе, ее права на образование, на труд, на равенство с мужчиной, на семейное счастье, Лесков опирался на письмо известного врача Н.И.Пирогова к баронессе Э.Ф.Раден. "Воззрения Пирогова, конечно, противоположны воззрениям Толстого и уничтожают сии последние и умом и серьезностью <...>" (XI, 317),— так раскрыл он Шубинскому смысл своей статьи, где сам как бы устранялся от полемики с Толстым, возложив ее на "загробного свидетеля". В следующем письме к Шубинскому он вновь подчеркивал значимость своего замысла: «Статья, которую я Вам сдал (о Пирогове), есть, по моему мнению, не только любопытная и современная, но и драгоценная для "исторического" журнала. Это перл пироговской задушевности. И кого, как не его одного, можно поставить в упор против учительных бредней Л.Н.Толстого» (XI, 319).

Пожалуй, в таком резком тоне Лесков никогда в дальнейшем не высказывался о писателе. Но расхождения, наметившиеся в 1886 г., лишь углублялись. В письме к М.О.Меньшикову от 11 июня 1893 г. Лесков в связи с "Крейцеровой сонатой" вновь затрагивал женскую тему: «...мне <...> "кривинкою" кажется то, что касается отноше-

ния полов — брака, чадорождения и проч., к сему подходящего. Здесь я чувствую какую-то резкую несогласимость с законами природы и с очевидною потребностью для множества душ явиться на земле и проявить себя в исполнении воли Творца. Тут я Л<ьва> Н<иколаеви>ча не понимаю и отношу его учение к крайностям его кипучего, страстного духа, широкого в своих реяниях во все стороны <...>»[7].

В 1890 г. Лесков написал свой вариант “Крейцеровой сонаты” — «Рассказ кстати. (По поводу “Крейцеровой сонаты”») (опубликован после смерти писателя: Нива. 1899. № 30), где мягко спорил с Толстым, принимая, однако, ту мысль, которую цитировал в качестве эпиграфа: “Всякая девушка нравственно выше мужчины, потому что несравненно его чище <...> Она выше его и девушкой, и становясь женщиной в нашем быту” (IX, 32).

Лесков в этом очерке повторил коллизию “Крейцеровой сонаты”, но с несомненной ориентацией на “Анну Каренину” — каренинский тип мужа, жена изменница и ее самоубийство (исполняется как будто евангельское слово “Мне отмщение и аз воздам” — неожиданная гибель героини и ее сына). Однако превалирует и накладывает отпечаток на всю атмосферу “рассказа кстати” другая мысль, оправдывающая героиню, чью исповедь автор выслушивает с пониманием, снисходительно и без осуждения: “...если женщина такой же совершенно человек, как мужчина, такой же равноправный член общества и ей доступны все те же самые ощущения, то человеческое чувство, которое доступно мужчине <...> — то почему мужчина, нарушивший завет целомудрия перед женщиной, которой он обязан верностью, молчит, молчит об этом, чувствуя свой проступок, иногда успевает загладить недостоинство своих увлечений, то почему же это самое не может сделать женщина? Я уверен, что она это может” (IX, 39). Толстой мыслил иначе: для него плоть, материальная субстанция человека, чувственная любовь — сила страшная, разрушительная.

Лесков не всегда принимал и поступки Льва Толстого. Черткову он признался: “Где есть у него слабости,— там я вижу его человеческое несовершенство и удивляюсь, как он редко ошибается, и то не в главном, а в практических применениях,— что всегда изменчиво и зависит от случайностей” (XI, 356). Однажды, как вспоминала Л.И.Веселитская, «как-то вдоволь намолившись на Льва Николаевича, Николай Семенович сознался в том, что глубоко скорбит о том, что старик не роздал своего имения нищим: “Он должен был сделать это ради идеи. Мы были вправе ожидать этого от него. Нельзя останавливаться на полпути”»[8]. Кроме того, по мнению Лескова, Толстой проявил “слабость”, отказавшись по религиозным соображениям от исполнения обязанностей присяжного заседателя: “Он будет рад,— писал Лесков Суворину 9 октября 1883 г.,— если его позовут к суду за ересь, но этого <...> не будет. *Желание* пostраждовать ведь даже прямо выражено им в конце его предисловия к его Евангелию. Вихляется он — несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение *жизненное*, а не отвлеченное <...>” (XI, 287).

Лесков с недоверчивостью воспринимал практическую сторону толстовского учения, веру в нравственное совершенство личности, отказ от материальных благ, “опрощение” как путь к установлению справедливого и разумного общественного порядка. Увлечение толстовцев земледельческим трудом вызывало у него иронию: «В способность Бирюкова к пахоте — *не верю*. Если он пашет, то я жалею его бедную лошадь, которой сей “лепетун” подрежет сошником ноги,— иронизировал он в письме к Л.И.Веселитской 6 апреля 1894 г. — Я преглупо раздражаюсь, когда слышу их “лепетанье” о работе»[9]. Самому П.И.Бирюкову Лесков прямо писал: «С практикою других (т.е. не Л.Н.Толстого.— *С.Р.*) я в разладе: я не верю в “куркен-переверкен”, а более доверяю исторической постепенности, которую Л<ев> Н<иколаевич> указывает, например, в вопросе о смягчениях пожирания людей и животных. Придет к тому, что совестно будет убивать ручное животное, а потом — всякое животное. “Волк ляжет с ягненком” То же и об “опрощении”. Не все могут всё вдруг сделать, а только “могущий вместит”» (XI, 412). Еще в 1888 г. в письме к Черткову Лесков произнес приговор этому движению за поверхностное, чисто внешнее усвоение религиозной мысли Толстого: «Я очень уважаю Ваши чувства и симпатии и чту Льва Николаевича более всех людей, мне известных, но я не вижу ни в Вас, ни в нем желанного сочетания “голубя и змея” Все они как-то порознь, а не вместе. Я замечаю в этом течении опять преобладание теоризма, какой я видел в 60-х годах при господстве другого учения, и от практики вашей не

жду никакого прочного успеха в деле переустройства общественного житейского сознания. На практике все это уже как бы "отшумело", и начинается отлив. Я думаю, что Вы мало присматриваетесь к тому, что происходит среди людей, заинтересованных учением Льва Николаевича. Иначе Вы должны бы видеть сильное с их стороны охлаждение, а его не должно бы быть так скоро. Я опасаюсь, что все это движение не оставит даже следа и будет приравниваться к "наивным затеям" <...> Я ценю прекрасную теплоту души Вашей и знаю всю разницу Вашего настроения от жалкого настроения круга, от которого Вы удалились, но я боюсь, что эта теплота не согреет общей остуды, а сгорит, как "фальшфейер"». В конце этого большого письма Лесков предъявил счет и Толстому: "За Львом Николаевичем останется — кроме его великого таланта — благородство его духа и гениальное истолкование христианства,— им оказана людям бессмертная помощь; но в практике его есть огромная ошибка, которая сама лезет в глаза и *вредит делу*. Это и погибнет, а полезность останется в наследие ищущим света и разума"[10].

А.И.Фаресов записал слова Лескова: «Льва Николаевича Толстого люблю, а "толстовцев" — нет»[11]. Правда, в конце жизни, задумываясь над феноменом толстовства, он оказывался нередко более терпимым и снисходительным к его адептам, о чем свидетельствует, например, письмо к Веселитской от 6 апреля 1894 г.: "То, что Вы пишете о толстовцах, очень интересно. Я тоже не спускаю их с глаз и думаю, что ими можно уже заниматься, но непременно с полным отделением их от того, кто дал им имя или кличку. Я все-таки вижу в них и хорошее"[12]. Однако от своего проницательного предсказания, что со смертью Льва Николаевича "все это, вся игра в толстовство кончится; да так кончится, и вспоминать об этом никто не будет", Лесков позднее не отказался[13].

Только один раз с его уст сорвалось слово "ошибка", отнесенное к тому, "кто дал имя" движению. Как правило, Толстой неизменно оставался для Лескова "святыней <...> священником Бога живого, облекающимся правдою", не несущим ответственность духовную и моральную за "практику"[14].

Лесков познакомился с толстовцами, точнее с В.Г.Чертковым, П.И.Бирюковым и И.И.Горбуновым-Посадовым, во второй половине 1880-х годов, став по их инициативе сотрудником "Посредника" Поначалу "нелюбви" ни к кому из них писатель не испытывал. Наоборот, некоторым, особенно Черткову, он искренне симпатизировал, охотно передавал ему для издания в "Посреднике" свои рассказы и легенды, называл его в письмах "милым другом", объясняя истоки своей приязни к нему и его жене общим преклонением перед Толстым: "...люблю и чту в единомыслии с Вами человека, дух которого светит нам и ведет нас" (XI, 355).

Чертков осуществлял живую связь между Петербургом и Ясной Поляной, снабжая, в частности, столичного писателя запрещенными сочинениями Толстого. Лесков бывал на "средах" Чертковых, присутствовал на чтении "Крейцеровой сонаты", предполагал сам читать в их доме "Скомороха Памфалона": "...люблю таких слушателей, как Вы и Анна Константиновна <...> Слушатель нужен не литератор, а человек, верно чувствующий и определенно направленный" (XI, 328). Ему приятно было посещать эту семью — людей, близких ему по убеждениям: "Дух, которым водимся и дышим, дозволяет нам общение живое и отрадное" (XI, 328). В 1889 г. в письме к Суворину Лесков характеризовал Черткова как "человека <...> искреннего, тихого, но очень сильного и твердого характера,— немножко фанатика. Личность очень достойная" (XI, 448).

Был расположен Лесков и к Бирюкову, обменивался с ним письмами, решал с ним издательские вопросы, а в заметке "О хождении Штанделя по Ясной Поляне" (Новое время. 1888. 28 окт.) защитил своего "доброго и правдивого приятеля" Павла Ивановича Бирюкова от инсинуаций (см.: XI, 198).

Однако хорошие отношения Лескова с толстовцами примерно с конца 1888 г. начали омрачаться, появились признаки несогласия. В апреле 1889 г. в письме к Черткову Лесков высказал недовольство практикой "Посредника": "В издательстве заметен упадок, и значение фирмы подорвано" (XI, 425). Писателя возмутили отступление "Посредника" от просветительской миссии, тенденция к коммерческим интересам, и свой гнев он излил в письме Бирюкову: "Дело, поставленное в такое неясное и двусмысленное положение, не внушает мне более ни сочувствия, ни доверия к прямоте и ясности целей, преследуемых его сокрывшимися и стушевавшимися руковождями <...>" В

итоге Лесков принял решение о прекращении сотрудничества с "Посредником": ...я считаю себя вынужденным от него отстать и более не буду давать моего согласия на издание моих сочинений бесплатно" (XI, 432). Известил он и Толстого о своем отношении к деятельности издательства: «"Посредник" в великом запущении, и для чего это низведено в такое состояние,— об этом нельзя перестать жалеть» (XI, 478).

Ситуация осложнилась конфликтом между Лесковым и Чертковым, причина которого недостаточно прояснена. "За что-то", сообщал писатель Толстому, Чертков "взял" его "в немилость" (XI, 478): «Смотрите — здоров ли Ч<ертков>? Или, лучше сказать: не больнее ли он, чем это кажется? Его поступки в дороге со мною и с Ге, а потом здесь с другими, и переписка теперешняя о "суррогате" заставляют быть к нему крайне внимательным. Он производит впечатление подстреленной птицы, которой не знаешь чем помочь» (XI, 478).

Свою версию происшедшего изложил и Чертков в письме к Толстому: "Он просто меня не понял и потому, кажется, не совсем поверил моему объяснению. А я ошибся в том, что, будучи в возбужденном состоянии, неосторожно наговорил ему такого, чего он не понял и объяснил себе превратно. Вышло то, что я его оттолкнул от себя. И как мне ни больно и ни жаль, но поделом мне"[15]. Лесков решительно прекратил дружеские контакты: "Личные наши отношения, к сожалению, должны оставаться в том положении, в которое благоразумие заставило заключить их ввиду Вашей противуобщественной склонности к подозрительности. Я не имею к Вам никакой неприязни, но возможность прежнего, задушевного общения у меня отнята <...>" (XI, 479). Толстой в этом конфликте ни одну из сторон не поддержал.

Время смягчило гнев Лескова, и он откликнулся на попытку А.К.Чертковой примирить противников: "...никакой неприязни к Вл<адимиру> Гр<игорьевичу> я не питаю, а, напротив, люблю его и находил бы удовольствие с ним видеться и беседовать <...> я усердно прошу его навестить меня, и, я надеюсь, мы с ним встретимся братски" (XI, 576).

Однако тогда, в апреле 1887 г., когда произошла первая встреча доселе незнакомых российских писателей, Лесков был преисполнен чувства благодарности Черткову и Бирюкову (инициаторам этой встречи) и безмерной признательности тому, кто утвердил его "в вере" Толстого посетил собрат по перу, прочитавший едва ли не все им написанное и к тому же неоднократно выступавший публично в его поддержку. Для хозяина дома приход к нему Лескова тоже, вероятно, был важен. Ведь он не менее Лескова страдал от одиночества, от того, что почти все писатели-современники превозносили его талант художника и крайне неодобрительно (вспомним И.С.Тургенева, А.А.Фета, В.Г.Короленко) воспринимали его "уход" от искусства, увлечение религиозно-нравственными проблемами, обоснованием христианского жизнепонимания. И наконец круг его одиночества разомкнулся: один из самых крупных мастеров слова не только не отверг его "ереси", но заявил о своем "единомыслии" и полном сочувствии его "настроению" Конечно, это не было для Толстого откровением, наслышан он был о Лескове от руководителей "Посредника" и, возможно, от А.С.Суворина: "Ал<ексей> Серг<еевич> был у него (у Толстого.— *С.Р.*) за день ранее меня и меня помянул там...",— сообщил Лесков С.Н.Шубинскому 29 апреля 1887 г. (XI, 346).

Имя Лескова впервые встречается в письмах Толстого в начале 1887 г. — за несколько месяцев до их личного знакомства — в связи с планом издания лесковской легенды "Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине" Текст легенды прислал Толстому Чертков в январе 1887 г. со своим редакторским заключением: «Посылаю вам еще рассказ Лескова, писанный для нас. Несмотря на отвратительный лесковский слог, мне кажется, что первая часть этого рассказа очень содержательна в хорошем смысле и что если цензура разрешит, то это было бы ценным нужным вкладом в издания "Посредника" <...> Конец рассказа о займе денег, неудачах купца-христианина, запрятывание денег в седле — мне представляется вполне ненужным, скучным и натянутым. Если нужно сказать, что еврей помог христианину, то достаточно это сказать в нескольких словах. Лескову не хочется выпускать конца, но он на это согласится, если мы иначе не возьмем»[16]. Претензии Черткова не были приняты Толстым: "Статья Лескова, кроме языка, в к<отором> чувствуется искусственность, превосходна. И по мне, ничего в ней изменять не надо, а все средства употребить, чтобы ее напечатать у нас как есть. Это превосходная вещь"[17]. Вскоре, однако, под влиянием Черткова Толстой заколебался: "Ваше письмо Лескову одобряю и понимаю. Так, как

Вы пишете, лучше, но и то хорошо"[18]. Принципиальный автор "Сказания..." был непоколебим и написал издателю: «"О Федоре и Абраме" я не совсем с Вами согласен и боюсь, что Вы не правее меня» (XI, 328). Спор решил запрет цензуры.

Судя по дневниковой помете, в середине марта 1887 г. Толстой прочитал "Скомороха Памфалона", а еще ранее, возможно, и легенду "Христос в гостях у мужика", выпущенную "Посредником" в 1885 г. Остается неясным, доходили ли в Ясную Поляну петербургские газеты со статьями Лескова, посвященными Толстому.

К сожалению, ни хозяин дома, ни его гость не оставили свидетельств об их первом свидании. Сыну Лескова запомнилось, что "рассказам о вынесенных впечатлениях не было конца", но "они, как ни досадно, забылись"[19]. До нас дошли лишь фрагменты их разговора. По свидетельству Лескова, «Л.Н.Толстой говорил о "Памфалоне" с похвалою самою теплою. Очень, очень его одобряет» (XI, 346). А от Толстого, точнее, от записавшего его слова Д.П.Маковицкого, знаем, что его посетитель говорил про "Петербургскую газету": "Плохая, лакейская газета, но очень распространенная"[20]. Толстому открылась тогда уникальная индивидуальность Лескова: "Какой умный и оригинальный человек"[21],— так он аттестовал нового знакомого в послании Черткову.

Неудивительно, что после личной встречи у Толстого возникла потребность включить сочинения этого "оригинального" человека в свой "Круг чтения" Тот, в свою очередь, понял, что теперь есть к кому обращаться за "указаниями", просить "пособить <...> литературной нужде". Между ними завязался длившийся свыше семи лет эпистолярный диалог, затрагивавший целый спектр проблем — писательских, эстетических, религиозных, нравственных, общественных, издательских и просто житейских. Конечно, главный предмет этого заочного разговора — их труды, осуществленные, начатые и задуманные, попавшие в печать и запрещенные, замечания, отзывы, разборы.

В утраченном письме Толстого к Лескову (известном нам по лесковскому пересказу в письме к Суворину) дана высокая оценка "Прекрасной Азе": «Он (как и Вы) пишет, что "ставит Азу выше всего", и дальше другие похвалы, о которых говорить нечего. Ровно никакого замечания <...>» (XI, 380). Одновременно Толстой сообщал Бирюкову: "Лескова легенду прочел в тот же день, как она вышла. Эта еще лучше той. Обе прекрасны. Но та слишком кудрява, а эта проста и прелестна. Помогай ему Бог"[22]. Добрую весть принес Лескову Бирюков с подробным отчетом о том, что именно пришлось по вкусу Толстому: «Л<ев> Н<иколаевич> очень расположен к Вам и в восторге от Ваших повестей. Он недавно прочел "Овцебык", "На краю света" и "Колыванский муж" и говорит, что все это далеко превосходит все написанное в настоящее время <...>»[23].

Лесков в ту пору жил с сознанием глубокого идеологического и творческого сродства с "высокочтимым Львом Николаевичем", в котором находил опору и поддержку: «Гр. Л.Н.Т.<олстой> не считает меня разномысленным с собою в вопросах веры,— писал Лесков Суворину 11 декабря 1888 г.— а, напротив,— считает близким ему. "Хвалю (пишет он мне), что Вы стоите на пути и пишете так, что Вас запрещают"» (XI, 405—406).

В 1887—1888 гг. отношения писателей отличались дружелюбием, взаимопониманием. Но уже с конца 1888 г. начала давать о себе знать тенденция к эстетическому разномыслию, в частности — неприятие со стороны Толстого "искусственного языка", "кудрявости" лесковского стиля. Чертков тоже находил "отвратительным" лесковский слог[24]. Но был нетерпимей, чем творец "Анны Карениной", и, похоже, оказывал нажим на писателя, чьи сочинения издавал, что вызывало у Лескова протест: "...я на все согласен с Вами,— лишь бы идеи милосердия проходили в народ. Писать так просто, как Лев Николаевич,— я не умею. Этого нет в моих дарованиях <...> Принимайте мое так, как я его могу делать. Я привык к отделке работ и проще работать не могу" (XI, 369). И Толстому после указаний на недостатки его манеры Лесков ответил, что иначе писать не умеет. А между тем Толстой, получая от Лескова рукописи, корректуры, оттиски изъятых цензурой его произведений, часто с огорчением заносил в дневник лаконичные фразы: "Фальшиво. Дурно"; «читали "Совестный Данило" Нехорошо»; "Читаю все Лескова. Нехорошо, п<отому> ч<то> неправдиво"[25].

Иногда Толстой доводил до сведения Лескова свое мнение. Рассказ "Фигура" Лесков послал ему с просьбой "посолить этот ломоть Вашею рукою и из Вашей солонки" (XI, 428). Ответ Толстого не сохранился, но его можно восстановить из лесковского письма: «Все, что Вы пишете,— верно: рассказ скомкан и "холоден" <...> "Тени на

лицо Фигуры" нужны, и я их попробую навести <...>» (XI, 428—429). Значит, критика была нелицеприятной, а предложения, сделанные мастером, воодушевляли. Чаще Толстого одолевали сомнения, не хотелось огорчать в высшей степени талантливого художника. "Читаю все Лескова. Жалко, что нехорошо. Как сказать это!?",— задавал он себе такой вопрос. И наконец "сказал" в очень тактичной форме, сочетая "хорошо", с тем, что "нехорошо" Так родилось письмо от 3 декабря 1890 г., в котором сформулированы те стилистические принципы Лескова, которые снижали, по мнению Толстого, художественный уровень его сочинений. Поводом для этого разбора послужила сказка "Час воли Божией": "Я начал читать, и мне очень понравился тон и необыкновенное мастерство языка, но... потом выступил Ваш особенный недостаток, от которого так легко, казалось бы, исправиться и который есть само по себе качество, а не недостаток,— exuberance[1*] образов, красок, характерных выражений, которая Вас опьяняет и увлекает. Много лишнего, несоразмерного, но verve[2*] и тон удивительны.— Сказка все-таки очень хороша, но досадно, что она, если бы не излишек таланта, была бы лучше"[26]. Лесков не увидел здесь посягательства на свою художническую индивидуальность, на свои "дарования", а счел резонными суждения Толстого. «Вы верно замечаете,— писал он в ответ,— некоторая "кучерявость" и вообще "манерность" — это мой недостаток. Я его чувствую и стараюсь от него воздерживаться, но не успеваю в этом»[27].

Толстой предпочитал "ясность и простоту", и, когда стилистика произведения Лескова отвечала этим требованиям, Толстой спешил выразить свое восхищение. По поводу рассказа "Под Рождество обидели. (Житейский случай)" Толстой писал Черткову: "Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов"[28]. В письме к М.А.Шмидт и О.А.Баршевой заметил: "Редко меня что так трогало"[29]. Вероятно, примерно то же самое содержалось в несохранившемся послании к автору рассказа. "Не ждал от Вас *такой* похвалы <...>" (XI, 472),— вырвалось у Лескова.

Рассказ был построен на "идее милосердия" Позднее Лесков комментировал его в заметке "Обуянная соль": "...простить обидчика гораздо выше, чем сказнить его <...> в рождественском рассказе <...> всегда было принято представлять сюжет, смягчающий сердце, и трактовать этот сюжет в духе Евангелия <...>"[30]. Толстой в который раз почувствовал, что, при некоторых разногласиях, есть у него единомышленник и единоверец. "Ваша защита — прелесть, помогай Вам Бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость. Спасибо тем, кто вызвал эту статью"[31]. Такой текст был отправлен Лескову в январе 1891 г., в ответ на что Лесков обещал: "...постараюсь не зазнаться от похвал такого писателя, как Вы"[32].

Переписка Лескова с Толстым со временем стала регулярной. Диапазон ее достаточно широк: от просьб в связи с изданием произведений, от библиографических справок до обращения к вопросам социальным, церковным, этическим. Все же в этом эпистолярном диалоге главенствовал двусторонний обмен суждениями о самом значительном, что составляло духовную жизнь каждого из них. У Лескова не было среди литераторов другого собеседника, кому бы он мог представить свои творения на столь же авторитетный, заслуживающий абсолютного доверия суд.

Лесков интересовался тем, как у Толстого "идет работа мысли" (XI, 592), читал все его запрещенные произведения, списывал их для себя и неохотно раздавал просителям.

В Ясную Поляну регулярно отправлялись послания с отчетами о впечатлениях от прочитанного. «Усердно благодарю <...> за большое удовольствие и пользу, которые я получил на сих днях от Ваших трудов. На днях я прочитал "Патриотизм и христианство", критическую статью о Мопассане и перевод превосходного письма Мазини. Впечатление от всего этого полное, радостное и полезное» (XI, 593). А "Царство Божие", рукопись которой "неоднократно листал", сочтено им "сочинением <...> мудрым и прекрасно сделанным" (XI, 552). Лесков вникал в толстовские тексты, формируя собственное мировидение и ставя перед собой особую задачу, которую сам определял так: "Критическая статья о Мопассане чрезвычайно хороша <...> Все сказанное Вами о нем очень верно, и статья написана так, как бы и надо писать критики, не только для того,

---

1* Избыток, излишество (*франц.*)

2* Жар, восторг (*франц.*)

чтобы дать людям верное понятие об авторе, но чтобы и самому автору подать помощь к исправлению своей деятельности" (XI, 593—594).

Писатель всячески поощрял замысел Толстого изложить "христианское учение в виде вопросов и ответов: «Мы давно слышим о том, что Вы занимаетесь катехизациею христианской веры. Меня этот слух исполнял чрезмерной радостью и утешением: это как раз то "самое нужное", что нужно сделать и что нынче только Вы один и можете сделать <...> Положительное изложение христианского учения в катехизической форме нужно более всякого иного литературного труда, и работа эта,— Вы увидите,— будет знаменитейшим Вашим произведением, которое даст место Вашему имени в *веках* и сделает дело прямо сказать апостольское»[33]. Лескову не довелось прочитать этот труд ("Христианское учение"), вышедший в свет уже после его смерти.

Наряду с религиозными, богословскими, философскими трактатами Толстой увлеченно и напряженно штудировал труды по эстетике, вырабатывал свою концепцию, составившую содержание трактата "Что такое искусство?". Его ранний вариант Лескову очень понравился. «Сегодня читал корректуру статьи Л<ьва> Н<иколаевича> "Об искусстве" <...> Это всего строк 500—600, но это превыше всех похвал за ясность, точность и вразумительность»,— сообщал он Черткову 9 апреля 1889 г. (XI, 427). Толстой переживал тогда мучительный творческий кризис. Его интересовало, не тревожит ли Лескова сходное состояние: "Начал было продолжать одну художественную вещь, но, поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю? Испытываете ли Вы что-нибудь подобное?"[34]. Лесков ответил одной загадочной фразой: "О том, о чем Вы пишете, я писать не могу и не должен" (XI, 554)[1*]. Позднее он разъяснил, почему не был откровенным и отказался от разговора: "...Вы раз писали мне, что Вам опротивели вымыслы, а я Вам отвечал тогда, что я не чувствую в себе сил и подготовки, чтобы принять новое направление в деятельности"[35]. Подтверждение этой исповеди Лескова мы находим в вычеркнутом Толстым фрагменте его "Воспоминаний": "Мне тогда так ясно стало, что седому старому человеку стыдно заниматься такими глупостями, как выдумывание сказок и побасенок <...> Я тогда написал об этом письмо Лескову, но он не понял меня и не согласился со мной. Решил больше не писать ничего, кроме того, что действительно было"[36].

Как продолжение этого диалога читается письмо Толстого к Лескову, посвященное рассказу "Загон": "Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и Вы это прекрасно умеете делать"[37]. Автора "Загона" эти слова крайне обрадовали, и он изложил Толстому свое кредо: «Я очень люблю эту форму рассказа о том, что "было", приводимое "кстати" (à propos), и не верю, что это вредно и будто бы непристойно, так как трогает людей, которые еще живы. Мною ведь не руководят ни вражда, ни дружба, а я отмечаю такие явления, по которым видно время и веяние жизненных направлений массы» (XI, 569). Разговор о принципах художественного творчества на этом не кончился. Лесков возвратился к нему 8 апреля 1894 г., затрагивая проблему общественной позиции писателя: «...я <...> положил: продолжать делать то, *что я умею* делать, то есть "помогать очищению храма изгнанием из него торгующих в нем" <...> Словом, я хочу оставаться *выметальщиком сора*, а не толкователем Талмуда, и я хочу иметь на это помимо собственного выбора еще утверждение от человека, который меня разумнее»[38]. Из Ясной Поляны пришел ответ, предполагающий полную свободу художника: "То, что я писал о том что мне опротивели вымыслы, нельзя относить к другим, а относится только ко мне, и только в известное время и в известном настроении, в котором я Вам писал тогда. Притом же вымыслы вымыслам рознь. Противны могут быть вымыслы, за которыми ничего не выступает. У Вас же этого никогда не было и прежде, а теперь еще меньше, чем когда-нибудь. И потому в ответ на Ваш вопрос говорю, что желаю только продолжения Вашей деятельности, хотя это желание не исключает и другого желания, свойственного нам всем для себя, а потому и для людей, которых мы любим, чтобы они, а потому и дело их, вечно, до смерти совершенствовалось бы и становилось бы все важнее и важнее, и нужнее и нужнее людям, и приятнее Богу"[39]. Этот диалог писателей

[1*] Эта фраза, напечатанная в собрании сочинений с ошибкой, исправлена по тексту: *Толстой. Переписка.* С. 276

о смысле их труда, об ответственности художника ясно демонстрирует, с каким вниманием каждый из них относился к словам собеседника. Именно в их переписке ключ к тайне этого содружества, особого характера их взаимоотношений. Ведь виделись они всего дважды: короткая встреча весной 1887 г. в Москве и целых два дня в январе 1890 г. в Ясной Поляне, отмеченные непринужденностью атмосферы, серьезными и весело-шутливыми разговорами. Спустя год Лесков написал Толстому: "Я часто вспоминаю, как мне у Вас было хорошо" (XI, 474).

Андрей Лесков так характеризовал их эпистолярный диалог: "С Толстым бралась чуждая натуре умягченность тона <...> Вообще же чувствовалась напряженность, калейдоскопичность сообщаемых злободневностей, вестей, слухов... Неустанная хвала утомляла хвалимого. Равновесие переписки утрачивалось. Одна сторона засыпала своими пространными письмами другую. Обнажался письмовый крен <...> Лесков дорожил перепиской и искал ее. Толстой, возможно, поддерживал ее более из дружеской учтивости, чем из большой личной потребности <...>"[40]. Да, стилистика, тональность писем у них разная: Лесков писал чаще, взволнованно, стремясь выговориться, ввести своего корреспондента в мир своих переживаний, рассказывал о себе, о своем страшном одиночестве. Для Лескова всякое послание в Ясную Поляну — это акт духовного единения с человеком, который был поднят в его глазах на небывалую высоту, был "святыней на земле", "драгоценнейшим человеком нашего времени"[41]. Толстой писал реже, выдержанней, короче, без интимной доверительности, оставляя двери своего дома наглухо запертыми. Возможно, что "неустанная хвала" иногда "утомляла хвалимого", равно как и излишняя щепетильность его корреспондента, постоянные опасения быть назойливым. Показательно, что у Толстого в дневнике есть помета от 12 ноября 1890 г.: "Получил письма от Лескова, неприятно-льстивое, и от Ге"[42] (письмо, о котором идет речь, не сохранилось). Однако трудно согласиться с утверждением сына Лескова, что "Толстой поддерживал переписку из дружеской учтивости", без "личной потребности".

А.Н.Лесков опирался здесь в значительной мере на воспоминания Л.Я.Гуревич, сообщавшей ему в 1937 г.: "Отношение его к Толстому у меня на глазах. Что не все было ладно в нем, мне ясно. И Толстой, несомненно, чувствовал это" Толстой признавался собеседнице: "Да, он мне пишет иногда... Только иногда тон какой-то... уж слишком... Неприятно бывает"[43]. Но в первый ее приезд в Ясную Поляну 27 августа 1892 г. Толстой тотчас стал расспрашивать о здоровье Лескова и о ее последних свиданиях с ним[44]. Тогда она убедилась в расположении писателя к Лескову, а потому сообщила ему вскоре: "Уже после моего возвращения из Москвы и Лесков дал нам очень хорошенький рассказ, который Вы прочтете в январской книжке. Он тоже в очень подходящем духе и очень талантлив"[45].

И эти последние воспоминания Л.Я.Гуревич, и сама переписка Лескова с Толстым позволяют оспорить приговор А.Н.Лескова. Очевидно, что писателям интересно было вести эпистолярную беседу: у них было множество точек соприкосновения и в сфере художественного творчества, и в "работе мысли". Было взаимное притяжение: Лесков не раз признавался в письмах к Толстому и к другим корреспондентам, как много значил для него автор "Царства Божия внутри вас". Но и Толстого интересовал этот "оригинальный и умный человек" со страстной и мятежной натурой, трудной судьбой, неровным характером. Лесков всегда производил на Толстого "впечатление очень сильного человека"[46]. Зачастую его послания заканчивались строками: "Любящий Вас Толстой", "Благодарный Вам и любящий Л.Т.", "Прощайте, пока, дружески жму Вам руку", а в письме Льва Львовича Толстого к Лескову имеется приписка: "Отец просил передать Вам свою любовь"[47].

Лгать Толстой не был способен. Эпистолярное общение с Лесковым являлось для него потребностью, к корреспонденциям, присланным из Петербурга, он относился серьезно и ответственно. Некоторые из них выделял: "Нынче хорошие письма <...> от Лескова",— сообщал он С.А.Толстой 18 октября 1893 г.[48]. Одно из этих писем Лескова, написанное "ночью на 16 октября", содержало совет издать трактат "Христианство и патриотизм" не в немецком, а в английском издании. Авторитет Лескова высок для автора трактата, о чем свидетельствуют и действия Толстого в деле Диллона[49]. В дневнике Толстого помечено: "Вчера написал письмо Диллону по случаю письма Лескова"[50].

Нет достаточных оснований и для утверждения о "сбоях" в диалоге писателей. Почти всегда из Ясной Поляны поступали ответы на просьбы, вопросы, предложения,

размышления Лескова. Но, к сожалению, в большинстве своем толстовские письма не сохранились. Случалось, что Толстой, если что-нибудь его взволновало, особенно прочитанное в журнале или газете произведение Лескова, тотчас откликался. Так, в январе 1891 г. он послал Лескову сразу три письма подряд (сохранилось только последнее, где дана высокая оценка лесковской статье “Обуянная соль”).

Вполне естественно, что не всегда собеседники находили общий язык. Помимо серьезных разногласий, о которых уже шла речь, обнаруживаются и “зоны умолчания” в их переписке. Так, Толстой игнорировал целый пласт лесковских писем с информацией о петербургской литературной жизни, о деятельности редакторов журналов, о полемических выпадах критиков. Не реагировал Толстой и на исповедальные послания своего корреспондента, на описания его грустного существования с “сироткой”, сетования на разные беды, неприятности, болезни. Правда, Лесков и сам себя как будто одергивал: “Нельзя Вам всех нас утешать и укреплять: сами мы не малолетки и должны знать, в чем искать себе посилья”[51].

Не понятно, однако, почему Толстой не отозвался на его кончину, ни в дневнике, ни в переписке. Правда, сын Толстого вспоминал: “Я помню, как после смерти Николая Семеновича Лескова отец читал нам вслух его предсмертное распоряжение относительно похорон по последнему разряду, относительно неговорения речей на его могиле и т.д. Так в первый раз ему пришла в голову мысль написать свое завещание”[52].

С кончиной Лескова духовное существование писателя в доме Толстого не прекратилось. Лескова вспоминали и читали[53]. Толстой время от времени брал из библиотечных шкафов тома его Полного собрания сочинений (издание А.Ф.Маркса, 1903), листал их, некоторые произведения впервые, другие повторно. Хвалил он “Козу” (“Томление духа”) “Под Рождество обидели”, “На краю света”, где “очень хорошо противопоставлены простая, искренняя вера и поступки, согласно с нею — у тунгуса и искусственные — у архиерея”[54]. Ощущение духовной сопряженности, единства моральных критериев не ослабевало, и значение Лескова для Толстого не умалялось. Закономерно его желание поместить на страницах подготавливаемого им сборника “Круг чтения” какое-нибудь лесковское произведение. Были отвергнуты “Коза”, “Однодум”, и выбран любимый, всегда приводивший его в волнение рассказ “Под Рождество обидели” с “сюжетом в духе Евангелия”[55].

В сознании Толстого отложился образ писателя-единомышленника, что обернулось однажды курьезным эпизодом. 17 марта 1910 г. Толстой пометил в дневнике: “Два сильн<ых> впечатления, и одинакового характера, б<ыло> чтение писем Ал<ександры> Андр<еевны> и мыслей Лескова”[56]. От Маковицкого узнаем: “За завтраком Л<ев> Н<иколаевич> читал вслух из изречений Лескова, выбранных и доставленных П.А.Сергеенко. Отметил лучшие. Александра Львовна их переписала. Л<ев> Н<иколаевич> был ими восхищен и рад такому единомыслию <...>”[57]. Об ошибке Толстого узнаем из воспоминаний В.Ф.Булгакова: «П.А.Сергеенко <...> разыскал где-то написанную рукою писателя Н.С.Лескова тетрадь с отдельными прекрасными и глубокими мыслями “об истине, жизни и поведении”. Лев Николаевич прочел тетрадь и пришел в полное восхищение: какая сила! какая глубина! какая оригинальность!.. Он попросил меня особо понравившиеся ему мысли Лескова переписать и включить в составлявшийся им тогда сборник “Путь жизни”. Я принялся за переписку и... очень быстро обнаружил, что эти мысли вовсе не мысли Лескова, а мысли самого Толстого. Почти во всех случаях я тотчас мог указать и источник: вот это — из книги Толстого “О жизни”, это — из брошюры “Что такое религия и в чем ее сущность” и т.д. Я рассказал сегодня об этом Толстому»[58], и “он принял мое сообщение вполне спокойно <...>”[59]. Эта история — убедительное свидетельство подлинной духовной близости писателей.

II.“ЭТО УДИВИТЕЛЬНАЯ СЕМЬЯ”

В жизнь Лескова вошел не только сам Толстой, но и члены его семьи — жена, дочери, сын Лев, причем каждому из них была отведена особая роль. Возможно, знакомство с ними следует отнести к апрелю 1887 г. Правда, оно не зафиксировано ни в дневнике Софьи Андреевны, ни в записях Татьяны Львовны. Кроме того, Лесков не просил в письмах к Толстому “сказать” им “свой поклон”, как, согласно этикету, следовало бы делать, если бы они были представлены друг другу. Знакомство писателя с обитателями яснополянского дома могло произойти и позднее — в январе 1890 г. — в дни, прове-

денные в тесном общении с ними. Лесков, наверное, почувствовал тогда прелесть домашнего очага, традиционного помещичьего бытового уклада, взаимной нежной любви отца и его верных трудолюбивых помощниц, да и вообще особой атмосферы, царившей там. «Лесков побывал <...> в Ясной Поляне и вывез оттуда прекрасные впечатления,— вспоминала Веселитская. “Это удивительная семья,— рассказывал он мне.— Простая семья, в которой все можно сказать, потому что там и сами все говорят, а главное — все понимают”»[60]. Еще выразительнее Лесков писал об этом Л.Я.Гуревич 2 июля 1891 г.: “Все члены семьи Л<ьва> Н<иколаевича> очень *просты* и прямы, не исключая и самой графини, которая разделяет многие мнения мужа, а многих не разделяет, но и с нею никаких трудов держать себя”[61]. Там он проникся симпатией к дочерям и почтением к Софье Андреевне. Он “чтил” ее прежде всего как заботливую жену писателя: “Она нам сохранила его. Мы должны быть ей благодарны”,— записала Веселитская его высказывание.

Собственно, Лесков имел о Софье Андреевне весьма поверхностное представление. “Ему нравилась наружность графини, ее искренность и откровенность”[62], при этом он ни словом не обмолвился о ее личности, вкусах, интересах. Она светила для него отраженным светом. “Вы знаете, конечно, как я люблю Вашего мужа и поверите мне, что все близкое к нему мне дорого”,— признавался он ей в одном из писем. Лесков высоко чтил ее за героическое исполнение материнского долга, понимал сложность ее существования в окружении больших и малых детей, рядом с находящимся всегда в тревоге, исканиях, муках творчества гением. У нее, по его словам: “проходит душу меч”[63], что перекликается с изречением Фета: “Софья Андреевна ходит по острию ножа”[64].

Лесков обменивался с ней корреспонденциями, по сути деловыми: она выполняла некоторые его просьбы и поручения, с тем чтобы избавить Льва Николаевича от траты сил и времени. Письма Лескова к Софье Андреевне — уважительные и очень сердечные, полные сочувствия и готовности помочь. Письма Софьи Андреевны к Лескову не сохранились, но о них можно составить представление из ответов писателя, нередко благодарившего ее “за доброе и ласковое письмо”, за то, что все его просьбы быстро выполнены.

Однако трудно сказать что-либо определенное об отношении Софьи Андреевны к писателю. Признаков особой симпатии не найти. “Что Лесков? Видела ли ты его. Ты бы повидала его. Дала бы ему знать, ему бы это б<ыло> приятно”[65],— предлагал Толстой Софье Андреевне, приехавшей в Петербург весной 1891 г. добиваться аудиенции у императора для снятия ареста с части XIII тома собрания сочинений Толстого. Она посетила тогда многих друзей и знакомых, но больного Лескова не навестила. Не попал он и в число ее любимых писателей. «Читала сказку Лескова “Один час Божий” Талантливо, но ненатурально. Не люблю ни в чем фальши»[66],— записала она в дневнике 7 декабря 1890 г. С.А.Толстая отличалась независимостью суждений, и влияние мужа, уже откликнувшегося на “сказку” письмом-рецензией, исключено. 21 сентября 1894 г. из Москвы она сообщала оставшемуся в Ясной Поляне Толстому: «После обеда мальчики готовили уроки, а я прочла Леве рассказ Лескова “Зимний день”,— ужасная гадость во всех отношениях. Я и прежде не любила Лескова, а теперь еще противнее он мне стал, так и просвечивается грязная душа из-за якобы его юмора, но мы не смеялись, а просто гадко»[67]. Вероятно, звучащая в рассказе ирония над толстовцами задевала, с ее точки зрения, и самого учителя.

Не следует забывать, что две конфликтные истории — диллоновская и фаресовская[68], к которым Лесков был прикосновенен,— оставили след в ее сознании. Лесков опасался разлада с членами толстовской семьи в связи с бестактным поступком А.И.Фаресова, предавшего огласке фрагмент письма Толстого к Лескову (что вызвало резонанс в печати): «Я чувствовал себя сконфуженным не столько перед Вами, как перед графиней Софьей Андреевной, Татьяной Львовной и Марией Львовной, которые могли подумать: “Что за разгильдяй такой!” А мне не хочется, чтобы они были мною огорчены <...>»[69] Вряд ли ему это вполне удалось. Известно, как болезненно переживала Софья Андреевна всяческие обиды, тем более действия, неблагоприятно сказывавшиеся на репутации Толстого.

По наблюдению Веселитской, “Лесков любил самого Льва Николаевича, его сына Льва и дочерей Татьяну и Марию <...>” Лесков признавался Л.Я.Гуревич: “Вся его семья, а особенно девицы отличаются самою теплою и задушевною простотою, которая к ним влечет сердца и с ними сближает”[70]. Да, бесспорно, Лесков любил дочерей

ДОМ ТОЛСТЫХ В МОСКВЕ, В ХАМОВНИЧЕСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

Фотография. 1890-е годы

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

Толстого за их неординарность, одухотворенность, за простоту и естественность поведения. Однако изучение отношений Лескова и Марии Львовны крайне затруднено из-за отсутствия основных документов: согласно ее завещанию, был уничтожен ее дневник, не уцелела и их переписка.

Толстому Лесков разъяснил, какую роль он отводил его младшей дочери: "Последнюю я иногда беспокою как Вашего секретаря. Пусть она мне это простит"[71]. А надоумил его прибегать к помощи "девиц" сам их отец, рассказав Лескову о том, как он перепоручил им одну его просьбу: «Совестно мне перед девицами, которых Вы понудили сесть ради меня за "Пролог", но чтобы не лицемерить,— не смею от этой помощи отказаться, а реку яко же обычно есть архиереям: "Приемлю, благодарю и ничего же вопреки глаголю"» (XI, 392). Лесковым упомянуто всего одно послание к Марии Львовне — о денежных расчетах с К.М.Сибиряковым за сборник "Путь-дорога"[72], а также полученное им ее письмо о том, что в Ясной Поляне "интересуются" Веселитской (XI, 527).

Облик М.Л.Толстой, ее жертвенное служение людям, ее отречение от мирских благ прояснился для Лескова в дни его пребывания в Ясной Поляне. По свидетельству Веселитской, Лесков говорил: «Я не понимаю ее, но в присутствии ее мне хочется сказать: "выди от меня, я — человек грешный"»[73]. Многого стоит и реплика Марии Львовны: на вопрос брата Андрея, что бы ему взять на ночь читать, она посоветовала ему Лескова[74]. Веселитская вспоминала, что Лесков Марии Львовны "боялся", а отдавал предпочтение Татьяне, находя последнюю "очень умной и привлекательной"[75], более простой и понятной.

МАРИЯ ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ

Фотография П.И.Бирюкова.
Ясная Поляна. 1896 год

Государственный музей Л.Н.Толстого,
Москва

Первое письмо, посланное им Татьяне Львовне, датировано 10 декабря 1892 г., а последнее — 3 июля 1894 г. В итоге сформировался замечательный "женский" эпистолярный цикл. Настоятельная потребность в такого рода общении (пусть даже и заочном) остро ощущалась петербургским литератором по многим причинам. Он зачастую стеснялся "докучать" Толстому своими письмами, запросами, даже душевными излияниями. "Льва Николаевича я не дерзаю отрывать от дела моими письмами,— признавался он Татьяне Львовне,— а к вам почему-то имею дерзновение. Простите" И он "дерзал" возлагать на Татьяну Львовну секретарские обязанности: то она получала задание отправить в редакцию "Недели" фотографию Толстого, то найти в сочинениях Жуковского его высказывание о смертной казни, то выяснить судьбу рукописи "Царство Божие...", привезенную из Ясной Поляны. Была еще и другая, более важная причина: благодаря Татьяне Львовне поддерживалась связь с семьей писателя и с ним самим, особенно, когда в их переписке случался перерыв. Лесков подчеркивал: "Мы ведь жадно интересуемся всем касающимся нашего яснополянского семейства и любим не одного Льва Николаевича, а всех кто ему близок, дорог и нужен", "Мне очень дорога всякая возможность общения с Вашим уважаемым семейством" Он был сердечно привязан к домочадцам писателя, но ему очень хотелось, чтобы Татьяна Львовна сообщала ему известия прежде всего о Толстом: "...прошу, если можно, прибавьте от себя то, что может меня интересовать, касающееся Льва Николаевича" Нередко Лескова обуревали сложные чувства, когда он брался за перо, чтобы писать ей:

"Спрашивать Вас о нем бывает совестно и как будто навязчиво и нахально, а не знать о нем долго — бывает скучно и тяжело. А потому вести о нем нас всегда интересуют и живо от одного другому передаются"

Татьяна Львовна скрепляла узы, связывавшие старого и одинокого писателя с яснополянским миром, воодушевляла его, скрашивала его невеселое бытие. Не случайно Лесков избрал своей собеседницей "умную и привлекательную" Татьяну Львовну, которая сама по себе, не только в качестве посредника, была ему приятна и интересна: "...я чрезвычайно люблю сильные женские умы, составляющие немалую редкость" (XI, 538),— заявил он однажды Веселитской. Таким "сильным женским умом" обладала старшая дочь Толстого, с которой он легко и свободно, без напряжения и оглядки всегда вел непринужденный разговор, зная, что она "все поймет" Вряд ли Лесков стал бы "сообщать" Толстому о том, что писал Татьяне Львовне — о "маленьких вздорах из здешнего кружка" (ночные приключения Веселитской с ее подругой, бегство Меньшикова из Мерекюля из-за приезда Л.Я.Гуревич, редактора враждебного ему "Северного вестника"). Шутливые письма чередовались с весьма серьезными и содержательными. Лесков ясно представлял облик своего адресата, отличавшегося артистичностью натуры, начитанностью, уважением к подлинному искусству слова. Целые страницы его посланий заполнены разборами повестей Веселитской, Баранцевича и иных прозаических новинок, воспоминаний Смирновой, журнальных статей Меньшикова. Лесков рисовал в письмах к Т.Л.Толстой панораму современной литературной жизни, явно рассчитывая на ее отклик. Эти лесковские послания несут на себе отпечаток его художественной стилистики: здесь встречаются "фигуры", обрисованные с юмором, комедийные сцены, психологический анализ. Смеховое начало, игра свободного ума сочетались с мастерством портретной живописи. Ему явно хотелось предстать перед обаятельной молодой женщиной во всем блеске таланта, в обаянии своей личности.

Известно 4 ответных письма Татьяны Львовны. Из них в нашем распоряжении находится всего одно — самое последнее. Лесков иногда цитировал в своих письмах отдельные ее фразы, свидетельствующие о том, что их переписка носила характер беседы, не была монологичной. Так, Татьяне Львовне не понравился нарисованный Лесковым образ Н.Н.Ге — показался унижающим его. Оправдываясь, писатель уверял: «Я не говорил с "иронией" Я тоже его очень люблю и уважаю, но привык с ним смеяться и думаю, какое же зло в этом?» Разошлись они в оценке отрывка из мемуаров Смирновой. "Пушкин в изображении Смирновой,— замечал Лесков,— мне представляется иначе, чем Вы пишете". В ее письмах встречаются оценки художественных произведений тех писателей, которые импонировали Лескову. «Посмотрите на юношеский рассказ Веселитской "Студент"! Там сразу слышен ум и вкус, и "чувство меры", которые вы у нее основательно заметили». У Лескова был достойный корреспондент, с которым можно было и спорить, и соглашаться.

Можно предполагать, что Татьяна Львовна сохранила интерес к личности писателя и после его смерти: в августе 1908 г., как о том свидетельствует дневник Д.П.Маковицкого, она снимала копии с писем Лескова к ее отцу[76].

Лесков любил и сына Толстого — Льва. Любил за тогдашнюю близость молодого человека к отцу, за его непримиримость к общественной несправедливости, за нетривиальность образа жизни и мышления. А еще очень любил за его литературные способности, вселявшие надежду, что он станет преемником того, чье имя носил.

Их знакомство состоялось в начале 1892 г. Юноша произвел на Лескова сильное впечатление, о чем писатель сообщил Суворину 20 января 1892 г.: «Посетил недостоинство наше "младший Лев" (отцов любимец и любви достойник) <...> Что за юноша!.. Хочется плакать от радости!»[77] Однако их отношения складывались непросто, с разочарованиями, обидами и разрывами. Первый сбой случился летом 1892 г. по совершенно неожиданному поводу. 17 июля Лев Львович доверчиво поделился с "уважаемым и любимым" писателем одним своим замыслом: "...я сам по грешности своей, и Вам будь это сказано по секрету, хочу перевести в целое кой-какие наблюдения и материалы, собранные мною за нынешний год среди голода" Лесков пренебрег тем, что признание было сделано "по секрету", и решил совершить сразу два добрых дела: помочь начинающему очеркисту напечататься в "Северном вестнике" и дать возможность журналу расширить круг авторов, обеспечивающих ему успех. Им было послано письмо к Л.Я.Гуревич, где обо всем задуманном было сказано напрямик: «...вчера <...> получил

письмо из Ясной Поляны от Льва *Львовича*. Это один из не старших сыновей Л<ьва> Н<иколаевича>, студент, медик Московского ун<иверсите>та — очень способный и *по всему* сильно напоминающий (а м<ожет> б<ыть>, и повторяющий) своего отца. Он натуры сильной и порывистой <...> Он с умом и талантом и пробовал писать (в "Неделе"). Теперь он вернулся из Самарск<ой> губ<ернии>, где "кормил голодных", и сделал себе много заметок, которые могут быть драгоценны. Он пишет мне *под секретом*, что "приводит их в порядок", а я ему сегодня же напишу, что я проболтался об этом Вам. А Вы имейте это в виду и сообразите: нельзя ли будет Вам получить эти заметки (если их не предвосхитила "Неделя"). Не может б<ыть> никакого сомнения в том, что эти заметки интересны <...>. Толстые все так умны, что никакие экивоки с ними не годятся и не нужны, а все надо делать с чистою и *деликатною простотою*»[78]. Лесков не мог предполагать, чем обернется эта акция, так как не имел понятия, насколько было трудно Льву Львовичу, сыну осененного мировой славой писателя, вступить на литературное поприще. И он, обиженный и возмущенный поступком Лескова, в один и тот же день послал письма ему и редактору "Северного вестника" "Простите, но Вы поступаете не по-Божьи,— обратился Лев Львович к главному виновнику инцидента,— продолжая говорить в чужой компании мне о том, что я Вам нечаянно высказал" Л.Я.Гуревич он объяснял: «Н.С.Лесков напрасно ввел Вас в заблуждение. Записки, веденные мною в Самар<ской> губ<ернии>, не имеют никакой цены и, может быть, вовсе не годны для печати. Я упомянул о них Н<иколаю> С<еменовичу> случайно по поводу его "Юдоли" Поэтому, если желаете мне добра, не говорите со мной и другими о моем непристойном нахальстве исподтишка иногда изводить бумагу»[79]. Казалось, что разрыв между покровителем и опекаемым неизбежен, но все обошлось, и в декабре 1892 г. Лев Львович, оказавшийся в Петербурге, посетил дом на Фурштадтской улице. Не прервалась и переписка. «Вчера был у меня сын Л<ьва> Н<иколаеви>ча,— извещал Лесков Веселитскую 20 января 1893 г. — (Лев Львович, только что приехавший из Москвы) <...> Льву Л<ьвови>чу очень хочется с Вами свидеться перед отъездом. Он придет ко мне проститься завтра <...> Мы оба думаем, что Вы не найдете в этом ничего неудобного и придете ко мне завтра <...> чтобы познакомиться с сыном любимого и уважаемого Вами "великого человека" и нашего общего друга» (XI, 525). Веселитская пришла, знакомство состоялось, и опасения Лескова, уже знавшего сложность душевного мира гостя, непредсказуемость его поведения, оказались напрасными. «Обхождение Ваше заприметил и помню,— одобрительно отзывался Лесков в письме к Веселитской о том, как прошло свидание молодых литераторов.— Вы его даже "потрогали за волосы", то есть спрашивали о его писательстве... Но в общем "все хорошо, что хорошо кончится"» (XI, 527).

Серьезное нервное заболевание Льва Львовича тревожило Лескова, и он не раз справлялся и у Софьи Андреевны, и у Татьяны Львовны о состоянии Л.Л.Толстого.

Позднее в 1893 г. отношение Лескова к Льву Второму осложнилось разочарованием в его таланте, неудовлетворенностью его сочинениями. Лесков писал Веселитской 13 июня 1893 г.: «Льву Льв<ович>у я написал о том, что мне кажутся неудачными его опыты разрешать вопросы "взаимного мужей к женам соизволения"» (XI, 541). Об основном недостатке молодого писателя Лесков сообщал Меньшикову в те же июньские дни 1893 г. «О молодом Льве согласен с вами, как и о старом. К молодому Льву надо бы применить советы Нила Сорского: "Еще млад выспрь скачет", "подерни его за ноги и поставь их на землю". Я ему сказал, что он поддается теориям, которые не выдержат пробы. Может быть, это ему неприятно». А вскоре Лесковым была подведена черта. «Переписка наша с ним,— сообщал Лесков Меньшикову 18 февраля 1894 г.,— "прекратилась" на том, что я ему написал о своем неодобрении к неумеренности в его проповеди, которая, по-моему, очень неосновательна и даже вредна тем, что ведется крайне неискусно и делает *смешным* то, что он хочет почитать очень серьезным. Это я так понимаю и так ему об этом написал летом 1893 г. из Мерекюля. На этом дело и стало, и я о том нимало не сожалею»[80].

Лев Львович затаил обиду на писателя, что отразилось в его очерке "Л.Н.Толстой и писатели, которых он читал", где им отмечено, как мало значил для Толстого Лесков-художник. «В Лескове Лев Николаевич нашел всего только несколько рассказов, по-

нравившихся ему своим содержанием. Больших вещей его он, кажется, не читал. "Запечатленный Ангел" нравился Льву Николаевичу, но не вполне удовлетворял»[81].

Историю сложных отношений Лескова с Толстым и его семьей завершает запись в дневнике Софьи Андреевны от 3 января 1918 г.: «Вечером Таня читала вслух Лескова "Зверь" и еще рассказ. А Сергеенко прочел "Старый гений"»[82]. А происходило это в обезлюдевшей, осиротевшей Ясной Поляне, несытой, мерзнущей, охраняемой специальным отрядом милиции от грабежей. Для семьи Толстого лучшие творения Лескова по-прежнему обладали притягательной силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Достоевский*. Т. 25. С. 58—59.
2 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 409.
3 *Фаресов*. С. 70—71.
4 *Леонтьев К.* Наши новые христиане, Ф.М.Достоевский и гр. Лев Толстой. СПб., 1882. С. 16.
5 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 408.
6 *Лесков о литературе и искусстве*. С. 140.
7 Цит. по: *Туниманов В.А.* Лесков и Лев Толстой // Лесков и русская литература. М., 1988. С. 185.
8 *Веселитская*. С. 193.
9 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 413. Это письмо частично опубликовано самой Л.И.Веселитской, однако цитируемый фрагмент ею опущен (см.: *Веселитская*. С. 199).
10 Там же. С. 404—405.
11 *Фаресов*. С. 338.
12 *Веселитская*. С. 199.
13 Там же. С. 205.
14 Там же. С. 176.
15 *Толстой*. Т. 87. С. 72.
16 Там же. Т. 86. С. 12—13.
17 Там же. С. 18.
18 Там же. С. 28.
19 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 403.
20 *ЛН*. Т. 90. Кн. I. С. 185.
21 *Толстой*. Т. 86. С. 49.
22 Там же. Т. 64. С. 161. Толстой в этом письме сравнивал "Прекрасную Азу" с появившейся несколькими месяцами ранее легендой "Совестный Данила".
23 Записки Отдела Рукописей Библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1968. Вып. 30. С. 229.
24 *Толстой*. Т. 86. С. 12.
25 Там же. Т. 50. С. 184; 90; Т. 51. С. 25.
26 Там же. Т. 65. С. 198.
27 *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 224.
28 *Толстой*. Т. 87. С. 68. Подробнее об отношении Толстого к этому рассказу см. далее сообщение Т.Н.Архангельской "Поздний Лесков в восприятии Толстого. (По материалам яснополянской библиотеки)".
29 Там же. Т. 65. С. 235.
30 *Лесков о литературе и искусстве*. С. 148.
31 *Толстой*. Т. 65. С. 225.
32 *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 238.
33 Там же. С. 304—305.
34 *Толстой*. Т. 66. С. 366. Письмо к Лескову от 10 июля 1893 г.
35 *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 299—300.
36 *Толстой*. Т. 34. С. 348.
37 Там же. Т. 66. С. 445.
38 *Толстой. Переписка*. Т. 2. С. 300.
39 *Толстой*. Т. 67. С. 120—121. Письмо к Лескову от 14 мая 1894 г.
40 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 410.
41 Там же. С. 393.
42 *Толстой*. Т. 51. С. 104.
43 *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 410.

[44] Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 41.
[45] *ГМТ.*
[46] *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н.Толстым. М., 1973. С. 337.
[47] См. публикуемые далее письма Л.Л.Толстого к Лескову.
[48] *Толстой.* Т. 84. С. 198.
[49] См. вступительную заметку В.Н.Абросимовой к публикуемым ниже письмам Л.Л.Толстого к Лескову.
[50] *Толстой.* Т. 52. С. 69.
[51] *Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 269.
[52] *Толстой И.Л.* Мои воспоминания. М., 1987. С. 256. Завещание Лескова Толстой мог прочитать в журнале "Северный вестник". 27 марта Толстой составил свое завещание (сохранилось в дневнике) с пунктами, аналогичными лесковским (см.: *Толстой.* Т. 53. С. 14).
[53] См. об этом подробнее в наст. т. сообщение Т.Н.Архангельской "Поздний Лесков в восприятии Толстого"
[54] *ЛН.* Т. 90. Кн. 1. С. 186.
[55] *Лесков о литературе и искусстве.* С. 148.
[56] *Толстой.* Т. 58. С. 26. Речь идет о переписке Толстого с его теткой А.А.*Толстой* (1817—1904), фрейлиной императорского двора.
[57] *ЛН.* Т. 90. Кн. IV. С. 199, 223.
[58] *Булгаков В.Ф.* О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1978. С. 320—321.
[59] *Булгаков В.* Л.Н.Толстой в последний год его жизни. Дневник секретаря Л.Н.Толстого. М., 1989. С. 140.
[60] *Веселитская.* С. 9.
[61] Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 99.
[62] *Веселитская.* С. 10.
[63] Там же. С. 170.
[64] *Ксюнин Ал.* Уход Толстого. СПб., 1911. С. 19.
[65] *Толстой.* Т. 84. С. 77. Письмо от 10 апреля 1891 г.
[66] *Толстая С.А.* Дневники. М., 1978. Т. 1. С. 127 (искажено название сказки "Час воли Божией").
[67] *Толстая С.А.* Письма к Л.Н.Толстому. 1862—1910. М. Л., 1936. С. 602.
[68] См. об истории с А.И.Фаресовым письмо Лескова к Толстому от 6 сентября 1891 г. (XI, 499—500). Об истории с Э.М.Дж.Диллоном см. далее письма Л.Л.Толстого к Лескову.
[69] *Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 259.
[70] *Веселитская.* С. 9.
[71] *Толстой. Переписка.* Т. 2. С. 245.
[72] Там же. С. 278.
[73] *Веселитская.* С. 10.
[74] *ЛН.* Т. 90. Кн. II. С. 285.
[75] *Веселитская.* С. 10.
[76] *ЛН.* Т. 90. Кн. III. С. 175.
[77] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 346.
[78] Памятники культуры. С. 100.
[79] Цит. по: Сын и отец. По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л.Толстого. Вступительная статья В.Н.Абросимовой // Лица. Биографический альманах. М.; СПб., 1994. С. 176.
[80] Цит. по: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 547 (письмо приведено в комментарии В.А.Туниманова и Н.Л.Сухачева).
[81] *Бвед.* 1916. Вечерний выпуск. 6 ноября.
[82] *Толстая С.А.* Дневники. М., 1978. Т. 2. С. 454.

ПЕРЕПИСКА с С.А.ТОЛСТОЙ[1*]

Софья Андреевна Толстая (рожд. Берс; 1844—1919), жена Л.Н.Толстого.

Она является автором целого ряда беллетристических произведений. В 1895 г. был напечатан в журнале "Детское чтение" (№ 12) ее рассказ "Бабушкин клад. Предание", а в 1904 г. (под псевдонимом "Усталая") в "Журнале для всех" (№ 3) — она опубликовала девять стихотворений в прозе под общим заглавием "Стоны". В 1910 г. вышел в свет сборник детских рассказов С.А.Толстой "Куколки-скелетцы". Неизданными остались повести "Песня без слов" и «По поводу "Крейцеровой сонаты"» (последняя опубликована недавно, см.: Октябрь. 1994. № 10. Публикация О.А.Голиненко и Т.Г.Никифоровой).

Особое место занимают сочинения С.А.Толстой, относящиеся к жизни и творчеству Толстого. Ей принадлежит первый появившийся в печати биографический очерк Толстого в издании М.М.Стасюлевича "Русская библиотека. IX. Граф Лев Николаевич Толстой" (СПб., 1879).

В 1913 г. с примечаниями С.А.Толстой изданы "Письма Л.Н.Толстого к жене" (второе издание в 1914 г.).

Из обширной автобиографии "Моя жизнь", над которой С.А.Толстая работала в течение 1904—1916 гг., доведя ее до 1901 г., следует упомянуть несколько публикаций, касающихся Л.Н.Толстого: "Женитьба Толстого" и воспоминания о "Власти тьмы" (Толстовский ежегодник 1912 г.); "Четыре посещения гр. Л.Н.Толстого монастыря Оптина Пустынь" (Толстовский ежегодник 1913 г.); «Первое представление комедии гр. Л.Н.Толстого "Плоды просвещения"» (Утро России. 1912. 7 ноября). Наиболее полные публикации из "Моей жизни" помещены в журнале "Новый мир" (1978, № 9) и в альманахе "Прометей" (М., 1980. № 12).

В течение 50 лет, с 1860 по 1910 гг., С.А.Толстая вела дневник. "Дневники" были изданы в четырех частях под редакцией С.Л.Толстого в 1928—1936 гг. Новое дополненное издание "Дневники. Ежедневники" было осуществлено в 1978 г. издательством "Художественная литература".

С Лесковым С.А.Толстая познакомилась, возможно, в его первое посещение Толстого в Москве, в Хамовниках, 20 апреля 1887 г. Письма Лескова (судя по конвертам) адресованы как в Москву, так и в Ясную Поляну.

Семь писем Лескова к ней хранятся в ГМТ. До нас дошло лишь одно письмо С.А.Толстой к Лескову (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 306). Все письма публикуются по автографам.

1. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

<27 января 1890 г. Москва>

Я уехал вчера в 12 ч<асов> дня[1]. У Вас все были здоровы[2]. Лев Николаевич сам отвез меня в Тулу (с Чертковым)[3] и хотел заехать завтракать к прокурору Давыдову[4]. Из экстренных событий припоминаю, что Андрюша подбил себе лоб[5]. Лев Николаевич читал нам свою пиесу. Она очень жива и весела и, кажется, совершенно отделана[6]. Простите, что пишу кое-как — в чужом номере и на чужой бумажке[7].

Благодарю Вас за хлеб-соль и добрый ласковый прием.

Почтительно преданный Вам Н.Лесков

27 г<е>нв<аря> 90 г. 11 час. ночи.

[1] Лесков провел в Ясной Поляне три дня: с 24 по 26 января 1890 г. Толстой отметил в дневнике, что 24 января он ездил "в Тулу за Чертковым и Лесковым и разъехался с ними" (*Толстой*. Т. 51. С. 14). Это было второе и последнее свидание писателей (первое состоялось в Москве, в Хамовниках, 20 апреля 1887 г.). Через год Лесков писал Толстому: "Я часто вспоминаю — как мне у Вас было хорошо" (*Толстой. Переписка*. С. 228).

[1*] Предисловие, подготовка текста и комментарии О.А.Голиненко и Б.М.Шумовой

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА ТОЛСТАЯ

Фотография фирмы "Шерер, Набгольц и К°".
Москва, Октябрь 1889 года

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

[2] Вечером 24 января 1890 г., т.е. в день приезда Лескова в Ясную Поляну, С.А.Толстая уехала в Москву, где пробыла до 30 января. Находясь в Москве проездом из Ясной Поляны в Петербург, Лесков счел необходимым поблагодарить ее и сообщить, как обстоят дела в Ясной Поляне.

[3] Толстой сделал следующую запись в дневнике: "Вчера 26 января <...> Уезжал Лесков, и я, чувствуя, что не в состоянии буду работать, проводил его — поехал сам кучером в Тулу" (*Толстой.* Т. 51. С. 14).

[4] Николай Васильевич *Давыдов* (1848—1920) — судебный деятель; с 1878 г. прокурор окружного суда в Туле, а затем председатель этого суда. С Толстым познакомился в 1878 г. и с тех пор до конца жизни писателя находился с ним в дружеских отношениях. Давыдов оказывал Толстому содействие, когда тот во время работы над "Воскресением" изучал процедуру суда, быт тюрем,

беседовал с подсудимыми и заключенными. Давыдов оставил мемуары "Из прошлого" (2-е изд. М., 1914), куда включены его воспоминания о Толстом.

[5] Андрей Львович *Толстой* (1877—1916) — сын Л.Н.Толстого.

[6] Толстой читал гостям пьесу "Плоды просвещения". 25 января 1890 г. Толстой записал в дневнике: "Утром поговорил с Чертк<овым> и Лесковым, гуляя <...> Потом я поправлял, сколько помнится, комед<ию>, 4-й акт. Вечер разговаривали, и я прочел комедию. Всё тщеславие" (*Толстой*. Т. 51. С. 14).

Работа над комедией, которая в первоначальных вариантах называлась "Исхитрилась!", шла с осени 1886 г. до апреля 1890 г. Через несколько лет в письме к Л.И.Веселитской от 20 января 1893 г., говоря о незначительных недостатках ее повести "Мимочка", Лесков упомянул эту комедию Толстого: «У Л.Н. горничная в "Плодах просвещения" совсем не естественная» (XI, 526).

[7] Письмо написано на обычной почтовой бумаге голубого цвета без штампа Лескова.

2. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

11 апр<еля 18>90. СПб.
Фуршт<адтская> 50. к. 4.

Графиня!

Затрудняюсь найти слова, чтобы просить у Вас прощения за то, что не ответил Вам на полученное от Вас доброе и ласковое письмо[1]. Об извинении не может быть и речи, но прошу прямо прощения. В прощении не легко отказывать, и Вы меня, наверно, простите. Я не манкировал письмом Вашим, а у меня, по возвращении в Петербург, явилось столько досад и обид, что очень трудно было с собою справиться, и я *не мог* ничего писать. В таком состоянии я и пребываю до сего дня, но стыд за свою вину перед Вами превозмогает мои томления, и я пишу к Вам просьбу о милостивом прощении. Вы знаете, конечно, как я люблю Вашего мужа, и поверите, что всё, близкое к нему, мне дорого. Иначе это не может и быть,— следовательно, одна только немощь и разбитость душевная могли довести меня до того, что я мог позволить себе медленность в принесении Вам моей глубокой признательности за привет, за хлеб-соль и за ласковое письмо Ваше. Простите меня и не лишите меня отрады думать, что Вы считаете меня преданным семье Вашей человеком.

Шестой том мой погублен окончательно и с издевательством. Жаловаться и просить не буду, п<отому> ч<то> это мне глубоко противно, да и ни к чему бы не повело[2]. Суворин был у Лампадоносца — тот ответил, что это не от него и что "в цензора назначаются из дураков"[3], а назначают их они, вероятно, не дураки и честные люди. Словом: ограбили и делу конец[4].

Прошу Вас сказать мой поклон Льву Николаевичу, Татьяне Львовне и Марье Львовне. Льву Николаевичу я стараюсь "благодетельствовать" и отклонил двух "экзаменаторов", собиравшихся ехать "препираться" с ним[5]. Большей услуги ему оказать не могу, а эту стоит кое за что почесть. Сам же от этих экзаменаторов немало страдаю и знаю — какие это беспардонные мучители.

Искренно преданный Вам Н.Лесков

[1] Письмо это неизвестно.

[2] Речь идет о запрещенном цензурой шестом томе собрания сочинений Лескова, издававшемся в типографии А.С.Суворина.

[3] Имеется в виду духовная цензура. К.П.Победоносцев (*Лампадоносец*) и Е.М.Феоктистов, как не раз утверждал Лесков, способствовали запрещению тома (см. подробнее: *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 369—374). 5 октября 1889 г. Лесков писал Л.Б.Бертенсону: «"Попы толстопузые" поусердствовали, и весь VI-й том мой измазали. Исчеркали даже роман "Захудалый род", печатавшийся у Каткова... Вот каково "муженеистовство"! <...> Что за подлое самочинство и самовластие со стороны всякого прохвоста!» (*РМ*. 1915. № 10. С. 90).

Николай Семеновичъ Лѣсковъ.

Тула.
Ясная Поляна
Ея Сiятельству
Графинѣ Софiи Андреевнѣ
Толстой.

11. Апр. 90. СПб.
Фуршт. 50. к 4.

Графиня!

ПИСЬМО ЛЕСКОВА К С.А.ТОЛСТОЙ

Автограф. С.-Петербург. 11 апреля 1890 года

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

4 Лескову первоначально действительно показалось, что ему грозит огромный — в три тысячи рублей — убыток от ареста шестого тома. На самом деле убыток оказался сравнительно небольшой (см: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 374).

5 О каких лицах идет речь, выяснить не удалось.

3. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

20 г<е>нв<аря> <18>92 г. СПб.

Графиня!

Вам, вероятно, известно, что одно письмо, написанное ко мне Львом Николаевичем, попало в печать не через мои руки,— и что это меня огорчало, и я просил Льва Николаевича простить мне мою неосторожность,— в ответ на что и получил от него отпущение и благоволение[1]. Но в печати всё продолжают вязаться к этому письму, и мне показалось, что это надо останавливать, или по кр<айней> мере разъяснять[2]. Сделаем это как умеем и как привелось,— посылаю Вам вырезку из газеты, где заметка напечатана[3]. Может быть, Вас это сколько-нибудь поинтересует.

Искренно Вас почитающий Николай Лесков

1 Лесков имеет в виду письмо Толстого от 4 июля 1891 г., написанное в ответ на просьбу Лескова сообщить в связи с наступившим голодом, “нужно ли нам в это горе встревать и что именно пристойно нам делать?” (XI, 491). Толстой писал: “...против голода одно нужно, чтобы люди делали как можно больше добрых дел,— вот и давайте,— так как мы люди,— стараться это делать и вчера, и нынче, и всегда.— Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, п<отому> что можно кормить и не любить, т.е. делать зло людям, но нельзя любить и не накормить” (*Толстой.* Т. 66. С. 12).

Значительный отрывок из этого письма (как раз с приведенными строками) не без пассивного участия Лескова был напечатан А.И.Фаресовым в “Новостях и Биржевой газете” (1891. 4 сент.) в заметке “Л.Н.Толстой о голоде” и с указанием, что письмо Толстого обращено “к одному старому петербургскому писателю” (имя Лескова не было названо; см. об этом выше во вступительной статье С.А.Розановой и примеч. 68 к ней). По поводу появления этого письма Н.К.Михайловский вскоре писал: “Письмо это многих, в том числе и почитателей гр. Толстого, неприятно поразило, надо сказать, извилистостью своей мысли и своею доктринерскою черствостью” (Литература и жизнь // *РМ.* 1892. № 1. Отд. II. С. 121; см. примеч. 3).

Письмо Толстого к Лескову с *отпущением и благоволением* не сохранилось; письма Лескова к Толстому, связанные с этим инцидентом, см.: *Толстой. Переписка.* С. 257—261.

2 Письмо Толстого к Лескову о голоде вызвало кампанию против Толстого в газетах и журналах различного направления.

Огромные размеры голода, охватившего Тульскую губернию, заставили Толстого отступить от изложенной им в письме к Лескову программы и принять самое активное участие в помощи голодающим крестьянам: “...не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать, что-то делать”,— писал он Н.Н.Ге в ноябре 1891 г. (*Толстой.* Т. 66. С. 81). Толстой выступил с резкой статьей, напечатанной с цензурными пропусками в «Книжках “Недели”» (1892. № 1) под заглавием “Помощь голодающим” (*Толстой.* Т. 29. С. 86—116; авторское название статьи — “О голоде”).

3 К письму приложена вырезка из “Петербургской газеты” (1892. 20 янв.) с заметкой Лескова (подписана криптонимом “Н.”) “Нападки г. Михайловского на Л.Толстого” В заметке Лесков писал: «Г<осподин> Михайловский налегает на Льва Толстого за жестокие чувства, выраженные будто в его *частном письме,* попавшем в печать при злополучном участии слишком поспешного постороннего лица и газеты, которая была слишком невнимательна к своему праву оглашать попавший в руки редакции список с частного письма, не предназначенного для печати. Но ведь г<осподи>ну Михайловскому, надеемся, должно быть известно,— даже не может быть неизвестно, что упоминаемое письмо Л.Н.Толстого к одному литератору напечатано в “Новостях” *не в целом виде,* а с очень значительными и весьма существенными исключениями важных мест и мыслей, и что исключения эти сделаны не Л.Н.Толстым и не литератором, к которому письмо было писано, а сделаны эти вымарки *произвольно* и бесправно,— или редактором “Новостей”, или тем лицом, которое сочло себя вправе доставить список с письма в “Новости” для его опубликования». О том, что толстовское письмо о голоде напечатано в “Новостях” “не в полном виде, а с большими пропусками в самых существенных его частях”, и к тому же без ведома адресата, сообщалось и в

заметке той же "Петербургской газеты" "Голодные харчи Толстого" (1891. 6 ноября); в ней приведена короткая беседа с не названным по фамилии "литератором" (очевидно, с Лесковым), который подчеркивал свою непричастность к появлению письма Толстого в газете.

4. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

2 июля <1>892 г.
Усть-Нарова, Шмецк, 4.

Графиня!

Вам, вероятно, известно, что в Петербурге выходит журнал под заглавием "Северный вестник" Журнал этот, при общем своем благородном направлении, всегда относится к Льву Николаевичу с уважением и почтением, которые внушают честным людям его возвышенные свойства. "Сев<ерный> вестник" издается молодою, образованною девушкою, имя которой Любовь Яковлевна Гуревич. Она перевела с латинского сочинения Спинозы[1], а отец ее — известный петербургский педагог[2]. Свое литературное предприятие она ведет независимо и на свои собственные средства. По личным качествам своим Люб<овь> Як<овлевна> — особа достойная уважения, а журнал ее достоин сочувствия независимого и честного писателя.

Теперь г-жа Гуревич гостит у своих родных, вблизи Вас, и ей очень хочется приехать в Ясную Поляну и говорить с Львом Николаевичем, но деликатность и, может быть, застенчивость мешают ей приехать прямо, без всякого предварения,— причем она боится более всего неуместного в самой себе замешательства, которое лишит ее возможности сохранить спокойствие, которым она хотела бы владеть в беседе с человеком такого значения, как Ваш супруг. Ей, без сомнения, хочется говорить с Львом Николаевичем о серьезных жизненных и литературных вопросах, и вообще о задачах, лежащих перед нею как перед молодою женщиною, посвящающею все свои средства на служение не себялюбию, а задачам общественного характера.

Любовь Яковлевна пишет мне, чтобы я послужил ей советом: как ей достичь свидания и беседы с Львом Николаевичем так, чтобы это не причиняло никому беспокойства и чтобы она могла говорить с ним о всем, о чем ей, по ее соображениям, полезно и нужно говорить с ним[3]. Я же знаю, что Лев Николаевич теперь часто недомогает, и потому не решился писать к нему прямо, а позволяю себе сообщить Вам о желании г-жи Гуревич, с присоединением моей почтительной и покорной просьбы — сказать об этом Льву Николаевичу, когда Вы признаете возможным, и затем дать от себя непосредственный ответ Любови Яков<левне> Гуревич (Моск.-Курск. ж. дор. станц<ия> Бараново).

Позвольте мне надеяться, что письмо мое найдет у Вас снисходительное внимание и что моя уважаемая знакомая получит от Вас приветное слово[4].

С глубоким к Вам почтением
преданный Вам Николай Лесков

Отрывок из этого письма (по черновику, хранящемуся в *ИРЛИ*) опубликован В.А.Тунимановым в кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 104—105.

[1] Любовь Яковлевна *Гуревич* (1866—1940), писательница, переводчица, критик, издатель и редактор журнала "Северный вестник" (1885—1898), автор целого ряда статей о Л.Н.Толстом, а также редактор 85 тома собрания сочинений Толстого в 90 томах, который вышел из печати в 1935 г. (письма Толстого к В.Г.Черткову за 1883—1886 гг.).

Сочинения Спинозы, о которых идет речь,— *Спиноза Б.* Переписка. С приложением жизнеописания Спинозы И.Колеруса. Пер. с латин. Л.Я.Гуревич. Под ред. и с примеч. А.Л.Волынского. СПб., тип. М.М.Стасюлевича, 1891. Посылая эту книгу в Ясную Поляну, Гуревич писала Толстому 4 июля 1891 г.: "Не сочтите за навязчивость с моей стороны и со стороны г. Волынского, что мы решились преподнести Вам наш общий труд <...> Переводя Спинозу, я часто думала о Вас,

несмотря на все различие эпох и характеров: чистое вдохновение нравственными идеалами сближает немногих избранных" (*ГМТ*). В Яснополянской библиотеке сохранился экземпляр этой книги с дарственной надписью: "Льву Николаевичу Толстому в знак глубочайшего уважения от переводчика и редактора. СПб., 1891".

[2] Яков Григорьевич *Гуревич* (1843—1906) — педагог, публицист, редактор-издатель журнала "Русская школа" (1890—1906), с 1883 г. был директором гимназии и реального училища.

[3] Лесков имеет в виду письмо к нему Гуревич от 29 июня 1892 г. (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 226). Отрывок из него опубликован в указанной кн.: "Памятники культуры" С. 103.

[4] С.А.Толстая немедленно исполнила просьбу Лескова и вскоре написала Л.Я.Гуревич, что вся семья Толстых будет рада встретить ее в Ясной Поляне, но приезд придется отложить до возвращения Л.Н.Толстого и дочерей из Бегичевки. (Отрывок из письма опубл. в указ. изд.: "Памятники культуры". С. 105.) 7 июля Гуревич ответила С.А.Толстой: "Я получила вчера вечером, по приезде в Бараново, Ваше доброе и любезное письмо и прошу Вас верить, что я глубоко благодарна Вам за него. Без посредства Н.С.Лескова и без Вашего приглашения я не решилась бы приехать в Ясную Поляну, несмотря на мое глубокое, серьезное, продуманное желание поговорить с Львом Николаевичем.

Я боюсь попасть в число людей, позволяющих себе беспокоить Ваше семейство ради своих личных желаний. Только то дело, которому я посвящаю свою жизнь и интересы которого заставляют меня искать свидания с Львом Николаевичем,— только это дело мое дало мне смелость заговорить об этом с Н.С.Лесковым. Я знаю — я слышала со всех сторон, что двери Вашего дома гостеприимно открыты для всех желающих видеть графа Толстого. Но это тем более смущало меня: чем более Вы снисходительны и гостеприимны, тем более люди злоупотребляют Вашею добротою и утомляют Ваше семейство непрекращающимися посещениями. Ваше любезное письмо — и только оно одно — положило конец моим сомнениям и моей нерешительности, и теперь я буду с радостью в сердце ждать того дня, когда Вы пожелаете увидеть меня в Ясной Поляне" (*ГМТ*). Л.Я.Гуревич посетила Ясную Поляну 27 августа 1892 г. (См.: *Гуревич Л.Я.* Софья Андреевна Толстая. (Из воспоминаний) // Жизнь искусства. 1919. №№ 299—303 от 22—23, 25 и 27 ноября).

5. С.А.ТОЛСТАЯ — ЛЕСКОВУ

<7 июля 1892 г.> Ясная Поляна

Многоуважаемый Николай Семенович.

Я исполнила желание Ваше и написала Любовь Яковлевне Гуревич, приглашая ее приехать в Ясную Поляну. Но, к сожалению, я не могу просить ее раньше самых последних чисел июля, так как Лев Николаевич завтра опять уезжает в голодающие места кончать свои дела, и Любовь Яковлевна могла бы с ним разъехаться.

Очень буду рада с нею познакомиться; Лев же Николаевич никогда никому не отказывает в беседе, тем более с такой интеллигентной и умной особой, как Любовь Яковлевна.

Очень рада была случаю услыхать о Вас, и прошу Вас верить в мое искреннее уважение и преданность. Лев Николаевич Вам кланяется[1].

Гр. С.Толстая

7 июля 1892.

[1] Об этом письме Лесков сообщал Гуревич 12 июля (см. в кн. "Памятники культуры". С. 99).

6. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

12, VII, <18>92. Усть-Нарова, Шмецк, 4.

Графиня!

Вчера я получил от Вас письмо, в котором Вы извещаете меня об удовлетворении моей просьбы насчет Любови Яковлевны Гуревич. Спешу тотчас же усердно благодарить Вас за это. Я знаю, что Лев Николаевич принимает *всех* и что потому Л<юбови> Я<ковлевн>е не было нужды в моем предстательстве, но она не хотела явиться так внезапно, как являются многие и — как мы

слышим — иногда затрудняют и обременяют Льва Николаевича,— чему мы и верим и думаем, что этого лучше избегать. А по таким соображениям и еще по тому известию, какое было в "Неделе" (с Ваших слов) о болезни Льва Николаевича[1], мне показалось, что лучше будет отнестись с этим вопросом к Вам. Я и чувствовал, что тут как будто есть какая-то неловкость, но, взвешивая возможность случайностей другого рода, нашел, что все-таки меньше риска будет, если я напишу Вам и попрошу Вас о помощи милой и благородной девушке, которая (мне кажется) застенчива и конфузится — как ей придти в дом к человеку, к которому она питает чувство благоговения[2]. Словом, я должен был ей помочь преодолеть затруднения первого шага, и Вы меня, по-видимому, за это не осудили и поддержали, и от всего этого мне вышла радость, и я Вас благодарю.

Искренно Вам преданный Николай Лесков

[1] Речь идет о заметке, появившейся в "Неделе" в рубрике "Разные разности" (1892. 17 мая). С.А.Толстая в письме к Т.Л.Толстой 6 мая 1892 г. из Бегичевки сообщала: "У папá был сильнейший припадок желчный, его рвало, он кричал на весь дом от боли, но все это после принятых Машей энергических мер прошло очень скоро, часа через четыре. Теперь он соблюдает диэту и пьет Эмс" (*ГМТ*).

[2] Гуревич позднее рассказала в своих воспоминаниях об этой встрече с Толстым: "Он вышел встретить меня и, поздоровавшись, быстрым шагом пошел впереди меня по деревянной лестнице в верхний этаж дома. У меня кружилась голова от волнения, и в глазах металась разорванная на спине, еще не зачиненная блуза и стоптанные туфли Толстого. В крошечной проходной гостиной, освещенной по-вечернему, он предложил мне сесть, подождать графиню и стал расспрашивать о здоровье Лескова и моих последних свиданиях с ним" (Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 41).

7 сентября 1892 г. Гуревич писала С.А.Толстой: "А у меня осталось чувство после посещения Ясной Поляны, что я действительно понимаю обожаемого мною писателя и понимаю всех вас" (*ГМТ*). После этого Гуревич неоднократно бывала у Толстого (последний раз — зимой 1897 г.). Свои воспоминания об этих встречах она напечатала в 1908 г. в газете "Слово" в связи с 80-летием со дня рождения писателя (1908. 28 и 29 авг.; вошли в ее книгу "Литература и эстетика". М., 1912. С. 276—294). О взаимоотношениях Гуревич с семьей Толстых см. также примеч. 4 к письму 4.

7. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

9. III. <18>94 <Петербург>

Я отвечал Добродееву, что, по моему мнению, нет ничего неуместного в том, чтобы он послал бюст своей отливки графине Софье Андреевне или девицам Татьяне Львовне и Марье Львовне, для их комнат[1]. Бюст оч<ень> недурен, высоты вершков 6, имеет вид темной бронзы, на деревянном, точеном пьедестале. Вероятно, это стоит оч<ень> недорого.

Если я отвечал Добродееву не так, как бы нужно, то прошу мне простить это. Мне подумалось, что так будто будет ладно.

Слышу о болезни Льва Львовича и скорблю о нем и за Вас[2]. Он переписывается с общими друзьями, и я о нем осведомляюсь. Сам же после тяжкой болезни и после того, что перечувствовал по поводу детей Хилкова[3], я все еще ищу спасения в молчании.

Искренно преданный Вам Н.Лесков

[1] Публикуемое письмо Лескова к С.А.Толстой представляет собой приписку под текстом полученного им накануне письма от Сергея Емельяновича *Добродеева* (1846—1910), журналиста, издателя журналов "Живописное обозрение" (с 1885) и "Сын отечества" (с 1886):

«Достоуважаемый Николай Семенович!

За болезнью и недосугом Вы совершенно забыли редакцию журнала "Живописное обозрение", а вместе с нею и Добродеева.

Зная Ваши отношения к графу Л.Н.Толстому, позволяю себе препроводить металлический бюст, как работу моих мастерских.

Если Вы будете добры принять его, то я буду очень рад.

Не посоветуете ли выслать бюст и в семью графа? Я намерен выпустить для подписчиков моих изданий целую серию бюстов русских писателей и композиторов. Способ отливки совершенно новый и небывалый в России.

Пользуюсь случаем пожелать Вам здоровья и всякого благополучия.

Готовый к услугам Добродеев.

8 марта 1894 г.»

По воспоминаниям сына писателя, Добродеев подарил Лескову этот бюст Толстого своей работы в марте 1894 г. (см.: *Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 207). В Ясной Поляне также имеется бюст Толстого работы Добродеева. Сохранился ответ Лескова на приведенное письмо:

«19.III.<18>94. Фуршт<адтская>50.

Уважаемый Сергей Емельянович!

Я имел случай в письме к графине Софье Андреевне Толстой написать, что Вы выпустили бюст Льва Николаевича и желаете прислать им экземпляр. Сегодня в полученном мною ответном письме графини она говорит, что ей "приятно будет иметь этот бюст".

Об этом я считаю долгом Вас уведомить и напомнить их *московский* адрес: Долго-Хамовнический переулок, № 15.

У меня бюст Вашего производства видели Третьяков, Ге и Серов — все *знатоки*, и все нашли его оч<ень> хорошим и оч<ень> дешевым (по слухам он будто стоит только 3-5 р.). Другие, которые не понимают толку, разумеется, хвалят еще более, но их хвалы не дорого стоят. Ге он особенно нравится.

Отвечая сегодня графине, я скажу, что сообщил Вам ее ответ.

Ваш покорный слуга Н.Лесков.

P.S. Само собою разумеется, что если Вы пожелаете,— Вы имеете полное основание основываться на этом письме моем и на него сослаться в письме Вашем, при котором пошлете Вашу посылку Толстым» (*ИРЛИ*. Ф. 123.Оп. 2. Ед. хр. 152).

В *РГАЛИ* имеется еще четыре письма Лескова к Добродееву (1890—1893 гг.), связанных с невыполненными обещаниями писателя сотрудничать в "Живописном обозрении".

[2] С 1892 г. Л.Л.Толстой страдал тяжелой формой неврастении. Возможно, причиной болезни была трудная и напряженная работа по оказанию помощи голодающим Самарской губ., где он прожил почти весь 1891 год. Весной 1894 г. он ездил лечиться во Францию. С.А.Толстая записала в дневнике 2 марта 1894 г.: "Таня уехала в Париж, с Левой пожить. Ему стало хуже. Ужас давно уже в моем сердце, что он не жилец на земле. Слишком исключителен, хорош и неуравновешен" (*Толстая С.А.* Дневники. М., 1978. Т. 1. С. 222).

[3] В конце 1893 г. у князя Дмитрия Александровича *Хилкова* (1858—1914) и его гражданской жены Цецилии Владимировны *Винер* (1860—1922) были увезены малолетние сын и дочь. Вызвано это было тем, что Хилковы не состояли в церковном браке и не крестили детей. Ю.П.Хилкова, мать Д.А.Хилкова, с согласия и при поддержке властей, увезла внуков. Она добилась у Александра III (при содействии К.П.Победоносцева) распоряжения передать ей детей для усыновления, крещения и воспитания. Ю.П.Хилкова хотела передать им княжеское имя и наследство. Хлопоты Хилковых о возвращении детей успеха не имели. Л.Н.Толстой также обращался с письмом к Александру III, но оно осталось без ответа (см.: *Толстой*. Т. 67. С. 4—9). О том, что Лесков *перечувствовал по поводу детей Хилковых*, ясное представление дает его письмо Толстому от 15 декабря 1893 г.: "Происшествием с Хилковыми удручен до изнеможения сил и не могу, да и не хочу, приходить в иное состояние, ибо *это* почитаю теперь за самое пристойное" (XI, 572).

8. ЛЕСКОВ — С.А.ТОЛСТОЙ

19.III. <18>94, <С>Пб.
Фуршт<адтская> 50.

Усердно благодарю Вас, графиня, за Ваше ответное письмо[1]. Бюст хорош. У меня его видел Третьяков, Серов и старец Николавра[2], и все нашли его "оч<ень> похожим и оч<ень> хорошим". Секрет этого "дешевого производства из бронзы", кажется, состоит в том, что *гипсовый* бюст наводят тончайшими слоями настоящей бронзы. По виду и, пожалуй, по сущности это бронза, а не сплав, как я думал ранее; но это очень легкая *обтяжка*. В тор-

говле, мне кажется, это должно получить очень большое распространение, т<ак> к<ак> это не дороже терракоты, а много ее прочнее и приятнее. Сегодня же я написал Добродееву, что он может послать Вам бюст и имеет право сослаться на мое письмо об этом[3].

Вчера около полудня ко мне прислали искать Ге, с известием, что Татьяна Львовна и больной Лев Львович находятся на вокзале и будут там до 3-х часов[4]. Ге у меня тогда *не* было, и я не знал, где он, и стал собираться сам, но от одной мысли, что я увижу Льва Льв<овича> больного и в сутолоке, среди людей мне незнакомых, причем не буду знать: как с ним заговорить — вызвало у меня приступы сердечных мук, и я не мог поехать. Н.Ге пришел ко мне только в 2 ч<аса> и сейчас же, не снимая своей шубы, поглотившей изобилие солнечных лучей, поехал на вокзал (что от меня близко). Он видел больного и слышал его скорбные слова, но сам получил впечатление хорошее, и думает, что беда пройдет. Веселитская была у меня сегодня и говорит, что она не знала о проезде Т<атьяны> Л<ьвовны>, и кроме того, она думает, что им всем было не до свиданий с посторонними. Так же точно думаю и я, имеющий в положениях этого рода достаточный опыт. Очень соболезную о милом юноше, а о Ваших чувствах и чувствах Льва Николаевича не дерзаю и говорить. Да и вообще, что тут скажешь?..

Я припоминаю, как картинный Иннокентий в Киеве однажды вместо "слова" сказал: "давайте плакать!"[5] — и все заплакали и почувствовали, что это как раз то, что в эту пору только и годилось. Н.Г<е> говорит, что больной тяготится излишком внимания и заботливости. Но это ничего не значит: ему надо на чем-нибудь срывать горечь своего положения, и он также раздражался бы на недостаток забот о нем. Заботливость нельзя сокращать. Но Вы ведь, разумеется, все это знаете и сами, так думаете и ничего не упустите. Мы о вашем семейном горе беспрестанно помним и всегда хотим знать — что происходит с больным и с его дорогим для всех нас отцом?

О себе скажу одно: я, действительно, изводил и извожу себя бестолковою неуравновешенностью своего нрава, но я не сетую, что это так было. Иначе я был бы еще хуже, чем есть. Где взять покоя, когда горит (буквально *горит*) сердце? Если бы не появилось при Хилковой супругов Зельгейм (квакеров)[6], я, кажется, сошел бы с ума от отчаяния при виде всего того, что я видел и слышал, лежа сам без сил и без движения, с 40^0 жара в крови!

"Евангелистка" Доде — ничто перед этим[7].

Искренно преданный Вам Н.Лесков

[1] Очевидно, ответ на письмо Лескова от 9 марта 1894 г. Он неизвестен.

[2] Речь идет о Н.Н.Ге.

[3] Это письмо Лескова приведено выше (см. примеч. 1 к предыдущему письму).

[4] Т.Л.Толстая срочно выехала в Париж по вызову заболевшего там брата Льва Львовича. 16 марта они были уже в Москве.

[5] Об архиепископе Херсонском и Таврическом Иннокентии (И.А.Борисове) и о приведенной здесь его фразе см. в наст. т. (книга первая) примеч. 190 к хронике "Божедомы. Повесть лет временных"

[6] О Хилковых см. выше примеч. 2 к предыдущему письму. Петр Евстафьевич *Зельгейм* (р. 1830) — старший врач коммерческого училища в Петербурге. Когда Ц.В.Винер — жена Д.А.Хилкова — хлопотала о детях в Петербурге, она жила у Зельгеймов. (Жена П.Е.Зельгейма была англичанка).

О супругах Зельгейм упоминает Толстой в письме к Д.А.Хилкову от 5 марта 1894 г. (*Толстой.* Т. 67. С. 68).

[7] В романе А.Доде "Евангелистка" рассказана история молодой девушки Элин Эбсен, которая под влиянием проповедей евангелистки Жанны Отэман отказалась от матери, от брака с человеком, любившим ее, ушла из дома и превратилась в холодную, жестокую проповедницу веры Христа.

В беседе с Г.А.Русановым в августе 1883 г. о литературе Толстой сказал, что «"Евангелистка" ему не понравилась» (*Русанов Г.А., Русанов А.Г.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом. 1883—1901 гг. Воронеж, 1972. С. 41).

ПЕРЕПИСКА с Т.Л.ТОЛСТОЙ[1*]

Татьяна Львовна Толстая (1864—1950; с 1899 г. по мужу Сухотина), старшая дочь писателя, мемуаристка, прозаик, биограф отца, талантливая художница, получившая специальное образование в Школе живописи, ваяния и зодчества. Автор портретов отца и других членов семьи. "Я рад,— обращался к ней Н.Н.Ге в сентябре 1886 г.,— что Вы хотите заняться искусством — способности у Вас большие — и знайте, что способности без любви к делу ничего не сделают" (Л.Н.Толстой и Н.Н.Ге. Переписка. М.–Л., 1930. С. 75). И.Е.Репин писал ей позднее: "...не бросайте живописи. Голова Марии Львовны и другие этюды Ваши представляют такое уже большое уменье, которому позавидуют многие из профессиональных художников" (И.Е.Репин и Л.Н.Толстой. I. Переписка с Л.Н.Толстым и его семьей. М., Л., 1949. С. 95).

Татьяна Львовна была духовно и душевно близка отцу, помогала ему в литературных и общественных делах: в 1891—1892 гг. вместе с ним участвовала в организации столовых для голодающих крестьян, снабжении их продовольствием и лечении.

Она была активным сотрудником "Посредника": ею составлены сборники "Восточная мудрость", "250 мыслей философов, поэтов и мыслителей", альбом французских художников; была редактором переводов романов Мопассана "Жизнь" и "Монт-Ориоль". Она автор очерка о Марии Монтессори (Montessori; 1870—1952), итальянском педагоге ("Мария Монтессори и новое воспитание" М., 1914). В 1916 г. ею был написан очерк "Курзик" о жизни и гибели от пьянства крестьянина-бедняка (сохранился неполный черновик — *ГМТ*). Беловой текст был отправлен Татьяной Львовной В.Г.Короленко для публикации в журнале "Русские записки", но напечатан не был. 1 января 1917 г. в Ясной Поляне был сыгран домашний спектакль для детей по ее пьесе "Удалось" (*ГМТ*).

Ее талант проявился в цикле мемуарных очерков о И.С.Тургеневе, Н.Н.Ге, Л.А.Сулержицком и др. (сб. "Друзья и гости Ясной Поляны"), а также в автобиографических рассказах "Детство Тани Толстой в Ясной Поляне" и "Отрочество Тани Толстой" (*Т.Л.Сухотина-Толстая.* Воспоминания. М., 1976). Особый интерес представляют ее воспоминания "О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода" (*ЛН.* Т. 69. Кн. 2).

С 1923 г. Т.Л.Толстая — директор Толстовского музея в Москве. С 1928 г. жила во Франции, а затем в Италии, умерла в Риме.

С Лесковым встретилась в январе 1890 г. в Ясной Поляне. Их переписка охватывает период с 1892 по 1894 г. Письма Лескова адресованы как в Москву, так и в Ясную Поляну. Сохранилось 12 писем Лескова (*ГМТ*) и одно Т.Л.Сухотиной-Толстой (от 28 июня 1894 г.; опубликовано: Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. III Л.Н.Толстой; хранится: *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 307). Из лесковских ответов ясно, что, помимо сохранившегося, существовало еще четыре письма Т.Л.Толстой к Лескову. Письма Лескова от 10 декабря 1892 г., 17 февраля, 3 июля, 7 августа 1893 г. в отрывках опубликованы: Вопросы литературы. 1964. № 10. Публикация О.А.Голиненко, А.В.Лужановского, Б.М.Шумовой. Фрагмент письма Лескова от 6 июня 1894 г. приведен Т.Л.Сухотиной в ее книге "Друзья и гости Ясной Поляны" (М., 1923 — с неверной датой: 8 июня; см. также: Сухотина-Толстая Т.Л. Воспоминания. М., 1980. С. 285).

1. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

10 дек<абря 18>92. <Петербург>

Простите меня, Татьяна Львовна, что я позволяю себе беспокоить Вас этими строками. Я послал вчера Льву Николаевичу просьбу писателей "Недели", которые хотят поздравлять Гайдебурова и подносить ему альбом с портретами лиц, к<отор>ые у него печатались[1]. Понятно, что портрет Л<ьва>

[1*] Предисловие К.П.Богаевской и С.А.Розановой. Подготовка текста О.А.Голиненко и Б.М.Шумовой. Комментарии К.П.Богаевской и С.П.Шестерикова.

Н<иколаеви>ча составляет первый интерес и что о нем просят и хлопочут, а хлопоты эти направили через меня, и я послал полученное мною о том письмо в подлиннике Льву Николаевичу вчера, а сегодня в Москву должна ехать Люб<овь> Як<овлевна> Гуревич, и пробудет она в Москве 3—4 дня. Было бы оч<ень> удобно, если бы портрет (т.е. кабинетная фотография *с его подписью*) была прислана с нею, а то на почте по ней ударят штемпелем, и это оставит на ней знак, которого совсем не надо[2]. Сделайте милость, помогите мне исполнить просьбу "недельцев", между которыми есть много прекрасных людей, искренно любящих и уважающих Вашего отца! Огорчить их отказом в исполнении их просьбы было бы жестоко, и я думаю, что этого не будет; но надо, чтобы удовлетворение просьбы было сделано в свое время и как нужно, т.е. чтобы фотография пришла в порядке, а не с пробоинами. И вот я Вас прошу помочь в этом: прошу Вас достать карточку Льва Николаевича, дать ее ему для подписания его имени, и потом отдать ее в конверте Любови Яковлевне для передачи мне, а я отошлю ее Меньшикову.

Пожалуйста, сделайте это так, если возможно.

Брата Вашего видаю. Он был у меня два раза, и во второй раз "солдатом"[3]. Он довольно странно напоминает собою сразу отца и Вас. В лице у него сходство сильнее с Вами, а в голосе и в манере — с отцом. Первый раз он был в борениях, а второй — полегче[4]. Я ему все советовал читать только что вышедшую (по-русски) книжку Гастона де Буасье "Падение язычества"[5]. Там есть много положений, способных внятно говорить ему о том, что его теперь занимает.

Преданный Вам Н.Лесков

[1] Накануне, 9 декабря 1892 г., Лесков просил Толстого откликнуться на просьбу сотрудников "Недели": «...у меня к Вам просьба, для которой прилагаю "оправдательный документ" — это письмо Михаила Осиповича Меньшикова, из "Недели" Гайдебурова <...> Прочтите его и сделайте, что захотите; но я думаю, что его надо удовлетворить, чтобы обрадовать многих и не огорчить никого» (*Толстой. Переписка.* С. 264). Речь шла о пятнадцатилетии журнала «Книжки "Недели"», в котором печатался и Лесков.

[2] Из письма Лескова к Меньшикову от 15 декабря с извещением, что "фотография *с надписью* из Москвы получена", не ясно, прислана ли она была по почте, или ее привезла Л.Я.Гуревич (см.: *ИРЛИ*. 22574. CLVIIIб. 61.)

[3] Л.Л.Толстой отбывал тогда воинскую повинность в конной артиллерии в Царском Селе.

[4] Речь идет о болезненном состоянии Л.Л.Толстого (см. выше письмо Лескова к С.А.Толстой от 19 марта 1894 г.).

[5] Книжка Гастона Буасье "Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в четвертом веке" Пер. с французского под ред. и с пред. М.С.Корелина. М., 1892. "Слышал, что Вы хвалите Гастона Буасье,— писал Лесков Толстому 4 октября 1893 г. — Очень рад, что он Вам нравится <...>" (*Толстой. Переписка.* С. 280).

2. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

<9 февраля 1893 г. Петербург.>

Рукопись свою (бывшую у Вл<адимира> С<ергеевича> С<оловьева>) я получил[1] и, увидав на бандероли надпись, сделанную Вашею рукою, считаю сообразным известить Вас о получении и поблагодарить за Ваше внимание к моей просьбе. Ге приехал и привез о Вашем семействе живые вести. Картины его я еще не видал[2].

Николай Лесков

9.II.93.

[1] Речь идет о заметке "Сошествие во Ад. (Апокрифическое сказание)", написанной не позднее 1888 г. и уже предлагавшейся в разные издания, в том числе в "Новое время" (см. письмо Лескова к А.С.Суворину от 6 декабря 1888 г. // Из переписки Н.С.Лескова с А.С.Сувориным. Публикация О.Е.Майоровой // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 98). Лесков передал ее В.С.Соловьеву, вероятно, в 1892 г. или несколько ранее. 20 мая 1892 г. он писал Соловьеву по этому поводу:

ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ
Фотография фирмы "Шерер, Набгольц и К°".
Москва. Октябрь 1889 года
Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

"Иконографическая заметка теперь очень кстати ввиду возни французов с русскою иконографиею, в которой они ничего не смыслят. Я хотел только, чтобы Вы прочитали эту заметку, и не думал возлагать на Вас хлопот о ее помещении; но *если можно* ее как-нибудь приспособить к "Вопросам философии" (чего нельзя в России?..), то дайте ее туда. В других изданиях она, я думаю, не пройдет... По крайней мере, мне так кажется; а я бы очень хотел видеть ее напечатанною" (Н.С.Лесков. Из неизданной переписки. Публикация К.П.Богаевской // В мире отечественной классики. М., 1984. С. 383). Как видно из следующего письма, Лесков получил рукопись не непосредственно от самого Соловьева, но через Татьяну Львовну. Заметка "Сошествие во Ад" была напечатана в итоге в "Петербургской газете" (1894. 16 апр.; см. также в наст. т. публикацию Т.А.Алексеевой «Лесков в "Петербургской газете"».

[2] См. следующее письмо и примеч. 4 к нему.

3. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

17 февр<аля 18>93. <Петербург>.

Достоуважаемая Татьяна Львовна!

Я получил рукопись, исторгнутую Вами у Влад<имира> Серг<еевича>, и послал Вам об этом "откровенное письмо" в Москву[1], а через час получил от Вас письмо, посланное из Ясной Поляны[2]. Сердечно Вас благодарю за Ваши обо мне заботы и знаю, что склонить В<ладимира> С<ергеевича> к аккуратности в делах — есть задача оч<ень> трудная. Благодарю и за известие о путешествии Льва Николаевича, в котором Вы его сопровождаете, и, вероятно, тоже и Марья Львовна[3]. Мы ведь жадно интересуемся всем, касающимся

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕ

Фотография. Село Никольское. 6 августа 1888 года.

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

“нашего Ясно-Полянского семейства” и любим не одного Л<ьва> Н<иколаеви>ча, а всех, кто ему близок, дорог и нужен.

Спрашивать Вас о нем бывает совестно, и как будто навязчиво и нахально, а не знать о нем долго — бывает скучно и тяжело. А потому вести о нем нас всегда интересуют и живо от одного другому передаются.

Прибыл к нам Н.Н.Ге и выставил свои портреты[4]. По поводу одного из них (его собственного) сегодня напечатано:

“№ 32

Эге!

Сам Ге!”[5]

“Сам Ге” сказал мне, что Л<ев> Н<иколаевич> будто бы не читал “Герои и героическое” Карлейля и что теперь Вы будете читать эту превосходную книжку, и я этому оч<ень> радуюсь. Не говоря о том, что там много мудрос-

ти,— там есть вещи, прямо и косвенно относящиеся к лицу и деятельности Вашего отца, и в этих местах книга о героическом имеет для нас свой особенный интерес,— много разъяснений и утешений, и бездна яркого освещения. Посмотрите там (на 104 стр.) мнения Карлейля о "приятном" и "наслаждениях" "Сам Ге" сказал "Эге" и с этим согласился, а я и давно это так верчу в голове; а вот как Л<ев> Н<иколаевич> об этом рассудит?[6] Не напишете ли когда-нибудь?.. Утешьте! Мне (как человеку пишущему) очень хочется уяснить себе такие вопросы, от которых зависит направление мысли.

Чем нравятся "Импровизаторы" — не понимаю, и чем *не* нравятся "Пустоплясы" — тоже не понимаю[7]. Знакомые сельские учительницы читали "Пустоплясов" парням и девкам и говорят, что оч<ень> нравится и *все поняли* и одобряли, что "натурально" и что "так бы и надобно" А какой есть изъян — про это хотелось бы знать.

Гуревич, должно б<ыть>, уехала в Париж платить деньги Смирновой за ее письма.

Письма эти имеют свой интерес, но мне они вносят в душу что-то *обидное,* и я *не* сочувствую приподнятому тону редакционных разъяснений об их "свежести" и т.п. По-моему от них пахнет чем-то вроде "старых фортепьян"[8].

Скажите, пожалуйста, мой поклон Льву Николаевичу и Марье Львовне.

Преданный Вам Н.Лесков

Дату письма, выставленную Лесковым, приходится дополнить 16-м числом, поскольку Лесков, цитируя в нем "Петербургскую газету" от 16 февраля, указывает: "сегодня напечатано" (см. ниже прим. 5). Возможно, что письмо было начато вечером 16 февраля с тем, что оно будет отправлено на другой день.

[1] Речь идет о В.С.Соловьеве и заметке Лескова "Сошествие во Ад" (см. предыдущее письмо). "*Откровенное письмо*" — т.е. открытка.

[2] Это письмо Т.Л.Толстой не сохранилось.

[3] Толстой вместе с дочерью Татьяной Львовной и Е.И.Поповым ездил в имение Е.П.Раевской Бегичевку Данского у. Рязанской губ., где продолжалась работа по оказанию помощи голодающим. В Бегичевке он пробыл с 7 по 20 февраля.

[4] На XXI Передвижной выставке в Петербурге экспонировались работы Н.Н.Ге: "Мой портрет" и портреты П.А.Костычева и Н.И.Петрункевич.

[5] Лесков цитирует шуточное стихотворение "Мой каталог к XXI Передвижной выставке"; напечатано за подписью Гриб (А.А.Соколов) в "Петербургской газете" 16 февраля.

[6] Лесков был поклонником Т.Карлейля и в частности его трактата "Герои и героическое в истории" (пер. В.И.Яковенко. СПб., 1891); цитату из этого сочинения он взял эпиграфом к очерку "Продукт природы" (IX, 340), работа над которым относится как раз к началу 1893 г. Об отрицательном отношении Толстого к Карлейлю Лесков узнал позднее от Л.И.Веселитской (см. далее письмо 7). 4 октября 1893 г. он писал Толстому: «...не знаю: за что "героизм" Карлейля Вам не нравится» (*Толстой. Переписка.* С. 280). Веселитская в свой майский приезд в Ясную Поляну беседовала с Толстым о Карлейле, о чем писала в воспоминаниях: «Лев Николаевич читал только "Sartor Resartus" и биографию Карлейля: по биографии он нехорош, да и статьи его холодны и не увлекают <...>» (*Веселитская.* С. 37). В дневнике В.Ф.Лазурского записана фраза Толстого о Карлейле: "Его увлечение героями, аристократизм и презрение к массам — это отвратительно!" (*ЛН.* Т. 37—38. С. 462). Обратившие на себя внимание Лескова мнения Карлейля о "приятном" и "наслаждениях" изложены в цитированном им переводе Яковенко (с. 104): "Наслаждаться тем, что приятно,— в этом нет ничего преступного <...>"

[7] Рассказ "Импровизаторы" напечатан в декабрьском номере «Книжек "Недели"» за 1892 г. Рассказ "Пустоплясы" появился в январской книжке "Северного вестника" 1893 г.

[8] Речь идет о редакционной заметке к мемуарной статье *О.Н.Смирновой* (1834—1893) в № 2 "Северного вестника", предпосланной публикации "Записок" ее матери *А.О.Смирновой-Россет* (1809—1882), фальсифицированных дочерью (см. следующее письмо, а также примеч. 7 к письму Лескова Т.Л.Толстой от 4 июля 1893 г.).

4. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

20 V <18>93. <Петербург>

Уважаемая Татьяна Львовна!

Лидия Ив<ановна>[1] сказала мне, что Лев Николаевич говорит про какое-то место у Жуковского, где этот поэт высказывается за смертную казнь и притом с церемониею. И мне припоминается, что и я что-то такое встречал когда-то у Ж<уковского>, но это было тогда, когда еще это меня мало трогало; а теперь я оч<ень> хочу найти это место и не могу.

Обращаюсь к Вам с покорною просьбою: напишите мне, пожалуйста (в Мерекюль № 94), где именно об этом писано в сочинениях Жуковского, и в котором издании? (Они не тождественны.) Пожалуйста, напишите![2]

Лид<ия> Ив<ановна> приехала полная лучшими впечатлениями от Ясной Поляны, но говорит, что "с самим"[3]-то она все-таки еще не познакомилась, п<отому> ч<то> робела... Грешит, чай, немножечко, хотя у нее (как у многих оч<ень> самолюбивых людей) в самом деле много застенчивости, чем и воспользовался хорошо Н.Н.Ге, "влепив ей прекрасную безешку"[4]. Резвый старчик! С собственного его разрешения я чувствую желание описать его, как он бегает по Питеру в пальто, "поглотившем изобилие солнечных лучей".

"Шурочку" я еще раз перечитал после того, как Л<идия> И<вановна> сказала, что рассказ этот у Вас похваляют, но мне все кажется, что это написано уж очень неискусно и так и глядит "первоучиной", от которой нельзя ничего требовать. Автор — оч<ень> умная и хорошая девушка. Вот это мне дает надежды на нее, а рассказ... именно "ничего"[5]. Посмотрите-ка юношеский рассказ Веселитской "Студент"! Там сразу слышен ум и вкус, и "чувство меры", которое Вы у нее основательно заметили[6]. Я желаю успеха "Сев<ерному> в<естни>ку", но боюсь, что если они не выбьются из-под предварительной цензуры, то им будет плохо.

Как ни досадительна цензура *после* напечатания, но она все-таки много легче того, к<ак> к<огда> человек пишет и чувствует перед собою идола с красным карандашом, имеющего право марать, что ему вздумается. Л<ев> Н<иколаевич> хорошо где-то говорит, что надо делать дела по степени их нужности, а для "Сев<ерного> в<естни>ка" на самой первой очереди должно быть — снять с себя предварительную цензуру[7]. По-моему, это очевидно, а они, кажется, этого не видят и могут "заскучнить" журнал, и тогда с ними ничего не сделаешь. "Записки Смирновой" о Пушкине и о Гоголе я читаю с любопытством, но без удовольствия и без радости, а наипаче часто с сожалением и с грустью[8]. Хороши оценки поэтов в "Неделе" у Меньшикова по поводу "Собак" Полонского[9].

Назад т<ому> неск<олько> лет раз в одной редакции фантазировали: где бы кто "из прежних корифеев" встречал Новый год? И не знали: куда послать Пушкина, а я пошутил, что он бы "сам уехал к Победоносцеву слушать арфу Серафима"[10]. И на меня так и заорали из всех углов комнаты; а теперь это же самое (почти) говорится в печати.

Мне это любопытно. Прошу Вас не посудиться на меня за мое письмо и сказать мои поклоны Льву Николаевичу и графине.

Преданный Вам Н.Лесков

Адрес: *Мерекюль*, 94. Больше ничего. Уезжаю завтра.

[1] Т.е. Л.И.Веселитская, только что возвратившаяся из Ясной Поляны, где она провела 12 и 13 мая (см.: *Веселитская*. С. 12—37).

ЛИДИЯ ИВАНОВНА ВЕСЕЛИТСКАЯ (МИКУЛИЧ)

Фотография. Конец 1880-х годов

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

[2] Как видно из следующего письма Лескова, он не получил от Татьяны Львовны справки относительно интересовавшего его суждения В.А.Жуковского о смертной казни. Только с помощью М.О.Меньшикова, уже в декабре, Лесков познакомился со статьей Жуковского "О смертной казни", которую он упомянул в повести "Заячий ремиз" (IX, 530—532). См. также письмо Лескова к Л.Н.Толстому от 15 декабря 1893 г. (XI, 572). Статья Жуковского вызывала возмущение и Толстого, упоминавшего ее в черновиках "Царства Божия...".

[3] *Сам* — Л.Н.Толстой.

[4] *Безешка* — поцелуй (от французского слова baiser). "Прощаясь, художник перецеловал нас всех и меня в том числе",— вспоминала Веселитская, описывая отъезд Н.Н.Ге из Ясной Поляны 12 мая (*Веселитская*. С. 28).

[5] "Шурочка" — рассказ Л.Я.Гуревич, помещенный в февральской книжке "Северного вестника" (за подписью: Л.Горев). В связи с благоприятным отзывом Толстого об этом рассказе Лесков разбирал его в письме к Веселитской от 9 июня 1893 г. (см.: XI, 539).

[6] Об этом рассказе см. письмо Лескова к Веселитской от 29 марта 1893 г. (XI, 532—533).

[7] По поводу попыток Л.Я.Гуревич избавиться от предварительной цензуры, с привлечением к этому делу Лескова, см. его письмо к Веселитской от 10 августа 1893 г. (*Веселитская*. С. 191).

[8] См. примеч. 8 к предыдущему письму.

[9] Статья М.О.Меньшикова "Две правды" («Книжки "Недели"». 1893. № 4—5), вызванная поэмой Я.П.Полонского "Собаки", посвящена понятиям "консерватизм" и "реализм". Прочитав первую часть статьи, 4 апреля Лесков послал Меньшикову открытку со словами: «"Две правды" превосходны. Н.Лесков» (*Ежегодник*. С. 55). В письме от 16 мая 1893 г., дочитав статью до конца, Лесков дал о ней более развернутый отзыв: «При получении 2-й ч<асти> статьи Вашей "Две правды" я хотел сейчас же выразить Вам мое сочувствие и мою радость по тому случаю, который так хорошо обнаруживает силу и рост Вашего серьезного ума и его благородное направление <...> Статья эта превосходна и особенно полезна, но есть что-то как будто не выясненное: "Хижина дяди Тома" ведь "воспитывала умы и сердца" и "Записки охотника" тургеневские — тоже. О Пушкине и вообще поэтах, т.е. "стихотворцах", высказана благородная и светлая правда» (*ИРЛИ*. 22574. CLVIIIб.61).

[10] В цитированном выше письме к М.О.Меньшикову от 16 мая Лесков несколько иначе пересказывал эту сцену: «Я когда-то шутя распределял: где бы встречали "Новый год" поэты, отошедшие в иную жизнь, и у меня все выходило, что Пушкину всего сподручнее было бы у Мещерского с Тертием <Филипповым> или у Победоносцева "внимать в священном ужасе арфу серафима"» (Там же). *Слушать арфу Серафима* — реминисценция из стихотворения Пушкина "В часы забав иль праздной скуки..." (1830) — ответа на стихи митрополита московского *Филарета* (В.М.Дроздова; 1783—1867) "Не напрасно, не случайно...", явившиеся репликой на пушкинское стихотворение "Дар напрасный, дар случайный...". Лесковский приговор Пушкину в значительной мере объяснялся непримиримым отношением писателя к митрополиту Филарету.

5. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

3 VI, <18>93. Мерекюль, 94.

Очень благодарен Вам, Татьяна Львовна, за Ваш ответ на мое письмо[1]. Хирьяков тоже помнит, что такое место у Ж<уковского> есть[2], а где оно и как именно читается — того не помнит. И Лю<бовь> Як<овлевна> Гуревич тоже помнит, но не более, чем я и Хирьяков. А мне это надо в подлинности, чтобы вложить в уста вымышленной сентиментальной личности. Сочинения Ж<уковского> у меня есть, но оне остались в П<етербурге>. Справляться не

беспокойтесь: это сделает Х<ирья>ков, который теперь еще в П<етербурге>, но, когда выпустит свой "переселенческий сборник"[3], приедет пожить ко мне.

Веселитская не может не нравиться людям с благородными вкусами, и, по моему мнению, в ней есть все то, что Вы отмечаете и что говорит Л<ев> Н<иколаевич>,— "она оригинальная и самобытная". Она еще добрая, щедрая, смелая, умная, талантливая, проницательная и "не дорожит деньгами", и способна "переносить осуждение и полное разорение и оспу", и еще я уверен, что она смело встретит и самою стужу. Человек она редкостный и дорогой, но у нее нет равнодушия к "славе", в этом Вы ошибаетесь. Я говорю о ней за глаза, понятно, то самое, что говорю и в глаза: она не только самолюбива, но она *ужасно* самолюбива, так что это самолюбие иногда даже путает ее смысл[4]. Я не почитаю это за порок, п<отому> ч<то> самолюбие м<ожет> вести и к добру, но говорю об этом как о *свойстве* ее характера. Отсюда, я думаю, и упорное якшательство с ханжами и изуверами, и проч<ей> очевидною нелепицою, которой нельзя ей не понимать. Она Вам ведь писала о том, что потерпела "маленькое разочарование" у Варнавы, к к<оторо>му поехала прямо из Ясн<ой> По<ляны>; а это "мал<енькое> разоч<арование>" заключалось в том, что она явилась к Варнаве *покрытая платочком*, и тот шляпниц принял, а ее "*прогнал*"[5]. Но это всё ничего: упрямство не позволит ей оставить это, и м<ожет> б<ыть>, в конце мимочкиной эпопеи вдруг дохнет достоевщиной[6]... Это будет оригинально и самобытно и... очень грустно и досадно. Я ей говорю и не лгу, что я "ее боюсь", п<отому> ч<то> она чрезвычайно обидчива и п<отому> ч<то> я не решился бы ни в чем быть уверенным, что она изберет и как она поступит? Всегда мне кажется и буд<ет> казаться, что из-за того, чтобы не сделать как другие, она мож<ет> стать на сторону, на которой лучше не стоять. Так я ее понимаю и оч<ень> хочу, чтобы суждение мое о ней на этот счет было ошибочно. Тургенев где-то говорит о т<ом>, что есть люди, способные видеть во всем "холопство", даже "холопство в бесхолопстве". Я думаю, что у нашей интересной знакомой есть что-то вроде этой болезни... Это не здоровое состояние: дорога истина, а не то, кто ее откопал. Кто бы ни показал ее, это все равно: раз она ясна, я буду глядеть при ее свете, и не нужно мне бояться, что это не я открыл и что я не оригинален. Но повторяю, что я говорю не о пороке, а просто о *свойстве*, которое я тоже вижу и признаю, но я им не восхищаюсь и его *боюсь*. Лю<бовь> Як<овлевна> Г<уреви>ч — другой человек, тоже оч<ень> умный. В "Шурочке" талантливости я не вижу, и строено все без расчета: крыльцо огромное (пока сходятся танцевать), а дом весь с воробьиный нос[7]. Оч<ень> неумело. Журнал ее, разумеется, попортит. Этого дела нельзя вести, "соблюдая себя",— особенно теперь, при злодейском отношении к печати. "Вестн<ик> Евр<опы>", "Русск<ие> вед<омости>", "Русск<ая> жизнь" и "Неделя" идут *сносно*, хотя и не процветают, но они не подлежат предварительной цензуре; у "Русск<ого> богатства" свой кружок и резко очерченный толк, а "Сев<ерный> в<естни>к" с платком во рту будет говорить, и что же он выговорит такое, чтобы привлекло к нему умы?.. Успеха тут быть не может. И вообще, для чего такой журнал? Посмотрите "Неделю" — маленькая, а ее *всю* читаешь, а статьи Меньшикова иногда еще и второй раз перечитаешь... сравните "обозрения" "В<естни>ка Евр<опы>"[8]. Там все *дело* говорят, а у Люб<овь> Як<овлевны> как раз там и нет деловитости, где она нужна[9]! И потом все это не ест, а "жрет" деньги, и страшно подумать, где и как их добывать! Я два раза убеждал ее передать журнал, пока он ее не запутал, но она этого не сделает, и это ей принесет вред. Если она с Веселитской приедет ко мне (как они хотели), то я при случае опять буду говорить то же. Не "надло-

миться", издавая журнал (у нас), и невозможно. По-моему, это препротивное дело!

Пушкин в изображениях Смирновой мне представляется иначе, чем пишете[10]. Конечно, с Н.П<алки>ным разговор был короткий, но ужасаться выборности во Франции чего же было ему? Он не с Н.П<алкиным> говорил об этом[11]. И все следующие за тем рассуждения об уступчивости фр<анцузского> короля требованиям народа выражают нехорошие настроения ума и чувства поэта. Мне приятно, что эти черты его характера не находят сочувствия и у Меньшикова[12]. Доживи он до дней Галахова или Старчевского[13] — встречал бы он новолетие, "слушая арфу Серафима в священном ужасе"[14]. Был он человек своего времени и понятиями не опережал свое поколение.

О Н.Н.Ге я не говорил "с иронией"[15]. Я тоже его оч<ень> люблю и уважаю, но *привык с ним смеяться* и думаю, какое же зло в этом? Вон ведь и Вы пишете: "в П<етербурге> 76 женщин, да в Москве 15"[16]... Экая область! А знаете ли, как он "знает своих овец" Есть в П<етербурге> бойкая пребойкая дама (г<оспо>жа Борхсениус[17]), которая Н<иколая> Н<иколаеви>ча "не переваривает", и с первой встречи с ним у Евреиновой[18] сочинила карамболь. Дело было оч<ень> жаркое, и после битвы она пришла ко мне и рассказывает, какая у них произошла баталия, а я за Н<иколая> Н<иколаевича> заступаюсь, как вдруг приходит Н<иколай> Н<иколаевич> и обласкал ее, и чуть не дал ей целования, п<отому> что он смешал: не то он с нею поладил, не то разладил... И таких-то, чай, не мало в числе 76-ти. Что же касается "безешки"[19], то мне кажется, это не нужно, но и не важно, а вот он выдумал кухаркам говорить "сударыня", и обидел этим мою старуху, которая говорит: "В жисть такой наглости не слыхала" И у Ярошенки чухонку "этак же обидел"[20], и все эти бедные женщины спрашивают: "Нет, за что же это? И еще старый он человек и такой охальник! Сударыня!" — какая же тут ирония, когда он просто весел и других веселит! Нет, я не позволю себе с ним иронизировать, а он просто у нас тут "буфонил", и стал от всех нас простых Николаев отличаться, как отличны простые монастыри от лавр, и за то мы его возвели из Николаев в *Николавры*. Пожалуйста, не думайте, что я его мало люблю, а уважать его я и хочу, и должен, и уважаю.

Преданный Вам Н.Лесков

Живу я в превосходном месте и здоровье мое сносно, но работать все-таки не наладишься. Последнее соч<инение> Л<ьва> Н<иколаевича>[21] знаю только до половины. Благодарю Льва Николаевича за память[22].

"Новенькая" превосходна,— особенно, когда ее спрашивают: "Кто ей будет резать за столом"[23].

[1] Этот *ответ* Т.Л.Толстой на письмо Лескова от 20 мая не сохранился.

[2] См. примеч. 2 к предыдущему письму.

[3] Научно-литературный сборник "в пользу общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам" — "Путь-дорога" (Издание К.М.Сибирякова. СПб., 1893). В сборник вошли произведения Вл. С.Соловьева, И.И.Янжула, Н.М.Ядринцева, К.Д.Бальмонта, А.П.Чехова, Д.С.Мережковского, Д.Н.Мамина-Сибиряка, Л.Н.Толстого, Я.П.Полонского, З.Н.Гиппиус, Н.Г.Гарина, Н.Н.Златовратского и других, а также работы 22 художников (А.Е.Архипова, Е.М.Бём, Н.А.Касаткина, И.Н.Крамского, Н.В.Неврева, Н.Н.Ге, А.М.Васнецова). В сборнике был напечатан рассказ Лескова "Продукт природы" Составлявший этот сборник А.М.Хирьяков действительно вскоре приехал к Лескову в Мерекюль (см. далее переписку Лескова с Хирьяковым, а также воспоминания Хирьякова).

[4] О повышенном самолюбии и об "обидчивости" Веселитской Лесков неоднократно писал ей самой — см., например, письма от 1 апреля и 26 июня 1893 г. (*Веселитская*. С. 173, 179).

[5] Об этом паломничестве к старцу Варнаве Веселитская пишет в своих воспоминаниях (*Там же*. С. 37). Упоминаемое Лесковым письмо Веселитской к Т.Л.Толстой в архиве последней не сохранилось.

[6] Предсказание Лескова не сбылось, и “достоевщина” в заключительном рассказе Веселитской о “Мимочке” — “Мимочка отравилась” (*ВЕ.* 1893. № 9—10) — никак не отразилась.

[7] Об этом рассказе Л.Я.Гуревич см. предыдущее письмо.

[8] Т.е. постоянные отделы “Вестника Европы”, составлявшие “хронику” каждой книжки: “Внутреннее обозрение”, “Иностранное обозрение” и “Из общественной хроники” (первый и третий отделы вел К.К.Арсеньев, второй — Л.З.Слонимский).

[9] «“Обозрения” смеха и срама достойны»,— писал Лесков Веселитской 5 августа об августовской книжке “Северного вестника” (*Веселитская.* С. 190).

[10] О фальсифицированных “Записках” А.О.Смирновой, печатавшихся в “Северном вестнике” см. письмо 3.

[11] Имеется в виду сочиненный О.Н.Смирновой разговор Пушкина с ее матерью по поводу принятия Карлом X титула “короля французов” взамен прежнего титула “король Франции” (Северный вестник. 1893. № 2. С. 276).

[12] Откликаясь на одну из статей Меньшикова в «Книжках “Недели”», Лесков писал ему о Пушкине: «...Лев Николаевич Толстой в отношении Пушкина высказывал те же мнения, как и Вы, но от Лермонтова он не отнимал надежд на вступление в лучшие отношения к жизни. Я, однако, думаю, что Вы правее и что Лермонтов был, конечно, понатурнее Пушкина, но в конце концов он все-таки удержался бы от близкого общения с “проклятыми вопросами”». (Письмо от 16 мая 1893 г. *ИРЛИ.* 22574. CLVIIIб. 61).

[13] А.Д.Галахов умер в 1892 г.; А.В.Старчевский — в 1891 г.

[14] См. примеч. 10 к предыдущему письму.

[15] Упрек Т.Л.Толстой в том, что Лесков говорил о Ге “*с иронией*”, вызван, вероятно, юмористичными зарисовками в письме Лескова от 20 мая.

[16] Возможно, Т.Л.Толстая шутливо подсчитывает количество “поклонниц” Ге, привлекавшего общее расположение своей незлобивостью и добротой.

[17] Екатерина Иринеевна *Борхсениус,* жена лечившего Лескова врача Н.Ф.Борхсениуса. “Неукротимо общительный” человек, по словам сына писателя (*Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 486), она оставила посвященные Лескову воспоминания, “очень смелые в импровизации, смешении положений и фактов” (Там же. С. 376; опубликованы А.Д.Романенко в сб.: В мире Лескова. М., 1983. С. 342—350).

[18] Анна Михайловна *Евреинова* (1844—1919?) — издательница “Северного вестника”, передавшая журнал Л.Я.Гуревич.

[19] См. примеч. 4 к письму 4.

[20] Т.е. очевидно, прислугу художника Н.А.Ярошенко (1846—1898).

[21] Т.е. “Царство Божие внутри вас”.

[22] Очевидно, в письме Т.Л.Толстой, на которое отвечает Лесков, ему был передан привет от Толстого.

[23] Более сдержано об этой вещи Веселитской (Мир Божий. 1892. № 7) Лесков отозвался в письме к ней самой от 28 февраля, остановившись на той же сценке рассказа — “кто будет резать за столом” (см.: XI, 531).

6. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

4 VII <18>93. Мерекюль, 94.

Многоуважаемая Татьяна Львовна!

На сих днях я писал Льву Николаевичу, прося от него или от Вас разъяснения насчет того, какие места в рукописи, сделанной зимою, изменены в последней отделке[1]. Это мне казалось нужным, т<ак> к<ак> 8-го июля мы будем “соборне” читать трактат по рукописи, к<оторая> есть у Хирьякова, но кот<орая> сделана еще зимою. Сегодня же я получил письмо от г<оспо>жи Борхсениус[2], что какой-то “товарищ Кузминского”[3] будто бы “привез мне из Ясн<ой> Пол<яны>” рукопись, да не знает, как мне ее доставить... Это сказание оч<ень> меня интересует, но кажется мне сбивчивым и маловероятным. Не позволите ли Вы мне просить Вас разъяснить мне, что тут есть похожего на дело и кто именно этот “товарищ”, который будто бы имеет весьма меня интересующую посылку? Я бы через кого-нибудь его разыскал в П<етербурге> и то, что у него есть для меня — получил бы, т<ак> к<ак> теперь это нам особенно нужно! Пожалуйста, ответьте мне что-ни-

будь. "Мимочка"[4] приезжает в Мерекюль 8-го. Я вчера получил от нее во множество извинений завернутое поручение найти и нанять ей на три дня (8—10) "самую дешевую, и *самую дурную*" комнату... Озабочивался исполнить это в точности и нашел комнату у сапожника, очень дурную, и рядом его мастера, которые в субботу напиваются и всю ночь в карты играют и ведут себя как надлежит по-сапожницки. По совести говоря, чувствовал, что это хорошо — как раз то, что надо заказчице, и цена полтинник; но... привычка "чистоплюйства" взяла верх: я оробел и схитрил, взяв комнатку в Кургаузе на мезонине, под крышею, вровень с макушкою самой высокой сосны и с окнами на море, где одне волны шумят. А цена 1 р<убль>. Мож<ет> быть, угожу этим менее, но зато сам буду спокойнее спать, зная что Лид<ия> Ив<ановна> спит, слушая волны, а не игру сапожников. Гуревич хотела приехать, несмотря на какую-то статью, которую Меньшик<ов> написал о Флексере в июльской "Неделе"[5]. Июльская кн<ижка> "Северного вестника" совсем несредактирована[6]. Это ужасно для издания! Но зато этот кусок записок Смирновой — прелюбопытен, и Пушкин стоит на высоте положения умного и серьезного человека[7].

Н.Лесков

[1] В этом письме (от 1 июля) Лесков запрашивал Толстого об окончательной редакции "Царства Божьего..." в связи с предполагавшимся коллективным чтением этого трактата в Мерекюле: "...можно ли экземпляр, списанный зимою (примерно в феврале 93 г.), принимать за удовлетворительный, или сочинение подвергалось существенным изменениям <...>" (XI, 545).

[2] Письмо не сохранилось. См. примеч. 17 к предыдущему письму.

[3] Лицо не установлено. Александр Михайлович *Кузминский* (1843—1917), свояк Толстого, судебный деятель.

[4] Т.е. Л.И.Веселитская.

[5] Речь идет о статье М.О.Меньшикова "Критический декаданс" (Книжки "Недели" 1893. № 7). В письме к А.И.Фаресову Лесков признавал, что эта "горячая и умная статья Меньшикова <...> должна быть очень горька и Ф<лексе>ру, и издательнице журнала" (XI, 550—551).

[6] Подробнее об этом говорится в письме к Веселитской от 2 июля 1893 г. (XI, 547—548).

[7] Имеются в виду "Записки" А.О.Смирновой-Россет, печатавшиеся в "Северном вестнике" в 1893—1895 гг. в переводе с французского Л.И.Веселитской. В письмах к Т.Л.Толстой Лесков и ранее делился своими впечатлениями от "Записок" (см. выше письма от 17 февраля и 20 мая 1893 г.). Позже выяснилось, что они являются мистификацией О.Н.Смирновой, дочери А.О.Смирновой-Россет. Ср. отзыв Лескова об этих "Записках" в письме к Толстому от 10 января 1893 г. (XI, 522) и отзыв об этом же "куске" записок в письме к Веселитской от 2 июля 1893 г. (XI, 547).

7. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

22 VII. <18>93. Мерекюль, 94.

Уважаемая Татьяна Львовна!

Очень Вам благодарен, что Вы не оставляете моих писем без внимания и ответа и тем приносите мне большое удовольствие — знать о Вашем высокоуважаемом отце. Прошу Вас не лишайте меня этого и на будущее время и не сердитесь на меня, если я иной раз сообщаю Вам и маленькие вздоры из нашего здешнего кружка людей, связанных симпатиями к Льву Николаевичу и его семейству. (Не думайте тоже, будто я не уважаю старца Николавру[1]!) Отвечаю я Вам не на тот адрес, кот<орый> Вы написали[2], а на старый и постоянный Ваш адрес, п<отому> ч<то> я против всякого своего обычая замедлил с ответом. Причины тому было три: 1) жары, 2) гости и 3) *троекратное* прочтение рукописи[3]. К чтению первая приехала "Мимочка"[4] и заняла № еще дороже того, какой я для нее приторговал, а именно в 2 р<убля>. Это было уже в бельэтаже и с 2 окн<ами> на море, а она приехала с подругою своею Юшковой, которая вышла замуж так же неудачно, как и "Мимочка", но не

имеет ее гордости и силы, а “страдает”, и Лид<ия> Ив<ановна> ее “выхаживает” и детей ее нянчит. Поэтому она и сюда привезла ее, чтобы рассеять и укрыть от какого-то гнетущего горя. К вечеру 8-го июля они уже были помещены и имели у меня вечернюю трапезу оч<ень> благочинно, а ночью произвели скандал довольно сложного свойства: а) они разговаривали, а сосед стал им за это стучать в стену, и б) когда они замолчали — сосед захрапел, и они увидали, что спать им не придется, а ночь удивительно хороша, и они захотели идти вдоль по берегу моря до скал Удриаса, а гостиница уже была заперта. Тогда они сошли в нижний этаж (в ресторан) и выпрыгнули из окна... Пока утром догадались, что дамы вылезли через ресторан, в гостинице была паника: думали что они спрыгнули прямо со 2-го этажа[5]. Затем 9-го прибыл Меньшиков и начал читать, а для отдыха бегать и лазить по скалам. Производили всё со всеусердием и анекдотами: Лид<ия> Ив<ановна>, Юшкова и моя девочка[6] упали в море и прошли из Удриаса 4 версты мокрые и *босые*, а Меньшиков по рассеянности явился к морю в женские часы, и, не обращая внимания на раздававшиеся крики дам, сошел в воду... Но все это было весело и занятно: самое серьезное чтение перебивалось самым детским легкомыслием, но вдруг 11-го ч<исла> получилась депеша от Гуревич, что она приедет “завтра”, т.е. 12... Тут все и пошло в разлад: М<еньшиков> сохранил спокойствие и достоинство, но <в> среду уехал в П<етербург>, а Л<юбовь> Як<овлевна> приехала не в таком духе, чтобы читать, и второе чтение остановилось на 9-й главе[7]. Лид<ия> Ив<ановна> и ее подруга снялись с места, чтобы провожать Гуревич в Петербург, и уехали 13-го, а у меня остался Хирьяков, да еще Лид<ия> Ив<ановна> отыскала в Шмецке *попа*, который просился “сидеть под столом”, чтобы слушать Толстого. А имя попу “Григорий *Спиридоныч*”[8], Лид<ия> Ив<ановна> за него ручалась и сказала, что он “есть сын Спиридона Ивановича (“Мухомора”)[9] до брака его с Мимочкой” И мы по ее рекомендации этого попа посадили *за стол*, и он же нам и читал всё сочинение и читал прекрасно, и одобрял весьма. Поп прелюбопытный: академист, фаворит своего главаря[10] и великий начетчик в “толстовской литературе” Рукопись мы читали очень хорошо, т.е. основательно, не спешно, с повторениями и взаимными дебатами. О впечатлении теперь не буду говорить, т<ак> к<ак> оно *огромно* и еще не утряслось. Мож<ет> б<ыть>, нам и не следует писать о своих впечатлениях, т<ак> к<ак> все что нам *кажется* — вероятно, было <у> Льва Николаевича на уме и им отвергнуто по достаточным причинам. Притом ему будет писать Меньшиков, которому мы на сих днях сообщили Ваш адрес[11]. А пока я прилагаю Вам письмо М<еньшико>ва ко мне[12], где есть нечто о впечатлении, произведенном на него первым чтением рукописи. Письмецо это при случае мне возвратите. Льву Николаевичу буду писать особо на сих днях ответ на его письмо, за которое его благодарю[13]. Х<ирьяко>в уехал от меня вчера хлопотать о своем “переселенческом сборнике”[14]. От Лид<ии> Ив<ановны> получил позавчера письмо[15], в котором она пишет между прочим, что наш с нею любимый английский писатель (Карлейль) Вам не нравится![16]... Это жестоко! А сколько у него есть общего в воззрениях с Вашим отцом! Получен ли в Ясной Поляне XI-й т<ом> “Собрания” моих сочинений? Я писал в П<етербург>, чтобы послали его Льву Николаевичу. Где Лев Львович и Марья Львовна? Письмо Л<ьва> Н<иколаевича> ко мне, кажется, надписано *ее* рукою из Тулы.

Н.Лесков

[1] Николавра — прозвище Н.Н.Ге (см. об этом прозвище выше, в письме от 3 июня 1893 г.).

[2] Хотя письмо Т.Л.Толстой не сохранилось, ясно, что она указала Лескову адрес: “Сызрано-Вяземская ж.д., ст. Клепатки” — ближайший почтовый пункт от Бегичевки, куда она ездила с отцом по делам помощи голодающим и где они пробыли с 12 по 19 июля.

[3] Т.е. “Царства Божия внутри вас”

[4] Л.И.Веселитская.

[5] В своих воспоминаниях о пребывании в Мерекюле Веселитская рассказывала об этом совместном с Натальей Александровной Юшковой путешествии "в сторону Удриаса", относя его к раннему утру ("проснулись в пять часов"). По ее словам, когда Лескову стало известно, «как мы вылезли из окна <...> это его почему-то восхитило. Он стал звать нас "жены легконосицы и окнеползаницы"» (*Веселитская*. С. 185—186).

[6] Варя *Долина* (1879—1968), воспитанница Лескова, дочь его горничной Е.А.Кукк. В неотправленном и неоконченном письме к Толстому от 7 июля 1891 г. Лесков сообщал: «Я живу один, с 11-летней девочкой, сироткой, которую мать не могла пропитать и доверила мне с 2-х лет, и она теперь уже обо мне нежно заботится. Иные говорят, будто она моя дочь,— но я бы и не боялся признаться в этом, если бы это была правда, а это неправда: я ее взял просто из жалости, по одним мыслям с Сютаевым, что надо всем взять по сироте, и получил я в ней удостоверение, что нисколько не трудно любить не свое рожденное дитя как свое кровное. Вышла она у меня добрая и сострадательная ко всякому горю и прекраснейшая чтица, какой я и не слыхивал. Владимир Соловьев слушает ее с восторгом, и Ге ее ласкал. А теперь она ходит читать всем "Суратскую кофейню", и так читает, что все невольно заслушиваются. И все она Ваши книжки знает и читает их детям, рыбакам и старушкам в богадельне. Вот какая мне послана отрада <...>» (*Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 262). Подробнее см.: *Шелаева А.А.* История воспитанницы Н.С.Лескова Вари Долиной по его письмам к ее матери Е.А.Кукк // *РЛ*. 1991. № 3. С. 102—107. См. также выше примеч. 10 к сообщению Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник знакомства с жизнью Лескова в Петербурге (1880-е годы)".

[7] "Лидия Ив<ановна> уехала, не дочитав рукописи далее 9-й главы,— сообщал Лесков Толстому 28 июля 1893 г., передавая подробности чтения "Царства Божия...",— так как тут подъехала Л.Як.Г<уревич>, в большом раздражении на Меньшикова за статью, и сестре нашей Лиде надо было ее успокаивать и меня, больного, защищать, а потом увозить Л.Я. в Петербург <...>" (XI, 553). Об этой статье Меньшикова см. выше примеч. 5 к письму Лескова от 4 июля 1893 г.

[8] Речь идет о священнике и духовном писателе Григории Спиридоновиче *Петрове* (1868—1925), лишенном в 1907 г. сана. О знакомстве с ним Лескова см.: *Веселитская*. С. 186—187. Он окончил Петербургскую духовную академию, поэтому Лесков и называет его далее "академистом" Позднее Г.С.Петров был депутатом II Государственной Думы.

[9] *Спиридон Иванович ("Мухомор")* — муж "Мимочки", героини трилогии Веселитской, старый генерал, который в одном из эпизодов рассказа "Мимочка на водах" сравнен с мухомором. Шутки Веселитской, назвавшей Петрова "сыном Спиридона Ивановича", построены на совпадении отчества Петрова с именем "мимочкина" супруга. О Петрове в связи с чтением "Царства Божия..." см. письмо Лескова к Толстому от 28 июля (XI, 551—552), а также публикуемые ниже воспоминания А.М.Хирьякова.

[10] Т.е. Иоанна Леонтьевича *Янышева* (1826—1913), ректора Петербургской Духовной академии, духовника царской семьи, доктора богословия.

[11] Об этом же намерении Меньшикова Лесков извещал 2 августа Веселитскую, но Меньшиков Толстому так и не написал. Во время пребывания Веселитской в Ясной Поляне в октябре того же года Толстой расспрашивал ее об этом чтении у Лескова, особенно интересуясь отзывами Г.С.Петрова: "...интересно, что священник сказал" (*Веселитская*. С. 43).

[12] Это письмо Меньшикова к Лескову не сохранилось, хотя и было возвращено Лескову Т.Л.Толстой (см. далее письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 7 августа 1893 г.).

[13] На это несохранившееся письмо Толстого Лесков ответил 28 июля обширным посланием, в котором изложил впечатления от чтения "Царства Божиего..." (XI, 551—554).

[14] См. примеч. 3 к письму к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г.

[15] Письмо не сохранилось.

[16] О Карлейле и об отношении Лескова к его произведениям см. примеч. 6 к письму к Т.Л.Толстой от 17 февраля 1893 г.

8. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

5 VIII <18>93. Мерекюль, 94.

Я не послушался Вас, Татьяна Львовна, и, должно быть, сделал дурно: Вы мне советовали писать Вам на Ваш отъездный, рязанский адрес, а Хирьяков мне стал доказывать, что по этому адресу письмо не придет, т<ак> к<ак> Л<ев> Н<иколаевич> говорил ему, что поедет туда только на самое короткое время[1]. Я и написал Вам в Ясную П<оляну> и послал письмецо Меньшикова, а ответа нет[2]. А писаны были Вам разные "багатства"[3] и "авантюры" нашего здесь собрания и "скандалы", произведенные нашими дамами-легконосицами[4] (выпрыгнули из окна, упали в море, получили в ресторане приказа-

ние подать чашку шоколада). А также и про критика[5], который задумался, как фарисей, и целомудренно купался при дамах, удивляясь: "чего на него кричат!?" Однако, к счастию, все это кончилось пока без суда и без полиции, а только репутация наша в Мерекюле пострадала; но зато у нас много было смеху и веселья. С приближением Лю<бови> Як<овлевны> все дело менялось: во-1-х, Меньш<иков> уехал тотчас по получении мною ее депеши, а во-2-х, она была в большом "трех волнении"[6], которого я не мог успокоить тем, что меня долгие годы еще не так ругали! А Л<идия> Ив<ановна> и Хирьяков оробели и, наверное, меня предали. Зато Мимочке[7] досталось самостоятельно вести это дело от Нарвы, до которой я их проводил и посадил в вагон 3-го кл<асса>, причем Лид<ия> Ив<ановна> мне и Хирьякову объявила, что рекомендованный ею нам поп Григорий Спиридоныч есть "*сын Мимочки и ее мужа*", Спиридона Ивановича (Мухомора)[8], а что сама она Лид<ия> Ив<ановна> "легконосица" просит потому его не обижать, а за все свои бесчинства в Мерекюле она "пойдет из Павловска *пешком* к Колпинской Божией матери"[9]... От Вас она ездила к Варнаве, а от меня в Колпино[10]. Письмо Ваше, полученное при ней,[11] я ей показал, и она сказала, что "называя ее Мимочкою, Вы делаете ей св<ин>ство" Была здесь она премилая, пречистая и просвещенная, и сказала, что хочет жить здесь будущее лето, если... и проч<ее>.

Сочинение Л<ьва> Н<иколаевича> она дочитала только до 9-й гл<авы>, но хочет дочитывать[12]. Как все это укладывается у нее рядом с Варнавою и с Колпиным — немножко недоумеваю и думаю, что Варнава и Колпино нужны ей по упрямству, которого у нее запас огромный[13]. Я ей советовал не дочитывать, но она прислала мне в ответ "шпилечку", но, впрочем, "поручила меня Христу" В Павловске[14] она получила письмо от Вас; переводит записки Смирновой и вынашивает на своих руках детей своей подруги[15], а также штопает что-то Лю<бо>ви Як<овлевне> и починяет ее разорванное спокойствие[16]. Этим она даже хвалилась, но, должно б<ыть>, напрасно: в августовской книжке "С<еверного> вест<ника>" достигла и того, что журнал стал предметом шуток и насмешек, и притом по заслугам, и основательно[17]. Это оч<ень> неполезно для издания, и этого совсем не надобно было. С 15-го августа мой адрес: Петерб<ург>, Фуршт<адтская> 50. 4.

Н.Лесков

P.S. О "переселенческом сборнике"[18] идет дружное и ничем не нарушаемое молчание по всей журнальной линии... Это оч<ень> дурно, и виноват этому Хирьяков, кот<орый> думал, что не надо никому давать экземпляров для отзыва[19]. Прислали ли экземпляр Льву Николаевичу[20]? Пожалуйста, попросите Л<ьва> Н<иколаевича> пробежать мою статейку и напишите мне: не производит ли это отталкивающего впечатления[21]? Прислали ли Вам из типографии Стасюлевича XI том моих бессмертных творений[22]? Я им послал Ваш адрес. Где Лев Львович? Не огорчился ли он за мое какое-нибудь слово? Прошу простить[23]. Я все хотел бы видеть хороший, нравственно устроенный брак или союз мужчины с женщиной, а не зарекательство от этого, причем как-то все этого рода затощеванцы начинают бредить соблазнами и видеть их даже там, где их присутствие глазом не увидишь. Я боюсь, что тут есть своего рода одержимость и разводить это едва ли полезно, и едва ли здорово для общества, которое "вместить сего совсем не может" и оч<ень> радуется, что запрос так высок, что и примеряться нечего, и продолжают идти своею низкою дорогою, причем сохраняют свое значение джерси и нашлепки[24]. Что именно Вы читали у Карлейля и на чем его забраковали[25]?

Хотелось бы прочесть такую повесть, где мужчина искал бы себе девушку *по идеалу* и нашел бы счастье в том, чтобы уважать ее добродетель, и заботу в том, чтобы с такою матерью, какою она быть в состоянии, воспитать бы в

добром примере рожденное дитя или детей. А тут по этой канве и расшить: всё, что этому мешает и как избежать этих помех. Но брат Ваш еще оч<ень> молод, а "Шурочка"[26], по-моему, совсем не серьезно поставлена. На меня это производит *смешное* впечатление.

[1] См. примеч. 2 к предыдущему письму.

[2] Ответ Т.Л.Толстой Лесков получил 7 августа (см. следующее письмо). Настоящее письмо частично повторяет письмо Лескова от 22 июля.

[3] *"Багатства"* — мелочи, пустяки (от франц. bagatelle).

[4] Речь идет о Л.И.Веселитской и ее подруге Н.А.Юшковой. См. примеч 5 к предыдущему письму.

[5] Т.е. М.О.Меньшикова.

[6] Выражение повторено Лесковым в письме к В.А.Гольцеву от 4 июня 1894 г. (XI, 585). Оно встречается и у Н.А.Лейкина.

[7] Т.е. Веселитской.

[8] Григорий Спиридоныч — священник Петров. См. о нем предыдущее письмо.

[9] О намерении Веселитской совершить паломничество в Колпино (посад близ Петербурга с чудотворными иконами) Лесков писал также Толстому 28 июля (XI, 553).

[10] О "старце Варнаве" см. выше письмо к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г.

[11] Это письмо не сохранилось.

[12] "Царство Божие внутри вас".

[13] См. об этом письмо Лескова к Веселитской от 28 июля 1893 г. (*Веселитская*. С. 188).

[14] Летнее местожительство Веселитской.

[15] Н.А.Юшковой.

[16] Глагол "штопает" Лесков употребляет в переносно-ироническом смысле, имея в виду работу Веселитской над повестью "Зарницы", которую она писала для "Северного вестника", из желания помочь Гуревич в ее запутанных делах по журналу и не рассчитывая на получение гонорара. Повесть эта появилась в первых четырех книжках "Северного вестника" за 1894 г.

[17] Подробнее об августовской книжке "Северного вестника" Лесков писал в тот же день Веселитской (см.: *Веселитская*. С. 190).

[18] "Путь-дорога" (см. письмо к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г.).

[19] О сборнике "Путь-дорога" вскоре появились рецензии в августовских книжках "Русской мысли" и "Русского богатства"; затем — в "Вестнике Европы" (№ 9), "Мире Божием" (№ 9), "Северном вестнике" (№ 10), "Русских ведомостях" (5 ноября) и в "Новом времени" (17 ноября).

[20] В Яснополянской библиотеке этой книги нет.

[21] Речь идет о напечатанном в сборнике "Путь-дорога" очерке Лескова "Продукт природы", в котором имеются сугубо реалистические подробности переезда на барках по Волге обовшивевших крепостных крестьян-переселенцев.

[22] Лесков рассылал этот том друзьям. "Сегодня вышел мой XI-й том,— писал он Меньшикову 20 июня 1893 г. — Я написал, чтобы типография послала Вам экземпляр. Пожалуйста, примите его от меня и не сочтите это за неуместное. Посылая книгу друзьям, я не находил причины лишать себя при этом удовольствия послать свою книжку и Вам; но пусть это никаких последствий в печати не имеет" (*ИРЛИ*. 22574. CLVIIIб. 61).

[23] Лесков вызвал недовольство Л.Л.Толстого своим письмом к нему (от начала июня, оно не сохранилось), в котором откровенно писал о неудачных, с его точки зрения, «опытах разрешать вопросы "взаимного мужей к женам соизволения"» (см. письмо к Веселитской от 13 июня 1893 г. — XI, 541). См. подробнее об этом выше во вступительной статье С.А.Розановой.

[24] Здесь Лесков отсылал к пятой — седьмой главам "Крейцеровой сонаты", в которых Позднышев рассказывает об обстоятельствах своей женитьбы (*Толстой*. Т. 27. С. 21—23; в первых изданиях XIII тома собрания сочинений Толстого, подготовленных С.А.Толстой, откровенное толстовское выражение "нашлёпки на зады" и "нашлёпки" заменены словом "турнюры"). Лесков имел в виду эти слова Толстого в очерке "Продукт природы": «Он был человек недюжинный,— вспоминал Лесков о своем свойственнике А.Я.Шкотте,— и в одном отношении предупредил даже на сорок лет этику "Крейцеровой сонаты". Опасаясь, чтобы на него при выборе жены не подействовали подкупающим образом "луна, джерси и нашлепка", он отважился выбирать себе невесту в будничной простоте и для того объехал соседние дворянские дома, нарядившись "молодцом" при разносчике. Таким образом он увидал всех барышень в их будничном уборе <...>» (IX, 340).

[25] Об отрицательном отношении Толстого и его старшей дочери к Т.Карлейлю см. примеч. 6 к письму от 17 февраля 1893 г.

[26] См. примеч. 5 к письму от 20 мая 1893 г.

ЛЕСКОВ

С.-Петербург. Фотография Лоренца. 1884

Впервые напечатана в "Известиях книжных магазинов товарищества М.О. Вольфа" (1900, № 6, с. 85) с подписью: "Н.С.Лесков на 54-м году жизни"

9. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

7 VIII <18>93. Мерекюль, 94.

Сегодня получил Ваше письмо, при котором Вы возвратили мне письмо Меньшикова[1] и извещаете о получении у Вас моего XI-го тома. Я хотел знать: получен ли он у Вас, потому что не сам отправлял его; а мне было бы неприятно, если бы у Вас был не полный экземпляр моих сочинений. Что в этом XI томе напечатано, это все меня *не* интересует[2], но мне оч<ень> хочется знать: читал ли Лев Николаевич мою статейку в переселенческом сборнике[3] и не находит ли он ее очень дурною, неуместною, или рискованною? В этой статейке рассказан *былой* случай, но к<ак> это было оч<ень> давно, и я писал это в болезни и в раздражении против затейников, придумавших издание сборника, то я написал дурно и слишком кратко, и не сказал многое, что помню из этой истории. Читая у Л<ьва> Н<иколаевича> про орловскую неклюдовскую скамейку[4], я, напр<имер>, припомнил, что наших переселенцев секли, *растянув на кресте*, и что крест этот был сделан из досок и стоял у стены в канцелярской комнате, и мне его показывали. Такой же крест был в Пензе при Панчулидзеве[5], и исправник говорил, что это "восписуем — тя раба" Теперь переселенцев "встречают и *окропляют* св<ятой> водой", а их надо встречать и ко встрече их *готовить бани*, и прямо вести их всех в бани, а потом уже размещать их. Иначе они все расчешутся,— что уж и было в Калькутте на пароходе, где все их сторонились, как прокаженных[6]. В общем мне сборник *не* нравится к<а>к слишком посредственный и не имеющий "светового пятна" И пора бы эти сборники перестать издавать, т<ак> к<ак> они обыкновенно составляются из завали или даже из отброса. Наши писате-

ли не так сыты, чтобы их подбивать на даровые работы. Миллионер Сибиряков дал 1975 р<ублей> ***взаймы с возвратом из первой выручки***, и сборник называется *его* изданием, а в числе писателей тома есть Баранцевич, у которого 7 детей и 60 р<ублей> жалованья в месяц[7]. И вот его вовлекают в пожертвования, и он тянется и приносит в прямую жертву не меньше того, что миллионщик дает взаймы и до первой выручки!.. Я оч<ень> не люблю таких нагловатых проделок, при которых благодеяния совершаются богатыми на счет других людей, и притом людей нищих же. Модестыч[8] получил немало досаждений при издании этого сборника, и это ему урок, чтобы он за осуществление таких чужих выдумок не брался. У нас как филантропическая затея — так и пошлость, а иногда и подлость. Художественные вклады тоже ничтожны. Рисунок брата нашего Николавры кто-то из художников назвал: “пирамидка”[9]. Это недурно. Вывел всех нас Модестыч *на посрамление*. Теперь недостает еще того, чтобы при отличном способе пропагандирования этого сборника он сел бы у издателей на руках, и Сибиряков не получил бы своих 1975 р<ублей>, а переселенцы получили бы “фигу с маслом”, и это, пожалуй, так и будет. А затеял всё это ни кто иной как “Ивантий” Горбунов[10], который, небось, теперь примерно сидит себе в валенках в Московской конторе благочиния[11] и пьет чай с Сытиным... “О, Господи!” — сказал мужик и сказал совершенно справедливо. Благодарю Вас за ответ о членах Вашего семейства. Что же такое с Львом Львовичем? Он не богатырского сложения, но как после поправления сил в степях дело сразу могло дойти до Захарьина[12]! Верить, кажется, можно только в одно — применение благоприятных условий жизни. Зима наша больным и слабым людям ужасно вредна. Много добра было людям зимою в По и Перпеньяне, где и хорошо легким и легко карману. Мое здоровье как будто получше, *пока* я на берегу моря и дышу чистым горным воздухом и хожу в одной холщевой куртке, но как буд<ет> в городе, при шубе и калошах,— об этом и думать не хочу. Лид<ия> Ив<ановна> Вам писала и пишет мне, что у них стало дурно[13], и она собирается в П<етербург> — я собираюсь туда же 15-го (для моей девочки[14], которая учится в St. Annen Schul<e>). Впрочем, и погода уже испортилась и хочется работать. Лид<ия> Ив<ановна> имела междуусобный разговор[15] с Л<юбовью> Як<овлевной> о ее журнале, но это, кажется, бесполезно... “О, для чего в тебе женщина образ богини затмила!” Я боюсь, что журнал, перейдя из положения трудного в опасное, скоро явится в положении несчастном и, наконец, безысходном... Для журнала нет ничего хуже, к<а>к сделаться смешным. “Северный вестник” быстро к этому поспешает.

Н.Лесков

Пожалуйста, скажите мой поклон Льву Николаевичу и Льву Львовичу, и вспомните иногда, что мне оч<ень> дорога всякая возможность общения с Вашим уважаемым семейством. Льва Николаевича я не дерзаю отрывать от дела моим письмом, а к Вам почему-то “имею дерзновение” Простите.

Qui-pro-quo с правкою Кузминского, очевидно, было так, к<а>к думает Лев Николаевич[16].

Зачем это “сочинение” давали такому “датскому переводчику”, который “хромает на оба колена”, и, конечно, смотрит на вещи из oeil de boeuf[1*][17]? Чья это могла быть вполне непригодная мысль?

Я спросил в разговоре Лид<ию> Ив<ановну>: не взялась ли бы она перевести на французский язык статью Л<ьва> Н<иколаевича> о Золя. Она отве-

---

1* из слухового окна (*франц.*).

чала: "разумеется, охотно взялась бы" Нельзя ли мне прочитать эту статью о Золя[18]?

"Мим<очка>" познакомилась с Кони и пишет: "Видела его остроумие, но ума еще не видала"[19].

[1] Письмо Т.Л.Толстой к Лескову не сохранилось. Оно является ответом на письмо Лескова от 22 июля, при котором им было послано письмо к нему Меньшикова с рассказом о его впечатлениях от чтения "Царства Божия..." у Лескова в Мерекюле.

[2] См. примеч. 22 к предыдущему письму.

[3] Т.е. рассказ "Продукт природы" Лесков и раньше интересовался, какое впечатление этот рассказ произвел в Ясной Поляне (см. письмо от 5 августа 1893 г.).

[4] Речь идет об эпизоде из трактата "Царство Божие внутри вас"

[5] Александр Алексеевич *Панчулидзев* — пензенский губернатор (1831—1859). Вместе с орловским губернатором П.И.Трубецким он представлялся Лескову типичным помпадуром "глухой поры", т.е. николаевской эпохи. О нем см. упоминания в рассказах "Белый орел" (VII, 8), "Умершее сословие" (VIII, 458—459), "Загон" (IX, 361, 369).

[6] «Партия переселенцев, плывшая в 1892 г. во Владивосток,— читаем в заключительной главе "Продукта природы",— "обчесалась" в виду Коломбо, но ей в этом ничем не помогли, и люди так поплыли чесаться далее!.. Пусть знают наших, каковы мы в гости едем!» (IX, 355).

[7] В сборнике "Путь-дорога" напечатан рассказ К.С.Баранцевича "Гость"

[8] Т.е. А.М.Хирьяков, при участии которого сборник "Путь-дорога" был издан.

[9] Речь идет о рисунке Н.Н.Ге "За книгой"

[10] Иван Иванович *Горбунов-Посадов* (1864—1940) — издатель книг для народного и детского чтения, возглавивший после В.Г.Черткова издательство "Посредник" (с июня 1893 г.).

[11] Т.е. в издательстве "Посредник". Лесков долго еще помнил закулисные обстоятельства издания сборника "Путь-дорога", и при общей нелюбви его к благотворительным сборникам, с удовольствием посвящал своих литературных знакомых в историю издания. В письме к Т.Л.Толстой от 5 октября он вновь возвращается к этому вопросу.

[12] Имеется в виду болезнь Л.Л.Толстого и лечение его у знаменитого московского терапевта Григория Антоновича *Захарьина* (1829—1897).

[13] Это письмо Веселитской к Лескову не сохранилось. Выражение "у них" обозначает семью Веселитской, проводившей лето с матерью и отчимом в Павловске.

[14] Т.е. воспитанницы Лескова Вари Долиной (см. примеч. 6 к письму от 22 июля 1893 г.).

[15] Выражение использовано Лесковым в "Левше" (см.: VII, 26).

[16] Неясно, о чем идет речь. Ср. письмо от 4 июля 1893 г., где говорится о пересылке рукописи через "товарища Кузминского"

[17] Лесков имел в виду Петра (Эмилия) Готфридовича *Ганзена* (1846—1930), известного переводчика с датского, шведского и норвежского языков. Переводил на датский язык произведения Гончарова и Толстого.

[18] Статья "Неделание", которая была вызвана напечатанною в газетах речью Э.Золя студентам. "Неделание" появилась в сентябрьской книжке "Северного вестника" Французский перевод ее Веселитской в печати неизвестен.

Ознакомившись с "Неделанием", Лесков отметил в записной книжке: «О "Неделании" у Толстого: зачем его не спросят: как понимают слова Евангелия о праздных работниках: "что вы здесь целый день праздно стоите?"» (*РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108-а). С этой записью любопытно сопоставить слова Лескова о Толстом в беседе с И.А.Шляпкиным: "Мне не дано понимать этого колосса <...> я не понимаю его непротивления злу. Я не раз задавал графу вопрос, как бы он поступил, если бы совершали насилие над его матерью, неужели бы сын не вступился?" (*РС*. 1895. № 12. С. 209).

[19] Письмо Веселитской с этим отзывом об А.Ф.Кони не сохранилось. В письме Лескова к ней от 5 августа 1893 г. дана высокая оценка личности Кони (*Веселитская*. С. 190).

10. ЛЕСКОВ – Т.Л.ТОЛСТОЙ

5 X <18>93. СПб., Фуршт<адтская>, 50, 4.

Уважаемая Татьяна Львовна!

Завтра едет к Вам Лидия Ивановна[1], и я посылаю с нею к Вам же выправленный мною экземпляр сказки: "Час воли Божией" и записку на имя Льва Павл<овича> Никифорова[2], с удостоверением, что я даю ему право напечатать эту сказку в сборнике, который он будет издавать в Москве с какою-то благотворительною целью[3]. Направляю все это в Ваши руки потому, что я г<осподина> Никифорова *совсем не знаю,* а он пришел ко мне как знакомый Льва Николаевича и начал с того, что Л<ев> Н<иколаевич> дает ему в сборник свое произведение. В чью пользу будет этот новый сборник, увеличивающий число дурно расходящихся других сборников[4], я уразуметь не мог, но понял, что его будет издавать какой-то московский торговец с рундука, которому, очевидно, нужна реклама, а мож<ет> быть, и еще что-нибудь. Впрочем, я был очень нездоров в тот день, когда был у меня Никифоров, и потому, когда пришлось писать записку о разрешении печатать сказку, я не мог ее составить, ибо не мог написать, в чью пользу будет сборник? Хирьяков взялся это выяснить, но не получает ответа, и дело остается в заминке и имеет, мож<ет> б<ыть>, такой вид, как будто я раздумал и не хочу дать рассказа. А этого на самом деле нет. Сборщики и их сборники мне очень надокучили, и предприятий их в этом роде я не ободряю и не одобряю, и даже ожидаю от них рано или поздно скандалезных развязок по счетам, которые у них ведутся без счетов "по системе отца Иоанна Кронштадтского"[5]. Словом, мне это противно; но Никифорову, пришедшему ко мне с именем Вашего отца, я не желаю отказывать и что ему пообещал, то и посылаю.

Однако же я не знаю: 1) где он теперь находится и 2) как написать в записке: *в чью пользу* издается сборник? Для этого я составил записку так, что в конце ее, перед моею подписью есть чистая строка и линия, на которой прошу Вас вписать цель сборника, как ее объяснит Вам Лев Павл<ович> Никифоров, который, по словам Павла Ив<ановича> Бирюкова, находится в сношениях с Львом Николаевичем и известен ему с оч<ень> хорошей стороны. (Он так беден, что лучше бы издать сборник в пользу его голодных и холодных детей, а не для рекламы рундучника). И вот моя просьба к Вам: 1) откройте, где Никифоров; 2) впишите необходимую ему строку в мою записку; и 3) отдайте ему эту записку и экземпляр сказки с прибавками, которые сделаны моею рукою.

Позвольте мне надеяться, что Вы не найдете в этой моей просьбе ничего, кроме желания удовлетворить желание человека, стремящегося взвалить на свои плечи бремена тяжкие и неудобоносимые. Иначе я не знаю: как я мог бы это исполнить.

С сборником "Путь-дорога" явное недоразумение денежного свойства все сгущается и при 80 участниках секрета едва ли долго останется в секрете, и это оч<ень> нехорошо. Конст<антин> Сибиряков удивителен, что он этого не понимает. Ему бы стоило только не требовать 1995 р<ублей> с переселенцев и не награждать ими "отца" их Кронштадтского, и всё бы это прошло тихо, а теперь оно тихо не пройдет. Пав<ел> Ив<анович>[6] сказал мне, что Вы написали две повести и обе без "обязательной любовной повинности"[7]. С этим человека можно поздравить. Шекэры "танцуют перед Богом", и Шопенгауэр говорит: "Отчего и не танцевать тем, кто одолел в себе такую штуку!"[8] Это и правда. От души рад буду за Ваших героев, если они "затанцуют", а не захнычат: "Чего ради не вкусили мы сладости медовныя?"[9] Чаще кончают *так.*

Н.Л.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ
Спб., Фурштатская ул., № 50, кв. 4.

Москва.
Долго-Хамовники.
Домъ гр. Толстыхъ
Е.С. Графинѣ Татьянѣ Львовнѣ
Толстой.

5/X.89. Спб. Фурш. 50, 4.

Уважаемая Татьяна Львовна!

[illegible]

ПИСЬМО ЛЕСКОВА К Т.Л.ТОЛСТОЙ

Автограф, С.-Петербург, 5 октября 1889 года

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

ЛЕСКОВ

Фотография Е.М.Бём. Мерекюль. 1892 год

Государственный литературный музей, Москва

[1] Л.И.Веселитская.

[2] Лев Павлович *Никифоров* (1848—1917) — журналист и переводчик, революционер-народник, сотрудник "Посредника", корреспондент Л.Н.Толстого. В 1883 г. познакомился с Толстым.

[3] Благотворительный сборник Л.П.Никифорова вышел в издании книгопродавца Д.В.Байкова под заглавием: "На добрую память из русских писателей. Книга для семейного чтения..." (М., 1894). В предисловии Никифорова указана благотворительная цель издания: "...почти вся прибыль с него предназначается нуждающимся крестьянам моей родины <...>" (с. III). Из произведений Лескова в сборнике помещена не сказка "Час воли Божией", а рассказ "Дурачок" Здесь же напечатаны два рассказа Толстого ("Беседа досужих людей" и "Крестник"). 30 сентября Лесков спрашивал Толстого: "...*в чью пользу* будет обращена выручка от продажи этого нового сборника и кем эта денежная операция будет контролирована?" (*Толстой. Переписка*. С. 278). Лесков получил ответ Толстого только 8 октября (до нас не дошел), но сказку "Час воли Божией" послал в Москву через Веселитскую еще 6 октября, получив от П.И.Бирюкова сведения о Л.П.Никифорове и его близости к Толстому (см.: Там же, С. 279—280).

[4] Намек на сборник "Путь-дорога" (см. письмо от 3 июня 1893 г.).

[5] Т.е. отца И.И.Сергиева. См. в наст. т. статью "О книжках о<тца> Сергиева" (в составе публикации Т.А.Алексеевой «Лесков в "Петербургской газете"»).

[6] П.И.Бирюков.

[7] Об этих двух повестях Т.Л.Толстой сведения не обнаружены. Впоследствии она выступила в периодической печати с несколькими рассказами под псевдонимом Ольга Балхина.

[8] А.Шопенгауэр писал во втором томе трактата “Мир как воля и представление” о северо-американской секте шекеров: “Главная черта их религиозного нравоучения — это безбрачие и полное воздержание от всякого полового удовлетворения”, хотя члены секты “живут иногда в одном и том же доме, едят за одним и тем же столом и в церкви, во время богослужения, вместе *танцуют.* Кто принес эту самую тяжелую из всех жертв, тот может *танцовать* перед Господом: Он победитель, Он победил” (Пер. Н.М.Соколова. СПб., 1893. С. 756). Лесков читал Шопенгауэра именно в этом переводе — см. его письмо к Толстому от 8 октября 1893 г. (*Толстой. Переписка.* С. 282).

[9] *Песнь Песней*, 4:16.

11. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

6 VI <18>94. Мерекюль, 90.

Уважаемая Татьяна Львовна!

Простите мне мою просьбу и не откажитесь сообщить мне: где и при каких условиях умер друг наш Николай Николаевич Ге и где и как схоронили его тело? Вообще,— что известно об этом в Вашем доме. Сюда, в Мерекюль, весть эту привез 4-го июня вечером Петр Ис<аевич> Вейнберг, а потом 5-го пришли и газеты. А за час до известия у меня сидел Шишкин, и мы говорили о Ге. Здесь много художников, и все вспоминают о нем с большими симпатиями, и всем хочется знать: где и как он совершил свой исход из тела. Мы с ним были необыкновенные ровесники[1]: я и он родились в один и тот же день одного и того же года, на память Николая Студита, которому никто никогда не празднует, а это и был наш патрон, и он был художник. Замечаю одно, что хотя мы и дошли до значительных лет возраста, но все-таки “баранов берут только с наших дворов”, а на чужих порядках хоть и есть бараны порослее нас, а тех будто велено обходить и поберегать их на после, к большому дню. Все только нашего согласия люди и убираются, а иначе мудрствующие все соблюдаются. Точно, как будто нужно, чтобы и голоса живого подать было уже некому, и тогда “камения возопиют”, и придет суд Божий при полном безумии. Пишут, будто “церквин сын Филиппов”[2] повторяет Дамаскина: снимает с себя “величье, знатность, власть и силу”[3] и идет в монахи, и будет “*патриархом*” Тарасием[4]. Точно дети в куклы играют.

Если будет Ваше усердие: скажите, пожалуйста, каково здоровье Льва Львовича и Вашего отца, которого я совещусь беспокоить своими письмами, а знать о нем страстно желаю. Перевод Амиеля изумительно хорош, и кусок от куска становится лучше[5]. Есть страницы просто поразительные, как, напр<имер>, в июньской книжке стр. 286—287 “проходящий через себя жизненный вихрь” и мног<ое> другое. Я здесь, в Мерекюле, опять вижу много “генеральш” и их разряженное потомство и кое-что пишу и уже написал и отдал в “Р<усскую> м<ысль>” Называется это “Зимний день” Мечено это на ту же мету, на которую метят “танцующие шекэры”[6], но с приемом, “от противного”, т<ак> к<ак> положительными приемами этих вопросов в беллетристике, по моему мнению, трактовать нельзя.

Пожалуйста, напишите мне, о чем я Вас прошу, и, если можно, прибавьте от себя то, что может меня интересовать — каково все касающееся Льва Николаевича.

Почтительно преданный Вам Н.Лесков

Адрес просто: Мерекюль (ничего более).

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕ

Фрагмент фотографии
начало 1890-х годов

Государственный музей Л.Н.Толстого,
Москва

P.S. Елиз<авета> Бём сняла с меня здесь фотографию, и ее в Петербурге отпечатали и мне прислали. Посылаю одну карточку Вам на посмотр: "како пременяет Господь вид сынов человеческих" Не осудите за это!

[1] Указание Лескова, что он и Ге *необыкновенные ровесники* не точно: Лесков родился 4/16 февраля 1831 г., дата же рождения Ге, согласно его показанию,— 3/15 февраля 1831 г. (*Стасов В.В.* Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. М., 1904. С. 11).

[2] Государственный контролер Т.И.Филиппов, давний знакомый Лескова, в 1880—1890-е гг. враг и гонитель писателя. Лесков часто называл его "церквин сын" (см. например, письмо к Суворину от 26 марта 1888 г. — XI , 374).

[3] Неточная цитата из поэмы А.К.Толстого "Иоанн Дамаскин" (1858), которую любил и охотно цитировал Лесков (см.: "Интересные мужчины", "На ножах" и др.). У А.К.Толстого: "Величье, пышность, власть и сила, // Все мне несносно, все постыло" (*Толстой А.К.* Собр. соч. в 4-х тт. М., 1963. Т. 1. С. 514).

[4] Слух этот был неверен. Для понимания иронического сопоставления Т.И.Филиппова с Иоанном Дамаскиным (выдающимся церковным деятелем и писателем VIII в., занимавшим продолжительное время крупный административный пост в Дамаске) необходимо учесть характеристику Дамаскина, данную Лесковым в письме к Суворину от 25 марта 1888 г.: «По историческим источникам он, надо думать, был "песнотворец" и вообще "художественная натура" и порядочный интриган. Христианство он понимал навыворот и был неразборчив в средствах борьбы» (XI, 371). Константинопольский патриарх *Тарасий* (вступил на патриарший престол в 784 г.), преемник патриарха Павла, секретарь императрицы Ирины, выступал против иконоборцев.

[5] Отрывки из дневника Анри-Фредерика *Амиэля* (1821—1881), философа, поэта, профессора Женевского университета, печатались в "Северном вестнике" за 1894 г. (№ 1—7) в переводе М.Л.Толстой и с предисловием Л.Н.Толстого. "Амиель — один восторг",— писал Лесков Веселитской 6 апреля 1894 г. (*Веселитская.* С. 200). Это чтение послужило поводом для исповедального письма Лескова к Толстому (от 8 апреля 1894 г.) "Вера моя вполне совпадала с Вашею и с верою Амиеля. Положительно я знаю только то, что есть у Амиэля, у Вас, у Сократа, Сенеки, Марка Аврелия и других богочтителей, но не истолкователей непостижимого" (*Толстой. Переписка.* С. 300).

[6] См. примеч. 8 к предыдущему письму.

12. Т.Л.ТОЛСТАЯ — ЛЕСКОВУ

<28 июня 1894 г. Ясная Поляна>

Вот за это спасибо, уважаемый Николай Семенович, что написали и прислали фотографию. Она очень хороша и живо напомнила вас.

Выпишу Вам из письма Н.Н.Ге младшего о смерти его отца: "Вы спрашиваете, Т.Л., как умер отец. Он приехал из Нежина от Петруши[1] вечером в 12-м часу. Он постучал в окно. Я вышел его встретить с лампочкой и увидел, что он идет от телеги, на кот<орой> приехал, и несет в руках что-то в рогоже. Он был бледен, но шел бодро, я поставил лампу и пошел взять его мешок и отдать деньги извозчику. Он прошел коридором в свою комнату, а я шел сзади с вещами и лампой. Он вошел и сел, как всегда, бывало, садился к своему

столу, на котором без него накопились письма, я хотел зажечь его лампу, но он остановил меня, сказал, что не надо, что ему дурно. Я обошел стол и помог ему лечь; он стал стонать и задыхаться, я позвал Зою[2], прося принести воды, я ему дал воды и растворил окно, он ничего не говорил, только смотрел и мучился, стонал. Стали тереть ему руки, ноги, я ему налил воды на голову; когда отворили окно, лоб стал как будто теплее, а руки все были холодны, ноги были теплы сначала, а потом и они похолодели. Я побежал на конюшню и послал верхового за доктором; пока я бегал, он крикнул несколько раз; когда я вернулся, он уже не кричал, а стонал и метался и задыхался. Он ничего не сказал до самого конца. Потом он затих и сейчас же умер. До того как я бегал, я надеялся, когда я вернулся, я уже понял, что он умрет. Я жалею, что я бегал, может, он хотел сказать что-то криком, может, я понял бы.

Я послал Вам картины в Ясную[3], потому что лучше пусть они у Вас будут теперь. Петруша уедет через месяц в Петербург, а ко мне уже раз приезжал чиновник от губернатора — Скворцов, и хотя я думаю, что ничего не будет, но все лучше, чтобы картины были в сохранности.

Теперь мы фиксируем рисунки к Евангелию, и когда они будут фиксированы, я Вам пришлю их. На днях я Вам вышлю подрамники и рамы к картинам. Напишите, получили ли Вы картины. Их посылал отцовский арендатор и перевел зачем-то плату на Вас. Вы меня зовете к себе. Теперь такая безурядица во всем, что бросить невозможно. Вот и сейчас, дети дерутся и кричат, и надо разводить их.

Прощайте, всем Вашим кланяйтесь от меня.

Льву Николаевичу я пишу в этом же письме.

Прощайте. Н.Ге."

Вот Вам подробности о его последних минутах: о его последних днях писал нам Петр Ник<олаевич> Ге, и хотя они очень трогательны и характерны, особенно важного в них ничего не было. Похоронили его по-православному рядом с его женой.

Отец Вам велит очень кланяться. Он здоров и бодр. Дал себе на время вакацию от умственной работы и работает пилой и косой. Сегодня, кажется, первый жаркий летний день, и мы идем убирать накошенную отцом траву.

Брат Лев все хворает, и, что хуже всего, это то, что ведет жизнь, совершенно противную самым первобытным гигиеническим правилам,— мало двигается, мало находится на воздухе и много думает о своем недуге.

Вы не пишете о своем здоровье — как Вы? Надеюсь, за лето поправитесь.

До свиданья. Искренно желаю Вам всего хорошего.

Толстая

28-ое июня 94.

[1] Петр Николаевич *Ге* (ум. 1922), сын художника.

[2] Зоя Григорьевна *Ге* (по мужу Рубан-Щуровская; р. 1861 г.) — племянница художника, дочь его брата Григория Николаевича.

[3] После смерти Н.Н.Ге его сын Николай Николаевич *Ге* (1857—1940) в целях сохранности отправил в Ясную Поляну оставшиеся после отца картины. Впоследствии они были возвращены Н.Н.Ге (младшему) и проданы им за границей (см. также далее, примеч. 2 к письму А.М.Хирьякова к Лескову, датируемому июнем 1894 г., и примеч. 20 к воспоминаниям Е.Д.Хирьяковой о Лескове).

13. ЛЕСКОВ — Т.Л.ТОЛСТОЙ

3 VII. <18>94. Мерекюль.

Высокоуважаемая Татьяна Львовна!

Усердно благодарю Вас за внимание к моей просьбе. Я получил вчера Ваше письмо, в котором воспроизведено письмо Н<иколая> Н<иколаевича> (сына)[1]. Я и моя девочка[2], которая оч<ень> любила Н<иколая> Н<иколаеви-

ча>, читая это письмо, ощутили на своих лицах слезы по сердечном и милом друге, с которым теперь общение прервано,— как я надеюсь,— на время. “Есть смысл в платоновом учении, что смерть есть миг перерождения”[3]. Он нас теперь забыл, а мы пока его помним, но зато он уже оттерпел то, что у нас еще не оттерпело, и пользуется, м<ожет> б<ыть>, гораздо высшими дарами и при несравненно лучших условиях. Из всех верований и придумываний это мне кажется, к<ак> будто, самым статочным, и его разделяют многие люди неплохого ума, да и сам ушедший друг наш не раз мечтал также. Пусть он будет жив в лучшем мире, куда он способен и достоин по усовершению своем в житейской школе на земле.

Сегодня же я получил через Елиз<авету> Бём[4] просьбу В.Стасова написать свои воспоминания о Н<иколае> Н<иколаевиче> в “сборник”,— причем сказано мне, что в этот сборник дает свои воспоминания “Лев Николаевич и *его дочери*”[5]. Это оч<ень> хорошо, и мне за всеми вами идти трудно, т<ем> б<олее> что я знал Н<иколая> Н<иколаевича> недолгое время. Однако я намереваюсь о нем сказать одну правду, которою он отличался *от всех* художников (кроме Каульбаха и Габриеля Макса): в нем не было *ничего* “лакейского”, без чего, по замечанию Шопенгауера и Гейне, художники “не бывают” (“лакей *непременно* сокрыт во всяком художнике”). В Ге этого не было: он был независим и благороден и не подделывался ни к каким милостивцам, как делают *все* (в России теперь *все без изъятия*). Я помню его прекрасные разговоры с Серовым, когда С<ер>ов писал мой портрет для Третьякова[6], и его взгляды на тех, которых “не нужда” погнала предать свободное товарищество и идти на службу под начальство президента и вице-президента, которые “указывать смеют, а рисовать не умеют”[7]. Я им хотел показать: что дает право на имя *свободного* художника и насколько это выше их правоспособности. Но я не думаю, чтобы это понравилось Стасову: а интимностей о Ге я не могу наговорить, и что было, то жаль выносить на люди. Написав Вам письмо о Ге[8], я скоро стал в этом раскаиваться. Мне начало казаться, что я сделал что-то неуместное, и я был очень на себя недоволен, что не умею удерживаться от желания освежать от себя тропу к вашему дому. Ваш отец меня успокоил, и я горячо благодарю Вас за то, что Вы мне так хорошо ответили. Еще о Ге вот что: когда я был очень болен, то я раз сказал Варе: “Не знаю, кому тебя поручить под опеку”; а она мне ответила: “Напиши, чтобы был Ге. Я его люблю” И вчера мы с нею, держа Ваше письмо, вместе поплакали. Сегодня я взял в карман Ваше письмо и пошел в “урему”[9], где под зонтиками рядом пишут Шишкин, Волков и Клевезаль[10], и прочел им “письмо сына”, и все слушали, стоя случайно без шляп, над лесным ручейком, впадающим в море, и это было очень хорошо. Три старика помянули четвертого и просили меня поблагодарить Вас за вести. А то мы ничего не знали. Оч<ень> важно, что Вы сделаете с его евангельскими рисунками? Там может быть нечто проникновенное. Кажется, не было бы никому утраты в том, чтобы их сфотографировать; а то ведь компания-то наша все разбредается, и издания, пожалуй, не все дождутся здесь. А он многое отлично умел выразить и особенно “давал толчок мысли” Замечательно, что его “*правый* разбойник”, помимо воли автора, наводил на любопытные сопоставления сказаний Матв<ея> и Марка с св. Луки[11]. Был *Он* оставлен *всеми* и “оба разбойника *поносили Его*” Умирал Он, не видя *ни от кого никакого сочувствия*... Да, тако оно и должно было быть, и так, наверно, и было, а не так, как благовестит Лука. Кто понимает жизнь, того это смутить не может, и это только усиливает дело Христово. Я *это* вижу на картине Ге, но он это изъяснял не так. Те, в ком картина возбуждала негодование, знали, за что они недовольны. Если будет речь о том, чтобы воспроизвесть евангельские рисунки, пожалуйста, скажите, чтобы не позабыли и обо мне. Я очень ими интересуюсь и уплачу всякие расходы, чтобы иметь эти рисунки. Радуюсь, что Лев Николае-

вич бодр, и почтительно благодарю его за поклон и привет. Кланяюсь ему сам и всегда его помню без опущения, т<ак> к<ак> ежедневно его читаю, а еще более страдаю от ежедневных о нем споров, которые ожесточились по поводу боборыкинского романа в "Вестн<ике> Европы"[12]. Бедный Боборыкин уверен, что отец Ваш и все, согласные с ним в религиозных взглядах, есть "мистики", а дамы, которые влюбляются "на склоне лет" в ребяток и служат молебны с водосвятием,— это свободные личности. А меж тем он хотел сказать что-то нелишнее и хорошее. "Царство Божие" знают оч<ень> мало, и я его *не* даю, п<отому> ч<то> нахожу это ненужным. Берут книжку и трепят ее не для того, чтобы себе что-нибудь уяснить и "последовать лучшему", а для того, чтобы спорить и только спорить[13]... Мне уже это нестерпимо надоело. И главное, все всегда сводится к "мылу" и к "прислуге"[14]. Но, по меткому выражению одной няньки, "всего более его (Л<ьва> Н<иколаевича>) не обожают *за мыло*"! — То, что Вы пишете о Льве Львовиче, очень грустно. А живет он так, вероятно, потому, что боится за свою жизнь и, конечно, он сам же и будет сокращать ее страхом; но одолеть это оч<ень> трудно. По моим наблюдениям при таких обстоятельствах в молодых годах может много помочь сердечная *радость*. Если есть что-нибудь такое, что может его манить и радовать,— на это надо обратить внимание. При радости жизни дух оживляет тело удивительно! Мое здоровье, разумеется, непоправимо, и здесь я тоже не свободен от припадков сердечной боли, но здесь горы, сосновый лес и море, и я стараюсь работать, сколько могу.

Будьте благополучны.

Преданный Вам Н.Лесков

[1] См. предыдущее письмо.

[2] Варя Долина.

[3] Цитата из лирической драмы А.Н.Майкова "Три смерти"

[4] Речь идет о неопубликованном письме художницы Елизаветы Меркурьевны *Бём* (1843—1914) от 1 июля 1894 г. (*РГАЛИ*)

[5] Почти месяц спустя, еще живя в Мерекюле, Лесков делился с Толстым своими сомнениями насчет предложения В.В.Стасова: «О друге Вашем Н.Н.Ге я, кажется, не могу писать и Стасову еще не отвечал. Я часто говорю здесь о Ге с Шишкиным и Волковым, и все раздражаюсь и убеждаюсь в огромных превосходствах Ге над всеми людьми его среды. Если писателю нелегко протереть себе глаза и начать видеть, "где свет", то кольми паче сим, последователям Александра и Деметрия, делавшим статуэтки и храмы Дианы Ефесской. Я бы на это и налег и даже на сем камени стал бы строить память Ге, но это раздразнит Александров и Деметриев, да и самому Стасову будет не по носу табак» (*Толстой. Переписка.* С. 306). Самому Стасову Лесков послал 11 августа 1894 г. полуотказ от участия в сборнике: "Что же я напишу Вам о нем? Я могу написать его беседы о холопстве его сотоварищей, но я еще не уверен: хорошо ли это выставлять на вид?.. <...> А пустяков бесцветных и не имеющих ничего поучительного я писать не хочу" (В мире отечественной классики. М., 1984. С. 389—390. Публикация К.П.Богаевской). Лесков не написал воспоминаний для В.В.Стасова и даже не откликнулся на его просьбу предоставить ему письма Ге (см. об этом письмо Лескова к Л.Н.Толстому от 21 августа 1894 г. — XI, 587—588). См. в наст. т. (книга первая) посвященный Ге очерк Лескова "Памятные встречи. Соляной столп".

[6] Серов писал портрет Лескова в марте 1894 г. по заказу П.М.Третьякова.

[7] Президентом Академии художеств, к которой и Ге, и Серов относились резко отрицательно, состоял великий князь Владимир Александрович, а вице-президентом — граф Иван Иванович *Толстой* (1858—1919), археолог и нумизмат.

[8] См. выше письмо от 6 июня 1894 г.

[9] *Урема* — лес и кустарник по берегу речек.

[10] Ефим Ефимович *Волков* (1844—1920) — пейзажист. Иван Фридрих Александр Федорович фон *Клевезаль* (род. 1864) учился в Академии художеств в 1891—1898 гг., но не окончил ее.

[11] Имеется в виду картина Ге "Распятие" Об этой картине см. также в наст. т. примечание Лескова к его статье "Добавки праздничных историй. Сретение" в составе публикации «Лесков в "Петербургской газете" (1879—1895)».

[12] Роман П.Д.Боборыкина "Перевал" появивился в первых шести книжках "Вестника Европы" за 1894 г. Героем его является помещик Лыжин, бывший толстовец, "банкрут принципов и теоретических программ жизни".

[13] Об этом же Лесков писал самому Толстому 21 августа: «Имя Ваше беспрестанно на устах у людей, особенно у людей того сорта, из которого состоит приморский дачник, но это не для того,

чтобы искать света и уяснять себе свое положение в “земном эпизоде”, а прямо для спора и для кривляний» (XI, 589).

[14] Эти преимущественно “дамские” споры о Толстом, сводившиеся к вопросу о “мыле” и “прислуге”, отражены в рассказе “Зимний день”, над которым Лесков в это время работал (см.: IX, 402—403, 405).

ПИСЬМА Л.Л.ТОЛСТОГО К ЛЕСКОВУ[1*]

Весной 1892 г. среди корреспондентов Лескова появилось новое имя — Лев Львович Толстой (1869—1945), третий сын Софьи Андреевны и Льва Николаевича Толстых, единственный из всех детей великого писателя, кто избрал литературу своей профессией. Юношеское обаяние, помноженное на громкое имя Толстого, способствовало тому, что уже в старших классах гимназии, а потом и в Московском университете Лев Львович познакомился со многими выдающимися деятелями русской культуры. С одними (И.Е.Репин, Н.Н.Ге, А.С.Суворин) дружеские отношения поддерживались многие годы. С другими, в том числе с Лесковым, контакты длились недолго.

Его знакомство с Лесковым завязалось в тот период, когда Л.Л.Толстой, будучи студентом Московского университета, взял отпуск и отправился организовывать помощь голодающим крестьянам в Самарское имение Толстых (в дальнейшем в университет он уже не вернулся). Как сообщал Лесков Л.Я.Гуревич 23 июля 1892 г., переписка началась по “собственному желанию и *порыву*” Л.Л.Толстого (См.: Письма Н.С.Лескова к Л.Я.Гуревич. Публикация В.А.Туниманова // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 100). В то время Л.Л.Толстой находился под сильным влиянием отца и искал контактов с теми, кому Л.Н.Толстой симпатизировал.

Переписка касалась главным образом знаменитой “диллоновской истории”, в которой Лесков играл миротворческую роль.

В 1892 г. английский журналист, ученый и переводчик Эмиль Диллон (Emile Joseph Dillon; 1854—1933) с разрешения Толстого перевел на английский язык и напечатал в “Daily Telegraph” бесцензурный вариант статьи “О голоде” (цензурованный текст появился в № 1 «Книжек “Недели”» за 1892 г.). “Московские ведомости” перепечатали V главу статьи в обратном переводе, обвинив при этом Толстого в попытке ниспровержения “существующего во всем мире социального и экономического строя <...>” (1892. 22 янв.). Под давлением С.А.Толстой писатель отказался от авторства текста, с которого был сделан английский перевод. На Диллона падало, таким образом, обвинение в фальсификации. Лесков вступился за Диллона, побудив Толстого признать свою вину перед переводчиком.

Конфликт Толстого с Диллоном в публикуемых письмах обсуждается скупо. Лев Львович обтекаемо говорит о происшедшем и намеренно уходит от оценок. Письма Лескова к Л.Н.Толстому, касающиеся этой истории, неизвестны, но о позиции Лескова достаточно красноречиво свидетельствует его недатированное письмо к П.И.Бирюкову, отправленное в разгар событий: «Я был глубоко потрясен и взволнован этим “инцидентом”, в котором не было никакой надобности. Затвердили, что есть будто “искажения”, и как стали на этом, так и перли, несмотря на все доводы друзей, что “искажений” нет, и на то, что прекратить говор об этом во всех отношениях достойнее, чем продолжать его ввиду очевидной невозможности доказать то, чего нет...

<...> Где же наконец искажения?.. Где их видели Л<ев> Н<иколаевич>, графиня, Ч<ерт>ков и Вы? Пожалуйста, покажите их! Нас ведь со всех сторон вышучивают и выспрашивают, и мы должны бы знать, что отвечать,— где искажения, когда нет искажений! Вы не знаете и не можете знать — как это тяжело и больно, потому что Вы стоите среди своих, а мы вертимся среди чужих и видим смятения превосходных душ и их отпадения, по сомнению в искренности того человека, который нам дороже всех живущих под солнцем!..

<...> я еще раз хотел бы послать “проклятие гусю, давшему перо”, которым графиня пишет свои “артикли”[2*]. Что же будет еще? Неужели *еще* будут от нее новые артикли?! Неужто вы все не видите, к чему это ведет и кому вы играете в руку! *Ему*

[1*] Предисловие, подготовка текста и комментарии В.Н.Абросимовой

[2*] Статьи (от англ. article)

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ

Фотография Р.Ю.Тиле.
Москва. 1892 год

Государственный музей Л.Н.Толстого,
Москва

лучше бы быть немножко оболганным, чем смутить людей его любящих. Целую Вас. Н.Лесков» (Цит. по кн.: *Бирюков П.И.* Л.Н.Толстой. Биография. В 3-х томах. Берлин, 1921. Т. III. С. 260—261; см. также письмо А.М.Хирьякова к И.И.Горбунову-Посадову от 10 марта 1892 г., цитируемое А.Д.Романенко во вступительной статье к публикации "Лесков и семья А.М. и Е.Д.Хирьяковых").

Отголоски этого конфликта звучат и в письмах В.Г.Черткова к Лескову, демонстрируя накал страстей, вызванных "диллоновской историей": "Вы упоминаете о Диллоне,— писал Чертков 22 февраля 1892 г. — Я его *хорошо* знаю и ценю те его качества, о которых Вы упоминаете. Но во-первых, он не только не единомыслен с Л<ьвом> Н<иколаевиче>м; но по своему душевному складу неспособен его понимать; а в данном случае существуют особые обстоятельства, лично касающиеся Диллона, вследствие которых он способен волею или неволею видеть и, следовательно, передавать дело в неточном, ошибочном свете. Кроме того, здесь замешана и графиня, которая по своему обыкновению могла напутать и навлечь на Л<ьва> Н<иколаеви>ча не заслуженную им роль. Я не знаю, в чем заключаются предполагаемые сомнительные поступки Л<ьва> Н<иколаеви>ча; и мне очень хотелось бы узнать. (Не можете ли Вы хоть полусловом намекнуть мне на них: я пойму с намека?). Но я уверен, что, если он и сделал что-нибудь, что могло со стороны показаться малодушным, то сделал это не от боязни людей, а перед Богом, и потому поступил правильно <...> По отрывкам внешних поступков невозможно судить о внутренних побуждениях.

И кто знает, Л<ьву> Н<иколаеви>чу, столько уже выстрадавшему от желания не оттолкнуть свою жену, быть может, раньше геройского креста мученика придется еще понести невидимый для мира крест позора со стороны врагов и сомнений со стороны друзей из-за того, что он не захочет нарушить любви с женою выдачею какой-нибудь ее лжи или чего-нибудь подобного, как это и было не раз и раньше" (*РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 318. Л. 19 об. — 21).

Публикуемые письма Л.Л.Толстого служат дополнительным доказательством того, что Лесков открыто и последовательно защищал Диллона от несправедливых обвинений. Близость Льва Львовича к отцу в это время позволяет рассматривать его как объективного свидетеля воздействия Лескова на Толстого в диллоновской истории. Толстой в итоге не только извинился перед английским корреспондентом, но и выразил признательность Лескову за настойчивое требование назвать вещи своими именами. "Благодарю Вас за упоминание о моем вмешательстве <...> которое я считал своею обязанностью перед Вами и перед другим человеком,— писал Лесков Толстому в конце 1892 г. — Радуюсь, что мы спасли его от раздражения и уберегли в его огорченной душе любовь, которою он к Вам полон <...>" (*Толстой. Переписка.* С. 263. Подробнее см.: Там же. С. 264—265. Примечания С.А.Розановой; *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 555—556. Примечания В.А.Туниманова и Н.Л.Сухачева; *Опульская Л.Д.* Лев Нико-

лаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 251—255; *Абросимова В.* "...Рассказать жизнь как она была...": Из писем Эмилия Диллона к Л.Н.Толстому // Вопросы литературы. 1989. № 11).

В переписке затрагивается и другой вопрос, на который Лев Львович болезненно реагировал. В то время, когда завязался его диалог с Лесковым, "Лев второй" уже начал выступать в печати. Под псевдонимом Л.Львов он опубликовал два рассказа ("Монте-Кристо" и "Любовь") в журнале для детей "Родник" (1891. № 4) и в «Книжках "Недели"» (1891. № 3). Были написаны и ждали публикации другие сочинения.

Лев Львович готовился тогда к выходу из университета с тем, чтобы всерьез заняться литературным трудом. Лесков был одним из немногих, с кем Л.Л.Толстой поделился своими творческими планами, что привело, однако, к конфликту (см. выше вступительную статью С.А.Розановой).

Уже после смерти Лескова вышло несколько книг Л.Л.Толстого: "Рассказы из времен студенчества" М., 1898; "Для детей. Рассказы" М., 1898; "В голодные года. (Записки и статьи)" М., 1900; "Прелюдия Шопена и другие рассказы" М., 1900. Он писал очерки, пьесы, романы, приобрел в начале XX в. скандальную славу в полемике с отцом и только после смерти Л.Н.Толстого, перед самым отъездом из России, в августе 1918 г. на страницах издаваемой им газеты "Весточка" пришел к осознанию своей ошибки и даже — на очень короткое время — к пониманию позиции отца. 24 сентября 1918 г. Л.Л.Толстой навсегда покинул Россию.

В 30-е годы он начал книгу "Опыт моей жизни. Мемуары", которая осталась не законченной (подробнее см.: Сын и отец. По страницам дневниковых записей и мемуаров Л.Л.Толстого / Подгот. текста, публикация и комментарий В.Абросимовой и С.Зориной // Лица: Биогр. альманах. Вып. 4. СПб., 1994. С. 173—287).

Судя по дошедшим до нас письмам, Лесков отправил Л.Л.Толстому не менее пяти писем и получил не менее шести ответных. Однако сохранилось всего четыре письма Льва Львовича и ни одного лесковского. Переписка поддерживалась, вероятно, неполных два года и прервалась летом 1893 г. после того, как Лесков скептически отозвался о литературных опытах Льва Львовича. Последнее замечание о Л.Л.Толстом находим в письме Лескова к Л.И.Веселитской от 6 апреля 1894 г.: "Не знаю: есть ли у него дарование?" (*ИРЛИ*. Ф. 44. Ед. хр. 15. Л. 53 об.). Это разочарование лишь подтверждает мысль о том, что для Лескова Л.Л.Толстой был прежде всего «сыном <...> "великого человека" и <...> друга» (См.: *Веселитская*. С. 168—169).

Письма публикуются по автографам, хранящимся в *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 1—10 об.). Фрагменты 2-го и 3-го писем опубликованы (см.: Вопросы литературы. 1989. № 11. С. 168).

1

<2 июня 1892 г. С.Патровка>

Многоуважаемый Николай Семенович,

не отвечал Вам сейчас же на Ваше последнее письмо от 14-го мая[1] по разным, отвлекавшим меня от самого себя, обстоятельствам, из которых главное — то, что я немного отдался животному существованию на кумысе, куда ездил на недельку отдохнуть[2]. Кроме того, были и неприятности по столовым (зем<ский> начальник закрыл в одном селе наши столовые, считая существование их излишним), которые пришлось переживать. Этот инцидент закрытия столовых совершенно напоминает Лукояновщину[3]. Писать подробно о нем я не стану, потому что тогда Вам надо видеть и его (земск<ого> нач<альника>) письмо ко мне[4] и т.д. Я послал его своим в Ясн<ую> Пол<яну> и просил свою мать переслать мое письмо и письмо зем<ского> нач<альника> П.А.Гайдебурову. Может быть, он напечатает обо всем этом заметку в "Неделе"[5]. Мне было очень прискорбно сознать, что "по всему нашему обширному отечеству" сидят лукояновцы и против них бороться очень трудно. Вообще, прожив здесь, в Самар<ской> губ<ернии>, 6 месяц<ев> в деревне, знакомясь все время с народом и с теми, кто им распоряжается и

кто на него влияет, я вынес очень тяжелое впечатление. Пока "оттуда" не подует "свежий ветер", нечего ждать доброго. Неурожай — страдание и бедствие; урожай — кабак и тьма. Вчера я получил письмо от другого земск<ого> начальника того участка, где я живу. Он отвечает мне на мой запрос о разрешении созвать волостной сход в нашей волости, чтобы поговорить об обществ<енной> волостной библиотеке, которую я хочу здесь устроить. "Теперь,— говорит,— не время созывать сходы — подождите" Иначе говоря — я волостной библиотеки не хочу — это пустяки или развращение. А рядом с этим — молебствие о дожде. Священнику 10 р<ублей>, а то и 15, и вот народ идет в поле, головами купаются в пыли и говорит: "всё Бог, Господи, дай дождя", а не даст — плохо, значит, молились. Что тут делать прикажете. Помню я, зимой побирается мальчишка. "Что же ты в училище не ходишь?" — спрашиваю. "Видишь, по миру хожу",— ответил он тоном удивления и досады, что я ставлю ему такой глупый вопрос. И это все цепляется одно за другое, одно от другого зависит. Но все-таки первопричина голода — невежество, безграмотность. Все к этому сводится.

На днях уезжаю домой, в Ясную Поляну[6].

Если будете писать, то адресуйте, пожалуйста, в Козловку-Засеку Мос<ковско>-Кур<ской> дороги.

Спасибо за Ваше письмо и правду в нем, я буду очень дорожить Вашими письмами.

Правда, я увидал свет в 9-м часу, но трудно, трудно идти к нему, приблизить свое "я" к нему, много в нас дурного, и своего и отцов.

Ваш уважающий и любящий Л.Л.Т

2/VI/92
с. Пат<ровка>

[1] О характере утраченных — предшествовавших публикуемому — писем Лескова к Л.Л.Толстому некоторое представление дает письмо Л.Л.Толстого к отцу от 7 мая 1892 г.: "Получил я два письма в ответ на мои, от Лескова и Хилкова,— оба длинные и интересные <...> Резюме письма Лескова — он подробно следил за всем, что касается тебя, любит тебя, пишет об ист<ории> "М<осковских> в<едомостей>", по поводу кот<орой> я и написал ему, сообщает некот<орые> слухи <...> Лескову написал, удивившись в его письме к Поше и отчасти даже к тебе, его не философскому как будто отношению к действиям недостойной клики "М<осковских> в<едомостей>" и даже дальше. Получил от него разъяснение и немного понял Лескова" (*ГМТ*).

[2] В середине июня 1892 г. Л.Л.Толстой лечился кумысом на хуторе А.А.Бибикова в Бузулукском уезде Самарской губернии.

[3] В цикле очерков, позднее названных "В Лукоянове", В.Г.Короленко писал об уездной оппозиции "по вопросу — кормить голодающих или усиленно взыскивать с них недоимки <...> Хлеб он (уездный предводитель.— *В.А.*) приравнивает к прокламациям, а столовые считает очагами революции <...>" (*Короленко Вл.* Поездка в Лукояновский уезд Нижегородской губ. (Доклад Нижегородскому благотворительному комитету) // Русские ведомости. 1892. 4 апр.; 10 апр.; 29 апр.). Очерки продолжали печататься на протяжении мая — июня 1892 г.

[4] Речь идет о письме земского начальника 2-го участка Бузулукского уезда Самарской губернии Д.Слободчикова к Л.Л.Толстому от 14 мая 1892 г.: Д.Слободчиков был убежден, что, открывая столовые для голодающих крестьян, Л.Л.Толстой как бы учреждал "этими столовыми некое государство в государстве" (*ГМТ*). Позднее Л.Л.Толстой подробно писал об этой истории (см.: *Толстой Л.Л.* В голодные года. (Записки и статьи). М., 1900. С. 130—134).

[5] Заметка в "Неделе" на эту тему не появилась.

[6] Из Патровки Л.Л.Толстой выехал лишь 13 июня 1892 г. (см. его письмо к С.А.Толстой от 1 июля 1892 г. — *ГМТ*; см. также: *Толстой Л.Л.* В голодные года... С. 142—143).

2

С.Ясная Поляна
17/VII <18>92

Многоуважаемый Николай Семенович,
получил несколько дней тому назад Ваше письмо, а вчера "Юдоль"[1], за что Вам очень благодарен. Об инциденте я прямо не могу больше говорить, потому что тогда его не будет конца, о "Юдоли" же скажу, что начал ее читать вчера вечером и меня она интересует тем более, что я сам, по грешности своей, и Вам будь это сказано по секрету, хочу перевести в целое кое-какие наблюдения и материалы, собранные мной за нынешний год среди голода[2].

Не знаю, что выйдет. Очень интересно сравнить то, что Вы пишете, с тем, что было теперь. Все-таки мы шагнули шаг, хоть черепашичий, а все же шаг вперед.

Письмо Ваше последнее я показывал отцу и разговоры об "инциденте" очевидно ему тяжелы. Он уже забыл обо всем этом и вспоминать ему не хочется. Давайте забудем и мы[3]. Сейчас отца нет здесь, он уехал в Бегичевку кончать дела по столовым[4], но только временно, чтобы возобновить их осенью, так как в Рязанской губ<ернии> урожай опять ниже среднего.

Сегодня ничего больше не могу написать Вам и потому кончаю. Если бы увидался лично с Вами, то, должно быть, было бы слишком много, о чем говорить.

Уважающий и любящий Вас Л.Л.Толстой

[1] Рассказ Лескова "Юдоль. Из исторических воспоминаний" был напечатан в журнале «Книжки "Недели"» (1892. № 6) и посвящен событиям голодного 1840 г.

[2] Воинская служба, а потом длительная нервная болезнь помешали Л.Л.Толстому осуществить этот замысел. Через несколько лет он вернулся к событиям начала 1890-х годов. См.: *Толстой Л.Л.* Вечер во время голода. Очерк // Книжки "Недели". 1897. № 7. С. 29—62; *Толстой Л.Л.* Записки из эпохи голода в 1891—92 годах // *ВЕ.* 1899. Кн. 6—7.

[3] 31 июля 1892 г. Лесков получил письмо от Диллона из Австро-Венгрии:

"Я Вам несказанно благодарен за все, что Вы сделали относительно Л<ьва> Н<иколаевича> и меня, и еще более за то, что Вы хотели сделать. Л<ев> Н<иколаевич> мне не писал, несмотря на мое письмо (заказное) и на статью мою о нем в "Review of Reviews" за апрель, в которой я говорю исключительно о громадных услугах, оказанных им в деле вспомоществования голодающим. Я был бы очень рад получить от него письмо. Но если он не может решиться написать мне, что же делать? Буду продолжать относиться к нему и к его деятельности по-прежнему, точно так, как будто эта печальная история никогда не совершилась.

Я на днях очень содействовал распространению последней его статьи о вегетарианизме, несмотря на то, что многое в ней сильно преувеличено,— так сильно преувеличено, что суть статьи страдает <...> Я скучаю здесь в Австрии. Ничего еще в Венгрии, а в Австрии мне ужасно скучно. Немецкому складу ума не сочувствую. Как мне бы хотелось теперь разговаривать с Вами, как прошлой зимой и осенью! Вы не можете себе представить, как я себя чувствую depayse[1*]. Все, что Вы пишете, я читаю, так как получаю все русские газеты и журналы. Но это далеко не то, что разговор. Когда мы опять увидимся? Один Бог знает <...>

Пишите мне, пожалуйста, когда Вы можете. За отсутствием Вас самих письма Ваши благотворно на меня подействуют. Благодарю Вас вперед. Будьте здоровы. Если я могу Вам быть полезным в чем бы то ни было, распоряжайтесь мною, чем[2*] я буду Вам очень признателен.

Любящий и уважающий Вас Э.Диллон"

(*РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 1—2 об. Автограф. Фрагмент опубликован: Вопросы литературы. 1989, № 11. С. 170. "*Статья о вегетарианизме*" — "Первая ступень" Л.Н.Толстого, диллоновский перевод которой был опубликован в Нью-Йорке в июле 1892 г.).

[4] Л.Н.Толстой 9 июля 1892 г. вместе с дочерью М.Л.Толстой и племянницей В.А.Кузминской выехал из Ясной Поляны в Бегичевку (*Толстой.* Т. 52. С. 288).

[1*] Неуютно (*франц.*)

[2*] Так в оригинале (*Ред.*)

3

31/VII <18>92
С. Ясная Поляна

На днях вернулся из Ряз<анской> г<убернии> мой отец, и вчера я показал ему 1-ый лист Вашего последнего письма, многоуважаемый Николай Семенович.

Сначала он был неприятно поражен, когда я сказал ему, что Вы еще не кончили с инцид<ентом>, но когда он прочел письмо, Вы победили его.

Он сказал мне, что Вы действительно правы, а что он виноват, что прежде всего — отношение с человеком. Сначала, до прочтения 1 Вашего письма, он говорил мне, что не отвечает г. Д<иллону>, потому что для него, старого и занятого человека, теперь всякие сложные отношения тяжелы, и это правда отчасти, прочтя же письмо Ваше, он сказал, что сказанное есть только отговорки, а что хотя бы и тяжело было что для человека, однако прежде всего отношение с людьми.

Отец желает написать Д<иллону> и, очевидно, напишет теперь, как только будет писать письма[1]. Он немного нездоров это время и как-то вял и слаб. Правда, для него трудно и все труднее становится так широко и шибко общаться с миром, особенно когда у него всегда так много личного разнообразного дела.

Мне неприятно очень, что Вы сказали Гуревич то, что я написал Вам по секрету[2]. И я теперь ничего такого не буду сообщать Вам. За это простите меня. Гуревич, кажется, отложила свое посещение Ясной Пол<яны> до 25-го августа[3]. Может быть, это и лучше. Отец мой будет свежее здоровьем и сильнее духом.

Он просил передать Вам свою любовь.

Любящий Вас Л.Л.Толстой

[1] Действительно, 8 августа 1892 г. Л.Н.Толстой отправил Э.Диллону письмо, в котором признался откровенно, что “так бы и не написал, если бы не истинно добрые люди, которые мне указали, что молчание мое есть поступок, и дурной” (*Толстой*. Т. 66. С. 244).

[2] Об этом инциденте см. выше предисловие к наст. публикации.

[3] О своем посещении Ясной Поляны в конце августа 1892 г. Гуревич писала в очерке “Из воспоминаний о Л.Н.Толстом. (К восьмидесятилетнему дню его рождения)”, опубликованном в петербургской газете “Слово” (1908. 28—29 авг.). Перепечатано: *Гуревич Л.Я.* Литература и эстетика. Критические этюды. М., 1912. С. 278—280.

4

С. Ясная Поляна
9/VIII <18>92

Многоуважаемый Николай Семенович,

Возвращаю Вам письмо Л.Я.Гуревич[1]. Простите, но Вы поступаете не по-Божьи, продолжая говорить в чужой компании мне о том, что я Вам нечаянно высказал. Я ничего не пишу, сам я ничто, Вы принимаете меня не за то и, если Вы друг мне, прошу Вас скрывайте от людей, от себя и от меня самого то ужасное несчастье, что что-то там я сочиняю. Я говорю совершенно искренно и усиленно прошу Вас, не смущайте меня больше этим. Отец вчера написал Д<илло>ну[2]. Теперь уже, конечно, инцид<ент> исчерпан до конца со всеми его последствиями.

Уважающий Вас Л.Л.Толстой

[1] Вероятно, речь идет о письме Л.Я.Гуревич к Лескову от 27 июля 1892 г., большая часть которого посвящена перспективе сотрудничества Л.Л.Толстого в “Северном вестнике” (см.:

РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 9 об.—10 об.). В тот же день Л.Л.Толстой отправил Л.Я.Гуревич письмо, где, в частности, сообщал: «Н.С.Лесков напрасно ввел Вас в заблуждение. Записки, веденные мной в Самар<ской> губ<ернии>, не имеют никакой цены и, может быть, вовсе негодны для печати.

Я упомянул о них Н<иколаю> С<еменовичу> случайно, по поводу его "Юдоли" Поэтому, если желаете мне добра, не говорите со мной и с другими о моем непристойном нахальстве исподтишка иногда изводить бумагу.

Очень рад буду познакомиться с Вами в Ясной Поляне. Но предупреждаю Вас, что и в семье нашей я ничего не говорю о своем жалком писании. Вы понимаете поэтому, как неприятно, тяжело мне, когда принимают меня не за то, что я есть» (*ИРЛИ.* № 20. 115/CXXXVIб.5. Л. 1—2. Фрагмент опубликован: Памятники культуры... С. 106).

[2] См. выше примеч. 1 к предыдущему письму.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЗДНИЙ ЛЕСКОВ В ВОСПРИЯТИИ ТОЛСТОГО

(По материалам яснополянской библиотеки)

Сообщение Т.Н.Архангельской

Обзор изданий Лескова, находящихся в яснополянской библиотеке, и непосредственное обращение к книгам, сохранившим следы пристального внимания Толстого, расширяют наши представления о степени знакомства Толстого с творчеством Лескова.

В первый год существования "Посредника", весной 1885 г., наряду с тремя книгами самого Толстого, издательство выпустило рассказ Лескова "Христос в гостях у мужика" Экземпляр этого первого отдельного издания рассказа сохранился в яснополянской библиотеке. Известно, что Лесков отказался от гонорара за книжечку: "Все это должно идти от меня как дар народу,— писал он В.Г.Черткову 8 февраля 1887 г.,— и составлять народную собственность при моей жизни" (XI, 336). Есть в Ясной Поляне и более позднее издание этого рассказа, выпущенное "Посредником" в апреле 1891 г. В письме Лескова Толстому от 8 января 1891 г. обсуждалось цензурное запрещение этого рассказа (см.: XI, 475). "Посреднику", однако, удалось отстоять издание.

В начале ноября 1889 г. Толстой обратился к А.Н.Дунаеву с просьбой отобрать для книжного разносчика "Посредника" побольше "лесковских" изданий. К этому времени "Посредником" были выпущены — помимо рассказа "Христос в гостях у мужика" — легенды "Совестный Данила" и "Прекрасная Аза"

В библиотеке Ясной Поляны сохранилась вырезка из газеты "Новое время" (1888, 3 февр.), где впервые был напечатан "Совестный Данила" 16 мая 1888 г. Лесков писал А.С.Суворину: «Я нахожу удовольствие и удобство помещать мои христианские <...> легенды в "Новом времени" Мне это нравится лучше, чем печатание в журналах,— а друзья мои еще сильнее на этом настаивают. И Лев Н<иколаевич>, и Чертков, и другие — все находят, что "это лучшее место", и они заботятся пропускать листы с моими легендами "в народ"» (XI, 389).

Толстой читал и "Прекрасную Азу" (Новое время. 1888, 5 апр.), как свидетельствует его письмо П.И.Бирюкову от 14 апреля 1888 г.[1]. Получив письмо Толстого с отзывом об этой легенде, Лесков сообщал Суворину 19 апреля 1888 г., что Толстой "ставит Азу выше всего" (XI, 380). В Ясной Поляне хранятся обе легенды, выпущенные "Посредником" в 1889 г. под одной обложкой. Видимо, к этой книжке следует отнести дневниковую запись Толстого за 2 июня 1889 г.: «Читали "Совестный Данило" Нехорошо»[2]. Отзыв объяснялся, вероятно, недостатком простоты в манере повествования, о чем Толстой не раз прямо писал Лескову.

Толстой не изменил своего мнения о легенде и много позднее. 25 августа 1909 г., когда М.Н.Толстая, сестра Льва Николаевича, за завтраком в Ясной Поляне пересказала прочитанную в издании "Посредника" легенду "Совестный Данила", Толстой, по свидетельству Д.П.Маковицкого, "не одобрил конец"[3]. В Ясной Поляне есть также издание легенды с рисунком И.Е.Репина, выпущенное "Посредником" в 1890 г.

К этому же времени относится издание "Посредником" легенды "Повесть о богоугодном дровоколе" и рассказа "Лев старца Герасима" (также с рисунком Репина) — в одной книжке. В Ясной Поляне имеется это издание. Видимо, двумя годами ранее Лесков выслал Толстому оттиск из журнала "Игрушечка" (1888, № 4) с текстом рассказа "Лев старца Герасима", также сохранившийся в яснополянской библиотеке.

Из тринадцати повестей, написанных Лесковым по мотивам Пролога, Толстому были известны по меньшей мере десять. К четырем, названным выше, следует добавить "Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине", которое Толстой читал в "Русской мысли" (1886, № 12), получив журнал в январе 1887 г. от Черткова, и назвал "превосходным", даже рекомендовал для издания в "Посреднике"[4].

При первой встрече с Толстым в Москве 20 апреля 1887 г. Лесков, вероятно, упоминал рассказ "Скоморох Памфалон" Вышедший в мартовском номере "Исторического вестника", рассказ, видимо, был недавно прочитан Толстым. Лесков писал 29 апреля 1887 г. С.Н.Шубинскому: "Л.Н.Толстой говорил о Памфалоне с похвалою самою теплою. Очень, очень его одобряет" (XI, 346). Позднее Лесков отметил, что Толстой этот рассказ "благословил" (XI, 348).

30 декабря 1888 г. Лесков писал П.И.Бирюкову о том, что повесть "Зенон-златокузнец", отданная в "Русскую мысль", не будет напечатана в журнале из опасения цензурных притеснений. При этом Лесков просил Бирюкова «всемерно постараться добыть у них <...> чистый оттиск полного (т.е. без "вымарок московской цензуры".— *Т.А.*) "Зенона"...» (XI, 409). В ответном письме 3 января 1889 г. Бирюков сообщал, что 1 января Толстой ходил с ним к редактору "Русской мысли" В.А.Гольцеву беседовать о судьбе измаранного цензурой "Зенона" и что Гольцев дал им оттиск повести. У Толстого начали его читать. "Когда кончим, я сообщу Вам его мнение",— писал Бирюков[5]. В дневниковых записях Толстого за 1 и 3 января отмечено, что "Зенона" читали при гостях в хамовническом доме. 4 января в дневнике сдержанно сказано: "...читали Лескова. Много лишнего, т<ак> ч<то> не от всей души"[6].

В библиотеке Ясной Поляны хранится № 11 журнала "Русская мысль" за 1889 г., где напечатан рассказ Лескова "Аскалонский злодей", а также № 8 журнала "Русское обозрение" за 1892 г., где появилось исследование о женских типах по Прологу "Легендарные характеры".

Апокрифическое сказание "Сошествие во Ад" сохранилось в Ясной Поляне в виде отдельного оттиска из "Петербургской газеты" (1894. 16 апр.). По всей вероятности, оттиск был прислан Лесковым, и это могло быть последнее произведение, отправленное Лесковым Толстому. Тогда же, возможно, Лесков послал такой оттиск Гольцеву при письме от 10 мая 1894 г. (см.: XI, 582).

В упомянутом выше письме от 3 января 1889 г. Бирюков сообщал Лескову: «Лев Николаевич очень расположен к Вам и в восторге от Ваших повестей. Он недавно прочел "Овцебык", "На краю света" и "Колыванский муж" и говорит, что все это далеко превосходит все написанное в настоящее время».

Рассказ "Овцебык" имеется в яснополянской библиотеке в издании 1867 г. (в составе сборника "Повести, очерки и рассказы", т. 1). На с. 84, где описана гибель героя рассказа, сохранился загнутый уголок, возможно, это сделал Толстой.

Повесть "На краю света" Толстой читал 25 ноября 1888 г. в Москве в издании 1876 г. или 1880 г.; сам по себе факт чтения отмечен в дневнике, но отзыва о прочитанном там нет. Нет и отдельного издания повести в яснополянской библиотеке. Но почти двадцать лет спустя, 17 января 1905 г., Толстой, как отмечал Маковицкий, живо припоминал детали повести: «Помните ли, как архиерей едет на собаках в рассказе Лескова "На краю света"?»[7]. Возможно, в это время рассказ был перечитан Толстым или в собрании сочинений 1902—1903 гг., или в прижизненном собрании сочинений Лескова[8].

Вслед за повестью "На краю света" был прочитан и рассказ "Колыванский муж" (Книжки "Недели" 1888. № 12). Мнение Толстого зафиксировано в дневниковой

ДОМ ТОЛСТЫХ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Фотография П.И.Бирюкова. Ясная Поляна. 1895 год

Государственный музей Л.Н.Толстого, Москва

записи за 22 декабря 1888 г.: "хорошо"[9]. Этого номера журнала в библиотеке Толстого в настоящее время нет.

В середине января 1889 г. вышла отдельным изданием повесть "Котин доилец" (в серии "Дешевая библиотека"; имеется в Ясной Поляне). Дополненное новой главой, это издание могло быть послано Толстому Лесковым. По всей вероятности, книжка была читана Толстым, хотя прямых свидетельств не сохранилось.

В том же шкафу яснополянской библиотеки, где находятся разрозненные тома второго экземпляра Полного собрания сочинений Лескова, стоял у Толстых октябрьский номер журнала «Книжки "Недели"» за 1888 г., содержащий рассказ Лескова "Антука" Страницы этого единственного в библиотеке номера за данный год разрезаны от начала книжки точно до конца лесковского рассказа.

Он был написан еще в мае 1887 г., но был отклонен "Историческим вестником" и "Русской мыслью", видимо, из цензурных соображений.

26 июня 1888 г. Лесков сообщал Толстому о замысле произведения об уклоняющихся от военной службы: «Император Николай тогда велел отдать их в "профосы", чтобы устыдить их и унизить, но они этому были рады и чистили ямы с удовольствием. К несчастию их,— какой-то гарнизонный дока доискался, однако, что к обязанностям "прохвостов" принадлежит также "заготовление розог и шпицрутенов" и самое исполнение палачевских обязанностей в обозе» (XI, 391). В письме Толстому от 22 июля 1888 г., уточняя свой замысел, Лесков добавлял об "обозном палаче": «Надо

удавить жида и поляка. “Прохвост” отказывается и делается новомученик по севастийскому фасону» (XI, 392).

Соприкасаясь в сюжете с одним из эпизодов рассказа “Антука” (казнь за побег поляка и еврея), этот замысел должен был иначе осветить “обозного палача” (в рассказе “Антука” палач, выбранный по жребию, не отказывается от исполнения своей обязанности).

В том же году, 5 марта, в письме к Д.А.Линеву Лесков советовал: “В острожных типах самое интересное было бы изобразить *палачей*... Что это за люди — каковы их нравы, сердца, понимание и пр. и пр. <...>”[10]. В частности, Лесков обращал внимание адресата на палача Фролова, приводившего в исполнение 3 апреля 1881 г. приговор первомартовцам.

К теме казни и к образу палача неоднократно обращался в своем творчестве и Толстой. Об этом свидетельствуют, в частности, дневниковые записи его секретарей в 1908—1910 гг.[11] Близка была Толстому и тема отказа, уклонения от исполнения воинских повинностей.

В письме Толстому от 28 июля 1893 г. Лесков возвращался к теме “прохвоста” в связи с чтением трактата “Царство Божие внутри вас”: «Я же могу Вам сообщить от себя только одно *фактическое* замечание о так называем<ых> “духоборцах”, о которых доносил Муравьев, что они не хотят брать в руки оружия <...> эти люди <...> были “профосами”, и по их примеру и другие тоже просились “дерьмо закапывать”» (XI, 552—553). Тут же Лесков сообщал, что одним из подобных фактов он воспользовался в рассказе “Дурачок”.

Рассказ этот был прочитан Толстым, но не понравился ему: “нет искренности”[12].

В 1899 г., работая над корректурами “Воскресения”, Толстой ввел в роман ряд эпизодов, в том числе — казнь Лозинского и Розовского. Толстой опирался на реальный факт, имевший место в Киеве в марте 1880 г. и зафиксированный в воспоминаниях одного из заключенных Киевской тюрьмы. Текст воспоминаний был переписан для Толстого сыном художника Н.Н.Ге. Первоначально Толстой был очень близок к источнику. Но во второй редакции этого эпизода прежде, чем назвать фамилии осужденных, он подчеркнул их национальность: “...поляк, совсем молодой человек, Лозинский, и мальчик, черненький еврей <...>”[13]. О Лозинском известно, что он был сын православного священника, национальность его не указана. В романе Толстого складывается ситуация, сходная с сюжетом Лескова: и здесь предстоит “удавить жида и поляка”, причем один из них — военный и осужден за побег.

Тема казни у Толстого раскрывается через ее восприятие персонажами. Не случайно в последней редакции романа появился новый образ — тюремный сторож, “глуповатый малый”, произносящий чудовищные слова о казни: “А ничего, не страшно” Этот образ в его жестокости и бессердечии близок к образу жандарма-палача в рассказе “Антука”

Толстой, возможно, перечитал рассказ Лескова в поисках живых деталей. Об этом свидетельствует еще ряд перекличек. Толстой ввел в роман польскую тему: национальность Лозинского, польские прокламации (у Лескова — польские повстанцы); подчеркнул черты молодости и здоровья у поляка (таков Якуб у Лескова) и юношеский возраст второго осужденного (у Лескова — паныч Гершка). Перед казнью обреченный у Лескова имеет единственное желание — пить. В “Воскресении” Розовский в последний момент хотел “выпить еще грудного чаю” Толстой сохранил эту конкретную деталь, хотя в этой редакции романа были устранены многие подробности, встречавшиеся в предшествующих вариантах.

Не исключено, что писатель мог опираться в рассказе “Антука” на тот же исторический факт, что и Толстой. Лесков мог слышать о казни Лозинского и Розовского, когда бывал в Киеве у родственников летом в 1880 г. и в 1881 г.

---

26 ноября 1889 г. Толстой сделал в дневнике запись о чтении Лескова — без указания, что именно он читал. В это время вышел и мог быть получен в Ясной Поляне очередной — седьмой — том собрания сочинений Лескова в издании Суворина. В библиотеке Толстого сохранилось восемь томов этого собрания (отсутствуют V, X и XI тома)[14].

24—26 января 1890 г. Лесков гостил в Ясной Поляне. 8 марта в дневнике Толстого записано: “Читал Лескова <...>”[15]. 9 марта, вспоминая события прошедшей недели, Толстой повторил: “Читаю всё Лескова. Нехорошо, п<отому> ч<то> неправдиво” Аналогична, но более развернута запись за 10 марта: “Читаю Лескова. Жалко, что неправдив.— Как сказать это”[16]. Следующая запись о чтении Лескова сделана Толстым 23 марта. Какие произведения Лескова читал Толстой в марте 1890 г., не установлено. Возможно, запись “Читаю всё Лескова” означала, что Толстой в дни нездоровья (о его болезни свидетельствуют дневниковые записи той поры), не имея сил работать, принялся за чтение собрания сочинений Лескова и читал его длительное время. К марту 1890 г. вышло восемь томов этого собрания. Обращение к сохранившимся в яснополянской библиотеке экземплярам издания позволяет конкретизировать наше предположение.

В третьем томе, в тексте романа “Обойденные” были дважды загнуты (по своеобразной манере Толстого) уголки страниц 98, 135 и 299. Между страницами 232—233 осталась закладка. Первый из отмеченных Толстым отрывков — спор о положении женщины в семье и обществе, о женских правах — касается близких в то время Толстому вопросов, поставленных в “Крейцеровой сонате” (повесть создавалась в 1889 г.; а в начале 1890 г. было написано послесловие к ней). Все остальные привлекшие внимание Толстого эпизоды “Обойденных” тоже так или иначе связаны с темой любви и с образом центральной героини романа. Вероятно, интересом к той же проблеме объясняется и толстовская помета в тексте романа “На ножах” (VIII, 521), где найдем рассуждение невест о собственном положении: “...этого добра везде много”, “а женишки нынче в сапожках ходят, а особенно хорошие” В седьмом томе в тексте рассказа “Фигура” также отмечены суждения, перекликающиеся с “Крейцеровой сонатой”: на странице 326 Толстой подчеркнул фразу: “Женщина может не одобрять то, что я считаю за хорошее, и наоборот”

В тексте рассказа “Фигура” отчеркнут отрывок в 6 строк, содержащий рассуждения Сакена: “А вот вы и ошибаетесь — прощать обиды, безбрачная жизнь... это и есть монастырское призвание. А дальше что же еще остается трудное? Мяса не есть...” Отзыв Толстого в дневниковой записи от 26 ноября 1889 г.: “Читал Лескова. Фальшиво. Дурно”,— мог иметь отношение, в частности, к рассуждениям Сакена. Еще в апреле 1889 г. Лесков послал Толстому корректуру этого рассказа и получил ответ с критическими замечаниями и советами, в том числе и относительно образа Сакена, которыми Лесков, однако, не воспользовался при переиздании рассказа в собрании сочинений.

В яснополянской библиотеке сохранилось и отдельное издание рассказа, вышедшее в “Посреднике” в 1890 г. Видимо, об этой книжке, как и об издании в “Посреднике” легенды “Совестный Данила”, Лесков сообщал Суворину 25 декабря 1889 г.: «“Данило” разрешен для народных книжек!.. Вот и уразумейте цензуру. И “Фигура” тоже. Этого я уж совсем не понимаю» (XI, 451). Однако 8 января 1891 г. Лесков писал Толстому, что не надеется на разрешение переиздать “Фигуру” (см.: XI, 475). И действительно, отдельных изданий этого рассказа в дальнейшем не было[17].

В восьмом томе собрания сочинений Лескова на странице 548, в тексте романа “На ножах”, остался характерно загнутый уголок листа — так обычно загибал листы Толстой. Возможно, Толстого привлекли рассуждения Иосафа Висленева о свободной любви. Здесь же Висленев вспоминает «о покинутых им в Петербурге женщинах, презирающих брак, ненавидящих домашние обязанности, издевающихся над любовью, верностью и ревностью, не переносящих родственных связей, говорящих только “о вопросах” и занятых общественным трудом, школами и обновлением света на необыкновенных началах».

Внимание Толстого к этому фрагменту могло объясняться не только тем, что здесь затронуты проблемы, остро поставленные в “Крейцеровой сонате”, но и интересом писателя к “нигилистической” теме. Толстой сам в те годы нередко придавал своим героям характерные черты “нигилистов” и “нигилисток” Так, он наделил, например, даму-попутчицу в “Крейцеровой сонате” внешними чертами “нигилистки”, причем в первых редакциях эти черты отсутствовали, хотя в одном из вариантов повести дама произносит: “Пора признать существующий фактор — свободу любви и невозможность подчинения ее внешним формам”[18]. В окончательном тексте, сложившемся к концу 1889 г., эта дама — с суждениями, “которые, вероятно, ей казались очень новы-

ми",— обретает у Толстого и характерные внешние черты: "некрасивая и немолодая дама, курящая, с измученным лицом, в полумужском пальто <...>"[19].

25 января 1891 г. в дневнике Толстого зафиксировано намерение писать роман "большого дыхания", где могли быть изображены и "нигилисты"[20]. Таким произведением в известной степени стал роман "Воскресение" В его четвертой редакции (август 1898 г. — январь 1899 г.) появились и остались до конца образы "политических" В романе действуют народники и народовольцы, деятели 70-х и 80-х годов. Революционерам старшего поколения Толстой нередко придавал черты "нигилистов": Вера Ефремовна (в пятой редакции) жалка со своим неряшливым видом, курит; "с папиросой в руке" выходит тетка Лидии у Шустовых; Богодуховская отличается "очевидной путаницей, которая у нее была в голове"; в среде этих людей позволяется сойтись "с другой женой" или мужем, "ревность признавалась низкой страстью" Высокие нравственные качества заключенных-женщин противопоставлены у Толстого "той невольной распущенности, которая встречалась среди этих людей, отрицавших старые формы брака и не установивших новые <...>"[21].

В этой связи приобретает особое значение интерес Толстого к первому "антинигилистическому" роману Лескова.

23 марта 1890 г. в дневнике Толстого сделана запись: «Мы читали "Некуда", и я один читал»[22]. Толстовская оценка этого произведения известна из записей А.И.Фаресова, беседовавшего с Толстым в 1898 г.: «В 60-х годах на очереди стояли государственные задачи, а моральный прогресс подразумевался сам собою... Один автор "Некуда" требовал его прежде всего и указывал на отсутствие его начал в жизни даже лучших людей того времени»[23].

При известных совпадениях с Лесковым в критике "нигилистов" Толстой проявлял закономерный интерес к лесковским "антинигилистическим" романам.

Особого внимания заслуживает рассказ Лескова "Под Рождество обидели", напечатанный в "Петербургской газете" 25 декабря 1890 г. Этот номер газеты, посланный в Ясную Поляну самим Лесковым, был получен там 31 декабря; в дневнике Толстого в этот день записано: "Вечером прочли прекрасную статью Лескова"[24]. Видимо, Толстой сразу отправил Лескову письмо с лестным отзывом о рассказе (оно до нас не дошло). "Не ждал от вас *такой* похвалы" (XI, 472),— отвечал Толстому Лесков 4 января 1891 г. Толстой писал Черткову 15 января 1891 г.: «Какая прелесть! Это лучше всех его рассказов, в "Дурачке" <...> нет искренности, а в "Под Рож<дество> обид<ели>" есть»[25]. По просьбе Толстого Лесков переслал в Ясную Поляну еще двадцать номеров газеты с этим рассказом (см.: XI, 478), и в феврале 1891 г. Толстой рассылал его знакомым.

В письме от 20 января 1891 г. Лесков справлялся у Толстого: "Получили ли мою заметочку под заглавием "Обуянная соль"?" (XI, 479). Заметка была напечатана в № 12 "Петербургской газеты" (13 января 1891 г.) в ответ на критику рассказа "Под Рождество обидели". Прочитав присланную Лесковым заметку, Толстой ответил: "Ваша защита — прелесть, помогай вам Бог так учить людей. Какая ясность, простота, сила и мягкость <...> Пожалуйста, пришлите мне сколько можно этих номеров"[26]. 23 января 1891 г. Лесков переслал письмо Толстого издателю "Петербургской газеты" С.Н.Худекову вместе со своей запиской: "Пожалуйста, прикажите исполнить и эту вторую просьбу Льва Николаевича"[27]. В Ясной Поляне этих номеров "Петербургской газеты", как и номеров с рассказом "Под Рождество обидели", не сохранилось; вероятно, все они были разосланы друзьям и знакомым.

15 января 1891 г. Толстой отправил рассказ и Черткову с пожеланием напечатать его в "Посреднике". Когда в следующем году И.И.Горбунов-Посадов готовил издание сборника "Русским матерям" "в пользу бедных матерей и детей, пострадавших от цынги и тифа в Воронежской губернии" (сборник был издан летом 1892 г.), он включил отрывок из рассказа "Под Рождество обидели", озаглавленный "Воровской сын" В Ясной Поляне сохранился экземпляр этого сборника с автографом Горбунова-Посадова: "Софье Андреевне Толстой на память от преданного ей И.Горбунова-Посадова". Книга полностью разрезана, видимо — прочитана Толстым (здесь были помещены и "Первые воспоминания" Толстого).

В 1901 г. рассказ Лескова "Воровской сын" был напечатан в "Посреднике" в сборнике рассказов "Бедные дети". К этому отрывку из лесковского рассказа Толстой неоднократно возвращался в связи с работой над "Кругом чтения" в 1905—1908 гг.

Не менее интересна судьба второго отрывка из того же рассказа — о пропавшей шубе. Любопытна запись в дневнике Маковицкого от 22 февраля 1905 г.: «У Лескова многословие,— заметил Л<ев> Н<иколаевич>, но хвалил его рассказы: "Шуба", "О людях, которые ждали пришествия Христа" <...> "Крестьянин, который верил", "Коза"»[28].

"Шуба" — это произвольное название крупного эпизода из рассказа "Под Рождество обидели" По замечанию Маковицкого, «Л<ев> Н<иколаевич> взял из этого рассказа в "Воскресение": старика (вызванного в суд), у которого украли ковер». Добросовестный и точный в записях Маковицкий мог привести эти сведения со слов Толстого, хотя в романе, строго говоря, речь идет не о ковре, а о половиках (см. ч. I, гл. XXXIV).

Еще за год до появления этого рассказа Толстой сделал первый набросок "Воскресения", назвав его "Коневской повестью". 18 июня 1890 г. он записал в дневнике: "...надо Коневск<ую> начать с сессии суда". На другой день Толстой прибавил: "надо тут же высказать всю бессмыслицу суда"[29]. Через четыре дня еще прояснено: "*...тут же юридическая ложь и потребность его правдивости*"[30]. 27 ноября 1890 г. Толстой посетил заседание Крапивенского суда, где "записывал то, что нужно б<ыло> для натуры"[31]. 15 декабря 1890 г., когда Толстой работал над вторым вариантом начала повести, он уже был знаком с рассказом Лескова, где дано описание двух судебных заседаний, причем раскрыта как раз "юридическая ложь" и "бессмыслица суда"

В наброске, связанном с работой над "Воскресением" и созданном в мае 1895 г., уже явно намечена суть судебного разбирательства: "Дело было о краже со взломом. Мужчина и женщина"[32]. Проставленные вслед за тем в рукописи три ряда многоточий означали необходимость в дальнейшем развить этот эпизод. Возможно, Толстой намеревался позднее обратиться к лесковскому описанию аналогичного судебного дела (этот набросок был сделан не в Ясной Поляне, а в имении А.В. и А.М.Олсуфьевых Никольское-Обольяниново, где тогда гостил Толстой и где не было, вероятно, лесковского рассказа).

Первую законченную редакцию "Воскресения" Толстой датировал 1 июля 1895 г. 4 июля он записал в дневнике: "...я могу сказать, что подмалевка Кон<евской> кончена"[33]. Эту стадию "подмалевки" проходил и интересующий нас сюжет "кражи со взломом" Здесь появилось дело о краже половиков пьяным молодым фабричным. "Его поймали. Он тотчас же покаялся. Половики эти, очевидно, никому не нужны были. Свидетели: пострадавший и городовой, очевидно, только тяготились тем, что их допрашивали"[34]. Это был только первый конспект сцены. Несмотря на отсутствие явных фактологических или словесных совпадений, он ни в одной фразе не противоречит направлению и содержанию двух однородных по смыслу историй с кражами в рассказе Лескова. Более того, в повествовании Толстого можно отыскать несколько психологических параллелей тому, что сказано у Лескова, и некоторые лесковские детали: вор назван "мальчиком", крал "то, что попалось", украденное "никому не нужно было" (у Лескова — "пустяк"), за неуплату сгоняют с квартиры (у Лескова — сгоняют семью укравшего шубу портного).

В этот сюжет — историю с кражей половиков — Толстой не внес позднее серьезных изменений, но в следующих редакциях обогатил его рядом подробностей. Уже в первой редакции романа это мелкое, казалось бы, дело должно было стать значительным в развитии образа Нехлюдова: «С трудом просидел он это дело. Несколько раз он хотел встать и сказать всем, кто был тут: "Полноте, перестаньте, как не стыдно вам делать игрушку из страданий человеческих"»[35]. В рассказе Лескова именно так "встал" и "сказал всем" один из присяжных. Эта ситуация не только была замечена Толстым, но значительно развита, хотя у Нехлюдова в ходе суда над Катюшей еще "не достало силы" "встать и сказать всем"

Звучащая в лесковском рассказе идея прощения обидчика и тема публичного покаяния обрела под пером Толстого бóльшую социальную заостренность. В тексте первой редакции читаем: "В душе его шла страшная, мучительная работа, суд же продолжался.

<...> Он — грабитель, вор, развратник и соблазнитель, сидит и судит <...>"[36]. Возможно, в этих строках Толстого нашел отзвук фрагмент лесковского рассказа: присяжному, в прошлом вору, довелось самому судить вора. "Он и затрепетал", а затем вдруг попросил совсем отпустить его из суда, публично объяснив причину этого: "Я

сам несудимый вор" Отметим, что и Нехлюдов в этой редакции романа сознавал себя "грабителем", "вором" (впоследствии Толстой эти слова исключил).

Как известно, Толстой использовал в "Воскресении" историю, рассказанную ему А.Ф.Кони. Однако эпизод покаяния присяжного возник в романе самостоятельно, как и следующий затем отказ Нехлюдова участвовать в дальнейшей работе сессии суда. Толстого должна была привлечь подобная ситуация в рассказе Лескова.

В окончательной редакции "Воскресения" на втором заседании суда Нехлюдов думает, вспоминая суд над Катюшей: "По-настоящему — вчера во время суда надо было встать и публично объявить свою вину" Не найдя в себе сил нарушить «"торжественность" заседания», Нехлюдов сознается в своей вине в кабинете прокурора суда. Сцены признания вины и объяснения присяжного с председателем суда у Лескова и Толстого очень близки по содержанию и композиции. Приведу параллельные детали:

у Лескова

Присяжный перед своим заявлением "то бледнеет, то краснеет <...> из-под век у него побежали по щекам слезы".

Он говорит: "...Я сам неправ, а я сам несудимый вор, и умоляю, дозвольте мне перед всеми вину сознать".

"Отпустите меня, я не могу людей судить"

у Толстого

Нехлюдов в суде едва удерживает "рыдание и слезы, выступившие ему на глаза" Осознав себя виноватым, он "краснел и бледнел"; говорит, "весь дрожа от волнения", "весь вспыхнув": "...я виновник того, что она явилась на скамье подсудимых <...>"

"...я еще должен заявить,— сказал Нехлюдов,— что я не могу продолжать участвовать в сессии".

Тождественны рассуждения и решения двух председателей суда, стоящих на страже порядка и соблюдающих формальности:

"— ...я не могу людей судить.

— Почему? <...> Это круговой закон: правым должно судить виноватого"

"...каяться ему не дозволили <...>"

"Я как председатель суда не могу согласиться с вами... Почему же вы не можете? Нужно представить уважительные причины"

Очень любопытны одинаковые, поражающие равнодушием, председательские резюме этих двух сцен:

Присяжного "сочли в возбуждении <...>".

О Нехлюдове сказано: "И в каком-то странном возбуждении"

В дальнейшем в работе над романом, вплоть до окончательной редакции, приведенные выше фрагменты если и подверглись авторской правке (сравнительно небольшой), то "лесковский элемент" при этом не затушевался, но в ряде случаев прояснился. Возникали новые параллели:

у Лескова

Кражу совершает мальчик, помогающий взрослым. Пили в кабаке. Воруют ночью из кладовой. "Воры схватили кто что успел зацепить <...>", "...испуганные воры могли только малую часть унести с собой..." ("пустяк", по словам потерпевшего).

В суде вора "бережет" сторож, вор "худой, тощий", "общий вид какой-то полумертвый".

Обвиняемый "сразу же во всем повинился <...>"[37].

у Толстого

Вор — не ребенок, но назван несколько раз мальчиком. Пили в трактире. Воруют ночью из сарая. Унесли "первое, что попалось", оказалось — половики, стоившие 3 рубля 67 копеек, вор нес их на плече. (В дальнейшем, при описании суда, совпадения наблюдаются со второй частью рассказа Лескова):

"Подсудимый, оберегаемый двумя жандармами" — "худой, узкоплечий", "с серым бескровным лицом"

"Обвиняемый во всем винился"[38].

Следует, наконец, обратиться к упомянутому Маковицким образу "пострадавшего старичка": "...пострадавший старичок, домовладелец и собственник половиков, очевидно, желчный человек, когда его спрашивали, признает ли он свои половики, очень неохотно признал их своими; когда же товарищ прокурора стал допрашивать его о том, какое употребление он намерен был сделать из половиков, очень ли они ему были нужны, он рассердился и отвечал:

— И пропади они пропадом, эти самые половики, они мне и вовсе не нужны. Кабы я знал, что столько из-за них докуки будет, так не то что искать, а приплатил

бы к ним красненькую, да и две бы отдал, только бы не таскали на допросы. Я на извозчиках рублей 5 проездил. А я же нездоров. У меня и грыжа и ревматизмы"[39].

Здесь многое как будто в самом деле пришло из лесковского рассказа: и неоднократные "приплаты" потерпевшего (семье портного), и его отношение к суду ("А мне от всего этого суда и от розыска что в пользу прибыло?"), и отношение к пропаже ("И зачем это я только наделал?" "лучше было, если бы моя шуба с портным вместе пропала с глаз моих. Было бы это тогда и милосерднее, да и выгоднее"). Этот образ у Толстого лишен портрета и почти не имеет авторской характеристики, сказано лишь: "...очевидно, желчный человек <...>" Возможно, здесь отразилось толстовское восприятие личности автора-рассказчика. Толстой не упускает сказать и о "ревматизмах", мучивших также и лесковского рассказчика. Знаменательна и сцена, где старик "рассердился и отвечал" товарищу прокурора — отвечал совершенно в манере лесковского персонажа. Представляет интерес и прибавленное Толстым от себя (отсутствующее в рассказе Лескова), но типично лесковское словечко "докука": "Кабы я знал, что столько из-за них докуки будет <...>" Сравним у Лескова: "ядовитые докуки товарищей" ("Котин доилец"), "такой сердечной докуки не терпит" ("Мелочи архиерейской жизни"), "докука его одолевает" ("Архиерейские объезды").

Завершая обзор отдельных изданий Лескова в яснополянской библиотеке, следует выделить составленный Лесковым «Изборник отеческих мнений о важности "Священного писания"» (СПб., 1881). Степень сохранности книжки убеждает в том, что она была читана не один раз: на страницах 13 и 19 есть загнутые уголки, возможно, оставленные Толстым.

И наконец, в седьмом томе собрания сочинений Лескова в рассказе "Александрит" Толстым отмечен отрывок в 12 строк, представляющий собой изложение легенды о мистическом значении меняющего цвет камня. Вторично отчеркнув первые строки этого отрывка, Толстой поставил на полях знак NB. Других свидетельств о чтении Толстым этого рассказа Лескова не сохранилось.

Из журнальных публикаций произведений Лескова в Ясной Поляне, к сожалению, сохранилось немногое.

Следует назвать очерк "Спиридоны-повороты" (Русская мысль. 1889. № 8). Номер журнала разрезан местами, очерк Лескова — полностью.

Специально разрезана часть журнала "Русская мысль" (1890. № 1), содержащая начало романа "Чертовы куклы"

3 декабря 1890 г. Толстой написал Лескову о своем впечатлении от чтения его сказки "Час воли Божией" (Русское обозрение. 1890. № 11; номер сохранился в яснополянской библиотеке). Сказка была написана на сюжет, намеченный и предложенный Толстым, позднее он был разработан в сказке Толстого "Три вопроса" (1903). 12 июня 1898 г. Толстой записал в дневнике: "Лесков воспользовался моей темой и дурно. Чудесная мысль моя была три вопроса: какое время важнее всего? какой человек? и какое дело?"[40]. Тем не менее сказка Лескова Толстому понравилась[41].

В письме от 12 июля 1891 г. Лесков делился с Толстым намерением описать характерный тип одного "обрусителя". Замысел был отчасти воплощен в рассказе "Загон". В письме от 1 ноября 1893 г. Лесков просил Толстого прочитать в «Книжках "Недели"» "обозрение" под названием "Загон", где, по его словам, "списано все с натуры" (XI, 567).

Ноябрьский номер журнала с рассказом Лескова сохранился в яснополянской библиотеке. 10 декабря 1893 г. Толстой писал Лескову об этом рассказе: "Мне понравилось, и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и Вы это прекрасно умеете делать"[42].

Сохранились в Ясной Поляне (в составе годовых комплектов) журналы с рассказами Лескова "Импровизаторы" (Книжки "Недели" 1892. № 12) и "Пустоплясы" (Северный вестник. 1893. № 1). Текст обоих рассказов полностью разрезан. Отвечая 10 января 1893 г. на письмо Толстого (оно не сохранилось), Лесков сообщал о трудной работе над обоими рассказами, стремясь, возможно, объяснить цензурные сокра-

щения. Мнение Толстого об этих произведениях — благоприятный отзыв об "Импровизаторах" и негативную оценку "Пустоплясов" — Лесков мог узнать от Т.Л.Толстой[43].

«Мои последние произведения о русском обществе весьма жестоки. "Загон", "Зимний день", "Дама и фефела"... Эти вещи не нравятся публике <...> Роман становится обвинительным актом над жизнью»,— говорил Лесков[44]. Два последних произведения сохранились в библиотеке Ясной Поляны, но суждения Толстого о них не известны. 10 мая 1894 г. Лесков писал В.А.Гольцеву о "Зимнем дне": "Содержание <...> живое и более списанное с натуры" (XI, 582). Рассказ вышел в сентябрьском номере "Русской мысли" за 1894 г., он содержал критику "толстовцев" Судя по дневнику С.А.Толстой, рассказ был читан ею вслух Толстому в их московском доме 21 сентября 1894 г.; в дневниковой записи он оценен очень резко, хотя это мнение, по-видимому, принадлежало в большей мере хозяйке дома.

Относительно вышедшего в октябрьском номере "Северного вестника" за 1894 г. (журнал сохранился в Ясной Поляне) очерка Лескова "Вдохновенные бродяги" можно предполагать, что Толстой его знал и имел в виду, когда, беседуя 13 мая 1905 г. со своим гостем Ш.Саролеа о "состоянии странничества", назвал писавших о странниках Щедрина и Лескова[45].

В начале октября 1894 г. прекратилась переписка Лескова и Толстого. О последних месяцах жизни Лескова Толстой мог читать воспоминания Л.И.Веселитской "Н.С.Лесков в последние годы своей жизни" (Русская мысль. 1908. № 10). Экземпляр журнала сохранился в Ясной Поляне, текст воспоминаний полностью разрезан.

Из критических статей о Лескове сохранилось в яснополянской библиотеке очень немногое.

В февральском номере «Книжек "Недели"» за 1894 г. вышла статья М.О.Меньшикова "Художественная проповедь" — об одиннадцатом томе сочинений Лескова. В яснополянском экземпляре журнала специально разрезана именно эта статья, и имеются пометки, по-видимому, Толстого, сделанные разрезным ножом. Это короткие косые отчерки на полях с.182 (о рассказе Лескова "Юдоль"), есть след ножа и в отрывке, содержащем сравнение народных рассказов у Толстого и Лескова.

Хранится в яснополянской библиотеке и статья А.М.Скабичевского "Чем отличается направление в искусстве от партийности" (Северный вестник. 1891. № 6; текст полностью разрезан).

В неразрезанной части журнала "Северный вестник" за 1897 г. осталась статья А.Л.Волынского о Лескове.

В 1905 г., подбирая материал для "Круга чтения", Толстой вновь обратился к рассказу "Под Рождество обидели", подвергнув его существенной правке[46].

Экземпляра "Петербургской газеты" с текстом рассказа в Ясной Поляне тогда не оказалось; номера газеты к этому времени, видимо, полностью разошлись (см. об этом выше). Ф.А.Страхов послал в Ясную Поляну через свою сестру Л.А.Авилову переписанный текст рассказа, доныне хранящийся в архиве Толстого (в Москве). 11 марта 1905 г. Толстой писал Авиловой: "Очень Вам благодарен, милая Лидия Алексеевна, за присылку Ваших рассказов и рассказа Лескова, к<оторые> я получил нынче"[47].

Толстой сохранил два крупных эпизода рассказа — два "житейских случая", — сделав необходимые сокращения в тексте и опустив рассказ о купце Андросове. В первом издании "Круга чтения" рассказ вышел под названием "Под праздник обидели" с обозначением имени автора "Н.Лесков". В период работы над корректурами этого издания Толстой писал в начале марта 1906 г. Горбунову-Посадову: "Я <...> не просмотрел рассказ Лескова. Его надо бы сократить"[48]. Категорически Толстой на сокращениях не настаивал, и они не были сделаны; хотя в печатный текст не вошли, например, две фразы в начале рассказа, не вычеркнутые Толстым в первый раз. С 1906 г. Толстой работал над "Новым кругом чтения для детей и народа" 16 апреля 1907 г. в период, когда определились сюжеты сборника, к Толстому пришли заниматься крестьянские дети. Маковицкий в этот день записал: «Потом Л<ев> Н<иколаевич> прочел вслух Лескова: "Под праздник обидели" и сказал, что прочел мальчикам с успехом; сам Л<ев> Н<иколаевич> был очень тронут этим рассказом <...>»[49].

Почти год спустя, 24 февраля 1908 г. секретарь Толстого Н.Н.Гусев записал в дневнике слова Толстого: “Надо бы посмотреть Лескова <...> у него много хорошего. У него слог тяжелый, запутанность, растянутость; поэтому его совсем забыли. Но по мыслям очень много хорошего” Через день здесь же записано: “Хотя он (Толстой.— *Т.А.*) и не просил меня об этом, я вчера утром достал из библиотеки полное собрание сочинений Лескова и <...> положил ему на стол. Вернувшись с прогулки, он прошел к себе, потом зашел ко мне в столовую и сказал:

— Какая гора Лескова! буду по вечерам просматривать его.

Сегодня он действительно весь вечер просматривал Лескова.

— Я все для мальчиков хочу что-нибудь выбрать,— сказал он мне”[50].

28 февраля Толстой продиктовал в фонограф пересказ эпизода из рассказа Лескова “Под Рождество обидели” о воровском сыне. Запись эту неоднократно прослушивали в Ясной Поляне, например, в мае 1908 г., в дни приезда к Толстому тульских школьников.

Текст с фонографа был записан, перепечатан на машинке, в марте 1908 г. Толстой работал над ним, дважды сделав исправления. Эта оригинальная обработка рассказа Лескова была включена Толстым во второе издание “Круга чтения”, подготовленное в 1908 г. На свободный пересказ указывает подпись в конце текста: “По Лескову изложил Л.Н.Толстой” Рассказу дано заглавие “Воров сын”[51].

Интересно, что в тексте переложения обнаруживаются отголоски творческого восприятия Толстым рассказа Лескова, проявившегося в период создания “Воскресения”. В романе “Воскресение” возникло и перешло в рассказ имя мальчика — Ваня[52]. “Воров сын” — Ваня, Иван Акимыч; у Лескова имени не указано. В “Воскресении” мальчика “от нужды отдали из деревни в город”.— “Воров сын” говорил: “Я сын крестьянина”; у Лескова воры — городские люди. В вариантах “Воскресения” обнаруживаются колебания Толстого, был ли кающийся присяжный старшиной присяжных (так, в первой незаконченной редакции Нехлюдова “оба раза избирали старшиной”)[53], в рассказе “Воров сын” купец — старшина присяжных; у Лескова этого нет. Нет у Лескова сведений о составе группы присяжных. В вариантах “Воскресения” Нехлюдову встречаются в суде “люди разного вида: господа, купцы, крестьяне”[54]. В рассказе “Воров сын”: “Были присяжными и крестьяне, и дворяне, и купцы” У Лескова потерпевший не обращается в полицию; в “Воскресении” свидетель кражи — городовой; в рассказе “Воров сын” — купец привел в сарай полицейского.

Работу Толстого над пересказом можно считать его последним обращением к произведениям Лескова.

В 1898 г., беседуя с А.И.Фаресовым, Толстой назвал Лескова “самобытным писателем”, “большим писателем с оригинальным умом и большим запасом самых разнообразных познаний”[55]. Толстому же принадлежат слова: “Лесков — писатель будущего, и его жизнь в литературе глубоко поучительна”[56].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Толстой.* Т. 64. С. 161.

[2] Там же. Т. 50. С. 90.

[3] *ЛН.* Т. 90. Кн. 4. С. 52.

[4] *Толстой.* Т. 86. С. 18.

[5] Записки отдела рукописей Библиотеки им. В.И.Ленина. М., 1968. Вып. 30. С. 228—229.

[6] *Толстой.* Т. 50. С. 20.

[7] *ЛН.* Т. 90. Кн. 1. С. 138.

[8] О толстовском восприятии этого рассказа см. также выше статью С.А.Розановой.

[9] *Толстой.* Т. 50. С. 16.

[10] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 146—147.

[11] См.: *Гусев Н.Н.* Два года с Л.Н.Толстым. М., 1973. С. 119; *Булгаков В.Ф.* Л.Н.Толстой в последний год его жизни. М., 1989. С. 184.

[12] *Толстой.* Т. 87. С. 68.

[13] Там же. Т. 33. С. 293.

[14] Как свидетельствуют письма Лескова к Т.Л.Толстой (см. выше), он регулярно отправлял в Ясную Поляну очередные тома своего собрания сочинений. На шмуцтитуле каждого тома — надпись “Толстой”, сделанная почерком, напоминающим лесковский. Возможно, это автограф Лескова в яснополянской библиотеке.

[15] *Толстой*. Т. 51. С. 25.

[16] Там же. С. 25—26.

[17] См. об этом примечания С.П.Шестерикова в сб.: Письма Толстого и к Толстому. М., 1928. С. 85.

[18] *Толстой*. Т. 27. С. 389.

[19] Там же. С. 7.

[20] Там же. Т. 52. С. 5—6.

[21] Там же. Т. 33. С. 277.

[22] Там же. Т. 51. С. 31.

[23] *Фаресов*. С. 72.

[24] *Толстой*. Т. 51. С. 116.

[25] Там же. Т. 87. С. 68.

[26] Там же. Т. 65. С. 225.

[27] Летописи Гослитмузея. М., 1948. Кн. 12. Л.Н.Толстой. Т. 2. С. 53—54.

[28] *ЛН*. Т. 90. Кн. 1. С. 185.

[29] *Толстой*. Т. 51. С. 51.

[30] Там же. С. 52.

[31] Там же. С. 110.

[32] Там же. Т. 33. С. 425.

[33] Там же. Т. 53. С. 45.

[34] Там же. Т. 33. С. 69.

[35] Там же. С. 69—70.

[36] Там же. С. 58.

[37] *Лесков Н.С.* Под Рождество обидели // *Лесков Н.* На краю света. Л., 1985. С. 566, 568, 570.

[38] *Толстой*. Т. 32. С. 75, 81; Т. 33. С. 71—72.

[39] Там же. Т. 32. С. 121.

[40] Там же. Т. 53. С. 198.

[41] Отзыв Толстого об этой сказке (из письма к Лескову от 3 декабря 1890 г.) полностью приведен выше в статье С.А.Розановой.

[42] *Толстой*. Т. 66. С. 445.

[43] См. выше его письмо к Т.Л.Толстой от 17 февраля 1893 г.

[44] *Фаресов*. С. 382.

[45] Запись об этой беседе имеется в “Яснополянских записках” Д.П.Маковицкого (*ЛН*. Т. 90. Кн. 1. С. 280).

[46] О работе Толстого над другими рассказами Лескова (“Несмертельный Голован”, “Однодум” и “Томление духа”), предназначавшимися для “Круга чтения”, см.: *Архангельская Т.Н.* Толстой редактирует Лескова // Яснополянский сборник. 1986. Статьи. Материалы. Публикации. Тула. 1986. С. 147—160.

[47] *Толстой*. Т. 75. С. 236. О правке Толстым рассказа для помещения его в “Круге чтения” см.: *Лесков Н.С.* “Под Рождество обидели” // Толстой-редактор. Публикация редакторских работ Л.Н.Толстого. М., 1965. С. 248—260 (Публикация М.Н.Бойко).

[48] *Толстой*. Т. 76. С. 118.

[49] *ЛН*. Т. 90. Кн. 2. С. 415.

[50] *Гусев Н.Н.*Два года с Л.Н.Толстым. С. 112, 113.

[51] Анализ обработки Толстым этого сюжета см.: *Бойко М.Н.* Ук. соч.

[52] *Толстой*. Т. 33. С. 121.

[53] Там же. С. 17.

[54] Там же. С. 30.

[55] *Фаресов*. С. 69.

[56] *Фаресов А.И.* Умственные переломы в деятельности Н.С.Лескова // *ИВ*. 1916. № 3. С. 786.

ЛЕСКОВ И СЕМЬЯ А.М. И Е.Д.ХИРЬЯКОВЫХ

Вступительная статья, публикация и комментарии А.Д.Романенко

Публикуемые воспоминания о Лескове принадлежат писателю, журналисту и общественному деятелю Александру Модестовичу Хирьякову (1863—1942)[1*] и его жене Евфросинии Дмитриевне, урожд. Косменко (1859—1938). Оба они были близки к Л.Н.Толстому и В.Г.Черткову, активно участвовали в работе издательства "Посредник", особенно на начальном этапе его деятельности, когда среди наиболее чтимых в этом издательстве авторов был Лесков.

Исследователям творчества Толстого хорошо известны его письма к Хирьякову. Толстой, видимо, ценил самоотверженную многолетнюю работу супругов Хирьяковых по народному просвещению. С ведома и одобрения Толстого Е.Д.Хирьякова дважды сопровождала в Канаду русских духоборов и оставила об этом воспоминания. Спустя много лет по приглашению В.Г.Черткова она стала работать в редакционной группе по подготовке Полного собрания сочинений Толстого. В советское время, в тяжкую пору нищеты и болезней, ее спутник по заморскому путешествию и добрый знакомый В.Д.Бонч-Бруевич, поддерживая ее материально и морально, советовал писать воспоминания. Часть их, очень небольшая, была опубликована им в сборнике "Звенья", гораздо большая — пока хранится в архиве[1].

Неоднократно еще в предреволюционные годы появлялись в русской печати воспоминания и статьи А.М.Хирьякова о Толстом. Кроме того, Хирьяков был автором почти двух десятков книг прозы, нескольких популярных сочинений религиозно-философского содержания, работ по истории русской литературы. Он много печатался в периодических изданиях России и под собственным именем и под псевдонимами, сотрудничая более чем в двадцати газетах и журналах.

Юным кадетом Хирьяков участвовал в похоронах Достоевского[2] и вполне зрелым человеком, с твердыми сложившимися убеждениями выступал против беззакония и насилий в советской России (см. об этом ниже).

Имя Хирьякова встречается в воспоминаниях о Толстом, о "Посреднике", в переписке современников, но почти всегда сопровождается глухим комментарием: "журналист", без указания подчас даже дат его жизни. И ценные историко-литературные материалы Хирьякова, как архивные, так и опубликованные за границей, ныне в значительной своей части прочно забыты.

Причина этому была одна — в сентябре 1923 г., выехав на Дальний Восток корреспондентом "Рабочей газеты" и "Торгового флота", он решил не возвращаться в советскую Россию.

В начале 1924 г., через Шанхай и вокруг Индии, Хирьяков перебрался в Европу, сперва в Париж, где пытался издавать собственный журнал "Русский беженец"[3], а с 1930 г. поселился в Варшаве, где и прошли последние двенадцать лет его жизни.

Хирьяков рано оказался забытым, и неудивительно, что уже в декабре 1938 г. А.Н.Лесков обращался к Л.Я.Гуревич с просьбой "сообщить место и дату смерти

[1*]Дата смерти указана по воспоминаниям С.Л.Войцеховского (см. примеч. 35). В толстоведческих изданиях указана другая дата — 1946 г.

ЕВФРОСИНЬЯ ДМИТРИЕВНА ХИРЬЯКОВА

Фотография. 1910-е годы

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

А.М.Хирьякова"[4], полагая, что того давно нет в живых (осенью того же года умерла Е.Д.Хирьякова, оставшаяся в СССР после развода с мужем).

Между тем все годы эмиграции Хирьяков по-прежнему много работал, сравнительно часто печатался, принимал активное участие в общественной жизни, возглавляя с начала 1930-х годов Союз русских журналистов и писателей в Польше. И вплоть до 1940 г. он поддерживал переписку с жившими в России родными, друзьями и знакомыми[5].

А.Н.Лесков, не решаясь упомянуть о Хирьякове в своей книге, конечно, не мог не помнить, что он сам, на исходе той ночи, когда умер его отец, просил разыскать Хирьякова[6]. Дважды упомянул А.Н.Лесков Е.Д.Хирьякову[7], видимо, не зная о написанных ею воспоминаниях или по каким-то причинам не считая возможным их использовать. В конечном счете и "зарубежные" статьи Хирьякова, и его письма из-за границы с упоминаниями о Лескове, и мемуары Хирьяковой оставались, скорее всего, ему недоступны или неизвестны.

Для самого же Хирьякова короткая, стремительно промелькнувшая дружба с Лесковым во многом стала событием, озарившим на долгие годы всю его нестройную, исполненную напряженных исканий и разломов жизнь. Хирьяков часто возвращался памятью к годам своей молодости, осчастливленной единомыслием с Толстым и Лесковым:

Мне Лесков, как ясный месяц светит,
и, как солнце светит Лев Толстой... —

писал он в стихотворении, сочиненном к своему семидесятилетию в августе 1933 г.[8]

Судя по публикуемым ниже материалам, Лесков тоже как-то сразу "принял" Хирьякова и его жену, и случайное, по-видимому, знакомство превратилось некоторое время спустя в сердечную дружбу, хотя, конечно, степень их близости преувеличивать не стоит. Все-таки Лесков был старше Хирьякова на три десятилетия — и годами, и опытом. Да и стиль его жизни последних лет отличался от кочевого неустроенного быта Хирьяковых — недаром они одно время подписывали свои письма "Александр бродяга" и "Евфросиния странница"

Сейчас довольно трудно восстановить картину первой встречи Лескова с Хирьяковым. Вполне вероятно, они могли познакомиться в одном из петербургских кружков почитателей и последователей Толстого середины 1880-х годов, сформировавшемся вокруг "Ванечки Горбунова" — впоследствии известного деятеля издательства "Посредник" Ивана Ивановича Горбунова-Посадова. Членами этого кружка были и студенты, и курсистки, и молодые начинающие литераторы, и писатели, уже известные. "Вот молодой человек с большой русой бородой и широкой приветливой улыбкой — это Александр Модестович Хирьяков... Вот удалился в сторону молчаливый, замкнутый морской офицер; он говорил редко, но привлекал общее внимание необыкновенной логичностью своих взглядов, это — М.О.Меньшиков... А вот крупнейшая и типичнейшая в прошлом веке фигура Н.С.Лескова, тогда только что, уже в преклонные годы, снова вернувшего к себе внимание и симпатии русского читающего мира"[9],— так описывал

один из мемуаристов свою первую встречу с почитателями Толстого, относя ее к 1886 г.[10]. Уместно предположить, что для Хирьякова и Лескова именно это собрание не было первым, хотя тогдашнее их знакомство вряд ли выходило за рамки эпизодического тем более, что в 1888—1889 гг. Хирьяковы жили в Оренбургских степях на хуторе близ станции Сырт. Хирьяков в своих воспоминаниях о встречах 1880-х годов не упоминает. Письма Лескова к нему той поры тоже, по-видимому, не сохранились (если они существовали).

Быстрое сближение их с Лесковым произошло уже по возвращении в Петербург, спустя несколько лет, в 1892—1893 гг.

В оренбургских степях Хирьяков, по его словам, "почувствовал в себе литератора, возлюбил литературу всем сердцем и звание литератора стал предпочитать всякому другому"[11]. Однако успехи его на литературном поприще к тому времени были скромны — по одному стихотворению в журнале "Северный вестник" и "Русское богатство"

Поэтому как нельзя более кстати пришлась предложенная ему в 1890 г. Чертковым должность «агента редакции изданий "Посредника"» в Петербурге: "Влад<имир> Григ<орьевич> решил издавать книги не только для народа, но и для деревенской интеллигенции, для сельских учителей и фельдшеров. Он решил издавать сборники статей, рассказов и романов. Алек<сандр> Мод<естович> должен был обойти писателей и просить их уступить уже напечатанные рассказы по указанию Влад<имира> Григ<орьевича>. Александр Мод<естович> очень охотно взялся за эту работу. На его же обязанности было отдавать в цензуру рукописи, готовые для печати"[12].

Эти занятия помогли Хирьякову войти в мир настоящей литературы, познакомиться со многими писателями. Уже с самого начала издательской деятельности "Посредника" Чертков и Горбунов-Посадов развернули активную переписку со своими авторами, в числе которых, как известно, был и Лесков. Таким образом. Хирьяков уже шел к нему по проторенной дорожке, и упоминаний о Лескове сохранилось немало в деловых письмах-отчетах Хирьякова на хутор Ржевск близ села Россошь, где у Черткова обосновались тогда "посредники".

Вот несколько фрагментов из писем Хирьякова к Горбунову[13], дополняющих в известном смысле его воспоминания важными историко-литературными фактами и живописными бытовыми черточками:

От 2 января 1892 г.: "Сегодня я добрался до Питера, просидев из-за заносов 14 часов лишних на Михайловской станции <...> Написал Лескову, чтобы известил, когда его можно застать дома. Все довез благополучно". (Возможно, первое публикуемое ниже письмо Лескова — ответ на эту просьбу, хотя большой разрыв между обращением и ответом как будто не соответствует привычкам Лескова.)

Вот очень важное письмо от 10 марта в разгар известного конфликта между Толстым и его английским переводчиком Э.Диллоном (см. об этом выше предисловие и комментарии В.Н.Абросимовой к письмам Л.Н.Толстого Лескову): «Вы читали, по всей вероятности, письмо Льва Николаевича (в "Нов<ом> вр<емени>" от 9-го марта), по этому письму видно, что переводчик с русского на английский тоже, как и переводчик "Моск<овских> вед<омостей>", исказил статью Л<ьва> Н<иколаевича>. Вдобавок в "Русской жизни" появилась статья, где Диллон назван добровольцем, желающим вызвать белый террор. Диллон ожидал высылки и по требованию своей газеты начинает дело <...> против Пороховщикова (А.А.Пороховщиков — издатель "Русской жизни".— *А.Р.*), который говорит, что статья в его газете появилась по наущению графини. Лесков ужасно расстроен письмом Льва Николаевича. Диллон показывал ему письма Л<ьва> Н<иколаевича>, где тот в точных выражениях заявляет о том, что перевод Диллона верен. И вдруг после этого такое письмо в газетах. Сегодня в час дня я был у Лескова, туда же пришли Ге и Диллон. На последнем лица не было, он походил на суслика, которого только что выгнали из норы, затопив ее водой. Мы втроем как могли старались успокоить его, особенно был мил Николай Николаевич. Ушел Диллон в более спокойном состоянии, но тем не менее трудно сказать, что выйдет из всего этого дела. Очень уж затравленный вид у человека». И несколькими строчками ниже Хирьяков сообщал о впечатлениях Лескова от трактата Толстого "Царство Божие внутри вас": "Получилась ли 8-ая глава? Семью первыми Лесков очень доволен"[14].

В нескольких письмах Хирьяков упоминал о мелких просьбах Лескова, в основном связанных с книжными делами, в частности — с книжным складом А.М.Калмыковой

И.И.ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ — КНИГОНОША "ПОСРЕДНИКА"

Фотография Ю.Штейнберга. С.-Петербург. 1886 год

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

(ее имя часто мелькает в начале 1890-х годов в том или ином контексте рядом с именем Лескова, например, в воспоминаниях П.Б.Струве[15]).

2 июля Хирьяков сообщал Горбунову-Посадову: «Лесков поместил в "Нов<ом> вр<емени>" воззвание к хозяйкам о составлении вегетарианской поваренной книжки и уже получил 17 писем от разных дам с предложением заняться этим делом. Остается только выбрать достойнейшую <...> Лесков спрашивает, скоро ли выйдет его "Невинный Пруденций". Вы писали, что он, т.е. "Невинный Пруденций", отпечатан, а скоро ли выйдет?»

Любопытно и таинственное приглашение, датированное 9 октября 1892 г. (Горбунов в это время находился в Петербурге): "Ив<ан> Ив<анович>! Если найдется свободная минутка, будьте у Лескова завтра 7-го, в среду, до 2 часов. Дело государственной важности — скажу более: вопрос мировой! А.Хирьяков. Я тоже там буду".

В следующих письмах, вплоть до 10 марта 1893 г., упоминаний о Лескове нет. А в этот день вновь непосредственная по тону записка: "Лесков меня укорил, зачем я не просил Льва Николаевича его отчет для сборника. Что вы думаете об этом. Я думаю, вин бреше!" Имеются в виду "Отчеты об употреблении пожертвованных денег" (всего четыре с 3 декабря 1891 по 1 января 1893 г. и "Заключение" к последнему), которые Толстой печатал в газете "Русские ведомости" во время голода. Наибольший общественный интерес вызвал отчет о периоде с 12 апреля по 20 июля 1892 г. По-видимому, Лесков предлагал Хирьякову напечатать их — или один из них — в сборнике "Путь-дорога" (см. о нем в наст. т. письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г. и примеч. к нему).

К этому времени Лесков был уже в натянутых отношениях с "Посредником" и прежде всего с В.Г.Чертковым, хотя Бирюков и Горбунов пытались сделать все, чтобы восстановить прежнее доверие. Лесков оставался верен себе, отталкивая весьма почтительно и даже любовно относившихся к нему людей. Хирьяков оказался в конце концов единственным из "посредников", кто поддерживал с ним личные контакты, по-видимому, благодаря своему ровному и веселому характеру. Вскоре, однако, Хирьяков расстался с должностью "агента", вступив на путь профессионального литератора. "Посредник" стал издавать его собственные сочинения.

В связи с этим представляет большой интерес свидетельство Л.И.Веселитской, по-видимому без особой симпатии относившейся к Хирьякову. Вот ее запись: «Глубоко преклонясь перед Толстым, Лесков насмешливо относился к его последователям, называл их "лепетунами", беспощадно придирался к их словам и поступкам и рассказывал о них анекдоты. Видя, что я интересуюсь толстовцами, он пригласил к себе бывшего толстовца А.М.Хирьякова, и вдвоем они стали рассказывать мне биографию известных им толстовцев. Я наскоро записывала их рассказы в тетрадку, но, перечитав дома все записанное, я увидела, что все это карикатуры. И я все разорвала, не сочувствуя такому отношению к последователям Толстого»[16].

Примечательно, что еще при жизни Лескова Веселитская назвала Хирьякова "бывшим толстовцем". Спустя полтора десятилетия, в августе 1909 г., Хирьяков писал Горбунову: "Мы, люди стоящие вне партий, мы даже не толстовцы, но я уверен, что если бы пути интеллигентной России раздробились бы на тысячу разветвлений, то мы, сами того не зная, оказались бы в одном и том же разветвлении"[17].

Поддерживал Хирьяков переписку и с В.Г.Чертковым, хотя в многочисленных его письмах-отчетах упоминаний о Лескове всего два.

Например, в письме от 22 сентября 1892 г. Хирьяков "докладывал" после визита к М.Л.Тривусу, сотруднику журналов "Восход" и "Еврейский мир", который для "Посредника" работал над биографией Иосифа бен Акибы (ок. 50—135), древнееврейского ученого и мыслителя: "Лесков просит, чтобы биографию эту дали сделать ему. Я думаю, что эти господа вряд ли воспротивятся этому, потому что, несомненно, желательно художественное наполнение"[18].

В большом и подробном письме о петербургских делах "Посредника" от 3—5 октября того же года Хирьяков сперва упоминал о полученной Лесковым информации из Одессы о готовящейся там книге о вегетарианстве, которая могла составить конкуренцию планам самого Лескова, а затем передавал содержание очередного разговора с писателем, по-видимому о предполагаемом издании его рассказов: «Лесков считает, что самый подходящий для нас тот том, где описаны праведники, но несколько смущается, не повлияет ли дурно на полное собрание, если мы будем издавать более дешево лучшие вещи. Суворин платит гонорары за "Дешевую библиотеку" 20, 30 и 40 р<ублей> за лист, смотря по автору, и как мы знаем даже и 50»[19].

Информация эта сугубо деловая, но она ценна тем, что раскрывает неизвестные ранее творческие планы Лескова, оставшиеся не реализованными. Любопытно — и единственно — упоминание о намерении Лескова написать биографию Бен Акибы, что вполне укладывается в русло его интересов и размышлений о еврейской культуре. Примечательно было и намерение "Посредника" собрать легенды и жития Лескова в одной

книге, после того, как это издательство неоднократно выпускало их по отдельности массовыми тиражами[20].

В середине июля 1893 г. (письмо без даты) Хирьяков сообщал Горбунову-Посадову: "Завтра собираюсь ехать ненадолго к Лескову: Мерекюль, 94", а 2 августа уже из Петербурга крайне сдержанно писал об этом визите: "В середине июля я ездил недели на полторы к Николаю Семеновичу в Мерекюль. Туда же приехал и Меньшиков, а также Веселитская ("Мимочка на водах"), а потом Л.Я.Гуревич"[21]. К впечатлениям этой поездки Хирьяков возвращался впоследствии неоднократно, перенося их почти буквально из одного своего очерка о Лескове в другой — публикуемые материалы тому свидетельство.

Почти полгода в последующих письмах Хирьякова к Горбунову не было упоминаний о Лескове, хотя встречи с ним, несомненно, как явствует из воспоминаний, были частыми. И лишь 24 февраля 1895 г. скорбная весть: "Вчера хоронили Лескова. Старик умер спокойно, как сам хотел. Последнее время очень часто говорил о смерти, повторяя: "Смерть — шаг великий! Верь, мой друг, есть смысл в Платоновом ученье, что это миг перерожденья"[22].

Переписка Хирьякова с Горбуновым-Посадовым, достаточно отрывочная и нерегулярная, продолжалась до 1934 г.: последнее из доступных нам писем датировано 11 апреля 1934 г. Это поздравление старого друга с семидесятилетием. Вновь ожила память и о Лескове: «Покойный Н.С.Лесков непременно сказал бы не юбилей, а "убылей", потому что жизнь идет на убыль, убывают силы и возможности использовать эти силы»[23].

14 ноября 1938 г. Хирьяков писал Е.Е.Горбуновой-Посадовой в ответ на известие о смерти Евфросинии Дмитриевны: «Большое спасибо Вам за Ваше доброе письмо, хотя и содержало оно недобрую весть. Но весть эта не была неожиданна. И годы ее были не малые (около 80) и последние болезни должны были подорвать организм. Отрадно и поучительно было то, что, несмотря на трудности жизни, она не только не жаловалась, но определенно говорила, что считает себя счастливой. А считала она себя счастливой потому, что чувствовала, что ее очень любят, и сама несла в своей душе большую любовь к людям. Про слепого гусита Жижку Ленау писал: "Дух его смеется гордо над телесной слепотой". Так же и в Африньке дух до конца жизни побеждал все недуги организма»[24].

Вообще, Хирьяков внимательно следил за жизнью советской России всюду, куда бы его ни забрасывала судьба, и своих прежних единомышленников и друзей считал необходимым поздравить с каждой очередной годовщиной: в 1920 г. — с тридцатипятилетием "Посредника", в 1925 — с сорокалетием. Спустя еще десять лет издательство было закрыто решением советского правительства.

Послеоктябрьские годы (1917—1923) были тяжелой порой для Хирьяковых. Большую часть этого времени они провели в Крыму, в колонии Чаир под Бахчисараем, страдая от голода и болезней и, по-видимому, все больше отдаляясь друг от друга. Хирьяков наезжал в Петроград, в Москву, где лечился и где в 1920 г. Государственное издательство выпустило книгу его прозы "Украденное счастье" В 1922 г. в Алупке он познакомился с известным в ту пору революционером и писателем Антоном Мудреновичем Амур-Сананом. Его биография стала последней работой Хирьякова, вышедшей на родине[25].

История жизни Хирьяковых — отдельная и большая тема, вполне возможная и даже необходимая в рамках размышлений о судьбах русской интеллигенции XIX—XX вв. Надеясь вернуться к ней, отметим лишь еще один факт из биографии Хирьякова. В августе 1920 г. он написал письмо В.И.Ленину в защиту А.Л.Толстой[26]. Трудно сказать, нашло ли письмо своего адресата, поскольку его оригинал вместе с письмом Хирьякова к Бонч-Бруевичу сохранился в архиве последнего. Этот документ здесь стоит привести целиком:

«Многоуважаемый Владимир Ильич!

Позвольте обратить Ваше внимание на явную несправедливость, совершенную в деле так называемого "Тактического Центра"[27] по отношению к Александре Львовне Толстой. (Я пишу Вам об этом не будучи с Вами знаком, но сведения обо мне может Вам дать В.Д.Бонч-Бруевич.)

Дело в том, что одинаковый с А.Л.Толстой проступок совершен проф<ессором> Кольцовым с тою лишь разницей, что Кольцов признан участником преступления, а

Толстая только пособником. И тот и другая давали свои квартиры, причем Кольцов принимал участие в собраниях, а Толстая только ставила самовар для собиравшихся в ее квартире людей.

Согласитесь, что это уже не такая вина, чтобы присуждать за нее к трем годам заключения, в то время как Кольцова освобождают от наказания. Этот самовар вносит какую-то комическую ноту в эту трагедию. Недаром же в кулуарах суда говорилось по этому поводу:

Гасите свой гражданский жар
В стране, где смелую девицу
Ввергают в тесную темницу
За то, что ставит самовар.

Но согласитесь, что это не столько комично, сколько печально. Согласитесь, что не пристало настоящим государственным людям сводить какие-то счеты с подсудимыми.

Вы спросите: какие счеты?

Да ведь такой странный приговор можно объяснить только тем, что Толстая в своем последнем слове сказала, что не признает никакого человеческого суда и что, к чему бы ее ни приговорили, она останется тем же свободным человеком, каким она была, и что этой свободы у нее никто не может отнять.

Это показалось трибуналу обидно. Но какая же она была бы дочь Толстого, ежели бы она думала иначе о суде? И какая бы она была дочь Толстого, если бы не говорила откровенно ту правду, в которую она верит? Вместе с тем надо понять, что она имела в виду не исключительно трибунал, а всякий суд вообще.

Мне кажется, что к ней можно было бы вполне применить закон об условном осуждении, освободив ее от наказания, и я хочу верить, что Вы, Владимир Ильич, сделаете все, что от Вас зависит, и что смелую и правдивую девушку освободят безотлагательно, а не будут держать в обществе уголовных преступниц и проституток, как это делают с ней теперь.

Желая Вам всего доброго, готовый к услугам

24 августа 1920 А.Хирьяков»[28]

* * *

В марте 1924 г., уже в Китае, Хирьяков женился вторично — на русской эмигрантке Евгении Семеновне Вебер, в декабре 1926 г. у них родилась дочь Елена. Эмигрантская жизнь для Хирьяковых сложилась очень несладко (об этом в его письмах немало признаний[29]), но были и какие-то свои радости, которыми он считал нужным поделиться с оставшимися в России, понимая, что найдет соответствующий отклик. В течение всех пятнадцати эмигрантских лет, до смерти Е.Д.Хирьяковой, он довольно часто писал "дорогой Проничке", просил присылать книги для работы, подробно описывая свои передвижения по миру, делясь своими планами и успехами[30]. Еще из Харбина, например, он сообщал, что "усиленно работает над воспоминаниями" и что дневник его печатается в Берлине в "Архиве русской революции"[31]. В марте 1925 г. он послал в Москву публикуемую ниже статью о Лескове, напечатанную в "Руле".

В сентябре 1937 г. Хирьяков писал Е.Д.Хирьяковой: "В прошлом месяце произошло некоторое событие (не очень важное, но все-таки событие). Исполнилось пятидесятилетие моей литературной деятельности. Если бы это случилось лет 25—30 тому назад, было бы, вероятно, устроено чествование, обед, речи и речки, какое-нибудь подношение... Но при нашей бедности этакие нежности как-то неуместны, и все ограничилось несколькими личными и письменными приветствиями и моей благодарностью в газетах всем меня поздравившим.

Помню, как Лесков говорил с Петром Вейнбергом о нелепом обычае подносить писателю роскошный письменный прибор.

— У писателя и так есть, что нужно для писанья. Поднесли бы лучше теплую, легкую шубу...

И они решили, что когда будет юбилей одного из них, то другой будет агитировать, чтобы подносили не прибор, а шубу. Но до своего юбилея Лесков не дожил, а когда праздновали юбилей Вейнберга, Лесков уже переехал с Фурштадтской на Волково кладбище..."[32]

О жизни Хирьяковых в Польше сохранился любопытный фрагмент воспоминаний известного деятеля российской эмиграции С.Л.Войцеховского. Вот что он писал:

«Е.С.Вебер-Хирьякова и ее муж А.М.Хирьяков, которого часто называли "другом Льва Толстого", потому что в молодости он <...> стал толстовцем и бывал в Ясной Поляне, приехали в Варшаву из Парижа по приглашению Философова, который рассчитывал на помощь Хирьякова в редакции "За свободу"[33]. В этом он просчитался — душевно и телесно бодрый, несмотря на немалый возраст, Хирьяков был больше литератором, чем журналистом. В Литературном содружестве он удивлял слушателей необыкновенной памятью, мог прочитать наизусть не только несколько лирических стихотворений, но и многие поэмы. Все злободневное занимало его мало. Зато неоценимой помощницей стала для редактора молодая, по сравнению с мужем, Вебер-Хирьякова, соединившая свою девичью фамилию с фамилией супруга. Она угадывала настроение Философова, понимала вызванную несколькими скрытыми причинами сложность его характера, при которой ладить с ним было нелегко. Жизнь ее оборвалась трагически. В октябре 1939 г., на третий или четвертый день германской оккупации Варшавы, она отравилась и пыталась отравить свою семилетнюю дочь[34] — красивую, похожую на отца девочку, которую родители называли Елочкой. Сделала она это потому, что была еврейкой и понимала, чем ей и ребенку угрожает гитлеровский национал-социализм. Девочка, однако, выжила, а после смерти отца, скончавшегося в 1942 г., ею занялись польские монахини. В католическом монастыре она благополучно дождалась конца войны»[35].

Итак, друг Толстого и Лескова, русский писатель Александр Модестович Хирьяков умер на чужбине в разгар второй мировой войны и погребен, как и его жена, где-то в Варшаве. Единственная его наследница, дочь Елена Александровна, пережившая войну, быть может, жива и по сей день.

* * *

Неизданные письма Лескова к Хирьякову, а также воспоминания Хирьяковых, лишь частично напечатанные в эмигрантской прессе, представляют несомненный интерес.

Во-первых, они дают возможность полнее представить себе взаимоотношения Лескова с толстовцами — деятелями "Посредника". Отношения эти, как известно, складывались сложно и по-разному: если с Чертковым установилась высокого накала напряженность, то с Бирюковым они стали портиться позже; по-видимому, еще позднее возникло отчуждение между Лесковым и Горбуновым-Посадовым. В конце концов лишь Хирьяков "допускался ко двору".

Конечно, причины столь скорого охлаждения носили прежде всего мировоззренческий характер. Однако, как всегда у Лескова, моменты субъективные тесно переплетались с идейными, играя свою, причем, очень важную роль. Хирьяков, в ту пору обладавший веселым неунывающим нравом, полный оптимизма и веры в свое дело, и его жена, по-видимому, вызывали душевное расположение Лескова. В воспоминаниях обоих Хирьяковых привлекает спокойная интонация, манера писать как бы только для себя. Это свидетельства людей, хорошо знавших Лескова в последний период его жизни, свидетельства доброжелателей. Разница поколений, стиля и образа жизни, конечно, препятствовала Хирьяковым стать близкими друзьями писателя, да они к этому и не стремились, радуясь, несомненно, самой возможности с ним встречаться и его видеть, обмениваться впечатлениями и слышать его суждения. Многого они, по целому ряду причин, увидеть не могли, но чувствовали и понимали немало, по-своему привязавшись к старому писателю с очень нелегким характером.

Во-вторых, в воспоминаниях Хирьяковых сохранились и яркие бытовые черточки, в каких-то фрагментах узнается пылкий темперамент Лескова. Конечно, глубина этих мемуаров в известной степени ограничена непродолжительностью знакомства. Поэтому для А.М.Хирьякова, вероятно, самым ярким событием оставалась его поездка в Меректоль летом 1893 г. и совместное чтение там сочинений Толстого. У его жены диапазон наблюдений, возможно, был несколько шире, она меньше была сосредоточена на себе и тоньше, по-видимому, чувствовала натуру Лескова, но зато гораздо меньше интересовалась его отвлеченными рассуждениями. Ее повествование ценно той особенной задушевностью, которую отмечал в письмах к ней В.Д.Бонч-Бруевич[36].

ЛЕСКОВ С ВОСПИТАННИЦЕЙ ВАРЕЙ ДОЛИНОЙ

Фотография Е.М.Бём. Мерекюль. 1892 год

Институт русской литературы, С.-Петербург

В воспоминаниях Хирьяковых есть пробелы, неточности, искажения, даже ошибки. В какой-то степени они отражают и опосредованные впечатления, по чужим рассказам. И пока неизвестно, существует ли более цельная и более стройная по форме рукопись воспоминаний Хирьякова, о которой он сообщал в своих письмах

* * *

Письма Лескова к Хирьякову печатаются впервые по текстам: *РГАЛИ*. Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 22 (письма 1, 5, 6, 9) и Оп. 2. Ед.хр. 2 (письмо 4); Ф. 2567. Оп. 2.

Ед.хр. 333 (письма 7, 8). Письма 1, 4, 5 были приобретены Гослитмузеем из собрания А.Е.Бурцева.

Из семи писем четыре (1, 5, 6, 8) — открытки.

В фонде Лескова в *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 315) хранятся три письма к нему Хирьякова. Переписка между Лесковым и Хирьяковым была, по-видимому, более интенсивной и обширной, однако местонахождение остальных писем неизвестно.

Воспоминания Е.Д.Хирьяковой хранятся в *РГАЛИ*.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Хирьякова Е.* Воспоминания и некоторые сведения о Димитрии Андреевиче Лизогубе // Звенья. М.–Л., 1932. Т. 1. С. 482—499. Основной архив Хирьяковых хранится в *РГАЛИ* (ф. 536), однако значительная часть документов, в основном письма, рассеяна там же по другим фондам (Ф. 122, 131, 200, 275, 459, 552, 1697, 2480 и др.). См. также: *ОР РГБ.* Ф. 369. Карт. 29. Ед. хр. 16. Небольшой фрагмент воспоминаний Хирьяковой о Лескове — со значительными редакционными сокращениями — был напечатан в “Литературной газете” (1981. 18 марта. С. 6. Публикация А.Д.Романенко).

[2] *Хирьяков А.* Похороны Достоевского // Руль. Берлин, 1931. 8 февр. С. 3, 5.

[3] Славянская книга. Прага. 1925. № 10. С. 220 (см. №№ 355—356, где указаны как вышедшие №№ 1 и 2 “Русского беженца”). В библиографии Л.Фостер этот журнал не зарегистрирован (см.: Библиография Русской зарубежной литературы 1918—1968. Составитель Людмила А. Фостер. Т. 1—2. Бостон, 1970. О Хирьякове см. т. 2. С. 1129).

[4] *РГАЛИ.* Ф. 131. Оп. 1. Ед.хр. 225. Л. 38.

[5] Там же. Ф. 536 (Хирьяковы), ф. 122 (И.И.Горбунов-Посадов), ф. 552 (В.Г.Чертков).

[6] См. письмо Л.И.Веселитской к М.О.Меньшикову от 21 февраля 1895 г. // *РГАЛИ.* Ф. 2169. Оп. 2. Ед.хр. 2. См. ниже примеч. 27 к воспоминаниям Е.Д.Хирьяковой.

[7] *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 264, 426.

[8] Письмо к Е.Д.Хирьяковой // *РГАЛИ.* Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 55. Л. 130 об., 131.

[9] *Якубовский Ю.О.* Л.Н.Толстой и его друзья // Толстовский ежегодник 1913 года. СПб.–М., 1914. С. 8—9. В *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 187 и 334) хранятся два письма Лескова к Якубовскому 1892 г., а также одно его письмо к Лескову, датируемое июлем 1892 г. Далее в своих воспоминаниях Якубовский писал об одном из собраний 1889 г., на котором читалась “Крейцерова соната” и где присутствовал Лесков. Юрий Осипович *Якубовский* (1857—1929), банковский служащий.

[10] Косвенным подтверждением этой даты собрания кружка (где, возможно, и познакомились Лесков с Хирьяковым) служит то обстоятельство, что В.Г. и А.К.Чертковы, предоставлявшие свою квартиру для собраний, провели в Петербурге только зиму 1886—1887 гг. (см.: *Муратов М.В.* Л.Н.Толстой и В.Г.Чертков в их переписке. М., 1934. С.135, 138—142), а Ю.О.Якубовский с 1890 г. жил в Самарканде.

[11] *Хирьяков А.М.* Автобиография // *РГАЛИ.* Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 7.

[12] *Хирьякова Е.Д.* Воспоминания // Там же. Ед.хр. 34. Л. 111.

[13] *РГАЛИ.* Ф. 122. Оп 1. Ед.хр. 1435.

[14] В письме к Толстому от 28 июля 1893 г. Лесков сообщал об этом трактате: “Основательно я его читал до 8-ой главы давно” (XI, 551).

[15] *Струве Петр.* Н.С.Лесков. Несколько черт из воспоминаний // Струве Петр. Скорее за дело! Статьи. М., 1991. С. 35—38. Библиотека журнала “Огонек”, № 38. Об А.М.Калмыковой см. в наст. т. сообщение А.Д.Романенко “Общественные связи Лескова в 1880—1890-е годы”

[16] *Веселитская.* С. 9—10.

[17] *РГАЛИ.* Ф. 122. Оп. 1. Ед.хр. 1435. Л. 79.

[18] Там же. Ф. 552. Оп. 1. Ед.хр. 2740. Л. 17.

[19] Там же. Л. 24.

[20] Интересно большое письмо Хирьякова к Черткову от 31 марта 1918 г., в котором он высказал давнему другу многое из того, что отталкивало людей от Черткова: “Убедительно прошу тебя: подумай о себе, проверь самого себя, постарайся освободиться от преувеличенного мнения о себе и от презрительного отношения к другим людям, несогласным с тобою. Да и не только к ним, а вообще к людям. Тебе это незаметно, а со стороны оно бьет в глаза <...> ты себя и свои дела считаешь сейчас настолько важнее других людей и дел, что можешь с ними совершенно не считаться. Подумай о себе. Проверь себя <...> Мне обидно за тебя, за то лучшее, что есть в тебе. Я предъявляю к тебе большие требования, потому что верю в твои силы. Что ты можешь их выполнить. Любящий тебя *А.Хирьяков*” (Там же. Л. 100—101). Содержанием и тональностью это письмо

напоминает аналогичные письма Лескова середины 1890-х годов, после которых отношения между Лесковым и Чертковым оборвались.

[21] *РГАЛИ.* Ф. 122. Оп. 1. Ед.хр. 1435. Л. 73, 73 об., 101. Об этой поездке см. также выше в письмах Лескова к Т.Л.Толстой от 4, 22 июля и 5 августа 1893 г.

[22] Там же. Л. 77.

[23] Там же. Л. 83.

[24] Там же. Ф. 122. Оп. 1. Ед.хр. 1953.

[25] *Хирьяков А.* Человек, которого зовут Антоном. (Жизнь калмыка). М., 1924.

[26] *ОР РГБ.* Ф. 369. Карт. 359. Ед.хр. 12.

[27] *Тактический Центр* — оппозиционное большевизму и советской власти объединение нескольких политических групп — от монархистов до кадетов и меньшевиков, созданное в Москве в апреле 1919 — феврале 1920 г. Одним из его руководителей был известный историк С.П.Мельгунов (1879—1956), по просьбе которого часть заседаний проходила с разрешения А.Л.Толстой в комнате правления Толстовского общества. “На заседаниях А.Л.Толстая никогда не присутствовала, конечно, а иногда входила, принося чай” (Из показаний С.П.Мельгунова. Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1989. С. 369). Раскрытый ВЧК Тактический центр был ликвидирован, а 28 его членов, включая Толстую, преданы суду Верховного революционного трибунала (процесс шел в Москве 16—20 августа 1920 г.). Председателем трибунала был зампред ВЧК И.К.Ксенофонтов, обвинителем — Н.В.Крыленко. Добровольным свидетелем по делу одного из обвиняемых, в частности, выступал Л.Д.Троцкий. Толстая была приговорена к “заключению в концентрационный лагерь на три года” (см. Известия. 1920. 22 авг.), которые частично отбыла в тюрьме Новоспасского монастыря в Москве. Упомянутый далее профессор Н.К.*Кольцов* (1872—1940), директор созданного им Института экспериментальной биологии, получил условно 5 лет тюрьмы и был освобожден из-под стражи.

[28] К этому письму была приложена адресованная В.Д.Бонч-Бруевичу записка: “Будьте добры, передайте, пожалуйста, прилагаемое письмо Ленину и, насколько от Вас зависит, посодействуйте исполнению изложенной в нем просьбы относительно освобождения Александры Львовны. Очень уж некрасиво выходит, когда за такую ничтожную вину дочь Толстого лишают свободы, да еще сажают вместе с уголовными преступницами и проститутками. Всего хорошего. Ваш А.Хирьяков. 23 августа 1920” (*ОР РГБ.* Ф.369. Карт. 359. Ед.хр. 10. Лл. 9—10). О своем аресте и заключении А.Л.Толстая рассказала впоследствии в книге воспоминаний (см.: *Толстая А.Л.* Дочь. М., 1992).

Цитированное в письме к Ленину четверостишие принадлежит Игорю Владимировичу Ильинскому, сотруднику музея “Ясная Поляна”, позднее репрессированному (сообщено С.А.Розановой).

[29] См. хранящиеся в *РГАЛИ* письма Хирьякова к А.А.Яблоновскому (Ф. 1697. Оп. 1. Ед.хр. 227), В.В.Черткову (Ф. 552. Оп. 6. Ед.хр. 19) и Е.Д.Хирьяковой (Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 55).

[30] В *РГАЛИ* хранится 98 писем А.М.Хирьякова к Е.Д.Хирьяковой за 1908—1938 гг.

[31] Мы не обнаружили в “Архиве русской революции” дневников Хирьякова, и их местонахождение неизвестно.

[32] *РГАЛИ.* Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 55. Л. 184.

[33] Дмитрий Владимирович *Философов* (1872—1940), публицист, критик, близкий друг Мережковских и их единомышленник на определенном этапе. В 1904 г. редактор журнала “Новый путь” В 1920 г. эмигрировал вместе с Мережковскими, но остался в Варшаве. Редактор выходивших в Варшаве русских газет “За свободу” (1922—1931), “Молва” и журнала “Меч”

[34] Ошибка С.Л.Войцеховского. В 1939 г. Е.А.Хирьяковой было 13 лет.

[35] *Войцеховский С.Л.* Опечатка // Новый журнал. Нью-Йорк, 1974. Кн. 115. С. 174—175.

[36] “Вы так много встречали людей и пишете так тепло и задушевно, что очень хотелось бы, чтобы Вы это дело делали”,— из письма В.Д.Бонч-Бруевича к Е.Д.Хирьяковой от 26 июня 1930 г. “У Вас легкое, прекрасное перо и большая задушевность, что в высшей степени важно для читателей”,— из письма от 29 мая 1931 г. (*ОР РГБ.* Ф. 369. Карт. 219. Ед.хр. 16. Л. 5, 7, 7 об.).

ПЕРЕПИСКА с А.М.ХИРЬЯКОВЫМ

1.ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

<3 марта 1892 г. Петербург>

Вы застанете меня у себя дома с утра (8 ч<асов>), до 2-х ч<асов> дня, и после обеда с 6-ти ч<асов> во весь вечер. — Вне дома я только с 2-х до 6-ти[1]. Очень рад Вашему приезду[2] и прошу покорно пожаловать.

Ваш покорный слуга Николай Лесков

3 март 92 г.
10 1/2 ч. утра.

[1] Публикуемое письмо — вероятно, ответ на просьбу Хирьякова о встрече. Выполняя в Петербурге поручения "Посредника", Хирьяков одновременно начал работу по составлению сборника "Путь-дорога" (см. выше примеч. 3 к письму Лескова к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г., а также публикуемые далее воспоминания Хирьякова).

[2] Хирьяков приехал из села Россоша от В.Г.Черткова.

2. А.М.ХИРЬЯКОВ — ЛЕСКОВУ

8 июня 1892 г.
Россоша. Ворон<ежской> губ<ернии>

Получил Ваше письмо, дорогой Николай Семенович, и был очень удивлен, что в Петербурге считают, что фельетон Буренина направлен против Черткова[1]. Мы прочитали эту глупость, и ни разу нам не пришло в голову (в нашу редакционную голову), что здесь есть намек на Черткова. Ну, да не стоит об этом говорить.

Сюда вернулся один молодой человек, который ездил с 8-ой гл<авой> к Л<ьву> Н<иколаевичу>, и вернулся без нее, так как она опять переделывается[2]. Сей молодой человек в восторге от Льва Николаевича, и мне становится завидно и досадно, что не пришлось застать в Москве Л<ьва> Н<иколаевича>. Много интересных рассказов сообщил сей вьюнош. Несколько бывших соратников знаменитого Алехина-Смоленского[3], погостив около Л<ьва> Н<иколаевича> в Рязанской губ<ернии>, отправились пешком в Иерусалим. Они не собирались непременно добраться до Иерусалима, но этот город для них важен как путеводная точка, а пока зайдут куда-ниб<удь> поближе, напр<имер>, в Харьковскую губ<ернию>. В Оренбургской губ<ернии> я знал некоего старца, великой святости мужа, который спасался в уединенной келье и питался приношениями от доброхотных даятелей, собираясь и поговаривая, что идет в Иерусалим, а когда приношений накопилось достаточно, то он и отправился; но Иерусалим оказался также отдаленной путеводной точкой, ближайшим же местом оказался кабак соседнего села, в котором и оставил все доброхотные даяния.

У Льва Николаевича есть некий старец — американский швед[4] (не смешивать с американской шведкой петербургских извозчиков). Родом из Швеции, хотя заметно что-то еврейское, он прожил лет тридцать в Америке, потом был в Китае, Японии и Индии. Ходит он босиком, одевается как попало, прикрывая недостатки одеяния красным одеялом, спит на полу и кладет под голову завернутую в мешок бутылку, которая служит вместе с тем и ночной посудой. Мяса не ест, молоко не пьет, говоря: "как же я могу пить молоко, когда у меня матери нет. Да если бы и была жива моя мать, вряд ли она дала бы мне молока; а молоко коровы принадлежит теленку". Когда графиня, изумленная видом этого господина, хотела вежливенько изгнать его, заявив, что нет места, он заявил: "ведь я же стою вот здесь, значит место есть, а больше мне и не надо, а если я вам надоел,— ну убейте

меня". И графиня отступилась, так что теперь этот новый Диоген переехал вместе с Толстыми в Ясную Поляну.

Ну прощайте пока, дорогой Николай Семенович. Выписал майскую книжку "Нивы", когда пришлют, напишу о впечатлении[5]. Иван Иванович[6] на этой неделе едет в Москву, а потом будет, по всей вероятности, и в Петербурге. Всего хорошего! Крепко жму Вашу руку.

А. Хирьяков

Чертковы шлют свой привет.

Письмо написано на бланке издательства "Посредник".

[1] По-видимому, имеется в виду "Петербургская сказка" графа Алексиса Жасминова (псевдоним Буренина) "Рамолин" (*НВ*. 1892. 8 мая и 22 мая), герой которой, молодой человек знатного происхождения Пьер Износкин, мается от безделья и безденежья, обращаясь за помощью к толстовцам.

[2] Возможно, имеется в виду управляющий хутором Черткова "Ржевск" Матвей Николаевич Чистяков (1854—1920), который в марте 1892 г. был специально послан в Москву к Толстому за 8-й главой трактата "Царство Божие внутри вас" (хотя назвать его юношей довольно трудно). Толстой задерживал его несколько дней, полагая, что наконец сумеет закончить эту свою большую работу. И Чистяков в самом деле увез к Черткову 8-ю главу, которую тут же отдали в переписку. Однако Толстой позднее продолжил работу, и 8-я глава разрослась в пять новых глав. Трактат был окончен лишь к середине мая 1893 г. Летом этого года Хирьяков привез "Царство Божие внутри вас" Лескову в Мерекюль, где состоялось коллективное чтение (см. выше письма Лескова к Т.Л.Толстой от 7, 22 июля и 5 августа 1893 г.; см. также: *Веселитская*. С. 175—190).

[3] Речь идет об Аркадии Васильевиче *Алехине* (1854—1918), последователе Толстого, организаторе земледельческой общины "Шевелово" в Смоленской губернии. Как и его братья Василий и Митрофан, помогал Толстому во время голода 1892 г.

[4] Абраам фон Бунде (или Бонде), проповедник "естественной жизни", который после многих лет, проведенных в США, Индии, Китае, Японии, весной 1892 г. пришел к Толстому в Бегичевку и Ясную Поляну. Его проповедь о необходимости работать, дабы содержать себя, об отказе от роскоши, его теория "сырого питания" оказали известное влияние на Толстого. Подробнее о нем и об отношении к нему обитателей Ясной Поляны см.: *Сухотина-Толстая Т.Л.* Воспоминания. М., 1980. С. 297—306; а также в письмах Толстого к Черткову (*Толстой*. Т. 87. С. 145, 146, 150), к С.А.Толстой (Там же. Т. 84. С. 145, 146, 148, 150, 152), к Н.Н.Ге (Там же. Т. 66. С. 214—215).

[5] Трудно сказать с уверенностью, что именно привлекло внимание Лескова и Хирьякова в майских книжках "Нивы" 1892 г. Возможно, это был некролог графини Е.В.Салиас де Турнемир (Евгении Тур), старой знакомой Лескова по Москве и "Русской речи" (№ 20, 16 мая). В пяти майских книжках печатались также романы Е.А.Салиаса "Служитель Бога" и С.Н.Терпигорева "Стратон Стебельцын", а также очерк В.Д.Аленицына "Сестрорецкие дюны".

[6] И.И.Горбунов.

3. А.М.ХИРЬЯКОВ — ЛЕСКОВУ

6 июля 1892 г. Россоша

Дорогой Николай Семенович!

Я получил Ваши оба письма[1] и спешу на них ответить, хотя мне стыдно, что спешу так тихо или, как говорят в Олонецкой губ<ернии>: "начинаю торопиться"

Наконец вышел "Невинный Пруденций", как Вы увидите из посылаемого мною экземпляра, рисунок в достаточной мере подгулял, но дело свое во всяком случае сделает, т.е. обратит на книжку внимание покупателя, что, конечно, и требуется[2].

Из присланных Вами дамских писем, мы выбрали одно г-жи Веселаго и послали ей матерьялы для составления поваренной книжки, другим же дамам отправили извещения, что выбор уже сделан. Я предлагал Владимиру Григорьевичу устроить конкурс на составление Кухонного закона, но он нашел, что неудачницы будут жестоко обижены и труд их пропадет даром; и вот, после долгого исследованья почерка, стиля и содержания писем наш выбор пал на Вашу знакомую[3].

Я давно уже прочитал Ваш рассказ "Юдоль"[4] и давно хотел написать Вам об нем свое вполне откровенное мнение.

Когда я только что начал читать, мне не понравилось. Как будто Вы сами писали нехотя, поневоле, сила выражения, чувство заменялись подбором выделанных выражений (я, кажется, довольно скверно описываю впечатление), одним словом, видна была рука, привыкшая писать, но не было сердца, умевшего чувствовать. Может быть, я и завираюсь? Но чем дальше, тем рассказ становился *лучше* и *лучше*[1*], в середине было "и смешно и сейчас же и жалостно", а под конец смешное и жалостное ушло и стало величественно и трогательно.

Вот мое откровенно изложенное впечатление, полученное от Вашего рассказа. Мне очень интересно бы знать Ваше собственное мнение об этом рассказе. Я совершенно не верю распространенному мнению, что автор — плохой судья своего произведения, и вполне согласен с мнением, начало которого я не могу сейчас цитировать, забыл... "ты им доволен ли, взыскательный художник? Доволен?! Так пускай толпа его бранит и плюет на алтарь, где твой огонь горит и в детской резвости колеблет твой треножник"[5].

Иван Иванович собирается скоро вернуться к нам из Москвы, где цензура выщипала лучшие перья из его сборника[6]. Может быть, он привезет нам части семиглавой гидры, которая разрослась уже в десятиглавую.

Посылаю Вам тексты, которые Вы просили. Владимир Григорьевич не дал мне их искать и выписал сам[7]. Пока до свиданья. Крепко жму Вашу руку.

А.Хирьяков

[1] Местонахождение этих писем неизвестно.

[2] "Невинный Пруденций" впервые вышел отдельным изданием в "Посреднике" (М., 1892). Всего несколькими днями ранее, 2 июля, сам Хирьяков еще не знал о судьбе книги и запрашивал об этом И.И.Горбунова-Посадова (см. процитированное во вступительной статье его письмо к И.И.Горбунову-Посадову).

[3] Госпожа Веселаго упоминается в письмах Хирьякова к Черткову от 3, 13 октября и 14 декабря 1892 г. (*РГАЛИ*. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2740. Л. 33—34) как одна из переводчиц поваренной книги для вегетарианцев. Лесков предлагал эту книгу "Посреднику". (См. процитированное во вступительной статье письмо Хирьякова к И.И.Горбунову-Посадову от 2 июля 1892 г.). В этой связи мы приводим его письмо в редакцию "Нового времени" (1892, 25 июня) "О необходимости издания на русском языке хорошо составленной обстоятельной Кухонной книги для вегетарианцев":

"Чувствуется надобность в издании на русском языке хорошо составленной, обстоятельной *кухонной книжки для вегетарианцев*, в которой были бы толково изложены рецепты и способы приготовления вкусных столовых блюд *без убоины*. Таких книжек есть уже несколько на немецком языке и очень много на английском. Последние особенно одобряются. В Лондоне, как известно, существует несколько вегетарианских ресторанов (без убоины), и в числе их есть два перворазрядных. Наши русские вегетарианцы до сих пор обходились кое-как, но теперь, когда число их стало значительно, и еще постоянно увеличивается,— они тоже озабочиваются иметь для себя лучшие удобства в столе, что очень важно для людей слабых, престарелых и больных. Для достижения этого теперь на очереди стоит *издание русской поваренной книги для вегетарианцев*. Для этого ими уже собраны иностранные книжки в подходящем роде, и есть лицо, готовое принять на себя расходы по изданию. Дело останавливается за недостатком хорошей, опытной хозяйки, которая знала бы английский язык настолько, чтобы понимать кухонные рецепты английской вегетарианской поваренной книги, и могла бы их передать по-русски, и не без выбора, а именно выбрать из всего только такие кушанья, которые соответствуют русским продуктам и русскому привычному вкусу. Издатель и лица, озабоченные изготовлением такой книги для русских вегетарианцев, встретили большое затруднение в отыскании такой особы и обращаются теперь к посредству печати с просьбою — помочь этому затруднению преданием искательства их гласности.

Кто пожелает взять на себя труд составления вегетарианской кулинарной книги, тех просят сообщить свой адрес и свои условия Н.С.Лескову, Усть-Нарова, Шмецк, № 4.

По уполномочию моих друзей Н.Лесков

[1*] Курсивом выделены слова, подчеркнутые синим карандашом; возможно, подчеркивания принадлежат Лескову (*Ред.*)

P.S. Издания, которые благоволят воспроизвесть у себя это наше письмо, окажут тем существенную помощь делу, в котором, мы надеемся, нет ничего дурного,— и мы будем за это благодарны тем, кто поможет нам в нашем затруднении.

23 июня 1892 г."

Напомним, что Ю.О.Якубовский (см. о нем выше) в 1892 г. переводил с польского книгу врача-вегетарианца Константина *Моэс-Оскрагелло* (1850—1910) "Природная пища человека и влияние ее на жизнь человеческую".

[4] Рассказ "Юдоль" впервые был напечатан в «Книжках "Недели"» (1892. № 6).

[5] Цитата из стихотворения А.С.Пушкина "Поэту" (1830).

[6] По-видимому, имеется в виду сборник "Русским матерям" (М., 1892). О взаимоотношениях "Посредника" с цензурой см. статью В.К.Лебедева «Книгоиздательство "Посредник" и цензура (1885—1889)» // *РЛ.* 1968. № 2. С. 163—170, а также см. ниже воспоминания Хирьяковых.

[7] Речь идет о трактате Толстого "Царство Божие внутри вас".

4. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

<начало 1893 г. Петербург[1]>

Милый друг Модестыч!

Поставьте, пожалуйста, под эпиграфом из Карлейля еще следующий (второй) эпиграф из Толстого:

"Надо говорить то, что есть: самая лучшая аптека принесет величайший вред, если ярлыки на банках будут наклеиваться не по содержанию, а как удобнее аптекарю"

Л.Толстой ("О жизни")[2]

В окончательной (XI) главке отыщите соответствующее место и вставьте следующие слова:

"Надо говорить то, что есть" Нет никакого стыда сознавать свою неисправность, а напротив, стыдно и вредно таить ее. Притворщики и чистоплюи долго таили, что люди в деревнях гниют от "дурной болести", а люди эти продолжали гнить; но вот женщина В.К.Трутовская[3], откинув ложную застенчивость, составила книжечку, как узнавать и лечить "дурную болезнь", и от нее повсеместно пошла помощь больным и является обережение для здоровых. А о шелудях, лишаях, паршах, о коросте и чесотке, и о прочих заразных нечистях, поражающих немытые тела русских переселенцев, все молчат или только случайно и ненароком обмолвливаются и то, когда рассказывают, как наши люди обовшивеют на палубе благоустроенного судна в Индийском океане... Когда этих людей сажали на пароход, их "кропили", но это, видно, не помогает на все время их странствия, и в пути их необходимо мыть, а то они иначе и сами расчешутся и натащут нечисти повсюду и заразят ею все, как заразили тислинский барак[4].

[1] Письмо датируется по содержанию: обсуждается рассказ Лескова "Продукт природы", в начале 1893 г. уже переданный в редакцию сборника "Путь-дорога" (писатель к тому времени прочитал корректуру, но продолжал работать над текстом). Подробнее об участии Лескова в этом сборнике см. далее воспоминания Хирьякова.

[2] *Толстой.* Т. 26. С. 319, 320. Лесков объединил две фразы с разных страниц. Впоследствии от намерения дать эпиграф из Толстого Лесков отказался.

[3] Имеется в виду книга Веры Константиновны *Трутовской* (1858—1895) "Дурная болезнь, или сифилис. Описание ее и советы о том, как уберегаться и лечиться от нее" (М., 1888. "Посредник" Переиздавалась в 1899, 1900, 1903, 1911 гг. "Посредником" и И.Д.Сытиным). См. о ней письмо Толстого к Черткову от 2 апреля 1887 г. (*Толстой.* Т. 86. С. 42, 44).

[4] Один из бараков для переселенцев, которые строились под эгидой Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам. О постройке подобных бараков, в частности, шла речь на заседании Общества 14 марта 1893 г., о котором Лесков мог прочесть в "Новостях и Биржевой газете" (1893. 26 марта).

5. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

<21 марта 1893 г. Петербург>

Вставок, о которых писал, делать не нужно. Корректуру во второй раз прочел и выправил. Больше исправлять ее по существу не буду. Какая родилась — такой ей и быть. Ничего — сойдет!

Н.Лесков

21.III.93. СПб.

6. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

94, Мерекюль, 29/V.<18>93

Любезный друг!

Я приехал, нашел свое помещение оч<ень> хорошим, устроился и пишу Вам, что могу Вас поместить у себя удовлетворительно и себя не стесняя. Когда отделаетесь[1] — спешите ко мне отдыхать. Я Вам буду искренне рад. Ехать советую до станции Корф (1-я *за* Нарвою), а там есть омнибус с надписью "Мерекюль". Это самое простое, прямое, самое дешевое и самое удобное. Все иные способы хуже.

Искренно Вас любящий Н.Лесков

[1] Речь идет о хлопотах в связи с выпуском сборника "Путь-дорога" (см. выше примеч. 1 к письму 1)

7. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

27/VI.<18>93. Мерекюль, 94

Кажется, все идет хорошо, друг мой Модестыч! От Меньшикова и от Л<и>д<ии> Ив<ановны>[1] получаю письма хорошие: все обещаются быть к 8-10-му. Смотрите и Вы не прошрафьтесь! Для "Мимочки"[2] будет ком<ната> в "Салоне", а для Вас с Мень<шиковым> — рядом у соседа. С отъездом М<еньшико>ва — Вы перейдете ко мне, т<ак>к<ак> Вам надо отдохнуть от "своего соку", а я рад побыть с Вами. Вчера получил письмо от Фаресова, что он хочет приехать "в первых числах", и сегодня ему написал, что в эти числа у меня будут гости, ранее условленные. Л<и>д<ия> Ив<ановна> стесняется тем: к<а>к поступить, если Гуревич захочет ехать, а она как будто не расположена к Меньшикову?[3] Я пишу Л<идии> И<вановне>, что нас это не должно стеснять и что я буду рад и Люб<ови> Як<овлев>не, и смело полагаюсь на хорошие умы одного и другой. Притом здесь так много свободы и при широте размещения в разных домах все должно обойтись хорошо. Не позабудьте же, главным делом, рукопись! А если все это удастся, к<а>к ладим, то это должно принести нам удовольствие довольно редкого сорта. Смотрите только: 1) не приезжайте сюрпризом (не известивши), и 2) привозите с собою и для себя *плед и подушку*!

Убийца на костылях и с складным ножиком, действительно,— что-то уж очень глупое. Мож<ет> б<ыть>, это "каліка перехожая", хотел "вынуть часточку", но "в тряпице запутался".

Говорят, Тертий "воскорбе", что не он будет "страстотерпец", так к<а>к Синод будто бы хочет поднести ему такой титул[4].

Пришлите мне пока экземпляр "Сборника".

Ваш Н.Лесков

[1] Л.И.Веселитская, М.О.Меньшиков, Л.Я.Гуревич — петербургские друзья Лескова, приглашенные в Мерекюль для совместного чтения рукописи Толстого “Царство Божие внутри вас” (см. выше примеч. 2 к письму Хирьякова от 8 июня 1892 г.).

[2] Лесков часто называл Л.И.Веселитскую “Мимочкой” (см. выше его письма к Т.Л.Толстой).

[3] См. выше письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 22 июля 1893 г.

[4] Имеется в виду Тертий Иванович Филиппов, действительный тайный советник, член Государственного Совета.

8. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ

<2 июля 1893 г. Мерекюль>

Дайте коротенько знать: как идут Ваши дела и Ваши сборы? Писал я два письма Петру Ильичу (в магазин “Н<ового> в<ремени>”)[1], и он мне не ответил ни на одно письмо. Это меня даже смущает, т<ак> к<ак> я беспокоюсь за его положение. Напишите и о нем. Прошу Вас *непременно* и скоро зайти к ним в магазин и выписать мне из словаря Даля *все* определения или толкования слова *халда* (Халда). Мне это оч<ень> нужно и без промедлений.— “Миме” я писал, прося ее собственным умом решить: привлекать или нет сюда Люб<овь> Як<овлевну> Г<уревич> — так как в “Нед<еле>” появится новая статья о Ф<лексере>[2], и это влечет за собою непременные осложнения в личных отношениях. Я никак не могу сообразить: как поступить, чтобы вышло складнее. Но известно ли что-нибудь о Зандроке и об Александре Ал<ександровне> Лавровой?[3] Не позабудьте прислать мне книжку своего “Переселенца” Прочел июльские книжки “В<естника> Евр<опы>” и “Сев<ерного> в<естни>ка” В “В<естнике> Е<вропы>” хороши обозрения и хроника. Виницкая с наблюдательностью, но “не сделано”[4]; В “С<еверном> в<естнике>” беллетристика из рук вон, и *нигде* нет даже признака редакции[5]. В статье Венгеровой, в первых 4 строках, *четыре* раза слово “один”, и есть полемика из-за своего человека[6]... За то кусок Смирновой оч<ень> интересен и Пушкин тут превосходен![7]

Н.Л. (2/VII<18>93)

[1] Речь идет о Петре Ильиче *Яковлеве*, одном из опекаемых Лесковым людей, которому он помог устроиться в книжный магазин “Нового времени”. В *ИРЛИ* хранится письмо к нему Лескова от 26 января 1894 г. с несколькими просьбами (см. *Ежегодник*, С. 90). В *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 332) хранятся два письма Яковлева к Лескову от 16 и 24 июля 1894 г. О Яковлеве см. также письмо Лескова к Меньшикову (XI, 578).

[2] Т.е. статья М.О.Меньшикова против А.Л.Волынского (см. выше письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 22 июля 1893 г.).

[3] Николай Филиппович *Зандрок* — управляющий книжным магазином “Нового времени”, уехал из Петербурга в феврале 1893 г. Александра Александровна *Лаврова* — служащая в книжном магазине “Нового времени”. В *РГАЛИ* (Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 252) хранятся два ее письма к Лескову от 2 и 29 июля 1892 г. с комментарием А.Н.Лескова. В *ИРЛИ* хранится одно письмо Лескова к ней (см.: *Ежегодник*. С. 40).

[4] Имеется в виду повесть Александры Александровны *Виницкой-Будзианик* (1847—1914) “Без мужей” (*ВЕ*. 1893. № 7). Сходный отзыв об этой повести см. в письме Лескова к Л.И.Веселитской (XI, 547). Об отношениях Виницкой с Лесковым см.: *Веселитская*. С. 205. Об *обозрениях* “Вестника Европы” Лесков с одобрением писал из Мерекюля и Т.Л.Толстой 3 июня 1893 г. (см. выше примеч. 8 к этому письму). В “Литературном обозрении” (№ 7), подписанном инициалами Д. (А.Н.Пыпин) и Л. (Л.З.Слонимский), в библиографии новинок был указан XI том Сочинений Лескова (СПб., 1893).

[5] См. об этом выше письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 4 июля 1893 г.

[6] Зинаида Афанасьевна *Венгерова* (1867—1941), историк западноевропейской литературы, переводчица. Ее статья “Новая утопия. (Вильям Моррис и его последняя книга)”, о которой упоминает Лесков, действительно начинается словами: “Вилиам (так.— *А.Р.*) Моррис — один из самых выдающихся английских поэтов последних двадцати лет и вместе с тем один из самых популярных и оригинальных людей в Лондоне... Недавно, рассказывает одна газета, в одной из густо населенных улиц <...>” (Северный вестник. 1893. № 7. С. 249). Еще резче об этой статье Лесков писал

2 июля 1893 г. Л.И.Веселитской (см.: XI, 547—548). *Полемика из-за своего человека...* — возможно, скрытая поддержка эстетических теорий А.Л.Волынского, прямо в статье, однако, не названного.

[7] См. выше примеч. 7 к письму Лескова к Т.Л.Толстой от 4 июля 1893 г. В письме к Веселитской от 2 июля 1893 г. Лесков писал: «В "Северном вестнике" нынешний кусок Смирновой очень интересен и приятен, ибо Пушкин тут ни разу не поставлен ниже положения, которое он должен был занимать. Некоторые его суждения опережали его время (напр<имер>, о Библии и так наз<ываемых> священных историях» (*Веселитская*. С. 184).

9. ЛЕСКОВ — А.М.ХИРЬЯКОВУ[1*]

Любезный Александр Модестович!

Будьте милы, придите ко мне сейчас по очень важному и нетерпящему делу. Вас просят побывать у встревоженной девушки, которой надо помочь успокоиться ввиду представляющихся ей скандалов.

Ваш Н.Лесков

10. А.М.ХИРЬЯКОВ — ЛЕСКОВУ

<июнь 1894 г., Петербург>[1]

Дорогой Николай Семенович!

Письмо Ваше несколько позалежалось в конторе, так что я получил его значительно позже, чем следовало. Очень хотелось бы приехать поскорее к Вам, но дела в редакции не дозволяют. Во всяком случае надеюсь, что в июле-то месяце удастся побывать у Вас, может быть одному, а может и с Евфросиньей Дмитриевной, которая сейчас живет в Чернигове и пишет, что по смерти Ге Колинька прав и притязаний на наследство после отца не предъявил и все имущество досталось старшему сыну[2]. Летний сезон у нас в разгаре, но об нем Вы можете знать из газет, а есть довольно любопытная история, о которой в печать попали одни маленькие осколки. Это история Иннокентия Сибирякова. В "Петербургской газете", кажется, около 16 июня появилась заметка "Добрый миллионер"[3], в которой в доброжелательном, но лживом тоне рассказывалось о добром миллионере С., который, как это было видно из слов заметки, раскидывает деньги совершенно зря. Заметка, несмотря на сочувственный тон, очевидно была написана так, чтобы заронить подозрение, не сумасшедший ли этот миллионер С. В это же время в городе стали распространяться слухи, что Иннокентий Сибиряков сошел с ума и швыряет деньгами направо и налево и что над ним учрежден надзор. Потом оказалось, что это все ложь, но что его хотели объявить сумасшедшим и даже осматривали в губернском присутствии, которое и признало его здоровым. При особом мнении остался только полицейский врач и еще двое каких-то врачей. Градоначальник взял у Иннокентия расписки выданных им денег и предлагал ему назначить над ним опекуном бывшего рязанского губернатора Кладищева, женатого на сестре Сибирякова, теперь уже умершей[4]. С Кладищевым Валь[5] в оч<ень> хороших отношениях и даже на "ты" Иннокентий, конечно, отказался. Все это пишу со слов Анны Михайловны Сибиряковой, которая просила как-нибудь опровергнуть слухи о сумасшествии брата. Это после Дервиза[6] уже второй случай стремления опечь людей, не прокучивающих свои средства, а благотворящих ими. При свидании расскажу более подробно об этой истории.

Пока всего хорошего. [Кланяйтесь Варе[7]]

Любящий Вас А.Хирьяков

[1*] Письмо не датировано. Его местоположение в переписке определяется по смыслу (*Ред.*)

АЛЕКСАНДР МОДЕСТОВИЧ ХИРЬЯКОВ

Фотография W.Wertheim. Берлин. Вторая половина 1880-х годов

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

[1] Лето 1894 г. Лесков проводил в Меррекюле, а Хирьяков оставался в Петербурге, надеясь, как явствует из письма, в июле побывать на Балтийском побережье. Ге умер 1 июня 1894 г., следовательно, публикуемое письмо может относиться только к июню 1894 г.

[2] После смерти отца сыновья Ге, старший Петр и младший Николай, разделили его картины, причем младший предоставил Толстому право распоряжаться унаследованной им частью. В связи с этим Толстой трижды писал П.М.Третьякову (*Толстой*. Т. 67. С. 153—155, 174—177), предлагая тому организовать отдельный музей Н.Н.Ге, от чего тот уклонился.

[3] Пересказанная далее заметка действительно появилась в "Петербургской газете" 16 июня. Иннокентий Михайлович *Сибиряков* — брат К.М.Сибирякова (см. примеч. к воспоминаниям Хирьякова).

[4] Дмитрий Петрович *Кладищев* (1838—1903), в 1892—1893 гг. рязанский губернатор, осуществлявший наблюдение за Толстым. Его донесения в Департамент полиции см.; Красный архив. 1939. № 5. (96).

[5] Виктор Вильгельмович фон *Валь* (1840—после 1913), генерал-лейтенант, в 1892—95 гг. петербургский градоначальник, затем виленский генерал-губернатор (при покушении был ранен 5 мая 1902 г.), товарищ министра внутренних дел в 1902—1904 гг. (при В.К.Плеве) и командующий отдельным корпусом жандармов (1902—1904). Член Государственного совета.

[6] Возможно, один из братьев Павла Григорьевича фон Дервиза, крупнейшего подрядчика в области железнодорожного строительства в России.

[7] Имеется в виду воспитанница Лескова Варя Долина. Кем зачеркнута эта фраза — неясно.

ВОСПОМИНАНИЯ А.М.ХИРЬЯКОВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

21 февраля. Сегодня годовщина смерти Н.С.Лескова. Ровно двадцать лет прошло со дня его смерти, и, как живая, стоит передо мною его полная коренастая фигура, и смотрят его горячие, живые, совсем не стариковские глаза.

Впечатлительный, всем интересующийся, вечно волнующийся, любящий, ненавидящий, негодующий. Таким я узнал его, и таким он сохранился в моей памяти.

Было время, когда вся либеральная печать травила Лескова как самого ярого реакционера. Поводом к этому, как утверждают, послужила неосторожная заметка в газетах по поводу петроградских пожаров. Это было в шестидесятых годах. Тревожное время. В заметке было усмотрено обвинение молодежи в поджогах.

Несколько лет тому назад я нарочно зашел в Публичную библиотеку и, прочитав эту заметку, никак не мог понять, каким образом она вызвала такую бурю. Тревожное было время.

— Как меня травили!.. — говорил Лесков, когда я познакомился с ним ближе.— Ах, как травили. А я был человек молодой, горячий. Вы знаете, как на деревне иногда ославят человека вором. Все ему: "Вор, вор, вор" Идет по улице, мальчишки из-за плетней кричат: "Вор, вор" На сход придет: "Вор". Он и осатанеет. "Ах, так я вор! Ну, хорошо. Ну, и пускай вор. Да, вор, вор, вор! И буду вором, к вам честным не пойду, пропади вы пропадом". Вот так и со мной. Меня травят, всех собак на меня вешают, и осатанел. Человек молодой, горячий. Все недостатки либерального лагеря в моих глазах, конечно, вырастали. Все, что было кривого, совсем искривилось. Я и решил раскрыть всем глаза и показать, что с таким народом некуда идти. И написал свое "Некуда".

Что тут поднялось тогда. Во все кнутья меня приняли... А я в ответ "На ножах" написал. Молодой был. И не было ни одного человека, который бы по-хорошему подошел ко мне, урезонил. Теперь-то все улеглось... Да теперь мне, пожалуй, и все равно, что обо мне скажут. Теперь для меня даже безразличен успех или неуспех моих произведений. Я делаю свое дело, а оценка моей работы для меня уже безразлична. Я уже пережил это. Как вы думаете?

Я посмотрел на нервное, полное внутреннего огня лицо писателя, и сказал:

— Нет, Николай Семенович, мне кажется, что и до сих пор вы далеко не равнодушны к оценке вашей работы, и вряд ли когда-нибудь изменитесь в этом отношении. Такой уж у вас нрав.

Николай Семенович пристально взглянул на меня и после некоторого раздумья заметил:

— Может быть, Модестыч, вы и правы. Горбатого могила исправит. Но все-таки я теперь много тише. На мне сказалось влияние Льва Николаевича. Хоть я не могу себя считать его последователем. Не могу, потому что еще прежде, чем он начал свою проповедь, я уже чувствовал, сознавал эту правду. Но я нес свой огонек сознания истины, как маленькую плошку в кувшине, как мог, чуть-чуть светил людям. Но когда пришел этот великан с огромным факелом, мне только и осталось, что загасить свою плошку, идти за ним.

Так говорил Лесков и, вероятно, когда говорил, то верил в то, что говорил. На самом же деле он вовсе не был таким смиренным почитателем яснополянского искателя истины. Напротив, каждое новое произведение Л<ьва> Н<иколаеви>ча подвергалось самой строгой критике, и иногда в Ясную Поляну отправлялись обширные послания с негодующими возражениями.

— Платон мне друг, но правда мне дороже Платона,— повторял в этих случаях Николай Семенович, двигаясь взад и вперед по своему оригинальному кабинету и нервно подергивая плечами.

Правда была ему, действительно, дорога, как типичному и яркому представителю той русской литературы, для которой правда-истина и правда-справедливость слились в одну незыблемую основу миросозерцания. Но у Лескова, помимо этой основы, была еще своя особая ему присущая черта. Одной только простой, ясной правды, всепонимающей и всепрощающей, ему было мало. Ему нужны были пестрые, яркие краски, затейливый, вычурный узор. Он, как древний переписчик, готов был затратить огромный труд и массу времени на выработку сложного, причудливого орнамента. Ему было мало, если интересно, надо было, чтобы вышло занятно.

Отсюда вытекала любовь к словечкам, любовь к случайным неправильным оборотам, иногда даже ошибкам в речи, но таким, которые освещали высказываемую мысль с новой стороны или хоть давали намек на такую возможность.

Все такие словечки, обороты и обмолвки Лесков тщательно записывал.

Помню, он рассказывал про няньку в знакомом ему семействе, которая несколько раз невольно снабжала его таким материалом.

При ней читали какую-то статью про Абеляра и Элоизу, и она, вспоминая что-то, сказала: "А это было, когда про Белолизу Бабеляра читали". Это переименование Абеляра в Бабеляра долго восхищало Лескова.

Когда пели известный романс "Только станет смеркаться немножко, буду ждать, не дрогнет ли звонок. Приходи, моя милая крошка..." и т.д. Нянька говорила: "Опять эту приходимую крошку запели"

"Приходимая крошка" была, конечно, включена в коллекцию Лескова, и потом это выражение появилось в одном из последних рассказов Николая Семеновича, кажется, в "Импровизаторах"[1].

Однажды на маслянице я прихожу к Лескову. Он встречает меня с сияющим лицом и говорит:

— Ах, Модестыч, как меня сегодня Варя[2] разодолжила. Мы были с ней на балаганах, и там на трапеции очень быстро вертелся акробат. Она смотрела, смотрела, как он вертится, и спрашивает:

— Дядя, это вертуоз?

"Вертуоз" тоже был занесен в коллекцию.

Особенно много таких "словечек" можно встретить в знаменитом "Сказе о тульском Левше и стальной блохе" и в "Полунощниках"

Двадцать лет прошло со дня смерти Лескова, но до сих пор, когда приходится быть свидетелем возмущающих душу событий, невольно вспоминается взволнованный голос старого писателя:

— Надвигается тяжелое время, Модестыч, очень тяжелое. Я-то уйду, а ведь вам жить...

И ВРЕМЯ НАДВИНУЛОСЬ, И ПРИХОДИТСЯ ЖИТЬ

Н.С.ЛЕСКОВ

О милых спутниках, которые сей свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностию: *были*.

В.Жуковский[3]

5-го марта нового стиля исполнилось тридцать лет со дня смерти одного из самых крупных русских писателей, еще недостаточно изученного, недооцененного — Лескова. В газетной краткой статье я не собираюсь, да и не могу заняться критическим разбором его произведений и выяснением значения этого писателя. Я хочу только поделиться с читателями кое-какими воспоминаниями об этом че-

ловеке, так как на мою долю выпало счастье быть с ним в близких отношениях и, несмотря на разницу в возрасте, пользоваться его особенным вниманием, можно сказать дружбой.

Осенью 1892 года я приехал в Петербург с целым рядом поручений от редакции "Посредника". Поручения эти касались главным образом переговоров с целым рядом русских писателей по поводу <издания> их произведений в виде дешевых книжечек, доступных для небогатого крестьянского читателя. Среди этих поручений были и поручения к Лескову и письмо к нему от главы и основателя "Посредника" — Черткова[4].

Упомянув о Черткове, не могу не добавить, что как бы ни относились к нему, как бы ни указывали на те или иные его недостатки, не должно забывать об его деятельности в деле развития народной литературы, в котором он явился и добрым примером и пролагателем новых путей и действительным "посредником" между интеллигенцией и народом.

Когда я впервые явился к Лескову с письмом от Черткова, меня поразила роскошь кабинета, в котором меня принял старый писатель[5]. Строго говоря, настоящей роскоши там не было. Был комфорт, был уют. Но мне, отвыкшему от городской обстановки, этот уют, создавшийся путем ряда усилий и долголетнего внимания, показался роскошью. Большой письменный стол красного дерева, диван, кресла тоже красного дерева, столовые часы, стенные часы, рамы картин, рамки портретов — почти все было красного дерева. Все было чисто, все прибрано, везде был образцовый порядок, но порядок этот не резал глаза. В нем не было немецкой сухости и аккуратности. Просто всякая вещь была на своем месте. Таким же аккуратным и прибранным, без утрировки и чрезмерности, был и сам хозяин. Он прежде всего извинился передо мною, что встречает меня по-домашнему, в коротком халатике из полосатой фланели или распашонке. Теперь бы сказали: в пижаме, но тогда этого слова в обиходе еще не было. В кабинет с громким лаем вбежали две белых собачонки. Лесков указал мне на них и представил как своих друзей.

Побольше был испанский пудель — Путька, существо, как и полагается испанцу, гордое, в людях разбирающееся и ласкающееся далеко не ко всякому. Поменьше была болонка, ласковая и унижающаяся. С этими собаками Лесков обыкновенно выходил гулять, и его характерная фигура медленно двигалась по тротуару Фурштадтской улицы, от времени до времени останавливаясь и переводя дыхание.

Николай Семенович страдал грудной жабой или астмой. Всякое сколько-нибудь тяжелое или тесное платье было для него мучительно, и потому дома он всегда ходил в такой распашонке, в какой я его застал, а на улицу зимой он выходил в особого рода кафтане из легкого тонкого шевиота на гагачьем пуху.

Исполнив данное мне поручение и передав все, что надо, я сказал, что у меня есть и моя личная просьба. Просьба заключалась в том, чтобы Николай Семенович дал мне рассказ для сборника "В путь-дорогу"[6], который мы задумали с писателем Горбуновым-Посадовым издать в пользу переселенцев. По молодости лет мы полагали, что это выходит очень просто. Писатели дадут нам бесплатно свои рассказы, добрые люди дадут бумагу, типография напечатает, если не даром, то за самую малую цену, и все будет в порядке, и на долю переселенцев очистится изрядная сумма. Так оно все и случилось. Нашелся и добрый человек — Константин Михайлович Сибиряков[7], оплативший расходы по изданию. И лишь потом, спустя много времени, Лесков объяснил мне, что не совсем-то правильно мы поступаем, когда берем у господ-писателей бесплатно их рассказы и статьи.

— Вы сообразите, Модестыч, — говорил мне Лесков,— если богатый человек жертвует на благотворительное дело, с которым вы к нему обратились, ну, скажем, пятьдесят рублей, то вы радуетесь щедрому пожертвованию: вот, мол, добрый человек дал не пять, не десять, а отвалил целых пятьдесят рублей. А вы обращаетесь

к бедняку писателю, у которого про черный день гроша ломаного нет, и он дает вам рассказ или статью, за которые он бы мог получить по крайней мере сто, а то и все полтораста. Справедливо ли это?

Но слова эти Николай Семенович говорил мне потом, когда мы с ним совсем подружились, а в то время он написал для меня рассказ "Продукт природы", ни единым словом не намекнув мне о неудобстве моей просьбы. Я же со своей стороны, забыв пословицу: "даровому коню в зубы не смотрят", еще позволил себе критиковать этот рассказ, высказывая свое неодобрение самому автору.

Месяца через два, вероятно, после высказанной мною просьбы о рассказе, Лесков сказал, что рассказ готов и он может мне его прочитать. Я пришел, и Николай Семенович, усадив меня в самое удобное кресло, стал читать мне свой рассказ. Читал он чрезвычайно просто, как будто не читал, а передавал слушателю свои впечатления о совершившихся обыкновенных событиях.

Когда он кончил, он повернулся ко мне и спросил:

— Ну, что вы скажете? Как вам нравится?

— Плохо, Николай Семенович,— был мой ответ.

Рассказ мне не понравился. А отношение к литературе и к писателю у меня было такое, что сказать неправду для меня было невозможно.

Лесков вскинул на меня свои ласковые карие глаза и с усмешкой сказал:

— Ничего, он выправится. Будет хорошо.

Как произошло наше сближение и что именно нас сблизило, я не помню, но мы очень быстро почувствовали, как будто мы давно, давно знакомы. Может быть, нас сблизила общая любовь к Толстому. Не слепое поклонение, а любовь с критикой, с постоянной готовностью к протесту, к бунту, с внесением всяческих поправок. У Николая Семеновича этот бунт выражался с особенной строптивостью.

Он очень любил Толстого и дорожил своим единомыслием с великим писателем. И вот, когда великий писатель начинал говорить что-нибудь для разума и сердца Лескова неприемлемое, тогда начинался бунт. В Ясную Поляну отправлялись хотя ласковые, но, несомненно, протестующие письма, а у себя в кабинете коренастая фигура Николая Семеновича нервно подергивала плечами и двигалась взад и вперед, от дверей передней к дверям спальни, и кабинет оглашался обличительными и опровергающими тирадами.

— Нет, Модестыч,— говаривал он,— недаром сказано, что нехорошо человеку быть одному. Засел он, как медведь в берлоге, в своей Ясной Поляне, не видит настоящих людей и теряет надлежащую точку зрения. Он должен людей видеть, следить за всем, что происходит в мире... Ему бы в Европу хорошо проехать. Видеть теперешнюю европейскую жизнь... Тогда бы он "Неделание"[8] не так написал. И кто его окружает? Они очень милые люди, эти непротивленцы, но разве они могут дать ему надлежащий отпор? Он ломит их, подавляет, и получается трясина, не дающая сопротивления, но засасывающая. А ему нужен отпор, ему борьба нужна... Почему я так волнуюсь? Потому что мне слишком дорого то, что он высказывает с такой страшной силой. Ведь я давно обо всем этом передумал и пробовал по мере отпущенных мне слабых сил разъяснять это людям, светить им своим маленьким огарочком... Но когда пришел этот огромный человек со своим факелом, то я понял, что огарочек мой ни к чему, и я пошел за ним, радуясь, что то дело, в которое я верил, нашло настоящего работника.

Само собою разумеется, что я не передаю в точности слов Лескова, но думаю, что смысл их и характер речи переданы мною верно.

Относясь иронически к толстовцам, он все-таки со многими из них был в хороших отношениях, что не мешало ему пробирать их с ворчливостью старого дядьки.

— Выдумали тоже опрощение: без калош ходить,— возмущался Николай Семенович.

И.И.ГОРБУНОВ-ПОСАДОВ И В.Г.ЧЕТКОВ

Фотография фирмы "Шерер, Набгольц и К°". Москва. 1890-е годы
Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

— Всю грязь с улицы в комнаты несут. Я прямо Н<иколаю> Н<иколаевичу>[9] сказал: ваше посещение мне весьма приятно, но оно мне стоит пятьдесят копеек, так как я должен приглашать полотера.

Но это ворчание не было признаком скупости, хоть некоторые и считали Лескова скупым. Что он не был скуп, я могу заключить из того, что когда была внезапно закрыта газета, в которой я работал[10], и я остался без заработка, Лесков, прогуливаясь со мной по Таврическому саду, взял меня за руку и сказал:

— Модестыч, возьмите у меня денег.

— Спасибо, Николай Семенович, мне не нужно.

— Нет, Модестыч, вы не отказывайтесь. Ведь я понимаю, что вам нужны деньги: понимаю и то, что неприятно их брать, неприятно одолжаться. Но у меня-то можно взять.

Как я ни отговаривался, он настоял на своем и заставил меня взять.

Ворча на толстовцев за их опрощение, портившее его паркет, Лесков принципиально с опрощением соглашался. Но соглашение его было только от разума. Сердцем своим он тяготел к утонченной красоте жизни, к изощренности. Как художник любил он тонкие миниатюры, хитрые узоры средневековых заставок и концовок, и достаточно взглянуть на его четкий выкрутасный почерк, чтобы видеть, как далек он от размашистого, торопливого, до ужаса неразборчивого почерка Льва Толстого.

Разумом своим он был за простоту, и удивительно ясным и простым языком написал он несколько народных рассказов. А сердцем полюбил изощренность и находил особую приятность в разных курьезных словечках, в таких случайных обмолвках, которые или иностранное слово переделывают на русский лад, или при-

дают обмолвке особое, неожиданное, но соответствующее сути дела значение. Таков его "мелкоскоп" вместо микроскопа, "мимоноска" вместо миноноска, Бедолиза и Бабеляр вместо Элоиза и Абеляр и т.п.

Подобные обмолвки он тщательно записывал себе в книжечку. <...>[11] Как-то, не помню уж откуда, мы ехали с Лесковым на извозчике по Знаменской. Он молчал и потом вдруг, повернувшись ко мне, сказал:

— Модестыч, у меня к вам большая просьба.

— Пожалуйста. В чем дело?

— Я прошу вас быть моим душеприказчиком. У меня было два душеприказчика: один мой зять Макшеев, а другой — Зандер[12], который в книжном магазине "Нового времени" служил. Зандер уехал в Сибирь, так я прошу вас быть вместо него. Я вам должен сказать, Модестыч,— с торопливостью добавил Николай Семенович, как бы предупреждая мое возражение,— что от таких просьб не отказываются.

— Да я и не собирался отказываться. Вы только укажите, как и что нужно делать.

— Хорошо, Модестыч, спасибо. Мы все устроим... И вот еще что: когда я умру, вы присмотрите, чтобы не наваливали мне на могилу никаких каменных плит. Был я недавно на Волковом, видел, какие ужасные плиты положены над Тургеневым и Салтыковым. Как подумаю, что и на меня могут такую положить, жуть берет.

Лесков часто говорил о смерти. Неразрешимая загадка перехода от бытия к небытию, или к бытию в непостижимой для нас новой форме, очень интересовала его, и он любил цитировать Майкова:

Есть смысл в Платоновом ученье,
Что это — миг перерожденья.
Пусть здесь убьет меня недуг,
Но, как дыхание Авроры,
Как лилий чистый фимиам,
Иная жизнь нас встретит там[13].

Эта иная жизнь подошла к Лескову совершенно неожиданно. Легкой простуды было достаточно, чтобы оборвать чуть теплившуюся здешнюю жизнь.

С спокойным и строгим выражением лица лежал он среди большой кладбищенской церкви, а вокруг него священнодействовали, как будто нарочно подобранные герои его "Соборян"; какой-то священник очень кроткого вида, напоминавший отца Захарию, важный заместитель Туберозова, ученый профессор богословия Горчаков[14], и огромного роста дьякон с громоподобным голосом вызывал в памяти незабываемый образ Ахиллы Десницына.

Судьба была несправедлива к Лескову. В молодости его травили так, как, пожалуй, никого из русских писателей. Травили за случайную статью, якобы натравливавшую полицию на студентов. Я нарочно достал в Публичной библиотеке эту статью и пришел в изумление. Через тридцать лет, прошедших со времени ее появления, нельзя было совершенно понять, как могли из-за нее затравить человека.

К старости Лесков силой своего таланта заставил себя признать. Но только признать. Изучение и понимание Лескова еще дело грядущего поколения.

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

20 июня в крематории парижского кладбища "Пер Лашез" было сожжено тело скончавшегося 18 июня от рака желудка Григория Петрова[15].

Сколько воспоминаний вызвало во мне это известие. Воспоминаний далекого прошлого.

ГРИГОРИЙ СПИРИДОНОВИЧ ПЕТРОВ

Открытка с фотографии К.Фишера. Москва. <1907 год>

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

Летом 1893 года я гостил в Мерекюле близ Нарвы у известного писателя Лескова, с которым, несмотря на разницу лет, я был в большой дружбе. В это время Лесковым была только что получена из Ясной Поляны вполне законченная рукопись нового произведения Л.Н.Толстого "Царство Божие внутри вас" Я отчасти был уже знаком с ним, так как немало страниц его было переписано мною по мере того, как оно создавалось, но в окончательной форме я его еще не видел, для Лескова же было вполне новинкой. Мы с жадностью принялись за чтение.

Читали мы вслух и потому чтение продолжалось несколько дней. В это время к нам несколько раз заходила жившая тоже в Мерекюле известная писательница Микулич[16] — автор "Мимочки" Узнав, что́ мы читаем, Лидия Ивановна сказала:

— У меня здесь есть один знакомый священник. Когда я ему говорила о том, что вы читаете, он сказал: "Я готов бы под столом посидеть у них, лишь бы послушать вещь"

— Зачем же ему сидеть под столом,— добродушно заметил Лесков.— Пригласите его к нам. Мы только что кончили наше чтение и с удовольствием прочитаем вместе еще раз эту вещь. Он, вероятно, как священник хорошо читает вслух. Пусть придет хоть завтра.

На другой день в назначенный час мы ожидали прихода нашего гостя.

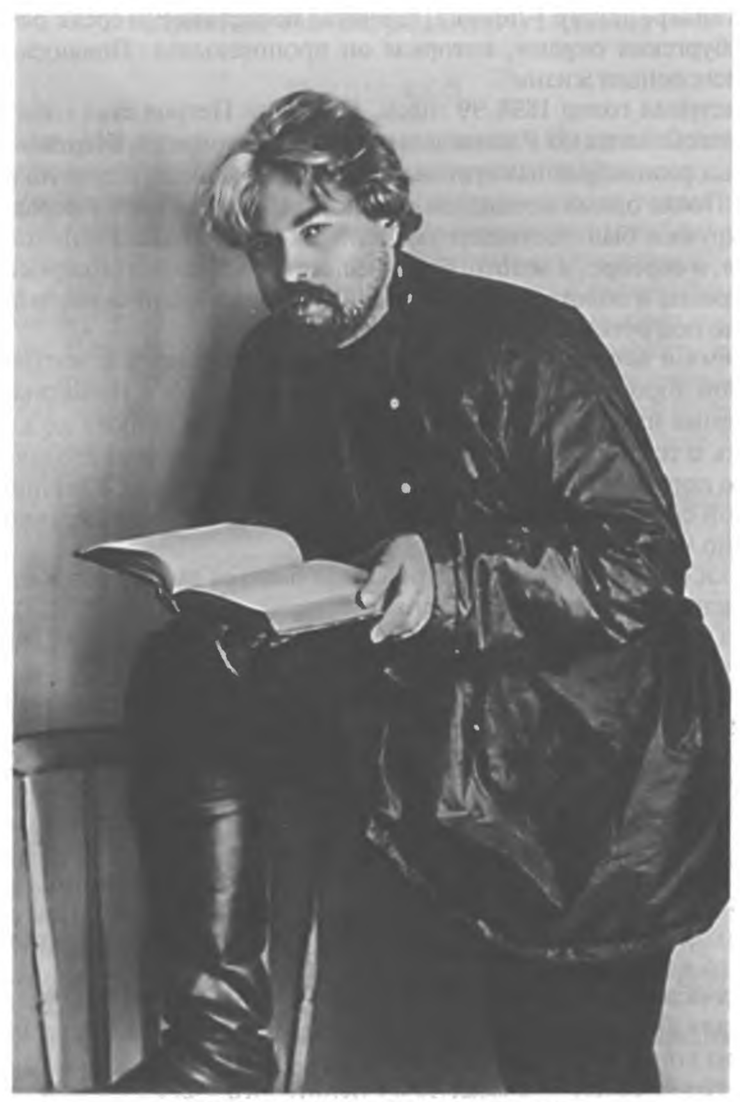
— Вы знаете, Модестыч,— сказал Лесков,— когда в дом приходит офицер, ему обыкновенно предлагают снять шпагу, чтобы она его не стесняла. А когда приходит священник, ему предлагают снять рясу. В подряснике удобнее. Когда придет этот Мимочкин священник (Микулич за глаза очень часто называли Мимочкой, по имени героини ее повестей), мы ему предложим снять рясу.

Предлагать не пришлось. Священник появился в подряснике. Это был стройный молодой человек, с темными, слегка волнистыми волосами, почему-то тронутыми слишком ранней сединой. Приятное, красивое, хотя несколько грубоватое лицо. Скромные, но полные достоинства манеры. Мягкий, хороший голос. Вероятно, баритон или низкий тенор. Отрекомендовался:

— Григорий Спиридонович Петров.

После обмена несколькими незначащими словами Лесков предложил начать чтение. Кажется, первую главу прочел я, дабы дать нашему гостю время осмотреться, а потом передал рукопись ему.

Лесков не ошибся. Григорий Спиридонович читал действительно хорошо. Но, вероятно, нелегко далось ему это чтение. Он читал с большим увлечением. Вопросы, разбираемые автором, видимо очень интересовали чтеца. Он весь был под обаянием глубоко выстраданного Толстым произведения, и вдруг в воздухе про-

ГРИГОРИЙ СПИРИДОНОВИЧ ПЕТРОВ

Фотография. Москва. <1908 год>

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

звучали резкие, безжалостные, как удар бича, обличительные слова великого писателя, направленные против духовенства, против православной церкви.

Голос Петрова обрывается, кровь бросается в лицо. Томительная пауза... Затем притушенным, тихим голосом Григорий Спиридонович продолжает чтение. Через несколько строк он окончательно овладевает собою. Мысли Толстого снова овладевают его вниманием. Он снова увлекается... Как вдруг новый удар, новый еще более резкий выпад беспощадного Льва... И опять краска заливает смуглое лицо священника, и опять тухнет его голос, и чувствуется, что огромного напряжения воли стоит ему продолжение этого захватывающего и мучительного чтения.

После этого прошло несколько лет. Петров сделался известным как проповедник и законоучитель. Он пользовался большим влиянием среди юнкеров Михай-

ловского артиллерийского училища, где читал богословие, и среди рабочего населения петербургских окраин, которым он проповедывал. Появилась его книга "Евангелие как основа жизни".

Когда наступил голод 1898-99 годов, Григорий Петров стал собирать пожертвования и рассылал их по России для устройства столовых. Жертвователи у него были из самых разнообразных кругов, и богачи, и бедняки, и аристократы, и простолюдины. После одной проповеди в глухом рабочем квартале перед слушателями вместо кружки был поставлен умывальник, и умывальник наполнился. Там были медяки, и серебро, и золото, были дешевенькие браслеты, сережки, кольца и нательные кресты и золотые часы с цепочкой. Давали люди всякого достатка, давали что было под рукой...

В это время я встретился с Григорием Спиридоновичем в поезде Николаевской железной дороги. Я ехал в Москву к Толстому, а он в Поволжье, осмотреть поддерживаемые им столовые. На одной из станций он пришел ко мне в вагон и стал говорить о том, какое это ответственное дело устройство столовых и как бы хорошо было поговорить об этом деле с таким человеком, как Толстой.

— Толстой сейчас в Москве,— сказал я,— повидайтесь с ним, поговорите. Он действительно может быть вам очень полезен.

Я всячески старался убедить Петрова, что бояться ему нечего и что само дело вполне оправдывает его визит к Толстому.

Он не дал мне прямого ответа, и мы расстались, не увидавшись с ним на другой день в сутолоке московского вокзала.

В Москве я попал к Толстому во время завтрака с некоторым запозданием. В то время, когда я еще завтракал, Толстому подали визитную карточку, на которой небольшими буквами была сделана надпись: "Священник Григорий Спиридонович Петров".

— Священник? Ко мне? — с удивлением и, как мне показалось, с некоторым оттенком неудовольствия, произнес Толстой.

— Это, Лев Николаевич, не совсем обыкновенный священник,— сказал я.— Вам, вероятно, будет интересно с ним познакомиться. Да у него и дело к вам есть.

— Во всяком случае надо принять его, кто бы он ни был,— ответил Толстой.— Попросите его в залу.

Через полчаса я вместе с зашедшим в это время писателем М.О.Меньшиковым поднялся в залу. Лев Николаевич был один. Петров уже ушел. Мы стали ходить по зале втроем из конца в конец.

— А Бог-то умнее нас,— сказал после некоторого молчания Толстой и остановился.

— Нам кажется, что вот это наш лагерь, а это их, и между обоими лагерями нет ничего общего. Глухая стена. Но если бы так было, то не было бы движения мысли. Невозможно было бы никакое духовное воздействие. А вот такие люди, как Петров, которые могут быть в обоих лагерях, они способствуют духовному общению, сближению людей. Так что Бог-то умнее нас.

— Но он ведь и старше нас,— заметил Меньшиков.

После этого прошло много лет. Петрову пришлось испытать много превратностей судьбы. Избрание в Думу. Заточение в монастыре. Лишение сана. Карьера журналиста. Изгнанническая жизнь... и, наконец, крематорий был последним этапом этого человека, который до конца дней своих остался неприкрепленным ни к какому лагерю тесными узами, остался не бойцом двух станов, но взыскующим грядущего града странником.

ОТРЫВКИ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Н.С.ЛЕСКОВ

— Слушайте, Модестыч,— встретил меня однажды Николай Семенович, когда я переступал порог его кабинета,— какая идея пришла мне в голову. Я собираюсь ехать на дачу в Мерекюль, и вы должны ко мне туда приехать погостить. Сборник ваш от этого не провалится, с чертковскими "посредственными" делами тоже ничего не сделается, и я никаких отговорок не принимаю. Обещайте.

Я обещал, и мы условились относительно дня, когда я должен буду приехать.

На южном берегу Финского залива за Наровой расположено несколько дачных поселков. Первый Гунгербург, который можно определить так: морской пляж, сосны, дорога, болото, покрытое лесом. Среди сосен построены дачи.

Следующий поселок Шмецк: морской пляж, сосны, дорога и болото. Но сосен несколько больше, болото несколько суше, лес на болоте крупнее и дачи более привлекательные, чем в Гунгербурге.

Мерекюль был уже много лучше. Холмистая местность, покрытая очень красивыми соснами. Никакого болота. Много интересных дорожек для прогулок, красивые дачи... Одним словом все, что можно требовать от приморского курорта[17].

Характерная коренастая фигура Лескова резко выделялась среди обычных дачников. Кажется, его все знали, и он был достопримечательностью Мерекюля. Другой достопримечательностью был известный художник Шишкин. Поэт леса,— как его называли. Видеть его мне ни разу не пришлось. Лесков был с ним несколько знаком, но к себе не звал.

— Не люблю глупых людей,— говорил Николай Семенович.— Вы только представьте себе, какой он мне словесный пейзаж недавно развел. Встал я, говорит, рано-рано и вышел в лес. Солнце чуть-чуть озолотило самые верхушки сосен. Тишина. Листок не шелохнет. Природа точно молится... Птичка голос подала. Ей другая откликнулась. Красота... И вдруг: бац!.. бац!.. Что такое? Охотник, мерзавец! Птичку, маленькую. Зачем? Что она ему сделала? Птичку, маленькую... Ну, если уж им так необходимо стрелять, ну расстреливали бы жидов. Ведь какую, подлец, нарисовал трогательную картину, а кончил мерзостью. Всю обедню испортил.

Понятно, что автору "Федора-христианина и Абрама-жидовина"[18] было не очень приятно общество "поэта леса"

В то время, когда я гостил у Лескова, произошло некоторое событие. Толстой закончил свою книгу "Царство Божие внутри вас" и прислал список Лескову[19]. Я отчасти уже был знаком с этой вещью, так как она писалась еще тогда, когда я жил у Черткова в Воронежской губернии.

"Царство Божие внутри вас" писалось с 1890 года. Это одно из самых интересных сочинений Толстого религиозно-философского характера.

Когда Толстой впервые открыто провозгласил свое "непротивление", он сразу почувствовал себя одиноким среди русского образованного общества. Слова: "Не противься злу насилием" были переведены русскими передовыми людьми: "Не боритесь с насилием правительства" и вызывали всеобщее негодование. Почти не встречая единомышленников в своем отечестве, Толстой не видел их и в других странах. Только много времени спустя Толстой открыл, что его идеи имели и имеют сторонников в различных странах и веках. Одним из таких единомышленников был современник Яна Гуса, тоже чех, Петр Хельчицкий, написавший "Сеть веры"[20], другим был американец Гаррисон, создавший в 1838 году особое общество для установления между людьми всеобщего мира[21], третьим был скончавшийся в 1890 году руководитель одной из американских духовных общин Адин Балу[22]. И

вот по поводу смерти Балу Толстой захотел написать небольшую заметку. Но заметка разрослась и в конце концов превратилась в целую книгу.

Толстой как писатель, в смысле технической писательской обстановки, был плохо обставлен. В то время у него не было секретаря. Переписчики его были случайны. А переписка его сочинений была для него существенной необходимостью. Поэтому, когда он стал работать над "Царством Божиим внутри вас", он из Ясной Поляны посылал каждую главу Черткову в Воронежскую губернию. Там эта глава немедленно переписывалась и копия возвращалась Толстому. Он ее опять переделывал, сокращал, дополнял и в самом перепачканном виде возвращал Черткову. Она снова переписывалась и снова посылалась, для новых поправок.

В целом законченном виде я увидал "Царство Божие..." только в Мерекюле у Лескова.

— Давайте, Модестыч, читать по очереди,— сказал Лесков, с удовольствием поглаживая присланную рукопись.— Начните вы.

Чтение продолжалось несколько дней. Оно велось с перерывами, потому что нельзя было не обмениваться замечаниями по поводу прочитанного. Иногда, но на очень короткие сроки при чтении присутствовало третье лицо, так называемая Мимочка — Лидия Ивановна Веселитская (Микулич), прозванная Мимочкой за свои талантливые повести "Мимочка на водах" и "Мимочка отравилась". Лесков чувствовал к ней большую симпатию и как к неглупой и талантливой писательнице, и как к существу, в котором, несмотря на неправильные черты лица, было много привлекательного.

Мимочка была церковница и почитательница Иоанна Кронштадтского[23]. Лесков же глубоко возмущался тем культом обожания, который создался тогда вокруг знаменитого кронштадтского пастыря, и это рождало между ними частые споры.

— Нельзя-с, Лидия Ивановна, хромать на оба колена,— выговаривал ей Лесков,— либо Толстой, либо Иван Ильич Сергиев[24]. Что-нибудь одно. А иначе для вас и тому и другому грош цена[25].

<...> Приближалась осень. Лесков с грустью всматривался в листву деревьев, и часто слышались его восклицания:

— Варя, Варя, смотри: еще желтый лист! И тут. И вон там. Как их много становится!

Варя, воспитанница Лескова,— подросток-барышня, юное существо, относившееся к желтым листьям безо всякого интереса, как к обычному явлению природы. Для Лескова же появление желтых листьев было символом грозным, напоминанием о смерти <...>[26]

Я как-то рассказал Лескову про выражение одного деревенского работника, желавшего выразиться по-городскому и сказавшего вместо: "Обратите внимание на выражение лица" — "Обратите внимание на позу рожи". Эта поза рожи очень понравилась Лескову, была занесена в книжку и потом появилась в одном из последних его сочинений. Особенно много таких выражений, как "вертуоз", в рассказе Лескова "Полунощники" <...>[27]

ДЕДУШКА ГЕ

Вышедшая в СССР переписка Л.Н.Толстого и Н.Н.Ге[28] очень многое вызвала в моей памяти.

Не помню в точности месяца, это было в 1894 году, я сидел у Н.С.Лескова в его уютном кабинете на Фурштадтской улице. В передней раздался звонок, и две маленькие собачонки с звонким лаем бросились туда. Вслед за ними прошла прислуга, и было слышно, как отворялись двери. Собачонки заливались.

— А собачье человечество,— раздался чей-то чрезвычайно мягкий, приятный голос.

ВАРЯ ДОЛИНА В ГОД ЗАМУЖЕСТВА

Фотография фирмы Loren. С.-Петербург, 1898 год
Вверху надпись рукой Вари: "В.И.Стромилова, 1898 г."

Собрание К.А.Дюниной, Орел

— Это Дед! — воскликнул Лесков, срываясь с места.— Это Ге,— пояснил он мне.

Из передней показалась высокая плотная фигура художника с красивой седовласой головой и пушистой, серебряной, широкой бородой. Такая голова, что хоть сейчас пиши Господа Саваофа.

Старик расцеловался с Лесковым и как бы всего ощупал меня своим зорким взглядом.

Лесков представил меня.

— Знаю, знаю, слышал,— сказал Ге и расцеловался со мной.

Так началось наше знакомство с этим замечательным художником и нежнейшим почитателем Толстого[29].

Лесков тоже любил Толстого, но любил совсем другою любовью, ревнивой, требовательной, тогда как Ге ничего не требовал, а исходил любовью.

Но начало и той и другой любви было сходное. И Лесков и Ге шли своими путями к Истине, и каждый на своем пути встретил Толстого<...>[30]

ПРИМЕЧАНИЯ

Из воспоминаний // День. СПб., 1915. 21 февр.

[1] Двустишие из стихотворения А.А.Фета (Полн. собр. стихотворений. Л., 1959. Библиотека поэта. БС. С. 279) Взято Лесковым как эпиграф к “Импровизаторам” (IX, 322) и затем многократно использовано в тексте: “приходимые красотки” (326, 331, 333), “приходимая бедная крошка” (326, 327), “приходимая краля” (337). Стихотворение положено на музыку П.П.Булаховым.

[2] Воспитанница Лескова (см. выше примеч. 7 к письму Лескова к Т.Л.Толстой от 22 августа 1893 г.).

И время надвинулось, и приходится жить. Н.С.Лесков // Руль. Берлин, 1925. 8 марта.

[3] Неточно цитируемое стихотворение В.А.Жуковского “Воспоминание”.

[4] В *РГАЛИ* сохранились письма Черткова к Лескову за 1888—1890 гг. (Ф. 122. Оп. 2. Ед.хр. 46) и ответные письма (1884—1894) (Ф. 552. Оп. 1. Ед.хр. 1883). Переписка Черткова с Лесковым опубликована далеко не полностью.

[5] Кабинет Лескова в квартире на Фурштадтской улице фрагментарно восстановлен в экспозиции Орловского дома-музея.

[6] Название сборника искажено. См. выше примеч. 3 к письму Лескова к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г.

[7] Константин Михайлович *Сибиряков*, сын богатого сибирского золотопромышленника, владелец нескольких крупных имений по всей России. В 1880—1890 годах оказывал значительную финансовую поддержку начинаниям Толстого и его единомышленников (создание народного журнала, газеты, книгоиздание, организация сельскохозяйственных общин и т.д.). В *РГАЛИ* хранится письмо И.И.Горбунова-Посадова к К.М.Сибирякову с подробным изложением цензурной истории сборника “О переселенцах” (Ф. 122. Оп. 2. Ед.хр. 51: книга исходящих писем издательства “Посредник”. № 8. Л. 144. Письмо от 8 августа 1891 г.). В письмах Горбунова к Черткову много говорится о Сибирякове и о встречах с ним (Ф. 552. Оп. 1. Ед.хр. 879).

[8] “Неделание” — статья Толстого по поводу писем Э.Золя и А.Дюма, напечатанная в № 9 “Северного вестника” за 1893 г. (См.: *Толстой*. Т. 29. С. 173—201).

[9] Имеется в виду Н.Н.Ге (см. ниже примеч. к очерку Хирьякова “Дедушка Ге”).

[10] Хирьяков некоторое время работал в газете “Русская жизнь”, прекращенной в середине января 1895 г. О конфликтах в предшествовавшем составе редакции этой газеты, в которых определенное участие принимал Лесков, см. воспоминания С.С.Гусева “Мое знакомство с Н.С.Лесковым” (*ИВ*. 1909. № 9). См. также в настоящем томе публикацию Л.Г.Чудновой «“Тезки” и “Писательская кабала” — статьи из газеты “Русская жизнь”», а также письмо Лескова к Толстому от 12 сентября 1894 г. (XI, 594).

[11] В этом месте нами опущен фрагмент, почти дословно повторяющий текст помещенной выше статьи Хирьякова,— эпизод с “вертуозом”

[12] Захар Андреевич *Макшеев* (1858—1933), с 1894 г. в чине полковника состоял инспектором классов Александровского кадетского корпуса, преподавал математику. Директор корпуса в 1900—1906 гг., с 1907 г. — генерал-лейтенант. После революции эмигрировал, жил в Югославии, где, в частности, был инспектором Харьковского женского института в городке Нови Бечей (см. статью А.Бурнакина “Н.С.Лесков и его внуки” (Московский журнал. 1995. № 4)). Автор брошюры “Пятидесятилетие Педагогического музея военно-учебных заведений” (СПб., 1914). Брат известного военного специалиста по проблемам тыла и путей сообщения генерал-майора Ф.А.Макшеева, профессора Николаевской академии Генерального штаба. До Макшеева душеприказчиком Лескова в течение многих лет был С.Н.Шубинский. *Зандер* — имеется в виду Н.Ф.Зандрок (см. о нем выше примеч. 3 к письму Лескова к Хирьякову от 2 июля 1893 г.). Видимо, Хирьяков спутал его имя с именем Николая Августовича Зандера, учителя музыки младших детей Толстого.

Однако в договоре наследников Лескова с А.Ф.Марксом о продаже авторского права (от 15 февраля 1896 г. за 75 тысяч рублей) З.А.Макшеев выступает от имени В.Н.Нога и В.И.Долиной как

единственный душеприказчик после отказа Н.Ф.Зандрока, наряду с другим наследником, штабс-ротмистром А.Н.Лесковым (см.: *РГАЛИ.* Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 855). Фамилия Хирьякова в этом документе не упоминается.

[13] Строфа из лирической драмы А.Н.Майкова "Три смерти" У Майкова: "мерцание Авроры"

[14] Михаил Иванович *Горчаков* (1838—1910), доктор богословия, протоиерей, профессор Петербургского университета, член Государственного совета.

Из далекого прошлого // Руль. Берлин. 1925. 26 июня.

[15] См. о нем выше примеч. 9 к письму Лескова Т.Л.Толстой от 22 июля 1893 г.

[16] Псевдоним Л.И.Веселитской.

Отрывки из воспоминаний. Н.С.Лесков // За Свободу. Варшава, 1930. Публикуется по газетной вырезке: *РГАЛИ.* Ф. 2481. Оп. 1. Ед.хр. 23. Л. 52—53. Библиотека Союза ревнителей чистоты русского языка в Югославии. Тетрадь вырезок "Новое о Н.С.Лескове" (Белград, 13 апреля 1932 г.)

[17] Шмецк, Гунгербург, Мерекюль — см. описание Лесковым этих мест в "Импровизаторах" (IX, 333). Ныне вся эта местность составляет известный курорт Эстонии Нарва-Йыэсуу.

[18] Имеется в виду "Сказание о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине" (впервые: *РМ.* 1886. № 12).

[19] В другом месте, да и в письмах Лескова к Толстому, говорится, что "Хирьяков привезет <...> в Мерекюль рукопись" (XI, 545).

[20] *Петр Хельчицкий* (ок. 1390 — ок. 1460), чешский мыслитель и писатель, таборит, проповедовавший идеи равенства и самосовершенствования. Главное его сочинение "Сеть веры" (ок. 1440; опубл. 1521) было издано в России в 1905 г. "Посредником" и конфисковано властями. О статье Толстого, посвященной книге Хельчицкого "Сеть веры", см. его письмо к Черткову от 17 апреля 1905 г. (*Толстой.* Т. 89. С. 15, 17). О Хельчицком Толстой писал и в трактате "Царство Божие внутри вас" (Там же. Т. 28. С. 16—18). Хирьяков неточно датирует начало работы Толстого над трактатом "Царство Божие..." (работа началась в январе 1891 г.).

[21] Уильям Ллойд *Гаррисон* (1805—1879), американский общественный и политический деятель, журналист, основатель Американского общества борьбы с рабством (1832). В 1831—1865 гг. издатель еженедельника "Либерейтор" См. "Предисловие к английской биографии Гаррисона, составленной В.Г.Чертковым и Ф.Хола" (*Толстой.* Т. 36. С. 95—99), а также статью Толстого «Гаррисон и его "Провозглашение"» для "Круга чтения" (*Толстой.* Т.42. С. 344—346).

[22] Балу *Эйдин* (Адин) (1803—1890), американский писатель, публицист и филантроп, сторонник теории непротивления, создатель общины для братской жизни на началах христианского учения. Толстой использовал отрывки из его работ в "Царстве Божием..." и в "Круге чтения"

[23] См. выше письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 3 июня 1893 г.

[24] Т.е. Иоанн Кронштадтский.

[25] Далее нами опущен фрагмент, почти дословно повторяющий эпизод со священником Петровым и его появлением у Лескова.

[26] Опущен фрагмент, повторяющий эпизод с воспитанницей Варей и ее "вертуозом"

[27] Опущен фрагмент с просьбой Лескова к Хирьякову стать его душеприказчиком (см. выше), который, однако, здесь, после слов о надгробных плитах на могилах Тургенева и Салтыкова, завершается следующим высказыванием Лескова: "Какие плиты! Ужас берет. Никакой плиты не надо. Простой дубовый крест лет пятьдесят может простоять. У староверов бывают хорошие такие стильные кресты. Пятьдесят лет верных простоит. А если через пятьдесят лет найдутся люди, которые захотят возобновить памятник, это их дело, а не найдутся, значит, и не надо. Мне очень понравился ответ Сютаева Льву Николаевичу относительно похорон. Он ему так посоветовал:

— Ты когда, Лев Николаевич, будешь помирать, накажи сыновьям, чтобы вывезли твое тело в поле, на пашню. Чтобы вырыли яму, закопали там тело, а потом запахали бы это место сохою. Чтобы никакой видимости не осталось. Потому не нужна эта видимость. Плотская. А в человеке дух важен... Хорошо это Сютаев предложил. Но только мы еще очень и очень к видимости привязаны. Неловко без нее"

Василий Кириллович *Сютаев* (1819—1892), крестьянин, проповедовавший оппозиционное официальной церкви учение. В частности считал Апокалипсис своего рода ключом "к духовному пониманию всех мест Евангелия", развивал идеи самопознания и самосовершенствования ("все в табе"). Идеализировал царскую власть, считая Царя — Отцом всех христиан.

«Летом 1888 года Сютаеву пришла мысль пойти к царю Александру III и попросить его, чтобы он "для блага народа велел толковать Евангелие согласно пониманию Сютаева" Мне известно, что, придя в Петербург, Сютаев посетил Н.С.Лескова, который старался отговорить его от этого шага. Но Сютаев его не послушался и пошел. Около входа во дворец он был арестован и по этапу отправлен на родину» (*Шохор-Троицкий К.С.* Сютаев и Бондарев // Толстовский ежегодник 1913 года. М. 1913. С. 9. Третья пагинация). В письмах Горбунова-Посадова к Черткову сохранилось

несколько фрагментов о встречах Лескова с Сютаевым. Горбунов писал 25 мая 1888 г.: "Приехал Сютаев-старик. Был у меня раза два<...> Я свел его с Лесковым. Случайно он встретился в складе с Успенским"; 11 июня 1888 г.: "Оказалось, что и Лесков (весьма отрицательно взглянувший на Сютаева) также советовал ему непременно ехать в Ясную Поляну" (*РГАЛИ*. Ф. 552. Оп. 1. Ед.хр. 879. Л. 8, 12).

Дедушка Ге // Руль. Берлин, 1931. 3 июня.

[28] Л.Н.Толстой и Н.Н.Ге. Переписка / Вст. статья и прим. С.П.Яремича. М.–Л., 1930.

[29] О дружеских отношениях Лескова и Ге см., в частности: В мире Лескова. М., 1983. С. 355—356. Ге умер 1 июня 1894 г. Лесков тогда отдыхал в Мерекюле и узнал об этом спустя несколько дней. Хирьяков, таким образом, вполне вероятно, стал свидетелем одной из последних встреч друзей. О реакции Лескова на смерть Н.Н.Ге позволяет судить его письмо к Т.Л.Толстой от 6 июня 1894 г. (см. выше). См. также письма Лескова к Толстому и Веселитской от августа-сентября 1894 г.

Знакомство Хирьякова с Ге произошло гораздо раньше 1894 г. Е.Д.Хирьякова, в частности, вспоминала: "Я не помню, где мы познакомились с ним, может быть, у Лескова. Помню, что Лесков постоянно смеялся над стареньким пальто Ге, что греет не само пальто, а те лучи солнца, которые восприняло пальто и от которых само выгорало. От Лескова мы знали, что Ге любит маслины и халву, и пока Ге был в Петербурге, у нас не переводились ни халвы, ни маслины" (Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 37. Л. 18—19). Сам Хирьяков 3 марта 1892 г. писал Горбунову: "Был у Ге, он очень всем вам кланяется <...>" (*РГАЛИ*. Ф. 122. Оп. 1. Ед.хр. 1435. Л. 15 об.).

[30] Далее в тексте статьи Лесков не упоминается.

ВОСПОМИНАНИЯ Е.Д.ХИРЬЯКОВОЙ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧАХ С ПИСАТЕЛЯМИ

<...> В Петербурге А<лександр>М<одестович> поселился у своих. Мать его умерла. Квартира у отца была большая, и одна комната была свободна, и ее уступили нам. Хозяйство вела Н.М.[1] После длительной жизни в Ровеньках[2] у меня в Петербурге наступила реакция, меня все морозило, хотелось постоянно спать. А.М. уходил по делам "Посредника" то в цензуру, то по писателям, т.к. тогда, кроме книг для народа, "Посредник" решил издавать сборники лучших романов и рассказов, уже напечатанных в разных журналах. Надо было просить уступить эти рассказы для дешевых сборников для народа, учителей и других бедных интеллигентов, заброшенных в глушь, где нельзя было достать книг для чтения. А.М. перезнакомился со многими писателями, бывал и на вечеринках у редактора Давыдовой, издательницы "Мир Божий"[3]. Он выпросил у отца[4] большую гостиную для своих понедельников, когда могли к нему приходить нужные люди по делу "Посредника" и на чашку чая. А.М. затеял вместе с И.И.Горбуновым издать сборник рассказов в пользу переселенцев, которые семьями переселялись в Сибирь и плелись мимо нашего хутора, голодные, холодные, до крайности истощенные сами, а их дети представляли черные скелеты. Для своего сборника Ив<ан> Ив<анович> и А.М. должны были обойти литераторов и художников, никто им не отказывал, давали и рассказы и рисунки. Дал свой рассказ художник Верещагин[5], но он был так слаб, что его забраковали. Верещагин обиделся.

При составлении сборника "Путь-дорога" А.М. обратился и к Лескову, чтобы он дал свою вещь для сборника. Лесков обещался написать, но при этом сказал: "я говорю не за себя, я человек уже обеспеченный, но я удивляюсь, Модестович, почему в таких случаях публика обращается именно к писателям. Ведь это заработок писателя. Каждая такая вещь стоит больших денег. Обыкновенно у среднего писателя заработок небольшой, ему приходится жертвовать большой суммой"[6]. Лесков прочел набросок того рассказа, какой он хотел дать. Он не очень понравился А.М., и А.М. сказал Лескову, что он не очень хорош. На это Лесков сказал: "Вы, Модестович, еще младенец в этом деле. Рассказ будет хорош" И, действительно, в обработке рассказ стал очень хорош. Придя домой, А.М. рассказал мне, что Лесков

заступился за писателей. “Лесков неправ,— сказала я.— К писателям обращаются потому, что предполагается, что это народ более чуткий и отзывчивый, они должны вести толпу за собой. И, кроме того, таким путем удобнее и вернее сделать сбор. И весь сбор остается в наших руках. Покупателю, видевшему в сборнике имена лучших людей, не возбраняется заплатить за книгу больше ее стоимости. А для того, чтобы сделать сбор по подписке, надо иметь на это разрешение, и в таких случаях обыкновенно полиция берет на себя контроль. А всем известно, что это значит”

<...> Такой сборник был составлен под названием “Путь-дорога”. Получилась большая интересная книжка. Почти все известные писатели дали свои рассказы и статьи, и все известные художники дали свои рисунки или снимки. Сборник быстро разошелся и дал солидную прибыль. Сборник же этот натолкнул “Посредник” издать книгу для переселенцев, куда бы вошли все сведения, необходимые для желающих переселяться в Сибирь или на другие свободные места. В нем было напечатано, куда надо обращаться за разрешением переселяться, форма прошения. Были собраны сведения, где какие земли были свободны, куда можно переселяться, маршруты к тем городам, около которых были свободные земли, как приписываться и, одним словом, все сведения, необходимые для переселяющихся, чтобы они не шли вслепую, ощупью и не стремились ехать куда-то и где-то искать. Книжка была составлена и отдана в цензуру. Цензура долго не давала ответа, потом сказали, что в книжке указаны места, принадлежащие удельному ведомству, а потому книга передана в Дворцовое ведомство. А оттуда, сколько ни ходили, не получили никаких сведений, ни разрешения, ни книги. Так все труды пропали даром. С цензурой вообще у “Посредника” бывали недоразумения. Если какая-нибудь книга подавалась в цензуру от “Посредника”, такую книгу постоянно не разрешали. Если же эту книгу подавало частное лицо, то ее зачастую разрешали. Приходилось книги для “Посредника” подавать от частных лиц. Сначала разрешали книги А.М. и мне, а потом нам перестали разрешать, когда увидели, что книги, разрешенные нам, печатались в “Посреднике” Приходилось просить кого-нибудь из своих знакомых подавать книги в цензуру от своего имени. Приходилось иногда посылать книгу кому-нибудь из знакомых в Киев, чтобы представить книгу в киевскую цензуру.

А.М. познакомился и меня познакомил со многими писателями, но никто так радушно и тепло не принимал нас, как Н.С.Лесков. А.М., видно, ему очень понравился. Не помню, кто передавал нам, что Атава[7] смеялся, как Н.С. ел куропатку, вдруг увидел в окно А.М. и велел скорее убрать куропатку: “Хирьяков идет”. А.М. был тогда вегетарианцем и писал по вегетарианству фельетоны в “Русской жизни” Вскоре он попал туда в число сотрудников. У А.М. перебывало много народу по делу “Посредника”. Был и А.П.Чехов, который остался очень недоволен изданием “Посредника” “Палаты № 6” <...>[8].

Был Потапенко, он тогда писал очень много, во всех журналах были его вещи. Он оправдывался, что нужны деньги, и нет времени на обработку своих вещей. Был Тихонов[9], он был прост и мил. Когда А.М. вошел в число сотрудников “Русской жизни”, ходить по делам “Посредника” пришлось мне, пока Вл<адимир> Гр<игорьевич> подыщет нового агента. Я ходила в цензуру, была у Репина <...>

С отцом А.М. мы сошлись близко. Чаще всего бывало так, что мы оставались вдвоем <...> Отец А.М. Модест Николаевич водил дружбу с известными тогда полярными путешественниками. Особенно он сошелся с одним норвежским путешественником Норденшельдом[10].

Раз, по обыкновению, мы остались с ним вдвоем. Я читала вслух, он раскладывал пасьянсы. Пришли сказать, что на кухне его спрашивает какой-то господин. Мы пошли. Оказался Норденшельд. Он спросил у дворника, как пройти к Хирьяковым, дворник почему-то указал на черную лестницу. После яркого дня и снега в

Е.Д.ХИРЬЯКОВА И А.К.ЧЕРТКОВА

Фотография. Июнь 1913 года

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

кухне было темновато, и он попал в лоханку с грязной водой. К счастью, у него были высокие калоши, и вреда ему это не причинило. М.Н. смеялся, что он привык ездить по океанам, а вот по таким водам еще не ездил. Норденшельд попал как раз к завтраку, подошел и А.М. У М.Н. висела его фарфоровая тарелочка с портретами участников экспедиции Диксона[11], полученная на банкете, устроенном этой экспедицией. Всем присутствующим был подан десерт на таких тарелочках, вот такая тарелочка и сохранилась у М.Н., и она дала повод вспомнить эту экспедицию <...>

СТЕНД С ИЗДАНИЯМИ “ПОСРЕДНИКА”

Фотография. С.А.Баранова. Москва. 1909 год

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

Лесков сразу узнал во мне хохлушку и по этому поводу стал рассказывать нам о своем путешествии на Украину. У него был брат доктор [12] в Киеве, он поехал к нему. Брат вздумал возить его по окрестным помещикам. Всюду их принимали радушно и гостеприимно, закармливали и расхваливали то, что подавали на стол. “Вы не думайте, говорил один из хозяев за обедом,— Це не абы який борщь, вин из четырнадцати элементiв”. Подавали всевозможные наливки, фруктовые и ягодные и даже из шелухи лесных орехов. Ночью жажда томит, пить хочется, на столе графин и стакан. Наливаешь в стакан — увы! — и тут оказывается наливка. Гостеприимные хозяева вместо воды на ночь поставили наливку.

Один из помещиков рассказывал о своей поездке в Петербург. “Тилькы що голову поклав на подушку и очи заплющив... бебех! Ще це таке? Мария Александровна родила; тилькы що голову поклав на подушку и очи заплющив — бебех!”

После родов царицы из Петропавловской крепости раздается сто один пушечный выстрел, и, пожалуй, рассказчик сто один раз сказал бы “тилькы що голову поклав на подушку — бебех!”, но публике надоедает слушать одно и то же, и его перебивают: “Так щож, так цилу ничь вона и рожала?” — “Так цилу ничь вона и рожала”,— отвечал рассказчик.

Лесков жил на Фурштадтской. Квартира у него была небольшая, в 1-м этаже. Он страдал одышкой, носил белые, легкой фланели кофточки, чтобы ему было легче дышать. На улицу он выходил в кафтане на гагачьем пуху. Он мог носить только все очень легкое. Он не мог ходить по лестницам и нанимал квартиру в первом этаже. В этой квартире он жил уже 15 лет. В квартире у него было несколь-

ко часов. В самом кабинете было двое каминных и стенные, в соседней комнате тоже были часы и в спальне. Все часы с боем, и отзванивали они по очереди, одни кончали, другие начинали. Очень интересный был кабинет: длинная большая комната, вся завешанная картинами известных художников, большей частью подаренных ему, когда они еще не были знаменитостями. На одной стене были тоже Богородицы больших художников. Перед ними висела лампадка старинного образца, стоял мольберт с портретом масляными красками молодой, красивой женщины. Это была его вторая жена, которая умерла[13]. Первая жена, кажется, после 4-летнего замужества сошла с ума и была в Кирилловской больнице в Киеве. Жена его была больна безнадежно[14], Лесков не раз не то с возмущением, не то с раздражением говорил о том, что врачи сразу признали ее безнадежно больной, а он не мог получить развода, чтобы жениться второй раз, потому что жена была жива. От второй жены у него осталась падчерица, которая вышла замуж за офицера Макшеева[15], и сын. Сына Лескову удалось усыновить и передать ему свою фамилию[16]. Сын был тоже офицер и служил где-то на границе Германии. Кроме сына, у него была еще девочка-воспитанница, Варя, лет 12. Он ее очень любил, воспитывал ее и следил за ее развитием. Сам выбирал ей книги для чтения и беседовал с нею о прочитанной ею книге.

Принимал он у себя вечером по субботам. Публики у него обыкновенно было мало. Чаще всего было нас четверо. Я, Александр Модестович, Веселитская (псевдоним Микулич) и Меньшиков. Иногда бывали мы только вдвоем. Мне особенно нравились эти субботы. Тогда Лесков был домашний, и он, главным образом, рассказывал. Рассказчик он был очень интересный. Рассказывал он нам, как он начинал свою литературную деятельность, как печатался в "Русском вестнике" его знаменитый роман "Некуда". Катков и вся редакция тогда очень ухаживали за ним[17]. Нигде с ним так не носились, как в редакции "Русского вестника" Он знал, что учащаяся публика очень невзлюбила его за этот роман, но потом он и сам понял, что слишком сгустил краски. Хотя он не раз говорил о том, что он покаялся, но и не раз бывали случаи, когда студенты делали какие-нибудь некорректные выступления (это бывало редко, но все же бывало), и тогда он говорил: "Разве я не прав был? Некуда же... некуда"

Когда мы были только одни, то он нам сообщал, кто у него был и о чем беседовали. "А сегодня был у меня Ф<аресов>[18], подоил меня. Он это делает от времени до времени, и на днях будет статья о таком-то предмете. Я охотно позволяю ему себя доить, он человек недурной" "Умерла балерина", рассказывал Лесков. Я не помню фамилии, какую назвал он. Почему-то многие балерины бывали на содержании у великих князей, и эта была тоже на содержании какого-то великого князя, тоже не помню какого. После смерти ее все ее вещи и обстановку квартиры продавали с аукциона. Пошел и Лесков посмотреть. Его поразило, что кровать ее покупает какой-то монах — кровать красивая, с амурами в головах. Лесков недоумевал, зачем монаху такая кровать. Впоследствии он увидел в церкви Александро-Невской лавры в алтаре кресло из половинки кровати, где были амуры. Монах этот, оказалось, заведывал хозяйством Лавры. Он перепилил кровать и из одной половины сделал кресло. Теперь амуры изображали ангелов <...>

Раз при нас пришли сказать Лескову, что какой-то человек хочет его видеть. Лесков выходил и пришел. Сказал, что был у него проситель. "По-настоящему, как следует, помогать не могу, я болен. Не могу узнать его обстоятельств и что можно сделать для него, чтобы помочь ему. Поэтому я ограничиваюсь небольшой суммой, смотря по просителю, до рубля. Со мной был такой случай. Был у меня проситель, я отказал ему. Через несколько часов при мне вытащили из Фонтанки утопленника. Это был мой проситель, человек, который был у меня и просил помочь. И я дал себе слово давать хоть рубль. На рубль он может еще просуществовать день, а может быть, этот день и окажется для него счастливым"[19].

Как-то Лесков сообщил нам, что был у него Николай Николаевич Ге (художник).

— Грешный я человек, он старается опроститься, ходит в таком пальто, что я удивляюсь, как ему никто не предложит своего старого пальто. Зарабатывает он хорошо, и я подозреваю, что у него есть кубышка, куда он складывает свое золото. Он очень доволен и гордится своим сыном Николенькой[20]. Николенька так опростился, женился на крестьянке, детей воспитывает как крестьяне. Он не хочет даже учить их грамоте.

Это меня ужасно возмутило. Как можно! Теперь не учить грамоте! Все, что они познали (и отец и сын), конечно, они познали через книги. И Евангелие, которым они так дорожат, они познали, конечно, из книги. Как же можно лишать детей такого блага?

Лесков и А.М. соглашались со мной.

Впоследствии Николай Николаевич младший жил в Швейцарии, и дети его учились в школе.

О ВЫСЫЛКЕ ЧЕРТКОВЫХ В АНГЛИЮ

<...> В одну из суббот мы застали Лескова очень возбужденным и взволнованным.

— Знаете,— обратился он к Алек<сандру> Мод<естовичу>,— какие на свете возмутительные дела творятся. По высочайшему повелению у князя Хилкова отняли детей и как отняли![21] Ночью явилась полиция и взяла детей. Возмутительно! Мать поехала за ними, князь сослан, поэтому он не может ехать за ними. Князь отдал свое имение крестьянам, и теперь у них нет денег. Присяжный поверенный Кудрявцев дал ей денег, чтобы она могла поехать за детьми. Мать детей едет сюда хлопотать, чтобы ей вернули детей.

Вернувшись от Лескова, мы не могли не рассказать этой истории дома. Мы не скрывали своего возмущения.

— Иначе нельзя было сделать,— сказала нам Наталия Модестовна,— это надо было сделать, мать у детей очень скверная женщина, невоспитанная, держала детей грязно. Надо было спасти детей от такой матери.

Наталия Модестовна говорила со слов матери Хилкова и, как потом оказалось, она-то и хлопотала, чтобы детей отняли и передали ей.

— Боже мой,— сказала я Наталии Модестовне,— сколько детей и с какими матерями живут, и их не отнимают. А здесь является ночью полиция, забирает детей, те плачут, рвутся к матери. И это называется спасать детей?

По делам “Посредника” у нас собирались по понедельникам. В один из ближайших таких понедельников после нашего визита к Лескову, Павел Иванович[22] спросил у меня, можно ли к нам привести Хилкову. Она приехала хлопотать о возвращении ей детей. Живет она в гостинице и ужасно одиноко.

— Конечно, можно,— сказала я,— нечего и спрашивать, приводите ее, пожалуйста, я и Алек<сандр> Мод<естович> будем очень рады познакомиться с нею и быть ей, насколько возможно, полезными.

На другой день вечером Павел Иванович привел к нам Цецилию Владимировну Хилкову. Сразу же бросалось в глаза, что это была женщина противоположная той характеристике, какую дала нам Наталия Модестовна. Видная, представительная, много благородства и чувства собственного достоинства <...>

* * *

<...> Мы с А.М. стали искать другую квартиру и перебрались на Итальянскую, теперь ул.Жуковского[23]. Наша теперешняя квартира была недалеко от квартиры Лескова. Лесков переехал на дачу <в> Мерекюль. Он пригласил погостить к себе и

МИХАИЛ ОСИПОВИЧ МЕНЬШИКОВ

Открытка. С.-Петербург. 1910-е годы

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

А.М. Еще когда мы были в Ворон<ежской> губ<ернии> у Чертковых, Лев Николаевич начал писать “Царство Божие внутри вас”. Теперь оно было закончено и распространялось в гектографированном виде. А.М. повез такую рукопись Лескову <...>

В эту зиму[24] мы почти каждую субботу с А.М. ходили к Лескову. Кроме нас самыми частыми посетителями были Лидия Ивановна Веселицкая (Микулич) и Михаил Осипович Меньшиков. Мы все четверо сдружились. Меньшиков был сотрудником “Недели” и писал очень много и сочувственно о Толстом. Микулич тоже только что написала свою “Мимочку” Меньшиков был женат. Жена оставила его, уехала в Америку, оставила ему маленького сына Яшу. Яша был умный, милый мальчик. Трогательная была дружба у него с отцом. Яша рано научился читать и писать. Отец большую часть дня проводил в редакции. Ночью, когда он возвращался из редакции, он находил у себя письмо от Яши и отвечал ему тоже письмом, так как возвращался из редакции поздно и вставал поздно. А Яша вставал рано и уходил в детский сад, и они редко виделись по утрам. Только по воскресеньям они бывали целый день вдвоем. Иногда в эти дни и мы бывали у него. Бывала Лидия Ивановна или еще кто-нибудь из знакомых литераторов. В эту зиму Лесков написал один свой рассказ “Зимний день”[25]. Я как-то в одну субботу не пошла к нему. В эту субботу были только А.М., Лидия Ивановна и Меньшиков. Лесков прочел им еще в рукописи свой рассказ. И всем им троим он очень не понравился. Вернувшись от Лескова, А.М. рассказал мне. Лесков читал свой рассказ, и рассказ им всем не понравился. И они все трое не скрыли от Лескова своего разочарования. Лесков был очень огорчен и просил, чтобы я пришла к нему. Я на другой же день днем пришла к Лескову. Может быть, после рассказа А.М. я ожидала, что рассказ очень плох. Когда я пришла, он дал мне прочесть его. Я прочла и нашла, что он вовсе не так плох, как я ожидала. Я сказала Лескову:

— Да он вовсе не плох.

— Конечно,— обрадовался он,— он вовсе не плох.

Лесков отдал его в печать. К удивлению, рассказ в провинции имел большой успех, и не только в провинции. Один раз к нам вошел дворник наш и сказал, что какой-то господин стоит на лестнице внизу и просит нас выйти к нему. Мы вышли и нашли на лестнице Лескова. Он страдал астмой и не мог ходить по лестнице и

потому вызвал нас к себе вниз. Оказалось, что он приехал прямо из жандармского <у>правления, куда его вызывали по поводу этого рассказа. В этом рассказе мать делает замечание сыну за его легкомыслие. (Александр III умер, и на престол вступил Николай II). Сын отвечает, что теперь режим другой, легкомыслие в моде. Жандармерия усмотрела в этом намек на нового царя. Лесков в свое оправдание сказал, что этот рассказ написан три года тому назад, когда намека на теперешнего царя не могло быть[26]. Он заехал к нам прежде всего, чтобы просить нас в случае его ареста взять к себе его воспитанницу Варю, девочку лет двенадцати. А теперь он пойдет и соберет свои старые рукописи этого рассказа и в доказательство отвезет в жандармское правление. Он потом оправдался, и его оставили в покое. Не одно жандармское правление так поняло рассказ, так точно и публика в провинции поняла его. Лесков вообще страдал эмфиземой легких, трудно дышал и потому не носил никаких пиджаков. На нем была всегда легкая фланелевая кофточка. На улицу выходил он в легком кафтане на гагачьем пуху. Как-то он простудился, его несколько дней лихорадило, но он не ложился. В это время пришел к нему художник Серов и попросил его позволить написать его портрет. Портрет был написан очень удачно. Он находится теперь в Третьяковской галерее. Простуда все как-то не проходила у него, и он все не ложился. Температура стала подниматься, и видно было, что положение становится серьезным. Близкие его, падчерица и ее муж, Макшеевы, были очень встревожены. Вызвали его сына, который служил где-то офицером на границе. Впрочем, сына его благодаря счастливой случайности в это время перевели в Петербург. Случайность же была такова: во время немецких маневров где-то в Германии на нашей границе группа солдат и офицеров, как они объяснили, случайно перешли через границу на нашу землю. Это <было> как раз в районе Лескова. Лесков не арестовал их, с офицерами обошелся очень любезно и даже пригласил обедать. Офицер этот оказался каким-то видным лицом. Написал в Петербург лестный отзыв о Лескове, и в награду за его любезность с немецким офицером Лескова перевели в Петербург. Теперь Николай Семенович уже был не один с Варей. Приехал к нему и сын с женой. Приезд сына не повлиял на ход его болезни. Один раз днем я оставалась в квартире одна. Неожиданно пришел Меньшиков.

— Идемте,— сказал он,— Николай Семенович умер[27].

Накануне мы все были у него, никто из нас не ожидал такого скорого конца. Когда мы пришли с Меньшиковым, Николай Семенович еще лежал на постели. Как будто спокойно спал. У живого Н.С-ча такого спокойного выражения я никогда не видела. Незадолго до смерти Н.С. просил А.М-ча быть его душеприказчиком, что он уже давно написал завещание, но один из душеприказчиков уже умер. На его место он хочет записать А.М-ча. В завещании он просил, чтобы похоронили его скромно, в деревянном гробу, никаких памятников, а поставить только деревянный крест на его могиле. Никаких речей, похоронить скромно, но чтобы тело его вскрыли. Все было сделано, как он хотел, и с лица была снята маска. На похоронах была масса народа[28]. Все литераторы и студенты и много посторонней публики. Когда-то в молодости за Лесковым был грех, его "Некуда" ему многие не могли простить. В день его смерти зашел к нам Лев Павлович Никифоров[29]. Как раз в тот момент, когда я спешила к умершему Лескову. Я извинилась перед Никифоровым.

— Александра Модестовича нет дома,— сказала я,— а я спешу к умершему Лескову.

— Хорошо сделал, что умер,— сказал он раздраженно.

Мне было очень неприятно слышать это.

— Что вы,— остановила я его,— он давно покаялся за свое "Некуда". Это он не раз высказывал <...>

МОЯ ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА В КАНАДУ НА “LAKE SUPERIOR”[30]

<...> С Меньшиковым у нас <пошла> дружба врозь. Когда он был еще в “Неделе”, он приглашал Алек<сандра> Мод<естовича> перейти к ним в журнал. А.М. очень охотно собирался перейти, но пока отложил, так как к этому времени мы накопили немного денег, чтобы Ал<ександр> Мод<естович> мог поехать за границу. Это была наша мечта. И А.М. так и сказал Меньшикову и назначил время возвращения из-за границы через месяц. Это была его первая поездка за границу. Он побывал в Париже и поехал в Англию к Чертковым, там, конечно, дали ему поручение: съездить к Л.Н.Толстому. И к тому времени, как Ал<ександр> Мод<естович> должен был вернуться, я получила от него телеграмму, что он едет в Тулу <...> М.О.Меньшикову это очень не понравилось, и он сказал, что ждать А.М. не будет. Мы были этим очень огорчены. Когда А.М. вернулся, он был этим не очень огорчен. А.М. приехал от Л.Н-ча в приподнятом настроении <...> Меньшиков был мелочно-самолюбив. Он в “Неделе” разругал всю редакцию “Сына отечества”. Вся редакция “Сына отечества” заволновалась. И поручили Ал<ександру> Мод<естови>чу отвечать им на эту ругань. Ал<ександр> Мод<естович>, хотя сдержанно, но все же отвечал и указал, что Меньшиков неправ. Меньшиков больше у нас не появлялся, и мы к нему не ездили, т.к. он жил теперь в Царском селе. Скоро Меньшиков из “Недели” перешел в “Новое время”. С перехода Меньшикова в “Новое время” меняется и направление его статей. Я помню в детстве, когда я надевала новое платье, я ловила себя на том, что у меня менялись манеры. Меньшиков надел тоже новое платье и совершенно изменил свои манеры. Как-то Лесков говорил мне, что он полюбил Меньшикова за то, что он научил его своими статьями понимать Л.Н.Толстого. Теперь Меньшиков стал постоянно писать против Л.Н-ча, не говоря уже о революционерах и левых изданиях и т.п. На похоронах Шелгунова[31] мы с Меньшиковым столкнулись. Он меня очень любил, Льву Ник-чу он очень меня расхваливал, и Мих<аил> О<сипович> стал оправдываться передо мной, что напрасно А.М. напал на него, что Мих<аил> О<сипович> не знал даже, что А.М. работает в “Сыне отечества” Я ничего ему не возражала. Место было неподходящее, и статья в “Новом времени” мне не нравилась. И мы больше уже с ним не виделись. Так и кончилась наша дружба <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по тексту: *РГАЛИ*. Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 37, 38, 39. Фрагмент воспоминаний со значительными редакционными сокращениями был опубликован нами в “Литературной газете” (1981. 18 марта).

1 *Надежда Модестовна* и упоминаемая ниже *Наталия Модестовна* — сестры Хирьякова.

2 Уроженка Украины, Хирьякова поначалу очень неуютно чувствовала себя на севере, в Петербурге. Ровеньки — село на Черниговщине.

3 Александра Аркадьевна *Давыдова* (рожд. Горжанская, 1849—1902), издательница журнала “Мир Божий” (1892—1906), затем “Современный мир” (1906—1918).

4 Модест Николаевич *Хирьяков* (1813—1894), действительный статский советник, занимал большую квартиру на Васильевском острове, где жила вся семья.

5 Имеется в виду художник и очеркист Василий Васильевич *Верещагин* (1842—1904).

6 В воспоминаниях Хирьякова (см. выше) этот разговор с Лесковым передан несколько иначе — писатель лишь через некоторое время выразил ему свое неудовольствие.

Любопытное свидетельство сохранилось в неопубликованном дневнике С.И.Смирновой-Сазоновой: 17 ноября 1894 г. после визита к Лескову она записала: «Лесков со злобой рассказывает, как его одолевают разные сборники, куда надо давать свои вещи даром, то в пользу киевских студентов, то в пользу переселенцев. Увидав на подписном листе фамилию Сибирякова, подписавшего двадцать пять рублей, Лесков сказал издателям сборника:

— А с меня вы хотите взять четыреста. Так вы лучше позвольте, я вам двадцать пять рублей подпишу.

Теперь еще подписка на золотую пряжку Шубинскому, к пятнадцатилетнему юбилею "Исторического вестника". И нашли кому предложить — Лескову!» (цитируется по копии — *РГАЛИ*. Ф. 275. Оп. 1. Ед.хр. 826).

[7] Псевдоним Сергея Николаевича *Терпигорева* (1841—1895), с которым Лескова последние годы жизни связывали приятельские отношения.

[8] По поводу статьи Хирьякова "Главнейшие основы вегетаринства" (Русская жизнь. 1892. 23 сент.) Толстой писал автору: "Статья Ваша о вегетарианстве очень хороша" (*Толстой*. Т. 66. С. 286). О конфликте "Посредника" с Чеховым см. в письмах Хирьякова к Черткову — *РГАЛИ*. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 2740. Л. 40—44, 47—48, 51—52.

[9] Алексей Алексеевич *Тихонов* (псевд. А.Луговой: 1853—1914), в 1895—1897 гг. — редактор журнала "Нива".

[10] Нильс Адольф Эрик *Норденшельд* (1832—1901), шведский полярный путешественник и ученый, первым прошедший с зимовкой по нынешнему Северному морскому пути (1878—1879). Его письма к М.Н.Хирьякову см.: *РГАЛИ*. Ф. 536. Оп. 1. Ед.хр. 74.

[11] Доктор Оскар *Диксон* (1823—1897), шведский промышленник из Гётеборга, финансировавший почти все экспедиции Норденшельда.

[12] Речь идет об Алексее Семеновиче *Лескове* (1837—1909).

[13] Сведения о Е.С.Бубновой, гражданской жене Лескова, неточные (см. о ней в наст. т. публикацию Вильяма Эджертона "Лесков в 1860—1870-е годы. Из воспоминаний Н.М.Бубнова").

[14] Ольга Васильевна *Лескова* (рожд. Смирнова, 1831(?)—1909), первая жена писателя (с 1853 — фактически до 1861), мать его сына Дмитрия (1854—1856) и дочери Веры (1856—1929, в замужестве Нога). С 1878 г. О.В.Лескова находилась в психиатрической больнице св. Николая в Петербурге.

[15] О детях Е.С.Бубновой от первого брака см. указанную публикацию Вильяма Эджертона.

[16] Андрей Николаевич Лесков, сын Е.С.Бубновой и Лескова, был рожден вне официально зарегистрированного брака (см. об этом выше воспоминания Н.М.Бубнова).

[17] Вероятно, мемуаристка смешала два "антинигилистических" романа Лескова — "Некуда", появившийся в 1865 г. в "Библиотеке для чтения" (Лесков в те годы не сотрудничал в "Русском вестнике") и "На ножах" (1872), действительно печатавшийся в журнале М.Н.Каткова.

[18] Анатолий Иванович *Фаресов* (1852—1928), писатель, народоволец, проходил по процессу 193-х. Автор многих работ о писателе (в том числе пока не опубликованных.— *ГМТ*, Орел). См.: *Лебедев В.К.*Анатолий Фаресов // *РЛ*. 1991. № 4. С. 221—228.

[19] В *РГАЛИ* (Ф. 459. Оп. 1. Ед.хр. 252) хранятся небезынтересные для характеристики Лескова письма к Суворину от кандидата Московского университета Н.В.Барсова, брата известного фольклориста. Обращаясь к Суворину за денежной помощью, Барсов писал: «Необходимо заметить, что я был у Николая Семеновича Лескова. Он мне сказал: "Почему Вы не обратитесь к Алексею Сергеевичу Суворину?" — "Не смею беспокоить",— ответил я. Тем не менее сама жизнь привела к этой необходимости и необходимости печальной» (4 мая 1890 г.). В другом письме, вымаливая десять рублей, он сообщал: "Я обратился к Н.С.Лескову; но у него в кармане всего несколько рублей. Дальнейший вывод понятен" (7 января 1891 г.).

[20] Николай Николаевич *Ге*-младший с 1899 г. постоянно жил в Швейцарии, где и умер. Организатор выставок произведений своего отца (Петербург, Париж, Женева). Судьба многих работ Ге-старшего, хранившихся в швейцарском собрании его сына, ныне неизвестна. Состоял в гражданском браке с крестьянкой Агафьей Игнатьевной Слюсаревой, запечатленной на полотнах отца.

[21] См. об этом выше примеч. 3 к письму Лескова к С.А.Толстой от 9 марта 1894 г.

[22] Речь идет о Павле Ивановиче Бирюкове.

[23] М.Н.Хирьяков умер 27 февраля 1894 г. (письмо А.М.Хирьякова Горбунову-Посадову от 28 февраля // *РГАЛИ*. Ф. 122. Оп. 1 Ед.хр. 1435. Л. 75), и его наследникам пришлось покинуть генеральскую квартиру. В данном случае очевидны ошибки памяти мемуаристки — перепутана последовательность событий.

[24] Зима 1893—1894 гг. Упоминаемый далее сын М.О.Меньшикова Яков Михайлович *Меньшиков* (1888—1953), философ, эссеист, сотрудник журнала "Возрождение" (Париж).

[25] Рассказ "Зимний день", в значительной своей части направленный против единомышленников Толстого, был напечатан в журнале "Русская мысль" (1894. № 9).

[26] В "каноническом" тексте рассказа сохранились рассуждения о "новом курсе", о том, что "после дождичка бывает вёдро", а "известная благонадежность" "пригодится очень скоро" (IX, 441). Упоминаний царского имени здесь нет. Известно, что после журнальной публикации Лесков основательно переработал текст (см.: *Бухштаб Б.Я.* Тайнопись позднего Лескова. (Рассказ "Зимний день") // Творчество Н.С.Лескова. Курск, 1977. С. 79—93).

[27] В *РГАЛИ* (Ф. 2169. Оп. 2. Ед.хр. 2) сохранилось письмо Веселитской к Меньшикову с известием о смерти Лескова: "21 февраля. Сегодня меня разбудили в 6<-м> часу, чтоб сказать, что

Лесков скончался от паралича сердца. Умер спокойно и легко,— заснул и, когда я утром пришла, он лежал все в той же спокойной позе. Сын был всю ночь у него, но момента смерти никто не уловил, ни крика, ни стона, ничего. Сын показывал мне его *волю* — просить у всех прощения и не оставить Вари. Панихид *не* будет по его завещанию. (Думаю, что Макшеевы, м<ожет> б<ыть>, что-нибудь переменят, когда появятся.) Пока при нем только сын. Варю послали к Макшеевым. Я свезла объявл<ение> в "Новое время" и сказала Ругину. Хоронить будут на Волковом — *когда* не знаю. Сняли фотографии. Сын просил дать знать Хирьякову, но я не знаю его адреса и думаю, что лучше это сделать вам. До свиданья. Завтра приеду, чтоб везти Яшу в <1 нрзб.>. *Лидия Веселитская*". Таким образом, Меньшиков заехал к Хирьяковым по просьбе А.Н.Лескова.

[28] Похороны Лескова не были особенно многолюдными. "Учащейся молодежи было мало" (*Жизнь Лескова*. Т. 2. С. 498). См. также дневники Н.А.Лейкина и С.И.Смирновой-Сазоновой (в кн.: В мире Лескова. С. 360—363). Любопытная деталь сохранилась в написанном спустя несколько месяцев после смерти Лескова письме А.Тихонова-Лугового к Д.Н.Мамину-Сибиряку: "Рассчитывал увидать Вас на панихиде по Лескову (в Казан<ском> соборе) — Вас не было" (*ОР РГБ*. Ф. 157. Карт. 3-а. Ед.хр. 81. Письмо от 23 августа 1895 г.). Мамин не был и на похоронах Лескова, хотя 22 февраля 1895 г. Хирьяков отправил ему следующее письмо: "Многоуважаемый Дмитрий Наркисович! Читая Ваши последние произведения и от души восхищаясь ими, покойный Николай Семенович Лесков просил меня познакомить его с Вами. К сожалению, я могу только сообщить Вам, что вынос тела Николая Семеновича будет завтра, в четверг в 11 ч<асов> утра с Фурштадтской № 50 на Волково кладбище. Преданный Вам А.Хирьяков" (Там же. Ед.хр. 86).

[29] Об Л.П.Никифорове, знакомстве с ним Лескова и о возникших между ними недоразумениях см.: *Толстой. Переписка*. С. 278, 280—281. См. также выше письмо Лескова к Т.Л.Толстой от 5 октября 1893 г.

[30] Из главы воспоминаний Е.Д.Хирьяковой о ее поездке с духоборами в Канаду в 1898—1899 г. извлечен лишь фрагмент, посвященный М.О.Меньшикову.

[31] Николай Васильевич *Шелгунов* (1824—1891), общественный деятель и публицист, литературный критик, сотрудник журналов "Современник", "Русское слово", "Дело", "Русская мысль" Похороны Шелгунова стали крупнейшей политической демонстрацией передовой русской интеллигенции.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ЛЕСКОВА В 1880—1890-е годы

Сообщение А.Д.Романенко

27 января 1882 г. газета "Новое время" (№ 2125) опубликовала анонимную заметку под заголовком "Что желает слушать простолюдин" Спустя пять дней ее полностью перепечатал "Церковно-общественный вестник" (№ 17, 2 февр.). По-видимому, затерявшись среди разнообразной газетной информации, это сообщение ускользнуло от внимания исследователей Лескова. Во всяком случае ни в одной из книг, посвященных писателю (в том числе и А.Н.Лескова), нет никаких указаний на этот небольшой текст[1]. Между тем, на наш взгляд, он дает возможность не только расширить представление о знакомствах Лескова в последние годы жизни, но и по-новому поставить проблему общественных связей писателя в это время.

Напомним, что 80—90-е годы прошлого века — сложный и тяжелый период в истории России. Его начало ознаменовано взрывом 1 марта 1881 г. на набережной Екатерининского канала в Петербурге. Потрясенная трагической гибелью царя-освободителя Россия медленно и тревожно приходила в себя, обретая новые формы своего политического бытия и общественного сознания. Началась эпоха Александра III.

И для Лескова с его устойчивой многолетней репутацией ретрограда и даже едва ли не осведомителя III Отделения это было трудное время. Зоркий и чуткий художник, внимательно следивший за перипетиями общественной жизни России, он тонко улавливал возникновение новых общественных устремлений. К сожалению, лишь очень немногие из современников понимали и по достоинству оценивали эту особенность его характера и литературного творчества.

Естественно, мимо внимания Лескова не могло пройти и развитие, становление российского капитализма со всеми его особенностями. Общеизвестно, что уже в самом начале своего творческого пути Лесков писал о русских рабочих[2] и интерес к ним сохранил в течение всей жизни. Внимание Лескова несомненно привлекали рабочие окраины Петербурга, где за Невской, Нарвской заставами, на Васильевском острове и на Петербургской стороне уже существовали крупнейшие, общероссийского значения, заводы и фабрики.

Едва ли не первым публицистом, писавшим о промышленных предприятиях Петербурга, был Николай Николаевич Воскобойников (1838—1882), хорошо знакомый с Лесковым в 1860—70-х годах, постоянный и деятельный сотрудник нескольких периодических изданий в обеих столицах, в частности изданий М.Н.Каткова. Воскобойников был автором статьи "Несколько вопросов. О положении фабричных рабочих, преимущественно на петербургских фабриках"[3]. В этой статье он называл владельцев тридцати предприятий, где условия труда были особенно невыносимыми. В качестве положительного примера, не называя имен, он отмечал "фабрикантов за Шлиссельбургской заставой", которые, во-первых, содержат за свой счет больницу для рабочих, во-вторых, создали школу, где даже "возникло предположение об ознакомлении с устройством машин хотя <бы> наиболее успевших учеников", а в-третьих, организовали воскресные школы, которые "очень ясно показали, что фабричные имеют усердное стремление к грамотности; часто школы бывали переполнены и взрослыми и малыми", так что даже приходилось отказывать за недостатком мест.

Воскобойников подробно рассказывал об опыте преподавателей воскресной школы за Шлиссельбургской заставой, которые создавали ежедневные утренние и вечерние классы. "Замечательно,— писал он,— что мальчики, проработавшие на фабрике около 14 часов,

несмотря на усталость, спешили в школу и усердно занимались в ней до 11 часов вечера, а иногда и позже".

Надо отметить, что Воскобойников довольно трезво оценивал все эти начинания, особо оговариваясь, что он приводит "подробности преимущественно для того, чтобы снять с фабрикантов подозрение в сколько-нибудь деятельной благотворительности" Он подчеркивал, например, и то, что попытка создать ежедневную школу "не встретила сочувствия со стороны фабрикантов"[4]. Этими "фабрикантами за Шлиссельбургской заставой" были знаменитые Варгунины, а одним из многочисленных промышленных предприятий на Шлиссельбургском тракте была созданная в 1839 г. Александром Ивановичем Варгуниным (1807—1880) совместно с англичанином Джоном Гоббертом писчебумажная фабрика. Как отмечалось в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, "с фирмой Варгуниных тесно связано писчебумажное производство в России" Фабрика "первая в России ввела производство бумаги при помощи парового двигателя <...>"[5]. Вскоре Гобберт уступил свою долю Павлу Ивановичу Варгунину, брату своего компаньона, а уже в 1851 г. А.И.Варгунин, ставший единовластным хозяином предприятия, отправил образцы своей бумаги на выставку в Лондон, где она и была отмечена медалью. Обратим внимание еще на одну ниточку, пусть едва заметную, но ведущую к "Левше", над которым Лесков работал весной-летом 1881 г., хотя тему рассказа принято связывать прежде всего с оружейными заводами в Сестрорецке.

И сам основатель фирмы, и его наследники — племянник Владимир Павлович (ум. 1888) и сын Николай Александрович (1850—1897) — постоянно заботились о быте рабочих. Именно на варгунинской фабрике в 1859 г. была открыта воскресная школа, а за нею — больница. Будучи трезвыми прагматиками и, по-видимому, людьми лично порядочными, обладая дальновидным и основательным умом первых русских капиталистов, Варгунины понимали, что для успешного функционирования и выживания их дела необходима, в определенных объемах и пределах, забота о людях, чей труд приносил им прибыль.

Любопытно и еще одно свидетельство, казалось бы, вовсе с неожиданной стороны. Характеризуя своих предков, и в частности "именитую <...> бабушку, Прасковью Игнатьевну Варгунину", известная революционерка Александра Корнилова-Мороз писала: "В конце 80-х годов и позже пользовался большим уважением и известностью Николай Александрович Варгунин как энергичный культурный деятель и основатель школ для рабочих на Шлиссельбургском тракте. Это был сын Прасковьи Игнатьевны и Александра Ивановича, владельца большой писчебумажной фабрики. Брат его, доктор Владимир Александрович, тоже пользовался популярностью и устроил образцовую школу в своем имении в Тульской губернии"[6].

А вот как сорок лет спустя писал современник о жизни рабочих за Невской заставой: "Громадное фабричное население (Шлиссельбургского тракта.— *А.Р.*), пришлое из разных губерний, полуграмотное или вовсе безграмотное, тонуло во мраке невежества, нищеты и пьяного разгула, когда по праздникам, за отсутствием здоровых нравственных развлечений, была открыта одна дорога — в трактир, в компанию пьяных товарищей, где один другого подбивали на дурные поступки и давали простор своим дурным наклонностям и страстям. Шесть дней тяжелого труда и седьмой день — пьянство! Невыразимо печальная картина!" и далее: "*Одна из главных причин этого печального явления — невежество* фабричного населения и отсутствие для него малейшей возможности учиться"[7].

Можно предположить, что к началу 1880-х годов Лесков сперва познакомился с просветительскими начинаниями Варгуниных, а затем, вероятно, и лично с ними. Вряд ли это знакомство было близким, но самая возможность этого вполне допустима, тем более, что яркая личность А.И.Варгунина могла заинтересовать писателя.

Наследники Варгунина были людьми не менее интересными. Не утратив врожденной склонности и привычки к повседневному "черному" труду, оба они, и Владимир Павлович, и Николай Александрович, стали кандидатами права Петербургского университета, причем кандидатское сочинение последнего посвящено изучению рабочих союзов в Англии[8]. В.П.Варгунин основал Фарфоровское (название по пригородному селу и основанному братьями Корниловыми заводу.— *А.Р.*) приходское попечительство, в задачу которого входило оказание материальной помощи беднейшим рабочим, а также забота об их просвещении. Он же создал и школу для рабочих своей фабрики, в здании которой, "напротив церкви Спаса Преображения", в январе 1882 г. открылись "народные чтения, которые

происходили по праздникам и воскресеньям при ближайшем участии самого В.П.<Варгунина>, а с 1890 г. они перешли под наблюдение Н.А.<Варгунина>"[9].

В открытии этих народных чтений за Невской заставой и принял участие Лесков, в ту пору еще член Особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения, автор, в частности, незадолго перед тем напечатанного в газете "Русь" очерка "Фабричный пророк" (окончательное название — "Обнищеванцы. Религиозное движение в фабричной среде"). Можно предположить, что Варгунины пригласили Лескова, зная о его постоянном интересе к делам народного просвещения[10].

Приведем полностью текст заметки "Нового времени" "Что желает слушать простолюдин":

«В прошлое воскресенье[11] открыты первые публичные чтения за городом — именно за Невскою заставою, на 8 версте, в училище, устроенном попечительством при "фарфоровской" церкви. Открыл чтение по распоряжению комиссии Н.С.Лесков, в присутствии двух священников и гг.Варгунина, Макс<в>еля и других фабрикантов, которым близки дела попечительства и которые вообще заинтересованы времяпрепровождением скученного здесь многочисленного фабричного населения. Читали священник Георгиевский с картинами "Об уничижении Иисуса Христа на земле" по брошюре о.Опатовича[12] и потом г.Лесков прочел свой рассказ (напечатанный в прошлом году в журнале "Игрушечка") — "Христос в гостях у мужика"[13]. Чтение длилось полтора часа без выхода, что, конечно, долго и утомительно. О.Георгиевский читал час с небольшим, г.Лесков — около 20 минут — *без картин*. Существует убеждение, что народ будто находится в таком младенческом состоянии, что его не может интересовать чтение без картинок. Это повело к тому, что до сих пор читались исключительно или, по крайней мере, преимущественно литературные произведения, издаваемые или проектируемые комиссиею, к которым и заготовлялись картинки. Все эти произведения, за весьма редкими исключениями, не обратили и не могут обратить на себя внимания критики, так как это или компиляции, или переделки, или самая урядная посредственность во всех отношениях.

Вступив в число членов комиссии и в редакционный ее отдел, г.Лесков высказался против исключительного заготовления читательной литературы, указывая на прекрасные вещи общей русской литературы, которые, по его мнению, не только могут, но и непременно должны быть прочитаны народу, особенно там, где собираются слушатели, уже прошедшие школу и способные до известной степени усвоять образность и чувства хороших произведений. Он просил дозволить ему в виде опыта читать публично выбранные им произведения гр. Льва Ник<олаевича> Толстого, гр. Ал<ексея> Толстого, И.С.Тургенева, Лермонтова (о купце Калашникове), Ал.А.Потехина, "Пчелу" Н.Ф.Щербины и некоторые из своих рассказов (напр<имер>, "Плодомасовские карлики", "Запечатленный Ангел", "На краю света"). Читать это, разумеется, приходится *без картин* и без всяких эффектов, при обыкновенном дневном свете. В общем такое дозволение еще не *дано*, но 24-го числа г.Лескову разрешено было прочесть "Христос в гостях у мужика", что и исполнено с большою удачею. Несмотря на то, что рабочие (все знающие Священную историю) были *значительно утомлены* более чем часовым чтением компиляции, сделанной о.Опатовичем под заглавием "Уничижение Иисуса Христа", чтение г.Лесковым простого художественного рассказа их не только *оживило*, но и заставило отнестись с сочувствием к рассказу. Они выражали это и на словах г.Варгунину и даже попробовали "похлопать" лектору. "Вот это,— говорили они Варгунину,— *занимательно*, а то первое, мы все уже давно знаем". Значит, и картинки их не подкупают, а они, несомненно, могут и непременно будут с большим удовольствием слушать без картин хорошее чтение хороших произведений искусным чтецом».

Несомненно, что этому выступлению Лескова предшествовала какая-то предварительная работа, проделанная, по-видимому, совместно и организаторами, и самим писателем. Можно предположить, что поездка Лескова к рабочим Невской заставы, во-первых, была не единственной, а во-вторых, свидетельствовала о его стремлении познать и понять жизнь русских рабочих. Одну из своих ранних статей он заканчивал примечательными словами: "Пора уважать в людях неотъемлемые права человеческой свободы"[14].

Добавим, что в середине 1870-х годов Лесков стал единственным и очень острым критиком начавшего выходить в Петербурге в 1875 г. (издавался до 1886 г.) религиозно-педагогического журнала "Русский рабочий". В своей рецензии он между прочим писал: «"Русский рабочий", хотя и не считается духовным журналом, но он постоянно занят ду-

ховными вопросами и ставит и решает многие из них в таком духе, который мы позволили себе выше назвать, по меньшей мере, "странным"». Оценив материал журнала за первый год его существования, он далее продолжал: «Вот полный отчет о журнале, который уже один год поучал русских рабочих истинам веры и морали и продолжает это далее в том же духе и направлении. Отчет наш так подробен, что по нему каждый знакомый с делом читатель может судить: что такое предлагается этим изданием русскому простолюдину: "брашно или млеко"? (1 Корф. 3, 2). Нам же кажется, что это и не молоко и не брашно, а разве вода и притом вода тоже не совсем чистая, а такая, в которой, прежде чем подать ее, переполаскивают на гулянках старые Лютеровы манжеты <...>

Это ли нужно теперь для русского простолюдина?

По нашему мнению, *нужно совсем не это*<...>

На наш взгляд,— заканчивал Лесков,— несчастие петербургских светских людей, излюбивших занятие изданием духовно-нравственных сочинений, главным образом заключается в том, в чем всегда были виноваты русские светские люди, т.е. в незнании своей родины и в неосновательности, которая кладет печать неумелости на всякое их предприятие»[15].

Попытаемся расставить некоторые акценты. В рецензии на "Русский рабочий" Лесков задавал вопрос, который, как мы знаем, всегда волновал и интересовал его: "Это ли нужно теперь для русского простолюдина?" (смысловой акцент здесь падал на слово "теперь"). Заголовок анонимного сообщения о варгунинских чтениях звучит прямым и ясным ответом на этот вопрос.

Далее. И "Новое время", и "Церковно-общественный вестник" напечатали информацию о чтениях за Невской заставой без всякой подписи. Редакторы обоих изданий были близки Лескову — и Суворин, "старинный знакомец московских лет", и А.И.Поповицкий, также многолетний друг и благожелатель, теолог и публицист, спустя несколько лет провожавший Лескова в последний путь. Поповицкий постоянно предоставлял страницы своего журнала Лескову для острых статей.

Ни в одном из просмотренных нами петербургских повременных изданий за январь-февраль 1882 г. не было никаких сообщений о выступлении Лескова на варгунинских чтениях, как, впрочем, и о них самих. Напрашивается мысль, что заметка для "Нового времени" была написана кем-то из участников публичных чтений на варгунинской фабрике, причем — литератором. В этом убеждает перечисление писательских имен, чьи сочинения автор заметки предлагал бы рабочим. Во всяком случае, четыре из них, названные первыми, принадлежат к числу писателей, наиболее чтимых Лесковым. Да и из сочинений Лескова названы произведения, которые он сам считал наиболее удачными.

Характерны и некоторые детали, связанные, в частности, с обращением Лескова дозволить "в виде опыта читать публично выбранные им произведения". В газетах информации о подобной просьбе писателя не появлялось. Следовательно, только автор заметки в "Новом времени" мог знать также и о том, что "в общем такое дозволение еще *не дано*" Это свидетельствует о близости предполагаемого автора к Лескову. И невольно напрашивается мысль: а не самим ли Лесковым написана столь подробная по существу, столь определенная по позиции и столь цельная по эмоциональному настрою заметка? Отмечена даже манера чтения Лескова, а чтец он был превосходный[16].

Мы не знаем, продолжал ли Лесков принимать участие в просветительской деятельности фабрикантов Варгуниных, а она с годами приобретала все больший размах и длилась во всяком случае до смерти Н.А.Варгунина (1897). Появление в июле 1894 г. в газете "Русская жизнь" большой и очень интересной статьи (напечатанной под псевдонимом "А.О-нъ") "Невское общество народных развлечений"[17] не могло пройти мимо внимания Лескова,— он был тесно связан с этой газетой.

Заметим также, что с 1885 г. в воскресной Корниловской школе Фарфоровского попечительства Варгуниных начала работать учительницей известный русский общественный деятель, приятельница Лескова А.М.Калмыкова (1850—1926).

Немалый интерес представляет и проблема сотрудничества Лескова в "Русской жизни"[18].

Фамилия Лескова довольно часто встречается на страницах газеты. Например, 9 февраля 1894 (№ 38) в рубрике "Петербургская хроника" опубликована следующая заметка

(насколько нам известно, она впоследствии не перепечатывалась, поэтому мы воспроизводим ее полностью):

"В разъяснение слухов об осложнениях в болезни Н.С.Лескова теперь своевременно будет сказать то, что нам об этом известно за верное. Н.С. страдает уже пять лет грудною жабою, и болезнь эта то получает небольшое облегчение, то опять ожесточается. С половины декабря Н.С. чувствовал себя худо, но, несмотря на это, непременно захотел быть на отпевании П.А.Гайдебурова[19]. Здесь Н.С. прибавил себе к ангине острую простуду и тотчас же слег, а на двери его квартиры по совету врача вывесили надпись, которою просили не беспокоить больного. Отсюда толки. В течение месяца положение больного было тяжелое и колеблющееся. В воскресенье, 6 февраля, у Лескова был консилиум, на котором присутствовал постоянно наблюдающий больного врач общины Христа Спасителя — Коренев, дружественно близкий больному доктор Борхсениус и профессор Юр.Тр.Чудновский[20]. Сколько нам известно — впечатление, вынесенное консультировавшими врачами, получилось довольно успокоительное, и хотя больного признано за необходимое продолжать охранять от всех сторонних посещений и от всего, что может его волновать и беспокоить, но тем не менее на выздоровление его смотрят с надеждою, и в методе пользования его положена немедленная перемена: больному предоставлена теперь возможность дышать на открытом воздухе".

7 марта в № 63 в разделе "Книжный листок" была помещена рецензия А.И.Фаресова (подписана — А.Ф-ов) на очередную новинку — книгу Лескова "Стальная блоха" (СПб., 1894).

28 марта (№ 83) за подписью Николай Лесков напечатана "Заметка об изготовлении мощей"[21]. В пасхальном номере 17 апреля, № 103, напечатана заметка "Кстати о подземельях", также подписанная "Николай Лесков", в которой содержится любопытный эпизод его беседы с Толстым[22]. 27 апреля в № 111 Николай Лесков напечатал заметку "Мусульманские беспокойства", направленную против попыток изъять некоторые стихи Корана из татарских учебных книг[23]. А спустя неделю (4 мая, № 118) газета "Русская жизнь" в заметке "Клевета на татар" резко выступила против "Нового времени" и недостойной антитатарской кампании.

В преддверии лета 1894 г., публикуя заметку о выезде петербуржцев на дачу, газета отметила среди многих "видных" людей, проводящих каникулы близ устья реки Нарова, также и Лескова (26 июня, № 168). В библиографическом отделе "Ежедневные книжные новости" сообщалось о выходе новых книг Лескова[24].

Итак, близость Лескова к редакции газеты очевидна.

Обратим внимание еще на некоторые публикации 1894 г.

12 февраля (№ 41) со ссылкой на "Орловский вестник" газета напечатала воспоминания о пребывании писателя В.М.Гаршина в Кромах и в Орле в апреле-мае 1880 г.; 24 февраля в № 53 опубликована без подписи информация из Орла; 17 июня (№ 159) появилось письмо "от нашего корреспондента" без подписи об открытии в Орле народной бесплатной читальни имени И.С.Тургенева; 28 июня в № 170, за подписью "И.В." помещен материал о земском и городском самоуправлении в Орле. 11 июля в № 182 российскую общественность информировали о том, что "с высочайшего разрешения Орловская городская управа открывает сбор пожертвований по всей Российской империи на сооружение памятника И.С.Тургеневу в гор.Орле". Редактор А.А.Пороховщиков не раз печатал объявления о подписке на "Орловский вестник".

Бросается в глаза, что в конце 1894 и самом начале 1895 г. количество материалов об Орле сокращается, а их информационная насыщенность заметно снижается.

Просматривая комплект "Русской жизни" за 1894 г., мы обратили внимание на опубликованную 7 февраля, в № 36, в рубрике "Провинция" небольшую заметку без названия за подписью "Л-въ". Приводим ее полностью: она не попадала до сих пор в поле зрения специалистов, в том числе и А.Н.Лескова.

«*Орел*, 3 февраля. Столичная пресса нередко обвиняет провинцию в полной косности, безжизненности и отсутствии какой бы то ни было общественной жизни. Особенно часто указывает на это "Новое время". В прошлом году оно ругательски ругало провинцию и в этом году уже выругало за то, между прочим, что правительство, будто бы, взывает к провинции, а она деятелями оскудела. Оставив без ответа выдумку "Нового времени" насчет "взывания", ибо таковою не было, мы не можем не сделать замечания относительно обвинения провинции в безжизненности. Что наша провинция не отличается особенною жизнедеятельностью — это, конечно, верно, но, к сожалению, никто не хочет подумать о

том, что провинции не дозволяют проявить жизнь бесчисленные "независящие обстоятельства". Чтобы недалеко ходить за примерами, укажем хотя бы на Орел и орловскую губернию. В Орле, например, за последнее время много энергии проявило такое мирное учреждение, как комитет народных учений. И что жс? Уже теперь начинают "подозревать", "наводить справки"; местные власти обеспокоены, и, как говорят, "стали на ноги". Комитет испугался и помышляет "сократить" весьма неширокую свою деятельность. Далее. В одном из уездных городов Орловской губернии собралась маленькая компания — 45 человек — и начали читать сочинения Гончарова: "Обрыв", "Обломов" и т.д. Узнал об этом исправник и поднял шум, обвиняя всех несчастных чтецов в неблагонадежности! Конечно, чтения прекратились, а чтецы до смерти испугались... В том же городке никогда не может возникнуть воскресная школа, потому что всякий, кто пытался открыть таковую, зачислялся в лик неблагонадежных и т.д. При таких обстоятельствах, как же жить провинции? Желательно бы услышать совет, хотя от того же "Нового времени", как же жить провинции при наличности изложенных условий? Обвинять легко, а вот как коснется дело "независящих обстоятельств" — все молчат.

Л-въ»

Заметка написана опытной и уверенной рукой, человеком, явно принимающим близко к сердцу орловские дела (но в то же время, по-видимому, и не близко к ним стоящим), имеющим опыт общения с такой газетой, как "Новое время", причем общения довольно тесного, изнутри. И, наконец, пожалуй, самое главное: в заметке этой четко и недвусмысленно поставлена проблема образования и воспитания народа, проблема народного чтения, проблема общественной жизни провинции в самом широком смысле слова.

27 апреля в № 111 в регулярной библиографической рубрике "Книжный листок" за подписью "Л." напечатана заметка-отклик на четыре брошюры, темы которых входят в круг интересов Лескова. Вот эта рецензия:

«"Международная библиотека" Издание Г.Бейленсона и И.Юровского. № 6. Ф.Брюнетьер. — Отличительный характер французской литературы. № 7. Шарль Рише. — Гениальность и помешательство. № 8. Г.фон Шель.— Самоубийство и современная цивилизация. № 9. И.Тэн. — В.Шекспир. Цена каждому выпуску 15 коп.

Программа, намеченная почтенными издателями, судя по перечню имен авторов, произведения которых вошли и должны войти в цикл "Международной библиотеки", заслуживает серьезного внимания. В число авторов, предназначенных к напечатанию, входят имена таких известных писателей и ученых, как Брандес, Вогюэ, Вундт, Гельмгольц, Леруа-Болье, Рише, Тард и мн<огие> другие. Судя по имеющимся у нас четырем выпускам "Международной библиотеки" и по вышедшим ранее их выпускам, можно думать, что они найдут обширный круг читателей, так как статьи, напечатанные в них, по большей части представляют ответы на животрепещущие вопросы современной жизни и современного умственного движения. Так, например, по интересующему все страны вопросу о соприкосновении гениальности с помешательством, поднятому знаменитою книгою Ц.Ламброзо, выпущена статья французского критика Шарля Рише, который в прекрасном изложении разъясняет суть учения Ламброзо об умственной неуравновешенности гениальных людей. Не менее интересна брошюра фон Шеля "Самоубийство и современная цивилизация", в которой автор доказывает, что связь современной цивилизации с распространением самоубийств, устанавливаемая многими публицистами, остается недоказанною. Нельзя, однако, не признать слишком дорогую цену изданий: крошечные брошюрки, величиною в печатный лист, стоят по 15 коп., что далеко не соответствует целям популярного издания — найти широкий круг читателей. Такие издания целесообразнее было бы выпускать по 3-5 коп. за каждую брошюрку, а в противном случае можно опасаться, что симпатичное начинание только на этом и остановится.

Л.»

По-видимому, автор заметки регулярно следил за новинками общероссийского книжного рынка — ведь все эти брошюры были изданы в Одессе в 1893 г. (место издания в газете не указано). Да и подход к книжной продукции такого рода, предназначенной для народного чтения (а, как известно, проблема "популярной науки" всегда волновала Лескова), напоминает его суждения о необходимости выпуска дешевых книг для народа.

Обе эти заметки подписаны инициалами, которые принадлежат к числу известных псевдонимов Лескова. Последним из них, "Л.", была, например, подписана опубликован-

ная шестью годами раньше в "Новом времени" серия его статей о проказе "Аренсбург на Эзеле" (1888). Кстати сказать, поскольку речь зашла об этих выступлениях Лескова, вызвавших в свое время большой резонанс, заметим, что и "Русская жизнь" в 1894 г. несколько раз возвращалась к этой теме (30 марта, № 85) — "Ямбургская лепрозория"; 2 июня № 145 — "Закладка лепрозории"), сообщая читателям о том, что "С.-Петербургскому обществу для борьбы с проказой пожертвовано, как известно, государем императором 280 десятин земли в Ямбургском уезде и лес для постройки лепрозории" и что на строительство ассигновано 20000 рублей. Независимо от того, принадлежат ли эти заметки Лескову (прямых доказательств его авторства у нас пока нет), они продолжают серию выступлений писателя против губительной болезни.

В январе 1894 г. в Петербурге стал выходить научно-литературный и политический журнал "Новое слово", редактором-издателем которого был Иван Андреевич Баталин. (В июне 1895 г. издание перешло в руки О.Н.Поповой). Почти сразу же после смерти Лескова Баталин напечатал воспоминания о писателе[25]. В первом номере журнала напечатано обозрение М.Круковского "Заметки по народной литературе", где среди прочего рецензировались издания "Посредника", вышедшие при И.Д.Сытине и в частности — святочный рассказ Лескова "Пустоплясы"[26].

«На этой книжке,— писал рецензент,— следует остановиться немного больше. Г.Лесков — крупная литературная сила, и к произведениям его мы привыкли относиться с полным доверием. Его рассказы, изданные для народа: "Совестный Данила", "Федор-христианин", "Скоморох Памфалон", наконец, "Фигура", безусловно художественные и высоко гуманные произведения, написанные хорошим доступным языком, ярко выделяются из массы других и достойны самого широкого распространения в народе. Нельзя того же самого сказать в отношении его рассказа "Невинный Пруденций", изданного, кажется, в начале этого года[27], и "Пустоплясов". В особенности последняя вещица смущает нас»[28]. Изложив содержание этой "вещицы", рецензент далее писал: «Идея несомненно симпатичная, но до чего ненатурально, искусственно она выражена! Но она даже совсем не выражена, совсем не то получилось, что г.Лесков хотел выразить <...> Кажется, что более неудачно провести идею — трудно. Вообще весь рассказ сшит белыми нитками, изобилует случайностями, неожиданностями и написан нехудожественно, ненатуральным, искусственным языком, в котором так и слышится подделка под мужицкую речь. Просто не верится, что эта вещица написана Н.С.Лесковым, написавшим "Федора-христианина" и другое. Мы находимся в полнейшем недоумении»[29].

В той же рецензии речь шла об изданиях книжного склада А.М.Калмыковой[30]. Для нас представляет особый интерес упоминание Лескова и Калмыковой в одном ряду. Это соседство, может быть, и не случайно.

В 1-м номере журнала "Былое" за 1926 г. были напечатаны "Обрывки воспоминаний" Калмыковой. Они начинаются с рассказа о том, как в конце 1880-х годов она «поступила учительницей в Воскресную вечернюю школу для рабочих Фарфоровского попечительства, запросто называемую Варгунинской <...> Варгунин настоял на открытии школы, которая была закрыта начальством за зловредность свою в 60-х годах и с тех пор не получала права на открытие ее вновь»[31]. Среди коллег Калмыковой были девушки, окончившие Бестужевские курсы.

К сожалению, в воспоминаниях Калмыковой сохранилось сравнительно немного конкретных фактов, касающихся ее жизни и работы в 1880-е годы. В довольно общей форме это помогают восполнить воспоминания Н.К.Крупской.

«За Невской же заставой,— писала Крупская,— учительствовала и Александра Михайловна Калмыкова — прекрасная лекторша (помню ее лекции для рабочих о государственном бюджете), имевшая в то время книжный склад на Литейном. С Александрой Михайловной познакомился тогда близко и Владимир Ильич. Струве был ее воспитанником, у нее всегда бывал и Потресов, товарищ Струве по гимназии. Позднее Александра Михайловна содержала на свои деньги старую "Искру", вплоть до II съезда. Она не пошла следом за Струве, когда он перешел к либералам, и решительно связала себя с искровской организацией. Кличка ее была Тетка. Она очень хорошо относилась к Владимиру Ильичу <...> Александра Михайловна была тесно связана с группой "Освобождение труда" <...> Под влиянием начавшего нарастать рабочего движения и под влиянием статей и книг группы

"Освобождение труда", под влиянием питерских социал-демократов полевел Потресов, полевел на время и Струве»[32].

И вот вспоминает сама Калмыкова: "В начале 90-х годов в моей столовой за вечерним чайным столом сходилась молодежь, заинтересованная марксизмом: Владимир Ильич, Потресов, Радченко, Классон (известный потом по всей России электротехник), Туган-Барановский и мой приемный сын Петр Бернгардович Струве <...> Струве начали звать лидером марксистов. Я горячо оспаривала это, говоря, что мысль его так интенсивно работает, что трудно предугадать, куда она ведет его, нечего называть его лидером, чтобы потом бросать упрек в ренегатстве"[33].

Лесков бывал в этом доме у Калмыковой, где рядом со складом помещалась и ее квартира № 5, служившая впоследствии явкой для социал-демократов[34]. В этом доме жил и умер М.Е.Салтыков-Щедрин, и находился этот дом через несколько кварталов от Фурштадтской и Сергиевской улиц, где жил Лесков. На вечерах Калмыковой, по ее воспоминаниям, помимо названных лиц, бывали Н.Ф.Анненский и В.В.Стасов — знакомцы Лескова. Его самого Калмыкова в числе своих гостей не называет. Но его упоминает в своих воспоминаниях о ее вечерах П.Б.Струве (1870—1944). Собственно, воспоминаниями их называть нельзя, это небольшая речь, произнесенная 15 июня 1930 г. на собрании русских эмигрантов в Белграде, посвященном столетию со дня рождения Лескова. Выступление Струве о Лескове было недавно републиковано в России[35].

Струве, в частности, отмечал: "Судьба Н.С.Лескова как деятеля русской литературы своеобразна. На три года только моложе Льва Толстого, Лесков в общественном признании отстал от Толстого, а тем более от Тургенева лет на 30-40 <...> Для отцов нашего поколения, т.е. для людей, родившихся между 1820 и 1830 годами, Лесков не был классиком, хотя они его знали и на свой лад ценили и <...> на памяти именно нашего поколения и в значительной мере уже после смерти Лескова произошло общественное признание его значения, огромный рост его известности, ставшей,— всецело на нашей памяти,— славой <...>

Мне несколько раз пришлось видеть Н.С.Лескова в период времени примерно между 1888-м и годом его смерти, 1895-м, т.е. когда мне было 18-25 лет. Это была эпоха самого сильного влияния Толстого как религиозного мыслителя, влияния, захватившего все поколения и все виды творчества <...> и я видел Лескова как раз на первом чтении в Петербурге одного из ненапечатанных еще, волновавших публику произведений Льва Толстого[36] в довольно тесном кругу лиц, которые, однако, все были так или иначе под обаянием Льва Толстого как религиозного мыслителя. И Лесков в последние годы жизни испытывал огромное влияние Л.Толстого. Собрались в квартире А.М.Калмыковой. Тут были, кроме хозяйки, помнится, толстовец П.И.Бирюков, позднее биограф Толстого, А.Ф.Кони, благообразный старичок, знаменитый живописец Н.Н.Ге, либерал и в то же время поклонник Толстого кн<язь> Д.И.Шаховской[37], близкие к нему братья Сергей и Федор Федоровичи Ольденбурги[38] и несколько других лиц. Со всеми ними я раньше встречался, только Лескова я увидел тут впервые. Как живой встает он передо мной. Войдя в комнату, где мы собрались — это была поместительная, но низкая комната первого этажа, во двор, в том доме на Литейном проспекте, в котором умер М.Е.Салтыков-Щедрин,— Лесков грузно опустился в кресло. Он не производил впечатления ни мягкого, ни общительного человека. Наоборот, его глаза остро и в то же время скорбно смотрели как-то поверх присутствующих, куда-то не вдаль, а точно внутрь. Странный и жуткий взгляд!"

З.Н.Гиппиус, лишь однажды видевшая Лескова, тоже отмечала: "Нет и плещеевской доброты в лице, а острые светлые глаза мне даже кажутся злыми. Или очень холодными"[39].

К сожалению, конкретных фактов в выступлении Струве больше нет, как нет их и в других воспоминаниях Струве о Лескове[40]. Тем не менее это очень скромная информация представляет немалый интерес.

Струве в своем выступлении, помимо "толстовцев" Бирюкова, Ге и близкого к ним Кони, называет виднейших деятелей будущей кадетской партии. Это — князь Д.И.Шаховской и достаточно уже тогда известные обществу университетские ученые и педагоги братья Ольденбурги, Сергей и особенно Федор. Именно в этой связи сопрягаются они в памяти П.Н.Милюкова: «В 1884 г. начал работу по народной литературе петербургский кружок Ф.Ф.Ольденбурга, Д.И.Шаховского, Н.А.Рубакина, в 1885 г. появилась "программа" Шаховского, в 1889 — программа Рубакина»[41]. И далее идет речь об изданиях И.Д.Сытина, как известно, в определенный момент тесно связанного с "Посредником". Правда, Лесков

после периода тесной дружбы и сотрудничества с “Посредником” в 1890-е годы отошел от этого издательства, но проблема народного чтения его продолжала неизменно волновать.

Возможно, в его библиотеке, поспешно распроданной после его смерти, были и знаменитая брошюра Шаховского “О народном образовании в Весьегонском уезде Тверской губ<ернии>” (1886), и “Опыт программы для исследования литературы для народа” Н.А.Рубакина (1889). С последним, как известно, “Посредник” сотрудничал весьма тесно.

Но весьма близки, примерно с 1884 г., были “посредники”(Чертков и Бирюков) и с “ольденбурговским кружком”, ядро которого, помимо братьев и Шаховского, составляли В.И.Вернадский[42], А.А.Корнилов, А.Н.Краснов[43], Л.А.Обольянинов, И.М.Гревс.

В 1881—1887 гг. они активно работали в университетском Научно-литературном обществе. В течение нескольких месяцев (осень 1886 — январь 1887 г.) секретарем научного отдела этого общества был А.И.Ульянов. А “знакомство с Александрой Михайловной Калмыковой скоро перешло у братьев Ольденбургов, Шаховского и Вернадского в близкую дружбу”[44]. С другой стороны, “кружковцы” (вскоре они объединились в «братство “Приютино”») поддерживали живые связи с известным мыслителем, во многом предвосхитившим учение Толстого и посетившим его в октябре 1885 г. в Ясной Поляне, Вильямом Фреем (Владимир Константинович Гейнс, 1839—1888). В бытность Фрея в Петербурге (конец 1885 — нач. 1886 г.) с ним, помимо “приютинцев”, встречались Калмыкова, Чертков и Бирюков. Несомненно, актуальные нравственно-религиозные проблемы, проблемы “богочеловечества” горячо обсуждались во время всех этих встреч, и хотя бы отголоски их могли долететь до слуха Лескова.

Однако, к сожалению, в переписке Лескова, как и в работах о нем, нет этих имен, нет и вовсе каких-либо ссылок на них (равно как — что удивительно — не сохранилось никаких данных о его контактах с Рубакиным).

Приходится повторить, что последний период жизни писателя, многие его контакты и встречи этой поры остаются пока неизвестными. Предложенный нами материал позволяет расширить представление о круге возможных знакомств и деятельности Лескова.

Разумеется, трудно говорить всерьез о встречах Лескова с молодым Владимиром Ульяновым — хотя какое-то время, очень непродолжительное, они жили в Петербурге на одной улице — Сергиевской, а в 1891 г. Ульянов заходил к С.Ольденбургу, желая узнать о последних минутах жизни своего брата. Разумеется, невозможно говорить о серьезных контактах Лескова с молодыми марксистами или будущими кадетами, но в том, что имена многих (или некоторых) из них были у него на слуху (тем более, что к университету имел отношение Николай Бубнов[45]), нам кажется, сомневаться не приходится.

Стареющий Лесков сохранял глубокий интерес к общественной жизни. Не случайно он подписал в январе 1895 г. коллективное письмо императору Николаю II с протестом писателей против преследований печати[46]. Кстати сказать, в том же январе Петр Струве выступил с открытым письмом к императору после его речи на аудиенции представителям всех сословий. Вполне вероятно, что в течение последнего отпущенного ему месяца жизни Лесков мог получить список этого документа, в копиях широко расходившегося по России.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Об этой заметке см. также выше публикацию О.Е.Майоровой «Лесков в суворинском “Новом времени” (1876—1880)».

2 См. статьи “Очерки винокуренной промышленности” (1860), “О рабочем классе” (1860), “Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе” (1861), “О наемной зависимости” (1861), “О найме рабочих людей” (1861), “Как относятся взгляды некоторых просветителей к народному просвещению” (1861).

3 *БдЧт.* 1862. № 5. Отд. II. С. 87—114; № 6. Отд. II. С. 42—62.

4 Там же. № 5. Отд. II. С. 96, 98, 101, 111, 112.

5 “Энциклопедический словарь” Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1892. Т. 10. С. 513; Новый энциклопедический словарь. Т. IX. Стб. 540.

6 *Корнилова-Мороз А.И.* Перовская и основание кружка чайковцев // Каторга и ссылка. 1926. № 1 (22). С. 10.

7 *Величко М.* Н.А.Варгунин. Биографический очерк. Посвящается ученикам — рабочим Шлиссельбургского тракта. СПб., 1903. С. 5.

8 См.: *Д.Р.* Николай Александрович Варгунин. (Некролог) // Труды императорского Вольного экономического общества. СПб., 1897. Т. II. Кн. 5. С. 1—4.

[9] См.: *Величко М.* Ук. соч. С. 5.

[10] См.: *Рейсер С.А.* Н.С.Лесков и народная книга // *РЛ.* 1990. № 1. С. 181—194.

[11] Т.е. 24 января 1882 г.

[12] Стефан *Опатович* — священник Смоленско-кладбищенской церкви, с марта 1882 г. протоиерей.

[13] Этот рассказ Лескова стал очень популярным — как в России, так и за ее пределами. Известны многочисленные прижизненные переводы его на сербский, болгарский и др. языки.

[14] *Лесков Н.С.* О наемной зависимости // Лесков Н.С. Избранные рассказы / Под ред. Л.П.Гроссмана. М.–Л., 1926. С. 217.

[15] *Лесков Н.* Сентиментальное благочестие. Разбор ежемесячного издания “Русский рабочий” М., 1876. С. 4, 27, 28.

[16] О манере чтения Лескова см., например, воспоминания Ф.Г.Де ла Барта “Литературный кружок 90-х годов. (Из воспоминаний о Вл.Соловьеве, Н.С.Лескове и друг.)” // Известия Общества славянской культуры. М., 1912. Т. 2. Кн. 1. С. 8—21.

[17] Русская жизнь. 1894. 16 июля.

[18] Об участии Лескова в этом издании, постоянных сотрудниках, позиции газеты и отношении редакции к Лескову см. в наст. т. публикацию Л.Г.Чудновой «“Тезки” и “Писательская кабала” — статьи из газеты “Русская жизнь”».

[19] В сообщении о похоронах П.А.Гайдебурова среди присутствовавших Лесков не назван (см.: Русская жизнь. 3 янв.).

[20] В книге А.Н.Лескова (см.: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 485—488) упоминается только Николай Федорович *Борхсениус* (1847—1909). См. также воспоминания его жены в сб.: В мире Лескова. Сб. статей. М., 1983. С. 342—359. Сергей Александрович *Коренев* — терапевт Общины сестер милосердия во имя Христа Спасителя. Юрий Трофимович *Чудновский* (1843—1896), автор работ по кардиологии. Все три врача были соседями Лескова, жили на Фурштадтской улице в домах №№ 27 и 50.

[21] Перепечатана С.А.Рейсером в “Красной ниве” в 1930 г. под названием “Где добывают поддельные мощи” (№ 17. С. 19). Публикация вызвала возражение С.П.Шестерикова (см. его заметку «О статье Лескова “Где добывают поддельные мощи”» // Там же. № 20. С. 18).

[22] Статья впервые указана С.П.Шестериковым (см.: К библиографии сочинений Н.С.Лескова // Изв. отд. рус. яз. и словесности. 1926. Т. XXX. С. 290—291) и цитируется А.Н.Лесковым (см.: *Жизнь Лескова.* Т. 2. С. 504).

[23] Впервые зафиксирована С.П.Шестериковым в указ. выше работе (см. предыдущее примеч.).

[24] См.: Русская жизнь. 28 июля.

[25] *Руслан* <Баталин И.А.> Из воспоминаний о Н.С.Лескове. // *ПГ.* 1895. 24 февр. «Смерть Н.С.Лескова,— писал мемуарист,— немало вызовет толков и воспоминаний об этом талантливом писателе, который в своей жизни отдался двум, совершенно противоположным течениям. О нем поистине можно сказать, что он “сжег то, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал” Такие повороты в убеждениях писателя знаменательны для характеристики эпохи <...>

Живо мне помнится время, когда писались “Божедомы” и как автор озабочен был отделкою этого произведения.

В то время лучший, хотя и очень тесный, кружок художников слова собирался по вторникам у А.П.Милюкова, с которым тогда и Лесков был дружен. Тут бывали А.Н.Майков, Г.П.Данилевский, <В.В.>Крестовский, иногда <Ф.М.>Достоевский, Ф.Н.Берг и Лесков, тогда тесный союзник этого “катковского” кружка.

А.П.Милюков сделался одно время редактором “Сына отечества” и хотел сосредоточить в этой газете лучшие литературные силы своего кружка. О таланте Лескова этот маститый критик и историк литературы был высокого мнения.

На один из вторников, где по обычаю велись литературные разговоры <...> Н.С.Лесков явился с рукописью “Божедомов”, т.е. с повестью из духовного быта. Ни для кого из присутствовавших, кроме меня, быт этот не был близко знаком; но все с таким наслаждением слушали чтение “Божедомов”, что и не заметили, как часы пробили уже полночь».

[26] Пустоплясы. Святочный рассказ // Северный вестник. 1893. № 1. Отд. изд. М., 1893.

[27] Невинный Пруденций. (Легенда) // Родина. 1891. №№ 1—6. Отд. изд. — “Посредник” М., 1892.

[28] *Круковский М.* Заметки по народной литературе // Новое слово. 1894. № 1. С. 391—396. В майском номере журнала М.Круковский также критически отозвался об изданиях “Посредника”

[29] Там же. С. 395.

[30] Там же. С. 393.

[31] *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний // Былое. 1926. № 1 (35). С. 64—80. Машинопись воспоминаний Калмыковой хранится в *РГАЛИ* (Ф. 258. Оп. 1. Ед.хр. 11) и озаглавлена “Из воспоминаний о конце 80-х гг. и о 90-х годах”.

О Калмыковой см. в частности: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 7, 46, 51, 55; а также: В.И.Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1870—1905. М., 1970. Первое знакомство В.И.Ленина с Калмыковой, по-видимому, нужно отнести к весне 1891 г., когда, приехав в Петербург для разре-

шения экзаменационных вопросов, он неоднократно бывал у сестры Ольги в общежитии Бестужевских курсов на 10-й линии Васильевского острова. После смерти сестры он посещал на 6-й линии Васильевского острова близкого знакомого Калмыковой, тогда еще приват-доцента Петербургского университета С.Ф.Ольденбурга (о нем см. ниже примеч. 43).

[32] *Крупская Н.К.* Воспоминания о В.И.Ленине. М., 1968. С. 19—20.

[33] *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний. С. 64, 66.

[34] *Калмыкова А.М.* Обрывки воспоминаний. С. 68—72. Книжный склад помещался на Литейном, дом 60 в 1889—1902 гг., до высылки его владелицы за границу.

[35] *Струве Петр.* Н.С.Лесков. Несколько черт из воспоминаний // Струве Петр. Скорее за дело! Статьи. М., 1991. Библиотека "Огонек", № 38. С. 35—36.

[36] Речь идет о чтении "Крейцеровой сонаты" в 1889 г.

[37] Князь Дмитрий Иванович *Шаховской* (1861—1939), земский деятель, публицист, один из лидеров партии кадетов; внук декабриста. Депутат I государственной Думы, министр Временного правительства. Характеристику его личности и его мировоззрения см.: *Вернадский Г.В.*Братство "Приютино" // Новый журнал. 1968. Кн. 93. С. 148, 151—153, 159—162. См. также: *Толстой.* Т. 85. С. 141, 178—179, 202.

[38] Сергей Федорович *Ольденбург* (1863—1934), академик (с 1900 г.), выдающий специалист по буддизму и индологии. Министр народного просвещения Временного правительства. Член кадетской партии. Непременный секретарь Академии наук СССР. Федор Федорович *Ольденбург* (ум. 1914), деятель народного просвещения, педагог (в частности автор книги "Народные школы Европейской России в 1892—93 году. Статистический очерк". СПб., 1896).

[39] *Гиппиус З.Н.* Далекая единственная встреча // Вопросы литературы. 1993. Вып. 3. С. 370—372. Исправление редакционной ошибки — см.: там же. Вып. 5. С. 384.

[40] См.: *Струве П.Б.* Дух и слово. Статьи о русской и западно-европейской литературе. Paris, 1981. С. 249—255; а также "Московский журнал". 1995. № 3. С. 8—10.

[41] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 174.

[42] В 1861 г., приехав в Петербург, Лесков нашел приют и поддержку в литературной работе у его отца, известного экономиста, бывшего профессора Киевского университета, Ивана Васильевича Вернадского, в журнале которого "Указатель экономический" Лесков напечатал несколько статей и заметок о рабочих.

[43] Брат будущего атамана Войска Донского, писателя и генерала П.Н.Краснова.

[44] Подробнее см. *Вернадский Г.В.* Братство "Приютино" // Новый журнал. 1968. Кн. 93. С. 147—171; 1969. Кн. 95. С. 202—215; Кн. 96. С. 153—171; Кн. 97. С. 218—237. Лесков там упоминается лишь однажды, мельком, при рассказе о борьбе с голодом 1891—1892 гг. (см.: Кн. 95. С. 202).

[45] См. о нем выше предисловие Вильяма Эджертона к воспоминаниям Н.М.Бубнова и сообщение Л.И.Левандовского "Письма Н.М.Бубнова как источник знакомства с жизнью Лескова в Петербурге (1880-е годы)".

[46] Публиковалось неоднократно, начиная с 1895 г. В частности, вошло в книгу Вл.Бурцева "За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России". Лондон. 1897. Ч. I. С. 264—267. Приведем этот текст полностью.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕТИЦИЯ 1895 ГОДА

Ваше Императорское Величество
Всемилостивейший Государь!

На всеподданнейшем докладе г.министра юстиции о пересмотре судебных уставов августейшему родителю Вашему незадолго до его кончины угодно было собственноручной надписью выразить желание "чтобы наконец действительное правосудие царило в России".

В милостивом манифесте от 14 ноября все подданные Ваши с упованием усмотрели, что Ваше императорское величество "полагаете правосудие основою народного благоденствия".

В словах этих почерпаем мы смелость утруждать внимание Вашего императорского величества своей всеподданнейшей просьбою.

Государь! В составе Ваших подданных есть целая профессия, стоящая вне правосудия, это профессия литературная. Мы, писатели, или совсем лишены возможности путем печати служить своему отечеству, как нам велит совесть и долг, или же, вне законного обвинения и законной защиты, без следствия и суда, претерпеваем кары, доходящие даже до прекращения целых изданий. Простыми распоряжениями администрации изъемлются из круга печатного обсуждения вопросы нашей общественной жизни, наиболее нуждающиеся в правильном и всестороннем освещении; простыми распоряжениями администрации изъемлются из публичных библиотек и кабинетов для чтения книги, вообще цензурою не запрещенные и находящиеся в продаже.

Весь образованный мир признает уже великое значение русской литературы. Благоволите же, государь, принять ее под сень закона, дабы ему лишь подчиненное и от непосредственного воз-

действия цензуры, светской и духовной, им же огражденное русское печатное слово могло в меру своих сил послужить славе, величию и благоденствию России.

Вашего императорского величества
верноподданные

8 января 1895 г.

Среди подписавших петицию петербургских и московских литераторов, помимо Лескова,— М.Н.Альбов, С.А.Андреевский, М.А.Антонович, К.Д.Бальмонт, П.И.Вейнберг, С.А.Венгеров, В.А.Гольцев, Д.В.Григорович, В.М.Лавров, Н.А.Лейкин, Д.Н.Мамин-Сибиряк, М.О.Меньшиков, Н.К.Михайловский, Д.Л.Мордовцев, А.М.Хирьяков, А.П.Чехов, С.Н.Шубинский и др. В архиве М.О.Гершензона сохранился список подписавших петицию московских литераторов не в алфавитном порядке (как у Вл.Бурцева), но в порядке подписания: здесь первой идет подпись Чехова (*РГАЛИ*. Ф. 130. Оп. 1. Ед.хр. 173).

ЛЕСКОВ В ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ

ЛЕСКОВ В АНГЛИИ И АМЕРИКЕ

Обзор Вильяма Эджертона (США)

Знакомство с русской литературой в Соединенных Штатах и в Англии, как и вообще в Европе, происходило через посредство Франции и Германии. Вина за то, что Лесков так поздно был узнан англичанами, лежит на французских и немецких источниках сведений о русской литературе, Лескова почти не упоминавших. В истории русской литературы Селеста Курьера, появившейся в Париже в 1875 г. и переизданной в 1886 г., Лескову уделено было неполных семь строк, причем он фигурировал только под псевдонимом "Стебницкий" и упоминался лишь его ранний роман "Некуда"[1]. Автор еще более поверхностной истории русской литературы, вышедшей в Париже в 1886 г., Леон Сишле, расправился с Лесковым в трех строках. Он также называет его Стебницким и сообщает, что это писатель, известный своим романом "Некуда", в котором рассказывается история двух молодых нигилистов, девушки и юноши[2]. В труде Эрнеста Дюпюи "Мастера русской литературы" (Париж, 1885), как и в "Русском романе" Эжена Мельхиора де Вогюэ (Париж, 1886), переведенных на английский язык через год после их выхода во Франции, имя Лескова вообще не упоминалось[3]. В 1886 г. в Лейпциге вышла "История русской литературы", написанная русским немцем Александром фон Ренхольдтом и оцененная А.Н.Пыпиным как "самая серьезная работа по истории русской литературы, какая только являлась до сих пор вне России"[4]. Однако в этой книге объемом более 700 страниц о Лескове сказано лишь следующее: «Н.Лесков (псевдоним Стебницкий) с большим талантом изобразил типы русского духовенства в своих "Соборянах" (протопоп Туберозов), "Владычном суде", "Некрещеном попе" и других рассказах и очерках» (С. 708). В широко переводившейся книге князя Петра Алексеевича Кропоткина "Идеалы и действительность в русской литературе" (Лондон, 1905) [5], выросшей из цикла лекций, прочитанных им в 1901 г. в Бостоне, говорится о ста с лишним русских писателях; почти шесть страниц уделены там Ф.М.Решетникову, две с половиной А.И.Левитову, по полстраницы А.А.Потехину и С.Каронину (Н.Е.Петропавловскому), о Лескове же нет ни слова. В 1902—1903 гг. в Нью-Йорке и Лондоне вышла большая двухтомная антология русской литературы, перевод текстов на английский язык был исполнен Лео Уинером, в 1896 г. возглавившим первую в Соединенных Штатах (в Гарвардском университете) кафедру славянских языков и литератур. Из писателей XIX в. там было представлено более пятидесяти, в том числе и такие малоизвестные, как Левитов, Н.Н.Златовратский и И.Н.Потапенко, но о Лескове не было ни единого слова[6].

В 1900 г. в Нью-Йорке появилось первое на английском языке сочинение, где сообщались ценные сведения о Лескове. Это был английский перевод истории русской литературы, написанной на французском языке Кази-

миром Валишевским (1849–1956), польским историком, жившим с 1884 г. во Франции[7]. Эта книга содержит материал, подтверждающий характеристику Лескова как "писателя, почти неизвестного иностранным читателям, хотя он заслуживает лучшего" Валишевский уважительно сравнивает сатирические произведения Лескова, в частности "Смех и горе", с произведениями Н.В.Гоголя и М.Е.Салтыкова-Щедрина; рассматривает параллели между поздними взглядами Лескова и Толстого, указывая на различия в их отношении к науке; отмечает, что рассказ Лескова "На краю света" предвосхищает тему появившегося спустя двадцать лет рассказа Толстого "Хозяин и работник" Валишевский пишет о массе публицистических сочинений Лескова по социальным, политическим и религиозным вопросам, рассматривает широкую тематику его беллетристики, упоминая ранние романы "Некуда" и "Островитяне", повести "Леди Макбет Мценского уезда" и "Очарованный странник" (героя этой повести он называет "своеобразным российским Жиль Блазом"), знаменитых "Соборян", легенды первых веков христианства "Гора" и "Прекрасная Аза", а также рассказ "Шерамур", представляемый читателям как образец юмористического таланта Лескова.

Первая непереводная работа о Лескове на английском языке принадлежит Изабел Хэпгуд (1850–1928) и включена в обзор русской литературы, напечатанный ею в Нью-Йорке в 1902 г.[8]. Изабел Хэпгуд была среди первых из крупных американских переводчиков русской литературы. Ее замечательные лингвистические способности проявились уже в юности. Известно, что она владела помимо русского языка французским, немецким, испанским, португальским, итальянским и скандинавскими[9]. Ее переводы с русского включают произведения Гоголя, Горького, Достоевского, Софьи Ковалевской, Лескова, С.Найденова, Л.Н.Толстого и Чехова, а также 16-томное собрание сочинений Тургенева. В конце 1880-х годов она провела два года в России и в это время несколько раз гостила у Толстого и в московском доме, и в Ясной Поляне. В крупнейших американских журналах она напечатала много статей о русской жизни и многие из них включила затем в свою книгу "Russian Rambles" ("Странствия по России"), изданную в 1895 г. в Бостоне и Нью-Йорке. Ее статьи значительно способствовали устранению старых выдумок о русских людях, давали гораздо более реалистическое и сочувственное представление о них.

Рассказ о жизни и творчестве Лескова в ее книге о русской литературе опирается отчасти на книгу А.М.Скабичевского[10], но в своей оценке и истолковании Лескова она проявляет самостоятельность, выходя далеко за пределы обозрения Скабичевского, который ограничился лишь романами "Некуда" и "На ножах", и тем, что он неверно называл "архиерейскими мелодиями" Изабел Хэпгуд высоко оценила хронику "Соборяне", с ее "сочувственными и живыми образами" Туберозова и Ахиллы, а также рассказы "Запечатленный Ангел" и "На краю света", вызвавшие, по ее утверждению, восхищение Толстого.

В Лондоне в 1913 г. появился английский перевод рассказа "Запечатленный Ангел" И выбор произведения, и обстоятельства подготовки издания перевода поражают. "Запечатленный Ангел", давно к тому времени признанный русскими читателями шедевр Лескова, посвящен малоизвестной за рубежами России теме — преследованию староверов правительством России. Написанный особым стилем, этот рассказ представляет для переводчиков непреодолимые трудности. Перевод вошел в книгу, озаглавленную "Russian Sketches, Chiefly of Peasant Life" ("Эскизы русской жизни, главным образом крестьянской"), куда вошли произведения Григоровича, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и А.К.Толстого. Переводчицей была Биатрикс Люся Эджер-

тон Толмаш (Beatrix Lucia Egerton Tollemache, 1840—1926), высокообразованная английская аристократка, владевшая рядом иностранных языков[11]. Ей принадлежат также оригинальные поэтические произведения, переводы античной (греческой и латинской) поэзии, статьи, написанные в сотрудничестве с мужем, пэром Лайонелем Толмашом. В некрологе, помещенном в газете "Таймс", говорилось, что русский язык она изучила, когда ей было уже за 70[12]. Как она изучала русский язык, что вызвало ее интерес к русской литературе, остается неизвестным. Догадываться об этом можно только по ее собственному вступлению к книге переводов и по предисловию к этой книге, написанному Надеждой Жаринцовой, русской женщиной, к тому времени прожившей в Англии уже десять лет, а впоследствии получившей известность в англоязычном мире за свои книги "Россия, страна крайностей" (Лондон, 1914) и "Русские и их язык" (Оксфорд, 1916)[13]. В своем предисловии Жаринцова слагает панегирик и "Запечатленному Ангелу" Лескова, "этой жемчужине среди повестей", и Биатрикс Толмаш, кроме которой она встретила в Англии за десять лет пребывания там лишь одного человека, способного воспринять и передать "силу, пафос, поразительную изобразительность, своеобразный юмор и те тончайшие оттенки света и тени, которые придают русской литературе ее неповторимое очарование"[14]. Сама же Биатрикс Толмаш завершает свое вступление словами: "Я особенно благодарна г-же Жаринцовой за любезную помощь в моей работе"[15]. Представляется вероятным, что русскому языку она училась у Жаринцовой.

Перевод "Запечатленного Ангела" не свободен от ошибок — так, фамилию писателя Толмаш транслитерирует почему-то "Лисков", — но выполнен перевод живым идиоматичным английским языком и читается легко и приятно, хотя и не передает своеобразия лесковского сказа. Критики хорошо отзывались о книге, и через год "Эскизы русской жизни" были переизданы. В анонимной, но явно написанной человеком, знакомым с русским языком, рецензии в журнале "Атенеум" особенной похвалы удостоилось «самое длинное и лучшее из вошедших в книгу произведений — "Запечатленный Ангел"»[16]. Автор рецензии в английском журнале "Нейшн"[17] сосредоточил внимание на выявляемом в книге значении русского крестьянства. Он писал: «В "Запечатленном Ангеле" Лескова лучше всего ощущается исторический дух русского крестьянина, сумевшего с необыкновенным достоинством вынести столько веков гнета и рабства». Чрезвычайно хвалебная рецензия в журнале "Современное обозрение" также особо выделяет "Запечатленного Ангела"[18]. Критик пишет: «Г-жа Лайонель Толмаш замечательно потрудилась, используя свою редкостную осведомленность в английской и русской литературе, чтобы сделать доступными английским читателям некоторые из великолепных безмятежных произведений Н.С.Лескова и Дмитрия Григоровича. <...> Г-жа Толмаш с поразительным искусством сумела убрать все следы шероховатости перевода <...> Рассказ Лескова "Запечатленный Ангел" <...> мог бы принадлежать Чосеру. Он написан совершенно в духе и манере Чосера, так что мы можем себе представить, как при чтении знаменитого "Пролога", людей, бродящих по России. Это предельно жизненно». Рецензия завершается следующим размышлением: "Эти и другие рассказы дают читателю представление не только о таинственности и беспредельности России, но и о ее основах, о тех глубинных элементах духа и мысли, на которые опирается ее структура. Россия обладает огромными возможностями для достижения блага и праведности, которые могут осуществиться, если правители ее будут разумны, миролюбивы и терпеливы"

Первым основательно представил английскому читателю Россию и русскую литературу одаренный поэт и литературовед Морис Беринг (1874—

1945), о котором Корней Чуковский сказал: “один из самых обаятельных людей, каких я когда-либо встречал”. Чуковский познакомился с Берингом во время первой мировой войны, в 1916 г., когда англичанин был начальником боевой эскадрильи на бельгийском фронте. «Было странно слушать, — писал Чуковский, — как в бельгийской деревушке английский офицер с большим увлечением декламирует на русском языке стихотворение Фета “Ель рукавом мне тропинку завесила”»[19]. Беринг изучил русский язык, прожив несколько лет в Российской империи, сначала в Маньчжурии во время русско-японской войны, а потом в Петербурге. Плодом его знакомства с Россией стали шесть увлекательных книг, раскрывающих англичанам русских и русскую культуру. Одна из этих книг была переведена на русский и издана в Москве в 1913 г.[20]

Морис Беринг высоко ценил русскую литературу вообще, а Лескова особенно. В своем “Очерке русской литературы”, вышедшем в Лондоне в 1914–1915 гг., он писал: «Не существует переводов Салтыкова, величайшего из русских сатириков; нет полного перевода Лескова, одного из величайших русских прозаиков <...> Лесков дополняет Салтыкова <...> Характер его творчества, восприятие его произведений читающей публикой, с одной стороны, и профессиональной критикой, с другой, — это один из самых удивительных уроков истории русской литературы и русской литературной критики. Лесков давно уже признан образованной Россией как писатель первого ряда; лучшее из написанного им, — а написано им очень много и не все на одном уровне, — безусловно, относится к подлинной классике; он стоит вместе с Гоголем, Салтыковым и первоклассными прозаиками. Образованная Россия прекрасно знает это. Никто не оспаривает места Лескова в литературе, никто не отрицает его высочайший художественный талант, юмор, живую яркость изображения, сатиричность, глубину чувства, богатство фантазии. И несмотря на все это, ни один русский писатель так жестоко не пострадал от дидактизма и тенденциозных наскоков русской критики <...> Вся Россия читала его, а литературная критика игнорировала <...> Подобно Салтыкову, Лесков видел, что творится в России; с глубокой проницательностью и острой наблюдательностью он сознавал пороки старого строя; подобно Салтыкову, он был полон возмущения и, может быть, даже больше, чем Салтыков, жалости. Но тогда как творчество Салтыкова было чисто разрушительным <...> Лесков начинает там, где Салтыков кончает. Старый строй вызывает у него, как у Салтыкова и как прежде у Гоголя, смех, нередко горький, над нелепостями прежнего режима и его последствиями, но он не ограничивается разрушительной иронией и резкой сатирой. Лесков, как и другой писатель той же эпохи, обладавший первоклассным талантом, Писемский, был в числе первых русских прозаиков <...> нашедших в себе мужество критиковать реформаторов, людей нового времени; притом критика его была не только негативной, но творческой; он понимал, что “реформировать надо все целиком” <...> Творческий, а не отрицательный характер его критики либералов состоял в том, что он не ограничивался указанием их слабостей и ошибочного направления, но старался указать им правильный путь. Такому же остракизму подвергался и Достоевский. Страдал от него и Тургенев, но гениальность Достоевского и талант Тургенева преодолевали всякие рубежи и границы. Европа принимала и прославляла их. Критика Лескова была более локальной и, хотя остракизм был не в силах помешать популярности его произведений в России, известности его в Западной Европе он какое-то время препятствовал. Теперь этот барьер преодолен. Один из шедевров Лескова, “Запечатленный Ангел”, недавно был переведен на английский язык. Надо только понимать, что Лесков один из самых трудных

для перевода писателей, потому что он в высочайшей степени национален»[21].

Насколько известно, до 1920-х годов на английский были переведены еще только два произведения Лескова. В 1915 г. в английском журнале “Россия двадцатого столетия” появился “Чертогон”[22]. В 1916 г. в приватном порядке (всего 300 пронумерованных экземпляров) был издан в переводе Изабел Хэпгуд рассказ “Левша”[23]. Видно, что И.Хэпгуд понимает и ценит блестящую словесную акробатику Лескова в этой вещи, но приходится признать, что ее усилия передать англоязычной публике эффект лесковского стиля не увенчались успехом. Напечатанный малым тиражом лишь для немногих, перевод не привлек внимания ни литературной критики, ни читающей публики и остался библиографической редкостью.

В 1920 г. в Нью-Йорке появилось четырехтомное собрание “Маленьких шедевров русской литературы” в переводе Зинаиды Рагозиной (1835—1924) с введением и биографическими примечаниями Сергея Николаевича Сыромятникова (1864—1934)[24]. Это любопытное собрание содержит извлечения из самых различных русских писателей, от Пушкина, Достоевского и Толстого до второстепенных, например, Случевского и Станюковича; вошли туда и польские писатели: Зыгмунт Недзьвецкий (1865—1915) и Игнац Домбровский (1869—1932). В третьем томе помещены четыре произведения Лескова (ошибочно названного Николаем *Степановичем*!): “Дурачок”, “Жемчужное ожерелье”, “Зверь” (в переводе — “Друзья”) и первая часть хроники “Старые годы в селе Плодомасове” под заглавием “Из старой хроники”.

Отзывы немногих критиков, обративших внимание на сборник, были положительными. Так, Натан Хаскел Доул, один из первых переводчиков Толстого, писал о переводах Рагозиной: “Представленные ею произведения свежи, оригинальны, исполнены драматических событий. Это собрание одно из самых интересных, какие появились на свет. Переводы Рагозиной точны и читаются легко, она прекрасно владеет английским стилем”[25]. Хорошим примером стилистических достижений Рагозиной может служить ее перевод хроники “Старые годы в селе Плодомасове” При всех погрешностях, он поразительно удачно передает старомодный мелодраматический стиль русского оригинала.

В первой половине двадцатых годов и в Англии, и в Соединенных Штатах вспыхнул интерес к Лескову. Причины этого интереса сложны, объяснить их непросто. В какой-то степени, разумеется, это следствие возросшего интереса к России, к событиям Первой мировой войны и двух революций 1917 года. Также, бесспорно, сказалось и растущее влияние таких хорошо понимающих Россию английских и американских писателей, как Морис Беринг, и новой волны талантливых интеллигентов, эмигрировавших из России, которые стимулировали и обогащали культурную жизнь ведущих западноевропейских стран и до 1917 г., и после него. Из трудов, способствовавших, можно думать, росту интереса к Лескову, следует назвать “Руководство по русской литературе (1820—1917)” М.И.Ольгина (1878—1939), вышедшее в Америке в 1920 г., а в Англии в 1921 г.[26]. Ольгин родился под Киевом, деятельно участвовал в еврейском социалистическом Бунде, пока не эмигрировал в 1914 г. в Нью-Йорк, где он помог основать коммунистическую газету на идиш “Freiheit” (“Свобода”), редактором которой был вплоть до смерти. Начиная с 1932 г. он был также нью-йоркским корреспондентом “Правды” Глава о Лескове в его “Руководстве...” построена в основном на материале разных работ литературных критиков, причем в ней приводятся как отрицательные оценки А.И.Богдановича и А.М.Скабичевского, так и положительные мнения Н.О.Лернера и С.А.Венгерова. При этом автор не делает разли-

чия между отношением к Лескову литературных критиков и русских читателей.

Растущий интерес к Лескову среди англо-американских читателей был в какой-то степени обусловлен большой популярностью его произведений в Германии, что объяснялось появлением в 1923 г. трехтомного, а в 1925–1927 гг. десятитомного собрания его сочинений; оба они были составлены и в значительной части переведены прибалтийским переводчиком русских авторов, близким к русским поэтам-символистам, Иоганном фон Гюнтером (1886–1973)[27]. В то время Томас Манн регулярно печатал в нью-йоркском журнале "The Dial" "Письма из Германии" В одном из "Писем" 1923 г. Томас Манн рассказывал: «Один из моих друзей сообщил мне, что, посетив недавно в Париже Андре Жида, застал французского писателя погруженным в большое немецкое издание полного собрания сочинений Достоевского — потому что на французском языке такого издания нет. Но пока французы открыли Достоевского на немецком языке, мы уже издали Николая Лескова, современника автора "Братьев Карамазовых", долго остававшегося незамеченным в его тени. Но теперь он признан и как рассказчик Божьей милостью, одаренный редкой художественной силой и, по умению выразить душу русского народа, вполне равный тому, кто нашел его рассказ "Запечатленный Ангел" достойным подробного рассмотрения в "Дневнике писателя" Мы просто пожираем Лескова. В современной Европе некому сравниться с его огромным талантом повествователя»[28].

В 1922–1924 гг. на английском языке появились три книги Лескова. Сборник, включавший четыре произведения ("Человек на часах", "Леди Макбет Мценского уезда", "Тупейный художник" и "На краю света") в переводе Элфреда Эдуарда Шамо (1855–?) вышел в Лондоне в 1922 г., а в Нью-Йорке в 1923 г. с вводной статьей критика Эдуарда Гарнетта (мужа известной английской переводчицы русской литературы Констанции Гарнетт)[29]. Статья Гарнетта включает перевод биографического очерка Р.И.Сементковского, содержащего гораздо больше сведений (к сожалению, частью неверных) о жизни Лескова, чем было в предыдущих сообщениях о Лескове в англоязычной печати. Гарнетт говорит о сборнике, предваряемом его статьей, как о "первом переводе произведений Лескова на английский язык", и рецензенты вторили ему; значит, предшествовавшие переводы Биатрикс Толмаш и З.Рагозиной, несмотря на хорошие отзывы печати, прошли незамеченными. В 1924 г. в Нью-Йорке вышли "Соборяне" в переводе Изабел Хэпгуд[30] и "Очарованный странник" в переводе А.Г.Пашкова с вступительной статьей Горького, подготовленной специально для этого издания[31]. Отзывы критики на эти три книги были в основном положительными и в Англии и в Америке, но содержали некоторые противоречия. Большинство рецензентов русского языка не знали, а Россией интересовались, не имея о ней определенных представлений. Они приветствовали возможность познакомиться с творчеством Лескова, понимая, что это большой русский писатель, остававшийся неизвестным на Западе. Но в содержании трех переведенных книг многое их смущало, причем они не всегда умели разобраться, виноваты ли в этом переводчики, или у читателя недостаточно знаний о русском быте. На всех рецензентов произвели тяжелое впечатление картины угнетения, жестокости и несправедливости, но в оценках художественного качества рассказов и повестей они резко расходились.

Сотрудник журнала "Нейшн" писал о переводе Шамо: "Входящие в этот том четыре повести стоят в одном ряду с лучшими произведениями Чехова и Тургенева, а переведены на английский язык много лучше. А.Шамо сумел прекрасно передать эти вещи. Его перевод четок и ясен, написан хорошим

английским языком и вдобавок содержит привкус русского"[32]. Критик же Аллен У.Портерфильд в другом американском журнале "The Bookman" ("Книжник") отозвался о переводе Шамо отрицательно[33], а рецензент нью-йоркской газеты написал: "Составляющие этот том четыре рассказа переведены так неудачно, что навряд ли их пропустили бы даже при первоначальном просмотре в редакции современного журнала"[34].

Реакция на "Соборян" и в Англии, и в Америке была еще более противоречива. С одной стороны, газета "The New York Times" писала: «Этот шедевр Лескова до сих пор не переводился на английский язык, хотя появился в свет еще в 1872 г. и приобрел огромную популярность среди русской публики. "Соборяне" дают тщательно документированную картину жизни духовенства в старой России, главные действующие лица там три представителя православной церкви: протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и Ахилла Десницын. Может показаться, что такое произведение имеет лишь ограниченный интерес, но это вовсе не так. Наоборот, оно чрезвычайно широко и разносторонне, потому что эти три духовных лица отнюдь не колышки, на которые цепляются картинки церковной жизни, а полные жизни, деятельно движущиеся человеческие существа, причем двое из них, протоиерей и дьякон, совершенно поразительные характеры, вызывающие симпатию и самые добрые чувства у читателя, с волнением следящего за их бедами и злоключениями, даже если ему не слишком понятны трения внутри русской православной церкви <...> Многие сцены "Соборян" высоко комедийны, насмешливость и уморительная потешность Лескова чрезвычайно увлекательны. Книгу эту надо читать не второпях, а медленно, на досуге, чтобы как следует воспринять все ее разнообразные интересные стороны»[35]. Столь же положительной была рецензия в газете "Boston Transcript": "Хотя речь тут идет о духовенстве и русском православии, увлекательность книги не знает пределов, всякий найдет на ее страницах интересное для себя. Там очень много юмора, там есть интересные описания, и политические интриги, и сельская жизнь. А сверх всего там реет злобное дыхание насилия и злодейской власти. Это очень сильное и выразительное изображение малоизвестной стороны прежней России"[36]. С другой стороны, один английский критик назвал "Соборян" "длинной и путаной историей жизни в русском провинциальном городе, такой длинной, что <...> не сумел дочитать ее до конца" В рецензии утверждалось, что лишь страстно увлеченные Россией люди могут считать эту вещь достойной чтения, причем критик добавлял, что его неприязнь, возможно, вызвана неудовлетворительным переводом[37]. Рецензент лондонского "Книжника" также холодно отозвался о "Соборянах", назвав их "запутанной историей, да еще со множеством действующих лиц, эксцентричных, какими являются, как кажется, в большинстве рядовые русские люди" Этот критик, не знавший, что русские кроме имени пользуются в обращении и отчеством, еще жалуется на "совершенно сбивающую с толку русскую манеру называть человека то по фамилии, то по имени"[38]. В другом лондонском журнале "The Spectator" ("Зритель") критиковалось построение "Соборян", воспринятое рецензентом как беспомощное и особенно "неоправданное и необоснованное" в эпизоде с Термосесовым. Он признавал, правда, что "отдельные сцены прекрасны и два главных персонажа (Туберозов и Ахилла) хорошо выдержаны", но находил, что многочисленные примеры глупости Ахиллы в конце концов наводят на читателя скуку[39]. Многие рецензенты выражали недовольство переводом Изабел Хэпгуд, хотя почти никто из них русского языка не знал, а следовательно, и не имел представления о том, как трудно переводчику передать стилизованный язык Лескова.

"Очарованный странник" привел в восторг всех критиков. Один писал: «Хотите великолепный приключенческий рассказ, задуманный самым пылким воображением, или чудесное воплощение народа, так читайте "Очарованный странник". Лесков одарен библейским талантом говорить притчами, к счастью, до смысла его учения добраться нелегко»[40]. Другой рассуждал: «"Очарованный странник" — это патетическая комедия. Сам Голован покрупнее и попроще, чем обыкновенный человек. Это символ блужданий человека и его рыцарства. Гротескность его приключений и бедствий создает впечатление старинной сказки, легенды или эпического сказания. Дочитав книгу, мы видим, что Голован выступает за ее рамки и остается живым. Мы не можем забыть его простоты, скромной преданности, его юмора; мы смеемся над ним, а мужество его придает нам бодрости. Трудно в нескольких словах описать очарование этой вещи, но мы чувствуем это очарование и осознаем его как специфически русское"[41]. Многие рецензенты цитировали вступительную статью Максима Горького к "Очарованному страннику". Так, автор статьи, опубликованной в "The New York Times" под заглавием "Русский Дон-Кихот", писал: «В своем кратком предисловии к "Очарованному страннику" Николая Лескова Максим Горький утверждает: "Как художник, Лесков, безусловно, заслуживает место на одном уровне с такими мастерами русской литературы, как Толстой, Гоголь, Тургенев и Гончаров" На такое утверждение перевод "Запечатленного Ангела", пожалуй, не дает права, но следует помнить, что Лесков еще мало известен в переводах. В прошлом году появился перевод его длинного романа "Соборяне", глубокого и сложного изображения религиозной жизни в России, познакомившего нас с другой стороной его таланта. В целом Лесков, безусловно, внушительная фигура, это писатель, глубоко понимающий жизнь <...> Странник, чье прозвище дало название повести Лескова <...> своенравен и причудлив, и его гротескность, а также его несчастья, создаваемые обстоятельствами и оборачивающиеся фантастическими явлениями, делают из него своеобразного мифологического героя, разновидность Дон-Кихота, не имеющего цели и добродушного. Лесков ведет рассказ о судьбе <...> Голована от первого лица, и это поразительно соответствует теме произведения. На поверхности это комедия. Но в глубине повести живет и движется всё пронизывающий символический смысл. Вся вещь в целом полна обаяния, местами печальна; такую улыбчивую печаль творит только подлинное искусство»[42].

Вступительная статья Горького, предварявшая американское издание "Очарованного странника", была впервые опубликована в Берлине как введение к первому тому русского издания: "Н.С.Лесков. Избранные сочинения в трех томах. Издание З.Гржебина. 1923" Передавая свою статью в американское издание "Очарованного странника", Горький пополнил ее одним абзацем[43].

Здесь следует кратко упомянуть еще один перевод — не потому, что перевод представляет интерес — он очень слаб, но потому, что он появился в заслуживающем серьезного внимания журнале. Дидактический и сентиментальный рождественский рассказ "Неразменный рубль", опубликованный Лесковым в 1883 г. в журнале "Задушевное слово", появился в неполном английском переводе в 1924 г. в американском журнале "Our World" ("Наш мир")[44]. Журнал этот был основан в 1922 г. с целью укрепления мира и взаимопонимания между всеми народами. С начала 1928 г. каждый ежемесячный выпуск журнала включал особый раздел "Мировая беллетристика", в котором помещались рассказы, переведенные с самых различных языков, в том числе болгарского, венгерского, датского, итальянского, испанского, латышского, норвежского, португальского, русского, румынского, сербского,

словацкого, французского, шведского. Каждый рассказ предварялся кратким вступительным сообщением о его авторе. Вот что сказано там во вступительной заметке о Лескове: «Автор этого рассказа стоит в одном ряду с такими великими русскими писателями, как Гончаров, Толстой, Тургенев, Салтыков и Достоевский. Он родился в губернии Орлов (sic!) в 1831 г., умер в 1895 г. Сначала он был государственным чиновником, писать начал сравнительно поздно, уже в тридцать лет. Его творчество имеет чисто русский характер, хотя он побывал во Франции и в Германии. Среди самых известных его произведений надо назвать "Соборян" и "Запечатленного Ангела"; в том и другом действие происходит в среде духовенства, которую Лесков изображал с непревзойденным мастерством».

Названные три книги переводов Лескова подготовили англо-американских читателей к пониманию и оценке двух прекрасных работ о Лескове. В 1926—1927 гг. князь Дмитрий Петрович Мирский (1890—1931), в английской печати называемый Дмитрий Святополк-Мирский, издал в Лондоне двухтомную историю русской литературы, которая стала самой известной и самой капитальной историей русской дореволюционной литературы в англоязычном мире[45].

Литературные взгляды Мирского были принципиальны и независимы, выражал он их ясно и убедительно таким прекрасным английским языком, что читать его — наслаждение; литературный вкус его настолько безукоризнен, что почти все его суждения о русских писателях и их произведениях выдержали проверку временем. В предисловии к своей книге он прямо заявлял, что "английская и американская интеллигенция отстала примерно на двадцать лет в своей оценке русских писателей" и что он придает в своей книге большое значение Лескову и некоторым другим писателям (в том числе Леонтьеву, Розанову, Белому и Ремизову), отнюдь не стремясь к оригинальности, но отражая "уже общепринятые мнения русской литературной критики"[46]. В большом разделе о Лескове Мирский писал: «Успех его среди читателей был значителен, но критика продолжала игнорировать его. Даже теперь, когда его место среди классиков установилось бесспорно, когда его знают лучше и читают гораздо больше, чем, скажем, Гончарова или Писемского, он остается не признанным "официально" и не получил постоянного места в учебниках. Лесков представляет поразительный пример неумения русской критики исполнять свой долг. Репутацию ему составили читатели в противность критике»[47].

Десять страниц, посвященных Лескову в книге Мирского, хотя и содержат несколько ошибок в биографических данных[48], остаются до сих пор среди лучших на английском языке кратких истолкований литературного значения этого писателя. Завершающий абзац звучит так: «Лесков, несмотря на восхищение некоторых английских критиков, таких как мистер Беринг, до сих пор не занял еще подобающего места в сознании англоязычных читателей. В последние три года появилось два тома переводов его произведений («"Человек на часах" и другие рассказы» в переводе А.Е.Шамо и "Соборяне" в переводе Изабел Хэпгуд), но они не привлекли особого внимания (еще хуже, видимо, запомнился перевод "Очарованного странника", раз сам Мирский не упомянул его здесь.— *В.Э.*). Причина этого в значительной степени лежит в несовершенстве переводов. Не самым удачным является и выбор рассказов, представляющий лишь мрачную и серьезную сторону творчества Лескова и оставляющий в стороне его юмористический дар. Но есть и другая, более глубокая причина: англосаксонские читатели уже решили, чего им можно ожидать от русского писателя, а Лесков этому представлению не отвечает. Но те, кто действительно хочет узнать побольше о России, должны

будут рано или поздно понять, что Россия не сводится к тому, что дают Достоевский и Чехов, и желающие что-то узнать должны прежде всего освободиться от предрассудков и остерегаться поспешных обобщений. Тогда они, может быть, сумеют приблизиться к Лескову, признаваемому вообще русскими за самого русского из русских писателей, обладающего глубочайшим и широчайшим знанием русского народа; и он на самом деле таков»[49].

В 1931 г. в литературном приложении к лондонской газете "Таймс" появилась большая статья по случаю столетия со дня рождения Лескова. Фактические данные этой статьи взяты из главы о Лескове в книге Мирского, а также из докторской диссертации о Лескове Петра Евграфовича Ковалевского, опубликованной в Париже в 1925 г. (о чем свидетельствуют некоторые параллели и мелкие фактические ошибки)[50], но, несмотря на эти огрехи, статья прекрасная, в ней с глубоким пониманием, не хуже, чем у Мирского, оценивается значение творчества Лескова. Анонимный автор статьи сочувственно излагает историю жизни и литературной деятельности Лескова, подробно рассматривает важнейшие его произведения, особенно такие как "Соборяне", "Очарованный странник", "Запечатленный Ангел", "На краю света" и "Левша", и завершает утверждением: "Лесков обладал редчайшим творческим талантом, не уступающим почти никому из русских писателей. Надо глубже понять его дар выдумки и правильнее оценить его понимание русского народа. Более основательное знакомство с ним может исправить распространенные за пределами России суждения о русской литературе"[51].

После этой юбилейной статьи в печати Англии и Америки почти не встречается упоминаний о Лескове до 1940-х годов, когда сразу появилось полдесятка переводов. В 1943 г. вышел иллюстрированный пересказ для детей "Левши", получивший хорошую оценку критиков, явно не догадывавшихся, сколько смысла и духа оригинала было утрачено при адаптации[52].

В 1944 г. Р.Норман выпустил в Лондоне небольшой сборник, включивший восемь рассказов Лескова, за исключением одного раньше не переводившихся на английский язык. Это были "Овцебык", "Котин доилец и Платонида", "Дух госпожи Жанлис", "Язвительный", "Пламенная патриотка", "Штопальщик", "Чертогон" и "Александрит"[53]. Подзаголовок тома гласил: "Рассказы Н.С.Лескова. Том I", но, к сожалению, в свет вышел только этот том. В 1946 г. Давид Магаршак, родившийся в 1899 г. в России, но получивший образование в Англии, выпустил первый сборник своих переводов Лескова. Туда вошли два произведения, ранее не переводившиеся ("Железная воля" и "Несмертельный Голован"), а также новые переводы "Очарованного странника", "Тупейного художника" и "Левши"[54]. Спустя три года Магаршак издал второй том, составленный целиком из никогда прежде не переводившихся вещей: "Воительница", "Маленькая ошибка" и "Заячий ремиз" (для передачи последнего заглавия он нашел неточный, но великолепно подходящий ассоциативно-смысловой вариант "The March Hare" ("Мартовский заяц"), сразу приводящий на ум англо-американским читателям известнейшую "Алису в Зазеркалье" Льюиса Кэррола[55].

Третий сборник переводов Магаршака вышел в 1961 г. и включал новые переводы "Леди Макбет Мценского уезда" и "Человека на часах", слегка исправленные его собственные переводы "Очарованного странника" и "Левши" и ранее не появлявшийся на английском языке рассказ "Белый орел"[56].

Как большинство переводчиков Лескова, Магаршак не пытался образовать английские эквиваленты лесковских "словечек", его комических искажений русских и иностранных слов, вроде *мелкоскопа, клеветона* и *буреметра* в "Левше" Однако в том же году, когда вышел первый его сборник, дру-

гой английский переводчик, Уолтер Морисон, сделал смелую попытку перевести непереводимое в "Левше"[57]. Не все ему удалось, но все же он сумел создать несколько поистине замечательных английских эквивалентов лесковских словечек.

Первая серьезная попытка перевести Лескова так, чтобы передавать не только буквальный смысл его слов, но и эстетический эффект его лексических искажений, была сделана Вильямом Эджертоном, выпустившим в 1969 г. сборник, куда вошли 18 сатирических рассказов Лескова в его переводе (лишь один был переведен целиком Хью Маклейном и один им совместно с Эджертоном)[58]. Из всех этих рассказов прежде переводился на английский язык только "Левша" Можно привести один из положительных отзывов критики: "Лесков, один из величайших рассказчиков всех времен, писатель, чей широкий размах и блестящая игра словами создают непревзойденные литературные картины России девятнадцатого века, существовал до сих пор лишь в беспомощных нескладных английских переводах. Рассказы Лескова живы диалогом, разговорами персонажей между собой и своеобразной речью самого автора. Такие переводчики, как Магаршак, не владеющие свободно плавной английской речью и не умеющие различать речевые ритмы, мешали воспринимать Лескова людям, не читающим по-русски. Ныне профессор русского языка в университете штата Индиана, Вильям Эджертон, дает нам понятного, живого, остроумного, точно и забавно воспроизведенного Лескова, трудного и чудесного писателя, которого русские читатели знают и любят уже много лет. Разумеется, можно сказать, что эта книга лучше всех других переводов Лескова, но она настолько лучше и содержит столько никогда еще не переводившихся рассказов, что следует назвать ее *единственным* переводом Лескова. Отыскивая не буквальные, но равноценные эквиваленты лесковских словечек, искажений, лексических фокусов, Эджертон сам создал ряд неологизмов, причем так удачно, что переводы его почти равноценны оригиналам"[59].

Особое место в истории восприятия произведений Лескова в англоязычных странах принадлежит романисту и новеллисту, литературному критику В.С.Причету (род. в 1900 г.), большому любителю русской классической литературы вообще и Лескова в особенности. Первая из ряда его статей о Лескове, "A Russian Outsider" ("Посторонний в России"), вошла в его книгу "Живой роман", вышедшую в 1946 г.[60]. В 1960 г. Причет прочитал в Оксфордском университете лекцию о Лескове , которая появилась в печати спустя два года[61], а в 1961 г. написал вводную статью с биографическими и литературоведческими данными для упомянутого выше сборника переводов Магаршака[62]. Биографические данные в работах Причета повторяют ряд старых ошибок, встречающихся почти во всех предшествовавших биографиях Лескова (некоторые из них были порождены сбивающими с толку автобиографическими заметками самого Лескова[63]), но характеристика таких произведений, как "Овцебык", "Леди Макбет Мценского уезда", "На краю света", "Очарованный странник", "Заячий ремиз", "Воительница" и "Левша", выдает уверенную руку критика, одаренного непогрешимым вкусом, глубоким знанием европейской литературы и талантом выражать свои критические суждения в убедительных формулировках. Положительная оценка Причетом места Лескова в европейской литературе уступает только тому, что писали о нем Беринг и Мирский при пробуждении запоздавшего интереса англоязычных читателей к автору "Левши" и "Очарованного странника"

Общепризнано, что серьезное научное изучение Лескова в англоязычном мире началось с работ американских ученых Хью Маклейна и Вильяма Эджертона, появившихся в конце 1940-х годов. Маклейн и Эджертон познако-

мились в 1947 г., будучи аспирантами Колумбийского университета в Нью-Йорке. В 1952 г., когда Маклейн продолжал свои занятия в аспирантуре Гарвардского университета, а Эджертон начал преподавать в университете штата Пенсильвания, они обнаружили, что оба выбрали темой своих докторских диссертаций творчество Лескова. Выбор одной и той же темы исследования привел приятелей не к соперничеству, а к сотрудничеству, взаимной помощи. Эджертон начал переписку с живущим в Париже К.Е.Ковалевским, автором упомянутой выше диссертации о Лескове, и узнал от него, что в доме престарелых под Парижем живет невестка Лескова, первая жена его сына Андрея Николаевича, Ольга Ивановна. Когда Маклейн получил грант от Гарвардского университета для поездки в Западную Европу и изучения имеющихся там неопубликованных лесковских материалов, Эджертон дал ему адреса Ковалевского и Ольги Ивановны Лесковой. Встретившись с ними во Франции, Маклейн получил от Ольги Ивановны адрес внучки Лескова Натальи Дмитриевны Бахаревой, жившей тогда в Аргентине, а также привез с собой фотокопии писем Лескова к Ольге Ивановне и к английскому журналисту Э.Дж.Диллону, лично знавшему Лескова и Толстого. Финансовая помощь Колумбийского университета дала Эджертону возможность связаться с Н.Д.Бахаревой и уговорить ее написать воспоминания о Лескове, которые он передал в архив Колумбийского университета, сняв предварительно копии для себя и Маклейна. Маклейн привез также одолженную ему Ковалевским записную книжку, которая сыграла очень важную роль через ряд лет, когда было выявлено множество писем, адресованных Лескову. История этой записной книжки такова: примерно в 1930 г. Ковалевскому довелось просмотреть более 200 писем к Лескову от 65 корреспондентов, среди которых было немало выдающихся писателей. Письма находились в распоряжении Ковалевского всего два дня, и он успел сделать кое-какие торопливые заметки и выписки в небольшой записной книжечке, — настолько торопливые, что в 1952 г., когда он одолжил эту книжку Маклейну, он уже сам был не в состоянии разобрать некоторые из собственных записей. Письма, возвращенные Ковалевским владельцу, попали впоследствии в известный Русский заграничный архив в Праге.

В 1945 г. чехословацкое правительство передало весь этот архив, едва поместившийся в 15 железнодорожных вагонах, Академии наук СССР. Русский заграничный архив попал в Центральный государственный архив Октябрьской революции, и там собрание писем к Лескову пролежало до 1963 г., когда было передано как представляющее литературный интерес в Центральный государственный архив литературы и искусства. Там Вильям Эджертон, приехавший тогда в Москву в научную командировку (по обмену учеными с Академией наук СССР), начал читать эти письма, справляясь с имевшейся у него фотокопией записной книжки Ковалевского.

Оказалось, что из виденных в 1930 г. Ковалевским писем отсутствует более полусотни, принадлежавших по крайней мере 20 корреспондентам. Все попытки советских архивистов отыскать эти письма в Москве оказались безуспешными, и тогда возникло предположение, что часть первоначального собрания писем могла остаться в Праге при отправлении материалов Русского заграничного архива в Москву либо же была оставлена во Франции, когда эти письма передавались в Русский заграничный архив в Праге.

Возвратившись в Соединенные Штаты, Эджертон опубликовал статью, озаглавленную “Пропавшие письма к Лескову. Нерешенная загадка”, в которой рассказал все, что ему было известно об этом собрании писем, и напечатал извлечения из пропавших писем и заметки о них, которые Ковалевский успел внести в свою записную книжку. Статья заканчивалась обраще-

нием к ученым с просьбой помочь разыскать пропавшие письма[64]. Оттиски этой статьи Эджертон разослал многим коллегам в Советском Союзе, Чехословакии и Франции.

Спустя 4 года, в 1967 г., он получил из Праги письмо от А.В.Флоровского с сообщением, что сотрудница Отдела рукописей Библиотеки им. Ленина В.Г.Зимина только что ездила во Францию за архивом А.А.Кизеветтера, завещенным Библиотеке его дочерью Екатериной Александровной Максимович, и что среди бумаг Кизеветтера Зимина обнаружила некоторые из пропавших писем к Лескову. Эджертон немедленно отправил В.Г.Зиминой оттиск своей статьи, и, руководствуясь этой статьей, она вновь занялась поисками пропавших писем. Через несколько месяцев ей и ее коллегам удалось отыскать их в ЦГАОР среди остатков материалов Русского заграничного архива. Подробное сообщение о пропавших письмах, поисках и обнаружении их опубликовано в 30-м выпуске "Записок Отдела рукописей" Государственной библиотеки им. В.И.Ленина[65].

С начала 1950-х годов Маклейн и Эджертон стали публиковать результаты своих исследований по Лескову. В 1951 г. появилась статья Эджертона, посвященная спорному вопросу о ранних семейных связях Лескова с квакерами. К этой статье был приложен перевод лесковского «Постскриптума к "Юдоли"», озаглавленного «О "квакерах"»[66]. В 1953 г. Эджертон опубликовал статью об отношении Лескова к Толстому и учению Толстого[67], а Маклейн — исследование о Лескове, Иоанне Кронштадтском и происхождении рассказа "Полунощники"[68]. В следующем году Маклейн издал интересный анализ сказа Лескова на материале "Полунощников"[69], а Эджертон завершил свою докторскую диссертацию, в которой история умственных исканий Лескова, его подлинная биография была впервые точно изложена на английском языке, очищена от многочисленных выдумок о его детстве и юности, возникших в результате некритического восприятия русскими и иностранными писателями того, что они считали автобиографическими элементами в беллетристике Лескова. Эта работа опиралась на множество не опубликованных в то время материалов из архивов и частных собраний на Западе, включая и не слишком надежные воспоминания Н.Д.Бахаревой, внучки Лескова, жившей в Аргентине, и значительные мемуары Николая Михайловича Бубнова, историка, бывшего профессора Киевского университета, который в возрасте семи лет сопровождал свою мать Екатерину Степановну Бубнову, оставившую в 1865 г. своего мужа и других троих детей в Киеве и уехавшей в Петербург с Лесковым, чьей гражданской женой она стала[70]. Маклейн завершил в 1956 г. свою докторскую диссертацию "Исследование жизни и творчества Лескова" и опубликовал один раздел ее, включавший письма Лескова к его невестке Ольге Ивановне и к Э.Дж.Диллону[71]. Через год Маклейн издал другой раздел своей диссертации в слегка переработанном виде. Это глубокий сравнительный анализ реальной личности — Артура Бенни, загадочного польско-английского друга Лескова, и образа Бенни в очерке "Загадочный человек"[72].

В 1958 г. на Четвертом международном съезде славистов в Москве Эджертон сделал доклад о связях Лескова с другими славянскими народами и их литературами[73]. В 1965 г. Эджертон опубликовал анализ рассказа Лескова "Отборное зерно", представляющего пародию на "Мертвые души" Гоголя[74]. Через год появилась статья о второй поездке Лескова в 1875 г. в Западную Европу, куда вошли четыре ранее не публиковавшихся письма Лескова к И.С.Гагарину (на русском языке)[75]. Написанная по-русски небольшая работа, текстологическое исследование ранней статьи Лескова "Последняя встреча и последняя разлука с Шевченко", была напечатана в ньюйоркском

“Новом журнале”[76]. В том же году появились две новых работы Маклейна: о первом рассказе Лескова “Засуха”[77] и об одном из шедевров Лескова — рассказе “Запечатленный Ангел”[78]. Впоследствии Маклейн опубликовал еще прекрасный разбор “Очарованного странника” (1966)[79], работу о сложном отношении Лескова к евреям (1973)[80], а также статью об отношении писателя к русскому православию — как оно выразилось в “Соборянах”[81]. Все эти отдельные исследования вошли потом в большой труд Маклейна: “Николай Лесков: человек и его творчество”, появившийся в 1977 г. и признаваемый теперь самым основательным и полным исследованием жизни и произведений Лескова из имеющихся на всех языках[82].

Эджертон несколько лет занимался другими проблемами русской литературы, а к Лескову вернулся в юбилейном 1981 году, когда прочел два доклада на международных коллоквиумах о Лескове во Франции и в Италии: о Лескове и поляках — с рассмотрением почти забытого рассказа “Русский демократ в Польше” и сравнительное исследование переводов “Левши” на шесть языков[83]. В этой статье излагаются принципы, которых должны придерживаться переводчики, чтобы найти адекватные иноязычные эквиваленты лесковских комически искаженных слов. Подобно тому как Лесков создает комический и сатирический эффект, сочетая значения двух слов в одном словечке (например, клевета + фельетон = клеветон), так и переводчик должен создавать искажения иноязычных слов, которые не только отображали бы значения искаженных слов, но сохраняли бы их звуковой строй и грамматическую конструкцию. Очень немногие переводчики Лескова пытались передать на других языках своеобразный эффект комических искажений слов. И вот переводы произведений Лескова оказываются столь же неудовлетворительными, как переводы стихотворений Пушкина прозой. На Девятом международном съезде славистов, который состоялся в Киеве в сентябре 1988 г., Эджертон читал доклад о Лескове и Гоголе как писателях-моралистах, сосредоточив внимание на рассказе “Однодум” как отклике Лескова на гоголевский “Ревизор” и доказывая, что при всем общем, что было у этих писателей, критиковавших отрицательные стороны в жизни России XIX в., Лесков превосходил Гоголя способностью создавать достоверных положительных героев[84]. Новейшая работа Эджертона о Лескове, опубликованная в сборнике в честь 75-летия академика Д.С.Лихачева “Проблемы изучения культурного наследия” (1992),— статья «Индийский источник сказания Н.С.Лескова “Брадамата и Радован”». В ней доказывается, что источником Лескову послужила книга немецкого ученого Германа Ольденберга “Будда, его жизнь, учение и община”, имевшаяся в русском переводе в домашней библиотеке Лескова (теперь эта книга хранится в музее Лескова в Орле[85]).

В 1960-х годах к обоим пионерам научного лесковедения в англоязычном мире присоединилась небольшая, но постепенно увеличивающаяся группа более молодых специалистов по Лескову. После 1968 г. по творчеству Лескова было защищено уже десять докторских диссертаций, из них семь в американских университетах, три — в Англии и одна — в Канаде; завершены недавно еще две, в значительной части затрагивающие творчество Лескова. В Питсбургском университете Валентина Барсом защитила диссертацию о противоречивом отношении к Лескову русских критиков как до, так и после революции[86]. В Принстонском университете Джеймс Дж.К.Рассел написал диссертацию об элементах фольклора в творчестве Лескова[87]. Кетрин Бауэрс в колледже Брин Мор посвятила свою диссертацию тем рассказам Лескова, в которых действие происходит на фоне украинской жизни и автор прибегает к сильно украинизированной речи[88]. Уильям Лоренс Кинан защитил в

Лондонском университете диссертацию о ранних произведениях Лескова[89]. Знаменитым праведникам Лескова посвящены диссертации Дональда Джея Дрэгта в университете штата Мичиган и Марджори Энн Ферри в Йельском университете, а также небольшая работа Стивена Лотриджа, в которой праведники Лескова сравниваются с героями небольших рассказов Солженицына, особенно — с героиней рассказа "Матренин двор"[90]. Защищенная в Колумбийском университете диссертация Лотриджа была посвящена рассмотрению рассказов, которые Лесков строил на материалах, взятых из "Пролога"[91].

"Соборяне" привлекли, естественно, внимание множества англоязычных исследователей, как и ученых из других стран. Голландский славист Томас Экман еще до своего переезда в Соединенные Штаты опубликовал перевод "Левши" на голландский язык[92], а затем поместил в "Калифорнийском славяноведении" в 1963 г. капитальное исследование генезиса "Соборян"[93]. Диссертации, посвященные этой хронике, были защищены в университете Торонто в Канаде в 1968 г. и в Техасском университете в 1976 г.[94]. Немецкий ученый Генрих А.Штаммлер, переселившийся в Америку в 1953 г., теперь профессор славянских языков и литератур в Канзасском университете, издал небольшое сравнительное исследование "Соборян" Лескова и "Победы" Джозефа Конрада[95]. Профессор университета в Торонто, автор очень полезной книги о жизни и творчестве Лескова[96], Кеннет А.Ланц, представил на Международном коллоквиуме по Лескову (в 1981 г. в Париже) доклад о лесковской концепции времени в "Соборянах"

Одна из главных тем, так или иначе проходящих в произведениях Лескова,— религия, естественно, привлекает внимание англоязычных исследователей. Английский ученый Джеймс Макл из Ноттингемского университета защитил в 1976 г. в университете Лидса прекрасную диссертацию о Лескове и духе протестантизма, опубликованную отдельной книгой в 1978 г.[97] Впоследствии профессор Макл напечатал чрезвычайно интересную статью о странном английском миссионере Генри Лэнсделе (1841—1919), своеобразном английском чудаке, который семь раз ездил в Россию в 1874—1888 годах, встречался с Толстым и с Лесковым, упомянувшим его в конце своих "Рассказов кстати" — в "Новозаветных евреях"[98]. В книге о редстокизме, получившем распространение в России в конце XIX века, канадский ученый Эдмунд Хайер довольно много говорит о Лескове[99]. Он опубликовал также особую статью, в которой сравнивает отношение к редстокизму Лескова (как оно выражено в его статьях и в книге "Великосветский раскол") и князя В.П.Мещерского — в его вызвавшем насмешки романе "Лорд-апостол в большом петербургском свете"[100]. Эту же тему затронул английский ученый Малколм Джоунс в статье об отношении к редстокизму Достоевского, Толстого и Лескова[101]. Оба исследователя опираются на важное письмо Лескова к полковнику В.А.Пашкову, одному из самых деятельных русских последователей лорда Редстока. Это письмо было обнаружено во Франции Вильямом Эджертоном и опубликовано им в 1966 г.[102]. Исследование Кеннета Ланца посвящено рассказу "На краю света", который интерпретируется как хорошо замаскированный отход писателя от церковного православия, где настолько искусно спрятаны его еретические взгляды, что даже такой столп православия, как Победоносцев, обманулся и послал будущему императору Александру III этот рассказ, советуя прочитать его[103].

Помимо религиозной тематики особенный интерес англоязычных ученых вызывало своеобразие оригинального языка и стиля Лескова. В докторской диссертации Ирвина Тайтуника, защищенной в 1963 г. в Калифорнийском университете и посвященной теории и практике сказа в русской литературе,

говорится о Зощенко, Ремизове, Замятине и Бабеле, но более всего о Лескове[104].

Английский ученый К.Г.Швенке опубликовал полезную работу об использовании Лесковым особенностей курских и орловских диалектов; автор выявляет также одиннадцать типов структурных и восемь типов лингвистических приемов в прозе Лескова[105]. В Гарвардском университете под руководством профессора Всеволода Сечкарева было подготовлено несколько диссертаций по проблемам лесковского стиля[106]. Ученик его Йоахим Бер опубликовал в 1972 г. докторскую диссертацию о беллетристике Владимира Даля, в которой обращает внимание на сходные элементы в стиле Даля и Лескова[107]. В 1974 г. вышел юбилейный сборник, посвященный Сечкареву по случаю его шестидесятилетия. Туда вошли две статьи о Лескове, написанные бывшими учениками профессора: статья Катерины Чваный, содержащая анализ стилистического употребления суффиксов в рассказах "Грабеж" и "Воительница", и работа Эрла Сэмпсона — сопоставление двух типов повествовательных конструкций у Лескова — в рассказе "Заячий ремиз" и в повести "Очарованный странник"[108]. Иной подход к повести "Очарованный странник" представлен в статье американского ученого Альберта Верле, который разъясняет смысл повести, вглядываясь в сложную структуру пронизывающих ее антитез[109]. Совсем по-иному рассматривал эту повесть английский автор Дональд Дейви, пытавшийся истолковать ее в своей вышедшей в 1948 г. статье как русский вариант мифа об Оресте, где Флягин обречен на роль козла отпущения в русской общине[110].

Заслуживают упоминания также несколько небольших работ сравнительного характера, посвященных подробному анализу какого-то одного из произведений Лескова. В 1980 г. Джеймс Макл проанализировал изменения, внесенные Лесковым в три последовательных варианта его раннего рассказа "Овцебык"[111]. В том же году появилась содержательная и увлекательная статья Вильяма Кинана о переделке Евгением Замятиным в 1924 г. рассказа Лескова "Левша" в пьесу "Блоха", которая восторженно принималась публикой в театрах Москвы и Ленинграда в 1925—1929 годы[112]. На Международном коллоквиуме по Лескову в 1981 г. (в Париже) Джеймс Макл выступил с докладом на тему "Лесков и образование", в котором доказывал, что мнения Лескова в его публицистических статьях были чрезвычайно консервативны и традиционны, но в беллетристике, например, в рассказе "Детские годы", он придерживался более передовых взглядов. На этом же коллоквиуме было представлено еще несколько работ английских и американских исследователей. Среди них заслуживают упоминания исследование источников и типов повествовательного стиля Лескова Томаса Экмана, анализ "Леона, дворецкого сына", предложенный Х.Маклейном, и рассуждение Валентины Барсом о месте Лескова в советском литературоведении[113].

Несмотря на все достижения специалистов по Лескову в Англии и Америке, приходится признать, что у широких масс англоязычных читателей Лесков еще не пользуется такой популярностью, какую заслуживает. Причины этого на виду. До сих пор лишь малая часть лучших произведений Лескова переведена на английский, примерно всего лишь треть того, что имеют немецкие читатели, для которых Лесков уже в 20-е годы стал любимым русским писателем наряду с Толстым, Достоевским, Тургеневым и Гоголем. К счастью, в Соединенных Штатах разворачивается теперь обширная программа перевода произведений Лескова, и можно надеяться, что вскоре англоязычные читатели получат многотомное издание его сочинений на английском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Courrière C.* Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Nouvelle édition. Paris. 1875. P. 362–363.

2 *Sichler, Léon.* Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. Paris. 1886. P. 333.

3 *Dupuy, Ernest.* The Great Masters of Russian Literature in the Nineteenth Century. Translated by Nathan Haskell Dole. New York. 1886; *Vicomte Vogüé Eugène M. de.* The Russian Novelists. Translated by Jane Loring Edmunds. Boston. 1887; *Vicomte Vogüé Eugène M. de.* The Russian Novel. Translated by Colonel H.A.Sawyer. London. 1913.

4 *Пыпин А.Н.* Русский роман за границей // *ВЕ.* 1886. № 9. С. 304.

5 *Prince Kropotkin.* Ideals and Realities in Russian Literature. New York. 1905. Русский перевод за границей: 1907.

6 *Wiener, Leo, ed.* Anthology of Russian Literature from the Earliest Period to the Present Time. 2 vols. New York and London. 1902–1903.

7 *Waliszewski K.* A History of Russian Literature. New York. 1905. P. 399, 402.

8 *Hapgood, Isabel F.* A Survey of Russian Literature with Selections. New York. 1902. P. 231–233.

9 *Hapgood, Isabel Florence* // The National Ciclopaedia of American biography. Vol. 21. New York. 1931. P. 51–52.

10 *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы 1848–1892. 2-е изд. СПб. 1893. С. 307–309.

11 Russian Sketches, Chiefly of Peasant Life. Translated from the Russian by Beatrix L.Tollemache (Hon. Mrs. Lionel Tollemache). London. 1913.

12 The Hon. Mrs. Lionel Tollemache // The Times. London. 29 December 1926. P. 11.

13 *Madame N. Jarintzoff.* Russia: the Country of Extremes. New York. 1914; *Madame N. Jarintzoff.* The Russians and Their Language. Oxford. 1916.

14 Russian Sketches. P. V–VI.

15 Там же. P. X.

16 The Athenaeum. 1913. 12 July. P. 38.

17 The Nation. 1914. 29 August. Vol. 15. P. 794.

18 The Contemporary Review. August 1914. T. 104. P. 296–298.

19 *Чуковский Корней.* Высокое искусство // Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. М., 1966. С. 497.

20 *Baring, Maurice.* Russian Esseys and Stories. London. 1908. Другие его книги: Landmarks in Russian Literature. London. 1910. Русский перевод: Вехи русской литературы. М. 1913; The Russian People. London. 1911. What I Saw In Russia. London, Edinburgh, Dublin, New York. 1913; The Mainsprings of Russia. London, Edinburgh, Dublin, Leeds, Paris, Leipzig, New York. 1914; An Outline of Russian Literature. London. 1914–1915.

21 *Baring, Maurice.* An Outline of Russian Literature. VI. P. 189–193.

22 The Devil-chase // Twentieth-Gentury Russia. London. 1915. Vol. I. № 2. P. 96–107.

23 The Steel Flea. Translated from the Russian of Nikolai Semyonovitch Lyeskoff by Isabel F. Hapgood. Boston. 1916.

24 Как сказано в письме-некрологе, опубликованном в газете "The New York Times" 7 июня 1925 г., Зинаида Рагозина, переводчица этих рассказов, приехала в Соединенные Штаты в 1874 г. и прожила там 27 лет, получила в 1883 г. американское гражданство и напечатала ряд популярных книг по истории древней Европы, Индии, Халдеи, Ассирии и Персии. В 1901 г. она вернулась в Россию и там опубликовала три, если не более, из своих исторических книжек в переводе на русский язык. Она и С.Н.Сыромятников были связаны с петербургской газетой "Россия", которая стала в 1906 г. официальным органом Министерства внутренних дел. Автор некролога в нью-йоркской газете заявляет, что Зинаида Рагозина "владела в совершенстве шестью европейскими языками, обладала обширными познаниями в латыни, древнегреческом и санскрите", а также "была в дружбе с Максом Мюллером, Ленорманом, Лонгфелло, Достоевским, Тургеневым и Камиллом Фламарионом". Подтверждений этого найти не удалось.

25 Boston Transcript. 13 November 1920. P. 5.

26 *Olgin, Moissaye J.* A Guide to Russian Literature (1820–1917). New York. 1920. Биографические сведения об Ольгине взяты из энциклопедической статьи о Моисее Иосифе Новомиском (псевдоним: Моше И.Ольгин) // Encyclopaedia Judaica. T. 12. Jerusalem. 1971. P. 1361.

27 *Ljesskow, Nikolaj.* Ausgewählte Novellen, 3 Bände. Deutsch von Johannes von Guenther. München. 1923; Gesammelte Werke. 9 Bände. In Verbindung mit Johannes von Guenther, Henry Helseler und Erich Müller. München. 1924–1927.

28 *Mann, Thomas.* German Letter // The Dial. New York. 1923. Vol. 74. P 612–613.

29 *Lyeskov, Nicolai.* The Sentry and Other Stories. Translated by A. E. Chamot with an introduction by Edward Garnett. London. 1922; New York. 1923.

30 *Lyeskov, Nicolai.* The Cathedral Folk. Translated from the Russian by Isabel F. Hapgood. New York. 1924.

31 *Lyeskov, Nicolai.* The Enchanted Wanderer. Translated from the Russian by A. G. Paschkoff. Edited with an introduction by Maxim Gorky. New York. 1924.

32 The Nation. New York. 3 October 1923. Vol. 117. P. 358.

33 The Bookman. New York. 1923. Vol. 58. P. 348–349.

[34] The New York Times. 8 July 1923. P. 19.

[35] Там же, 20 января 1923. P. 16.

[36] Boston Transcript. 9 February 1924. P. 3.

[37] *Mortimer, Raymond.* New Novels // The New Statesman. London. 29 March 1924. P. 733–734.

[38] *Lawrence C.E.* Two Russian Tales // The Bookman. London. September 1924. Vol. 66. P. 321.

[39] *Hartley L.P.* A Russian Barchester // The Spectator. London. 5 April 1924. Vol. 132. P. 564.

[40] *Salpeter, Harry.* New York World. 23 November 1924.

[41] *Goldbeck, Eva.* Literary Review. 13 December 1924. P. 5.

[42] The New York Times. 4 January 1925.

[43] *Lyeskoff, Nicolai.* Trie Enchanted Wanderer. New York. 1924. P. VII–IX.

[44] *Lyeskov, Nikolai Semionovitch.* The Magic Rouble. Translated from the Russian by Mrs. Vitali (урожденная Ольга Извольская) // Our World. December 1924. P. 81–84.

[45] *Prince D. S. Mirsky.* A History of Russian Literature. From the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). London. 1927; Contemporary Russian Literature. 1881–1925. London. 1926.

[46] *Mirsky.* Contemporary Russian Literature. P. IX.

[47] Там же. С. 29.

[48] Так, например, Мирский пишет: "Значительное влияние в детстве оказывала на него тетушка Полли, вышедшая замуж за англичанина и следовавшая правилам квакеров" Мирский принимает героиню рассказа "Юдоль" за историческое лицо. Мирский пишет также, что родители Лескова умерли, когда ему было 16 лет. На самом деле, Лескову шел восемнадцатый год, когда скончался его отец, мать же его прожила до 1896 года.

[49] Там же. P. 38–39.

[50] Так, например, в статье "Таймс" говорится о дате рождения Лескова: "Сам Лесков сообщал, что родился 16 февраля, но по данным новейших исследований, хотя и не окончательным, следует предпочесть 4 ноября". Неправильная дата 4 ноября взята из работы П.Ковалевского. Поставив эту неверную дату на с. 2 своей книги, Ковалевский дает на с. 264 полный перевод автобиографической записки Лескова к В.Г.Швецову, где есть правильная дата — 4 февраля 1831 г.

[51] *Nikolai Leskov.* 1831–1895 // The Times. Literary Supplement. London. 12 February 1931. P. 105–106.

[52] The Steel Flea. Adapted from the Russian of Nicholas Leskov by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. Illustrated by Mstislav Dobujinsky. New York — London. 1943.

[53] The Musk-Ox and Other Tales. The Tales of N. S. Leskov. Vol. 1. Translated from the Russian by R. Norman. London. 1944.

[54] *Leskov, Nikolai S.* The Enchanted Pilgrim and Other Stories. Translated by David Magarshack. London. New York. Melbourne. Sydney. 1946.

[55] *Leskov, Nikolai S.* The Amazon and Other Stories. Translated with introduction by David Magarshack. London. 1949.

[56] *Leskov, Nikolai.* Selected Tales. Translated by David Magarshack. With an introduction by V. S. Pritchett. New York. 1961.

[57] *Leskov, Nikolai.* The Flea. Translated by Walter Morison // Russian Humorous Stories, edited by Janko Lavrin. London. 1946.

[58] Satirical Stories of Nikolai Leskov. Translated and edited by William B. Edgerton. New York. 1969. Впервые на английском языке появились следующие произведения: "Путешествие с нигилистом", "Обман", "Отборное зерно", шесть главок из "Заметок неизвестного", "О петухе и его детях", "Фигура", "Полунощники", "Продукт природы", "Административная грация", "Зимний день", третья глава "Мелочей архиерейской жизни", которую переводчик озаглавил "Архиерей и англичанин", а также один превосходный рассказ, "Уха без рыбы", который не вошел ни в одно из собраний сочинений Лескова и с 1902 г. ни разу не публиковался на русском языке.

[59] Choice (Middletown, Connecticut). May 1970. T. 7. P. 394.

[60] *Pritchett V.S.* A Russian Outsider // The Living Novel. London. 1946. P. 420–426.

[61] *Pritchett V.S.* Leskov // Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962.

[62] *Pritchett V.S.* Introduction to the book: Nikolai Leskov. Selected Tales. Translated by David Magarshack. New York. 1961. P. VII–XIII.

[63] Так, например, Причет не только повторяет старую выдумку, что родители Лескова скончались, когда ему было 16 лет, и что тетушка Полли из рассказа "Юдоль" была действительным лицом, но еще пополняет эти выдумки, утверждая, что тетушка Полли была англичанкой-квакершей и воспитывала Лескова в квакерском духе после того, как он лишился родителей.

[64] *Edgerton, William B.* Missing Letters to Leskov: an Unsolved Puzzle // Slavic Review. Vol. XXV. № 1. March 1966. P. 120–132.

[65] Из архива Н.С.Лескова. Заметка Н.С.Лескова и письма к нему. Публикация В. Г. Зиминой // Записки Отдела рукописей библиотеки им. В.И.Ленина. Вып. 30. М. 1968. С. 205–231.

[66] *Edgerton, William.* Leskov on Quakers in Russia // The Bulletin of Friends Historical Association. Swarthmore. Pennsylvania. U.S.A. 1951. Vol. 40. № 1. P. 3–15.

[67] *Edgerton, William B.* Leskov and Tolstoy: Two Literary Heretics // The American Slavic and East European Review. New York. 1953. Vol. 12. P. 524–534.

[68] *McLean, Hugh.* Leskov and Ioann of Kronstadt: On the Origins of "Polunoščniki" // The American Slavic and East European Review. 1953. Vol. 12. P. 95–108.

[69] *McLean, Hugh.* On the Style of a Leskovian Skaz // Harvard Slavic Studies. Vol. 2. 1954. P. 297–322.

[70] *Edgerton, William B.* Nikolai Leskov: the Intellectual Development of a Literary Nonconformist // University Microfilms. Ann Arbor, Michigan. 1954; Н.Д.Бахарева. Николай Семенович Лесков (Мемуары внучки Н.С.Лескова Наталии Дмитриевны Бахаревой). 1953 (Архив русской и восточноевропейской истории и культуры им. Бахметева при Колумбийском университете в Нью-Йорке). "Воспоминания" бывшего ординарного профессора Киевского и Люблянского университетов Николая Михайловича Бубнова (Библиотека Словенской академии наук и искусств. Любляна, Югославия). Воспоминания Н.М.Бубнова опубликованы в наст. т. (см. раздел "Материалы к биографии").

[71] Письма Н.С.Лескова к Э.М.Диллону и О.И.Лесковой. Подготовил к печати Х.Маклейн (Hugh McLean) // Русский литературный архив. Под редакцией М.Карповича и Дм.Чижевского. Нью-Йорк. 1956. С. 133–169.

[72] *McLean, Hugh.* Leskov and His Enigmatic Man // Russian Thought and Politics. Harvard Slavic Studies. Vol. 4. 1957. P. 203–224.

[73] *Edgerton, William B.* Leskov and Russian Slavic Brethren // American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow. September 1958. S-Gravenhage. 1958. P. 51–76.

[74] *Edgerton, William B.* Leskov's Parody on Gogol: Otbornoe zerno // Lingua Viget; Commentationes Slavicae In Honorem V.Kiparsky. Helsinki. 1965. P. 38–43.

[75] *Edgerton, William B.* Leskov's Trip Abroad in 1875: Four Unpublished Letters to I.S.Gagarin // Indiana Slavic Studies. T. 4. Bloomington. 1967. P. 88–99.

[76] *Эджертон, Вильям.* История одной буквы. (Был ли Лесков украинцем?) // Новый журнал. Нью Йорк. 1967. Копенгаген. 1989. Р. 82–86.

[77] *McLean, Hugh.* The Priest and the Sorcerer: Leskov's First Short Story // Languages and Areas: Studies presented to George V. Bobrinskoy. Chicago. 1967. P. 90–99.

[78] *McLean, Hugh.* Russia, the Love-hate Pendulum, and The Sealed Angel // To Honor Roman Jakobson. The Hague. 1967. P. 1328–1339.

[79] *McLean, Hugh.* Leskov and the Russian Superman // Midway. Chicago. Spring 1968. P. 105–125.

[80] *McLean, Hugh.* Theodore the Christian Looks at Abraham the Hebrew: Leskov and the Jews // California Slavic Studies. Vol. 7. 1973. P. 65–98.

[81] *McLean, Hugh.* Cathedral Folk: Apotheosis of Orthodoxy or its Doomsday Book? // Slavic Forum. Essays in Linguistics and Literature. The Hague. 1974. P. 130–148.

[82] *McLean, Hugh.* Nikolai Leskov: the Man and His Art. Cambridge, Massachusetts, and London, England. 1977.

[83] *Edgerton, William B.* Translating Leskov; the Almost insoluble Problem // "Leskoviana", a cura di D. Cavaion e P. Cazzola. Atti del Gonvegno internazionale di studi sull'opera di N. S. Leskov nel centocinquantenario della nascita (1831–1895). Padova — Bologna 11–12–15 giugno 1981. Bologna. 1982. P. 107–118.

[84] *Edgerton, William B.* Leskov and Gogol // American Contributions to the Ninth International Congress of Slavlsts. Kiev. September 1983. Vol. II: Literature, Poetics, History. Slavica Publishers. Columbus. Ohio. 1983. P. 135–147.

[85] См. *Афонин Л.Н.* Книги из библиотеки Лескова в Государственном музее И.С.Тургенева // *ЛН.* Т. 88. М. 1977. С. 153: Интерес Лескова к буддизму подтверждается несколькими пометами в книге Германа Ольденбурга (sic! — Ольденберга) "Будда, его жизнь, учение и община" Перевод с немецкого. М. 1884.

[86] *Barsom, Valentina.* The Misunderstood and Misinterpreted Leskov. Dissertation, University of Pittsburgh. 1969.

[87] *Russell, James George Kelso.* Leskov and Folklore. Dissertation, Princeton University. 1971.

[88] *Bowers, Catherine.* Leskov's Ukrainian Stories. Dissertation, Bryn Mawr College. 1979.

[89] *Keenan, William Laurence.* The Early Work of N.S.Leskov. A Study of the Writer's Development. Dissertation, University of London. 1980.

[90] *Dragt, Donald Jay.* The Righteous Man: a Study of the Positive Heroes in the Works of N.S.Leskov. Dissertation, Michigan State University. 1975; *Ferry, Marjorie Anne.* N.S.Leskov's Tales about the Three Righteous Men: a Study in the Positive Type. Dissertation, Yale University. 1977; *Lottridge S.S.* Solzhenitsyn and Leskov. Russian Literature Triquarterly. Ann Arbor, Michigan. 1975. Vol. 6. P. 478–489.

[91] *Lottridge, Stephen S.* Nikolaj Semёnovic Leskov's Prolog Tales. Dissertation, Columbia University. 1970.

[92] *Ljeskow N.S.* De Linkshandige // Romans en verhalen. Vertald uit het Russisch door Tom Eekman. Amsterdam. 1975. P. 757–790.

[93] *Eekman, Thomas A.* The Genesis of Leskov's Soborjane // California Slavic Studies. Vol. 2. Berkeley and Los Angeles. P. 121–140.

[94] *Aman, Thomas Lee.* Structural Features of Leskov's "Soborjane" and his Stories of the 1860's. Dissertation, University of Toronto. 1968; *Burago Alla.* Leskov's Cathedral Folk: a Russian Apocalypse. Dissertation, University of Texas, 1976.

[95] *Stammler, Heinrich A.* Joseph Conrad's Novel "Victory" and Nikolaj Leskov's Chronicle "Soborjane": Affinities and Resemblances // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1979. Vol. 25. P. 125–139.

[96] *Lantz K.A.* Nikolay Leskov // Twayne World Authors Series. №. 523. Boston. 1979.

[97] *Muckle, James Y.* Nikolai Leskov and the Spirit of Protestantism. Birmingham Slavonic Monographs. № 4. Birmingham, England. 1978.

[98] *Muckle, James.* Henry Lansdell, Leskov and Tolstoy // Neue Zeitschrift für Missionswissenschaft. Nouvelle Revue de science missionnaire Immensee, Switzerland. 1978. Vol. 34. № 4. P. 291–308; Н.Лесков. Рассказы кстати. Новозаветные евреи // Новь. 1884. Т. 1. № 1. С. 83.

[99] *Heier, Edmund.* Religious Schism in the Russian Aristocracy 1860–1900. Radstockism and Pashkovism. The Hague. 1970.

[100] *Мещерский В.П.* Лорд-апостол в большом петербургском свете. 4 тт. СПб. 1876.

[101] *Jones, Malcolm.* Dostoyevsky, Tolstoy, Leskov and Radstokizm // Journal of Russian Studies. Lancaster, England. 1972. № 23. P. 3–20.

[102] *Edgerton, William B.* Leskov, Paškov, the Štundists, and a Newly Discovered Letter // Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschižewskij zum 70. Geburtstag. München. 1966. P. 187–199.

[103] *Lantz K. A.* Leskov's "At the Edge of the World": the Search for an Image of Christ // Slavic and East European Journal. 1981. Vol. 25. № 1. P. 34–43.

[104] *Titunik, Irwin Robert.* The Problem of Skaz in Russian Literature. Dissertation, University of California. 1965.

[105] *Schwencke C. G.* Some Remarks on the Use of Structural and Linguistic Devices in Leskov's Prose // Slavonic and East European Review. 1972. Vol. 50. P. 546–557.

[106] Проф. В.Сечкарев родился в Харькове, одиннадцатилетним ребенком был увезен в Германию и там получил образование. В 1956 г. оставил место профессора в Гамбургском университете и занял ту же должность в Гарвардском университете в США. Через три года издал книгу: *Setschkareff, Vsevolod.* N.S.Leskov: sein Leben und sein Werk. Wiesbaden. 1959. Поскольку книга вышла в Германии и на немецком языке, ее следует отнести скорее к немецким научным трудам, чем к американским.

[107] *Baer, Joachim T.* Vladimir Ivanovič Dal' as a Belletrist. The Hague. Paris. 1972.

[108] *Ghvany, Catherine V.* Stylistic Use of Affective Suffixes in Leskov // Mnemozina. Studia Litteraria Russica in honorem Vsevolod Setchkarev. München. 1974. С. 64–77; *Sampson, Earl.* The Madman and the Monk: Two Types of Narrative Construction in Leskov // Там же. С. 317–324.

[109] *Wehrle, Albert J.* Paradigmatic Aspects of Leskov's "The Enchanted Pilgrim" // Slavic and East European Journal. 1976. Vol. 20. № 4. P. 371–378.

[110] *Davie D.A.* The Conservatism of N.S.Leskov // The Adelphi Norfolk, England. 1948. Vol. 24. № 2. P. 92–98.

[111] *Muckle, James Y.* The Author as Editor: Leskov's "The Musk-Ox" // Slavic and East European Journal. 1980. Vol. 24. № 4. P. 349–361.

[112] *Keenan, William.* Leskov's Left-handed Craftsman and Zamyatin's Flea: Irony into Allegory // Forum for Modern Language Studies. Edinburgh, Scotland. 1980. Vol. 16. № 1. P. 66–78.

[113] Материалы коллоквиума изданы в 1986 г. См.: *Revue.* P. 271–418.

ТВОРЧЕСТВО ЛЕСКОВА В ИТАЛИИ

Обзор Данило Кавайона (Италия)

Художественная ценность произведений писателя играет, несомненно, важную роль в процессе восприятия его произведений носителями другой культуры. Однако не только она определяет успех его внедрения в чужеродную среду: в Италии, например, Толстой, Достоевский и Чехов более известны, чем Пушкин и Лермонтов. Этот факт обычно объясняется тем, что поэзия непереводима или, во всяком случае, не находит адекватного выражения на иностранном языке. Утверждение, конечно, верное, но недостаточное для объяснения, например, почему "Дублинцы" Дж.Джойса в Италии имеют намного больше читателей и критиков, чем "Повести Белкина" А.С.Пушкина.

О Лескове в Италии писали немногие, и круг его читателей довольно узок; можно также говорить о некотором колебании интереса к его творчеству: периоды, когда по необъяснимым причинам его мало переводили и читали, сменялись периодами роста читательского интереса и числа переводов.

До недавнего времени, по крайней мере, до 1970-х годов, даже люди высокого культурного уровня в Италии не скрывали, что не знают Лескова или читали одно-два его произведения, как правило, "Запечатленный Ангел" и "Очарованный странник" — не случайно эти рассказы чаще всего переводились на итальянский.

Каковы, однако, причины несоответствия между уровнем популярности и художественной ценностью литературных произведений?

Ответ на этот вопрос по отношению к творчеству Лескова может быть только предположительным. Возможно, язык Лескова оказывается труднодоступным: его нелегко воспринимать даже русским, тем более трудно — иностранцам.

Возможно, в какой-то степени поражает тематика его произведений, его восхищение прошлым и недоверие к настоящему. Современного читателя привлекают прежде всего будущее и настоящее как этап на пути к будущему: это и объясняет известное безразличие к героям, в которых воскрешаются идеалы, уничтоженные в процессе общественного развития и подчас — при прямой поддержке государства, идеалы, от которых невозможно отречься только потому, что современность не в состоянии предложить ничего подобного, но святость которых ясна лишь благочестивым.

Первым мостом, переброшенным между двумя культурами, обычно является предисловие, сопровождающее перевод произведений зарубежного писателя. Его цель — сообщить читателю первоначальные сведения о жизни и творчестве писателя, а также, когда это нужно, обрисовать исторические, социальные и другие условия в стране в определенный период — словом, предисловие должно дать минимум того, что необходимо для понимания и правильного восприятия перевода всего произведения или его части.

Иногда читатель имеет дело с предисловиями, дающими общие сведения об авторе. Здесь необходимо в первую очередь упомянуть о характеристике творчества Лескова, принадлежащей Э. Ло Гатто, где исторический и критический анализ сопровождается краткой, но точной биографией писателя и основной библиографией (разумеется, ко времени публикации предисловия), включающей основные монографии русских и зарубежных литературоведов, необходимые для более углубленного изучения творчества писателя.

Лесков, тонко замечает Ло Гатто, в отличие от Достоевского и Тургенева, не был настоящим романистом, хотя и писал романы: сам писатель, определяя жанр своих произведений, называл одни из них романами, а другие хрониками, будучи убежденным, что каждый из этих жанров обладает особыми характеристиками и правом на существование. При этом он говорил, что большие литературные формы не являются его призванием.

Определяя художественный метод Лескова, Ло Гатто отмечает, что писатель "сознательно не хотел отступать от реализма, в рамках которого работали его великие собратья, с которыми у него было немало общего"

Хотя работа Ло Гатто и невелика по объему, он останавливается и на менее известных сферах творчества Лескова, например, театральной: в "Расточителе", утверждает критик, писатель пытался "показать ошибочность и отсталость представлений крупнейшего драматурга своего времени, Островского, о том, что в русской жизни все еще господствовало патриархальное понимание семьи, в которой все обязательно и беспрекословно подчиняются отцу..."

Лесков, пишет критик, является писателем удивительным, отличающимся особой непоследовательностью: от произведений, полных слабостей в литературном отношении, он переходит к другим, которые оказываются совершенными. Таким произведением-шедевром Ло Гатто называет рассказ "Леди Макбет Мценского уезда", замечательный своим повествовательным ритмом, яркостью картин, "но прежде всего — полным господством элементарной психологии героев"

Итальянский ученый тщательно изучил литературу о Лескове и, когда считает это необходимым, пересматривает ее выводы: упомянув о конфликте между Лесковым и радикалами в начале 1860-х гг., критик соглашается с мнением, что такой факт имел очевидное влияние на творчество Лескова, но в то же время призывает не преувеличивать этого влияния, не считая его решающим для понимания лесковского творчества.

В "Соборянах" Ло Гатто привлекло мастерство писателя в изображении персонажей ярких и обаятельных — особенно Ахиллы с его очаровательной комичностью, а также идиллического отца Туберозова, протоиерея, который одной ногой стоит на земле, а другой — в раю.

Заслуживает внимания сказанное Ло Гатто о двух самых известных рассказах Лескова, о "Запечатленном Ангеле" и "Очарованном страннике" В первом из них, отмечает критик, Лесков описывает с великолепной конкретностью образ жизни раскольников, их отношения друг к другу в рамках их замкнутой общины, а также объясняет причины их расхождений с официальной церковью; это комплексное изображение становится возможным благодаря использованию формы сказа.

Ло Гатто не согласен с мнением, что "Очарованный странник" является "завершением" "Запечатленного Ангела": различны структура двух произведений и, прежде всего, способы разрешения темы в каждом из них. Действительно, "Запечатленный Ангел" — произведение законченное, в то время как "Очарованный странник" имеет открытый финал и совсем не соответст-

вует первоначальному замыслу писателя сочетать элементы русского эпоса и французского дидактического романа.

"Очарованный странник" еще и потому значителен, говорит Ло Гатто, что его главный герой — первый из "праведников Лескова", рождение которых было обусловлено острой потребностью воскрешения и утверждения ценностей прошлого, что привело Лескова в результате к "переходу от рассказа, сообразного с литературной традицией, к рассказу, основывающемуся на традициях устного творчества" Этот интерес автора к прошлому оказал сильное влияние на его зрелое творчество, когда писатель занялся переработкой древних легенд, воскрешая ту старину, когда еще существовали примеры абсолютной нравственности[1].

"Литературный портрет" писателя в предисловии к одному конкретному произведению пытались дать и другие критики. Так, А. Полледро в своем кратком предисловии приводит основные биографические сведения о писателе, библиографию, останавливается на основных нравственных характеристиках персонажей, вносит ясность в отношения Лескова с Л.Толстым[2].

Несколько лет спустя М.Сильвестри Лапенна всего на семи страницах помимо биографии писателя показывает тесную связь между творчеством Лескова и народным искусством, утверждает, что его рассказы обладают большей художественной ценностью, чем романы, подчеркивает, что Лесков был певцом не одного конкретного социального класса, а всего народа, указывая при этом и на его достоинства, и на недостатки. Другим важным моментом, раскрытым в исследовании Полледро, является особая религиозность, которая воодушевляла Лескова как человека и писателя, а именно: христианство, обращенное к обновленному и деятельному евангельскому духу.

Критик подчеркивает и исключительное богатство языка героев Лескова и делает следующее важное замечание: "К сожалению, своеобразие стиля по большей части теряется при переводе, и часто сам переводчик, встречая непреодолимые препятствия, сожалеет о том, что вынужден лишить читателя тончайших оттенков русского оригинала"[3].

В том же направлении, что и вышеуказанные авторы, работал Витторио Страда, предисловие которого, по существу, является кратким, но полным критико-биографическим очерком. Ограниченный небольшим объемом предисловия, Страда излагает биографию писателя, рассматривает его публицистику, романы, рассказы, хроники, характеризует его стиль, а также дает подробные примечания к переведенным произведениям и библиографическую справку[4].

Нередко встречаются и предисловия, трактующие проблематику конкретных произведений, которым они предпосланы. Этот тип предисловий является в некотором смысле доказательством известности и признания писателя в чужой культурной среде.

Среди работ такого типа нужно отметить вступительную статью Серджо Молинари к его переводу "Соборян", по всей вероятности, лучшему переводу Лескова в Италии. "Соборяне" представляются Молинари "антологией различных литературных форм", переводчик находит, что структура хроники отличается смешением стилей, таким образом, определение "хроника", данное произведению автором, "является скорее оправданием, нежели определением" жанра.

Критик-переводчик дает тонкий анализ различных персонажей "хроники", подчеркивает художественную ценность тех эпизодов, где автору удается освободиться от излишней идеологической детерминированности и представить героев в их непосредственности. Сказанное относится прежде всего

к образу Туберозова, который бесцветен и слаб, когда герой говорит и действует как философ (по желанию Лескова), и убедителен и обаятелен, когда выступает в роли гражданина и верующего[5].

Определяя место повести "Полунощники" в творчестве Лескова, Ф. Ди Сильвестре ставит ее в центре авторских поисков идеала в тот период, когда Лесков еще колеблется между толстовством и миром "праведников" Критик рассматривает связь между структурой повествования и развитием действия в произведении и показывает, что сама логика сюжета выявляет историческую роль главного героя. В заключение Ди Сильвестре останавливается на стиле и языке произведения, который, по оценке критика, "обладает выразительной силой и плавностью и подтверждает оригинальность и мастерство Лескова как художника слова"[6].

Наиболее часто встречается смешанный тип предисловия. Ярким примером такой работы является предуведомление к переводу "Запечатленного Ангела" Б. Дель Ре. Помимо жизнеописания и общих сведений о творчестве писателя, Дель Ре предлагает итальянскому читателю и список переводов Лескова на итальянский язык. Далее критик останавливается на истории староверчества и на значении сектантства вообще в русской истории. С расколом связана, сообщает итальянцам автор, также и религиозная живопись, которая является настоящим выражением русского народного духа[7].

Л.Ганчиков, итальянский ученый русского происхождения (или русский, работавший в Италии?), знакомя читателей с переводом нескольких повестей Лескова, останавливается на их тематике и героях, тесно связанных, по мнению критика, с жанром хроники.

В произведениях Лескова, говорит Ганчиков, проявляется особое отношение русских к жизни: "Его творчество отмечено постоянным усилием постичь русское понимание жизни, ее простоты и непосредственности, понимание, еще не тронутое рациональными категориями и в этом смысле не искаженное"

Постоянное внимание и любовь к России привели писателя к открытию праведников — единственных, кто действительно понял глубины смысла жизни; когда все другие пути к высшей цели закрыты, праведники обращаются к вере, и она удовлетворяет их жажду справедливости и истины. Особое внимание Ганчиков уделяет языку Лескова, уникальному по разнообразию речевых стилей и по богатству словаря и в этом смысле очень современному[8].

Предисловие М.Гарзанити к переводу двух рассказов Лескова отличается основательностью, хотя оно предназначено для обыкновенного читателя-неспециалиста. Особо интересна и оригинальна та часть статьи, где Гарзанити говорит об отношении Лескова к русскому реализму и сравнивает его с Дж. Вергой, который "описывает неравную борьбу человека с разрушением и смертью, борьбу за существование, которую ведет весь род человеческий" По мнению ученого, реализм в творчестве Лескова превосходит французский натурализм и итальянский веризм благодаря большому умению автора проникать в душевный мир человека, а также исключительной способности переносить повествование от повествователя к персонажам. И то, и другое для Лескова не просто мастерская игра, но художественные приемы, необходимые для создания образов положительных героев, в частности, праведников[9].

В предисловии к переводу "Несмертельного Голована" К.Пиовене прослеживает жизненный и творческий путь Лескова и останавливается на высоких нравственных характеристиках и глубокой религиозности героя,— ценностях, которые связываются с сокровищницей народной души. Это бо-

гатство проявляется в “Несмертельном Головане” в системе образов праведников: “Праведники — люди, которые признают только одну власть — Бога <...>, которые следуют врожденному пониманию нравственности <...> и никогда не идут на компромиссы с совестью”[10].

Специальная лесковская литература возникает в Италии достаточно поздно. В этой связи наш долг — упомянуть в первую очередь известную и все еще имеющую научную ценность, несмотря на свое появление в далеком 1930 г., статью Леоне Джинзбурга. В начале своей работы этот исследователь подчеркивал, что, несмотря на постоянный и живой интерес читателей к творчеству Лескова, литературная критика в целом не проявила должного интереса к его произведениям.

Лескова еще при жизни и не без оснований атаковала левая пресса. Однако, отмечает итальянский критик, выбор Лесковым позиции не был продиктован реакционной идеологией, а скорее всего глубоко моралистическими убеждениями писателя. Не имея ясно и определенно сформулированных идеологических принципов, Лесков сохранил нетронутой в течение всей жизни свою веру в народ, в котором он видел огромную нравственную силу, высшую форму выражения множества индивидуальностей.

В сжатой форме критик высказал довольно оригинальное мнение о некоторых произведениях Лескова; наибольшей ценностью отличаются его суждения о хронике “Соборяне”, где он выявляет два плана повествования: “высокий, в котором развивается драма <...> переживаемая протоиереем Туберозовым,— драма душевная и волнующая и в то же время символическая, возвышенная; а также бытовой план, где на фоне спокойствия провинциального городка происходят героико-комические сцены борьбы между нигилистом Препотенским и дьяконом Ахиллой...”[11].

Ученый, определивший становление итальянской академической лесковианы,— Пьеро Каццола. Как пишет сам Каццола, его увлечение Лесковым началось в конце второй мировой войны[12]. Чтение старых итальянских переводов Лескова вызвало в нем любовь к творчеству писателя и побудило его к работе над собственными переводами. Каццола приложил все усилия для распространения творчества Лескова в Италии. Увлечение Каццолы воплотилось в его многочисленных переводах, предисловиях, статьях, монографиях, докладах на национальных и международных конференциях.

Темы и проблемы лесковского литературного наследия, к которым обращался ученый, многочисленны и разнообразны; Лескову в восприятии Каццолы можно было бы посвятить специальную работу — подтверждение сказанному читатель найдет в конце настоящей статьи, где приводится список работ П.Каццолы, посвященных Лескову. Здесь мы ограничимся анализом одной из последних монографий Каццолы о Лескове, подводящей итоги полувековой исследовательской деятельности автора.

Девять глав своей монографии Каццола посвящает типологии лесковских праведников. Вот ее содержание: Удачное литературное начало: “Овцебык”; Столкновение верований: староверы, Памва и англичанин в “Запечатленном Ангеле”; Праведники в творчестве Лескова; Праведники-кормильцы (Шерамур, Пизонский, Флягин, Бобров); Праведники-неподкупные (Однодум, Фермор и инженеры-бессребреники); Праведники-таланты и патриоты (тульский кузнец-левша); Праведники, которые жертвуют собой (“Человек на часах”, “Дурачок”, несмертельный Голован, Пигмей, Павлин, пугало Селиван, Фигура); Церковные праведники (протопоп Туберозов, дьякон Ахилла, Савва — некрещеный поп, архиепископ Нил); Праведники из православных легенд (скоморох Памфалон, прекрасная Аза, ювелир Зенон, Тения из Аскалона, Федор христианин и жидовин Абрам).

Уже в рассказе “Овцебык” Каццола выявляет следующие особенности лесковского повествования:

— сочетание элементов правды и вымысла, представленного в форме воспоминаний;

— жизнеописание главных героев, представленное как цепь фактов и приключений;

— близость главных героев к фольклорным персонажам-чудакам;

— пейзажные описания, впитавшие искусство икон-миниатюр;

— этнографизм и связь с “народной филологией”, характерные для стиля повествования;

— живой интерес к духовным лицам, противостоящий материалистическим тенденциям, господствовавшим во времена Лескова.

Лесков, замечает Каццола, интересовался жизнью общества и понимал необходимость социальных перемен, но в то же время ясно отдавал себе отчет в том, какая глубокая пропасть лежит между революционными идеями и недостаточно развитым самосознанием русского народа. Единственным верным путем, по мнению Лескова, была непосредственная и бескорыстная любовь к простому народу, приятие его подлинных нравственных ценностей, отличающихся от новых, которые Лесков находил иллюзорными и опасными. Уже в “Запечатленном Ангеле” люди, их образ жизни и искусство представляются в гармоническом единстве, “потому что простота той патриархальной жизни находит отражение в быту людей, так что искусство иконописи является для повествователя и его товарищей объединяющим принципом, моральной поддержкой и эстетическим каноном” Критик выделяет в сюжете “Запечатленного Ангела” два момента: вначале преобладает тема индивидуализма и предосудительности поведения Пимена, его тщеславие и дьявольское коварство; затем уже артель, коллектив решает восстановить икону и вместе с ней свое единство и чистоту веры. Далее история усложняется, старая вера подвергается сомнению, и плач Иосифа по матери Рахили объясняется Левонтием “как выражение чувства сиротства, которое мучит людей, оставивших мать и не сумевших соблюсти законы братства” Таким образом, возвращение раскольников в лоно русской православной церкви оказывается глубоко мотивированным, чем опровергается распространенное мнение критики XIX в., согласно которому обращение староверов было неправдоподобным.

Каццола предлагает свою трактовку мельчайших деталей рассказа. Читатель не может не удивиться неожиданной смерти Левонтия. Левонтий, “который только вступает в жизнь (ему не более 17 лет),— пишет критик,— умирает потому, что он не создан для этой жизни, нуждающейся в святых; наоборот, старец Памва кажется бессмертным, потому что он нужен людям как пример несокрушимой веры и любви”

Усилия Каццолы направлены прежде всего на раскрытие характеров лесковских праведников. Каццола не отрицает традиционного толкования рассказа, т.е. восхищения большим интеллектуальным и нравственным потенциалом русского народа. Эту позицию, по мнению критика, нельзя провести по линии народничества, так как Лесков видит не только светлые, положительные черты простого народа, но и его недостатки; более того, народная масса в своей совокупности инертна, она не сопротивляется угнетению и легко поддается суевериям. Однако именно в недрах этой массы иногда (и всегда в моменты абсолютной необходимости, когда под угрозой само существование народа) рождаются герои, святые или сумасшедшие — в зависимости от точки зрения,— каждый из которых в одиночку противостоит мировому злу. Это зло может выражаться в ужасной эпидемии или бедности,

чаще всего в тупом нежелании заботиться о ближнем, нуждающемся в помощи, находящемся между падением и спасением. Каццола настаивает: Лесков понимает, что в основе несчастий простых людей всегда или почти всегда лежит крепостничество, жестокий и всеобщий гнет, мрак, который время от времени прорывает луч света в образе праведника.

Народ, замечает ученый,— это не только низшие слои общества, но русские в своей совокупности, включая дворянство, хотя праведники приходят чаще всего из низов.

В отличие от других героев русской литературы XIX в. положительный герой Лескова кажется далеким от больших этических споров, от столкновения различных идей, что характерно для героев романов Достоевского и Толстого. "Праведник ищет свой идеал не в мучениях и страданиях. Идеал для него является подсознательной необходимостью и не позволяет ему оставаться безучастным перед очевидной несправедливостью или опасностью, которой подвергается какое-нибудь беззащитное существо"

Каццола возвращается к длинному списку праведников, стараясь найти новые, неизученные стороны лесковского творчества. Критику свойственно умение уловить тонкие нити, связывающие не по внешности, а по сути таких героев, как Шерамур, Котин Доилец, Пизонский, Иван Флягин, Андрей Бобров. Все они "кормильцы", т.е. каждый из них по-своему старается помочь ближнему, которому окружающие отказывают в хлебе и любви.

Другим интересным аспектом прозы Лескова является связь "поэзия — истина": известно, что писатель не придумывал анекдоты, которые лежат в основе его рассказов, а брал их из легенд и дополнял действительными случаями, заменяя логику правды логикой искусства. По этому поводу Каццола, рассматривая рассказ "Некрещеный поп", пишет следующее: "Мастерство художника при воссоздании легенды состоит в терпеливом соединении событий, в их постепенном сопряжении, на первый взгляд случайном, но в действительности заранее предусмотренном писателем, в одно целое"[13]. Сказанное можно отнести почти ко всей прозе Лескова.

Первой в Италии книгой, посвященной творчеству Лескова, была монография автора этих строк. Исследования такого типа предназначаются, с одной стороны, для специалистов-русистов, с другой — для простого читателя, который знаком с чужой литературой только через посредство кино, театра, телевидения. Цель монографии Данило Кавайона "Н.С.Лесков" — отразить основные аспекты жизни и творчества писателя и таким образом, хотя бы отчасти, заполнить серьезный пробел в итальянской русистике, имевшей к моменту появления книги критические монографии о других русских писателях (в частности, о Толстом, Достоевском), тогда как Лескову было посвящено всего-навсего несколько статей и предисловий к переводам.

Монография освещает темы, которые можно назвать каноническими для работ такого типа; в ней девять глав: 1) Лесков: биография; 2) Лесков — журналист; 3) Нигилизм и литература; 4) Странники; 5) Хроники; 6) Праведники; 7) Лесков в творческой лаборатории; 8) Проблема языка; 9) Лесков и русская литература XIX века. В конце приводится основная лесковская библиография, имеется указатель имен.

По существу исследование обращено к соответствующему периоду русской истории в целом. Лесков как историк русской жизни (тем более, что он начинал свою карьеру журналистом) обращается к современникам в момент тяжелого кризиса: кончилась Крымская война, и в России наступает период "великих реформ" Во всех слоях общества чувствуется острая потребность в

переменах и в то же время страх перед неизвестностью, которую несет будущее.

В интеллектуальных и радикальных кругах утверждаются лозунги Чернышевского и Писарева: литература должна способствовать победе революционных идей. В начале 1860-х годов издаются такие произведения, как "Молотов", "Отцы и дети", "Что делать?" Им противопоставляются произведения, написанные в духе традиции и консервативных принципов. Антинигилистическая позиция Лескова в эту пору объясняется, по нашему мнению, тремя основными причинами: 1) нападками радикалов на Лескова; 2) желанием обратить на себя внимание общества выступлением на "актуальную тему"; 3) глубоко консервативной натурой Лескова и его неверием в возможность положительных перемен в стране. В ранних романах Лескова, мы считаем, нередко сказывается пристрастность Лескова: если нигилисты Достоевского оживлены диалектикой альтернативы, то у Лескова их образы отличаются односторонностью.

Особое внимание в нашем исследовании уделяется проблеме языка Лескова: несмотря на все усилия, приложенные в XVIII веке, и на реформы Карамзина и Пушкина, в первой половине XIX века богатства русской народной речи оказываются непризнанными и недостаточно употребляются в литературе. Отсюда "попытка некоторых писателей обратиться к тем ресурсам, которые не были использованы Пушкиным. В этом направлении работают прежде всего Даль, Мельников-Печерский, Лесков и другие".

Глубоко зная Русь, Лесков предпочитает народный язык: "именно восхищение этим миром и заставляет его собирать темы, слова, выражения и воссоздавать их в высокой литературе"[14].

В 1982 г. в Болонье состоялась большая научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Лескова. Доклады, прочитанные на ней, были изданы отдельным томом.

Два участника выступили с докладами, посвященными истории изучения Лескова.

В своем докладе П.Каццола напомнил, что при жизни Лесков не был принят большинством воинствующих критиков; только в конце прошлого — начале нашего века его начали оценивать без предрассудков. Особая заслуга в этом принадлежит А.Фаресову, Р.Сементковскому и др. Далее П.Каццола вкратце остановился на более поздних работах о Лескове, особо подчеркивая заслуги и вклад таких ученых, как Л.Гроссман, Ф.Евнин, В.Гебель, В.Громов, Б.Другов, И.Видуэцкая.

Во второй части своего доклада итальянский ученый дал обзор зарубежной критики о Лескове, в том числе работ, вышедших во Франции, таких авторов, как П.Ковалевский, П.Паскаль, С.Люно, Ж.К.Маркаде, в Германии (В.Беньямин, Р.Зелински), в Италии (Э. Ло Гатто, С.Молинари, Л.Ганчиков), в англоязычных странах, где работали и работают такие крупные специалисты, как В.Эджертон и Х.Маклейн (*Leskoviana*. P. 51—68).

И.Кресалкова проанализировала судьбу Лескова у западных славян. Критик отмечает три этапа в истории литературного присутствия Лескова в Чехии:

а) с 1887 г. до начала первой мировой войны, когда появляются на чешском языке сначала рассказы "Зверь" и "Александрит", а затем и переводы многих других произведений, таких, как "Плодомасовские карлики", "На краю света", "Фигура";

б) с 1924 по 1926—1927 гг., когда появляется новый перевод "Запечатленного Ангела", а вслед за ним и "Расточителя", "Соборян", а также сборник рассказов в трех томах;

в) с 1947 г. до наших дней; в этот период отмечается живейший интерес к творчеству Лескова, переводятся заново “Александрит” и многие другие произведения писателя, впервые публикуются не переведенные до тех пор произведения.

Совершенно другая ситуация в Польше: первые переводы Лескова относятся к 1950 г., когда выходят в свет два сборника его произведений и отдельным изданием публикуется “Левша” Такой же скудный интерес к творчеству Лескова проявляет и литературная критика в Польше, что отражается и в учебниках по истории русской литературы.

До второй мировой войны в Словакии были переведены немногие произведения Лескова: в 1892 г. вышли в свет “Фигура”, “Христос в гостях у мужика”, “Томление духа”; в 1905 г.— “Человек на часах”, “Зверь”, “Старый гений”, “Прекрасная Аза”; в 1909 г.— “Пигмей”; в 1944 — “Бесстыдник”; в 1950 — “Очарованный странник” и впоследствии многие другие произведения в сборниках или отдельными изданиями.

Что касается критики, то наибольший интерес к творчеству Лескова отмечается в Чехии, где появились оригинальные критические статьи и материалы, а также были переведены ценные критические работы русских авторов, например, М.Горького, Л.Гроссмана и др. (*Leskoviana.* P. 165—200).

Значительная часть докладов на конференции была посвящена сравнительно-исторической проблематике.

А.Барбанти Тицци сопоставила “Островитян” с моделью “Künstlerroman” — немецкого “романа о художнике” Кроме того, исследователя интересует и отношение Лескова к немцам в личном и художественном плане. Несмотря на заметное присутствие элементов немецкой культуры в произведении, нельзя говорить о какой-либо культурной германофилии автора. Влияние немецкой традиции сказывается в использовании отступлений, в структурной фрагментарности повествования. В романе Лескова столкновение идей накладывается на повествовательные структуры, роман становится «мостом, связывающим традицию с “очерковостью” современного немецкого и европейского повествования» (*Leskoviana.* P. 15).

Ту же проблематику рассматривает и В. Де Фариа э Кастро. Немецкий культурный элемент, отмечается в этом исследовании, налицо не только в таких произведениях, как “Островитяне”, “Железная воля” или “Колыванский муж”; при более тщательном анализе его можно обнаружить и в других текстах Лескова, так что в целом можно говорить не только о немецком элементе, но, пожалуй, о “немецком вопросе” в произведениях Лескова.

Лесков учитывает, в частности, профессиональные амплуа немцев в России. Исследователь обращает внимание на некоторые специфические характеристики немцев у Лескова: мужчины, как правило, комичны, аккуратны, педантичны, деловиты, отличаются самомнением, девушки — сентиментальны. В целом немцы изображены Лесковым достаточно оригинально, они отличаются от стереотипов, сложившихся в творчестве других русских писателей (*Leskoviana.* P. 79,81).

Розанна Казари в своей статье “Типы пейзажа и их роль в рассказах Н.С.Лескова” отмечает, что в ранних произведениях писателя больше пейзажных описаний, чем в поздних. Это явление исследователь связывает со структурой сказа, характеризующей прозу Лескова. Описания природы определяются присутствием повествователя или героя, чьи душевные качества гармонируют или контрастируют с природой.

В творчестве Лескова Розанна Казари выявляет два типа пейзажа:

— символический пейзаж: природа соответствует настроению героя или

противопоставлена ему. Так, например, в рассказе "Овцебык" мирная жизнь монастыря является идеалом героя, недостижимым пределом его желаний;

— одушевленный пейзаж, гармонизированный с судьбой героя произведения; например, трагическая история Насти, героини "Жития одной бабы", представлена в соотнесении со сменой времен года; очарованный странник идет к необычайному, и от приключения к приключению пейзажи, увиденные его глазами, будут витать между действительным и фантастическим, между сном и бодрствованием.

Казари отмечает влияние живописи на описания природы во многих рассказах Лескова, которое особо значимо в "Запечатленном Ангеле" Она приходит к выводу, что Лесков по отношению к живописи проявляет новую, современную чувствительность, и поэтому можно считать, что его проза ближе всего к тому направлению в искусстве, которое было названо экспрессионизмом (*Leskoviana.* P. 30, 33).

Как показывает М.Киццини, эволюция исторических и этических взглядов побудила Лескова в конце 1870-х годов посвятить себя созданию образов положительных героев. От образа Однодума критик переходит к другим "праведникам" и, наконец, набрасывает их общую характеристику: "Праведник Лескова не идеолог, но прагматик; он не переживает внутренних драм и мучительных сомнений, он обладает безотчетной нравственностью и доброй волей, которые позволяют ему идти прямо по избранному пути, не ожидая никакого вознаграждения за свои действия" (*Leskoviana.* P. 76).

К.Скандура в статье «Крепостной театр в "Тупейном художнике" Лескова» обрисовывает основные характеристики публичного и частного театра в России в XVIII и XIX вв., напоминает о роли, которую играли крепостные крестьяне в развитии этого искусства; затем критик рассматривает отношения между хозяином и крепостными, описанные в рассказе Лескова (*Leskoviana.* P. 319—325).

По мнению Л.Феррари, Лескова еще в молодости привлекали две противоположные темы: тема страсти, выраженная в одной из его ранних повестей "Леди Макбет Мценского уезда", и вторая, "высокая" тема, созревавшая постепенно, воплотившаяся уже у зрелого писателя. "Праведник" Лескова является "реакцией на модель, в которой господствуют чувства, эмоции, страсти"

Сопоставив произведение Лескова с одноименным произведением Шекспира, критик отметил, что аналогии между ними скорее кажущиеся, чем действительные: в героине английского драматурга преобладает жажда власти, в образе Катерины — голая первобытная страсть, сближающая ее с героями греческой трагедии.

Л.Феррари рассматривала указанную повесть и в других аспектах, ее интересуют приемы повествования, язык, сценография, социально-историческая тематика, функция фольклорных и символических элементов (*Leskoviana.* P. 120).

А. Мавер Ло Гатто, исследуя роман "На ножах", напомнил о положительной оценке, которую дали Достоевский и Горький Анне Александровне Скоковой, персонажу второстепенному, искупающему, однако, хотя бы отчасти, недостатки романа.

Рассматривая "На ножах" в целом, исследователь не соглашается с отрицательной оценкой романа, данной ему в прошлом: действительно, речь идет о романе "бульварном", но довольно хорошо построенном. Удачными представляются исследователю образы попа Евангела и Сумасшедшего Бедуина Водопьянова, а также описание крестьянских обрядов во время коровьего мора (*Leskoviana.* P. 256—257).

Ряд докладов итальянских специалистов был посвящен стилистическим особенностям лесковской прозы.

Мария Ди Сальво приходит к заключению, что Лесков для различных художественных целей использует различные формы сказа: в "Железной воле", например, форма сказа способствует некоторому замедлению действия; в "Чертогоне" ведет к особому, нелогичному развитию повествования. Ди Сальво отметила, что "язык этих рассказов в основном литературный, хотя и встречаются элементы разговорной и устной речи" Языку описательных фрагментов противопоставляется язык диалогов, которые в произведениях Лескова служат нравственной и экспрессивной характеристике персонажей.

Другим выразительным средством у Лескова, по мнению Ди Сальво, является так называемая "народная этимология"; использование данного приема придает лесковским произведениям динамичность, обеспечивающую, в частности, присутствие рядом с фигурой повествователя из народа еще одного рассказчика, "которого условно можно отождествить с автором и который разоблачает своим чистым литературным языком неточности народного повествователя и непоследовательность сюжета" (*Leskoviana.* P. 99, 101).

М.Ферраци в своем исследовании отмечает прежде всего разницу между западными писателями, которые усовершенствовали различные литературные жанры в их исторических границах, и русскими писателями, которые, напротив, пользовались жанрами довольно свободно, постоянно нарушая границы между ними.

У Лескова смешение стилей объясняется как влечением писателя к экспериментам, так и тенденцией "к воскрешению старых традиций, которые влияли не только на содержание его произведений, но и на форму повествования и на выбор художественно-выразительных средств" Доказательством тому является роман "Соборяне": он ближе всего к жанру хроники, характеризуется зыбкой фабулой и большим количеством отступлений от основной линии повествования. За этим приемом стоит также желание писателя изобразить определенную социальную группу, ее отношение к себе именно как к социальной группе и в то же время стремление Лескова показать личную историю каждого отдельного персонажа. В "Соборянах" хроникальный характер произведения контрастирует с образом протоиерея Туберозова, который становится главным героем, протагонистом, в силу чего все произведение приближается к жанру романа; в результате в сюжетной линии чередуются подробное и сжатое изложение событий, что придает сюжету, в конечном счете, некоторую прерывистость" (*Leskoviana.* P. 130, 137).

Анализируя повествовательную структуру "Тупейного художника", Ольга Кривошеева Мотта отмечает, что данный рассказ характеризуется особой формой авторской речи. Фигуры рассказчика и автора сосуществуют, соприсутствуют, что характерно для сказа. Каждый из них говорит своим языком, а рассказ ведется от первого лица, "с этим связывается и ощущение подлинности рассказываемого" Исследователь прослеживает переплетение "голосов" в различных пассажах, наблюдая за создающимися эффектами, изменяющимися в диапазоне от почти трагического до комического (*Leskoviana.* P. 202).

Ф.Мальковати утверждает, что в "Соборянах" Лесков ушел от идеологического романа в поисках нового жанра, удовлетворяющего его художественные потребности. Речь идет, пишет критик, о жанре оригинальном, который он определяет как "фантастический" и который "из-за неожиданного сме-

шения элементов реальных, гротескных, абсурдных не поддается однозначному определению, почему и остался в свое время без сторонников"

Мальковати анализирует сцену купания в хронике, раскрывая градации цвета и света (туман — солнце — вспышка цветов), загадочную жизнь природных сил, например, тумана, который, сгущаясь и рассеиваясь, может увеличивать или уменьшать людей и предметы (*Leskoviana.* P. 225).

Л.Вольта в своем исследовании лесковского письма утверждает, что манера повествования Лескова является смесью приемов современных и архаичных, а его герои напоминают представителей золотого века, живущих в современной упадочной Европе. Их особый образ жизни и отношения со временем напоминают то, с чем мы встречаемся в утопическом романе Уильяма Морриса "Новости ниоткуда": «Как у Лескова, так и у Морриса движение времени воспринимается отрицательно. "Прошлое" для Лескова как и "будущее" для Морриса — это мир ирреальный, загадочный, т.е. недостижимый».

Критик связывает несоответствие между временными планами повествования с несоответствием между устной и письменной формой речи, выявленным В.Беньямином: устная форма представляет мир естественности и эпоса, в то время как письменная — отчужденное, пассивное восприятие действительности. В этом смысле творчество Лескова является "последним просветом, исключительным проявлением устной речи в письменной форме" (*Leskoviana.* P. 319—325).

"Левша", согласно Г.Галло, является свидетельством того, что Лесков понял: романтическое народничество исчерпало себя. Лесков пошел по новому пути, он отказался от реалистического воспроизведения действительности и предпочел ему свободную трактовку народной жизни: его персонажи теряют индивидуальность, главным героем становится человеческая общность, только в рамках которой отдельные персонажи приобретают особое значение и ценность. Поиск абстрактных ценностей, по-видимому, неизбежно приводит к мифологизации, герой перестает быть индивидуумом и становится богатырем.

Глубинные смыслы "Левши" учитывал Замятин, воспринимающий лесковский образ чудака как разрушительную, едва ли не революционную, силу. Замятин следовал за Лесковым и в отступлении от традиционного реализма; так же, как Лесков в "Левше", Замятин в "Блохе" "соединял комические и драматические элементы, с преобладанием комических, сознательно называя это "игрой" в смысле развлечения, чем-то вроде реванша народа по отношению к свободе" (*Leskoviana.* P. 149).

В своем исследовании Т.Пудова стремится показать близость чудаков у Лескова и Шукшина к фигуре Иванушки-дурачка.

В русском фольклоре два положительных героя: богатырь и дурак; образ дурака присутствует в основном в сказках и имеет целью "не рассмешить, а заставить задуматься слушателя над его поступками, за которыми, внешне как будто шутовскими, кроется глубокий внутренний смысл" Среди множества перевоплощений фольклорного образа чудака можно выявить образ того, кто согласен отказаться от власти и богатства ради верности своим моральным принципам,— героя, которого именно и только по этой причине считают дураком.

Этот тип чудака воплощен в героях таких рассказов, как "Однодум" и "Фигура"

Через сто с лишним лет после Лескова входит в литературу Шукшин: на первый взгляд его персонажи кажутся людьми вполне заурядными, но впос-

ледствии, постепенно, так же как и герои Лескова, они обнаруживают высокую нравственность (*Leskoviana*. Р. 319—325).

Попытку дать типологическое описание лесковских "праведников" сделал Данило Кавайон.

Отметив, что в своем первом собрании сочинений 1889—1893 гг. Лесков не соблюдает хронологического порядка появления произведений, критик выделяет три категории положительных героев писателя в зависимости: а) от цели, которой они одержимы, которой они подчиняются; б) от времени развития событий; в) от социальной принадлежности героев.

Персонажи первой категории можно разделить еще на две группы: а) праведники — благодетели ближнего ("Однодум", "Несмертельный Голован", "Очарованный странник", "Пигмей", "Кадетский монастырь", "Инженеры-бессребреники", "Человек на часах", "Шерамур"); б) праведники — патриоты ("Русский демократ в Польше", "Левша").

По мнению исследователя, праведников объединяет прежде всего временной признак, эпоха их явления в мире, а именно — первая половина XIX в., период, который воспринимается Лесковым как время чистоты и добра и который противопоставляется второй половине века, когда доминирует мрачная власть банков и фабрик.

Что касается социального положения героев Лескова, автор обращается к трем общественным слоям: первоначально он интересуется людьми простыми ("Овцебык", раскольники из "Запечатленного Ангела" и т.п.); далее Лескова привлекают большие дворянские роды (Плодомасов, Протозанов); наконец, он обращается к мещанскому сословию: к бывшему крепостному крестьянину ("Несмертельный Голован"), к солдату ("Человек на часах"), к мелкому чиновнику ("Пигмей"), к студентам ("Инженеры-бессребреники" и т.д. (*Leskoviana*. Р. 35—49).

В критической работе Г. Локотько-Фабини отмечается, что праведникам Лескова свойственна религиозность нового типа, далекая от мертвой традиции. Именно поэтому в рассказе "На краю света" Лесков помещает в одной плоскости простую "естественную" доброту дикаря с твердой верой епископа: в конечном счете в проповеди самого епископа доброта торжествует благодаря своей чистоте и возвышенности. В рассказе "Павлин" писатель показывает, что и самый простой человек из низших социальных слоев может открыть "истину" и достичь высокой нравственности и потому способен своим примером возродить и самого большого грешника (*Leskoviana*. Р. 211—212.)

Э.Гуерчетти в своей статье анализирует цикл рассказов "Заметки неизвестного", произведение полемическо-сатирического типа, взявшее под прицел реакционные тенденции официальной жизни в России в 1880-е годы. Речь идет о сборнике рассказов, ориентированных автором на средневековье, когда, по мнению Лескова, существовало правильное религиозное понимание смысла жизни и когда писательство считалось профессией, а не искусством. Э.Гуерчетти, анализируя образ Неизвестного, видит в нем фигуру морально убогую и отсталую, человека, который не верит ни во что хорошее и возвышенное, тип "анти-праведника", который остается верным самому себе на протяжении всего цикла. В этом произведении «отсутствуют даже те три праведника, без которых, по вере Лескова, "несть граду стояния" Среди множества бесчестных, сильных и глупых персонажей в этом цикле рассказов встречается очень мало праведников, и участь их незавидна»(*Leskoviana*. Р. 163).

К наиболее интересным с литературоведческой точки зрения критичес-

ким исследованиям , появившимся в Италии, я бы отнес работы, посвященные проблемам перевода произведений Лескова на иностранные языки.

В этой связи хотелось бы начать с исследований В.Эджертона: хотя он и не итальянец, его исследование, как и работы других зарубежных ученых, о которых будет сказано далее, было подготовлено для участия в конференции, посвященной творчеству Лескова и организованной Падуанским и Болонским университетами в 1982 г.

В своей работе Эджертон проанализировал более десяти переводов рассказа "Левша" на различные европейские языки. Выбор рассказа "Левша" для анализа объясняется тем, что в нем сконцентрированы наиболее важные особенности языковой манеры Лескова, представляющие проблему при переводе его произведений. В этом смысле камнем преткновения для переводчиков являются так называемые "этимологические варваризмы", т.е. особые лексические формы, которые характерны для сказа и которыми Лесков пользуется в различных целях.

В английском языке тоже можно найти слова, искаженные подобным образом. Их обычно определяют термином "malapropism", который в "Большом англо-русском словаре" переводится следующим образом: "Неправильное употребление слов, создающее комический эффект" Источником большинства этих "этимологических варваризмов" являются слова иноязычного происхождения в устах простых необразованных людей.

Необходимым условием для появления варваризмов является фонетическое и структурно-грамматическое сходство исходного слова с его искаженным вариантом, как например: микроскоп/мелкоскоп, барометр/буреметр, фельетон/клеветон и т.п. Такого типа искаженные формы слов являются серьезной проблемой для переводчиков — это вывод, к которому приходит ученый, проанализировав переводы рассказа "Левша" на различные европейские языки.

По мнению Эджертона, главная трудность в переводе таких лексических явлений заключается не столько в поиске семантического соответствия в языке перевода, сколько в сохранении фонетического сходства: «Если в переводе "Левши" не слышно музыки лесковской игры словом, то "Левша" ли это?" — спрашивает он себя. И сам себе отвечает кратко и ясно: "Не думаю"» (*Leskoviana*. P. 117).

Уго Перси в свою очередь проанализировал трудности, возникающие при переводе рассказа "Запечатленный Ангел" на немецкий язык. Русский и немецкий, напоминает ученый,— языки, далекие не только с точки зрения грамматической структуры, за ними стоят различные культуры двух народов.

Перси анализирует три перевода "Запечатленного Ангела" на немецкий язык, особо останавливаясь на передаче диалогов на идиш. Результат, по мнению критика, неудовлетворителен: переводы сделаны добросовестно, но слишком абстрактны, они не способны передать ту "русскость", которой пропитан рассказ Лескова (*Leskoviana*. P. 270).

Серджо Пескатори анализирует перевод "Очарованного странника", сделанный известным итальянским писателем Томмазо Ландольфи, хорошо знакомым с русской литературой. Удалось ли переводчику воспроизвести выразительность русского оригинала? Или он использовал свой собственный литературный диалект? Ответ, по мнению Пескатори, совсем не прост: язык "Очарованного странника" в итальянском переводе "без сомнения — это прежде всего язык Ландольфи"; но с другой стороны, и это особенно важно, подчеркивает исследователь,— нужно заметить, что писатель достаточно далеко отходит сам от себя, от своей языковой "нормы", поэтому

можно считать, что перевод указанного произведения — это скорее всего результат работы писателя, а не переводчика.

В переводе Ландольфи преобладают прежде всего архаичные средства выражения, в частности, при выборе лексики, что типично для языка Ландольфи и что может навести на мысль о соответствии языку Лескова; однако нужно отметить одно существенное отличие: язык Ландольфи очень близок к архаическому языку художественнной литературы, язык Лескова — к устному простонародному языку.

Языковые средства, использованные Ландольфи при переводе Лескова, более разнообразны и красочны, чем язык других переводов того же произведения на итальянский язык; в то же время указанный перевод непередаваемо далек от невероятного богатства языка оригинала со всеми его фонетическими, грамматическими и синтаксическими нарушениями языковой нормы. В частности, у итальянского переводчика почти полностью отсутствуют попытки найти в переводе соответствия элементам так называемой "народной этимологии"

В заключение Пескатори отмечает, что итальянскому переводу "Очарованного странника" не хватает "того впечатления подлинности, к которой так стремился Лесков" (*Leskoviana.* P. 284, 298).

Л.Радойче в своем выступлении разбирает литературные взаимоотношения Лескова и Достоевского. Исследователь отправляется от признания того факта, что в столкновении писателей, принадлежащих к одной литературной школе, проявляются их художнические особенности. Достоевский полемизировал на высоком уровне с другими крупными писателями своего времени — с Тургеневым, Некрасовым, Гончаровым и, в особенности, с Лесковым.Тон и манера этой полемики объясняются, по мнению Радойче, не столько идеологическими расхождениями двух писателей, сколько различиями в понимании искусства: "Лесков не искал в человеке человека, он изображал человека с большим мастерством, что признавал и сам Достоевский, но без поэзии — так, как видел его в социально-типологическом слое. Именно этого Достоевский не мог ему простить" (*Leskoviana.* P. 316—317).

Особого внимания заслуживает работа Ж.К.Маркаде, в которой рассматриваются наиболее ценные неопубликованные (к тому времени.— *Ред.*) произведения Лескова, а именно:

а) заключительная часть романа "Чертовы куклы" (первая часть была издана в 1890 г.);

б) "Последнее слово г. д-ру Аскоченскому", полемический фельетон, написанный в 1861 г.;

в) "Исторические анекдоты. Бибиковские каламбуры" — небольшая новелла, "высмеивающая польское жеманство";

г) "Дурное место" — посвященный религиозным проблемам неоконченный рассказ, начатый в январе-феврале 1871 г.;

д) записные книжки — три тетрадки с заметками, восходящие к 1894—1895 г. и содержащие выписки из различных религиозных и литературных сочинений, а также записи мыслей и творческих замыслов, лексические заготовки. Наблюдения Маркаде сопровождаются подробными историко-филологическими справками, имеющими существенное значение для издания указанных произведений (*Leskoviana.* P. 239).

Наконец, Й.Спендель обращает внимание на противоречие между публицистикой Лескова, где автор проявляет себя решительным противником женской эмансипации, и его литературными произведениями, где Лесков отводит значительное место переживаниям женской души — вспомним героинь таких произведений, как например, "Житие одной бабы", "Леди Мак-

бет Мценского уезда", "Воительница", "Тупейный художник" и др. Доля этих женщин, за небольшими исключениями, трагична в основном потому, что все они, увлеченные страстью, стремятся избежать традиционной женской судьбы (*Leskoviana*. P. 327—333).

После коллективного труда, который я сейчас попытался представить русскому читателю, в итальянской лесковиане наступило долгое затишье. Серьезного внимания заслуживает только статья Я.Петровой, которая рассмотрела связи Лескова с Украиной. Лесков жил на Украине почти десять лет — с 1849 по 1857 год и в 1860—1861 гг.; он изъездил ее вдоль и поперек, а впечатления, полученные от этих поездок, нашли отражение в его произведениях.

Во время своего пребывания на Украине Лесков сотрудничал с журналом "Современная медицина", в своих статьях он разоблачал недостатки государственной структуры здравоохранения. Впоследствии, в Петербурге, Лесков познакомился с Т.Шевченко, с которым поддерживал дружеские отношения.

Важной заслугой Лескова перед украинской культурой, пишет Петрова, было привлечение "внимания общественного мнения к историческому значению украинского языка и к его праву на признание самостоятельным литературным языком, независимым от русского"

В Киеве Лесков заинтересовался также церковным искусством и архитектурой, встречался с художниками и посещал их мастерские. Все это позже отразилось в его произведениях.

Далее исследователь останавливается на сложном отношении Лескова к православной церкви. Действительно, интерес Лескова к обновленному христианству связан с протестантским движением в России. В 1809 г. религиозные диссиденты переселились из Германии в русские степи. Основные принципы штунды состояли в активном изучении Библии и в строгом соблюдении христианских норм в быту. Штундистам удалось обратить в свою веру и побудить принять свой образ жизни немало украинских крестьян, в то время как русские крестьяне остались к их движению равнодушны.

Лесков сблизился с протестантами, что вдохновило его на написание рассказов "Фигура" и "Некрещеный поп", в которых высоко оценивается новая вера и указывается, "насколько русская церковь далека от настоящего христианства <...>"[15].

Временный спад исследовательского интереса к Лескову в Италии не может провоцировать безнадежно пессимистических ожиданий. Еще не раз и не два читательский интерес к замечательному русскому писателю заставит ученых размышлять и говорить о нем. А о читательском интересе красноречиво свидетельствуют все новые и новые публикации его переводов.

[1] *Leskov N.S.* Romanzi e racconti / A cura di E.Lo Gatto. Milano. 1961. P. X.
[2] *Leskov N.S.* Il brigante d'Ascalona; Sceramur / A cura di A.Polledro. Lanciano. 1927.
[3] *Leskov N.S.* Tempi antichi nel villaggio di Plodomasovo / A cura di M.Silvestri Lapenna. Lanciano. 1930. P. VI.
[4] *Leskov N.S.* Il viaggiatore incantato — L'angelo suggellato / Trad. di Ettore Lo Gatto; Introd. di Vittorio Strada. Milano. 1982.
[5] *Leskov N.S.* I preti di Stargorod / A cura di S.Molinari. Milano. 1962. P. 6, 7.
[6] *Leskov N.S.* I nottambuli / A cura di F.Di Silvestre // Slavia. 1992. № 3.
[7] *Leskov N.S.* L'angelo sigillato / A cura di B.Del Re. Milano. 1946.
[8] *Leskov N.S.* Novelle / Trad. di L.Gančikov e P.Cazzola; Pref. di L.Gančikov. Torino. 1969. P. 7.
[9] *Leskov N.S.* Agli estremi limiti del mondo; Il monastero dei cadetti / A cura di M.Garzaniti. Roma. 1988. P. 6.
[10] *Leskov N.S.* Golovan l'immortale / A cura di C.Piovene Cevese. Milano. 1993. P. 17.
[11] *Ginzburg L.* Leskov // La cultura. IX, 1. P. 24—39; 298—299.
[12] *Cazzola P.* La citt a dei tre guisti: Studi leskoviani. Bologna. 1992. P. 7.

[13] Там же. P. 26–27, 38, 40, 51, 132.
[14] *Cavaion D. N.S.Leskov*. Firenze. 1974. P. 73, 198, 203.
[15] *Petrova J.* Leskov e l'Ucraina // Slavia. 1993. № 2. P. 133–156.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕСКОВА, ИЗДАННЫХ В ИТАЛИИ

1903 — Il viaggiatore ammaliato o le avventure d'Ivan Severianine / A cura di D.Ciampoli. Firenze: Salani, 1903.

1925 — L'angelo suggellato / A cura di E.Lo Gatto. Roma: Stock, 1925.

1927 — Il brigante d'Ascalona; Sceramur / A cura di A.Polledro. Lanciano: Carabba, 1927.

1928 — Il Mancino / A cura di M.Silvestri Lapenna // Rivista di letterature slave. III. 1928.

1929 — La donna bellicosa ed altri racconti / A cura di M.Silvestri Lapenna. Torino: Slavia, 1929.

1930 — Tempi antichi nel villaggio di Plodomasovo / A cura di M.Silvestri Lapenna. Lanciano: Carabba, 1930.
— L'angelo suggellato / A cura di E.Lo Gatto. Roma: Stock, 1930.

1933 — Il segreto dell'alfiere / A cura di G.Lussi e A.Pitta. Milano: Sonzogno, 1933.

1942 — Il viaggiatore incantato — L'angelo suggellato — Lo spauracchio / A cura di B.Del Re. Milano: Bompiani, 1942.

1944 — L'angelo suggellato. Roma: De Carlo, 1944. ("Narratori russi").

1946 — L'angelo sigillato / A cura di B.Del Re. Milano: Bompiani, 1946.
— La rapina e altri racconti / A cura di B.Del Re. Milano: Bompiani, 1946.
— Il pecorone / A cura di P.Cazzola. Torino: Frassinelli, 1946.
— La pulce d'acciaio ed altri racconti / A cura di P.Cazzola. Torino: Frassinelli, 1946.
— Una famiglia decaduta / A cura di D. Li Sarra. Milano: Longanesi, 1946.

1947 — La fierra-Lo stupidello / Roma: De Carlo, 1947. ("Narratori russi").

1949 — La rapina e altri racconti / A cura di B.Del Re e E.Lo Gatto. Milano: Bompiani, 1949.

1953 — Il meglio di Nikolaj Leskov: Racconti; Una famiglia decaduta / A cura di V.De Gavardo. Milano: Longanesi, 1953.

1961 — Romanzi e racconti / A cura di E.Lo Gatto. Milano: Mursia, 1961.

1962 — I preti di Stargorod / A cura di S.Molinari. Milano: BUR, 1962.
— Il mancino di Tula ed altri racconti / A cura di P.Cazzola. Torino: Paravia, 1962.
— L'angelo suggellato / A cura di P.Cazzola. Torino: V.Bona, 1962.

1967 — Il viaggiatore incantato / Trad. di T.Landolfi; Pref. di W.Benjamin. Torino: Einaudi, 1978.

1969 — Novelle / Trad. di A. Ganĉikov e P.Cazzola; Pref. di L.Ganĉikov. Toronto; UTET, 1969.

1981 — I racconti dei "giusti" / A cura di P.Cazzola. Torino: UTET, 1981.

1982 — Il viaggiatore incantato — L'angelo suggellato / Trad. di Ettore Lo Gatto; Introd. di Vittorio Strada. Milano: Garzanti, 1982.

1983 — L'artista del tioupet / A cura di S.Domenici. Palermo: Sellerio, 1983.

1985 — La rapina / A cura di P.Cazzola. Torino: UTET, 1985.

1986 — Gli isolani / A cura di P.Cazzola. Bologna; CLUEB, 1986.
— Un fantasma nel Castello degli ingegneri e altri racconti / A cura di P.Cazzola e G.Zucconi. Latina: L'Argonauta, 1986.

1987 — Una lady Macbeth del distretto Mtsensk / A cura di V.De Gavardo. Passigli, 1987.
— Un prodotto della natura / Trad. di G.Zucconi; Nota di P.Cazzola // Rassegna sovietica. 1987. № 4.

1988 — L'angelo sigillato / A cura di S.Rapetti. Reverdito, 1988.
— Lo scacciadiavoli / A cura di F.Fantasia. Lucarini, 1988.
— Agli estremi limiti del mondo; Il monastero dei cadetti / A cura di M.Garzaniti. Roma: Coletti, 1988.

1990 — Il mancino: Storia del fabbro mancino e strabico di Tula e della pulce d'acciaio / A cura di N.Pucci. Aktis, 1990.

1992 — I racconti di Leskov / A cura di D.Cattaneo e A.Vicini, Milano: Ed. Paoline, 1992.
— I nottambuli / A cura di F.Di Silvestre // Slavia. 1992. № 3.

1993 — Il pope non battezzato / A cura di J.Petrova. Latina: L'Argonauta, 1993.
— Golovan l'immortale / A cura di C.Piovene Cevese. Milano: Tranchida, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ИТАЛЬЯНСКАЯ КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЛЕСКОВЕ

Barbanti Tizzi A. Il modello del "Kunstlerroman" negli "Isolani" di Leskov // *Leskoviana.* P. 11–23.
Casari R. Tipi di paesaggio e loro ruolo nei racconti di N.S. Leskov // Leskoviana. P. 25–34.
Casari R. Un singolare profeta dei tempi moderni: "Odnodum" di N.S.Leskov // Bergomun. 1984. № 1–2. P. 167.
Cavaion D. N.S.Leskov. Firenze: Sansoni 1974. 253 p.
Cavaion D. Per una tipologia dei "Giusti" di Leskov // *Leskoviana.* P. 35–49.
Cazzola P. I "giusti" di Leskov // Convivium. XXXVI. 6. 1968. P. 732–751.
Cazzola P. N.Leskov "mago della parola" // Lezioni di storia della litteratura russa. Bologna, CLUEB 1973, V. P. 77–88.
Cazzola P. Leskov umorista e satirico: 1. "Riso e dolore" 2. "Una volontà di ferro" e "Šeramur". 3. "Il mancino di Tula" 4. "Lo scacciadiavolo" e gli aneddoti umoristici // Umorismo satira e grottesco nella litteratura russa (da Gogol' a Zoščenko). Bologna: CLUEB, 1974. IV. P. 199–214.
Cazzola P. Šull'orme dei "giusti" di Leskov // Studi in onore di Etore Lo Gatto. Roma: Bulzoni, 1980. P. 15–25.
Cazzola P. Per un approccio critico allo skaz di N.S.Leskov: "Il mancino guercio di Tula e la pulce l'acciaio" // La litteratura russa. Problemi e prospettive. Genova: La Quercia, 1982. P. 99–115.

Cazzola P. Per una silloge della critica leskoviana // *Leskoviana*. P. 51–68.
Cazzola P. I "parenti" nel mondo poetico leskoviano: "la nonna", "lo zio", "il nipote" // Studi orientali e linguistici. I (1983). Bologna, 1984. P. 207–220.
Cazzola P. Pravedniki e jurodivye nella letteratura russa // Studi orientali e linguistici. II (1984–1985). Bologna, 1985. P. 263–281.
Cazzola P. Nota su N.Leskov e il racconto "Un prodotto di natura" // Rassegna sovietica. 1987. 4. P. 3–6.
Cazzola P. "Barbarismi etimoloci" e "parlata di sfoggio" di personaggi di Leskov // Comparatistica: Annuario italiano. II. Firenze. Olschki, 1990. P. 65-75.
Cazzola P. Per uno studio del dialogo negli skazy di Lescov // Beiträge zur Dialogforschung: Dialoganalyse III: Referate der 3. Arbeitstagung, Bologna 1990. Tübingen: M.Niemer, 1991. S. 29–41.
Cazzola P. La città dei tre guisti: Studi leskoviani. Bologna: CLUEB 1992. 156 p.
Cazzola P. Per un approccio critico alle "Leggende cristiane" di Nikolaj Leskov // Europa Orientalis. XII/1, 1993. P. 95–106. (Studi in onore di Anjuta Maver Lo Gatto).
Chizzini M. Una figura di "giusto": Odnodum l'incorruttibile // *Leskoviana*. P. 69–78.
De Faria e Kastro V. Немцы в произведениях Лескова // *Leskoviana*. P. 79–96.
De Michelis C.C. Leskov il Giusto // La Repubblica. 5. 8. 1981.
Di Salvo M. Ancora sullo skaz di Leskov // *Leskoviana*. P. 97–105.
Edgerton B.W. Translating Leskov: the almost Insoluble Problem // *Leskoviana*. P. 107–118.
Ferrari L. L'aspetto "passionale" in N.S.Leskov: "Una lady Macbeth del distretto di Mcensk" // *Leskoviana*. P.119–12
Gallo G. Leskov, Zamjatin, Levša, Blocha (Il "popolare" nell'arte) // *Leskoviana*. P. 143–153.
Ginzburg L. Leskov // La cultura. IX, 1. P.24-39.
Guercetti E. Osservazioni sul ciclo di racconti "Appunti di sconosciuto" // *Leskoviana*. P. 155–164.
Křesálková J. La fortuna di Leskov presso gli slavi occidentali // *Leskoviana*. P. 165–200.
Krivosceieva Motta O.— Организация повествования в "Тупейном художнике" Н.С.Лескова // *Leskoviana*. P. 201–209.
Lokot'ko Fabini G. Персонажи-"Праведники" в рассказах Лескова "На краю света" и "Павлин" // *Leskoviana*. P. 211–212.
Malcovati F. La scena del bagno in "Soboriane" di Leskov. // *Leskoviana*. P. 223–227.
Marcadé J.C. Обзор некоторых неизданных рукописей Н.С.Лескова // *Leskoviana*. P. 229–255.
Maver Lo Gatto A. Il romanzo "Ai ferri corti" di N.S. Leskov // *Leskoviana*. P. 255–267.
Persi U. Problemi di traduzione tedesca del "*Zapečatlennyj angel*" // *Leskoviana*. P. 269–282.
Petrova J. Leskov e l'Ucraina // Slavia. 1993. № 2. P. 133–156.
Pudova T. Персонаж "чудака" в рассказах Н.С.Лескова и В.М.Шукшина. // *Leskoviana*. P. 301–310.
Radoyce L. Dostoevskij critico di Leskov // *Leskoviana*. P. 311–317.
Scandura C. Il teatro dei servi della gleba in "Tupejnyj chudožnik" di Leskov // *Leskoviana*. P. 319–325.
Spendel J. Norma e trasgressione in alcuni personaggi femminili di Leskov // *Leskoviana*. P. 327–333.
Spendel J. I donchisciotte della steppa // L'Unità. 1982. 28 Gen.
Strada V. Lo scrittore come viaggiatore incantato // Corriere della sera. 1981. 2 Febb.
Volta L. Aspetti tipologici e comparatistici della scrittura di Leskov // *Leskoviana*. P. 337–349.

ЛЕСКОВ ВО ФРАНЦИИ И В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Обзор Инес Мюллер де Морог (Швейцария)

Лесков медленно получал признание во Франции, главным образом потому, что очень трудно воссоздать по-французски его живой и своеобразный слог, настоящий "музей всевозможных говоров" Сам Лесков считал, что прелесть художественной отделки исчезает в переводе, и скептически относился ко всем переложениям русской литературы на французский. Лесков бы не удивился лейтмотиву высказываний его французских переводчиков о стоящих перед ними трудностях и согласился бы со словами Г.Монго, признававшегося Р.Роллану в связи с французским изданием "Соборян" в том, что его работа как переводчика была "попыткой передать непередаваемое"[1].

Другой причиной затруднений оказались сами герои Лескова, экзотические черты которых, видимо, не сумел должным образом оценить французский читатель, если судить по первым отзывам некоторых историков русской литературы, которые только оправдывали убеждение Лескова в том, что французская публика, даже тургеневских героев воспринявшая неверно, еще менее способна понять Ахиллу.

Наконец, трудность признания Лескова во Франции объясняется тем, что и в самой России оценили его не сразу.

Впервые имя Лескова-Стебницкого названо по-французски в истории современной русской литературы, изданной в Париже в 1875 году.[2] Автор, Селест Курьер, упоминает "Некуда" ("Nulle part"), относя его к разряду романов, написанных под французским влиянием, таких как "Петербургские трущобы", "Панургово стадо" В.В.Крестовского, "В пути" П.Д.Боборыкина; последнего, между прочим, автор ставит выше Лескова-Стебницкого.

Много позже Л.Леже в своей истории русской литературы[3] посвящает Лескову всего лишь одну строку ("Лесков рассказывает интересные эпизоды бытия деревенской и клерикальной среды"). О малозначительности Лескова для этого критика говорит простой факт отсутствия его имени в списке главных авторов, данном в конце книги, притом что В.М.Гаршин, например, в этом списке упомянут. Неудивительно, что хрестоматия русских текстов, составленная Леже и изданная дважды — в 1892 и в 1899 г., не содержит ни одной выдержки из Лескова[4]. Впрочем, ведь и в России первая хрестоматия, содержащая рассказ Лескова ("Неразменный рубль"), появилась только в 1911 году[5].

Первая история русской литературы, в которой Лескову посвящена объемная статья, увидела свет в 1918 году и была написана К.Валишевским[6]. В ней автор дает краткую биографию Лескова с обозрением его литературной и публицистической деятельности. Для Валишевского Лесков — только жи-

вописатель русского уклада жизни, картины которого кажутся критику "очень нелестными" Он признает, что Лесков впервые описал духовенство с сочувствием, однако находит, что в дневнике Туберозова отражаются только "пустяки, мелкие идеи и ни одного поступка христианской любви" Ахилла также недооценен: в этом "сыне степей<...> духовенство как элемент национальной жизни отнюдь не поднимается с той удивительно низкой ступени, где оно находится" Стилю Лескова Валишевский не уделяет никакого внимания. Если же он и признает талант Лескова-юмориста, то воспринимает его неадекватно; вот, например, что Валишевский говорит о Шерамуре: "Шерамур — московский мужлан <...> гуляющий по Парижу с нечесаной бородой, с волчьим аппетитом и с инстинктами полудикого человека, захваченного чудесами цивилизации" Ни одного слова о поисках справедливости героями-праведниками Лескова у Валишевского мы не найдем.

Дени Рош дает гораздо более верную картину творчества Лескова в предисловии к подготовленному им сборнику "Россияне"[7]. Хотя Рош и просит читателя не искать чего-то чрезвычайно нового и важного в рассказах Лескова, он заявляет, что Лесков способен "оставить в памяти точную картину, дающую толчок любознательности" благодаря ярким краскам его рассказов. Лесков для Роша — прежде всего живописец русской жизни и русских типов. В понимании Роша Шерамур — "абстрактный тип русского человека вне всяких партий<...> нарочно созданный, чтоб измерить то, что русский человек может совершить и чего не может"

Такой взгляд на Лескова объясняет заглавие сборника. Следует обратить внимание на то, какие тексты отобраны для представления русского характера французскому читателю: "Чертогон", "Шерамур", "Николай Фермор" (избранные отрывки из "Инженеров-бессребреников"), "Пигмей", "Запечатленный Ангел", "Томление духа", "Тупейный художник". Рош поясняет, что дает целиком все тексты, кроме "Николая Фермора" и "Шерамура", где, по его мнению, некоторые отступления не имеют никакого интереса для французского читателя. Рош радуется влиянию Чехова на русскую литературу, освобождающему ее от ненужных длиннот. Затянутость, будто бы "типичная" для русской литературы, представляется ему особенно неприятной у Лескова,— настолько, что Рош его упрекает в неряшливости. Несомненно, что Рош судит Лескова по стандартам западного романа, не догадываясь о том, что Лесков искал какие-то другие формы повествования. Рош высоко оценил талант Лескова-сатирика, он сравнивал писателя с Гоголем и Салтыковым-Щедриным, особо оговаривая веселый тон лесковского повествования, создаваемый подбором своеобразных слов, живым языком, который представляет собою "настоящий музей говоров разных социальных слоев"

Итак, Лесков был воспринят французами, прежде всего, как художник русской жизни. Это представление о Лескове отразилось в заглавии докторской диссертации Петра Ковалевского: "Н.С.Лесков, непризнанный живописец русской национальной жизни"[8]. Ковалевский хотел показать, что творчество Лескова — это ключ к пониманию сути русского народа. Другой его целью было объяснение причин, по которым историки русской литературы пренебрегали лесковским наследием. Работа Ковалевского разделена на три части: первая посвящена подробной биографии Лескова, вторая — его творчеству, третья содержит лесковскую библиографию, перевод двух отрывков из "Соборян", автобиографическую заметку Лескова и краткое изложение рассказа "Христос в гостях у мужика".

Эта первая академическая работа ценна обилием содержащихся в ней сведений о Лескове и его творчестве. Ковалевский, однако, больше переска-

зывает сюжеты произведений, чем их анализирует. И все же нужно признать полезность работы такого рода, поскольку она позволила читателю, не знающему русского языка, познакомиться с творчеством Лескова. Ковалевский дал обзор творчества Лескова (за исключением трех больших произведений — "Некуда", "Островитяне", "На ножах") по темам: народ, духовенство, праведники, исторические повести, сатирические рассказы. Глава о народе построена на четырех рассказах — "Очарованный странник", "Павлин", "Продукт природы", "Запечатленный Ангел" "Очарованный странник", по мнению Ковалевского, полнее и лучше других произведений отражает жизнь, самую сущность русского народа и его верования. Ковалевский заканчивает эту главу утверждением, что именно убеждение Лескова в силе христианской веры русского народа привело затем писателя к сочувственному отношению к православию и духовенству. Примером этой эволюции служат "Соборяне", "Владычный суд", "Некрещеный поп" и "На краю света" Здесь трудно согласиться с Ковалевским, и остается только сожалеть, что он так бегло говорит о "Мелочах архиерейской жизни" Интересно заметить, что Ковалевский, излагая рассказы о праведниках, никак не выражает своего отношения к самим героям, а лишь указывает на искусство Лескова в изображении духа времени, уловить который писатель сумел особенно хорошо, по его мнению, в рассказе "Человек на часах" и в хронике "Захудалый род" К сатирическим рассказам Ковалевский относит "Левшу" Критик находит, что органическая веселость отличает сатиру Лескова от сатиры Салтыкова-Щедрина и Гоголя. В последних главах, посвященных таким темам, как красота в икусстве, Европа и Россия, место Лескова в литературе, язык писателя, Ковалевский лишь бегло говорит об увлечении Лескова иконами, о его богатом слоге, об отношении к нему русских критиков. В конце книги Ковалевский утверждает, что Лесков уже получил признание не только в России, но и во Франции.

Но насчет Франции Ковалевский, несомненно, ошибся. Статьи о Лескове в словарях, в обзорах русской литературы появлялись нечасто и были короткими, а нового исследования, посвященного этому писателю, пришлось ждать около сорока лет.

В 1929 г. Жюль Легра[9], в отличие от Валишевского, признает новаторство "Соборян" и гуманность Туберозова. Он особо останавливается на богатстве и живости языка Лескова. Изящный стиль Лескова отмечен и в коротенькой заметке, появившейся в большом энциклопедическом справочнике Ларусс в 1936 году[10]. Ее автором был выдающийся французский русист Пьер Паскаль. Но здесь, стесненный объемом, он лишь в одной фразе говорит о симпатиях Лескова к аристократии, о его отчуждении от социально-критических тенденций, о его таланте мастера-ювелира, создателя "драгоценных миниатюр, таких как "Запечатленный Ангел", "Очарованный странник", "Леди Макбет Мценского уезда"

С 1960-х годов внимание французских славистов привлекают преимущественно проблемы языка и стиля Лескова. Первым исследованием в этом направлении стало "Искусство повествования Лескова"[11] — дипломная работа А.Павлова, основанная на изучении романа "Соборяне" Автор рассматривает функциональную группировку персонажей и прослеживает сюжет в его динамике. Наиболее интересны наблюдения над использованием различных повествовательных приемов, таких как замедление, переплетение интриг, параллелизм действия, неожиданные события, употребление разных говоров. Несмотря на общую положительную оценку творчества Лескова, Павлов приходит к выводу, что Лесков "насмешлив и беспорядочен", не способен задумать и написать настоящий роман, что на самом деле он —

"великий писатель только потенциально" Этой работой заканчивается эпоха критических сожалений о недостатках Лескова.

Исследователи лесковского творчества, в первую очередь Жорж Сигаль[12] и Жан-Клод Маркаде, наконец осознают новаторство искусства Лескова. Особенно ценна работа Маркаде о реэтимологизации иностранных слов у Лескова как стилистической фигуре построения "сказа"[13].

С начала 1980-х годов заметно растет интерес к Лескову. Самым ярким знаком этого внимания, несомненно, явился конгресс, организованный в Париже в 1981 г., в годовщину рождения Лескова[14]. На этом конгрессе предметом всех докладов французских специалистов (за исключением одного, посвященного отношению Лескова к браку[15]), были повествовательное искусство и стилистические приемы Лескова. Сигаль анализирует роль словесного повтора. Он составляет небольшой список слов, используемых в этой речевой фигуре, и исследует их функцию в разных произведениях[16]. Лабриоль определяет "Левшу" как симбиоз трех жанров — сказа, рассказа и сказки, одновременно подчеркивая двусмысленность этого произведения, в котором критика скрывается под мнимой, игровой похвалой русскому обществу[17]. Маркаде изучает творческую историю "Соборян", "этого шедевра мировой литературы" Он показывает, как Лесков мало-помалу уходит от легких анекдотов и все более стремится к "серьезному юмору", как он переходит к хронике, отказываясь от любых элементов, присущих роману-фельетону[18]. Труды конгресса изданы пятью годами позже в специальном номере журнала "Revue des études slaves", целиком посвященном Лескову и содержащем более шестидесяти неизданных писем Лескова, а также неизданные варианты "Чертовых кукол", обзор лесковской литературы, библиографию статей Б.Я.Бухштаба о Лескове[19].

Интерес Маркаде к форме и к стилю Лескова побудил его написать статью о лесковских работах Б.М.Эйхенбаума, по его мнению, заложившего основы для академического изучения писателя[20]. Маркаде интересовал процесс создания произведений, как об этом свидетельствуют его статья о христианских легендах Лескова[21] и его докторская диссертация, где он разбирает жанровые формы произведений Лескова, обращая специальное внимание на отношения между романным повествованием и хроникой[22]. Он показывает, что роман служил для Лескова всего лишь пробой пера. С этой точки зрения, роман "Некуда" кажется Маркаде "настоящей антологией стилистического мастерства" Лескова, а хроника предстает "поиском русских корней, русской правды" Лесков-хроникер, по его мнению, "воссоздает в своих произведениях исторические факты, которые вбирают в себя дух времени" Тем самым Лесков оказывается верным традиции Стерна, Шекспира и Сервантеса. Лесков, овладевший сложной повествовательной структурой, является не только своеобразным писателем своей эпохи, но и предшественником литературы начала двадцатого века.

В резюме своей диссертации Маркаде подчеркивает интерес Лескова к "мелочам", отражающим дух времени, и напоминает, что публицистическая деятельность Лескова представляет собой важную часть его творчества, помогающую понять его мировоззрение[23].

Автором настоящего обзора была подготовлена библиография публицистических статей и литературных произведений Лескова[24]. Исследование журналистской деятельности Лескова позволяет лучше понять его взгляды и обойти "ловушки", поставленные его "коварным юмором" и импульсивностью его общественного темперамента. Первые статьи Лескова на злобу дня являют нам здравомыслящего человека с критическим складом ума, стремя-

щегося к реформам, отвергающего всякий компромисс[25]. Дорожа свободой мнения, Лесков не боится нажить себе врагов. Маркаде убедительно показывает, почему статья Лескова о петербургских пожарах возбудила ярость радикалов; но он не упускает из виду и то, с каким подозрением в то же самое время правительство относилось к Лескову из-за его связей с радикальными кругами и как оно было крайне раздражено передовой статьей от 24 июня, в которой Лесков объявил, будто бы правительство решило впредь снисходительнее относиться к раскольникам[26].

В этой статье обнаруживается коренная веротерпимость Лескова, которую он считал основной чертой истинной христианской жизни. Веротерпимость — характерная черта его взглядов на раскол[27] и на еврейский вопрос[28]. Лескову чужды любые крайности. Его страшили проявления ультрапатриотизма, этой "ненавидящей любви", хотя его трогала любовь простых людей к родине[29]. Его отношение к увлечению спиритизмом как явлению моды очень похоже на его отношение к крайностям нигилизма, хотя Лесков не пренебрегает сверхъестественным, когда оно, в частности, разжигает любопытство читателя[30].

Интерес к женским типам и к женскому вопросу, проявленный Лесковым уже в самом начале литературной карьеры, сказался как в публицистике, так и в художественном творчестве[31]. Его позиции в этой области требуют тщательного анализа, т.к. взгляды Лескова на женщину, на брак и т.п. представляют собою смесь идей, близких к воззрениям радикалов, и понятий, сложившихся под влиянием христианства. На первый взгляд, Лесков-художник и Лесков-журналист трактует женский вопрос различным образом, а на самом деле журналист и художник дополняют друг друга: журналист умеряет мечты писателя, а в произведениях художника сублимируется жажда материального прогресса, снедающая публициста; журналист настаивает на экономической независимости как на основном условии настоящей эмансипации женщины, а художник, хотя и восхищается независимыми женщинами, старается решить по-своему проблемы брачных отношений, рисуя целомудренные союзы и даже создавая героя, близкого к двуполым существам, как их описал Платон.

Сведениями об исследованиях, принадлежащих преподавателям французских и швейцарских университетов, не может ограничиться попытка дать более или менее полную картину известности Лескова во Франции и романской Швейцарии. Необходимый элемент этой панорамы — статистика изданий Лескова на французском языке, отражающая в известной мере интерес франкоязычного читателя к Лескову.

В настоящее время переведено довольно много произведений Лескова: "Пигмей", "Томление духа", "Зверь", "Юдоль", "Час воли Божией", "Соборяне", "Человек на часах", "Левша", "Котин-доилец и Платонида", "Печерские антики", "Мелочи архиерейской жизни", "Умершее сословие", "Белый орел", "Овцебык", "Пугало", "На краю света", "Несмертельный Голован", "Полунощники", "Интересные мужчины" (хронологический указатель переводов см. ниже). С некоторыми произведениями франкоязычный читатель может познакомиться по разным переводам: например, существуют два перевода рассказа "Грабеж", по три разных перевода "Тупейного художника" (1906, 1939, 1946) и "Чертогона" (1906, 1939 и 1964[32]) и два (а возможно и три) "Леди Макбет Мценского уезда" (1936, 1939, 1946).

"Очарованный странник" занимает первое место по числу переводов (их 5). В 1892 году он открыл собою историю "французского Лескова" В.Дерели, первый переводчик "Очарованного странника", дал ему заглавие "Le voyageur enchante", позже были попытки найти более точное название. Второй

перевод, сделанный Б. де Шлозером (или по-русски — Б.Шлецером), появился в 1925 г. и считается одним из лучших. Он был перепечатан в 1949 году швейцарским издательством, позже, в 1967,— в знаменитой серии "Плеяда" и, наконец, в 1982 издан в серии "Фолио-Галлимара", общедоступной по цене.

Наконец, небезынтересно отметить появление в рождественском номере журнала "L'Illustration", в 1926 г., рассказа "Христос в гостях у мужика" Этот рассказ был иллюстрирован красивыми гравюрами русского художника Алексея Кравченко. Газета "Le Journal des Débats" от 3 декабря 1926 г. в кратком отклике на эту публикацию сообщала читателю, что рассказ печатался в "Посреднике", где были опубликованы "Власть тьмы" и "Бабья доля" Автор рецензии утверждал, что переводчик Ш.Саломон сумел сохранить всю свежесть русского текста. Можно прибавить, что Буайе, знаменитый французский славист, в частном письме поблагодарил переводчика за его труд, назвав его истинным "шедевром точности"[33].

Как видно, эти переводы публиковались в самых разных изданиях, от дешевых ("Les suvres libres" и "Folio-Gallimard") до изысканных, выполненных на хорошей бумаге и в красивом переплете ("Rencontre" в Швейцарии и "Le Cercle du Bibliophile" во Франции). Переводы часто сопровождаются хорошими предисловиями, биографическими справками и библиографией.

Высшим признанием литературных достоинств лесковской прозы, несомненно, стала книга, появившаяся в 1967 году в знаменитой серии "Плеяда" — "Николай Лесков, М.Е.Салтыков-Щедрин. Сочинения" Правда, только половина книги посвящена Лескову, тогда как Тургеневу, Достоевскому, Толстому, Чехову отданы особые тома. "Плеяда" предназначается широкому кругу интеллигентных читателей, желающих иметь у себя дома хороший подбор произведений великих писателей. Лесковский том не отступает от правила. Он содержит ряд прекрасных переводов: впервые в нем напечатан перевод Люно "Котин-доилец и Платонида", перепечатаны уже известные переводы Монго "Соборяне", Зимбаля "Захудалый род"[34], де Шлозера "Леди Макбет Мценского уезда", "Запечатленный Ангел", "Тупейный художник", "Чертогон", "Дурачок" Книга содержит также ценное предисловие, написанное Люно, достаточно полную биографию Лескова и объемистые примечания переводчиков.

В том же году появилось изящное издание Лескова в Швейцарии с предисловием известного швейцарского литератора Ж.Альда, представившего швейцарским читателям "Леди Макбет Мценского уезда" и "Соборян" в переводах де Шлозера и Монго и "Очарованный странник" в переводе Ж.Ару.

В 1970 г. во французском городе Эвре появляется иллюстрированное издание Лескова с переводами Ж.Ару и И.Татеосовой: "Очарованный странник", "Леди Макбет Мценского уезда", "Человек на часах", "Тупейный художник" В этом издании имеется также интересная библиография и хорошее предисловие Ж.Сигу.

В 1982 г. серия "Фолио-Галлимар" перепечатывает "Леди Макбет Мценского уезда", "Тупейного художника", "Очарованного странника", "Чертогон" в переводах де Шлозера. Автор предисловия к этому изданию, Маркаде, объясняя причины долгой опалы Лескова в России, подчеркивает новаторство и повествовательное мастерство Лескова. Маркаде представляет его как художника русского общества, как живописца разных родов любви, от самой чувственной до самой целомудренной. Маркаде напоминает о влиянии христианства на творчество Лескова и заканчивает свою статью утверж-

дением, что картина России, изображенная Лесковым, верна и по настоящее время.

В известном издательстве “Age d'Homme” в Лозанне в 1969 и 1986 гг. выходят два тома рассказов Лескова (“Овцебык”, “Пугало”, “Грабеж” в первой книге, “На краю света”, “Несмертельный Голован” и “Полунощники” — во второй). Обоим изданиям предпосланы предисловия переводчицы С.Луно, в которых определяется место выбранных рассказов в творчестве Лескова, их связь с жизнью русского общества прошлого века. Прекрасные переводы С.Луно удачно дополнили французскую панораму творчества Лескова.

Последние издания несомненно расширили круг читателей Лескова, однако его творчество все еще недостаточно известно у нас. Именно об этом сожалеет в газете “Le Monde”[35] рецензент рассказа “Интересные мужчины”, изданного в карманном формате издательством “Омбр” в начале 1995 года. Перевод Б.Крейза хорошо читается, к нему прилагается краткое и ясное истолкование рассказа, в котором переводчик говорит об осуждении Лесковым шовинизма, ханжества и любых проявлений нетерпимости. В конце книги дан список переводов Лескова на французский язык. Рецензент восторженно приветствует появление рассказа, поскольку он позволяет лучше оценить мастерство Лескова, “одного из самых своеобразных и непризнанных русских прозаиков”

[1] Дарственная надпись на “Gens d'Eglise” (Paris, 1937): “A M. Romain Rolland, cette tentative de réduire l'irréductible. Respectueusement. H. Mongault, 15 juin 1937.”

[2] *Courrière, Céleste.* Histoire de la littérature contemporaine en Russie. Paris, 1875. P. 362–363.

[3] *Léger, Louis.* Histoire de la littérature russe. Paris: Larousse, s.a. P. 84.— Можно думать, что книга увидела свет вскоре после 1907 года.

[4] *Léger, Louis.* La littérature russe. Paris, 1892; 2de ed. 1899.

[5] *Ф.Тарапыгин.* “Матушка Русь” СПб., 1911.

[6] *Waliszewski, Kazimir.* La littérature russe. Paris, 1918. P. 395–398.

[7] *Leskov N.* Gens de Russie / Trad. par Denis Roche. Paris, 1906.

[8] *Kovalewsky, Pierre.* N.S. Leskov. Peintre méconnu de la vie nationale russe. Paris, 1925.

[9] *Legras, Jules.* La littérature en Russie. Paris, 1929.

[10] *Pascal, Pierre.* La littérature russe // Grand Memento encyclopédique Larousse. Fasc. 52–53. Paris, 1936. P. 830.

[11] *Pavloff, André.* L'art du récit chez Leskov. Institut d'Etudes Slaves, Paris. Рукопись депонирована в библиотеке Института, 1964 г.

[12] *Sigal, Georges.* Contribution È l'étude de l'humour verbal dans l'oeuvre de N. S. Leskov.— Aix en Provence. Thése litteraire. 3° cycle 1969.

[13] *Marcadé, Jean-Claude.* Les barbarismes étymologiques dans la prose de N.S.Leskov ou la réétymologysation créatrice comme figure du “conte oral” (skaz) // Revue des Études slaves. 1973. T. 49. Fasc 1. P. 257–278.

[14] Такое же юбилейное мероприятие было проведено Болонским и Падуанским университетами.

[15] *Muller Bigot de Morogues, Inés.* Leskov et le mariage // *Revue.* P. 330–336.

[16] *Sigal, Georges.* Les répétitions chez Leskov // Ibid. P. 307—320.

[17] *Labriolle, Fr. de.* Le “Levsa” de Leskov: skaz, rasskaz ou skazka // Ibid. P. 373—380.

[18] *Jean-Claude Marcadé,* «Les premiéres versions du “Clergé de la collégiale” de Leskov»; “Ceux qui attendent le bouillonnement de l'eau” et “Les Habitants de la maison de Dieu” // Ibid. P. 347—364.

[19] *Revue.* P. 417–512.

[20] *Marcadé, Jean-Claude.* La réception de Leskov par B. M. Ejxenbaum // Revue des études slaves. 1985. T. 57. Fasc 1. P. 159–168.

[21] *Marcadé, Jean-Claude.* Les légendes chrétiennes de Leskov // Revue des études slaves. 1988. T. 60. Fasc 1. P. 169–176.

[22] *Marcadé, Jean-Claude.* L'œuvre de N. S. Leskov (1831–1895). Les romans et les chroniques, Thése pour le Doctorat d'Etat, Paris X, Nanterre, 1987.

[23] *Marcadé, Jean-Claude.* L'œuvre de N. S. Leskov (1831—1895). Les romans et les chroniques // Revue des études slaves. 1989. T. 61. Fasc. 4. P. 883–890.

[24] *Muller de Morogues, Inés.* L'œuvre journalistique et littéraire de N.S. Leskov: Bibliographie // Slavica Helvetica. T. 23. Bern—Frankfurt am Main—New York, 1984. Ср. отзыв: Marcadé J.C. Leskoviana // *Revue.* P. 506.

[25] *Marcadé, Jean-Claude.* Les débuts littéraires de Leskov: L'activité journalistique, 1860 — mai 1862 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1981. Vol. 21. Fasc. 1. P. 5–42.

Muller de Morogues, Inés. N.S. Leskov. Premiéres polémiques: Janvier 1860 — mai 1862 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. Fasc. 2. P. 243–256.

[26] *Marcadé, Jean-Claude.* Etudes Leskoviennes: Le malencontreux éditorial de "Severnaja Pcela", 30 mai 1862 // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 24. Fasc. 1–2. P. 43–58.

[27] *Muller de Morogues, Inés.* Leskov face aux shismatiques // Cahiers du monde russe et soviétique. 1982. Vol. 23. Fasc. 2. P. 399—414. — Наш доклад был прочитан на симпозиуме "Аспекты культурного наследия христианства в России" ("Aspects de l'héritage culturel du christianisme en Russie"), проходившем в Женевском университете 16—18 июня 1988 г., и опубликован в специальном выпуске журнала, изданном к тысячелетию христианства в России под заглавием "Le christianisme russe entre millénarisme d'hier et soif spirituelle d'aujourd'hui" ("Русское христианство между милленаризмом прошлого и духовной жаждой настоящего").

[28] *Gruss, Noé.* N. S. Lieskov (1831—1895) et les Juifs de Russie // AMIF. Paris, 1974. P. 1—27.

[29] *Muller de Morogues, Inés.* Le patriotisme de Leskov // Slavica Helvetica. 1988. T. 28. (Contributions des savants suisses au X congrés international des slavistes a' Sofia, septembre 1988). P. 265—282.

[30] *Muller de Morogues, Inés.* Leskov et le spiritisme // Slavica Helvetica. 1983. T. 22. (Contributions des savants suisses au IX congrés international des slavistes a' Kiev, septembre 1983). P. 113—132.

[31] *Muller de Morogues, Inés.* "Le probléme féminin" et les portraits de femmes dans l'oeuvre de Nikolaj Leskov. Leskov et le spiritisme // Slavica Helvetica. 1991. T. 38. Позже я посвятила Лескову еще две работы: Malon l'Irlandaise et Achille le Cosaque : "Shirley" de Ch. Bronté et "Gens d'Eglise" de N. Leskov // Russies : Mélanges offerts 'a Georges Nivat pour son soixantiéme anniversaire / Rassemblés par Aminadav Dykman et Jea-Philippe Jaccard. Genéve, 1995. P. 245—259; Faut-il en rire ou en pleurer? La réalité russe selon N. Leskov (1831—1895) // Cahiers de la Faculté des Lettres de l'Université de Genéve. 1995. P. 21—25.

[32] Перевод Д.Оливье был переиздан в Бельгии в 1964 г., но дата его первого парижского издания (издательство "Галлимар") при перепечатке не указана, нам же не удалось отыскать это издание в Национальной Библиотеке.

[33] Письмо к Ш.Саломону от 18 мая 1927 г. хранится в библиотеке Института славянских исследований (Institut d'Etudes Slaves, 9, rue Michelet, Paris 6°), где находятся письма и других корреспондентов переводчика.

[34] В 1938 г. "Захудалый род" перевел некий Zimballe. По мнению автора, за этим псевдонимом скрывается Пьер Паскаль; в поддержку этого предположения можно привести два аргумента: во-первых, П.Паскаль в своей ларуссовской статье говорит об аристократических вкусах Лескова, во-вторых, перевод, подписанный П.Паскалем в "La Pléiade" в 1967 г., удивительно похож на перевод 1938 г. Автор надеялся найти подтверждение своему предположению в дарственной надписи на книге 1938 г., поднесенной переводчиком Р.Роллану. К сожалению, страница с надписью оказалась вырванной. Вполне возможно, что Паскаль, видный член большевистской партии, вернувшийся во Францию в 1933 г., в 1938 г. пожелал остаться неизвестным переводчиком лесковской хроники о русском дворянстве.

[35] *Catinchi, Ph.-J.* Ténébreuse Russie. "Des Hommes intéressants" de Nicolaj S. Leskov // Monde Poche, supplément au "Monde" du 20 mai 1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕСКОВА, ИЗДАННЫХ ВО ФРАНЦИИ И В РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ

Le Voyageur enchanté / Traduit par Victor Derely.— Paris: A. Savine, 1892.

Gens de Russie / Traduit et présenté par Denis Roche.— Paris: Perrin, 1906.

Содерж: "Le Chasse-diable", "Cheramour", "Nicolas Fermor" <избранные отрывки из "Инженеров-бессребренников" — И.М. де М.>, "Un Pygmée", "L'Ange scellé", "Tourment d'esprit", "L'Artiste en toupets".

Le Vagabond ensorcelé / Traduit par Boris de Schloezer.— Paris: Pléiade, 1925.

Comment Notre Seigneur visita un paysan / Traduit par Charles Salomon // L'Illustration.— 1926.— 4 décembre (22664).

Le Fauve / Traduit par Denis Roche. Paris: Fayard, 1928.— (Coll. "Les oeuvres libres", 92).

La Vallée des Peines / Traduit par Denis Roche. Paris: Fayard, 1929.— (Coll. "Les oeuvres libres", 97).

L'Heure de la Volonté de Dieu / Traduit par Denis Roche. Paris: Fayard, 1932.— (Coll. "Les oeuvres libres", 130.— P. 115–148).

Lady Macbeth du district de Mzensk.— Paris: Fayard, 1936.— (Coll. "Les oeuvres libres", 182).— Пер. не указан.

Gens d'Eglise / Traduit par Henri Mongault.— Paris: Gallimard, 1937.— (Coll. "Les classiques russes").

Une famille déchue / Traduit par Zimballe.— Paris: Gallimard, 1938.— (Coll. "Les classiques russes").

Lady Macbeth au village / Traduit par Boris de Schlszer.— Paris: Gallimard, 1939.
В кн. также: "L'Ange scellé", "L'Artiste en postiches", "Le Chasse-diable", "Un Bêta"

Lady Macbeth de la paroisse de Mzensk et autres nouvelles / Traduit par Irène Tateossov.— Genève: Ch. Grasset, 1946.
В кн. также: "L'Homme qui monte la garde", "Un Artiste en toupets".

Lady Macbeth de la paroisse de Mzensk / Traduit par Jean Leclère.— Bruxelles: La Boétie, 1946[1].
В кн. также: "La Guerroyeuse", "Le Forfait".

Le Vagabond ensorcelé / Traduit par Georges Arout.— Paris: de Flore, 1947.— (Coll. "Les grandes oeuvres étrangères").

Le Vagabond ensorcelé / Traduit par Boris de Schloezer. Paris: Charlot, 1947.

Le pélerin enchanté / Traduit par André Chédel.— La Chaux de Fonds: Nouvelle Bibliothèque, 1949.

Le Vagabond ensorcelé / Traduit par J. M. Jasenko.— Lausanne: La Guilde du Livre, 1951.

Le Cosaque, la Puce et le Gaucher et autres récits de Pouchkine, Gogol, etc.— Paris: Delagrave, 1958[2].

Le Chasse-diable / Traduit par Daria Olivier // Les Vingt meilleures nouvelles russes / Choix et préface par Alain Bosquet.— Paris: Seghers, 1960.
Переизд.: Verviers: Gérard, 1964.— (Coll. "Marabout géant".— 202).[3]

De Pouchkine à Gorki / Préface de Georges Haldas.— Lausanne: Rencontre, 1967.
Из содерж.: Lady Macbeth au village / Traduit par B. de Schloezer; Gens d'Eglise / Traduit par Henri Mongault; Le Vagabond ensorcelé / Traduit par Georges Arout.

Nicolas Leskov, M.E.Saltykov-Chtchédrine. Oeuvres / Préface et chronologie par S. Luneau; Notice et notes par S. Luneau, B. de Schloezer, H. Mongault, P. Pascal.— Paris: Gallimard, 1967.— (Coll. "La Pléiade").
Из содерж.: Lady Macbeth au village, L'Ange scellé; Le Chasse-diable, Le Vagabond ensorcelé, L'Artiste en postiches, Un Bêta / Traduits par Boris de Schloezer; Platonide et Cotin / Traduit par Sylvie Luneau; Gens d'Eglise / Traduit par Henri Mongault; Une famille déchue / Traduit par Pierre Pascal.

Les originaux de Petchersk / Traduit et présenté par Paul Kalinine.— Lausanne: Rencontre, 1969.
В кн. также: "Le Larcin", "Menus Faits de la Vie des Evêques", "La Classe éteinte"

Boeuf musqué / Traduit et présenté par Sylvie Luneau.— Lausanne: Age d'homme 1969.— (Coll. "Les Classiques slaves").
В кн. также: "L'épouvantail", "La Rapine".

Le Vagabond ensorcelé, suivi de Lady Macbeth de la paroisse de Mzensk / Traduit par Georges Arout et Irène Tateossov; Présenté par Gilbert Sigoux; Illustrations originales et frontispice par André Nicolas Suter.— Evreux: Le cercle du Bibliophile, 1970.— Bibliogr.
В кн. также: "L'homme qui monte la garde", "Un Artiste en toupets".

L'Aigle blanc / Traduit par Daria Olivier // La Russie fantastique / Choix et préface de Jean-Pierre Bours.— Verviers: Gérard, 1975.[4]

Lady Macbeth au village. L'Ange scellé et autres nouvelles / Traduit par Boris de Schloezer; Présenté par Jean-Claude Marcadé; Chronologie et notices de Sylvie Luneau.— Paris: Gallimard, 1982.— (Coll. "Folio").

Au bout du monde et deux autres récits / Traduit et présenté par Sylvie Luneau.— Lausanne: Age d'homme, 1986.— (Coll. "Les Classiques slaves").
В кн. также: "Golovane l'immortel", "Conteurs de Minuit"

Des Hommes intéressants / Traduit et présenté par Bernard Kreise.— Toulouse: Ombres, 1995.— (Coll. "Petite bibliothèque Ombres".— 49).— Bibliogr.[5]

[1] Указано в кн.: Des Hommes intèressants.— Toulouse, 1995 — P. 121.— Проверить эти сведения не удалось.
[2] Проверить эти сведения не удалось.
[3] Указано в кн.: Des Hommes intèressants.— Toulouse, 1995 — P. 121—122.— Проверить эти сведения не удалось.
[4] Указано в кн.: Des Hommes inturessants.— Toulouse, 1995 — P. 123.— Проверить эти сведения не удалось.
[5] Библиография переводов Лескова на французский язык, имеющаяся в этом издании, неполна, но она дает указания на несколько редких французских изданий, оказавшихся нам недоступными, а также на переводы, опубликованные в Бельгии и в Москве.

Cheramour / Traduit et présenté par Bernard Kreise.— Toulouse: Ombres, 1997.— (Coll. Petite bibliothèque Ombres).

Le Gaucher / Traduit par Paule Lequesne; Postface de Michel Parfenov.— Paris: L'esprit des péninsules, 1997.

Mania, l'insulaire / Traduit et présenté par Luba Jurgenson.— Paris: Litératures Autrement, 1997.— 256 p.

Vers nulle part / Traduction de Luba Jurgenson.— Lausanne: L'Age d'homme, 1998.— 634 p.

ПАМЯТИ С.П.ШЕСТЕРИКОВА

Статья К.П.Б о г а е в с к о й

Сергей Петрович Шестериков родился 3 апреля н.с. 1903 г. в Одессе, где и провел свои детские и юношеские годы.

Отец его, Петр Степанович (ум. в 1929 г.), ботаник, был страстным любителем книг и много лет был директором библиотеки Новороссийского университета. Сергей Петрович вырос среди книг, которыми был окружен и дома, и в библиотеке, куда отец начал его брать с десятилетнего возраста. Он вспоминал об отце: “Лично я обязан ему первыми уроками своих книжных изучений и всем направлением моих интересов, которым я, конечно, не изменю и впредь”

Дед Сергея Петровича со стороны матери Этьенн Лантересс, француз, приехал из Франции в Одессу во время революции 1848 года, где навсегда и поселился. Мать, Луиза Степановна (ум. в 1933 г.), преподавала иностранные языки. Одна их родственница писала мне о ней: “Женщина замечательного редкого такта, безукоризненной воспитанности, очень чуткая, с большим душевным благородством, неутомимая труженица — художественная рукодельница”

Сергей Петрович рассказывал — когда в Одессу в 1919-м году вошли французские войска, он увидел свою внешность — южанина-француза.

На детские годы Сергея Петровича легла мрачная тень — большое семейное горе. Когда ему было шесть лет, на Рождестве умерла от скоротечной чахотки его старшая сестра, красивая 14-летняя девочка, одаренная художница. В день ее смерти еще стояла украшенная елка. С того момента родители перестали устраивать детям елки.

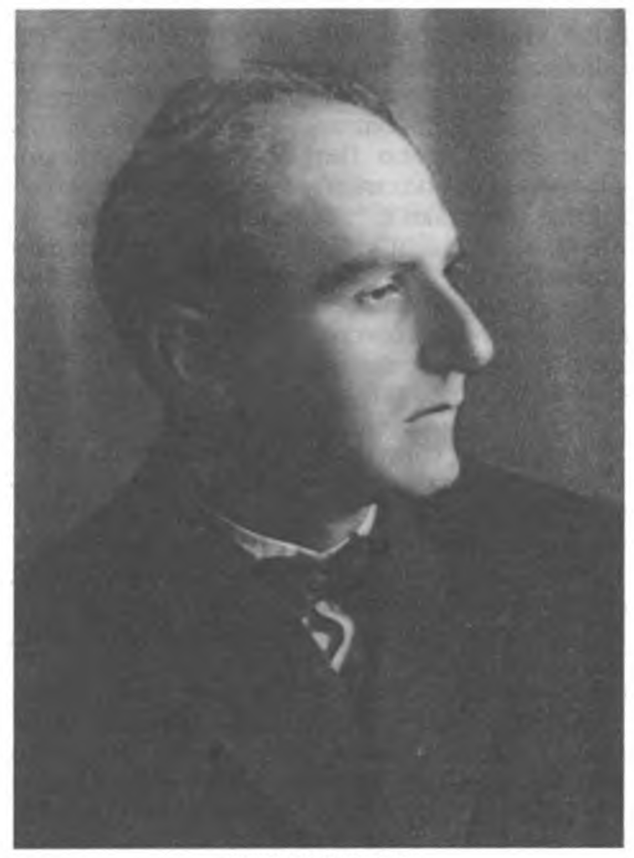
В декабре 1923 года 20-летним юношей Сергей Петрович поступил в Одесскую публичную библиотеку на должность консультанта-библиографа.

С детства Сергей Петрович очень любил Пушкина. В одном из писем я его спросила — любит ли он Тютчева и Гейне? На что последовал ответ:

“У меня есть Пушкин, который откликается на все мои настроения, радости и печали, который мудро знал, что на земле есть только одна необманчивая радость — музыка, и жизнь, и смерть которого — высокий и потрясающий роман <...> смерть его я переживаю каждый раз как личное и большое горе” (18.IX.38).

Поэтому меня удивляло — почему он стал серьезно заниматься Лесковым, а не Пушкиным. На мой вопрос в письме он отвечал:

“Занялся я им, а не Пушкиным, по трем причинам — когда я был еще младенцем: 1) он совсем не изучен, 2) Пушкин казался мне переизученным вдоль и впоперек (простите мне эту наивность — я ведь был младенцем!) и 3) Лесков казался мне интересен своей историчностью. В последнем я не ошибся...” (27.IX.38).

С.П.ШЕСТЕРЯКОВ
Фото. 1930-е гг.
Из архива К.П.Богаевской

В 1923-м году Сергей Петрович вступил в переписку с М.А.Цявловским как редактором "Голоса минувшего" и с Б.Л.Модзалевским, главным хранителем Пушкинского Дома. Страстной мечтой его было переехать в Ленинград и поступить в Пушкинский Дом. "Знал бы, о чем мечтал",— говорил он мне впоследствии.

19-ти лет Сергей Петрович закончил свою первую серьезную работу "К библиографии сочинений Н.С.Лескова", напечатанную по рекомендации Б.Л.Модзалевского в 30-м томе "Известий Отделения русского языка и словесности АН СССР", который вышел в свет весной 1926 года. Автор же в это время, как все молодые люди, был в армии, в Житомире. Оттуда он рассылал оттиски своей библиографии известным литераторам.

Б.Л.Модзалевский писал В.М.Истрину, что эта работа "сделана великолепно, с почти исчерпывающей полнотой и безукоризненно четко и точно" (30.IV.27).

Сразу откликнулись на присланные оттиски М.П.Алексеев (из Одессы) и М.А.Цявловский (из Москвы). Первый писал (14 июня 1926 г.): "Должен Вам сказать вполне откровенно, что Ваша библиографическая осведомленность в этой работе прямо потрясающа <...> под Вашим пером библиография превращается в точную науку"

М.А.Цявловский вторил этим отзывам (13 сентября 1926 г.): "Работа Ваша о Лескове прямо потрясла меня — так изумительно она сделана. Знания по Лескову Вы обнаружили совершенно исключительные. Уверенно можно сказать, что лучше Вас библиографически Лескова никто не знает"

А.И.Белецкий отвечал Сергею Петровичу на его письмо (из Киева 12 марта 1925 г.): «Напрасно Вы полагаете, что мне нужно напоминать о встрече с Вами, встреча эта не только с "поклонником Лескова", как Вы скромно изволите выражаться, а с лучшим его знатоком — превосходно мне памятна, и я от души рад известию, что замечательная Ваша библиография увидит свет, пополнить ее едва ли кто сможет».

После смерти Б.Л.Модзалевского (3 апреля 1928 г.) соратник его, Б.И.Коплан, писал Сергею Петровичу:

"Ваша мечта — была постоянным искренним желанием святой памяти Бориса Львовича: видеть Вас в среде Пушкинского Дома" (7.VIII.28).

В ноябре 1928 года мечта сбылась — Сергей Петрович переехал в Ленинград и поступил на должность научно-технического сотрудника в Пушкинский Дом. Перед этим он побывал в Москве, где скопировал 49 писем Лескова к Толстому, хранившихся тогда в Публичной библиотеке СССР им. В.И.Ленина. В Одессе он сопроводил их обстоятельными комментариями, которые легли в основу всех дальнейших публикаций этих писем (вошли в кн.: Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.–Л., ГИЗ, 1928).

В Ленинграде развернулась литературная деятельность Сергея Петровича. Уже тогда он начал подумывать о полном издании писем Лескова, снял копии со всех писем, находящихся в Пушкинском Доме. Через год, правда, его сократили (по его словам, местком имел другого кандидата на его место).

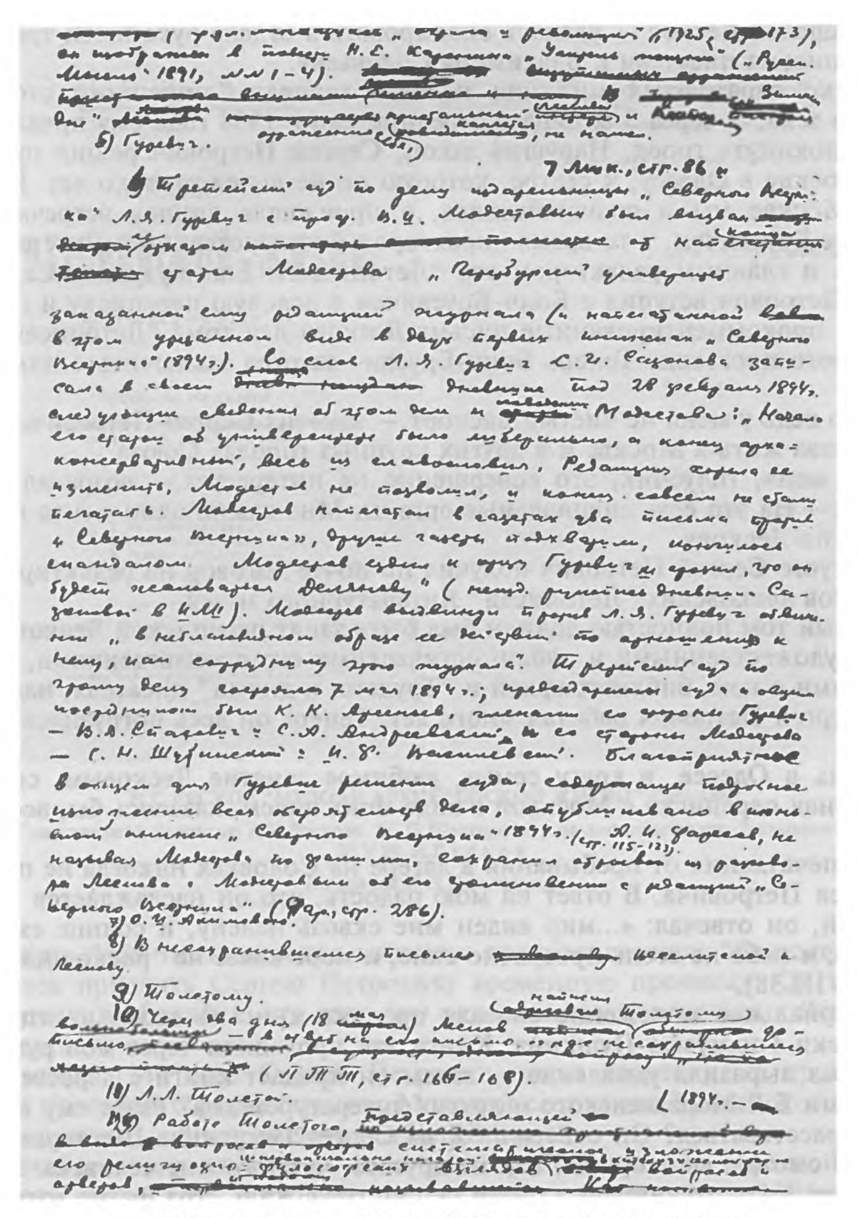
Однако потеря маленького оклада не помешала ему остаться в Ленинграде и приготовить три книги в издательстве "Academia" Казалось, все ему улыбалось в жизни.

Но, когда он вернулся в Ленинград после отдыха, проведенного у родных в Одессе, в ночь на 17 июля 1930 г. он был арестован. Его обвинили в участии в несуществующей контрреволюционной организации, возглавлявшейся якобы историками С.Ф.Платоновым и Е.В.Тарле. Сергея Петровича оговорил зять Платонова, пушкинист Н.В.Измайлов, уже сидевший в тюрьме.

Сергей Петрович пробыл шесть месяцев в одиночном заключении, без писем и свиданий. 10 мая 1931 г. состоялся приговор по статье 58, п. 11 (участие в антисоветской организации) — высшая мера, которую ему заменили десятью годами заключения в лагере в Соловках.

На вокзале в уходящий на север эшелон кто-то из друзей сунул Сергею Петровичу в окно вышедшие во время его отсутствия томики под его редакцией и с комментариями — воспоминания В.А.Соллогуба и дневник Тараса Шевченко. Обе книги прошли корректуру уже без его участия. На "Дневнике" Шевченко он надписал мне (23 августа 1938 г.): "...от редактора этой книги (которая полна опечаток и описок не по его вине)" А "Воспоминания" Соллогуба остались без именного указателя.

Не знаю, когда вышла книга под редакцией Сергея Петровича и Б.Л.Модзалевского — Н.И.Свешников. Воспоминания пропащего человека (изд. "Academia", 1930). Свешников — букинист, подопечный Лескова. К его воспоминаниям приложен забытый очерк Лескова — "Спиридоны-повороты". В библиотеке Цявловского был экземпляр с надписью рукой Б.Л.Модзалевского от имени "редакторов", без подписи и без даты (похоже, что Сергей Петрович был уже арестован в это время).

[illegible] 1895, стр. 173), он изображен в повести Н. Е. Каронина [illegible] („Русская Мысль" 1891, №№ 1–4). [illegible]

б) Гуревич.

7 Лит., стр. 86 и

6) Третейский суд по делу издательницы „Северного Вестника" Л. Я. Гуревич с проф. В. И. Модестовым был вызван отказом [illegible] от напечатания статьи Модестова „Петербургский университет", заказанной ему редакцией журнала (и напечатанной в этом урезанном виде в двух первых книжках „Северного Вестника" 1894 г.). Со слов Л. Я. Гуревич С. И. Сазонова записала в своем дневнике под 28 февраля 1894 г. следующие сведения об этом деле и поведении Модестова: „Начало его статьи об университете было либерально, а конец архи-консервативный, весь из славянофильства. Редакция хотела ее изменить, Модестов не позволил, и тогда совсем не стали печатать. Модестов напечатал в газетах два письма против „Северного Вестника", другие газеты подхватили, кончилось скандалом. Модестов судил [illegible] Гуревич и грозил, что он будет жаловаться Делянову" (неизд. рукописные дневники Сазоновой в ИМЛИ). Модестов [illegible] Л. Я. Гуревич обвинение „в неблаговидном образе ее действий по отношению к нему, как сотруднику этого журнала". Третейский суд по этому делу состоялся 7 мая 1894 г.; председателем суда и одним посредником был К. К. Арсеньев, членами со стороны Гуревич — В. Д. Спасович и С. А. Андреевский, а со стороны Модестова — С. Н. Шубинский и И. Ф. Василевский. Благоприятное в общем для Гуревич решение суда, содержащее подробное изложение всех обстоятельств дела, опубликовано в июньской книжке „Северного Вестника" 1894 г. (стр. 115–123). Л. И. Фарессов, не называя Модестова по фамилии, сохранил отзывы из разговора Лескова о Модестове и его столкновении с редакцией „Северного Вестника" (Фар., стр. 286).

7) [illegible]

8) В несохранившемся письме [illegible] к Лескову.

9) Толстому.

10) Через два дня (18 мая) Лесков [illegible] (Л Т Ш, стр. 166–168).

11) Л. Л. Толстой.

12) Работа Толстого, представляющая [illegible] систематическое изложение его религиозно-философских взглядов [illegible]

КОММЕНТАРИИ С.П.ШЕСТЕРИКОВА К ПИСЬМАМ ЛЕСКОВА

Черновой автограф

Из архива К.П.Богаевской

Работая на Соловках на лесозаготовках и заведующим гужтранспортом, Сергей Петрович не переставал думать о Лескове. Он даже в этих условиях составлял картотеку на малюсеньких карточках из оберток банок с консервированным молоком. В те годы зеки могли выписывать книги и им засчитывались даже "трудодни" Сергей Петрович пробыл поэтому в лагере не 10 лет, а 7 лет и 4 месяца и был освобожден 22 ноября 1937 г.

Не имея права жить в центральных городах, он поселился в Саратове. Здесь он, конечно, проводил дни в библиотеке Саратовского университета.

И тут нашелся Лесков — удалось скопировать в отделе рукописей три неизданных письма писателя к Владимиру Соловьеву.

Однако саратовская милиция недолго терпела "лишенного столицы" бывшего зека, и через 3 месяца в середине июня 1938 года ему предложили срочно покинуть город. Нарушив закон, Сергей Петрович решил проехать через Москву в Одессу, к сестре, которую он не видел столько лет. В те же дни в Москве мы и познакомились, и произошла личная встреча его с В.Д.Бонч-Бруевичем, в то время директором Государственного Литературного музея и главным редактором его "Летописей" Еще будучи в Саратове, Сергей Петрович вступил с Бонч-Бруевичем в деловую переписку и предложил ему прокомментированные письма Лескова для тома "Летописей", посвященного писателю. Теперь Бонч-Бруевич захотел заключить с ним договор.

— Но ведь у меня не чистый паспорт,— заметил Сергей Петрович.— Я не имею права жить в Москве и в других крупных городах Союза.

— А меня, голубчик, это совершенно не интересует,— возразил Бонч-Бруевич.— На это есть специальные органы. Мне важно одно — что вы специалист по Лескову.

В августе Сергей Петрович получил по почте договор на редактирование двух томов лесковских "Летописей" Литературного музея.

Первый том полностью должен был быть занят перепиской Лескова; второй — художественными и публицистическими его произведениями, воспоминаниями о нем, библиографией и "Трудами и днями" писателя, над которыми Сергей Петрович работал много лет. Теперь он весь погрузился в Лескова.

Жизнь в Одессе, в кругу семьи, любимое занятие Лесковым, свобода, оживленная переписка с Москвой в виде моих писем, казалось бы, все хорошо?

Но впечатления от пребывания в лагере на Соловках никогда не покидали Сергея Петровича. В ответ на мою радость, что он наслаждается южной природой, он отвечал: «...мир виден мне сквозь пелену, и солнце сияет не так ярко, и небо не столь прозрачно сине, и море вовсе не "роскошная пелена"» (1.VIII.38).

Материальное положение спасала продажа книг из своей и отцовской библиотеки Гос.музею Пушкина. Книги эти проходили через мои руки, и я как-то раз выразила удивление — зачем он продает книги с дарственными надписями Б.Л.Модзалевского и других литературоведов? Разве ему не жаль с ними расставаться? Он ответил: "Я на Сергея Петровича Шестерикова до 17.VII.30 смотрю со стороны, как на другого, чуждого мне человека. Как же мне может быть что-нибудь за него неприятно? Жаль, что Вы не хотите понять, что непроходимой пропастью, незабываемым провалом разделена моя жизнь надвое — жизнь, психология, восприятие людей, фактов, моего прошлого, всего" (14.X.38).

И этот лейтмотив испорченной жизни продолжал звучать в его письмах: "...восприятие жизни для меня навсегда отравлено, и из-за ее радостного лица на меня всегда глядит отвратительная оскаленная маска. От этого мне не уйти..." (11.XI.38).

"Я был мертвым",— любил он повторять слова Елезара из одноименного рассказа Леонида Андреева. На мой вопрос — любит ли он природу, он ответил:

"...после ряда лет, проведенных на лоне величественной, несомненно красивой, но совершенно равнодушной и даже безжалостной природы, я возымел к ней полное отвращение — и люблю только море..." (18.IX.38).

Н. С. Лѣсковъ.

МЕЛОЧИ

АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ

(КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ)

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

вновь авторомъ пересмотрѣнное, исправленное и значительно дополненное, съ тремя приложеніями.

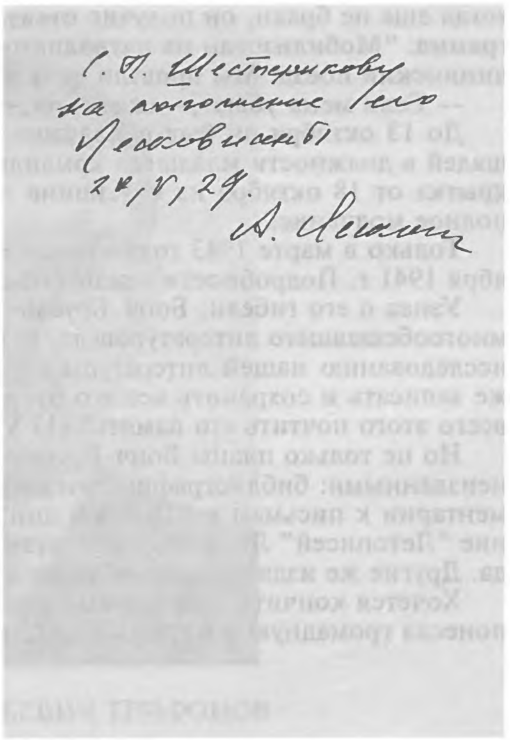
ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

1. Архіерейскіе объѣзды.
2. Епархіальный судъ.
3. Русскіе тайнозрители.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.

1880.

Н.С.ЛЕСКОВ “МЕЛОЧИ АРХИЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ” Спб. 1880

С дарственной надписью А.Н.Лескова: “С.П.Шестерикову на пополнение его Лесковианы” 20.V.29. А.Л е с к о в

Из архива К.П.Богачевской

В марте 1939 года одесская милиция прекратила свои “благодеяния” и отказалась продлить Сергею Петровичу временную прописку. Он переехал под Москву, в Можайск, что дало ему возможность заниматься в Ленинской библиотеке.

В январе 1940 года Сергей Петрович подал заявление в прокуратуру СССР с просьбой о реабилитации. Молодой сотрудник Можайского отделения заверил его — “непременно реабилитируют”

В декабре этого же 1940-го года зона пребывания под Москвой людей, лишенных права жить в столице, неожиданно отодвинулась (100 км оказалось мало!), и Сергею Петровичу пришлось переехать на станцию Завидово, недалеко от Твери (тогда Калинина). Это была настоящая деревня. Около маленькой платформы росла трава и гуляли телята, козлята, куры. Но зато летом там было чудесно!

Несмотря на бытовые трудности, литературные дела Сергея Петровича шли хорошо. Он стал печатать рецензии в центральных журналах, получать новые заказы. С.А.Макашин пригласил его участвовать в редактировании некрасовских томов “Литературного наследства”, работа по комментированию писем Лескова подходила к концу, “Труды и дни” Лескова были готовы.

Все это внушало радостные надежды, строились планы на будущее, но... наступило 22 июня 1941 года.

Сергей Петрович рвался на фронт добровольцем. Но людей с судимостью

тогда еще не брали, он получил отказ. Однако 14 сентября пришла мне телеграмма: "Мобилизован на пятнадцатое" Я тут же бросилась на утренний калининский поезд. Мы провели день в лесу.

— Если меня убьют,— сказал он,— то издайте моего Лескова.

До 13 октября он был в Калинине. Затем с ветеринарным лазаретом лошадей в должности младшего командира поехал по деревням. Последняя открытка от 18 октября из г. Кашина пришла 31-го, и после этого наступило полное молчание...

Только в марте 1943 года мне ответили в военкомате, что он погиб 6 ноября 1941 г. Подробности неизвестны...

Узнав о его гибели, Бонч-Бруевич писал мне: "Жаль столь талантливого, многообещавшего литературоведа, который мог и должен был дать и уже дал исследованию нашей литературы очень много <...> Необходимо все сейчас же записать и сохранить все его рукописи, письма, записи, чтобы изданием всего этого почтить его память" (17.VIII.44).

Но не только планы Бонч-Бруевича не смогли осуществиться, а остались неизданными: библиография литературы о Лескове за 1895—1940 годы, комментарии к письмам и "Труды и дни" Лескова (40 авторских листов). Издание "Летописей" Литературного музея во время войны прекратилось навсегда. Другие же издательства не захотели печатать.

Хочется кончить словами выдающегося ученого Б.М.Эйхенбаума: "Наука понесла громадную потерю, когда Сергей Петрович погиб"

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТРИФОНОВ
(1906–2000)

Николай Алексеевич Трифонов, ведущий сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН, доктор филологических наук, член редколлегии "Литературного наследства" скончался 27 января 2000 г.

Почти ровесник века, свидетель и участник многих исторических событий, Николай Алексеевич прожил большую трудовую жизнь, исполненную любви к своей профессии. Еще будучи студентом 2-го МГУ, он начал преподавательскую работу, а в 1927 г. впервые выступил в печати, опубликовав самую раннюю рецензию на только что вышедшую поэму Маяковского "Хорошо" Не одно поколение помнит школьные учебники, в создании которых принимал участие Николай Алесеевич, но особенно большую известность, уже значительно позднее, приобрела его хрестоматия для педагогических институтов "Русская литература XX века. Дореволюционный период", выдержавшая пять изданий. Нужно было проявить высокую научную принципиальность, чтобы в годы, когда имена Мережковского, Гиппиус, Гумилева были окружены молчанием, включить в книгу их произведения и добиться публикации.

Научная и педагогическая работа были прерваны началом Великой Отечественной войны. Н.А.Трифонов вступил в Московское ополчение. В результате прорыва фронта на р. Нара он попал в плен, откуда бежал и добрался до действовавшей в горах итальянской партизанской бригады имени Д.Маттеотти. В составе бригады был образован отряд русских, комиссаром которого стал Н.А.Трифонов.

После окончания войны Николай Алексеевич возвращается в родной вуз, где работает заместителем декана, а затем становится заведующим кафедрой в Библиотечном институте (ныне — Институт культуры).

С 1961 г. Николай Алексеевич — в "Литературном наследстве", в течение многих лет он был ответственным секретарем редакции. Под его руководством вышел ряд

значительных томов. Из них одни посвящены творчеству отдельных писателей: "А.В.Луначарский. Неизданные материалы", "Валерий Брюсов", "Брюсов и его корреспонденты", другие — освещают выдающиеся явления литературной и общественной жизни: таковы тома "Из творческого наследия советских писателей", "Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны", "Из истории советской литературы 1920—1930 гг." Главной темой многих исследований Н.А.Трифонова была жизнь и деятельность Луначарского, которому он посвятил докторскую диссертацию и монографию "А.В.Луначарский и советская литература"

Человек яркого общественного темперамента, Николай Алексеевич в течение 13 лет был ректором народного университета культуры им. Н.А.Добролюбова, постоянно принимал участие в работе музея А.В.Луначарского, помог созданию музея А.И.Герцена в Москве.

ЛЕОНИД РАФАИЛОВИЧ ЛАНСКИЙ
(1913–2000)

31 января 2000 г. ушел из жизни ведущий сотрудник Института мировой литературы им. А.М.Горького РАН, кандидат филологических наук Леонид Рафаилович Ланский (Каплан). Более 50 лет творческого труда он посвятил изданию "Литературное наследство".

Л.Р.Ланский родился 18/5 октября 1913 г. в Минске. По окончании Московского редакционно-издательского техникума работал литературным редактором в издательстве "Художественная литература", а затем — научным сотрудником Центрального архива древних актов. Летом 1941 г. окончил французский факультет 2-го Московского Государственного института иностранных языков.

Ветеран Великой Отечественной войны, участник освобождения Будапешта и Вены, Л.Р.Ланский, сразу же после демобилизации пришел в "Литературное наследство" Здесь он совместно с С.А.Макашиным приступил к работе над некрасовскими томами. Он много сделал для подготовки томов, посвященных Лермонтову, Гоголю, Белинскому, Герцену, Огареву, Л.Толстому, а также Тургеневу, Достоевскому, Островскому. Его вклад в герцено-огаревскую серию "Литературного наследства" трудно переоценить.

Л.Р.Ланский был одним из создателей "Летописи жизни и творчества А.И.Герцена", активным участником издания 30-томного академического собрания сочинений Герцена.

Талантливый, широко образованный, всегда увлеченный исследователь, знаток архивных фондов, текстолог, библиограф и комментатор, Л.Р.Ланский во многих своих трудах достиг выдающихся результатов. Ряд его обширных публикаций прочно вошел в отечественное литературоведение и занимает в нем заметное место.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАОО — Государственный архив Орловской области, Орел
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГМТ — Государственный музей Л.Н. Толстого, Москва
ИРЛИ — Отдел Рукописей Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинского Дома), Петербург
ОГЛМТ — Орловский государственный литературный музей И.С.Тургенева, Орел
ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Петербург
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГВИА — Российский государственный военный исторический архив, Москва
РГИА — Российский Государственный исторический архив, Петербург

Все ссылки на произведения Лескова даются по изданию: Н.С. Лесков. Собрание сочинений: В 11-ти т. М. 1957—1959 (тома СС указываются римскими цифрами, страницы — арабскими). Произведения, не вошедшие в это издание, цитируются по *ПСС* и *Соч.* (см. ниже по списку)

Бвед — "Биржевые ведомости"
Бдчт — "Библиотека для чтения"
Быков — П.В.Быков. Библиография сочинений Н.С.Лескова за тридцать лет (1860—1889) // Н.С.Лесков. Собр.соч.: В 12-ти т. Т. 10. Спб., 1890. С. I—XXV
ВЕ — "Вестник Европы"
Веселитская — В.Микулич Л.А.Веселитская. Встречи с писателями: Лев Толстой, Достоевский, Н.Лесков, Всеволод Гаршин. Л., 1929
Герцен — А.И.Герцен. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1966
ГМ — "Голос минувшего"
Даль — В.И. Даль. Словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М. 1958—1959
Достоевский — Ф.М. Достоевский. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1972—1990
Ежегодник — Л.П. Клочкова. Рукописи и переписка Н.С.Лескова. Научное описание // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1971 год. Л., 1973. С. 3—105
Жизнь Лескова — А.Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова: В 2-х т. М., 1981
ИВ — "Исторический вестник"
Лесков о литературе и искусстве — Н.С.Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984
ЛН — "Литературное наследство"
НВ — "Новое время"
ОЗ — "Отечественные записки"
ПГ — "Петербургская газета"
ПО — "Православное обозрение"
ПСС — Н.С. Лесков. Полн. собр. соч.: В 36-ти т. 3-е изд. СПб. 1902—1903
РА — "Русский архив"
РВ — "Русский вестник"
РЛ — "Русская литература"

РМ — "Русская мысль"
РС — "Русская старина"
РО — "Русское обозрение"
Салтыков-Щедрин — М.Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: В 20-ти т. Л., 1965–1977
Совр. — "Современник"
Соч. — Н.С. Лесков. Собр. соч.: В 12-ти т. М., 1989
СПбвед. — "Санкт-Петербургские ведомости"
СС — Н.С. Лесков. Собр. соч.: В 11-ти т. М. 1957–1959.
Толстой — Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч.: В 90 тт. (Юбилейное издание). М.-Л., 1928–1958
Толстой. Переписка — Л.Н.Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2-х т. Изд. 2-е, доп. Т.2. М., 1978
Тургенев. Письма — И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма. Т. 1–13. М.-Л., 1961–1968
Тургенев — И.С.Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Сочинения. Т. 1–12., 2-е изд., испр. и доп. М., 1978–1986
Фаресов — А.И. Фаресов. Против течений: Н.С.Лесков, его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. СПб., 1904
ЦОВ — "Церковно-общественный вестник"
Шестидесятые годы — Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. Под ред. Н.К.Пиксанова и О.В.Цехновицера. М.-Л. 1940
Revue — Revue des études slaves. Tome cinquante-huitième. Fascicule 3. Nikolaj Semenovič Leskov. 1831–1895. Paris. 1986

УКАЗАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Составила О.Ю.А в д е е в а

I. ПОРТРЕТЫ ЛЕСКОВА

II. АВТОГРАФЫ ЛЕСКОВА

III. ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕСКОВА

IV. ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННИКОВ ЛЕСКОВА

V. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА И ВИДЫ

VI. РАЗНОЕ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Составила О.Ю. Авдеева

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА ЛЕСКОВА

ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОГО АРХИВА. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ЛЕСКОВ В ГАЗЕТНОЙ ПЕРИОДИКЕ. РАЗЫСКАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

ЛЕСКОВ В ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕАЛЬНОГО КОММЕНТАРИЯ

Литературное наследство

Том 101

НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

Книга II

Редактор Е.В.Белова
Художник Э.Л.Эрман
Технический редактор Л.Н.Золотухина
Художественный редактор Н.Н.Михайлова
Корректор Л.В.Манько

ИД № 01286 от 22.03.2000

Подписано к печати 25.11.2000
Формат 70x108 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Печ. л. 36.00. Тираж 1000 экз.

ИМЛИ РАН, "Наследие"
121099, Москва, ул. Поварская, 25а
Тел.: (095) 291-23-01; 202-21-23

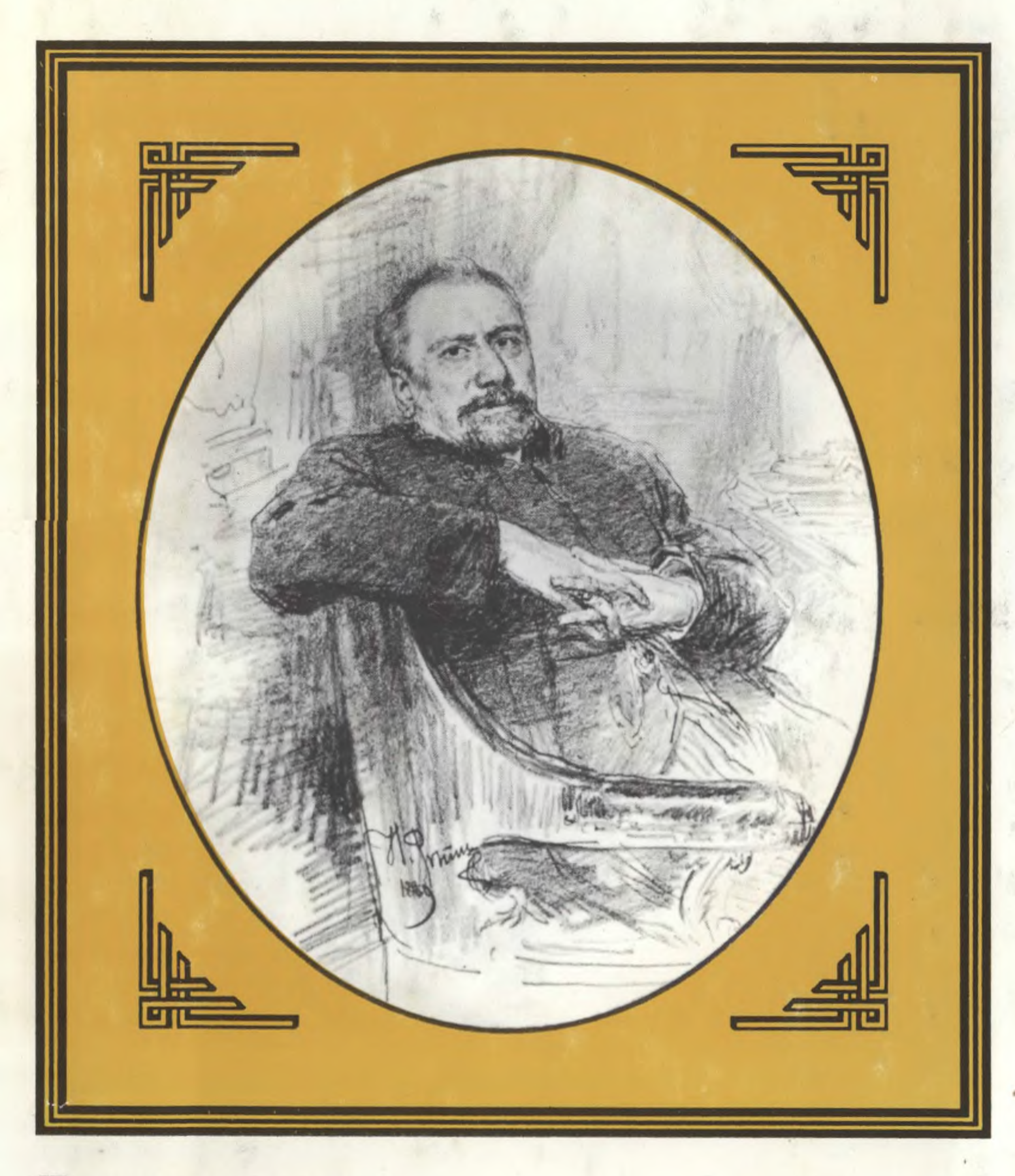
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1066

Литературное наследство

101

НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

Литературное наследство

101

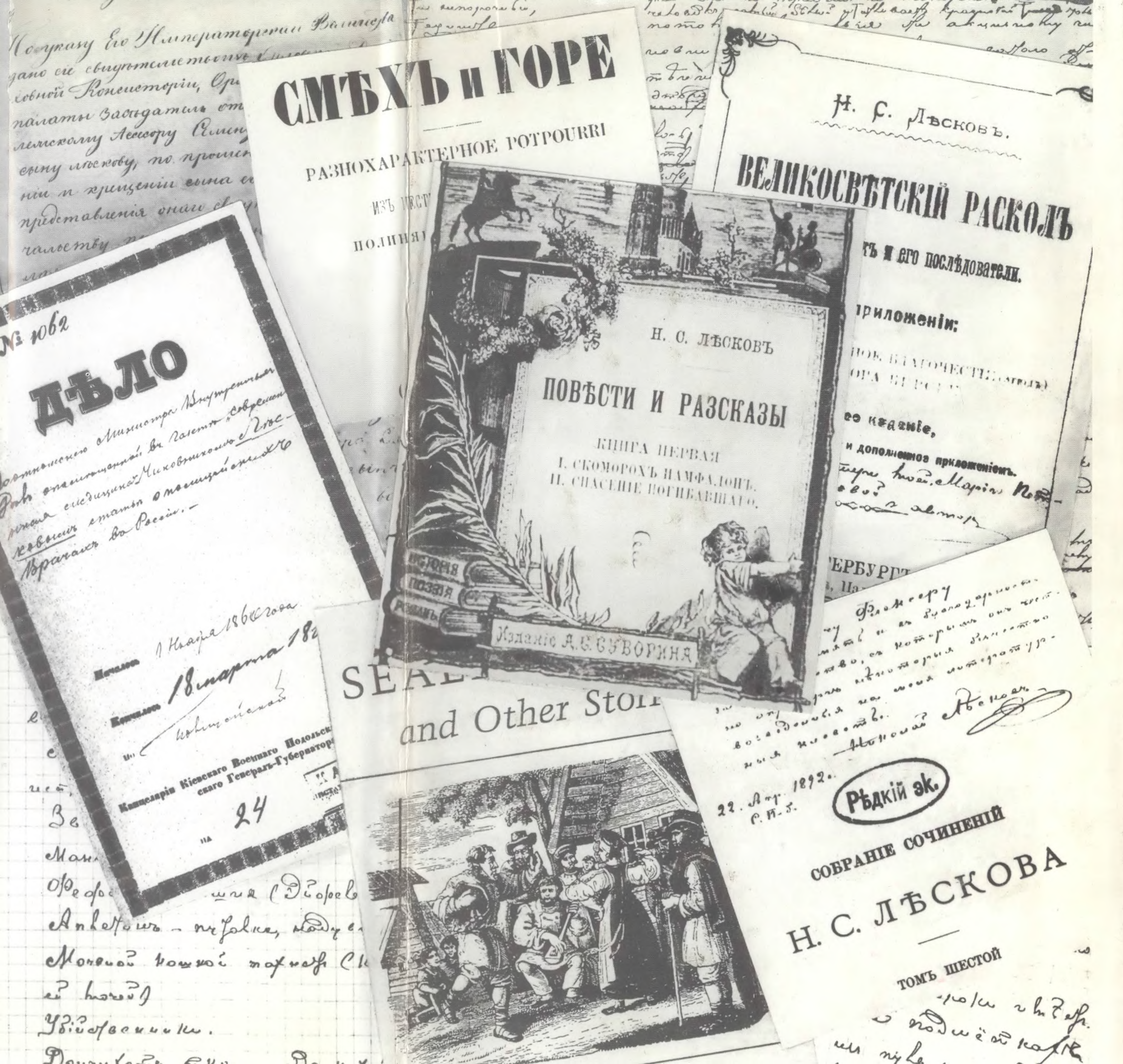
НЕИЗДАННЫЙ ЛЕСКОВ

Том состоит из двух книг.

Книга первая целиком посвящена художественному творчеству Лескова. Впервые публикуются неизвестные фрагменты хроники "Захудалый род", отрывок из рассказа "Очарованный странник", новеллы из цикла "Заметки неизвестного", окончание романа "Чертовы куклы", а также ряд незавершенных произведений 1880—1890-х годов, отражающих художественные искания позднего Лескова. На основе включенной в том рукописной редакции хроники "Соборяне" реконструируется история ее создания.

Книга вторая состоит из трех разделов: "Публицистика Лескова", "Материалы к биографии", "Лесков в зарубежном литературоведении". Здесь печатается множество впервые выявленных статей и заметок Лескова, значительно пополняющих его публицистическое наследие. В книгу вошли письма Лескова и к Лескову, неизвестные свидетельства современников и биографические документы.

Том иллюстрирован автографами, редкими фотографиями Лескова и его окружения.

СМѢХЪ и ГОРЕ
РАЗНОХАРАКТЕРНОЕ POTPOURRI
Н. С. Лѣсковъ.
ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ РАСКОЛЪ
и его послѣдователи.
№ 1062
ДѢЛО
Начато
Кончено
Канцелярія Кіевскаго Военнаго Подольск
скаго Генералъ-Губернатора
24
Н. С. ЛѢСКОВЪ
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ
КНИГА ПЕРВАЯ
I. СКОМОРОХЪ ПАМФАЛОНЪ.
II. СПАСЕНІЕ ПОГИБАВШАГО.
ИСТОРІЯ
ПОЭЗІЯ
РОМАНЪ
Изданіе А. С. СУВОРИНА
and Other Stor
22. Апр. 1892.
Рѣдкій экз.
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. С. ЛѢСКОВА
ТОМЪ ШЕСТОЙ